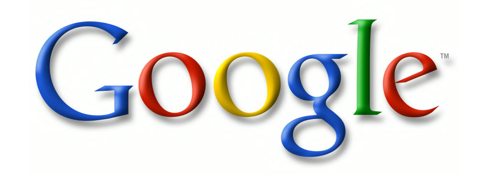
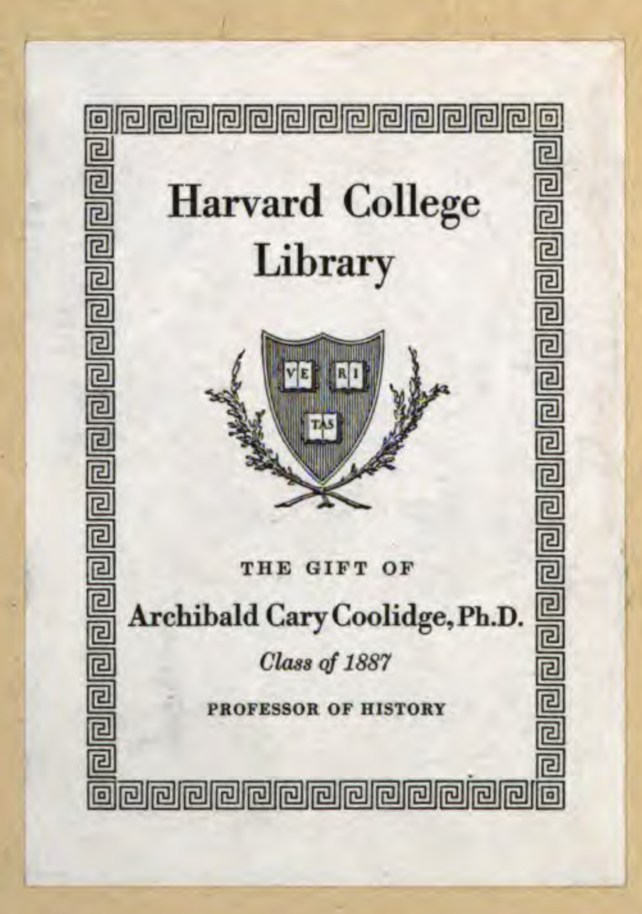



Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ X.

ВЫПУСКИ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

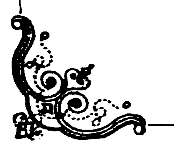
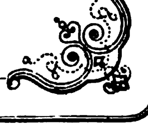
НОВАЯ СЕРІЯ.

ТРУДЫ
ОТДѢЛЕНІЯ СЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ АРХЕОЛОГІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI... .... 3 р.—к.

Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.; IX и X по 15 р.. 42 »—»

Записки Имп. Русск. Арх. Общества. Новая серія, т. I—2 р. 50 к., Т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р., т. VIII—4 р., т. IX—4 р........................ 34 » 50 »

Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. XI—2 р. 50 к., т. XIII—2р. 50 к., т. XIV—3 р., т. XVI—2 р., т. XVII—2 р. 50 к., т. XX—3 р., т. XXI—3 р.......... .... 18 » 50 »

Записки Восточнаго Отдѣленія т. I—4 р., т. II—4 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—4 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р., т. VIII—4 р., т. IX—4 р.................. .... 36 »—»

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Т. III—2 р. 50 к., т. IV—4 р.................................... 6 » 50 »

Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ. Вып. I—III—18 р. и IV—12 р............. .... 30 »—»

Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго списка XVI вѣка, съ предисл. **И. И. Срезневскаго**. .... 6 »—»

Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ., соч. архим. **Макарія**. .... 3 »—»

Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. **П. И. Соловьевымъ**. Съ указателемъ **П. И. Савваитова**............... 1 » 50 »

Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи. **Б. Кене**.. 1 »—»

Жизнь и труды П. С. Савельева. **В. В. Григорьева**........ 2 »—»

Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прзоровскаго**, изд. 2-е. .... 1 »—»

Словарь джагатайско-турецкій, **В. В. Вельяминова-Зернова**... 2 »—»

Записка для обозрѣнія русскихъ древностей.............. — » 20 »

О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Архим. **Антонина**.. 1 » 50 »

Труды 2-го Археологическаго съѣзда, съ атласомъ......... 5 »—»

Археологическіе труды А. Н. Оленина. Т. I—4 р. 50 к., т. II—2 р................ .... 6 » 50 »

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ X.

ВЫПУСКИ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

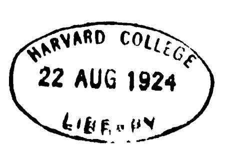
ТРУДЫ
ОТДѢЛЕНІЯ СЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ АРХЕОЛОГІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.



Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества
Секретарь *В. Дружининъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири.

И. Тыжнова.

ЧАСТЬ I.

Лѣтописи города Тобольска.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О завоеваніи Сибири и утвержденіи власти русскихъ въ этой странѣ повѣствуется, какъ извѣстно, въ лѣтописяхъ Есиповской, Строгановской и Ремезовской. Эти лѣтописи, вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ лѣтописными статьями, вошедшими въ разные сборники и хронографы, образуютъ тотъ циклъ лѣтописей, которыя можно назвать первоначальными, или основными сибирскими лѣтописями. Кромѣ этихъ лѣтописей, до нашего времени дошелъ еще цѣлый рядъ лѣтописныхъ памятниковъ, которые не имѣютъ такого значенія для исторіи Сибири, какъ лѣтописи основныя, и которыя представляютъ данныя для болѣе позднихъ періодовъ сибирской исторіи, преимущественно же для исторіи городовъ. Памятники этого разряда можно назвать сибирскими городскими лѣтописями. На эти лѣтописи въ сибирской исторической литературѣ дѣлаются иногда указанія; слѣдовательно, памятники эти такъ или иначе уже вошли въ научный оборотъ. Но, если, съ одной стороны, они пользуются нѣкоторымъ правомъ гражданства въ сибирской исторіографіи, то съ другой—наблюдается тотъ фактъ, что нѣтъ не только болѣе или менѣе обстоятельнаго ихъ разбора, но даже число ихъ не приведено въ извѣстность, и никто не пытался сдѣлать обзора заключающихся въ нихъ извѣстій.

Такое явленіе имѣетъ свои причины, и первая изъ нихъ заключается въ общемъ состояніи сибирской исторіографіи.

Обращаясь къ той категоріи сибирскихъ лѣтописей, которыя мы назвали первоначальными, мы видимъ то же самое: нѣтъ не только

полнаго и обстоятельнаго ихъ разбора, нѣтъ даже основы для такого разбора, т.-е. такого изданія ихъ, которое удовлетворяло бы требованіямъ современной исторической критики [1]) и дѣлало бы возможнымъ критику ихъ текста.

Такимъ образомъ, городскія лѣтописи Сибири раздѣляютъ эту печальную участь наравнѣ съ лѣтописями первоначальными.

Вторая причина упомянутаго явленія заключается уже въ самомъ характерѣ лѣтописей этого разряда. Въ сибирской исторической литературѣ высказывается по временамъ мнѣніе, что лѣтописи эти, какъ источники, имѣютъ минимальное значеніе. Предметъ описанія ихъ — жизнь отдѣльныхъ городовъ, въ общемъ незамѣтная; содержаніе ихъ не сложно, изложеніе однообразно; отсюда чвляется мнѣніе, что онѣ лишены какого либо значенія. Высказывалась мысль, что нѣкоторыя изъ нихъ не заслуживаютъ даже и изданія [2]).

Но такой взглядъ едва ли справедливъ. Если бы онѣ и были лишены значенія первоисточниковъ, все-таки за ними осталось бы значеніе источниковъ второстепенныхъ и, во-вторыхъ, памятниковъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ. Описывая, на протяженіи почти двухъ вѣковъ, жизнь городовъ далекой окраины Московскаго государства, отстоявшихъ на тысячи верстъ отъ тогдашняго центра образованности, онѣ являются интереснымъ и даже поучительнымъ явленіемъ старой русской областной письменности. Нельзя сказать, чтобы онѣ были совершенно лишены и значенія источниковъ. Весьма часто онѣ даютъ такія извѣстія, которыя можно почерпнуть лишь изъ нихъ однѣхъ. Наконецъ, если каждая изъ нихъ даетъ скудныя свѣдѣнія, то, взятыя всѣ вмѣстѣ, онѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе о жизни сибирскихъ городовъ XVI, XVII и начала XVIII вѣка.

Какъ уже сказано, городскія сибирскія лѣтописи не подвергались изслѣдованію, но извѣстія о нихъ встрѣчаются уже при самомъ началѣ сибирской исторіографіи, и при этомъ замѣчательно то, что онѣ сразу же выдѣляются въ особый разрядъ. Миллеръ отличаетъ ихъ отъ первоначальныхъ, извѣстныхъ ему, лѣтописей и называетъ ихъ „простыми лѣтописцами“ [3]). Г. И. Спасскій въ предисловіи къ изданной имъ въ 1821 г. Строгановской лѣтописи говоритъ: „сверхъ того, у

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, Ремезовской.

[2]) С. А — въ. Сибирскій Лѣтописецъ и проч. Истор. Вѣстн., 1892 г., кн. 12, стр. 845—846.

[3]) Миллеръ, Опис. Сиб. царства, гл. II, § 26, 53. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что къ этому же разряду Миллеръ относитъ и Есиповскую лѣтопись.

нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а, можетъ быть, и нынѣ есть, такъ называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные" [1]). Корниловъ упоминаетъ о сибирскихъ городскихъ лѣтописяхъ, и ему были извѣстны, если не самыя лѣтописи, то нѣкоторыя преданія, вошедшія въ ихъ составъ. Одно изъ такихъ преданій онъ приводитъ въ своемъ трудѣ [2]). Геденштромъ въ „Отрывкахъ о Сибири" также упоминаетъ, хотя и неопредѣленно, о городскихъ лѣтописяхъ. „Времена воеводъ,—говоритъ онъ,—сохранились въ сухихъ лѣтописяхъ и описаны изъ архивъ историками сибирскими" [3]). П. А. Словцовъ въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири" не разъ обращается къ городскимъ лѣтописямъ; нѣкоторыми изъ нихъ онъ пользовался, и въ его трудѣ находится наибольшее число указаній на памятники этого разряда [4]).

Въ новѣйшее время о нѣкоторыхъ сибирскихъ городскихъ лѣтописяхъ даетъ свѣдѣнія А. В. Оксеновъ въ статьяхъ: „Сибирскія лѣтописи" и „Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ" [5]). Въ первой статьѣ, въ которой авторъ обозрѣваетъ вообще лѣтописи и лѣтописныя статьи, изъ городскихъ лѣтописей упоминается „Тобольскій лѣтописецъ", причемъ дѣлается краткій обзоръ его содержанія и указаніе на одинъ изъ его источниковъ. Въ заключеніе, авторъ останавливается также на дѣленіи сибирскихъ лѣтописей на два разряда: „однѣ, главнымъ образомъ, содержатъ извѣстія о походѣ Ермака, другія (какъ „Сибирскій лѣтописецъ") сообщаютъ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ русскихъ въ Сибири". Во второй статьѣ авторъ обозрѣваетъ неизданныя лѣтописи; изъ городскихъ лѣтописей здѣсь указывается подъ № 2—лѣтопись губернскаго города Иркутска и приводятся указанія Словцова на рукописныя лѣтописи Иркутскую и Енисейскую.

А. Н. Пыпинъ, въ IV т. „Исторіи русской этнографіи", говоря

---

[1]) Лѣтопись Сибирская, Спб., 1821, предисл., стр. VII. См. А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., т. IV, Спб., 1892, стр. 332.

[2]) «По преданіямъ сибирскихъ лѣтописей, когда еще не существовалъ городъ Иркутскъ, то многіе изъ иновѣрцевъ скоплялись сюда пользоваться цѣлительными водами сей рѣчки». Сенат. Корниловъ, Замѣчанія о Сибири, Спб., 1828 г., стр. 28, примѣч.

[3]) М. Геденштромъ, Отрывки о Сибири, Спб., 1830 г., стр. 11.

[4]) П. Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, Спб., 1886 г., т. I, стр. IX, X, XI, 44, 66, 126, 167, 186, 251, 253, 278, 279, 309, 319; т. II, 276, 277, 302, 363.

[5]) А. О—въ, Сибирскія лѣтописи (критико-библіографическое обозрѣніе), Восточн. Обозр., 1883 г., №№ 39, 40, 44, 51. Его же: Свѣдѣнія о неизданныхъ Сибирскихъ лѣтописяхъ. Сибирск. Сборн., 1885 г., стр. 446—455.

о „сибирской исторіографіи до конца XVIII вѣка“, также указываетъ на особый разрядъ сибирскихъ лѣтописей. У него есть указанія на „Тобольскій лѣтописецъ“, на лѣтописи Иркутскую, Енисейскую, Иркутскую лѣтопись Пежемскаго и на „Поясненіе къ Иркутскому лѣтописцу“ [1]).

Наконецъ, свѣдѣнія о городскихъ лѣтописяхъ сибирскихъ можно найти въ „Указателѣ сибирскимъ лѣтописямъ“, составленномъ Е. В. К—ымъ, наиболѣе полномъ указателѣ изъ всѣхъ существующихъ. Здѣсь даны свѣдѣнія о 40 лѣтописяхъ, съ библіографическими примѣчаніями о каждой [2]).

Изъ приведеннаго выше обзора можно видѣть, что свѣдѣнія о сибирскихъ городскихъ лѣтописяхъ разсѣяны въ трудахъ различныхъ авторовъ, писавшихъ о Сибири. Кромѣ того, нѣкоторые писатели, пользовавшіеся этими лѣтописями, даютъ иногда болѣе или менѣе обстоятельную характеристику или только дѣлаютъ замѣтку о данной лѣтописи. При обзорѣ замѣтки эти будутъ указаны. Такъ, проф. Е. Е. Замысловскій даетъ краткую характеристику „Записокъ“ [3]); С. А. Адріановъ говоритъ о достовѣрности „Сибирскаго лѣтописца“ [4]).

Итакъ, въ судьбѣ сибирскихъ городскихъ лѣтописей замѣтны два теченія: съ одной стороны, авторы не считаютъ возможнымъ обойти ихъ въ своихъ историческихъ трудахъ, съ другой—является нѣкоторое сомнѣніе въ ихъ пригодности. Разумѣется, окончательное сужденіе о значеніи ихъ возможно будетъ лишь тогда, когда онѣ будутъ обслѣдованы; но этого пока не сдѣлано. Мы рѣшаемся представить наши *Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири*, въ надеждѣ, что онѣ вызовутъ обстоятельное изслѣдованіе того матеріала, который эти лѣтописи представляютъ. Нашей же задачей было—представить, по возможности, полный перечень этихъ памятниковъ, обозрѣть ихъ содержаніе и сдѣлать кое-какія замѣчанія о взаимномъ ихъ отношеніи. Мы будемъ считать наши „Замѣтки“ достигнувшими цѣли, если сибирскія городскія лѣтописи привлекутъ къ себѣ вниманіе людей, интересующихся старою сибирскою письменностью.

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, Истор. русск. этногр., т. IV, Спб., 1892, гл. VIII, стр. 332; гл. IX, стр. 367.

[2]) Е. В. К—ъ, Указатель сибирск. лѣтописямъ, Тобольск. Губ. Вѣд., 1894 г., №№ 1, 2, 5, 6, 9, 10, 20, 21, 26. У Межова также находимъ указанія на лѣтописи этого разряда, хотя перечислены онѣ не всѣ. (См. Сиб. библ. т.т. I и II).

[3]) Е. Е. Замысловскій, Царствов. Ѳеодора Алексѣевича, Спб., 1871, стр. 1.

[4]) С. А. Адріановъ, Торжество по недоразумѣнію. Истор. Вѣстн.. 1892 г., кн. 11, стр. 489 и слѣд.

Глава I.

Обзоръ сибирскихъ городскихъ лѣтописей.

Изъ всѣхъ сибирскихъ городскихъ лѣтописей на первомъ мѣстѣ, по полнотѣ содержанія, сравнительно съ другими, по времени написанія и по обширности описаннаго періода, необходимо поставить „Записки, къ сибирской исторіи служащія". Напечатана была эта лѣтопись Н. И. Новиковымъ въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ", изд. 2 (Спб., 1788 г.), въ III части (стр. 104—288). „Записки" обнимаютъ собою время отъ 1572 до 1702 года [1]).

Непосредственно за „Записками" слѣдуетъ сходный съ ними „Сибирскій лѣтописецъ". Въ первый разъ этотъ лѣтописецъ былъ напечатанъ въ 1826 году въ журналѣ „Сѣверный Архивъ", ч. 19 (№№ II и III, стр. 109 — 139 и 221 — 251). Онъ обнимаетъ время съ 1590 до 1715 года.

Въ 1792 г., въ Тобольскѣ, въ типографіи В. Корнильева, было издано „Краткое показаніе о бывшихъ, какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ, съ начала взятія Сибирскаго государства воеводахъ"... Лѣтопись начинается съ 1581-го и оканчивается 1791-мъ годомъ.

Въ „Современникѣ" за 1850 годъ (т. XXI и XXII, отд. II) напечатана „Панорама Иркутской губерніи", принадлежащая П. Пежемскому. Въ ней находятся двѣ лѣтописи: первая обнимаетъ періодъ съ 1585 до 1800 г., вторая—съ 1652 до 1845 года (Краткая лѣтопись Иркутской губерніи и Лѣтопись города Иркутска).

„Лѣтопись города Иркутска съ 1652 г. до нашихъ временъ", принадлежащая также П. Пежемскому, напечатана въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1858, 1859, 1860 и 1861 годы. „Иркутская лѣтопись" начинается съ извѣстія объ основаніи города (1652 г.) и доведена до 1807 года.

Къ этой лѣтописи сдѣлано дополненіе, подъ заглавіемъ: „Къ Иркутскому лѣтописцу поясненіе. Записка о Сибири". „Поясненіе" напечатано въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи и Древност. Россійск., въ 1859 г., кн. 3, отд. V (стр. 65—80). Оно принадлежитъ Штейнгелю. „Иркутская лѣтопись", касающаяся въ послѣдней части сибирской администраціи конца XVIII и начала XIX в., вызвала въ свое

---

[1]) См. также Межовъ, Спб. библ., т. II, Спб., 1891 г., стр. 12 (№ 6.549).

время полемику. Однимъ изъ возраженій на нее и было „Поясненіе". (Сюда же относятся и воспоминанія Щукина, о которыхъ говоритъ В. И. Вагинъ). Дополнительные матеріалы въ „Ирк. лѣт." будутъ указаны при обзорѣ этой лѣтописи.

Въ „Памятной книжкѣ Якутской области" на 1863 годъ (изд. въ Спб., 1864 г.) напечатана лѣтопись, подъ заглавіемъ: „Воеводы и начальники города Якутска и ихъ дѣйствія" (стр. 165—202). Лѣтопись начинается съ похода Ермака; доведена до 23 октября 1821 года. Составлена Москвинымъ.

Въ 1891 г. появилась книжка: „Съ бытности губернаторской коменданты и Томскаго уѣзду въ острогахъ и слободахъ приказчики кто были и въ которыхъ годѣхъ и по какимъ указамъ. Издалъ Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ, 1891".

Этимъ ограничиваются напечатанныя до сего времени „городскія лѣтописи Сибири" [1]). Переходъ отъ городскихъ лѣтописей къ мемуарамъ составляетъ:

„Домовая лѣтопись Андреева, по роду ихъ, писанная капитаномъ Иваномъ Андреевымъ въ 1789 году. Начата въ Семипалатинскѣ". Напечатана въ Чтен. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1870 г., кн. 4, отд. V (стр. 63—174), съ примѣч. Гр. Н. Потанина. Лѣтопись начинается родословной Андреевыхъ; доведена до 23 дек. 1800 г. Въ эту лѣтопись вошли нѣкоторыя извѣстія и о сибирскихъ городахъ; но главное содержаніе ея—жизнеописаніе Андреева, въ связи съ описаніемъ событій его времени.

Кромѣ этихъ изданныхъ лѣтописей, существуетъ еще цѣлый рядъ неизданныхъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, библіотекахъ и у частныхъ лицъ. Къ неизданнымъ относятся:

„Книга Записная" о Сибири; хранится въ библіотекѣ Тобольскаго каѳедральнаго собора, за № 8, въ рукописномъ сборникѣ (листы 1—85). „Книга записная" обнимаетъ время отъ 1572 до 1687 года.

Значительное мѣсто среди неизданныхъ лѣтописей занимаютъ лѣтописи г. Иркутска. Изъ нихъ извѣстны слѣдующія:

„Выписка объ Иркутскихъ начальникахъ 1669—1834 г.", хранится въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, портф. Баснина I, № 18 Б [2]); „Лѣтопись губернскаго города Иркутска, съ 1652 по 1781 годъ",

[1]) Существуетъ еще «Лѣтопись Томская» И. Р—ва, см. «Томск. Губернск. Вѣд.», 1862 г., №№ 11, 12. Но подъ такимъ заглавіемъ напечатаны статистическія свѣдѣнія по Томскому уѣзду за годы 1720, 1751, 1764. (№ 11, ч. неоф., стр. 78—79; № 12, стр. 88—91).

[2]) Пуцилло, Указатель дѣламъ и рукописямъ, относ. до Сибири, стр. 40.

находится въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, портф. Баснина II, № 60 [1]). Свѣдѣнія объ иркутскихъ лѣтописяхъ даетъ о. Ионинъ [2]); имъ указаны:

„Лѣтопись г. Иркутска“—рукопись XVIII столѣтія, принадлежащая Восточно-Сибирскому отдѣлу Импер. Русск. географическаго общества, подъ № 64 [3]). Рукопись представляетъ, по словамъ о. Іонина, подлинникъ (неизвѣстнаго автора) конца XVIII вѣка. Начинается она съ 1652 и оканчивается 1763 годомъ. По мнѣнію о. Іонина, лѣтопись эта могла служить однимъ изъ главныхъ источниковъ, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія, особенно за XVII и первую половину XVIII вѣка, П. Пежемскій, составитель лѣтописи г. Иркутска, напечатанной въ Ирк. Губ. Вѣд. за 1858—1861 годъ. Во многихъ случаяхъ лѣтопись Пежемскаго представляетъ собою почти буквальный и точный перифразъ помянутой рукописи отдѣла.

Двѣ рукописныхъ лѣтописи П. Пежемскаго: одна съ 1652 по 1802 г., а другая—съ 1733 по 1783 годъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ церковно-археологическому музею при Кіевской духовной академіи [4]). „Лѣтопись о городѣ Иркутскѣ“, прот. Парнякова, оканчивается 1802 годомъ. Рукопись на 90 листахъ, настоящаго столѣтія. Съ 48 листа идетъ прибавленіе, состоящее изъ историческихъ документовъ съ 1678 г. и сатирическаго стихотворенія. Находится въ церк.-археол. музеѣ при Кіевск. дух. акад., подъ № 158 [5]). Записки съ 1718 по 1817 годъ, свящ. иркутской Троицкой церкви Карамзиныхъ, начиная отъ прадѣда ихъ Иліи, на 24 листахъ. Хранится въ церк.-археол. музеѣ при Кіевск. духовн. академіи, подъ № 171 [6]).

Н. Щукинъ въ статьѣ „Крыловъ, слѣдователь въ Сибири“ дѣлаетъ указаніе на двѣ иркутскія лѣтописи: Щегорина и Сибирякова; нѣкоторыя данныя изъ этихъ лѣтописей онъ приводитъ далѣе въ своей статьѣ [7]).

Въ библіотекѣ Красноярской губернской гимназіи хранится рукописный сборникъ конца XVII вѣка; въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, есть „Писаніе о поставленіи градовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея“... Въ этомъ памятникѣ, по словамъ Н. Н. Бакая, разсматривавшаго его,

---

[1]) Ibid., стр. 32, прим.

[2]) А. А. Іонинъ, Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII вѣка, Иркутскъ, 1895 г.

[3]) Іонинъ, стр. 30, 32, примѣч.

[4]) А. Іонинъ, стр. 32, прим.; 38, примѣч.; 42.

[5]) Ibid., стр. 38, прим.

[6]) Ibid., стр. 38, прим.; 42.

[7]) Учено-литературный сборникъ «Лучъ», Спб., 1866 г., т. I, стр. 186, примѣч.

„указано время основанія остроговъ въ Сибири въ XVII вѣкѣ, а также перечислены воеводы этихъ городовъ и остроговъ, причемъ приведены нѣкоторыя распоряженія правительства о наборѣ служилыхъ людей и проч.“ [1]).

Въ числѣ матеріаловъ, послужившихъ г. К. Голодникову для составленія книги „Г. Тобольскъ и его окрестности“, упомянута „Тобольская лѣтопись купца Струнина“. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ никакихъ свѣдѣній объ этой лѣтописи. Изъ нея заимствованы нѣкоторыя извѣстія при составленіи перечня административныхъ лицъ г. Тобольска (см. примѣч. на стр. 52). На эту лѣтопись есть еще указаніе въ „Памятной книжкѣ Тоб. губерніи на 1884 годъ“, указаніе такого рода: „Свѣдѣнія о послѣднихъ трехъ генералъ-губернаторахъ (начиная съ Пестеля) и слѣдующія за ними заимствованы изъ лѣтописи тобольскаго купца С. Струнина, находящейся у тобольскаго городского головы М. Д. Плотникова“ [2]). Другихъ свѣдѣній о лѣтописи Струнина мы не нашли.

„Памятная записка при жизни титулярнаго совѣтника Петра Аѳанасьевича сына Полутова о разныхъ дѣяніяхъ 1765—1831“, на 31 листѣ. Рукопись принадлежала ранѣе прот. С. Я. Знаменскому, а затѣмъ перешла къ Н. С. Знаменскому. По словамъ Е. В. К—а, „рукопись ведена въ Тобольскѣ и составляетъ записи особенно замѣчательныхъ мѣстныхъ событій“ [3]).

О. Іонинъ указываетъ еще на „Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири, по взятіи ея, и кто въ нихъ, по указу государеву, имены были московскихъ воеводъ, бояръ и окольничихъ, и думныхъ дворянъ, стольниковъ и стряпчихъ, и дьяковъ и писменныхъ головъ, и съ приписью подьячихъ; и въ кая лѣта въ Сибири, въ Тобольску устроися престолъ архіерейскій и кто архіереевъ имены, архіепископовъ и митрополитовъ, были въ Тобольску, и о иныхъ вещехъ“. Эта лѣтопись занимаетъ въ сборникѣ мѣсто послѣ „Исторіи о сибирстѣй странѣ Саввы Есипова“, съ 192 по 277 листъ. Рукопись XVIII вѣка; въ ней излагаются событія церковной и гражданской исторіи Сибири съ 1580 по 1701 годъ. Сборникъ принадлежитъ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры (№ 200) [4]). Судя по заглавію и приведеннымъ

---

[1]) Н. Н. Бакай, Двадцатипятилѣтіе Красноярской губ. гимназіи. Красн., 1893 г., стр. 41, прим. 19.

[2]) Памятная книжка Тобольск. губ. на 1884 г., сост. А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ, стр. 91, прим.

[3]) Тоб. Губ. Вѣд., 1894 г., № 20.

[4]) А. Іонинъ, Новыя данныя и проч., стр. 32, прим. 2; 54 прим. 1; выписки на стр. 61, прим., 82, прим.

о. Іонинымъ выпискамъ, „Описаніе“ есть не что иное, какъ „Книга Записная“, или „Записки, къ сибирской исторіи служащія“. „Писаніе“, находящееся въ библіотекѣ Красноярской гимназіи, тоже, кажется, есть списокъ „Книги Записной“ [1]).

Приведенный выше перечень необходимо дополнить свѣдѣніями о тѣхъ лѣтописяхъ, которыя не сохранились до нашего времени, но на которыя есть ссылки и указанія у различныхъ авторовъ.

П. А. Словцовъ, въ числѣ источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи своего „Обозрѣнія“, называетъ, между прочимъ, „Лѣтопись Иркутскую“ (рукопись). Она была доставлена ему директоромъ училищъ Щукинымъ. Начинается эта лѣтопись, „собственно говоря, съ 1695 г. и продолжается до начала XIX вѣка. Это краткая записка XVIII вѣка, не заслуживающая сравненія съ Тобольскимъ сборникомъ. Въ ней очень мало лѣтописнаго. Она походитъ на станціонную записку о пріѣздѣ и выѣздѣ чиновниковъ, да о приходѣ и отходѣ казенныхъ каравановъ. Хронологія лѣтописи небезукоризненна; гдѣ есть возможность къ повѣркѣ, я наводилъ справки“ [2]).

У него же есть указаніе на другую „Иркутскую лѣтопись“, изъ которой онъ извлекъ нѣкоторыя свѣдѣнія—о построеніи крѣпостныхъ стѣнъ, о числѣ воеводъ, о времени покрытія Ангары льдомъ и проч. [3]).

Также упоминаетъ онъ о лѣтописи Енисейской, уже въ его время утраченной. Изъ этой лѣтописи ему были присланы выписки, сдѣланныя въ 1785 году для Вольно-Экономическаго общества [4]). Но она сообщаетъ немного извѣстій, и „если выписыватель не прокинулъ другихъ болѣе любопытныхъ преданій,—замѣчаетъ авторъ,—то не для чего много горевать объ утратѣ Енисейской лѣтописи“.

---

1) Этимъ мы заканчиваемъ перечень лѣтописей, остающихся до сего времени неизданными. Въ этотъ перечень не вошелъ Черепановскій сборникъ, хотя онъ и содержитъ въ себѣ извѣстія о г. Тобольскѣ. По разнообразію содержанія, онъ занимаетъ особое мѣсто въ ряду сибирскихъ лѣтописей.

2) Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, Спб., изд. 2, т. I, стр. XI.

3) Словцовъ, Истор. обозр. Сибири, Спб., изд. 2, т. II, стр. 303.

4) Ibid., II, 302—303. Перечисляемъ главнѣйшія извѣстія этой выписки: Городъ Енисейскъ былъ основанъ въ 1618 г. (въ видѣ зимовья) сыномъ боярск. Албычевымъ, на самомъ берегу Енисея, и былъ огражденъ палисадомъ съ тремя стрѣльницами. Вскорѣ зимовье сдѣлалось острожкомъ и управлялось съѣзжею избою. Съ 1677 года Енисейскъ назывался острогомъ, до 1702 г. (послѣднюю дату Словцовъ считаетъ ошибочною). Затѣмъ открыта провинціальная канцелярія, дѣйствовавшая до 1783 года. Съ основанія города до возведенія его въ званіе областного, воеводъ было 18; до учрежденія провинціи—11; съ 1724 г. до 1783—21. Прокурорство введено въ 1764 г. Начальными жителями Енисейска считаются устюжане, и между ними зыряне, которые, будто бы, открыли за Енисеемъ желѣзную руду, по рѣчкѣ, названной Зырянкою. Городъ былъ опустошенъ пожаромъ въ 1788 году. Этимъ ограничивается выписка Словцова изъ Енисейской лѣтописи.

Н. А. Абрамовъ, въ статьѣ „Ермакъ, покоритель Сибири“, упоминаетъ о „Тобольскомъ лѣтописцѣ“, доведенномъ до 1708 года [1]). Изъ него приведена выписка, но такого рода, что по ней невозможно судить о характерѣ лѣтописца. Гдѣ теперь находится эта рукопись, и сохранилась ли она,—неизвѣстно.

Приведенный выше перечень сибирскихъ городскихъ лѣтописей, разумѣется, далеко не полонъ. Безъ сомнѣнія, въ библіотекахъ, архивахъ и у частныхъ лицъ еще найдутся памятники этой категоріи. Должно сказать, что изслѣдованіе этихъ лѣтописей встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ, что и лѣтописи, и свѣдѣнія о нихъ разбросаны по разнымъ изданіямъ, иногда довольно рѣдкимъ, хотя указаніе на эту разбросанность становится уже общимъ мѣстомъ. Настоящія замѣтки ограничиваются обзоромъ только самыхъ крупныхъ изъ городскихъ лѣтописей Сибири, и въ первую часть ихъ входитъ обозрѣніе лѣтописей г. Тобольска [2]).

Глава II.

«Книга Записная» [3]).

§ 1. Въ библіотекѣ Тобольскаго каѳедральнаго Софійско-Успенскаго собора, за № 8, хранится рукописный сборникъ in 4⁰. Въ сборникѣ 262 листа. Въ него входятъ два памятника: заглавіе перваго таково: „Книга записнаѧ | Сколько въ сибирѣ, въ Тобольску, и во всѣхъ си | бирскихъ городѣхъ и острогахъ, съ начала взятія | атамана Ермака Тимоѳеева, въ готоромъ году, | и кто имяны Бояръ и околничихъ и столни | ковъ и дворянъ и стряпчихъ. На воеводствах | бывали, и діаковъ и писмянныхъ головъ и съ | приписью подьячихъ. И кто которой городъ ста | вилъ и въ которомъ году; и отъ котораго Го | сударя Царя кто былъ“. Эта „Книга Записная“ занимаетъ листы 1—85. Далѣе оставлено три листа бѣлыхъ какъ бы для того, чтобы вписать въ нихъ продолженіе „Книги“; а съ листа 89 и до 260 слѣдуетъ: ѿ началѣ древнягѡ славенскагѡ | народа ӥ о нарѣчіи или

---

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс., 1867 г., кн. 4 (стр. 10).

[2]) Къ городскимъ лѣтописямъ примыкаетъ еще цѣлый рядъ памятниковъ, ихъ дополняющихъ. Сюда относятся: синодики, лѣтописи церквей, монастырей и проч. Относясь собственно къ источникамъ исторіи церковной, они тѣмъ не менѣе даютъ свѣдѣнія и для исторіи городовъ. Нѣкоторые изъ этихъ синодиковъ, монастырскихъ и церковныхъ лѣтописей будутъ нами разсмотрѣны въ особомъ приложеніи.

[3]) Рукопись переплетена въ кожаный переплетъ; сохранилась довольно хорошо.

нрозвищи егѡ". Послѣдніе листы 261—262 оставлены бѣлыми. Сборникъ писанъ двумя почерками: „Книга Записная" (л.л. 1—85) и вторая половина „ѿ началѣ славенскаго народа" (л.л. 188—260) писаны одной рукой, листы же 89—187—другою. Судя по почерку, должно заключить, что появленіе Сборника относится къ первымъ годамъ XIX вѣка, или же къ послѣднимъ XVIII-го. На бѣлыхъ листахъ и на поляхъ находятся кое-какія замѣтки, сдѣланныя разными лицами [1]). Такъ какъ для насъ важна только „Книга Записная", то мы и займемся исключительно ею.

Начинается „Книга Записная" съ извѣстія о походѣ въ Сибирь князя Аѳанасія Лыченицына, въ 7083 году, за этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ „пошествіе атамана Ермака съ волги въ сибирь со всѣмъ товарствомъ его". Послѣ этого вступленія разсказывается о присылкѣ въ Сибирь первыхъ воеводъ, С. Болховского и И. Глухова. Оканчивается „Книга" извѣстіемъ о собраніи раскольниковъ на р. Юрмычъ, въ пустынь, въ числѣ 350 человѣкъ для самосожженія. Къ нимъ посланъ былъ изъ Тобольска для увѣщаній ключарь соборный Ив. Васильевъ и сынъ боярскій А. Ушаковъ съ подьячимъ Стефаномъ. Это было въ 7195 году. Такимъ образомъ, „Книга Записная" обнимаетъ время отъ 7083 до 7195 г. отъ сотвор. міра, или 1572—1687 г. отъ Р. Хр. Событія описаны погодно, однако безъ соблюденія строгой хронологической послѣдовательности.

§ 2. „Книга Записная" не подвергалась критическому разбору, но нѣкоторые авторы пользовались ею, и въ исторической литературѣ о Сибири на нее есть указанія. Н. А. Абрамовъ въ своей статьѣ: „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Сибири", дѣлаетъ на нее ссылки [2]). Въ засѣданіи общаго собранія членовъ Зппадно-

[1]) На стр. 1: «Сія книга принадлежитъ Тобольскому каѳедральному собору». 1855 г.» На л. 260: «прочтохъ 14 апр. 1826»; другою рукой: «1868 года іюля (?) въ первый день кончилъ чтеніе этой книги каѳедральнаго собора священникъ Елеазаръ Поповъ». Въ концѣ листа: «прочиталъ и я, учит. Николай Абрамовъ. 18(?)3 г. 22 іюля». Его же рукой сдѣлано нѣсколько замѣчаній на поляхъ. Сверхъ того, видно, что кто-то (прот. Сулоцкій?) сличалъ «Книгу Зап.» съ «Зап»; всѣ варіанты «Зап.» отмѣчены карандашемъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1854 г. (ч. 81), отд. V, стр. 18 и слѣд. Приводимъ эти ссылки. На стр. 18 указаніе на построеніе церкви Успенія (1610 г)., далѣе—о розыскѣ противъ М. Годунова (стр. 22), о построеніи церкви Зосимы и Савватія въ 1623 г. (стр. 23), о построеніи церкви Похвалы Богородицы (стр. 25), о построеніи архіерейскаго дома въ 1640 г. (28), о приведеніи къ присягѣ царю Алексѣю Михайловичу (29), о пожалованіи государемъ арх. Симеона въ 1661 г. (30), о погребеніи арх. Нектарія въ 1666 г. (32), объ учрежденіи митрополіи въ Сибири (38). У Абрамова былъ, какъ увидимъ далѣе, списокъ съ «Книги Записной».

Сибирскаго отдѣла Географическаго общества 7-го марта 1883 г. А. П. Круссеровъ читалъ рефератъ о присланной въ отдѣлъ учителемъ Вяткинымъ и принадлежавшей Н. А. Абрамову рукописи подъ заглавіемъ „Записная книга о Сибири, переписанная съ рукописной, находящейся съ давняго времени въ Тобольской архіерейской ризницѣ“ [1]). Этотъ списокъ хранится, вѣроятно, въ библіотекѣ отдѣла.

Г. Газенвинкель, говоря о предполагаемыхъ источникахъ „Записокъ, къ сибирской исторіи служащихъ“, между прочимъ, дѣлаетъ такую замѣтку: „Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ уже сомнѣнію, что этотъ первоисточникъ заключается въ рукописи конца XVII вѣка, принадлежащей Тобольскому Софійскому собору“ [2]).

Этимъ исчерпывается, кажется, все, что появилось до сего времени въ печати относительно „Книги Записной“ [3]).

Установлено только то, что „Книга“ есть первоисточникъ „Записокъ“.

§ 3. При изученіи „Книги Записной“ необходимо прежде всего сопоставить ее съ „Записками“. Это сопоставленіе выяснитъ, во-первыхъ, въ какомъ отношеніи стоятъ двѣ замѣчательнѣйшія городскія сибирскія лѣтописи, и, во-вторыхъ, дастъ возможность судить, въ какой мѣрѣ должно считать „Книгу Записную“ первоисточникомъ „Записокъ“. Поэтому, не касаясь пока содержанія „Книги“, мы приводимъ ниже сличеніе этихъ двухъ памятниковъ, указывая только тѣ отличія, которыя необходимы для нашей цѣли [4]).

---

[1]) Зап. Зап.-Спб. отд. Импер. Русск. Геогр. общ., кн. VI, Омскъ, 1884, извлеч. изъ протокол., стр. 6. Рефератъ г. Круссерова въ печати, кажется, не появлялся; поэтому мы приведемъ его выводы изъ протокола: «По словамъ г. Круссерова, разсматриваемая рукопись обнимаетъ 105-ти-лѣтній періодъ воеводскаго управленія краемъ отъ 1583 до 1688 г. и заключаетъ перечень сибирскихъ воеводовъ, письменныхъ головъ и подьячихъ, указаніе времени постройки городовъ, церквей и монастырей, бывшихъ пожаровъ, прибытіе и отъѣздъ архіереевъ, слѣдованіе пословъ изъ Россіи въ Китай, посылку каравановъ изъ Тобольска въ Киргизскую степь и для торга съ бухарцами и калмыками около Ямышева озера и т. п. Всѣ свѣдѣнія изложены сжато въ видѣ хронологическаго указателя. Вообще, рукопись, какъ историческій матеріалъ о Сибири, уступаетъ Черепановскому сборнику и отличается невѣрностями въ хронологіи и именахъ лицъ, такъ что напечатать ее можно не иначе, какъ послѣ тщательной редакціи». (Протек. 7 марта 1883 г., стр. 6—7).

[2]) Календ. Тоб. губ. на 1893 г., Тобольскъ, 1892 г. Газенвинкель: Систем. переч. воеводъ и проч., стр. 5. При составленіи перечня г. Газенвинкель пользовался «Кн. Зап.».

[3]) О «Книгѣ Зап.» есть еще замѣтка Е. В. К—а въ «Указателѣ сибирскимъ лѣтописямъ», Тоб. Губ. Вѣд., 1894 г., № 10, стр. 190. По мнѣнію автора, «Книга Зап». «составляетъ списокъ, а не подлинникъ». Далѣе слѣдуетъ указаніе на то, что рукопись эта была напечатана Нивиковымъ. Книгой прот. Сулоцкаго мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться.

[4]) Отличія фонетическія и морфологическія не указаны. Относительно ихъ достаточно сказать слѣдующее: въ «Кн. Зап.» звукъ л по большей части не смягчается, напр.,

„Книга Записная“.	„Записки“.
Послѣ извѣстія о походѣ кн. Лыченицына: „Пошествіе атамана Ермака Тимоѳеева съ волги въ Сибирь со всѣмъ товарствомъ Его“ (л. 1 об.).	Указанныхъ словъ нѣтъ.
Указанныхъ словъ нѣтъ.	Въ статьѣ о посылкѣ Болховского со словъ: „и съ ними прислано было Атаману“... до словъ: „за пролитіе крови ихъ“ (стр. 105).
Число погибшихъ съ Ермакомъ казаковъ опредѣлено въ 108 ч.	150.
Указанныхъ словъ нѣтъ.	„и не бысть въ Сибири живущихъ Россійскихъ людей“ — въ статьѣ объ оставленіи Сибири (106).
Нѣтъ.	Послѣ извѣстія о поставленіи города Тобольска: „и церковь въ немъ сограды Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“ (107).
князь володимеръ васильевичь масальской кольцовъ вторый (л. 3)	Князь Володимиръ Васильевичь Кольцовъ-Мосальской (108).
городъ тоболскъ весь рубленой (л. 3 об.)	городъ Тобольскъ, весь рубленой (110)
селѣтской (л. 5 об.)	Елецкой (111)
Сургутской первой городъ и башни (ibid.)	Сургутской первой городъ ставилъ, и съ башнями (113)
а царства его государева (л. 6 об.)	а царствованія его (113)
17 лѣтъ [1] (ibid.)	13 лѣтъ (ibid.)
житія его было 36 лѣтъ и 3 мѣсяца и 6 дней (ibid.)	житія его на семъ свѣтѣ отъ рожденія 36 лѣтъ и седмь мѣсяцовъ и 6 дней (ibid.)

Тоболскъ, столникъ; такъ же и звукъ *с*, напр., писмянной; употребленіе *л* вмѣсто *в* въ словѣ служилый. Въ предл. пад. ед. ч. *ѣ* вмѣсто *и*, напр., въ Сибирѣ, на Тюменѣ; въ род. пад. ед. ч. по бо́льшей ч. *у* вм. *а*, напр., году, збору; твор мн. ч. на *ы*—запасы; им. прилаг. чаще окончиваются на *ой*, напр., писмянной, боярской, хотя встрѣчается: сибирскій, тобольскій. Неопр. накл. глаголовъ оканчивается на *ть* (въ «Зап.» часто на *ти*), напр., дѣйствовать, всѣдать; «Зап»—быти. Изъ отдѣльн. формъ--умре (одинаково съ «Зап.»), также слова: діакъ, подьячей; въ «Зап.» дьякъ, подьячій. Употребляется предлогъ *на* вмѣсто *въ* при опред. мѣста: на тарѣ, на березовѣ.

[1]) Неразборчиво; можетъ быть—14.

рекомаго большова (ib.)	называемаго большова (ib.)
Извѣстіе о березовскихъ воеводахъ И. Волынсвимъ и И. Биркинѣ, а также о перенесеніи тобольскаго рубленаго города съ Троицкаго мысу на другую сторону Торговаго взвоза — находится послѣ извѣстія о поставленіи Мангазеи (съ измѣненіемъ порядка словъ). (Л. 7 об.).	
Князь Миронъ Михайловичь Шаховской... и служилые люди (л. 7)	Князь Миронъ Михайловичь Шаховской... и служивыхъ людей сто человѣкъ (114)
Нѣтъ.	и Тунгусовъ, и Самоядцовъ, и Остяковъ, привести къ вѣрѣ, къ шерти (115)
Нѣтъ.	О посылкѣ Дьякова въ Мангазею: „А прежде ихъ — съ товарищи“ (ibid.)
Верхтагильскій городокъ стоялъ 3 года (л. 7 об)	7 лѣтъ (ib.)
Нѣтъ.	О поставленіи церкви Николая Чудотворца на Пермскомъ взвозѣ (117).
и татаръ побилъ (л. 8 об.)	и Татаръ погубилъ (ibid.)
внукъ остаѳьевъ сынъ пушкинъ (л. 9)	Лука Евстафьевъ сынъ Пушкинъ (118)

Лжедимитрій убитъ по „Кн. Зап.“ 31 мая (л. 11); по „Зап.“ — 16 мая 1606 г. (121).

съ конскими ратными людми (ibid.)	съ Донскими и ратными людми (123)
Катыревъ-Ростовской (л. 12)	Кавтыревъ-Ростовской (ibid.)
Иванъ Аѳанасовъ сынъ Хапугинъ (ibid.). О взятіи его въ Москву — нѣтъ.	Иванъ Данійловъ сынъ Хапугинъ (ib.)
Нѣтъ.	Кетскій воевода въ гг. 1608—1609 Гр. Елизаровъ (124)
погребсти на распутіи (на тропицы)... (л. 13 об.)	погребсти на градскомъ распутіи... (125)

гетманъ жидовской (л. 13)	Гетманъ Желковскій (ib.)
александръ Гашевскій (л. 13 об.)	Александръ Гасѣвскій (126)
и княгини ево тѣло отдано (л. 14)	тѣло... и прочихъ Бояръ, отдано... (126)
михайлу данилову (л. 14)	Михайлу Данійловичу (126)
24 лѣта столько и митрополитъ Ѳиларетъ... (л. 14)	24 года; а Митрополитъ Филаретъ съ Послами 9 лѣтъ (126)
По прешествіи же 9 лѣтъ (л. 14об.)	По прошествіи же 6 лѣтъ (127)
8 лѣтъ и полтора мѣсяца и 8 дней (л. 15)	восемь лѣтъ и 2 мѣсяца и восемь дней (128)
земледержцы Русскіе (л. 15)	земледѣльцы Русскіе (ib.)
на мироново мѣсто хлопова (л. 16)	на мѣсто Мирона Хлопова (130)
Нѣтъ.	Въ Туринскомъ Петръ Желябовской (ibid.)
Карманской (л. 16)	Нарманской (ib.)
Воинъ Аѳанасьевъ сынъ Новощоновъ (ib.)	Иванъ Новокщеновъ (ib.)
Предъ извѣстіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича: „Царство Государя царя и великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россій" (ibid.).	Нѣтъ.
Въ лѣто 7121 году марта въ 13 день (ib.)	Въ 1611 году марта въ 13 день... (130)
и скипетръ царскія державы (л. 16 об.)	и скипетръ царствія, державы (131)
въ руку принялъ (ibid.)	въ руку пріятъ (ib.)
въ лѣто 7121-го же года іюля въ осмый день (ib.)	въ лѣто 1611 году іюня въ осьмый день (ib.)
Генваря съ 24-го числа (ib.)	Генв., съ 24 (ib.)
въ сибирь въ Тобольскъ первый бояринъ...	въ Сибири, въ Тобольскѣ, первые боярины... (ib.)
Нѣтъ	При сихъ воеводахъ... горячаго вина (132)
въ городѣхъ воеводы и въ острогахъ (л. 17)	въ городѣхъ и острогахъ Воеводы (ibid.)
подьячей василей тимофеевъ (ib.)	добавлено: Ильинъ (ib.).
Корходиловъ (ib.)	Корходиновъ (ib.)
Гаврилу Юдину сыну Хрипунову (л. 17 об.)	Гаврійлу Юдину Хрипунову (133)

а приказные люди ставили острогъ и сѣдоками быть указано на время изъ Томскаго города (ibid.)	а приказныя люди ставили острогъ Томской, Татарской Голова Осипъ Кокоревъ, да Козачій Голова Молчанъ Лавровъ, да сынъ Боярской Остаѳей Михалевской; и сѣдокамъ быть указано на время изъ Томскова города (ibid.)
...сыну Онискову (л. 18)	...сыну Опичкову (134)
...на петрово албычева и черкаса Рукина мѣсто (ib.)	...на мѣсто Петра Албычева и Черкаса Рукина (ib.)
...маія съ 10 числа по 131-й годъ. маія по 25 число (ib.)	...Маія съ 10 дня, по 1623 годъ. Маія по 21,... (ib.)
были въ тобольску боярины и воеводы (л. 18)	Воеводы были въ Тобольску, Бояринъ и Воевода (134)
...а въ пріѣздной годъ Кипріяна архіепископа ключевое слово было і и того году благовѣщеніе было въ недѣлю вербную, а пріѣхалъ въ 30-мъ числѣ маія ино будетъ петрова поста на 1-й недѣлѣ въ среду (л. 18 об.)	Нѣтъ. Вмѣсто указанпыхъ словъ, въ „Зап.“ находится извѣстіе о разспросѣ Кипріаномъ сподвижниковъ Ермака, о записи боевъ, установленіи поминовенія погибшихъ при завоеваніи Сибири казаковъ: „И во второе лѣто — вѣчную память“ (136).
Язонской (л. 19)	Егонской (137)
да Тюменской Стефанъ Молчановъ (л. 19 об.)	Тюменецъ Степанъ Молчановъ (137)
сынъ зубатово (ibid.)	сынъ Зубатовъ (ib.)
Щолкановъ (л. 19 об.)	Шолкановъ (ib.)
Чеботай Челищевъ и на ево (ibid.)	Чеботай Ѳедоровъ сынъ Челищевъ, а на ево (ib.)
сынъ бай-Гашинъ, на михайлово мѣсто Ушакова (л. 20)	сынъ Байгашинъ, на мѣсто Михайла Ушакова (138)
погожей да иванъ Ѳедоровъ сынъ тонеевъ (л. 20 об.)	Погожего, да Иванъ Тонѣевъ Ѳедоровъ сынъ (ib.)
прибѣжалъ (ibid.)	прибѣжали (139)
...а сыскивалъ (л. 20 об.)	а съ нимъ Дьякъ Яковъ Бутримовъ, а сыскивали (139)
Того жь 131-го году (л. 21)	Того жъ году (139)
въ Туринскомъ (ibid.)	въ Туринскѣ (140)
долгорукой (ibid.)	Долгоруковъ (ib.)

Нѣтъ.	При немъ Пелымской — въ 1623 году (ib.)
Иванъ Никитинъ сынъ сунбуловъ (ib.)	Исай Никитинъ сынъ Сунбуловъ (ib.)
отаслановъ (л. 21 об.)	Бастановъ (ib.)
димовъ (ib.)	Дивовъ (141)
А во 132 году ѳевраля въ 15 день	Въ 1623 году въ февралѣ 15 числѣ (ib.)
два года и восемь мѣсяцовъ съ полумѣсяцомъ (л. 22)	два года, пять мѣсяцевъ и 5 дней, (142)
на Москвѣ (ib.)	въ Москву (ibid.)
въ томъ же во 133-мъ году (л. 22 об.)	Въ томъ же году (ib.)
того году ключевое слово ш (ib.)	Нѣтъ.
ту (л. 23)	тутъ (143)
Іюня въ 24-й день (ib.)	Іюля въ 24 день (ib.)
димитрей тимоѳеевичь Трубецкой умре (ib.)	Дмитрій Тимоѳѣевичь умре (ib.)
И въ 134-мъ году Ѳевраля въ 24 день, на ево мѣсто (ib.)	А на его мѣсто въ 1626 году генваря въ 24 день (ib.)
обоихъ (ib.)	обѣихъ (ib.)
Московскіе подьячіе (л. 23)	Можайскіе подьячіе (144)
вендеревской (л. 23 об.)	Вердеревской (ib.)
и прозванъ (л. 24)	и названъ (145)
Григорей алябовъ (л. 24)	Григорей Алябьевъ (146)
Нѣтъ.	Въ Мангазеѣ, Тимоѳѣй Степановъ сынъ, да Поликарпъ Ивановъ Бабарыкинъ (ib.)
Нѣтъ.	Въ Березовѣ, Князь Михайло Васильевичь Бѣлосельской (ib.)
князѣ Юрьѣ съ товарищемъ (л. 24 об.)	Юрьѣ съ товарищемъ (ib.)
пришелъ съ Москвы въ Тобольскъ государевъ указ (ib.)	изъ Москвы присланъ въ Тобольскъ Государевъ Указъ (ib.)
тотарскаго челобитья (ib.)	челобитья Татарскаго (ib.)
павелъ салмановъ (ib.)	Павелъ Ивановъ сынъ Салмановъ (ib.)
Нѣтъ.	при семъ Воеводѣ Кетской сгорѣлъ острогъ (ib.)
князю Алексѣю Никитичу Трубецкому (л. 25)	Князю Алексѣю Ивановичу Трубецкому (147)

Нѣтъ.	Въ томъ же 1628 году... со звономъ (147—148)
Ѳедоръ Ѳедоровичь волхонской (л. 25 об.)	Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь (148)
въ томъ же во 131 году (ib.)	Въ томъ же году (ib.)
Нѣтъ.	Томскому Розряду... вѣдать: (149)
и въ ачинской (л. 26)	и Вачинской (149)
да діаки (ib.)	да Дьякъ (ib.)
шелешипанской (ib.)	Шелешпанской (150)
	и на ево мѣсто присланъ Воевода Михайло Тюхинъ (ib.)
діаки (л. 26 об.)	дьякъ (151)
Ермола Кашинъ (ib.)	Ермолай Кошинъ (ib.)
ѣхалъ (ib.)	уѣхалъ (ib.)
и взявъ и (л. 27)	и взявъ ихъ (ib.)
къ москвѣ (ib.)	въ Москву (ib.)
Розрядовъ (л. 27 об.)	Розряду (152)
Курица по реклу (ib.)	Курица прозваніемъ (153)
Загозкинъ (ib.)	Загозскинъ (ib.)
Ѳедоръ Ивановичь Голенищевъ Кутузовъ (л. 28)	Ѳедоръ Ивановичь, большой, Голѣнищевъ-Кутузовъ, (ib.)
а сыскивали про князь Федора (ib.)	а сыскивалъ про сидѣнье въ Тобольску Князь Ѳедора (ib.)
служилые (ib.)	служивыя (ib.)
а везетъ (ib.)	а везъ (154)
въ коду (ib.)	въ Конду (ib.)
по Государевѣ и по патріаршей грамотамъ (ib.)	по Государевой и по Патріаршей Грамотамъ (ib.)
Акинфей (л. 28 об.)	Акинѳъ (ib.)
шкоту (л. 28 об.)	шкоду (154)
въ тѣ поры (ib.)	Въ тыя поры (ib.)
василису (ib.)	Вассу (ib.)
Того жь 143-го году (л. 29)	Тогожъ году (155)
и погребенъ [во всѣмъ святительскомъ сану въ пиловѣ пустыни, а съ москвы его провожалъ за городъ самъ Государь царь и совсѣми властьми]. Слова, поставленныя здѣсь въ скобкахъ,	Нѣтъ.

въ ркп. зачеркнуты; вмѣсто нихъ надписано: в тоболску в Соборной церкви (л. 29).	
въ похвалинъ день (л. 29 об.)	во Похвальную (156)
и того году ключевое слово ш (ib.)	Нѣтъ.
въ 7-й день (ib.)	въ 4 день (ib.)
Нѣтъ.	Того жъ 1636 года... праздновати (156—157)
Григорей Авдеевъ сынъ Кавтыревъ (ib.)	Григорій Андреевъ сынъ Кавтыревъ (157)
Нѣтъ.	При сихъ Воеводахъ... съ 1639 году (ib.)
толочанниковъ (ib.)	Толочановъ (ib.)
а по реклу (л. 30)	а по прозванію (157)
Нѣтъ.	письмянной Голова Никифоръ Жабрынинъ (158)
отъ власти и приказныхъ (л. 30)	отъѣхалъ изъ приказныхъ (ib.)
во 147-мъ году (ib.)	въ томъ же году (ib.)
на приказныхъ (ib.)	въ приказныхъ (ib.)
Ганкинъ (ib.)	Галкинъ (ib.)
Ѳранзбѣковъ (л. 30 об.)	Франсбековъ (159)
а послѣ князь никиты (ib.)	а въ 1641 вмѣсто князь Никиты (ib.)
въ Томскомъ со всѣхъ городовъ (л. 31)	Нѣтъ.
Нѣтъ.	да письмянной Голова Петръ Бекетовъ да съ приписью Подьячій Василій Шпилкинъ (160)
Нѣтъ.	Декабря 8 дня (ib.)
баксаковъ (ib.)	Баскаковъ (ib.)
въ Томскомъ городъ (л. 31 об.)	въ Томскомъ городѣ (ib.)
не учинилось (ib.)	не учинено (ib.)
повинился во всѣмъ съ пытки, что (л. 31 об.)	повинился во всемъ, что съ пытки (ib.)
къ москвѣ же (ib.)	въ Москву (161)
посаженъ былъ (ib.)	посаженъ (ib.)
А изъ Тобольска съ ними (л. 32)	А изъ Тобольска послано съ ними (ib.)
того году ключевое слово н (л. 32)	Нѣтъ.

пожаловали его (ib.)	пожаловали (162)
до сложенія (л. 32 об.).	и возложенія (ib.)
И во 145 году призванъ былъ великимъ царемъ къ москвѣ, на москвѣ въ чудовъ монастырь и преставися, и на него надетъ святительскій весь санъ а погребенъ въ ниловѣ пустынѣ. (Надъ словомъ—святительскій—поставлена цифра 2, надъ словомъ весь—цифра 1) (ib.)	Нѣтъ.
Во 148-мъ году іюля въ 26 день былъ походъ (ib.)	Въ 1640 году была служба на Киргизъ (ib.)
ратными людьми (ib.)	военными людьми (ib.)
съ дѣтми (ib.)	съ дѣти (ib.)
на тое (ib.)	на тую (ib.)
іюля въ 25 день (ib.)	іюля въ 26 день (163)
Гухачевскому (ib.)	Тухачевскому (ib.)
учинилось (л. 33)	счинилось (ib.)
кобыльскому (ib.)	Кобынскому (ib.)
пріѣхали октября въ 15 день (ib.)	пріѣхали (ib.)
и въ софійской и свой святительскій домъ пришелъ Генваря въ 1 день (л. 33)	возшелъ въ 1 день 1641 года (ib.)
Того же 149 года ходили на службу зимою тотарской Голова богданъ аршинской (л. 33 об.)	Тогожъ 1641 году посыланъ былъ Тарской Голова Иванъ Внуковъ (164)
самѣхъ не побили всѣхъ (ib.)	самихъ не побили; всего (ib.)
Казія (ib.)	Казіянъ (ib.)
прежде сего (ib.)	прежде (ib.)
ему мачиху (л. 34)	Нѣтъ.
Ганкинъ (ib.)	Галкинъ (165)
со 151-го маія съ 23, да 155 годъ іюля по 1-е число (ib.)	съ 1645 съ Маія по 1647 годъ Іюля по 1 число (ib.)
почали сентября въ 1 день (ib.)	почали 7154 Сентября въ 1 день (ib.)
и не оставлены (ib.)	Нѣтъ.
апреля по 21 день (ib.)	Апрѣля 20 и 21 дня (ib.)
Θеодора михайловича алачева (ib)	Димитрія Михайловича Алачева (ib.)

Ево и сестра ево въ дѣвичемъ монастырѣ (л. 34 об.)	Нѣтъ.
Того жъ 151 года (л. 35 об.)	Того жъ 1645 году (167)
Нѣтъ.	и послѣ пожарнаго разоренья... 1646 года (ib.)
Ѳедоръ Ѳедоровичь Мещерской (л. 35 об.)	Никифоръ Ѳедоровичь Мещерской (168)
Нѣтъ.	Въ Туринскомъ князь Петръ Романовичь Борятинской (ib.)
андрей (л. 36).	сей (ib.)
аѳонасей ивановъ сынъ Зубовъ (ib.)	Аѳанасей Никитинъ сынъ Зубовъ (169)
по 185 годъ (л. 36 об.)	по 1643 годъ (ib.)
во 156 году октября въ 1 день (ib.)	въ 1648 году Октября въ 1 день (ib.)
велено (ib.)	повелѣно (170)
повѣрье (л. 37)	повѣтріе (ib.)
умирилъ (ib.)	усмирилъ (ib.)
154 году сентября въ 28 день (л. 37 об.)	1646 году, Сентября въ 28 день (171)
служить (л. 38 об.)	служилъ (172)
кругомъ креста (ib.)	кругъ Креста (ib.)
столъ былъ (ib.)	былъ столъ (173)
Отъ Царя и великаго князя алексѣя михайловича всея Россіи самодержца первые воеводы въ Сибирь (39)	Нѣтъ.
по 25 число (ib.)	по 25 (ib.)
бояринъ и воеводы (л. 39)	Воеводы, Бояринъ (173)
по реклу ветчина (ib.)	по прозванію Ветчина (ib.)
На л. 39, на поляхъ, инымъ почеркомъ: „Заложена въ тоболск(ѣ) соборная софійская церковь въ 1644 году“.	Нѣтъ.
Рафъ (л. 39 об., 41 об., л. 42, л. 43 об.).	Руфъ (174, 178, 182).
прямое имя ему (л. 39 об.)	прямое имя ему не было (174)
на Тарѣ воевода григорей ивановъ сынъ бутурлинъ, выѣзжей изъ	Въ Тарѣ, Стольникъ Князь Василій Ивановичь Горчаковъ, да Ѳе-

литвы, и съ того времени на тарѣ учали быть по одному воеводѣ (л. 39 об.—40)	доръ Головачевъ; и въ 1647 на его мѣсто присланъ Воевода, Григорій Ивановъ сынъ Бутурлинъ, выѣжжій изъ Литвы. И съ того времени въ Тарѣ учали быть не по одному Воеводѣ. (174—175)
въ сургутѣ со 155 Смирной Григорьевъ сынъ демской (л. 40)	Въ Сургутѣ, Князь Петръ Васильевичь Кропоткинъ, а на ево мѣсто присланъ Воевода, въ 1647 году, Смирной Григорьевъ сынъ Демской. (175)
Извѣстіе о пребываніи Хари-Шаховского въ Томскѣ находится передъ перечисленіемъ томскихъ воеводъ (л. 40).	Это извѣстіе помѣщено послѣ печисленія томскихъ воеводъ (176).
подрезъ (л. 40 об.)	Подрѣза (ib.)
кончась (ib.)	скончася (ib.)
Михайло Өедотовъ сынъ дурной (ib.).	Михайло Өедоровъ сынъ Дурной (ib.)
При сихъ воеводахъ святилъ въ Тобольску соборную и апостолскую церковь Соөіи неизреченныя премудрости слова Божія, преосвященный Герасимъ архіепископъ сибирскій и тобольскій 156 году августа въ 13 день. (л. 41)	При сихъ Воеводахъ послѣ пожарнаго времени, заложилъ въ 1646 году Маія 24 дня, а оставилъ въ Тобольску Соборную и Апостольскую церковь Софіи, неизрѣченныя Премудрости Слова Божія, Преосвященный Герасимъ, Архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, 1648 году Августа въ 13 день: церковь была деревянная о 13 главахъ. (177)
сибирскій и тобольскій (л. 41 об.)	Тобольскій и Сибирскій (178)
и полседма мѣсяца (ib.)	и полтретья мѣсяца (ib.)
потапьевъ (л. 42)	Потаповъ (179)
Нѣтъ.	Въ 1651 году пожаловалъ... колоколъ во 110 пудъ (179)
сеткулъ (л. 42 об.)	Сеткунъ (180)
Послѣ извѣстія о посольствѣ Ярыж-	Означенныя извѣстія слѣдуютъ въ

кина и Алблина въ Китай въ „Кн. Зап.“ слѣдуетъ: 1) о поѣздкѣ Шереметева въ Москву, 2) о пріѣздѣ Симеона въ Тобольскъ 160 г. 20 дек., 3) объ отправленіи Зиновьева въ Даурію, 4) вторично—о поѣздкѣ Шереметева въ Москву, причемъ предыдущія слова: „при воеводахъ Тобольскихъ при столникѣ васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ съ товарищи“, стоятъ отдѣльно и лишены такимъ образомъ смысла,—въ „Зап.“ они отнесены къ предшествующему имъ извѣстію о пріѣздѣ Симеона; 5) о поставленіи Симеона въ архіереи (лл. 42 об. 43, 43 об.).	такомъ порядкѣ: 1) о Зиновьевѣ, 2) о пріѣздѣ Симеона въ 1652 г. апр. 17; при этомъ же—о возведеніи его въ архіереи, 3) о пожалованіи архимандрита бѣлой шапкой и о поставленіи Симеономъ протопоповъ къ церквамъ—тобольской, томск. и верхот. („При семъ Преосвященномъ Сvмеонѣ... ...да на Верьхотурье Протопоповъ же“). Этого извѣстія въ „Кн. Зап.“ нѣтъ. 4) О поѣздкѣ Шереметева въ Москву (180—181).
и того году ключевое слово з (л. 43)	Нѣтъ.
Маія съ 17 числа (л. 43 об.)	Маія съ 31 числа (181)
Углевъ (ib.)	Угловъ (ib.)
и умре (ib.)	и умре тутъ (182)
чтобы быть ему на тюменѣ воеводствомъ (ib.)	чтобы было ему въ Тюмени воеводствовать (ib.)
мусинъ пушкинъ (л. 43 об.)	Пушкинъ (182)
во 162 году (л. 44)	въ 1653 году (ib.)
и по гражданскому челобитью (л. 44)	и по Государскому челобитью (ib.)
сродничь (ib.)	сродичъ (183)
Нѣтъ.	а на ево мѣсто присланъ Петръ Измайловъ (ib.)
костылецкой (ib.)	Костылевскій (ib.)
баксаковъ (ib.)	Баскаковъ (ib.)
Того жъ 162 году (л. 45)	Того жъ году (184)
въ другій рядъ (ib.)	въ другій разъ (ib.)
того жъ 163-го году (ib.)	въ 1655 году (185)
поставить остроги (ib.)	поставить новые Нерчинскіе и иные остроги (ib.)
въ передъ и назадъ (л. 45 об.)	Нѣтъ.

въ китайскомъ (л. 46)	въ Китайскомъ Государствѣ (186)
не выпусканы (ib.)	не выпуская (ib.)
сіи вторые ходили въ китай были изъ Тоболска (ib.)	Сіи вторые люди въ Китаѣ были изъ Тобольска (187)
во 162 и во 163-мъ годахъ (ib.)	Въ 1654 году и въ 1655 (ib.)
и во всякихъ государскихъ дѣлахъ (л. 46 об.)	(въ) Государскихъ дѣлахъ (188)
Нѣтъ.	Іюля по 1 день (ib.)
Въ ркп. оставленъ пробѣлъ (ib.).	талерами (ib.)
со всѣми служилыми людьми (л. 47)	со всѣми людми (188)
Извѣстіе о пріѣздѣ дьяка Михайлова внесено послѣ перечисленія тобольскихъ воеводъ (л. 47 об).	Это извѣстіе помѣщено послѣ извѣстія о пожарѣ 6 ноября 1657 г. и о запрещеніи Симеону служить; послѣднихъ извѣстій въ „Кн. Зап.“ нѣтъ.
коломлетинъ (л. 47 об.)	Коломнетинъ (189)
Нѣтъ.	и сей воевода тутъ умре (190)
Аѳонасей Ѳилатовъ (л. 48)	Аѳанасій Филипповъ (ib.)
михайло Лодыженской въ сибирѣ умре (л. 48 об.)	Михайло Лодыженскій ѣдучи изъ Якутска въ Маковску умре (191)
ѣхалъ (ib.)	поѣхалъ (ib.)
Головнинъ (ib.)	Головинъ (ib.)
Нѣтъ.	Того жъ 1659 году... Знаменской монастырь. (О пожарѣ Знам. монаст. 23 мая 1659 г.) (ib.).
Того жь 168 году (л. 49)	Въ 1660 году (ib.)
достигли (ib.)	настигли (ib.)
ему даны изъ Государевы казны деньги (ib.)	ему изъ Государевой казны даны деньги (192—193)
Исакъ (л. 49 об.)	Исай (193)
Тонбозинъ (ib.), Толбозинъ (84)	Толбузинъ (194), (262)
Нѣтъ.	А на ихъ мѣсто... Хрущовъ (ib.)
и не доѣхавъ до красноярскаго острогу въ Тобольскѣ умре	и не доѣхавъ до Красноярскова острогу, съ Тобольскѣ городѣ умре
Матѳей Оничковъ въ борисовѣ дворѣ ключарь (л. 50)	Матѳій Аничковъ (ib.)
Тихоновъ сынъ вындомскова (ib.).	Сего Тихона Вындомскова сына (195)

присланъ (ib.)	пріѣхалъ (ib.)
въ Тобольскъ во 171 году (л. 50 об.)	въ Тобольскъ (ib.)
въ 16 числѣ (ib.)	въ 16 день (ib.)
на Москвѣ будучи (ib.)	на Москвѣ на Вологодскомъ подворьи будучи (ib.)
сошелъ (ib.)	сошелъ безвѣстно (ib.)
Нѣтъ.	и 19 Февраля объявился... на обѣщаніи (ib.)
Марта въ 1 день поѣхалъ (л. 50 об. — извѣстіе вторичное)	Нѣтъ.
во 167 году пріѣхали (ib.)	пріѣхали по Указу (ib.)
полуполковники (ib.)	Подполковники (ib.)
мейлва (ib.)	Меиль (ib.)
и прапорщикъ (ib.)	и прапорщики (ib.)
Извѣстія о пріѣздѣ Пояркова въ Тобольскъ и ссылкѣ Шульгина въ Якутскъ внесены послѣ извѣстія о прибытіи воинскихъ чиновъ въ Тобольскъ (Того жь году пріѣхалъ...... въ якутскомъ по 178 годъ. л. 50 об.—51).	
Нѣтъ.	И прибраны были... съ товарищи, по 1677 годъ. (196)
Нѣтъ.	Въ 1661 же году, въ Сибири... и юрты всѣ всѣ до одной (196—197)
изъ Еписково (л. 51)	изъ Спаскова (197)
въ междопатріаршествѣ	между Патріаршествомъ (ib.)
того году ключевое слово Т высекостъ врупѣлѣто є (ib.)	Нѣтъ.
да Григорей Ѳедоровичь бутурлинъ (ib.)	да Стольникъ, Григорій Ѳедоровичь Бутурлинъ (ib.)
Елчюковъ (ib.)	Елчяковъ (ib.)
до быка (далѣе пробѣлъ) стоялъ	до Выкасовской стоялъ. (198)
по 185 годъ. ставленъ острогъ по яру [приго]воромъ [1]) воеводы Григорья Ѳедоровича.	Нѣтъ.
возшелъ и въ соѳійской и въ свой	Нѣтъ.

[1]) Часть слова, заключенная въ скобки, въ ркп. написана неразборчиво и поправлена.

святительской домъ пришелъ. (л. 51 об.)	
Нѣтъ.	А посвященъ въ Москвѣ 24 Іюня 1664 года изъ Архимандритовъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря. (198)
и того поду ключевое слово было д (л. 51 об.)	Нѣтъ.
съ мѣсяца апреля (ib.)	съ Апрѣля (ib.)
Яковлевичь Колтовской (ib.)	Иванъ Яковлевичь Колтовской (ib.)
бахтемировъ (ib.)	сынъ Бохтемировъ (ib.)
въ Туринскомъ, въ 174-мъ году (ib.)	Въ Туринскомъ, въ 1664 году (ib.)
лаврентій овдіевъ (л. 52)	Лаврентій Авдѣевъ (200)
	Никифорко Черниговской съ товарищи (ib.)
на кирелгу (л. 52 об.)	на Киренгу (ib.)
И во 174 году Генваря въ 4 день (ib)	Въ 1666 году декабря въ 4 день (ib.)
ѣхалъ (л. 53)	съѣхалъ (201)
Нѣтъ.	Генваря мѣсяца (203)
	Марта въ 13 день (ib.)
176 же году ключь былъ я: высекость въ руцѣ лѣто г: луна 13 индикта 7 (л. 54)	Нѣтъ.
освященнаго (л. 54 об.)	Священнаго (ib.)
и всея Россіи (ib.)	и всея Сибири (204)
астороханская (ib.)	Астраханская (ib.)
всѣ сіи митрополиты (ib.)	во всѣхъ сихъ Митрополиты (ib.)
а по сихъ (ib.)	А по семъ (ib.)
Корнилій (л. 55)	Киръ Корнилій (ib.)
во то время прилучится (ib.)	въ то время приключится (205)
въ 181-мъ и во 182-мъ и во 183-мъ годѣхъ водилъ осля бояринъ петръ михайловичь Салтыковъ, а во 184-мъ году водилъ осля столникъ иванъ Ѳедоровичь пушкинъ. (л. 56) Это извѣстіе слѣдуетъ послѣ замѣтки о смерти кн. Ѳ. Мещерскаго.	
и печати государевы отъ себя не давалъ (л. 55 об.)	Нѣтъ.

не перемѣнилъ онъ [1]) (л. 55 об.)	перемѣнилъ онъ (206)
съ атаманомъ въ мѣстѣ (л. 56 об.)	Атаманомъ вмѣстѣ (207)
мимо березовъ въ тоболскъ съ москвы (л. 56 об.)	мимо Березова въ Тобольскъ (ib.)
про столника Петра Ивановича (ib.)	Петра Ивановича (ib.)
Того жъ году (ib.)	Въ 1670 году (ib.)
въ кузнецы (ib.)	въ Кузнецкой (ib.)
Того жь году розосланы въ ссылку Тобольской стрелецкой голова иванъ грабленой въ кузнецы, да тюменской голова Самойло михеевъ блудовъ. въ томской левъ горчаковъ, на тюмень кіевъ. на тару гаврило угрюмовъ, на верхотурье ульянъ ремязовъ, на березовъ и иные поиннымъ городомъ за угожденіе и за ушничество петру годунову. (л. 56 об.)	Въ 1670 году разосланы въ ссылку: Тобольской стрѣлецкой Голова, Иванъ Грабленой, въ Кузнецкой; да Тюменской Голова, Самойло Михѣевъ Блудовъ, въ Томской; Левъ Горчаковъ на Тюмень, Петръ Кіевъ на Тару, Гаврійло Угрюмовъ на Верьхотурье, Іуліанъ Рѣмязовъ на Березовъ, и иные по иннымъ городомъ, за угожденіе и за ушничество Петру Годунову. (207)
Чириковъ (л. 57)	Чирковъ (208)
А во 185-мъ году велъ осля..... ... во архіерейство. (л. 57)	Это извѣстіе о вожденіи осляти и о прекращеніи этого обычая слѣдуетъ непосредственно за извѣстіемъ о ссылкѣ приверженцевъ П. Годунова (207—208).
въ послѣдніе, и съ того времени то дѣйство со 185 году оставлено дѣйство, что (л. 57)	впослѣдніи. Съ того времени съ 1677 году то дѣйство оставлено, чтобъ (207—208)
Нѣтъ.	Тѣхъ годовъ, Тобольскаго и Томскаго Розрядовъ, Воеводы
со 178 году (л. 57 об.)	съ 1680 году (209)
Тупанскова (л. 58)	Тупальскаго (210)
Круглика (ibid.)	Круглина (ib.)
въ Государевѣ дѣлѣ имали въ Тобольскъ (ib.)	Нѣтъ.
на отчиные ставки (ib.)	на очныя ставки (ib.)
Сава (л. 58 об.)	Савка (211)
Нѣтъ.	Въ 1671 году, построенъ въ То-

[1]) Очевидно, ошибка переписчика.

	больску на Софѣйской звонъ мостъ и лѣсница (ib.)
въ Господинъ дуку Тайшѣ (л. 58 об.)	въ Яндуку Тайшѣ (ib.)
Нѣтъ.	и Татаръ (ib.)
въ каменю (л. 59)	въ камню (ib.)
серебряную руду (ib.)	сребряная руда (ib.)
то знатцы (ib.)	знатцы (ib.)
и поѣхали (ib.)	и поѣхалъ (212)
и кузнишные (ib.)	и кузнечныя (ib.)
и снарядъ (ib.)	и снаряду (ib.)
провадили (ib.)	проводили (ib.)
сыскивать (л. 59 об.)	сыскивалъ (ib.)
Государевѣ (ib.)	Государевой (213)
Нѣтъ.	Въ томъ же 1672 году...... Вознесенія Господня (ibid.)
и данило пріѣхалъ изъ дауръ въ Тобольскъ во 183-мъ году октября въ 3 день (л. 59 об.—60)	Нѣтъ.
съ подписми (л. 60)	и съ подписью (ib.)
полъ 9 ѳунта (ib.)	полтора фунта (ib.)
во 185-мъ году октября противъ двадесять перваго числа на субботу въ нощи (ibid.)	въ 1677 году Октября противъ двадесятаго числа (ib.)
воеводствомъ тогожъ году (ib.)	Воеводствомъ (214)
были (л. 60 об.)	былъ (ib.)
борятинской одинъ (ib.)	Борятинской, Дьякъ Василей Шпилькинъ; и сей Дьякъ въ Томску умре (215)
а крестьникъ Аѳонасья филиппова сына Пашкова на дорогѣ (л. 61)	на дорогѣ: а крестникъ, Аѳанасья Филипова сына Пашкова (216)
Ѳедоръ Хрущовъ (ib.)	Стольникъ, Ѳедоръ Хрущовъ (ib.(
спалникъ (л. 61 об.)	Стольникъ (ib.)
Петръ Петровичь Салтыковъ жилъ съ отцомъ своимъ въ Тоболску съ пріѣзду и до отъѣзду не съѣзжаючи [1]) (л. 61 об.)	Нѣтъ.

[1]) То же повторяется и на л. 62; соотвѣтствуетъ въ «Зап.» такому же извѣстію на стр. 217.

Нѣтъ.	Въ томъ же 1674 году... врата сгорѣли (216; о пожарѣ митрополичьяго дома. Это извѣстіе вставлено послѣ извѣстія о пріѣздѣ Ѳ. Салтыкова въ Тобольскъ)
жалованное (л. 62)	жалованье (217)
боголюбцу (ib.)	Богомольцу (ib.)
по реклу Спаѳарія, ѳилософъ, сирѣчь мудрый человѣкъ (ib.)	Спафарій сирѣчь мудрый человѣкъ, или философъ, (ib.)
взявъ (л. 62 об.)	взялъ (218)
въ 178 году аѵгуста въ 18 день (ib.)	Августа въ 18 день (ib.)
съ товарищи 8 человѣкъ (ib.)	съ товарищи 50 человѣкъ (ib.)
и кормъ и честью (ib.)	и кормъ имъ съ честію
оправное (л. 63)	убранное (219)
съ субботы на мясопустную недѣлю (л. 63)	въ Субботу на мясопустной недѣлѣ (ib.)
отойде (ib.)	отъиде (ib.)
А царства Его Государева было (ib.)	А царства Его было Государева (ib.)
благословилъ (л. 63 об.)	благоволилъ (ib.)
всея великія и малыя и бѣлыя Россіи (ib.)	всея Россіи (220)
и на всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царствія (л. 63 об.)	Нѣтъ.
Ѳевраля въ 28 день (л. 64)	Февраля въ 23 день (221)
ссылные (л. 64 об.)	и ссыльные всѣ (ib.)
всѣ и съ дѣтми (ib.)	и съ дѣтьми (ib.)
читалъ (ib.)	вычиталъ (222)
облачася въ патрахель и во амфоръ (л. 65)	облечеся въ Епитрахиль (ib.)
приведши (л. 65 об.)	приведчи (223)
а указано (ib.)	а указано были имъ (223—224)
изъ опалы, и велѣно (л. 66)	изъ опалы велѣно (224)
и онѣ всѣ (ib.)	И они всѣ (ib.)
Дьякъ Иванъ Гороховъ былъ со 179-го по 184 годъ въ тоболску былъ 5 годовъ а съ москвы во 179-мъ году сосланъ (ib.)	Нѣтъ.
Ѳедоръ (ib.)	Дьякъ Ѳедоръ (ib.)

3 недѣли (ib.)	на 3 недѣлѣ (ib.)
пріѣхалъ (л. 66 об.)	пріѣхали (ib.)
у иртыша (л. 67)	у Иртышка (226)
Іюня въ 25 день (ib.)	Іюля въ 25 день (ib.)
къ солѣ (ib.)	Пошелъ къ солѣ (ib.)
а митрополь и посланы (ib.)	а Митропольи посланы (ib.)
на войсковомъ (л. 67)	на воинскомъ (226)
Іюня въ 29 день (ib.)	Іюля въ 29 день (ib.)
оба съ женами (ib.)	съ женами (ib.)
заводахъ (л. 67 об.)	острогахъ (ib.)
острожекъ (ib.)	острогъ (227)
дмитрій козминъ (л. 68 об.)	Дмитрій Стараго (228)
съ бояры съ тобольскими сѣдоки (ib.)	съ Бояры Тобольскими и Сѣдоки (ib.)
на силы оничкова мѣсто (ib.)	на мѣсто Силы Аничкова (229)
послалъ (л. 69)	посланъ (ib.)
петръ петровичь борятинской (ib.)	Иванъ Петровичь Борятинской (ib.)
изъ Енисейскова (ib.)	изъ Енисейскаго Даурскаго (ib.)
съ сыномъ ево (ib.)	съ сыномъ (230)
полторы тысящи (ib.)	полтысячи (ib.)
И во 191-мъ году (л. 69 об.)	и въ томъ же году (ib.)
убіенъ бысть и разсѣченъ весь (ib.)	убитъ и изсѣченъ весь (ib.)
Нѣтъ.	лежало тѣло ево (ib.)
и по государеву Указу (л. 70)	и Указу Государеву (231)
Нѣтъ.	пасъ Церковь Божію лѣтъ четырнатцать (ib.)
гостинъ дворъ (ib.)	гостиной дворъ (ib.)
и мирскихъ 105 дворовъ (ib)	и мірскихъ 5 дворовъ (ib.)
и знаменской Монастырь (л. 70—70 об.)	и въ Знаменскомъ монастырѣ (231)
и дворцы все сгорѣло (ib.)	и дворы сгорѣли всѣ (ib.)
шереметевъ молодой (ib.)	Шереметевъ меншой (232)
Измайловъ новой (ib.)	Измайловъ (ib.)
иванъ Савеловъ (л. 71)	Стольникъ и Воевода Иванъ Савеловъ (233)
князь столникъ и воевода (ib.)	Князь (ib.)
а по съѣздѣ (ib.)	а по отъѣздѣ (ib.)
При семъ бояринѣ (л. 71 об.)	При семъ Бояринѣ въ 1678 году (ib.)

	построенъ на
Нѣтъ.	построенъ на старомъ мѣстѣ прежнемъ, (ib.)
Нѣтъ.	Того жъ года въ Маіѣ...... по Дѣвичь монастырь (изв. о пожарѣ) (ib.)
Богопорученный (ib.).	Богомъ порученный (234)
поставленный (ib.)	новопоставленный (ib.)
во 186-мъ году ключевое слово и, а во 187 ключь ы.	Нѣтъ.
Нѣтъ.	Въ томъ же 1679 году... съ бѣлою шапкою (234. Изв. о самосожженіи раскольниковъ и ѳ пожалованіи арх. Матвѣя бѣлою шапкой).
послѣди (л. 71 об.)	послѣ (235)
Нѣтъ.	Въ 1680 году марта 18......... а третій въ 40 пудъ (ib. извѣстіе о привозѣ колоколовъ)
иванъ ѳедоровъ сынъ погожевъ (л. 72)	Стольникъ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Погожевъ (ib.)
князь василій гогаринъ (ib.)	Стольникъ, Князь Василей Гагаринъ (236)
и со 189 (л. 72 об.)	И 1681 году (ib.)
и въ кое время (ib.)	и въ тое время (ib.)
службы ихъ (ib.)	службы (ib.)
не велѣно (ib.)	велѣно (ib.)
Карсаковъ (ib.)	Корсаковъ-Римской (237)
Нѣтъ.	Въ 1680 году..... и Боярской дворъ (237–238. Изв. о пожарѣ на Абалакѣ, о пожарѣ 3 авг. 1680 г. въ Тобольскѣ, о возобновленіи острога въ 1681 г.)
пришла къ нему (л. 73)	пришла къ нему въ 1684 году (238)
въ томской (ib.)	въ Томскомъ (ib.)
Нѣтъ.	присланъ былъ..... и Красноярскъ (ib.)

а водилъ ево [1]) діакъ алмазъ чистова (ib.)	Нѣтъ.
Нѣтъ.	А на Тюмени съ уѣздомъ.... Аѳанасей Михайловской (ib.)
Михайло (л. 73).	Михайло Приклонской (238)
	Въ „Зап.“ послѣ извѣстія о выдачѣ М. Приклонскаго головою митр. Павлу слѣдуютъ слова: „а водилъ ево Дьякъ Алмазъ Чистого“ (238). Въ „Кн. Зап.“ эти слова отнесены въ Арт. Дурному. (См. выше).
не получилъ (л. 73 об.)	получилъ (239)
Нѣтъ.	и Боярской дворъ и на проѣжжей башнѣ часы (ib.)
Нѣтъ.	Боярской дворъ (ib.)
Нѣтъ.	При тѣхъ же воеводахъ.... въ Октябрѣ 1686 года. (239—240)
Тимофей ртищевъ (л. 74)	Тимоѳей Григорьевъ сынъ Ртищевъ (241)
На березовѣ воевода столникъ левъ андреевичъ веляминовъ (л. 74 об.)	На Березовѣ Воевода, Стольникъ, Михайло Ивановъ сынъ Франтовъ (ib.)
(Показанъ березовскимъ воеводой).	Въ Сургутѣ Воевода, Стольникъ, Левъ Андреевичъ Вельяминовъ (ib.)
да съ нимъ [2]) леонтей кислянской старой (л. 74 об.)	Нѣтъ.
полтовъ (ib.)	Полтевъ (ib.)
кравковъ товарищемъ (ib.)	Кравковъ (242)
умре въ сибирѣ [3]) (л. 74 об)	Нѣтъ.
Нѣтъ.	И въ 1681 году по Указу........ ...жители и Татары. (242—243)
Нѣтъ.	и съ милостивымъ словомъ (243)
съ дьяками (л. 75)	съ Дьяками, Злобинымъ и Парѳеновымъ (ib.)

---

[1]) Артемія Дурного.

[2]) Съ Енисейск. письменн. головой Окуловымъ.

[3]) Воейковъ.

на московскомъ царствѣ (л. 75 об.)	на Московскомъ Государствѣ (244)
Патріарха московскаго (ib.)	Патріарха Московскаго и всея Россіи (ib.)
жилецкихъ (л. 76)	жительскихъ (245)
тогожъ дни (ib.)	тогожъ дня (ib.)
Нѣтъ.	А Боярину и Воеводамъ, Князю Алексѣю Андреевичу Голицыну....... не ученыхъ Божественнаго Писанія. (245—246)
Тогожъ 190 году (ib.)	Тогожъ 1682 года Маія въ 15 день (246)
Артемья Матѳеева (ib.)	Артемона Сергѣевича Матѳеева (247)
разсѣчены на части (л. 76 об.)	и разсѣкли на части (ib.)
Горюкина (ib.)	Горюшкина (ib.)
на правежехъ (л. 76 об.)	на правежѣ (247)
кто бояръ (ib.)	которые бояры (ib.)
Нѣтъ.	а не на площади..... разослаша (ib.)
городъ и сами (л. 77)	городъ (248)
на анологіяхъ (ib.).	на аналояхъ (ib.)
расколные (ib.)	раскольническіе (ib.)
и за то онъ попъ никита отлученъ назавтре[я] Іюля въ 6 день казнь а не на площадѣ голова отсѣчена чернцовъ въ подначальства разослаша, а мірскіе розбрелись безвѣстно. (ib.)	и за то онъ, попъ отлученный Никита, назавтря Іюля въ 9 день казненъ (ib.)
Нѣтъ.	Въ 1683 году, Іюня въ 22 день..... и совершена 1685 году (ib.)
Нѣтъ.	И тогожъ 1684 года Маія 17 дня .... казенные деньги. (249)
въ сибирь (л. 77 об.)	пріѣхалъ въ Сибирь (ib.)
Густовъ (л.л. 78, 79)	Айгустовъ (249, 253)
съ осадомъ (?) (л. 78)	съ судомъ (250)
апреля въ 11 день (ib.)	1684 году Апрѣля въ 11 день (ib.)
въ шишкинѣ (л. 78)	въ Шишкинской (ib.)
Нѣтъ.	Въ томъ же 1684 году, указали.... .... въ 1634 году, въ разныхъ мѣсяцахъ и числѣхъ. (250—251)

къ москвѣ [1]) проѣхалъ (л. 78)	поѣхалъ къ Москвѣ (251)
Масальской, со 191-го года (ib.)	Мосальской (ib.)
крестьянинъ (л. 78 об.)	крестникъ (252)
Въ Даурѣхъ старые (л. 79)	Въ Даурѣхъ, въ Албазинскомъ (ib.)
Нѣтъ.	А въ 1685 году Китайскіе... девять сотъ человѣкъ (253)
съ войсковымъ (лл. 79, 80 об., 82 об.)	съ воинскимъ (254, 256, 260)
ивановъ сынъ (л. 79)	Ивановъ (254)
и всѣхъ 500 человѣкъ (ib.)	и всѣхъ 600 человѣкъ (ib.)
на усть ибамура (?) (л. 79 об.)	на устьи Амура (ib.)
Нѣтъ.	Того жъ 1685 года, по благословенію... Сент. 6 дня 1686 года (ib.)
китайцы (ib.)	какъ Китайцы (ib.)
китайскіе уѣзды (ib.)	въ Китайскіе уѣзды (255)
алексей де Толбузинъ изъ нерчинскаго опять пошелъ (ib.)	Нѣтъ.
Өонякова (ib.)	Венюковъ (ib.)
посыланъ (л. 80)	присыланъ (ib.)
гадамуръ, гадамуромъ (л. 80)	Гайдамуръ, Гайдамуромъ (256)
Того жь году іюня въ 24 день (л. 80 об.)	Эти слова отнесены въ „Зап.“ къ изв. о караванѣ; слова же: „Попъ съ ними Петропавловской“—къ поѣздкѣ Гантимура (256).
Евдокимъ витязевъ (л. 80 об.)	Иванъ Витезевъ (256)
взять (ib.)	взята (ib.)
въ нынѣшнемъ 194-мъ году (ib.)	Въ 1686 году (ib.).
съ перечникомъ (?) (ib.)	съ передникомъ (257)
Нѣтъ.	Тогожъ году въ Тобольску... каменные и башни (257)
древянные (л. 81)	деревянные (ib.)
поѣхалъ (л. 81 об.)	пріѣхалъ (258)
бытія (ib.).	бытія ево (ib.)
191-го генваря въ 2 день (ib)	Нѣтъ.
обѣихъ взялъ (л. 82)	обоихъ взялъ (259)
съ того дня съ путешествія его архіерейскаго изъ тобольска къ	Нѣтъ.

[1]) Повторяется дважды.

москвѣ и изъ москвы въ тобольскъ и на москвѣ житія годъ и десять дней [1]). (ib.)	
околничій и воевода (ib.)	Окольничій (ib.)
да дьяку съ окольничьимъ (л. 82—82 об.).	да Дьяку (ib.)
юдину (л. 82 об.)	Юдину изъ Енисейскова (ib.)
Нѣтъ.	и Капитаны, и Поручтики, и Прапорщики (259)
посломъ (л. 82 об.)	Великимъ и Полнымъ Посломъ (260)
брано дружины (ib.)	брано (ib.)
Ѳоминовичь (л. 83)	Филимоновичь (ib.)
бурцовъ (ib.)	Бурцовъ, которой тутъ и умре (ib.).
На л. 83: сначала записано извѣстіе объ Игнатіи Дурново, затѣмъ о Григ. Синявинѣ, наконецъ—объ Юрьевѣ.	Извѣстіе объ Юшковѣ поставлено впереди, далѣе — о Дурново и Синявинѣ (261).
юрьевъ (ib.)	Юшковъ (ib.)
На л. 83: извѣстіе о Колобовѣ, затѣмъ о Борисовѣ.	Сначала о Борисовѣ, далѣе— о Колобовѣ (ib.).
Иванкинъ (л. 83)	Ивашкинъ (ib.)
матѳеевичь (л. 83 об.)	Матѳѣевъ сынъ (ib.)
и во 194-мъ году (ib.)	и въ 1684 году (ib.)
башковъ (ib.)	Башковской (262)
со 192 (ib.)	съ 1684 году (ib.)
остафьевъ (л. 84)	Евстафіевъ (ib.)
ондряша асламовъ (ib.)	Ондреяша Османовъ (263)
я съ тары въ тобольскъ (ib.)	въ Тобольскъ (ib.)
благостояніи (л. 84 об.)	благосостояніи (ib.)
на Сибирѣ то молебство (ib.)	Въ Сибири молебство (ib.)
съ забой (ib.)	съ заводу (264)
отъ киргинскіе (ib.)	отъ Киргизскія (ib.)
апрѣля въ (пробѣлъ) день Тюменской городъ (л. 85)	Апрѣля въ день 26 Тобольской городъ (264)
	и Ильи Пророка церковь и съ колокольни и ряды — эти слова

[1]) По смыслу, слова эти должно относить къ извѣстію о поѣздкахъ Павла въ Москву находящемуся на л. 81 об.

	въ ркп. слѣдуютъ послѣ словъ: Спасскіе двѣ церкви (л. 85; стр. 264).
по церкви Знаменія (ib.)	да церкви Знаменія (ib.)
въ раскольную (ib.)	въ раскольничью (ib.)
разсыланы (ib.)	посыланы (ib.)
подати (ib.)	палаты (ib.)
и ихъ де они разговорили и по своимъ жилищамъ разъѣхались всѣ. (ib.)	Нѣтъ.

§ 4. Приведенное сличеніе показываетъ, что между разсматриваемыми памятниками есть достаточное количество разногласій. Но, несмотря на это, основа обоихъ памятниковъ одна и та же; они исходятъ изъ одного общаго источника, такъ что, очевидно, въ „Книгѣ Записной“ и „Запискахъ“ мы имѣемъ одинъ и тотъ же памятникъ, но только на различныхъ ступеняхъ его развитія. Чтобы точнѣе опредѣлить взаимное отношеніе этихъ памятниковъ, необходимо классифицировать ихъ отличія. Главнѣйшія отличія сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, къ извѣстіямъ одиночнымъ, т.-е. къ такимъ, которыя находятся или только въ „Книгѣ Записной“, или только въ „Запискахъ“; во-вторыхъ, къ извѣстіямъ противорѣчивымъ. Извѣстія одиночныя, вошедшія только въ „Книгу Записную“, суть слѣдующія:

О ключевомъ словѣ того года, въ который пріѣхалъ Кипріанъ въ Сибирь. Дата пріѣзда его 30 мая (1621 г.) (л. 18 об.).

О ключевомъ словѣ 133-го года (л. 22 об.).

О ключевомъ словѣ 144-го года (л. 29 об.).

О ключевомъ словѣ 148-го года (л. 32).

О призваніи царемъ Нектарія въ Москву, о смерти его и погребеніи въ Ниловой пустыни (л. 32 об.).

О заточеніи матери и сестры кн. Д. Алачева въ монастырь (л. 34 об.).

О ключевомъ словѣ 159-го года (л. 43).

О ключевомъ словѣ 172-го года и вруцѣлѣтѣ (л. 51).

О поставленіи острога въ Тобольскѣ по приказанію воеводы Григорія (Бутурлина), въ 174-мъ году (л. 51 об., двойное извѣстіе).

Ключевое слово 176-го года (л. 54).

О пріѣздѣ Данилы Аршинскаго въ Тобольскъ, 3 окт. 183 года (л. 59 об.—60).

О пребываніи дьяка Горохова въ Тобольскѣ (л. 66).

О ключевыхъ словахъ 186-го и 187-го годовъ (л. 71 об.).

О дьякѣ Кислянскомъ (л. 74 об.).

О смерти Воейкова въ Сибири (ib.).

Опредѣленіе продолжительности отсутствія Павла во вторую поѣздку его въ Москву (л. 82).

Объ уходѣ раскольниковъ съ Юрмыча (л. 85).

Извѣстія, вошедшія только въ „Записки“:

О награжденіи Ермака жалованьемъ и милостивымъ словомъ (105).

О приводѣ къ присягѣ мангазейскихъ тунгусовъ, самоѣдовъ и остяковъ. О провѣдываніи Мангазеи Ѳ. Дьяковымъ (115).

О поставленіи церкви Николая Чудотворца на Пермскомъ взвозѣ (117).

О взятіи дьяка Хапугина въ Москву (123).

О кетскомъ воеводѣ Гр. Елизаровѣ (1608—1609 г.) (ib.).

Объ учрежденіи кружечныхъ дворовъ въ Тобольскѣ, въ 1617 году (132).

О разспросѣ Кипріаномъ сподвижниковъ Ермака о бояхъ, принесеніе ими записей, установленіе обычая поминать казаковъ, погибшихъ при завоеваніи Сибири (136).

О мангазейскомъ воеводѣ Тимоѳеѣ сынѣ Степановѣ, о березовскомъ—кн. М. В. Бѣлосельскомъ (146).

О пожарѣ Кетскаго острога при воеводѣ Полтевѣ (ib.).

О грамотѣ Филарета арх. Макарію, въ 1628 г. (147—148).

О присылкѣ въ Туринскій острогъ вмѣсто Волынцева — воеводы Мих. Тюхина (150).

О явленіи Богородицы въ селѣ Абалакѣ, въ 1636-мъ году (156—157).

О сведеніи на житье 300 человѣкъ съ Вологды и Нижняго Новгорода въ Тару, 1639 г. (157).

О письменномъ головѣ Н. Жабрынинѣ (158).

О письменномъ головѣ П. Бекетовѣ и подьячемъ В. Шпилькинѣ (160).

О туринскомъ воеводѣ кн. П. Борятинскомъ (168).

О пожалованіи архимандритамъ Знаменскаго монастыря бѣлой шапки (1652 г.) и о поставленіи протопоповъ по сибирскимъ городамъ (181).

О посылкѣ въ Пелымъ на мѣсто П. Львова воеводы П. Измайлова (183).

О тобольскомъ пожарѣ въ ноябрѣ 1657 г., о запрещеніи Симеону служить, 1657—1658 г. (189).

О смерти воеводы Кондырева въ Сургутѣ (190).

О пожарѣ Знаменскаго монастыря, 23 мая 1659 г. (192).

О пребываніи въ Томскѣ Д. Хрущова (194).

О появленіи Симеона въ Покровскомъ монастырѣ (195).

О наборѣ рекрутъ въ Тобольскѣ и другихъ сибирскихъ городахъ пріѣхавшими въ 1661 г. военными чинами и о бояхъ съ инородцами до 1677 г. О построеніи въ Тобольскѣ новаго острога, 1661 г.; о дороговизнѣ хлѣба въ Тобольскѣ, 1662 г. О пожарѣ 1662 г. (196—197).

О поставленіи Корнилія архіепископомъ въ Сибирь и о пріѣздѣ его въ Тобольскъ (198).

О построеніи моста и лѣстницы на Софійскій звонъ (211).

О смерти дьяка В. Шпилькина (215).

О пожарѣ въ Знаменскомъ монастырѣ 18 апр. 1674 г. (216).

О пожарахъ въ Тобольскѣ въ маѣ и іюнѣ 1678 г. (233).

О самосожженіи раскольниковъ, въ 1679 г. О пожалованіи енисейскаго архимандрита Матвѣя бѣлою шапкой (234).

О привозѣ колоколовъ въ Тобольскъ, въ 1680 году (235).

О пожарѣ на Абалакѣ, 3 авг. О пожарѣ въ Тобольскѣ 3 августа 1680 г. О возобновленіи острога въ 1681 г. (237—238).

Перечисленіе городовъ, въ которые былъ посланъ Арт. Герас. Дурной для переписи (238).

О пожарѣ на Боярскомъ дворѣ (239).

О построеніи въ Тобольскѣ новаго острога и разныхъ зданій; о паденіи соборной церкви въ 1684 г. и новой ея постройкѣ (239—240).

О сургутскомъ воеводѣ Стольн. Л. Вельяминовѣ (241).

О приводѣ къ присягѣ сибирскихъ городовъ на вѣрность царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ, въ 1682 г.; о самосожженіи раскольниковъ въ Утяцкой слободѣ въ 1682 г. (245—246).

О построеніи колокольни, 1683—1685 г. (248).

О привозѣ колоколовъ въ Тобольскъ, 1684 г. (249).

О наборѣ войска въ Даурію (250—251).

О первомъ взятіи Албазина и о вторичной осадѣ его китайцами (253).

О построеніи Преображенской церкви въ Знаменскомъ монастырѣ (254).

О построеніи воротъ и Сергіевской церкви (257).

О смерти дьяка Бурцова на Верхотурьѣ [1]).

Къ извѣстіямъ противорѣчивымъ относятся слѣдующія.

Число погибшихъ съ Ермакомъ казаковъ „Записки" опредѣляютъ въ 150 чел. (105), „Книга Записная"—въ 108 (л. 1 об.).

Продолжительность царствованія Ѳеодора Алексѣевича „Кн. Зап." опредѣляетъ въ 17 годовъ 7 мѣс. 6 дн. (л. 6 об.), „Зап." — 13 год. 7 мѣс. 6 дн. (113).

Продолжительность жизни Ѳедора Алексѣевича „Кн. Зап." опредѣляетъ въ 36 л. 3 мѣс. 6 дн. (л. 6 об.), „Зап." — въ 36 л. 7 мѣс. 6 дн. (113).

Верхтагильскій городокъ стоялъ по „Кн. Зап." 3 года (л. 7 об.), по „Зап."—7 лѣтъ (115).

Лжедимитрій убитъ по „Кн. Зап." (л. 11)—31-го мая, по „Зап."—16-го мая (121).

Тѣло патр. Гермогена перенесено изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ по „Кн. Зап."—черезъ 9 лѣтъ послѣ смерти Гермогена (л. 14 об.), по „Зап."—чрезъ 6 лѣтъ (127).

Филаретъ былъ въ Польшѣ по „Кн. Зап."—24 года (л. 14), по „Зап."—9 лѣтъ (126).

Патріаршій престолъ оставался незанятымъ по „Кн. Зап."—8 лѣтъ полтора мѣсяца и 8 дней (л. 15), по „Зап."—8 лѣтъ 2 мѣсяца и 8 дней (128).

Кипріанъ прожилъ въ Сибири по „Кн. Зап."—2 г. 8 мѣс. съ полмѣсяцемъ (л. 22); по „Зап." —2 г. 5 мѣс. 5 дней (142).

Пріѣздъ кн. А. Хованскаго въ Тобольскъ по „Кн. Зап."—134 г. 24 февр. (л. 23), по „Зап."—24 янв. 1626 г. (143).

Смерть кн. Трубецкого (1625 г.) по „Кн. Зап." — 24 іюня (л. 23), по „Зап."—24 іюля (143).

Начало похода 1640 г. по „Кн. Зап."—іюля въ 25 день (л. 32), по „Зап."—іюля въ 26 день (163).

---

[1]) Къ этой же группѣ извѣстій одиночныхъ, встрѣчающихся только въ одномъ изъ памятниковъ, относятся также слѣдующія мелкія извѣстія. Въ «Книгѣ Записной»—о возвращеніи тобольскихъ служилыхъ людей, 15 окт. 1640 г. (л. 33); о пребываніи сестры кн. Алачева въ монастырѣ подъ началомъ (л. 34 об.); объ отказѣ кн. И. Салтыкова выдать печати (л. 55 об.). Въ «Запискахъ»: объ уходѣ русскихъ изъ Сибири (106); опредѣлено число посланныхъ съ Шаховскимъ и Хрипуновымъ служилыхъ людей (114); упоминаніе о дьякѣ Бутримовѣ, посланномъ съ кн. Елецкимъ (139); объ употребленіи мѣдныхъ денегъ, 1663 г. (188); мѣсто смерти воеводы М. Лодыженскаго указано въ острогѣ Маковскомъ (191); объ убіеніи Обухова Н. Черниговскимъ (200); о пріѣздѣ арх. Корнилія въ Москву, 13 марта 1668 г. (203); указанъ мѣсяцъ, когда Шульгинъ смѣнилъ Аршинскаго (213); указано число мѣсяца при извѣстіи о возмущеніи стрѣльцовъ (246); поименованы дьяки, оставшіеся съ Яковлевымъ: Злобинъ и Парѳеновъ (243).

Дьяки смѣны кн. Пронскаго жили въ Тобольскѣ по „Кн. Зап.“— съ 151 г. (л. 34); по „Зап.“—съ 1645 г. (165).

Имя кн. Мещерскаго по „Кн. Зап.“ — Өедоръ (л. 35 об.); по „Зап.“—Никифоръ (168). Отчество Зубова по „Кн. Зап.“ — Ивановичъ (л. 36); по „Зап.“ — Никитинъ (169). Пріѣздъ Симеона въ Тобольскъ по „Кн. Зап.“—20 дек. 160 г., входъ въ Софійскій соборъ— 21 дек. (л. 42 об.—43), по „Зап.“—пріѣздъ 17 апр. 1652 г., входъ— 18 апрѣля (180).

Время пребыванія въ Тобольскѣ Герасима по „Кн. Зап.“—9 лѣтъ и полседьма мѣсяца (л. 41 об.); по „Зап.“—9 лѣтъ и полтретья мѣсяца. Смѣна тюменскаго воеводы М. Ельдезина произошла по „Кн. Зап.“—по гражданскому челобитью (л. 44); по „Зап.“—по государскому челобитью (182). Пріѣздъ Симеона въ Тобольскъ по „Кн. Зап.“— 24 дек. 163 г. (л. 45); по „Зап.“—14 дек. (184).

Отчество А. Пашкова по „Кн. Зап.“—Өилатовъ (л. 48); по „Зап.“— Филипповъ (190).

Смерть томскаго воеводы Бутурлина по „Кн. Зап.“—4 янв. 174 г. (л. 52 об.); по „Зап.“—4 дек. 1666 г. (200).

Прибытіе Акинфова въ Тобольскъ по „Кн. Зап.“—3 сент. 178 г. (л. 56 об.); по „Зап.“—1 сент. 1670 г. (207).

Вѣсъ ковша, пожалованнаго Аршинскому, опредѣляется „Кн. Зап.“ въ $8^1/_2$ фунтовъ (л. 60); „Зап.“—въ полтора фунта (213).

Свита Милованова опредѣлена „Книгой Зап.“—въ 8 челов. (л. 62 об.); „Записками“—въ 50 человѣкъ (218).

Отходъ каравана къ Ямышеву озеру по „Кн. Зап.“ — 25 іюня (л. 67); по „Зап.—“25 іюля (226). То же объ отъѣздѣ Л. Толбузина.

Прибытіе кн. Козловскаго въ Тобольскъ по „Кн. Зап.“—28 февр. 1842 г. (л. 64); по „Зап.“—23 февр. 1676 г. (221).

Имя Барятинскаго по „Кн. Зап.“—Петръ (л. 69); по „Зап.“— Иванъ (220).

Боярину А. Матвѣеву было дано по „Кн. Зап.“—1500 рублей (л. 69); по „Зап.“—только 500 р. (230).

Число сгорѣвшихъ во время пожара 1677 г. дворовъ опредѣляется по „Кн. Зап.“ цифрой 105 (л. 70); въ „Зап.“—5 (231).

Березовскимъ воеводой съ 1682 г. въ „Кн. Зап.“ показанъ Вельяминовъ (л. 74), въ „Зап.“—Франтовъ, а Вельяминовъ показанъ сургутскимъ (241).

Казнь Никиты въ „Кн. Зап.“ — 6 іюля (л. 77); въ „Зап.“— 9 іюля (248).

Число посланныхъ при кн. С. Прозоровскомъ въ Даурію служилыхъ людей „Книгой Зап." опредѣлено въ 500 чел. (л. 79); въ „Зап."—600 чел. (254). Впрочемъ, число посланныхъ изъ каждаго города указано „Зап." вѣрно; ошибка въ суммѣ.

Имя дьяка Витязева въ „Кн. Зап."—Евдокимъ (л. 80 об.); въ „Зап."—Иванъ (256).

§ 5. Разсматривая характеръ извѣстій одиночныхъ, вошедшихъ только въ „Книгу Записную", можно видѣть, что они почти всѣ относятся къ церковной жизни г. Тобольска: таковы извѣстія о ключевыхъ числахъ разныхъ годовъ (индиктѣ и вруцѣлѣтѣ). Изъ событій нецерковныхъ внесены только: о поставленіи тобольскаго острога по приказанію воеводы Бутурлина, о пріѣздѣ Аршинскаго въ Тобольскъ, о дьякѣ Гороховѣ и Кислянскомъ, о смерти Воейкова. Такимъ образомъ, характеръ одиночныхъ извѣстій „Книги Записной" попреимуществу церковный. Одиночныя извѣстія, принадлежащія только „Запискамъ", разнообразны и не отличаются однимъ общимъ характеромъ. Ихъ можно подраздѣлить на нѣсколько разрядовъ: 1) извѣстія о мѣстной жизни города Тобольска, 2) нѣсколько извѣстій о воеводахъ и другихъ служилыхъ людяхъ, о нѣкоторыхъ административныхъ распоряженіяхъ, 3) нѣсколько извѣстій о церковной жизни г. Тобольска. Одиночныхъ извѣстій, принадлежащихъ „Запискамъ", больше, чѣмъ одиночныхъ извѣстій, принадлежащихъ „Книгѣ Записной".

Что же касается извѣстій противорѣчивыхъ, то должно замѣтить, что противорѣчія эти, какъ видно изъ сличенія, касаются по бо́льшей части датъ, цифровыхъ данныхъ и лишь въ немногихъ случаяхъ относятся къ именамъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей. Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій даже и не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи Сибири. По существу своему, противорѣчія эти не важны, а происхожденіе ихъ можетъ быть объяснено ошибками переписчиковъ.

§ 6. Года считаются въ „Книгѣ Записной" отъ сотворенія міра, въ „Запискахъ"—отъ Рождества Христова. При переложеніи сентябрскаго года на январскій, въ „Запискахъ" допущена одна важная погрѣшность, а именно—не принята во вниманіе разница въ послѣднихъ мѣсяцахъ, существующая между годами сентябрскимъ и январскимъ. Поэтому, нѣкоторыя событія, происшедшія отъ сентября до января, въ „Запискахъ" обозначены годомъ позже. Это обстоятельство необходимо всегда имѣть въ виду при пользованіи „Записками". Нижеслѣдующая таблица показываетъ случаи, въ которыхъ года въ „Зап." обозначены невѣрно.

Книга Записная:	Записки:
Во 143-мъ году въ мѣсяцѣ ноября въ 6 числѣ (л. 28 об.).	Въ 1635 году въ ноябрѣ (154).
со 151-го году съ мѣсеца аvгуста съ 1 числа (л. 31).	съ 1642 году съ мѣсяца Августа съ 1 числа (160).
и во 155-мъ году въ мѣсяцѣ октябрѣ въ 3 числѣ (л. 31 об.).	И въ 1647 году въ мѣсяцѣ Октябрѣ въ 3 числѣ (160).
во 155-мъ году ноября въ 29 день (л. 31 об.).	въ 1647 году Ноября 25 дня (161).
во 156-мъ году октября въ 1 день (л. 36 об.).	въ 1648 году Октября въ 1 день (169).
во 156-мъ году въ началѣ (л. 40).	въ 1648 году въ началѣ (175).
во 163 году декабря въ 24 день (л. 45).	Въ 1655 году Декабря въ 14 день (184).
по 178 годъ сентября по 6-е число (л. 53).	по 1670 годъ сентября по 6 число (201).
176 сентября съ 1-го числа (л. 55 об.).	1668 году, Сентября съ 1 числа (206).
И во 178-мъ году сентября съ 3 числа (л. 56 об.).	Въ 1670 году сентября съ перваго числа (207).
да 178 году съ начала (л. 58 об.).	Съ 1670 году съ начала (211).
перемѣнилъ во 182 году (л. 59 об.).	перемѣнилъ въ 1674 году октября въ 3 день (213).
во 181 году ноября въ 24 день (л. 60).	Въ 1673 году Ноября въ 24 день (213).
181 году ноября въ 27 день (л. 60 об.).	1673 Ноября въ 27 день (214).
во 186 году декабря противъ 24 числа въ нощи (л. 70 об.).	въ 1678 году Декабря противъ 24 числа въ ночи (231).
И во 188 году декабря въ 18 день (л. 71).	Въ 1680 году Декабря въ 18 день (233).
193 года сентября въ 13 день (л. 79).	въ 1685 году Октября въ (пробѣлъ) день (254).
во 194 году октября въ 17 день (л. 80 об.).	въ 1686 году октября въ 17 день (256).
во 195 году сентября въ 19 день (л. 84).	Въ 1687 году (263).

Съ другой стороны, есть случаи, когда года переложены вѣрно, и принята во вниманiе разница между сентябрскимъ и январскимъ годами. Такъ, напр., см. стр. 240, 243.

Есть такіе случаи, когда между датами „Кн. Зап.“ и „Зап.“ является уже прямое противорѣчіе, которое нельзя объяснить указанною выше причиной:

въ 174-мъ году (л. 51 об.).	въ 1664 году (198).
по 183 годъ (лл. 58—58 об.).	по 1673 годъ (210).
во 190 году февраля въ 1 день (л. 75).	1683 году, Февраля въ 1 день (243).

§ 7. „Книга Записная“ можетъ служить иногда для установленія правильнаго чтенія текста „Записокъ“. Къ подобнымъ случаямъ, въ которыхъ положительно можно исправить текстъ „Записокъ“, относятся слѣдующіе:

Книга Записная:	Записки:
съконскими ратными людми (л. 11 об.).	съ Донскими и ратными людми (123).

Слова: „а на горѣ въ успенскомъ монастырѣ, еще въ мужескомъ“ „Книгой Записною“ отнесены къ послѣдующему, что̀ и требуется смысломъ (Кн. Зап., л. 12 об. и 13. Зап., 124).

за свинецъ (л. 34).	да и въ винъ (165).
А дьякамъ въ той перемѣнѣ велѣно быть до указу старымъ Ѳедору протопопову да григорью михайлову. Ѳедоръ протопоповъ въ тоболску умре (л. 66).	А Дьякомъ въ той перемѣнѣ велѣно быть до Указу, съ Тары Ѳедору Протопопову. Дьякъ Ѳедоръ Протопоповъ въ Тобольскѣ и умре въ 1677 году, Марта въ 13 день, во вторникъ, на 3 недѣлѣ Великаго Поста; да Григорью Михайловичу (224).

Чтеніе „Записокъ“ неправильно. Дьяки Ѳ. Протопоповъ и Г. Михайловъ въ предыдущую смѣну (кн. П. М. Салтыкова и И. Ѳ. Пушкина) были не въ Тарѣ, а въ Тобольскѣ, что̀ обозначено и самими „Записками“ (214); поэтому они правильно названы въ „Книгѣ Записной“ старыми. Второй дьякъ былъ: Григорій Алексѣевъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, неправильный текстъ „Книги Записной“ можетъ быть возстановленъ при помощи „Записокъ“.

Книга Записная:	Записки:
дьяка Ивана Шевырева взять (л. 18 об.).	Дьяка Ивана Шевырева зять (135).

Чтеніе „Записокъ“ должно признать правильнымъ, ибо изъ контекста не видно, чтобы Байгашинъ увезъ дьяка въ Москву. Дьякъ умеръ въ Тобольскѣ.

Ивану Гогарину, по оному (л. 47), Ивану Гагарину Посному (188).

Въ рукописи явная ошибка, ибо князь И. И. Гагаринъ упоминается въ ней и ранѣе (см. л. 44 об.).

къ Господинъ дуку Тайшѣ. къ Яндуку Тайшѣ (211).

Титулъ тайши въ „Кн. Зап." нисколько не опредѣляетъ этого владѣтеля. Правильнѣе, кажется, чтеніе „Записокъ".

Иванъ базинской (л. 67 об.), и въ Албазинскомъ (226).

Чтеніе „Книги Зап." явно ошибочно.

попъ съ ними петропавловской (л. 80 об.). Эти слова необходимо, кажется, относить къ извѣстію о поѣздкѣ Гантимура въ Москву (или о возвращеніи его въ Даурію), какъ это читается въ „Запискахъ" (256). Тогда въ слѣдующемъ извѣстіи о караванѣ къ Ямышеву озеру будетъ соотвѣтствіе датъ—выступленія и возвращенія. Можно предполагать еще, что указанныя слова поставлены не на мѣстѣ; ихъ слѣдовало бы помѣстить послѣ перечисленія служилыхъ людей, ѣздившихъ къ озеру. Въ послѣднемъ случаѣ дата: тогожъ году іюня въ 24 день—должна быть отнесена къ послѣдующему.

Наконецъ, есть случаи, когда невозможно опредѣлить, въ которомъ памятникѣ чтеніе правильнѣе.

и въ пріѣздѣ съ москвы (Кн. Зап., л. 60); и въ пріѣздъ на Москву (Зап., 213). Которое изъ этихъ чтеній правильно, рѣшить нельзя, ибо неизвѣстно, когда Аршинскій пріѣхалъ въ Москву и возвратился въ Тобольскъ.

Такимъ образомъ, текстъ обоихъ памятниковъ нельзя признать исправнымъ.

§ 8. Послѣ вышеприведеннаго сличенія „Книги Записной" и „Записокъ" можно приступить къ выясненію взаимнаго отношенія этихъ памятниковъ. При этомъ можетъ быть два предположенія: во-первыхъ, „Книга Записная" есть копія съ печатнаго текста „Записокъ" и, во-вторыхъ, „Записки" имѣютъ источникомъ „Книгу Записную" и писаны съ такой рукописи, которая была доведена до того же времени, до какого доведены и „Записки" [1]).

Первое предположеніе не должно казаться нелѣпымъ, ибо въ сибирскомъ лѣтописаніи бывали случаи, когда составители лѣтописей пользовались печатными матеріалами: тобольскій лѣтописецъ Илья [2]) Че-

---

[1]) Списокъ, хранящійся въ библ. Тоб. собора, доведенъ, какъ мы видѣли выше, только до 1687 г.; слѣд., событій 15 лѣтъ въ немъ нѣтъ. Вѣроятно, списокъ этотъ не оконченъ, на что указываютъ послѣдніе листы, оставленные бѣлыми.

[2]) Или Иванъ, какъ показано Е. В. К—ымъ. См. Тоб. Губ. Вѣд., 1894 г., № 20.

репановъ выписывалъ изъ книги Миллера, а Пежемскій пользовался тоже печатными матеріалами. Могло быть, что какой нибудь любитель старины переписалъ для себя „Записки". Но предположеніе это, возможное въ виду указанныхъ обстоятельствъ, не имѣетъ достаточнаго основанія по слѣдующимъ причинамъ. Принять его препятствуетъ, во-первыхъ, лѣтосчисленіе. Составителю „Книги Записной" пришлось бы переводить года отъ Рожд. Христ. на сентябрское лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, а затѣмъ, добавивъ извѣстія о церковной жизни, пришлось бы выбросить многія извѣстія разнообразнаго характера, которыя находятся въ „Запискахъ". Поэтому лучше, кажется, принять второе предположеніе, заключающееся въ томъ, что „Записки" произошли изъ „Книги Записной". Составитель „Записокъ" перевелъ сентябрскіе годы на январскіе, затѣмъ выпустилъ однообразныя извѣстія, касающіяся церковныхъ событій, между ними — о ключевыхъ числахъ, и дополнилъ свое изложеніе разнообразными извѣстіями о г. Тобольскѣ, о нѣкоторыхъ воеводахъ и служилыхъ людяхъ. Въ такомъ случаѣ, самый процессъ образованія „Записокъ" представляется въ такомъ видѣ. Изъ отдѣльныхъ записей составлена была „Книга Записная". Эта „Книга" подверглась затѣмъ нѣкоторой передѣлкѣ, причемъ кое-какія извѣстія были изъ нея выпущены, кое-что прибавлено; можетъ быть, даже она была продолжена, и такимъ образомъ составились „Записки" въ томъ объемѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь. Слѣдовательно, въ „Книгѣ Записной" мы имѣемъ болѣе древній, сравнительно съ „Записками", списокъ со сводной лѣтописи г. Тобольска, и притомъ нѣсколько иной редакціи. Первообразъ же „Книги Записной" и „Записокъ", или ихъ первоисточникъ, составляютъ первоначальныя записи.

§ 9. Все сказанное въ этомъ отдѣлѣ касается лишь отношенія „Книги Записной" къ „Запискамъ", а не содержанія перваго памятника, которое разсмотрѣно въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Чтобы правильно пользоваться „Записками", необходимо каждый разъ сопоставлять извѣстіе этого памятника съ таковымъ же „Книги Записной". Въ этомъ и состоитъ все значеніе „Книги Записной".

Глава III.

«Записки, къ сибирской исторіи служащія».

§ 1. Полное заглавіе этой лѣтописи таково: „Записки, къ Сибирской Исторіи служащія, | или | Описаніе | Сколько въ Сибири, въ Тобольскѣ и во | всѣхъ Сибирскихъ городахъ и острогахъ | съ начала взятія оной Атаманомъ Ер | макомъ Тимофѣевымъ, въ которомъ го | ку, и кто имяны, Бояръ, и Околь | ничихъ и Стольниковъ, и Дворянъ, и | Стряпчихъ, на Воеводствахъ бывали; и | Дьяковъ, и Писмянныхъ Головъ, и съ | приписью Подьячихъ, и кто которой | городъ ставилъ, и въ которомъ году, и | отъ котораго Государя Царя кто былъ, | и въ кая лѣта устроися въ Сибири Пре | столъ Архіерейскій, и кто были Архіерей".

„Записки" напечатаны въ Новиковской „Древней Россійской Вивліоѳикѣ", 2 изд., въ III части (1788 г., стр. 104—288) [1]).

Какъ видно уже изъ самаго заглавія, содержаніе лѣтописи весьма разнообразно; она содержитъ въ себѣ расположенныя по годамъ краткія извѣстія о назначеніи воеводъ въ Сибирь, о поставленіи остроговъ и городовъ въ этой странѣ, о назначеніи архіепископовъ, митрополитовъ и краткія, вставленныя по мѣстамъ, извѣстія, касающіяся города Тобольска.

Таковы извѣстія собственно о Сибири. Сверхъ этихъ сибирскихъ извѣстій, въ „Записки" включено описаніе нѣкоторыхъ событій изъ жизни Московскаго государства вообще. Вся лѣтопись раздѣлена на 43 главы, по числу воеводъ въ г. Тобольскѣ за описанный лѣтописью періодъ. Въ началѣ идетъ какъ бы введеніе, въ которомъ излагается о походѣ въ Сибирь въ 1572 году. Каждый изъ 43 отдѣловъ заключаетъ въ себѣ описаніе 2—4 лѣтъ. Оканчивается лѣтопись 1702 годомъ.

§ 2. Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію этой лѣтописи и къ выясненію ея составныхъ частей, прежде всего необходимо сгруппировать находящіяся въ ней извѣстія. Несмотря на видимое разнообразіе содержанія, въ „Запискахъ" можно отличить нѣсколько не похожихъ одна на другую группъ извѣстій, на которыя лѣтопись и разбивается.

[1]) У Межова, Сибирск. Библіогр., т. II, Спб., 1891 г., на стр. 12-й есть указаніе на лѣтопись: «Записки, къ Сибирской Исторіи служащія» etc. (заглавіе сходно съ приведеннымъ выше), напечатанную въ «Древн. Росс. Вивліоѳ.» 1774 г., ч. 6 (стр. 167—315) и 1755 г., ч. 7 (321—432). Этимъ изданіемъ «Записокъ» мы не имѣли возможности пользоваться.

§ 3. Къ первой группѣ относятся такія извѣстія, которыя входятъ и въ первоначальныя сибирскія лѣтописи: это извѣстія о покореніи Сибири, о борьбѣ съ Кучумомъ, объ оставленіи Сибири, о вторичномъ ея завоеваніи и о построеніи въ Сибири первыхъ сибирскихъ городовъ. Извѣстія эти вставлены въ „Записки" по годамъ между извѣстіями о назначеніи воеводъ и о мѣстной жизни. Какъ извѣстно, основныя сибирскія лѣтописи обнимаютъ собой періодъ отъ покоренія Сибири приблизительно до второй четверти XVII вѣка. Выдѣляя изъ „Записокъ" эти извѣстія за такой же періодъ, получаемъ первую группу.

Сюда относится записанное подъ 1572 годомъ извѣстіе о походѣ въ Сибирь кн. Аѳанасія Лыченицына, окончившемся неудачно [1]). Затѣмъ, подъ годомъ 1580 идетъ изложеніе завоеванія Сибири, но краткое: „пришелъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ съ Волги въ Сибирь со всемъ товариществомъ, съ 540 казаковъ, и Сибирское царство взялъ 1580 года Октября 26 дня" [2]). Съ 1583 г. въ „Запискахъ" начинается уже перечень воеводъ: упомянуты кн. С. Болховской и Ив. Глуховъ [3]). Подъ 5 августа 1584 года записано о смерти Ермака съ 150 казаками и о послѣдовавшемъ вскорѣ бѣгствѣ Глухова изъ Сибири, и „съ тѣхъ мѣстъ старая Сибирь покинута въ пустѣ" [4]). Въ 1584 г. былъ присланъ Мансуровъ, который, однако, ушелъ обратно, видя, что Сибирь покинута; дошедши до Оби, на Бѣлогорьѣ онъ поставилъ городокъ, въ которомъ и перезимовалъ [5]). Подъ 1585 годомъ записано о прибытіи воеводъ В. Сукина, Ив. Мясного и письменнаго головы Д. Чулкова и о построеніи первыми двумя города Тюмени, а послѣднимъ гор. Тобольска [6]). Подъ 1601—1602 гг. находится такого рода извѣстіе: „въ Тарѣ князь Иванъ Володимировичъ Кольцовъ-Мосальскій, и товарищи съ нимъ Головы письменные, Григорій Григорьевичъ Желябовской, да Алексій Петровичъ Полѣновъ; они за Кучумомъ царемъ и въ походъ ходили въ поле". Въ дополненіе къ этому (годъ 1601) далѣе записано: „повелѣніемъ царя Бориса Ѳеодоровича, въ Сибири изъ Тары города ходили воеводы и Головы въ поле, въ походъ за царемъ Кучумомъ: изошли ево на станѣхъ стояща, и внезапу на него нападоша" и т. д. Далѣе упомянуто о посылкѣ плѣнниковъ въ Москву, и дѣлается замѣтка: „Походъ сей былъ изъ Тары на Кучума царя, при воеводѣ Князѣ Иванѣ Мосальскомъ" [7]). Установленіе архіепископской каѳедры записано подъ годомъ 1621, а также и о томъ, что арх. Кипріаномъ

[1]) Стр. 104. [2]) 105. [3]) Ibid. [4]) Ibid. и 105. [5]) 106. [6]) 107. [7]) Стр. 117, 119, 120.

были собраны свѣдѣнія о походѣ Ермака отъ остававшихся въ живыхъ его сподвижниковъ и установленъ обычай поминать въ церкви убитыхъ при походѣ казаковъ [1]). Таковы извѣстія, касающіяся первоначальной исторіи Сибири и общія съ основными сибирскими лѣтописями; онѣ составляютъ первую группу. Эти извѣстія весьма важны, такъ какъ онѣ до нѣкоторой степени позволяютъ, если не опредѣлить, какими лѣтописями пользовался составитель „Записокъ", то, по крайней мѣрѣ, выяснить, къ какой редакціи ихъ примыкаютъ „Записки".

§ 4. Теперь переходимъ къ той группѣ извѣстій, которая должна почитаться основною частью лѣтописи; это—извѣстія о назначеніи воеводъ и другихъ административныхъ лицъ въ Сибирь и объ ихъ дѣятельности. Какъ указано, вся лѣтопись раздѣлена на 43 отдѣла, и всѣ отдѣлы составлены по одной схемѣ: въ началѣ перечислены воеводы, дьяки и проч., по городамъ, начиная съ Тобольска, затѣмъ свѣдѣнія относительно г. Тобольска и рѣдко — другихъ городовъ, о построеніи новыхъ остроговъ, городовъ, о смѣнѣ воеводъ, иногда извѣстія о церковной жизни.

Не касаясь пока перечня административныхъ лицъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, изъ всей массы свѣдѣній сначала выдѣлимъ извѣстія объ административной дѣятельности воеводъ. Это будетъ вторая группа извѣстій.

Дѣятельность сибирскихъ воеводъ была направлена главнымъ образомъ на упроченіе русской власти во вновь завоеванной странѣ и на пріобрѣтеніе новыхъ земель, чтò достигалось двумя способами: 1) построеніемъ остроговъ и вообще укрѣпленій въ мѣстахъ, уже занятыхъ, и 2) наступательнымъ движеніемъ на инородческія племена. Поэтому, извѣстія о дѣятельности воеводъ, насколько она очерчена „Записками", могутъ быть собраны въ два отдѣла: одинъ отдѣлъ заключаетъ извѣстія о поставленіи городовъ, а другой—извѣстія о борьбѣ съ туземцами.

§ 5. Послѣ извѣстія о построеніи гор. Тобольска, которое составитель „Записокъ" относитъ къ 1586 году [2]), идетъ рядъ извѣстій о построеніи городовъ и остроговъ. Въ 1593 году поставлены города Березовъ и Пелымъ [3]), къ 1594 г. относится начало г. Тары (строилъ кн. Елецкій) [4]), въ 1595 г. кн. Барятинскій поставилъ Сургутъ [5]); Нарымскій и Кетскій остроги построены атаманомъ Ѳедоровымъ въ 1596 году [6]); Верхотурье и Туринскій заложены въ 1600, первый

[1]) Др. Росс. Вивл., III, 136. [2]) Др. Р. В., III, стр. 108. [3]) 110. [4]) 111. [5]) Ibid. [6]) 112.

поставленъ кн. Вас. Петр. Головинымъ, а второй—головой Ив. Лихаревымъ; князь Шаховской поставилъ Мангазею [1]). Въ этомъ же году Лозвинскій городокъ, стоявшій семь лѣтъ, былъ упраздненъ, а жители и воевода были переведены во вновь построенный городъ Верхотурье [2]). Къ 1601-мъ году отнесено основаніе Томскаго острога сыномъ боярскимъ Вас. Ѳом. Тырковымъ [3]); Кузнецкій острогъ поставилъ въ 1617 г. голова Ос. Кокоревъ, Лавровъ и сынъ боярскій Михалевскій; 1618—Енисейскій острогъ основалъ сынъ боярскій П. Албычевъ; въ 1626 году поставленъ Качинскій острогъ, названный впослѣдствіи Красноярскимъ, воеводой Андреемъ Васильевичемъ Дубенскимъ [4]).

Въ первое время послѣ завоеванія Сибири центромъ административнаго и церковнаго управленія для всей страны былъ городъ Тобольскъ; но съ распространеніемъ русской территоріи въ вѣдомство этого города вошли такіе отдаленные пункты, какъ Томскъ, Енисейскъ и Красноярскъ, требовавшіе значительнаго надзора. Поэтому, для восточной половины необходимо было установленіе особаго управленія. Это и было сдѣлано въ 1629 году. Подъ этимъ годомъ лѣтописи отмѣчено: „Въ Томскомъ городѣ, по Государеву Указу, своимъ столомъ и разрядомъ пріѣхалъ воевода, князь Петръ Ивановичъ Пронской, да А. С. Собакинъ“... [5]). Къ Томскому разряду приписаны были Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ, Нарымъ и Кетскій. Въ 1639 году отправлены были на Лену стольникъ П. П. Головинъ и М. Б. Глѣбовъ, гдѣ и былъ учрежденъ съ самаго начала особый разрядъ [6]). Въ 1642 г. Я. Е. Тухачевскій поставилъ въ Киргизской степи Ачинскій городокъ, во время похода [7]). Въ 1647 г. изъ Москвы былъ посланъ Т. В. Шушеринъ первымъ воеводой въ новый Илимскій острогъ на Ленскій волокъ, а ранѣе туда посылались изъ Якутскаго разряда приказные,—дѣти боярскіе [8]). Подъ 1650 г. замѣтка: „нача провѣдыватися Даурская земля и Китайское царство прозыватися“. О Дауріи еще ранѣе писалъ въ Москву, на основаніи развѣдокъ Хабарова, якутскій воевода Д. А. Франсбековъ [9]). Къ 1652 г. отнесено извѣстіе объ отправленіи въ Даурію Д. И. Зиновьева съ 150 челов. „досмотрѣть и описать“, а въ 1655 г. послѣдовало приказаніе А. Пашкову отправиться въ Даурію для построенія городовъ, „пріискать пашенныя мѣста со всякими угодьи и въ такихъ мѣстахъ поставить новые нерчинскіе и другіе остроги“. Въ слѣдующемъ году Аѳанасій Пашковъ „пошелъ въ Дауры и, пришедъ въ Даурскую землю, на Нерчю рѣку и поставилъ

---

[1]) 114, 115. [2]) 115. [3]) 118. [4]) 133, 134, 145. [5]) 148—149. [6]) 161. [7]) 163. [8]) 177. [9]) 179.

острожки Нерчинской и Балбазинской и Иркутской и Теленбинской и Балаганской“ [1]). Въ 1672 г. Мангазею постигла участь Лозвинскаго городка, и былъ построенъ Туруханскъ [2]). Въ томъ же году изъ Москвы былъ присланъ думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово; ему велѣно было на Уральскихъ горахъ „надъ Тасмами рѣками“ поставить городъ и сыскивать серебряную руду, для чего были посланы съ нимъ: „и мастера, знатцы, нѣмцы многіе“. Они искали руду въ горахъ и по Тоболу, а Хитрово ѣздилъ въ Томскій, Кузнецкій и Красноярскій уѣзды, но впродолженіе двухъ лѣтъ ничего не нашли. Въ концѣ этого извѣстія замѣтка: „ничево не найдено, а государевой казнѣ великая и неизглаголанная тщета и гибель учинилась отъ подъемовъ и отъ подмоговъ и всякими заводы, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ“ [3]). Съ 1677 года въ Енисейскѣ возникаетъ особый разрядъ; онъ вѣдалъ „города Даурскіе, Нерчинскіе, Иркутскіе, Албазинскіе, Селенгинскіе, Амурскіе и Байхкальскіе“; о важныхъ же дѣлахъ предписано было сноситься съ тобольскими воеводами [4]). Въ 1688 году на Верхотурьѣ былъ учрежденъ также свой разрядъ: подъ его вѣдѣніемъ состояли острогъ Пелымскій и Туринскій [5]). Въ 1690 году „велѣно изъ Тобольска быть на Тюмени съ приписью подьячимъ и вѣдать съ воеводою вмѣстѣ разряднаго стола старому подьячему М. Г. Романову“ [6]). Въ 1693 году Верхотурскій разрядъ былъ упраздненъ и отошелъ въ вѣдомство Тобольскаго (къ воеводѣ А. Ѳ. Нарышкину) [7]).

§ 6. Ко второму отдѣлу этой группы относятся извѣстія о столкновеніяхъ съ инородцами.

Подъ 1602 годомъ записано [8]): А. Л. Полѣновъ ходилъ къ Ямышеву озеру, но „со стыдомъ возвратился“, ибо потерпѣлъ пораженіе отъ калмыковъ [9]). Въ 1606 году гор. Березовъ пострадалъ: былъ осажденъ, люди побиты; произошло это отъ измѣны иноземцевъ. Мятежъ, очевидно, былъ до такой степени великъ, что березовскій воевода кн. П. А. Черкасскій не могъ справиться съ нимъ собственными силами, и съ Москвы къ нему былъ посланъ на помощь Зубовъ съ ратными людьми. Городъ былъ очищенъ, измѣнники наказаны, въ томъ числѣ было повѣшено 30 инородческихъ князьковъ [10]). Въ 1621 г. литовскіе и нѣмецкіе люди хотѣли побить русскихъ служилыхъ людей во время каравана у Ямышева озера; они намѣревались бѣжать за Яикъ, но русскіе спаслись бѣгствомъ въ Тобольскъ [11]). Въ 1627 г., выну-

[1]) 180, 185, 188. [2]) 208. [3]) 211—212. [4]) 228. [5]) 270. [6]) 275. [7]) 280. [8]) Извѣстія, вошедшія въ первоначальныя лѣтописи здѣсь опущены. [9]) 117. [10]) 122—123. [11]) 139.

жденные насиліями воеводъ, инородцы Тарскаго округа „Кочашко съ товарищи“ возмутились и, призвавъ на помощь калмыковъ, осаждали Тару и Тюмень. Воеводы кн. Ю. Шаховской и М. Кайсаровъ подверглись опалѣ за это, и по указу государеву въ 1633 г. имъ было велѣно вознаградить потерпѣвшихъ [1]). Въ 1634 г. про письменнаго голову Ѳ. Шарапова былъ розыскъ въ томъ, что онъ, посланный въ походъ за царевичемъ Ишимовымъ, не нашелъ его и возвратился безъ результата. Шарапова били батогами [2]). Въ 1635 году къ Тюмени подходили калмыки; городу ничего не могли сдѣлать, но въ окрестностяхъ побили много народа, взяли въ плѣнъ пытавшихся бѣжать въ городъ, похитили много скота и разнаго имущества. Тюменскій воевода Ив. Милюковъ послалъ на нихъ служилыхъ и боярскихъ дѣтей; но калмыки, „крикнувъ, на нихъ напустили и ихъ смяли и побили“, немногіе только возвратились. Тобольскій воевода, кн. А. Голицынъ донесъ объ этомъ царю, и изъ Москвы были присланы военные снаряды [3]). Подъ 1640 годомъ лѣтопись глухо упоминаетъ: „была служба на киргизъ“ [4]). Изъ Томска въ 1642 г. ходилъ на киргизъ Я. Е. Тухачевскій, поставившій въ степи Ачинскій городокъ; но происшедшія среди служилыхъ людей волненія не дозволили ему продолжать похода; его смѣнили, и назначенный на его мѣсто томскій меньшой воевода И. С. Кобынскій разбилъ киргизъ [5]). Въ 1641 г. И. Внуковъ съ охотниками посланъ былъ на царевичей, но они попали на „большихъ людей“, „немного самихъ не побили“, возвратились „съ великой тщетою, многихъ и побили“ [6]).

Далѣе въ „Запискахъ“ идетъ какъ бы перерывъ; впродолженіе 30 лѣтъ объ отношеніяхъ къ инородцамъ ничего не говорится. Только подъ годомъ 1676 записана краткая замѣтка о смерти А. Л. Толбузина въ Албазинскомъ острогѣ [7]). Въ 1681 году посланъ былъ изъ Тобольска въ Тару и на Томскъ письменный голова Ив. Ѳед. Суворовъ съ 400 чел. на киргизскаго князька „Еренячка съ товарищи“; ему велѣно было „чинить поискъ, сколько милосердый Богъ помощи подастъ“ [8]). Въ 1684 году верхотурцы и тюменцы пограбили на Иртышѣ и Оби досчаники стольниковъ воеводъ Корсакова-Римскаго и кн. Гагарина [9]). Въ 1685 году китайцы напали на Албазинъ, взяли много плѣнниковъ, разорили самый городъ, захватили въ плѣнъ также воеводу А. Толбузина, но вскорѣ его выпустили. Въ томъ же

---

[1]) 146—147. [2]) 153. [3]) 154—155. [4]) 159. [5]) 162—163. [6]) 164. [7]) 227. [8]) 236, 242

[9]) Стр. 236 и 242. Это извѣстіе темно. Неизвѣстно, кто разграбилъ имуществ. воеводъ—инородцы, или же русскіе служилые люди.

году воевода, прибывъ изъ Нерчинска, возобновилъ укрѣпленія. Далѣе описывается вторичная осада Албазина китайцами и смерть Толбузина (1586 г.) [1]). Подъ 1690 годомъ записано въ лѣтописи о внезапномъ нападеніи „воинскихъ людей казачьи орды" и о разореніи Татарскаго (Тарскаго?) острожка [2]). Въ 1691 „казачьи орды" басурманъ тобольскаго разряда повоевали на верховьяхъ Тобола слободы Утяцкую и Камышевскую, сожгли сына боярскаго Спиридона Рачковскаго и 200 человѣкъ взяли въ плѣнъ [3]). Въ 1692 г. татары и каракалпаки разорили деревни около слободы Царево-Городище и разгромили Утяцкую слободу. Высланный противъ нихъ сотникъ былъ убитъ, а ихъ догнать не могли. Въ слѣдующемъ году нашли необходимымъ отправить въ тобольскіе и исетскіе городки служилыхъ людей, конныхъ казаковъ и дѣтей боярскихъ, для защиты отъ повторявшихся нападеній инородцевъ [4]). Въ іюнѣ 1693 г. „воровскіе казачьи орды и каракалпаки татары" избили до 42 человѣкъ крестьянъ, работавшихъ въ полѣ около Ялуторовской слободы, и увели въ плѣнъ 69 женщинъ и дѣтей. Дворянинъ В. В. Шульгинъ погнался за ними и настигъ въ 60 верстахъ отъ Ялуторовска, около озера Семинскуля. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ русскіе были совершенно разбиты. Самъ Шульгинъ съ 2 братьями былъ убитъ; изъ 357 человѣкъ отряда осталось въ живыхъ только 50 человѣкъ тобольскихъ дѣтей боярскихъ да 6 казаковъ, которые всѣ были уведены въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году нападеніе повторилось, приходило два раза около 200 чел., и были уведены 33 крестьянина Чумлядской слободы [5]).

§ 7. Этимъ заканчивается второй отдѣлъ и группа извѣстій объ административной дѣятельности воеводъ. Кромѣ указанныхъ извѣстій первыхъ двухъ группъ, въ „Записки" входятъ еще извѣстія, относящіяся собственно уже къ исторіи церкви въ Сибири. Эти послѣднія отмѣчаютъ, главнымъ образомъ, поставленіе и прибытіе въ Тобольскъ сибирскихъ іерарховъ, при чемъ о каждомъ изъ нихъ приводятся біографическія свѣдѣнія, иногда даже встрѣчаются указанія на ихъ судьбу и послѣ оставленія ими Сибири. Рѣже встрѣчаются замѣтки о построеніи церквей въ Тобольскѣ; начиная съ XVII вѣка, въ „Записки" включены извѣстія о самосожженіи раскольниковъ, преимущественно въ окрестностяхъ Тобольска и Тюмени. Всѣ эти извѣстія составляютъ третью группу—свѣдѣнія о церковной жизни.

Подъ 1622 годомъ записано объ учрежденіи архіепископской каѳедры въ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ былъ Кипріанъ; о немъ

[1]) 253, 262. [2]) 276. [3]) Ibid. [4]) 278, 281. [5]) 283—285, 287.

приведены довольно подробныя извѣстія въ „Запискахъ“ [1]). Въ 1625 году въ Сибирь прибылъ второй архіепископъ Макарій, родомъ изъ дворянъ, бывшій ранѣе архимандритомъ Костромского Богоявленскаго монастыря. При немъ были произведены въ Тобольскѣ нѣкоторыя постройки. Сѣнная церковь, воздвигнутая имъ, была украшена и снабжена „образами и всякими утварьми“. Этотъ архіепископъ пробылъ въ Сибири 10 слишкомъ лѣтъ, онъ умеръ въ 1635 году, 24 іюля [2]). 1-го апрѣля 1636 года пріѣхалъ въ Тобольскъ третій архіепископъ Нектарій, бывшій игуменомъ Ниловской пустыни (Столбенкова, изъ Осташкова Новгородскаго). Подъ этимъ же годомъ отмѣчено въ лѣтописи бывшее въ Тобольскѣ чудо, состоявшее въ слѣдующемъ. Одной женщинѣ явилась Богородица съ Николаемъ Чудотворцемъ и Маріей Египетской и велѣла построить себѣ церковь. По объявленію женщины, въ селѣ Абалакѣ въ 1637 году была построена церковь и написанъ образъ, отъ котораго вскорѣ послѣдовали чудеса. Послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія Нектарій сложилъ съ себя санъ и уѣхалъ „смиренія ради“ на прежнее мѣсто [3]). Его замѣнилъ бывшій игуменъ Богородско-Тихвинскаго монастыря Герасимъ, въ 1640 году [4]). Подъ годомъ 1645 замѣтка о пожарѣ и возобновленіи Софійскаго собора [5]). За Герасимомъ слѣдовалъ Симеонъ, назначенный изъ игуменовъ Боровскаго Пафнутіева монастыря. При этомъ архіепископѣ произошли нѣкоторыя улучшенія въ церковной сферѣ; такъ, было упорядочено богослуженіе, начались поученія въ церквахъ; въ Томскъ, Енисейскъ и Верхотурье впервые были назначены протоіереи. Все это было, по всей вѣроятности, отголоскомъ реформъ Никона. Въ 1657 г. этого святителя постигла опала: Никонъ наложилъ на него запрещеніе. Послѣ второй его поѣздки въ Москву запрещеніе было снято, и царемъ пожалованъ былъ онъ отнятыми у него „крестьянами и вотчинами и хлѣбомъ“. Въ 1663 году Симеонъ въ третій разъ ѣздилъ въ Москву и 16 февраля 1664 г., „будучи на Москвѣ, на Вологодскомъ подворьѣ, сошелъ безвѣстно“, а „19 февраля объявился за Яузою въ Убожедомскомъ Покровскомъ монастырѣ на обѣщаніи“ [6]). Въ 1664 г. на мѣсто Симеона былъ поставленъ Корнилій (архим. Спасскаго мон.) [7]). Подъ 1668 годомъ въ „Запискахъ“ читаемъ объ учрежденіи въ Сибири митрополіи; первымъ митрополитомъ былъ назначенъ на Московскомъ соборѣ 1668 г. тотъ же архіепископъ Корнилій. Въ томъ же году было учреждено въ Тобольскѣ такъ называемое „хожденіе на осляти“, бывшее въ первый разъ

---

[1]) Стр. 135, 136, 142. [2]) Стр. 142—143, 155. [3]) Стр. 155, 156—157, 162. [4]) Стр. 161, 177, 178. [5]) Стр. 167, 173, 177. [6]) 180, 184, 189, 192, 193, 195. [7]) 197, 198.

въ 1669 году [1]). Въ 1677 г. эта церемонія была уже отмѣнена [2]). Корнилій умеръ въ 1678 году, пробывъ въ Сибири 14 лѣтъ [3]). Въ слѣдующемъ году въ митрополиты былъ поставленъ архимандритъ Чудова монастыря Павелъ [4]). Съ этого времени въ „Запискахъ“ начинается рядъ извѣстій о раскольникахъ. Подъ 1679 г. читаемъ о томъ, что въ Тобольскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Березовкѣ собралось около 2.700 раскольниковъ съ женами и дѣтьми, и всѣ они сожгли себя „прельщеннымъ ученіемъ неправымъ бывшаго попа Тюменца Дементьяна и съ ево прелеснаго воровскаго ученія учениками“ [5]). Въ 1681 году по государеву указу былъ выданъ головой митрополиту тобольскій воевода, стольникъ Михайло Приклонскій. Этотъ воевода отличался буйствомъ и насиліями, которыя онъ совершалъ надъ жителями Тобольска, такъ что въ слѣдующемъ же году митрополитъ „за презорство и гордость и за неистовое ево житіе и блудодѣяніе и за непристойныя и постыдныя рѣчи“ отлучилъ его отъ церкви и предалъ анаѳемѣ. Такъ онъ и умеръ [6]). Въ 1681 г. начали строить каменную соборную церковь и уже оканчивали въ 1683 г., какъ „волею Божіею“ она упала, „понеже столпи тонкости ради не удержали великія тягости“. Тогда начали строить снова [7]). Въ 1682 г. въ Утяцкой слободѣ сгорѣло около 400 раскольниковъ съ женами и дѣтьми [8]). Въ 1685 и 1686 годахъ были произведены нѣкоторыя постройки: заложена въ Знаменскомъ монастырѣ церковь Преображенія, въ Тобольскѣ св. врата, а въ нихъ церковь во имя Сергѣя Радонежскаго, также была освящена церковь Успенская (соборная), въ которую были перенесены мощи прежнихъ архіепископовъ Макарія и Герасима и митрополита Корнилія [9]). Подъ 1686 годомъ записано о пожарѣ церкви въ селѣ Каменкѣ (Тюменск. уѣзда), при которомъ погибло 250 человѣкъ. Составитель „Записокъ“ предполагаетъ, что она была подожжена раскольниками. Въ томъ же году въ Тобольскѣ былъ пожаръ, причиной котораго „Записки“ выставляютъ поджогъ со стороны раскольниковъ [10]). Въ это же время въ Верхотурскомъ уѣздѣ на р. Юрмычѣ была основана раскольниками пустынь, и сгорѣло до 100 человѣкъ; вскорѣ туда снова набралось до 350 человѣкъ; они хотѣли сжечься, и для увѣщанія къ нимъ были посланы изъ Тобольска ключарь Ив. Васильевъ и боярскій сынъ А. Ушаковъ съ подьячимъ Стефаномъ [11]). Въ 1687 г. въ томъ же селѣ Каменкѣ во время утрени на Пасху загорѣлась церковь „знатно заводомъ и умысломъ противниковъ церковныхъ раскольниковъ и мятежниковъ“; при этомъ погибло до 400

[1]). 202—205. [2]) 207—208. [3]) 231. [4]) 234. [5]) Ibid. [6]) 238, 239. [7]) 239—240. [8]) 246. [9]) 254, 257. [10]) 264. [11]) Ibid.

челов. [1]). Въ томъ же году въ Тюменскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Тегенкѣ, сгорѣло до 300 чел. раскольниковъ, „простыхъ мужиковъ, не умѣя Божественнаго писанія“, а на р. Пышмѣ, въ дер. Боровиковѣ, сгорѣло 150 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году въ Киргинской слободѣ сгорѣло до 50 человѣкъ [2]). Это извѣстіе о самосожженіи раскольниковъ—послѣднее въ „Запискахъ“. Къ 1690 г. отнесена закладка каменной церкви во имя Троицы [3]). Въ 1691 году митрополитъ Павелъ внезапно заболѣлъ; у него отнялся языкъ, правая рука и нога, а также онъ лишился и памяти и „бысть, яко младенецъ, гугнивъ“. Высланный въ 1692 г. въ Москву, онъ на дорогѣ умеръ [4]). За нимъ слѣдовалъ Игнатій (Римскій-Корсаковъ, въ 1693 г.) [5]), но въ Тобольскѣ онъ былъ не долго, такъ какъ въ 1701 году въ митрополиты былъ посвященъ Димитрій Савичъ (Ростовскій), архимандритъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Онъ въ Сибири не былъ и занялъ мѣсто въ Ростовѣ, а въ 1702 году митрополитомъ сибирскимъ былъ назначенъ намѣстникъ Брянскаго монастыря, Филоѳей Лещинскій [6]).

Этимъ извѣстіемъ заканчивается третья группа. Замѣтимъ, что извѣстія этой группы, извѣстія церковныя, отличаются наиболѣе точнымъ опредѣленіемъ датъ. Пріѣзды, входы въ церковь, отъѣзды, смерть іерарховъ означаются не только годомъ, мѣсяцемъ, но даже числомъ и часомъ. Напр.: „Тогожъ году Іюля въ 24 день, въ пятокъ, въ 14 часу дни, въ третіей четверти, преставился въ Тобольску Преосвященный Макарій“... [7]). „Въ 1691 году Іюня противъ 26 числа, во дни въ 9 часу... Преосвященной Павелъ Митрополитъ заскорбѣлъ скоропостижною болѣзнію“... [8]).

§ 8. Выше было указано, что въ „Записки“ входятъ также извѣстія и о событіяхъ Московскаго государства вообще. Составитель „Записокъ“ какъ бы заботился о томъ, чтобы его читатели не оставались въ невѣдѣніи относительно того, что въ данное время дѣлалось на Руси; поэтому по разнымъ мѣстамъ лѣтописи онъ вставилъ краткія замѣтки о событіяхъ въ Русской землѣ. Эти замѣтки, хотя и не относятся непосредственно къ исторіи Сибири, тѣмъ не менѣе составляютъ видную часть лѣтописи и должны быть выдѣлены въ особый разрядъ. Эти извѣстія о событіяхъ на Руси составятъ четвертую группу изъ тѣхъ, на которыя разбивается содержаніе „Записокъ“. Такъ какъ и по содержанію, и по изложенію они могутъ дать нѣкоторое осно-

[1]) 268. По всей вѣроятности, это извѣстіе есть повтореніе извѣстія, находящагося на стр. 264. [2]) 268, 269. [3]) 274. [4]) 277. [5]) 280. [6]) 288. [7]) 155. [8]) 277. См. также 135, 141—142, 143, 178, 180, 192, 195, 198, 231, 234 и проч.

ваніе для сужденія о характерѣ „Записокъ", то является необходимымъ остановиться и на нихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій относятся и къ мѣстной тобольской жизни.

Подъ 1593 годомъ, при извѣстіи о поставленіи гор. Пелыма, разсказано объ убіеніи царевича Димитрія и о ссылкѣ угличанъ и колокола въ Сибирь [1]). Подъ 1598 г. встрѣчается извѣстіе о смерти Θеодора Ивановича и объ избраніи на царство Бориса Годунова [2]). Годами 1605—1606 (16 мая) означено извѣстіе о царствованіи Θедора Годунова и правленіи перваго Лжедимитрія. Въ концѣ помѣщена замѣтка: „и былъ Рострига на царствѣ попущеніемъ Божіимъ", а далѣе изложено царствованіе Василія Шуйскаго [3]). Подъ 1610 годомъ помѣщено цѣлое сказаніе о смутномъ времени до избранія на царство Михаила Θеодоровича; въ этомъ случаѣ замѣчательно отношеніе составителя „Записокъ" къ судьбѣ царя Василья, которое могло бы характеризовать личность составителя [4]). Подъ 1645 г. слѣдуетъ разсказъ о смерти царя Михаила Θеодоровича, о цѣлованіи креста въ Тобольскѣ Алексѣю Михайловичу, также повѣствуется о вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича [5]). Подъ 1654 г. записано о походѣ царя на Смоленскъ, противъ „недруга Яна Казимира" [6]), и затѣмъ о моровомъ повѣтріи. На стр. 187 продолжается повѣствованіе о походѣ. Подъ 1656 годомъ замѣтка о томъ, что въ Москвѣ и Московскомъ государствѣ торговали мѣдными деньгами 6 лѣтъ, а въ Сибири — 4 [7]). Къ описанію 1676 года присоединено извѣстіе о смерти Алексѣя Михайловича и о вступленіи на царство царя Θедора, а къ 1682—о его смерти [8]). Подъ 1682 послѣ записи о воцареніи Ивана и Петра слѣдуетъ разсказъ о стрѣлецкихъ волненіяхъ и движеніи раскольниковъ. Послѣднія извѣстія о московскихъ событіяхъ — о бракѣ царя Ивана и о мирѣ съ Польшей (годы 1684 и 1686) [9]).

Всѣ эти извѣстія, касающіяся событій московскихъ, отличаются утомительнымъ однообразіемъ; они имѣютъ предметомъ лишь государственную, оффиціальную сторону жизни. Лексиконъ ихъ тоже не отличается разнообразіемъ; всѣ они построены по одному шаблону. Прописывается полный титулъ московскаго государя, патріарховъ; одни и тѣ же выраженія сопутствуютъ извѣстіямъ о воцареніи и смерти государей. Они занимаютъ цѣлыя страницы, и напрасно стали бы мы

---

[1]) 111. [2]) 113. [3]) 120, 121. [4]) 125, 126, 127—129. [5]) 170—173. [6]) 184. [7]) 188. [8]) 219 244. [9]) 245, 246 — 248, 263. О поставленіи кіевскаго митрополита — стр. 256. О ссылкѣ етмана Самойловича—269.

искать въ нихъ чего либо новаго, а потому въ историческомъ отношеніи врядъ ли они имѣютъ какую либо цѣнность.

Въ эту же группу входятъ извѣстія о посольствахъ московскихъ государей къ разнымъ азіатскимъ владѣтелямъ. Они составляютъ также замѣтную часть лѣтописи, но не настолько, чтобы изъ нихъ образовался особый разрядъ; поэтому, они легко могутъ быть отнесены къ означенной группѣ. Такъ какъ въ „Запискахъ" въ большинствѣ случаевъ упоминается о проѣздѣ пословъ черезъ Тобольскъ, иногда дается краткое описаніе пребыванія ихъ въ Тобольскѣ, то эти извѣстія относятся и къ мѣстной жизни города.

Подъ 1640 годомъ записано о приходѣ въ Тобольскъ посла Казіана съ большою свитой, „и такого славнаго посла прежде въ Тобольскѣ не бывало", замѣчаетъ составитель [1]). Въ 1652 г. былъ посланъ для провѣдыванія въ Китайское государство П. А. Ярыжкинъ, сынъ боярскій, да „Тобольскій Бухарестинъ Сеткунъ Алблинъ". Въ томъ же году посланъ былъ въ Даурію Зиновьевъ „досмотрѣть и описать"; онъ ходилъ два года [2]). Къ 1654 г. относится посольство въ Китай Ѳ. И. Байкова, окончившееся неудачно [3]). Подъ 1658 годомъ лѣтопись упоминаетъ о посылкѣ въ Китай тарскаго сына боярскаго Ивана Перфильева [4]). Въ 1674 г. былъ посланъ Тобольскій стрѣлецкій голова Ив. Аршинскій къ Яндуну Тайшѣ; съ нимъ подьячій Г. Михайловъ [5]).

„Въ 1676 г. 30 марта пріѣхалъ съ Москвы въ Тобольскъ отъ великаго Государя Ево государскій посолъ Николай Гавриловъ сынъ Спафарій, сирѣчь мудрый человѣкъ, или философъ" [6]). Въ 1670 г. присылалъ уже „Китайской царь въ Дауры посла своего Зайсана именемъ Мунгунчея (а по нашему зайсанъ рекше бояринъ) и подъячева". Они просили у нерчинскаго воеводы Д. Аршинскаго пословъ въ Китай. По этой просьбѣ были отправлены служилые люди Игнатій Миловановъ да Гр. Кобяковъ. Прибывъ въ Китай, они представлялись богдыхану, который послалъ съ ними „листъ" къ московскому государю [7]). Въ 1686 году проѣзжали чрезъ Тобольскъ „Великаго Государя посланцы въ Дауры и самое Китайское Государство посольскаго приказу подъячіе Н. Д. Венюковъ и Ив. Поваровъ, а сказывали, что де и листъ у нихъ къ Царю есть" [8]). Къ 1686-му же году относится посольство боярскаго сына и окольничаго Ѳ. А. Головина и Юдина [9]). Въ августѣ 1692 г. ѣхалъ мимо Тобольска „посланнымъ въ Китайское Государство Нѣмчинъ Елизарій Елизарьевъ сынъ Избрантъ" [10]). Здѣсь говорится о посольствѣ извѣстнаго Э. Избран-

---

[1]) Стр. 164. [2]) 180. [3]) 185—186. [4]) 197. [5]) 211. [6]) 217. [7]) 218. [8]) 255. [9]) 259—260. [10]) 278—279.

деса, оставившаго любопытное описаніе своего путешествія. Этимъ ограничиваются извѣстія „Записокъ“ о посольствахъ.

§ 9. Изъ приведеннаго перечня извѣстій, внесенныхъ въ „Записки“, можно до нѣкоторой степени судить о характерѣ этого памятника. Все содержаніе его, такимъ образомъ, раздѣляется на четыре группы. Къ первой относятся извѣстія, общія съ извѣстіями первоначальныхъ сибирскихъ лѣтописей, ко второй—перечень воеводъ съ указаніемъ ихъ дѣятельности, третья группа вмѣщаетъ свѣдѣнія о церковной жизни съ перечнемъ іерарховъ и, наконецъ, четвертая обнимаетъ извѣстія о жизни Московскаго государства вообще (сюда же относятся извѣстія о посольствахъ черезъ Сибирь къ азіатскимъ владѣтелямъ). Но этимъ не исчерпывается содержаніе „Записокъ“; въ нихъ разсѣяны еще мелкія замѣтки о жизни городовъ Тобольска, Томска и др. (это по большей части извѣстія о пожарахъ), о бытѣ сибирской администраціи (извѣты и розыски о воеводахъ), о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ ссыльныхъ. Но всѣ эти замѣтки слишкомъ отрывочны, хотя и могутъ дать историку нѣкоторый матеріалъ.

§ 10. Теперь необходимо обратиться къ выясненію того, изъ какихъ источниковъ составитель „Записокъ“ бралъ свѣдѣнія для своего труда, къ какому времени относится составленіе ихъ, и когда жилъ самъ составитель.

§ 11. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что лѣтопись эта, доходя до начала XVIII вѣка, носитъ на себѣ слѣды сравнительно недавняго прошлаго. Содержаніе ея, какъ видно изъ приведеннаго обзора, весьма разнообразно. Въ ней нѣтъ единства и цѣльности. Свѣдѣнія, которыя она сообщаетъ, касаются разныхъ сторонъ жизни; кромѣ перечня воеводъ, на ряду съ описаніемъ событій сибирскихъ, находится изложеніе событій московскихъ, на ряду съ извѣстіями о городахъ отмѣчены событія церковной жизни, такъ что по содержанію „Записки“ представляютъ собой небольшую историческую энциклопедію сибирской жизни съ конца XVI до начала XVIII вѣка. Но всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ приданъ характеръ государственности, офиціальности, и этотъ способъ изложенія даетъ „Запискамъ“ на всемъ ихъ протяженіи нѣкоторое единство. Поэтому лѣтопись по содержанію можно назвать разнообразною, а по способу изложенія—однообразною. Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ, что извѣстія ея легко можно распредѣлить по нѣсколькимъ группамъ, можетъ послужить исходною точкой при опредѣленіи ея источниковъ.

§ 12. Первое впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія этой лѣтописи, уже заставляетъ предполагать, что это есть искусственно составлен-

ный сводъ, такъ сказать, вторичнаго образованія, а не такое произведеніе, которое называютъ лѣтописью въ собственномъ смыслѣ и которое, будучи начато однимъ, продолжалось затѣмъ другимъ лицомъ. Дальнѣйшее разсмотрѣніе подтверждаетъ высказанное предположеніе объ искусственномъ составленіи этого памятника изъ нѣсколькихъ частей. Въ доказательство этого можно привести слѣдующее.

Составитель „Записокъ" дѣлаетъ иногда хронологическія вычисленія, относящіяся къ послѣдующимъ событіямъ.

Такъ, описывая походъ кн. Лыченицына, онъ говоритъ, что это происходило „въ лѣто 1572, до Ермакова прихода въ Сибирь за осмь лѣтъ" [1]). Эти слова „за осмь лѣтъ" указываютъ, что составитель имѣлъ передъ собой какія-то первоначальныя записи и, высчитавъ время отъ похода кн. Лыченицына до похода Ермака, записалъ въ свой сводъ и извѣстіе, и результатъ вычисленія. Такія хронологическія выкладки встрѣчаются не разъ въ „Запискахъ", главнымъ образомъ, при извѣстіяхъ о построеніи городовъ. Подъ 1586 годомъ записано, что воевода Данила Чулковъ поставилъ городъ Тобольскъ „изъ судоваго ладѣйнова лѣса небольшой и острогомъ иное забиранъ" [2]), слѣдовательно, на скорую руку; далѣе же идетъ замѣтка: „и стоялъ тотъ городъ по 1594 годъ". Обращаясь къ этому году, находимъ: „былъ срубленъ изъ суденнова лѣсу городъ Тобольскъ", поставленъ острогъ; далѣе же идетъ замѣтка: „а стоялъ тотъ городъ съ 1597 по 1600 годъ, 12 лѣтъ" [3]). Подъ 1600: „перенесенъ Тобольскъ, рубленой городъ на другую сторону", и снова замѣтка: „и стоялъ тотъ городъ ладѣйной по 1606-й годъ" [4]). Подъ 1606 годомъ читаемъ опять: „обложенъ первый Тобольскій, изъ бревенъ рубленный городъ", и къ этому прибавка: „и стоялъ тотъ городъ по 1641 годъ августа 14 число" [5]). Но здѣсь ошибка: городъ стоялъ до 1645 года, когда ночью съ 13 на 14 августа большая часть Тобольска была истреблена пожаромъ.

Эти замѣтки, проведенныя послѣдовательно, показываютъ, что составитель „Записокъ", интересуясь особенно судьбой города Тобольска, заботливо вычислялъ, сколько лѣтъ стоялъ каждый городъ, соображалъ относящіеся къ исторіи Тобольска факты. Очевидно, что дѣлать такія замѣтки возможно, лишь имѣя въ виду цѣлое. То же самое открывается и при извѣстіяхъ о нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Въ 1593 г. былъ поставленъ Тюменскій городъ, „и тотъ городъ

[1]) 104. [2]) 108. [3]) 110. [4]) 114. [5]) 122, 167, 169.

стоялъ по 1641 годъ и отъ ветхости весь развалился, а въ 1642 г. былъ построенъ новой“ [1]).

Въ 1593 г. поставленъ Пелымскій городъ, „а тотъ Пелымскій первой городъ сгорѣлъ въ 1621 году“. Подъ годомъ 1621 дѣйствительно находится извѣстіе о пожарѣ Пелымскаго года, а подъ 1623 о новой его постройкѣ [2]).

Итакъ, первый фактъ, который заставляетъ предполагать, что „Записки“ есть искусственно составленный сводъ на основаніи первоначальныхъ записей,—это хронологическія вычисленія, дѣлаемыя составителемъ относительно событій послѣдующихъ [3]).

Второй фактъ, заставляющій предполагать составленіе „Записокъ“ на основаніи первоначальныхъ записей, это—порядокъ (или, вѣрнѣе, безпорядокъ) годовъ, въ которомъ составитель расположилъ свои извѣстія. Описавъ какое либо событіе, составитель часто переходитъ къ событію, бывшему нѣсколькими годами ранѣе, или переходитъ къ событіямъ, случившимся нѣсколькими годами позже. Приведемъ нѣкоторые случаи этой непослѣдовательности годовъ.

Подъ 1611 годомъ записано о поставленіи церкви во имя Николая Чудотворца, далѣе же слѣдуетъ извѣстіе о постриженіи царя Василія Шуйскаго; оно помѣчено 20 іюля 1610 года [4]). За 1615 годомъ, подъ которымъ записано, что въ г. Мангазею на мѣсто Ивана Новокщенова и С. Забѣлина переведенъ изъ Березова воеводой Иванъ Биркинъ да И. Новокщеновъ, составитель помѣщаетъ извѣстіе о событіи, бывшемъ 4 года ранѣе, „въ лѣто 1611 марта въ 13 день изволеніемъ Божіимъ московскіе люди собрались выбрать себѣ царя“, и далѣе читаемъ объ избраніи Михаила Ѳедоровича. Вслѣдъ за этимъ продолжается прерванный разсказъ, и снова говорится о событіяхъ, бывшихъ въ 1616 году [5]). Подъ 1621 г. записано о Байгашинѣ. Въ 1622 г. въ Енисейскомъ острогѣ на мѣсто М. Байгашина, о которомъ было уже упомянуто и подъ 1620 г., посланъ воеводой Павелъ Хмѣлевскій; за этой записью слѣдуетъ снова 1621 годъ, въ который произошла ссора у Ямышева озера: литовскіе и нѣмецкіе служилые люди хотѣли перебить русскихъ служилыхъ людей. За этимъ описа-

---

[1]) 110. [2]) 111, 137, 140.

[3]) Въ «Запискахъ» есть также хронологическія вычисленія, относящіяся и къ событіямъ предыдущимъ. Напр., подъ 1621 г. послѣ извѣстія о пріѣздѣ арх. Кипріана замѣтка: «по сибирскомъ же Ермаковомъ взятіи въ четыредесятое лѣто», стр. 136. Особенно много такихъ сопоставленій при извѣстіяхъ третьей и четвертой группъ. Напр., стр. 155, 178, 195 и проч.

[4]) 124, 125. [5]) 130, 131.

ніемъ слѣдуетъ годъ 1622 [1]). Составитель, отступивъ ради того, чтобы разсказать о раздорѣ служилыхъ людей, не ограничивается тѣмъ, что записываетъ событіе, но продолжаетъ: „и сыскивали про то дѣло сынъ боярскій М. Трубчанинъ да Подъячій Полуектовъ въ 1625 году“. Слѣдовательно, извѣстіе о событіи, тянувшемся 4 года и окончившемся въ октябрѣ 1625, вставлено между годами 1622—1623. Мало того, продолжая разсказъ, составитель опредѣляетъ время „въ томъ же 1621 году“; но предыдущій годъ не 1621, но 1622. Изъ этого можно заключить, между прочимъ, что извѣстіе о Станиславовѣ есть вставка позднѣйшаго составителя, оставившаго слова „въ томъ же 1621“, какъ было у него въ первоначальныхъ записяхъ, въ которыхъ годъ 1622 слѣдовалъ непосредственно за 1621-мъ. Кромѣ того, къ описанію перемѣнъ въ Енисейскѣ присоединены извѣстія о пріѣздѣ воеводы Якова Хрипунова въ Енисейскъ и о провѣдываніи Хабаровымъ Якутской земли, такъ какъ составителю не хотѣлось разрывать событія одновременныя. Въ 1634 году сыскивали въ Тобольскѣ про неудачный походъ Николая Мотовилова и князя Телятевскаго; вслѣдъ за этимъ записано, что въ 1633 г. 6 января стольникъ Алачевъ привезъ тѣло отца своего изъ Москвы въ вотчину свою Конду; далѣе же продолженіе — 1635-й годъ [2]). Съ 1640-го въ расположеніи годовъ происходитъ настоящій хаосъ. Описаніе событій (различныхъ) съ 1639 по 1644 повторяется дважды. Года же слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1639, 1635, 1639, 1640, 1641, 1642, 1644, 1645, 1647; 1639, 1640, 1641—1642, 1643, 1640, 1643, 1645, 1642, 1643, 1646, 1645, 1646, 1645, 1646, 1647 и т. д. Послѣ 1644 года вставлено цѣлое сказаніе о томъ, какъ Савка Глухой взводилъ государево дѣло на дядю своего, воеводу Леонтья Скобельцына; началось дѣло, окончившееся въ 1647 году. За этою повѣстью разсказъ возвращается къ 1639 году. Въ 1640 году былъ походъ на киргизъ изъ Тобольска; по этому поводу составитель припоминаетъ походы, бывшіе изъ Томска въ годахъ 1641 и 1642. Нѣкоторый порядокъ, хотя и несовершенный, возстановляется съ 1642 года [3]). Годъ 1670 разсѣянъ по разнымъ мѣстамъ,— прерванный годомъ 1677-мъ [4]).

Выше приведены только самые крупные случаи непослѣдовательности годовъ въ „Запискахъ“. Можно отыскать еще нѣсколько такихъ же случаевъ, болѣе мелкихъ, напр., на стр. 132, 133, 137—138, 159, 192—193, 195, 197, 231, 234.

---

[1]) 138, 139, 135. [2]) 153, 154. [3]) 157—166. [4]) 206—207.

Эти примѣры непослѣдовательности изложенія въ хронологическомъ отношеніи могутъ, кажется, дать нѣкоторое основаніе предположить, что составитель „Записокъ“ не заботился особенно о строгой хронологической послѣдовательности. Причину же такого явленія мы попытаемся указать ниже

Третій фактъ, который обнаруживается при ближайшемъ разсмотрѣніи „Записокъ“, это—двойственность нѣкоторыхъ извѣстій.

Подъ годомъ 1640 въ лѣтописи записано, что Яковъ Тухачевскій (воевода тарскій) „ходилъ на Киргизъ съ ратными людьми воеводою полковымъ“. Далѣе извѣстіе это повторяется, говорится, что была служба на киргизъ изъ городовъ Тобольска, Томска, Кузнецка, Тюмени и Тары, перечисляются воеводы, „а съ Тары по Государеву Указу велѣно итти на ту службу въ Томской и отъ Томскова на Киргизъ, Тарскому меньшаку воеводѣ Якову Евстафьевичу сыну Тухачевскому“ [1]). Затѣмъ описываются подробности его похода, указывается время, говорится о поставленіи имъ Ачинска. Въ 1601—1602 годахъ въ Тарѣ были воеводы—князь Иванъ Кольцовъ-Масальскій и товарищи съ нимъ, головы письменные Григорій Желябовскій да Алексѣй Полѣновъ; „они за Кучумомъ царемъ и въ походъ ходили“. Далѣе подъ годомъ 1601 описывается тотъ же походъ противъ Кучума, но уже съ бо́льшими подробностями, какъ ходили, гдѣ искали, сколько взяли въ плѣнъ и т. д. [2]). Въ 1681 году указано было письменному головѣ Ивану Суворову итти противъ киргизъ изъ гор. Тобольска [3]). На стр. 224 подъ тѣмъ же годомъ описывается то же событіе, но съ подробностями. Изъ второго описанія узнаемъ, что у него нроизошло во время похода съ кѣмъ-то недоразумѣніе, и для розыска былъ посланъ въ 1683 году Ѳедоръ Шульгинъ [4]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать характеристику этихъ повтореній. Сравнивая каждое предыдущее описаніе даннаго событія съ послѣдующимъ, можно видѣть, что характеръ преды-

---

1) 159, 162. 2) 117, 119—120. 3) 236. 4) Зная этотъ фактъ двойственности нѣкоторыхъ извѣстій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно опредѣлить, одно ли событіе описано въ разныхъ мѣстахъ, или же составитель говоритъ о различныхъ. Такъ, на стр. 264 записано: «того же году Марта въ 27 день въ заутрени на свѣтлое воскресенье въ селѣ Каменкѣ загорѣлась церковь», по предположенію составителя, отъ поджога раскольниковъ. Но непослѣдовательность годовъ не позволяетъ опредѣлить, къ какому году отнести это событіе, ибо предыдущіе 1686 и 1687 годы поставлены въ такое отношеніе, что невозможно сдѣлать какой нибудь выводъ. Между тѣмъ далѣе, подъ годомъ 1687 идетъ разсказъ о подобномъ же событіи, мѣсто и время его указаны такія же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Является вопросъ, считать ли ихъ за одно и то же событіе, или за различныя. Словцовъ считаетъ ихъ за одно: Ист. Обозр. Сиб., Спб., 1886, т. I, 145.

дущаго описанія отрывочный, это только лишь упоминаніе о событіи, тогда какъ послѣдующее описаніе дополняетъ предыдущее. Изъ этого можно видѣть, что составитель, не держась строгаго хронологическаго порядка, помѣщалъ сначала краткія, бывшія у него, свѣдѣнія, а затѣмъ дополнялъ ихъ какъ бы изъ другихъ источниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ составитель, описывая какое либо событіе подъ однимъ годомъ, выступаетъ за предѣлы этого года и упоминаетъ, на основаніи бывшихъ у него источниковъ, о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Въ доказательство этого можно привести такого рода запись. Подъ 1676 годомъ у составителя идетъ разказъ о томъ, что 29 іюля того года изъ Тобольска поѣхалъ въ Даурію Ларіонъ Толбузинъ съ сыномъ Алексѣемъ. Здѣсь же онъ сообщаетъ и о дальнѣйшей судьбѣ отца съ сыномъ: Ларіонъ не доѣхалъ, умеръ на дорогѣ; Алексѣй же погибъ при осадѣ китайцами Албазинскаго острога въ 1687 году послѣ того, какъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и, выпущенный, ушелъ въ Нерчинскъ и затѣмъ вновь построилъ Албазинъ. Кажется, составитель соединилъ здѣсь всѣ извѣстія о Толбузиныхъ, которыя были у него подъ рукой. То же самое описано, но уже подробнѣе, подъ годами 1685 и 1586 [1]).

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи „Записокъ“ обнаруживаются три факта: хронологическое сопоставленіе нѣкоторыхъ событій съ послѣдующими, непослѣдовательность въ изложеніи по годамъ и двойственность записей однихъ и тѣхъ же событій.

Эти факты даютъ основаніе предполагать, что „Записки“ составлены изъ нѣсколько источниковъ, что къ первоначальной основѣ присоединены извѣстія изъ другихъ источниковъ, и что „Записки“ являются, такимъ образомъ, произведеніемъ, искусственно составленнымъ.

§ 13. Теперь представляется вопросъ, какова же первоначальная основа „Записокъ“, и откуда составитель „Записокъ“ бралъ дополнительныя извѣстія [2]).

---

[1]) 226—227, 253, 254, 262.

[2]) Здѣсь будетъ умѣстно объяснить, почему мы разбираемъ составъ (и содержаніе) не «Книги Записной», представляющей, какъ указано выше, болѣе ранній списокъ сводной лѣтописи тобольской, а именно «Записокъ». Дѣло въ томъ, что «Записки», являясь спискомъ иной редакціи и доходя до XVIII в., составляютъ законченное цѣлое и для историка даютъ б лѣе свѣдѣній, чѣмъ «Книга Записная», доведенная лишь до 1687 года. Поэтому, для разбора сводной тобольской лѣтописи мы избрали именно этотъ списокъ, и все сказанное относительно состава «Записокъ» относится и къ «Книгѣ Записной», по скольку между этими памятниками нѣтъ различія. Подъ «составителемъ Записокъ» мы разумѣемъ, такимъ образомъ, составителя сводной лѣтописи. Составитель же позднѣйшей редакціи, выпустивъ кое-какія извѣстія, дополнилъ эту сводную лѣтопись нѣкоторыми новыми данными. Мы не можемъ даже сказать, кому принадлежатъ извѣстія 1687—1702 г., ибо можно только предполагать, что «Кн. Зап.» не окончена.

Разсматривая сибирскія городскія лѣтописи вообще, можно замѣтить, что перечисленіе воеводъ и др. служилыхъ людей составляетъ въ нихъ существенную часть, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „Показаніе", состоятъ почти изъ одного такого перечисленія. Очевидно, для составителей лѣтописей росписи воеводъ имѣли большое значеніе, и они считали такія росписи главнымъ историческимъ матеріаломъ. Поэтому не будетъ, кажется, ошибочнымъ считать эти перечни воеводъ и др. служилыхъ лицъ основой для большинства сибирскихъ городскихъ лѣтописей, особенно для болѣе раннихъ, каковыми являются сводная тобольская лѣтопись (двухъ редакцій: „Книги Зап." и „Записокъ"), „Сибирскій Лѣтописецъ" и „Показаніе".

Къ росписи воеводъ составитель „Записокъ" по мѣстамъ присоединилъ свѣдѣнія біографическія, такъ что иногда въ „Запискахъ" получается краткое жизнеописаніе извѣстнаго лица. Но, кажется, едва ли эти біографическія свѣдѣнія входили въ первоначальную роспись; косвеннымъ доказательствомъ этого предположенія является способъ изложенія „Записокъ". Выше уже было указано на то, что изложеніе это непослѣдовательно, что года „Записокъ" въ нѣкоторыхъ случаяхъ перепутаны. Если бы въ первоначальную роспись входили эти замѣтки, то онѣ были бы размѣщены по соотвѣтственнымъ годамъ и въ такомъ видѣ вошли бы и въ „Записки". На самомъ дѣлѣ трудно объяснить, почему составитель „Записокъ" отступаетъ отъ принятаго изложенія по годамъ. Если же принять, что основой „Записокъ" послужила роспись воеводъ, тогда, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической послѣдовательности могутъ быть объяснены, и вмѣстѣ выяснится и то, чтó имѣлъ въ виду составитель, допуская эти отступленія. Разсмотримъ нѣкоторые случаи этихъ отступленій.

Въ 1620 году въ Енисейскій острогъ былъ посланъ боярскій сынъ Ушаковъ, въ 1621 Байгашинъ, его смѣнилъ въ 1622 Хмѣлевскій; въ томъ же году былъ посланъ первый воевода въ Енисейскъ Хрипуновъ, при которомъ начали провѣдывать Якутскую землю [1]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ послѣдовательный разсказъ объ енисейскихъ правителяхъ за три года, но упоминаніе о Хмѣлевскомъ и Хрипуновѣ вывело составителя изъ предѣловъ года, который стоялъ у него на очереди, и къ которому онъ затѣмъ и возвращается. Въ этомъ случаѣ можно видѣть желаніе составителя дать относительно

[1]) 138.

связное изложеніе, хотя бы и съ нарушеніемъ хронологической послѣдовательности.

Послѣ года 1634, въ который былъ розыскъ про тобольскаго воеводу князя Телятевскаго и сына боярскаго Никиту Мотовилова за неудачный походъ противъ царевича сына Ишимова, идетъ разсказъ о томъ, какъ стольникъ кн. Алачевъ везъ тѣло отца своего на Конду, и далѣе о крещеніи семьи кн. Никифора Алачева. Затѣмъ повѣствуется о розыскѣ про томскаго воеводу кн. Никиту Егунова-Черкасскаго, бывшемъ въ 1633 году [1]). Такимъ образомъ, годъ 1633 разорванъ на двѣ части повѣствованіемъ о розыскѣ про Телятевскаго. По всей вѣроятности, составитель сначала не имѣлъ въ виду упоминать объ Алачевѣ и розыскѣ противъ Н. Егунова-Черчасскаго, но затѣмъ изъ дополнительныхъ записей вписалъ и это извѣстіе, нарушивъ порядокъ годовъ, но поставивъ рядомъ однородныя извѣстія о розыскахъ противъ воеводъ. Подъ годомъ 1655 записано о прибытіи въ Енисейскъ на воеводство Ивана Акинфова на мѣсто Аѳанасія Пашкова. Далѣе составитель занялся дальнѣйшей судьбой этого Пашкова. Зиму 1656 г. Пашковъ провелъ въ Енисейскѣ въ приготовленіяхъ къ походу, такъ какъ ему приказано было отправляться въ Даурію. Перешедши къ 1656 году, составитель упоминаетъ кстати о ссылкѣ кн. Шаховскаго въ Томскъ и о прибытіи въ Тюмень воеводы Шадрина. Но затѣмъ составитель возвращается къ году 1654 и описываетъ посольство Байкова въ Китай, что̀ заводитъ его до 1658 года, ко времени возвращенія Байкова въ Москву. Послѣ этого составитель опять возвращается къ 1654 г. и начинаетъ описаніе похода противъ Польши [2]). Изъ этого можно видѣть, что упоминаніе о дальнѣйшей судьбѣ Пашкова и описаніе посольства Байкова до возвращенія его въ Москву придаютъ связность тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя остаются въ предѣлахъ описываемаго года. То же самое можно видѣть изъ описанія осады Албазина и смерти Толбузиныхъ (годы 1676, 1685, 1686) [3]).

Итакъ, исчисленные выше случаи показываютъ, что составитель употреблялъ нѣкоторое стараніе, чтобы сдѣлать свое изложеніе нѣсколько связнымъ, и это стремленіе къ прагматизму заставляло его отступать отъ существовавшаго въ первоначальной росписи изложенія.

Однако, не всѣ случаи отступленій можно объяснить желаніемъ автора дать связный разсказъ. Такъ, напр., описаніе событій 1639—1647 г. повторяется два раза, года слѣдуютъ безпорядочно, и ника-

[1]) 153—154. [2]) 185—187. [3]) 226, 253, 254.

кого связнаго изложенія нѣтъ. Правда, можно замѣтить, что первое описаніе 1639—1641 состоитъ исключительно изъ перечня воеводъ, а во второмъ описаніи преобладаютъ событія церковныя (также извѣстія о посольствахъ, походахъ и проч.), второстепенныя съ точки зрѣнія составителя, такъ какъ на первомъ мѣстѣ онъ всегда ставитъ роспись воеводъ. Кромѣ того, предъ вторымъ описаніемъ 1639 года вставлена повѣсть о Савкѣ Глухомъ, доведенная до 1647 г., такъ что и здѣсь видна нѣкоторая послѣдовательность въ распредѣленіи матеріала: сначала перечислены воеводы, затѣмъ идутъ разнообразныя извѣстія второстепеннаго значенія.

Если нельзя всѣ случаи нарушенія порядка годовъ объяснить желаніемъ составителя дать связный разсказъ и полагать послѣдовательность въ этомъ порядкѣ, то послѣдовательность нужно искать въ предѣлахъ періодовъ, обнимающихъ время правленія каждаго воеводы. Было уже указано, что вся лѣтопись раздѣлена на 43 отдѣла, а каждый отдѣлъ заключаетъ отъ 2—4 лѣтъ. Если событія въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ описаны безпорядочно, то лишь въ границахъ времени этихъ отдѣловъ и очень рѣдко заходятъ въ слѣдующій отдѣлъ [1]). Поэтому, строго говоря, послѣдовательность нужно искать не въ порядкѣ отдѣльныхъ годовъ, а въ порядкѣ періодовъ. Съ этой точки зрѣнія „Записки“ являются послѣдовательными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое обстоятельство поддерживаетъ предположеніе, что основой „Записокъ“ служила роспись воеводъ, и составитель пріурочивалъ дополнительный матеріалъ къ сказаннымъ отдѣламъ.

§ 14. Самостоятельную группу извѣстій образуютъ извѣстія о церковной жизни съ краткими замѣтками о г. Тобольскѣ. Выше было указано на то, что извѣстія этой группы отличаются точнымъ опредѣленіемъ датъ. Такъ, напр., „въ 1611 году іюня въ 23 числѣ поставлена обыденная церковь“ [2])...; „въ 1621 г. мая въ 30 день... пріѣхалъ... Кипріанъ“ [3]); подъ 1635—„тогожъ году іюля въ 24 день, въ пятокъ въ 14 часу дни, въ третіей четверти преставился въ Тобольску преосвященный Макарій“ [4]). Очевидно, что такія извѣстія могъ дать только современникъ этихъ событій; притомъ замѣтно, что это опредѣленіе датъ проведено послѣдовательно; пріѣздъ каждаго архіепископа, а затѣмъ митрополита, отъѣздъ, смерть—все это отмѣчается точно, всѣ іерархи перечислены безъ пропусковъ. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что въ Тобольскѣ велась

[1]) Напр., 197, 213 и проч., особенно при извѣстіяхъ связныхъ. [2]) 124. [3]) 135. [4]) 155

нѣкоторая церковная лѣтопись, куда заносилось все достопримѣчательное изъ церковной жизни. Конечно, на первомъ мѣстѣ стояла роспись іерарховъ, а затѣмъ уже и другія извѣстія, главнымъ образомъ, о построеніи церквей и т. д. Но нельзя достовѣрно сказать, гдѣ и кто велъ эту лѣтопись; можетъ быть, она велась при архіерейскомъ домѣ какимъ нибудь монахомъ или другимъ любителемъ письма, можетъ быть, при соборѣ [1]). Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, которыя входили въ эту предполагаемую церковную лѣтопись, легко можно было достать въ Тобольскѣ, ибо этотъ городъ до 1727 г. былъ центромъ духовнаго управленія Сибири.

Итакъ, можно предполагать, что вторымъ крупнымъ источникомъ для „Записокъ" служила роспись іерарховъ съ замѣтками о церковной жизни г. Тобольска. На самостоятельное существованіе такой росписи указываетъ открывающійся при разсмотрѣніи „Записокъ" фактъ точнаго опредѣленія датъ церковныхъ событій и послѣдовательное перечисленіе всѣхъ сибирскихъ архіепископовъ и митрополитовъ.

§ 15. Теперь необходимо разсмотрѣть, откуда составитель „Записокъ" бралъ извѣстія, вошедшія и въ первоначальныя сибирскія лѣтописи (1-я группа), и извѣстія, относящіяся къ жизни Московскаго государства вообще (группа 4-я).

Записки начинаются извѣстіемъ о походѣ князя Аѳанасія Лыченицына въ Сибирь въ 1572 г. Русскіе были разбиты и потеряли пушку, которую затѣмъ, при нашествіи Ермака, Кучумъ велѣлъ бросить въ р. Иртышъ [2]). Извѣстіе это находится въ связи съ такимъ же извѣстіемъ, внесеннымъ въ такъ называемый „Соликамскій лѣтописецъ". Подъ годомъ 1572 въ „Лѣтописцѣ" читаемъ: „Ходилъ воевать царя Кучума князь Аѳанасій Лыченицынъ, точію безъ удачи; потерялъ много народу, всѣ пушки и зелье". Но сказать положительно, что составитель „Записокъ" взялъ это извѣстіе изъ „Соликамскаго лѣтописца", нельзя, ибо подъ этимъ послѣднимъ названіемъ извѣстна сводная лѣтопись, составленная изъ записокъ разныхъ лицъ В. Берхомъ въ 20-хъ го-

[1]) По преданію, первыя извѣстія объ исторіи Сибири были собраны духовнымъ лицомъ, арх. Кипріаномъ (Есиповск. лѣтоп., гл. XXXV). Кромѣ того, извѣстно, что при нѣкоторыхъ церквахъ разныхъ сибирскихъ городовъ велись записи, извѣстныя подъ именемъ синодиковъ. Первый синодикъ относится ко времени того же арх. Кипріана, установившаго, по преданію, обычай поминать сподвижниковъ Ермака въ соборѣ. Синодикъ этотъ велся при Софійскомъ соборѣ. Существуетъ синодикъ Томскаго собора, относящійся къ концу XVII вѣка; составъ его разнообразенъ, и, между прочимъ, въ него входятъ извѣстія о нѣкоторыхъ боярскихъ родахъ, бывшихъ въ Томскѣ. (О немъ см. статью А. А. Мисюрева въ «Томск. Епарх. Вѣд.», 1886 г., № 14). Такой же синодикъ велся и при Енисейскомъ каѳедральномъ соборѣ. [2]) 104.

дахъ настоящаго столѣтія. Первоначальные же источники „Соликамскаго лѣтописца“ пока опредѣлить трудно [1]).

Въ другихъ лѣтописяхъ о походѣ кн. Лыченицына не говорится. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что упоминаніе о пушкѣ имѣетъ связь съ иностранными извѣстіями о походѣ Ермака.

Такъ, между прочимъ, у Витзена есть извѣстіе, что при нападеніи Ермака Кучумъ приказалъ сбросить въ Иртышъ двѣ пушки, не стрѣлявшія по русскимъ [2]). По всей вѣроятности, это есть преданіе уже позднѣйшаго происхожденія. Карамзинъ считаетъ это извѣстіе о походѣ сомнительнымъ на томъ основаніи, что въ разрядахъ никакихъ князей Лыченицыныхъ не находится [3]).

Подъ годомъ 1580 въ „Запискахъ“ читаемъ: „пришелъ Атаманъ, Ермакъ Тимофѣевичъ, съ Волги въ Сибирь со всемъ товариществомъ, съ 540 козаковъ, и Сибирское Царство взялъ 1580 года Октября 26 дня“ [4]). Составитель „Записокъ“ не распространяется о такомъ важномъ событіи, вѣроятно, потому, что онъ зналъ, что это событіе описано въ другихъ лѣтописяхъ. Это извѣстіе о походѣ Ермака опять необходимо сопоставить съ извѣстіемъ „Соликамскаго лѣтописца“. Подъ годомъ 1580 здѣсь записано: „Октября 26 дня Сибирь взята Ермакомъ Тимофѣевичемъ съ дружиною 540 человѣкъ“ [5]). Но извѣстно, что всѣ лѣтописи относятъ это событіе къ 1581 году [6]). И въ данномъ случаѣ тоже нельзя опредѣленно говорить о заимствованіи составителемъ „Записокъ“ извѣстій „Соликамскаго лѣтописца“, такъ что остается только фактъ сходства въ описаніи указанныхъ событій [7]).

---

[1]) «Соликамскій лѣтописецъ» составленъ Берхомъ изъ записокъ жителей г. Соликамска: С. Арефина, В. Лучникова и Н. Арефина. Въ предисловіи къ нему Берхъ говоритъ: «нашедши записки сихъ достойныхъ людей заслуживающими вниманія, выбралъ я изъ нихъ любопытное и, совокупивъ оное, назвалъ «Соликамскимъ лѣтописцемъ». Если читатели не найдутъ въ ономъ важныхъ историческихъ матеріаловъ, то, по крайней мѣрѣ, много занимательныхъ извѣстій по разнымъ предметамъ и объясненія на сибирскую исторію. Первоначальныя записи были доставлены Берху Рукавишниковымъ и Ливоновымъ. Лѣтописецъ обнимаетъ время отъ 1572 до 1796 и имѣетъ такое же значеніе для исторіи Соликамска, какое, напр., «Записки» для исторіи Тобольска. Изданъ онъ Берхомъ въ приложеніи къ его труду: «Путешествіе въ гор. Чердынь и Соликамскъ для изыск. истор. древн.», Спб., 1821, стр. 200 и слѣд. См. также предислов. къ «Сиб. Лѣтоп.», изд. Е. Кузнецова, Тоб., 1892, стр. 4—6.

[2]) Статья: «Обзоръ иностр. изв. о Сиб.» и т. д., «Сибирск. Сборн.», 1887, стр. 141.

[3]) Истор. Гос. Росс., т. IX, гл. II, примѣч. 257.

[4]) Др. Росс. Вивл., Ш, 105.

[5]) Берхъ, Путеш., стр. 204

[6]) Есиповск. лѣтоп. относитъ къ 7089 г. (См. Есип. лѣт., ст. XIII, изд. Небольсина); Строгановская—къ 7090 г. (стр. 26, по изд. Спасскаго 1821 г.).

[7]) Число казаковъ показано согласно съ Есиповск. лѣтоп., см. ст. VII. Строган.—840 чел., стр. 17.

Далѣе въ „Запискахъ“ идетъ разсказъ о посылкѣ въ Сибирь въ 1583 году воеводъ С. Болховского и И. Глухова и о гибели Ермака въ 1584 году [1]). Изъ Есиповской лѣтописи извѣстно, что отправленіе воеводъ изъ Москвы послѣдовало въ 7091 году [2]), такъ что „Записки“ въ этомъ случаѣ согласны съ лѣтописью Есипова.

Но относительно смерти Ермака въ „Запискахъ“ замѣчаются уклоненія отъ другихъ лѣтописей. Дата гибели Ермака показана согласно съ прочими лѣтописями—5 авг. 1584 года [3]), но число погибшихъ съ Ермакомъ казаковъ, 150 человѣкъ, не находится ни въ одной изъ первоначальныхъ лѣтописей [4]). Эта цифра находится въ статьяхъ о Сибири, вошедшихъ въ составъ „Новаго Лѣтописца“ кн. Оболенскаго [5]). Далѣе въ „Запискахъ“ упомянуто о бѣгствѣ Глухова изъ Сибири; затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о прибытіи Мансурова и о зимовкѣ его на Бѣлогорьѣ, гдѣ имъ былъ поставленъ городокъ; эти послѣднія событія передаются безъ точнаго опредѣленія времени: „съ 1584 году, съ начала, по 1586 г.“ [6]).

Подъ 1585 годомъ записано о прибытіи В. Сукина, И. Мясного и Д. Чулкова, о построеніи городовъ Тюмени и Тобольска [7]). Прибытіе этихъ воеводъ въ „Запискахъ“ отнесено къ 1585 году, къ этому же году отнесено и построеніе Тюмени, а основаніе Тобольска отнесено къ слѣдующему. О построеніи Тобольска разсказывается, что воеводы, остановившись на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Тюмень, послали далѣе Чулкова, который и основалъ Тобольскъ. Сначала онъ поставилъ церковь Вознесенія, а затѣмъ уже и городъ, „и Стольный наречеся градъ въ лѣто 1586 года“ [8]). Въ Есиповской лѣтописи дѣло передается иначе; объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ составитель „Записокъ“, такъ что это его свидѣтельство имѣетъ особую важность для выясненія того, какія изъ первоначальныхъ лѣтописей были ему извѣстны. А именно:

---

[1]) Др. Р. В., Ш, 105.

[2]) Есип. лѣт., ст. XX; Строг., стр. 48. Изъ сопоставленія данныхъ лѣтописи съ грамотой Ивана Грознаго Строгановымъ отъ 7 янв. 7092 г. можно заключить, что отправленіе воеводъ произошло до сентября 1583 г. Миллеръ, «Опис. Сиб. царства», гл. Ш, § 36.

[3]) Хотя и не вполнѣ. Въ Есиповск. и Строгановск.—въ ночь съ 5-го на 6-е авг.

[4]) Въ Есиповск. и Строгановск. совсѣмъ не указано, въ Ремезовской (Статья 98)—50 человѣкъ.

[5]) Нов. Лѣтоп. кн. Оболенскаго, гл. 22.

[6]) Др. Р. В., Ш. 107. Время пребыванія Мансурова въ Сибири опредѣляется изъ грамоты остяцкому князьку Лугую. Миллеръ, «Опис. Сиб. царства», гл. Ш, § 80.

[7]) Др. Р. В., Ш, 107—108.

[8]) Здѣсь необходимо отмѣтить противорѣчіе, въ которое впадаетъ составитель. Далѣе говорится о построеніи церкви Троицкой, и эта названа тоже первою: «А первая въ Тобольску поставлена церковь Живоначальныя Троицы», стр. 108.

„въ иныхъ же Лѣтописѣхъ пишетъ, яко присланъ бысть Данiйло Чулковъ Воеводою съ Москвы, со многими ратными людми, въ 1587 году, для поставленія города Тобольска нарочнымъ дѣломъ“. Такъ именно передаетъ Есиповская лѣтопись [1]). Въ Ремезовской лѣтописи, дѣйствительно, извѣстія какъ о времени прибытія воеводъ, такъ и о томъ, что Д. Чулковъ построилъ Тобольскъ по указу государеву въ Тюмень, сходны съ извѣстіями „Записокъ“; но различіе въ томъ, что первая лѣтопись относитъ построеніе Тобольска къ 1586 г., тогда какъ послѣдняя къ 1587 г. (7095) [2]). При томъ, воеводы Сукинъ и Мясной, по „Запискамъ“, дѣйствовали самостоятельно.

Далѣе идутъ извѣстія о построеніи городовъ и за ними описаніе похода противъ Кучума подъ годами 1601—1602: «Въ Тарѣ, Князь Иванъ Володимировичь Кольцовъ-Мосальской, и товарищи съ нимъ Головы письмянные, Григорій Григорьевичь Желябовской, да Алексій Петровичь Полѣновъ; они за Кучумомъ царемъ и въ походъ ходили въ поле“ [3]). Подъ годомъ 1601 записано такое же извѣстіе, но гораздо подробнѣе [4]). Такъ, изъ этого описанія становится извѣстнымъ, что улусъ Кучума былъ разбитъ, было взято въ плѣнъ 8 царицъ, три царевича и «ясырю много взяша живьемъ“. „Походъ сей былъ изъ Тары на Кучума царя, при Воеводѣ Князѣ Иванѣ Мосальскомъ“. Изъ этого описанія не видно, ходилъ ли самъ Мосальскій въ походъ. Извѣстіе это тоже сходно съ тѣмъ, которое находится въ статьяхъ о Сибири, внесенныхъ въ „Новый Лѣтописецъ“. Это событіе въ „Лѣтописцѣ“ отнесено къ 1598 году (7106). Въ Ремезовской лѣтописи читаемъ, что въ 1598 (7106) 9 мая ходилъ въ походъ на Кучума воевода Иванъ Мосальскій изъ г. Тары [5]). Всѣ подробности этого похода сходятся съ отмѣченными въ „Запискахъ“, и, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести походъ этотъ къ 1598 году. Въ Ремезовской лѣтописи упоминаются два Мосальскихъ: одинъ — князь Владиміръ Кольцовъ-Мосальскій; этотъ дѣлалъ походъ на Кучума въ 1591 г. (7099) и взялъ въ плѣнъ 2 женъ и сына Кучума; другой—уже упомянутый кн. Иванъ Мосальскій (этотъ воевода названъ просто—Мосальскій; имя показано одинаково и у Ремезова, и въ „Запискахъ“), разбившій Кучума въ 1598 году [6]). Но едва ли можно относить извѣстіе „Записокъ“ о походѣ 1601 года къ 1591-му, ибо въ „Запискахъ“ нѣтъ тѣхъ подробностей, какія записаны Ремезовымъ, да и

[1]) Есип. лѣт., ст. о поставленіи града Тобольска, XX. [2]) Ремез., ст. 121, 122. [3]) Стр. 117. [4]) 119—120. [5]) Ремез., ст. 130. [6]) Ibid., ст. 128.

города Тары тогда еще не существовало [1]). Вѣрнѣе соединить извѣстія о походахъ 1601 и 1602 года въ одно и относить этотъ походъ къ 1598 году.

Послѣднимъ событіемъ, общимъ съ первоначальными лѣтописями, въ „Запискахъ“ будетъ поставленіе Кипріана на вновь открытую сибирскую архіепископскую каѳедру. Засимъ слѣдуетъ разсказъ, какъ Кипріанъ собралъ остававшихся еще въ живыхъ сподвижниковъ Ермака, разспрашивалъ ихъ о завоеваніи Сибири и т. д. Этотъ разсказъ есть не что иное, какъ выписка изъ Есиповской лѣтописи (глава XXXIV).

Изъ разсмотрѣнія той части лѣтописи, которая касается первоначальной исторіи Сибири, такимъ образомъ, выясняется, что:

1) Составитель „Записокъ“ внесъ въ свое произведеніе извѣстія, сходныя съ извѣстіями „Соликамскаго лѣтописца“; это — извѣстія о походѣ князя Лыченицына и завоеваніи Сибири.

2) Нѣкоторыя извѣстія сходны съ статьями о Сибири, вошедшими въ составъ „Новаго Лѣтописца“. Сюда относится цифра погибшихъ съ Ермакомъ казаковъ и извѣстіе о походѣ 1598 года.

3) Составитель зналъ Есиповскую лѣтопись и пользовался ею. Въ одномъ случаѣ (о построеніи г. Тобольска) онъ отвергаетъ ея извѣстіе, въ другомъ (объ открытіи архіепископской каѳедры) онъ дѣлаетъ изъ нея выписку.

4) Остальныя свѣдѣнія о первоначальныхъ событіяхъ составитель бралъ изъ какихъ-то источниковъ, которые до насъ не дошли. Этимъ своимъ источникамъ онъ слѣдуетъ даже тогда, когда находитъ извѣстія объ описываемыхъ ими событіяхъ въ первоначальныхъ лѣтописяхъ, какъ это видно изъ описанія поставленія г. Тобольска. Отсюда видно также, что составитель пользовался своимъ матеріаломъ не безъ критики, но только тогда, когда имѣлъ возможность выбора источниковъ; въ большинствѣ же случаевъ онъ выписывалъ прямо тѣ извѣстія, которыя находилъ.

Что касается описанія русской жизни вообще, то слѣдуетъ сказать, что извѣстія этой группы имѣютъ второстепенное значеніе. Они состоятъ почти исключительно изъ перечисленія государей, указаній времени изъ восшествія на престолъ, смерти и т. д. Эти извѣстія составитель могъ взять изъ любого сборника историческихъ свѣдѣній, ибо они представляютъ собою самыя обычныя, такъ сказать, ходячія знанія. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ извѣстій

---

[1]) Систем. переч. Газенвинкеля, 23. Миллеръ, «Опис. Сиб. ц.», гл. IV, §§ 22, 53.

этой группы можно указать вѣроятный ихъ источникъ; такимъ источникомъ могъ быть „Новый Лѣтописецъ“ редакціи „Лѣтописи о мятежахъ“. Сличеніе этой части „Записокъ“ съ указаннымъ лѣтописцемъ обнаруживаетъ, что „Записки“ стоятъ весьма близко къ „Новому Лѣтописцу“ этой редакціи.

Извѣстія о Московской Руси въ „Запискахъ“ начинаются съ сообщенія о смерти царя Ивана Грознаго; съ того же событія начинается и „Лѣтопись о мятежахъ“.

Слѣдующее извѣстіе объ убіеніи царевича Димитрія и о поставленіи каменнаго Бѣлаго города въ Москвѣ въ 1588 году тоже могло быть взято изъ „Лѣтописца“ [1]). Только въ „Запискахъ“ послѣднее событіе отнесено къ 1588, а въ „Лѣтописи о мятежахъ“ къ 7095.

О заложеніи каменнаго города въ Смоленскѣ—Зап., 113, Лѣт. о мят., 40—41.

О смерти царя Ѳедора Ивановича—Зап., 113, Мятеж., 44—47. Хронологическія данныя не согласны. По Зап. царь Ѳедоръ жилъ 36 лѣтъ 7 мѣс. 6 дней, царствовалъ 13 лѣтъ 7 м. 6 дней; по Лѣт. о мят. жилъ 33 года, царствовалъ 15 лѣтъ 10 мѣс.

О вступленіи Бориса Годунова на престолъ—Зап., 113, Мят., 44—47.

О смерти царя Бориса—Зап., 120; Мятеж., 86. Хронологія опять не сходна: по Зап. 1605 г. 16 апр., въ Лѣт.—5 апр.

Но что особенно заставляетъ сближать „Записки“ съ „Лѣтописью о мятежахъ“, такъ это описаніе событій со времени перваго Самозванца и изложеніе Смутнаго времени. Эти событія занимаютъ составителя „Записокъ“, и онъ посвящаетъ имъ цѣлыя страницы. Кажется, здѣсь составитель прямо выписывалъ изъ „Новаго Лѣтописца“ цѣлыя статьи, измѣняя ихъ, впрочемъ, сообразно съ объемомъ своего труда. Точка зрѣнія на Смутное время и дѣятелей этой эпохи, какая существуетъ въ „Лѣтописцѣ“, удержана и въ „Запискахъ“; составитель симпатизируетъ Василію Шуйскому и чувствуетъ антипатію къ Лжедимитрію [2]). Это заимствованіе составителемъ „Записокъ“ изъ „Лѣтописи о мятежахъ“ особенно замѣтно изъ слѣдующаго сличенія:

---

[1]) Др. Р. Вивл., III, 107, 108; Лѣт. о мятеж., 13.

[2]) Лжедимитрій называется «Ростригою», «законопреступнымъ Ростригою», «еретикомъ Ростригою» и т. д. Царь Василій именуется «страдальцемъ предобрымъ», 120, 121, 122, 125.

Рѣчь царя Василія Шуйскаго къ Сигизмунду подъ Смоленскомъ:

„Записки“, стр. 125—126.	„Лѣтопись о мятежахъ“, 198—199.
„Никогда Царь Московскій Королю Польскому не покланяется, хотя и отъ рабовъ своихъ измѣнниковъ и крестопреступниковъ выданъ тебѣ: но въ томъ воля Божія, воздастъ имъ Господь Богъ по дѣломъ ихъ, и по лукавству начинанія ихъ; самъ ты Король поклонися мнѣ Царю Московскому, понеже Глава тебѣ“. Король же разъяряся, отосла его въ Польшу, и съ братомъ его Княземъ Димитріемъ, и тамо ихъ нужною смертію въ темницахъ заморища.	„Не подобаетъ Московскому Государю покланятися Королю, что судьбами есть праведными Божіими, приведенъ въ плѣнъ, не вашими руками, но отъ Московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабовъ отданъ бысть. Король-же и вся рада удивишася отвѣту...
Тѣло же Царя Василія, и брата его Князя Димитрія повелѣ Король погребсти на градскомъ распутіи, въ коемъ мѣстѣ сошлись всѣ дороги во едино мѣсто изо всѣхъ Государствъ, и поставити надъ нимъ столпъ каменной, или Польскимъ языкомъ каплицу, сирѣчь гробницу и подписаху на томъ столпѣ рѣзью, всѣми языки, что сей столпъ поставленъ надъ выданнымъ Московскимъ Царемъ Васильемъ Ивановичемъ и надъ бояры его, на укоризну Московскому Государству, себѣ же на похвалу“.	Въ Литвѣ-жъ Царя Василья и брата его Князь Димитрія и со княгинею уморища и повелѣша ихъ положити на пути, кои изо всѣхъ государствъ пришли дороги, и поставя надъ ними столпъ каменной себѣ на похвалу, а Московскому Государству на укоризну; и подписаху на столпѣ всѣми языками, что сей столпъ сдѣланъ надъ Царемъ Московскимъ и надъ Бояры“.

На основаніи этого сличенія можно предположить, что составитель „Записокъ“ заимствовалъ означенное описаніе изъ „Лѣтописи о мятежахъ“; кое-что онъ измѣнилъ, кое-что дополнилъ (фактическаго же дополненія не сдѣлалъ) и выпустилъ; нѣкоторыя же выраженія Лѣтописи имъ удержаны безъ измѣненія.

Слѣдующее за симъ повѣствованіе о Смутномъ времени [1]) есть

[1]) Др. Росс. Вивл., III, 125—129.

сокращеніе таковаго же изъ „Лѣтописи". Относящіяся сюда статьи— на стр. 186—193, 195, особенно 197—200, 214, 234, 270 и слѣд.

Избраніе Михаила Өедоровича на царство обозначено датой 13 марта 1611 года, въ „Лѣтоп." 7121 г., т.-е. 1613 г. [1]).

Послѣднее извѣстіе, которое могло быть заимствовано изъ „Лѣтописи"—о вѣнчаніи на царство царя Алексѣя Михайловича 1646 г. сент. 28; въ „Лѣтописи"—на память Харитона Исповѣдника [2]).

Дальнѣйшія извѣстія „Записокъ" о жизни Московскаго государства вообще заимствованы изъ другихъ сборниковъ, опредѣлить которые мы пока не можемъ. Изложеніе „Записокъ" доведено, какъ указано выше, до 1702 года, такъ что остается царствованіе Өеодора Алексѣевича, правленіе Софьи, Ивана и Петра. Свѣдѣнія объ этихъ государяхъ, не отличаясь по характеру отъ вышеизложенныхъ, легко могли быть получены непосредственно самимъ составителемъ, тѣмъ болѣе, что они относились ко времени, уже близкому къ нему.

§ 17. Сверхъ того, можно видѣть, что составитель пользовался въ нѣкоторыхъ случаяхъ офиціальными документами. Такъ, замѣтны слѣды двухъ грамотъ; подъ годомъ 1687 записано о полученіи въ Тобольскѣ двухъ грамотъ: одна отъ Ивана и Петра Алексѣевичей, а другая—отъ Ивана, Петра и Софьи. Изъ нихъ составитель выписываетъ царскіе титулы [3]). Этимъ мы заканчиваемъ замѣтки о нѣкоторыхъ вѣроятныхъ источникахъ „Записокъ".

§ 18. Теперь на очереди стоитъ вопросъ о томъ, когда составлены были „Записки", и кто былъ ихъ составителемъ.

Прямого отвѣта на эти вопросы дать нельзя; въ самой лѣтописи нѣтъ на это указаній, приходится дѣлать только лишь предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя.

Разсматривая лѣтопись, можно замѣтить, что вторая половина ея

---

[1]) Др. Р. В., III, 130; «Лѣтоп. о мятеж.», 270.

[2]) Др. Р. В., III, 171; «Лѣт. о мят.», 354. Замѣтимъ, что нѣкоторыхъ извѣстій, вошедшихъ въ «Записки», въ «Лѣтописи» нѣтъ. Такъ, нѣтъ извѣстія о построеніи каменнаго города Астрахани, отнесенномъ «Записками» къ 1589 г., о прибытіи въ Москву Іереміи и о поставленіи Іова въ патріархи, а этимъ—митрополитовъ.

Въ «Лѣтописи» нѣтъ также датъ вѣнчанія царя Бориса и убіенія Самозванца (95, 101). Далѣе, существуютъ разногласія при описаніи вѣнчанія на царство Василія Шуйскаго. По «Запискамъ», Гермогенъ былъ возведенъ въ патріархи 25 мая 1606 года, т.-е. по нареченіи Василія царемъ, такъ что послѣдній былъ вѣнчанъ уже патріархомъ (1-го іюня), тогда какъ по «Лѣтописи»—Шуйскій былъ вѣнчанъ еще до избранія Гермогена въ патріархи «тоя же недѣли», т.-е. между 18 и 25 мая. Гермогенъ же сдѣланъ патріархомъ «по воцареніи Василія» (Лѣт., 103). Карамзинъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ Филаретовой рукописи. См. Ист. Гос. Рос., прим. 10 и 11 къ XII тому.

[3]) Др. Росс. Вивл., III, 265, 266.

отличается отъ первой слѣдующими характерными чертами. Выше было указано, между прочимъ, на непослѣдовательность годовъ. Но, начиная приблизительно съ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія, это явленіе прекращается; и послѣднія 20 лѣтъ описаны уже болѣе или менѣе послѣдовательно; съ этого времени лѣтопись упорядочивается. Описаніе самыхъ событій дѣлается подробнѣе, составитель не ограничивается однимъ только перечисленіемъ воеводъ сибирскихъ городовъ, но излагаетъ главныя событія, какъ гражданско-военной, такъ и церковной жизни г. Тобольска (попреимуществу). Такъ, напримѣръ, подъ годомъ 1681 говорится о писцахъ, пріѣхавшихъ въ Тобольскъ для межеванія земель, о самосожженіи раскольниковъ, о присылкѣ мѣръ изъ Москвы, новоприбавочныхъ статей, новыхъ торговыхъ уставныхъ статей, объ измѣреніи разстояній между городами и проч. Ближайшее разсмотрѣніе наводитъ на мысль, что эта часть „Записокъ“ писана уже очевидцемъ. Такое предположеніе держится на томъ, что, сравнительно съ предыдущей частью, изложеніе „Записокъ“ за послѣднія 20 лѣтъ дѣлается болѣе содержательнымъ, а также еще и на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Подъ годомъ 1687 записано: „пріѣхалъ отъ Ямышева, отъ солениковъ въ Тару съ вѣстію, Сейдяшевъ сынъ и Ондреяша Османовъ, въ 20 числѣ; и Казенной Государевъ дощаникъ съ покупошною казною, Иванъ Шишкинъ Сейдяшъ: и сказываютъ, что соль сѣла самая добрая“ и т. д. [1]).

Эта замѣтка: „сказываютъ, что соль сѣла самая добрая“, могла принадлежать только тому, кто слышалъ это извѣстіе или отъ самихъ пришедшихъ съ дощаникомъ, или отъ вторыхъ лицъ, кому они говорили объ этомъ. Труднѣе допустить, чтобы составитель заимствовалъ это извѣстіе въ той формѣ, какъ оно у него записано, изъ первоначальныхъ записей, которыми онъ пользовался. Въ этомъ случаѣ онъ слово „сказываютъ“ выпустилъ бы, или же измѣнилъ бы на какое либо другое. Поэтому, вѣроятнѣе предположеніе, что извѣстіе это записано со словъ Сейдяша, его сына и Ондреяши Османова.

Подъ годомъ 1687 же записано о пожарѣ Покровской церкви въ селѣ Каменкѣ, 27 марта; далѣе прибавлено: „а говорятъ, что раскольщики сожгли“ [2]). Прилагая то же разсужденіе, что и въ предъидущемъ случаѣ, допускаемъ, что и это извѣстіе записано составителемъ, какъ современникомъ событія.

---

[1]) 263. [2]) 264.

Что составитель писалъ свои „Записки“, какъ очевидецъ, съ конца XVII вѣка, можно утверждать еще на основаніи слѣдующаго.

Подъ годомъ 1586 записано: „А первая въ Тобольску поставлена церковь Живоначальныя Троицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца; а была, гдѣ нынѣ Софійской дворъ и святительской садъ, позади каменной палаты; да на томъ же мѣстѣ и мысу, гдѣ нынѣ колокольня Софійская и городъ первой былъ поставленъ Даніиломъ Чулковымъ“... [1]). А подъ годомъ 1683 читаемъ: „Іюня въ 22 день, въ недѣлю, на Софѣйскомъ дворѣ почали рвы копать, гдѣ быть каменной колокольнѣ: и совершена 1685 году“ [2]). Эта замѣтка „нынѣ“ могла появиться, конечно, только послѣ построенія каменной Софійской колокольни, т.-е. послѣ 1683—1685 года, а такъ какъ извѣстіе о построеніи Данилой Чулковымъ г. Тобольска въ 1586 г. находится почти въ самомъ началѣ лѣтописи, то изъ этого можно предположить, что составитель началъ писать „Записки“ не ранѣе 1683—1685 года.

Далѣе, подъ годомъ 1593 внесено такое извѣстіе: „А колоколъ, въ которой заблаговѣстили, какъ Царевичу Димитрію убіеніе на Угличѣ учинилось, сосланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, къ Церкви ко Всемилостивому Спасу, чтѝ на торгу, а нынѣ онъ на Софійской колокольнѣ часобитной“ [3]). Прилагая такое же разсужденіе, чтѝ и въ предыдущихъ случаяхъ, можно допустить, что и это извѣстіе также записано составителемъ, какъ современникомъ, а, можетъ быть, какъ и очевидцемъ перенесенія колокола [4]).

Итакъ, изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ „Записокъ“ является предположеніе, что послѣдняя часть „Записокъ“ писана современникомъ и, во-вторыхъ, что начало составленія относится ко времени, не ранѣе 1683—1685 года.

§ 19. Спрашивается, кто же былъ составителемъ „Записокъ“ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ.

Прямыхъ указаній на это нѣтъ; изъ лѣтописи же можно вывести только рядъ предположеній. Было уже указано, что при разсмотрѣніи этой лѣтописи выясняются двѣ характерныя черты ея: разнообразіе извѣстій и единообразіе изложенія. На всемъ протяженіи „Записки“ относительно способа изложенія остаются однообразными; онѣ передаютъ событія государственной и церковной жизни и имѣютъ, такъ

---

[1]) 108. [2]) 248. [3]) 111.

[4]) Къ сожалѣнію, въ «Запискахъ» нѣтъ извѣстія о томъ, когда былъ перенесенъ колоколъ отъ церкви Всемилостиваго Спаса на Софійскую колокольню. Тогда время составленія «Записокъ» можно было бы опредѣлить точнѣе.

сказать, офиціальный характеръ. Та послѣдняя часть „Записокъ“, которая, по предположенію, принадлежитъ послѣднему составителю, по способу изложенія и по выбору извѣстій, нисколько не выдѣляется изъ всего произведенія. Составителя интересуютъ только событія офиціальной жизни; если онъ и говоритъ иногда о явленіяхъ общественныхъ, то лишь потому, что въ этихъ случаяхъ дѣйствующими лицами бываютъ тѣ же воеводы или другія лица, облеченныя властью. Такъ, онъ разсказываетъ о взаимныхъ раздорахъ воеводъ, о раздорахъ воеводъ съ архіепископами и т. д. Изъ этого видно, что и на послѣдней части труда нисколько не отразилась личность составителя. Правда, иногда можно замѣтить субъективное отношеніе составителя къ событіямъ, но для ближайшаго опредѣленія личности составителя нѣтъ никакихъ данныхъ. Разсказывая о пожарѣ церкви въ с. Каменкѣ въ 1687 г. [1]), составитель предполагаетъ поджогъ и присоединяетъ: „знатно заводомъ и умысломъ противниковъ церковныхъ раскольщиковъ и мятежниковъ“... Къ раскольникамъ, а преимущественно къ ихъ руководителямъ, составитель относится враждебно. Такимъ же характеромъ отличается и извѣстіе о самосожженіи раскольниковъ въ 1679 году [2]); онъ замѣчаетъ: „двѣ тысящи семь сотъ душъ Христіанскихъ сгорѣло, прельщеннымъ ученіемъ неправымъ бывшаго попа Тюменца Дементьяна; а чернеческое имя ему Данило, и съ ево прелеснаго воровскаго ученія учениками“. Такая вражда къ раскольникамъ заставляетъ на первый разъ предполагать въ составителѣ духовное лицо; но такое отношеніе къ раскольникамъ въ концѣ XVII вѣка возможно было и со стороны не одного только духовенства. Во всякомъ случаѣ, въ составителѣ необходимо предполагать лицо, довольно близко стоявшее къ служилому сословію; можетъ быть, это былъ дьякъ, служившій въ Тобольскомъ Разрядѣ, или же дьякъ тобольскаго митрополита [3]). Въ заключеніе замѣтокъ о

---

[1]) 268. [2]) 234.

[3]) Въ настоящемъ случаѣ кажется умѣстнымъ привести ту замѣтку, которую дѣлаетъ А. Н. Неустроевъ при обозрѣніи «Записокъ». Этотъ авторъ говоритъ слѣдующее: «извѣстно по рукописи, пожертвованной въ 1852 г. въ Импер. Русск. Арх. Общ. А. Н. Неустроевымъ, за № 16, писанн. со словъ лично знавш. Ермака Саввы Есипова,—фамилія Ермаку: «сынъ повольскаго», о чемъ также значится и «по каталогу Росс. рукописн. книгъ въ И. А. Н.», составл. Соколовымъ 1818 г., стр. 42». (См. «Древняя Россійская Вивліоѳика». Библіографическое описаніе, составлено Императорской Академіей Художествъ почетнымъ вольнымъ общникомъ А. Н. Неустроевымъ. Спб. 1874», стр. 11. Замѣтка приведена нами безъ измѣненія). Хотя смыслъ этой замѣтки возстановить трудно, но, кажется, здѣсь дѣло идетъ о томъ, что рукопись «Записокъ» пожертвована г. Неустроевымъ въ 1852 г. Русскому Археологическому Обществу и что она писана со словъ С. Есипова, лично знавшаго Ермака. Если смыслъ замѣтки дѣйствительно таковъ, то съ вышесказаннымъ мнѣніемъ А. Н. Неустроева о при-

личности составителя „Записокъ“ приводимъ мнѣніе проф. Е. Е. Замысловскаго: „Въ „Запискахъ“, за исключеніемъ извѣстій, которыя касаются назначенія воеводъ въ разные города Сибири, событія, относящіяся къ мѣстной исторіи города Тобольска, описаны съ такою подробностью, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онѣ составлены въ самомъ Тобольскѣ, и что составитель ихъ или былъ самъ очевидцемъ, или пользовался источниками, составленіе которыхъ современно описываемому происшествію“ [1]).

§ 20. Обращаясь къ вопросу о достовѣрности „Записокъ“, необходимо указать на мнѣніе того же проф. Е. Е. Замысловскаго, которое въ данномъ случаѣ служитъ исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи достовѣрности извѣстій, вошедшихъ въ эту лѣтопись: „Характеръ извѣстій, внесенныхъ въ „Записки“, которыя справедливѣе было бы назвать лѣтописью города Тобольска, дозволяетъ съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что онѣ имѣли официальное значеніе. Въ этомъ болѣе всего убѣждаетъ насъ слѣдующій послѣ каждаго извѣстія о назначеніи воеводы въ Тобольскъ перечень воеводъ, которые завѣдывали управленіемъ Сибири. Подобнаго рода извѣстія могли быть необходимы административнымъ лицамъ города Тобольска, на важное значеніе котораго указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что туда назначались иногда бояре. Нѣкоторыя извѣстія „Записокъ“ относительно назначенія воеводъ въ сибирскіе города могутъ быть подтверждены тѣми данными, которыя находятся въ официальныхъ документахъ“ [2]).

Такимъ образомъ, проф. Е. Е. Замысловскій признаетъ официальное значеніе „Записокъ“. Но если даже и не предполагать, что

надлежности «Записокъ» Есипову согласиться нельзя по хронологическимъ соображеніямъ. Если же А. Н. Неустроевъ имѣетъ въ виду какую либо иную лѣтопись (напр., Лѣтопись, приписываемую С. Есипову), то онъ долженъ былъ бы на это указать. Впрочемъ, можетъ быть, авторъ «Описанія» Записокъ говоритъ только о названіи Ермака «Повольскимъ», о чемъ дѣйствительно значится и на страницѣ 42 й «Каталога Росс. рукописныхъ книгъ въ Импер. Акад. Наукъ», составленнаго Соколовымъ. Кажется, замѣтка эта, даже при первомъ ея толкованіи не прибавляетъ ничего къ вопросу о личности составителя «Записокъ».

[1]) Е. Е. Замысловскій. Царствованіе Өеодора Алексѣевича. Спб. 1871. Ч. I, стр. 1.

[2]) Е. Е. Замысловскій. Царств. Өеод. Алекс. Спб. 1871. Ibid. и 2. Далѣе авторъ приводитъ рядъ указаній изъ официальныхъ документовъ, подтверждающихъ данныя «Записокъ». Позволяемъ себѣ выписать эти указанія. Сюда относятся: Доп. къ А. И., т. VIII, 44, X; VII, 6, I; 16, II; 74, VIII; 67, VII; 74, IV; Акт. Ист., т. V, 72; Д. къ А. И., т. VIII, 15, XVII; т. VIII, 5; А. И., т. V, 66; Д. къ А. И., т. VIII, 10; т. VIII, 91; т. VII 38, 74, V; т. VIII, 53, IX; VIII, 44, III; т. VII, 74, VII; т. VIII, 51, IV. Акты, отн. до юрид. быта, 56, II; Д. къ А. И., т. VIII, 38, V; т. VII, 61, X; т. VII, 23, IV; 61, XV. (Стр. 2—3).

„Записки“ имѣли официальное значеніе въ томъ составѣ, въ какомъ дошли до насъ, все-таки необходимо, кажется, допустить, что та часть „Записокъ“, которая послужила имъ основой, т.-е. извѣстія о назначеніи воеводъ въ сибирскіе города, имѣла офиціальное значеніе. Подобнаго рода свѣдѣнія, какъ справедливо полагаетъ проф. Е. Е. Замысловскій, были необходимы, какъ въ центральномъ управленіи Сибирью, вѣдавшемъ назначеніе воеводъ въ сибирскіе города и другія дѣла этой области, т.-е. въ Приказѣ Казанскаго и Мещерскаго Дворца, позднѣе въ Сибирскомъ Приказѣ, и въ Приказѣ Разрядномъ, такъ и въ мѣстномъ управленіи, центромъ котораго до XVIII вѣка оставался городъ Тобольскъ. Такія свѣдѣнія о назначеніи воеводъ прежде всего необходимо искать въ дѣлахъ Разряднаго Приказа, но, къ сожалѣнію, изъ разрядныхъ книгъ можно извлечь извѣстія лишь за весьма короткій промежутокъ времени [1]), а данныя изъ дѣлъ другихъ приказовъ слишкомъ отрывочны [2]). Поэтому провѣрить перечень воеводъ въ „Запискахъ“ на основаніи данныхъ разрядовъ невозможно.

Такимъ образомъ, перечень воеводъ приходится составлять на основаніи наказовъ, отписокъ и т. под. офиціальныхъ документовъ. Несмотря на огромное количество такихъ актовъ, едва ли можно достичь при этомъ хронологической точности; можно установить только преемственность воеводъ; время же назначенія воеводъ, за отсутствіемъ для многихъ изъ нихъ наказовъ, можно опредѣлить съ точностью до одного года.

§ 21. Попытки составить такіе перечни воеводъ дѣлались не разъ, но всѣ они врядъ ли имѣютъ значеніе, ибо были основаны не на офиціальныхъ документахъ, а на данныхъ лѣтописей, которыя сами требуютъ повѣрки. Такъ какъ такіе перечни необходимы для критики данныхъ городскихъ лѣтописей, то мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Прежде всего необходимо указать на списокъ воеводъ города Тобольска (1587—1711), составленный И. Завалишинымъ и помѣщенный въ его книгѣ [3]). Списокъ этотъ не удовлетворителенъ. Тобольскихъ же воеводъ перечисляетъ и г. К. Голодниковъ въ своемъ

---

[1]) См. К. Б. Газенвинкель. Книги Разрядныя въ офиц. ихъ спискахъ и проч. Каз. 1892 г. Стр. 10, 17.

[2]) Акты, относящіеся до юрид. быта др. Россіи, III, 313: «Роспись бояръ, воеводъ и всякихъ приказныхъ людей въ городахъ вѣдомства приказа Казанскаго Дворца». По этой росписи можно прослѣдить назначеніе воеводъ въ Сибирь лишь въ гг. 1661—1665.

[3]) И. Завалишинъ. Опис. Западн. Сиб., т. I, стр. 108—109. Составленъ, кажется, на основаніи «Сибирскаго лѣтописца» (см. стр. 107). Впрочемъ, подъ этимъ названіемъ авторъ разумѣетъ не ту лѣтопись, которая нынѣ извѣстна подъ такимъ именемъ, а, какъ можно догадываться, «Черепановскій сборникъ» (ср. стр. 27).

трудѣ [1]). Но и этотъ списокъ также нельзя признать вполнѣ точнымъ. Перечень якутскихъ воеводъ и другихъ начальниковъ, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, обнимаетъ время съ основанія Якутска до 1857 года [2]). Существуетъ также роспись воеводъ г. Иркутска [3]). Слѣдуетъ упомянуть также „Хронологическій перечень воеводъ, правителей намѣстничества, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, бывшихъ въ Тобольскѣ". Этотъ перечень есть не что иное, какъ простая перепечатка соотвѣтствующей части „Показанія" съ добавленіями, впрочемъ, незначительными, изъ лѣтописи Струнина и Соликамскаго лѣтописца [4]). Самостоятельнымъ характеромъ отличается только послѣдняя часть перечня, съ 1787 года.

Только въ послѣднее время началось составленіе списковъ воеводъ и другихъ начальствовавшихъ лицъ на основаніи офиціальныхъ данныхъ. Къ попыткамъ этого рода необходимо отнести списокъ тобольскихъ воеводъ и проч., составленный г. Ст. Мамѣевымъ [5]). Этотъ послѣдній, „составленный по первоисточникамъ, даетъ, по словамъ К. Б. Газенвинкеля, совершенно точное перечисленіе тобольскихъ воеводъ и ихъ товарищей". Но онъ не касается низшихъ административныхъ лицъ.

Какъ бы то ни было, всѣ перечисленные списки касаются только воеводъ г. Тобольска, Иркутска и Якутска; для остальныхъ же городовъ Сибири такихъ списковъ не существуетъ, и въ этомъ отношеніи оставался большой пробѣлъ до появленія „Систематическаго перечня", составленнаго г. Газенвинкелемъ [6]). Этимъ „Перечнемъ" означен-

---

[1]) К. Голодниковъ. Городъ Тобольскъ и его окрестности. Тоб. 1887.

[2]) «О лицахъ, занимавшихъ высшія гражданскія и военныя должности, и помощникахъ ихъ, съ основанія города Якутска». Пам. Кн. Якутск. обл. за 1863 г. Спб. 1864. Стр. 106—115. Перечень этотъ составленъ, кажется, на основаніи якутской лѣтописи: «Воев. и нач. г. Якутска» и проч., помѣщенной въ той же книгѣ, за время до 1821 г.; а съ этого года, вѣроятно, на основаніи архивныхъ данныхъ.

[3]) Этой росписью мы не могли воспользоваться. Помѣщена въ Пам. Кн. Иркутск. губ. за 1861. Указанія на нее см. Газенвинкель, Сист. переч. воев. и проч., стр. 6. Межовъ, Сиб. Библ., II, стр. 23.

[4]) Пам. Кн. Тоб. губ. на 1884 г., составлена А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ. Тоб. 1884 г. Стр. 76—94. Перечень обнимаетъ періодъ времени съ основанія Тобольска до 1878 г.

[5]) Календ. Тоб. губ. на 1889 годъ. Стр. 43—60. Списокъ духовныхъ и свѣтскихъ начальниковъ Тобольской губерніи со времени ея основанія.

[6]) «Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подьячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII вѣка». Прилож. къ Календ. Тоб. губ. на 1893 г. Тоб. 1892. Нѣсколько ранѣе тотъ же авторъ издалъ «Книги Разрядныя въ офиц. ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка». Здѣсь перечислены воеводы 15 сиб. городовъ, за время 1616—1636 г. (стр. 22—50) и сдѣланы біографическія замѣтки.

ный пробѣлъ заполненъ, и провѣрка сибирскихъ городскихъ лѣтописей въ этой работѣ г. Газенвинкеля пріобрѣтаетъ твердую основу. „Перечень" обнимаетъ время отъ 1587—1700 г. и даетъ свѣдѣнія о воеводахъ двадцати городовъ, съ основанія каждаго города. Въ основу работы положена рукопись Миллера (на нѣм. яз.), носящая русское названіе „Вѣдомость о бывшихъ въ разныхъ городахъ воеводахъ, съ 1581—1701 г.". Въ основаніе же этой „Вѣдомости" положены „не сибирскіе хронографы, а та масса документовъ и актовъ, которые Миллеръ розыскалъ и вывезъ изъ Сибири". „Вѣдомость" Миллера провѣрена г. Газенвинкелемъ и дополнена данными „Книгъ Разрядныхъ", „Дворцовыхъ Разрядовъ", „Разрядовъ", помѣщенныхъ въ „Синбирскомъ Сборникѣ" гр. Валуева и офиціальныхъ документовъ. Авторъ пользовался также сибирскими лѣтописями: „Записками", „Записной Книгой", „Сибирскимъ Лѣтописцемъ". Такимъ образомъ, авторомъ даны свѣдѣнія о 890 лицахъ. Какъ видно, нѣкоторыя сибирскія лѣтописи, а въ томъ числѣ и „Записки", послужили до нѣкоторой степени матеріаломъ при составленіи „Систематическаго Перечня". Но для цѣлей настоящихъ замѣтокъ необходимо, выдѣливъ данныя „Записокъ", противопоставить ихъ офиціальнымъ даннымъ „Перечня", что̀ и исполнено въ слѣдующемъ ниже сличеніи.

§ 22. „Записки".	„Систематическій перечень".
Тобольскъ.	
1598—1599. Письм. Голова Матѳій Матѳіевъ (112) [1].	Тимофѣй (Матвѣй) Матвѣевъ с. Лазаревъ (7).
1599—1600. Письм. Гол. Василій Олферьевичъ Романовыхъ (113).	Василій Романовъ с. Алферьевъ.
Подьячій Семенъ Володимировъ сынъ Головинъ (ibid.).	Нѣтъ.
Въ смѣнѣ кн. Куракина—дьякъ Богданъ Губинъ (132).	Иванъ Губинъ (8).
1625. Подьячій Панкратей Бабанинъ (142).	Нѣтъ.
Дьякъ Стефанъ Угодской (ibid.).	Степ. Уюцкой (9).
Прибытіе Князя А. Хованскаго отнесено къ 24 янв. 1626 г. (143).	Къ 24 февраля того же года.

[1]) Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы.

Въ смѣнѣ кн. Хованскаго—письменный Гол. Вас. Теплинской (ibid.).	В. Теприцкой.
Смѣны кн. Трубецкого подьячіе (въ Съѣзжей Избѣ) Іакинфъ Хрисанфовъ да Дмитрій Орловъ (147).	Нѣтъ.
Смѣны кн. Телятевскаго — дьякъ Н. Петровъ (149).	Н. Өедоровъ (9, прим. 16).
Смѣны кн. Андрея Голицына—Письм. Голова Т. С. Владычкинъ (152).	Т. С. Владыкинъ (10).
Смѣны стольн. Шереметева—дьякъ Третьякъ Васильевъ (177).	Третьякъ Васильевъ Никитинъ (10, пр. 18).
Смѣны кн. Алексѣя Голицына—письм. гол. Кирилъ Дохтуровъ (198).	Нѣтъ.
Прибытіе воеводы А. П. Акинөова и дьяка Ив. Ст. Давыдова обозначено 1 сент. 1670 г. Вступленіе въ должность 6 сент. (207).	Вступленіе въ должность означенныхъ лицъ— по выѣздѣ изъ Тобольска воеводы П. И. Годунова, послѣдовавшемъ 9 сент. 1669 года (12).
Отъѣздъ воеводы кн. И. Б. Рѣпнина—„1673 ноября въ 27 день, поутру въ третій часъ дни“ (214) [1]).	26 ноября 1672 года.
Отъѣздъ изъ Тобольска воеводы П. Шереметева-Меньшого показанъ—18-го декабря 1680 г. (233) [2]).	Означенное событіе отнесено къ 18 дек. 1679 г. (13).
Смерть дьяка Калинина—12 янв. 1685 г. (249).	16 янв. 1685 г.

Тюмень.

До 1603 г. воеводы не указаны.	
1603—1605 г. Письм. Голова Иванъ Андреевъ с. Безобразовъ (119).	Алексѣй Ивановъ с. Б. (15, Пр. 27)

---

1) Здѣсь очевидная ошибка въ годѣ, ибо слѣдующій воевода П. М. Салтыковъ показанъ на воеводствѣ съ 13 марта 1673 года (214).

2) Очевидная ошибка, ибо, по словамъ «Записокъ» же, «сѣденія въ Тобольску Боярина Петра Васильевича Шереметева, годъ одинъ и полъ 8 мѣсяца» (233).

1605—1608 г. воеводы не указаны. Съ 1608 г. воеводой показанъ М. М. Годуновъ (124).	Годуновъ воеводой—1606—1615.
Съ 1617 г. Князь Өедоръ Семеновичъ Коркодиновъ (132).	1615—1617. Өедоръ Ивановичъ с. Коркодиновъ (15, прим. 29).
1655 г. Матөей Андреевъ Полуехтовъ (182).	Матвѣй Леонтьевъ с. П. (16).
Съ 1658 г. Ө. И. Веригинъ	1657.
„Въ 1659 году, въ началѣ", А. Новогородовъ, „ссыльный Казанскій Голова" (190).	1658.
Подъ 1660 г.—извѣстіе о смерти А. В. Кафтырева и прибытіи сына боярскаго И. В. Струны (193).	Означенное извѣстіе подъ годомъ 1661 (16, прим. 31).
Съ 1661 г. М. Д. Павловъ (ibid.).	1662—1665.
Съ 1669 г. тюменскій голова С. М. Блудовъ (202).	1668—1669.
Въ 1670 г.—Письм. Голова Е. И. Козинской (209).	Въ 1671 г.
Въ 1671 г.—сынъ боярск. Л. Б. Толбузинъ (ibid.).	1672 г.
Съ 1676 г.—Стольн. М М. Квашнинъ (229).	1677—1679.
1684—1688. Никиф. Ив. Колобовъ (261).	1686—1689 (17).
Въ 1688 г.—подьячій съ приписью Матөѣй Борисовъ (261).	Нѣтъ.
Въ 1689 г. — Дмитрей Ивановъ сынъ Полуехтовъ (273).	Въ 1690 г.
Нѣтъ.	1691—1692 г. Л. И. Ординъ-Нащокинъ.

Березовъ.

Въ числѣ строителей не указанъ Аөонасій Ивановъ сынъ Благово, и упомянутъ письм. гол. Иванъ Змѣевъ. (Зап., 110; Переч., 19).	
До 1599 г. воеводы не указаны.	

Въ смѣнѣ И. Волынскаго—голова Иванъ Ивановъ сынъ Биркинъ (114).	Иванъ Петровъ с. Биркинъ (19).
1600—1601. Ѳ. Козловской и А. Ширинъ (117).	1601—1602. Кн. Борятинской, голова — Гр. Векентьевъ (19, прим. 42).
1608—1613 г. воеводы не показаны.	
1613—1615. Василій Семеновъ с. Нарманской (130, 132).	1613—1614. Василій Самсоновъ с. Нармацкой (20, пр. 46).
1616—1620. Б. Л. Зюзинъ (132).	1615—1618.
Подъ 1618—о прибытіи Вас. Волынскаго (132, 133).	1619. Дан. Аѳ. Вельяминовъ (20, пр. 47).
1620—1623. И. П. Писемской, Я. А. Демьяновъ (138).	1620—1622.
1646 мая 24—1649 мая 25—М. С. Лодыженской (175).	1647—1648.
Послѣ Волкова—Сергѣй Андроньевъ с. Малой (183).	1655—1656. Сергѣй Андреевъ с. Малово (20, прим. 49).
1659—1664. Стряпчій Бор. Аѳ. с. Зубовъ (193).	1659—1661.
1664—1667. А. П. Давыдовъ (199).	1662—1667.
Съ 1682 г. Стольн. М. Й. Франтовъ (241).	1682—1685. М. И. Факторъ (21, Пр. 51).
Съ 1689 г. Тимоѳей Алексѣевъ с. Кишкинъ (272).	1689—1690 Алексѣй Тимофѣевъ с. Кишкинъ.
Нѣтъ.	1691—1692. Ив. Ив. Кайсаровъ.

Пелымъ.

Съ основанія города, въ 1593 г. (111), кн. П. Горчаковымъ, который и былъ первымъ воеводой,—до 1603 г. воеводы не показаны.	
1606—1613 г. воеводы не указаны.	
1613—1615. Гр. Ник. Сусловъ (130). Впрочемъ, далѣе (132) онъ названъ Орловымъ.	Гр. Ник. Орловъ (18).
1616 янв. 24—1620 мая 25. Ив. Я. Вельяминовъ и Г. Н. Ор-	1615—1618.

1620—1623. Кн. Н. Волхонской, послѣ него слѣдовали: М. Егонской, Ст. Молчановъ и проч. (137). Время смерти кн. Волхонскаго не указано.	1620.
1635—1639. Андрей Аѳанасьевъ с. Усовъ (157).	1635 — 1638. Андрей Васильевъ с. Усовъ.
1639—1643. Кн. Петръ Андреевичъ Волхонской (159).	1639—1642. Кн. Петръ Ѳедоровичъ Волконской (18, прим. 41).
1643 — 1646. Андрей Булгаковъ (168), „а на ево мѣсто наѣхалъ Воевода, князь Андрей Матѳеевичь Несвицкой“ (ibid).	1643—1645. Кн. А. М. Несвижской. Булгаковъ не упоминается.
1652—1656. П. И. Львовъ, „а на ево мѣсто присланъ Петръ Измайловъ“ (183).	1652—1655. П. И. Львовъ. Измайловъ не упоминается.
1659—1664. Ив. Никиф. с. Аничковъ (193).	1659—1663. Мих. Ив. с. Маюровъ (19, пр. 42).
Съ 1684 г. Ив. Ив. с. Дурной (251).	1683—1685.
Съ 1687. Н. С. Ивашкинъ (261).	Съ 1686 г.
1693. Стольн. С. И. Дурново (281).	Сынъ боярск. изъ Верх. Михайло Ивановъ с. Тырковъ. Стольникъ С. И. Дурново показанъ въ 1694 г.

Тара.

Съ основанія города (1594 г.) до 1601 г. воеводы не показаны.	
1601—1602 Письм. Голова Желябовской (117).	Желябужской (24, прим. 62).
1623—1625. Исай Никитинъ с. Сунбуловъ (140).	1623—1624. Исаакъ (Исай) Никит. с. Сунбуловъ (24, въ прим. 64 говорится, что въ „Кн. Зап.“ и „Зап.“ Сунбуловъ названъ Иваномъ; но въ томъ экземплярѣ „Зап.“, которымъ мы пользовались, имя Сунбулова—Исай).
1635—1639. Григорій Андреевъ с. Кавтыревъ (157).	1635 — 1638. Григорій Аггѣевъ Кавтыревъ (24, прим. 67).

1647—1649. Гр. Ив. Бутурлинъ (175).	1647—1651 (25).
1649—1651. Стольн. Кн. Вас. Андр. Горчаковъ (178).	
1667—1673. Воеводы не показаны. Кн. Мещерской упоминается подъ годомъ 1666, въ Томскѣ, съ воеводой И. Л. Салтыковымъ (200; Переч., 36).	1668—1672. Кн. Ѳ. Н. Мещерской; ум. 1673 г.
Прибытіе письм. гол. И. Г. Ушакова отнесено къ 1674 г. (215).	Съ 1680 г.

Сургутъ.

Основаніе города отнесено къ 1595 году. Строитель Кн. Ѳ. П. Борятинской (111).	Основанъ въ 1593 г. Строители неизвѣстны (21, пр. 52). Кн. Ѳ. П. Барятинской былъ воеводой съ 1594—1595 гг.
1599—1600. Ѳ. В. Волынской, И. В. Благой (117). (Въ „Перечнѣ" 1608—1611).	Кн. Ѳ. Т. Долгоруковъ, головы: Алекс. Голохвастовъ и Ѳ. Мелентьевъ.
1606—1612. Воеводы не показаны.	
1613—1614. Е. Ѳ. Корсаковъ, И. Ѳ. Зубатовъ (130).	1613 (22).
Съ 1615 Г. Г. Вельяминовъ (ibid.).	Съ 1614.
1620—1623. Иванъ Ивановичь Голѣнищевъ-Кутузовъ, Гр. Ив. Ѳеофилатьевъ (137).	1620 (29 февр.)—1622. Иванъ Захаровъ Щука-Кутузовъ, Гр. И. Фефилатьевъ (22, прим. 54).
1623—1625. И. Р. Безобразовъ, Ѳ. Г. Шишкинъ (140).	1623—1624.
Послѣ воеводы А. С. Вельяминова значится А. С. Воейковъ (159).	А. С. Воейкова нѣтъ (22, пр. 56).
1643—1646. А. А. Измайловъ. „Сей въ Сургутѣ и умре. А на ево мѣсто Воевода, Смирной Григорьевъ сынъ Демской" (168).	1644—1645. Измайловъ. Демской показанъ товарищемъ воеводы кн А. В. Кропоткина въ 1648—1651 гг. Послѣ Измайлова, въ 1646 г., правилъ Г. Д. Костелецкой, котораго „Зап." не обозначаютъ.

1646—1649. Кн. Петръ Вас. Кропоткинъ, „а на ево мѣсто присланъ Воевода, въ 1647 году, Смирной Григорьевъ сынъ Демской“ (175).	1647—Кн. П. В. Кропоткинъ. Демской, какъ сказано, былъ въ товарищахъ у кн. Александра Вас. Кропоткина.
Объ отчествѣ Кондырева (183) см.	Переч. 23, пр. 58.
1659—1664. В. Ѳ. Шетневъ (193).	1659—1663. В. Ѳ. Щетневъ.
Объ отчествѣ Зыкова (199) см.	Переч. 23, прим. 59.
Съ 1678 г. Стольн. Димитрій Ивановичъ Лихаревъ (232).	Въ 1681 г.
„Въ 1689 году“ В. Б. Бухвостовъ (272).	1690—1691.
Не показано, съ какого времени правилъ Алексѣй Юшковъ (281).	

Нарымъ.

1596 г. „ставилъ Сургутской Атаманъ Тугаринъ Ѳедоровъ“ (112), онъ оставался приказнымъ до 1601 г.	Основанъ сургутскими служилымъ людьми (25, пр. 68). До 1600 г. управлялся приказчиками (26).
1601—М. Хлоповъ. До какого времени былъ воеводой въ первый разъ, не показано. Въ 1615 году былъ смѣненъ И. П. Языковымъ-Хомяковымъ (130).	1601. М. Т. Хлоповъ. 1608—1610. М. Лавровъ. 1611—1613. М. Хлоповъ, смѣненный въ 1614 г. Хомяковымъ-Языковымъ.
Съ 1633 г. И. А. Загозскинъ (153).	Съ 1632 г.
Нѣтъ.	1646 г. И. И. Чаадаевъ.
1647 — 1649 А. С. Нарбековъ (176).	1647—1651.
1649 — 1652. Ѳ. Ѳ. Головачевъ (179).	Нѣтъ.
1659 — 1664 Я. И. Золотаревъ (194).	1659—1660.
1664 — 1667. И. М. Засѣцкой (199)	1661 —1664.
Въ 1666 г. П. А. Гагаринъ (200).	1665—1667.
Съ 1667 г. И. Ѳ. Монастыревъ.	1668—1670.
Въ 1671 г. Монастыревъ, по грамотѣ Государя, переѣхалъ на	1671—1675. Г. В. Волковъ.

воеводство въ Томскъ, но продолжалъ управлять и Нарымскимъ острогомъ (209).	
1673. Стряпчей Ан. Д. Губинъ и сынъ его Иванъ (215).	1676 (26, пр. 70).
Подъ годами 1676 и 1678 г. упоминается В. Б. Бухвостовъ (227, 232).	1677—1679.
Съ 1682. И. С. Павловъ (241).	Съ 1684.
Съ 1684 г. В. М. Трегубовъ (261).	Съ 1686 г. (27).
Въ 1693 г. Неф. Дурново, „прежній"; но ранѣе упоминается Иванъ Дурново (273, 282).	1692—1693.

Кетскъ.

Основанъ тѣмъ же Атаманомъ Тугариномъ Ѳедоровымъ въ 1596 г. (112).	Основанъ служилыми людьми изъ Сургута въ 1597 году.
1601—1602. Первый воевода Г. Ѳ. Елизаровъ (117).	1698—1603 г.г. управлялся приказчиками изъ Сургута (27).
1603—1608. Воеводы не показаны.	1608—1612 Г. Ѳ. Елизаровъ (27, прим. 71).
1613—1620. Ч. Ѳ. Челищевъ (130, 135).	1613 — 1614 г.г. М. Лавровъ. 1615—1620 г.г. Челищевъ.
Съ 1639 г. В. П. Атаевъ (161).	В. П. Отяевъ (27 и прим. 74).
1649—1652. Г. Ѳ. Дурной (179).	1649—1651. Ст. А. Ушаковъ (28).
1652—1659. Стефанъ Еуфимовъ с. Лутовининъ (184, 191).	1652—1658. Степанъ Алферьевъ (Ефимовъ) с. Лутовиновъ.
1659—1664. Г. Б. Загаринъ (194).	1659—1660.
1664—1666. Стряпчій Д. И. Хрущовъ (199).	1661—1664.
Съ 1666 И. Ѳ. Монастыревъ (200).	Съ 1665.
Съ 1667 г. управленіе Кетскаго и Нарымскаго остроговъ было соединено (206).	Съ 1668 г.

Верхотурье.

Городъ основанъ въ 1600; основатели: Вас. Петр. Головинъ и бывшіе воеводы упраздненнаго	Основанъ въ 1598 г. В. П. Головинымъ и письм. голов. Ив. Вас. Воейковымъ (28).

Лозвинскаго городка—Ив. Нагой и Ив. Траханіевъ (115—116).	
Первые воеводы до 1603 года:	
1) Головинъ, Нагой, Траханіевъ.	1599. Кн. Ив. Мих. Вяземской; голова Салмановъ.
2) Головипъ, Воейковъ, письм. гол. Салмановъ.	
3) Кн. Ив. Вяземской, Воейковъ, письм. гол. Салмановъ.	1600. Салмановъ—одинъ.
4) У. И. Новосильцовъ, письм. гол. А. Загрязской.	1601—1602. Кн. Львовъ, Новосильцовъ, Салмановъ (28, и примѣч. 75).
1603—1605. При воеводѣ Плещеевѣ—письм. гол. Матѳей Мироновъ с. Хлоповъ.	Матвѣй Степановъ с. Хлоповъ (28 и Прим. 79).
1606—1607—пропускъ.	
1613—1615. И. В. Головинъ, Ѳ. И. Плещѣевъ, подьячій В. Спицынъ (129).	1613 С. С. Годуновъ.
	1614. Годуновъ и Б. Зюзинъ (29).
1616—1620. Ѳед. Сав. Плещѣевъ, Ѳедоръ Дементьевичъ Дуровъ, подьяч. Василій Тимофѣевъ Ильинъ (132).	1615—1617. Ѳед. Сав. Плещеевъ, Ѳедоръ Романовъ Дуровъ; дьякъ Василій Тимофѣевъ.
Нѣтъ.	1618. И. В. Головинъ; дьякъ Ѳ. Сомовъ.
1620 — 1623. И. И. Пушкинъ, Д. И. Зубовъ (136).	1619—1622.
1629 — 1630. Никита Юрьевичь Плещѣевъ; подьяч. Петръ Максимовъ (148).	Никифоръ Юрьевъ с. Плещеевъ; под. Никифоръ Матюшкинъ.
1631—1633. Въ смѣнѣ Ѳ. Баяшева подьячій Никифоръ Титовъ сынъ Матюшкинъ (150).	1631—1632. Въ смѣнѣ Ѳ. Бояшева, подьячій съ приписью—Второй Шестаковъ.
1639—1643. В. Л. Корсаковъ, подьяч. Петръ Михайловъ (158).	1639—1640.
	1641 П. Михайловъ—одинъ
1643—1646. Никифоръ Ѳедоровичь Мещерской, подьяч. С. Звягинъ.	1642—1643.

1646—1648. М. Ѳ. Стрѣшневъ; под. М. Лихачевъ (174).	1644 — 1645; 1646 — тотъ же Стрѣшневъ и подьячій Ѳ. Постниковъ.
Съ 1648 г. Б. С. Дворяниновъ; под. съ припис. И. Недовѣсковъ (174).	1647—1648.
1649—1652. Р. Р. Всеволодской; под. съ прип. Г. Ждановъ, „а на ево мѣсто Григорій же Похабовъ“ (178), „а на ево мѣсто Михайло Постниковъ“ (182).	1649—1651. Р. Р. Всеволожскій; подьячій съ прип. А. Марковъ; съ 1651 г. под. съ прип. Г. Ждановъ; за нимъ слѣдовалъ под. съ прип. Мих. Постниковъ, замѣненный въ 1655 г. подьячимъ Гр. Похабовымъ (29).
„Съ 1670 году съ начала“— Ѳедоръ большей Григорьевичь Хрущовъ, подьячій съ прип. Б. Л. Сафоновъ, съ 1673 г. Савка Юрьевъ Тютчевъ. Хрущовъ по указу Государеву принялъ воеводство отъ тобольскаго воеводы Кн. Рѣпнина, 24 ноября 1673 г. [1]). Въ Тобольскѣ оставался до 13 марта. Въ отсутствіе его Верхотурьемъ управлялъ сынъ его Леонтій [1]) (211, 213, 214).	1669—1675 (30).
1673—1676. Стольникъ Ѳедоръ Хрущовъ; под. съ прип. Сава Тутѣевъ (216).	
„Въ 1677 году“. Стольн. Ив. Ѳед. Пушкинъ, дьякъ Д. И. Аѳанасьевъ (227).	1676—1678.
Въ 1680 г. Стольн. Ѳедоръ Аврамовичь Лопухинъ; подьяч. вм. дьяка Аѳанасей Парѳеновъ, Тюменецъ (235).	1681—1682. Илларіонъ Абрамовъ с. Лопухинъ; стольн. Г. Ф. Нарышкинъ; подьяч. Ивановъ.
Въ 1681 г. Стольн. М. А. Толстово (240).	1683—1684.

---

[1]) Ошибка.

Съ 1684 г.—онъ же; дьякъ П. Г. Бурцовъ (251).	
Въ 1690 г. Мих. Гр. Нарышкинъ (276).	1692 г.
Въ 1693 г. Думной Дворянинъ Ив. Ел. Цыклеръ (281).	1693—М. А. Бибиковъ; Циклеръ въ 1694—1695 г.

Туринскъ.

Острогъ основанъ въ 1600 г. головой Иваномъ Лихаревымъ, который и былъ воеводой до 1606 г. (114, 119).	Основатель города—Ѳ. О. Яновъ (Ивановъ), письм. гол. изъ Тюмени (31, прим. 85). 1601 — 1602. Письм. Гол. Ѳ. К. Фофановъ.
1606—1607 пропускъ.	1603—1605. П. Гол. Ив. Ѳ. Лихаревъ. 1606—1607. Ив. Никит. Годуновъ.
1631—1633. „Гуръ Ивановъ сынъ Волынцовъ; и на ево мѣсто присланъ воевода Михайло Тюхинъ" (150).	1631—1632. Гурій Ив. Волынцевъ. 1633—1634. Л. А. Полтевъ.
1633—1635. Л. А. Полтевъ.	
1656—1659. Кн. Ив. Ив. Мещерской (190).	1656 — 1658. Л. А. Акинфіевъ (32, прим. 86).
1659 — 1664—В. М. Трегубовъ (193).	1662—1665.
1664—1666 А. М. Беклемишевъ (198).	1666—1669.
1666 — 1670—воеводы не показаны.	
Въ 1682 г. М. И. Алфимовъ (240).	1683—1685.
Въ 1687 г.—временно исправлялъ должность воеводы („до Указу") тюменскій сынъ боярскій Иванъ Текутьевъ; въ томъ же году присланъ воеводой стольникъ Кондр. Ив. Кромъ (261, 270).	1687—1688. Стольн. А. А. Юшковъ. 1689—1690. К. И. Кромъ.
Съ 1690 г. Б. А. Челищевъ (276).	1691—1692 (32, прим. 87).
1691 г. К. Е. Сытинъ (277).	

Мангазея.

Подъ 1600 годомъ записано: „по Государеву Указу посланы изъ Тобольска въ Мангазею письмянной Голова, Князь Миронъ Михайловичь Шаховской, да Данійло Хрипуновъ, да цѣловальникъ, торговой человѣкъ, Семенъ Новоселовъ.... И они первой Мангазейскій острогъ поставили“ (114—115).	1601—1602. Кн. Вас. Мих. Мосальской-Кольцовъ и Савл. Пушкинъ—поставили Мангазейскій острогъ (32, пр. 88).
„Въ Мангазею Воеводы, въ 1601 году, на Князь Мироново мѣсто Шаховсково, да на Данійлово Хрипуново, Князь Василій Михайловичь Кольцовъ-Мосальской, да Лука Евстафьевъ сынъ Пушкинъ; они по Указу Государеву первой Мангазейской городъ поставили, и первые воеводы въ немъ были“ (118).	
1603 — 1605 Ѳ. Ю. Булдаковъ (119).	Ѳ. Ю. Булгаковъ.
1606—1607. И. Нелѣдинской; въ 1607 г. Дав. Жеребцовъ (123).	1606—1607 Д. В. Жеребцовъ. 1608—1610 Ив. Нелединской (33).
1607—1613 воеводы не показаны.	
1613 - 1615 Иванъ Аѳанасьевъ Новокщеновъ да Степанъ Забѣлинъ (130).	1614 Ст. Забѣлинъ и Воинъ Аѳанасьевъ Новокшоновъ.
1615 — 1617 Иванъ Ивановичь Биркинъ и В. А. Новокщоновъ (133).	1615 — 1616 Иванъ Васильевъ с. Биркинъ и В. А. Новокшоновъ.
Въ 1617 П. В. Волынской (134).	1618—1619 П. В. с. Щепинъ-Волынской.
Въ 1627 г. „Тимофѣй Степановъ сынъ да Поликарпъ Ивановъ Бабарыкинъ“ (146).	1627—1628 Тимофей Васильевъ с. Бобарыкинъ и Поликарпъ Семеновъ с. Полтевъ.
1648 подьячій съ приписью	

Як. Ив. Чермной-Тюменской (175).	Нѣтъ.
1659—1664 Ис. М. Квашнинъ (193).	1659—1661.
1664—1667 Р. М. Павловъ (199).	1662—1670.
1670—1673. „Въ Мангазеѣ, въ Туруханской первой Воевода Стряпчей, Данійло Трофимовъ сынъ Наумовъ. И съ 1672 года Мангазея покинута, Воеводство и городъ устроенъ въ Туруханскомъ“ (208).	1671 Д. Т. Наумовъ. „При этомъ воеводѣ, въ 1671 г. городъ Мангазея упраздненъ“ (33, 34).

«Мангазея, Туруханской»

1682. Стольн. Ив. Ѳ. Полтевъ; умеръ въ 1686 г. (241, 252, 262).	1684—1685.
Въ 1693 г. „прежней же Стольникъ и Воевода, Карпъ Сытинъ“. К. Сытинъ значится воеводой въ Туринскѣ въ 1690 году (282, 277).	1692—1693.

Томскъ.

„Въ 1601 году провѣданъ и поставленъ Томской городъ острогомъ... а провѣдывалъ и ставилъ Тобольской сынъ Боярской, Василій Ѳоминъ сынъ Тырковъ“... (118).	1604. „Письм. Гол. Г. И. Писемской и боярск. с. В. Ѳ. Тырковъ ставятъ Томскъ“ (34).
1602. В. В. Волынской, М. И. Новосильцовъ. „Они первой городъ Томской поставили рубленой“ (ibid.).	
До 1616 г. воеводы не показаны.	
1625—1626 Иванъ Васильевъ с. Нарманской (145).	Иванъ Борисовъ с. Нармацкой (35).
1629—1630—дьякъ Семенъ Володимировъ с. Головинъ (149).	д. Семенъ Владиміровъ.

1631—1632—дьякъ Ер. Кошинъ; пис. гол. Мих. Курбатовъ с. Челюсткинъ; подьяч. И. Селедцынъ (до 1633 г.) (151).	д. Ер. Кашинъ; пис. гол. Мих. Курбашевъ с. Челюсткинъ; Селедцынъ не упоминается.
1633—1634 Кн. Н. И. Егуповъ-Черкасской (153).	Кн. Н. И. Егуновъ-Черкасской.
1635—1639 Пис. Гол. Никиф. Жабрынинъ (158).	1635—1638 Н. Вл. Жедринской.
Съ 1643 г. А. Аѳ. Молвяниновъ (168).	Съ 1642 г. А. Аѳ. Мольяниновъ.
1649—1652. М. П. Волынской, Богданъ Алексѣевичъ Коковинской (179).	1650—1651. М. П. Волинской; Богданъ Андреевъ с. Коковинской.
1656—1659 Кн. Ив. Н. Пріимковъ-Ростовской, Алексѣй Алексѣевичъ Коковинской; дьякъ Петръ Михайловъ (190).	Кн. И. Н. Пріимковъ-Ростовской, Алексѣй Андреевъ с. Коковинской; д. Алексѣй Марковъ (36).
1659—1664 Кн. Ив. В. Бутурлинъ и проч. (194).	1660—1665.
Съ 1677 г.—Кн. П. Л. Львовъ; товарищемъ—дьякъ Никита Ѳедоръ Леонтьевъ, съ 1678 г. (229, 236).	1678—1679 г. Кн. П. Л. Львовъ; д. Ѳедоръ Леонтьевъ (36, Прим. 91).
Съ 1681 г.—Ив. Ѳ. Суворовъ, съ княземъ И. М. Кольцовымъ-Масальскимъ (236, 241).	Съ 1684 г.
Съ 1684 г. Кн. С. П. Вяземской (261).	1687—1689.
До 1693 года воеводы не показаны.	
Въ 1693—1694 — „прежней же Стольникъ и воевода, Князь Степанъ Путятинъ“ (282).	1692—1694.
Въ 1694 г. Стольн. В. А. Ржевской (286).	1695—1698.

Кузнецкъ.

1617. Основатели города: „Татарской Голова Осипъ Кокоревъ,	1617 „Сынъ боярской Евстафій Харламовъ, татарскій голова

да Козачій Голова Молчанъ Лавровъ, да сынъ Боярской Остафей Михалевской; и сѣдокамъ быть указано на время изъ Томскова города“ (133).	Осипъ Кокаревъ и казачій голова Молчанъ Лавровъ ставятъ Кузнецкій острогъ“ (36, 37).
1627 Сила Александровъ с. Усовъ (147).	Савва Александровъ с. Языковъ (37, пр. 92.).
1633—1635 Гр. Як. с. Кошелевъ (153).	1633—1634. Ѳед. Куз. с. Хоненевъ.
1635—1639 Ѳед. Хоненевъ (158).	1635—1638 Г. Я. Кушелевъ (37, пр. 93).
1649—1652 Г. К. Засѣдской (179).	1649—1650. Г. К. Засѣцкой.
1659—1664 Дмитрій Васильевъ с. Овцынъ (191, 194).	Василій Дмитріевъ с. Овцынъ (37, прим. 96).
1664—1667 Иванъ Романовъ с. Кокошкинъ (199).	1665—1667 Иванъ Ѳедоровъ с. Кокошкинъ (37, прим. 97).
1667—1673 воеводы не показаны.	
1676—1680 Ив. Ил. Давыдовъ (229, 233).	1678—1680 (38).
1681—1689 Ив. Мер. Конишевъ (241, 252, 262).	1684—1689.
1689 — 1693 Степ. Скрыплевъ (272).	1690—1691.
1693—Ал. С. Синявинъ (282).	1694—1696.

Енисейскъ.

Основанъ въ 1617 или 1618 г. Въ числѣ основателей не упоминается Тоб. сынъ Боярск. Максимъ Трубчаниновъ, хотя имя его встрѣчается подъ год. 1620 (134, 138). Трубчанинъ (Ушаковъ), Байгашинъ, Хмѣлевской показаны каждый годомъ ранѣе, сравнительно съ „Перечнемъ“ (1620—1623) (стр. 138).	
1625 — 1626 Андрей Ѳедоровъ Ошанинъ (145).	Андрей Леонтьевъ с. Ошанинъ (38, прим. 98).

1642 — 1644 О. Г. Аничковъ (159, 160).	1641—1644 О. Г. Аничковъ.
1648 — 1651. Ѳ. П. Полибинъ (176, 179).	1647—1649.
„Аѳанасій Филипповъ сынъ Пашковъ, съ 1651 году, впреди Подъячій, Викулъ Пановъ, съ приписью, со Ртищевымъ былъ“ (183).	1650—1654.
Подъ год. 1661 И. И. Ржевской (194).	1659—1662 (39).
1664—1666 В. Е. Голохвастовъ (199).	1663—1666.
Въ 1666 г. К. А. Яковлевъ (201).	1667—1672.
1682 Кн. Конст. Осип. Щербатой; уѣхалъ въ Москву въ 1685 году (241, 251).	1683—1684.
Съ 1686 Гр. Волод. Новосильцовъ (262).	1687.
Въ 1688 Новосильцовъ смѣненъ Перфильевымъ; въ 1685 году [1]) Новосильцовъ отпущенъ въ Москву (269, 270).	
1688 г. Стольн. Я. И. Вяземскій (269).	1689—1691.
Въ 1693 „прежней же Стольникъ и Воевода, Степанъ Коробьинъ“ (282).	1692—1693.

Красноярскъ.

1626 г. Андрей Васильевъ Дубенской (145)—основатель Красноярска; его смѣнилъ въ 1627 г. Андрей Онофріевъ с. Уваровъ.	1628 Андрей Онуфріевъ Дубенской (39, прим. 102).
А. Акинѳіевъ до 1633 г. (151).	до 1631 г. (40).
Нѣтъ.	1632. Тоб. сынъ боярск. Кокоревъ.
1633—1635 Н. Ив. Карамышевъ (153).	Съ 11 окт. 1632 г.

[1]) Ошибка.

1643—1646 Петръ Ануфріевъ с. Протасовъ (169).	1645 — 1647 Петръ Даниловъ Пр. (40, пр. 403).
1646—1652 М. Ѳ. Дурной (176, 179).	1648.
Нѣтъ.	1649—1650 А. А. Бунаковъ.
1652 — 1656 М. Ѳ. Скрябинъ (184).	1651—1652 М. О. Аничковъ.
	1653—1656. М. Ѳ. Скрябинъ.
1659 — 1662 А. В. Веригинъ. Въ 1662 г. ѣхалъ въ Красноярскъ на смѣну Веригина М. О. Аничковъ; но въ Тобольскѣ умеръ (194).	1660—1662.
1664 — 1666 Г. П. Никитинъ (199).	1663—1666.
1666 — 1676 Алексѣй Ивановъ Сумароковъ (201, 216).	1667—1677.
1676—1680. Данійло Григорьевъ Загрязской (229, 232).	1678—1679.
1681 — 1686 Гр. И. Шишковъ (241, 252, 262).	1684—1685.
Въ 1693 г. А. И. Башковской (282); съ 1686 г. (262).	1692—1693 Петръ Савинъ сынъ Мусинъ-Пушкинъ.
	1694—1695 А. Иг. Башковской, стольникъ.

Якутскъ.

„Въ 1639 году іюня въ 21 день, ѣхали мимо Тобольска на великую рѣку Лену, въ Якутской острогъ, первые Московскіе Воеводы, городъ Якутской ставить Стольникъ Петръ Петровичъ Головинъ“ [1]) и проч. (161).	1632 — 1644 Бекетовъ ставитъ Якутскій острогъ. Въ теченіе слѣд. 8 лѣтъ острогомъ завѣдывали приказчики изъ Енисейска.
	1641—1644 П. П. Головинъ и проч. (42).

[1]) «При семъ Воеводѣ (Я. И Хрипуновѣ) нача провѣдываться Якутская Земля и великая рѣка Лена... А многія тамошнія Земли провѣдалъ Ерофей Хабаровъ»... («Зап.» 138). Енисейск. воевода Хрипуновъ—въ гг. 1623—1624.

1643 — 1649 В. Н. Пушкинъ; дьякъ П. Г. Стеншинъ (169, 177).	1645—1649 Дьякъ П. Г. Стенишинъ.
1656—1659 дьякъ Өедоръ Тонково (191).	Д. Осипъ Степановъ (42, прим. 107).
1666—1670 Ив. Петр. Барятинской и проч. (201).	1668—1670.
1670—1674 Стольн. Князь Я. П. Волконской (208).	1671—1674.
1674 — 1676 Андрей (Вилимъ) Барнашлевъ (215).	1675—1677 (43).
Съ 1676 г. Ө. Бибиковъ (229).	1678—1680.
1681—1686 (приблизительно) Генералъ М. О. Кравковъ (242, 252, 262).	1684—1687.
1686 Стольн. П. П. Зиновьевъ (262).	1688—1690.
1690 г. Кн. Ив. Мих. Гагаринъ; „да Сыщикъ Тоболянинъ, Өедоръ Качановъ“ (275, 282).	1691—1694.

Илимскъ.

Извѣстія объ Илимскѣ начинаются съ извѣстія о первомъ воеводѣ, посланномъ изъ Москвы, каковымъ былъ Т. В. Шушеринъ	Основано Илимское зимовье въ 1630 г.; съ 1640—острогъ (40).
(1649—1652 г.) (179).	Шушеринъ—въ 1650 г. (41).
1652—1656 Б. Д. Оладьинъ (184).	1651—1655 А. Я. Львовъ (41, прим. 104).
1659—1664 Т. А. Вындомской (195).	1659—1661.
1664—1665 Л. А. Обуховъ (200).	1662—1664.
1673—1676 Сила Оничковъ (216).	1667—1675.
Съ 1677 г. И. Д. Зубовъ (229).	1676—1678.
Съ 1678 И. П. Гагаринъ (233).	1679—1682.
1681—1685 И. А. Змѣевъ (242).	1683—1985.
Время правленія Челищева указано неточно (послѣ 1693 г.) (286).	1695.

«Дауры» [1].

Иркутскъ основанъ въ 1656 г., или около этого времени (188) [2].	Иркутскъ основанъ въ 1661 г. Я. Похабовымъ (43).
Пашковы были въ Дауріи „по 1661 г.“ (ibid). На смѣну имъ былъ посланъ изъ Тобольска Л. Б. Толбузинъ въ 1660 г. (194).	До 1661 (44). 1661—1667.
Приблизительно въ гг. 1676—1677 Кн. И. П. Борятинской (на мѣсто Гр. Лоншакова?) (229).	Имени Кн. Борятинскаго не упоминается; Гр. Лоншаковъ (въ Нерчинскѣ) въ гг. 1677 - 1679.
Въ 1680 году на Селенгѣ показанъ Ив. Е. Власьевъ, далѣе Ив. Васильевъ (237, 242).	1680 — 1685 Ѳ. Д. Воейковъ (Нерч.). 1686—1691 И. Е. Власовъ (Нерч.) (43, пр. 110).
Въ 1680 г. „На Амурѣ, въ Иркуцкомъ и Албазинскомъ“ А. Л. Толбузинъ (237); „въ Даурѣхъ“ Власовъ, съ 1686 г. (262); въ Иркутскѣ въ 1689 г. А. Кислянскій (273).	1680 г. Боярск. с. Ив. Перфильевъ (Ирк.). 1689—1690 (44).
Въ Иркутскѣ 1693 г. Ив. П. Гагаринъ (282).	1691—1694 г.

§ 23. Таковы уклоненія росписи воеводъ, входящей въ составъ „Записокъ“, отъ „Систематическаго перечня“. При этомъ сличеніи необходимо принять во вниманіе слѣдующія два обстоятельства. Какъ уже указано выше, на основаніи офиціальныхъ документовъ можно опредѣлить лишь преемственный порядокъ воеводъ, точно же опредѣлить время правленія большинства воеводъ—трудно, а иногда и невозможно. Поэтому въ „Систематическомъ перечнѣ“ время пребыванія воеводъ (за исключеніемъ Тобольскихъ, хотя тоже не всѣхъ) обозначается круглыми годами. Въ „Запискахъ“ время правленія вое-

[1]) Такимъ названіемъ въ «Запискахъ» обозначаются «острожки Нерчинской и Балбазинской, и Иркуцкой, и Теленбинской, и Балаганской». Существуетъ для нихъ и другое названіе «Нерчинскіе и иные остроги» (188, 216, 228 и проч.).

[2]) «При сихъ воеводахъ (Шушеринѣ и его племянникѣ) начала провѣдываться Даурская Земля»... (179, 180). Шушеринъ—въ 1650. Сравн. А. И., IV, № 61, I. Грам. Верх воев. Измайлову (1652 г.) объ отправленіи въ Даурію 3 т. чел. По «Запискамъ», въ. 1656 г. въ Даурію отправился Аѳ. Пашковъ, который и поставилъ вышеупомянутые остроги (188).

*

водъ считается не со дня опредѣленія, а со времени прибытія въ Тобольскъ, или со времени пріема воеводства. Отсюда получается нѣкоторая разница въ датахъ между „Записками" и „Систем. перечнемъ", при чемъ „Записки" указываютъ болѣе позднюю дату. Для примѣра можетъ служить извѣстіе о кн. И. С. Куракинѣ. Куракинъ показанъ въ „Запискахъ" тобольскимъ воеводой „съ 1616 Генв. съ 24, по 1620 годъ Маія по 25 число" [1]). По „Сист. перечню" Куракинъ воеводствовалъ въ годахъ 1616—1619 [2]). Куракина смѣнилъ воевода М. М. Годуновъ, назначенный 29 февраля 1620 и прибывшій въ Тобольскъ 10 мая того же года [3]). Но „Записки" опредѣляютъ конецъ воеводства Куракина 25 мая. Очевидно, что въ теченіе двухъ недѣль послѣ прибытія въ Тобольскъ Годуновъ принималъ воеводство отъ Куракина и окончательно вступилъ въ должность 25 мая 1620 года. Но слѣдуетъ замѣтить, что такое обозначеніе времени не вполнѣ проведено. Такъ, воеводство того же Годунова считается не съ 25 мая, а съ 10-го, т. е. со времени пріѣзда его въ Тобольскъ [4]). Вообще же замѣчается тотъ фактъ, что время правленія считается не со дня назначенія, а со времени прибытія въ Тобольскъ или со времени фактическаго вступленія въ должность. То же самое можно наблюдать, напримѣръ, при извѣстіяхъ о воеводахъ Ю. Я. Сулешовѣ, кн. Д. Т. Трубецкомъ, кн. А. Н. Трубецкомъ и т. д. [5]).

Иначе обстоитъ дѣло съ воеводами другихъ городовъ. Если воеводы города Тобольска обозначаются точно, указывается не только годъ, но и число мѣсяца, то время правленія воеводъ другихъ городовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя обозначить даже и годомъ. Это обстоятельство зависитъ отъ способа изложенія, которому слѣдовалъ составитель „Записокъ". Вся лѣтопись, какъ извѣстно, раздѣлена на 43 отдѣла; воеводы всѣхъ городовъ (кромѣ Тобольска) перечисляются въ каждомъ отдѣлѣ по большей части безъ указанія времени; обыкновенно говорится „въ тѣхъ же годѣхъ", „въ той же перемѣнѣ" [6]), сравнительно въ немногихъ случаяхъ указанъ годъ [7]), и еще рѣже указывается время пребыванія воеводъ въ каждомъ городѣ [8]). Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, гдѣ нѣтъ особыхъ датъ, приходится принимать дату, выставленную въ началѣ отдѣла, т.-е. руководствоваться обозначеніемъ времени пребыванія тобольскаго воеводы. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе воеводъ по сибирскимъ городамъ не всегда совпадало съ назначеніемъ воеводы въ Тобольскъ.

---

[1]) Стр. 131. [2]) Переч., 8. [3]) Ibid. [4]) Стр. 134. [5]) Стр. 139, 142, 147. [6]) Напр., стр. 140, 235 и проч. [7]) Напр., 227. [8]) Напр., 177, 261, 262 и проч.

Эти два обстоятельства необходимо имѣть въ виду при провѣркѣ росписи воеводъ „Записокъ“. На основаніи этой росписи можно лишь установить преемственный порядокъ ихъ, безъ точнаго хронологическаго обозначенія, за исключеніемъ воеводъ гор. Тобольска. Къ хронологическимъ же указаніямъ необходимо относиться съ большою осторожностью. Изъ перваго же указаннаго выше обстоятельства слѣдуетъ то, что разница въ хронологіи между „Записками“ и „Перечнемъ“ есть иногда только кажущаяся; но и за всѣмъ тѣмъ остается еще доста точное количество отступленій, какъ это видно изъ приведеннаго сличенія.

§ 24. Всѣ отступленія „Записокъ“ отъ систематическаго „Перечня“ можно опредѣлить такимъ образомъ:

1) Показываются воеводы иные, чѣмъ въ „Перечнѣ“. Такихъ отступленій незначительное количество.

2) Показываются иныя имена или отчества. Такихъ отступленій болѣе, чѣмъ предыдущихъ; ихъ также сравнительно немного.

3) Болѣе всего отступленій въ хронологическихъ указаніяхъ, при чемъ разница доходитъ иногда до 2—3 лѣтъ. Такъ какъ воеводы всѣхъ городовъ по времени пріурочены къ тобольскимъ, то всѣ эти уклоненія можно разсматривать, какъ одно общее уклоненіе, зависящее отъ способа изложенія.

§ 25. При этомъ сличеніи обращаетъ на себя вниманіе еще одно обстоятельство. Всѣ отступленія распредѣляются, такъ сказать, равномѣрно на всемъ протяженіи росписи. Выше было высказано предположеніе, что, начиная, приблизительно, съ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, „Записки“ писаны составителемъ, какъ современникомъ. Между тѣмъ и за эти послѣдніе годы находятся уклоненія, особенно въ хронологіи, и сама роспись даже не доведена до 1702 года, до котораго доведены „Записки“, а оканчивается 1693 годомъ [1]). Если предположить, что составитель самъ сочинялъ всю свою роспись, то, во-первыхъ, онъ едва ли остановилъ бы ее на 1693 году и, во-вторыхъ, едва ли за послѣдніе годы допустилъ бы погрѣшности; поэтому, необходимо предполагать, что онъ пользовался уже готовою росписью, и эта роспись оканчивалась 1693—1694 годами [2]).

§ 26. Теперь слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно того, насколько достовѣрны „Записки“ въ остальныхъ своихъ частяхъ,

---

[1]) Стр. 281, 282. Если далѣе (стр. 285, 286) и перечисляются выводы съ 1694 г., то далеко не всѣхъ городовъ. [2]) Это предположеніе не должно противорѣчить тому, что сказано въ § 18, ибо авторъ могъ начать составленіе «Записокъ» въ формѣ замѣтокъ о современныхъ ему событіяхъ.

т. е. въ извѣстіяхъ о жизни сибирскихъ городовъ и вообще Сибири. Основаніемъ при опредѣленіи достовѣрности этихъ извѣстій служатъ оффиціальные документы. При самой повѣркѣ нами принятъ тотъ порядокъ, въ которомъ эти извѣстія излагаются въ „Запискахъ", при чемъ сначала приводится извѣстіе „Записокъ", а затѣмъ соотвѣтствующее ему извѣстіе изъ оффиціальныхъ документовъ. Впрочемъ, въ случаѣ обширности, извѣстіе „Записокъ" передается въ извлеченіи [1]).

§ 27. Возобновленіе г. Тюмени, въ 1641—1642 годахъ: „При семъ Воеводѣ (Лобановѣ-Ростовскомъ) ставлены въ Сибири городы: въ 1593 году Тюменской городъ ставленъ при Воеводахъ Юрьѣ Булгаковѣ да при Богданѣ Воейковѣ, и тотъ городъ стоялъ по 1641 годъ, и отъ ветхости весь развалился; а въ 1642 году поставленъ новый городъ при Князѣ Григорьѣ Борятинскомъ" [2]). Въ Отпискѣ царю тюменскаго воеводы Ѳ. Веригина (1657—1658 гг.) читаемъ: „...и заѣхалъ я, холопъ твой, на Тюмени старый городъ, что ставленъ былъ въ прошломъ во 148 году и во 149 и во 150 году, при воеводѣ князѣ Григорьѣ Борятинскомъ" [3]).

§ 28. Строеніе г. Пелыма въ 1593 г. и возобновленіе его въ 1623 году: „Тогожъ 1593 года поставленъ первой Пелымской городъ, а ставилъ Воевода, Князь Петръ Горчаковъ, датошными людми; а насадиша его Угличанами, ссыльными людми за убіеніе Царевича Димитрія Ивановича; они и городъ ставили, а Князь Петръ и первой Воевода въ немъ бысть" [4]). Далѣе повѣствуется о ссылкѣ угличскаго колокола. Сохранился Наказъ кн. П. Горчакову о строеніи города „въ Тоборахъ" [5]). Начала Наказа, къ сожалѣнію, нѣтъ. Редакція Русск. Историч. Библ. относитъ его къ 1594 г. Въ томъ же томѣ Библіотеки напечатаны двѣ поручныхъ записи стрѣльцовъ, поступившихъ на службу, „въ новыхъ Сибирскихъ городахъ, Таборахъ и Пелыми", относящихся—первая къ 21 февр. 1593 (7101 г.,) вторая къ 14 іюня 1594 г. (7102) [6]). Обѣ поручныя даны одному и тому же лицу, стрѣлецкому сотнику Климу Шокурову. Въ первой записи говорится: „быти имъ на государевѣ службѣ въ новомъ городѣ въ Тоборѣ на житьѣ въ стрѣльцахъ", во второй: „жити имъ за нашею порукою въ государевѣ въ новомъ Пелымскомъ городѣ и быти въ стрѣльцахъ". Изъ сопоставленія данныхъ

---

[1]) Повѣркѣ подвергнуты и нѣкоторыя извѣстія о событіяхъ Московскаго государства (группа 4-я), такъ какъ повѣрка и въ этихъ случаяхъ можетъ дать матеріалъ для сужденія о достовѣрности «Записокъ». Данныя же первой группы сюда не входятъ. [2]) Зап., 110. [3]) Д. къ А. И., т. IV, № 42. [4]) Зап., 111. [5]) Р. И. Б., т. II, № 56. О построеніи Пелыма вообще см. Миллеръ, Оп. Сиб. Ц., гл. IV, §§ 24—29. [6]) Р. И. Б., т. II, № 53.

обѣихъ записей можно заключить, что Тоборъ и Пелымъ одинъ и тотъ же городъ. Въ самомъ наказѣ князю Горчакову: „и пришедъ въ Тоборы, присмотрѣть подъ городъ мѣсто, гдѣ пригоже, гдѣ быти новому городу: въ Тоборахъ ли, или старой городъ занять"... Изъ этихъ словъ видно, что „Тоборами" называлась цѣлая волость (по р. Тавдѣ) Въ примѣчаніи къ наказу приведена выписка изъ Книги Большому Чертежу, въ коей значится, что Таборы есть городъ, при впаденіи рѣчки того же имени, ниже Пелыми на 100 верстъ. Слѣдовательно, кн. Горчаковъ поставилъ городъ не на старомъ мѣстѣ, а избралъ новое [1]). Согласно съ „Записками", наказъ слѣдуетъ относить не къ 1594, а къ 1593 году; на это есть указаніе въ самомъ текстѣ [2]): „а жены имъ велѣно взять на веснѣ во 102 году, какъ они устроятся, дворы себѣ поставятъ". Такимъ образомъ, „Наказъ" писанъ до 102 г., т.-е. до сентября 1593 года. Тоборинская волость была отнесена къ г. Пелыму, что явствуетъ изъ царской грамоты пелымскому воеводѣ Б. Полеву, отъ 20 іюня 1596 года: „Били намъ челомъ Пелымского города Тоборинскіе волости пашенные Татарове"... [3]) О построеніи Пелыма угличанами въ офиціальныхъ документахъ свѣдѣній мы не нашли.

О возобновленіи Пелыма въ „Запискахъ" находятся слѣдующія данныя: „А тотъ Пелымской первой городъ въ 1521 (опечатка—1621) году сгорѣлъ, при Воеводѣ Петрѣ Вельяминовѣ; а въ 1623 году Пелымской городъ сооруженъ, и острогъ поставленъ новой Пелымцы, Тюменцы, и Верхотурцы, и Туринцы, всѣми людми, при Воеводѣ Иванѣ Вельяминовѣ" [4]). Далѣе: „И при Петрѣ Вельяминовѣ въ 1621 году, сгорѣлъ первый Пелымской городъ" [5]). Наконецъ: „При немъ (воев. Ив. М. Вельяминовѣ) Пелымской городъ построенъ Пелымскими и Верхотурскими служилыми людми въ 1623 году" [6]). Въ отпискѣ тобольскаго воеводы Н. Рѣпнина верхотурскому—Ѳ. Хрущову, отъ 1671 г., о приготовленіи строительныхъ матеріаловъ для возобновленія г. Пелыма, истребленнаго пожаромъ, есть указаніе и на постройку г. Пелыма въ 1621 году: „въ прошломъ во 129 году, по государевѣ грамотѣ, Пелымской рубленой городъ (велѣно) строить трехъ городовъ: Верхотурскими, Туринскими, Тюменскими всякихъ чиновъ служилыми

[1]) Въ началѣ рукописи наказа рукой Миллера сдѣлананадпись: Abschrifften aus dem Archive zu Pelym. Instruction des Kniasen Peter Gortschakow wegen Erbauung der Stadt Pelym. [2]) Сравн. также поручную № 1. [3]) Р. И. Б., т. II, № 58. На построеніе Пелыма Горчаковымъ есть указаніе въ царской грамотѣ тюменскому воеводѣ о назначеніи коннаго казака Гаврила Иванова атаманомъ, отъ 27 февр. 1623 года: «да онъ же (Гаврила Ивановъ) ставилъ Пелымской городъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ», Р. И. Б., II, № 130. [4]) Зап., 111. [5]) Ibid., 137. [6]) Ibid., 140.

людми“ [1]). О посылкѣ туринскихъ служилыхъ людей для городового строенія см. книгу расходную Туринскаго острога на 1622—1123 г. [2]). Изъ отписки видно, что царская грамота была послана въ томъ же 1621 году; постройка же затянулась до 1623 г., что̀ произошло и послѣ пожара 1668 г.

§ 29. Поставленіе Мангазеи. Въ 1598 г. царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ былъ посланъ воевода Ѳедоръ Дьяковъ съ цѣловальниками, тобольскими торговыми людьми З. Яковлевымъ и Д. Ивановымъ, провѣдать Мангазейскую землю и покорить туземцевъ. Они собрали ясакъ и возвратились въ Москву въ 1600 году [3]). Въ этомъ же году были посланы письменный голова кн. М. Шаховской, Д. Хрипуновъ и торговый человѣкъ С. Новоселовъ, со 100 чел. служилыхъ людей. Имъ велѣно было собрать ясакъ въ Мангазеѣ и поставить тамъ острогъ, что ими и было исполнено [4]). Въ слѣдующемъ году изъ Москвы были отправлены воеводами въ Мангазею, на мѣсто кн. Шаховскаго и Хрипунова, князь В. Кольцовъ-Масальскій и Лука Пушкинъ. Они поставили городъ [5]). Относительно Ѳ. Дьякова, З. Яковлева и Д. Иванова свѣдѣній въ офиціальныхъ документахъ мы не нашли. Весьма сомнительно, чтобы въ два года можно было собрать ясакъ и возвратиться въ Москву. О Шаховскомъ и Хрипуновѣ находимъ свѣдѣнія въ Наказѣ мангазейскимъ воеводамъ кн. Василію Масальскому и Савлуку Пушкину, отъ 1601 года [6]). Изъ этого Наказа видно, что отъ Шаховскаго и Хрипунова никакихъ вѣстей не было, и было неизвѣстно, поставили ли они острогъ и даже гдѣ находились сами. „А идучи въ Мангазею и къ Енисею, развѣдывать князю Василью и Савлуку... накрѣпко: гдѣ нынѣ князь Миронъ и Данило“ [7]). Доходили слухи, что Шаховского разбили самоѣды за р. Пурою [8]). Относительно времени основанія Мангазеи существуетъ разногласіе. Кн. М. А. Оболенскій въ „Запискѣ о г. Мангазеѣ“ [9]) не соглашается съ мнѣніемъ Миллера, который заключаетъ, что городъ Мангазея „не могъ быть построенъ прежде 7108 (1600) года“. Онъ приводитъ грамоту отъ января 1600 года, изъ которой видно, что уже въ этомъ году была извѣстна не только Мангазея, но и путь къ ней „моремъ и Обью рѣкою на

[1]) Акт., отн. до юрид. быта др. Росс., т. II, № 198. [2]) Ibid., № 143: «Тогожъ дни (1 апр. 1623 г.), по отпискѣ изъ Тобольска боярина и воеводы Матвѣя Михайловича Годунова, велѣно послать на государеву службу на Пелымь, для городового ставленья, Туринскихъ служилыхъ людей десять человѣкъ»... [3]) Зап., 112. [4]) Зап., 114—151. [5]) Ibid., 117—118 [6]) Р. И. В., II, № 188. [7]) Наказъ, столб. 817. [8]) Ibid., столб. 825. [9]) Напечатана въ Примѣчаніи къ № 254 во II т. Р. И. В., столб. 1125—1132. О построеніи Мангазеи см. Миллера Опис. Сиб. ц., гл. V, §§ 32—41.

Тазъ“. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что „Мангазея возникла, если не въ послѣдніе годы царствованія Ѳедора Ивановича, то очень скоро послѣ его смерти“. Далѣе кн. Оболенскій излагаетъ мнѣніе Миллера, принятое и Татищевымъ, о происхожденіи названія Мангазеи. „Стало быть,—пишетъ онъ,—всѣ эти мѣста знакомы были имъ (пинежанамъ и мезенцамъ) и нѣсколько прежде (т.-е. до 1600 г.). Но существовалъ ли въ то время городъ Мангазея, называлась ли этимъ именемъ вся страна,—вотъ чего мы не знаемъ, а между тѣмъ именно въ этомъ и весь вопросъ. Думаемъ, что города въ тѣ поры еще не было“. Такимъ образомъ, кн. М. А. Оболенскій, въ сущности, согласенъ съ Миллеромъ. Дѣйствительно, утвержденіе Миллера только въ такомъ случаѣ противорѣчило бы приведенной грамотѣ 1600 года если бы было точно доказано, что имя Мангазеи относится къ городу а не къ цѣлой странѣ. Но и самъ кн. Оболенскій не считаетъ это доказаннымъ, а считаетъ вѣроятнымъ, что это названіе относилось ко всей странѣ. Стараясь согласить данныя, онъ признаетъ, наконецъ что въ концѣ XVI столѣтія на Тазѣ былъ построенъ магазинъ, откуда Мангазея и получила свое названіе. Городъ, по его мнѣнію, возникъ въ концѣ XVI в., хотя онъ и признаетъ, что „во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ источникахъ мы не встрѣчаемъ *города* Мангазеи прежде 1600 года“. Кажется, что на основаніи Наказа, даннаго Масальскому и Пушкину, должно полагать построеніе Мангазеи не ранѣе 1600—1601 года.

§ 30. Перенесеніе Лозвинскаго городка и построеніе г. Верхотурья. Подъ 1600 г. записано: „Верьхотурской городъ ставили Воеводы, Василій Петровичь Головинъ, да Иванъ Васильевъ сынъ Воейковъ да письмянной Голова Гаврійло Салмановъ; они были и первые воеводы въ новомъ Верхотурскомъ городѣ“. Далѣе слѣдуетъ извѣстіе о присылкѣ воеводы для перенесенія Лозвинскаго города на верховья Туры, со всѣми людьми и присудомъ [1]). Эти извѣстія дополняются третьимъ (стр. 115—116), хотя и противорѣчивымъ, въ которомъ разсказана исторія Верхтагильскаго и Лозвинскаго городковъ, и передано о построеніи Верхотурья. До построенія Верхотурья былъ Верхтагильскій городокъ. Послѣ того, какъ воевода этого городка, Рюма Языковъ, былъ во время сна заѣденъ котомъ, городъ былъ переведенъ на Лозву, гдѣ онъ стоялъ 7 лѣтъ. Въ правленіе воеводы Ив. Нагого и Ив. Траханіева (Траханіотова) изъ Москвы пріѣхалъ В. П. Головинъ и пере-

---

[1]) Зап., 114.

велъ Лозвинскій городокъ на верхъ Туры рѣки, гдѣ и основалось Верхотурье. Старые же городки, Верхтагильскій и Лозвинскій, были сожжены. На мѣсто лозвинскихъ воеводъ въ Верхотурье пріѣхали затѣмъ Ив. Воейковъ и письменный голова Гавр. Салмановъ. Исторія переведенія Лозвинскаго городка на р. Туру разсказана въ офиціальныхъ документахъ. Въ отпискѣ И. Траханіотова пелымскому воеводѣ кн. П. Шаховскому, отъ 17 января 1598 г., есть такія слова: „Писалъ, господине, къ намъ государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи, что Лозвинскому городу впередъ не быти, а быти разорену, а на его мѣсто на Верхотурской дорогѣ быти городу на старомъ Чюцкомъ городищѣ на Неромкурѣ, и стрѣльцовъ съ Лозвы велѣлъ отослати государь на Верхотурье для городового дѣла и для ихъ строенья, потому что Лозвинскимъ людемъ тамо быти“ [1]). Изъ царской грамоты чердынскому воеводѣ В. П. Головину, отъ 12 октября 1597 года (7106), о построеніи города на р. Турѣ (Верхотурья) видно, что Головину приказано было осмотрѣть мѣсто на Турѣ, такъ называемое городище Неромькуръ, гдѣ и предполагалось поставить городъ на основаніи соображеній Сарыча Шестакова (изъ Перми), представившаго въ Москву роспись городища и смѣту постройки [2]). Вѣроятно, послѣ этой грамоты Головинъ и отправился въ Лозвинскій городокъ, воевода котораго также получилъ предписаніе, на что есть указаніе въ грамотѣ 20 февраля 1599 г., о которой рѣчь будетъ ниже. Въ царской грамотѣ В. Головину и И. Воейкову о наймѣ людей для постройки Верхотурья, отъ 15 декабря 1597 г. (7106), есть указаніе на то, что Головинъ и Воейковъ отправились въ Пермь для найма рабочихъ людей и собранія денегъ. Такимъ образомъ, Головинъ прибылъ на Лозву не изъ Москвы, какъ утверждаютъ „Записки“, а изъ Перми или Чердыни. Городъ велѣно было поставить къ веснѣ 7106, слѣдовательно, къ веснѣ 1598 года [3]). Въ царской грамотѣ верхотурскому воеводѣ В. Головину о дачѣ стрѣльцамъ и казакамъ подможныхъ денегъ на дворовое строеніе, отъ 20 февраля 1599 г., есть такое упоминаніе объ основаніи Верхотурья: „въ прошломъ деи въ 106 году, по нашему указу, велѣно Ивану Троханіотову да головѣ Ивану Неѣлову, съ Лозвы церковное строеніе, и нашу казну, и ихъ служилыхъ людей, перевести въ новой городъ на Верхотурье“ [4]). Изъ приведенныхъ грамотъ видно, что дата „Записокъ“ въ первыхъ двухъ извѣстіяхъ невѣрна. Имени

[1]) Р. И. Б., т. II, № 65. [2]) Р. И. Б., т. II, № 43. [3]) Р. И. Б., т. II, № 44. [4]) А. И. т. II, № 24. О Салмановѣ см. между прочимъ Р. И. Б., т. II, № 48. О Верхотурьѣ—въ Наказѣ кн. Горчакову. Р. И. Б., т. II, № 56.

головы Ив. Неѣлова въ „Запискахъ“ не упоминается. Что Вас. Головинъ былъ затѣмъ воеводой вмѣстѣ съ головой Ив. Воейковымъ, это явствуетъ изъ надписи на оборотѣ грамоты 20 февраля 1599 г. [1]).

§ 31. Походъ на царя Кучума. О походѣ на Кучума въ „Запискахъ“ приводятся два извѣстія: одно краткое, другое подробное [2]). По первому, на Кучума ходили письменные головы г. Тары, Г. Желябовской и А Полѣновъ, при воеводѣ кн. И. В. Кольцовѣ-Мосальскомъ. Второе извѣстіе, съ признаками отдѣльнаго сказанія, сходно съ таковымъ же, находящимся подъ годомъ 1598 г. въ „Сибирскомъ Лѣтописцѣ“. Этотъ походъ „Записками“ отнесенъ къ царствованію Бориса Өедоровича, къ 1601-му году. Оба извѣстія повѣствуютъ объ одномъ и томъ же, что явствуетъ изъ словъ второго извѣстія: „Походъ сей былъ изъ Тары на Кучума Царя, при воеводѣ Князѣ Иванѣ Мосальскомъ“. Изъ втораго извѣстія оказывается, что самъ Кучумъ успѣлъ убѣжать, и что были взяты въ плѣнъ восемь царицъ и три царевича, которые всѣ были отосланы въ Москву. Затѣмъ присоединено, что всѣ царицы и царевичи въ Москвѣ перемерли. Участники похода были награждены. Въ „Актахъ, относящихся до семейства Кучума“ [3]), есть указанія на нѣкоторыя событія, вошедшія въ „Записки“. Однако, слѣдуетъ сказать, что хронологія „Записокъ“ въ этомъ случаѣ совершенно невѣрна, невѣрно также и указаніе на Масаль-

---

[1]) А. И., т. II, № 24, легенда (См. также А. И., II, № 27): «Въ новой городъ на Верхотурье, Василью Петровичу Головину да Ивану Васильевичу Воейкову». Роспись первыхъ верхотурскихъ воеводъ по «Запискамъ» и официальнымъ документамъ представляется въ такомъ видѣ (въ «Запискахъ» даты не указаны до 1603 г.):

«Записки».	Офиціальные документы.
1. В. П. Головинъ и бывшіе Лозвинскіе воеводы: И. Нагой и И. Траханіевъ (Траханіотовъ).	1. 1598—1599. Головинъ и Воейковъ (А. И., т. II, № 27).
2. В. П. Головинъ, И. В. Воейковъ, письм. гол. Г. Салмановъ.	
3. Кн. И. Вяземскій и И. Воейковъ и письм. гол. Г. Салмановъ.	2. 1599. Кн. И. М. Вяземскій и письм. гол. Салмановъ (ноябрь 1599 г.—А. И., т. II, № 28; дек.—А. И., т. II, № 29).
4. У. И. Новосильцовъ, письм. гол. Ал. Загрязской.	3. 1600—1601. Г. Салмановъ (ноябрь, 1600—А. И., т. II, № 35; янв., 1601—А. И., т. II, № 36).
5. 1603—1605. Н. Е. Плещѣевъ, письм. гол. М. М. Хлоповъ.	4. 1601—1603. Кн. М. Д. Львовъ. письм. гол. У. В. Новосильцевъ (май, 1601—А. И., т. II, № 37; январь, 1603—А. И., т. II., № 40, см. также № 39).
	5. 1603, съ февраля. Н. Е. Плещеевъ и письм. гол. Матв. Степ. Хлоповъ (А. И., т. II, №№ 41—43, 45—47).

[2]) Зап., 117, 119. [3]) А. И. т. II, №№ 1—2; 4—5, 7, 10.

скаго, Желябовскаго и Полѣнова. Изъ отписки царю тарскаго воеводы Андрея Воейкова, отъ 4 сент. 1598 г., можно заключить, что походъ на Кучума былъ предпринятъ именно въ 1598 г., и не кн. Масальскимъ, а этимъ Воейковымъ: „А самъ я, холопъ твой, ... сшолъ Кучюма царя на Оби на рѣкѣ, выше Чатъ три днища, на лугу на Ормени, отъ Калмаковъ въ дву днищахъ. И пришелъ, Государь, я холопъ твой на Кучюма царя Августа въ 20 день, на солночномъ восходѣ и бился съ Кучюмомъ царемъ до полденъ и... Кучюма царя побилъ и дѣтей ево царевичевъ и царицъ ево поималъ"... [1]). Въ обозначеніи числа плѣнниковъ „Записки" тоже не согласны съ отпиской. Воейковъ доносилъ, что имъ взяты пять царевичей и восемь царицъ [2]).

§ 32. Основаніе г. Томска. „Въ 1601 году провѣданъ и поставленъ Томской городъ острогомъ на Томѣ рѣкѣ, вверьхъ отъ Оби рѣки, на горѣ, надъ Ушайкою рѣчкою, а провѣдывалъ и острогъ ставилъ посыланной изъ Тобольска, Тобольской сынъ боярской, Василій Ѳоминъ сынъ Тырковъ, съ Тобольскими, Тарскими, Березовскими и иныхъ городовъ служилыми людми. Въ 1602 году, въ Томской городъ первые воеводы, Василій Васильевичь Волынской, да Михайло Игнатьевъ сынъ Новосильцовъ; они первой городъ Томской поставили рубленой" [3]). На просьбу князька Тояна поставить въ его владѣніяхъ городъ было сказано: „И великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ у нихъ въ ихъ землѣ въ Томи поставить городъ, и велѣлъ ихъ отъ ихъ недруговъ отъ далныхъ земель во всемъ оберегать и ясаку съ нихъ, до своего государева указу, имати не велѣлъ" [4]). Въ царской грамотѣ тюменскому стрѣлецкому головѣ Алексѣю Безобразову о строеніи на Томи, отъ 30 марта 1604 (7112) года читаемъ: „По нашему указу, велѣно вверхъ Оби, въ Сургутцкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ на Томи, въ Томской волости поставити городъ, а для городового ставленья велѣли есмя послати изъ Сургута Гаврила Писемскаго, да изъ Тоболска Василья

---

[1]) А. И., т. II, № 1. Въ царской граматѣ тюменскому воеводѣ о назначеніи коннаго казака Гаврила Иванова атаманомъ, отъ 27 февр. 1623 г., есть указаніе на этотъ походъ: « ...и онъ де (Г. Ивановъ) былъ посыланъ съ Ондрѣемъ Воейковымъ на нашу службу на того же Кучюма царя, Кучюма на рѣкѣ Обѣ погромили и его убили, и жены его и дѣти взяли»... Р. И. Б., т. II, № 130. О Кучумѣ здѣсь невѣрно.

[2]) Карамзинъ приводитъ «Отписки города Тары Воеводъ Кузьмина и Воейкова къ царю», отъ сентября 1598 г., о походѣ изъ г. Тары противъ Кучума и о пораженіи его. Походъ совершали Кузьминъ и Воейковъ. См. Ист. Гос. Рос., т. XI, прим. 30. У него же приведена «Роспись, какъ въѣхати въ Москву Царевичамъ и Царицамъ Сибирскимъ». Въ этой росписи перечислено 4 царевича и 2 царицы. Прим. 34-е къ XI т. Ср. также прим. 1-е къ II т. А. И.

[3]) Зап., 118. [4]) Р. И. Б., т. II, № 73. Выписка изъ наказа головѣ Гаврилу Иванову (Писемскому) и Василью Тыркову.

Тыркова, а съ ними къ Тоболскимъ, и къ Сургутцкимъ, и къ Березовскимъ служивымъ людемъ въ прибавку Тюменскихъ служивыхъ людей, съ атаманомъ съ Дружиною съ Юрьевымъ, 50 человѣкъ стрѣлцовъ" [1]). Дата „Записокъ" невѣрна; имя посланнаго строить городъ головы А. Безобразова передано тоже невѣрно [2]).

§ 33. Смерть царя Бориса. „Въ 1605 году Апрѣля въ 16 числѣ, преставился Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, постриженъ въ монасѣхъ, имя ему Боголѣпъ". Засимъ повѣствуется о томъ, что сыну его Ѳедору крестъ цѣловали не всѣ, и что онъ былъ убитъ по повелѣнію Лжедимитрія. Передается вкратцѣ о царствованіи Лжедимитрія [3]). Дата смерти царя Бориса Ѳедоровича находится, между прочимъ, въ грамотѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Кирилла въ монастырѣ Усольскаго уѣзда, отъ 19 апр. 1605 г. „...великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, праведная его безпорочная душа съ сего свѣта къ Богу отошла Апрѣля въ 13 день; а по его Государеву обѣщанію Богъ его Государя способивъ воспріяти ангельскій образъ, во иноцѣхъ Боголѣпъ" [4]).

§ 34. Вѣнчаніе на царство царя Василія Ивановича. „Тогожъ году (1606) Іюня въ 1 день, въ память святаго Мученика Іустина Философа, въ шестую недѣлю по Пасцѣ, вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ и діадимою и Скипетръ правленія Царскаго въ руку пріимъ, Царь и Великій Князь, Василій Ивановичъ, всея Россіи, а вѣнчанъ бысть Патріархомъ Гермогеномъ Московскимъ и всея Россіи" [5]). Въ „Чинѣ вѣнчанія на царство Царя Василія Іоанновича" сказано: „Лѣта 7114 Іюня въ 1 день, въ недѣлю, Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи вѣнчатися царскимъ вѣнцомъ и діядимою, и дѣйствовати на его царскомъ поставленьѣ Митрополиту Ноугородскому со всѣмъ Соборомъ" [6]).

§ 35. Осада Березова остяками. „Въ Березовѣ, Воевода Князь Петръ Ахамашуковичъ Черкасской. При немъ была измѣна отъ иноземцевъ, и городъ осажденъ былъ, и люди побиты". Мятежъ былъ усмиренъ И. Зубовымъ, присланнымъ изъ Москвы „съ Донскими и

[1]) Р. И. Б., т. II, № 50. [2]) Зап., 119. Грамота о построеніи г. Томска напечатана въ «Сиб. Газ.» 1884 г., № 8. Перепечатана у А. Адріанова: Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Т. 1890 г., стр. 226—233. Ср. Миллеръ, Опис. Сиб. царства, гл. V, § 44. [3]) Зап., 120—121. [4]) А. А. Э., т. II, № 31, также 32. [5]) Зап., 122. [6]) А. А. Э., т. II, № 47. Царь Василій Ивановичъ оставилъ царство, по «Зап.», 20 іюля 1610 г. Въ окружной грамотѣ бояръ, окольничихъ и всѣхъ чиновъ Моск. госуд. въ Пермь, отъ 20 іюля 1610 г., дата указана иная: 17-е іюля. А. А. Э., т. II, № 162. Также см. выше, обозрѣніе «Записокъ».

ратными людми“. Было повѣшено 30 князьковъ. Извѣстіе это подтверждается царской грамотой воеводѣ кн. Черкасскому, отъ 10 янв. 1608 г. Предписано было наградить служилыхъ людей, каждаго по полтинѣ [1]). Бунтъ произошелъ въ 1606—1607 годахъ (7115). О позволеніи похоронить повѣшенныхъ остяковъ см. грамоту отъ 25 марта 1610 г. [2]).

§ 36. Устройство кружечныхъ дворовъ. „При сихъ воеводахъ (кн. И. С. Куракинѣ и кн. Г. И. Гагаринѣ), съ 1617 года, въ Сибири и Тобольску первые почали быть кружечные дворы, и продажа Государскаго горячаго вина“ [3]). На устройство кружечныхъ дворовъ въ Тобольскѣ есть указаніе въ царской грамотѣ верхотурскимъ воеводамъ кн. Барятинскому и Языкову, отъ 20 авг. 1623 года: „...въ Тобольску кабакъ заведенъ былъ недавно, и Тоболескъ въ Сибири первой городъ, а Тобольскіе служилые и всякіе жилецкіе люди учали на кабакѣ пить безпрестанно, а иные и пропились, и въ Тоболсву по тому кабакъ велѣно и свесть, чтобъ отъ кабака Тоболскіе служилые люди нашей службы, а торговые и всякіе люди промысловъ своихъ не отбыли“... [4]).

§ 37. Тобольскій сынъ боярскій М. Г. Трубчаниновъ. „Въ 1619 году посланъ въ Енисейской новой острогъ, на мѣсто Петра Албычева и Черкаса Рукина Тобольской сынъ Боярской, Максимъ Григорьевъ сынъ Трубчаниновъ“ [5]). Извѣстіе это о посылкѣ Трубчанинова подтверждается „памятью“ ему отъ тобольскихъ воеводъ объ изслѣдованіи р. Лены, посланной, когда онъ былъ уже въ дорогѣ, 16 дек. 1619 г., или когда пріѣхалъ уже въ Енисейскъ [6]). Енисейскъ назывался сначала новымъ Тунгусскимъ острогомъ.

§ 38. Тобольскій воевода, кн. Ю. Я. Сулешевъ. Онъ обозначенъ воеводой (въ Тобольскѣ) съ 8 іюля 1623 года. Это подтверждается „Приходн. Книг. Туринскаго острога на 131 годъ“ [7]).

§ 39. Розыскъ руды Я. Хрипуновымъ. „И тогожъ году (1622) въ февралѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ изъ Москвы въ Тобольскъ, а ѣдетъ въ Енисейской острогъ, первой Московской Воевода Яковъ Игнатьевъ сынъ Хрипуновъ. При семъ Воеводѣ нача провѣдываться Якутская Земля, и великая рѣка Лена, и сребра искать ходилъ, и Байкалъ озеро великое провѣдано“ [8]). Извѣстіе о сыскѣ серебряной руды Хри-

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 78. [2]) Р. И. Б., т. II, № 86. [3]) Зап., 132. Такое же извѣстіе въ «Сиб. Лѣт.», стр. 14 и 19. [4]) А. И., т. III, № 123. [5]) Зап., 134, см. также 138, 139. [6]) Р. И. Б., т. II, № 121. [7]) А., относ. до юрид. быта древн. Рос., т. II, № 142, II (стр. 294 и 295). Зап., 139. [8]) Зап., 138.

пуновымъ можно найти и въ офиціальныхъ документахъ. Въ Книгахъ Разрядныхъ: „...въ Енисейскомъ же для сыску серебреные руды Яковъ Игнатьевъ сынъ Хрипуновъ“ [1]). Хрипуновъ отыскивалъ руду въ гг. 1627—1628, когда уже не былъ воеводой; онъ сидѣлъ въ Енисейскѣ въ гг. 1622—1624. „Записки“ утверждаютъ, что онъ проѣзжалъ черезъ Тобольскъ въ февралѣ 1622 г. Это едва ли вѣрно, ибо онъ былъ посланъ 30 мая 130 года, что̀ видно изъ словъ: „Въ Енисейскомъ острогѣ воевода Яковъ Игнатьевъ сынъ Хрипуновъ, посланъ въ нынѣшнемъ въ 130 году, Маія въ 30 день“. Смѣненъ былъ Хрипуновъ въ 1625 г. [2]). Такимъ образомъ, онъ развѣдывалъ руду, уже не будучи воеводой.

§ 40. Походъ къ Ямышеву озеру. Подъ 1621 г. записано о походѣ къ Ямышеву озеру, подъ начальствомъ Литовскаго списка ротмистра Бартоша Станиславова. Во время этого похода литовцы и нѣмцы хотѣли побить русскихъ служилыхъ людей и бѣжать на Яикъ. Вслѣдствіе этого соль не была взята; служилые люди успѣли скрыться въ Тобольскъ [3]). Указаніе на это происшествіе находится въ царской грамотѣ тюменскому воеводѣ кн. М. Б. Долгорукому, отъ 17 ноября 1623 (7132) года: „Въ нынѣшнемъ во 132 году, октября въ 19 день, писали есте къ намъ, что били челомъ Сибирскіе Тюменского города нашихъ служилыхъ людей казачьи и стрѣлецкіе внучата, и дѣти, и племянники, чтобъ мы ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ нашу службу поверстать на выбылые казачьи и стрѣлецкіе и въ убылыхъ Черкасъ мѣста, которые Черкасы намъ измѣнили въ прошломъ во 129 году, въ соляномъ походѣ бѣжали въ Колмаки“ [4]). Кузнецкій воевода Ѳ. И. Голенищевъ-Кутузовъ показанъ „въ Кузнецкомъ“ съ 1625 г. Подтверждается дата наказомъ, ему даннымъ въ 1625 г. (іюнь — августъ, вѣрнѣе—до іюля) [5]).

§ 41. Перемѣна воеводъ 1627 г. Подъ 1627 г. помѣщена замѣтка о томъ, что въ семъ году была перемѣна всѣхъ сибирскихъ воеводъ одновременно, далѣе идетъ ихъ роспись [6]). Это извѣстіе, а также и число воеводъ, посланныхъ въ каждый городъ, подтверждается исчисленіемъ воеводъ въ царской грамотѣ верхотурскому воеводѣ кн. Пожарскому, отъ 12 янв. 1627 года: „Въ нынѣшнемъ во 135 году указали есмя, на ваши мѣста и во всѣ Сибирскіе города, послати новыхъ воеводъ и писмянныхъ

[1]) Кн. Разр., т. I, столб. 1367, также т. II, столб. 98. [2]) Кн. Разр., т. I, ст. 874 и 1152. [3]) Зап., 139. [4]) Р. И. Б., т. II, № 140, 1. Подъ черкасами здѣсь должно разумѣть литовцевъ. Ср. Р. И. Б., т. II, № 153, 1. (столб. 526). [5]) А. И., т. III, № 135 и Примѣч. къ III-му т. 4-е. Зап., 145. [6]) Ibid.

головъ и діаковъ; а указали въ Сибирскіе городы послати, передъ прежними годы, воеводъ менши“ [1]).

§ 42. Основаніе Красноярскаго острога. „Въ 1626 году поставленъ вверьху Енисея рѣки, надъ Енисеемъ же рѣкою, и надъ рѣчкою Качею, новой Качинской острогъ, и названъ Красноярской острогъ; а острогъ ставить присыланъ съ Москвы Воевода, Андрей Васильевъ сынъ Дубенской; а изъ Тобольска съ нимъ посланы Атаманы съ служивыми людми: съ городовъ Сибирскихъ Атаманы Тобольскіе, Иванъ Өедоровъ сынъ Астраханецъ, да Ермакъ Еvстафьевъ“ [2]). Въ офиціальныхъ докаментахъ есть данныя о поставленіи Красноярскаго острога: „Да въ прошломъ въ 135 году по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Өедоровича всея Русіи указу посланъ изъ Тоболска Ондрей Дубенской, а съ нимъ послано новоприборныхъ 3 чел. атамановъ, 300 чел. пятидесятниковъ и десятниковъ и казаковъ; а велѣно ему Ондрею съ тѣми новоприборными съ служилыми людми за Енисейскимъ острогомъ въ Качинской землѣ на рѣкѣ на Енисеѣ на Красномъ яру поставить острогъ“ [3]). Изъ этого видно, что „Записки“ утверждаютъ не вѣрно, будто А. Дубенской былъ посланъ изъ Москвы; онъ былъ отправленъ изъ Тобольска. Также едва ли вѣрна и дата поставленія острога; къ 1626—1627 (7135) г. относилась лишь посылка Дубенского, острогъ же былъ основанъ въ 1628 году [4]). Есть различіе и въ показаніи о служилыхъ людяхъ [5]).

§ 43. Измѣна Кочашка. „При сихъ Воеводахъ, Юрьѣ (кн. Шаховскомъ) съ товарищемъ, въ Тарѣ Татара подгородные, Кочашко съ товарищи, измѣнили Государю, и отъѣхали; и подозвавъ Калмыцкихъ людей, воевали подъ Тарою и подъ Тюменью“... Это было въ 1627 г., а въ 1628 г. противъ бунтовщиковъ былъ высланъ Ө. С. Елагинъ, татарскій голова [6]). Прямого указанія на бунтъ 1627 г. въ офиціальныхъ документахъ мы не нашли, но есть извѣстіе о нападеніяхъ калмыковъ на подгородныя селенія въ 1632 году. Въ отпискѣ тобольскаго воеводы кн. Ө. Телятевскаго верхотурскому—Ө. Бояшеву отъ (сент.—окт.) 1632 г. имѣемъ: „Въ прошломъ, господа, во 140 году повоевали Тоболского уѣзду Капканинскую волость, да Тарского уѣзду Тебендинскую да Коурдацкую волости Девлетъ Кирѣй Чювановъ сынъ, Кучюмовъ внукъ, да Государевы измѣнники Тарскіе Татаровя Кочашко Танатаровъ съ товарищи да Колмацкіе люди“... [7]).

---

[1]) А. И., т. Ш, № 145. [2]) Зап., 145. [3]) Кн. Разр., т. II, столб. 99, также 202. [4]) См. К. Б. Газенвинкель, Книги Разрядныя въ офиц. ихъ списк., К., 1892, стр. 50. П. Словцовъ, Истор. Обозр. Сиб., Спб., 1886, т. I, 322. [5]) Замѣтимъ, что далѣе въ «Зап.», при извѣстіи о назначеніи воеводой А. О. Уварова, слова: «На Андреево мѣсто Дубенскаго», слѣдуетъ относить къ предыдущему предложенію. [6]) Зап., 146, 147. [7]) А. И., III, № 171.

§ 44. Учрежденіе Разряда въ Томскѣ. „Въ томъ же (1629) году въ Томской городъ, по Государеву Указу, своимъ столомъ и розрядомъ пріѣхали Воеводы, Князь Петръ Ивановичь Пронской, да Алексѣй Стефановичь Собакинъ“... Къ Томскому Разряду приписаны остроги: Енисейскій, Красноярскій, Кузнецкій, Нарымскій и Кетскій [1]). Указъ о раздѣленіи Сибири на два разряда вписанъ въ „Книги Разрядныя [2]): „Того жъ (7137) году, Декабря въ 3 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Өеодоровичь всеа Русіи и отецъ его Государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всеа Русіи указали въ Сибири въ Томскомъ городѣ быти воеводѣ болшому, а съ нимъ товарыщу да дьякомъ и писменнымъ головамъ такъ же, какъ въ Тоболску.... и для того указалъ Государь и святѣйшій государь патріархъ росписати городы Сибирскіе къ Тоболску и Томскому городу“... Къ Томскому разряду отнесенъ былъ и г. Сургутъ [3]). Удивительно здѣсь то, что составитель „Записокъ“ допускаетъ грубую ошибку, какая только была возможна въ его положеніи, относя г. Сургутъ къ городамъ Тобольскаго разряда. Однако, и между офиціальными документами въ этомъ случаѣ разногласіе. Въ наказѣ тобольскому воеводѣ кн. А. Голицыну отъ 19 февр. 1664 (7172) г. сказано: „да и во всѣ Сибирскіе городы и въ остроги, которые по указу великого государя велѣно къ Тобольскому розряду, на Верхотурье, въ Туринской, на Тюмень, на Пелымъ, на Тару, на Березовъ, въ Сургутъ, въ Мангазею къ воеводамъ, по вѣстямъ, боярину и воеводѣ князю Алексѣю Андреевичю велѣти отъ себя писати“... [4]) Что Сургутъ попалъ въ этомъ наказѣ въ Тобольскій разрядъ не по ошибкѣ, подтвержденіемъ тому служитъ перечисленіе городовъ этого разряда въ началѣ наказа; здѣсь перечислены воеводы каждаго города. Въ Сургутѣ сидѣлъ въ то время стольникъ Өедоръ Андреевичъ Зыковъ. Въ „Росписи бояръ, воеводъ и всякихъ приказныхъ людей въ городахъ, вѣдомыхъ въ Приказѣ Казанскаго Дворца“, относящейся ко времени послѣ августа 1662 г., Сургутъ включенъ также въ составъ Тобольскаго разряда [5]). Такимъ образомъ, необходимо предположить,

---

[1]) Зап., 148—149. [2]) Кн. Разр., т. II, столб. 201—202. Перепечатанъ у К. Б. Газенвинкеля, Кн. Разр., Прилож. [3]) Газенвинкель, 18. К. Б. Газенвинкель относитъ указъ къ 3 дек. 1629 г.; но это едва ли такъ: декабрь 7137 г., по янв. счисленію, падаетъ на декабрь 1628 г. (Къ Томск. разряду: «Сургутъ, Нерымской острогъ, Кетцкой острогъ, Кузнецкой острогъ, Енисейской острогъ, Новой острогъ, что велѣно поставить Ондрею Дубенскому на Красномъ Яру». Кн. Р., II, 202). [4]) Д. А. И., т. IV, № 138 (стр. 350, столб. 1). [5]) А., относ. до юрид. быта древн. Р., т. III, № 313 (столб. 156).

что Сургутъ, причисленный сначала къ Томскому разряду, впослѣдствіи отошелъ къ Тобольскому.

§ 45. Назначеніе Шестакова Втораго. При воеводѣ Ѳ. Бояшевѣ (на Верхотурьѣ) подьячимъ (съ приписью) показанъ Никиф. Титовъ Матюшкинъ, съ 31 мая 1631 по 16 мая 1633 г. Второй же Шестаковъ—при воеводѣ Д. И. Милославскомъ (1633—1635) [1]). Въ царской грамотѣ Ѳ. Бояшеву отъ 7 ноября 1631 года: „По нашему указу, велѣно быти на нашей службѣ въ Сибири, на Верхотурьѣ, у нашего дѣла съ тобою Ѳедоромъ въ товарыщѣхъ, въ подьячихъ съ приписью, подьячему Второму Шестакову, подьячего жъ на Микифорово мѣсто Матюшкина“... [2]). Второй Шестаковъ былъ въ Верхотурьѣ и съ воеводой Д. И. Милославскимъ, что̀ видно изъ царской грамоты отъ 26 іюля 1634 г. [3]).

§ 46. Къ Росписи тарскихъ воеводъ 1629—1634 г. Съ 1629 по май 1631 г. показаны воеводами въ Тарѣ кн. Ѳ. Ѳ. Волхонской-Шириха и Ис. П. Байковъ. Съ іюня 1631 г. по 16 мая 1633 г.—кн. Н. М. Борятинской и К. С. Сытинъ, а съ 16 мая 1633 г.—кн. Ѳ. С. Бѣльскій и Н. А. Кокошкинъ [4]). Въ приложеніи I-мъ къ наказнымъ статьямъ въ Сибирь тюменскому воеводѣ Тухачевскому читаемъ: „Лѣта 7119 (ошибка, слѣд. 7139) Генваря дня Государь Царь и Великій Князь Михаило Ѳеодоровичь, всея Россіи, велѣлъ Воеводамъ Князю Никитѣ Михайловичу Борятинскому, да Константину Селиверстовичу Сытову быти на Государевѣ и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича всея Россіи службѣ въ Сибири въ Тарскомъ городѣ, на князь Ѳедорово мѣсто Волконского, да на Исаково мѣсто Баилова“ (Байкова) [5]). О назначеніи Бѣльскаго: „Лѣта 7141 Генваря въ 31 день Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичь всея Руссіи велѣлъ воеводамъ Князю Ѳедору Самойловичу Бельскому да Неупокою Андрееву Кокошкину быти на своей Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всея Руссіи службѣ въ Сибири на Тарѣ“.... [6]).

§ 47. Сыскъ надъ Кокоревымъ. Въ іюлѣ 1631 г. по государеву указу были посланы изъ Тобольска письм. голова С. Юрьевъ и подьячій Ѳ. Ивановъ въ Мангазею производить слѣдствіе надъ воеводами, Гр. Кокоревымъ и А. Палицынымъ. Въ 1633 г. съ тою же цѣлью былъ посланъ дворянинъ Бартеневъ-Чулковъ (Грязной); онъ увезъ Кокорева

---

[1]) Зап., 150, 152. [2]) А. И., т. III, № 168. [3]) Ibid., № 180. [4]) Зап., 148, 150, 152. [5]) П. С. З., т. III, № 1670 (см. наказы бывшимъ въ Сибири на Тарѣ воеводамъ). [6]) П. С. З., т. III, № 1670, Прил. II. Ср. объ этихъ воеводахъ Гавенвинкель, Сист. Переч., 24.

съ сыномъ скованными въ Москву [1]). Въ Кн. Разр. находится такое извѣстіе объ этомъ событіи: „Въ Мангазеѣ Григорей Ивановъ сынъ Кокоревъ да Ондрей Өедоровъ сынъ Палицынъ, и Григорей Кокоревъ и Ондрей Палицынъ взяты къ Москвѣ, а въ Мангазею посланы Василей Олексѣевъ сынъ Давыдовъ да Дмитрей Өедоровъ сынъ Клокачевъ“ [2]). Изъ этого можно заключить, что Кокоревъ съ сыномъ были увезены въ Москву одновременно съ назначеніемъ Давыдова, которое относится къ 1631 году.

§ 48. Походы на калмыковъ. Въ ноябрѣ 1635 года подъ Тюмень подходили калмыки и перебили много подгородныхъ крестьянъ. Высланные противъ нихъ дѣти боярскіе были разбиты [3]). Эта запись, очевидно, принадлежитъ современнику. О борьбѣ съ калмыками см. царскую грамоту о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ тюменскихъ и тобольскихъ служилыхъ людей, отъ 11 марта 1636 г. [4]). Вѣроятно, она писана въ отвѣтъ на донесеніе кн. Голицына, о которомъ упоминается въ „Зап.“.

§ 49. Верхотурскій воевода Милославскій. Въ періодъ времени съ мая 1635 г. по май же 1639 г. воеводой на Верхотурьѣ показанъ И. Ө. Еропкинъ и подьячій (съ приписью) И. Селедцынъ [5]). Изъ царской грамоты на Верхотурье отъ 1635 г. (мартъ) видно, что въ это время воеводой былъ Д. Милославскій и подьячимъ —И. Селедцынъ [6]). Еропкинъ былъ на воеводствѣ позже; къ нему есть царская грамота отъ 31 марта 1636 г. [7]).

§ 50. Увеличеніе войска въ Тарѣ. „При сихъ воеводахъ (кн. Борятинскомъ и Кавтыревѣ), по указу Великаго Государя, сведено на Тару, на вѣчное житье, Вологжанъ и Нижегородцевъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей, съ женами и дѣтьми, 300 человѣкъ; а въ Сибири на Тарѣ велѣно имъ службу служить въ конныхъ и пѣшихъ Козакахъ, въ равенство Тарскаго города со служивыми людми, съ 1639 году“ [8]). Прямаго указанія на увеличеніе войскъ въ Тарѣ въ офиціальныхъ документахъ мы не нашли, но изъ Разрядныхъ Книгъ можно видѣть, что число тарскаго войска въ 1636 г. значительно увеличилось сравнительно съ годомъ 1631. Въ этомъ 1631 г. по Книгамъ Разряднымъ въ Тарѣ числилось войскъ (кромѣ начальствовавшихъ лицъ и артиллеріи):

Литвы и Литовскаго списка казаковъ .	72 чел.
Пѣшихъ казаковъ.	100 „

---

[1]) Зап., 151. [2]) Кн. Разр., т. II, столб. 362. Ср. Газенв., 41, 43. [3]) Зап., 154—155. [4]) Р. И. Б., т. II, № 159, 1. [5]) Зап., 157. [6]) А. И., т. III, № 184. [7]) Ibid., № 192. [8]) Зап., 157.

Стрѣльцовъ.	100 чел.
Юртовскихъ служилыхъ татаръ . . .	14[1]) „
Итого. . .	286 чел.

Въ 1636 г. числилось:

Литвы, черкасъ и нѣмцевъ	127 чел.
Литовскаго списка казаковъ	53 „
Казаковъ конныхъ	72 „
Стрѣльцовъ.	303 „
Казаковъ пѣшихъ.	102 „
Юртовскихъ служилыхъ татаръ . . .	46[2]) „
Итого. . .	703 чел.

Разница, слѣдов., въ 417 человѣкъ. Увеличеніе, о которомъ говорятъ „Записки", касается только конныхъ и пѣшихъ казаковъ. Число пѣшихъ казаковъ увеличилось на 2 чел.; литвы и литовскаго списка казаковъ (включая сюда черкасъ и нѣмцевъ) прибавилось 108 чел., появились конные казаки — 72 чел., число стрѣльцовъ увеличилось на 203 чел. Такимъ образомъ, число конныхъ и пѣшихъ казаковъ увеличилось на 74 чел.; остальные же изъ 300 вошли въ разрядъ стрѣльцовъ и въ разрядъ литовскаго списка казаковъ [3]).

§ 51. Тобольскій воевода кн. Пронскій. „Въ 1639 году Маія съ 24 числа, по 1643 годъ по 23 число Маія, были въ Тобольскѣ Воеводы, Князь Петръ Ивановичъ Пронской, да Ѳедоръ Ивановичъ Ловчиковъ; Дьяки Иванъ Трофимовъ, да Андрей Андреевъ сынъ Галкинъ" и проч. Дата вступленія на воеводство кн. Пронскаго подтверждается „памятью" Головина этому воеводѣ отъ 1 іюня 7147 г.: „И назавтрея вашего приходу, маія въ 24 день, противъ всего государева указу обо всемъ же писали къ намъ"... [4]).

§ 52. Походъ А. Тухачевскаго на киргизъ. „Яковъ съ Тары ходилъ на Киргизъ съ ратными людьми Воеводою полковымъ" [5]). На стр. 163 подробно изложено о походахъ въ Киргизскую землю. Киргизы, повидимому, незадолго передъ этимъ оказали сильное сопротивленіе, такъ какъ противъ нихъ предприняты были экспедиціи изъ разныхъ городовъ: изъ Тюмени, Тары, Кузнецка, Томска, Тобольска и Красноярска. Въ 1640 г. изъ Тобольска былъ двинутъ отрядъ подъ начальствомъ ротмистра литовскаго списка И. Рукина-Черкасова на г. Тару и далѣе къ г. Томску. Изъ Тары былъ посланъ тарскій меньшой воевода

[1]) Кн. Разр., т. II, ст. 364. [2]) Ibid., столб. 829. [3]) Ср. Гагенвинкель, Кн. Разр., 74, табл. XIII. [4]) Зап., 158. Д. А. И., т. II, № 69, III. [5]) Зап., 159.

Я. Тухачевскій. Изъ Томска ходили въ 1641 и 1642 годахъ. Во время этихъ походовъ Тухачевскій основалъ Ачинскій острогъ. Но между Тухачевскимъ и служилыми людьми произошли какіе-то раздоры, вслѣдствіе чего онъ былъ отставленъ, и вмѣсто него былъ посланъ томскій меньшой воевода И. Кобынскій. Киргизы были разбиты и посылали въ Москву пословъ съ повинною. Въ „Актахъ, относящихся до войны съ инородцами“ [1]), есть указаніе на походъ Я. Тухачевскаго: „А въ прошломъ во 147 году, по указу дѣда нашего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и по грамотамъ, посланъ былъ изъ Томского на измѣнниковъ Киргизъ же Яковъ Тухачевской“...

§ 53. Отправленіе П. П. Головина въ Якутскую землю. „Въ 1639 году Іюня въ 21 день ѣхали мимо Тобольска на великую рѣку Лену, въ Якутской острогъ, первые Московскіе Воеводы, городъ Якутской ставить, и своимъ столомъ по Государеву Указу на Воеводствѣ быть сѣдоками, Стольникъ Петръ Петровичъ Головинъ, да Стольникъ же Матѳей Богдановичъ Глѣбовъ, да Дьякъ Ефимъ Варѳоломѣевъ сынъ Филатьевъ“... Съ ними были отправлены письменные головы Е. Л. Бахтеяровъ и В. Д. Поярковъ и изъ Тобольска 246 чел. служилыхъ людей, также 50 чел. изъ Березова [2]). Наказъ Головину былъ данъ 6 авг. 1638 г. [3]), и вскорѣ же, по всей вѣроятности, онъ отправился въ путь, ибо къ 1 дек. того же года онъ достигъ г. Елабуги [4]). Поэтому возможно принять, что въ іюнѣ 1639 г. Головинъ проѣзжалъ черезъ Тобольскъ. По офиціальнымъ даннымъ, съ Головинымъ послано было на Лену всего 395 чел., въ томъ числѣ изъ Тобольска—245 чел., изъ Березова—50, изъ Енисейска—100 чел. и казанскихъ дѣтей боярскихъ 5 чел. [5]). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ отправленіи Головина извѣстны изъ „Дѣла объ отправленіи въ Ленскіе острожки воеводами стольниковъ П. П. Головина и М. Глѣбова“. Въ памяти Головина тоб. воеводѣ кн. М. Темкину-Ростовскому: „Указалъ Государь... взять у васъ въ Тобольскѣ, на свою государеву службу, въ новую Сибирскую землю на великую рѣку Лену, Тоболскихъ служилыхъ людей двѣстѣ сорокъ пять человѣкъ, съ Березова пятдесятъ человѣкъ“ [6]). Въ царской граматѣ якутскому воеводѣ Францбекову, отъ 20 окт. 1649 г.: „Въ прошломъ во 147 году, по указу блаженныя памяти отца нашего ве-

---

[1]) Д. А. И., т. VIII. [2]) Зап., 161. [3]) Р. И. Б., т. II, № 213. [4]) А., относ. до юрид. быта древн. Р., т. II, № 195. Отписка Казанскимъ воеводамъ. [5]) А. И., т. IV, № 31, I, III (О Бахтеяровѣ и Поярковѣ). [6]) Д. А. И., т. II, № 69, II. Также см. наказъ ленскимъ воеводамъ В. Пушкину и К. Супоневу. Д. А. И., II, № 100 (стр. 265).

ликого государя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи. посланы на великую рѣку Лену, съ стольники и воеводы съ Петромъ Головинымъ съ товарыщи, нашихъ Сибирскихъ, Тобольскихъ, Березовскихъ, Енисейскихъ служилыхъ людей четыреста человѣкъ“ [1]).

§ 54. Къ Росписи верхотурскихъ воеводъ: кн. Н. Мещерскій. „Въ Верхотурьѣ, князь Никифоръ Ѳедоровичь Мещерской да Подьячій съ приписью Семенъ Звягинъ“—показаны приблизительно въ годахъ 1643—1646. На самомъ дѣлѣ они были ранѣе, ибо имѣется царская грамота на имя Мещерскаго и Звягина отъ 30 мая 1641 года [2]).

§ 55. Смерть царя Михаила Ѳедоровича. Дата „Записокъ“ „Іюля противъ 13 числа въ ночи“ [3]), находится, между прочимъ, въ царской грамотѣ въ Кирилло-Бѣлозерск. мон. о приведеніи къ присягѣ воеводы кн. А. Козловскаго, отъ 13 іюля 1645 г. [4]).

Къ Росписи верхотурскихъ воеводъ: Максимъ Ѳедор. Стрѣшневъ и подьячій съ приписью Максимъ Лихачевъ показаны „Записками“ въ годахъ 1646—1648 [5]). Но М. Стрѣшневъ съ Лихачевымъ были въ Верхотурьѣ уже въ 1644 г., что видно изъ царской грамоты Стрѣшневу отъ 18 дек. 1644 г. [6]) и изъ наказа ленскимъ воеводамъ В. Пушкину и К. Супоневу, отъ 10 февр. того же года [7]).

§ 56. Бунтъ въ г. Томскѣ. Въ 1647 г. въ Томскѣ находился въ ссылкѣ „за опалу“ нѣкто Григорій Осиповъ сынъ Плещѣевъ-Подрѣза. Онъ возмутилъ весь народъ противъ тогдашняго воеводы кн. Осипа Щербатова и добился того, что городъ отказалъ воеводѣ отъ воеводства. Было учреждено особое управленіе, во главѣ котораго сталъ товарищъ воеводы И. Бунаковъ. Мятежники утвердились за городомъ, въ острогѣ, гдѣ и устроили съѣзжій Дворъ. Дѣло, впрочемъ, окончилось тѣмъ, что Бунакова били кнутомъ; томскіе боярскіе дѣти и бунтовавшіе служилые люди тоже были биты кнутьемъ и разосланы по разнымъ городамъ. Подрѣза былъ сосланъ въ Кузнецкъ, гдѣ, однако, не успокоился и тоже учинилъ бунтъ. Тогда его послали въ Енисейскъ, и „въ Енисейскомъ ево мужикъ отъ жены зарѣзалъ, ту и скончался“ [8]). Дѣло это разсказано въ отпискѣ слѣдовавшаго за кн. Щербатовымъ воеводы М. Волынскаго, отъ 1650 г. [9]). Въ „Запискахъ“ есть данныя, дополняющія отписку. Замѣтимъ, что дьякомъ при кн. Щербатовѣ названъ Борисъ Исаковъ Патрикіевъ, въ упомянутой же отпискѣ Волынскаго—Михайло Ключаревъ.

---

[1]) Д. А. И., т. III, № 63. О построеніи Якутска см., между прочимъ, А. И., т. IV, № 31, прим. 7-е. [2]) А. И., т. III, № 215. [3]) Зап., 170. [4]) А. А. Э., т. IV, № 1. [5]) Зап., 174. [6]) А. И., т. III, № 234. [7]) Д. А. И., т. II, № 100. [8]) Зап., 176. [9]) Д. А. И., т. III, № 68.

§ 57. Къ Росписи верхотурскихъ воеводъ: Р. Всеволожскій. Въ 1647 г. былъ сосланъ въ Тюмень Р. Р. Всеволожскій съ сыномъ Андреемъ, дочерью Евѳиміей и женой Анастасіей. Въ 1649 г. Всеволожскому было приказано быть на воеводствѣ въ Верхотурьѣ. Послѣ воеводства Всеволожскому велѣно было жить въ Тюмени, гдѣ онъ и умеръ съ дочерью, не дождавшись указа о назначеніи тюменскимъ воеводой [1]). Изъ офиціальныхъ документовъ извѣстно, что Всеволожскій былъ на воеводствѣ въ Верхотурьѣ въ 1652 г. Въ данной на пашенныя земли и покосы изъ выдѣльнаго хлѣба верхотурскому стрѣльцу Мих. Пахолуеву: „Лѣта 7160 марта въ 20 день билъ челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи Верхотурской стрѣлецъ Мишка Пахолуевъ, а на Верхотурьѣ въ съѣзжей избѣ воеводѣ Рафу Родіоновичю Всеволожскому“... [2]). Изъ царской грамоты верхотурскому воеводѣ Л. Измайлову, въ маѣ 1652 г., видно, что послѣ воеводства Всеволожскій былъ назначенъ въ Яранскъ, но затѣмъ велѣно его возратить и поселить въ Тобольскѣ. Относительно судьбы семейства Всеволожскаго между „Записками“ и офиціальными документами есть разница [3]).

§ 58. Къ Росписи кузнецкихъ воеводъ: Г. Засѣцкій. Съ 25 мая 1649 г. по 17 мая 1652 г. (приблизительно)—въ Кузнецкѣ былъ воеводой Григорій Конст. Засѣцкій (Засѣдской) [4]). Въ отпискѣ томскаго воеводы М. Волынскаго: „Въ нынѣшнемъ де во 159 году, декабря въ 20 день, билъ челомъ тебѣ, государю царю и великому князю всеа Русіи, а въ съѣзжей избѣ прежнему воеводѣ Григорью Засѣцкому подалъ челобитную Кузнецкой казакъ Аѳонка Поповъ“. Эти слова взяты собственно изъ отписки Ив. Петрова къ томскому воеводѣ, отъ 1651 г. (послѣ 5-го іюля). Значитъ, въ декабрѣ 1650 г. Засѣцкій былъ еще въ Кузнецкѣ; онъ былъ смѣненъ между декабремъ 1650 и іюлемъ 1651 года. То обстоятельство, что Петровъ обратился къ томскому воеводѣ, вызываетъ предположеніе, что въ Кузнецкѣ въ это время воеводы совсѣмъ не было, и вмѣсто воеводы временно посланъ былъ для управленія томскій сынъ боярскій Иванъ Петровъ [5]).

§ 59. О провѣдываніи Хабаровымъ Якутской земли. При извѣстіи о назначеніи Д. Францбекова якутскимъ воеводой—замѣтка: „Сей Воевода писалъ въ Москву къ Великому Государю про Даурскую Землю, противъ письма Ерофеева Хобарова“ [6]). Есть отписки Францбекова

---

[1]) Зап., 174, 178, 182. [2]) Акты, относ. до юрид. быта древн. Р., т. II, № 65, II. [3]) А. И., т. IV, примѣч. 13 е (къ № 59). [4]) Зап., 179. [5]) Д. А. И., т. III, № 85. [6]) Зап., 179.

царю относительно Дауріи; одна относится къ 1649, другая—къ 1651 году [1]).

§ 60. Отправленіе Д. Зиновьева въ Даурію. „Въ томъ же 1652 году посыланъ былъ съ Москвы досмотрѣть и описать Даурскую Землю Дворянинъ Московской, Дмитрій Ивановъ сынъ Зиновьевъ, а съ нимъ посылано съ пяти городовъ служивыхъ людей 150 человѣкъ, а ходилъ два года слишкомъ“ [2]). Въ отпискѣ приказнаго человѣка Онуфрія Степанова якутскому воеводѣ М. Лодыженскому, отъ 1654 г., есть такое извѣстіе о Зиновьевѣ: „Въ нынѣшнемъ во 160 году, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу, пріѣзжалъ на Великую рѣку Амуръ дворянинъ Дмитрей Ивановичь Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ, съ золотыми, и государево жалованье, золотые, давалъ приказному человѣку Яроѳею Павлову сыну Хабарову и намъ холопамъ государевымъ всѣмъ“. Уѣхалъ Зиновьевъ изъ Сибири въ 1654 г., что видно изъ той же отписки: „Да въ нынѣшнемъ же во 162 году, какъ поѣхалъ Дмитрей Ивановичь Зиновьевъ къ государю къ Москвѣ“ [3]). Число служилыхъ людей, посланныхъ съ Зиновьевымъ, указано въ наказной памяти сыну боярскому Ѳ. Пущину, данной воеводой Лодыженскимъ, отъ 31 іюля 1658 г. (7166): „Въ прошломъ во 160 году, по указу отца его государева великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, посланъ былъ для государева дѣла въ Сибирь въ Даурскую Землю Дмитрей Зиновьевъ, а съ нимъ служилыхъ людей 150 человѣкъ“ [4]).

Отправленіе А. Пашкова въ Даурію. Въ 1655 г. пріѣхалъ въ Енисейскъ на воеводство И. П. Акинѳовъ на мѣсто А. Пашкова; Пашкову же приказано было отправляться въ Даурію вмѣстѣ съ присланными къ нему служилыми людьми. Въ Дауріи онъ долженъ былъ ставить новые остроги и до указа управлять всѣмъ краемъ. Зиму 1655—1656 г. Пашковъ прожилъ въ Енисейскѣ, приготовляясь къ походу. Далѣе въ „Зап.“ помѣщено извѣстіе о томъ, что Пашковъ весной 1656 г. двинулся въ путь и, по пріѣздѣ въ Даурію, поставилъ острожки: Нерчинскій, Балбазинскій (sic), Иркутскій, Теленбинскій и Балаганскій. На воеводствѣ Пашковъ пробылъ пять лѣтъ и въ 1662 г. выѣхалъ въ Тобольскъ. На смѣну ему въ 1660 г. былъ посланъ тобольскій

---

[1]) А. И., т. IV, № 31, III, V. См. также выписку изъ «Допросныхъ рѣчей» о Дауріи. Прим. 7-е къ А. И., IV (стр. 2—3). Объ отправленіи Хабарова: Бантышъ-Каменскій, Диплом. Собр. Дѣлъ между Росс. и Кит. госуд., стр. 22. [2]) «Зап.», 180. [3]) Д. А. И., т. III, № 122 [4]) Д. А. И., т. IV, № 53.

сынъ боярскій Ларіонъ Толбузинъ [1]). Свѣдѣнія объ отправленіи Пашкова въ Даурію почерпаются изъ царской грамоты Енисейскому воеводѣ И. Акинѳову, отъ 20 авг. 1655 года: „По указу отца нашего великого государя Алексѣя Михайловича... велѣно Аѳонасью Пашкову быть на нашей службѣ въ Даурской землѣ, да съ нимъ сыну его Еремѣю, да Сибирскимъ служилымъ людямъ, разныхъ городовъ стрѣлцомъ и казакомъ, тремъ стамъ человѣкомъ... и отпустилъ бы ихъ изъ Енисейского острогу въ Илимской острогъ во 164 году на веснѣ“ [2])... Относительно построенія въ Дауріи остроговъ нѣкоторыя извѣстія находятся у Бантышъ-Каменскаго. Такъ, изъ „Книги Китайскаго Двора“, № 9, онъ заимствуетъ свѣдѣнія о поставленіи Нерчинскаго острога на р. Шилкѣ; Албазинскій острогъ былъ основанъ пятидесятникомъ Никиф. Черниговскимъ въ 1665 (7137) г.; послѣ построенія Албазинскаго остр. на р. Зеѣ возникъ Зійскій острогъ, на Селенгѣ—Селенгинскій. Послѣдній поставленъ безъ вѣдома воеводы енисейскими казаками. Въ 7181 г. ему считался 9-й годъ [3]). О возвращеніи Пашкова изъ Дауріи узнаемъ изъ царской грамоты якутскому воеводѣ С. Лодыженскому, отъ 20 окт. 1659 г. Ему предписано было послать изъ Якутска служилыхъ людей въ Нерчинскъ для сопровожденія Пашкова до Илимска. На смѣну же Пашкова былъ отправленъ изъ Тобольска сынъ боярскій [4]). Это былъ Л. Толбузинъ. Въ декабрѣ 1661 г. Пашковъ былъ еще въ Дауріи, что видно изъ отписки его енисейскому воеводѣ И. Ржевскому [5]). Въ маѣ (послѣ 12-го ч.) 1662 г. Толбузинъ доносилъ въ Енисейскъ Ржевскому: „Въ прошломъ, господине, во 168 году, по указу великого государя (титулъ)... посланъ я на службу ихъ великихъ государей въ Сибирь, въ новую Даурскую землю, на Великую рѣку Шилку, въ Нерчинской острогъ, воеводѣ Ѳѳонасью Пашкову на перемѣну: и я, господине, пришелъ на Великую рѣку Шилку, въ Нерчинской и Иргенской остроги, къ воеводѣ Аѳонасью Пашкову въ нынѣшнемъ во 170 году маія въ 12 день“ [6]). Болѣе точная дата

---

[1]) «Зап.», 185, 188, 193—194. [2]) Д. А. И., т. IV, № 17. См. наказн. память Акинѳова сыну боярскому Колесникову, ibid., № 21. [3]) Бант.-Кам., Дипл собр. дѣлъ между Р. и К. Гос., стр. 22. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 16) Бант.-Кам. говоритъ, что Пашковъ построилъ Нерчинскъ, Албазинъ и еще по берегамъ и островамъ Амура малые остроги. О построеніи Селенгинска см. отписку казачьяго десятника О. Васильева енисейскому воеводѣ Голохвастову, отъ 30 сент. 1665 года: «И въ нынѣшнемъ во 174 году Сентября въ 27 день, выбравъ угоже мѣсто въ Мугальской землѣ, на Селенгѣ рѣкѣ, за помочью Божіею великимъ государемъ острогъ новой поставили»... Д. А. И., т. V, № 8, 1, также II и III. Д. А. И., т. V, 38. О построеніи Иркутска см. отписку сыну боярскому Я. Похабова енисейскому воеводѣ И. Ржевскому, отъ 6 іюля 1661 г. Д. А. И., т. IV, № 104. [4]) Д. А. И., т. IV, № 66. [5]) Ibid., № 110. [6]) Ibid., № 116.

смѣны Пашкова находится въ отпискѣ Толбузина якутскому воеводѣ Голенищеву, отъ 16 іюня 1662 года: „... пошелъ въ Нерчинской острогъ на лыжахъ марта въ 5 день, а изъ Нерчинского острогу въ Иргенской острогъ на перемѣну воеводѣ Аѳонасью Пашкову, и изъ Иргенского острогу отпустилъ воеводу Аѳонасья Пашкова маія въ 25 день черезъ Байкалъ“ [1]). Л. Толбузинымъ было принято отъ Пашкова три острога: Нерчинскій, Иргенской и Теленбинскій [2]).

§ 61. Посольство Байкова въ Китай. 1-го іюня 1654 г. изъ Тобольска выѣхалъ къ Ямышеву озеру московскій посланникъ въ Китай Ѳ. И. Байковъ. Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о пути и посольствѣ Байкова: описывается его свита, маршрутъ, прибытіе въ Пекинъ, цѣль посольства и т. д. [3]). Исходъ посольства Байкова, какъ извѣстно, былъ неудаченъ. Составитель „Записокъ“ считаетъ это посольство вторымъ: „Сіи вторые люди въ Китай были изъ Тобольска“; первыми были—тобольскій сынъ боярскій П. А. Ярыжкинъ и тобольскій бухарецъ Сеткунъ Алблинъ, посланные въ Китай въ 1652 году [4]). Въ четвертомъ томѣ Актовъ Историческихъ напечатана, между прочимъ, „царская грамота верхотурскому воеводѣ Л. Измайлову о скорѣйшемъ отправленіи въ путь сибирскаго казака Малинина и бухарца Бабаева, посланныхъ съ царскими товарами въ Китайское государство“ [5]). Въ примѣчаніи къ этой грамотѣ (прим. 19, стр. 4) сказано: „Въ Зап. къ Сиб. Ист. сказано, что первое русское посольство въ Китай отправлено въ 1652 году; тогда ѣздили тобольскій сынъ боярскій Петръ Ярыжкинъ и бухарецъ Сеткунъ Алблинъ (Др. Росс. Вивл., III, 180). Слѣдовательно, вновь отправленное въ 1654 г. посольство сибирскаго казака Малинина и бухарца Бабаева было вторымъ и предшествовало отправленію въ томъ же 1654 г. офиціальнаго посольства къ Богдыхану, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ Ѳедоръ Байковъ. См. Берха, Царст. Алекс. Мих., I, 90 и слѣд.“. Такимъ образомъ, редакція считаетъ посольство Малинина вторымъ, а Байкова—третьимъ. Но въ самомъ текстѣ грамоты читаемъ: „по нашему указу, посланъ съ Москвы въ Сибирь, въ Тоболескъ, къ Ѳедору Байкову, съ нашими товары, которые посланы въ Китайское государство, Сибирской казакъ Петрушка Малининъ да Бухарецъ Бабурель Бабаевъ съ товарищи, десять человѣкъ, а велѣно имъ съ тѣми товары ѣхать на спѣхъ, чтобы имъ поспѣть въ Тоболескъ во время, чтобъ имъ въ Китайское государство ѣхать не замотчать“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что Мали-

[1]) Д. А. И., т. IV, № 121. [2]) Д. А. И., т. IV, № 133, I. [3]) Зап., 185—187. [4]) Ibid., 180. [5]) А. И т. IV. 75.

нинъ и Бабаевъ отправлены были пе въ Китай, а къ Ѳед. Байкову, который находился въ то время въ Тобольскѣ. Они, очевидно, везли товары, которые долженъ былъ взять Байковъ съ собою въ Китай. Грамота Байкову (наказъ) была дана 2 февр., какъ увидимъ ниже, Малинину же—16-го; отсюда становится понятнымъ приказаніе: „ѣхать наспѣхъ, чтобъ имъ поспѣть въ Тоболескъ во время, чтобъ имъ въ Китайское государство ѣхать не замотчать“. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что согласиться съ мнѣніемъ редакціи, изложеннымъ въ примѣч. 19, нельзя; посольство Ярыжкина должно считать первымъ, а Байкова—вторымъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о посольствѣ Байкова даетъ Бантышъ-Каменскій. Байковъ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, еще въ 1653 году былъ посланъ изъ Москвы, изъ Приказа Большой Казны, въ Тобольскъ для государева торговаго промысла [1]). По словамъ того же автора, 2 февр. 1654 г. Байкову предписано было ѣхать въ Китай, и 11 февр. ему былъ данъ наказъ [2]). Послѣ этихъ данныхъ становится вполнѣ ясною цѣль отправленія Малинина.

Однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи между „Записками“ и Бантышъ-Каменскимъ является противорѣчіе такого рода. Бантышъ-Каменскій передаетъ, что Байковъ, получивъ государеву грамоту 20 марта 1654 г., послалъ впередъ себя въ Китай для предварительнаго объявленія о посольствѣ „тобольскаго бухарина Сеткула Аблина“ [3]). Если принять хронологію „Зап.“ въ записи о посольствѣ Ярыжкина и Алблина, то едва ли придется допустить, что Байковъ посылалъ Алблина, ибо къ 1654 г. этотъ послѣдній не могъ возвратиться въ Тобольскъ, да онъ и возвратился въ 1655 г. Или хронологія „Зап.“ не вѣрна, или извѣстіе Бантышъ-Каменскаго недостовѣрно. Можно считать это отправленіе Алблина Байковымъ за самостоятельное посольство, но въ такомъ случаѣ необходимо отвергнуть дату, выставляемую „Записками“. Однако, и у Бантышъ-Каменскаго дѣло не обходится безъ недоразумѣній. Вторичная грамота Алблину была дана 10 окт. 1657 г. [4]), слѣд., въ то время, когда Байковъ былъ уже въ Тобольскѣ. Является непонятнымъ, почему онъ въ періодъ времени съ 31 іюля 1657 до октября не доносилъ въ Москву о результатахъ своего посольства и въ продолженіе года не являлся въ Москву [5]).

---

[1]) См. Бант.-Кам. Дипëлом. собр. дѣлъ между Росс. и Кит. госуд. съ 1619 по 1792 г., изд. В. М. Флоринскимъ. Каз. 1882 г., стр. 8. [2]) Ibid. Наказъ напечатанъ въ приложеніи А., см. стр. 333—335. [3]) Бант.-Кам., 10. [4]) Не лучше-ли полагать—10 окт. 1656 г., тѣмъ болѣе, что въ прим. 2 на стр. 12 этотъ годъ означенъ 7165? [5]) См. «Путешествіе Ѳ. И. Байкова» въ IV-мъ томѣ Др. Росс. Вивл. (изд. 2-е), стр. 120—142.

Что касается пути, которымъ шелъ Байковъ въ Китай и обратно, то извѣстія „Зап.“ и Бантышъ-Каменскаго между собою согласны; то же можно сказать и относительно извѣстій о пребываніи его въ Пекинѣ и объ исходѣ посольства. Но въ датахъ разница: по „Зап.“ Байковъ выѣхалъ изъ Китая „1657 году въ исходѣ“, въ Москву пріѣхалъ въ августѣ 1658 г., у Бантышъ-Каменскаго первая дата 14 сент. 1656 г., вторая—19 іюля 1658 г.

§ 62. Къ Росписи тюменскихъ воеводъ: Ѳ. Веригинъ. Ѳед. Ив. Веригинъ былъ назначенъ воеводой въ Тюмень въ 1658 г. [1]). Въ его отпискѣ царю (1657—1658 г.): „Въ нынѣшнемъ, государь, во 166 году, по твоему великого государя указу, велѣно мнѣ холопу твоему быти на твоей государевѣ службѣ въ Сибири, на Тюмени, прежнего воеводы на Иваново мѣсто Шадрина“ [2])...

§ 63. Походы противъ возмутившихся инородцевъ. Въ 1661 году пріѣхали изъ Москвы полковники и другіе военные чины (Вил. Филипповъ, Я. Меиль, И. Волковъ и проч.) для обученія служилыхъ людей рейтарскому строю и для набора солдатъ. Было набрано въ Тобольскѣ 1.000 рейтаръ, 1.000 солдатъ и 4.000 стрѣльцовъ изъ городовъ Тобольскаго разряда. Послѣ набора и обученія были предприняты походы противъ башкиръ, калмыковъ и царевича Сибирскаго, продолжавшіеся по 1677 г. [3]). На большое возмущеніе инородцевъ въ Тобольскомъ, Туринскомъ, Тюменскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ (1662 г.) указываютъ и офиціальные документы, хотя въ нихъ не упоминается о прибытіи изъ Москвы военныхъ чиновъ. Встрѣчаются только имена нѣкоторыхъ, напр., Полуектова, Бланка (Плалка); есть также нѣкоторыя извѣстія о нападеніяхъ инородцевъ на русскія слободы и селенія [4]).

§ 64. Отправленіе въ Китай Перфильева. „Въ 1658 году посыланъ въ Китай Тарской сынъ Боярской, Иванъ Перфильевъ, съ служилыми людьми; и бывъ выѣхалъ здорово“ [5]). О посылкѣ въ Китай см. Бантышъ-Каменскаго, Дипл. собр. дѣлъ, стр. 12. Грамота Перфильеву была дана 10 марта 1658 г.

§ 65. Илимскій воевода Л. Обуховъ. Л. Обуховъ показанъ воеводой въ Илимскѣ въ годахъ 1664—1665, „и тамо его убиша Никифорко Черниговской съ товарищи, за озорничество отъ женъ своихъ, на дорогѣ: ѣздилъ на Киренгу; и на ево мѣсто посыланъ изъ То-

---

[1]) Зап., 190. [2]) Д. А. И., т. IV, № 42. [3]) Зап., 195—196. [4]) Д. А. И., т. IV, № 124' I — XVIII; № 145, I — III. Объясненіе причинъ возмущенія см. ibid. № 126, II, IV [5]) Зап., 197.

больска на время въ 1665 году Алексѣй Ларіоновъ сынъ Расторгуевъ-Сандаловъ“ [1]). Изъ грамоты верхотурскому воеводѣ И. Камынину, отъ 13 февр. 1662 г., видно, что Обуховъ послѣ февраля 1662 г. долженъ былъ проѣзжать чрезъ Верхотурье [2]). Въ 1664 г. онъ, вѣроятно, пріѣхалъ въ Илимскъ. О смерти Обухова есть свѣдѣнія въ царской грамотѣ красноярскому воеводѣ Дм. Корсакову о принятіи въ пѣшую службу дѣтей Никифора Черниговскаго, отъ 19 апр. 1680 года. Въ этой грамотѣ упоминается, что въ 182 г. тобольскій сынъ боярскій Данила Аршинскій доносилъ въ Москву объ убійствѣ Л. Обухова и представилъ челобитную Черниговскаго съ товарищами, „а въ челобитной ихъ написано: пошедъ де они изъ Усть-Киринской волости, воеводу Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпѣніе, что онъ Лаврентей, пріѣзжая къ нимъ въ Усть-Киренскую волость, женъ ихъ насильничалъ, а животы ихъ вымучивалъ, и идучи де они по великой рѣкѣ Ленѣ, нашимъ государевымъ всякихъ чиновъ людемъ обиды не чинили“ [3])... Также въ отпискѣ якутскаго воеводы кн. Ив. Борятинскаго царю, отъ 1671 г. (въ февр.): „...и сказывалъ де онъ Онкоулко ему Юпчанейку, что де Никифорко Черниговской съ товарыщи, которые убили Илимскаго воеводу Лаврентья Обухова и сбѣжавъ жили на Амурѣ въ Лавкаевскомъ острожкѣ“ [4])...

§ 66. Перенесеніе Мангазеи. „И съ 1672 года Мангазея покинута, воеводство и городъ устроенъ въ Туруханскомъ“... Въ это время мангазейскимъ воеводой былъ Дан. Наумовъ [5]). Въ царской грамотѣ якутскому воеводѣ Ѳ. И. Бибикову, отъ 7 марта 1679 (7187) года есть указаніе на перенесеніе Мангазеи: „Въ прошломъ во 179 году, по указу блаженныя памяти отца нашего государева, великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, велѣно городъ Мангазея построить вновь на Туруханѣ или близко Турухану, гдѣ пристойно, въ угожихъ и крѣпкихъ мѣстахъ и близь судовые пристани, розсмотря накрѣпко мангазейскому воеводѣ Данилу Наумову... и городъ Мангазея построенъ новой“ [6]). Въ отпискѣ царямъ якутскаго воеводы М. Кровкова о работахъ по случаю перенесенія Якутска на новое мѣсто, послѣ 15 іюля 1684 года: „...въ прошломъ во 179 году, по указу отца вашего великихъ государей и проч... велѣно городъ Мангазея построить вновь

---

[1]) Ibid., 200. [2]) Д. А. И., т. IV, № 112. Предшественникъ Обухова Вындомскій назначенъ 24 апр. 1659 г. См. Наказъ ему въ Д. А. И. т. IV, № 59. Обуховъ, очевидно, назначенъ ранѣе 1654 г. [3]) Д. А. И., т. VIII, № 73. [4]) Д. А. И., т. VI, № 22. [5]) Зап., 208. [6]) Д. А. И., т. VII, № 74, IV.

на Туруханѣ или близко Турухану, гдѣ пристойно... разсмотря накрѣпко Мангазейскому воеводѣ Данилу Наумову“ [1])... Изъ Памяти мангазейскому приказчику, сыну боярскому Мих. Добышинскому, данной въ апрѣлѣ 1671 г., можно заключить, что къ апрѣлю 1671 г. Мангезея была уже упразднена, и въ старомъ городѣ правилъ означенный сынъ боярскій [2]). Слѣдовательно, перенесеніе Мангазеи состоялось не въ 1672, какъ обозначаютъ „Записки“, а годомъ ранѣе [3]).

§ 67. Посольство къ Калмыцкому тайшѣ. „Въ 1674 году въ мѣсяцѣ іюлѣ, посыланъ былъ Тобольской Стрѣлецкой Голова, Иванъ Аршинской, къ Яндуку Тайшѣ посольствомъ, да подьячей Гавріило Михайловъ, да 10 человѣкъ служивыхъ и Татаръ“ [4]). Въ „Актахъ, относящихся до калмыковъ, кочевавшихъ по рѣкѣ Ишиму“, есть указаніе на это посольство: „Лѣта 7182 іюня въ 23 день, по государеву цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича... указу... велѣно Тоболскимъ головѣ стрѣлецкому Ивану Аршиискому да приказной избы подьячему Гаврилу Михайлову ѣхать изъ Тоболска въ улусъ къ калмыцкому Дундуку тайшѣ вверхъ Ишима и Вагая рѣкъ, на тѣ мѣста, о которыхъ билъ челомъ великимъ государемъ Дундукъ тайша кочевать со всѣми улусными своими людми“ [5]).

§ 68. Развѣдка рудъ дворяниномъ Хитрово. Подъ 1672 годомъ записано о прибытіи въ Сибирь думнаго дворянина Як. Тим. Хитрово съ сыномъ Венедиктомъ и подьячимъ приказа Тайныхъ Дѣлъ Е. Л. Полянскимъ. Имъ было поручено изслѣдовать руды, поставить городъ „надъ Тасмами рѣками“ и сыскивать, не найдется ли гдѣ серебряная руда. Изслѣдованія эти продолжались два года въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ годомъ ранѣе производили изслѣдованія М. П. Селинъ „съ Старцемъ Далматовымъ Лотомъ“ и съ ними нѣмцы, ничего не нашедшіе. Хитрово поставилъ на Уралѣ городъ. Онъ ѣздилъ даже въ Кузнецкій острогъ, въ степи, Красноярскъ, Томскій уѣздъ, но предпріятіе его окончилось ничѣмъ. „Ничего не найдено, а Государевой казнѣ великая и неизглаголанная тщета и гибель учинилась“... Велѣно было городъ на Уралѣ сжечь, орудія отослать въ Тобольскъ, а служилыхъ людей распустить по домамъ [6]). Эти извѣстія о посылкѣ Хитрово и о розыскѣ рудъ подтверждаются офиціальнымъ документомъ. Такъ, изъ отписки самого Хитрово верхотурскому воеводѣ Хрущову, въ авг. 1673 г., видно, что онъ дѣйствительно былъ посланъ въ Сибирь съ означенною цѣлью, и что сдѣланы

---

[1]) Д. А. И., т. XI, № 68. [2]) Д. А. И., т. VI, № 30. [3]) Ср. Гасенвинкель, Сист. Переч., 33—34. [4]) Зап., 211. [5]) Д. А. И., т. VI, № 84, III; также № 85, I, II, IV, V, VI. [6]) Зап., 211—213.

были большія затраты и приготовленія для этого дѣла. Онъ искалъ рудъ по р. Серебряной и Усвѣ [1]). Чѣмъ окончились развѣдки, извѣстно изъ „Записокъ".

§ 69. Къ росписи Нерчинскихъ воеводъ: Шульгинъ. Въ 1673 г. по указу государеву посланъ былъ изъ Тобольска сынъ боярскій П. Я. Шульгинъ въ Даурскіе остроги на смѣну воеводѣ Д. Д. Аршинскому. Онъ смѣнилъ нерчинскаго воеводу 3 окт. 1674 г. Аршинскій по пріѣздѣ въ Москву награжденъ былъ царемъ за даурскую службу серебрянымъ ковшомъ и 40 соболями. Дальше записано о смерти Аршинскаго, послѣдовавшей въ окт. 1677 г. [2]). Нѣсколько иная дата вступленія на воеводство П. Шульгина—у Бантышъ-Каменскаго, который извлекъ извѣстіе о Шульгинѣ изъ „Книги Китайскаго посольства", № 1 (листъ 103): „Данила Аршинскій, бывъ смѣненъ 31 ноября 1673 года, поручилъ по Государеву указу тобольскому боярскому сыну Павлу Шулгину остроги Нерчинскій, Телебинскій, Иргенскій и Албазинскій"... [3]).

§ 70. Посольство Спаѳарія въ Китай. 30 марта 1675 г. въ Тобольскъ пріѣхалъ посланникъ Н. Г. Спаѳарій; съ нимъ прибыли 10 чел. грековъ и двое подьячихъ. Въ Тобольскѣ ему дали 40 чел. служилыхъ людей всякихъ чиновъ и священника (Петра Матурина). 4 мая Спаѳарій уѣхалъ изъ Тобольска въ Енисейскъ, а изъ Енисейска черезъ Селенгу и Мунгальскую землю направился въ Пекинъ [4]). Въ царск. грам. верхотурскому воеводѣ Хрущову, отъ 4 марта 1675 г., предписывается, между прочимъ, дать Спаѳарію 40 чел. провожатыхъ [5]). Свѣдѣнія о посольствѣ Спаѳарія находятся вообще въ „Прибавленіяхъ" къ седьмому тому Дополненій къ Актамъ Историческимъ [6]). Изъ отписки тобольскаго воеводы П. Салтыкова къ енисейскому—М. Приклонскому узнаемъ, что Спаѳарій пріѣхалъ въ Тобольскъ 30 марта 1675 г. (7183): „Въ нынѣшнемъ во 183 году марта въ 30 день, по указу великихъ государей и по грамотѣ, присланъ съ Москвы въ Тоболескъ Николай Спаѳарій, а велѣно ему изъ Тоболска ѣхать для ихъ государскихъ дѣлъ въ Китайское Государьство въ посланникахъ наскоро"... [7]) Время выѣзда Спаѳарія изъ Тобольска опредѣляется въ отпискѣ тобольскаго воеводы, того же Салтыкова, енисейскому воеводѣ: „...и въ нынѣшнемъ во 183 году маія во 2 день посланникъ Николай Спаѳарій съ товарыщи и съ Тоболскими служилыми людми изъ Тоболска отпущенъ на трехъ до-

---

[1]) А. И. т. IV, № 239 и примѣч. 41 (стр. 7). [2]) Зап., 213. [3]) Бант.-Кам., Дипл. Собр. Дѣл., стр. 22. [4]) Зап., 271—218. [5]) А. И., т. IV, № 251 и примѣч. 43-е. [6]) Д. А. И., т. VII, № 67: Акты, относящіеся до путешествія черезъ Сибирь въ Китай посланника Николая Спаѳарія. [7]) Ibid., № 67, I.

щеникахъ, а кормщиковъ и гребцовъ на тѣ дощеники дано ему изъ Тоболска сорокъ пять человѣкъ“ [1]). О свитѣ Спаѳарія см. „Выписки изъ Статейныхъ списковъ русскихъ пословъ въ Китаѣ“ въ царской грамотѣ иркутскому воеводѣ кн. И. Гагарину, отъ 30 мая 1692 г.: „Въ прошломъ во 183 году по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, посланъ былъ съ его великого государя любителною грамотою Посолскаго Приказу переводчикъ Николай Спаѳарій, а съ нимъ на то посольство послано съ Москвы во дворянехъ иноземцовъ 4 человѣка, да изъ Тоболска Тоболскихъ дѣтей боярскихъ и кречетниковъ 12 человѣкъ, священникъ, толмачь; да изъ Тоболска жъ и изъ Енисейска и изъ Селенгинска служилыхъ людей 150 человѣкъ, всего 170 человѣкъ“ [2]). Изъ Росписи, составленной во время обратнаго проѣзда Спаѳарія черезъ Нерчинскъ, видно, что его сопровождали двое московскихъ дворянъ, два подьячихъ Посольскаго Приказа, толмачъ, два купца изъ грековъ, тобольскіе и якутскіе дѣти боярскіе, тобольскіе и селегинскіе казаки, всего 44 человѣка. [3]) У Бантышъ-Каменскаго посольство Спаѳарія описано на стр. 23—26. Маршрутъ Спаѳарія: 30 марта 1675 г. Спаѳарій прибылъ въ Тобольскъ, 2 мая выѣхалъ изъ Тобольска, 9 іюля пріѣхалъ въ Енисейскъ, 18 іюля выѣхалъ далѣе, 5 сентября достигъ Иркутска, 4 декабря прибылъ въ Нерчинскъ, гдѣ прожилъ до 19 дек., 26 янв. 1676 г. прибылъ въ Печегорское селеніе (въ Китаѣ) и 15 мая—въ Пекинъ [4]). Такимъ образомъ, „Записки“ вообще согласны въ этомъ случаѣ съ офиціальными документами.

§ 71. Посольство въ Китай Милованова и проч. 18 авг. 1670 г. Богдыханъ присылалъ въ Нерчинскъ зайсана Мунгупчея со свитой въ 40 чел., къ воеводѣ Д. Аршинскому, съ просьбой отправить кого либо въ Пекинъ для разбора дѣлъ. Аршинскій послалъ служилыхъ людей Игнатія Милованова и Григорія Кобякова съ 50 чел. Посланные хорошо были приняты въ Пекинѣ. Богдыханъ одарилъ ихъ и отпустилъ съ грамотой къ московскому государю. Посланы были подарки и нерчинскому воеводѣ [5]). Въ статейномъ спискѣ посольства Милованова и Кобякова сказано: „178, апрѣля въ 9 день, по государеву, цареву и великого князя Алексѣя Михайловича... указу, посыланы мы были Нерчинскіе служилые люди Васка Миловановъ, Игнашка Мило-

[1]) Ibid., № 67, П. [2]) Д. А. И., т. X, № 67, XXX. [3]) Ibid., прим. 27-е (стр. 481). [4]) Бант. Кам., Д. С. Д., стр 26. [5]) Зап., 218—219.

вановъ, Антонко Хилевъ, Гришка Кобяковъ изъ Нерчинского острогу, отъ Данила Аршинского, въ Китайское государство къ Богдойскому царю въ посланцахъ" [1]). Въ отпискѣ нерчинскаго воеводы Д. Аршинскаго Тобольскому—П. Годунову, въ авг. 1670 г., читаемъ: „Да въ нынѣшнемъ же 178 году, апрѣля въ 18 день, по указу великихъ государей, съ тѣми Богдойскими посланцы Шарандаемъ съ товарыщи посылалъ я изъ Нерчинского острогу къ Богдойскому царю посланцевъ, Нерчинскихъ служилыхъ людей, Игнашку Милованова, Антонка Хилева, Васку Милованова, Васку Захарова, Гришку Кобякова; и тѣ посланцы Игнашка съ товарыщи пришли отъ Богдойского царя въ Нерчинской острогъ въ нынѣшнемъ же въ 178 году, августа въ 11 день, а мнѣ тѣ посланцы Игнашка съ товарыщи въ роспросѣ сказали, что были де онѣ въ Богдойскомъ государствѣ передъ Богдойскимъ царемъ. Да съ ними же посланцами приходилъ въ Нерчинской острогъ отъ Богдойского царя посланецъ воевода Муготей"... [2]). Этотъ Муготей есть, по всей вѣроятности, „Мунгунчей" „Записокъ". Въ такомъ случаѣ „Записки" передаютъ дѣло совершенно въ превратномъ видѣ. Муготей былъ присланъ уже послѣ посольства Милованова и пріѣхалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ. Ранѣе же пріѣзжалъ Шарандай, и Миловановъ былъ посланъ именно съ нимъ. Это извѣстное дѣло о Гантимурѣ. Невѣрна также и дата „Зап.", ибо посольство возвратилось 11 авг. Согласно съ офиц. документами вообще излагаетъ дѣло и Бантышъ-Каменскій [3]), хотя и у него встрѣчаются нѣкоторыя разнорѣчія въ подробностяхъ. Въ остальномъ, кромѣ порядка посольствъ, „Записки" согласны съ офиц. документами.

§ 72. Смерть царя Алексѣя Михайловича. „Въ 1676 году Генваря противъ 30 числа, въ субботу... въ ночи, въ четвертомъ часу, въ третіей четверти въ исходѣ, волею Божіею не стало Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича"... [4]). Въ царск. грам. въ Соль Вычегодскую, отъ 1676 г. 2 февр., написано: „Въ нынѣшнемъ во 184 году Генваря противъ 30 числа, въ четвертомъ часу нощи, волею праведнаго Бога, отецъ нашъ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ... оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія" [5]). Слова „Записокъ" при

---

[1]) Д. А. И., т. VI, № 6, III. См. также ibid., № 6, IV: списокъ съ Богдойскаго листу. [2]) Д. А. И., т. VI, № 6, V. См. также отписку Аршинскаго царю, въ авг. 1670 г., А. И., т. IV, № 211, II; также прим. 35-е (стр. 7). Впрочемъ, и между документами есть противорѣчія: въ статейномъ спискѣ время отъѣзда посольства обозначено 9 апр., въ отпискѣ Аршинскаго—18 апр., а у Бант. Кам. (18 стр.)- 19. [3]) Бант.-Кам., стр. 18—21. [4]) Зап., 219. [5]) А. А. Э., т. IV, № 209.

семъ извѣстіи: ...„оставя земное царство, отъиде на вѣчное блаженство и покой небеснаго царствія“ очень близки къ словамъ грамоты и заставляютъ предполагать, что составитель „Записокъ“ пользовался подобною же извѣстительною грамотой, посланной воеводѣ Салтыкову. Такія выраженія встрѣчаются при всѣхъ извѣстіяхъ о смерти государей; вѣроятно, они заимствованы изъ грамотъ, которыя въ такихъ случаяхъ писались по одному и тому же шаблону.

§ 73. Назначеніе Толбузина въ Нерчинскъ воеводой. Въ 1676 г. 29 іюля отправился изъ Тобольска Ларіонъ Борис. Толбузинъ на воеводство въ г. Нерчинскъ. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о дальнѣйшей судьбѣ его и сына его Алексѣя [1]). Косвенное указаніе на назначеніе Ил. Толбузина нерчинскимъ воеводой можно найти въ отпискѣ енисейскаго воеводы Ивана Барятинскаго въ Тобольскъ, отъ 26 іюня 1678 года: „Во 184 году, по государевѣ жъ грамотѣ, послано изъ Тоболска въ Даурскіе же остроги съ Тоболскимъ сыномъ боярскимъ съ Ларивономъ Толбузинымъ да съ сыномъ его Алексѣемъ Московской присылки 239 пищалей“... [2]).

§ 74. О бояринѣ А. Матвѣевѣ. Подъ годомъ 1676 г. записанъ разсказъ о бояринѣ А. Матвѣевѣ, который былъ назначенъ въ томъ году воеводой въ Верхотурье, но на дорогѣ остановленъ и былъ сосланъ въ Пустозерскъ, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Послѣ смерти царя Ѳедора Алексѣевича Матвѣевъ былъ возвращенъ въ Москву и возстановленъ въ прежнемъ званіи [3]). Извѣстіе о возстановленіи Матвѣева въ боярскомъ званіи находится въ „Книгѣ записной царя и великаго князя Петра Алексѣевича на 190 годъ“ [4]).

§ 75. О смерти Корнилія: „...въ 1678 году декабря противъ 24 числа, въ ночи въ 8 часу, преставися въ Тобольску Преосвященный Корнилій, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, въ Знаменскомъ монастырѣ, въ схимѣ, пасъ церковь Божію лѣтъ четырнадцать“ [5]). Въ царской грамотѣ кузнецкому воеводѣ И. Давыдову (отъ 1678 г.) читаемъ: „А въ нынѣшнемъ въ 186 году Генваря въ 30 день, писалъ къ намъ Великому Государю, изъ Тоболска, бояринъ нашъ и воеводы Петръ Васильевичъ Шереметевъ съ товарыщи: Корнилія де Митрополита Сибирского и Тоболского не стало“ [6]).

Если принять дату „Записокъ“ 24 декабря, то необходимо предположить, на основаніи приведенной грамоты, что смерть Корнилія послѣ-

[1]) Зап., 226—227. [2]) Д. А. И., VIII, № 31. [3]) Зап., 229—230. [4]) С. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV, прилож., стр. XXVI, XXVII, XXXV. [5]) Зап., 231. [6]) А. И., т. V, № 32 и прим. 2-е.

довала въ декабрѣ 1677 г. Такимъ образомъ, обозначеніе года смерти Корнилія въ „Зап.“ едва ли вѣрно. Корнилій умеръ или въ концѣ 1677, или въ началѣ 1678 г.

§ 76. Пожаръ въ Тобольскѣ. Подъ 1677 г. записано о пожарѣ въ Тобольскѣ; перечислены сгорѣвшія зданія [1]). Это извѣстіе о пожарѣ подтверждается офиціальными документами. Въ царской грамотѣ туринскому воеводѣ Еремѣю Ларіоновичу Пятого (1678 г.): „и послѣ тоболского пожару прошлого 185 году подъ Софѣйской дворъ и подъ городы что земли принято ль“... [2]). Въ отпискѣ тобольскаго воеводы Петра Большого Шереметева тюменскому — Мих. Квашнину: „Въ нынѣшнемъ во 185 году мая въ 29 день, волею Божіею, сгорѣлъ отъ молніи городъ Тоболескъ и съ башнями безъ остатку“... [3]). То же самое сказано въ царск. грам. тобольскому воеводѣ П. Большому Шереметеву (1677 г.) [4]).

§ 77. Самосожженіе раскольниковъ. Въ 1679 г. раскольники, въ числѣ двухъ тысячъ семисотъ человѣкъ, собравшись на р. Березовку (въ Тобольск. уѣздѣ, въ верховьяхъ р. Тобола) вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, сожгли сами себя. Причиной этого было, по словамъ составителя, „неправое ученіе“ бывшаго тюменскаго попа Дементьяна, въ чернецахъ Данилы [5]). Въ „Актахъ, относящихся до раскола въ Сибири“, напечатанныхъ въ VIII т. Доп. къ Акт. Истор., можно найти подробный разсказъ о движеніи раскольниковъ за 70-е годы XVII ст.; между прочимъ, въ нихъ есть упоминаніе какъ о чернецѣ Даніилѣ (Дементіанѣ), такъ и о самосожженіи 1679 года. Въ сказкѣ служилыхъ людей Ивана Ожегина съ товарищами, посланныхъ рейтарскимъ поручикомъ Текутьевымъ въ Березовскую пустынь, значится: „пріѣхавъ де они Ивашко съ товарыщи въ пустыню на Березовку рѣчку, и та де пустыня съ людми до ихъ пріѣзду сгорѣла“ [6]). Въ отпискѣ стрѣлецкаго головы И. Аршинскаго, поданной 10 янв. 1679 г. тобольск. воеводѣ П. В. Шереметеву, также есть указаніе на это самосожженіе раскольниковъ: „генваря де противъ 6 числа, въ ночи, въ той заимкѣ чернецъ Данило со единомышленники свои въ избахъ сожглись, а иные ушли врознь“ [7]). Въ офиц. документахъ нѣтъ цифры погибшихъ при этомъ раскольниковъ, поэтому цифру, выставленную „Записками“, провѣрить нельзя.

---

[1]) Зап., 231. [2]) Д. А. И., т. VIII, № 48, I. [3]) Д. А. И. т. VII, № 38. [4]) О тобольск. пожарѣ 1677, см. С. А. Адріанова: «Торжество по недоразумѣнію», Истор. Вѣстн., 1892 г., кн. 11. [5]) Зап., 234. [6]) Д. А. И., т. VIII, № 50, I. Отписка тюменск. воеводы Мих. Мел. Квашнина царю Θеодору Алексѣевичу. Сказка Ожегина была подана воеводѣ 20 янв. 1679 г. [7]) Д. А. И., т. VIII, № 50, II. Память митр. Павла приказн. Якову Бязину.

Но движеніе раскольниковъ было значительно; это видно изъ того, что тобольскій воевода вынужденъ былъ послать стрѣлецкаго голову Аршинскаго съ отрядомъ, и, кромѣ того, изъ Тюмени было послано 175 чел. По офиц. даннымъ, къ Данилѣ сбѣжалось до 300 чел. обоего пола. Старецъ Данила ранѣе былъ священникомъ Знаменской церкви въ Тюмени. По обвиненію въ расколѣ онъ былъ отправленъ въ Москву и затѣмъ, вѣроятно, лишенный сана, былъ сосланъ въ Сибирь.

§ 78. Походъ Ивана Суворова на Киргизъ. Подъ 1681 годомъ въ „Зап.“ находится краткое извѣстіе о походѣ письменнаго головы Ивана Суворова, посланнаго, по государеву указу, на Киргизъ [1]). То же самое извѣстіе находится и далѣе, чрезъ нѣсколько страницъ, но уже съ различными подробностями [2]). Съ Суворовымъ было отправлено 400 челов. служилыхъ разныхъ чиновъ людей, и изъ другихъ городовъ (Тары, Томска, Кузнецка, Енисейска и Красноярска) велѣно было выслать отряды. Походъ направленъ былъ, главнымъ образомъ, противъ князька Ереняка [3]). Во время похода, продолжавшагося два года,

---

[1]) Зап. 234. [2]) Ibid., 242—243. [3]) Этотъ князекъ, очевидно, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей возстанія, о которомъ повѣствуютъ офиціальные документы того времени. Самъ Еренякъ упоминается въ цѣломъ рядѣ этихъ документовъ. Еще въ 1666 году, собравъ 300 чел., онъ перешелъ черезъ Енисей и намѣревался воевать красноярскихъ, енисейскихъ, братскихъ, саянскихъ и др. ясачныхъ людей. Дѣйствительно, ему удалось напасть на Канскій уѣздъ, откуда онъ и выселилъ всѣхъ улусныхъ въ Киргизскую землю. Противъ него красноярскій воевода Никитинъ посылалъ отрядъ въ 300 чел. Далѣе, Еренякъ захватилъ ясачныхъ, русскихъ подданныхъ, но посланные изъ Красноярска служилые люди успѣли ихъ отбить. Тогда Еренякъ замыслилъ напасть на Томскій уѣздъ, но томскому воеводѣ удалось предупредить нападеніе тѣмъ, что изъ Томска былъ высланъ противъ нападавшихъ письменный голова Г. Погожевъ съ отрядомъ. Въ концѣ 1666 или въ началѣ 1667 г. Еренякъ напалъ на Удинскій острогъ Красноярскаго уѣзда, овладѣлъ порохомъ и свинцомъ и грабилъ ясачныхъ. Въ этомъ возмущеніи принималъ участіе калмыцкій тайша Сенга (Сенгунъ); онъ приказывалъ Ереняку собирать на него ясакъ; впрочемъ, впослѣдствіи онъ отрицалъ это. Въ 1673 г. Еренякъ разграбилъ деревни Кузнецкаго уѣзда, при чемъ пострадали и служилые люди. Въ 1678 году Еренякъ разграбилъ деревни и заимки въ Красноярскомъ уѣздѣ, избивалъ крестьянъ, а затѣмъ осадилъ Красноярскъ, соединившись съ Очирой-ханомъ и его братомъ, контайшей Батуромъ. Послѣ этого онъ почувствовалъ раскаяніе и хотѣлъ принести повинную; для этого онъ послалъ въ Красноярскъ трехъ татаръ. Для переговоровъ къ нему были отправлены атаманъ Р. Кольцовъ и пятидесятникъ П. Муруевъ съ служилыми людьми; но всѣ они были задержаны Еренякомъ. Походъ Суворова противъ Ереняка, какъ видно изъ «Зап.», окончился неудачно, и въ 1684 г. онъ собралъ всѣхъ своихъ улусныхъ людей и собирался напасть на Томскъ, Енисейскъ, и Красноярскъ. Еренякъ мстилъ за то, что воеводы не отпускали его сына, бывшаго въ Томскѣ заложникомъ. Онъ отправлялъ пословъ даже въ Москву съ жалобами и достигъ своей цѣли. Въ сентябрѣ 1684 г. послы возвратились съ сыномъ его, а ему самому были присланы подарки. Дальнѣйшая судьба Ереняка неизвѣстна; но и изъ приведеннаго видно, что большая часть жизни его прошла въ борьбѣ съ русскими. Ему удавалось, хотя и на короткое время, соединить разрозненныя силы инородческихъ владѣтелей. Борьба Ереняка можетъ служить типичнымъ примѣромъ того, какъ русскіе вели войны въ Сибири въ XVII в.; а самъ Еренякъ является поистинѣ національнымъ

Суворовъ съ кѣмъ-то поссорился, и для разбора посланъ былъ сынъ боярскій Ѳедоръ Шульгинъ. О походѣ И. Суворова и о розыскѣ Ѳ. Шульгина сохранились извѣстія офиціальныя. Именно, изъ отписки самого Суворова енисейскому воеводѣ А. Салтыкову видно, что въ маѣ и іюнѣ 190 (1682) г. Суворовъ находился въ степи, гдѣ была у него битва съ Еренякомъ. О розыскѣ—отписка Шульгина енисейскому воеводѣ А. Салтыкову: „Въ нынѣшнемъ во 191 году, апрѣля въ 10 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей... посланъ я изъ Тоболска въ Томской для сыскного дѣла, а въ наказѣ у меня написано, велѣно мнѣ розыскивать про походъ на Киргизъ Ивана Суворова“ [1]). Зиму 1682—1683 г. Суворовъ, вѣроятно, прожилъ въ Томскѣ.

§ 79. Перепись Л. Поскочина. Подъ годомъ 1681 записано о пріѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь писцовъ для межеванія земель „и въ Тобольскъ и во весь Тобольской Розрядъ, въ города и слободы писецъ стряпчей, Левъ Мироновъ сынъ Поскочинъ“. Въ 1684 г. Поскочинъ былъ назначенъ стольникомъ въ Томскъ съ подчиненіемъ ему городовъ Енисейска и Красноярска [2]). Въ „Актахъ, относящихся до пашенныхъ крестьянъ въ Сибири“, есть упоминаніе о переписи Поскочина. Въ царской грамотѣ туринскому воеводѣ И. Погожего, отъ 13 февр. 1680 (7188) года: „И нынѣ указали мы великій государь въ Сибири, въ Тоболску и Тоболского розряду въ городѣхъ, на Верхотурьѣ, на Пелымѣ, въ Туринскомъ, на Тюмени, на Тарѣ и тѣхъ городовъ въ уѣздахъ... переписать пашенныя и непашенныя земли и сѣнные покосы и всякія угодья, и по какому нашему великого государя указу деревнями и землями и всякими угодьи владѣютъ; а для тое переписки посланъ въ тѣ городы съ Москвы стряпчей нашъ Левъ Мироновъ сынъ Поскочинъ“... [3]). Есть также отписка самого Поскочина туринскому воеводѣ И. Погожего, въ которой онъ объясняетъ, что царской грамотой отъ 11 іюля 1680 (7188) г. ему предписано было сдѣлать розыскъ о земляхъ ямскихъ охотниковъ Ирбитской и Ницынской слободъ и пашенныхъ крестьянъ дер. Косаревой и Волковой (Тур. уѣзда) для рѣшенія поземельныхъ споровъ [4]). Далѣе въ „Зап.“ идетъ извѣстіе

героемъ, не желавшимъ примириться съ властью пришельцевъ. О борьбѣ Ереняка см. Д. А. И., т. V, № 4, II, III, IV, V; т. V, № 24, II; № 33, II, V; № 92. Д. А. И., т. VI, № 93 II. Д. А. И., т. VIII, № 44, I, II, XI; № 44, III. Д. А. И., т. XI, № 53, I, II. Д. А. И., т. VIII, № 44, XII; № 15, XIII, XVII.

[1]) Д. А. И., т. X, № 80, II. [2]) Зап., 238. [3]) Д. А. И. т. VIII, № 51, IV. Сравн. также П. С. З., т. III, № 1594, статьи 33 и 34 (наказъ кн. Я. Черкасскому) и № 1626. [4]) Д. А. И., т. VIII, № 51, V.

о назначении Поскочина стольникомъ въ Томскъ. Вѣроятно, подъ стольникомъ разумѣется здѣсь воевода; но въ „Перечнѣ“ г. Газенвинкеля имени Поскочина нѣтъ.

§ 80. Поѣздка митр. Павла и возвращеніе его. „При бояринѣ князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Голицынѣ 1683 [1]) году февраля въ 1 день, по Государевой граматѣ поѣхалъ къ Москвѣ Преосвященный Павелъ, Митрополитъ Сибирскій и Тобольскій; при томъ же бояринѣ и пріѣхалъ съ Москвы въ Тобольскъ Преосвященный Павелъ, Митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, на свой Архіерейскій престолъ, въ 1683 году Генваря во 2 день“... [2]). Въ челобитной Мих. Милюкова и Мих. Витязева тобольскому воеводѣ, стольн. А. Л. Пятого, въ 190 г., между прочимъ написано: „не вели, господине, изъ Пышминской заимки Софѣйскихъ домовыхъ крестьянъ, для ихъ скудости и нынѣшняго лѣтняго нужнаго пути сводить до 191 году до зимняго пути, до пріѣзду въ Тоболескъ преосвященнаго Павла, митрополита Сибирского и Тоболского“ [3]). Изъ этихъ словъ видно, что въ 1682 г. Павла въ Тобольскѣ не было, и что его ждали въ Тобольскъ къ концу 1682 г., по зимней дорогѣ. Онъ пріѣхалъ въ началѣ 1683 г. Изъ другихъ документовъ можно прослѣдить дѣйствія Павла за время пребыванія его въ Москвѣ. Въ „книгѣ Розрядъ безъ местъ Царя и Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержца 190 года“ есть такого рода запись: „Тогожъ году Апрѣля въ 1 день посылалъ Велики Государь о спосении спърашивать Павла Митрополита Сибирскаго и Тобольского столника и ближнего человѣка Михайла Васильевича Косаткина“ [4]). Слѣд., митрополитъ пріѣхалъ въ Москву въ самомъ концѣ марта. Въ той же книгѣ находятся свѣдѣнія и о дальнѣйшемъ пребываніи Павла въ Москвѣ. 16 апрѣля Павелъ участвовалъ въ служеніи пасхальной заутрени [5]), 28 апр. „выходили со кресты въ хоромы по тело Великого Государя Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскій и всеа Росиі са властьми“; въ числѣ этихъ властей былъ и Павелъ [6]). 2 мая Павелъ служилъ вь Архангельскомъ соборѣ панихиду по царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ [7]), 10 мая участвовалъ въ крестномъ ходѣ на воду [8]), а 28 іюня—въ вѣнчаніи на царство царей Ивана и Петра Алексѣевичей [9]).

[1]) Ошибка, слѣдуетъ: 1682. [2]) Зап., 243—244. [3]) Д. А. И., т. VII, № 74, XXII. [4]) С. Соловьевъ, Ист. Росс., т. XIV, Прилож., стр. XXIV. [5]) Ibid. [6]) Книга Записная Царя и Велик. Князя Петра Алексѣевича въ 190 г. Ibid., стр. XXVII. [7]) Ibid., XXXII [8]) Ibid., XXXIV. [9]) Кн. Зап. Царства царей и госуд. и вел. кн. Ивана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и проч. Ibid., XLIV. О Павлѣ см., между прочимъ, А. И., т. V, № 46; № 69, I, II; № 134; № 166; № 211.

§ 81. **Вѣнчаніе на царство царей Ивана и Петра Алексѣевичей.** Событіе помѣчено 25 іюня 1682 г. [1]). См. Разрядную Записку о вѣнчаніи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей [2]).

§ 82. **Приведеніе къ присягѣ на вѣрность царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ.** 22 іюля 1682 г. въ Тобольскъ пріѣзжалъ стольникъ князь Иванъ Петровичъ Львовъ и привелъ къ присягѣ воеводъ и проч. служилыхъ людей [3]). Свѣдѣнія объ этомъ есть въ Книгѣ Записной Ц. и В. Кн. Петра Алексѣевича въ 190 г.: „Въ Сибирь стольникъ князь Петръ княжъ Івановъ сынъ Львовъ“ [4]). Имя и отчество Львова, такимъ образомъ, переданы „Зап.“ невѣрно.

§ 83. **Бунтъ стрѣльцовъ въ Москвѣ.** Извѣстный стрѣлецкій бунтъ изложенъ довольно подробно: перечислены имена убитыхъ бояръ и другихъ чиновъ, упомянуто о пожалованіи стрѣльцамъ званія надворной пѣхоты, о поставленіи каменнаго столба съ именами убитыхъ и проч. За симъ приведенъ разсказъ о движеніи раскольниковъ, ихъ появленія въ кремлѣ, о казни Никиты [5]). Всѣ извѣстія эти сходны съ офиціальными. Даже имена убитыхъ перечислены точно; не упомянуты только П. М. Салтыковъ, сынъ котораго Ѳедоръ былъ также убитъ [6]), сынъ думнаго дьяка Илларіона Иванова—Василій и Иванъ Гутъ Меньшой; съ другой стороны, въ „Зап.“ находится имя К. П. Нарышкина, котораго постригли въ Чудовѣ монастырѣ, и имена стрѣлецкихъ головъ Степана, Андрея и Якова, безъ обозначенія ихъ фамилій, Андрея Дохтурова и Горюшкина. Упоминается въ „Зап.“ также „Докторъ Данійла съ сыномъ“, въ офиціальн. докум.: „докторъ Степанъ жидъ съ сыномъ и Янъ“ [7]). Разсказъ объ этомъ бунтѣ записанъ несомнѣнно уже послѣ 28 окт. 1682 г. Составитель пользовался, вѣроятно, какимъ либо офиціальнымъ документомъ объ этомъ событіи, въ родѣ той царской грамоты отъ 13 дек. 1682 г., которая была послана въ Кузнецкій острогъ воеводѣ П. И. Дубровскому, и въ которой описывались обстоятельства дѣла и присоединялось увѣщаніе въ вѣрности [8]). По всей вѣроятности, такія грамоты разсылались и по другимъ городамъ, въ томъ числѣ и въ Тобольскъ.

§ 84. **Наборъ служилыхъ людей въ Даурію.** Въ 1684 году указали великіе государи набрать по городамъ служилыхъ людей и по-

[1]) Зап., 244. [2]) Д. А. И., т. X, № 15. [3]) Зап., 245—246. [4]) С. Соловьевъ, Ист. Росс., т. XIV, Прил., XXVIII. [5]) Зап., 246—248. [6]) Впрочемъ, судьба П. М. Салтыкова и въ офиціальн. док. изложена не ясно. [7]) См. А. А. Э., т. IV, № 255, I, II. Ibid., № 270. Книга: Смутное время. С. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV, Прил., стр. XXXIX—XLI. Выписка изъ Разрядныхъ Записокъ о стрѣлецкомъ возмущеніи въ Москвѣ. Д. А. И., т. X, №№ 4 и 9. [8]) А. А. Э., т. IV, № 272.

слать ихъ въ Даурію, въ Нерчинскій и Албазинскій остроги. Было набрано:

въ Тобольскѣ. . . . . 400 чел.
„ Тюмени . . . . 100 „
„ Верхотурьѣ . . . . 170 „
„ Туринскѣ . . . . 30 „

Всѣ эти новоприборные люди были посланы подъ начальствомъ томскаго сына боярскаго Б. Неприпасова сначала въ Енисейскъ, къ воеводѣ К. О. Щербатову, а затѣмъ къ мѣсту назначенія, подъ командой енисейскаго сына боярскаго Аѳ. Бейтона [1]). Въ связи съ этимъ находится другое извѣстіе о той же самой посылкѣ [2]); но цифры приводятся иныя, а именно:

изъ Тобольска было послано. . . . . . 350 чел.
„ Тюмени. . . . . 90 „
„ Верхотурья. . . . . 130 „
„ Епанчина. . . . . 30 „

Изъ офиціальныхъ документовъ извѣстно, что въ 1684 г. было велѣно: „въ Тоболску и Тоболского розряду въ городѣхъ Литвы и Литовского и новокрещеного списку, и конныхъ и пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ, и изъ ихъ дѣтей и братьи и племянниковъ выбрать охочихъ 500 человѣкъ и послать въ Енисейскъ въ полкъ къ боярину и воеводѣ ко князю Константину Осиповичю Щербатово съ товарыщи“ [3]). Верхотурскій воевода Мих. Толстой доносилъ тобольскому — кн. Ал. Голицыну: „и указали они великіе государи, по прежнему и по сему ихъ великихъ государей указу, въ Тоболску и Тоболского розряду въ городѣхъ изъ казачьихъ и изъ стрѣлецкихъ дѣтей и братьи и племянниковъ и изъ иныхъ чиновъ выбрать 500 человѣкъ, да къ тому въ прибавку послать изъ Тоболскихъ пѣшихъ казаковъ 100 человѣкъ и послать въ Енисейскъ“ [5]). Такимъ образомъ, когда охотниковъ идти въ Даурію не нашлось [5]), приказано было сдѣлать наборъ. Изъ царской грамоты верхотурскому воеводѣ Гр. Нарышкину, отъ 20 окт. 1684 г., видно, что 26 іюля того же года П. Прозоровскій доносилъ въ Москву, что въ Енисейскъ было послано:

---

[1]) Зап., 250—251. [2]) Ibid., 254. [3]) Д. А. И., т. X, № 67, VI. Докладъ о наборѣ въ Верхотурьѣ охотниковъ на службу въ Енисейскъ. [4]) Д. А. И. т. X, № 67, VII. [5]) ...«на Верхотурьѣ де изъ служилыхъ чиновъ людей охочихъ людей и братьи и племянниковъ, для посылки въ Енисейскъ, никого нѣтъ». Ibidem.

изъ Тобольска пѣшихъ казаковъ	. . . .	100	чел.
„ „ новоприборныхъ	. . . . .	250	„
„ Верхотурья	. . . .	130	„
„ Тюмени	. . . .	90	„
„ Туринска	. . . .	30	„

Такимъ образомъ, цифры „Записокъ“ сходны съ офиціальными данными.

Далѣе въ „Зап.“ повѣствуется, что эти новоприборные служилые люди во время пути къ Енисейску взбунтовались и на р. Иртышѣ и Оби разграбили имущество воеводъ Д. Корсакова-Римскаго и И. Гагарина [1]). Сохранилась челобитная Ѳ. Воейкова (даурскаго воеводы) о разрѣшеніи отпуска изъ Енисейска въ Москву сыну его Андрею, именно по случаю ограбленія его новоприборными казаками. Эта челобитная указываетъ, что, кромѣ Корсакова и Гагарина, былъ ограбленъ и Воейковъ, и можетъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ извѣстія „Записокъ“. „Въ нынѣшнемъ, государи, во 193 году ограбили меня холопа вашего новоприборные Тоболскіе и Тюменскіе и Верхотурскіе казаки, которые посланы на вашу великихъ государей службу въ Даурскіе остроги, дощаникъ со всѣми животами моими взяли“ [2]).. Въ царской грамотѣ енисейскому воеводѣ кн. К. Щербатову, отъ 2 янв. 1685 года: „Въ прошломъ во 192 году послано изъ Тоболска на нашу великихъ государей службу въ Даурскіе остроги Тоболскихъ, Тюменскихъ, Туринскихъ, Верхотурскихъ новоприборныхъ служилыхъ людей шесть сотъ человѣкъ съ Тоболскими дѣтми боярскими до Енисейска, а велѣно имъ идти на нашу великихъ государей службу въ тѣ Даурскіе остроги съ великимъ поспѣшеньемъ. И нынѣ намъ великимъ государемъ вѣдомо учинилось, что идучи тѣ служилые люди такое дурно учинили, чего изначала, какъ и Сибирь зачалась, не было и у всякихъ торговыхъ людей многіе ихъ пожитки пограбили и разорили безъ остатку, а иныхъ воевоцкихъ людей изъ тѣхъ ихъ животовъ побили до смерти; а Тоболскихъ дѣтей боярскихъ, которые съ ними посланы до Енисейска въ началныхъ людехъ, связали и съ дощаниковъ хотѣли пометать въ воду“ [3])...

§ 85. Взятіе Албазина. Подробный разсказъ о взятіи Албазина. Въ 1685 году китайцы пришли подъ Албазинъ, разорили укрѣпленія, взяли въ плѣнъ А. Толбузина со всѣми служилыми людьми и

---

[1]) Корсаковъ-Римскій былъ воеводой въ Красноярскѣ, а Гагаринъ—въ Илимскѣ
[2]) Д. А. И., т. XI, № 91. [3]) Д. А. И., т. XII, № 4.

держали ихъ у себя долгое время. Затѣмъ воеводу и нѣкоторыхъ служилыхъ людей отпустили, а другихъ увели въ Китай по собственному ихъ желанію. Въ томъ же году А. Толбузинъ снова пришелъ къ Албазину и возобновилъ разрушенныя укрѣпленія, построивъ новый деревянный городъ и обведя его валомъ. Въ Краткомъ Извѣстіи о взятіи Албазина китайцами это событіе излагается такимъ образомъ: „Во 193 году, іюня 12 дня, пришедъ подъ Албазинской острогъ Китайскіе воинскіе люди, и Албазинской острогъ взяли. И воевода Алексѣй Ларіоновъ сынъ Толбузинъ пришелъ съ Албазинскими служилыми и всякихъ чиновъ людми въ Нерчинской острогъ іюля въ 10 день; и пушекъ, и аманатовъ Китайскіе люди ему не отдали, и шли де за нимъ они на бусахъ съ пушками и со всякимъ приступнымъ огненнымъ боемъ до усть-Аргунской заимки“ [1]). Такимъ образомъ, извѣстіе „Зап.“ о томъ, что А. Толбузинъ былъ взятъ въ плѣнъ и отпущенъ спустя нѣкоторое время, является невѣрнымъ. Это особенно видно изъ другого документа—отписки нерчинскаго воеводы И. Власова воеводѣ Ѳ. Головину: „...пришли Китайскіе люди... и Албазинской острогъ взяли, а воеводу Алексѣя Толбузина по договору отпустили“ [2]).

Вслѣдъ за описаніемъ перваго взятія Албазина идетъ разсказъ о второй его осадѣ китайцами. Однако, изъ „Зап.“ не видно, чѣмъ окончилась эта осада; только на стр. 242 при перечисленіи воеводъ, бывшихъ въ Сибири съ 1686 года, находится замѣтка: „Въ Албазинскомъ, Алексѣй Ларіоновъ сынъ Толбузинъ. Алексѣй Толбузинъ въ Албазинскомъ убитъ, отъ Китайскія силы изъ пушки, въ городкѣ, въ 1686 году“. Извѣстія „Зап.“ о второй осадѣ Албазина согласны съ офиціальными документами, за исключеніемъ цифры осажденныхъ. Въ „Зап.“ цифра эта опредѣлена въ девять сотъ человѣкъ, въ офиц. докум.—826 чел. Нерчинскій воевода И. Власовъ доносилъ Ѳ. Головину: „А по отпуску, господине, изъ Нерчинска, въ Албазинѣ іюля по 26 день служилыхъ и промышленныхъ людей и пашенныхъ крестьянъ 826 человѣкъ“ [3]). О концѣ осады и смерти А. Толбузина писалъ въ Селенгинскъ приказчикъ Емельянъ Паникадильниковъ: „...а Алексѣй Ларіоновичъ Толбузинъ въ городѣ убитъ отъ Богдойскихъ людей изъ пушки“ [4]). Бантышъ-Каменскій [5]) разсказываетъ объ албазинской войнѣ

[1]) Д. А. И., т. X, № 67, XIII. [2]) Ibid., № 67, XIX и XXIV. О возвращеніи Толбузина въ Албазинъ см. Д. А. И., т. X, № 67, XIV, XXVI, XXIV. Вообще о положеніи Албазина въ іюнѣ 1684 г. см. Д. А. И., т. XI, № 55; Д. А. И., т. XII, № 12, II. IV, V. [3]) Д. А. И., т. X, № 67, XIX. Отписка самого Толбузина ibid., № 67, XVIII. [4]) Ibid., № 67, XXV. [5]) Бант.-Кам., Д. С. Д., стр. 38—39, 43.

въ общемъ согласно съ офиціальными документами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыхъ мы отмѣчать не станемъ. Осаду 1685 года онъ считаетъ второю; у него есть еще извѣстіе о походѣ китайцевъ подъ Албазинъ 1684 г., окончившемся только захватомъ 31 человѣка. Этому послѣднему извѣстію соотвѣтствуетъ, кажется, находящееся въ „Зап." на стр. 254, присоединенное къ извѣстію о наборѣ войскъ въ Даурію (см. выше).

§ 86. Въ связи съ разсказомъ объ осадѣ Албазина стоитъ въ „Запискахъ" извѣстіе такого рода: „Въ 1686 году въ мѣсяцѣ генварѣ, провезли къ Москвѣ Китайскаго языка, что взятъ въ Даурѣхъ, какъ Китайцы Албазинской развоевали, на той войнѣ; а везли ево мимо Томской, и Тару, и Тобольскъ: толмачъ съ ними ѣхалъ Китайскаго языка, да служивой человѣкъ" [1])... Отъ этихъ людей составитель „Записокъ" узналъ о первомъ взятіи Албазина. Въ отпискѣ нерчинскаго воеводы И. Власова енисейскому — С. Собакину упоминается, между прочимъ, о томъ, что казачій голова Аѳанасій Бейтонъ, посланный Толбузинымъ 7 марта 1686 года изъ Албазина внизъ по Амуру, захватилъ во время экспедиціи одного китайца: „а привезли де съ собою Китайского языка имянемъ Говодейка" [2]). Далѣе приводятся разспросныя рѣчи этого китайца (въ апр. 1686 г.) и замѣтка: „и посланъ онъ Говодейка къ великимъ государемъ къ Москвѣ, а съ кѣмъ имяны, и то писано въ отпискѣ имянно нынѣшняго жъ 194 году" [3]). Можетъ быть, упоминаемый „Зап." плѣнный и былъ этотъ Говодейка; но въ такомъ случаѣ дата „Зап." является уже невѣрною. Въ актахъ есть еще указаніе на другого китайскаго плѣнника, взятаго въ концѣ лѣта 1685 г. на р. Шилкѣ десятникомъ Як. Телицынымъ, посланнымъ Власовымъ для поимки языка. „И Якушка Телицынъ съ товарыщи, пріѣхавъ въ Нерчинскъ, и привели съ собой Никанской породы мужика" [4]). Хронологическія указанія болѣе подходятъ именно къ этому извѣстію.

§ 87. Отправленіе Венюкова и Фаворова въ Китай. Въ январѣ 1686 года проѣзжали чрезъ Тобольскъ посланные въ Китай съ грамотой подьячіе Посольскаго приказа Н. Венюковъ и И. Поваровъ. Къ нимъ въ Тобольскѣ были присоединены тобольскіе конные казаки Андрей Мѣлковъ Ягенской, П. Мисаиловъ и сынъ Уразова. Объ этомъ отправленіи упоминается въ царской грамотѣ иркутскому воеводѣ кн. И. Гагарину, въ выпискѣ съ статейныхъ списковъ москов-

[1]) Зап., 254. [2]) Д. А. И., т. X, № 67, XV. [3]) Ibid., № 67, XVI. [4]) Ibid., № 67, XIV.

скихъ пословъ въ Китай: „А въ 185 году посланнымъ государственного Посолского Приказу подьячимъ Микифору Венюкову да Ивану Фаворову, какъ они приняты въ Китайское государство на рубежѣ..." [1]). Фамилія Фаворова измѣнена въ „Зап." на Поварова. Венюковъ и Фаворовъ были посланы въ Китай съ извѣщеніемъ о посольствѣ Ѳ. А. Головина. Наказъ имъ былъ данъ въ декабрѣ 1685 г.; выѣхали же они изъ Москвы 20 дек., въ Тобольскъ прибыли 14 янв. 1686 г. [2]). Дата „Зап." въ этомъ случаѣ вѣрна.

§ 88. Поѣздка Гантимура въ Москву. Павелъ Катанай Гайдамуровъ сынъ вмѣстѣ съ отцомъ ѣздили въ Москву. Отецъ умеръ въ Нарымскомъ острогѣ, Павелъ возвратился изъ Москвы въ Даурію, а сынъ Павла былъ оставленъ въ Москвѣ для обученія и умеръ тамъ въ домѣ кн. Рѣпнина. О Гантимурѣ см. Словцова Ист. Обозр. Сиб., т. I, 132, Прим. 2-е (по изд. 1886 г.) [3]). Дату поѣздки Гантимура опредѣлить точно нельзя, ибо извѣстіе о ней поставлено къ предыдущему въ такое отношеніе, что можно предполагать и годъ 1685, и 1686 (оно обозначено датой: „тогожъ году"), см. стр. 255. Въ офиціальныхъ документахъ пребываніе Гантимура въ Москвѣ отнесено къ 193 году.

§ 89. Посольство Ѳ. А. Головина въ Китай. Въ 1686 г. 24 марта въ Тобольскъ прибылъ на воеводство А. П. Головинъ, а вмѣстѣ съ нимъ сынъ его, окольничій и воевода Ѳед. Ал. Головинъ, назначенный полномочнымъ посломъ въ Китай. Свиту Ѳ. Головина составляли дьякъ И. Юдинъ (изъ Енисейска), два полковника, два подполковника, майоры, капитаны и проч. Съ нимъ было отправлено 500 московскихъ стрѣльцовъ; изъ Тобольска было взято на службу въ Даурію 500 стрѣльцовъ, изъ Верхотурья, Тюмени, Пелыма—500 чел., изъ Березова, Томска и Енисейска приказано было послать 1.000 чел.; охотниковъ набрать приказано—1.000 чел. [4]). Въ отпискѣ нерчинскаго воеводы Ив. Власова албазинскому—Л. Толбузину находятся такія свѣдѣнія о посольствѣ Ѳ. Головина: „...по указу де великихъ государей посланъ съ Москвы бояринъ и воевода Алексѣй Борисовичь [5]) Головинъ съ товарыщи въ Тобольскъ на перемѣну боярину князю Петру Семе-

[1]) Д. А. И., т. X, № 67, XXX. Также см. отписку нерч. воев. Власова албазинскому—Л. Толбузину: «А въ Китайское государство посланъ съ Москвы Посолского Приказу подьячей Никифоръ Венюковъ, которой напередъ сего былъ въ Китаѣхъ съ Николаемъ Спафаріемъ». Д. А. И., т. X, № 67, XXIV. [2]) Бант.-Кам., Д. С. Д., стр. 40, 43, 44—49. [3]) Документы касательно Гантимура: Д. А. И., т. X, № 67, XXX. А. И., т. IV, № 211, I. Д. А. И., т. VI, № 6, I, II; ibid., т. X, № 67, V. Бант.-Кам., Д. С. Д., стр. 14—16, 36, 37, 41, 44. [4]) Зап., 259—260. [5]) Ошибка; далѣе онъ названъ вѣрно.

новичу Прозоровскому, а сынъ его околничей и воевода Өедоръ Алексѣевичъ въ Дауры; а съ нимъ идетъ въ Дауры ратныхъ людей четыре тысячи, въ томъ числѣ Московскихъ стрѣльцовъ пять сотъ человѣкъ"...[1]). Кажется, Власовъ преувеличилъ цифру посланныхъ съ Головинымъ служилыхъ людей. Ближе къ истинѣ цифра, приведенная Бантышъ-Каменскимъ. Онъ опредѣляетъ число всѣхъ войскъ, отправленныхъ съ Головинымъ, въ 1.906 чел.; въ томъ числѣ—506 моск. стрѣльцовъ и 1.400 чел. служилыхъ людей изъ сибирскихъ городовъ. Указъ о назначеніи Головина (отъ 12 и 16 дек. 7194 г.) приведенъ у Бантышъ-Каменскаго [2]). Извѣстія „Зап." вообще сходны съ данными офиціальными и Бантышъ-Каменскаго.

§ 90. Къ росписи Даурскихъ воеводъ. И. Е. Власовъ [3]). Время вступленія на воеводство И. Власова (въ Нерчинскѣ) опредѣляется въ извѣстіи о положеніи Албазинскаго острога, сообщенномъ приказчикомъ Аөанасіемъ Якимовымъ, отъ 2 іюля 1684 года: „А Иванъ де Власовъ у столника у воеводы у Өедора Воейкова Нерчинской острогъ принялъ и съ нимъ де росписываетца"... [4])

§ 91. О включеніи имени царевны Софьи въ царскій титулъ. Приведены выписки царскихъ титуловъ изъ двухъ грамотъ и извѣстіе о распоряженіи тобольскаго воеводы А. П. Головина упоминать въ челобитныхъ и проч. имя Софьи [5]). Въ „Сибирск. Лѣтописцѣ" упомянуто лишь о второй грамотѣ [6]). Имя царевны писалось въ царскихъ титулахъ до 1689 г. [7]).

§ 92. Присылка Новоторговыхъ Уставныхъ Статей. Въ 1687 г. были присланы въ Тобольскъ Новоторговыя уставныя статьи съ приказаніемъ ввести ихъ въ дѣйствіе и разослать въ Сибирскіе города и остроги копіи съ нихъ [8]). Это извѣстіе можетъ найти подтвержденіе въ царской грамотѣ верхотурскому воеводѣ Гр. Нарышкину, отъ 15 апр. 1687 г., коей предписывалось собирать пошлины по Новоторговымъ уставнымъ статьямъ [9]). Впрочемъ, должно сказать, что эти статьи касались только сборовъ пошлинъ въ Верхотурской таможнѣ [10]).

---

[1]) Д. А. И., т. X, № 67, XXIV. [2]) Д. С. Д., 49—50. Вообще о Головинѣ см. стр 49-66. О посольствѣ см. также А. И., т. V, № 136, I, II и прим. 10-е. Договоры—П. С. З., т. III, № 1329, 1346, 1336. Д. А. И., т. X, № 67, XXVI, XXX. [3]) Зап., 262, [4]) Д. А. И., т. XI, № 55. [5]) Зап., 265. [6]) Тоб. Лѣт., изд. Кузнецова, стр. 35. [7]) П. С. З. т. III, № 1347. [8]) Зап., 266. [9]) А. И., т. V, № 153. [10]) Эти статьи дѣйствовали въ Сибири, кажется, до сентября 1693 (7202) года, какъ это можно видѣть изъ указа 12 ноября 1699 г., которымъ возстановлялся прежній порядокъ взиманія пошлинъ по Новоторговому Уставу 1667 года: «Положить пошлину мѣрную и удобную, примѣняясь къ прежнимъ старымъ сибирскимъ, также и къ московскимъ пошлинамъ по Торговому Уставу 7175 года». П. С. З., т. III, № 1654.

§ 93. Измѣреніе разстоянія между сибирскими городами. Въ 1688 году по челобитью верхотурскихъ, тюменскихъ и др. ямщиковъ было отдано приказаніе произвести поверстное измѣреніе разстоянія между различными сибирскими городами. Для этого были посланы изъ Тобольска дѣти боярскія. Тогда же была установлена опредѣленная плата за проѣздъ. Въ „Зап.“ указано разстояніе между нѣкоторыми городами, а также и то, кто дѣлалъ измѣренія [1]). Изъ царской грамоты верхотурскому воеводѣ Гр. Нарышкину, отъ 30 дек. 1686 г., видно, что челобитная, о которой упомянуто въ „Зап.“, была подана въ 1686 г. [2]). Въ „Зап.“ есть дополнительныя свѣдѣнія.

§ 94. Самосожженіе раскольниковъ. „Да тогожъ году, въ Тюменскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Тегенкѣ, отъ Тюмени въ пятидесяти верстахъ, собрався церковные раскольщики, простые мужики, не умѣя Божественнаго Писанія, съ женами и съ дѣтьми во дворъ къ мужику, человѣкъ съ триста и больши, сгорѣли жъ“ [3]). Въ „Актахъ, относящихся до раскола въ Сибири“, есть указаніе на движеніе раскольниковъ въ годахъ 1682—1687. Изъ доѣзда сына боярскаго Вас. Некрасова, посланнаго 29 іюня 1687 (7195) г., видно, что раскольники сосредоточились главнымъ образомъ на р. Тегени, въ Тюменскомъ уѣздѣ. Здѣсь они собрались во дворъ К. Рѣшетникова, за болотами [4]), и, по показанію крестьянина С. Нагибина, намѣревались „горѣть невѣдомо почти, а въ скопѣ де ихъ всѣхъ собралось съ женами и дѣтми человѣкъ ста съ два и больши“ [5]). Число сбѣжавшихся достигло потомъ до 230 чел. [6]). Ротмистръ Ив. Алтуфьевъ, посланный съ военною силой 22 окт. 1687 г. для поимки раскольниковъ, доносилъ, что къ этому времени ихъ собралось уже „человѣкъ ста съ три“ [7]). Наконецъ, тюменскій воевода М. Колобовъ донесъ въ Москву: „И тѣ, государи, чернцы Пиминко да Ефремко съ единомышленики своими учинили самовольствомъ своимъ запалителство надъ собою... а въ сборѣ де, государи, было ихъ триста человѣкъ разныхъ городовъ и Тюменскихъ жителей мужеска полу и женска“ [8]). Причину же собранія крестьянъ на Тегенку Рѣшетниковы объясняли такъ: „хотимъ де жить здѣсь вкупѣ съ братьею съѣзжею, потому что де розгнали ихъ

[1]) Зап., 267—268. Это извѣстіе помѣчено датой: «въ томъ же году». Предыдущій годъ—1688-й, но, очевидно, извѣстіе подъ симъ годомъ помѣщено составителемъ «Записокъ». Ранѣе идетъ рядъ извѣстій съ такой же датой («въ томъ же году»), относящихся къ 1687 году. Поэтому лучше, кажется, извѣстіе объ измѣреніи разстояній относить къ 1687 г., что болѣе согласно и съ грамотой воеводѣ Гр. Нарышкину. [2]) А. И., т. V, № 145 и примѣч. 11-е. [3]) Зап., 268. [4]) Д. А. И., т. X, № 3, XI. [5]) Ibid., № 3, XII. [6]) Ibid., № 3, XIV. [7]) Д. А. И., т. X, № 3, XX. [8]) Ibid., № 3, XXV.

писецъ Левъ Поскочинъ да Софѣйской сынъ боярской Михайло Родіоновъ; оброки де хлѣбные и иные потуги наложены на нихъ болшіе, не въ мочь" [1]). О самомъ событіи Алтуфьевъ писалъ: „Въ нынѣшнемъ во 196 году, октября въ 24 день, на Тегенкѣ рѣчкѣ зажглись во дворѣ у оброчного крестьянина у Оски Рѣшетникова расколники Тимошка Морозовъ съ братомъ и со единомышленники, самоволствомъ своимъ, и сгорѣли" [2]). Изъ сопоставленія данныхъ этихъ Актовъ съ извѣстіемъ „Зап." необходимо заключить, что „Записки" передаютъ именно самосожженіе крестьянъ (а не одних только раскольниковъ), бывшее 24 октября 1687 г. на заимкѣ Пахома и Осипа Рѣшетниковыхъ. Цифра погибшихъ одинакова, какъ въ „Зап.", такъ и въ офиц. документахъ. Мѣсто собранія указано въ „Зап." въ 50 верстахъ отъ Тюмени. Что оно дѣйствительно было не далеко, видно изъ того, что Алтуфьевъ, вышедши изъ Тюмени 23 окт. въ первомъ часу дня, въ третьемъ часу ночи былъ уже на заимкѣ.

§ 95. Учрежденіе Верхотурскаго Разряда. Учрежденіе разряда на Верхотурьѣ отнесено „Зап." къ 1688 году [3]). Къ новому разряду были причислены города Пелымъ и Туринскъ. Это извѣстіе подтверждается царскою грамотой воеводѣ Гр. Нарышкину, отъ 15 декабря 1687 года: „Указали мы Великіе Государи Верхотурью быть особо разрядомъ... да къ Верхотурью жъ вѣдать городы Пелымь, Туринской, потому что тѣ городы отъ Верхотурья въ ближнихъ мѣстѣхъ" [4]). Тобольскій воевода сохранялъ относительно этихъ городовъ только военную власть. Хотя царская грамота послѣдовала въ 1687 г., но, очевидно, учрежденіе разряда относится къ слѣдующему году.

§ 96. Разореніе Татарскаго острожка. Въ августѣ 1690 г. въ ночь на 2-е число пришли внезапно люди Козачьей орды, разорили острожекъ, при чемъ погибло двое русскихъ. Это извѣстіе о нападеніи на Татарскій острожекъ можно пріурочить къ нападенію на Тарханскій острожекъ; но при этомъ необходимо допустить ошибку въ названіи острожка со стороны составителя „Зап.". Такія ошибки въ собственныхъ именахъ иногда встрѣчаются въ „Запискахъ" (напр., на стр. 269: Наюмычѣ). См. статейный списокъ казаковъ Ѳ. Скибина и М. Трошина, посланныхъ къ Тевкихану [5]).

§ 97. Разореніе Утяцкой и Камышевской слободъ. Подъ 1691 годомъ въ „Зап." помѣщено извѣстіе о нападеніи воинскихъ людей Козачьей

[1]) Ibid., № 3, XIII. [2]) Ibid., № 3, XXI. См. также словесное показаніе Алтуфьева, ibid., № 3, XXIV. [3]) Зап., 270. [4]) А. И., т. V, № 162. [5]) Зап., 276. Д. А. И., т. X, № 80, XIII.

орды на слободы Утяцкую и Камышевскую, по р. Тоболу. При этомъ набѣгѣ погибъ приказчикъ, тоб. сынъ боярскій Спиридонъ Рачковскій съ семьей, много бѣломѣстныхъ казаковъ и крестьянъ съ женами и дѣтьми. Около 200 челов. было уведено въ плѣнъ [1]). Это извѣстіе подтверждается данными того же статейнаго списка Скибина и Трошина: „Да въ томъ же году его жъ Тевкихановы люди приходили подъ Утяцкую и Камыцкую слободы и дворы сожгли, а прикащика и многихъ людей крестьянъ порубили до смерти и въ полонъ побрали Русскихъ людей мужеска полу и женска многое число“ [2]).

§ 98. Болѣзнь и смерть митрополита Павла. Подъ 1691 годомъ въ „Зап.“ находится извѣстіе о болѣзни и смерти митр. Павла. Заболѣлъ Павелъ внезапно 26 іюня, „и въ то злое время и часъ, отнятъ у него языкъ, и правая рука, и нога, и память: и бысть яко младенецъ гугнивъ“. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ до послѣднихъ чиселъ августа. Въ декабрѣ 1692 г. онъ былъ вызванъ въ Москву, но на дорогѣ, на Верхотурскомъ волокѣ, умеръ [3]). Этому извѣстію нѣсколько противорѣчитъ грамота самого Павла, данная имъ 4 сент. 1691 г. игумену Троицкаго Селенгинскаго монастыря, коей отлучался отъ церкви сынъ боярскій Яковъ Елагинъ [4]). Едва ли Павелъ могъ заниматься дѣлами въ такомъ состояніи, о которомъ передаютъ „Записки“. Достовѣрность извѣстія возможна только при томъ предположеніи, что за митрополита управлялъ кто либо другой.

§ 99. Нападеніе на Ялуторовскую слободу и пораженіе В. Шульгина при Семиксулѣ. За восьмидесятые и девятидесятые годы въ „Зап.“ есть не мало извѣстій о набѣгахъ инородцевъ на русскія селенія и о борьбѣ съ ними. Однимъ изъ такихъ удачныхъ набѣговъ должно признать набѣгъ 21 іюня 1693 г. на Ялуторовскую слободу, при которомъ было побито 42 чел. крестьянъ и 69 челов. уведено въ плѣнъ. Противъ нихъ былъ высланъ дворянинъ Василій Шульгинъ съ 318 чел. служилыхъ людей, кромѣ охотниковъ. 23 іюля Шульгинъ встрѣтился съ непріятелемъ („воровскіе Козачьи орды и Каракалпаки Татары“) около озера Семиксуля (Семинскуля), въ 60 верстахъ отъ Ялуторовской слободы. Произошло сраженіе, въ которомъ русскіе были на-голову разбиты. Самъ Шульгинъ съ двумя братьями былъ убитъ; всего погибло 357 челов. да 50 чел. дѣтей боярскихъ и 6 чел. конныхъ казаковъ взято въ плѣнъ. Спаслось едва нѣсколько человѣкъ [5]). Это извѣстіе, очевидно, принадлежитъ современнику, ибо приводятся разныя

---

[1]) Зап., 276. [2]) Д. А. И., т. X, № 80, XIII. [3]) Зап., 277. [4]) А. И., т. V, № 211.
[5]) Зап., 283—285. О В. Шульгинѣ см. также стр. 281.

подробности событія и точно опредѣлены день и даже часъ битвы, опредѣлена цифра убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и проч. Достовѣрность извѣстія не подлежитъ сомнѣнію, ибо оно подтверждается офиціальными данными. Въ статейномъ спискѣ Скибина и Трошина, о которомъ упоминалось выше, встрѣчаются такія свѣдѣнія о нападеніи киргизъ и пораженіи Шульгина: „Да въ прошломъ 201 году Тевкихановы люди приходили войною въ большомъ собраніи великихъ государей нашихъ и ихъ царского пресвѣтлого величества въ Тобольской уѣздъ подъ Ялуторовскую слободу, той слободы деревни выжгли и людей побили и въ полонъ побрали; а Тоболского дворянина Василья Шулгина съ ратными людми въ степи у Семиксуля озера побили жъ, а иныхъ взяли въ полонъ" [1]). Это пораженіе было весьма чувствительно: на него есть намекъ въ наказѣ, данномъ драгунскому полковнику Ив. Аршанскому въ ноябрѣ 1706 года: „А самому съ ратными людми быть въ опасеніи великомъ... и тѣмъ (бы) такой же бѣды и гибели не навели, какъ въ прошлыхъ годѣхъ Василью Шулгину учинилось" [2]).

§ 100. Посольство Избрандеса въ Китай. На стр. 278—279 въ „Зап." разсказывается о проѣздѣ чрезъ Тобольскъ Э. Избрандеса, посланнаго въ Китай. Перечисляется его свита, и слѣдуетъ извѣстіе о томъ, что изъ Тобольска были посланы сынъ боярскій, переводчикъ и казакъ къ монгольскимъ тайшамъ, чтобы послѣдніе приготовили провожатыхъ до Китая. По „Зап." Избрандесъ былъ въ Тобольскѣ въ послѣднихъ числахъ августа (1692 г.). Эта дата едва ли вѣрна; Бантышъ-Каменскій указываетъ въ этомъ случаѣ на 1-е іюля [3]), то же самое находится и въ Описаніи путешествія самого Избрандеса [4]).

§ 101. Этимъ мы заканчиваемъ сопоставленіе извѣстій „Записокъ" съ данными офиціальныхъ документовъ. Изъ предыдущаго можно видѣть, что „Записки" выдерживаютъ это сопоставленіе съ честью. Почти всѣ провѣренныя извѣстія подтверждаются офиціальными данными; а если и есть какія либо отступленія, то они могутъ быть объяснены тѣмъ обстоятельствомъ, что рукопись „Записокъ", которою пользовался Н. И. Новиковъ, была съ ошибками; эти ошибки произошли отъ переписчика, но не отъ составителя. Намѣреннаго же искаженія мы не встрѣтили. Наибольшая часть подвергнутыхъ разбору извѣстій относится къ распоряженіямъ московскаго правительства касательно Си-

[1]) Д. А. И., т. X, № 80, XIII. [2]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 71 (стр. 290). [3]) Бант.-Кам., Д. С. Д., 68, прим. 1-е. [4]) См. ст. «Обзоръ иностр. изв.» etc. въ Сиб. Сборн. 1890 г., вып. I, стр. 41, прим. 4-е.

бири, преимущественно въ XVII вѣкѣ, т.-е. къ событіямъ въ Сибири вообще, частью къ дѣйствіямъ сибирской администраціи и, наконецъ, къ событіямъ московскимъ (извѣстія группы второй и четвертой), что обусловливается характеромъ тѣхъ памятниковъ, которые приняты при сопоставленіи за основу. Провѣрено, далѣе, нѣсколько извѣстій, относящихся къ церковной жизни, и совершенно не опредѣлена достовѣрность извѣстій о мѣстной жизни города Тобольска (часть группы второй и почти вся третья), ибо основы для провѣрки этихъ послѣднихъ мы не имѣемъ. Составитель внесъ въ „Записки" извѣстія о событіяхъ городской жизни, вставилъ замѣтки, иногда, повидимому, свои собственныя, иногда взятыя изъ современныхъ записей. Эти-то извѣстія провѣрить и не представляется возможнымъ. Можетъ быть, съ теченіемъ времени въ мѣстныхъ архивахъ будутъ найдены какія либо записи, или тѣ, которыми пользовался составитель „Записокъ", или другія данныя, по которымъ можно будетъ судить о достовѣрности „Записокъ" и въ этихъ частяхъ. Если судить по тому, что уже сказано о достовѣрности „Записокъ", то слѣдуетъ думать, что и происшествія мѣстной жизни переданы въ общемъ вѣрно, по крайней мѣрѣ, нельзя допустить преднамѣреннаго искаженія истины. Впрочемъ, есть способъ провѣрки извѣстій этого рода, именно—сопоставленіе ихъ съ данными „Сибирскаго лѣтописца". Несомнѣнно, въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ оба эти памятника согласны, должно признать истину извѣстія. Но затрудненіе состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, не всѣ извѣстія „Записокъ" находятся въ „Сибирскомъ лѣтописцѣ", а, во-вторыхъ, между ними есть разнорѣчія, на основаніи которыхъ, однако, нельзя признать ложность извѣстія „Записокъ", ибо руководящимъ источникомъ все-таки остаются „Записки". При совпаденіи извѣстія —данныя „Записокъ" являются на степени полной достовѣрности, при разнорѣчіи же—нельзя сказать, что данныя „Зап." недостовѣрны. Составитель „Зап." передаетъ голые факты; онъ не входитъ въ изложеніе причинъ. Если у него и замѣтно нѣкоторое стремленіе къ прагматизму, на что указано выше, то это стремленіе не идетъ далѣе хронологическаго сопоставленія событій, изъ котораго уже самому читателю предоставляется выводить причинную связь.

§ 102. Все сказанное о „Запискахъ" можно привести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) „Записки" образовались изъ „Книги Записной". Составитель ихъ выпустилъ изъ „Книги Записной" нѣкоторыя церковныя извѣстія и прибавилъ нѣкоторыя извѣстія о происшествіяхъ г. Тобольска, о

воеводахъ и другихъ служилыхъ людяхъ. Такимъ образомъ, „Записки“ и „Книга Записная“ суть двѣ редакціи одного и того же памятника. „Записки“ есть редакція позднѣйшая.

2) По своему содержанію, „Записки“, начинаясь съ 1572 и оканчиваясь 1702 годомъ, представляютъ сборникъ извѣстій о событіяхъ въ Сибири; среди этихъ извѣстій значительную часть составляютъ извѣстія о г. Тобольскѣ.

3) Всѣ извѣстія „Записокъ“ удобно раздѣляются на четыре группы. Къ первой группѣ относится роспись сибирскихъ воеводъ, съ указаніемъ ихъ административной дѣятельности, и другихъ официальныхъ лицъ. Ко второй группѣ относятся извѣстія, общія съ извѣстіями первоначальныхъ сибирскихъ лѣтописей. Въ третью группу входятъ извѣстія о церковной жизни съ перечнемъ сибирскихъ іерархов и, наконецъ, четвертую группу составляютъ извѣстія московскія.

4) „Записки“ есть искусственно составленный сводъ.

5) Первоначальной основой при составленіи „Записокъ“ служила Роспись сибирскихъ воеводъ, имѣвшая, можетъ быть, официальное значеніе. Къ этой основѣ составитель присоединилъ извѣстія изъ записей о жизни церковной и изъ записей о тобольскихъ происшествіяхъ. Кромѣ того, источниками служили еще: Новый лѣтописецъ, Есиповская лѣтопись, грамоты, разсказы очевидцевъ и разсказы, почерпнутые изъ вторыхъ рукъ. Есть извѣстія, вошедшія и въ Соликамскій лѣтописецъ.

6) Изложеніе идетъ по отдѣламъ. Составитель не соблюдаетъ хронологической послѣдовательности. Это зависѣло отъ стремленія его придать изложенію связный характеръ.

7) Есть данныя предполагать, что съ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка „Записки“ писаны составителемъ, какъ уже очевидцемъ. Начало составленія относится ко времени не ранѣе 1683—1685 годовъ.

8) Личность составителя „Записокъ“ опредѣлить нельзя, но можно предполагать, что это былъ человѣкъ, близко стоявшій къ администраціи. Мѣсто составленія, вѣроятно, Тобольскъ.

9) Сопоставленіе данныхъ „Записокъ“ съ данными официальныхъ документовъ показываетъ, что „Записки“ вообще могутъ считаться достовѣрными. Основы для провѣрки извѣстій о происшествіяхъ мѣстныхъ (тобольскихъ) мы не имѣемъ.

10) При пользованіи „Записками“ необходимо сопоставлять данное извѣстіе „Записокъ“ съ таковымъ же „Книги Записной“; вообще

слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ, что сказано въ §§ 6 и 7 главы I-ой, особенно, что̀ касается части хронологической.

11) Дополняя официальные документы, „Записки“ должны считаться источникомъ второстепеннымъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ восходятъ на степень источника первостепеннаго.

12) Изученіе „Записокъ“ убѣждаетъ въ существованіи старинныхъ тобольскихъ записей (церковныхъ и городскихъ), остающихся для насъ неизвѣстными.

Глава IV.

Сибирскій Лѣтописецъ.

§ 1. Въ журналѣ „Сѣверный Архивъ“, издававшемся Булгаринымъ и Гречемъ, въ части XIX-й (1826 г., №№ II и III), напечатанъ „Сибирскій Лѣтописецъ“. Въ предисловіи къ нему редакція объявляетъ, что Лѣтописецъ этотъ полученъ отъ „почтеннаго любителя отечественныхъ древностей В. Берха, вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ В. Берхъ говоритъ, что Лѣтописецъ подаренъ ему соликамскимъ именитымъ гражданиномъ Ливоновымъ“. Въ этомъ же письмѣ высказывается предположеніе, что какой либо тобольскій гражданинъ, собравъ разные сибирскіе лѣтописцы, извлекъ изъ нихъ любопытнѣйшія мѣста и дополнилъ ихъ разными происшествіями по 1715 годъ. Далѣе, В. Берхъ предполагаетъ, что „сей Лѣтописецъ писанъ въ вѣкъ Петра I“. Таковы первыя свѣдѣнія о происхожденіи и времени написанія „Лѣтописца“. Неизвѣстно, существуетъ ли теперь та рукопись „Лѣтописца“, съ которой онъ былъ напечатанъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“.

Въ 1892 году Е. В. Кузнецовъ перепечаталъ текстъ „Лѣтописца“, снабдивъ его предисловіемъ, подъ заглавіемъ: „Сибирскій Лѣтописецъ, съ предисловіемъ Е. В. Кузнецова, Тобольскъ, 1892 года“ [1]). Въ предисловіи издатель повторяетъ тѣ же свѣдѣнія о происхожденіи Лѣтописца и исторію его перваго изданія, какія находятся въ предисловіи редакціи „Сѣвернаго Архива“.

Такимъ образомъ, въ настоящее время существуютъ два изданія „Сибирскаго Лѣтописца“, но они имѣютъ одинъ общій источникъ— рукопись В. Берха. Изданіе „Сѣв. Архива“ удовлетворительнымъ при-

---

[1]) Мы пользовались обоими изданіями. Цитаты—по изд. Е. В. Кузнецова.

знать нельзя, ибо „Лѣтописецъ“ напечатанъ здѣсь съ пропусками, и нѣкоторыя мѣста остались неразобранными.

§ 2. Спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго „Сибирскому Лѣтописцу“, не существуетъ; есть только о немъ замѣтки. А. В. Оксеновъ въ статьѣ „Сибирскія лѣтописи“ [1]) отчасти касается „Сибирскаго Лѣтописца“ и указываетъ на одинъ изъ его источниковъ, именно — на „Новый Лѣтописецъ“. Нѣкоторыя свѣдѣнія о „Сиб. Лѣт.“ даетъ Е. В. Кузнецовъ въ предисловіи къ своему изданію. Такъ, послѣ общихъ замѣчаній о городскихъ лѣтописяхъ Сибири, которыя Е. В. Кузнецовъ называетъ „служилыми лѣтописцами“, слѣдуютъ замѣтки о рукописи „Лѣтописца“. Издатель предполагаетъ, что рукопись эта могла быть извлечена изъ портфелей Миллера, возвращавшагося изъ сибирской экспедиціи, въ бытность его въ Соликамскѣ, какимъ-нибудь любителемъ отечественной исторіи.

Относительно мѣста составленія „Лѣтописца“ Е. В. Кузнецовъ полагаетъ, что онъ былъ веденъ въ Тобольскѣ. „Начальное содержаніе Лѣтописца показываетъ, что источникомъ для него составитель имѣлъ другія лѣтописи“, „со второй же половины и до конца Лѣтописецъ представляетъ уже оригинальный трудъ, въ который составителемъ болѣе вносилось то, что онъ видѣлъ своими глазами“ [2]).

Далѣе издатель говоритъ о содержаніи „Лѣтописца“ и находитъ его довольно разнообразнымъ, „въ нѣкоторыхъ случаяхъ (онъ) даже исправляетъ, или дополняетъ, самую пространную и многорѣчивую изъ сибирскихъ лѣтописей, именно лѣтопись ямщика Ильи Черепанова“. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ приводятся издателемъ; это — извѣстія о пожарахъ г. Тобольска, о построеніи церквей; нѣкоторыхъ извѣстій въ Черепановскомъ сборникѣ или совсѣмъ нѣтъ, или же событія переданы неточно и неполно. Къ сожалѣнію, издатель не проводитъ послѣдовательно сличенія этихъ двухъ памятниковъ, что лишаетъ возможности сдѣлать точное опредѣленіе отношенія „Лѣтописца“ къ „Черепановскому сборнику“, остающемуся до сего времени ненапечатаннымъ.

С. А. Адріановъ въ статьѣ „Торжество по недоразумѣнію“ [3]) тоже касается „Сибирскаго Лѣтописца“ и считаетъ его извѣстія вообще достовѣрными. Приведя мнѣніе А. В. Оксенова [4]), С. А. Адріановъ далѣе замѣчаетъ: „Лѣтописецъ обнимаетъ время съ 1590 по

[1]) Вост. Обозр. 1883 г., № 44, 51. См. также Указатель Сиб. лѣт. Е. В. К—а, Тоб. Губ. Вѣд., 1894 г., № 6. [2]) Пред., 7. [3]) Истор. Вѣстн., 1892 г., кн. 11, стр. 489 и слѣд. [4]) Ibid., стр. 499.

1715 годъ, т.-е. 126 лѣтъ. Если судить по точности и подробности сообщеній, то придется признать, что разсказъ очевидца идетъ въ Лѣтописцѣ приблизительно съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, т.-е. событія послѣднихъ 40 лѣтъ воспроизведены въ разбираемомъ памятникѣ съ замѣчательною достовѣрностью".

§ 3. Этимъ исчерпывается, кажется, все, что до сего времени появилось въ печати относительно происхожденія и состава „Сибирскаго Лѣтописца". Всѣ писавшіе о немъ согласны въ томъ, что онъ отличается точностью и достовѣрностью, каковое обстоятельство возводитъ его на степень первоисточника для исторіи г. Тобольска. Поэтому онъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, и было бы желательно, чтобы всѣ извѣстія его были тщательно взвѣшены; но сдѣлать этого въ настоящее время невозможно, такъ какъ изданія его представляются неудовлетворительными.

§ 4. Слѣдуя принятому порядку, мы представимъ сначала обзоръ его содержанія, а затѣмъ нѣкоторыя предположенія относительно его источниковъ и состава.

Какъ уже выяснилось изъ предыдущаго, „Лѣтописецъ" начинается съ 1590 и оканчивается 1715 годомъ; такимъ образомъ онъ обнимаетъ періодъ въ 125 лѣтъ. Изложеніе идетъ по годамъ, такъ что онъ болѣе подходитъ подъ понятіе лѣтописи, чѣмъ, напр., „Записки", въ которыхъ матеріалъ расположенъ по отдѣламъ, вмѣщающимъ по нѣскольку лѣтъ. Отъ начала и до 1701 г. годà считаются отъ сотворенія міра (подъ каждымъ годомъ указана и цифра года отъ Р. Хр.), а съ 1701—отъ Рождества Христова.

§ 5. Извѣстія „Лѣтописца", по ихъ характеру, легко разлагаются на нѣсколько группъ. Первую и главнѣйшую группу составляютъ извѣстія о воеводахъ и ихъ дѣятельности, такъ что прежде всего выдѣляются роспись воеводъ и свѣдѣнія о поставленіи новыхъ городовъ, остроговъ и т. д. Но эта роспись воеводъ, послужившая основой и, такъ сказать, рамой для вставленія всѣхъ извѣстій „Лѣтописца" (доказательства чему будутъ приведены ниже), касается только города Тобольска, тогда какъ, напр., въ „Запискахъ" роспись воеводъ проведена по всѣмъ городамъ Сибири.

§ 6. „Лѣтописецъ" начинается съ извѣстія о распространеніи русской власти въ Сибири и о поставленіи городовъ: „Тары, Сургута, Березова, Томска, Нарыма....и иныхъ городовъ". Подъ 1590 годомъ записано о поставленіи гор. Пелыма и о населеніи его ссыльными угли-

чанами [1]). Подъ годомъ 1600—о посылкѣ въ Мангазею и на Енисей воеводъ Мир. Шаховского и Дан. Хрипунова съ тѣмъ, чтобы въ Мангазеѣ поставить острогъ [2]). Мангазея была поставлена присланными изъ Москвы воеводами, кн. Вас. Масальскимъ-Кольцовымъ да Вл. Пушкинымъ [2]). Кузнецкій острогъ поставили въ 1617 году [3]), но кто ставилъ—не показано.

Новый Енисейскій острогъ построенъ въ 1618 году „Пелымскаго города“ сыномъ боярскимъ П. Албычевымъ и стрѣлецкимъ сотникомъ Черкасомъ Рукинымъ [4]). Въ 1628 году А. Дубенской основалъ Красноярскій острогъ [5]). Подъ годомъ 1639 записанъ перечень лицъ, отправленныхъ изъ Москвы въ Якутскую землю; въ числѣ ихъ П. П. Головинъ и В. Поярковъ; Головинъ въ 1641 г. поставилъ на Ленѣ Якутскій острогъ [6]). Подъ годомъ 1686 находится извѣстіе о возобновленіи Албазинскаго города стольникомъ Ив. Власовымъ и Алексѣемъ Толбузинымъ, посланными изъ Нерчинска [7]). Этимъ заканчиваются извѣстія о построеніи городовъ.

§ 7. Что касается до столкновеній съ инородцами, то свѣдѣній объ этомъ въ „Лѣтописцѣ“ очень немного.

Подъ 1598 годомъ записано извѣстіе о походѣ противъ царя Кучума; кто ходилъ воевать,—того въ „Лѣтописцѣ“ не показано [8]). Въ 1681 г. былъ большой походъ противъ киргизъ; ходилъ Ив. Ѳед. Суворовъ, воевода томскій. Составитель „Лѣтописца“ перечисляетъ потери, понесенныя русскими въ этомъ походѣ, не давшемъ ощутительныхъ выгодъ [9]). Въ 1686 г. былъ взятъ китайцами Албазинъ, и отведенъ въ плѣнъ воевода Алексѣй Толбузинъ [10]). Подъ 1687 г. записано цѣлое сказаніе о походѣ Василія Шульгина и о пораженіи русскихъ 27 іюля у озера Семикуля [11]). Въ „Лѣтописцѣ“ нѣтъ извѣстій, противъ кого былъ направленъ походъ; сказано, что былъ „приходъ воинскихъ воровскихъ людей“. За этимъ непосредственно слѣдуетъ запись: „Того жъ года и въ то жъ время, въ іюлѣ мѣсяцѣ, приходили воинскіе воровскіе люди Козачей орды и Калмыки подъ слободу, что вверхъ по Иртышу рѣкѣ“.... [12]). Въ 1694 году для обереганія отъ иноземцевъ были посланы въ Ялуторовскую слободу Вор. Черницынъ, а въ Царево Городище голова Арт. Обольяниновъ [13]). Въ тотъ годъ нападеній не было, „только немногіе воровскіе невѣдомые люди приходили подъ Чумлядскую слободу“, но не причинили вреда.

[1]) Лѣтоп., 11. [2]) Лѣт., 12. [3]) Лѣт., 14. [4]) Лѣт., 14. [5]) Лѣт., 15. [6]) Лѣт., 16—17. [7]) Лѣт., 32—33. [8]) Лѣт., 12. [9]) Лѣт., 28—29. [10]) Лѣт., 32—33. [11]) Лѣт., 35—36. [12]) Лѣт., 36, 37. [13]) Лѣт., 37.

Подъ 1706 годомъ находится извѣстіе о томъ, что въ верховьяхъ рѣкъ Тобола и Исети воевали башкиры, побили много людей и отгоняли скотъ [1]).

§ 8. Нѣсколько подробнѣе изложены событія церковной жизни. Извѣстія объ этихъ событіяхъ составляютъ вторую группу; но извѣстія эти касаются только одного города Тобольска, такъ что они суть вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстія мѣстныя, городскія.

Первое событіе, относящееся къ церковной жизни, внесено въ лѣтопись подъ 1602 годомъ [2]). Въ этотъ годъ въ Тобольскѣ было явленіе Николая Чудотворца, повелѣвавшаго воздвигнуть церковь. Церковь была построена. Подъ 1623 г. упомянуто о поставленіи Кипріана въ крутицкіе, а затѣмъ въ новгородскіе митрополиты. Въ Тобольскѣ же былъ поставленъ Макарій [3]). Въ 1636 г. 25 іюля произошло явленіе Богородицы, повелѣвавшей построить себѣ церковь; церковь была построена [4]). Подъ 1651 въ „Лѣтописецъ" внесено извѣстіе о поставленіи въ архіепископы Симеона, игумена Боровскаго Пафнутьева монастыря [5]). Въ 1652 г. Іосифъ, архимандритъ Знаменскаго монастыря пожалованъ бѣлою шапкой. Съ 1654 года встрѣчаются извѣстія объ арх. Симеонѣ; подъ 1654 г. записано о пріѣздѣ его въ Тобольскъ, подъ 1659 г. (13 дек.)—о разрѣшеніи ему служить литургію. Въ 1664 г. „сошелъ безвѣстно въ Москвѣ Симеонъ, арх. сибирскій, 15 февр., а 19-го объявился за Яузою, въ Божедонскомъ монастырѣ". Того же года поставленъ новый архіепископъ, арх. Корнилій, изъ Новгорода [6]). Въ 1668 г. онъ былъ возведенъ въ митрополиты. Въ 1676 г. Корнилій перенесъ мощи прежнихъ святителей Макарія и Герасима во вновь отстроенную церковь. Въ 1678—смерть Корнилія; въ этомъ же году арх. Матвѣй пожалованъ бѣлою шапкой [7]). Въ 1683 г. возвратился изъ Москвы митр. Павелъ, ѣздившій туда по указу. Въ тотъ же годъ соборная церковь, почти достроенная, упала [8]). Въ 1685 и 1686 годахъ было заложено нѣсколько новыхъ церквей. Подъ 1695 г. упомянуто о путешествіи Игнатія въ Тюмень, Туринскій острогъ, Верхотурье и Устьницынскую слободу [9]). Въ 1698 г. было указано вести дѣла при архіерейскомъ домѣ „архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ и попамъ добрымъ и искуснымъ" [10]). Въ 1703, 1704—1706 гг. заложено нѣсколько церквей [11]). Подъ 1710 г. записано о поставленіи въ сибирскіе митрополиты Іоанна, арх. Черниговскаго, на мѣсто Фи-

[1]) 41. [2]) 13. [3]) 14. [4]) 16. [5]) 18. [6]) 18, 19, 21. [7]) 24, 26, 27. [8]) 31. [9]) 32, 37. [10]) 38.
[11]) 40, 41.

лоөея, который принялъ схиму. Въ 1713 г. онъ пріѣзжалъ въ Тюмень съ кн. Гагаринымъ для свидѣтельствованія мощей [1]). Подъ 1714 г.— о заложеніи церкви во имя Николая и о поѣздкѣ преосвящ. Өедора для крещенія вотяковъ [2]).

§ 9. Этимъ заканчиваются извѣстія о церковныхъ событіяхъ. Слѣдующій отдѣлъ составляютъ извѣстія о различныхъ происшествіяхъ городской жизни, о пожарахъ, при чемъ составитель „Лѣтописца“ особенное вниманіе обращаетъ на пожары церквей, такъ что, по всей вѣроятности, эти извѣстія выбраны имъ изъ какой нибудь церковной лѣтописи; далѣе—извѣстія о послахъ, проѣзжавшихъ черезъ Тобольскъ, о разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ; изрѣдка встрѣчаются извѣстія экономическаго характера.

Изъ извѣстій третьяго отдѣла выдѣляются слѣдующія:

Въ 1616 г. въ Тобольскѣ „начали быть кружечные дворы, а до тѣхъ мѣстъ кружечныхъ дворовъ не было въ Сибири; и многіе люди испропилися, и иные и дворы свои испропили“ [3]). Съ 1643 начинаются въ „Лѣтописцѣ“ извѣстія о знаменитыхъ тобольскихъ пожарахъ, и на первый разъ записано: „бысть пожаръ большой въ Тобольскѣ, сгорѣлъ городъ и соборная и приходская церкви и дворъ и воеводскіе и гостиные дворы, и тюремной дворъ, и посадъ на горѣ весь по Дѣвичь монастырь“, а въ 1645 году заложенъ новый городъ [4]). Подъ 1654 г. внесено извѣстіе о проѣздѣ чрезъ Тобольскъ посланника Ө. И. Байкова; при этомъ замѣчено, что ранѣе былъ посланъ въ Китай П. Ярышкинъ [5]). Въ 1658 г. былъ пожаръ—сгорѣло 260 татарскихъ юртъ да 25 русскихъ дворовъ; въ слѣдующемъ году опять былъ значительный пожаръ, на этотъ разъ въ Знаменскомъ монастырѣ сгорѣли двѣ церкви и кельи [6]). Подъ тѣмъ же 1659 годомъ повторено извѣстіе объ учрежденіи кружечныхъ дворовъ въ Тобольскѣ и Сибири; извѣстіе это очень оригинально: „того жъ года (1659) мая въ 25 день, прислано съ Москвы въ Сибирь, въ Тобольскъ, Государево вино горячее и учали съ того числа быть кружечные дворы на горѣ и подъ горою, и во всѣхъ Сибирскихъ городѣхъ“ [7]). Въ 1659 же году были присланы мѣдныя деньги „и торговали въ Сибири мѣдными деньгами 4 года“ [8]); за тѣмъ начали торговать серебряными, по прежнему. Въ 1661 году присланы въ Тобольскъ полковники и другіе воинскіе чины, „а велѣно въ Тобольскѣ прибрать рейтарскаго строю 1000, да солдатъ 1000, да 500 человѣкъ стрѣльцовъ, и выучить рейтарскому и

---

[1]) 42, 44. [2]) 45. [3]) 14. [4]) Лѣт. 17. [5]) 18. [6]) 19. [7]) Ibid. [8]) Ibid.

солдатскому строю“ [1]). Въ тотъ же годъ поставленъ новый острогъ кругомъ всего посада. Въ 1662 году „былъ въ Тобольскѣ хлѣбъ дорогъ, купали мірскую четь въ 20 пудъ ржи въ 20 рублей, на мѣдныя деньги“ [2]). Въ этомъ году былъ пожаръ въ Тобольскѣ: загорѣлись у Сваткула Адлина „хоромы“, сгорѣли татарскія юрты „всѣ безъ остатка“, мосты, церковь, колокольня, русскихъ людей дворы, лавки, кузницы, загоралась даже городовая угловая башня; люди прятались въ погреба или убѣгали за городъ, „и милостію Всевышняго Спаса сохраненъ бысть градъ отъ того пожару“ [3]). Подъ годомъ 1672 записано о пріѣздѣ въ Сибирь дворянина Я. Хитрово. Ему приказано было отыскивать руды и поставить городъ на р. Синарѣ. Развѣдки окончились тѣмъ, что „ничего серебряной руды не сыскали“ и сожгли, по указу государеву, построенный городъ [4]). Въ мартѣ 1672 года былъ обычный пожаръ въ г. Тобольскѣ,—сгорѣла Вознесенская церковь, восточная часть стѣны, и угловая башня сгорѣла жъ. Башню сломали и на ея мѣстѣ построили церковь [5]). Подъ 1674 годомъ въ „Лѣтописецъ“ внесено извѣстіе о пожарѣ въ Знаменскомъ монастырѣ [6]). Въ 1676 г. чрезъ Тобольскъ проѣзжалъ посланникъ Н. Г. Спаѳарій. Подъ 1677 г. снова извѣстіе о пожарѣ, которое приводимъ въ выпискѣ, какъ образецъ извѣстій этого рода: „29 мая въ 13 часу дня праведнымъ судомъ Божіимъ, отъ молніи, отъ перваго ударенія громнаго, загорѣся въ Тобольскѣ въ Знаменскомъ монастырѣ у церкви въ верху престолъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, и въ той же чети, отъ другаго ударенія громнаго, отъ молніи же, загорѣся на горѣ, у церкви входа въ Іерусалимъ, что за волю (?) Воскресенія Христова, что на торговой площади шатеръ съ восточной стороны, да у церкви же Живоначальныя Троицы, что у гостинаго двора, шатеръ же, а у церкви Николы Чудотворца высокаго, да городовая башня, что отъ Квасной; и въ то время у Николы Чудотворца крестъ осѣкла, и залили квасомъ, а башню тако жъ вверху разломали жъ и залили же“. Далѣе перечисляются зданія, которыя пострадали отъ пожара: городъ, приказныя палаты, боярскій дворъ, амбары, митрополичьи кельи, гостиный дворъ, таможня, лавки, колокольни и проч. Сгорѣло всего 102 двора. Пожаръ былъ до такой степени великъ, что растоплялись колокола. „На соборной колокольнѣ большой колоколъ, что Государское жалованье, въ 110 пудъ, и колоколъ литейной, что литъ въ Тобольскѣ, въ 35 пудъ, и колоколъ благовѣстной въ 30 пудъ, что Государское жалованье, присланъ Кипріану архіепископу первопрестольнику, и коло-

[1]) 20. [2]) Ibid. [3]) Ibid. [4]) 22. [5]) Ibid. [6]). 23.

колъ часобитной Углицкой, все раздалось и растопилось безъ остатку" [1]). Въ 1678—1680 гг. производилась постройка зданій, заложено было нѣсколько новыхъ церквей. Подъ 1679 годомъ записано о пожарѣ на Абалакѣ [2]). Въ 1682 году пріѣхалъ въ Тобольскъ писецъ Левъ Мир. Поскочинъ для измѣренія и переписи земель Тобольскаго уѣзда [3]). Въ 1685 году заложена Знаменская церковь въ монастырѣ, а въ слѣдующемъ—заложены на Софійскомъ дворѣ каменныя ворота и въ нихъ церковь (Сергіевская). Въ томъ же году присланы въ Тобольскъ образцы новыхъ мѣръ. Въ февралѣ 1686 года проѣзжалъ чрезъ Тобольскъ въ Енисейскъ А. П. Головинъ [4]). Въ апрѣлѣ дѣло не обошлось безъ пожара: сгорѣло 600 дворовъ, церковь, лавки, мосты „да татарская слобода вся безъ остатку". „Таковъ былъ пожаръ страшенъ, присоединяетъ составитель, что горѣли дощеники, въ которые сбирались люди съ животами и хотѣли ѣхать по Иртышу; и тѣ дощеники и съ житомъ, пловучи, сгорѣли безъ остатка" [5]). Въ 1698 году пріѣхалъ въ Тобольскъ переписчикъ дворянинъ Качаловъ; онъ переписывалъ земли въ Тобольскомъ уѣздѣ и раскладывалъ денежные оброки. Въ 1700 году приказано было считать время отъ Рождества Христова, и съ этого времени въ „Лѣтописцѣ" года обозначаются отъ Р. Хр., тогда какъ ранѣе — счетъ двойной [6]). Въ 1701 году былъ пожаръ: сгорѣло „дворовъ съ 500", 4 церкви и Успенскій дѣвичій монастырь. Пожаръ былъ значителенъ, и Лѣтописецъ находитъ болѣе удобнымъ поречислить не тѣ зданія, которыя сгорѣли, а тѣ, которыя уцѣлѣли. На горѣ уцѣлѣлъ отъ огня городъ, двѣ церкви да „дворовъ 40 и больше" [7]). Въ 1702 году въ Тобольскъ пріѣзжалъ А. Виніусъ, и была учреждена монополія на соль [8]). Съ XVIII вѣка начинается въ „Лѣтописцѣ" рядъ извѣстій о различныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Въ 1703 г. былъ наборъ рекрутъ, взято „11.000 и больше". Они были разосланы по городамъ: въ Москву, Петербургъ, Нарву и проч. Къ этому же году относится указъ о писаніи крѣпостныхъ дѣлъ на гербовой бумагѣ [9]). Въ 1705 году велѣно брить бороды „служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ, окромѣ крестьянъ", и носить нѣмецкое платье; за ношеніе русскаго платья брали по 4 гривны [10]). Въ 1706 г. снова указъ о наборѣ солдатъ, по одному съ 20 дворовъ. Въ этомъ же году былъ присланъ „для лучшаго усмотрѣнія" стольникъ кн. В. И. Гагаринъ [11]). 22 октября 1709 года въ Тобольскъ пришло извѣстіе о Полтавской битвѣ, „было молебное пѣніе и изъ пушекъ изъ 42 стрѣльба

[1]) Лѣт., 25. [2]) Это извѣстіе отнесено къ 1679 году невѣрно; оно относится къ 1680. Лѣт., 28. Зап., 237. [3]) 31. [4]) 32, 33. [5]) 34—35. [6]) 38. [7]) 39. [8]) Ibid. [9]) 40. [10]) 41. [11]) Ibid.

была великая,—такой стрѣльбы въ Тобольскѣ не бывало". Присланъ новый указъ о наборѣ 8.000 солдатъ. Въ 1711 г. пріѣхалъ изъ Москвы въ Верхотурье „для управительства во всякихъ государственныхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ, сибирскій губернаторъ кн. Матвѣй Петровичъ Гагаринъ". Въ 1712 г. былъ солдатскій наборъ, по человѣку съ 20 дворовъ. 8 октября кн. Гагаринъ прибылъ въ Тобольскъ. Въ „Лѣтописцѣ" подробно описывается путь Гагарина и встрѣча его въ Тобольскѣ; по всей вѣроятности это описано очевидцемъ. „Подъ его свѣтлостью дощеникъ обитъ красными сукнами весь". Въ городахъ и въ Тобольскѣ встрѣча ему была „зѣло изрядна". „Стрѣльба изъ пушекъ была не малая"... [1]). Въ 1713 г. Гагаринъ ѣздилъ въ Москву. Подробно описывается пребываніе его въ Краснослободскомъ острогѣ; лѣтописецъ не упускаетъ случая замѣтить даже о томъ, съ кѣмъ кушалъ его свѣтлость, о жалованьѣ его свиты и проч. Возвращеніе Гагарина въ Тобольскъ помѣчено 29 декабря 1714 г. 14 января 1715 г. онъ былъ снова вызванъ (въ Петербургъ). О дальнѣйшей судьбѣ его свѣтлости въ „Лѣтописцѣ" ничего нѣтъ. Въ томъ же году пріѣзжалъ Ст. Ѳед. Павловъ для розыска по крестьянскимъ челобитнымъ на комендантовъ и прочее начальство. Извѣстіемъ о новомъ наборѣ, бывшемъ въ этомъ же году, „Лѣтописецъ" оканчивается [2]).

§ 10. Итакъ, „Лѣтописецъ" можно раздѣлить на три части. Роспись воеводъ и свѣдѣнія объ административной дѣятельности воеводъ составляютъ первую часть. Вторую часть составляютъ извѣстія о церковной жизни, о нѣкоторыхъ архіепископахъ и митрополитахъ, а третья часть состоитъ изъ извѣстій о происшествіяхъ г. Тобольска; въ эту послѣднюю часть входятъ извѣстія о пожарахъ, о возобновленіи церквей и другихъ зданій, а также о правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Кромѣ этого, въ „Лѣтописецъ" входятъ извѣстія о событіяхъ московскихъ; но, по своей малочисленности, они не составляютъ особой группы [3]).

§ 11. Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію „Лѣтописца", прежде всего необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Какъ уже указано, „Лѣтописецъ" начинается съ 1590 года извѣстіемъ о распространеніи русской власти въ Сибири и о поставленіи сибирскихъ

---

[1]) 42—43. [2]) 44—45. [3]) Сюда относятся замѣтки: подъ годомъ 1645—о восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, подъ 1676 г. 14 янв.—о смерти его и восшествіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича. Далѣе, внесена замѣтка о вступленіи на престолъ Ивана и Петра Алексѣевичей. Къ этимъ замѣткамъ каждый разъ присоединяется извѣстіе о томъ, кто былъ посланъ въ Тобольскъ для приведенія къ присягѣ.

городовъ вообще. Собственно же извѣстія о Сибири начинаются лишь съ 1596 года, съ перечисленія воеводъ. Въ то время, какъ другія городскія лѣтописи Сибири, въ томъ числѣ и „Записки“, упоминаютъ, хотя и кратко, о походѣ Ермака, завоеваніи Сибири, построеніи главныхъ городовъ, Тюмени и Тобольска,—въ „Лѣтописцѣ“ такія извѣстія отсутствуютъ; онъ начинается съ извѣстія о построеніи такихъ сравнительно второстепенныхъ городовъ, какъ Сургутъ, Березовъ, Нарымъ и проч. Къ этому присоединяется еще и то, что первое извѣстіе „Лѣтописца“ заимствовано цѣликомъ изъ другого источника, какъ это увидимъ ниже. Все это заставляетъ предполагать, что начала „Лѣтописца“ до насъ не дошло.

§ 12. Изложеніе „Лѣтописца“ распредѣляется по годамъ, причемъ встрѣчаются пропуски нѣкоторыхъ годовъ. Такъ, въ самомъ же началѣ за годомъ 1590 слѣдуетъ годъ 1592, затѣмъ 1596, 1598, 1600; за 1603-мъ годомъ 1606, 1608, 1613, 1687, 1693 и т. д Пропуски эти можно объяснить, если предположить, что основную часть „Лѣтописца“ составляетъ именно роспись воеводъ и къ этой росписи составитель приставлялъ разнообразныя извѣстія. А такъ какъ воеводы назначались въ Сибирь на нѣсколько лѣтъ каждый, то промежуточные года, въ которые назначенія воеводъ не было, остались пустыми. Иногда, впрочемъ, составитель записывалъ извѣстія и подъ такими промежуточными годами, если находилось что либо замѣчательное. Напримѣръ, съ 1603 по 1605 годъ воеводой въ Тобольскѣ показанъ кн. Василій Голицынъ съ товарищами, слѣдовательно, въ годахъ 1604 и 1605 назначенія воеводъ не было; въ „Лѣтописцѣ“ означенные два года пропущены. Далѣе, смѣна кн. Салтыкова показана съ 1608—1613 годъ; года 1609—1612 тоже пропущены. На томъ же основаніи года 1617 и 1618 остаются безъ извѣстій о смѣнѣ воеводъ, но подъ первымъ изъ этихъ годовъ составитель записалъ о поставленіи Кузнецкаго острога, а подъ вторымъ—Енисейскаго, а 1619 годъ опущенъ, такъ какъ въ теченіе его не совершилось ничего замѣтнаго. Но иногда даже и назначеніе воеводъ проходятся молчаніемъ; такъ, подъ годомъ 1670-мъ отмѣчено, что сыщику Акинфіеву да дьяку Давыдову велѣно быть на воеводствѣ до пріѣзда кн. Репнина съ товарищами; но съ какого времени Репнинъ сидѣлъ на воеводствѣ и съ кѣмъ, того въ „Лѣтописцѣ“ не показано. То же самое находимъ и въ смѣнѣ 1676 г.; также пропущена смѣна кн. Ст. Салтыкова съ 1690—1694 годъ.

Такимъ образомъ, можно видѣть, что первоначальную основу

„Лѣтописца“ составляла роспись воеводъ, и что эта роспись была составлена не особенно тщательно.

§ 13. Значительную часть „Лѣтописца“ составляютъ свѣдѣнія о церковной жизни гор. Тобольска, о тобольскихъ іерархахъ, о построеніи церквей и т. д. И въ этихъ извѣстіяхъ также можно найти нѣкоторую случайность въ выборѣ. Подъ годомъ 1623 (7131) записано извѣстіе о выѣздѣ арх. Кипріана въ Москву и о поставленіи его митрополитомъ на Крутицы, между тѣмъ какъ нѣтъ извѣстія о назначеніи его на тобольскую каѳедру, нѣтъ даже извѣстія объ учрежденіи тобольской архіепископіи; самый годъ 1621, когда состоялось это учрежденіе, пропущенъ; но за то записано, и даже два раза, объ открытіи кабаковъ въ Тобольскѣ. Также ничего не говорится о поставленіи арх. Макарія, Нектарія и Герасима, о смерти митрополита Павла, о назначеніи Игнатія; хотя есть извѣстіе о поѣздкѣ этого послѣдняго по епархіи въ 1695 году; нѣтъ извѣстія о назначеніи Дмитрія Туптала, Филоѳея Лещинскаго, но есть извѣстіе о постройкѣ послѣднимъ церкви и о крещеніи вотяковъ. Изъ этого можно видѣть, что извѣстія о церковной жизни отличаются неполнотой; нѣкоторыхъ іерарховъ въ „Лѣтописцѣ“ совсѣмъ нѣтъ, о другихъ упоминается вскользь. Такіе пробѣлы приходится отнести къ небрежности составителя или объяснить тѣмъ, что онъ пользовался случайно попавшимъ ему подъ руки матеріаломъ, не заботясь о полнотѣ. Впрочемъ, можетъ быть, и сама рукопись дошла въ искаженномъ видѣ.

§ 14. Итакъ, изъ обзора „Лѣтописца“ видно, что: 1) онъ не соблюдаетъ хронологической непрерывности, и 2) многія, важныя съ точки зрѣнія „Лѣтописца“, событія въ немъ не описаны.

§ 15. Обращаясь къ источникамъ „Лѣтописца“ и къ достовѣрности его, необходимо сопоставить его съ „Записками“. Такое сопоставленіе является необходимымъ уже потому, что содержаніе этихъ двухъ памятниковъ сходно: „Лѣтописецъ“ составляетъ какъ бы часть „Записокъ“, и между ними замѣчается параллельность группъ извѣстій. Предполагаемою основой того и другого памятника служитъ роспись воеводъ; далѣе, въ обоихъ есть группа извѣстій о событіяхъ церковныхъ, группа извѣстій о событіяхъ тобольской жизни и т. д. Чтобы рѣшить, въ какомъ отношеніи „Лѣтописецъ“ стоитъ къ „Запискамъ“, необходимо ихъ сличить. Сличеніе это мы начнемъ съ росписи воеводъ, отмѣчая всѣ уклоненія „Лѣтописца“ отъ „Записокъ“ [1]).

[1]) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ страницы.

§ 16. „Лѣтописецъ“.	„Записки“.
1598 г. Письменный голова Нелединскій.	Колядинскій (112).
1600 г. Трегубовъ (12).	Третьяковъ (113).
1601 г. Влукъ Пушкинъ (12).	Лука Пушкинъ (118).
1601. Голова Амвросій Милюковъ (13).	Обросимъ Милюковъ (116).
1603. Письменный голова Василій Гавриловичъ Хлюновъ (13).	Гаврійло Васильевъ Хлоповъ (118).
1606. Проскуровъ (13).	Троекуровъ (122).
1608. Дьякъ Порфирьевъ (13).	Перфильевъ (123).
1618. Иванъ Тимофеевичъ Бобарыкинъ (14).	Тимофѣй Стефановъ Бобарыкинъ (134).
1620. Иванъ Щепыровъ (дьякъ) (14).	Ив. Шевыревъ (135).
1624. Иванъ Герасимовъ Мартемьяновъ, дьякъ (15).	Герасимъ Мартемьяновъ (139).
Письменный голова Гр. Суховидовъ (15).	Гр. Зловидовъ (139).
1625. Дьякъ Степанъ Усольцевъ (15).	Стефанъ Угодской (142).
1628. Дьякъ Яковъ Собакинъ (15).	Семенъ Собакинъ (147).
1634. Подьячій Иванъ Ивановъ Патракѣевъ (16).	Никита Ивановъ (153).
1643. Письменный голова Алексѣй Андреевъ Коковинской (17).	Алексѣй Александровъ Коковинскій (167).
1646. Дьякъ Прокопьевъ (17).	Дмитрій Карповъ (173).
— Письм. голова Захарьинъ (17).	А. Ѳ. Гагаринъ (173).
Съ 1643 до 1645 Куракинъ,	съ 1643 – 1645 (166).
Съ 1645—1649 Салтыковъ,	съ 1646—1649 (173).
Съ 1649 до 1652 Шереметевъ,	съ 1646 по 1652 (177).
1652. Воевода Семенъ Ивановичъ Хитровъ (18).	Василій Ивановичъ Хилковъ (181).
... Ѳедоровичъ Болтинъ.	Баимъ Ѳед. Болтинъ (181).
1659. Стольникъ Одинецъ Михайловичъ Беклемишевъ (19).	Василій Михайловичъ Одинецъ-Беклемишевъ (191).
Дьякъ смѣны 1673 г.—Григорій Михайловъ Головинъ (23).	Григорій Алексѣевичъ Михайловъ (214).

Смѣны 1676 г.- стольникъ Ѳедоръ Протопоповъ и Григорій Михайловъ (24).	Оба показаны дьяками (Григорій Михайловичъ) (224).
Воевода Квашнинъ, Мих. Семеновичъ (26).	Мих. Мелентьевичъ (231).
1678. Григорій Михайловъ названъ „прежнимъ дьякомъ“ (26).	
Смѣна 1680 г.—письменн. голова Ив. Ѳед. Сабуровъ (27).	И. Ѳ. Суворовъ (235).
1682. Стольникъ Кирила Аристарховичъ (29, 31).	Яковлевъ (240, 243).
1683. Алексѣй Петровичъ Голицынъ (31).	Алексѣй Андреевичъ Голицынъ (245).

Изъ этого сличенія можно видѣть, что роспись, легшая въ основаніе „Записокъ“, и роспись, находящаяся въ „Лѣтописцѣ“, до такой степени различны, что трудно допустить заимствованіе ея составителемъ „Лѣтописца“ изъ „Записокъ“. Необходимо предположить, что каждый составитель пользовался самостоятельно первоначальными записями.

§ 17. Далѣе, продолжая сличеніе, можно видѣть, что нѣкоторыя событія, извѣстныя обоимъ составителямъ, описываются различнымъ образомъ, съ бо̀льшими или меньшими подробностями.

Подъ годомъ 1601 (7109) въ „Лѣтописцѣ“ записано: „посланы съ Москвы воеводы: князь Вас. Мих. Масальскій-Кольцовъ да Вл. Евст. Пушкинъ... и изъ Тобольска съ ними послано 100 человѣкъ служилыхъ людей“. Въ „Запискахъ“ сказано, что эти служилые люди были посланы не съ Масальскимъ-Кольцовымъ, а съ Шаховскимъ, и притомъ нѣсколько ранѣе [1]).

Построеніе Красноярскаго острога „Лѣтописцемъ“ отнесено къ 1628 году, а „Записками“ къ 1626-му [2]).

Пріѣздъ арх. Симеона въ Тобольскъ отнесенъ „Лѣтописцемъ“ къ 20 декабря 1652 года, а „Записками“ къ 17-му апрѣля [3]). Второй пріѣздъ Симеона въ „Лѣтописцѣ“ значится подъ 1655 г. 24 декабря, въ „Запискахъ“—14 декабря [4]).

Пожаръ 1658 года, когда сгорѣло 260 татарскихъ юртъ и 25 русскихъ дворовъ, „Записками“ относенъ къ 1657 г., при чемъ показано, что всего сгорѣло 265 дворовъ [5]).

[1]) Лѣт., 12; Зап., 114. [2]) Лѣт., 15; Зап., 145. [3]) Лѣт., 18; Зап., 180. [4]) Лѣт., 18; Зап., 184. [5]) Лѣт., 19; Зап., 189.

Пожаръ 18 апрѣля 1674 г., по „Лѣтописцу", начался въ 10 часу дня, по „Запискамъ"—въ 4 часу [1]). Въ 1661 году, по „Лѣтописцу", было велѣно набрать 500 стрѣльцовъ, по „Запискамъ"—4000 [2]).

Кончина царя Алексѣя Михайловича въ „Лѣтописцѣ"—въ 10 часу ночи 4 янв. 1676 г., въ „Запискахъ"—30 янв. въ 4 часу ночи [3]).

Прiѣздъ кн. Т. Козловскаго въ Тобольскъ для приведенiя къ присягѣ „Лѣтописцемъ" отнесенъ къ 29 февраля 1676 г., „Записками"—къ 23 февраля того же года [4]).

Прiѣздъ Спаѳарiя въ Тобольскъ по „Лѣтописцу"—1676 года, по „Запискамъ"—30 марта 1675 [5]).

Поставленiе новаго острога—1677 г., по „Запискамъ" произошло въ 1678 году [6]). По „Лѣтописцу" постройка продолжалась пять дней, по „Запискамъ"—$4^1/_2$ мѣсяца.

Прiѣздъ писца Л. Поскочина въ Тобольскъ „Лѣтописцемъ" отнесенъ къ 1680, „Записками"—къ 1681-му году [7]).

Прiѣздъ митрополита Павла въ Тобольскъ—3 янв. 1683 г., по „Запискамъ"—2 янв. того же года [8]).

Освященiе соборной церкви „Лѣтописцемъ" отнесено къ 26 декабря 193 (1684 г.), „Записками" къ октябрю 1686 года [9]).

Закладка каменной колокольни 28 iюля 191 г.; въ „Запискакъ"—22 iюня [10]).

Выѣздъ князя Голицына изъ Тобольска отнесенъ „Лѣтописцемъ" къ 1684 г., „Записками"—къ концу 1683 [11]).

Число посланныхъ въ Даурiю ратныхъ людей „Лѣтописцемъ" опредѣляется въ 500, „Записками"—въ 600 челов.; при этомъ въ „Запискахъ" изложено полнѣе [12]).

Разрушенiе китайцами Албазинскаго острога отнесено „Лѣтописцемъ" къ 1686, „Записками"—къ 1685 году [13])

Число ратныхъ людей, выбранныхъ для похода Ѳ. А. Головина, въ „Лѣтописцѣ" показано въ 1400 чел., въ „Запискахъ"—3000 [14]).

Пожаръ 26 апрѣля 1686 года въ „Лѣтописцѣ" изложенъ подробнѣе. При этомъ нѣкоторыя подробности несходны: по „Лѣтописцу"—городъ и приказная палата были спасены стрѣльцами, въ „Запискахъ" они показаны сгорѣвшими [15]).

---

[1]) Лѣт., 23; Зап., 216. [2]) Лѣт., 20; Зап., 196 [3]) Лѣт., 23; Зап., 219. Можетъ быть, счетъ часовъ въ «Лѣтоп.» иной. [4]) Лѣт., 24; Зап., 221. Въ Лѣт. сказано: «Тимофей Аѳанасьевичъ». [5]) Лѣт. ibid., Зап. 217 [6]) Лѣт. 26, Зап. 233. [7]) Лѣт. 31, Зап. 238. [8]) Лѣт. 31, Зап. 243—244. [9]) Лѣт. 31, Зап. 257. Ср. Лѣт. 35. [10]) Лѣт. 31, Зап. 248. [11]) Лѣт. 31, Зап. 243. [12]) Лѣт. 32, Зап. 250. [13]) Лѣт. 32—33, Зап. 253. [14]) Лѣт. 33, Зап. 259, 260. [15]) Лѣт. 34, 35, Зап. 264.

Подъ годомъ 1687 описанъ неудачный походъ В. Шульгина противъ „воинскихъ воровскихъ людей"; онъ описанъ подробнѣе, чѣмъ въ „Запискахъ", хотя въ послѣднихъ есть такія подробности, которыхъ нѣтъ въ „Лѣтописцѣ". Самое событіе отнесено „Записками" къ 1693 году [1]).

Такимъ образомъ, въ двадцати случаяхъ, при описаніи однихъ и и тѣхъ же событій, „Лѣтописецъ" уклоняется отъ „Записокъ". Это обстоятельство также поддерживаетъ предположеніе, что составитель „Лѣтописца" имѣлъ свой собственный источникъ, независимый отъ „Записокъ".

§ 18. Кромѣ того, продолжая сличеніе, можно видѣть, что въ „Лѣтописецъ" вошли такія извѣстія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ „Запискахъ". Извѣстія эти слѣдующія:

Поставленіе острога на Ленѣ Иваномъ Галкинымъ (17) [2]). Время точно не указано; ранѣе 7149, т. е. 1641 года.

Посольство въ Китай Петра Ярыжкина. Время точно не указано; ранѣе 1654 года [3]).

Пожаръ Знаменскаго монастыря въ 1659 г. Изложено съ подробностями, которыхъ въ „Запискахъ" нѣтъ [4]).

Привозъ вина въ Тобольскъ (двойное извѣстіе) (14, 19).

Пожаръ 1662 года. Изложено подробнѣе „Записокъ" [5]).

Походъ Дм. Полуектова въ 1662 г. Изложено подробнѣе [6]).

Поставленіе Корнилія въ митрополиты. Изложено подробнѣе [7]).

Пожаръ 1672 г. Изложено подробнѣе [8]).

Закладка каменныхъ палатъ Корниліемъ 12 іюля 1674 (23).

Построеніе Троицкой церкви въ 1675 г. (Ibid.).

Посылка письменныхъ головъ въ города Тобольскаго Разряда для приведенія къ присягѣ въ 1676 г. (24).

Перенесеніе тѣлъ Макарія и Герасима Корниліемъ въ церковь Троицы въ 1677; также построеніе церкви (придѣла) во имя Θедора Стратилата (24).

Пожаръ 29 мая 1677 года описанъ весьма подробно [9]).

Построеніе церквей Знаменской и Вознесенской (26).

Построеніе церквей: Троицкой, на святительскомъ дворѣ, Никольской, Живоначальной Троицы, Входа Господня, Сергіевской—въ 1678 г. (27).

---

[1]) Лѣт. 35—36, Зап. 283—285. Также о приходѣ татаръ подъ Чуммадскую слободу. Лѣт. 37, Зап. 287. [2]) Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы. [3]) Лѣт. 19, Зап. 192. [4]) Лѣт. 19, Зап. 192. [5]) Лѣт. 20, Зап. 196. [6]) Лѣт. 20, Зап. 196. [7]) Лѣт. 21, Зап. 203—204. [8]) Лѣт. 22. Зап. 213. [9]) Лѣт. 25. Зап. 231.

Поставленіе каменныхъ палатъ на Софійскомъ дворѣ (27).

Поставленіе Преображенской церкви на Абалакѣ въ 1680 г. (28).

Пожаръ 1680 г. описанъ короче, чѣмъ въ „Запискахъ", но съ другими подробностями [1]).

Построеніе церквей Пр. Богородицы въ 1681 г. (28).

Походъ Ив. Суворова въ 1681 году противъ киргизъ описанъ въ „Лѣтописцѣ" съ бо̀льшими подробностями; указаны мѣсяцъ, число раненыхъ и убитыхъ [2]).

О воцареніи Іоанна и Петра Алексѣевичей изложено подробнѣе [3]).

О приведеніи къ присягѣ новымъ царямъ въ „Лѣтописцѣ" цѣлая повѣсть, изложенная какъ будто очевидцемъ событія [4]).

О празднованіи Владимірской Бож. Матери 25 іюня 1682 года (31).

Пораженіе грозой церквей Николая Чудотворца, что̀ на Пряшскомъ взвозѣ, въ 1684 году (32).

О заложеніи церкви Пр. Богородицы въ Знаменскомъ монастырѣ въ 1685 г. (32).

Построеніе церкви Успенія въ 1686 г. и Владимірской Божіей матери въ 1687 г. (35).

О привозѣ колокола въ Тобольскъ въ 1693 г. передается съ бо̀льшими подробностями [5]).

Поѣздка митр. Игнатія по епархіи въ 1695 г. (38).

О замѣнѣ боярскихъ дѣтей у Софійскихъ духовныхъ дѣлъ духовными чинами, въ 1698 г. (Ibid.).

О переписи, произведенной Иваномъ Качаловымъ и о наложеніи оброковъ, въ 1698 г. (38).

О счисленіи времени отъ Рождества Христова, 1700 г. (Ibid.).

Пожаръ 1 іюня 1701 года (38, 39).

О пріѣздѣ въ Тобольскъ Виніуса и объ установленіи монополіи на соль, 1702 г. (39).

Такимъ образомъ, двадцать два извѣстія, находящіяся въ „Лѣтописцѣ", въ „Записки" не вошли [6]). Извѣстія эти касаются главнымъ образомъ мѣстной тобольской жизни. Это сличеніе заставляетъ предполагать, что составитель „Лѣтописца" пользовался какими-то мѣстными записями, которыя составителю „Записокъ" также не были извѣстны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общее заключеніе, основанное на сличеніи этихъ двухъ памятниковъ, должно быть таково, что едва-ли составитель „Лѣтописца" пользовался „Записками" при составленіи своего труда.

---

[1]) Лѣт., 28, Зап. 237 и 239. [2]) Лѣт. 28, 29; Зап. 242. [3]) Лѣт. 29, Зап. 244. [4]) Лѣт. 29. Зап. 245. [5]) Лѣт. 37; Зап. 282. [6]) Не говоря уже объ извѣстіяхъ о событіяхъ XVIII вѣка.

§ 19. Относительно источниковъ „Лѣтописца“ необходимо замѣтить, что опредѣлить ихъ ближайшимъ образомъ невозможно, такъ же какъ и источники „Записокъ“. Необходимо предположить, что составитель „Лѣтописца“ пользовался росписью воеводъ, но не тою, какая была подъ руками у составителя „Записокъ“. Далѣе, онъ имѣлъ какія-то записи, касающіяся преимущественно церковной жизни, и записи, касающіяся жизни г. Тобольска. Церковныя записи отличались случайнымъ выборомъ извѣстій; болѣе обстоятельны были записи о гор. Тобольскѣ; могло быть и такъ, что въ записяхъ о г. Тобольскѣ помѣщались и церковныя извѣстія, тѣмъ болѣе, что они касаются главнымъ образомъ построенія тобольскихъ церквей и другихъ мѣстныхъ происшествій.

§ 20. Впрочемъ, одинъ источникъ „Лѣтописца“ можно опредѣлить: составитель несомнѣнно пользовался „Новымъ Лѣтописцемъ“ редакціи „Лѣтописи о Мятежахъ“, какъ это видно изъ слѣдующаго сличенія:

Сибирскій Лѣтописецъ.	Лѣтопись о Мятежахъ.
Годъ 7098—1590.	О Сибири, о пріѣздѣ Царей и Царевичевъ и Воеводъ разныхъ земель къ Москвѣ.
Въ то время Благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, наипаче распространяя свою праведную молитву, видя такое дарованіе Божіе надъ собою и за тѣ его праведныя молитвы подаетъ ему Богъ вся полезная распространявшуся его царствію, посылаху многіе люди въ Сибирскую землю и многія орды къ Сибирскому царству подведоша, разные языцы и грады поставиша въ Сибири, въ 100 и 101 годахъ: Тару, Сургутъ, Березовъ, Томской, Нарымъ... и иные многіе грады [1]).	Царь же Ѳеодоръ наипаче разпространяя свою праведную молитву, видя такое Божье дарованіе надъ собою, и за тѣ его праведныя молитвы подаетъ ему Богъ вся полезная, разпространяхуся его царствіе, посылаху многіи люди въ Сибирскую Землю, и многія орды къ Сибирскому царствію разныя языцы подведоша, и многіе грады поставиша, въ Сибири градъ Тару, Березовъ, Кунгуръ и иныс грады многіе [2]).
Годъ 7016—1598.	О поборѣ Кучумовѣ.
По указу Царя Бориса Ѳеодоровича, въ Сибири, изъ Тарскаго	Того же лѣта, повелѣніемъ его, въ ѣъ Сибирѣ изъ Татарскаго [3])

[2]) Стр. 11. [3]) Стр. 29 «Лѣтописи о мятежахъ». [3]) Тарскаго.

городa ходиша воеводы за царемъ Кучумомъ и его нашли на станѣхъ его, побиша и взяша у него осмь царицъ, да три царевича и многой полонъ. Царь же Кучумъ утече не со многими людьми, царицъ же и царевичевъ прислаша къ Москвѣ. Царь же Борисъ Өеодоровичъ тѣхъ посланниковъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а къ воеводамъ послалъ съ золотыми. Царицъ же и царевичевъ повелѣ беречь; подаша имъ кормъ велій, чтобъ имъ никакой скудости не было [1]).

города ходиша Воеводы и Головы за Царемъ Кучумомъ, и его нашедше на станахъ его побиша на голову, и взяша у него восемь Царицъ, да три Царевича, и многой полонъ. Царь же Кучумъ отъиде не съ великими людьми, а царицы и съ царевичи прислахуся къ Москвѣ. Царь же Борисъ тѣхъ посланниковъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а къ Воеводамъ пославъ съ золотыми, Царицъ же и Царевичевъ повелѣ беречь, и подаша имъ кормъ велій, чтобъ имъ никакой скудости не было [2]).

§ 21. Указать другіе источники, кромѣ „Нов. Лѣт.“, пока не представляется возможнымъ; необходимо лишь замѣтить, что въ „Лѣтописецъ“ вошло нѣсколько отдѣльныхъ сказаній и извѣстій съ признаками таковыхъ. Эти сказанія отличаются, во-первыхъ, своимъ объемомъ, сравнительно съ другими извѣстіями, во-вторыхъ, связнымъ изложеніемъ и, въ-третьихъ, языкомъ. Весь „Лѣтописецъ“ изложенъ языкомъ, довольно близкимъ къ современному литературному; въ повѣстяхъ же употребляются старыя церковно-славянскія формы, падежныя и глагольныя. Всѣ указанныя выше обстоятельства и заставляютъ предполагать самостоятельность нѣкоторыхъ извѣстій, заимствованныхъ составителемъ непосредственно. Сюда относятся:

1) Съ признаками отдѣльнаго сказанія,—извѣстіе о явленіи чудотворца Николая въ Тобольскѣ при воеводахъ Шереметевѣ и Пушкинѣ, помѣщенное подъ годомъ $\frac{7110}{1602}$ и о повелѣніи имъ построить себѣ церковь [3]).

2) Извѣстіе о явленіи Богородицы „нѣкоей женѣ“, помѣщенное подъ годомъ $\frac{7144}{1636}$ и о повелѣніи Ея построить себѣ церковь [4]).

3) Подъ годомъ $\frac{7176}{1668}$ записано сказаніе о возведеніи архіепископа Корнилія въ митрополиты. Это довольно подробное описаніе поставленія; указано мѣсто Корнилія среди другихъ русскихъ митрополи-

[1]) Стр. 12. [2]) 51—52. Этотъ источникъ впервые указанъ А. В. Оксеновымъ. [3]) Стр. 13. [4]) Стр. 16.

товъ, названы принадлежности его сана, данныя ему при этомъ случаѣ и проч. Повѣсть выдѣляется по языку; хотя слогъ не выдержанъ вполнѣ, однако видно, что начало выписано дословно изъ какого-то неизвѣстнаго источника. Конецъ описанія составитель изложилъ своими словами [1]).

4) Подъ годомъ $\frac{7184}{1676}$ помѣщено пространное извѣстіе о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и о приведеніи къ присягѣ въ Тобольскѣ на вѣрность царю Өедору Алексѣевичу [2]).

5) Извѣстіе о пожарѣ $\frac{7185}{1677}$ года 29 мая составляетъ также цѣлую отдѣльную повѣсть. По всей вѣроятности, это есть запись очевидца, ибо всѣ сгорѣвшія зданія перечислены весьма точно и подробно [3]).

6) Подъ годомъ $\frac{7190}{1682}$ записано извѣстіе о кончинѣ царя Өедора Алексѣевича и о приведеніи къ присягѣ въ Тобольскѣ на вѣрность царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ. Эта повѣсть выдѣляется своимъ объемомъ и, кромѣ того, по описанію всѣхъ подробностей событія, можетъ принадлежать только очевидцу приведенія къ присягѣ [4]).

7) Подъ годомъ $\frac{7195}{1687}$ описанъ походъ Василія Шульгина и пораженіе его при озерѣ Семикулѣ. Эта повѣсть отличается особенно по языку; употребляются, почти на всемъ протяженіи ея, старыя глагольныя формы [5]).

§ 22. Въ „Лѣтописцѣ“ есть слѣды граматы, присланной отъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи на имя воеводы А. П. Головина. Изъ нея составитель выписываетъ царскіе титулы [6]). Впрочемъ, можетъ быть, это заимствовано и изъ первоначальныхъ записей. Очевидно, царскіе титулы, прописанные въ этой граматѣ, представляли нѣчто особенное, ибо и составитель „Записокъ“ также выписываетъ подобные же титулы [7]).

---

1) Стр. 21. 2) Стр. 23—24. Въ этомъ сказаніи странно то, что приведеніе къ присягѣ совершалось три раза. Сначала приводилъ къ присягѣ П. М. Салтыковъ, затѣмъ кн. Тимофей Аѳанасьевичъ и, наконецъ, кн. Ив. Петр. Козловскій. 3) Стр. 25—26. 4) Стр. 29—31. 5) Стр. 35—36. Кромѣ того, по разнымъ мѣстамъ «Лѣтописца» встрѣчаются извѣстія, заимствованныя изъ записей, съ удержаніемъ ихъ грамматическихъ формъ. Напр., извѣстія подъ годами $\frac{7151}{1643}$ (о смерти дьяка Переносова), $\frac{7191}{1683}$ (о паденіи соборной церкви); особенно $\frac{7189}{1681}$ (о походѣ И. Суворова), послѣднее можетъ быть причислено къ самостоятельнымъ сказаніямъ; и подъ годомъ $\frac{7192}{1684}$ о пораженіи молніей церкви Николая Чудотворца (стр. 32). 6) Лѣт. 35. 7) Замѣтны также слѣды граматъ при извѣстіяхъ: подъ 1702 г.—о посылкѣ казенныхъ судовъ къ Ямышеву озеру (39 стр.), подъ годомъ 1704—о писаніи крѣпостныхъ дѣлъ (40), подъ 1705 г.—о бритьѣ бородъ, подъ 1706 г.—о наборѣ рекрутъ (41), подъ 1709 г.—о Полтавской побѣдѣ (42), подъ 1712 г.—о наборѣ рекрутъ (43).

§ 23. Прежде чѣмъ говорить о достовѣрности „Лѣтописца", необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, что изданный текстъ его иногда не представляетъ возможности опредѣлить, къ какому году относятся нѣкоторыя извѣстія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является испорченнымъ.

Такъ, подъ годомъ $\frac{7186}{1678}$ записанъ рядъ событій, относящихся, повидимому, къ этому году; нѣкоторыя изъ нихъ помѣчены датой: „того-жь года, въ томъ же году"; между тѣмъ, ближайшее разсмотрѣніе доказываетъ противное. Извѣстіе о привозѣ въ Тобольскъ колоколовъ помѣчено „въ томъ же 188 году", изъ этого слѣдуетъ, что и нѣкоторыя предыдущія извѣстія тоже относятся къ событіямъ 188 года; но съ какого именно извѣстія слѣдуетъ начинать этотъ 188 годъ,—неизвѣстно. Если основываться на этой датѣ, то придется приказъ воеводѣ Шереметеву относить также къ 188 году. Заложеніе церкви Николая Чудотворца нельзя отнести къ $\frac{7186}{1678}$ году, такъ какъ это извѣстіе помѣчено датой „того-жь года", а послѣдняя предыдущая дата—годъ 187, когда произошло заложеніе церкви Живоначальной Троицы, освященной въ томъ же году. Поэтому, если принимать при описаніи событій $\frac{7186}{1678}$ года дату „того-жь года" за годъ 187-й (встрѣчающійся въ первый разъ при извѣстіи о погребеніи Корнилія), то это будетъ противорѣчить общему обозначенію времени $\frac{7186}{1678}$, и всѣ событія придется относить къ 187 году, кромѣ одного—смерти арх. Корнилія; если же основываться каждый разъ на предыдущемъ обозначеніи времени, то годъ 188-й придется считать съ извѣстія о поставленіи архимандритомъ Матвѣя, ибо въ первый разъ сей годъ встрѣчается при извѣстіи объ освященіи церкви Дмитрія Солунскаго. При этомъ, извѣстіе о заложеніи церкви Сергіевской, освященной въ 189, нельзя пріурочивать къ предыдущей датѣ.

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ событія, изложенныя подъ годомъ $\frac{7186}{1678}$, довольно трудно пріурочить къ опредѣленному времени [1]).

Подъ тѣмъ же $\frac{7186}{1678}$ годомъ описано событіе 189 года [2]), а подъ годомъ $\frac{7189}{1681}$—событіе, относящееся къ 190-му году [3]).

Подъ годомъ $\frac{7190}{1682}$ записано: „Декабря въ 3 день, въ Тобольскѣ: бояринъ Алексѣй Андреевичъ Голицынъ" и проч. [4]). Эта дата имѣетъ

---

[1]) По всей вѣроятности, предъ описаніемъ привоза колоколовъ въ Тобольскъ, помѣченнымъ датой «въ томъ же 188 году», находились извѣстія, которыми и начинался сей годъ; такъ что здѣсь необходимо предполагать пропускъ. [2]) Стр. 28. [3]) Стр. 29. [4]) Ibid.

мало смысла; по всей вѣроятности, нужно читать: „съ 3 декабря“. Здѣсь же приведено извѣстіе о праздновании Владимірской Божіей Матери, а далѣе—о посланіи головъ въ слободы для приведенія къ присягѣ [1]); изъ текста видно, что послѣднее извѣстіе („а въ Томской и Енисейской“ и проч.) должно относиться къ предыдущему, и извѣстіе о праздникѣ должно почитаться вставкой.

Подъ годомъ $\frac{7195}{1687}$ записано сначала извѣстіе о полученіи въ Тобольскѣ бояриномъ Алексѣемъ Головинымъ граматы, а далѣе слѣдуетъ извѣстіе „и съ того числа по приказу боярина Алексѣя Петровича Головина съ товарищемъ Шульгинымъ Тобольскіе дѣти боярскіе и служилые люди... стояху“ и проч. о походѣ В. Шульгина [2]). Сопоставленіе этихъ извѣстій лишено смысла, ибо составителемъ не указано, что граматами предписано было именно идти въ походъ, да это и не могло быть предписано, ибо нападеніе произошло, какъ можно заключить изъ послѣдующаго, внезапно. Слова: „съ товарищемъ Шульгинымъ“ нельзя относить къ предыдущему: „по приказу боярина Алексѣя Петровича Головина“, ибо товарищемъ Головина былъ не Шульгинъ, а стольникъ Б. Д. Глѣбовъ [3]); дворянинъ же Василій Шульгинъ былъ только начальникомъ ратныхъ людей. Самый походъ также нельзя относить къ $\frac{7195}{1687}$ году, ибо упоминаемый въ концѣ описанія похода воевода Андрей Ѳедоровичъ Нарышкинъ („въ то время“) былъ назначенъ лишь въ $\frac{7202}{1694}$ году, какъ это видно изъ послѣдующаго [4]). Поэтому, походъ и пораженіе русскихъ подъ предводительствомъ Шульгина вѣрнѣе отнести ко времени воеводства Нарышкина. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно предполагать, что послѣ словъ „по приказу боярина Алексѣя Петровича Головина“ въ текстѣ идетъ пропускъ [5]), и слова эти относятся къ пропущенному извѣстію, а не къ помѣщенному ниже — о стояніи служилыхъ людей по слободамъ. Можетъ быть, эти слова относятся къ распоряженію воеводы съ товарищемъ писать въ граматахъ и донесеніяхъ съ того времени царскій титулъ такъ, какъ онъ написанъ въ граматахъ 3 октября. Это предположеніе имѣетъ за себя то, что царскій титулъ, прописанный въ означенныхъ граматахъ, очевидно, представлялъ нѣчто особенное для того времени, иначе составитель „Лѣтописца“ не сталъ бы его выписывать; тотъ же самый титулъ приводитъ и составитель „Записокъ“ [6]).

[1]) Стр. 31. [2]) Стр. 35. [3]) См. Систем. Переч., стр. 13. [4]) Стр. 37. [5]) Издатель «Лѣтописца» Е. В. Кузнецовъ полагаетъ, что пропускъ долженъ быть далѣе, послѣ словъ: «и послуша той приходъ воинскихъ воровскихъ людей» (стр. 35, примѣч.). Можетъ быть, и здѣсь также есть таковой, но необходимо предполагать пропускъ и въ указанномъ выше мѣстѣ. [6]) Подъ годомъ 1687 (стр. 265—266).

Время воеводства Нарышкина „Лѣтописецъ“ указываетъ съ $\frac{7201}{1694}$ года, но годъ 7201-й будетъ не 1694-й, а 1693-й (1 сент. 1692—1 сент. 1693). Впрочемъ, здѣсь цифра 7201 поставлена ошибочно, ибо далѣе слѣдуетъ запись: „того жъ 202 года“, а потому предыдущій годъ назначенія Нарышкина слѣдуетъ считать 7202-й. „Записки“ относятъ назначеніе Нарышкина къ 1693 году [1]); на этомъ основаніи, походъ Шульгина, описанный подъ годомъ $\frac{7195}{1687}$, необходимо отнести къ 1693 году. Къ этому же году относится и нападеніе калмыковъ на слободу близь Тары, записанное въ „Лѣтописцѣ“ также подъ годомъ $\frac{7195}{1687}$ [2]).

§ 24. Вопросъ о достовѣрности извѣстій „Лѣтописца“ разрѣшается главнымъ образомъ на основаніи того, насколько достовѣрна роспись воеводъ, находящаяся въ немъ. Сличеніе этой росписи съ „Систематическимъ Перечнемъ“, который и въ этомъ случаѣ должно считать за основу и, какъ составленный на основаніи оффиціальныхъ документовъ, даетъ слѣдующіе результаты:

Сибирскій Лѣтописецъ.	Систематическій Перечень.
$\frac{7106}{1598}$ г. письм. голова Нелединскій (стр. 12).	Колединскій (7) [3]).
— — — Ржевскій.	Раевской [4]).
$\frac{7108}{1600}$. Въ Верхотурьѣ воеводы: Головинъ и Воейковъ (12).	показаны въ 1598 году; „ставили городъ“ (28). Въ 1600 — Гаврила Салмановъ.
$\frac{7109}{1601}$ г.—посланный въ Мангазею воевода Влукъ Пушкинъ (12).	Савлукъ П. (поставилъ городъ вмѣстѣ съ Масальскимъ-Кольцовымъ (32).
— Евстафій Пушкинъ показанъ воеводой (12); далѣе, въ числѣ письменныхъ головъ значится тоже Евстафій Пушкинъ.	
$\frac{7111}{1603}$ г. письм. гол. Вас. Гавр. Хлюновъ (13).	Вас. Гавр. сынъ Хлоповъ (стр. 7 и примѣч. 3).

[1]) Зап., 280. Систем. Переч., стр. 13. [2]) Въ «Запискахъ» есть упоминанія о нападеніяхъ татаръ и калмыковъ (подъ годами 1690, 1691, 1692 и 1694 (стр. 276, 278, 287). Можетъ быть, означенное въ «Лѣтописцѣ» нападеніе относится къ послѣднему году (7202).
[3]) Нѣкоторыя отличія отмѣчены г. Газенвинкелемъ въ примѣчаніяхъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Переч., стр. 7, примѣч. 3. (Цифры въ скобкахъ при сличеніи означаютъ страницы).
[4]) Газенвинкель. Ibid.: «Раевской, по «Сиб. Лѣт.» читается Русевской»,

$\frac{7114}{1606}$.	Воев. Проскуровъ (13).	Троекуровъ (8 и прим. 7).
—	дьякъ Иванъ Голсниищевъ.	Филиппъ Өедоровъ Голенищевъ (8).
$\frac{7116}{1608}$	дьякъ Порфирьевъ; (письменный голова Александръ Ивановичъ Шаблыкинъ) (13).	Перфильевъ; (8). Иванъ Губинъ (8).
$\frac{7125}{1617}$	Иванъ Тимоөеевичъ Бобарыкинъ (14).	Тимоөей Ивановичъ Бобарыкинъ (37).
$\frac{7128}{1620}$	дьякъ Щепыревъ (14).	Шевыревъ (14).
$\frac{7133}{1624}$	дьякъ Иванъ Герасимовъ Мартемьяновъ (15).	Герасимъ Мартемьяновъ (8 и прим. 12) [1]).
—	дьякъ Данила Леонтіевъ (Ibid.).	Никита Леонтьевъ (Ibid.).
—	пис. гол. Григ. Суховидовъ (Ibid.).	Гр. Зловидовъ (Ibid.).
—	письм. гол. Н. Бѣглѣсовъ (Ibid.).	Н. Бѣглецовъ (Ibid.).
$\frac{7133}{1625}$	г. дьякъ Сг. Усольцевъ (15).	Ст. Уюцкой (9).
$\frac{7136}{1628}$	г. Андрей Андреевъ Дубенской (15).	Андрей Онуөріевъ Дубенской (9).
—	дьякъ—Яковъ Собакинъ (15).	Семенъ Собакинъ (9).
$\frac{7139}{1631}$	дьякъ—Наумъ Петровъ (15).	Наумъ Өедоровъ (9 и прим. 16).
$\frac{7141}{1633}$	голова Владычнинъ (16).	Владыкинъ (10).
$\frac{7147}{1639}$	Головинъ съ товарищами (16).	показаны съ 1640 г.
$\frac{7151}{1643}$	дьякъ Алексѣй Андреевъ Коковинскій (17).	Алексѣй Александровъ К. (10).
$\frac{7156}{1645}$	дьякъ Дмитрій Прокопьевъ (17).	1646 г. Дмитрій Герасимовъ Карповъ (10).
	Голова А. Ө. Захарьинъ (17).	А. Ө. Гагаринъ (10).
$\frac{7160}{1652}$	воев. кн. Семенъ Ивановичъ Хитровъ (18).	Василій Ивановъ Хилковъ (11).
—	.... Өедоровичъ Болтинъ (Ibid.).	Баимъ Ө. Б. (Ibid.).
—	пис. гол. Иванъ Леонтьевъ Полуектовъ (Ibid.).	Матвѣй (Иванъ) Леонтьевъ с. Полуектовъ (11).

[1]) Изъ примѣчанія 12-го видно, что въ изданіи «Лѣтописца», которымъ пользовался К. Б. Газенвинкель, Мартемьяновъ названъ Иваномъ Григорьевымъ; въ изд. Е. В. Кузнецова—Иванъ Герасимовъ.

$\frac{7172}{1664}$ дьякъ Ячуковъ (21).	Ельчуковъ (Ibid.).
$\frac{7181}{1673}$ дьякъ Григорій Михайловъ Головинъ (23).	Григорій Алексѣевъ Михайловъ (12).
— дьякъ Ѳедоръ Протопоповъ названъ далѣе (стр. 24) стольникомъ.	
$\frac{7186}{1678}$ Михайло Семеновичъ Квашнинъ (26).	Михайло Мелентьевъ Квашнинъ (12).
7188 г. Гол. письмен. Иванъ Ѳедоровъ Сабуровъ (27).	1680—82 Ив. Ѳед. Суворовъ (13).
Въ $\frac{7189}{1681}$ г. по указу, письменный голова Иванъ Ѳедоровъ сынъ большой Суворовъ поѣхалъ въ Томскъ на воеводство товарищемъ къ кн. Ивану Масальскому (28).	Съ 1680—1683 въ Томскѣ показанъ воеводой одинъ кн. П. Кольцовъ - Масальскій. Иванъ Суворовъ показанъ письмен. головой въ 1684—1686 гг. при воеводѣ Андреѣ Кольцовѣ - Масальскомъ (36).

Тожество Ивана Ѳедорова Сабурова и Ивана Ѳедорова сына большаго Суворова въ „Лѣтописцѣ“ можно вывести изъ того, что имени Суворова ранѣе не встрѣчается, между тѣмъ оба они названы письменными головами; по всей вѣроятности, это одно лицо; тѣмъ болѣе, что въ „Перечнѣ“ есть также Суворовъ, но нѣтъ Сабурова. Назначеніе Суворова въ 1681 году товарищемъ воеводы Ивана Масальскаго въ Томскъ подвержено сомнѣнію, въ виду извѣстія „Перечня“.

$\frac{7190}{1682}$ Стольн. Кирила Аристарховичъ (29).	К. А. Яковлевъ (13).
7192 Борисъ Алексѣевичъ Солнцевъ-Засѣкинъ (32).	Борисъ Андреевъ Солнц. - Зас.
Отъѣздъ Нарышкиныхъ изъ Тобольска указанъ въ февралѣ $\frac{7206}{1698}$ года (38).	19 февраля 1698 г. (14).

§ 25. Такимъ образомъ, роспись воеводъ, вошедшая въ „Сибирскій Лѣтописецъ“, не отличается ни полнотою, ни достовѣрностью. Пользуясь ею, необходимо каждый разъ справляться съ „Систематическимъ Перечнемъ“ или вообще съ оффиціальными документами. При опредѣленіи достовѣрности „Сибирскаго Лѣтописца“ необходимо

обращаться къ „Запискамъ". Выше были отмѣчены тѣ извѣстія „Лѣтописца", которыя совпадаютъ съ извѣстіями „Записокъ", отмѣчены уклоненія „Лѣтописца", а также извѣстія, которыя принадлежатъ одному только „Лѣтописцу"; поэтому нѣтъ нужды повторять ихъ здѣсь, и читатель самъ можетъ вывести, насколько достовѣрно данное извѣстіе. Далѣе мы обратимся только къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя нашли въ оффиціальныхъ документахъ.

Подъ годомъ $\frac{7124}{1616}$ записано о томъ, что въ Тобольскѣ начали быть кружечные дворы и что многіе люди, благодаря этому, пропили все свое достояніе. Такое же извѣстіе есть и подъ годомъ $\frac{7167}{1659}$; „мая въ 25 день, прислано съ Москвы въ Сибирь, въ Тобольскъ, Государево вино горячее и учали съ того числа быть кружечные дворы на горѣ и подъ горою" и т. д. [1]). Извѣстно, что устроенные въ Тобольскѣ кабаки были вскорѣ закрыты именно вслѣдствіе того, что многіе изъ служилыхъ людей начали пропиваться и уклоняться отъ службы [2]). Второе изъ приведенныхъ извѣстій показываетъ, что открытіе кабаковъ въ 1659 году было уже вторичное. О посылкѣ Полуектова противъ башкиръ и о сраженіи съ ними на Синарѣ въ 1662 году [3])— дополнительное извѣстіе къ „Запискамъ". (См. „Зап.", стр. 195—196 и въ отдѣлѣ о „Запискахъ").

Подъ годомъ $\frac{7195}{1687}$ описано пораженіе Шульгина у озера Семипскуля. Оно неправильно отнесено къ этому году; однако въ этомъ извѣстіи есть дополнительныя данныя къ „Запискамъ" [4]). (См. выше, въ отд. о „Запискахъ").

Подъ годомъ $\frac{7206}{1698}$ записано: „Пріѣхалъ въ Тобольскъ съ Москвы перепищикъ, Московскій дворянинъ Иванъ Качаловъ, и переписывалъ и накладывалъ въ Тобольскомъ уѣздѣ и въ городахъ и въ слободахъ десятинную пашню и денежные оброки" [5]). Въ именномъ указѣ, даннолъ Кочанову 5 дек. 1697 г., читаемъ: „Великій Государь указалъ послать съ Москвы въ Сибирь въ Тобольскъ и Тобольскаго Разряду въ городы, на Верхотурье.... дворянина Ивана Кочанова для переписи и межеванія земель и дворовъ и въ нихъ людей и всякихъ угодей" [6]). Качаловъ „Лѣтописца" есть Кочановъ, о которомъ говорится въ указѣ. О переписи, произведенной этимъ Кочановымъ, упоминается въ грамотѣ Туринскому воеводѣ о посылкѣ дьяка Адріана

[1]) Лѣт., 14, 19. [2]) См. Царск. Грам. Верхот. воевод. кн. Борятинскому и Языкову отъ 20 авг. 1623 г., А. И., т. III, № 123. [3]) Лѣт., 20. [4]) Лѣт., 35 — 36. Зап., 283 — 285. [5]) Лѣт., 38. [6]) П. С. З., т. III, № 1605.

Григорьева Ратманова для переписи жителей, отъ 20 февр. 1703 года: „... да къ тѣмъ дѣламъ тѣхъ вышеписанныхъ городовъ служилымъ и слободцкимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людемъ изъ приказные избы и отъ Ивана Качанова имянные списки и переписные и окладные книги... чинить ему Андреяну всякое вспоможеніе“... [1]).

Подъ годомъ 1703 находится извѣстіе о пріѣздѣ въ Тобольскъ дьяка Помѣстнаго Приказа А. Г. Ратманова, съ нимъ 7 подьячихъ и 20 солдатъ. Ему велѣно было произвести рекрутскій наборъ въ Сибири. Собрано было болѣе 11.000 человѣкъ. Это извѣстіе подтверждается грамотой, данной Тур. воеводѣ Н. П. Дурново 20 февр 1703 года: „И для того дѣла посланъ съ Москвы изъ приказу военныхъ дѣлъ діакъ нашъ Андреянъ Григорьевъ сынъ Ратмановъ, да съ нимъ для дѣлъ и писма подьячихъ, старыхъ двое, средней статьи и молодыхъ пятеро... да для карауловъ и посылокъ Юрьева полку Абрама 20 человѣкъ солдатъ“. Велѣно набрать 10.000 человѣкъ [2]).

Подъ 1704 годомъ записано о назначеніи товарищемъ Тобольскаго воеводы кн. Мих. Черкасскаго сына его Алексѣя [3]). Однако, кн. А. М Черкасскій упоминается уже воеводой гораздо ранѣе, а именно 16 октября 1703 года, въ граматѣ Енисейскому воеводѣ Б. Д. Глѣбову [4]).

Подъ годомъ 1705 записано о приказаніи брить бороды, усы и носить нѣмецкое платье [5]). Объ этомъ см. въ грамотѣ Енисейск. воеводѣ Б. Глѣбову отъ 28 апр. 1705 г. и въ отпискѣ Тоб. воев. Енисейскому отъ 28 іюля 1705-го же года [6]).

Подъ 1706 годомъ записано о прибытии въ Тобольскъ Московскаго Дворянина Я. Ф. Жеребцова, посланнаго производить слѣдствіе о соболиной рухляди [7]). Объ этомъ Жеребцовѣ см. въ грамотѣ Енисейскому сыну боярскому Я. Елагину объ оказаніи содѣйствія, отъ 18 дек. 1706 г. [8]).

Подъ 1709 годомъ извѣстіе о посылкѣ въ Тобольскъ, Верхотурье, Пелымь, Туринскъ и Тюмень стольника И. Ѳ. Бибикова, капитана И. У. Дашкова съ подьячими Сибирскаго Приказа для набора солдатъ [9]). Въ отпискѣ Тобольск. воеводъ Мих. и Ал. Черкасскихъ къ царю, отъ 27 іюня 1709 года, сказано: „... марта въ 21 числѣ пріѣхали въ Тоболескъ, по твоему великого государя указу, для набору солдатъ, столникъ Иванъ Ѳоминъ сынъ Бибиковъ да капитанъ Иванъ Устиновъ сынъ Дашковъ, и нынѣ де дворянъ и дѣтей боярскихъ и

---

[1]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 49. [2]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 49. [3]) Лѣт., 40. [4]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 56. [5]) Лѣт., 41. [6]) П. С. И. XVIII в., кн. I, №№ 65 и 66. [7]) Лѣт., 41. [8]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 73. [9]) Лѣт., 42.

казаковъ побрали къ себѣ на съѣзжей дворъ къ смотру для набору въ солдацкую службу“ [1]).

Подъ 1710 годомъ „Лѣтописецъ“ даетъ извѣстіе о поставленіи митрополитомъ въ Сибирь Іоанна, арх. Черниговскаго, и о томъ, что прежній митрополитъ Филоѳей принялъ въ 1709 г. схиму [2]). Въ царской грам. отъ 7 іюня 1710 года есть упоминаніе о „бывшемъ митрополитѣ сибирскомъ и тобольскомъ Ѳеодорѣ“ [3]).

Фамилія упоминаемаго подъ годами 1711, 1713 и 1714 дьяка Ивана Бахтина [4]) была Баутинъ [5]).

Подъ годомъ 1714 — извѣстіе о посылкѣ лейбъ-гвардіи подполковника И. Д. Бухгольца (Бухальцова) съ войскомъ въ степь [6]). Указъ Бухгольцу послѣдовалъ отъ 22 мая 1714 г. Ему предписано было идти въ Калмыцкую землю, по р. Дарьѣ. Пунктомъ первымъ предписанія ему велѣно было идти сначала къ Ямышеву озеру, гдѣ поставить городъ, а затѣмъ двигаться далѣе для развѣдки о мѣстахъ, въ которыхъ добывается золото. Численность отряда опредѣляется указомъ въ 1.500 человѣкъ [7]).

О пріѣздѣ кн. М. П. Гагарина въ Тобольскъ [8]) см. Словцова, Истор. обозр. Сиб. (Спб. 1886 г.). Кн. I, стр. 186 — 187 и кн. II, стр. 363 — 364. Изъ приведеннаго сопоставленія можно видѣть, что извѣстія „Лѣтописца“, относящіяся къ XVIII в., не противорѣчатъ оффиціальнымъ документамъ.

§ 26. Сводя все сказанное о „Сибирскомъ Лѣтописцѣ“, получаемъ слѣдующіе результаты:

1) „Сибирскій Лѣтописецъ“, обнимающій время съ $\frac{7098}{1590}$ до 1715 года, описываетъ преимущественно жизнь города Тобольска.

2) Текстъ „Сибирскаго Лѣтописца“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченъ и не можетъ быть признанъ вообще, въ отношеніи исправности, удовлетворительнымъ.

3) Составленіе „Лѣтописца“ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, можетъ быть отнесено къ первой четверти XVIII вѣка. Событія XVIII в., вошедшія въ „Лѣтописецъ“, описаны, кажется, очевидцемъ. Мѣсто составленія, вѣроятно, — Тобольскъ. Составитель неизвѣстенъ.

4) Извѣстія „Лѣтописца“ могутъ быть раздѣлены на три группы. Къ первой относится роспись воеводъ и другихъ оффиціальныхъ лицъ

---

[1]) П. С. И. XVIII в., кн. I, № 88 (стр. 376). [2]) Лѣт., 42. [3]) П. С. И. XVIII в. кн. I, № 96. [4]) Лѣт., 43, 44. [5]) П. С. И. XVIII в., кн. I, №№ 84, 89. [6]) Лѣт. 45. [7]) П. С. И. XVIII в., кн. II, № 11. [8]) Лѣт., 42—43.

г. Тобольска; ко второй группѣ—извѣстія церковныя; извѣстія о тобольскихъ происшествіяхъ входятъ въ третью группу.

5) Основой „Лѣтописца“ служила роспись воеводъ, къ которой составитель присоединилъ другія извѣстія, не соблюдая хронологической непрерывности. Кромѣ росписи воеводъ источниками служили: 1) современныя записи о жизни церковной и о мѣстныхъ происшествіяхъ г. Тобольска, 2) отдѣльныя сказанія, 3) грамоты, 4) „Новый Лѣтописецъ“ редакціи „Лѣтописи о мятежахъ“.

6) По отношенію къ „Запискамъ“ „Лѣтописецъ“ долженъ быть признанъ самостоятельнымъ.

7) Степень достовѣрности разныхъ частей „Лѣтописца“ неодинакова. Роспись воеводъ не полна и въ бо́льшей части недостовѣрна, потому и не имѣетъ значенія. То же должно сказать и объ извѣстіяхъ о Тобольскихъ іерархахъ. Извѣстія о Тобольскихъ происшествіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они совпадаютъ съ таковыми же „Записокъ“, должно считать достовѣрными. Многихъ извѣстій этого рода провѣрить нельзя. Извѣстія, относящіяся къ XVIII вѣку, передаются вообще вѣрно.

8) Поэтому „Сибирскій Лѣтописецъ“, служа дополнительнымъ источникомъ къ „Запискамъ“, долженъ считаться источникомъ второстепеннымъ.

9) Изученіе „Тобольскаго Лѣтописца“ убѣждаетъ въ существованіи старинныхъ тобольскихъ записей (церковныхъ и городскихъ), остающихся для насъ неизвѣстными.

Глава V.

Краткое Показаніе.

§ 1. Полное заглавіе этой лѣтописи таково: „Краткое Показаніа | о бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ Си|бирскихъ Городахъ и Острогахъ съ начала взятія | Сибирскаго Государства, Воеводахъ и Губерна | торахъ, и прочихъ чинахъ, и кто они | имянно, и въ какихъ городахъ | были и кто какой городъ | строилъ, и когда. | Писанное въ Тобольскомъ домѣ Архіерейскомъ | 1791 года. | Печатано съ дозволенія Управы Благочинія | въ Тобольскѣ, | Въ Типографіи у Василья Корнильева. | 1792 года“. Въ книгѣ 84 стр. in 4⁰. Въ концѣ замѣтка: „Продолженіе будетъ впредь“; но продолженія, кажется, не было.

Во второй разъ „Показаніе“ было напечатано въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1871 году, въ №№ 15 и 16 [1]).

Въ третій разъ „Показаніе“ было перепечатано, хотя и не вполнѣ, въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1883-й годъ, въ №№ 2 (стр. 47—49), 3 (76—79), 4 (107—109), 5 (134—139), 6 (173—176), 9 (270—272), въ неоффиціальномъ отдѣлѣ. На этомъ послѣднемъ изданіи необходимо остановиться.

§ 2. „Въ Томскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ изъ „Показанія“ перепечатана только статья о городѣ Тобольскѣ, оканчивающаяся 1791 годомъ. Редакція обѣщала продолженіе, но его не послѣдовало.

Въ началѣ „Показанія“ редакціей сдѣлано такое примѣчаніе: „Его Высокопреосвященство, Варлаамъ, Архіепископъ Тобольскій и Сибирскій въ знакъ своего Архипастырскаго благоволенія презентовалъ сію книжицу краткое показаніе о Сибири Градо-Томскаго Богородицы-Алексѣевскаго Монастыря, Г-ну настоятелю Отцу Игумену Даніилу, 1797 года декабря 1 дня въ Тобольскѣ. Подписалъ Дому Архіерейскаго К. діаконъ Филиппъ Тетюцкій. Приложена въ Монастырь наслѣдниками того Игумена 1807 года октября 29 дня. Подписалъ Игуменъ Ѳеофилактъ“. Въ подлинномъ показаніи есть письменная замѣтка: „поступившій въ сей монастырь Настоятелемъ игуменъ Даніилъ въ 1796 году, преставился 1806 г. ноября 5 числа“ [2]).

Кромѣ того, къ статьѣ, о Тобольскѣ редакціей сдѣлано такое добавленіе:

„1802. Декабря 27 преставился въ Тобольскѣ Епископъ [3]) Варлаамъ, авторъ сего краткаго Показанія. Слѣд. правилъ епархіею 33 года, 9 мѣсяцевъ.

1803. Февраля 23 Вологодскій Епископъ Антоній произведенъ во Архіепископа и опредѣленъ въ Тобольскую епархію, прибылъ въ Тобольскъ марта на 24 число, (а далѣе другою рукописью и другими чернилами) а отбылъ изъ онаго въ Ярославль 1806 года іюня 20 числа. До здѣ рукописью“. Этими словами печатаніе „Показанія“ въ „Томск. Епарх. Вѣд.“ окончилось. Въ самой статьѣ о Тобольскѣ редакція сдѣ-

---

[1]) Щегловъ, Хронолог. Переч. и пр. Ирк. 1883 г., стр. 326, 327. Межовъ, Сибирск. Библіогр. т. II, Спб. 1891 г., стр. 18. Этимъ изданіемъ «Показанія» мы не имѣли возможности воспользоваться. Въ статьѣ А. И. Дмитріева-Мамонова: «Печать въ Тобольскомъ Намѣстничествѣ въ концѣ XVIII ст.», напечатанной въ Памятн. Книжкѣ Тобольск. губ. на 1884 г. (Тоб. 1884 г.), стр. 341, второе изданіе показано въ «Тоб. Губ. Вѣд.» за 1870 г. Здѣсь же замѣтка, что «Показ.» перепечатано полностію. [2]) Томск. Епарх. Вѣд. 1883 г., № 2, стр. 47. [3]) Ошибка; Варлаамъ былъ архіепископомъ съ титуломъ—Тобольскій и Сибирскій. А. Сулоцкій, Тобольскіе и Томскіе Архипастыри. О. 1881 г., стр. 10.

лала еще добавленіе, обращающее на себя особенное вниманіе, а именно: подъ годомъ 1769 („Томск. Еп. Вѣд.“ № 6, стр. 175—176) извѣстіе о прибытіи Варлаама передано такъ: „Сего года марта 8 дня прибылъ въ Тобольскъ Преосвященный Епископъ Варлаамъ (авторъ сего краткаго показанія), хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ 1768 г.“ и проч.

Изъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ редакціей „Томск. Еп. Вѣд.“, можно заключить, что составителемъ „Показанія“ былъ именно арх. Варлаамъ, на что указываютъ слова: „авторъ сего краткаго показанія“. Но такой выводъ неправиленъ. Редакція пользовалась при печатаніи экземпляромъ „Показанія“, принадлежащимъ въ настоящее время Томскому Алексѣевскому монастырю. Въ этомъ экземплярѣ, дѣйствительно, есть рукописныя замѣтки, которыя и послужили редакціи матеріаломъ для добавленій. Чтобы возстановить истинный смыслъ этихъ рукописныхъ замѣтокъ, приводимъ ихъ по порядку. На внутренней сторонѣ переплета, вверху, есть такая надпись: „Приложена въ Монастырь наслѣдниками того Игумена 1807 года октября 29. — Подписалъ Игуменъ Ѳеофилактъ“. Эта надпись, сдѣланная въ 1807 году, становится понятной послѣ надписи, слѣдующей далѣе, на первомъ чистомъ листѣ передъ печатнымъ текстомъ „Показанія“. Эта надпись гласитъ: „Его высокопреосвященство | Варлаамъ | Архіепископъ Тоболскій и Сибирскій, | Въ знакъ своего Архипастырскаго Благоволенія [1]) | Презентовалъ | Сію книжицꙋ Краткое показаніе о Сибири. | Градо-томскаго, Богородицы [2])-Алексіевскаго | Монастыря Г-ну Настоятелю, | Отцꙋ Игумену Даніилу. | 1797 Года Декабря 1-го Дня. | Въ Тоболскѣ. | Подписалъ дому Архіерейскаго К. [3]) діаконъ | Филиппъ Тетюцкій...“ Далѣе, на стр. 22, подъ извѣстіемъ о прибытіи Варлаама (1769 г.) въ Тобольскъ, слѣдуетъ рукописная замѣтка: „преставился 1802 году декабря 27 дня в Тоболску“. На стр. 27, послѣ статьи о Тобольскѣ, рукописная замѣтка: „1803 Года | февраля 23-го вологодскій епі | скопъ-антоній проізведенъ в архіепі | скопы и определенъ Въ таболь | скую эпархію—прибылъ Въ | таболскъ Марта на 24-е Чісло“—далѣе уже другой рукой: „а отбылъ изъ онаго въ Ярославль 1806-го года, Іюня 20 числа“. На стр. 67 добавлено отчество воеводы Прокопія Поводова: „Прокопьевичь“, а внизу рукописная замѣтка: „поступившій въ сей монастырь настоятелемъ | Игуменъ даніилъ въ 1796-мъ году—предста | вился 1806 года ноября 5-го ч.“

[1]) Подъ титломъ. [2]) Тоже. [3]) Казначей?

Эта замѣтка сдѣлана, кажется, той же рукою, какъ и на стр. 27 объ отъѣздѣ Антонія въ Ярославль. Наконецъ, на стр. 70, подъ 1648 г. послѣ извѣстія о построеніи Кузнецкаго Рождественскаго монастыря и упраздненіи его, рукописная замѣтка: „1769 г. 7 окт. при Игумнѣ Адріанѣ". Этимъ ограничиваются всѣ рукописныя замѣтки, внесенныя въ экземпляръ „Показанія", принадлежащій Томскому Алексѣевскому монастырю. Онѣ не даютъ никакого основанія считать арх. Варлаама составителемъ „Показанія", и слова: „авторъ сего краткаго показанія" внесены въ добавленія произвольно.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ двѣ перепечатки „Показанія"; послѣдняя сдѣлана не вполнѣ [1]).

§ 3. „Показаніе" начинается 1581-мъ годомъ, съ извѣстія о взятіи Сибири, и оканчивается 1791 годомъ. Оно состоитъ преимущественно изъ перечисленія служилыхъ людей: воеводъ, ихъ товарищей, а съ 1705 года—губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Изложеніе расположено по годамъ, при чемъ, съ внѣшней стороны, лѣтопись раздѣляется на нѣсколько главъ, ибо изложеніе расположено вмѣстѣ съ тѣмъ и по городамъ. Сначала перечислены воеводы города Тобольска (1581—1791), затѣмъ слѣдуютъ города въ такомъ порядкѣ: Тюмень (1593—1687), Березовъ (1599—1687), Пелымъ (1603—1687), Тара (1601—1687), Сургутъ (1599—1687), Нарымъ и Кетскъ (1601—1687), Верхотурье (1603—1687), Кузнецкъ (1618—1687), Енисейскъ (1619—1687), Красноярскъ (1627—1687), Якутскъ (1643—1687), Илимскій Острогъ (1648—1687), Нерчинскъ и Иркутскъ (1656—1687). Лѣтопись оканчивается извѣстіями о поставленіи городовъ Удинска (1649), Селенгинска (1680) и острога Нижнекамчатскаго (1694). Что касается сибирскихъ городовъ (кромѣ г. Тобольска), то должно сказать, что извѣстія о нихъ ограничиваются лишь перечисленіемъ воеводъ, тогда какъ въ главу о Тобольскѣ вошли разнообразныя свѣдѣнія: о церковной жизни (перечисленіе іерарховъ), о поставленіи новыхъ церквей, а также свѣдѣнія о тобольской жизни, преимущественно о пожарахъ. Такимъ образомъ, извѣстія „Показанія", вошедшія въ главу о Тобольскѣ, раздѣляются на слѣдующія части:

---

[1]) Мы пользовались указаннымъ уже экземпляромъ изд. 1792 г., принадлежащимъ Томск. Алекс. монастырю. Въ нашихъ рукахъ былъ еще экземпляръ (изд. тоже 1792 г.), принадлежавшій нѣкогда извѣстному историку Н. А. Абрамову. Отъ него этотъ экземпляръ перешелъ въ библіотеку Березовскаго уѣзднаго училища, нынѣ же онъ принадлежитъ Томскому университету. На нѣкоторыхъ листахъ сохранились замѣтки (вѣроятно, прежняго его владѣльца), а на одномъ изъ листовъ—подпись Н. А. Абрамова.

1) Первую и главную часть составляетъ перечень административныхъ лицъ.

2) Извѣстія о церковной жизни г. Тобольска, о построеніи церквей, о митрополитахъ и проч.

3) Разныя происшествія городской жизни.

Не касаясь пока первой части, о которой рѣчь будетъ ниже при разсмотрѣніи перечня воеводъ вообще, остановимся на второй и третьей.

§ 4. а) Къ извѣстіямъ о церковной жизни относятся: подъ годомъ 1589—о построеніи церкви Живоначальной Троицы [1]), 1598—Троицкой церкви съ придѣломъ во имя Николая Чудотворца [2]), подъ 1610—о перенесеніи мужскаго монастыря и о построеніи обыденной церкви (1611 г.) во имя Николая Чудотворца [3]), 1621 г.—объ учрежденіи тобольской епархіи и о прибытіи перваго архіепископа Кипріана [4]). Подъ 1624 г. записано о вторичномъ переводѣ мужскаго монастыря и о построеніи въ немъ церквей, Знаменской (отъ которой и монастырь получилъ свое названіе) и Зосимы и Савватія, объ отъѣздѣ Кипріана изъ Тобольска. Въ 1625—прибытіе втораго архіепископа, Макарія; 1635—смерть его; 1636 г.—прибытіе Нектарія и явленіе иконы Знаменія Богородицы, на Абалакѣ, въ память чего была построена церковь. 1641 г.—отъѣздъ Нектарія и смерть его; прибытіе арх. Герасима Кремлева [5]). 1645—упоминаніе о пожарѣ, истребившемъ соборную и нѣсколько приходскихъ церквей. 1646 г.—заложеніе Софійскаго собора [6]). 1650 г.—смерть Герасима. 1652 г.—прибытіе Симеона и устройство имъ Межугорскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, при чемъ соборный протоіерей М. Бирюковъ сдѣлалъ вкладъ заимкой съ относящимися къ ней угодьями [7]). 1665 г.—отъѣздъ арх. Симеона въ Москву и прибытіе митр. Корнилія. Онъ установилъ обычай ежегоднаго принесенія образа Знаменія изъ Абалака въ Тобольскъ [8]). 1677 г.—пожаръ истребилъ соборную церковь, семь приходскихъ, архіерейскій домъ и Знаменскій монастырь [9]). 1678 г.—смерть митр. Корнилія. 1679 г.—построеніе Вознесенской церкви и прибытіе арх. Павла [10]). 1680 г.—сильный пожаръ истребилъ церкви Вознесенскую, Троицкую и Богоявленскую. 1683 г.—закладка каменной церкви въ с. Абалацкомъ [11]). 1685 г.—заложена церковь Преображенская въ Знаменскомъ монастырѣ, окончена въ 1691 г. Въ 1689 г. освящена соборная Успенская церковь. 1690—1691 г.—заложены церкви Троицкая и Богородская. 1692 г.—отъѣздъ митр. Павла; подъ

[1]) Показ., 4. [2]) Стр. 5. [3]) 6. [4]) 7. [5]) Показ., 8. 9, 10. [6]) ib., 10. [7]) ib., 11. [8]) ib., 12. [9]) ib., 13. [10]) ib., 14. [11]) Пок., 14.

этимъ-же годомъ приведена замѣтка: „при немъ вылиты колокола трехсотной и пяти-сотной“ [1]). 1693 г.—прибытіе митр. Игнатія Корсакова-Римскаго. Далѣе слѣдуютъ замѣтки: о смерти Игнатія (1700), о назначеніи Дмитрія Савича, управлявшаго епархіей два года изъ Москвы, о назначеніи Филоѳея Лещинскаго, о поставленіи имъ рѣзнаго иконостаса въ соборной церкви и крещеніи 40 тыс. язычниковъ; наконецъ, извѣстіе объ удаленіи его въ Тюменскій монастырь и постриженіи въ схиму [2]). 1711—1715 г.—правленіе митр. Іоанна Максимовича. 1715—вновь опредѣленъ митрополитомъ Филоѳей Лещинскій, „Архіієро-схимонахъ Ѳеодоръ“, но въ 1721 г. онъ снова оставилъ управленіе епархіей и уѣхалъ въ Тюменскій монастырь. Въ томъ же году пріѣхалъ новый митрополитъ Антоній Стаховской; при немъ былъ вылитъ колоколъ въ 1.011 пуд., выкопанъ колодезь при архіерейскомъ домѣ и сдѣлана каменная палата. Въ 1726 г. умеръ „Архіієро-схимонахъ Ѳеодоръ“ и погребенъ въ Тюменскомъ монастырѣ, по завѣщанію,—внѣ церкви, предъ крыльцомъ. Въ 1735 г. заложена каменная церковь Благовѣщенія. Въ 1740 г. Антоній умеръ [3]); на его мѣсто опредѣленъ Никодимъ Сребницкій, правившій 1 годъ изъ Москвы. Подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о закладкѣ церкви Спасской. Въ 1741 г. прибылъ митрополитъ Арсеній Маціевичъ, прожившій въ Тобольскѣ лишь до 1742 года. Въ этомъ году пріѣхалъ новый митрополитъ Антоній Нарожницкій. Вмѣсто Приказа, который вѣдалъ епархіальныя дѣла, при немъ была учреждена Консисторія, „и какъ былъ любитель ученія: то для училищь покои устроилъ, и учредилъ латинскаго діалекта школы, призвавъ учителей изъ Кіевской Академіи“. При немъ построенъ теплый соборъ Печерскихъ преподобныхъ и заложена церковь Николая Чудотворца [4]). Въ 1748 митр. Антоній умеръ, а въ 1749 г. прибылъ на его мѣсто Сильвестръ Головацкій [5]). Подъ 1750—1752 г. находятся извѣстія о построеніи церквей Вознесенской, Николая Чудотворца на Абалакѣ, архіерейскихъ келій, о заложеніи каменной церкви Рождества Христова, придѣла Іоанна Златоуста въ соборѣ и церкви Іоанна Предтечи въ Межугорскомъ монастырѣ. Въ 1754 г. заложена церковь Срѣтенія Господня. Въ 1755 г. Сильвестръ уѣхалъ въ Суздальскую епархію. Въ 1758 г. на мѣсто его прибылъ Павелъ Конюшкевичъ [6]). Въ 1759 г. заложена церковь (каменная) Захаріи и Елизаветы. Въ года 1763—1781 заложены церкви, Покровская (освящена въ 1771 г.) и въ Знаменскомъ монастырѣ—во имя Богородицы и

---

[1]) ib., 15. [2]) ib., 16. [3]) ib., 17. [3]) 18. [4]) 19. [5]) 20. [6]) Пок., 21.

Николая Чудотворца. Въ 1768 г. Павелъ по именному повелѣнію уѣхалъ въ Москву, а его мѣсто занялъ въ 1769 г. „преосвященный епископъ“ Варлаамъ [1]). Подъ тѣмъ же годомъ—извѣстіе о закладкѣ церкви Петра и Павла. Въ 1770 г. семинарія переведена изъ архіерейскаго дома въ Знаменскій монастырь, гдѣ для нея были исправлены кельи. Въ 1773 г.—заложенъ архіерейскій домъ; въ 1774 г.—построены въ Ивановскомъ монастырѣ каменныя кельи. Въ 1775 г. заложена церковь семи отроковъ ефесскихъ, за городомъ при кладбищѣ. Въ 1776 г. заложена при архіерейскомъ домѣ келейная церковь во имя Троицы, освящена была въ 1784 году [2]). Въ 1781 г. начаты въ Знаменскомъ монастырѣ каменныя кельи. Въ 1783 г. монастырь Невьянскій переведенъ въ с. Абалацкое; въ слѣдующемъ году начаты постройки для него и церковь Богоявленія. Въ томъ же 1784 г. было наводненіе: Знаменскій монастырь былъ затопленъ, а въ Преображенской церкви вода стояла на высотѣ одного аршина. Въ 1784-мъ же году въ с. Преображенскомъ была заложена церковь Преображенская. Въ 1787 г. возобновленъ и освященъ Софійскій соборъ, выстроено зданіе консисторіи и монашескій корпусъ при архіерейскомъ домѣ [3]). Подъ 1788 годомъ записано о пожарѣ, во время котораго сгорѣли, между прочимъ, архіерейскій домъ, Знаменскій монастырь и 9 церквей. Подъ тѣмъ же годомъ находятся извѣстія о вновь построенныхъ, исправленныхъ и освященныхъ церквахъ, взамѣнъ погорѣвшихъ. Всего было освящено въ 1788—1791 годахъ 4 церкви, 8 придѣловъ, заложено: 1 церковь и 1 придѣлъ [5]). Этимъ оканчивается глава о г. Тобольскѣ [6]).

Чтобы покончить съ извѣстіями о церковной жизни, вошедшими въ „Показаніе“, перечислимъ таковыя же извѣстія, помѣщенныя и въ другихъ главахъ. Къ нимъ принадлежатъ извѣстія: о построеніи Тюменскаго Троицкаго монастыря въ 1616 году [7]), Туринскаго Николаевскаго—въ 1622 г. [8]), Туруханскаго Троицкаго — въ 1660 г. [9]), Томскаго Алексѣевскаго—въ 1663 г. [10]), Кузнецкаго Рождественскаго—въ 1648 г. [11]), при чемъ замѣтка: „оной монастырь нынѣ упраздненъ“, Енисейскаго Рождественскаго, дѣвичьяго, въ 1623 г. [12]), Енисейскаго Спасскаго — въ 1642 г. „отъ усердно-труждающихся Богу

[1]) ib., 22. [2]) ib., 23. [3]) Пок., 25. [4]) ib., 26. [5]) ib., 26—27. [6]) Въ экземплярѣ «Показ.», принадлеж. Томск. унив., далѣе слѣдуютъ рукописныя замѣтки (вѣроятно, Н. А. Абрамова): «Губернаторъ Лерхъ», перечисленіе архіереевъ: «Амвросій 1-й, Амвросій 2-й, Евгеній прибылъ архіерей 1826 г. Павелъ помре архіерей. Аѳанасій при[былъ] 1832 года арх.». [7]) Пок., 28. [8]) ib., 57. [9]) ib., 64. [10]) ib., 67. [11]) 70. [12]) 73.

иноковъ" [1]), Красноярскаго Введенскаго — въ 1646 г. („оной монастырь нынѣ упразднен") [2]).

§ 5. b) Обращаясь къ той группѣ извѣстій, которая касается происшествій г. Тобольска, на первомъ мѣстѣ должно поставить помѣщенное подъ годомъ 1593 извѣстіе о ссылкѣ угличскаго колокола, „нынѣ жъ на софійской колокольнѣ набатной" [3]). Въ 1594 году былъ построенъ городъ и острогъ [4]). Въ 1600 году городъ Тобольскій былъ перенесенъ съ Троицкаго мысу на другую сторону торговаго взвоза; а въ 1606 г.—заложенъ на другомъ холмѣ бревенчатый рубленый городъ, оконченный въ 1609 г. [5]). Подъ 1643 г. извѣстіе о большомъ пожарѣ, истребившемъ городъ, Приказъ, гостиный дворъ, ряды, острогъ и проч. [6]). После пожара былъ сдѣланъ новый городъ о 10 башняхъ, стоявшій 31 годъ [7]). Подъ 1677-мъ годомъ такое же извѣстіе; на этотъ разъ сгорѣло 105 домовъ, рубленый городъ, 8 церквей, гостиный дворъ, ряды, Знаменскій монастырь [8]). Въ 1681 г. опять былъ пожаръ, только въ бóльшихъ размѣрахъ; было уничтожено огнемъ 500 (въ текстѣ „500 сотъ") домовъ, рубленый городъ о 9 башняхъ, 3 церкви и Приказъ [9]). Въ 1688 г. на горѣ, съ сѣверной стороны, сдѣланъ земляной валъ [10]). Въ 1717 г., при губернаторѣ кн. М. П. Гагаринѣ, былъ выстроенъ каменный кремль съ двумя башнями [11]). Въ 1723 г. по указу Петра Великаго былъ учрежденъ въ Тобольскѣ магистратъ, и были выбраны въ него члены. Въ 1745 г. выборы были повторены, при чемъ президентъ Корнильевъ и ратманъ Момотовъ ѣздили для принятія присяги въ Москву [12]). Въ 1776 г. построенъ каменный госпиталь [13]). Въ 1782 г. 30 авг. открыто Тобольское намѣстничество [14]). Въ 1781 г. для намѣстника былъ построенъ домъ, для чего потребовалось сломать старую ограду съ башнями [15]). Въ 1784 г. было большое наводненіе: вода поднялась на 11 арш. 7¼ вершк., а въ слѣдующемъ году 27 апр. былъ „чрезвычайный" пожаръ: сгорѣли недавно построенный намѣстническій домъ, присутственныя мѣста, гостиный дворъ, ряды и 1.100 домовъ; погибло 41 человѣкъ.

§ 6. Другія главы состоятъ исключительно изъ перечня воеводъ. Каждая глава начинается указаніемъ на время поставленія города и на то, кто былъ строителемъ. Впрочемъ, въ главѣ о Тюмени, подъ годомъ 1642 отмѣчено построеніе новаго города [16]).

§ 7. Перечисленными извѣстіями „Показаніе" и ограничивается. Какъ видно, эти извѣстія весьма скудны; составитель хотѣлъ дать

[1]) Пок., 73. [2]) ib., 77. [3]) ib., 4. [4]) ib., 4. [5]) ib., 5. [6]) ib., 10. [7]) ib., 10. [8]) ib 13. [9]) ib., 14. [10]) ib., 15. [11]) ib., 17. [12]) Пок., 18. [13]) ib., 23. [14]) ib. 23. [15]) ib., 25. [16]) ib., 29.

только лишь перечень административныхъ лицъ, что и составило главную часть его труда; въ главу же о своемъ городѣ онъ вставилъ по мѣстамъ извѣстія о прошедшей мѣстной жизни, интересныя лишь для мѣстныхъ жителей.

§ 8. „Краткое Показаніе", представляя изъ себя памятникъ болѣе позднихъ временъ, сравнительно съ „Записками" и „Сибирскимъ Лѣтописцемъ", должно быть сопоставлено съ этими послѣдними; тогда сдѣлается яснымъ, что въ немъ оригинальнаго и что заимствовано.

Разсказъ о построеніи города Тобольска согласенъ съ „Записками", т.-е. передается, что городъ былъ поставленъ Чулковымъ [1]). Въ 1587—1589 г. воеводами въ Тобольскѣ показаны „Сукинъ съ товарищи", тогда какъ „Записками" указывается Чулковъ; Сукинъ же и Мясной оставались въ Тюмени. Чулкову же „Записки" приписываютъ и поставленіе рубленаго города съ церковью (1586 г.), „Показаніе" же относитъ это событіе къ 1587 году и считаетъ строителемъ города Сукина [2]). Дальнѣйшія различія между „Показаніемъ" и „Записками" представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Показаніе.	Записки.
Тобольскъ.	
1592—1594. Воеводами показаны: кн. Меркурій Щербатовъ и кн. Михаилъ Волконскій, письм. гол. М. Поповъ (4).	Эти воеводы отнесены къ 1595—1597 г. (вм. Попова—Пивовъ). Въ годахъ же 1592—1594—кн. Лобановъ-Ростовскій и кн. Мих. Ноздреватой, отнесенные „Показаніемъ" къ г. 1596—1596 (110, 112).
1597—1598. Воевода Е. Бутурлинъ, пис. головы: Колядинскій, Матѳѣевъ, Ржевскій (5).	1598—1599 (112).
1606—1607. Кн. Р. Ѳ. Троеруковъ (5).	Троекуровъ (122).
1608—1612 дьякъ Перфирьевъ (6). Не указанъ подьячій Хапугинъ.	Перфильевъ (123).
1616 — 1619. Смѣна кн. Куракина (7).	до 25 мая 1620 г. (131).

---

[1]) Пок., 3. Зап., 107. [2]) Пок., 4. Зап., 108.

1623—1624. Дьякъ Григорій Мартемьяновъ.	Дьякъ Герасимъ Мартемьяновъ (139).
Нѣтъ.	1625 Бабанинъ (подъячій) (142).
1627. Пис. гол. Пеплинскій (8).	Теплинской (143).
1331—1632. Кн. Ѳ. А. Тѣмятевскій (8).	1631 мая 31—1633 мая 16 (149).
1635. Волковъ (9, Пис. гол.)	Андрей Волоховъ (155).
1639—1642 Чайкинъ (дьякъ, 9)	Галкинъ (158).
— Байсаковъ (ib.).	Баскаковъ (ib).
1646—1648. Вагаринъ (10, пис. гол.).	Гагаринъ (173).
1670. Иванъ Давыдовъ (13, дьякъ)	Акинфовъ и Давыдовъ посланы
1670. А. П. Акинфовъ (ib.).	для розыска въ сент. 1670 г. Акинфовъ былъ воеводой до 17 мая (205—207).
1678. Дьякъ Иванъ Ивановъ (ib).	Иванъ Алмазъ Ивановъ сынъ Чистово (232).
1684—1685. Василій Богдановъ (15, пис. гол.).	Василій Богдановъ сынъ Плохой (249).
— Густовъ (ib., пис. гол.).	Айгустовъ.
1693—1697. Андрей Ѳедоровичъ Салтыковъ (16).	Андрей Ѳедоровичь Нарышкинъ (280).

Тюменъ.

1603—1604. Замытной (28).	Замытской (119).
1620—1622. Мезенскій (ib.).	Мезецкой (137).
1654. Прибытіе Полуектова на мѣсто Елдезина (30).	Отнесено къ 1655 г. (182).
1669. Самуилъ Блюдовъ (31).	Самойло Блудовъ (207).

Березовъ.

1608—1613. Пропускъ.	
1613—1615. Карманской (32).	Нарманской (130).
1629—1630. Иванъ Тимоѳеевичъ Пушкинъ (33).	Воинъ Тимоѳѣевичь Пушкинъ (148).
1633—1634. Мѣшковъ-Плещѣевъ (33).	Мѣшокъ-Плещеевъ (152).

1682—1683. Левъ Андрѣевичь Вельяминовъ (35).	Михайло Ивановъ сынъ Франтовъ, бывшій воеводой и съ 1684-го года; Вельяминовъ же показанъ съ 1682 г. воеводой въ Сургутѣ (241, 252).

Пелымъ.

1613—1615. Суржовъ (36).	Сусловъ (120)
1620—1622. Ядонской (ib.).	Егонской (137).
1635—1638. Урусовъ (37).	Усовъ (157).
1673—1677. Василій Ивановичь Мотовиловъ (38, 39).	1674—1677. Василей Ивановъ сынъ Мотовиловъ. Послѣ него— пѣшихъ казаковъ голова И. М. Ушаковъ 4 мѣсяца (1677 г.); затѣмъ досиживалъ тотъ же Мотовиловъ (215, 227)
1687. Нестеръ Иванкинъ (39).	Несторъ Ивашкинъ (261).

Тара.

Городъ Тару ставилъ кн. А. Селетскій (40).	А. Елецкой (111).
1613—1615. Истлѣевъ (ib.).	Истлѣньевъ (130).
1623—1624. Иванъ Сунбуловъ (41).	Исай Сунбуловъ (140).
1629—1630. Волхонской-Ширахада.	Волхонской-Шириха (148).
1633—1634. Ѳедоръ Семеновичь Бѣльской (ib.)	Ѳедоръ Самойловичь Бѣльской (152).
1639—1642. Трухачевской (42).	Тухачевской (159).
1646—1648. Григорій Ивановичь Бутурлинъ (42).	1646. Вас. Ив. Горчаковъ да Ѳедоръ Головачевъ (174). Съ 1647 г.— Гр. Бутурлинъ.
1668—1672. Кн. Ѳ. Мещерскій (43).	1668—іюль 1673 г. (206).
1679—1681. Ладыгинъ (43).	Лодыгинъ показанъ — по 1682 годъ (232).

Сургутъ.

1606—1612. Пропускъ.	
1646—1648. Смирной Демской (46).	1646. Кн. Кропоткинъ (175). 1647. Смирной Демской (ib.).
Нѣтъ.	1652—1656. Послѣ Мещерскаго временно Тоб. с. боярск. Г. Костылевской (183).
1680—1683. Кн. Барятинской, съ 1681 г. (47).	1681 г. (236).
1684—1685. Вельяминовъ (47).	1682—1685 (241, 252, 261).

Нарымъ и Кетскъ.

1603—1612. Пропускъ.	
1623. Отаслановъ (48).	Бастановъ (140).
Нѣтъ.	1627. А. Дубенской (145).
1639—1642. Скобельниковъ (49).	Скобельцынъ (160).
1684—1686. Павловъ, затѣмъ Трегубовъ (52).	1684. Трегубовъ (261).

Верхотурье.

1606—1607. Пропускъ.	
1613—1615. Воеводы не показаны.	Головинъ, Плещеевъ, под. Спицынъ (129).
1616—1619. Вас. Тимоѳеевъ (53).	Вас. Тимоѳеевъ Ильинъ (132).
1623—1624. Зыковъ (ib.).	Языковъ-Хомяковъ (140).
1635—1638. Сѣдельцынъ (54).	Селедцынъ (157).
1643—1645. Ѳедоръ Ѳедоровичь Мещерской (54).	Никифоръ Ѳедоровичь Мещерской (168).
1656—1658. Иванъ Севастіановичь Хитрово; съ приписью Михаилъ Посниковъ (55).	Послѣ Посникова былъ дьякомъ Ѳед. Каменской (189).
1670—1675. Ѳ. Хрущовъ (ib.).	1670—1675. Въ 1673 принялъ тобольское воеводство отъ кн. Репнина, на которомъ былъ 3½ мѣс. Вмѣсто него былъ Л. Хрущовъ (211, 214, 216).
— Богданъ Сафоновъ (ib.).	съ 1673 года „Савка Юрьевъ сынъ Тютчевъ“ (211, 216).

1685. Григорій Ѳомичь Нарышкинъ (56).	Григорій Филимоновичь Нарышкинъ (260).

Туринскъ.

1606—1607. Пропускъ.	
1610—1615. Пропускъ.	
1631—1632. Волынцовъ (58).	1631—1633. Послѣ Волынцева показанъ Тюхинъ (150).
1643—1645. Пропускъ.	
1652 — 1655. Мусинъ - Пушкинъ (59).	Пушкинъ (182)
1664— 1669. Василій Михайловичь Беклемишевъ	Алексѣй Михайловичь сынъ Беклемишевъ (198).
1687. Гавріилъ Синявинъ (60).	Григорій Синявинъ (261).

Мангазея.

1601—1602. Влукъ Пушкинъ (61).	Лука Пушкинъ (118).
1603—1605. Булгаковъ (ib.)	Булдаковъ (119).
1608—1612. Пропускъ.	
1613—1615. Новощоковъ (ib.).	Нововщеновъ (130).
1620—1622. Похожей (62).	Погожего (138).
1667—1669. Пропускъ.	

Томскъ.

1603—1616. Пропускъ.	
1623—1624. Димовъ (65).	Дивовъ (141).
1635—1638. Губановъ.	Бунаковъ (158).
1670—1672. Монастыревъ (68).	1671—1672 (209).
Съ 1676 г.—Львовъ (ib.).	съ 1677 г. (229).
1687. Кн. Вяземской (ib.).	съ 1684, что невѣрно (251, 261).

Енисейскъ.

1622 — 1624. Яковъ Ивановичь Хрипуновъ (73).	Яковъ Игнатьевъ с. Хрипуновъ (138).
1633—1634. Андрей Васильевичъ Племянниковъ (ib).	Андрей Андреевъ с. Племянниковъ (153).
1646—1648. Пропускъ.	
1659—1663. Ржевской (74).	Съ 1661 г. (194).

1667—1672. Пропускъ.
1676—1679. Димитрій Козминъ Дмитрій Стараго (228) (пис. Гол.) (75).

Илимскъ.

1666—1667. Аничьковъ 1667—1677 г. (201).

Таковы отличія „Показанія“ отъ „Записокъ“ въ перечнѣ административныхъ лицъ. Разсматривая эти уклоненія, можно замѣтить слѣдующее:

1) Въ „Показаніи“ нѣтъ ни одного такого лица, котораго не было бы въ „Запискахъ“.

2) Не смотря на довольно значительное количество, всѣ уклоненія сводятся къ отличіямъ въ именахъ или отчествахъ. Если же и есть отличія въ фамиліяхъ, то они могутъ быть объяснены тѣмъ, что произошли отъ неправильнаго чтенія подлинника [1]).

3) Пропуски нѣкоторыхъ лѣтъ въ „Показаніи“ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуютъ пропускамъ и въ „Запискахъ“. Но нѣтъ такого случая, гдѣ лица, пропущенныя „Записками“, были бы внесены въ „Показаніе“. Изъ сличенія же видно, что всѣ воеводы и проч. поименованы въ тѣхъ же годахъ, какъ и въ „Запискахъ“. Нѣкоторыя отступленія въ хронологическихъ данныхъ объясняются тѣмъ, что „Показаніе“ обозначаетъ пребываніе воеводъ въ сибирскихъ городахъ круглыми годами; „Записки“ же указываютъ мѣсяцъ и число (въ началѣ отдѣловъ). „Показаніемъ“ же тотъ годъ, въ который происходило назначеніе воеводы, при опредѣленіи времени службы предыдущаго, въ расчетъ не принимается.

Поэтому, является возможнымъ предположеніе, что перечень воеводъ и проч. въ „Показаніи“—составленъ на основаніи перечня „Записокъ“ или ихъ первоисточника.

§ 9. Въ извѣстіяхъ „Показанія“ и „Записокъ“ относительно церковныхъ событій также есть разногласія.

Подъ 1587 годомъ въ „Показаніи“ записано, что первая церковь въ Тобольскѣ была построена во имя Живоначальныя Троицы, тогда какъ по „Запискамъ“ таковой была церковь Вознесенская (107). Подъ 1598 годомъ въ „Показаніи“ находится извѣстіе о построеніи новой Троицкой церкви съ придѣломъ Николая Чудотворца. Этого из-

[1]) Единственное значительное отличіе заключается въ порядкѣ тобольскихъ воеводъ 1592—1597 годовъ.

вѣстія нѣтъ въ „Запискахъ“ подъ означеннымъ годомъ, но есть таковое подъ годомъ 1586-мъ: „а первая въ Тобольску поставлена церковь Живоначальныя Троицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца“ [1]). Затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о перестройкѣ города въ 1594 г. на томъ же мѣстѣ. Эта перестройка, надо полагать, къ 1598 г. была окончена. На этомъ основаніи, можно думать, что и Троицкая церковь также была перестроена, т.-е. „поставлена новая“, что̀ и отмѣчено составителемъ „Показанія“.

Отъѣздъ Кипріана изъ Тобольска показанъ 5 февр. 1624 г. (стр. 7); въ „Запискахъ“—15 февр. 1623 г. (141—142). Далѣе, въ „Зап.“ не обозначено, что арх. Нектарій былъ поставленъ изъ строителей Селижарова монастыря“ (9) [2]). Прибытіе арх. Симеона отнесено къ 24 дек. 1652 г. (11), „Записками“ — къ 17 апр. (180). Въ послѣднихъ нѣтъ также объ устройствѣ имъ Межугорскаго монастыря (11). Отъѣздъ арх. Симеона — 25 дек. 1664 г. (12), въ „Зап.“ — 1 марта 1663 г. (195). Прибытіе м. Корнилія—24 февр. 1665 г. (12), въ „Зап.“—23 февр. (198). Освященіе Преображенской церкви въ Знаменскомъ монастырѣ—1691 г. (15), „Зап.“—6 сент. 1686 г. (254). Въ „Запискахъ“ нѣтъ слѣдующихъ извѣстій: о бытіи Симеона справщикомъ въ Московской типографіи (12), объ установленіи обычая приносить въ Тобольскъ икону Абалацкой Божьей Матери (ib.), о заложеніи Успенской церкви въ 1680 г. и церкви въ Абалакѣ въ 1683 г. (14), о построеніи каменной ограды съ башнями вокругъ архіерейскаго дома—1689 г., не указанъ день, въ который выѣхалъ изъ Тобольска м. Павелъ, также нѣтъ о заложеніи церквей Троицкой и Богородской (15).

Въ этомъ заключаются уклоненія „Показанія“ отъ „Записокъ“ въ отдѣлѣ церковныхъ извѣстій; остальныя же извѣстія этого рода совпадаютъ. Эти отступленія можно раздѣлить на два рязряда: 1) отступленія въ хронологіи и 2) отсутствіе нѣкоторыхъ извѣстій „Показанія“ въ „Запискахъ“. Отступленія въ хронологіи встрѣчаются чаще всего при опредѣленіи времени прибытія или отъѣзда іерарховъ. Иногда „Показаніе“ опредѣляетъ эти событія годомъ позже. (Это могло произойти при переложеніи сентябрскаго года на январскій). Далѣе, въ „Показаніи“ внесены такія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ „Запискахъ“,— о построеніи церквей и монастырей по сибирскимъ городамъ [3]).

---

[1]) Зап. 108. Здѣсь противорѣчіе между извѣстіями о построеніи Троицкой и Вознесенской церквей. [2]) Также противорѣчивы извѣстія о построеніи церкви на Абалакѣ во имя Пр. Богородицы. Въ «Показ.» читаемъ, что «явился образъ Знаменія» (9), а въ «Зап.»—«образъ бысть Ея написанъ». Являлась же сама Богородица «нѣкоей женѣ» (156).
[3]) Показ., 28, 57, 64, 67, 70, 73, 77.

Всѣ эти отступленія заставляютъ предполагать, что составитель „Показанія", при составленіи лѣтописи церковныхъ событій, пользовался не „Записками", а какимъ-то другимъ источникомъ. Этотъ источникъ остается для насъ неизвѣстнымъ; но можно думать, что при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ велась лѣтопись, изъ коей всѣ лѣтописцы позднѣйшаго времени, а въ томъ числѣ и составитель „Показанія", заимствовали нѣкоторыя извѣстія.

§ 10. Такимъ образомъ, общее сличеніе „Показанія" и „Записокъ" обнаруживаетъ тотъ фактъ, что главныя событія этого рода, и бо̀льшая часть ихъ, въ обоихъ памятникахъ изложены одинаково; различія же, по отношенію къ цѣлому, касаются мелочей. При томъ, сходство между „Показаніемъ" и „Записками" иногда бываетъ весьма значительно, такъ что является мысль о заимствованіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ составителемъ „Показанія" изъ „Записокъ". Въ особенности, эта близость видна при описаніи тобольскихъ происшествій, какъ это показываетъ слѣдующее ниже сличеніе.

Показаніе:

Въ 1610 году Тобольской мужской монастырь перенесенъ изъ-за рѣки Иртыша, и поставленъ на горѣ за Воскресенскими воротами, гдѣ былъ послѣ Дѣвичей; и церковь въ немъ была Успенія Богородицы: а за рѣкою стоялъ монастырь на устьѣ рѣки Тобола. Въ 1611 поставлена въ томъ монастырѣ обыденная церковь Николая Чудотворца по обѣщанію отъ жителей въ одинъ день, отъ конскаго падежа. А первый Архимандритъ былъ за рѣкою и на горѣ Меѳодій (стр. 6).

Записки:

Въ 1610 году перенесенъ монастырь мужескій въ Тобольскъ изъ-за рѣки Иртыша, и поставленъ на горѣ за острогомъ, за Воскресенскими вороты, гдѣ нынѣ Дѣвичій Успенскій монастырь, и церковь въ немъ въ то время поставлена, Успеніе Пресвятыя Богородицы; а первой въ немъ былъ Архимандритъ Меѳодій, еще за рѣкою, и на горѣ онъ же. А за рѣкою стоялъ монастырь на устьѣ рѣки Тобола, по нижную сторону пріѣзда, сверху на лѣвой сторонѣ; а на горѣ въ Успенскомъ монастырѣ еще въ мужескомъ [1]).

Въ 1611 году іюня въ 23 числѣ, поставлена обыденная церковь,

[1]) Слова. «а на горѣ... въ мужескомъ» относится къ послѣдующему.

во имя Угодника Божія Святителя Николая Чудотворца, по обѣщанію всѣхъ православныхъ христіанъ, отъ конскаго падежу. (Стр. 124).

Въ 1623 году означенный монастырь съ горы переведенъ подъ гору за Татарскія юрты на лугъ, и поставленъ на берегу близь Иртыша; въ немъ воздвигнуты церкви: первая Знаменія Богородицы, и потому переименованъ Знаменскій; вторая преподобныхъ Зосима и Савватія Соловецкихъ Чудотворцовъ. Первый же архимандритъ въ Знаменскомъ монастырѣ подъ горою былъ Тарасій. Онъ и монастырь строилъ (17).

Въ 1623 году, переведенъ монастырь мужескій, съ горы, изъ Успенскаго монастыря подъ гору, за Татарскія юрты на лугъ, къ Мостовой рѣчкѣ, и поставленъ монастырь на берегу, близь рѣки Иртыша, идѣ же Божіею благодатію и до нынѣ стоитъ, и воздвигнуты церкви Божіи во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы, иже въ Великомъ Новѣградѣ, а другая во имя Зосима и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, иже и первоначальная бысть за рѣкою въ монастырѣ... А первый Архимандритъ въ томъ монастырѣ Знаменскомъ Тарасій съ 1623 году, и монастырь Знаменскій онъ строилъ на томъ мѣстѣ сначала и проч. (141).

Изъ этого сличенія можно видѣть, что составитель „Показанія" заимствовалъ означенныя извѣстія или изъ „Записокъ", или же изъ того источника, которымъ пользовался и составитель этихъ послѣднихъ, Такія же заимствованія сдѣланы и при описаніи нѣкоторыхъ тобольскихъ происшествій, что̀ можно видѣть изъ дальнѣйшаго сличенія.

„Показаніе".

Стр. 5: Въ 1600 году городъ перенесенъ былъ съ Троицкаго мысу на другую сторону торговаго взвозу на мысъ.

Стр. 5—6: Въ 1606 году заложенъ на другомъ бугрѣ бревенчатой

„Записки".

Стр. 114: Въ 1600 году... перенесенъ Тобольскъ, рубленой городъ изъ ладѣйнаго лѣсу, съ Троицкаго мысу на другую сторону торговаго звозу на мысъ и т. д.

Стр. 122: Въ томъ же (1606) году.. обложенъ первый Тобольскій взъ

рубленой городъ по другую сторону взвоза, а совершенъ въ 1609 при Воеводѣ Князѣ Иванѣ Михайловичѣ Катыревѣ, и стоялъ по 1643 годъ.	бревенъ рубленный городъ на другомъ бугрѣ, по другую сторону взвозу базарнова, гдѣ и нынѣ стоитъ; а совершенъ въ 1609 году вначалѣ, при Воеводахъ, Князѣ Иванѣ Михайловичѣ Катыревѣ-Ростовскомъ съ товарищи... и стоялъ тотъ городъ по 1641 [1]) годъ Августа по 14-е число.
Стр. 14: Въ томъ же (1680) году Августа 7 дня былъ въ Тобольскѣ пожаръ. Тогда сгорѣли: городъ рубленой о 9 башняхъ, церкви, Вознесенская и Троицкая, и Приказъ отъ подгороднаго пожара; а подъ горою церковь Богоявленская съ колокольнею, обывательскихъ домовъ и юртъ больше 500 сотъ [2]).	Стр. 239: Въ 1680 году Августа въ 7 день, Тобольской городъ рубленой о девяти башняхъ, и церкви, Вознесенская и Троицкая, и Приказъ, и Боярской дворъ, и на проѣжжей башнѣ часы сгорѣли отъ подгорскаго пожару; и подъ горою церковь Богоявленская и съ колокольнею, и мірскихъ дворовъ и юртъ больше пяти сотъ сгорѣло.

И въ этихъ случаяхъ также довольно близкое сходство при передачѣ однихъ и тѣхъ же извѣстій заставляетъ предполагать, что составитель „Показанія" заимствовалъ ихъ если не изъ „Записокъ", то изъ того же источника, которымъ пользовался составитель „Записокъ".

§ 11. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ объ отношеніи „Показанія" къ „Сибирскому Лѣтописцу". Что касается перечня воеводъ, то врядъ ли можно утверждать, что составитель „Показанія" воспользовался перечнемъ „Лѣтописца", такъ какъ изъ предыдущаго извѣстно, что послѣдній не непрерывенъ и въ немъ нѣкоторыя смѣны воеводъ пропущены. То же можно сказать и объ извѣстіяхъ о церковной жизни и о городскихъ событіяхъ.

Отличія „Показанія" отъ „Лѣтописца" представляются въ слѣдующемъ видѣ:

„Показаніе":	„Сиб. Лѣтописецъ":
1665. Записано извѣстіе объ установленіи обычая приносить еже-	Этого извѣстія нѣтъ.

[1]) Ошибка; слѣдуетъ— 1643 г. [2]) Ошибка: 5 сотъ.

годно икону Божьей Матери изъ Абалака въ Тобольскъ (стр. 12).	
1680 г. Построеніе Успенской церкви (14).	Нѣтъ.
1685 г. Заложеніе церкви Преображенской въ Знаменскомъ монастырѣ (15).	Нѣтъ нѣкоторыхъ подробностей (32).
1686 г. Освященіе соборной Успенской церкви (15).	Есть извѣстіе объ освященіи церкви Успенія въ Дѣвичьемъ монастырѣ въ 195 г. (послѣ сент. 1686 г.), сломанной въ маѣ 194 г. (1686) и вновь построенной. Но та ли это церковь, о которой говорится въ „Показ.“, рѣшить трудно (35).
1690 г. Заложеніе Троицкой церкви (15).	Нѣтъ.
1691 г. Заложеніе Богородской церкви (15).	Нѣтъ.
1692 г. Отъѣздъ изъ Тобольска м. Павла и смерть его (ibid.).	Нѣтъ.
1693. Прибытіе въ Тобольскъ митрополита Игнатія Корсакова-Римскаго (16).	Нѣтъ.
1700. Смерть митр. Игнатія; назначеніе Дмитрія Савича.	Нѣтъ.
1702. Назначеніе Филоѳея Лещинскаго (ibid.).	Нѣтъ.
1705—1710. Показанъ губернаторомъ кн. Матѳей Петровичь Гагаринъ (17). Правилъ до ноября 1717 г.	Князь Матвѣй Гагаринъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Сибирь (до Верхотурья) въ качествѣ ревизора въ 1711 году (42, 43). Подъ 1706 г. упоминается о пріѣздѣ стольника кн. Василія Ивановича Гагарина („и бысть въ низовыхъ городахъ по 711 годъ“) (41). О пріѣздѣ Сибирскаго губернатора кн. Матвѣя Петровича Гагарина подъ 1712 г.

8 окт. (43). Оставался въ Тобольскѣ до 14 января 1715 года.

Изъ этого сопоставленія можно видѣть, что нѣкоторыхъ извѣстій „Показанія“ въ „Лѣтописцѣ“ не имѣется. Поэтому является необходимость предположить, что составитель „Показанія“ „Сибирскимъ Лѣтописцемъ“ не пользовался; а если и пользовался, то главную массу извѣстій этого разряда почерпнулъ не изъ этого источника. Такимъ образомъ, „Показаніе“, по своему содержанію, приближается болѣе къ „Запискамъ“, чѣмъ къ „Сибирскому Лѣтописцу“. Едва ли пользовался составитель „Показанія“ и „Книгой Записной“. Мы не будемъ приводить здѣсь сличенія „Показанія“ съ „Книгой“, ибо читатель самъ увидитъ изъ приведеннаго выше сличенія, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ „Записки“ уклоняются отъ „Книги Записной“, „Показаніе“, иногда слѣдуетъ „Запискамъ“, иногда же—„Книгѣ Записной“, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлагаетъ отличное отъ этихъ памятниковъ чтеніе.

§ 12. Изъ источниковъ „Показанія“ опредѣленно можно указать лишь на „Ремезовскую Лѣтопись“, изъ которой составитель взялъ нѣсколько извѣстій. Такъ, мѣсто погребенія Ермака онъ указываетъ согласно съ „Ремезовскою Лѣтописью“ [1]), а при извѣстіи о построеніи церквей Троицкой и Вознесенской онъ прямо на нее ссылается [2]).

§ 13. Теперь остается сказать нѣсколько словъ о достовѣрности „Показанія“ и, въ связи съ этимъ, о значеніи его, какъ источника для исторіи Сибири.

Изъ сибирскихъ историковъ „Показаніемъ“ пользовался П. А. Словцовъ, который далъ о немъ такой отзывъ: „Краткое Показаніе о воеводахъ и губернаторахъ въ Сибири, печат. въ Тобольскѣ 1792 г., вѣрное относительно пріѣзда и выѣзда архіереевъ сибирскихъ, а не воеводъ и губернаторовъ. Напр. подъ 1693 г. поставленъ Салтыковъ вмѣсто Нарышкина. Подъ 1698 г. не сказано о товарищѣ воеводы кн. Черкасскаго, у котораго былъ въ томъ званіи кн. П. М., потомъ кн. А. М. Черкасскій. Далѣе между губернаторствомъ Плещеева и Шипова пропущенъ Бутурлинъ. Тѣмъ менѣе книжка заслуживаетъ довѣренность въ разсужденіи воеводъ прочихъ городовъ“ [3]). Авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири“ нѣсколько разъ возвращается къ „Показанію“. Такъ, онъ сличаетъ извѣстіе объ опредѣленіи кн. М. П.

---

[1]) Показ., 3. Кунг. Лѣт., ст. 112. [2]) Показ., 4. Кунгурск., ст. 122, хотя въ этой статьѣ говорится о построеніи церкви Спасской, а не Вознесенской. [3]) Ист. обозр. Сиб. Спб. 1886, т. I, стр. IX. [4]) Ibid., т. I, 186. II, 363.

Гагарина съ другими источниками; упоминая о тобольской печати XVIII в., онъ замѣчаетъ: „изъ тобольской типографіи вышла одна дѣльная книжка, *Краткое Показаніе*, хотя и она грѣшитъ нерѣдко“ [1]). Такимъ образомъ, Словцовъ ставитъ „Показаніе“ не особенно высоко. Г. Дмитріевъ-Мамоновъ даетъ объ этомъ памятникѣ иной отзывъ: „Несмотря на краткость и неполноту приведенныхъ въ этомъ показаніи историческихъ событій (sic), оно все-таки и по настоящее время не утратило своего значенія, какъ хронологическаго указателя событій, относящихся до исторіи Сибири“ [2]).

§ 14. Нѣкоторыя данныя для рѣшенія вопроса о томъ, насколько вѣрны хронологическія указанія этого памятника, получаются изъ сличенія его съ „Систематическимъ перечнемъ“ г. Газенвинкеля, которое представлено ниже:

Показаніе.	Систематическій Перечень.
Тобольскъ.	
1587—1589. Сукинъ съ товарищами (4).	1587—1589. Пис. гол. Д. Чулковъ, основатель города (7).
1592—1594. Кн. М. А. Щербатовъ; кн. Волконскій; пис. гол. М. Поповъ.	1592—1595. Кн. Ѳ. М. Лобановъ-Ростовской и Кн. М. Ноздреватой.
1595—1596. Кн. Ѳ. М. Лобановъ-Ростовскій и кн. М. Ноздреватый.	1596—1597. Кн. М. Щербатой, кн. М. Волконской; пис. гол. М. В. Пивовъ.
1597—1598. Еvфим. В. Бутурлинъ; пис. гол. В. Колядинской; М. Матѳеевъ и И. Ржевскій (5).	1598—1599. Еф. В. Бутурлинъ; пис. Гол. В. Колединской, Тимоѳеѣй (Матв.) Матвѣевъ с. Лазаревъ и И. Н. Раевской.
1599—1600. Дьякъ Тимоѳ. Винтовтовъ; пис. гол. Вас. Романовъ.	1599—1600. Тим. Витовтовъ; пис. гол. Вас. Роман. Алферьевъ.
1601—1602. Нѣтъ.	Кн. Вас. Рубецъ-Мосальской (пис. Гол.).
Пис. Гол. Еvстафій Пушкинъ.	Нѣтъ.
1603—1605. Дьякъ Нечай Порфирьевъ.	Нѣтъ.
Нѣтъ.	1603—1605. Письм. гол. Василій Наумовъ с. Плещеевъ (8).

[1]) Ibid., II, 319. [2]) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Печать въ Тоб. намѣстнич. въ концѣ XVIII стол. Пам. кн. Тоб. губ. на 1884 г. Тоб. 1884 г., стр. 341. Далѣе авторъ приводитъ указанное уже выше (см. стр. 194) мнѣніе Словцова.

1616—1619. Дьякъ Богданъ Губинъ.	1616—1619. Иванъ Губинъ.
Нѣтъ.	Пис. гол. Д. Г. Гагаринъ.
1623—1624. Дьякъ Гр. Мартемьяновъ (7).	Дьяк. Герасимъ Мартемьяновъ.
1625. Дьякъ Стефанъ Угодскій (8)	Дьякъ Стеф. Уюцкой (9).
Пис. Гол. Богданъ Лупандинъ.	Пис. гол. Богданъ Поликарповъ с. Лукандинъ (ib.).
1626—1627. Пис. гол. Вас. Пеплинскій.	1627. Пис. гол. Вас. Теприцкой.
1631—1632. Дьякъ Наумъ Петровъ.	Дьякъ Наумъ Ѳедоровъ (9 и примѣч. 16).
1634. Владычкинъ (9).	Владыкинъ (10).
1635—1638. Пис. гол. А. Воловъ.	1635—1638. А. Волоховъ.
1639 — 1642. Кн. Петръ Иван. Пронской; дьякъ Андрей Чайкинъ, письм. Гол. Станиславъ Байсаковъ.	Кн. Рыбинъ-Пронской, д. А. Галкинъ; пис. гол. Стан. Баскаковъ.
1643—1645. Кн. Мих. Семен. Гагаринъ (10).	1643—1646. Кн. Мих. Сем. Гагаринъ, съ прозвищемъ Турокъ.
1646—1648. Кн. Ив. Сем. Гагаринъ.	1646—1649. Кн. Ив. Сем. Гагаринъ, съ прозвищемъ Ветчина.
Дьякъ Андрей Загаринъ.	Андрей Ѳедоровичъ Гагаринъ.
1649—1651. Дьякъ Третьякъ Васильевъ.	1649—1652. Дьякъ Третьякъ Васильевъ Никитинъ (10 и прим. (18).
1656—1658. О замѣнѣ письменнаго головы Полуэктова Дохтуровымъ нѣтъ (11). Дохтуровъ упоминается въ гг. 1664—1666 (12)	1656—1659 (11).
1659—1663. Письм. голова Вахрамей Головнинъ.	1659—1664. Вареоломѣй (Вахрамѣй) Сергѣевъ сынъ Головинъ.
1667—1669. Не показано письмен. головы И. А. Селиверстова.	
Отъѣздъ кн. Рѣпнина показанъ въ 1673 году.	26 ноября 1672 г.
1678—1679. Дьякъ Иванъ Ивановъ (13—14).	Прибавлено Иванъ Алмазъ Ивановъ сынъ Чистой (Чистово).

1682 — 1683. Не указанъ дьякъ Чистой (14).	
1684—1685. Кн. Борисъ Александровичъ Солнцевъ - Засѣкинъ; письм. гол. Василій Богдан. и Стефанъ Густовъ. О смерти дьяка Калинина, объ отъѣздѣ Прозоровскаго, Плохого и Айгустова нѣтъ (15).	Воевода, Стольн. Кн. Борисъ Андреевъ Солнцевъ-Засѣкинъ (13); Вас. Богд. с. Плохово и Степ. Вас. с. Айгустовъ.
1686—1689. Объ отъѣздѣ воев. Глѣбова, Головина и письм. гол. Синявина—нѣтъ.	
1690—1692. Указанъ только Стеф. Салтыковъ.	
1693—1697. Воев. Стольн. Андрей Ѳедор. Салтыковъ (16).	Ближн. Стольн. Андр. Ѳед. Нарышкинъ.
1698 – 1705. Кн. Мих. Яковл. Черкаской.	1698—1700. Кромѣ него указаны товарищъ и дьяки.
1705—1710. Кн. М. П. Гагаринъ	Кн. М. Я. Черкасскій.

Тюмень.

„Сей городъ поставленъ 1585 года воеводами Василіемъ Сукинымъ и Ианомъ Мяснымъ, при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ. Въ немъ были воеводы опричь показанныхъ двухъ:	1586. Воев. Вас. Бор. Сукинъ и Ив. Мясной—строители Тюмени 1577—1592. Воеводы этого времени неизвѣстны (14).
1593—Юрій Булгаковъ и Богданъ Воейковъ (28).	
1594—1602. Пропускъ.	
1603—1605. Андрей Вас. Замытной; письм. Гол. Ив. Безобразовъ.	А. В. Замыцкой; письм. голова Алексѣй Ивановъ Безобразовъ (15 и Прим. 28).
1608 — 1615. Матѳей Михайловичъ Годуновъ; при немъ съ 1608 Сем. Ив. Волынской, съ 1613 Ѳед. Вас. Бобарыкинъ.	1606—1615. Бояринъ Матв. Мих. Годуновъ; при немъ въ 1606—1607 гг. письмен. голова Назаръ Мих. Изъѣдиновъ; а въ 1608—1614 въ товарищахъ С. И. Волынской, а въ 1615 г. Ѳ. В. Бобарыкинъ.

1616—1619. Кн. Өеод. Сем. Коркодиловъ и Ө. В. Бобарыкинъ. Сей Б. 1617 выбылъ въ Томскъ.	1615—1617. Кн. Ө. И. Корходиновъ и тотъ же Бобарыкинъ, а съ 1616 мѣсто Б., переведеннаго въ Томскъ, занялъ Ив. Бор. Сѣкеринъ.
Мезецкой упоминается подъ годами 1620—1622.	1618 — 1619. Ст. кн. Ник. Мих. Мезецкой и Ив. Вас. Щелкаловъ.
1623—1624. Кн. Мих. Васильевичъ Долгорукій (29)	Кн. Михайло Борисовъ с. Долгорукой.
1627. Петръ Тимоф. Пушкинъ.	Означенный воевода въ годахъ 1627—1628.
1629—1630. Прокопій Хрисанфов. Исмайловъ.	Прокофій Булгаковъ (Хрисанфовъ) сынъ Измайловъ.
1652—1655. Иванъ Тимоѳеевичъ Веригинъ. „Сей былъ отрѣшенъ, а на мѣсто ево поступилъ писменной голова Никифоръ Елдезинъ; въ 1654 году на мѣсто Елдезина поступилъ Матѳей Полуехтовъ: а на мѣсто Полуехтова въ 1656 Иванъ Шадринъ" (30).	1652. Ив. Тим. Веригинъ; подъячій съ приписью Гр. Ждановъ. 1653—1654 Письм. гол. Н. И. Ельдезинъ, присланный изъ Тобольска на смѣну Веригина.— 1655. Письм. гол. М. Л. Полуектовъ, присланный тоже изъ Тобольска; и подъячій съ приписью Я. И. Чермной (16).
1656—1658. Послѣ смѣны Веригина Голова Ал. Новгородовъ (30).	1658. Сынъ боярской Ал. Новгородовъ.
1660—смерть Кафтырева	1661.
1660—1661. Тоб. боярск. с. Ив. Струна.	1661.
1661—1665. М. Павловъ.	1662—1665. Мих.Дан. с. Павловъ.
1666—1668. Ив. Ив. Ладыгинъ.	1666—1667. Лодыгинъ; въ 1667—устраненъ.
1669. Тюменск. голова Самуилъ Блюдовъ (31).	1668—1660. Стрѣлецк. гол. Сам. Мих. Блудовъ.
1673—1675. Кир. Алекс. Загрязскій.	1673—1676.
1675—1679. Стольн. Мих. Мел. Квашнинъ.	1677—1679.
1682—1683. Тим. Рътищевъ.	1682—1685.
1684—1687. Стольн. Никиф. Ив. Колобовъ.	1686—1689.

Березовъ.

Воеводы въ Березовѣ съ основанія города до 1592 г.—не показаны (32).	
1601—1602. Кн. Козловскій и А. Ширинъ.	1601—1602. Кн. И. М. Барятинской, гол. Григор. Потап. с. Векентьевъ (19).
1603—1605. Кн. Ѳ. А. Татевъ и пис. гол. Юр. Кобяковъ.	1603—1604 (20).
1606—1607. Кн. П. Черкасской, Ст. Ив. Волынскій, пис. гол. Юр. Стремиловъ.	1605—1607. Кн. П. А. Черкасской; гол. И. И. Зубовъ.
1607—1612. —Пропускъ.	
1613—1615. Биркинъ и Вас. Сем. Карманской.	1613—1614. Биркинъ и В. С. Нармацкой.
1616—1619. Бѣл. Лавр. Зюзинъ, Вас. Нарманской и П. В. Волынской, съ 1618 на мѣсто Зюзина.	1615—1610. Б. Л. Зюзинъ и тотъ же Нармацкой.
1619.—Пропускъ.	Д. А. Вельяминовъ.
1620 — 1622. Я. А. Демьяновъ показанъ дьякомъ (33).	
1627—1628.—пропускъ.	
1629—1630. Иванъ Тим. Пушкинъ.	Воинъ Т. П.
1635— 1638. Аѳ. М. Толочаниновъ.	А. М. Толочановъ.
1643 — 1645. Мелет. Квашнинъ (34).	1643—1646.
1646—1648. М. С. Ладыженской.	1647—1648.
1652—1655. Гр. Волковъ: а на ево мѣсто Сергій Малаго.	1652 — 1654. Волковъ; 1655 — 1656. С. А. Малово.
1656—1658. Ив. М. Милюковъ.	1657—1658.
1659 – 1663. Б. А. Зубовъ.	1659—1661.
1664 – 1666. А. П. Давыдовъ.	1662—1667.
1673—1675. Е. Г. Агаревъ (35).	Огаревъ показанъ въ гг. 1673—1676 (21).
1676—1677—1680. Ст. Кн. В. М. Гагаринъ.	1677—1680.
1682 – 1683. Стольн. Л. А. Вельяминовъ.	Въ показ. годахъ Вельяминова нѣтъ, съ 1682 до 1685—М. И. Факторъ.

1684—1685. Стольн. М. И. Франторъ, нѣмецъ.	
1686—1687. Стольн. И. Ѳ. Грибоѣдовъ (35).	1686—1688.

Пелымъ.

Пелымскіе воеводы 1593—1602 г. не показаны (36).

1606—1607—тоже.	
1608—1609. Воев. Годуновъ (36).	1606—1609 (18).
1610—1612. Воеводы не показаны.	
1613—1615. Григорій Никит. Суржовъ.	1613—1614. Гр. Н. Орловъ.
1616—1619. Гр. Н. Орловъ.	
1616 — 1619. Вельяминовъ и Орловъ.	1615—1618; съ 1619 Вельяминовъ одинъ.
1620—1622. Ядонской.	1620. Егонской.
1635 — 1638. Андрей Аѳанасьевичъ Урусовъ (37).	Андрей Васильевичъ Усовъ.
1639—1642. Петръ Андреевичъ Волхонскій.	Петръ Ѳедоровичъ Волконской.
1643 — 1645. Андрей Булгаковъ, потомъ кн. Андрей Матѳ. Несвицкой.	А. Булгакова нѣтъ.
1659—1663. И. Н. Аничьковъ (38).	1659—1663. М. И. Маюровъ.
1664—1666. М. И. Маюровъ, а въ 1666 Ив. Панинъ.	1664—1673. И. Панинъ.
1673—1675—1677. В. Мотовиловъ (39).	1674—1677 (19).
1682—1683. И. М. Ушаковъ (33).	1682.
1684—1685. И. Дурново.	1683—1685.
1686. Тотъ же Дурново; а въ 1687 Нестеръ Иванкинъ.	1686—1690. Н. С. Ивашкинъ.
Строителемъ Тары показанъ кн. А. Селетскій.	Кн. А. В. Елецкой (23).

Тара.

Тарскіе воеводы до 1601 г. не показаны.	
1606—1607. Князь С. И. Гагаринъ (40).	1606 г.

1613—1615. Письм. гол. Петръ Истлѣевъ и Ѳед. Старой.	П. Ислентьевъ и Ѳ. Старого (24).
О перемѣнахъ въ 1615—1619 гг. нѣтъ.	
1633—1624. Иванъ Никит. Сунбуловъ (41).	Исаакъ (Исай) Н. С.
1623—1634. Кн. Ѳедоръ Семеновичъ Бѣльской.	Кн. Ѳед. Самойловичъ Б.
1635—1638. Кн. Ѳед. Петр. Борятинской.	Кн. Ѳед. Горбунъ-Петровъ с. Борятинской.
1639—1642. Як. Трухачевской (42).	Я. Тухачевской.
1646—1648. Гр. Ив. Бутурлинъ.	1646. Стольн. Вас. Ив. с. Горчаковъ; письм. гол. Ѳ. Головачевъ (25).
1649—1651. Ст. Кн. В. А. Горчаковъ.	1647—1651. Гр. Ив. Бутурлинъ.
1679—1681. Стольн. Матѳ. Ладыгинъ (43).	1680—1681.
1682—1687. Стольн. К. Ѳ. Павловъ; а въ 1687—Стольн. Кн. Гавр. Стеф. Волхонскій.	1682—1683. Стольн. Г. К. Елагинъ; 1684—1687. Стольн. Павловъ. 1687—1690. Г. С. Волконской.

Сургутъ.

Сургутъ основанъ въ 1595 г. воеводой кн. Ѳ. Борятинскимъ (44).	Основаніе—1593 г. Строители неизвѣстны. (21 и прим. 52).
Съ основанія города до 1599 г. воеводы не показаны.	
1599—1600. Ѳ. В. Волынской и И. В. Благой.	1599—1600. Кн. Ѳ. Т. с. Долгоруковъ, и проч. Волынскій и Благово показаны въ гг. 1608—1611 (22).
1606—1611. Пропускъ.	
1613—1615. Е. Ѳ. Корсаковъ и проч.	1613.
1620—1622. Ив. Ив. Голѣнищевъ-Кутузовъ; Гр. Ив. Филатьевъ; И. Щолкановъ (45).	1620—1622. И. Зах. Щука-Кутузовъ; Гр. Ив. с. Фефилатьевъ.

1639—1642. А. С. Вельяминовъ (46).	1639—1643. (22 и примѣч. 56).
1643—1645. А. Исмайловъ. „Сей преставился: а на ево мѣсто Смирной Григор. Демской“.	1644—1645. Въ 1646 г. на мѣсто Измайлова — боярск. с. Г. Д. Костелецкой.
1649—1651. Кн. Александръ Васильевичъ Кропоткинъ.	1647. Кн. Петръ Вас. К. Въ гг. 1648 — 1651 кн. Александръ Вас. Кропоткинъ.
1652—1655. Кн. Ник. Мещерской. „Сей преставился: а на мѣсто ево П. Т. Кондыревъ“.	1652—1655. Кн. Н. Ѳ. Мещерской. Вмѣсто него боярск. с. Г. Д. Костелецкой (23).
1664—1666. Ѳедоръ Андреевичъ Зыковъ (47).	1664. Ѳедоръ Петровъ о. Зыковъ (23 и прим. 59).
1666—1670. Кн. Гр. Козловской-Зима (47).	1665—1671.
1671—1672. Письм. гол. Е. Козинской.	1672.
1673—1675. М. Л. Кологривовъ.	1673—1676.
1676—1677. К. М. Щербатовъ.	1677—1680.
1678—1679. Д. И. Лихаревъ.	
1680—1683. А. А. Борятинской, съ 1681 г.	1681. По устраненіи Лихарева — А. А. Борятинской.
1684—1685. Л. А. Вельяминовъ.	1682—1685.
1686—1687. Стольн. Ѳ. И. Потемкинъ.	1686—1689.

Нарымъ и Кетскъ.

Нарымъ и Кетскъ основаны въ 1596 г. сургутскимъ атаманомъ Тугариномъ Ѳедоровымъ (48).	Нарымъ основанъ въ 1596 г., Кетскъ — въ 1597 г. сургутскими служилыми людьми (25 и прим. 68; 27 стр.).
Съ основанія города до 1601 г. воеводы не указаны.	
1601—1602. М. Т. Хлоповъ.	1601.
1603—1613. Пропускъ.	
Языковъ-Хомяковъ съ 1613—1621.	съ 1614—1621.
1643—1645. Ив. Чадаевъ (50).	1646. Иванъ Ивановъ с. Чаадаевъ (26).
1649—1651. Ѳ. Ѳ. Головачевъ.	1647—1651. А. С. Нарбековъ.
1659—1663. Я. И. Золотаревъ.	1659 —1660.

1664—1666. И. М. Засѣцкой (51).	1661—1664.
Въ 1666—1667 г. Кн. П. А Гагаринъ.	1665—1667.
1667—1672. Ив. Монастыревъ.	1668—1670.
1673—1675. А. Д. Губинъ.	1676; а въ 1671—1675 Гр. В. Волковъ.
1676—1679. В. Б. Бухвастовъ.	Бухвостовъ въ гг. 1677—1679.
1680—1681. В. Ѳ. Шишкинъ.	1680—1682. В. Ѳ. Шишкинъ и сынъ Мих. Вас. Шишкинъ.
1682—1685. И. С. Павловъ.	1684—1685.
Воеводы Кетскаго острога до 1601 не показаны (48).	
1601—1602. Г. Ѳ. Елизаровъ.	(Нѣтъ. Стр. 27 и Примѣч. 71).
1602—1613 воеводы не показаны.	
Нѣтъ.	1613—1614. Молчанъ Лавровъ.
1613—1620. Чеботай Ѳед. Челищевъ.	1615—1620.
1623—1624. И. А. Отаслановъ.	1623—1624. И. А. Бастановъ (27 и прим. 72).
1646—1651. Г. Ѳ. Дурной (50).	1647—1648. Г. Ѳ. Дурново (28).
1652—1658. Ст. Е. Лутовининъ.	1649—1651. С. А. Ушаковъ; 1652—1658. Ст. Ал. Лутовиновъ.
1659—1663. Г. Б. Загаринъ.	1659—1660.
1664—1665. Д. И. Хрущовъ.	1661—1664.
1666—1672. Ив. Ѳ. Монастыревъ.	1665—1667.
1673—1677. Нарымскій воевода Ан. Губинъ.	Съ 1668 г. Кетскимъ острогомъ завѣдывали Нарымскіе воеводы.

Верхотурье.

Г. Верхотурье поставленъ въ 1600 г. (52).	1598. (Стр. 28 и примѣч. 75).
До 1603 г. воеводы перечислены въ такомъ порядкѣ: Головинъ, Воейковъ, письм. гол. Салмановъ — основатели города, Ив. Вяземской; У. Новосильцовъ, письм. гол. А. Загряской; Н. Плещеевъ и письм. г. Хлоповъ.	1598. Головинъ, письм. гол. Воейковъ—основатели города; 1599: Кн. Вяземской, голов. Салмановъ; 1600: Салмановъ; 1601—1602: Кн. Львовъ, гол. У. Новосильцовъ и Салмановъ.

1612—1615. Пропускъ.	
1616—1619. Ѳ. Плещеевъ, Ѳ. Дуровъ, подъячій съ приписью Тимоѳеевъ (53).	1615—1617 (29).
1612—1615. Пропускъ.	1618. Стольн. Головинъ.
1620—1622. И. Пушкинъ, Д. Зубовъ.	1619—1622.
1629—1630. Никита Юр. Плещеевъ.	Никифоръ Ю. Плещеевъ, подъяч. Н. Матюшкинъ.
1631—1632. Подъяч. съ прип. Матюшкинъ (54).	Подъяч. съ прип. Второй Шестаковъ.
1635—1638. Подъяч. съ прип. Сѣдельцынъ.	Под. съ прип. Селедцынъ.
1639—1642. В. Корсаковъ; под. съ прип. Михайловъ.	1639—1640. 1641. Михайловъ одинъ.
1643—1645. Кн. Ѳедоръ Ѳедоровичь Мещерской.	1642—1643. Кн. Никифоръ Ѳедоровъ с. Мещерской (29 и прим. 82).
1646—1648. М. Ѳ. Стрешневъ, под. съ прип. Лихачевъ.	1644—1645. 1646. Стрѣшневъ и под. съ прип. Постниковъ. 1647—1648. Дворяниновъ и подьячій съ прип. Недовѣсковъ.
1656—1658. Под. съ прип. М. Постниковъ (55).	Под. съ прип. Ѳ. Каменской (30).
Смѣна Я. Колтовского—до 1669 г.; имя воеводы—Яковъ.	До 1668. Имя воеводы Иванъ Яковлевъ.
Смѣна И. Пушкина—до 1677 (56).	До 1678.
1678—1679. Стольн. Р. Павловъ.	1679—1680.
1680—1681. Стольн. Ѳедоръ Аврамовичъ Лопухинъ.	1681—1682. Илларіонъ Абр. с. Лопухинъ.
Подъячій съ приписью Аѳ. Парѳеновъ—въ годахъ 1680—1681.	Въ 1683—1684, при воеводѣ Толстомъ.
Стольн. М. Толстой показанъ воеводой съ 1682 г.	Съ 1683.
Палицынъ, дьякъ, показанъ въ гг. 1682—1683.	1684 г.

Туринскъ.

Туринскъ основанъ въ 1600 г. головой Ив. Лихаревымъ.	Городъ основанъ въ 1600 г. письменнымъ головой Ѳ. Яновымъ.

Лихаревъ показанъ воеводой до 1606 г. Года 1606—1607 пропущены (57).	Въ гг. 1601—1602—воев. Фофановъ. Лихаревъ—1603—1605. (31 и прим. 85).
1608—1609. Годуновъ.	1606—1608.
1610—1615. Пропускъ.	
1616—1619. Д. Вельяминовъ.	1615—1618.
1620—1622. Д. Милославской: „а на ево мѣсто С. Д. Апухтинъ“.	1619—1621; 1622—1624. Апухтинъ.
1656—1658. Кн. И. И. Мещерской (59).	1656—1658. Л. А. Акинфіевъ (32 и пр. 86).
1659—1663. В. М. Трегубовъ.	1659 — 1661. Кн. Мещерской; 1662—1665. Трегубовъ.
1676—1677. Е. Пятово (60).	1677—1679.
Погожевъ въ 1680—1681.	1680—1682.
Послѣ Синявина А. Юрьевъ.	Юшковъ.

Мангазея.

1606—1607. Мангазейскій воевода Ив. Нелединской. Голова Иванъ Забѣлинъ (61).	Показаны въ 1608—1610. Забѣлинъ названъ Степаномъ (33).
1608—1612. Пропускъ.	
1613—1615. Ив. Новощоковъ (Новощеновъ).	1614. Воинъ Новокшоновъ.
1616—1617. Воинъ Аѳ. Новощеновъ.	1617. Ѳедоръ Новокшоновъ
1625—1627. Кн. Еф. Мышецкой и друг. (62).	1625—1626.
1628—1630. Гр. Кокоревъ, А. Палицынъ	1629—1630. Въ гг. 1627—1628 Т. Бобарыкинъ и П. Полтевъ.
1639—1642. Кн. Н. Борятинской (63).	1639—1640. 1641 —дьякъ Обобуровъ одинъ.
1643—1645. Кн. Ухтомской.	1642—1646.
„Съ 1662 года Мангазея оставлена, и Воеводство и городъ устроенъ въ Тураханскѣ“.	Городъ Мангазея упраздненъ въ 1671 г. (34).
Квашнинъ—съ 1659 до 1663.	1659—1661 (33).
1664—1666. Р. М. Павловъ (64).	1662—1670 (33).
1667—1669. Пропускъ.	
1670—1675. Д. Т. Наумовъ.	1671—1677 (34).

1676—1679. Стольн. Ив. П. Савеловъ.	1678—1679.
Беклемишевъ до 1681.	до 1683.

Томскъ.

Г. Томскъ поставленъ въ 1601 г. Не указанъ одинъ изъ его основателей — письм. гол. Г. И. Писемской (65).	Въ 1604 г.
1603—1616. Пропускъ.	
1623—1624. С. В. Димовъ.	С. В. Дивовъ (35).
1629—1630. Дьякъ Семенъ Головинъ (66).	Сем. Владиміровъ.
1635—1638. Андрей Губановъ.	А. Бунаковъ.
Кн. Мосальской до 1645 г. (67).	до 1643 г.
1641—1648. Смѣна кн. І. Щербатова.	Кн. Ос. Щербатовъ былъ въ гг. 1646 — 1649 г. Въ годахъ 1644—1645 кн. Дмитр. Щербатой.
Смѣна Н. О. Нащокина показана въ гг. 1652—1655.	1652—1656.
Кн. Пріимковъ-Ростовской 1656—1658.	1656—1659.
Ив. Ѳед. Монастыревъ съ 1670 (68).	Съ 1671 г. (36).
Кн. Борятинской—до 1675 г.	До 1677 г.
Дьякъ Леонтьевъ названъ Никитой.	Ѳедоръ Леонтьевъ (1678—1679. 36 и прим. 91).
1680—1681. Кн. Ив. Мих. Кольцовъ-Мосальской.	1680—1683.

Кузнецкъ.

Строители города Кузнецка не указаны (69).	
1627—1628. Сила Александровичъ Усовъ.	Савва Александровъ сынъ Языковъ (37, пр. 92).
1633—1634. Гр. Як. Кошелевъ (70).	Ѳед. Куз. Хоненевъ.
1635—1638. Ѳед. Коненевъ.	Гр. Як. Кушелевъ (37 и прим. 93).
1643—1645. А. Н. Зубовъ.	1643—1646.
1646—1651. Гр. К. Засѣцкой.	1649—1650.

1659—1663. Димитрій Васильевичъ Авцынъ (71).	1659—1664. Василій Дмитріевичъ Овцынъ (37, прим. 96).
1664—1666. Ив. Романовичъ Кокошкинъ.	1665—1667. Ив. Өедоровичъ Кокошкинъ (37 и прим. 97).
1667—1672. Пропускъ.	
1673—1675. Гр. Вас. Волковъ.	1673—1677 (38).
1676—1679. Стольн. Давыдовъ.	1678—1680.
1680—1681. П. И. Дубровской.	1681—1683.
1682—1687. Ив. Мерк. Конищевъ.	1684—1689.

Енисейскъ.

1625—1626. Андрей Өедоровичъ Ошанинъ (73).	Андрей Леонтьевъ сынъ Ошанинъ (38, пр. 98).
1633—1634. А. В. Племянниковъ.	1633—1635.
1639—1642. І. Г. Аничьковъ.	1641—1644.
1643—1645. Ө. Уваровъ (74).	1645—1646.
1649—1651. Ө. П. Полибинъ.	1647—1649.
1652—1655. А. Ф. Пашковъ.	1650—1654.
Ив. Ив. Ржевской—до 1663 г.	Ржевскій—до 1662 г. (39).
К. Яковлевъ—съ 1666 г.	Яковлевъ—съ 1667 г.
1676—1679. Барятинской; письм. Гол. Дмитрій Козьминъ (75).	1677—1679; письм. гол. Дмитрій Кузьминъ Старого.
1686—1687. Стольн. Гр. Новосильцовъ.	1687.

Красноярскъ.

Гор. Красноярскъ основанъ въ 1626 году (76).	Основаніе города произошло въ 1628 г. (39 и примѣч. 102).
1627—1628. А. О. Уваровъ.	
1629—1632. А. Акинөіевъ.	1629—1631. А. Акинфовъ (40).
	1632. Тобольск. сынъ боярск. Кокоревъ.
1633—1634. Н. И. Карамышевъ.	1633—1635.
1639—1642. А. П. Баксаковъ.	1640—1644. А. П. Баскаковъ.
1643—1645. П. Протасьевъ (77).	1645—1647.
1646—1651. М. Ө. Дурной.	1648.
1652—1655. М. Ө. Скрябинъ..	1653—1656; (а въ годахъ 1649—1650 Бунаковъ; 1651—1652 Аничковъ).
1666—1675. А. И. Сумароковъ (78).	1667—1677.

1680—1681. Д. С. Корсаковъ.	1680—1683.
1682—1687. Гр. И. Шишкинъ.	1684 — 1685; 1686 — 1688. И. Башковскій.

Якутскъ.

Городъ Якутскъ поставленъ въ 1639 г. П. П. Головинымъ съ товарищами.	Городъ поставленъ въ 1632 г.; строилъ—П. Бекетовъ (41).
1643—1648. В. Пушкинъ.	1645—1649 (42).
И. Акинфовъ правилъ до 1655 г.	1651—1652.
1659—1665. И. Ѳ. Голенищевъ-Кутузовъ (80).	1660—1667.
1670—1672. Стольн. Я. П. Волхонской.	1671—1674.
1673—1675. А. А. Барнашевъ.	1675—1677. Андрей (Вилимъ) Аѳ. Барнашлевъ (43).
1680—1681. И. В. Приклонской.	1681—1683.
1682—1687. Генералъ Матѳ. Осипов. Кравковъ (81).	1684—1687.

Илимскъ.

„Сей острогъ кѣмъ и когда поставленъ, не объяснено".	1630. „Поставлено Илимское зимовье".
1647—1651. Т. В. Шушеринъ.	1650. (41).
1652—1655. Б. Аладьинъ.	1651 — 1655. А. Львовъ (41 и прим. 104).
1659—1663. Т. А. Вындомской (82).	1659—1661.
1664—1665. Л. Обуховъ.	1662—1664; 1665 — 1666. Расторгуевъ-Сандаловъ.
1666—1667. С. Аничьковъ.	1667—1675.
1668—1676. Пропускъ.	
1682—1687. И. Змѣевъ.	1683—1685.

Нерчинскъ и Иркутскъ.

Нерчинскъ и Иркутскъ поставлены въ 1656 г. воеводой Аѳанасіемъ и сыномъ его Е. Пашковыми (83).	Иркутскъ поставленъ боярскимъ сыномъ Яков. Похабовымъ въ 1661 г. (43).
1661 — 1667. Тоб. сынъ боярск. Л. Толбозинъ.	1661—1667. Прикащики: Даурской, Перфильевъ, Фирсовъ, Даурской—во второй разъ, Перфильевъ — во второй разъ.

1668—1672. Ротмистръ Д. Аршинскій.	1668 — 1669. Боярск. с. Самойловъ.
	1670—1671. Барнешлевъ. 1672—1673. Сторгановъ.
1673—1675. П. Шульгинъ.	1674—1675. Боярск. с. Первой Самойловъ.
1676—1688. Тоб. с. б. Алексѣй Толбозинъ (84).	1676—1677. Боярск. с. И. Перфильевъ.
	1678—1679. Б. с. Первой Самойловъ и т. д.
Въ Нерчинскѣ 1676 г.—Ларіонъ Толбозинъ.	1674—1676. Б. с. П. Шульгинъ.

Это сличеніе показываетъ, что какъ хронологическія данныя, такъ и обозначенія воеводъ и др. лицъ въ „Показаніи"—невѣрны во многихъ случаяхъ, и едва ли роспись воеводъ этого памятника можетъ имѣть какое-либо значеніе въ качествѣ источника [1]).

§ 15. Изъ извѣстій „Показанія" мы могли провѣрить при помощи оффиціальныхъ документовъ лишь одно—о построеніи Верхотурскаго Николаевскаго монастыря. Подъ годомъ 1612 значится: „Построенъ Николаевской Верхотурской Монастырь, игуменомъ Іоною". Въ царской грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Плещееву и Головѣ Хлопову, объ отводѣ черному попу Іонѣ лѣса на построеніе въ Верхотурьѣ монастыря, отъ 26 мая (или іюня) 1604 года, написано: „Билъ намъ челомъ черной попъ Іона, а сказалъ: обѣтенъ де онъ устроити на Верхотурьѣ монастырь во имя святого чюдотворца Николы и святыхъ Страстотерпецъ Бориса и Глѣба; и онъ, по своему обѣщанью, занявъ у васъ нашего лѣсу, храмы воздвигнулъ, а на совершенье де ему лѣсу и тесу взяти негдѣ, и вы де ему, безъ нашего указу, на совершенье, лѣсу бревенъ и тесу не дадите" [2])... Изъ этихъ словъ видно, что къ 1604 г. монастырь былъ уже начатъ, были построены церкви,—только не былъ оконченъ, по недостатку лѣса. Слѣдовательно, основаніе монастыря произошло ранѣе 1604-го года, или, по крайней мѣрѣ, весной 1604-го года [3]).

Извѣстія „Показанія" могутъ быть провѣрены лишь въ томъ слу-

[1]) Провѣрить перечень губернаторовъ и проч. (XVIII в.) мы неимѣли возможности, за неимѣніемъ основы для такой провѣрки.

[2]) А. И. т. II, № 48. Документы, относящ. къ Верх. монастырю, см., между проч., въ Акт. отн. до юр. быт. Др. Рос. т. II, № 179. Р. И. Б., т. II, № 129. 1. Акт. отн. до юр. б. Др. Рос., II, № 126, IX. Р. И. Б., II, № 153, 1. А. И., III, № 223. Также, подробное сказаніе о жизни и чудес. Симеона, верхот. чудотворца. Пермь. изд. 7-е, 1887 г., Приложен. 1 и 2 (стр. 171, 179—182). Перечень игуменовъ монастыря здѣсь не полонъ: пропущенъ архим. Игнатій; ср. А. И. т. III, № 223.

чаѣ, если будутъ найдены тѣ первоначальныя записи, изъ которыхъ „Показаніе“ составилось.

§ 16. Все сказанное о „Показаніи“ можно, такимъ образомъ, свести къ слѣдующему:

1) „Краткое Показаніе“, составленное въ 1791 году, представляетъ изъ себя послѣднюю, но времени, лѣтопись изъ всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ, веденныхъ въ г. Тобольскѣ.

2) По характеру извѣстій, оно состоитъ изъ трехъ частей: a) главную часть составляетъ перечень административныхъ лицъ, съ 1587—1791 г. гор. Тобольска и другихъ городовъ, со времени основанія каждаго до 1687-го года. b) Вторую часть составляютъ извѣстія о церковной жизни г. Тобольска (съ перечнемъ іерарховъ), и c) извѣстія о мѣстной жизни образуютъ третью группу.

3) Источниками для составителя служили: a) Ремезовская Лѣтопись, на что можно указать опредѣленно. Впрочемъ, изъ нея заимствованы незначительныя извѣстія. b) Перечень воеводъ (до 1698 г.) могъ быть составленъ на основаніи такого же перечня „Записокъ“ или „Книги Записной“, или же на основаніи первоисточниковъ этихъ памятниковъ. Часть перечня съ 1698 до 1791 г. составлена по источникамъ, для насъ неизвѣстнымъ. Эта часть могла быть составлена самостоятельно, по оффиціальнымъ документамъ. c) Извѣстія о церковной жизни составлены по старымъ записямъ, о существованіи которыхъ можно предполагать съ большой вѣроятностью, даже если и думать, что нѣкоторыя извѣстія этого рода составитель заимствовалъ изъ „Записокъ“. d) Извѣстія о мѣстной жизни составитель взялъ изъ „Записокъ“, при чемъ выбралъ только главное.

4) Составитель „Показанія“—неизвѣстенъ. Утвержденіе же редакціи „Томск. Епарх. Вѣд.“, что оно принадлежитъ Варлааму I, архіеп. Тобольскому, не имѣетъ основанія.

5) Этимъ всѣмъ, до нѣкоторой степени, опредѣляется цѣнность „Показанія“ въ историческомъ отношеніи. Все главное, заключающееся въ этомъ памятникѣ, входитъ въ „Записки“. Остаются лишь мелкія извѣстія, не вошедшія въ „Записки“, но они не могутъ возвысить „Показаніе“ на степень самостоятельнаго источника. „Показаніе“ можетъ дать лишь нѣсколько свѣдѣній для археолога. Всѣ извѣстія „Показанія“ требуютъ самой тщательной провѣрки. Такимъ образомъ, за „Показаніемъ“ должно признать значеніе памятника только литературнаго, имѣющаго мѣстный интересъ.

И. И. ВАСИЛЕВЪ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

г. ПСКОВА

и

ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

(СЪ РИСУНКАМИ И ПЛАНАМИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1898.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Ни одинъ изъ русскихъ городовъ, кромѣ Москвы, не сохраняетъ въ себѣ такого количества памятниковъ древности, какъ Псковъ. Въ немъ можно еще теперь встрѣтить—въ церковной, напримѣръ, архитектурѣ — представителей ея каждаго вѣка и даже по нѣскольку экземпляровъ, начиная съ XII вѣка, т. е. времени близкаго къ событіямъ принятія и утвержденія въ Россіи христіанства. Въ крѣпостныхъ стѣнахъ можно отыскать постройки еще начала XIV вѣка. Ко времени отдаленной древности относятся нѣкоторые сохранившіеся предметы изъ церковной утвари. Вообще, Псковъ богатъ памятниками старины. Но самые памятники не отличаются богатствомъ, или матеріальною ихъ цѣнностью, хотя извѣстно, что Псковъ въ XV и XVI вѣкахъ считался городомъ богатѣйшимъ, болѣе богатымъ, чѣмъ самая Москва того времени. Теперь нельзя указать во Псковѣ на что-либо цѣнное, но если напомнить, что стѣны Псковской крѣпости тянулись въ совокупности на протяженіи болѣе $8^1/_2$ верстъ и что Псковская крѣпость обильно была снабжена артиллерійскими, боевыми, интендантскими и провіантскими запасами и выдержала осаду многочисленнаго лучшаго европейскаго войска, то богатство Пскова само собою обнаружится, хотя цѣнность предметовъ должна быть опредѣляема не по современнымъ, а по тогдашнимъ цѣнамъ и значенію предметовъ. Съ паденіемъ независимости Пскова стали исчезать его богатства. Цѣнные предметы, накопленныя сокровища и громадные запасы предметовъ довольствія, можно сказать, всѣ пошли на общія нужды возникшаго и расширявшагося новаго Московско-Русскаго государства. А послѣ того какъ Псковъ лишился своихъ богатствъ, особенно съ того времени, какъ, по присоединеніи къ Россіи Балтійскаго края, утратилъ свое стратегическое значеніе, онъ сдѣлался городомъ заброшеннымъ и сталъ напоминать собою то вмѣстилище, въ которомъ хранились, но въ разное время взяты, всѣ принадлежавшія владѣльцу цѣнности. Сохраненіе въ Псковѣ предметовъ древности въ большомъ количествѣ и обязано, можно думать, тому, что по изъятіи изъ него цѣнностей онъ не могъ уже пользоваться чьимъ-либо вниманіемъ. При первомъ проведеніи шоссейныхъ путей, въ тридцатыхъ годахъ, новая дорога, идущая изъ Петербурга на Варшаву, — не смотря на то, что она, по географическому по-

*

ложенію, должна была непремѣнно пройти чрезъ Псковъ, какъ по кратчайшему пути,—была отведена отъ него, и ближайшая станція устроена была въ 5 верстахъ отъ города: въ Псковѣ тогда не было уже средствъ, чтобы отразить градущую новую бѣду и грозившіе чрезъ это торговые убытки. А когда прошла чрезъ него желѣзная дорога, Псковъ представлялъ старую развалившуюся деревню, которая не только не привлекала къ нему, а скорѣе отвлекала туристовъ, какъ отъ города, гдѣ застывшіе и замершіе обломки старой жизни и кипучей дѣятельности давали много матеріала для исторіи и ничего для комфортабельнаго препровожденія времени, сообразно требованію вѣка. Псковъ объѣзжали и обходили.

Псковскія древности могли сдѣлаться предметомъ вниманія заѣзжихъ спеціалистовъ. Но и въ этомъ отношеніи бо́льшимъ вниманіемъ пользовался его старшій братъ Новгородъ, въ исторію котораго, по недостаточной разработкѣ матеріаловъ, включался и Псковъ въ силу распространеннаго тогда мнѣнія, что изученіе прошлаго Новгорода есть изученіе того же и въ Псковѣ, что конституція Новгорода и Пскова— одно и то же. Попытки Костомарова, Бѣляева, Никитскаго разсматривать Псковъ отдѣльно отъ Новгорода не имѣли осязательныхъ результатовъ, т.-е. въ изслѣдованіяхъ, разсказахъ и сообщеніяхъ этихъ ученыхъ Псковъ не выдѣлялся какъ отдѣльное явленіе въ нашей исторіи. На основаніи предвзятой мысли, что Псковъ былъ искони Новгородскимъ пригородомъ, во всемъ томъ, что въ Псковѣ было самобытнаго, независимаго, видѣли лишь проявленіе стремленія къ его отдѣленію отъ Новгорода [1]) На данныхъ исторіи Новгорода основаны объясненія дѣйствій Псковскаго вѣча, суда княжескаго и народнаго, всей внѣшней и внутренней политики Пскова. Всѣ подобнаго рода историческія замѣтки должно цѣнить какъ полезный историческій матеріалъ, но далеко не полный и односторонній. Шире и правдоподобнѣе былъ взглядъ на исторію Пскова псковскаго лѣтописца. Въ своемъ сказаніи о паденіи независимости Пскова онъ такъ о немъ выразился: „отъ начала убо Русскія земли сей убо градъ Псковъ никоимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе“, то-есть: Псковъ во все время своего существованія до подчиненія Москвѣ, даже во время призванія варяжскихъ князей и Новгородской уніи жилъ по своей волѣ. Дѣйствительно, если бы въ самомъ Псковѣ не было своихъ задатковъ самостоятельности, то ничѣмъ нельзя было объяснить быстраго, можно сказать, мгновеннаго перехода

[1]) Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ произведеніяхъ многихъ ученыхъ вкрались такія ошибки, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ будто нѣкоторые изъ нихъ вовсе или мало осматривали современный Псковъ съ его множествомъ древностей.

отъ пригородной подчиненной жизни къ жизни самостоятельной, независимой, съ готовыми формами государственнаго правленія и независимой внѣшней и внутренней политики. Сами новгородцы, немедленно по полученіи извѣстія о пріѣздѣ въ Псковъ особаго князя, снарядили войско, что было естественно, для укрощенія взбунтовавшагося пригорода, но тогда же сочли за лучшее смириться предъ совершившимся фактомъ, сказавъ въ утѣшеніе себя: „Богъ управитъ своимъ промысломъ". Такая скромность остается до сего времени не разъясненною при признаніи Пскова пригородомъ.

Приведенную мысль лѣтописца можно счесть за увлеченіе патріота, но чрезъ это высоко поднимается археологическая цѣнность псковскихъ древностей. Ближайшее ихъ изученіе можетъ перемѣнить точку зрѣнія на историческое значеніе Пскова. Взглядъ же на Псковъ только какъ на новгородскій пригородъ, можетъ быть, и составляетъ одну изъ причинъ той бѣдности исторической литературы, какая поражаетъ изслѣдователя при изученіи памятниковъ псковскаго прошлаго. Въ теченіе настоящаго столѣтія единственнымъ, можно сказать, безпристрастнымъ, болѣе полнымъ и правдивымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о Псковѣ остается все еще митрополитъ Евгеній въ его „Исторіи Княжества Псковскаго", которою пользовались всѣ наши историки, сказавшіе о Псковѣ весьма мало новаго и не указавшіе почти ничего такого, на что не было бы обращено вниманія мѣстнаго глубокаго изслѣдователя псковскаго прошлаго. Даже дилетантъ, если ему приходится имѣть дѣло съ исторіей Пскова по сочиненіямъ присяжныхъ историковъ, въ концѣ концовъ свое любопытство считаетъ удовлетвореннымъ, если ко всему читанному прочтетъ и „Исторію княжества Псковскаго". Равнымъ образомъ и археологическая литература послѣ Евгенія двигалась такими же медленными, почти незамѣтными шагами. Въ этомъ отношеніи можно указать только на два видныхъ дѣятеля—Н. И. Мурзакевича, открывшаго и издавшаго Псковскую Судную Грамоту, и Д. И. Прозоровскаго, давшаго лѣтописную топографію Пскова [1]). При этомъ нельзя не отмѣтить, что до сего времени не изданы псковскія писцовыя книги, а псковскія лѣтописи изданы какъ Погодинымъ, такъ и Археографическою Коммиссіей безъ всякихъ необходимыхъ комментаріевъ; къ нимъ нѣтъ еще никакихъ указателей.

Исторія и археологія Пскова были предметами и мѣстной литературы, но труды мѣстныхъ дѣятелей тоже не отличаются богатствомъ

[1]) Работа эта издана въ «Запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императ. Русск. Археологическаго Общества» (т. IV, 1887 г.) подъ заглавіемъ «Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ съ дополненіями по другимъ источникамъ». Существенный недостатокъ въ трудѣ Прозоровскаго—отсутствіе указанія современнаго состоянія памятниковъ, что ведетъ къ смѣшенію ихъ между собою.

содержанія, относящагося къ исторіи и археологіи Пскова; большая часть этихъ работъ состоитъ или изъ описанія современнаго состоянія какого-либо стариннаго письменнаго документа, въ чтеніи и разборѣ его смысла, или въ описаніи современнаго состоянія древняго вещественнаго памятника. Въ составленномъ мною „Библіографическомъ указателѣ“ исчислено до 300 номеровъ сочиненій по исторіи и археологіи Пскова, которыя были частію помѣщены въ неоффиціальной части „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ или въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, а частью изданы отдѣльными брошюрами [1]).

Псковъ.
6 января 1898 года.

И. Василевъ.

---

[1]) Библіографическій указатель статей, относящихся къ Псковской губерніи 1517—1887 гг. И. И. Василева. Псковъ 1891 г. Для характеристики мѣстной литературы выписываемъ названія нѣкоторыхъ, относящихся къ исторіи и археологіи сочиненій: Археологическое описаніе древностей города Пскова протоіерея Милевскаго, помѣщенное въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1838, 1844, 1845 гг. Въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ помѣщались въ разное время различныя мелкія замѣтки о псковскихъ древностяхъ: о монетѣ 1841, 1847, 1850 гг., о церквахъ, древнихъ могилахъ 1851 г., о крестныхъ ходахъ въ г. Псковѣ іеромонаха Іосифа 1858 г., о кладбищахъ 1857 г.; дѣленіе г. Пскова на сотни въ XVII вѣкѣ Евлентьева 1871 г., объ укрѣпленіяхъ 1858, 1872, 1878 гг., о нѣкоторыхъ предметахъ, хранящихся въ ризницѣ, 1864 г., о нѣкоторыхъ частныхъ зданіяхъ 1869, 1870 гг., о кладахъ 1872 г., и разнаго рода извѣстія о находкахъ старинныхъ предметовъ. Отдѣльными брошюрами изданы были: въ 1882 г. Указатель достопамятностей г. Пскова, А. С. Князева, 1868 г. Древнія укрѣпленія г. Пскова, И И. Василева, въ 1875 г. Указатель вещественныхъ памятниковъ древности и старины церковныхъ и гражданскихъ въ г. Псковѣ и его окрестностяхъ К. Г. Евлентьева. въ 1878 г. Хронологическій указатель историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ Псковской губ., И. И. Василева, въ 1879 г. Журналы курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1878 г. Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами, Константиномъ и Дмитріемъ Константиновичами въ Лыбутской мѣстности, И. И. Соколова, въ 1880 г. Описаніе и изображеніе древностей Псковской губ., составленное И. Ф. Годовиковымъ.

Кромѣ сего, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ напечатано не мало древнихъ административныхъ, имущественныхъ, хозяйственныхъ и другихъ грамотъ, или вообще памятниковъ письменныхъ.

Наконецъ, не мало встрѣчается археологическихъ замѣтокъ въ издаваемыхъ по временамъ трудахъ бывшей Псковской Археологической Коммиссіи, нынѣ Общества. Между ними обращаетъ вниманіе обширный рефератъ Павла, бывшаго епископа псковскаго и порховскаго: «Лѣтописное разъясненіе о владычнихъ палатахъ въ г. Псковѣ, построенныхъ новгородскимъ и псковскимъ архіепископомъ Макаріемъ».

Что касается до мѣстной исторической литературы, то съ конца 50-хъ или начала 60-хъ годовъ встрѣчается нѣкоторое оживленіе: составлялись историческіе сборники, отдѣльныя описанія церквей, монастырей, зданій, событій. Но всѣ эти изысканія не заходили далѣе трудовъ митрополита Евгенія, или большею частью на нихъ основывались. Нѣкоторую самостоятельность во взглядахъ слѣдуетъ признать за возникшей въ 1857 году полемикой между директоромъ мужской гимназіи Иваницкимъ и упомянутымъ выше іеромонахомъ Іосифомъ о достовѣрности сказанія Степенной книги относительно основанія Пскова благовѣрною княгинею Ольгой Россійской. Однако полемика не привела ни къ какимъ результатамъ: каждая изъ спорящихъ сторонъ осталась при прежнемъ мнѣніи. Впрочемъ, вопросъ этотъ остается открытымъ и до настоящаго времени. Тогда же А. С. Князевъ издалъ историческо-статистическое описаніе Псковскаго каѳедральнаго Троицкаго собора; Миротворцевъ, секретарь Статистическаго Комитета,—описаніе Печерскаго и Спасо-Елеазаровскаго монастырей, Никандровой пустыни; ректоръ семинаріи архимандритъ Аполлосъ объ іеромонахѣ Лазарѣ и о Печерскомъ монастырѣ, И. И. Василевъ Дѣла Псковской провинціальной канцеляріи (Слово и дѣло), Спасомирожскій монастырь, и Евлентьевъ. Поганкины Палаты. Не мало встрѣчается историческихъ замѣтокъ и короткихъ описаній, сдѣланныхъ разными лицами о погостахъ и церквахъ. Но почти всѣ эти замѣтки составляютъ компиляціи, и очень мало изъ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ

С.П.Б. МЫЩ. 19.

Псковъ. Каѳедральный соборъ и устье р. Псковы.

Археологическій указатель г. Пскова и его окрестностей.

Къ числу замѣчательныхъ древностей Пскова должно отнести его каменныя укрѣпленія. Такъ какъ, съ одной стороны, они обнимаютъ собою весь городъ, за исключеніемъ прилегающихъ къ нимъ посадовъ, слободъ и такъ называемаго Завеличья, а съ другой—постройки въ нихъ производились по мѣрѣ расширенія бывшихъ посадовъ, то для лучшаго ознакомленія съ псковскими древностями я счелъ болѣе удобнымъ сдѣлать обозрѣніе ихъ вмѣстѣ съ самыми укрѣпленіями, сохранившими еще во многихъ частяхъ свой древній видъ.

Постройка уцѣлѣвшихъ городскихъ укрѣпленій—стѣнъ, башенъ и проч.—тѣсно связана съ существованіемъ известковой скалы, служащей основой большей части Псковской губерніи, а равно и Пскова. Скала эта, обнажающаяся по берегамъ рѣкъ, не имѣетъ сплошной горизонтальной поверхности: въ иныхъ мѣстахъ она поднимается, въ другихъ опускается, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разница горизонта поверхностей бываетъ довольно значительная. Появляющіяся въ этихъ случаяхъ котловины и углубленія наполняются водою и образуютъ озера, рѣки, болота и другія водныя вмѣстилища. Кромѣ этихъ общихъ большихъ повышеній и пониженій, скала образуетъ небольшія возвышенности, происходящія отъ неровностей самой ея поверхности,—горки, бугры... Рѣкою Великою, пробившей свое ложе съ сѣвера на югъ въ ущельи скалы, Псковъ естественно раздѣляется на двѣ части: восточную главную часть, на которой основался собственно городъ съ укрѣпленіями, и западную—Завеличье, тоже древнее, можетъ быть, еще ранѣе восточной части заселенное [1]) мѣсто, но никогда не имѣвшее крѣпостныхъ стѣнъ. Восточная часть или главный городъ рѣкою Псковою еще дѣлится на двѣ части—городъ и Запсковье. Въ западной части, или на Завеличьѣ, скала видна на всемъ его пространствѣ; въ восточ-

[1]) Вблизи городской больницы на Завеличьѣ были находимы издѣлія бронзоваго періода, чего не замѣчено въ самомъ городѣ.

ной же, или главномъ городѣ, она поднимается лишь у берега р. Великой и части р. Псковы, понижаясь все болѣе и болѣе къ востоку и совершенно теряясь въ толстомъ слоѣ наносовъ въ верхнихъ частяхъ р. Псковы. На поднятой части скалы есть бугры или горки, нынѣ едва замѣтные. При застройкѣ эти горки получали особое названіе: Васильевская—близь духовной семинаріи, Анастасіевская—близь губернаторскаго дома, Романова, гдѣ нынѣ зданіе дворянскаго собранія, Незнанова—близь Спасской улицы, Гремячая на Запсковьѣ, и возвышенность Троицкаго собора. Промежутки этихъ горокъ были заняты или болотами, или прудами и озерками. По лѣтописямъ извѣстны слѣдующія такія влажныя мѣста: болото на нынѣшней площади близь мясныхъ рядовъ (южный берегъ его лежитъ тамъ, гдѣ теперь Николаевская церковь, называемая Усоха, Всоха, Всоса,—названія, указывающія на отсутствіе здѣсь влаги; по всей вѣроятности, мѣстность эта получила такое названіе уже на исторической памяти); болото близь сада мужской гимназіи, гдѣ значилась церковь Василія на болотѣ, нынѣ не существующая; лужа или тоже болото около нынѣ существующей церкви преподобнаго Сергія и Сергіевскихъ воротъ. Въ мѣстности такъ называемой „Пѣски“ упоминаются озерки и пруды; здѣсь же близь Покровской отъ торгу церкви было влажное мѣсто, гдѣ бралъ свое начало ручей или рѣчка, называемая Зрачка, втекающая въ Великую рѣку близь стоящей на мѣстѣ, принадлежащемъ духовной семинаріи, башни. Пруды были также на мѣстахъ, гдѣ нынѣ Кутузовскій и губернаторскій сады. Верховья этой рѣчки засыпаны, а остальная часть обращена въ подземную городскую трубу, оканчивающуюся близь упомянутой выше семинарской башни. На Запсковьѣ большое болото или озерко было у церкви Нерукотвореннаго Образа, у такъ называемой Жабіей Лавицы.

Слово „лавица“ вышло изъ употребленія въ настоящее время. Корень его—до сего времени употребляемое слово „лава“, подъ которымъ разумѣется искусственно сдѣланный переходъ чрезъ низменное мѣсто: ровъ, ручей, болото и т. п. Нынѣ лавы существуютъ какъ переходы, сдѣланные изъ толстыхъ балокъ по мельничной запрудѣ чрезъ р. Пскову къ Мишариной горѣ. Но лавицамъ въ лѣтописяхъ дается и другое значеніе—торговыхъ помѣщеній или складовъ. Подъ 1539 годомъ значится: „житницы и лавицъ погорѣ немного“. Превращеніе переходовъ въ торговыя помѣщенія могло совершиться при существующемъ и до сего времени обычаѣ устроивать мелочную торговлю при переправахъ чрезъ рѣку, гдѣ приходится ожидать парома.

лодки и т. п. Могло быть, что у лавъ, чрезъ которыя обязательно нужно было проходить и, слѣдовательно, гдѣ постоянно можно было ожидать скопленія публики, устроивалась и мелочная торговля съ подвижныхъ ларей и т. п. Лавы впослѣдствіи—при осушкѣ болотъ и засыпкѣ рвовъ—сдѣлались ненужны, но торговыя помѣщенія—лавки и лавицы—остались. Извѣстны по лѣтописи слѣдующія: Острая лавица и Боловинская около средней стѣны, давшія названія Остролавицкому и Боловинскому концамъ; Куклина, по всей вѣроятности, на площади у бывшаго болота и Ропата на Великолуцкой улицѣ близъ Краснаго креста.

Самый возвышенный изъ бугровъ — тотъ, на которомъ стоитъ нынѣ каѳедральный Троицкій соборъ. Эта горка или бугоръ, находящійся при самомъ соединеніи рѣкъ Псковы и Великой, занимаетъ главное мѣсто въ исторіи Пскова. Нынѣ эта мѣстность представляетъ возвышенность, имѣющую непосредственное сообщеніе съ городомъ, но гораздо ранѣе, при основаніи города, оно представляло возвышенность, трудную для подъема, а въ весеннее время, въ половодье, когда воды Великой и Псковы соединялись въ южной его части, это былъ островъ; часть эта острова по выходѣ изъ-подъ воды была влажна и не скоро высыхала, а еще южнѣе находилось болото, гдѣ нынѣ городская площадь съ мясными рядами. Для осушенія южной части полуострова передъ бугромъ вырытъ былъ каналъ, называвшійся въ лѣтописи „Гребля“, соединявшій рѣки Великую и Пскову, находящіяся здѣсь въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Греблей или Гроблей въ настоящее время не существуетъ. Мѣстность здѣсь искусственно поднята и уже въ половодье не затопляется.

Троицкій бугоръ представляется какъ бы естественною крѣпостью. Теперь онъ кажется наблюдателю ядромъ всѣхъ крѣпостныхъ сооруженій, господствующимъ надъ всею окружающею мѣстностью; но если принять во вниманіе, что прежде бугоръ этотъ требовалъ искусственныхъ сооруженій для подъема на него и что въ половодье, особенно въ ледоходъ, онъ былъ совершенно недоступенъ, то нельзя не склониться къ мысли нѣкоторыхъ мѣстныхъ изслѣдователей, что первоначальной крѣпости или укрѣпленнаго пункта нужно искать не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, что до укрѣпленія, сдѣланнаго на полуостровѣ на памяти исторіи, было укрѣпленіе до-историческое, построенное согласно существовавшимъ въ то время средствамъ и обычаю, по которому у славянъ городъ или городище представлялъ насыпь, окруженную водою. Развивая эту мысль, указываютъ,

что памятникомъ этой первобытной крѣпости можно считать сохранившееся названіе одной части Пскова Городецкимъ концемъ; въ лѣтописи Псковской два раза упоминается даже слово „городецъ". Это заставляетъ думать, что здѣсь, т.-е. въ этой части города, была и первоначальная крѣпость, устроенная по образцу постройки всѣхъ славянскихъ крѣпостей изъ землянаго вала. Можно съ вѣроятностью полагать, что это укрѣпленіе было на мѣстѣ, которое нынѣ называется Островкомъ, въ сѣверовосточномъ углу Окольной стѣны, гдѣ была церковь (нынѣ, впрочемъ, не существующая) архистратига Михаила, общаго патрона псковскихъ пригородовъ или крѣпостей. Въ одномъ мѣстѣ городецъ этотъ названъ даже „Воронецъ". Правда, теперь здѣсь земляной насыпи не видно, но мѣстность эта сильно была измѣнена устройствомъ земляныхъ сооруженій по плану Петра Великаго. Что бугоръ Троицкій не представлялъ первоначально удобствъ для занятія его подъ крѣпость—это свидѣтельствуетъ тотъ историческій уже фактъ, что когда потребовалась постройка крѣпости по правиламъ существовавшей въ то время фортификаціи изъ камня, то благовѣрный князь Довмантъ нашелъ удобнымъ для сего занять мѣсто не на бугрѣ, гдѣ Троицкій храмъ, а внизу его въ южной части. Въ мѣстности, нынѣ называемой консисторскимъ или архіерейскимъ дворомъ, и была построена Довмантомъ крѣпость. Домантова крѣпость представляла неправильный четыреугольникъ, длиною 40 саж. и шириною 30 саж. Это была первая историческая крѣпость [1]). Впрочемъ, нѣкоторые изъ ученыхъ предполагаютъ существованіе ранѣе сего на бугрѣ деревянной крѣпости. Едва ли однако можно согласиться съ такимъ предположеніемъ постройки крѣпости. При ея доступности для непріятеля въ половодье и осаднаго положенія ея защитниковъ, особенно во время ледохода, когда сообщеніе съ городомъ дѣлалось если не невозможнымъ, то затруднительнымъ, ближе къ истинѣ думать, что если бугоръ этотъ и былъ заселенъ, то не съ цѣлію сдѣлать его укрѣпленнымъ пунктомъ для всего города.

Достовѣрное извѣстіе о первой постройкѣ на бугрѣ относится ко временамъ историческимъ; эта постройка—церковь въ честь св. Троицы, заложенная первымъ княземъ Пскова, Всеволодомъ, который, можетъ быть, имѣлъ здѣсь и теремъ для себя. Заложенный княземъ храмъ пріобрѣлъ особенное значеніе: въ немъ стали принимать новгородскихъ владыкъ, пріѣзжавшихъ въ Псковъ на свой подъѣздъ; онъ сдѣ-

[1]) Годъ постройки Домантовой крѣпости въ лѣтописи не указанъ, не указано и того, что она построена княземъ Довмантомъ.

лался патрональнымъ, а мѣстность по образцу новгородскому получила названіе Дѣтинца. Такимъ образомъ Дѣтинецъ и Домантова крѣпость были древнѣйшими историческими мѣстами.

Крѣпостныя стѣны Пскова въ частяхъ своихъ носили слѣдующія названія: 1) Кромъ или Кремъ (Дѣтинецъ и Довмантова стѣна); 2) Средній городъ; 3) Окольный или Большой городъ и 4) Запсковье.

Кромъ.

Дѣтинецъ и Довмантовскія укрѣпленія вмѣстѣ носили названіе Крома, Крема. Точное значеніе этого слова не пояснено, его отождествляютъ и съ новгородскимъ кромомъ и съ московскимъ кремлемъ. Костомаровъ даетъ такое объясненіе: Кромъ онъ производитъ отъ слова „кромѣ" и излагаетъ дѣло такъ: Дѣтинецъ представлялъ главную центральную и прежде другихъ заселенную часть города; около него строились посады, и все то, что случалось за Дѣтинцемъ, кромѣ него, онъ считаетъ Кромомъ. По мнѣнію Костомарова, подъ Кромомъ разумѣется вся мѣстность, не входящая въ составъ Дѣтинца, напримѣръ, торговая площадь и проч. Но состоятельность такого объясненія подрывается рядомъ лѣтописныхъ извѣстій, изъ которыхъ ясно можно видѣть, что подъ Кромомъ разумѣлась мѣстность Дѣтинца и прилегающей къ нему Довмантовой стѣны т. е., тотъ полуостровъ, который образуется сліяніемъ рѣкъ Великой и Псковы: въ 1419 г. „заложены Перси (стѣна, отдѣляющая Дѣтинецъ отъ Домантовой крѣпости) у Крому"; въ 1462 году „задѣлаша прясло стѣны на крому отъ Великіе рѣки и врата на рѣку урядиша подлѣ Великую рѣку отъ Кутня костра и до Смердіихъ воротъ"; въ 1463 г. „начали дѣлать стѣну на Крому въ Домантовѣ стѣнѣ"; въ 1503 г. „подступиша нѣмцы подъ Псковъ и начали биться, много пушками били на городъ на Кромъ, а Дѣтинца Богъ ублюде". Поэтому слово Кромъ можно производить отъ неупотребительнаго слова „укромъ", отъ котораго происходитъ нынѣ еще употребляющееся слово „укромный"—уютный, или же отъ слова „кромка"—уголъ, кусокъ, и это объясненіе ближе подходитъ къ мѣстности, какою на самомъ дѣлѣ оказывается мысъ между двумя рѣками Псковою и Великой, гдѣ расположены Дѣтинецъ и Довмонтова стѣна.

Дѣтинецъ.

Въ Дѣтинцѣ въ настоящее время сохранились каменныя стѣны на сѣверо-восточной и отчасти западной сторонѣ; когда онѣ строились,

неизвѣстно, но ранѣе 1452 года, подъ которымъ есть извѣстіе, что „наддѣлали на старую стѣну новую стѣну свыше старыхъ стѣнъ отъ Захаба до Кутняго Костра“. Въ этомъ мѣстѣ, тоже неизвѣстно, когда, построены были башни: Куте-крома въ сѣверо-западномъ углу и Кутнія въ юго-западномъ; о послѣдней упоминается подъ 1433, 1451, 1458 г.

Дѣтинецъ отъ Домантовой стѣны, какъ выше упомянуто, отдѣляется стѣною, носившею особенное названіе: Перши. Слово это употребляется еще и теперь и означаетъ переднюю часть. Таковою эта стѣна и была въ дѣйствительности по отношенію къ Дѣтинцу, въ который для входа находились въ этой стѣнѣ двое воротъ: Великія ближе къ р. Псковѣ и Малыя къ р. Великой. Перши заложены были очень рано, о нихъ упоминается еще подъ 1393 годомъ; но находясь, съ одной стороны, на заливаемомъ весною непрочномъ грунтѣ, а съ другой, находясь подъ давленіемъ Троицкаго бугра, онѣ не были прочны и часто передѣлывались. На нихъ была устроена для церкви св. Троицы колокольня, на которой висѣли колокола и между ними вѣчевой [1]). Къ сожалѣнію, эта стѣна почти заново передѣлана въ 1866 году.

Въ Дѣтинцѣ церковь св. Троицы соборная. Основаніе ея слѣдуетъ отнести ко времени перваго князя Гавріила, которому лѣтопись приписываетъ закладку ея въ 1137 году, въ ней онъ былъ и похороненъ [2]).

Простоявъ около 223 лѣтъ, этотъ храмъ въ 1362 году распался; въ 1365 заложенъ, а въ 1367 году освященъ былъ новый храмъ, созданный „по старой основѣ“. Рисунки этого храма сохранились на древнихъ иконахъ. Второй храмъ подвергался нѣсколькимъ пожарамъ, а потому къ концу XVII вѣка обветшалъ. Въ 1682 г. на мѣстѣ его было заложено настоящее зданіе Троицкаго собора; строилось оно шесть лѣтъ, какъ своды его обрушились, и только чрезъ 7 лѣтъ послѣ того оно окончено и въ 1699 г. освящено. Въ 1788 году снова сгорѣлъ

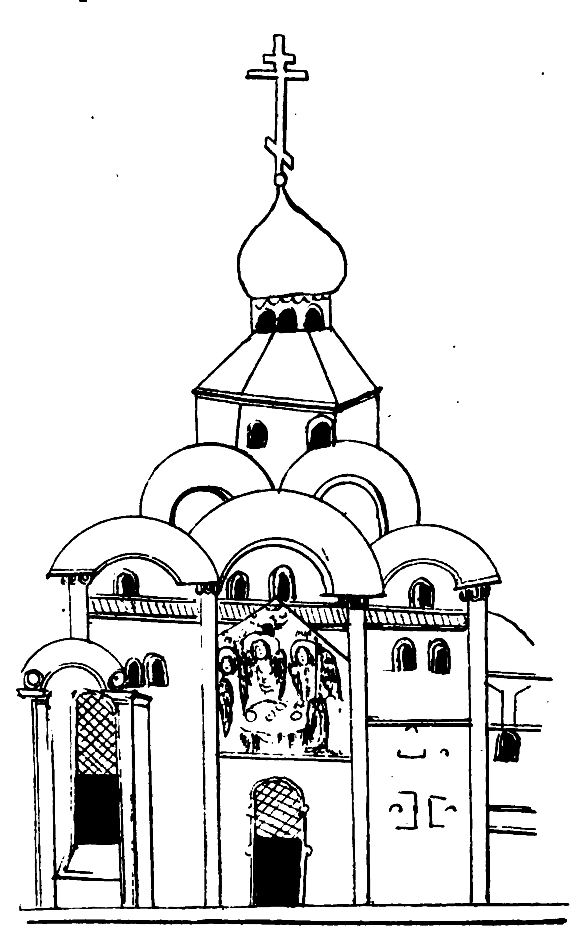
---

[1]) Иначе предполагалъ митрополитъ Евгеній; онъ говоритъ (И. Кн. Псков., ч. I, стр. 15): «кажется, линія стѣны верхней крѣпости по Псковской лѣтописи именована прясломъ, а возвышенные зубцы или гребень на стѣнѣ противъ алтаря соборнаго Перьями». Но, во-первыхъ, пряслами назывались въ лѣтописи части стѣны не только верхней крѣпости, а вообще всей крѣпости: «сдѣлали прясло стѣны отъ Великой рѣки до Сысоевыхъ воротъ» (1432 г.), «сдѣлано прясло стѣны у Лужскихъ воротъ» (1453 г.). Во-вторыхъ, зубцы или гребни—образованіе позднѣйшее; въ первоначальномъ видѣ ихъ не было; крѣпостныя стѣны были покрыты крышею, по снятіи которой обнаружились зубцы отъ тѣхъ узкихъ отверстій, которыя были для стрѣльбы изъ вставляемыхъ въ нихъ орудій. Наконецъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ Перши не были такимъ легкимъ сооруженіемъ какъ зубцы; въ одно время на перестройку ихъ потребовалось не менѣе трехъ лѣтъ.

[2]) Впрочемъ это вопросъ сложный: нѣкоторые думаютъ, что князь Всеволодъ былъ похороненъ въ деревянной церкви св. Дмитрія Солунскаго въ Домантовой стѣнѣ; на это однако нѣтъ точныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ указаній.

Видъ Дѣтинца и Троицкаго храма постройки 1682—1699 года.

куполъ и тогда же сгорѣла колокольня. Кромѣ главной Троицкой церкви, есть еще придѣльныхъ двѣ: Александра Невскаго на сѣверной сторонѣ и Гавріила Псковскаго на южной. Настоящее зданіе вмѣстѣ съ придѣлами имѣетъ въ высоту до средней большой главы 22 сажинъ, а съ крестомъ 36 сажени 2 аршина.



Рисунокъ Троицкаго собора на древней иконѣ.

Въ Троицкомъ соборѣ въ главной средней части храма иконостасъ работы неизвѣстнаго времени, но судя по тому, что два верхнихъ тябла совершенно иной архитектуры противъ остальныхъ, можно думать, что онъ былъ въ предыдущемъ храмѣ, изъ котораго и перенесенъ въ новый съ нѣкоторыми дополненіями. По размѣрамъ его до двухъ верхнихъ ярусовъ можно заключать и о высотѣ бывшаго храма. Иконы же работы позднѣйшей. Обращаетъ вниманіе нижній ярусъ, сдѣланный въ видѣ цоколя для всего иконостаса. Въ немъ помѣщены изображенія древнихъ философовъ и мудрецовъ съ хартіями въ видѣ свитковъ въ рукахъ: на свиткахъ каждаго написано какое-либо изреченіе—пророчественное, относящееся къ явленію въ міръ Мессіи [1]).

[1]) Вотъ эти изреченія: На правой рукѣ отъ царскихъ вратъ:

1. „Первый царь Ермій (?), нарекованный великій, рече Бога ꙋбо разꙋмѣти неꙋдобно и казати не возможно есть бо трисоставенъ и несказанен҃ сꙋщество҃ и естество҃ не имꙋша вчл҃вцѣхъ подобленіѧ".

2. „Менандръ рече нел҃ѣдованно и неи҃реченно и неразрꙋшно Бж҃ство: в трі лица составлѧемо ѿ чл҃къ внемлемо и҆ прославлѧемо и покланѧемо".

3. „Платонъ рече Аполоніи нѣсть богъ но есть Бг҃ъ на нб҃си е҆мꙋже снити на̀ зе́млю и҆ воплоти́тесѧ ѿ Дв҃ы чистыѧ внего же и а҃зъ вѣрꙋю і по

Въ главной части храма на сѣверной сторонѣ покоятся въ серебряной, мѣстами вызолоченной ракѣ мощи св. благовѣрнаго князя Гавріила Псковскаго. У главы есть древняя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, близкая къ подлиннику, икона съ изображеніемъ князя, держащаго въ рукахъ троицкій храмъ и здѣсь же мечъ фряжской работы съ гербами и латинскою надписью: honorem meum nemini dabo.

Въ серебряной ракѣ хранится древняя деревянная гробница, въ которой покоятся мощи и, на ней есть слѣдующая надпись: „Представися Благовѣрный князь Гавріилъ въ лѣто 6645 (1137)“; „1703 года мѣсяца Априлія въ 8-й день освятися храмъ во имя св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Гавріила (придѣльная, гдѣ прежде покоились мощи князя), въ той же день и мощи его святыя положены въ немъ при Митрополитѣ Іосифѣ Псковскомъ и Изборскомъ“. На гробницѣ благовѣрнаго князя Гавріила лежалъ серебряный ковчежецъ съ частію мощей князя и слѣдующею надписью: „лѣто 7091 (1583) Божіею милостію сдѣлана бысть рака (ковчежецъ) сія мощемъ благовѣрнаго великаго князя Всеволода, нареченнаго во святомъ крещеніи Гавріила, во храмъ Святыя Живоначальныя Троицы при державѣ государя царя великаго князя Ивана Васильевича самодержца всея Россіи и при его благовѣрныхъ царевичехъ князѣ Өеодорѣ и князѣ Димитріи Ивановичехъ повелѣніемъ Троицкаго собора Протопопа Луке и

҂у҃ лѣтъ по Бж҃твенно его рождествѣ мою кос҃ (?) ѡсıѧетъ сл҃нце при ц҃рѣ Костантінѣ“.

4. „А́фродитианъ рече Хр҃ту Бг҃у родитиса наземли ѿ Дв҃ы чистыѧ Мр҃іи внегоже и азъ вѣрую“.

5. „Хелȍнъ рече Несодѣлаинаго естества й рож҃тва рождение: неимушчи начала“.

Налѣво отъ царскихъ вратъ:

1. „Валаамъ рече вȍсıѧ҃ звѣздȁ ѿ іакова и воста́н҃е ѐтроча ѿ израилѧ и побі҃е вса ѧзыки моавлѧ и плѣнит҃ сн҃ы суфовы“.

2. „Евритидъ (?) рече Азъ чаю неприкосновенному родитиса ѿ Дв҃ы и воскресити ме́ртвыѧ и паки судити имъ“.

3. „Аристотель рече Азъ бо грѣше҃н быти не ѿмешуса: Хр҃ту же во адъ сходѧщу ниединъ прежде мене вѣрова неизгл҃аное зачатіе в три лица совокупитиса има“.

4. „Ѡмиръ рече свѣтило земны҃й возсıѧ҃ во ѧзыцѣ Хс ходити начнетъ странно совокупити хотѧ нб҃наѧ со земными“.

5. „Ѡморъ (?) рече Первое Бг҃ъ потомъ Слȍво и Дх҃ъ снимъ Едино возрастно вси“.

совѣту съ братіей“. Въ 1880 г. ковчежецъ съ мощами похищенъ неизвѣстно кѣмъ.

Противъ раки, между другими двумя противоположными колоннами—княжеское мѣсто съ государственнымъ гербомъ наверху, внутри обитое бархатомъ, а снаружи украшенное золотою рѣзьбою. Противъ него въ колоннѣ квадратная икона Пресвятой Троицы въ лицахъ, въ богатомъ серебряномъ съ драгоцѣнными камнями окладѣ, по всей вѣроятности—мѣстная, одного изъ прежнихъ храмовъ. Посреди ея въ четвероугольномъ очертаніи написано изображеніе трехъ странниковъ у кущи Авраамовой, а около нея кругомъ—въ четвероугольныхъ очертаніяхъ представлены изображенія разныхъ предметовъ изъ ветхозавѣтной исторіи, а именно, вверху: изображенія, представляющія твореніе міра, пребываніе первыхъ людей въ раю и ихъ паденіе; съ правой стороны: умовеніе ногъ Авраамомъ тремъ странникамъ, погибель Содома, явленіе Бога Іакову въ Веѳилѣ, бесѣда Бога съ Іаковомъ, Моѵсей и Ааронъ предъ Скиніею, явленіе Бога въ столпѣ облачномъ, поклоненіе тельцу у Синая, бесѣда Бога съ Моѵсеемъ на горѣ Синайской, услажденіе водъ Мерры, преслѣдованіе евреевъ Фараономъ; съ лѣвой: явленіе Бога въ купинѣ, явленіе діавола предъ Господа и врученіе судьбы Іова діаволу, принесеніе Исаака въ жертву, срѣтеніе Авраамомъ трехъ странниковъ у дуба Мамврійскаго, бесѣда Авраама съ Богомъ о судьбѣ Содома, Авраамъ, умоляющій трехъ странниковъ войти въ кущу его. Всѣ эти изображенія безъ украшеній; но изображеніе Св. Троицы покрыто серебряною, позлащенною ризою съ чеканными по ней цвѣтами. Вѣнцы на трехъ ликахъ серебряные, вызолоченные, съ чеканными цвѣтами, украшенные жемчугомъ и разноцвѣтными простыми каменьями. Подъ каждымъ ликомъ есть серебряный, вызолоченный подбородокъ. На среднемъ вычеканено изображеніе Св. Троицы, на правомъ—изо-

Икона благовѣрнаго князя Гавріила.

браженіе Іоанна Богослова, на лѣвомъ—Божіей Матери. Средній—съ 3-мя зелеными, а правый съ 2-мя бѣлыми вставками—простыми; лѣвый безъ вставки. Работа изъ серебра весьма хорошая, хотя, какъ замѣтно, давняя. Длина всей иконы 2 аршина 2 вершка, ширина 13 верш. Длина собственно изображенія Св. Троицы, покрытаго ризою—1 арш. $5^1/_2$ верш., ширина 1 арш. $7^1/_2$ вершковъ.

Влѣво отъ нея деревянный крестъ, называемый Ольгинымъ. Крестъ осьмиконечный, на деревянной же тумбѣ, съ яблокомъ. Тумба имѣетъ длину 1 арш. $^1/_3$ вершка, въ окружности—1 арш. 9 вершк. Крестъ опирается на тумбу яблокомъ, имѣющимъ въ отвѣсѣ $8^1/_4$ вершк., въ окружности $1^3/_4$ арш., вертикальная доска креста имѣетъ длину 4 арш. $^1/_2$ вершк.; поперечная 2 арш. 2 верш., ширина каждой доски 9 вершк., толщина 2 вершка. По краямъ досокъ откосы съ живописными бордюрами. На крестѣ изображенъ краскою крестъ и распятіе; въ возглавіи его изображенъ Господь Саваоѳъ на двухъ въ облакахъ херувимахъ, у правой руки изображеніе Богородицы и неизвѣстнаго, у лѣвой два неизвѣстныхъ святыхъ, подъ ногами лѣсной ландшафтъ и изображеніе благовѣрной княгини Ольги Россійской и, можно думать, князя Владиміра въ княжеской одеждѣ. На тумбѣ слѣдующія двѣ надписи: 1) „Пріиде Блаженная Ольга близь рѣки, глаголемыя Псковы, и ста на устіи тоя рѣки. Бяше бо тогда лѣсъ и дубіе веліе, и внезапу преславное видѣніе видѣ, свѣтлыми лучами осіеваемо мѣсто оное, пророчествуя глаголаше: на мѣстѣ семъ будетъ храмъ Пресвятыя Троицы, и градъ великъ зѣло и славенъ будетъ, и потомъ на мѣстѣ томъ постави пресвятой крестъ на поклоненіе православнымъ христіаномъ“ [1]). 2) „Божіимъ изволеніемъ грѣхъ ради нашихъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7017, отъ Рождества Спасителева міру 1509 бысть пожаръ, весь градъ выгорѣлъ и святыя церкви и соборная церковь Пресвятыя Троицы вся выгорѣла и поставленіе благовѣрной княгини Ольги дубовый крестъ и Домантова стѣна. Лѣта же отъ сотворенія міру 7131, отъ Рождества же Спасителева 1623, при благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи и при отцѣ его Святѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ написанъ сей Крестъ Христовъ повелѣніемъ архіепископа Іоакима на поклоненіе православнымъ христіаномъ“ [2]). При крестѣ золотая лампада—даръ великаго князя Кон-

---

[1]) Это взято изъ Степенной книги. Достовѣрность этого сказанія была неоднократно предметомъ полемики между мѣстными изслѣдователями старины.

[2]) По поводу этой надписи возникаетъ недоразумѣніе: дубовый крестъ благовѣрной Ольги сгорѣлъ въ 1509 г., а новый поставленъ въ 1623 году, то-есть, спустя 114 лѣтъ;

стантина Николаевича по случаю рожденія дочери Ольги Константиновны, нынѣ королевы эллиновъ. Около стѣнъ и близь рѣшотки у иконостаса находятся въ особыхъ кіотахъ иконы, особо почитаемыя или извѣстныя древностью.

Крестъ благовѣрной княгини Ольги Россійской.

Чирская икона Божьей Матери — двуличная, т.-е. писанная съ той и другой стороны, изъ коихъ каждая имѣетъ свою особую откосную раму не равной величины. Та и другая рама лежатъ не на поверхности иконы, а на самыхъ отрѣзахъ ея и задними откосами наклонены въ противоположныя одна отъ другой стороны. На одной сторонѣ иконы изображена Божья Матерь, именуемая Одигитріею, а на другой— написаны евангелистъ Лука и преподобный Ѳеодосій Печерскій. Кругомъ иконной дски, съ той и другой ея стороны, сдѣлана, соотвѣтственно четыремъ сторонамъ иконы, четвероугольная выпуклость въ видѣ рамы и вся, кромѣ нижней стороны, покрыта ликами разныхъ святыхъ. Покрыты изображеніями святыхъ и откосы рамъ, кромѣ нижнихъ откосовъ. На четвероугольной выпуклости, находящейся около лика Богоматери, изображены вверху: ап. Андрей, евангелистъ Лука,

можно ли при этихъ обстоятельствахъ считать настоящій крестъ копіей Ольгинскаго, какъ нѣкоторые думаютъ?

ап. Ѳома, Знаменіе Пресвятыя Богородицы, ап. Филиппъ, евангелистъ Маркъ, евангелистъ Матѳей; по правую сторону: апостолъ Іаковъ, апостолъ Павелъ, праведный Сѵмеонъ съ Богомладенцемъ, пророкъ Давидъ, пророкъ Малахія, Аввакумъ, Елисей; съ лѣвой: евангелистъ Іоаннъ, апостолъ Петръ, св. пророки Захарія, Исаія, Іеремія, Наумъ Илія; внизу: Іезекіиль, Моѵсей, Давидъ, пророкъ Іесей съ древомъ въ рукахъ, Соломонъ, Ааронъ, св. Іаковъ. На откосахъ рамъ съ этой стороны изображены—вверху: князь Всеволодъ, Архангелъ Гавріилъ, св. Іоаннъ преподобный, Святая Троица, Іоаннъ пресвитеръ, Архангелъ Михаилъ, святый благовѣрный князь Александръ; съ правой стороны: Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, митрополитъ Іона, св. Никита, преподобные Евѳросинъ и Савва Крыпецкій [1]); съ лѣвой: Василій Великій, Николай Чудотворецъ; св. Алексій и Петръ митрополиты московскіе, святый Іоаннъ Кіевскій и Леонтій Ростовскій. На той сторонѣ, съ которой находятся лики евангелиста Луки и преподобнаго Ѳеодосія, по откосамъ, съ трехъ сторонъ, изображены—вверху: св. Глѣбъ, Борисъ, Владиміръ, Господь Саваоѳъ съ младенцемъ въ лонѣ; далѣе слѣдуютъ еще лики, но ихъ трудно узнать по ветхости живописи; съ правой и лѣвой стороны находится по 6 ликовъ, но какихъ святыхъ они, тоже трудно узнать. На четвероугольной выпуклости около ликовъ евангелиста Луки и преподобнаго Ѳеодосія ничего не замѣтно. Лики по откосамъ рамъ, съ той и другой стороны, написаны почти всѣ по два въ рядъ, въ отдѣльныхъ кругахъ, а на выпуклости, около лика Богоматери, по одному, въ отдѣльныхъ же кругахъ. Лики евангелиста Луки и преподобнаго Ѳеодосія писаны по раззолоченому полю. По такому же полю писаны и прочіе лики, находящіеся около нихъ въ отдѣльныхъ кругахъ, раззолоченныхъ и раскрашенныхъ зеленою, красною и темною краскою. Откосные лики писаны по холсту. Быть можетъ, и вся икона, какъ съ той, такъ и съ другой стороны первоначально была писана по холсту же; та сторона иконы, на которой изображена Богоматерь, какъ замѣтно, въ недавнее время поновлена и покрыта вся серебряною, позлащенною, чеканной работы, ризою. Вѣнецъ Богоматери и вѣнецъ на главѣ I. Христа серебряные, позлащенные, прорѣзные. Убрусъ на Богоматери жемчужный, украшен-

[1]) Изображеніе на иконѣ псковскихъ преподобныхъ Евфросина и Саввы вызываетъ недоразумѣніе: по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ чудо отъ иконы въ Чирскахъ было въ 1420 году, между тѣмъ Евфросинъ умеръ въ 1481 году, а Савва въ 1487 году. Если предположить даже, что оба преподобные дожили до глубокой старости, то во время чуда отъ иконы они были если не въ младенческомъ, то юношескомъ возрастѣ, но икона писана, по всей вѣроятности, гораздо ранѣе совершившагося чуда.

*

ный 8-ю звѣздами разной величины, изъ коихъ четыре алмазныя, а прочія стразовыя. Короны на Богоматери и І. Христѣ сквозныя, осыпанныя стразами и разноцвѣтными стеклами. Изображенія на выпуклости—чеканныя въ кругахъ, обведенныхъ чеканными бордюрами. На рамѣ 4 наугольника. На персяхъ Богоматери прикрѣплена звѣзда изъ простыхъ стеколъ. Длина самой иконы 14 верш., ширина 11$^1/_2$ вершковъ. Длина рамы съ лицевой стороны 1 арш. 2 верш., ширина 1 арш. Длина рамы, находящейся на задней сторонѣ, 1 арш. 1$^1/_2$ верш., ширина 15$^1/_2$ верш.; откосы рамъ съ той и другой стороны; на серебряной, вызолоченной дскѣ вырѣзана слѣдующая надпись: „Сія чудотворная Пресвятыя Богородицы икона перенесена въ сей Псковскій каѳедральный соборъ съ подобающимъ крестнымъ ходомъ изъ Псковской же Чирской волости въ 1420 году, во время трехдневнаго теченія изъ очей ея слезъ и свирѣпствовавшей въ градѣ Псковѣ и предѣлахъ его моровой язвы“. Празднество въ соборѣ бываетъ ежегодно іюля 16 дня. Риза же на сію икону устроена по благословенію преосвященнаго Наѳанаила, епископа Псковскаго и Лифляндскаго въ 1835 году. Эта икона перенесена была изъ Чирской области во Псковъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее предметомъ особеннаго чествованія; для сего установлено было и праздновать ей каждогодно 16 іюля [1]). Но, неизвѣстно почему, по времени, она была почти забыта псковитянами и находилась просто въ соборной ризницѣ. Уже въ первой четверти настоящаго столѣтія любитель отечественныхъ древностей, преосвященный Евгеній, бывшій впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, взыскалъ и снова открылъ ее взору вѣрующихъ. При этомъ псковитяне едва и вовсе не лишились ея. Прихожане Чирской церкви, узнавъ о существованіи своей чудотворной иконы, непремѣнно хотѣли взять ее обратно въ Чирскую церковь и установить тамъ въ честь ея праздникъ. Объ этомъ уже подано было и прошеніе преосвященному. Но преосвященный успокоилъ просителей, не лишая собора святыни. Онъ убѣдилъ ихъ удовольствоваться снятіемъ копіи съ просимой ими иконы; копія была списана и съ крестнымъ ходомъ провождена въ Чирски, гдѣ съ того времени каждогодно совершается празднество въ честь ея 16 іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлено такое же празднество того же числа и въ Псковѣ, съ совершеніемъ крестнаго хода вокругъ собора.

---

[1]) Слово объ иконѣ Чирской Бож. Матери. Смотри рукоп. службу въ честь ея въ 16 день іюля. Въ этомъ словѣ сказано: «уставиша праздновати честный праздникъ Знаменія иконы Матери Господней мѣсяца іюля въ 16 день, на память священно-муч. Аѳиногена и 10 учениковъ его. Оную же чудотворную икону Матери Господней поставиша честью въ соборной церкви Св. Троицы на сохраненіе и утвержденіе граду Пскову».— Полн. Собр. Р. Л. т. V, 2 Пск. л., стр. 23.

Икона, извѣстная подъ именемъ Псковской Божьей Матери, длиною 1 арш. 13½ верш., шириною 1 арш. 2½ вершка. До 1848 года эта икона хранилась въ Псковоградской Богоявленской церкви между вышедшими изъ употребленія вещами. Не было на ней ни украшеній, ни надписей, кромѣ замѣтки на задней сторонѣ, что она была поновлена въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія. Но въ 1848 году, во время свирѣпствованія во Псковѣ холеры, она отыскана псковскимъ 3-й гильдіи купцомъ, Александромъ Васильевичемъ Барзовымъ, перенесена въ соборъ, и вскорѣ же, на соборную сумму, заботливостью того же купца Барзова, украшена богатою серебряною, позолоченною ризою съ жемчугомъ, драгоцѣнными каменьями и разноцвѣтными стеклами. Внизу на лицевой сторонѣ иконы по отдѣльнымъ финифтевымъ доскамъ размѣщены три надписи:

Первая: „При державѣ Самодержца Великаго Государя Императора Николая Павловича сія риза устроена, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Наѳанаила, архіепископа Псковскаго и Лифляндскаго, усердіемъ гражданъ города Пскова и другихъ доброхотнодателей, стараніемъ псковскаго купца Александра Барзова, въ память избавленія Пскова и предѣловъ онаго отъ эпидемической болѣзни холеры, начавшейся 2-го іюля и окончившейся 30-го августа 1848 года“.

Вторая: „Сему чудотворному образу Псковской Божіей Матери установлено празднество въ 1420 году 16-го іюля, при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ Донскомъ (?), въ воспоминаніе великихъ чудесъ, бывшихъ, какъ значится въ прологѣ и въ полныхъ лицевыхъ святцахъ изданія 1831 года, во время свирѣпствованія морового повѣтрія 1420 года, отъ коего граждане города Пскова, такъ же какъ и нынѣ, избавились отъ эпидемической болѣзни холеры заступленіемъ сея Богоматери“ [1]).

Третья: „Сія риза дѣлана въ Москвѣ придворнымъ фабрикантомъ Сазиковымъ въ 1849 году въ февралѣ мѣсяцѣ; на оную ризу съ накладными вѣнцами, скипетромъ, вѣтвію и желѣзомъ употреблено чистаго серебра 84 пробы вѣсу 24 золотника; вызолочена червоннымъ золотомъ чрезъ огонь, одежда Богоматери изъ фабры, одежда Спасителя бѣлая моаре, убрусъ подбородокъ на Богоматери, подбородокъ Спасителя, Гавріила и Михаила Архангеловъ и всѣ нарукавники вынизаны жемчугомъ со вставками, вѣнцы осыпаны французскими стразами, корона на Богоматери, скипетръ и вѣтвь украшены цвѣтными

[1]) Въ виду существованія другой иконы Божіей Матери, именуемой также Чирскою, эта надпись вызываетъ недоумѣніе, въ настоящее время не разъясненное.

камнями и французскими стразами; во всѣхъ надписяхъ и камняхъ вѣсу 1 ф. 85 зол.* Подробная опись всему выгравирована на посеребренной доскѣ и прибита сзади иконы. По этой описи находится жемчуга разной величины—на оплечьѣ и убрусѣ Богоматери 5.013 зеренъ, вѣсомъ $52^1/_2$ зол., на подбородкѣ и зарукавьяхъ Христа Спасителя и Божіей Матери, на Архангелахъ и внизу на хитонѣ Спасителя $30^1/_4$ золотн., стразовъ французскихъ 1.337, аметистовыхъ камней 4, золота въ привѣсахъ разнаго рода 28 зол. Также замѣчено, что, кромѣ привѣсовъ, всѣ украшенія иконы обошлись въ 1.570 руб. серебр., и что работа изъ жемчуга производилась въ Псковоградскомъ Старовознесенскомъ женскомъ монастырѣ монахинею Ольгою Затеплинскою, подъ надзоромъ игуменіи Агніи Ушаковой. Вмѣстѣ съ этимъ на той же доскѣ излагается исторія 16 крестныхъ ходовъ, бывшихъ въ Псковѣ съ 11-го іюля по 1-е августа 1848 г., по случаю свирѣпствованія эпидеміи: трехъ общихъ, 11 и 16 числа іюля, вкругъ всего города, 1-го августа на водосвятіе, со всѣми замѣчательнѣйшими Псковскими иконами, и остальныхъ частныхъ, отъ одной церкви къ другой, или въ томъ и другомъ приходѣ, съ нѣкоторыми только иконами.

Владимірская икона Божьей Матери, очень древняя, покрытая чеканною серебряною, позлащенною, съ чеканными цвѣтами, ризою и украшенная по мѣстамъ жемчугомъ. Риза, какъ замѣтно, работы давней. На зарукавьяхъ находится по одной вставкѣ изъ граната, а на лѣвомъ плечѣ двѣ вставки, изъ граната и простаго зеленаго камня; та и другая обложены жемчугомъ. На персяхъ три привѣски: 1) овальная, серебряная, вызолоченная небольшая икона съ черневымъ изображеніемъ, вверху: Господа Саваоѳа, внизу св. мученика Іероѳея и мученицы Ирины; 2) фермуаръ изъ яхонтовъ съ 2-мя жемчужными подвѣсками и 3) серьги изъ бѣлыхъ камней. Убрусы на головѣ и подбородкѣ у Богоматери и Богомладенца — жемчужные со вставками изъ драгоцѣнныхъ и простыхъ каменьевъ. Корона на Богоматери значительной величины, сквозная, чеканная прекрасной работы со вставками разной величины и разнаго цвѣта изъ драгоцѣнныхъ и простыхъ каменьевъ. Края иконы выложены позолоченнымъ серебромъ со сканью. Длина иконы $1^1/_2$ арш., ширина 15 верш.

Тихвинская икона Божьей Матери, находящаяся у раки св. Николая Юродиваго, весьма древняя, украшенная по краямъ и полямъ позлащенною басмою. Вѣнцы на Богоматери и Спасителѣ серебряные съ разноцвѣтною сканью. Къ иконѣ прикрѣплена откосная, деревянная рама, на коей по темнозеленому полю изображены цвѣты

золотомъ, темнокрасными и кирпичнаго вида красками. Длина иконы 1 арш. $3^1/_2$ верш., ширина $15^1/_2$ верш.

Икона Знаменія Пресвятыя Богородицы, находящаяся у праваго клироса въ придѣльной церкви св. благовѣрнаго князя Гавріила, у самаго того мѣста, гдѣ до 1834 года покоились мощи сего угодника Божія. Икона эта греческаго письма и, какъ можно судить по ея виду, очень древняя. Украшена она по краямъ и полямъ басменнымъ позлащеннымъ серебромъ и вставками въ разныхъ мѣстахъ, разной величины, изъ бѣлаго, круглаго, выпуклаго шлифованнаго хрусталя. Двѣ большихъ вставки находятся по сторонамъ лика Богоматери, три меньшихъ вставки на Ея вѣнцѣ, четыре еще меньшихъ на вѣнцѣ Спасителя. Гнѣзда для этихъ вставокъ обложены другими разноцвѣтными вставками. Длина иконы 14 верш., ширина 13 вершковъ.

Икона Знаменія Пресвятыя Богородицы, шитая по бѣлому атласу золотомъ, длиною 14 верш., шириною $^3/_4$ арш. Икона эта тоже очень древняя. Кругомъ ея вышитъ большими древнеславянскими буквами задостойникъ изъ литургіи Василія Великаго: „О Тебѣ радуется, обрадованная, вся тварь, архангельскій соборъ и человѣческій, освященная церковь и раю словесный, дѣвственная похвала, изъ нея же Богъ воплотися и младенецъ бысть, прежде вѣкъ сый Богъ нашъ, ложесна бо Твоя престолъ сотвори и Твое же чрево пространнѣе небесъ содѣла. Дѣвице, слава Тебѣ!"

Икона святаго благовѣрнаго князя Гавріила, весьма древняя и близкая къ подлиннику [1]), еще въ XVI вѣкѣ бывшая чудотворною [2]), въ чеканно-серебряной позлащенной ризѣ, длиною 1 арш. 15 верш., шириною 1 арш. На ризѣ есть двѣ надписи: первая: „весу въ оной різѣ 6 фунт. 68 зол."; вторая: „1762 году Маія 1 дня сія різа Благовѣрнаго Князя Гавріила Псковскаго построіна тщаніемъ і своимъ коштомъ дому архіерейскаго стряпчаго Іосифа Петрова и сожительницы его Меланіи Семеновой дочери". Эта икона всегда находилась у раки св. Гавріила, и нынѣ находится при ней. (См. стр. 226).

Икона благовѣрнаго князя Гавріила, весьма древняя, украшенная позлащенною басмою, въ рѣзной вызолоченной рамѣ. Вѣнецъ у св. князя серебряный, вызолоченный разноцвѣтною сканью. Надъ ликомъ угодника прибита серебряная продолговатая пластинка. На ней изображена надпись, но какая, узнать трудно, потому что пластинка эта испорчена и на ней осталось только нѣсколько словъ,

---

[1]) Изслѣдованія о рус. иконописанія, кн. 1, стр. 59.

[2]) Повѣсть о началѣ и основаніи Псковопечер. монастыря 48—49. Псковъ, 1849 г.

по очертанію которыхъ можно полагать, что эта надпись весьма давняя. Жаль, что ликъ угодника былъ когда-то поновленъ и очень неискусно. Длина иконы 1 арш. $5^1/_2$ верш., ширина 15 верш.

Изображеніе св. князя Гавріила, покоящагося въ ракѣ, отличной работы; написано оно по малиновому штофу, въ длину имѣетъ 2 арш. $1^1/_2$ верш., въ ширину $13^1/_2$ верш. Вѣнецъ и подбородокъ на этомъ изображеніи сдѣланы изъ жемчуга, по мѣстамъ особенно крупнаго, и очень богато украшены алмазами, яхонтами, изумрудами и простыми разноцвѣтными каменьями. Это изображеніе, до устроенія серебряной раки, лежало на деревянной ракѣ угодника.

Икона благовѣрнаго князя Довмонта, длиною 1 арш. $3^1/_2$ верш., шириною 1 арш., украшенная по краямъ и по полямъ басменнымъ позлащеннымъ серебромъ,—тоже весьма древняя.

Икона святителя Николая, взятая въ соборъ изъ уничтоженной нынѣ Николаевской церкви на Полонищѣ, вѣроятно, бывшая мѣстною въ упомянутой церкви, выстроенной въ 1684 году. Края и поля ея украшены серебряною позолоченною басмою. На вѣнцѣ, покрытомъ сканью съ разноцвѣтною эмалью, находится 3 большихъ изъ бѣлаго хрусталя вставки.

Явленная икона св. Параскевы [1]), длиною $^3/_4$ арш., шириною 9 верш., украшенная жемчужнымъ убрусомъ и такимъ же привѣсомъ подъ ликъ святой, на коихъ есть и драгоцѣнные камни, и простыя стекла. Эта икона перенесена въ соборъ изъ погоста Зачеренья, находящагося въ Псковскомъ уѣздѣ и отстоящаго отъ Пскова въ 40 верстахъ, гдѣ существуетъ храмъ во имя сей святой.

Въ ризницѣ хранятся еще два рѣзныхъ статуйныхъ деревянныхъ изображенія: Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и Николая Чудотворца, держащаго въ одной рукѣ мечъ, а въ другой церковь.

Въ алтарѣ за жертвенникомъ—крестъ въ ростъ человѣка съ металлическими дробницами для мощей святыхъ и съ слѣдующей надписью: „Лѣта 7180 (1672) году Іюля въ 29 день, построенъ сей животворящій крестъ запрестольный и кипарисный съ мощами и съ дробницами при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца,

[1]) Не находя удобнымъ для постройки храма въ честь иконы то мѣсто, гдѣ она явилась, жители страны избирали для этого три мѣста, одно послѣ другого, и переносили ее на оныя; но каждый разъ икона невидимою силою переносима была на мѣсто первоначальнаго ея явленія. Такъ говоритъ мѣстное преданіе, указывая самыя тѣ мѣста—деревни: Исадъ и Городище въ 4-хъ верстахъ отъ погоста.

при святѣйшемъ патріархѣ Питиримѣ, по обѣщанію грѣхъ ради моихъ. Харитоновскій священникъ Артемій при себѣ и по своихъ родителехъ въ вѣчный поминокъ душамъ ихъ".

Въ притворѣ придѣльнаго храма Александра Невскаго устроено помѣщеніе для ризницы, въ которой есть предметы древніе: 1) Евангеліе рукописное апракосъ письма 1532 года съ надписью: „Написана бысть книга сія, глаголемая Евангеліе, повелѣніемъ раба Божія Елисея Борисова сына на престолъ святымъ тремъ святителемъ [1]) да Деисусъ поставилъ надъ престоломъ при игумени при Геронтеи. Церкви Божіи на украшеніе, а себѣ на память и роду своему".

Другое Евангеліе, обложенное бархатомъ—1644 года, съ надписью: „Сіе и аще болѣе что сицево изобрѣло по нерадѣнію нашему, но паче немощи человѣческой причетше намъ: трудившимися въ сей вещи, да сподобити прощенія просимъ да и сами прощеніе улучите отъ Христа Бога въ день судный. Гавріилъ Іоанновичъ игуменъ Евейскій типографъ общаго житія" [1]). По соборной описи 1866 г. оно не значится и въ настоящее время неизвѣстно, гдѣ находится.

Третье Евангеліе печати 1681 года. Надпись: „Лѣта 7192 (1684) года Сентября въ 11 день построено сіе святое Евангеліе повелѣніемъ преосвященнаго Маркелла, перваго митрополита Псковскаго и Изборскаго, на его келейныя деньги".

Четвертое Евангеліе большихъ размѣровъ на александрійской бумагѣ, напечатанное въ Москвѣ въ 1689 году, при патріархѣ Іоакимѣ.

Напрестольные кресты:

1) Серебряный позолоченый чеканной работы съ литымъ распятіемъ, украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и съ мощами святыхъ, на немъ надпись: „Сей животворящій крестъ построилъ въ соборную церковь святыя Троицы въ градъ Псковъ преосвященный Маркеллъ митрополитъ псковскій и изборскій, лѣто 7191 (1683) мая 7 дня".

2) Съ надписью: „Лѣто 7060 шестаго (1558) сдѣланъ бысть крестъ при старостѣ Саввѣ и при другомъ старостѣ Мартынѣ".

3) Съ надписью: „сдѣланъ сей Крестъ въ Церковь Григорія Богослова, бывшей Путятинъ монастырь [2]), при Державѣ Благочестивѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ нашей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержцѣ всея Россіи и при наслѣдникѣ Благовѣр-

---

[1]) См. ниже церковь Трехъ святителей.
[2]) См. ниже Путятинъ монастырь.

номъ и Великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и при супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ и Великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при Благовѣрномъ Государѣ и Великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ тщаніемъ тое жъ церкви Священникомъ Павломъ Егорьевымъ, Декабря 31 дня 1757 года. А въ семъ крестѣ вѣсу 129 золот. $^3/_4$".

4) Съ надписью: „1702 г. мѣсяца Мая въ день... построенъ при митрополитѣ Іосифѣ".

Потиръ золотой съ надписью: „Лѣта отъ сотворенія міра 7194 (1686) Іюля въ 9 день построишася сіи сосуды служебніи златіи во градъ Псковъ въ соборную церковь Пресвятыя Троицы повелѣніемъ преосвященнаго Маркелла, перваго митрополита Псковскаго и Изборскаго, изъ домовой казны"; къ нему дискосъ верхъ золотой и серебряная звѣзда позолоченная съ мелкою чеканкой древней работы.

Потиръ съ буквами на поддонѣ: C. G. V. V. H. G. I. Anno 1697". Изъ устъ Саваоѳа на потирѣ: „Ein zu gnade angenomen Sünder"; на яблокѣ: „Iesus".

Дарохранительница серебряная, имѣющая видъ храма, древней искусной работы.

Чаша водосвятная серебряная съ надписью по краямъ: 1) „Лѣта 7182 (1674 года) устроена сія чаша при державѣ великаго Государя нашего Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и при благовѣрной Царицѣ и великой княгинѣ Натальѣ Кириловнѣ и при его благовѣрныхъ чадахъ и при благовѣрныхъ царевнахъ благословеніемъ великаго господина преосвященнаго Арсенія архіепископа Псковскаго и Изборскаго, а строена мірскимъ подаяніемъ". 2) на днѣ чаши: „Во Іердани крещающутися Господи Тройческое явися поклоненіе, Родителевъ бо гласъ свидѣтельствоваше Ти возлюбленнаго Тя Сына именуя, и Духъ въ видѣ голубинѣ извѣствоваше словеси утвержденіе — явлейся Христе Боже нашъ и міръ просвѣщей слава Тебѣ". „Явился еси днесь вселеннѣй и свѣтъ твой Господи знаменася на насъ, иже въ разумѣ поющимъ Тя, пріиде и явися свѣтъ неприкосновенный".

Панагіи: 1) Панагія чеканная, наложенная на серебряной доскѣ, осмиугольная, серебряная, позлащенная, съ четырьмя камнями большой величины: одинъ камень бѣлый, наложенный на фольгу, и три граната темно-фіолетоваго цвѣта. На возглавіи вставка изъ малахита; въ срединѣ панагіи икона Господа Вседержителя съ предстоящими, за выпуклымъ круглымъ стекломъ. Длина и ширина панагіи $3^1/_4$ вершка.

2) Панагія круглая, сквозная, покрытая финифтью, съ крестомъ въ срединѣ безъ изображенія, убранная разноцвѣтными камнями: яхонтами и изумрудами, имѣющая 3 подвѣски: одна изъ изумруда и двѣ изъ яхонтовъ. Надпись на задней сторонѣ ея кругомъ: „Сія панагія дана въ домъ Живоначальныя Троицы первому Маркеллу митрополиту Псковскому, въ поминовеніе души стольника Льва Салтыкова, а прямое имя ему Мемнонъ 1683 г.“ Въ поперечникѣ имѣетъ 2 вершка не съ большимъ.

3) Панагія 12-угольная, серебряная, филигранная съ финифтью, вся вызолочена. Въ срединѣ вставной образъ Св. Троицы, за выпуклымъ стекломъ, съ 8 камнями разнаго цвѣта, изумрудами и яхонтами. Привѣска почти круглая, зеленаго аспиднаго камня, въ золотой обдѣлкѣ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Богоматери. Возглавіе тоже филигранное, серебряное, крестообразное, украшенное 3 большими жемчужинами и 2 камнями, вверху изумрудомъ и яхонтомъ. Въ длину и въ поперечникѣ имѣетъ $2^3/_4$ вершка.

4) Панагія серебряная, вызолоченная, чеканной работы, съ вставною круглою иконою Св. Троицы, за выпуклымъ стекломъ, съ 8 большими бурмитскими зернами, въ длину и поперечникѣ не съ большимъ 2 верш. Привѣска—каменный, съ литымъ серебрянымъ изображеніемъ Спасителя, крестъ въ серебряной оправѣ. Сквозь всѣ концы кругомъ протянута витая проволока и на ней, между концевъ креста, по жемчужинѣ. Возглавіе—большой серебряный четвероугольникъ съ жемчужиною. По сторонамъ его по одному серебряному кружку въ видѣ круглой пуговицы.

5) Панагія серебряная, позлащенная, овальной формы. На ней въ срединѣ рѣзной по серебру съ чернью образъ Знаменія Богородицы, обнизанный жемчугомъ, за которымъ кругомъ лежатъ 8 разноцвѣтныхъ вставокъ: 1 изъ бирюзы, 2 изъ гранаты, 1 изъ сапфира, 2 хальцедона и 2 изъ простаго стекла. При возглавіи четвероугольникъ, и около него, по ободочку на шпенькахъ, 8 жемчужинъ. Внизу, вмѣсто привѣски, прозрачный хальцедонъ, закрѣпленный жемчужиною. На четвероугольномъ серебряномъ возглавіи изображены: на лицевой сторонѣ Нерукотворенный образъ. а на задней херувимъ чеканной работы. На задней сторонѣ панагіи изображенъ чернью Архангелъ Михаилъ, а около него размѣщена надпись: „мощи архидіакона Стефана, Варѳоломея, Епифанія, Даміана, Александра, Ефрема, епископа Никиты, епископа Акакія, камень, гдѣ Іисусъ Христосъ молитву говорилъ“. Длина панагіи около 2 верш., ширина $1^1/_4$ вершка.

6) Панагія серебряная, чеканная, позлащенная, 8-угольная, съ круглою посреди иконою Знаменія Божіей Матери за слюдою. Какъ икона, такъ и края панагіи обложены жемчугомъ, а около иконы лежатъ 8 гранатовъ. Возглавіе серебряное въ видѣ кружка; на немъ 5 гранатныхъ вставокъ и 3 жемчужины. Привѣску составляетъ сапфиръ, закрѣпленный сверху и снизу жемчужиною. Длина панагіи около 2 вершковъ, ширина нѣсколько менѣе.

7) Панагія серебряная, круглая, чеканная позлащенная; въ рединѣ ея—сердцевидный янтарь, съ изображеніемъ на немъ: по правую сторону Господа Саваоѳа, по лѣвую Іисуса Христа, выше ихъ Св. Духа, въ видѣ голубя, ниже—Державы. Вверху и внизу чеканные херувимы, а по сторонамъ описаннаго изображенія Богоматерь и Предтеча. На задней сторонѣ янтаря надпись: I. H. S. W. Панагія имѣетъ въ длину $2^1/_4$ верш., а въ поперечникѣ 2 вершка.

8) Панагія серебряная, позлащенная, съ изображеніемъ въ срединѣ Знаменія Божіей Матери за полированнымъ стекломъ. Ободокъ украшенъ 2 яхонтами и 2 изумрудами и въ два ряда эмалевыми зернами, въ одномъ голубыми, а въ другомъ бѣлыми. Задняя сторона панагіи тоже украшена эмалевыми зернами. Возглавіе на ней серебряное съ гранатовою вставкою, обложенное кругомъ большими эмалевыми зернами, а съ задней стороны украшенное сканью съ черною и темнозеленою цениною. Привѣска—сапфиръ, укрѣпленный 2 жемчужинами.

9) Панагія 12-угольная [1]) серебряная, вызолоченная, чеканной работы, покрытая сканью, украшенная по лицевой сторонѣ жемчугомъ и 8 гранатами, имѣющая съ 3-хъ сторонъ сквозныя со сканью приставки въ видѣ большихъ круглыхъ пуговицъ. Приставки эти прикрѣплены жемчужинами и имѣютъ на себѣ по бирюзовому камню. Возглавіе съ лицевой стороны четвероугольное, а съ задней многогранное, серебряное, вызолоченное (пустое въ срединѣ). На срединѣ его темно-красный гранатъ, а около—7 жемчужинъ. Къ возглавію прикрѣплено 2 сквозныхъ со сканью, серебряныхъ, вызолоченныхъ шарика, въ видѣ большихъ пуговицъ, надѣтыхъ на дугообразную толстую серебряную проволоку, которая вверху закрѣплена четвероугольными серебряными, вызолоченными пластинками. На срединѣ пластинокъ находится по большому темно-красному гранату, а около по 2 бирюзовыхъ камня и по 2 жемчужины. Между пластинками и шариками идутъ двѣ серебряныхъ, витыхъ цѣпи, толщиною въ большой

[1]) Эта панагія, впрочемъ, болѣе походитъ на царскую, нежели на архіерейскую.

палецъ, длиною въ $^1/_4$ арш. Къ концамъ цѣпи, близъ шариковъ, придѣлано по серебряной вызолоченной трубочкѣ, изъ коихъ въ каждую вставлено по 3 бирюзовыхъ камня и по 2 жемчужины. На прочихъ концахъ цѣпи находится по пластинкѣ одинаковой величины и одинаковаго украшенія съ пластинками, описанными выше. Самая панагія въ длину $2^1/_4$ верш., въ ширину 2 вершка.

10) Панагія 8-гранная, съ 8 бурмитскими зернами. Икона на ней Нерукотвореннаго образа, круглая, за выпуклымъ шлифованнымъ стекломъ. Верхняя доска имѣетъ чеканные цвѣты. Возглавіе многогранное съ жемчужною вставкою. На задней сторонѣ находится слѣдующая надпись: „Мощи Святыхъ: плащаница Христова, Іоны архіепископа, Іоанна архіепископа Новгородскаго, Іакова Боровицкаго, Іакова Перскаго, м. Акилины". Панагія имѣетъ въ длину не съ большимъ 2 верш., въ ширину 2 вершка.

11) Панагія, жалованная Императрицею Екатериною II-ю псковскому преосвященному Иннокентію, серебряная, позлащенная, украшенная драгоцѣнными каменьями, аметистами и бриліантами. На ней изображенъ Спаситель на финифти.

Посохи или жезлы: 1) Евѳимія, архіепископа новгородскаго, деревянный, покрытый бархатомъ и съ надписями въ нѣсколькихъ мѣстахъ: а) „1436 года сряженъ бысть посохъ замышленіемъ преосвященнаго владыки Евѳимія, архіепископа Великаго Новгорода"; б) „1589 года мѣсяца іюня въ 26-й день, на память преподобнаго отца нашего Давида, иже въ Селунѣ, поновилъ посохъ епископъ Мисаилъ Псковскій и Изборскій"; в) „лѣта 1652 апрѣля 4 дня, на память преподобнаго отца нашего Іосифа пѣснописца, поновился посохъ сей архіепископомъ Макаріемъ Псковскимъ и Изборскимъ"; г) „1691 года февраля 1 дня поновленъ сей жезлъ новопосвященнымъ Иларіономъ, митрополитомъ Псковскимъ и Изборскимъ". 2) Митрополита Иларіона съ надписью: „7103 (1695) построися жезлъ сей повелѣніемъ преосвященнаго митрополита Иларіона Псковскаго и Изборскаго" [1]).

Монеты: нѣсколько псковскихъ денегъ, золотыя временъ Іоанна IV.

Печати: нѣсколько; одна съ изображеніемъ бѣгущаго барса и съ надписью: „печать господарьства псковскаго".

Въ придѣльной Гавріиловской церкви въ иконостасѣ вложена плащаница съ изображеніемъ благовѣрнаго князя Гавріила, бывшая на

[1]) Въ ризницѣ хранился еще посохъ святителя Нифонта, строителя Мирожскаго монастыря, но въ 1805 году, во время погребенія настоятеля того монастыря, утраченъ.

его гробницѣ, когда она находилась въ этой церкви [1]). Есть еще предметы древностей и между ними, какъ полагаютъ, женское украшеніе —золотое, филигранное, сквозное, съ короною, осыпанное яхонтами и изумрудами. Среди его бѣлая раковина, величиною въ грецкій орѣхъ и одинаковой съ нимъ формы. Поперегъ этого украшенія, сквозь то мѣсто, гдѣ находится раковина, пробита золотая, чеканная стрѣлка, поражающая сердце. Внизу—эмалированная сквозная привѣска, съ сапфиромъ и 7 жемчужинами, имѣющая сама по бокамъ двѣ привѣски меньшихъ, состоящихъ изъ одного халцедона и нѣсколькихъ жемчужинъ.

Въ притворѣ въ оконныхъ нишахъ устроены двѣ гробницы; одна въ честь благовѣрнаго князя Довмонта съ надписью: „Благовѣрный князь Тимоѳей, прежде крещенія именовался Домантъ, родился въ земли Литовской отъ литовскаго князя Миндовга и въ лѣто 1266, оставивъ землю Литовскую, переселился въ градъ Псковъ со всѣмъ своимъ родомъ и въ немъ святое крещеніе принялъ; мужества же ради и добронравія княженіемъ Псковскимъ бысть почтенъ. Во время же своего княженія во градѣ Псковѣ многія преславныя одержалъ побѣды надъ Литвою и Нѣмцами, многіе грады ихъ разорилъ и Чудь и Поморіе плѣнилъ. За дарованныя же отъ Бога побѣды въ знакъ благодаренія и для памяти будущимъ родомъ многи св. поставилъ церкви и поживъ свято и богоугодно въ постѣ и молитвахъ преставился въ небесную славу въ лѣто 1299 мѣсяца маія въ 20 день и положено честное тѣло его въ соборной церкви Пресвятыя Троицы“. При гробницѣ древній образъ благовѣрнаго и мечъ его [2]).

Другая гробница въ честь Николая юродиваго Салоса; на ней надпись: „Преставися св. праведный Николай Псковскій чудотворецъ въ лѣто 7084 (1576) мѣсяца февр. 27“. На особой доскѣ тропарь ему: „Словенска языка Псковскія земли, плотски въ юродствѣ бывъ, юродства притвореніемъ горняго Іерусалима гражданинъ явися ангеломъ свеселишися, мироточиваго святителя Николая званіе воспріимъ, съ тѣмъ же всегда Христа Бога моли даровати намъ велію милость“. Кондакъ: „Чудотворецъ явися Николае, царску державу и смысла свирѣпство на милость обративъ, и нынѣ молимъ тя, святе, пребуди въ насъ еще, защити отъ коварствъ вражіихъ. Ты бо еси граду Пскову и всѣмъ христолюбивымъ людемъ похвала и утвержденіе“.

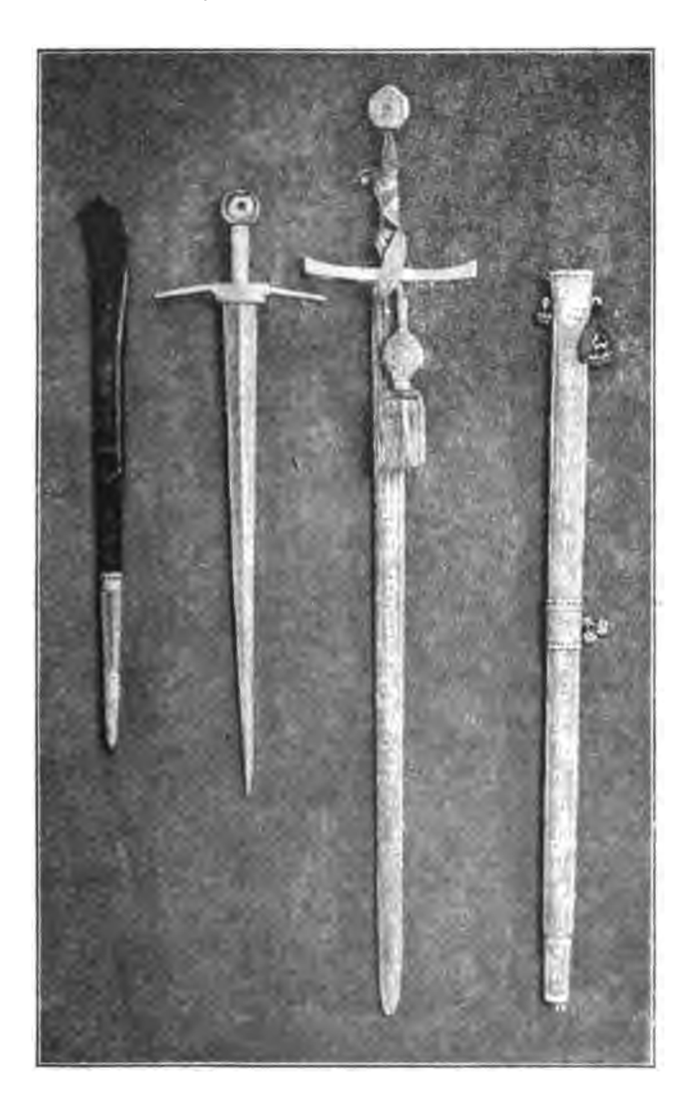
Гдѣ погребены тѣла св. Доманта и Николая—неизвѣстно.

---

[1]) См. стр. 234.

[2]) Нѣкоторые полагаютъ, что мечи благовѣрныхъ князей Гавріила (длинный) и Доманта (короткій) перемѣшаны.

Въ самомъ нижнемъ этажѣ храма, сохранившемся, можетъ быть, какъ остатокъ перваго храма, заложеннаго благовѣрнымъ княземъ Гавріиломъ, была до пожара 1770 года церковь во имя св. благовѣрной княгини Ольги Россійской, но въ виду оказавшихся послѣ пожара трещинъ, церковь была закрыта, иконостасъ вынесенъ, а самое помѣще-



Мечи благовѣрныхъ князей Гавріила и Довмонта Псковскихъ.

ніе обращено въ усыпальницу псковскихъ архіереевъ. Впрочемъ и раньше сего въ юго-западной части были каменные склепы-гробницы, можно думать съ тѣлами древнихъ князей, а въ алтарной части до настоящаго времени погребаютъ тѣла мѣстныхъ архіереевъ. Извѣстны гробницы: митрополита Илларіона † 1638 года, архіепископа Симона

Тодорскаго † 1754, епископа Гедеона Криновскаго † 1763, архіепископа Меѳодія Смирнова † 1815, архіепископа Наѳанаила Павловскаго † 1849, архіепископа Евгенія III-го (Баженова) † 1862, архіепископа Ѳеогноста Лебедева † 1868 [1]).

[1]) На нѣкоторыхъ гробницахъ есть надписи:

1) Митрополита Иларіона: «7206 года, іюня 22, на память святаго мученика Евсевія епископа Самосатскаго, въ 10 часу дни въ 1 четверти, представился рабъ Божій Преосвященный Иларіонъ, Митрополитъ Псковскій и Изборскій, и положено тѣло его подъ новосозданною церковію Святыя живоначальныя Троицы, отъ него зданною и со своды падшей состроенною, у лѣваго столпа алтарнаго. Былъ на Архіерействѣ и пасъ Церковь Христову семь лѣтъ, 4 мѣсяца и 20 дней».

2) Архіепископа Симона Тодорскаго, скончавшагося съ 21 на 22 февраля 1754 года: «По благословенію единаго въ Троицѣ славимаго Бога, животомъ и смертію обладающаго, почиваетъ во гробѣ семъ блаженныя памяти Преосвященный Богоспасаемыхъ градовъ Пскова и Нарвы, Архіепископъ Симонъ Тодорскій; рожденъ отъ благочестивыхъ родителей, отъ нихъ же яко воспитанъ бысть изъ млада во благочестіи, тако уже мужъ бывъ, всѣмъ бяше образъ Христіанскаго житія словомъ и дѣломъ, кротокъ и по Апостолу преподобенъ, незлобивъ, трезвенъ, цѣломудръ, честенъ. Толикою же любовію къ премудрости горяше, яко не доволенъ творясь снисканными чрезъ труды свои прилѣжныя въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ науками; но желаніемъ вожделѣвъ въ пользу и украшеніе своему отечеству, въ далечайшихъ и чуждыхъ странахъ поискать различные роды языковъ, въ яснѣйшее открытіе силы Божіихъ словесъ и Святыхъ Отцевъ писаній, идѣже странствуя къ своему, въ немъ же родился, Россійскому, и ему же въ Кіевѣ обучился Латинскому языку, совершенно Греческому, и во удивленіе всѣмъ Нѣмецкому, а восточныхъ языковъ Еврейскому, Сирскому, Аравійскому и Халдейскому, тако навыче любомудрію, ими же не точію самъ пользовася, но и другимъ многимъ изъ тѣхъ наукъ въ Кіевѣ публично пребывая Учителемъ, преподавалъ. Каковаго ради дара премудрости своея Высокомонаршимъ Ея Императорскаго Величества, блаженныя памяти Государыни и Самодержицы Всероссійскія Елисаветы Петровны, тогда счастливо владѣвшія, указомъ, бысть Членъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода и Архимандритъ Ипатскаго Монастыря, иже при Костромѣ; потомъ Епископъ Костромской, таже Архіепископъ въ семъ градѣ Псковѣ, идѣже свято и богоугодно поживъ 7 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, всѣхъ же лѣтъ жизни своея 53 года, мѣсяцей 5, дней 21. Собственное же всѣмъ милосердія отеческаго къ страннымъ и убогимъ образъ показавъ, представился 1754 г. февраля 22 дня, его же яко уже блаженнаго успенія удостоившій Господь Богъ; да подастъ душѣ его со Святыми въ небѣ упокоеніе, а на земли да сотворитъ ему вѣчную память. Погребенъ Сильвестромъ Архіепископомъ Санктпетербургскимъ и Шлиссельбургскимъ».

3) Епископа Гедеона Криновскаго, скончавшагося 22 іюня 1763 г.:

«Здѣ пришедъ, прошу, всякъ остановись,
И прочести прилѣжно се не облѣнись;
Узришь здѣ все лютое, что смерть содѣваетъ,
Яко и столпы Церкви она подсѣкаетъ.
Здѣ погребенъ Гедеонъ, Гедеонъ всеславный,
Псковскія Епархіи Пастырь православный,
Столпъ Россійскія Церкви, по вѣрѣ ревнитель,
Проповѣдникъ Божія слова Учитель,
Пастыремъ добрымъ образъ, честь и Богословомъ,
Остави Церкви рѣчи премудрыя словомъ.
Иже въ 37-мь лѣтъ преставился къ Богу,
Оставя слезы и печаль паствы своей многу.
По лѣтѣхъ же, егда Христосъ воплотися,
Какъ седмь сотъ 62 къ тысящи свершися.

На югъ отъ Троицкаго собора находится зимній Благовѣщенскій соборъ постройки 1835 года; до постройки же его зимнее богослуженіе совершалось въ разобранномъ теперь храмѣ, бывшемъ рядомъ съ угловой башней, около новаго собора, фасадомъ на р. Великую. Онъ былъ двухъ-этажный съ двумя престолами, въ верхнемъ этажѣ Благовѣщенія, въ нижнемъ св. благовѣрной княгини Ольги Россійской. Къ югу на стѣнѣ, называвшейся „Перши“, были построены деревянныя митрополичьи кельи, сгорѣвшія въ большой пожаръ 1788 года. На мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго собора до его постройки стоялъ каменный одноэтажный флигель съ пристройками, въ которомъ помѣщался соборный клиръ, а противъ западныхъ дверей собора на р. Великую стоялъ большой каменный домъ съ огромною залою внизу въ самой землѣ. Своды этой залы утверждались на огромной колоннѣ, находившейся среди ея; въ восточной стѣнѣ было большое желѣзное кольцо, изъ чего заключаютъ, что это была тюрьма. Колокольня, по нѣкоторымъ даннымъ, замѣчаемымъ въ постройкѣ, можно думать, строена (по крайней мѣрѣ нижняя часть отъ основанія съ первыми пролетами для колоколовъ) одновременно съ соборомъ и находится, кажется, на мѣстѣ бывшей древней Лубянской башни. Верхняя часть колокольни, бывшая, по разсказамъ старожиловъ, деревянною, послѣ пожаровъ 1770 и 1788 годовъ, надстроена вновь изъ кирпича. На колокольнѣ колокола большею частью съ надписями:

1. „Божіею милостію пособиемъ і помощию св. Троицы лѣта 7042 (1534) мѣсяца марта въ 25 день Благовѣщенія Пресвятѣй Владычицы нашея Богородицы сдѣланъ бысть колоколъ сій при державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго...?.. и великаго князя Ивана Васильевича царя и государя всея Руси и при архіепискупѣ Великаго Новагорода и Пскова владыке Макаріи: а дѣлали мастеры псковичи Ти-

Третьяго жъ лѣта мало полъ не достизаше,
Іюнія день тогда двадцать второй бяше,
Пасъ же Церковь Христову неполныя два лѣта
Его жъ, Христе, сподоби невечерня свѣта».

4) Архіепископа Наѳанаила, скончавшагося 28 іюня 1849 года:
«Сей Пастырь точно былъ отъ Бога,
Любилъ онъ зло добромъ карать,
Грѣть сирыхъ, нища и убога,
Отцемъ быть всѣмъ, враговъ питать.
О, Пастырь, незабвенный нами!
Молись съ чистѣйшими духами,
Во Царствіи Отца щедротъ,
Чтобъ Онъ хранилъ твоихъ сиротъ».

моѳей Андреевъ сынъ Котельниковъ Сромнихъ да Прокоѳей Григорьевъ сынъ".

2. „Лѣта 7048 (1540) года, мѣсяца мая во вдглиеры (?) 9 день слитъ колоколъ сей во обитель ко успенію Пресвятой Богородицы на новгороцкой дорози надъ Кебію рѣкою повелѣніемъ рабъ божіихъ Григорія Микифоровича Волосатого да игумена Ермена того же монастыря, дѣлалъ мастеръ Тимохъ Андреевъ сынъ псковитинъ Срамнихіуаці (?) слава свершителю".

3. „Лѣта семь тысящь шездесятъ перваго (1553) мѣсяца іюня въ 16 день на память рождества Пресвятей Пречистей, литъ бысть колокольчикъ великомученику Дмитрію прі царе и господаре великомъ князе Иванне Васильевиче всея Руси и при архіепискупе.....

4. ...... Пиминѣ и при намѣстнике псковскомъ Василье Петровіче при дьякахъ псковскихъ и Аѳанасіе Васильевиче Шершне и при игумене Нектаріе и при казначее Аврааме, а Мастеръ Михалька".

5. „Въ лѣто 7000 (1492) марта слитъ былъ колоколъ сій храму Пресвятыя и Нераздѣльныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа милостію и молитвами Пречистые Благословенныя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Маріи и славнаго Ея благовѣщенія и создателей св. храма Живоначальныя Троица и давшихъ милостыню и вписавшихся во вседневный синодикъ и святаго благовѣрнаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго во св. крещеніи Гавріила и благовѣрные великіе княгини Ольги, нареченные во св. крещеніи Елена основавшіе храмъ Святые Живоначальные Троицы во градѣ Псковѣ и благовѣрнаго великаго князя Доманта, нареченнаго во св. крещеніи Тимоѳея при державѣ великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи Владимерскаго и Московскаго и Новгородскаго и Казанскаго и Псковскаго, при благовѣрныхъ царевичахъ Иванне и Ѳедорѣ и при архіепископѣ Пименѣ Великаго Новограда Пскова повелѣніемъ рабъ божіихъ служителей Живоначальные Троица протопопа Козьмы Симеонова сына и протодіакона Сидора и соборныхъ священниковъ Никона и Луки и Іоанна и Елеѵѳерія и діакона Аѳанасія: а мастеры Михаиловы дѣти Матѳей и Козьма, слава совершителю Богу, аминь".

6. „Повелѣніемъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи слитъ сиі колоколъ Божіею милостію при его царской державѣ и при его благовѣрныхъ царевичехъ: при царевичѣ князѣ Иване Ивановиче, да при царевиче князе Ѳеодоре Ивановиче в прословуще граде Псковѣ къ воздвиженію честнаго креста [1]).... дак.... церкве

[1]) См. ниже церковь Воздвиженія.

Петру и Павлу, что на государевѣ дворе влѣто 7080 (1572) седьмаго августа в день мастеръ Логинъ".

7. „Божіею милостію повелѣніемъ государя царя и великаго князя Івана Васильевича всея Русіи слитъ сей колоколъ при его царской державѣ, при его благовѣрныхъ царевичахъ: при царевиче князе Иване Ивановиче да при царевиче князе Ѳедоре Ивановичѣ в пресловуще граде Пскове к церкви к Воздвиженію честнаго креста да церкви Петру Павлу, что на государеве дворѣ в лѣто 7080 (1572) седьмаго мѣсяца августа въ первый день".

8. „Лѣто 7082 (1574) мѣсяца марта 25 день, слитъ былъ колокольчикъ сей при цари и государи и великомъ князи Иване Васильевичи всея Руси, а дѣлалъ мастеръ псковитинъ Логинъ Сѣменовъ сынъ".

9. „Слитъ сіи колоколъ въ граде Пскове Божіею милостію и Пречистыя Его матери помощію к храму к рожеству Христову в домантову стѣну лѣта 7139 (1631) августа 16 день при державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и преосвященномъ Іосифѣ Псковскомъ и Изборскомъ"....

10. „..... Геннадии да государевы царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича и всея Руси и боярина и воеводы и прі князе Ондреи Ивановиче Голицине да прі Иване Осиповиче Полеве да прі діаке Сулигоцѣ Бочеве да прі священнице храма того Самуиле Тихонове, мастеры Якимъ Ивановъ да Аѳанасій Панкратьевъ".

11. „.... Повелѣніемъ псковитина посацкаго человѣка Іоанна Сергѣева Паганкина и отъ ихъ св. Іоанна Златоуста Медведева монастыря [1]) сіи колоколъ полшеста пуда и 4 фунта".

12. „Построенъ сей колоколъ тысяча седмь сотаго году при преосвященномъ митрополитѣ Іосифѣ псковскомъ и ізборскомъ къ соборной церкви Живоначальныя Троицы; а вѣсу въ немъ 150 пудъ, лилъ Флоръ Терентьевъ Московскій мастеръ".

13. „Повелѣніемъ рабъ божіихъ ігумена Андрѣя да казначея Аѳанасія всей иже о Христе братьи нашей слиты бысть колоколы сии к веденію святой Владычицы нашей Богородицы да петровския ворота вонъ стенѣ взлесе (?) чудотворца, а лилъ сии колоколы мастеры Степка Лавровъ сынъ да Юрьи Ульяновъ".

14. „Вѣсу 4 пуда 12 гривенокъ сей колоколъ рой (?) для кладу въ тевревцевскоу уезде въ гдлигровской монастырь, что въ с. Черка-

[1]) См. ниже Медвѣдевъ монастырь.

сехъ того же монастыря строитель Питиримъ по своихъ родителехъ.“ [1]).

Довмантова крѣпость.

Изъ Дѣтинца выходъ идетъ одинъ чрезъ такъ называемыя Темныя ворота, названныя, по всей вѣроятности, отъ отсутствія въ нихъ свѣта по причинѣ большой толщины стѣнъ. Можно думать, что прежде здѣсь были упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1452 г. Великія ворота, а близъ нихъ на Першахъ была колокольня Св. Троицы, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ.

Темными воротами открывается входъ въ Домантову крѣпость или старое Застѣнье. Въ настоящее время здѣсь дровяной складъ между деревьями, остатками бывшаго сада, разведеннаго, какъ говорятъ, по указанію Петра Великаго, посадившаго даже своими руками нѣсколько деревьевъ. Мѣсто это находится во владѣніи псковскаго архіерейскаго домоправленія. Въ немъ древняго ничего не сохранилось, но въ древности оно было переполнено церквами; извѣстны по лѣтописямъ: 1) Воскресенская строена $\frac{1394}{1395}$, упоминается 1465 г.; 2) Тимоѳея, строена 1373 г., упоминается 1396; 3) Покровъ Богородицы, строена 1352, упоминается 1398; была соборомъ; 4) Рождество Христово, строена 1388, упоминается 1398; 5) Духъ Святой, строена 1383, упоминается 1398, 1462; 6) Вѣры, Надежды, Любви и Софіи, строена 1354, упоминается 1357, 1415, 1465; 7) Аѳанасія, строена 1407, упоминается 1438, 1483; 8) Дмитрія, упоминается 1352, 1453, 1524; 9) Алексѣй митрополитъ, строена 1508, упоминается 1538; 10) Великомч. Георгій, упоминается 1314; 11) Входъ во Іерусалимъ, упоминается 1466 и 1471; 12) Кириллъ надъ Греблею, строена $\frac{1373}{1374}$; 13) Ѳеодоръ, строена 1385; 14) Св. Николай, строена 1404, упоминается 1417, 1541; 15) Тимоѳея Газскаго, строена княземъ Домантомъ; 16) другая Ѳедоровская, строена 1385 году; 17) Воскре-

---

[1]) До 1894 г. висѣлъ на колокольнѣ еще колоколъ съ надписью: «лѣто 7208 (1700) году мѣсяца Сентемврія въ.... день при державѣ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца благословеніемъ преосвященнаго Іосифа митрополита псковскаго и изборскаго перелитъ старый соборный колоколъ и вылитъ сей колоколъ въ богоспасаемомъ градѣ Псковѣ къ соборной и велицѣй церкви Пресвятыя и Живоначальныя Троицы съ прибавочною мѣдью поданіемъ псковскихъ посадскихъ людей, а вѣсу въ немъ 600 пудъ, а лилъ сей колоколъ мастеръ москвитинъ Флоръ Терентьевъ». Колоколъ этотъ пошелъ на литье нынѣ существующаго большого колокола, вылитаго въ 1894 г.

сенская, строена въ 1394 г. 18) Рождество Богородицы, бывшая монастырскою женскаго монастыря; 19) Тимоѳея Доманта каменная, строена 1154 года. Большая часть церквей распалась отъ ветхости, а другія были засыпаны землею по повелѣнію Петра Великаго. Въ лѣтописи упоминается о находившейся здѣсь избѣ для священниковъ и дьяконовъ (1481). Восточной части стѣны Домантовой крѣпости не сохранилось слѣда, отъ прилегавшей же на югѣ площади она отдѣлялась каменною стѣною съ кострами или башнями, на мѣстѣ которыхъ нынѣ находятся дома архіерейскаго домоправленія, консисторіи и частныхъ лицъ. Былъ-ли здѣсь и гдѣ былъ княжескій дворецъ—свѣдѣній не имѣется [1]). Стѣна по берегу р. Великой построена между двухъ башенъ, Кутней у Першей и Власіевской при спускѣ на р. Великую. Въ ней же были Смердьи ворота. Митрополитъ Евгеній названіе Смердьи ворота производитъ отъ слободы, заселенной смердами, которая, будто бы, была на правомъ берегу р. Великой на Запсковьѣ, а самыя ворота онъ полагаетъ на мѣстѣ такъ называемыхъ нижнихъ рѣшетокъ. „Стѣна,—говоритъ онъ,—съ 1482 по 1508 годъ построена была каменною. Конецъ Запсковской стѣны сомкнутъ былъ съ угломъ Дѣтинца чрезъ все устье Псковы рѣки сперва въ 1537 г. деревянною, а въ 1631 г. каменною стѣною со многими по водѣ воротами, которыя заграждались рѣшетками для невпуска судовъ. Сія перегородка называлась Греблею и по ней былъ ходячій мостъ для входу въ Дѣтинецъ сквозь малыя ворота, продѣланныя еще въ 1412 году, которыя, какъ и мостъ сей, назывались Смердіими, потому что они лежали къ слободѣ смердами населенной". (Ист. Кн. Пск., ч. I, стр. 17). Эти извѣстія находятся въ противорѣчіи съ лѣтописными сказаніями: 1) Гребля находилась въ Крому. Это былъ, какъ выше сказано, каналъ, сдѣланный для осушки мѣстности. Подъ 1535 г. значится: „дѣлана старая стѣна отъ Великія рѣки отъ Смердіихъ воротъ по Домантовѣ стѣнѣ до Княжихъ воротъ"; въ 1412 г. „сдѣлали новый мостъ надъ Греблею на Кромъ ко св. Троицѣ". Изъ этого видно, что Гребля была въ Домантовой стѣнѣ или въ Крому. 2) Что на Запсковьѣ была Смердья слобода, источниковъ не указано, а потому несправедливо мостъ чрезъ р. Пскову и ворота названы Смердьими отъ бывшихъ смердовъ, напротивъ, въ лѣтописи читаемъ: „1373 года мастеръ церковный Кириллъ поставилъ церковь въ свое имя Кирилла

---

[1]) Есть основаніе думать, что княжій дворъ кромѣ того, который на площади, былъ еще тамъ, гдѣ нынѣ Рыбники и гдѣ прежде была церковь Іоанна Богослова на Снѣтогорскомъ подворьѣ и въ 1510 г. былъ намѣстничій дворъ (Псков. лѣт. 1510 г.).

у Смердія моста надъ Греблей“, т.-е. въ Домантовой стѣнѣ; подъ 1462 годомъ: „задѣлаша прямо стѣны Крому отъ Великіе рѣки и врата на рѣку урядили подлѣ Великую рѣку отъ Кутняго угловаго костра“. Изъ этого видно, что ворота, строенныя въ 1462 г., о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Евгеній, были въ стѣнѣ, устроенной по берегу р. Великой, а не черезъ р. Пскову. Нужно думать, что это были ворота, которыя и нынѣ существуютъ въ консисторскомъ дворѣ на Великую рѣку; а назывались Смердьими не отъ смердовъ, а по той причинѣ, что они были грязными, нечистыми. Въ подтвержденіе этого имѣются слѣдующія данныя: На чертежѣ Пскова 1694 года эти ворота прямо названы Смердьими. Есть еще сказаніе, что когда псковичи пожелали перенести мощи благовѣрнаго князя изъ Дмитріевской, находившейся въ Домантовой стѣнѣ, церкви въ храмъ св. Троицы, то, когда приступили къ исполненію этого, мощи оказались неподвижными, а ночью пономарю въ сновидѣніи дано было указаніе, что благовѣрный князь не желаетъ, чтобы его тѣло несли чрезъ Смердіи, т.-е. грязныя ворота, а для сего указывалъ пробить другія болѣе обширныя ворота.

Кромѣ Смердьихъ воротъ на Великую рѣку, другія вели на площадь и назывались Троицкими. Настоящія Троицкія ворота между домами Старой и Новой консисторіи построены недавно, да и самыхъ воротъ, ведшихъ въ Дѣтинецъ, на этомъ мѣстѣ не было; онѣ были близъ Рыбницкаго Костра, стоявшаго при спускѣ съ площади къ рыбникамъ, близъ которыхъ въ Домантовой стѣнѣ была церковь Іоанна Богослова. Сюда былъ свезенъ вѣчевой колоколъ послѣ снятія его съ Троицкой колокольни въ 1510 году; здѣсь былъ и намѣстничій дворъ. Чрезъ Троицкія ворота открывается площадь, на которой былъ расположенъ до времени паденія Псковскаго самоуправленія Торгъ или Торговицъ, Старое Торговище, въ отличіе отъ новаго, тогда же устроеннаго близъ нынѣшней Покровской отъ Торгу церкви. Послѣ поренесенія Торга на новое мѣсто, образовалось на прежнемъ мѣстѣ нынѣ существующая площадь. Торгъ занималъ не всю площадь, полоса, прилегающая къ р. Великой, начиная отъ Власіевскаго спуска, была занята княжимъ дворомъ.

Среднiй городъ.

Съ устройствомъ Домантовой стѣны или крѣпости ростъ Псковской торговли вскорѣ обнаружилъ недостаточность ея помѣщенія для жителей, которые начали селиться въ южной части крѣпости по берегамъ

рр. Великой и Псковы въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ или искуственно осушенныхъ, и для защиты построили по возвышенной части береговъ обѣихъ рѣкъ сперва деревянныя, а потомъ каменныя стѣны на подобіе Домантовскихъ (годъ постройки въ лѣтописи не обозначенъ). Такъ были протянуты стѣны по берегу р. Псковы до нынѣ существующей Петропавловской церкви, а по берегу р. Великой отъ Плоскихъ до Власіевскихъ воротъ, и тогда обнаружилось, что новый поселокъ остается совершенно открытымъ и незащищеннымъ въ юговосточной части. Для безопасности этой части жителей посадникъ псковскій Борисъ съ псковичами въ 1309 г. „заложили стѣну плитену отъ св. Петра и Павла къ Великой рѣкѣ“, то-есть, соединили концы береговыхъ стѣнъ особою, впослѣдствіи называвшеюся „приступною“ стѣною. Остатковъ стѣны этой не сохранилось; признаки же ея найдены при копаніи фундамента для зданія коммерческаго банка на углу Плоской и Великолуцкой улицъ. Кажется, что вскорѣ послѣ постройки этой стѣны обнаружилось, что пространство, защищенное ею, недостаточно, ибо подъ 1375 годомъ, т.-е. спустя 55 лѣтъ, встрѣчаемъ такое извѣстіе: „заложена четвертая стѣна плитяная отъ Псковы рѣки до Великой рѣки, подлѣ старой стѣны, что была стѣнка съ дубомъ мало выше мужа около всего посада“. Этотъ посадъ получилъ названіе Средняго города или Застѣнья. Стѣны Средняго города укрѣплены были кострами или башнями. Названіе костеръ, очевидно, указываетъ на то время, когда стѣны были деревянныя и башни строились тоже изъ дерева на подобіе костра. Башни строились не одновременно съ стѣнами, а въ разное время. Подъ 1377 годомъ встрѣчается извѣстіе о постройкѣ трехъ костровъ на Торгу. По всей вѣроятности, это были костры, поставленные въ примыкающей къ среднему городу Домантовской стѣнѣ: Власіевскій при спускѣ на р. Великую, Рыбницкій при спускѣ на р. Пскову и между ними неизвѣстный, какъ видно на древнемъ рисункѣ Пскова. Въ 1385 году были выстроены костры на новой приступной стѣнѣ, т.-е. соединительной между рѣками Великой и Псковой. Въ 1397 г. въ той же стѣнѣ: одинъ на Васильевской горкѣ (нынѣ нѣтъ); другой отъ Великой рѣки, на мѣстѣ духовной семинаріи, третій на Лужищи и четвертый въ углу стѣны у Псковы рѣки. Въ 1399 году въ той же приступной стѣнѣ поставлены три костра: одинъ на Незнановѣ горѣ, другой у Лужьихъ воротъ и третій у Куминскихъ воротъ. Остатковъ этихъ костровъ нынѣ не замѣчается; несомнѣнно, что они были поставлены на пространствѣ отъ Семинарскаго угловаго костра и до Новгородской улицы. Кромѣ воротъ, устраи-

ваемыхъ въ башняхъ, были еще ворота на р. Великую—Княжіи, гдѣ нынѣ присутственныя мѣста.

Средній городъ дѣлился издавна на концы. По лѣтописи извѣстны слѣдующіе:

Остролавицкій, занимавшій пространство отъ Власіевскихъ воротъ къ югу до угловой Семинарской башни. Въ этомъ концѣ были: княжій дворъ, гдѣ нынѣ толкучій рынокъ и бывшій артиллерійскій или въ простонародіи пушечный дворъ, въ которомъ въ 1384 году поставлена была каменная церковь Воздвиженія Креста Господня; изъ надписи на двухъ колоколахъ соборной колокольни видно, что, кромѣ этой церкви, была здѣсь еще церковь Петра и Павла.

Въ этомъ концѣ были церкви:

Власіевская у Власіевскихъ воротъ, нынѣ часовня, находящаяся у самой Домантовой стѣны при спускѣ на рѣку; она стоитъ на мѣстѣ храма во имя священномученика Власія, построеннаго, будто бы, еще въ 970 г. Въ часовнѣ хранится весьма древняя икона священномученика Власія. На этомъ мѣстѣ псковичи во время мора 1420 года поставили одноэтажную, деревянную, давно исчезнувшую Спасскую церковь.

Одигитріи Божіей Матери, переименованная въ Введенскую, на подворьѣ Печерскаго монастыря. На Печерскомъ подворьѣ были еще церкви Өеодосія, Іоанна Предтечи и Трехъ Святителей. Домовая церковь въ духовной семинаріи устроена въ честь Трехъ Святителей, кажется, потому, что въ старомъ зданіи семинаріи, почти вновь отдѣланномъ въ 1847 г., была церковь во имя Трехъ Святителей.

Остролавицкій конецъ отдѣлялся отъ смежнаго съ нимъ Опоцкаго улицею, бывшею между Торгомъ и княжимъ дворомъ, а затѣмъ она шла чрезъ нынѣшній садъ владѣльца Даніельса и Печерскимъ переулкомъ, чрезъ Печерское подворье; улица эта проходила чрезъ такъ называемыя Сысоевы ворота въ средней стѣнѣ. Ниже, параллельно этой улицѣ, отъ Торга шла Великая улица, нынѣ, вѣроятно, по созвучію называемая Великолуцкою. Опоцкій конецъ отъ Боловинскаго отдѣлялся частью Великой улицы, гдѣ нынѣ домъ почтовой конторы, строющійся домъ коммерческаго банка, дома духовной семинаріи и пожарнаго депо.

Въ Опоцкомъ концѣ были церкви, нынѣ несуществующія:

Георгія съ болота заложена каменная въ 1370 году на нынѣшней площади, но упоминается еще подъ 1314 годомъ; въ 1493 году построена вновь каменная, упоминается подъ 1452, 1544, 1666.

Спасъ у Стараго костра строена въ 1384 г., вновь строена въ 1438, упоминается подъ 1454, 1478 по случаю погребенія въ ней посадника Алексѣя. Кажется, что при копаніи въ 1897 году фундамента подъ зданіе коммерческаго банка найдены остатки нижняго этажа этой церкви.

Варвары св. на Усохѣ строена въ $\frac{1420}{1421}$ г., упоминается подъ 1562 годомъ; была монастырскою дѣвичья монастыря.

Николаевская со Усохи, строена первоначально въ 1371 г., а потомъ вновь въ 1536 году. Въ ней при иконѣ на горнемъ мѣстѣ хранится въ особомъ помѣщеніи часть трости, принесенной въ Новгородъ Антоніемъ Римляниномъ. На колокольнѣ колоколъ съ надписью: „Божіею млтию прчтыя его мтри і стыя Трца помощию слитъ бысть колоколъ сиі въ граде Пскове к храму Николе чудотворцу на Усоху лѣта 7127 (1619) маия 9 ден на память иже во стыхъ оца нашего Николы чюдотворца при державе царствия благовѣрнаго и хрстолюбиваго царя и гдря і великаго князя Михаила Өедоровича всея Русіи при архіепискпѣ Иоакиме псковскомъ и изборскомъ при священницехъ того храма Степане Иванове сне Тетерине да при старостехъ Мартине Силуянове и Андреи, а дѣлали мастеры Сава да Козма да племянникъ ихъ Троөимко диячекъ. аминь“. Вѣсъ около 70 пудовъ. При церкви есть старинная часовня, какъ думаютъ, строенная ранѣе самой церкви, и въ ней чудотворный образъ св. Николая, писанный на стѣнѣ. Есть еще преданіе, будто царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ бытность свою послѣ Новгородскаго погрома въ Псковѣ, приказалъ отрубить уши большому колоколу, отъ звона котораго испугался подъ нимъ конь; будто Грозный царь саблею отрѣзалъ уши колокола; будто, когда производилась экзекуція виновнаго, изъ его ушей потекла кровь. Вѣроятнаго въ этой легендѣ можно признать то, что съ колоколомъ при литьѣ была неудача—не хватило мѣди и не вышли уши, сдѣланныя впослѣдствіи изъ желѣза,—и что у Грознаго во Псковѣ палъ его любимый конь. Въ ризницѣ сохраняются пять старопечатныхъ евангелій. Монастырь св. Духа со Усохи близь Николаевской церкви, построенъ въ 1383, церковь упразднена 1786 г.

Въ Опоцкомъ же концѣ подъ 1473 г. упоминается еще Николаевская церковь на бую или на кладбищѣ; она была ограждена каменною стѣною, за которой въ 1473 году былъ разведенъ садъ.

Въ Торговскомъ концѣ были церкви, не существующія нынѣ: Всемилостивый Спасъ, заложена въ 1435 г., установленъ въ ней 4-й соборъ 1453 г., упоминается въ 1459.

Варлаама Хутынскаго на площади за Спасскою церквію построена деревянная въ 1522 г., въ 1527 г. перестроена каменная; развалинъ нѣтъ.

Петра Митрополита неизвѣстно гдѣ.

Евангелиста Луки строена въ 1518 г.

Апостола Ѳомы строена въ 1518 г., развалинъ нѣтъ.

Дмитрія Прилуцкаго, строена тоже въ 1518 г.

Живоноснаго Источника, старая богодѣльня у моста р. Псковы въ Рыбникахъ, упоминается 1688 г.

Казанская у больницы, тамъ же, упоминается въ томъ же году.

Благовѣщенская у Рыбницкихъ воротъ.

Снѣтогорское подворье у Рыбницкихъ воротъ и церковь Іоанна Богослова заложена въ 1367 г., поставлена новая каменная въ 1446 г.

Существующая нынѣ Михаило-Архангельская на площади строена неизвѣстно когда. На плитѣ, вставленной въ стѣну, слѣдующая надпись: „Въ лѣто 6847 (1339) заложена бысть церковь каменная Михаила и Гавріила при державѣ Великія Россійскія Державы Московскаго государства князей и бояръ и воеводъ и всей земли, а въ которые лѣта совершена и освѣщена и того въ писаніи не обрѣтено за многими лѣты. Въ лѣто 7121 (1613) мѣсяца ноемврія въ 8 день на соборъ архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ освященъ алтарь Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа и церковь во имя его архистратига Михаила, по благословенію великаго господина преосвященнаго Исидора, митрополита Великаго Новограда, и освящали тое церкви соборныя церкви Живоначальные Троицы попъ Лазарь съ братіею, при псковскомъ бояринѣ и воеводѣ при Никитѣ Дмитріевомъ Веніаминовѣ и дьякѣ Васильѣ Коринѣ. И въ лѣто 7202 и 7203 (1694 и 1695) году при державѣ благовѣрныхъ царехъ и великихъ князехъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣхъ и при святѣйшемъ кvръ Андріанѣ архіепископѣ московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархѣ, а по благословенію преосвященнаго Иларіона митрополита псковскаго и изборскаго построена тажъ церковь архистратига Михаила вновь, внутрь и около обветшавыя мѣста и своды верхніе и глава желѣзная лужена и на главѣ крестъ золоченый изъ церковныхъ доходовъ тоежъ церкви прихожанъ псковичь посаднихъ людей Никифора Иванова сына Ямскаго и старосты Гавріила Свѣчнина. А освящена бысть въ 7204 (1696) году

мѣсяца августа во 2-й день Иларіономъ митрополитомъ псковскимъ и изборскимъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ при священницѣхъ тоеже церкви Михаилѣ и Іоаннѣ Акиндиновыхъ и діакони Григоріи и при псковскомъ ближнемъ стольникѣ и воеводѣ государства Псковскаго и намѣстника Полоцкаго Іоанна Степановича Салтыкова" [1]). При церкви была богадѣльня, отъ которой осталась нынѣ существующая часовня.

Торговище, по извѣстію лѣтописи, въ 1308 г. было помощено, а въ 1397 г. перемощено. Вѣроятно, это были деревянныя мостовыя, которыя нынѣ открываются при копаніи фундаментовъ. Камнемъ замощено оно лишь въ 1838 году.

На площади указываютъ на домъ, гдѣ до постройки новаго зданія помѣщалась духовная консисторія, какъ на палаты, будто бы построенныя въ 1535 году новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ. Но въ 1-й Псковской лѣтописи такъ сказано: „Въ 7043 (1535) году владыка Макарій поставилъ дворъ на площади за Всемилостивымъ Спасомъ межъ Великой улицы и Петровской стороны". По этому извѣстію можно думать, что Владычный дворъ стоялъ за церковью Всемилостиваго Спаса, которая была въ Торговскомъ концѣ. Затѣмъ здѣсь указано мѣсто между Великой (Великолуцкой) улицей и Петровской стороной. Это мѣсто, съ вѣроятностью можно думать, было между Архангельской и Великолуцкой улицами близъ бывшей гауптвахты. Подробное довольно обстоятельное объ этомъ изслѣдованіе составлено Павломъ, епископомъ Псковскимъ и Порховскимъ, впослѣдствіи Олонецкимъ (Псковъ, 1881 года. Читано въ засѣданіи Псковскаго губернскаго статистическаго комитета).

Въ Домантовской стѣнѣ, налѣво, близъ бывшихъ Рыбницкихъ воротъ, была построена тіунская палата съ фасадомъ на площадь, развалившаяся въ 1838 г., нынѣ—домъ съ лавками внизу и промышленнымъ заведеніемъ вверху.

Съ юга къ Торговскому, а съ запада къ Остролавицкому примыкалъ Боловинскій конецъ. Можно думать, что онъ занималъ пространство отъ Плоской улицы на югъ между Великолуцкой и Сергіевской или Новгородской улицъ до бывшей Средней стѣны. Въ Боловинскомъ концѣ сохранилась церковь Василія на Горкѣ, строен-

[1]) Этой записи, составленной сравнительно недавно, едва-ли во всемъ можно вѣрить. Въ ней значится, что церковь Михаила Архангела первая основана въ 1339 году; въ 1-й Псковской лѣтописи подъ этимъ годомъ встрѣчается извѣстіе о закладкѣ церкви Архангела Михаила и Гавріила, но во 2-й лѣтописи прибавлено «въ городцѣ». Эта прибавка указываетъ на церковь, заложенную въ другомъ мѣстѣ, гдѣ былъ городецъ, т.-е. въ Городецкомъ, а не Торговскомъ концѣ.

ная ранѣе 1377 года, когда она показана деревянною; въ 1413 году, построена каменная, упоминаемая подъ 1535, 1562, 1582 г. На колокольнѣ ея висѣлъ осадный колоколъ, въ который, между прочимъ, звонили во время осады Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. На колоколахъ надпись: 1) „Лѣта 7041 (1533) мѣсяца сентемврія въ 8 день на рождество прстѣй Бцы Божіею млтію слитъ бы... сіи колоколы къ храму стго великаго Василія въ Старой город на Горку при великомъ кнзѣ Василіи Ивановичѣ всея Руси и при архіепскпѣ велика Новагорода и Пскова влкѣ Макарьи во область Стыя Живоначальныя Троица ввеликомъ и богоспасаемомъ и преименитомъ и славном градѣ Псковѣ повеленіемъ рабъ божіихъ старостъ Алексѣя Ѳедотьева сна Буиноса; зри конецъ лѣтописца". На меньшемъ колоколѣ: 2) „Зри начало лѣтописца на большом колоколе да Микуле Остаѳьева сна Колпачникова городов... воеводы Дмитрея Александрова сына Кубаса Сарыхозина да и гостей веденых и всѣхъ сусед стго великаго Василія Акилы Ѳедорова сна да при Петрѣ Ѳеодорова же сна, а мастеръ лилъ Андреевъ сынъ Максимъ пковитинъ многогрѣшный и грубый смысломъ слава Свершителю Богу". Вѣсомъ около 15 пудовъ. 3) На третьемъ: „Лѣта 7185 (1677) апреля въ 4 день поставилъ сіи колоколъ бывшей Тропулинъ (?) Петр андреев сын Чирьев". Вѣсомъ около 5 пудовъ. Въ церкви есть Евангеліе XVII вѣка. Нѣкоторые постройку церкви Василія Великаго приписываютъ какому-то знатному нѣмчинѣ Василію Долю, но неизвѣстно, на чемъ основано такое сказаніе.

Къ Торговскому и Боловинскому концу примыкалъ Петровскій конецъ, гдѣ нынѣ часть Новгородской улицы. Въ этомъ концѣ были церкви несуществующія:

Казанская близъ средней стѣны, неизвѣстно, когда строилась; развалины также не сохранились.

Іоаннобогословскій монастырь Путятинъ съ церковью Григорія Богослова; развалины тоже не сохранились.

Бориса и Глѣба, упоминается въ лѣтописи еще подъ 1343 и 1396 годами; въ 1433 году построена была новая изъ матеріала, образовавшагося отъ разбора стоявшей близъ Петропавловской церкви каменной башни, упоминается еще въ 1562 г., разрушена взрывомъ хранившагося вблизи пороха въ началѣ XVIII вѣка. На мѣстѣ ея построена въ 1819 году, нынѣ существующая, приписанная къ рядомъ нынѣ стоящей Петропавловской церкви—Казанская.

Петропавловская церковь, называвшаяся съ Бую,

извѣстна со времени 1299 года, въ которомъ благовѣрный князь Довмантъ близъ этой церкви нанесъ сильное пораженіе нѣмцамъ. Она первоначально была построена на другомъ мѣстѣ, упоминается подъ 1299 годомъ и въ 1373 году перенесена на настоящее; въ 1540 г. выстроена новая или капитально реставрирована. Въ ней древнія иконы: Владимірская икона Божьей Матери, Рождество Богородицы и апостола Ѳомы; храмовая икона Петра и Павла, тоже древняго письма. На иконѣ Рождества Богородицы слѣдующая надпись: „Лѣта 710 года божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ бысть моровое повѣтріе во градѣ Псковѣ и въ пригородѣхъ и въ волостѣхъ померло множество всякихъ чиновъ людей. Того жъ 710 года ноября 8 дня во градѣ Псковѣ бысть пожаръ велій, весь городъ и множество церквей выгорѣли. Положено было пороховой казны подъ болверкомъ и Богоявленія Господня со Кстовы со двѣсти бочекъ. И той пороховой казною взорвало двѣ церкви каменныя, Богоявленія Господня и Рождества Богородицы, что со Кстовы была, со всею утварью церковною до основанія. И по указу великаго государя, за подписаніемъ высокоблагороднѣйшаго оберъ-камендаята Пскова и Нарвы ближняго кравчаго Кирилла Алексѣевича велѣно сію остальную казну отчины Богоявленія Господня и Рождества Богородицы переписать въ церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла и владѣть крестьянами и доходомъ все воопче. Построена сія церковь 1713 года при приходскихъ людехъ Петровскія сотни — Семенѣ Тимоѳеевѣ сынѣ Русиновомъ, при старостахъ Семенѣ Герасимовѣ, Калинѣ Бабининѣ“. Въ ризницѣ три Евангелія — два печати 1581 г., третье въ 1657 г. Напрестольный крестъ, обложенный басменнымъ позолоченнымъ серебромъ, древній и ветхій; другой напрестольный крестъ древній съ мощами; риза для священника парчевая съ жемчугомъ — старинной работы.

Надписи на колоколахъ: 1) „Божіею милостіею пособиемъ и помощию Святыя Живоначальныя Троицы лѣта 7040 (1532) мѣсяца генваря 6 день на крещеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа сдѣланы бысть колоколы сия при деръжавѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Василия Ивановича царя и государя всея Руси и при благороднѣ сыну его князѣ Иванѣ Васильевичи и при архіепископе Великаго Новагорода и Пскова владыкѣ Макаріи и при намѣстникѣ Псковскы князѣ Иванѣ Даниловичи Пынкинѣ и при прикащикѣ Иванѣ Вороного при дьяко псковскихъ Александре Тимоѳеевичи Четверьтки Терпигорева Иванѣ Михайловичи Дакова Иванѣ Алексѣевичи Шаскаго, а дѣлали масте.....“

2) „Божіею милостію и помощию Пречистыя срѣтенія Владимерьскія иконы иже во святыхъ отца нашего Ивана Златоустаго патріарха Царяграда слитъ бысть колоколъ сиі влѣта 7067 (1559) мѣсяца ноября въ 13 день при царѣ і при сщимъ архіепископе Пимине Великаго Новагорода і Пскова и при игумнѣ Тихоне и при келарие Ѵоиі при казначеи Ѳеодоси старцѣ Велянине".

Въ Петровскомъ концѣ изъ частныхъ зданій замѣчателенъ домъ кагородскаго головы г. Сутгофа, на углу Верхнепетропавловской и Казанской улицъ, по своей древности, хотя послѣ пожара, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, значительно измѣненъ. Онъ принадлежалъ именитымъ псковскимъ купцамъ Ямскимъ и Трубинскимъ. Во время пребыванія въ Псковѣ Петра Великаго, въ началѣ XVIII вѣка, царь въ немъ останавливался и между прочимъ ходилъ въ Петропавловскую церковь, гдѣ читалъ апостолъ и пѣлъ на клиросѣ.

Къ Петровскому концу примыкаетъ Городецкій, занимавшій мѣстность къ сѣверо-востоку отъ Новгородской улицы до Окольной стѣны, идущей по берегу р. Псковы. Изъ древнихъ названій улицъ ни одного не сохранилось. Въ лѣтописяхъ обозначены особыя названія урочищъ: Броды—берегъ противъ церкви Богоявленской или вообще это мѣсто, занимаемое здѣсь рѣкою Псковою. Выше Брода мѣсто называлось Кстова. Прозоровскій производитъ это отъ слова крестъ, который здѣсь былъ поставленъ.

Здѣсь были церкви, не существующія нынѣ:

Богоявленская, строенная въ 1397 г. и разрушившаяся отъ взрыва пороха въ ближнемъ пороховомъ погребѣ.

Пятница, строенная въ 1533 году въ Бродахъ на Бугру, была монастырскою.

Благовѣщенская, строенная въ 1491 г., упоминаемая въ пожаръ 1606 года, была монастырскою.

Михаила и Гавріила, бывшая монастыремъ, строенная въ 1339 году въ Городцѣ, о которомъ еще упоминается подъ 1336 годомъ: „1336 г. загорѣлось въ ночь у городца у Воронца и горѣло все Застѣнье, а Дѣтинца Богъ ублюде". Митрополитъ Евгеній (И. кн. Псков., т. III, стр. 139) упоминаетъ еще о Михайловскомъ женскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1398 г., но лѣтописныхъ свѣдѣній о немъ нѣтъ; церковь упразднена въ 1786 году.

Изъ древнихъ названій улицъ Средняго города въ лѣтописи упоминается Врагова, Враговка; по всей вѣроятности, корень названія—оврагъ, какъ можно думать потому, что улица шла, кажется, по

оврагу отъ Плоской улицы [1]) и оканчивалась оврагомъ у дома г. Суттофа, или, можетъ быть, тянулась и по оврагу, т.-е. по нижней Петропавловской улицѣ. О Враговѣ улицѣ упоминается въ лѣтописи подъ 1454 г.: „Загорѣлось отъ Боловины Лавицы и погорѣ четыре части города, и перемѣташа отъ Плоскихъ воротъ ко святому Спасу по старой стѣнѣ къ костру, а отъ стараго костра ко Враговѣ улицѣ да ко Глухому костру" (во 2-й лѣтописи: „загорѣлось въ концѣ Боловинскомъ и погорѣло 4 части города отъ Плоскаго входа по старую стѣну по Враговку, перемѣташася къ Глухому костру"); подъ 1459 г. „Загорѣлось на Усохѣ и перемѣташася отъ Торгу возлѣ Торговскаго и Боловинскаго концовъ до церкви св. Георгія до Куклиной Лавицы, а отсюда по конецъ Враговы улицы".

Къ особымъ топографическимъ названіямъ нужно отнести Лавицы. О нихъ сказано выше. Въ среднемъ городѣ были лавицы: Острая, чрезъ ровъ около Пожарнаго депо, Боловинская тоже чрезъ ровъ у старой Средней стѣны. Обѣ эти лавицы дали названіе двумъ концамъ — Остролавицкому и Боловинскому. Куклина—чрезъ болото, бывшее у нынѣшнихъ мясныхъ рядовъ. Въ Крому была Боркова лавица, существовавшая чрезъ греблю до построенія на ней моста. На Запсковьѣ Жабья лавица при болотѣ у церкви Нерукотвореннаго Образа. Еще были древнія названія: Буй, Буевище— мѣста около церквей, назначаемыя для кладбищъ. Были они: у Троицкаго собора, при церкви Анастасіи, при Пароменской и Петропавловской церквахъ.

Окольный городъ (Полонище).

Мѣстность за Среднею стѣною къ юго-востоку называлась Поле, а со времени постройки (1465) Окольной, сперва деревянной, стѣны отъ Покровской въ углу церкви и до р. Псковы стало называться Полонищемъ. Оно занимало все пространство между Среднимъ городомъ и Окольной стѣной и называлось иногда Большимъ городомъ. Лишь только юго-восточная часть Полонища носила особое, какъ и нынѣ, названіе Пѣски. Еще подъ 1550 годомъ упоминается о Коневой площади, бывшей близъ кадетскаго корпуса; здѣсь же, нужно полагать, была Сѣнная нива. Кромѣ того, части, прилегавшія къ концамъ Средняго города, получали названіе того конца, къ которому непо-

[1]) Можно думать, что названіе Плоская улица и Плоскія ворота произошли отъ того, что здѣсь былъ спускъ тянувшагося по городу оврага и спускъ этотъ не былъ крутымъ.

средственно прилегали: Остролавицкая, Опоцкая, Петровская и проч. Изъ древнихъ названій улицъ извѣстны: Великая—продолжающаяся отъ Средней стѣны до Великихъ воротъ въ Окольной стѣнѣ, тогда она называлась Большою; въ 1418 г. была замощена, упоминается въ лѣтописи 1535 г. (названіе Великой улицы Большою встрѣчается въ смѣтной книгѣ Пскова 1699 года); Кузнецкая, нынѣ Сергіевская, упоминается подъ 1466 г. „Погорѣло Полонище, а загорѣлось отъ кузницы въ Кузнецкой улицѣ; 1488 г. „поставлена деревянная церковь св. Анастасіи на Полонищѣ на Кузнецкой улицѣ, на Яковлевѣ посадничьѣ огородѣ на Горкѣ однодневная“; 1539 г. „при пожарѣ на Полонищѣ верхъ падеся у каменной церкви св. Анастасіи на Кузнецкой улицѣ“. Петровская, упоминается подъ 1521 г. „Моръ начался съ Петровской улицы, которая была заперта“; 1522 г. „начали рубить церковь Покровъ св. Богородицы у Креста на Петровской улицѣ, гдѣ Мотыльня гридница прежде была“. Пустая, упоминается подъ 1510 г. „Отведено мѣсто, гдѣ новый торгъ ставить, за середнимъ городомъ противъ Лужскихъ воротъ, да и церковь поставили св. Ксенію въ Пустой улицѣ, а потому та улица Пустая слыла, что межь огородовъ, а дворовъ на ней не было“. По этому указанію можно думать только, что эта улица была близъ настоящей Покровской отъ Торгу церкви. Романиха, Романова улица, упоминается подъ 1442 г. „Поставили церковь Похвала св. Богородицы отъ мору на Романихѣ (во 2-й лѣтописи: Романовѣ горѣ); въ 1466 г. „совершена каменная церковь на Романихѣ (во 2-й лѣт.: Романовѣ горѣ) Похвала Богородицы“. Церковь Похвала Богородицы находилась на мѣстѣ, гдѣ нынѣ зданія дворянства Псковскаго; развалины ея замѣтны были въ 1897 г. Соколья улица, упоминается подъ 1543 г. „Поставлена каменная церковь св. Іоанна Златоустаго на Сокольи улицѣ въ монастырѣ (во 2-й лѣт. церковь Ивана Златоустаго въ Медвѣдевѣ монастырѣ). Соколья улица нынѣ носитъ названіе Поганкиной, отъ Поганкиныхъ палатъ до воротъ ботаническаго сада. Труперхова, упоминается подъ 1426 г. „Былъ пожаръ большой на посадѣ за рвомъ у Труперховы улицы“; 1426 г. „Горѣло Полонище день и нощь по Труперхову улицу“. Якиманская, на которой стоитъ церковь Іоакима и Анны (бывшаго дѣвичьяго монастыря) упоминается подъ 1544 г. по случаю бывшаго пожара. Въ церкви замѣчательны: деревянный рѣзной подзоръ отъ запрестольнаго образа и столбики древнихъ царскихъ вратъ (находится въ вѣдѣніи учительской семинаріи).

Слѣдующія церкви находились въ этой части города,—существующія нынѣ:

Вознесенская на Великолуцкой улицѣ, церковь Старое Вознесенье близь Великихъ воротъ, строена въ 1421 по всей вѣроятности ранѣе сего была здѣсь церковь, существовавшая очень долгое время, такъ какъ получила названіе „старой". Упоминается: подъ 1433 г.: „былъ пожаръ отъ грозы на посадѣ у Стараго Вознесенія; подъ 1460—по случаю встрѣчи князя Юрія Васильевича; подъ 1469—по случаю встрѣчи владыки Іоны; подъ 1471 г.: „почаша по Полонищу новую стѣну опять зарубати по старинѣ отъ Стараго Вознесенія къ рѣцѣ, которая была въ пожарѣ выгорѣла; въ 1489 г. „встрѣчали намѣстника великаго князя у Стараго Вознесенія; въ 1486 г. „встрѣчали архіепископа Геннадія предъ враты градными у Стараго Вознесенія". Въ церкви есть древнія, но поновленныя иконы, на одной изъ нихъ рѣзная панагія. Надписи на колоколахъ: 1) „Лѣта 7057 (1549) мѣсяца сентября память Ивана Ивановичя Кублискаго на Иваньгородъ, на Себѣжъ в девичь монастырь к илье пророку два колокола при игуменьи Евфросиньи, а лилъ Прокофеі". Вѣсомъ около 3 пудовъ. 2) „Божіею милостію и помощію Стыя Живоначальныя Трца лѣта 7058 (1550) мца сентября въ 8-й день на рожество Пресвятеи Бцы слитъ бысть колоколъ сей при державѣ цртва благовернаго и хртолюбиваго цря и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, а лилъ Прокопей Григорьевъ, слава Богу"; 3) „...вѣрномъ цари государи великомъ князи Иване Васильевичи всея Руси, лілъ мастеръ Игнатеі Орѣевъ сынъ псковитинъ".

На мѣстѣ домовъ дворянскаго собранія была, какъ выше сказано, каменная церковь **Похвала Богородицы**, строенная въ 1442 г., была пятымъ соборомъ (1462 г.). На углу Великолуцкой и Спасской улицъ на мѣстѣ г. Александрова была каменная церковь **Воскресенія Христова**, строенная въ 1458 г., развалилась въ настоящемъ столѣтіи. На Спасской улицѣ находится **Спасская** древняя **церковь**, строена въ 1494 г. на подворьѣ Елеазаровскаго монастыря. На Успенской улицѣ—**Успенская**, противъ гимназіи. Настоящая церковь построена въ началѣ нынѣшняго столѣтія; на мѣстѣ ея была древняя церковь, бывшая монастырскою, о ней въ лѣтописи упоминается подъ 1606 г. На колоколахъ надписи: „лѣта 7042 (1540) мѣсяца сентября въ 8 день на рожество Престеи Богородицы сдѣланъ бысть колоколъ сеі при державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича царя и государя всея Руси, і при архиепископе Великаго Новагорода и Пскова влдыки Макарьи, а дѣлалъ мастеръ псковитинъ Прокоѳей Григорьевъ сынъ Колоколь-

никъ отъ Варламъя Запсковья стадища...“ Вѣсъ около 15 пудовъ. 2) „Божиею милостию и помощию Святыя живоначальныя Троицы лѣта ...го, мѣсяца сеньтября въ 8 день на рожество Престей Бцы слитъ бысть колоколъ сей при державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго цря и гдря и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, а лилъ мастеръ псковитинъ Прокоѳей Григорьевъ сынъ колокольнікъ. Слава Едіному Богу аминь“. Вѣсъ около 30 пудовъ.

На Георгіевской улицѣ: Церковь великомученика Георгія со взвоза, строена каменная въ 1492 г. Въ саду при квартирѣ директора гимназіи есть развалины церкви Василія монастырская на болотѣ и при ней монастырь дѣвичій; упоминается въ актахъ 1682 года. Вблизи, можетъ быть, была Николаевская церковь на Взвозѣ, строенная, по замѣчанію митрополита Евгенія (Ист. кн. Псков., ч. III, стр. 119), въ 1404 году.

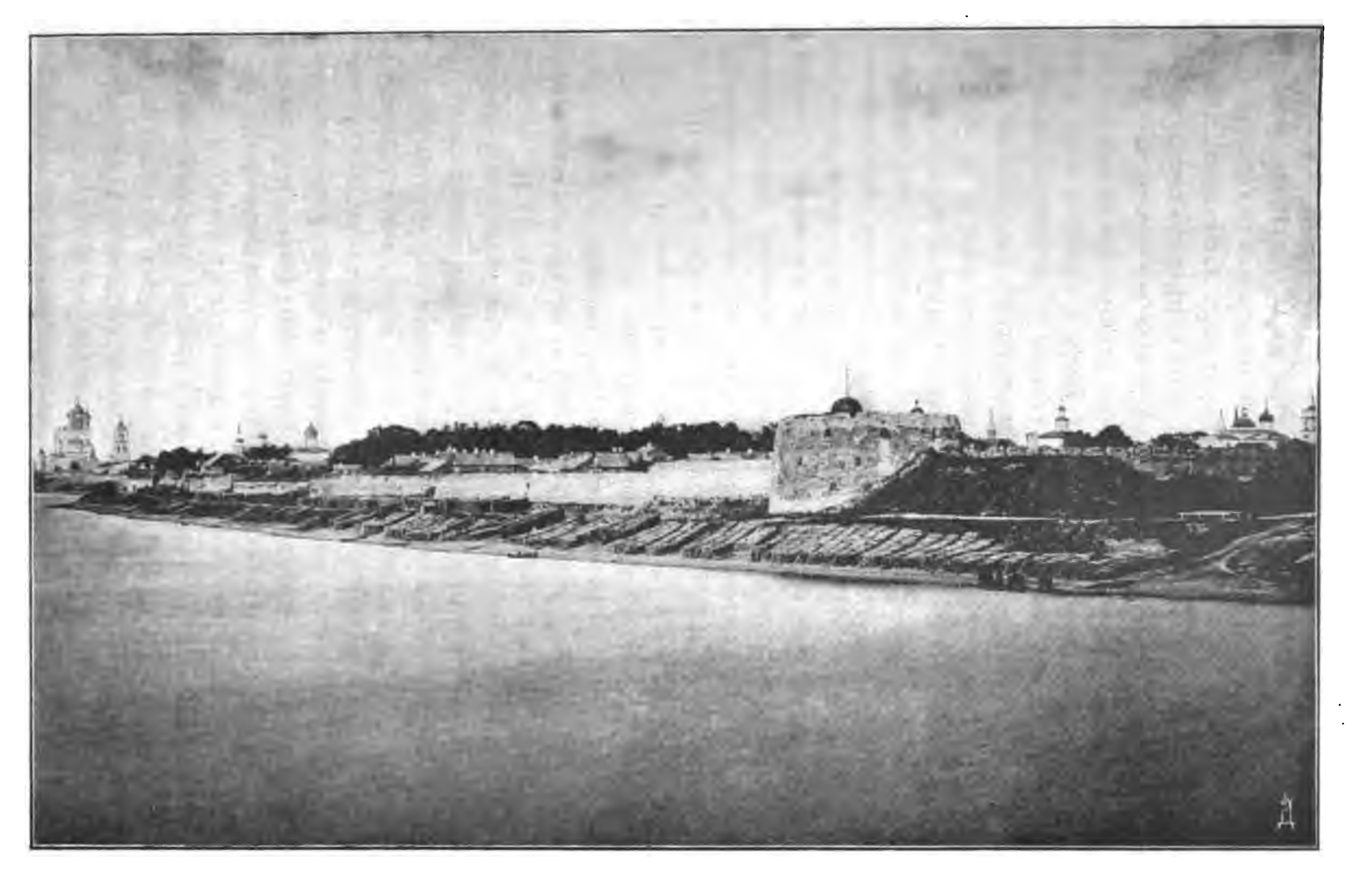
На Покровской улицѣ: въ саду Учительской семинаріи есть развалины, но неизвѣстно—какой церкви.

Покровская въ углу — древняя, но время постройки ея съ точностью неизвѣстно. На Покровской иконѣ Божіей Матери съ изображеніемъ города Пскова времени осады Стефана Баторія есть слѣдующая надпись: 1) „Въ лѣто 7089 (1581) августа въ 20 день при державѣ благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи пріиде подъ Псковъ градъ польскій король Абатуръ, а людеи съ нимъ сто тысящъ. Во градъ же Псковъ повелѣніемъ царевымъ принесенъ бысть изъ обители Печерскія чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія въ житіи на заступленіе града. Изъ обители тоя игуменъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ молебная пѣнія совершающе въ святѣй соборнѣй церкви Святыя Троицы“. 2) „Въ оны же дни въ томъ градѣ во обители покрова Пресвятыя Богородицы зовомаго въ Углѣ града нѣкоему человѣку именемъ Дороѳею Кузнецу, сѣдящему въ сѣняхъ келійцы своея во вторыйнадесять часъ дне, и плачущу о належащей скорби граду, видѣ нужными очима своима явѣ свѣтъ великъ, шествіемъ осѣняющь, яко столпъ до небеси отъ Печерскія обители чрезъ Великую рѣку объ лѣвую страну Мирожскаго монастыря во градъ Псковъ и подъ онымъ свѣтомъ идущу на воздуси Пресвятую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію и съ нею шествующи и держащи ею подъ руки ея, подъ лѣвую преподобнаго отца Антонія Кіевскія пещеры начальника и з другую страну подъ десную ея руку игумена Корнилія Печерскаго монастыря Псковскія области и воз-

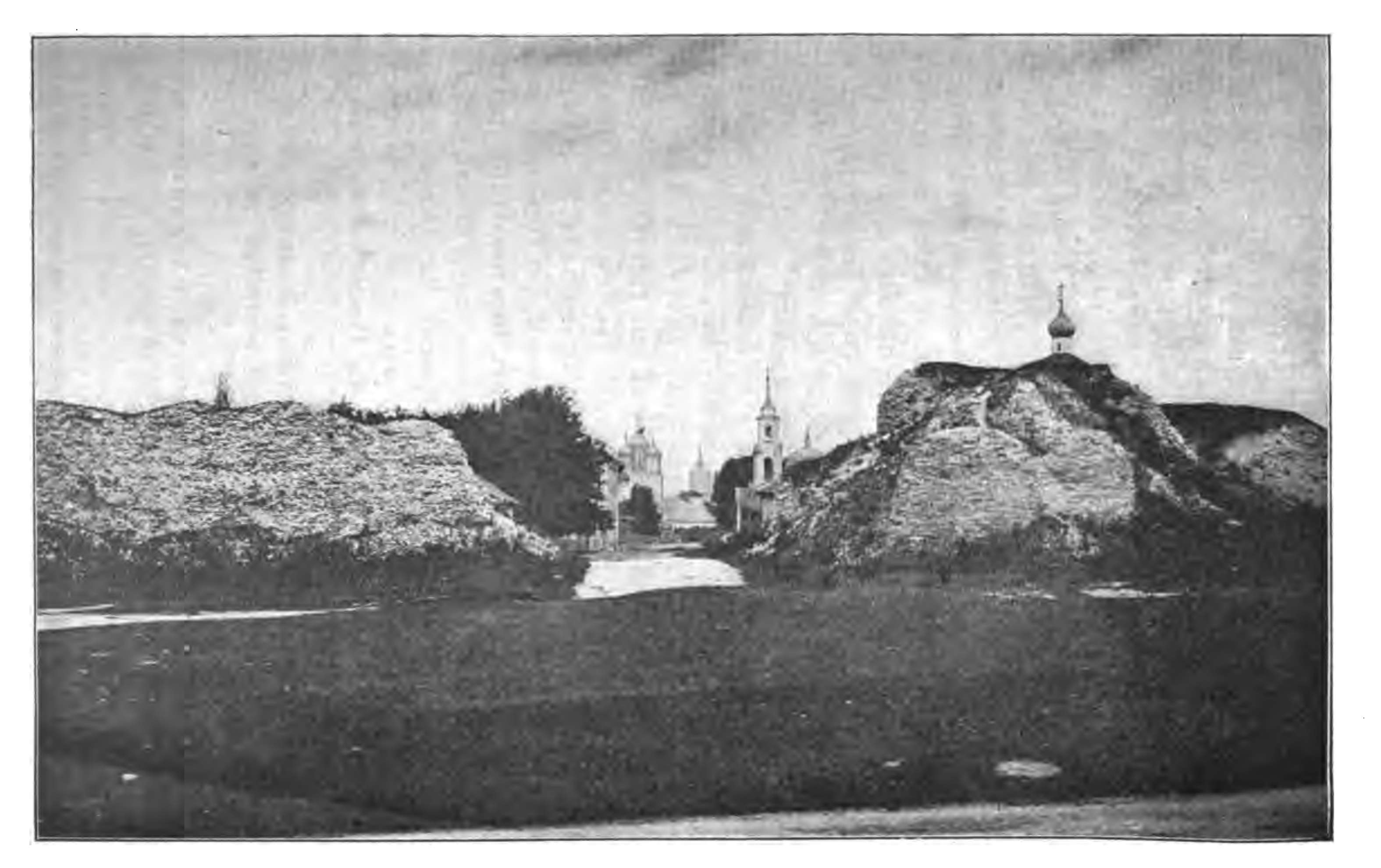
шедши чрезъ градскую стѣну во градъ въ церковь Покрова Богородицы". 3) „И потомъ изыде изъ церкви съ Корниліемъ святымъ и ста на стѣнѣ града и сіи преподобніи съ нею, и Пречистая Богородица вопроси: гдѣ мирожскій строитель Нифонтъ, епископъ новгородскій? И въ томъ часѣ ста предъ нею и поклонься сице рече: Госпоже Пресвятая Владычице: въ моемъ монастырѣ сего лѣта не бяше литургіи, и Она же рече: Сыну моему и Богу тако изволившу. По семъ же воззва: гдѣ есть избранніи божіи, иже въ церкви у Святыя Троицы лежатъ? Таже вскорѣ предсташа ту благовѣрніи велицiи князи Василій кіевскій, Гавріилъ и Тимоѳей псковскій, и по нихъ, ста позади яко въ полусажени блаженный Николай псковскій, и вси ей поклонишася; Она же зря на градъ яко со гнѣвомъ сія рече: О, зліи человѣцы града сего! прогнѣвали есте Сына моего, Господа и Бога", 4) „и осодомиша бо градъ сей скверными дѣлы. И нынѣ на васъ уже пріиде туга и бѣда велія и вы Сына Моего Господа Бога и Мене не познасте. И въ тотъ часъ о десныя ея руки игуменъ Корнилій и Евфросинъ и съ Савою и Никола блаженный, падше предъ Нею прослезишася и отвѣщаша: Госпоже Владычица Богородица! есть грѣхъ ихъ и беззаконіе, не прогнѣвайся на нихъ до зѣла", 5) „но помолися Сыну Своему и Богу нашему за градъ сей и за люди согрѣшшія. И потомъ вси и благовѣрный князь восплакашася со слезами припадающе къ ногама Владычицы Богородицы. Таже воззва мя отъ моста, идѣже сѣдяхъ и обрѣтохся яко противъ ногъ Пречистыя стоя и рече ми Пречистая: старче! иди вскорѣ къ боголюбивымъ воеводамъ и къ печерскому игумену и въ соборъ Святыя Троицы и возвѣсти има, чтобы молили прилежно Господа Бога безпрестанно и принесли бы во градъ свой образъ печерскій старой и хоругвь на стѣну града, гдѣ Азъ стою, да поставили бы на томъ мѣстѣ пушку, а другую внизу и били бы по нихъ по королевскимъ шатрамъ въ лѣво за королевскіе шатры за горами низкими и указавши пречистою своею рукою, и людіе плакашеся о грѣхахъ своихъ, молящее Милостиваго Бога; буду же и я молитися Сыну своему и Богу за ваше согрѣшеніе и егда Сынъ Божій славимый со Отцемъ и Святымъ Духомъ".

Отъ Покровской церкви по направленію стѣны, идущей на востокъ, была церкви **Козьмы и Демьяна на Утокахъ** (утопленникахъ), упоминается подъ 1544 г., была монастырскою.

Николаевская на проломѣ—мѣсто штурма войскъ Стефана Баторія, между Свинуской и Покровской башнями,—строена 1584 г., нынѣ видны развалины.



Покровская башня и часть Окольной стѣны.



Проломъ Стефана Баторія.

Трехъ Святителей на мѣстѣ настоящаго костела, строена неизвѣстно когда [1]), но предварительно была костеломъ до постройки настоящаго.

На Сокольей улицѣ близъ воротъ ботаническаго сада была церковь Іоанна Златоустаго и при ней мужской Медвѣдевъ монастырь; строена въ 1541 году.

По Сергіевской улицѣ—церкви: Анастасіевская, однодневная деревянная, построена въ 1488 году. Постройку каменной преданіе относитъ къ 1377 г. и строителемъ указываетъ нѣмца Василія Доля. (Его считаютъ родоначальникомъ извѣстной въ Псковѣ фамиліи Яхонтовыхъ, псковскихъ помѣщиковъ); однако сомнительно, чтобы каменная церковь могла быть строена ранѣе деревянной. Упоминается подъ 1637 г. Въ ней есть двѣ древнихъ панагіи и такой же наперстный крестъ. Сергія Преподобнаго у Сергіевскихъ воротъ съ Залужья. Упоминается подъ 1561 г. На древней иконѣ Богородицы есть надпись: „лѣта 7158 (1650) мѣсяца Февраля 5, Мая 2, 18, отъ сея чудотворныя икона отъ деснаго ока слезы течаху".

По Губернаторской улицѣ, на углу Великолуцкой ул.,—часовня Красный крестъ, неизвѣстно почему такъ названа; церкви: Вознесенія, бывшая монастырскою Нововознесенскаго упраздненнаго монастыря; когда строена, неизвѣстно; упоминается въ смѣтной книгѣ Пскова 1699 г.—Николы новоявленнаго или Троицкая единовѣрческая, строена въ 1410 г. На напрестольномъ крестѣ слѣдующая надпись: „лѣта 7189 (1681) сій образъ Креста Господня построилъ стольникъ Борисъ, а прямое имя Іоаннъ Васильевичъ Бутурлинъ въ церковь Николы Чудотворца Новоявленнаго, что во Псковѣ у Торгу по отцѣ своемъ бояринѣ и дворецкомъ Васильѣ Васильевичѣ и по матери своей боярыни Настасіи Григорьевны и по себѣ Іоаннѣ и по женѣ своей Татьянѣ и по тестѣ своемъ Симеонѣ и по тещи своей Ксеніи и по ихъ сродникахъ".

Упоминается еще Николаевскій въ Пескахъ мужской монастырь, противъ Верхнихъ рѣшетокъ, при постройкѣ въ немъ церкви въ 1412 году.

На Ивановской улицѣ была церковь св. Владиміра на мѣстѣ кадетскаго корпуса; когда строена и когда исчезла, неизвѣстно; значится въ смѣтной книгѣ 1699 г.

[1]) Кромѣ этой, была еще церковь Трехъ Святителей женскаго монастыря съ болота, упоминаемаго въ писцовыхъ книгахъ 1623 г. и уничтоженнаго по изданіи Духовнаго регламента; но гдѣ она находилась, неизвѣстно. (Проворовскій въ «Зап. Отд. Слав. и Русск. Археологіи Имп. Русск. Арх. Общ.», IV, стр. 247).

На Полонищѣ, но неизвѣстно гдѣ, стоялъ Пантелеймоновъ монастырь на Красномъ дворѣ или на Красной улицѣ; каменная церковь въ немъ заложена въ 1468 году.

На Новгородской улицѣ: Покрова отъ Торгу, деревянная, строена была въ 1522 г. (а когда строена нынѣ существующая каменная, неизвѣстно). Близъ этой церкви была Мотыльня гридница [1]) и стоялъ крестъ. На образѣ святителя Николая, находящемся въ Покровской церкви, надпись: „въ лѣто 7184 (1676) генваря къ 1 числу благоизволи Господь Богъ праведными своими судьбами пренести отъ земнаго житія и царствія въ вѣчное свое царствіе къ блаженному упокоенію благочестивѣйшаго государя и великаго князя Алексія Михайловича всея Россіи; намъ же православнымъ христіаномъ отъ образа угодника своего св. отца Николая показати чудо преславно и ужаса исполнено. Того же бѣ лѣта генваря въ 29, въ 30 и 31 и февраля въ 1 числѣ при преосвященнѣйшемъ Арсеніи, архіепископѣ псковскомъ и изборскомъ бысть отъ сего образа святаго отца Николая Чудотворца чудо страшно и весьма предивно изъ обою очію текоша слезы яко струи чрезъ всю икону и собраше тѣхъ слезъ во лжицу въ сосудъ на исцѣленіе приходящимъ съ вѣрою православнымъ христіаномъ". На колоколѣ: „Божиею млтию и помощию Святыя Живоначальныя Троицы лѣта 7056 (1548) мѣсяца сентября въ 8 день на рожество Престей Богородицы слитъ бысть колоколъ сей при державѣ цртва благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевичя царя и государя всея Руси, а лилъ мастеръ псковитинъ многогрѣшный и грубый смысломъ Прокофеі Григорьевъ сынъ. Слава совершителю и всехитрецу Единому Богу".

---

[1]) Значеніе Гридницъ въ Псковѣ не объяснено. Подъ 1510 г. говорится: «великій князь пріѣхавъ во Псковъ, потребовалъ къ себѣ Псковичей; и посадники и бояре поидоша въ гридню... кои вошли въ гридню, то всѣхъ за приставы подаваша... и поидоша за приставы по подворьямъ и начаша скручатися къ Москвѣ тое же нощи». По академическому словарю 1847 года гридница: 1) комната или особое строеніе при княжескихъ дворахъ, гдѣ содержали стражу гридни; 2) пріемная комната въ княжескихъ дворцахъ. Но слѣдующія извѣстія Псковск. 1-ой лѣтописи указываютъ на нѣчто другое: подъ 1438 г. «почали дьяконовъ сажати у гридницу»; подъ 1470 г. «на Званцѣ у Коровьи гридницы попалило молніей 7 человѣкъ»; подъ 1522 г. «поставлена церковь Покровъ св. Богородицы у Мотыльной гридницы моровая» (во 2-й лѣтописи: «церковь нача рубити съ теремцами на Петровской улицы у Креста, гдѣ Мотыльня гридница прежде бывала». Въ словарѣ Церк.-слав. языка мотыльнею обозначено мѣсто, куда свозились нечистоты). Не значитъ ли гридница вообще какое-либо общественное заведеніе? Судя по тому, что коровья, напримѣръ, гридница находилась на Запсковьѣ въ той части мѣстности, которая носила названіе Стадища, есть основаніе думать, что въ этой мѣстности, гдѣ собирался городской скотъ, было устроено для него и особое крытое помѣщеніе. То же можно думать и о Мотыльной гридницѣ какъ о заведеніи, которое имѣло своимъ назначеніемъ свозъ нечистотъ.

Близъ церкви же Покрова была церковь св. Ксеніи на Пустой улицѣ, „поставлена въ 1510 г. въ память пожалованія Пскова великимъ княземъ московскимъ своей вотчиной“.

Въ мѣстности, называемой Пески, были церкви:

Благовѣщенская, бывшая монастырскою, строена въ 1420 году.

Св. Архангела Михаила, бывшая монастырскою. Гдѣ стояли эти обѣ церкви—неизвѣстно.

Близь р. Псковы въ этой части называлась мѣстность Солодожники въ Петровскомъ концѣ, продолжавшемся отъ Средняго города; близь Петровскихъ воротъ была церковь Іоанна Милостиваго, упоминаемая въ 1561 г. и въ 1788 г.

Новый Торгъ, упоминаемый въ 1510 г., находился въ Пескахъ; близъ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, гдѣ былъ гостиный дворъ, дѣлившійся на ряды: Мясной, почему-то называвшійся Московскимъ, Серебряный, Льняной, Шляпочный, Ременный, Щетинный, Суконный, Колпашный, Шляпный, Луковный (?), Руковичный, Сапожный и Свѣчной.

Въ этой же мѣстности, но извѣстно гдѣ, были церкви: Зачатіевская на Сѣнной Нивѣ (упразднена въ 1764 г.) и Знаменская (упоминается въ 1543 г.).

Въ этой части изъ древнихъ частныхъ зданій сохранились на Ивановской улицѣ Поганкины палаты—огромное трехъэтажное каменное (плитяное) зданіе, принадлежавшее роду купцовъ Поганкиныхъ, извѣстныхъ въ XVII вѣкѣ; строены неизвѣстно когда, но раньше 1645 года, нынѣ принадлежатъ военному вѣдомству и обращены въ провіантскій магазинъ, чему, кажется, и обязаны своимъ сохраненіемъ. Рода Поганкиныхъ не существуетъ; свѣдѣнія о немъ можно встрѣчать въ изданныхъ брошюрахъ [1]).

На той же улицѣ, только на противоположной сторонѣ, противъ палатъ живописныя развалины, неизвѣстно кому принадлежавшія, на мѣстѣ, нынѣ принадлежащемъ Г. Капгеръ. Судя по остаткамъ, есть основаніе заключать объ изяществѣ архитектуры.

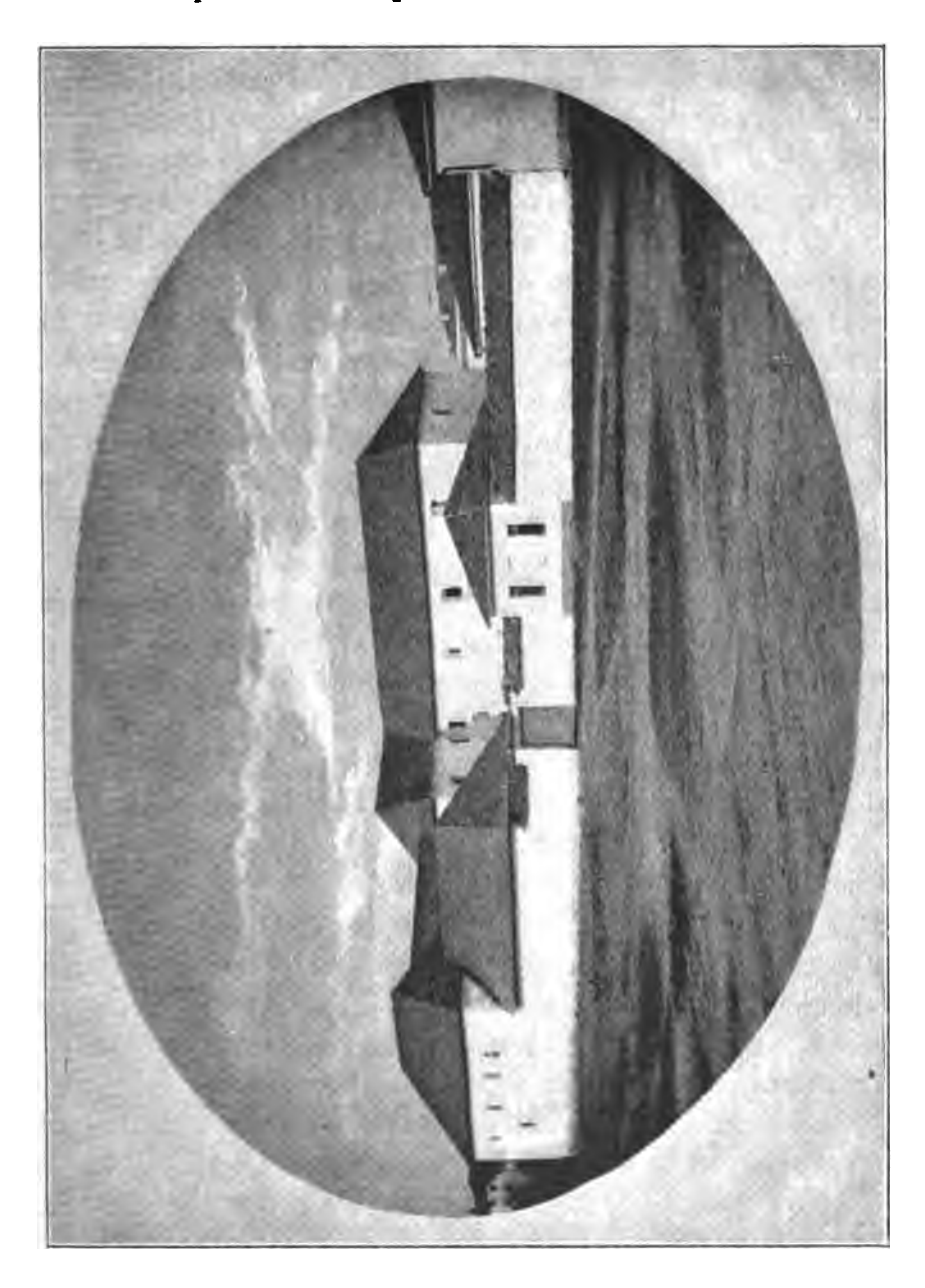
Въ узкомъ заулкѣ, примыкающемъ къ дворянскому дому по Великолуцкой улицѣ, двухъэтажная съ подвалами палата псковитина Меньшикова, выдается своею грандіозностью.

Рядомъ по той же Великолуцкой улицѣ старинный домъ Лео-

---

[1]) «Псковъ», изъ дорожныхъ воспоминаній М. П. Погодина.—Археологическая записка о родѣ Поганкиныхъ, К. Г. Евлентьева. Псковъ. 1870 г.

новыхъ; палата во дворѣ дома гг. Боговскихъ; небольшая жилая палата во дворѣ дома г. Карамышева.



Поганкины палаты.

Въ Окольномъ городѣ, были еще: Введенскій монастырь, упоминаемый въ актѣ 1662 г. (можно думать, что близъ Варваринской нынѣ существующей церкви), и Знаменскій дѣвичій монастырь у Стараго Вознесенья.

Запсковье.

Запсковье отъ главнаго города отдѣляется рѣкою Псковою и заключаетъ пространство, огражденное тоже стѣною, составляющею продолженіе Большой, Окольной стѣны, идущей около Полонища. Запсковская стѣна соединялась съ послѣднею въ двухъ мѣстахъ и при пересѣченіи стѣною р. Псковы: въ верховьяхъ рѣки—Верхними рѣшетками, построенною изъ камня подъ рѣкою особою галлереею или туннелемъ и построеннымъ въ 1525 году особымъ видомъ крѣпостнаго сооруженія—Стрѣльницею. Запсковская стѣна заложена была въ 1465 г. сперва деревянная, но въ 1484 г. козьмодемьянскіе сусѣди заложили каменную стѣну отъ Великой рѣки до Богоявленской церкви, а богоявленскіе сусѣди строили свою часть; въ 1508 г. ими заложена была каменная стѣна около Гремячей горы; въ 1535 г. сдѣлана была соединительная стѣна отъ Гремячей горы къ Окольной стѣнѣ чрезъ рѣку съ двумя воротами для прохода воды и рѣшетками для защиты отъ впуска непріятельскихъ лодокъ. Второе соединеніе было при устьѣ р. Псковы, при самомъ ея впаденіи въ Великую, и называлось Нижними рѣшетками, состоявшими въ томъ, что на противоположныхъ берегахъ р. Псковы было построено по одной глухой башнѣ и между ними были чрезъ рѣку устроены рѣшетчатыя ворота. Нижнія рѣшетки построены были сперва 1538 г. деревянныя, а въ 1631 г. каменныя.

Запсковская стѣна, не составляя особеннаго укрѣпленія и соединяясь при переходѣ чрезъ р. Пскову съ прочими укрѣпленіями, составляла продолженіе Окольной или внѣшней стѣны; почему длина всей городской стѣны по измѣренію 1694 г. составляла 8½ верстъ. Именно, на чертежѣ этого года обозначены слѣдующія разстоянія:

Отъ Козьмодемьянской на берегу р. Псковы башни (№ 1) [1]) до Гремяцкой (13) на Гремяцкихъ воротахъ .	144	саж.
Отъ Гремяцкой башни до Ильинскихъ воротъ (№ 7).	252	„
Отъ Ильинской (№ 8) б. до Волковской (№ 3) башни.	130	„
Отъ Волковской до Загряжскаго захабу (№ 11) . .	22	„
Отъ Загряжскаго захабу до Варлаамской на воротахъ башни (№ 10)	177	„
Отъ Варлаамской на воротахъ до угольной Варлаамской (№ 14)	36	„

[1]) См. чертежъ 1694 года.

Отъ угольной Варлаамской до Глухой у рѣшетокъ на берегу р. Псковы (№ 15)	97	саж.
Отъ Глухой на Запсковьѣ до Глухой у кремля при рѣшеткахъ (№ 16).	25	„
Отъ Глухой до Наугольной у кремля (17) . . .	44	„
Отъ Наугольной до Смердьихъ воротъ (№ 20). . .	162	„
Отъ Смердьихъ до Власіевскихъ воротъ (№ 21). .	72	„
Отъ Власіевскихъ до Плоскихъ воротъ (№ 28) . .	180	„
Отъ Плоскихъ воротъ до Мстиславской башни (№ 30).	115	„
Отъ Мстиславской башни до Георгіевскихъ воротъ (№ 32).	206	„
Отъ Георгіевскихъ воротъ до Покровской угловой башни (№ 35).	276	„
Отъ Покровской до Свинной (№ 36).	86	„
Отъ Свинной башни до Великихъ воротъ (№ 38) .	134	„
Отъ Великихъ воротъ до Сокольей башни (№ 41) .	160	„
Отъ Сокольей до Труперховой башни (№ 43) . .	165	„
Отъ Труперховой башни до Петровскихъ воротъ (№ 44)	200	„
Отъ Петровскихъ воротъ до Михайловской башни (№ 48).	107	„
Отъ Михайловскихъ воротъ чрезъ верхнія рѣшетки (№ 5) до Козьмодемьянской башни	221	„
Итого	3.011	саж.

Если прибавить къ этому протяженіе среднегородскихъ стѣнъ 620 саж., стѣнъ Довмантовской крѣпости и кремля 580 саж., то протяженіе всѣхъ стѣнъ Псковской крѣпости составитъ 4.211 саж. или 8 верст. 211 саж.

Башни раздѣлялись на два рода: глухія, не имѣющія проходовъ, и строенныя надъ воротами. Кромѣ башенъ извѣстны еще особенныя укрѣпленія: 1) З а х а б е н ь, З а х а б ы, З а х а б ь е, О х а б ь е. Они сооружались при стѣнахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ былъ слабый, и служили такимъ образомъ вмѣсто контрфорсовъ. Въ лѣтописи 1-й подъ 1452 г. говорится: „Урядили стѣну новую на городѣ на Крому (2-ой лѣтоп. Охабни) у Першей, отъ Великихъ воротъ возлѣ всхода до Малыхъ воротъ“; подъ 1458 г. „наддѣлали на старую стѣну новую стѣну выше старыхъ стѣнъ на Крому отъ Захабня до Кутня костра“. На чертежѣ

1694 г. значится Образскій и Загряжскій Захабы. 2) Стрѣлица и Стрѣльница—подобіе бастіоновъ; „въ 1400 г. поставили костеръ Кутекрому на Стрѣльницы отъ Рѣчнаго костра"; въ 1525 г. князь великій повелѣлъ поставить стрѣльницу каменную на Гремячей горѣ надъ Псковою рѣкою"; въ слѣдующемъ году она была сдѣлана. Этихъ укрѣпленій въ первоначальномъ видѣ совсѣмъ не сохранилось. 3) Тайники или подземельные ходы. Они строились на внѣшней сторонѣ близъ самой стѣны подъ землею и образовывали подземную каменную галлерею съ выходами или особыми галлереями какъ въ городъ, такъ и въ поле. Одинъ изъ такихъ тайниковъ можно видѣть и теперь между Свинной башней и Великими воротами; о другомъ тайникѣ (устроенномъ подъ рѣкою Псковою, между башнями Гремячей и разрушившейся въ Окольной стѣнѣ на противоположномъ берегу рѣки) изъ лѣтописи извѣстно, что онъ строенъ въ 1525 году.

Изъ древнихъ названій улицъ и урочищъ на Запсковьѣ извѣстны: Стадище—мѣстность, гдѣ стоятъ Варлаамская и Воскресенская церкви. Подъ 1532 г. говорится: „горѣло Стадище за Варлаамомъ" (по 2-ой лѣтописи: загорѣлась у Воскресенія Христова на Стадищѣ въ монастырѣ келья и погорѣлъ до Спаса посадъ); въ 1462 году „у Воскресенья Христова на Стадищѣ на Запсковьѣ было видѣніе (см. еще Акты Археогр. Экспедиціи, т. IV, № 52). Званица—по нѣкоторымъ даннымъ нынѣ Нарвская улица, идущая отъ моста къ церкви Варлаамія Хутынскаго; въ 1470 г. „на Званицѣ у Коровеи гридницы попалило молніей 7 человѣкъ"; въ 1610 г. во время смятенія Запковляне поставиша полковую пушечку на Званицѣ по Рыбницкимъ воротамъ, что на площадь, сбиша замокъ у Возвозкихъ воротъ. Жирковскій всходъ, Жиркова Лавица, Жирковы сусѣди—мѣстности близъ постояннаго моста чрезъ р. Пскову. По лѣтописи: въ 1500 г. „выгорѣло Запсковье отъ примостья до Жирковскаго всхода"; въ 1521 г. „погорѣло Запсковье отъ Жирковской лавицы и до Варламовскихъ воротъ (по 2-ой лѣт.: отъ Жиркова всхода до Варламовскихъ воротъ)"; въ 1507 г. „горѣло Запсковье по Жирковы сусѣди" (2-ой лѣт. отъ Жирковскихъ сусѣдъ); въ 1587 г. „загорѣлось на Лубянскомъ всходѣ отъ Демешки отъ мясника, а горѣло по Жирковы сусѣди (по 2-ой лѣт. отъ Жирковскихъ сусѣдъ) по іюдинъ дворъ по дьяконовъ (по 2-ой лѣт. до Богоявленія) до половины Мощонки". Жабія лавица у мокраго мѣста при Образской церкви. Въ лѣтописи: „поставлена церковь св. образа Господа нашего Іисуса Христа на Запсковьѣ у Жабіи Лавицы (однодневная)"; въ 1500 году „горѣло Запсковье по Жабію Лавицу".

Мощеная, Мощенка улица близъ Богоявленской церкви. Мѣстность здѣсь носила названіе Богоявленскаго конца: въ 1458 г. „горѣло все Запсковье отъ Богоявленскаго конца (по 2-ой лѣт.: отъ церкви св. Богоявленія), а загорѣлось отъ Якова отъ Желѣзова изъ Мощоной улицы“; въ 1507 г. „а горѣло отъ Жирковскихъ сусѣди да до половины Мощонки“.

Примостье—спускъ къ р. Псковѣ, гдѣ нынѣ постоянный чрезъ нее мостъ; въ 1462 г. „заложена каменная церковь у Примостья на Запсковьѣ св. Козмы и Даміана“; въ 1463 г. „совершена та же церковь“. Близъ спуска былъ Елеазаровскій дворъ, т.-е. Елеазаровскаго монастыря; въ 1500 г. „загорѣлось у Примостья въ заулкѣ, гдѣ Елизаровскій дворъ“; въ 1541 г. „загорѣлось на Запсковьѣ у стараго примостья“. Лубянскій всходъ—съ р. Псковы противъ соборной колокольни: въ 1487 г. „загорѣлся отъ грозы костеръ на Крому противъ Лубянскаго всхода.... а горѣло по Жирковы сусѣди“. Броды—берега р. Псковы у церкви Богоявленія, упоминаются подъ 1444 г.

На Запсковьѣ были слѣдующія церкви:

По Нарвской улицѣ: Козьмодемьянская съ Примостья строена въ 1462, 1463 г., упоминается въ 1500, 1507 и 1541; въ ней есть старинная божница или кивотъ съ иконами въ алтарѣ у жертвенника. На колоколахъ надписи: 1) „Божіею млтію и Прчтыя Его Богоматере заступленіемъ и помощью святыхъ чудотворцевъ Козмы и Демьяна и преподобнаго Савы Ощнаго (освященнаго) и всѣхъ святыхъ молитвами въ державе превославнаго царства благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича царя и гдря всея Русіи в лѣт... 7055 (1547) мѣсяца декабря 25 день на памят иже по плоти ржства Хва литъ сій колоколъ въ Области Святыя Живоначальныя Трцы во Псковѣ ко храму святыхъ чудотворецъ и безсребреник Козмы и Демьяна на Запсковьи повелѣніемъ рабъ божіих старос... Василія Яковлева сна рыбника чюхна да Киприяна Нефедева сына и коннаго мастера и всѣх сусѣд Кузмодемьянскаго прихода при архіепископѣ Новагорода и Пскова Владыкѣ Ѳеодосіи при священницѣ Микитѣ, Козмѣ и Оксентеи при діаконѣ Ананьи, а мастеръ преименита и славна град Пскова Андрѣевъ снъ Михаило, слава свершителю Богу в вѣки вѣкомъ. Аминь“. 2) „Божиею Млстию и Прчтыя Его Мтри и Стыя Троица помощию слитъ колоколъ сіи лѣта 7123 (1615) декабря 6 день на память ижи во стыхъ отца ншего Николы Чюдотворца к бголѣпному преображению Гда Бга Спса нашего Іс. Х. что у стараго костра в середнемъ городѣ при державе царства благовѣрнаго христолюбиваго цря и гдря

и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Руси и при епскпе Селиверсти псковскомъ и изборскомъ, а дѣлали Сава да Кузма днемъ (?) городе".

Ильинская, бывшая монастырскою, монастыря именовавшагося Илья Мокрый, упоминается въ 1465 г.; на колоколѣ надпись: „Божіею млстию и Прчтыя Его Матери помощию лѣта 7130 (1612) года августа 15 день слитъ колоколъ сіи въ граде Пскове на за Псковье въ монастырь стаго пророка Ильи при игуменьи Дороѳеи обители. Аминь".

Воскресенія Христова на Стадищи, упоминается подъ 1458, 1532, 1642 гг., была монастырскою дѣвичьяго монастыря. На колоколѣ надпись: „лѣта 7042 (1534) мая въ 9 день на принесеніе мощей иже во святыхъ отца нашего Николы сдѣланъ бысть колоколъ сей при державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича царя и государя всея Руси и при архиепискупе Великаго Новагорода и Пскова владыки Макаріи, а дѣлали мастеры псковичи Тимоѳей Орѣховъ сынъ, да Прокоѳей Григорьевъ....." На второмъ, разбитомъ была слѣдующая: „1756 года въ ономъ колоколѣ 14 пудовъ 9 фунтовъ". На третьемъ литая: „Божіею милостію при державѣ великаго государя великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи 1719 г. лилъ сей колоколъ псковитинъ государ... человѣкъ Фома Котемикъ", далѣе рѣзная: „къ церкви Воскресенія Христова на Стадищѣ при игуменіи Неонилы". На каменныхъ плитахъ, вдѣланныхъ въ стѣнахъ (керимиды) надписи: 1) „лѣта 7175 (1663) году преставися рабъ божій Ивангородецъ (житель Нарвы) Никонъ Исаковъ сынъ Горчаковъ, а въ 196 (1688) году мая въ 18 день преставися раба божія Ксенія Аѳанасьева дочь и съ ней погребенъ сынъ ее родной Гурій Михайловъ сынъ утопшій печерянинъ"; 2) „лѣта 7184 (1676) мѣсяца марта въ 7 день на память св. мученика Василія... преставися раба божія Агрипина Иванова во инокиняхъ Александра схимница"; 3) „лѣта 7197 (1689) сентября въ 2 день на память святаго мученика Мамонта преставися рабъ божій Троицкаго дому митрополичь сынъ боярской Моисей Ивановъ и съ нимъ погребены дѣти его Ларіонъ младѣнецъ, Парасковья млад. Кипріан млад. Іоаннъ...."; 4) .....„роду Пильникова въ прошлыхъ годахъ преставися рабъ божій священноіерей Іоаннъ Семеновъ сынъ; преставися раба божія Ираида схимница".

Преподобнаго Варлаамія на Званицѣ, въ 1466 г. строена была деревянная по случаю мора, въ 1495 г. поставлена каменная, нынѣ существующая. Храмовая икона древняго письма. На колоко-

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ

С.П.Б. МЫЩ. 18.

Псковъ. Варлаамская церковь на Запсковьѣ.

лахъ надписи: 1) „Зри начало на меньшемъ колоколѣ при митрополитѣ Даніилѣ и при намѣстникѣхъ псковскихъ при князѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Лопакѣ и при великаго князя дьякѣ Мисюрѣ Мусихинѣ повелѣніемъ великаго князя воеводы Ивана Артемьевич Широноса городщика и повелѣніемъ рабъ божіихъ старостъ Терентія Мокроуса и Моисея Рошете (?) и всѣхъ сусѣд романскихъ и мастеры андрѣевы дѣти Михаил Сщеник бывшой (?) да Максим діяк, слава свершителю Богу“.

Въ архивѣ Варлаамской церкви достойны вниманія: Синодикъ, писанный полууставомъ; рукописный сборникъ, въ которомъ помѣщена служба Богородицѣ; второй рукописный сборникъ, въ которомъ помѣщены житіе и служба преп. Варлааму (съ рисунками), и повѣсть о прихожденіи Свійскаго короля Густава Адольфа ко граду Пскову.

На сѣверной сторонѣ храма имѣется часовня, въ которой находится чудотворная икона всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери, а на ней панагія и привѣсы разныхъ предметовъ, которыми изображаются исцѣленныя части тѣла; между прочими есть привѣска, имѣющая видъ двухъ очей, пожертвованная архіепископомъ псковскимъ Меѳодіемъ. Близь Варлаамовскихъ воротъ одержана побѣда надъ войсками шведскаго короля Густава-Адольфа въ 1615 г. Близъ Варлаамовской церкви находился монастырь Спаса Надолбинъ; о немъ упоминается подъ 1480 г.; въ 1693 г. приписанъ къ архіерейскому дому.

Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа близъ стѣны, нынѣ на Образской улицѣ у Жабіей Лавицы, строена въ 1487 г., сперва деревянная однимъ днемъ, а затѣмъ каменная неизвѣстно когда.

Богоявленская на берегу р. Псковы въ Бродахъ строена въ 1444—1496, упоминается 1500, 1507, 1538 гг. Близъ нея находились нынѣ не существующія церкви: Рождества Христова со Кстовы, разбитая взрывомъ пороха въ 1701 г. Противъ Богоявленской церкви были и еще церкви на площади: Іоанно-Богословская на Крыпецкомъ подворьѣ. Евѳимія Великаго на Снѣтогорскомъ подворьѣ; упоминается въ 1668 году.

Козьмодемьянскій Гремячій монастырь на Гремячей горѣ; церковь каменная основана въ 1383 г., вновь строена въ 1540 г.; въ ней погребенъ псковскій архіепископъ Макарій, жившій въ этомъ монастырѣ на покоѣ; въ стѣнѣ вязью надпись, свидѣтельствующая о погребеніи вкладчика подъячаго Гремяцкаго съ женою. На колоколѣ: „Божьею млтью Пресвятыя Троицы и Свтыхъ чюдоцъ Козмы Демьяна слитъ бсть колоколъ сей въ лѣто 7066 (1558) г. мца марта 25 день при Црѣ и Великомъ Кнзе Иване и пресвященномъ архиепискупи Пи-

минѣ Великаго Новагорода и Пскова и прі игумянѣ Игнатьи и при казначе... Аркадьи и при всей обител а мастеры дѣлали Андрѣ і я братски". Есть въ церкви древнее евангеліе. Близъ Козмодемьянскаго монастыря у Гремячихъ воротъ былъ еще монастырь св. мученика Евстратія и дружины, мужской, неизвѣстно когда исчезнувшій.

Зданія принадлежащія частнымъ лицамъ:

Домъ купцовъ Постниковыхъ, нынѣ Мѣшокъ, предназначенъ для воинскихъ надобностей и принадлежитъ городу; рода Постниковыхъ нынѣ нѣтъ; долгое время здѣсь былъ дворъ гарнизоннаго баталіона.

Домъ Трубинскихъ на Нарвской улицѣ, противъ Ильинской церкви, существуетъ около 300 лѣтъ, замѣчателенъ по внутренному расположенію комнатъ, нынѣ помѣщается въ немъ табачная фабрика.

Домъ съ жвылемъ, такъ названъ по бывшей, нынѣ уничтоженной, свѣтлицѣ, пристроенной какъ бы на вѣсу къ углу дома, находится на Нарвской улицѣ, недалеко отъ Воскресенской церкви.

Волчьи ямы—мѣстность на берегу р. Псковы близъ Гремячей Козьмодемьянской церкви, древнія каменныя зданія, нынѣ обращены въ воинскія казармы.

Завеличье.

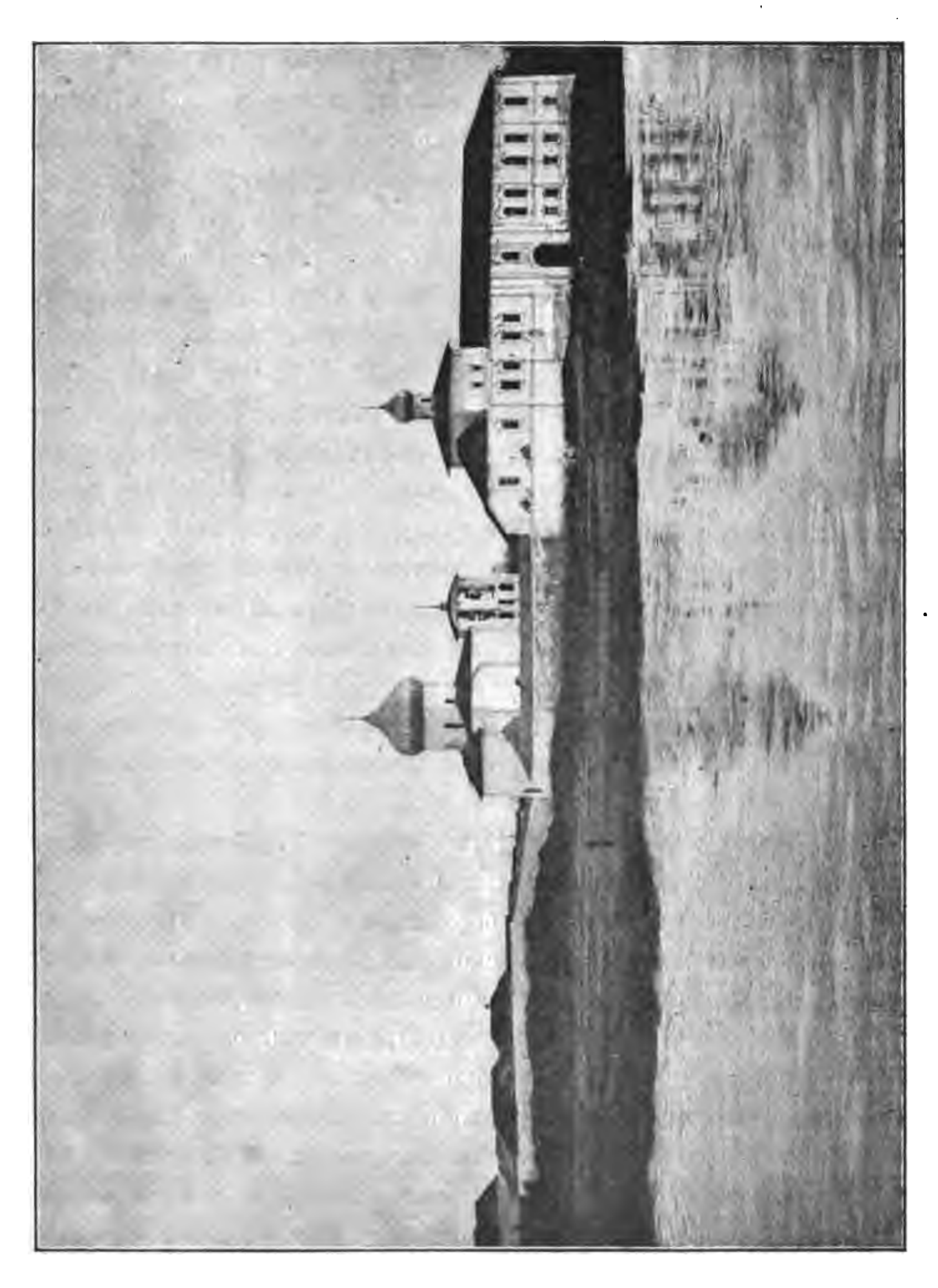
Посадъ, расположенный на противоположномъ отъ главнаго города берегу р. Великой, носитъ названіе Завеличье. Онъ никогда не былъ укрѣпленъ, хотя долженъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ заселенныхъ пунктовъ, такъ какъ въ немъ сохранились церкви самой ранней постройки. Бо̀льшее протяженіе посада—съ сѣвера на югъ. Изъ древнихъ названій улицъ извѣстна Изборская; въ лѣтописи подъ 1418 г. значится: „повелѣша намостити мостъ... въ Завеличьи Изборскую (улицу) отъ Пароменья"; она же упоминается въ одномъ актѣ 1632 года. Дорога эта шла отъ Пароменской церкви по старой рижской грунтовой дорогѣ. Во все время существованія Пскова эта часть города постоянно находилась въ опасности отъ нападенія непріятелей.

Изъ церквей и монастырей сохранился, на южной окраинѣ, Мирожскій древне Спасскій монастырь при устьѣ впадающей въ р. Великую рѣчки Мирожи. Въ немъ главная церковь—Преображенія Господня—заложена была основателемъ монастыря, епископомъ Нифонтомъ, въ 1156 г.; въ Псковской лѣтописи она упоминается еще подъ 1299 годомъ, въ который нѣмцами былъ убитъ игуменъ монастыря; въ 1463 году въ монастырѣ было устроено подворье для великокняжескаго войска, прибывшаго на помощь противъ нѣмцевъ; въ 1589 г.

Лит К де Кастелли.

ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХЪ КОСЬМЫ И ДАМІАНА И ГРЕМЯЧАЯ БАШНЯ

встрѣчали здѣсь втораго Псковскаго епископа Макарія. Архитектура храма, если освободить его отъ позднѣйшихъ поправокъ и придѣловъ— древняя, чисто византійская, съ живописью на западной внѣшней стѣнѣ.



Спасо-Мирожскій Монастырь.

Главную же замѣчательность храма составляютъ фрески, сохранившіяся на всѣхъ внутреннихъ стѣнахъ; онѣ, со времени постройки храма, никогда не была реставрированы, а потому представляютъ въ

церковной археологіи особенную цѣнность. Случайное открытіе ихъ изъ-подъ побѣлки совершилось въ 1858 г. во время внутренней передѣлки храма; совершенное же обнаруженіе принадлежитъ академику Суслову (въ 1895 г.). Въ иконостасѣ двѣ древнія иконы: храмовая Преображенія Господня и Богоматери Одигитріи, обѣ впрочемъ попорчены при реставрировкѣ храма. Замѣчательна еще икона Знаменія Божіей Матери, именуемая Мирожскою: по обѣ стороны Богородицы изображены благов. князь Довмантъ и его супруга, княгиня Марія Дмитріевна, въ древнекняжеских одеждахъ. Икона эта напоминаетъ письмо XV вѣка. Въ ризницѣ сохраняется пять старинныхъ панагій и два наперстныхъ креста старинной работы. Тамъ же хранится чаша св. Нифонта изъ корня неизвѣстнаго дерева, закрашеннаго краскою, на днѣ серебряная бляха съ надписью: „въ лѣто 6664 (1156) априлія 8 дня въ пречестную обитель Спасова Мирожскаго монастыря“. По краямъ чаши изъ серебра, работы 1707 г., ободокъ съ надписью: „Святый епископъ Нифонтъ рожденіе имѣя города Кіева отъ благочестивыхъ родителей и монашество воспріятъ въ Кіевопечерской обители и на престолѣ епископства въ Великомъ Новгородѣ 25 лѣтъ и будучи на престолѣ многія святыя обители и церкви устрои со благовѣрнымъ княземъ Всеволодомъ Псковскимъ и по представленіи князя Всеволода пріиде святый Нифонтъ въ Псковъ и созда между рѣкъ Великою и Мирожею церковь Преображенія Господня и обитель преславную украси, и братію собра и игумена постави и села многія вдаде на устроеніе церкви и обители“.

Евангеліе съ надписью: „лѣта Господня 1703 индикта 16 мца іулія устроено сіе святое евангеліе при Іосифѣ митрополитѣ псковскомъ и изборскомъ въ обитель боголѣпнаго Преображенія, что надъ Мирожею рѣкою близъ града Пскова по вѣрѣ и обѣщанію тоя обители архимандрита Аарона, который нынѣ въ Печерскомъ монастырѣ архимандритомъ отъ его даянія и подаяніемъ христолюбцевъ тоя обители при архимандритѣ Кипріанѣ съ братіею, и сему евангелію въ той святой обители впредь бысть во вѣки“. Ковшъ серебряный съ надписью: „Божіею милостью великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ... пожаловалъ симъ ковшемъ псковитянина посадского человѣка Ѳадея Гурьева за приборъ своей великаго государя денежной казны, что онъ въ 701 году будучи во Псковѣ на кружечномъ дворѣ съ бурмистромъ Иваномъ Печеновымъ противъ настоящаго 700 году“. Вѣсу одинъ фунтъ..

Колокола съ надписями: „при державѣ црства благовѣрнаг и хрстолюбиваг великаго князя Василія Божіею млтію цря и гсдря всея Руси, владимерскаг и московскаго и псковскаг и смоленскаг и Тверска и югорскаг, пермскаг и вяцкаг и иныхъ лѣта 7028 (1520) мѣсяца января 6 дня на крещеніе Господне слитъ сей колоколъ в преименитомъ и славномъ градѣ Псковѣ въ обителе боголѣпнаго Преображенія Га и Бга и Спаса нашего Іса Хста на (?) Мирожею при великог князя дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ повелѣніемъ раба бжія игумена Григорія и всѣхъ его Хстѣ братій, а дѣлали мастеры андреевы дѣти Михаило свщенникъ да Ануфрей да Максимъ діак. слава свершителю Богу"; 2) „при державѣ царства благовѣрнаг и христолюбиваг великаг князя Василія бжіею млтію цря и гсдря всея Руси владимерскаг и московскаго и ноугородскаго и псковскаг и смоленскаг и тверскаг и югорскаг и пермскаг и вятскаг и иных лѣта 7029 (1521) ключь границы И, кругъ слнцу Л, луны Ні индиктъ 9 епокъ (эпакта) 24, основаніе 29, вруцѣ лѣто А, мѣсяца сентября 14 дня на воздвиженіе честнаго креста Господня слитъ сей колоколъ въ преименитомъ и славномъ градѣ Псковѣ въ обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа за Мирожею при великаго князя дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ повелѣніемъ раба божія игумена Григорія и всѣхъ его о Хсѣ братіи, и того же лѣта и мца 14 день выгорело Запсковье отъ святаго Козьмы и Дамяна и до преподобнаго Варлаама, а дѣлали мастеры андреевы дѣти Михаилъ священникъ да Ануфрей да Максимъ дьякъ, слава Свершителю Богу". 3) „Gloria in excelsis Deo et in terra pax". „Hanskoncl. May: samt betrodde manradh detkongl ibergscol neherre hererikelem irwdcnhoqwalbonf abdenna klakkatiguds capell forarat. Sweriges rikeshogt ochpraesi dentwhi legio-denhogwalbor ingh. Sam des. k. hws. Frw. Frw. cristina cruus nampsaraochtthiugfru. Lavdate Dominum in cimbalis in cimbalis. Ps. Ce holmy — E. Me fundebat Iohan Meyer. Anno 1666".

Въ монастырѣ похоронены князь Аведъ Димитрій, игумены Авраамій, строитель монастыря, и Василій, убитый ливонскими рыцарями въ 1299 г. Особо стоящая трапезная церковь архидіакона Стефана строена въ 1404 г. игуменомъ Карпомъ. Недалекò отъ Мирожскаго монастыря, за рѣчкою Мирожкою, въ Бутырской слободѣ церковь Успенія Божіей Матери значится въ смѣтной книгѣ Пскова 1699 года, но когда строена—неизвѣстно.

Далѣе внизъ по теченію р. Великой слѣдуютъ церкви и монастыри:

Климентовъ Драгиловъ, упраздненный монастырь; о немъ упоминается въ актѣ 1659 г. (Акты Юрид. № 367), но церковь очень древняя; раззоренъ шведами въ 1615 г.; значится въ смѣтной книгѣ 1699 г.

Никола Кожинъ, бывшій монастырь нѣсколько далѣе отъ берега; древней церкви нѣтъ; вмѣсто нея выстроена новая приходская въ нынѣшнемъ столѣтіи; монастырь значится въ смѣтной книгѣ 1699 г.

На бывшей Изборской улицѣ или Староржской—Каменоградскій, упраздненный нынѣ, Николаевскій монастырь; въ немъ церковь святителя Николая, когда строена неизвѣстно; о монастырѣ упоминается въ актѣ 1692 года. (Доп. Акт. Ист., XII, № 71).

На берегу р. Великой противъ плавучаго моста церковь Успенія Божіей Матери Пароменская, строена въ 1444 г., вновь строена въ 1521 г. Въ ней слѣдующіе предметы древности: 6 панагій, одна изъ нихъ на иконѣ Божіей Матери—даръ царя Ивана Васильевича Грознаго съ двума надписями: а) „лѣто 7086 (1578) сентября 28 дня къ Пречистѣй Богородицѣ на Завеличьѣ"; б) „приложилъ государь съ своего ливонскаго похода". Ковшъ серебряный, мѣстами золоченый, съ гербами и надписью: „Божіею милостію великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожаловалъ симъ ковшомъ псковитянина посадскаго человѣка Абросима Михѣева за приборъ своей государевой казны, что онъ будучи въ Псковѣ въ таможнѣ въ 1702 году бурмистромъ у сбору таможенныхъ пошлинъ противъ 1701 г., прибралъ тысяча семь сотъ пятьдесятъ четыре руб. девять алтынъ и полпяты деньги". Вѣсомъ 1 фунтъ 30 золотниковъ. Серебряная лампада съ надписью: „1803 февраля 25 числа сія лампада принадлежитъ святой благовѣрной и великой княгинѣ Ольгѣ яже... бѣ въ молитвенный храмъ на берегу Великой рѣки (нынѣ не существуетъ) въ градѣ Псковѣ противъ каѳедральнаго собора сооружена отъ усердствующаго графа Румянцева крестьянина Семена Семенова". Недалеко отъ Пароменской церкви внизъ по рѣкѣ на томъ же берегу стоитъ часовня во имя св. благовѣрной княгини Ольги Россійской. Зданіе часовни новое, но преданіе указываетъ на этотъ пунктъ, какъ на мѣсто, съ котораго благовѣрная княгиня прорекла будущее величіе Пскова [1]).

---

[1]) См. выше Крестъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

Внизъ по р. Великой, на томъ же берегу, Ивановскій женскій монастырь, основанный, какъ и главная его церковь Іоанна Предтечи, въ 1240 г. княгинею Евфросиніей, въ монашествѣ Евпраксіей. Настоящій иконостасъ работы 1723 года, но въ немъ есть древнія иконы: а) Спасителя на крестѣ, б) Божіей Матери умиленія, в) Старорусской Божіей Матери, г) Іоанна Предтечи, даръ Евпраксіи княгини. На иконѣ Одигитріи Божіей Матери надпись: „208 (1700) году вѣнецъ Богородицы Одигитріи чеканной серебреной золоченой церкви Іоанна Педтечи, вѣсомъ пять фунтовъ шесть золотниковъ; подаяніе Поганкиныхъ, а кто вѣнецъ сниметъ, судитъ Богъ". Надъ гробницей княгини Евпраксіи чудотворная икона Спасителя, изъ очей котораго въ 1243 году текло мѵро. По сторонамъ Спасителя изображены древнимъ письмомъ на двухъ придѣланныхъ доскахъ двѣ княгини въ молитвенномъ положеніи—Евпраксія и Мароа. У гробницы настоятельскій жезлъ изъ чернаго дерева и древній мѣдный подсвѣчникъ съ надписью о вышеписанномъ чудѣ 1243 г. отъ иконы Спасителя. Та же надпись о чудѣ сдѣлана на каменной доскѣ, вставленной въ стѣнѣ. Надъ гробницею княгини Мароы, въ мірѣ Маріи, дочери великаго князя Дмитрія Александровича, супруги князя Довмонта, древняя икона пророка Иліи въ старинномъ басменномъ окладѣ. Какъ въ храмѣ, такъ и около него, сохраняются гробницы псковскихъ князей и княгинь. Особенность храма еще та, что на внутренней, западной стѣнѣ существуютъ впадины или ниши въ ростъ человѣка, по всей вѣроятности, для слушанія службы лицами, не желавшими, чтобы ихъ видѣли другіе. Въ ризницѣ есть цѣнные подарки: два золотыхъ парчевыхъ покрова на гробницы княгинь—даръ царицы Парасковьи Өедоровны съ ея дочерями въ 1716 г.; серебряный крестъ съ частію ризы Господней — даръ крестницы той же царицы подъяческой жены Парасковьи Ивановой; другой крестъ съ мощами—вкладъ крестьянина Игнатія Ангупы. На колоколахъ надписи: 1) „Лѣта 7054 (1542) года мѣсяца августа въ 7 день слитъ колоколъ сеи при державѣ царства благовѣрнаго христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, царя и государя всея Руси при архиепископе Великаго Новограда и Пскова владыкѣ Өеодосѣ, а дѣлалъ мастеръ Тимоха Андреевъ сынъ псковитинъ, слава Свѣршителю Богу". 2) „Лѣта 7098 (1590) апрѣля въ 12 день слитъ бысть колоколъ сей к рождеству Ивану Предотечію и при епископе Псковскомъ Мисаиле при игуменьи Таифе... да церковъномъ приказъщикѣ Осифе, да при священницѣхъ Климентеи да Левонтеи, лил колокол Офоня Панкратьевъ".

Близъ Ивановскаго монастыря на южной сторонѣ, противъ устья р. Псковы, былъ монастырь съ церквію пророка Ильи, нынѣ несуществующею; упоминается въ документахъ 1623 г. Монастырь женскій носилъ названіе Илья Сухой, въ отличіе отъ Ильинскаго, тоже женскаго, называвшагося Илья Мокрый на Запсковьѣ. Въ лѣтописи Илья Сухой называется еще: Глинь, Иглинь (по всей вѣроятности искаженное названіе отъ слова Илья). Раззоренъ шведами въ 1615 г.; упраздненъ въ 1786 г. Предполагаютъ, что здѣсь, близъ этого монастыря было мѣсто нѣмецкаго гостинаго двора.

Къ сѣверу отъ Ивановскаго монастыря былъ Стефановскій монастырь; церковь строена въ 1546 г.; упоминается въ актахъ 1623 г. (Акты Археогр. Экспед. III, № 133), въ лѣтописи же упоминается еще подъ 1480 годомъ.

Св. Женъ мѵроносицъ на скудельницахъ, нынѣ кладбищенская, бывшая мужскаго монастыря въ 1537 г.; сперва поставлена была деревянная, а въ 1546 г. каменная; значится въ смѣтной книгѣ 1699 г. Скудельницами назывались братскія общія могилы, сооружаемыя особенно во время моровыхъ повѣтрій.

Къ югу отъ Мирожскаго монастыря была Симеоновская церковь на Желѣзной горкѣ; развалины видны еще и теперь.

Слободы и Посады.

Издавна Псковъ окружали посады и слободы. Какое различіе между ними — не разъяснено. На юговостокъ, за крѣпостною стѣною, находится отъ Покровской башни по берегу р. Великой Выползова слобода; въ ней:

Церковь Никиты мученика, бывшая монастырскою, строена каменная въ 1470 г. О монастырѣ упоминается въ 1693 г.

Также отъ Великихъ воротъ идетъ слобода Алексѣевская и въ ней церковь Алексѣя человѣка божія, бывшая монастырскою; упоминается въ 1528 г.; строена каменная въ 1540 г.; упоминается при осадѣ Пскова Стефаномъ Баторіемъ; нынѣ приходская, бывшая кладбищенскою. Ближе къ Великимъ воротамъ была церковь Флора и Лавра, неизвѣстно когда исчезнувшая; упоминается въ 1521 году; бывшій здѣсь монастырь въ 1695 году приписанъ былъ къ архіерейскому дому.

За Алексѣевскою слободою къ вокзалу ж. д. Пометкина и Панова слободы.

Отъ Петровскихъ воротъ идетъ Петровскій посадъ и въ немъ церкви:

Великомученицы Варвары—деревянная, бывшая монастырскою, строена въ 1618 году; о монастырѣ же упоминается въ актѣ 1622 года.

Дмитрія великомученика—каменная, бывшая монастырскою, строена въ 1534 году; о ней упоминается въ актѣ 1663 года; нынѣ кладбищенская. Бывшій здѣсь монастырь выжженъ шведами въ 1615 году.

По другую сторону р. Псковы, противъ Петровскаго посада, церковь царя Константина—каменная, древняя, но упоминается въ актѣ лишь 1699 года; нынѣ приписная къ Мишаринской церкви.

Мишарина гора на правомъ берегу р. Псковы противъ Никольскихъ воротъ Окольной стѣны, небольшое селеніе, въ немъ церковь Іоанна Богослова, бывшая монастырскою Котельникова монастыря, упоминается въ актѣ 1623 года. Слово Мишарина производятъ отъ фамиліи извѣстнаго перваго великокняжескаго дьяка Мисюря Мунехина, постояннаго благотворителя церквей и монастырей.

На сѣверъ отъ Варламскихъ воротъ идетъ Варламская слобода, Варламскій край. На концѣ ея, близъ бывшихъ зданій соляныхъ амбаровъ, была Лазаревская церковь, бывшая монастырскою, упоминаемая подъ 1480 годомъ.

Къ сѣверу, внизъ по теченію р. Великой, въ 1½ верстахъ отъ Варламской слободы, на берегу рѣки, находится каменная церковь Петра и Павла; здѣсь нѣкогда былъ Петропавловскій Сереткинъ (Сиротинъ) мужской монастырь, упоминаемый еще въ 1578 году. Въ немъ въ 1682 г. посхимился и поселился на покоѣ послѣ 17-лѣтняго управленія Псковской епархіей, архіепископъ Арсеній и погребенъ въ правомъ отдѣленіи алтаря Петропавловской, нынѣ приходской, церкви. На гробницѣ его сохранились надписи на четырехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ.

Еще сѣвернѣе, въ двухъ верстахъ отъ Сиротинскаго монастыря, на крутомъ скалистомъ мысѣ, вдающемся въ р. Великую, стоитъ бывшій Снѣтогорскій монастырь, нынѣ архіерейское домоправленіе. Въ старину монастырь назывался Снѣтною горою, можетъ быть отъ обилія заходящаго сюда изъ Псковскаго озера снѣтка; по грамотамъ писался въ Бѣльской засадѣ. Когда основанъ, точно неизвѣстно, но въ Псковской лѣтописи говорится, что въ 1299 году на него лифляндскими рыцарями было сдѣлано нападеніе: монастырь выжженъ, а

игуменъ Іоасафъ съ 17 монахами убиты. Можно думать, что незадолго предъ симъ основанъ и самый монастырь, ибо въ псковскихъ синодикахъ игуменъ Іоасафъ записанъ первымъ Снѣтогорскимъ игуменомъ. По всей вѣроятности, нѣмцы, узнавъ о застройкѣ этого, по природѣ укрѣпленнаго пункта, рѣшились тогда же уничтожить вновь основанное селеніе, постоянно угрожавшее свободному плаванію по р. Великой. Монастырь вскорѣ былъ возобновленъ, и въ 1310 — 1312 году построена нынѣ существующая церковь Рождества Богородицы. Въ ней за правымъ клиросомъ почиваютъ мощи убіенныхъ преподобнаго игумена Іоасафа и монаховъ; надъ ними устроена гробница, а въ особомъ ковчегѣ открыто положена глава его и двѣ кости. Надъ гробницею икона препод. Іоасафа. Рядомъ съ этою церковью въ 1512 году основана каменная Николаевская трапезная церковь и тогда же при ней построены настоятельскія кельи. Въ концѣ XVI вѣка монастырь сгорѣлъ, былъ возобновленъ, но высокая настоящая каменная колокольня строена была уже въ XVIII вѣкѣ. Въ ней была церковь Вознесенія Господня, изъ которой иконостасъ, въ 1814 г. разобранный, перенесенъ въ Николаевскую трапезную, посвященную Рождеству Христову. Въ одномъ изъ придѣловъ Рождественской церкви помѣщается архивъ духовной консисторіи; иконостасъ не древній; вообще предметовъ древности, кромѣ монастырскихъ зданій, не сохранилось. Въ той же церкви погребены многія пользовавшіяся извѣстностію лица; князь и намѣстникъ Григорій Евстафьевичъ въ 1404 г. принялъ здѣсь монашество и по смерти въ 1417 г. погребенъ въ той же церкви.

Снѣтогорскій монастырь считался въ числѣ четырехъ великихъ Псковскихъ монастырей; онъ имѣлъ настоятелями игумновъ и архимандритовъ; изъ послѣднихъ Макарій былъ избранъ кандидатомъ на Всероссійскій митрополичій престолъ (см. выше о Козьмодемьянской церкви, гдѣ онъ погребенъ, у Гремячей башни). По штатамъ 1798 г. учреждена была архимандрія; но въ 1804 г., вслѣдствіе тѣсноты и сырости дома, назначеннаго на жительство псковскихъ архіереевъ, Снѣтогорскій монастырь обращенъ въ архіерейское домоправленіе и на древнихъ монастырскихъ хлѣбопекарняхъ выстроенъ нынѣ существующій архіерейскій домъ съ присоединеніемъ къ нему Николаевской трапезной церкви.

Находясь на водяномъ пути между Псковомъ и Прибалтійскимъ краемъ, Снѣтогорскій монастырь представлялъ хорошую стоянку для путешественниковъ. Греческая княжна Софья Ѳоминична, бывъ невѣстою великаго князя Ивана Васильевича, проѣздомъ изъ Лифлян-

діи въ Россію, въ 1472 году, останавливалась въ этомъ монастырѣ, слушала молебенъ и, переодѣвшись, отправилась въ городъ. Въ 1615 году шведскій король Густавъ-Адольфъ расположилъ здѣсь главную свою квартиру и отсюда дѣлалъ приступы ко Пскову.

На дорогѣ въ городъ, въ четверть версты отъ монастыря, есть часовня недавней постройки, но по всей вѣроятности на мѣстѣ бывшей древней, потому что о ней передается, хотя, можетъ быть, и несправедливо, что будто бы первоначально здѣсь основанъ былъ монастырь.

Обращаетъ на себя особое вниманіе недалеко отсюда находящееся продолговатое озерко: есть данныя, по которымъ можно предполагать, что оно есть результатъ прекращенныхъ попытокъ дать извилистому здѣсь и опасному для судоходства положенію русла рѣки прямое, болѣе безопасное направленіе.

Снѣтогорскій монастырь получалъ неоднократно жалованныя и другія грамоты русскихъ царей и великихъ князей. Онѣ изданы Псковскимъ археологическимъ обществомъ въ 1887 г. [1]).

Нѣсколько выше на лѣвомъ берегу р. Великой, почти противъ Снѣтной горы, былъ Николаевскій на Волку или Волоку мужской монастырь; упоминается при постройкѣ въ немъ каменной церкви въ 1394 г., которая въ 1483 г. была перестроена, но въ 1817 году разобрана для снѣтогорскихъ построекъ.

На томъ же берегу была волость царевны Парасковьи Ѳедоровны и ниже Никольскаго монастыря былъ дворецъ, въ которомъ временно проживали ея дочери царевны Анна и Екатерина Ивановны. Эта удѣльная волость впослѣдствіи промѣнена на волость государственныхъ крестьянъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится деревня Дворецъ.

Ниже ея въ двухъ верстахъ, находится древній погостъ Кусва, а противъ него, на другомъ берегу, тоже древній погостъ Неготь — обѣ церкви нынѣ приходскія. Близь Негтя, около деревни Муравицы много древнихъ могилъ; часть изъ нихъ была изслѣдована мѣстными археологами.

По берегамъ той же рѣки Великой сохранились знаменательныя названія: Перынь или Ольгинъ дворецъ; ближе къ озеру погостъ Верхолины или Верхнія Олины; Николаевскій Перынь монастырь былъ одинъ изъ древнихъ, церковь его разобрана въ 1817 г. для снѣтогорскихъ монастырскихъ построекъ.

На югѣ отъ Пскова южнѣе Воползовой слободы, на той же р. Ве-

[1]) Снѣтогорскій монастырь (библіографія и матеріалы), составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. Псковъ. 1887 г.

ликой, при ручьѣ Промежицѣ, былъ Спасскій Нерукотвореннаго образа съ поля (нынѣ деревня Поля Образа) мужской монастырь; упоминается при постройкѣ въ немъ церкви въ 1414 году. Около него былъ лагерь войскъ. предводимыхъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году.

Выше, при устьѣ р. Черехи, впадающей съ правой стороны въ р. Великую, находится нынѣ церковь св. великомученика Пантелеймона, бывшая монастырскою Пантелеймонова дальняго, въ отличіе отъ Пантелеймонова, бывшаго въ городѣ на Красномъ дворѣ, монастыря. Онъ упоминается съ XIII-го столѣтія. Изъ него много книгъ харатейныхъ XIII и начала XIV вѣка взято въ Московскую Патріаршую библіотеку, гдѣ онѣ и нынѣ сохраняются съ надписями сего монастыря. Въ 1596 году, по повелѣнію царя Θедора Ивановича, онъ отданъ Псковскому епископу Геннадію; съ тѣхъ поръ считался загороднымъ архіерейскимъ домомъ. Нынѣ отъ монастыря сохранилась одна каменная церковь постройки неизвѣстнаго времени.

Выше по р. Великой, въ 12 верстахъ отъ Пскова, находится погостъ Выбута, на лѣвомъ берегу р. Великой. Степенная книга считаетъ это мѣсто родиной благовѣрной княгини Ольги. Это извѣстіе однако не было предметомъ всесторонней исторической критики. Преданіе сохраняетъ лишь названіе нѣкоторыхъ мѣстностей съ именемъ Ольги: противъ Выбуты, рукава р. Великой, обтекающіе находящійся здѣсь островъ, называютъ одинъ—глубокій—Ольгиными воротами, а другой—мелкій—Ольгиными слудами (подводные камни). Въ древней церкви пророка Иліи находится очень древнее бронзовое паникадило съ изображеніемъ миθологическихъ животныхъ. Недалеко, но на противоположномъ берегу р. Великой есть множество кургановъ, часть которыхъ изслѣдована въ 1878 г. въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей и Константина и Дмитрія Константиновичей [1]).

Недалеко отъ Выбуты, по правому берегу р. Великой, при р. Черехѣ [2]), въ 4-хъ верстахъ къ востоку отъ селенія Черехи указываютъ

---

[1]) Результаты произведенныхъ раскопокъ изложены въ составленной учителемъ Реальнаго училища Н. И. Соколовымъ статьѣ и напечатаны были сперва въ Псковскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ 1879 г. № 11, а затѣмъ изданы въ особой брошюрѣ: «Журналъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ Ихъ Императорскими Высочествами Сергіемъ и Павломъ Александровичами, Константиномъ и Дмитріемъ Константиновичами въ Выбутской мѣстности 11 іюля 1871 г. съ двумя таблицами.

[2]) Митрополитъ Евгеній неправильно полагаетъ устье р. Кеби, которое далѣе его еще на разстояніи 2-хъ верстъ.

мѣсто, гдѣ стоитъ деревня, называемая Буденикъ, Будникъ; на это мѣсто указываютъ, какъ на мѣсто рожденія св. равноапостольн. князя Владиміра. Крестьяне и теперь указываютъ на большой булыжный камень, какъ мѣсто рожденія князя. Въ началѣ нынѣшняго вѣка деревня эта принадлежала графу Разумовскому, а впослѣдствіи Державину; съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, она принадлежитъ крестьянамъ.

На Завеличьѣ, по старой Псково-Рижской дорогѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, находится часовня, именуемая Владычный крестъ. Происхожденіе названія не выяснено; въ ней находится большое изображеніе Пскова временъ осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году.

Далѣе, въ 7 верстахъ отъ города, по той же Старорижской дорогѣ, находится погостъ Камно; въ немъ древняя церковь въ честь великомученика Георгія. Камно нерѣдко упоминается въ лѣтописяхъ какъ мѣсто столкновенія Литвы съ Псковичами. Далѣе Камна находится Логазовское поле, на которомъ нѣмцы въ 1408 году нанесли Псковичамъ сильное пораженіе.

На Завеличьѣ же, при рѣчкѣ Мирожкѣ, находится слобода Бутырки; въ ней церковь Успенія Богородицы—каменная, строена, неизвѣстно когда. Въ посадѣ издавна жили стрѣльцы и потому она называлась еще Стрѣлецкою слободою: въ ней въ 1608 году жили Псковскіе стрѣльцы, а въ 1611 и 1612 годахъ стояли войска, пришедшія съ Лисовскимъ.

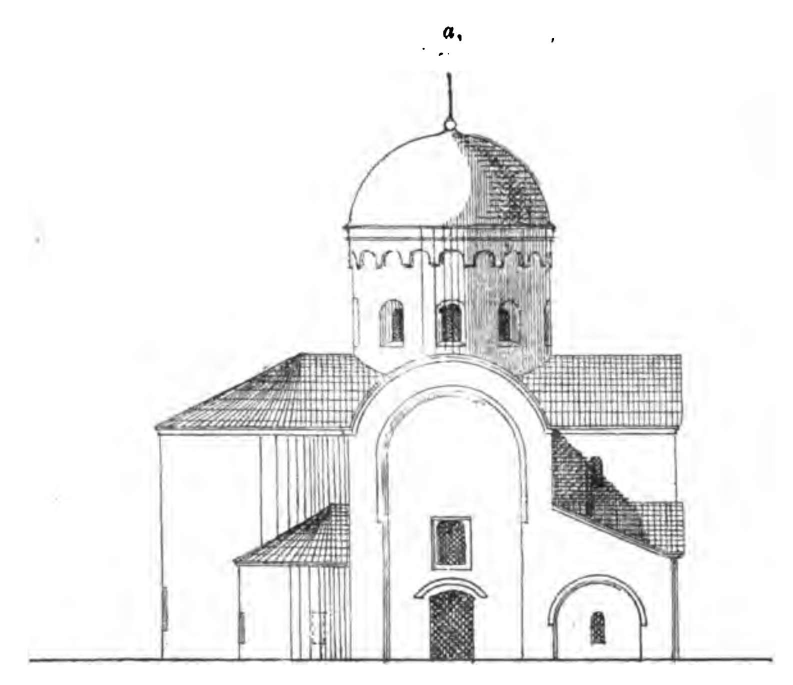
По старой Новгородской дорогѣ, къ юго-востоку отъ Пскова, находится погостъ Любятово, бывшій Любятскій Николаевскій мужской, очень древній монастырь. Въ немъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ 1570 году, провелъ ночь предъ вступленіемъ въ Псковъ послѣ новгородскаго погрома. На память его пребыванія надъ царскими вратами виситъ небольшой образъ, оставленный здѣсь царемъ. Въ 1581 году Стефанъ Баторій около монастыря расположилъ свои войска лагеремъ, но вскорѣ перевелъ ихъ къ Пантелеймону; въ иконостасѣ Николаевской церкви есть чудотворная икона Успенія Богородицы, прострѣленная Баторіевскими войсками.

Замѣчанія объ архитектурѣ Псковскихъ церквей.

Самый древній памятникъ псковской церковной архитектуры относится къ XII вѣку; по лѣтописямъ псковскимъ и новгородскимъ значится, что въ 1156 году епископъ Новгородскій Нифонтъ основалъ

въ Псковѣ на р. Мирожѣ монастырь и въ немъ церковь. Храмъ этотъ, въ честь Преображенія Господня, существуетъ до настоящаго времени.

а.

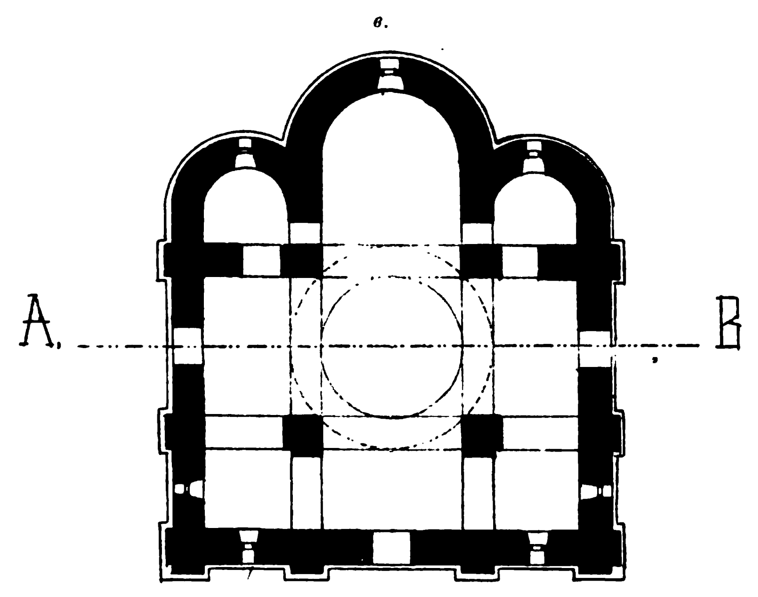


а. Видъ церкви Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ съ сѣверной стороны.

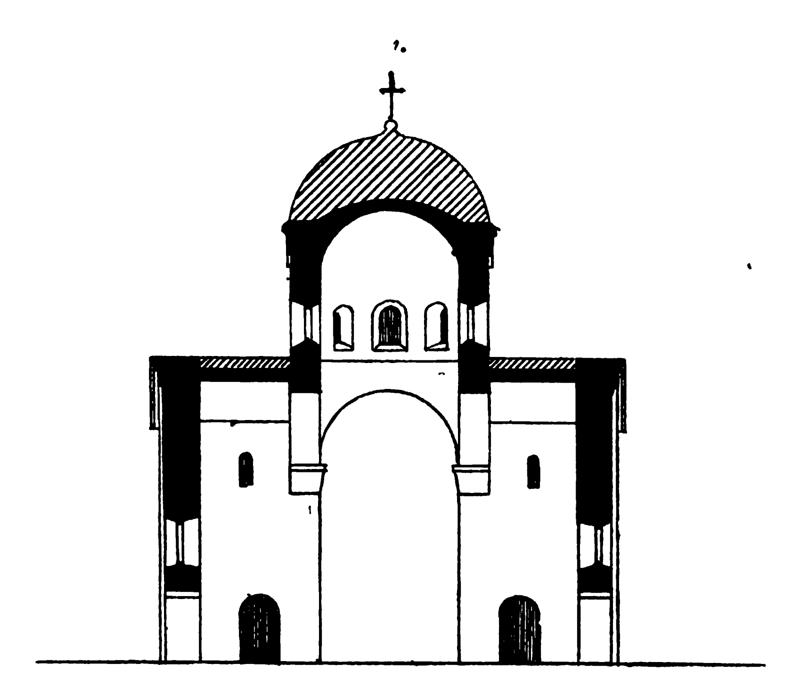
б.

б. Видъ Преображенской церкви въ Мирожскомъ монастырѣ съ западной стороны.

Основаніе его—равноконечный крестъ a,b,c,d (Чертежъ I на слѣд. страницѣ), въ составъ котораго входитъ и алтарный абсидъ, отличающійся отъ



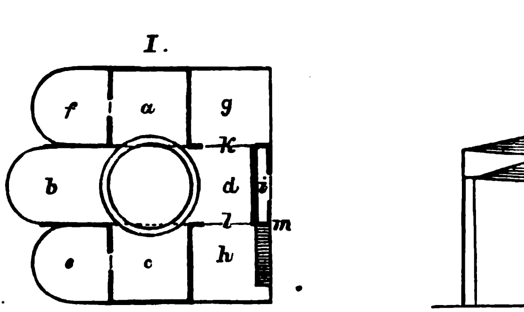
в. Планъ Преображенской церкви въ Мирожскомъ монастырѣ.

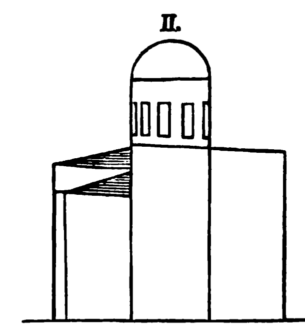


г. Разрѣзъ церкви Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ по линіи А В.

другихъ трехъ концовъ тѣмъ, что оканчивается полукругомъ, а не прямою линіею. По сторонамъ алтарнаго конца имѣются два меньшихъ

абсида—для жертвенника е, и діаконикъ f, а противъ абсидовъ, на западной сторонѣ въ югозападномъ и сѣверозападномъ углахъ креста особыя отдѣленія g, h, со сводами на половинной высотѣ храма. На самой срединѣ креста поставленъ куполъ съ восемью сравнительно широкими окнами, свѣтомъ которыхъ исключительно освѣщался весь храмъ; въ стѣнахъ храма оконъ не было Въ западной части креста—хоры i [1]), входъ на которыя первоначально былъ чрезъ лѣстницу, устроенную внѣ, а не внутри храма. Можно думать, что въ скоромъ времени было замѣчено неудобство изолированнаго положенія хоръ и для непосредственнаго сообщенія ихъ съ внутренностью храма были сдѣланы въ югозападномъ и сѣверозападномъ углахъ надстройки до полной высоты храма, а внутри храма, въ нижней части, были пробиты стѣны креста k, l, и въ пробоинахъ устроены арки; сквозь своды сѣвернаго отдѣленія были пробиты отверстія, для устройства лѣстницы m, на хоры, которыя приходились на уровнѣ сводовъ этихъ отдѣленій. Основаніе или планъ храма получилъ слѣдующій видъ:





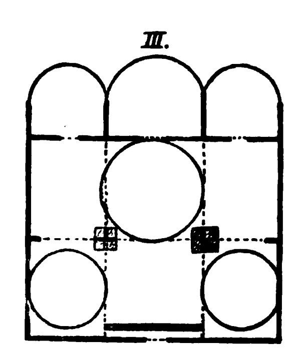
Вмѣстѣ съ этимъ измѣнился и фасадъ храма: простая форма креста для основанія исчезла и храмъ представлялъ — параллелипипедъ, на восточную стѣну котораго опирался куполъ, вслѣдствіе сего послѣдній казался стоящимъ не посрединѣ храма, а ближе къ восточнымъ его частямъ. Фигура получалась неправильная.

Этотъ храмъ послужилъ образцомъ для постройки въ слѣдующемъ, XIII вѣкѣ храма Іоанна Предтечи въ Ивановскомъ монастырѣ, строеннаго въ 1240 году. Планъ для постройки этого храма взятъ съ Преображенской церкви Мирожскаго, но строитель принялъ во вниманіе указанія недостатковъ замѣченныхъ въ немъ. Во-первыхъ, вмѣсто образовавшихся отъ пробоинъ въ стѣнахъ арокъ, на пятахъ которыхъ покоится

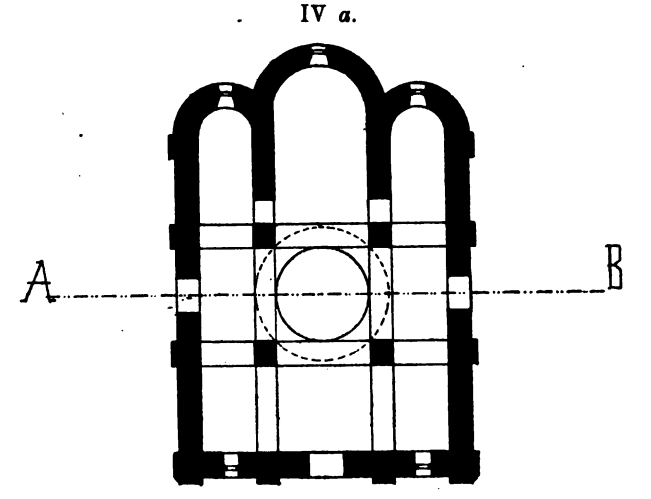
[1]) По всей вѣроятности, для лицъ женскаго пола.

куполъ, онъ поставилъ колонны, соединивъ ихъ между собою и стѣнами храма сводами на самомъ верху; во-вторыхъ, восточную стѣну сдѣлалъ сплошную, устроивъ въ ней двери для иконостаса: однѣ въ срединѣ и двое—южныя и сѣверныя по бокамъ; въ-третьихъ, куполъ поставилъ на аркахъ, соединяющихъ колонны какъ между собою, такъ и съ восточной стѣной; въ-четвертыхъ, такъ какъ отъ такого устройства купола свѣтъ его заслонялся арками и западная часть храма оказалась въ темнотѣ, то устроилъ въ западной части храма, между колоннами и западной стѣной, два купола меньшихъ противъ средняго. Планъ этого храма представленъ на чертежѣ III.

Въ фасадѣ этого храма, однако, оказалась несимметричность и кромѣ того въ самомъ храмѣ слабое освѣщеніе восточной части предъ иконостасомъ.

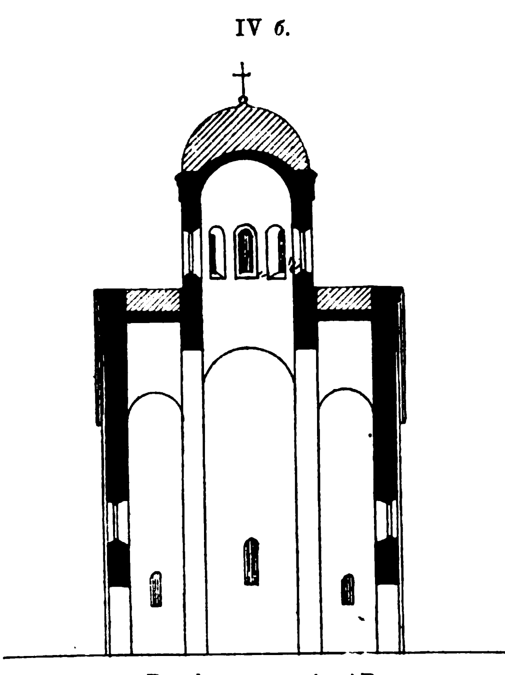


Недостатки эти были устранены при постройкѣ храмовъ въ слѣдующемъ XIV вѣкѣ. Сохранились свѣдѣнія о постройкѣ въ этомъ вѣкѣ нѣсколькихъ экземпляровъ церквей, но ни объ одномъ изъ нихъ нельзя сказать, чтобы въ періодъ 500-лѣтняго ихъ существованія который нибудь дошелъ до насъ безъ перестройки или капитальнаго ремонта. Однако при этомъ должно сказать, что перестройки и исправленія относились къ верхнимъ частямъ храмовъ, основаніе же, которое строилось на подклѣтяхъ (погребахъ), оставалось неприкосновеннымъ. Храмъ XIV вѣка представляетъ кубъ, среди котораго строились четыре колонны, и на нихъ опирался куполъ на одинаковомъ разстояніи его отъ стѣнъ храма; абсиды строились полукругами въ видѣ особыхъ придѣловъ, не входящихъ непосредственно въ составъ капитальныхъ стѣнъ храма. Планъ такого храма представленъ на чертежахъ IV *а* и IV *б* на этой и на слѣдующей страницахъ.



При такомъ планѣ фасадъ храма получилъ большую симметрію, куполъ находился среди храма, но въ немъ, вмѣсто широкихъ оконъ, какъ замѣчено въ храмѣ Мирожскаго монастыря, были окна узкія и дававшія мало свѣта; въ стѣнахъ тоже были окна узкія. Очевидно, что основная мысль византійской постройки, гдѣ храмъ долженъ быть зданіемъ свѣтлымъ, но чтобы свѣтъ въ немъ исходилъ лишь сверху— съ неба, не была понята строителями XIV вѣка. По этому, можно сказать, окончательно утвердившемуся типу строились церкви въ слѣдующіе XV, XVI и даже XVII вѣка. Новымъ прибавленіемъ за это время являются притворы. Они строились при западной стѣнѣ и составляли площадки со ступенями, ведущими въ храмъ; крышу поддерживали двѣ колонны и двѣ полуколонны при входѣ въ храмъ.

IV *б.*



Разрѣзъ по линіи AB.

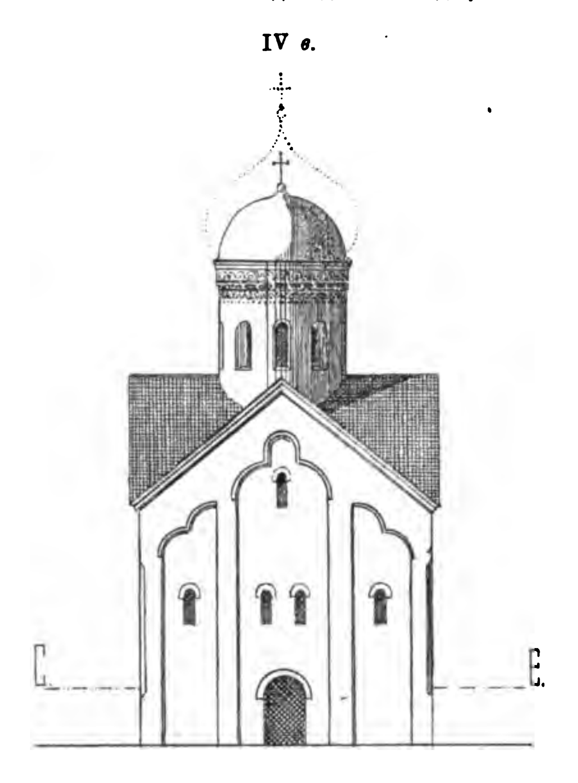
На папертяхъ, большею частію, строились звонницы для колоколовъ. Онѣ состояли изъ рядомъ поставленныхъ колоннъ, числомъ отъ 3-хъ и болѣе, соединенныхъ между собою арками. Звонницы Псковскія весьма древняго происхожденія; кромѣ папертей, онѣ строились на стѣнахъ храмовъ, на той изъ нихъ, которая считалась болѣе удобною, смотря по положенію храма, среди другихъ построекъ. Звонницы строились и отдѣльно отъ храма, но въ этомъ случаѣ всегда имѣли обширныя помѣщенія для кладовыхъ, на которыхъ и ставился рядъ колоннъ. Звонъ колоколовъ производился католическимъ или протестанскимъ обычаемъ: во время звона двигался весь колоколъ, а не одинъ языкъ, какъ нынѣ.

Относительно церковныхъ крышъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначально онѣ были осьмискатныя, для чего употреблялся матеріалъ высокаго качества, напримѣръ, свинцовыя плитки, которыя въ мѣстахъ, гдѣ застаивалась вода, нескоро портились. Внѣшній видъ ихъ изображенъ на слѣдующей страницѣ (черт. IV*в*, IV*г*).

Но съ теченіемъ времени, когда Псковъ, вслѣдствіе перемѣны

правленія, сталъ бѣднѣть, постройки свинцовыхъ крышъ сдѣлались не по средствамъ и свинецъ сталъ замѣняться деревомъ, которое быстро загнивало въ мѣстахъ остановки дождевой воды, т.-е. въ мѣстахъ сое-

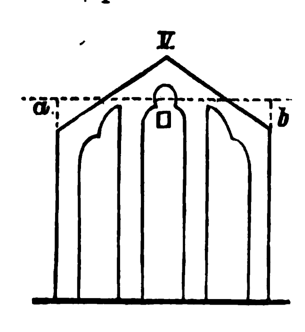
IV в.



IV г.

диненія отдѣльныхъ полотнищъ крышъ, вслѣдствіе чего потребовался частый ремонтъ, что тоже было невсегда по средствамъ; тогда сочли болѣе удобнымъ или дешевымъ осьмискатныя крыши превратить въ четырехскатныя, т.-е. съ прямымъ скатомъ воды со всѣхъ четырехъ стѣнъ. Это потребовало снятія остраго угла фронтона и надстройки угловыхъ частей, чтобы вмѣсто кривой фронтонной линіи образовалась прямая линія *ab*. (Черт. V). Въ такомъ видѣ находятся теперь всѣ церкви псковскія, строенныя по указанному выше образцу [1]).

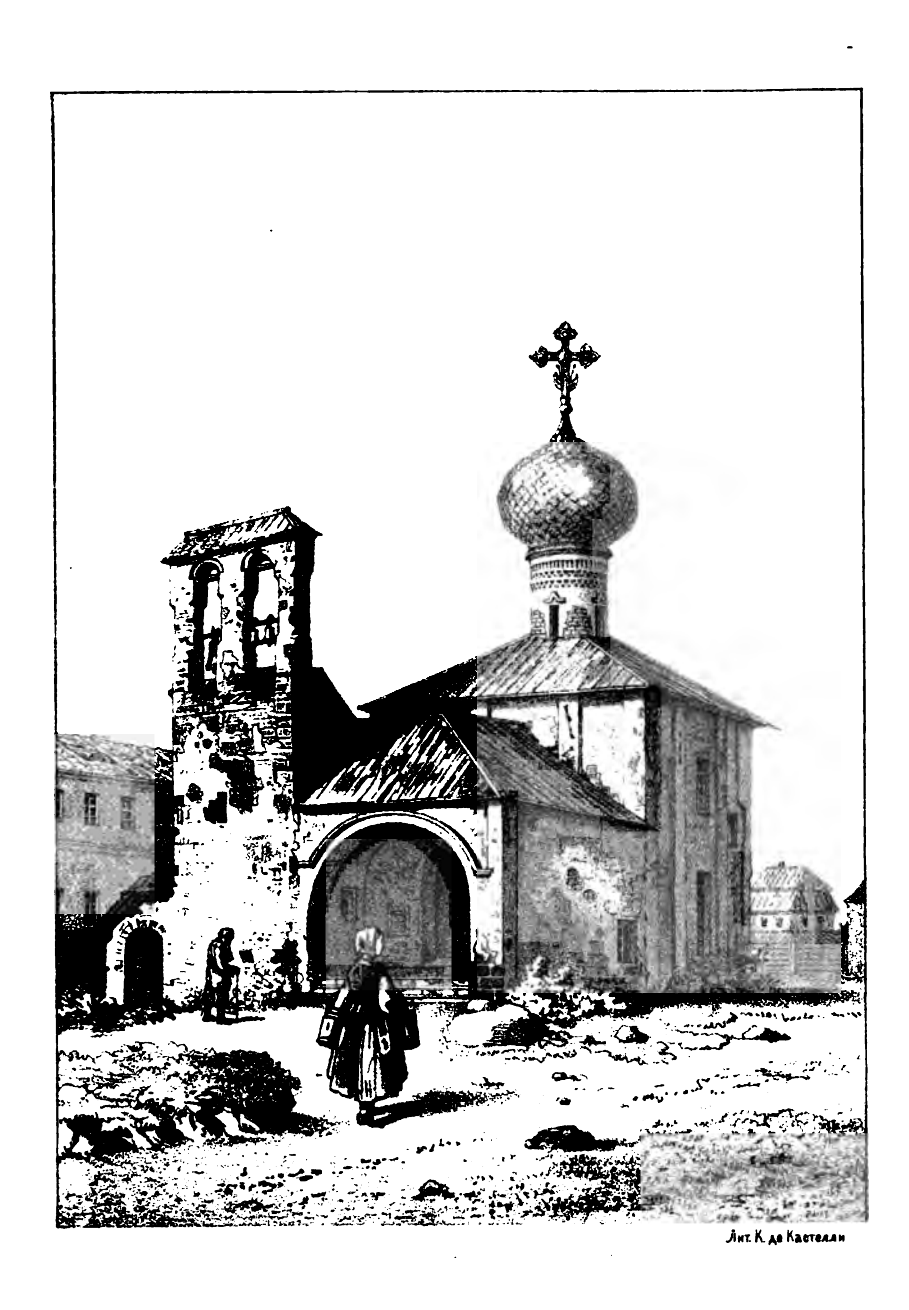
Объ иконостасахъ можно замѣтить слѣдующее. Въ Мирожской церкви едва ли при первоначальной постройкѣ былъ иконостасъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ бываетъ нынѣ. Сомнѣніе это основано на томъ, что вся стѣна восточная, къ которой обыкновенно прислоняется иконостасъ, сверху до низу была покрыта фресками. Можно думать, что нѣчто въ родѣ рѣшотки съ завѣсою существовало въ среднемъ абсидѣ. Въ церкви Ивановскаго монастыря иконостасъ былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь, т.-е. у самой восточной стѣны, и отдѣлялъ алтарь отъ храма; въ слѣдующихъ вѣкахъ онъ постепенно отдалялся отъ этой стѣны и въ XV и XVI вв. строился уже предъ второю парою колоннъ, т.-е. алтарь въ это время занималъ почти половину всего храма, а если принять еще въ расчетъ абсиды, придѣлываемыя къ восточной стѣнѣ, то пространство подъ алтаремъ окажется и болѣе половины храма. Нельзя при этомъ не замѣтить, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа клира (въ нѣкоторыхъ соборныхъ церквяхъ число клира заходило за 100 чел.) увеличивалось и пространство, отводимое подъ алтарь.



Шестнадцатымъ вѣкомъ заканчивается органическое развитіе церковной архитектуры. Въ XVII вѣкѣ хотя и строились церкви, но онѣ отличались бѣдностью, дурнымъ качествомъ строительнаго матеріала. Изъ всѣхъ построенныхъ въ XVII в. церквей сохранилась одна—Нововознесенская. Церкви XVIII и XIX вѣка строились не по псковскому образцу, а по выбору изъ всѣхъ новѣйшихъ конструкцій. Какъ на исключеніе можно указать на Троицкій храмъ каѳедральнаго собора, строенный въ основахъ своихъ согласно прежнимъ образцамъ, но значительно увеличенный въ размѣрахъ; вмѣсто одной главы поставлено семь: 5 на главномъ храмѣ и по одной на придѣльныхъ цер-

---

[1]) См. рисунки церквей Варлаамской, Козьмодемьянской у Гремячей башни и Нововознесенской.



Лит. К. де Кастелли

ЦЕРКОВЬ НОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ

(БЫВШІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ)

квяхъ. Внимательное, однако, разсмотрѣніе архитектуры его указываетъ, что и здѣсь, какъ и въ церкви Ивановскаго монастыря, симметрія принесена въ жертву основнымъ началамъ Псковской церковной архитектуры. Для увеличенія размѣровъ храма строитель призналъ нужнымъ въ западной части увеличить размѣръ храма пристройкою цѣлаго отдѣленія къ тремъ основнымъ, на среднемъ изъ которыхъ стоялъ обширный куполъ, оказавшійся теперь уже не по срединѣ, а ближе къ восточной стѣнѣ храма. Зданіе оказалось неправильнымъ: фасады, южный и сѣверный, оказались лишенными симметріи; вся группа главъ кажется давящей восточныя части, тогда какъ западная часть крыши остается пустою.

Къ особенностямъ старинныхъ псковскихъ церквей слѣдуетъ отнести голосники. Это длинные съ узкимъ горломъ глиняные кувшины размѣромъ иногда нѣсколько болѣе аршина, вмазанные горизонтально въ верхнихъ частяхъ храма подъ самымъ сводомъ и расположенные горизонтальными рядами.

Въ псковскихъ старинныхъ церквахъ находится не мало данныхъ, дающихъ указанія о времени и обстоятельствахъ постройки при церквахъ придѣльныхъ храмовъ.

Списокъ монастырей и церквей бывшихъ и существующихъ въ г. Псковѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ.

№№ монастыри.	№№ церкви.		
		Въ Кремлѣ:	
	1.	Троицкая каѳедральнаго собора.	
	2.	Благовѣщенская тоже.	
		Въ Довмантовой стѣнѣ:	
		Домантовскій Рождества Богородицы монастырь.	Нынѣ не существуютъ.
	3.	Великомученика Димитрія.	
	4.	Мученика Тимоѳея Газскаго.	
	5.	Великомученика Георгія.	
	6.	Великомученика Ѳеодора Стратилата.	
	7.	Софійская.	
	8.	Кириловская надъ Греблею.	
	9.	Св. Духа.	
	10.	Рождество Христово.	
	11.	Воскресенская.	
	12.	Покровская.	
	13.	Николаевская надъ Греблею.	
	14.	Св. Аѳанасія	

№№ монастыря.	№№ церкви.		
	15.	Входоіерусалимская.	Нынѣ не существуютъ.
	16.	Алексѣевская.	
	17.	Св. Тимоѳея.	
	18.	Ѳеодора Стратилата 2-ая.	

Около Домантовой стѣны:

№№ монастыря.	№№ церкви.		
	19.	Іоанно-Богословская на Снѣтогорскомъ подворьѣ.	Нынѣ не существуютъ.
	20.	Власіевская.	
	21.	Спасская.	
	22.	Живоначальнаго источника церковь.	
	23.	Казанская.	
	24.	Благовѣщенская.	

Въ Среднемъ городѣ:

№№ монастыря.	№№ церкви.		
	25.	Василія Великаго у Труперховыхъ воротъ.	
	26.	Михайло-Архангельская.	
	27.	Великомученика Георгія съ болота.	
	28.	Петропавловская съ бую.	
	29.	Николаевская со усохи.	
	30.	Св. Духа со усохи.	Нынѣ не существуютъ.
	31.	Спаса Преображенская у Стараго костра.	
	32.	Воздвиженская на Княжемъ дворѣ.	
	33.	Великомученицы Варвары на усохѣ на Святогорскомъ подворьѣ.	
	34.	Бориса и Глѣба на торгу (старомъ).	
	35.	Спасская на площади.	
	36.	Николаевская съ бую въ Опоцкомъ концѣ.	
	37.	Петра митрополита на Старомъ торговищѣ.	
	38.	Евангелиста Луки въ Кузнецкомъ ряду.	
	39.	Апостола Ѳомы на старомъ торговищѣ.	
	40.	Варлаама Хутынскаго на площади у Спасской церкви.	
	41.	Одигитріевская на Печорскомъ подворьѣ.	

Въ Окольномъ городѣ:

№№ монастыря.	№№ церкви.		
	42.	Іоанна Милостиваго въ Солодовникахъ.	Не существуютъ.
	43.	Воскресенская съ Полонища.	
	44.	Преполовенія на Спасскомъ подворьѣ.	
	45.	Князя Владиміра на Сѣнной Нивѣ.	Не существуютъ.
2.		Васильевскій съ болота женскій монастырь.	
3.		Зачатіевскій женскій монастырь на Новомъ торгу.	
4.		Григорія Богослова Путятинъ монастырь.	Нѣтъ.
	46.	Николаевская съ Полонища на Проломѣ церковь.	
	47.	Николая Явленнаго на Новомъ торгу церковь.	
5.		Трехсвятительскій съ болота женскій монастырь.	Не существуютъ.
6.		Нововознесенскій женскій монастырь.	

№№ мона-стыри.	№№ церкви.		
	48.	Рождество Богородицы церковь у Покрова на Проломѣ.	
	49.	Рождество Богородицы надъ Псковою рѣкою со Естова. Не существуетъ.	
	50	Покровская отъ Новаго торгу.	
	51.	Анастасіевская.	
7.		Успенскій мужской монастырь съ Полонища; монастыря нѣтъ.	Не существуютъ нынѣ.
	52.	Богоявленская со Естовы въ Бродахъ.	
8		Михайловскій женскій монастырь.	
	53.	Николаевская со взвозу.	
9.		Николаевскій мужской монастырь въ Пескахъ.	
10.		Благовѣщенскій женскій монастырь въ Пескахъ.	
	54.	Похвала Богородицы.	
11.		Пантелеймоновъ монастырь на Красномъ дворѣ.	
	55.	Георгіевская со взвоза.	
	56.	Препод. Ксеніи на Пустой улицѣ.	
12.		Параскевы Пятницы въ Бродахъ женскій монастырь.	
13.		Златоустовъ Медвѣдевъ монастырь.	
14.		Знаменія Богородицы на Сѣнной нивѣ монастырь.	
15.		Іоакима и Анны женскій монастырь съ Полонища; монастыря нѣтъ.	
16.		Козьмодемьяна на Утокахъ, Утопленникахъ, мужской монастырь. Не существуетъ.	
17.		Покровскій въ углу на Проломѣ монастырь. Монастыря нѣтъ.	
18.		Сергіевскій съ Залужья монастырь на Любятовскомъ подворьѣ.	Не существуютъ.
19.		Срѣтенскій Александровъ женскій монастырь.	

На Запсковьѣ:

№№ мона-стыри.	№№ церкви.		
	57.	Николая Чудотворца у Креста. Не существуетъ.	
20.		Козьмодемьянскій съ Гремячей горы монастырь; монастыря нѣтъ.	
	58.	Богоявленская въ Бродахъ.	
	59.	Св. муч. Евстратія и дружины. Не существуетъ.	
21.		Воскресенскій женскій монастырь; монастыря нѣтъ.	
	60.	Козьмодемьянская съ Примостья.	
22.		Ильинскій женскій монастырь Мокрый; монастыря нѣтъ.	
	61.	Варлаама Хутынскаго.	
	62.	Спаса Нерукотвореннаго образа у Жабіи лавицы.	
	63.	Евѳимія Великаго на Снѣтогорскомъ подворьѣ.	Не существуютъ нынѣ.
23.		Святоотцкій близъ Ильинскихъ воротъ.	
	64.	Іоанна, епископа Новгородскаго, съ горки.	
	65.	Спасопреображенская.	

На Завеличьѣ:

№№ мона-стыри.	№№ церкви.	
24.		Мирожскій монастырь.
	66.	Стефана архидіакона, тамъ же.

№№ монастыри.	церкви.		
	67.	Успенская Пароменская.	
25.		Николаевскій Каменоградскій мужской монастырь; монастыря нѣтъ.	
26.		Климентовъ Драчиловъ монастырь, монастыря нѣтъ.	
27.		Ильинскій женскій монастырь Сухой; монастыря и церкви нѣтъ.	
	68.	Симеоновская на Желѣзной горкѣ.	Не существуютъ.
	69.	Успенская въ Бутыркахъ.	
28.		Николаевскій Кожинъ мужской монастырь.	

Въ окрестностяхъ города:

29.		Пантелеймоновъ дальній въ бору монастырь.	Монастырей нынѣ нѣтъ.
30.		Николаевскій Перынь монастырь.	
31.		Николаевскій мужской на Волку или Волоку монастырь.	
32.		Спаса нерукотвореннаго образа съ поля мужской монастырь.	
33.		Мироносицкій мужской монастырь на Завеличьѣ; монастыря нѣтъ.	
34.		Никитскій съ поля мужской; монастыря нѣтъ.	
35.		Алексѣевскій съ поля мужской монастырь; монастыря нѣтъ.	
	70.	Гавріила архангела на Козьемъ дворѣ; нѣтъ.	
36.		Стефановскій на лугу на Завеличьѣ. Не существуетъ.	
37.		Іоанно-Богословскій на Милявицѣ Котельниковъ монастырь; монастыря нѣтъ.	
	71.	Царя Константина церковь на р. Псковѣ.	
38.		Варваринскій женскій монастырь за Петровскими воротами; монастыря нѣтъ.	
39.		Флора и Лавра монастырь за Великими воротами. Не существуетъ.	
40.		Дмитріевскій въ полѣ мужской монастырь; монастыря нѣтъ.	
41.		Любятовъ Николаевскій монастырь.	
42.		Надолбинъ Спасскій монастырь.	Не существуютъ.
43.		Введенскій за Петровскими воротами монастырь.	
44.		Лазаревскій мужской монастырь за Варламскими воротами.	
45.		Петропавловскій Сироткинъ мужской.	

Неизвѣстно гдѣ:

	72.	Рождественская на Великой рѣкѣ.	Не существуютъ нынѣ.
	73.	Леонтія, епископа ростовскаго.	
	74.	Алексѣя, митрополита Московскаго.	
	75.	Трехсвятителей.	

Всего: 45 монастырей и 75 церквей.

Археологическій музей.

Помѣщается въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ, въ отдѣленіи Губернскаго Статистическаго Комитета, которому онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. По разнообразію занятій, возложенныхъ на Губернскіе Статистическіе Комитеты, Псковскій Комитетъ разрѣшеніе вопросовъ по предметамъ, требовавшимъ свѣдѣній спеціальныхъ (географія, исторія, экономія, археологія и проч.) поручалъ особымъ комиссіямъ. Но не всѣ комиссіи одинаково обнаружили свою дѣятельность; степень энергіи зависѣла отъ наличнаго состава лицъ, избиравшихся въ комиссію. Большая степень дѣятельности проявилась въ комиссіи, образованной для разработки вопросовъ историческихъ и археологическихъ, почему Статистическій Комитетъ нашелъ возможнымъ изъ временной археологической комиссіи образовать постоянную. Это постановленіе Комитета приведено въ исполненіе въ 1872 г. Въ это самое время возникла и мысль объ устройствѣ при комиссіи археологическаго музея, для котораго, какъ хранилища древностей, въ скоромъ же времени она составила нѣчто въ родѣ устава. Тогда комиссія обратилась къ обществу съ просьбою о пожертвованіи для открывающагося музея различныхъ старинныхъ предметовъ. Общество сочувственно отнеслось къ этому призыву, и первыя приношенія положили основаніе и нынѣ существующему музею. Съ преобразованіемъ въ 1881 г. археологической комиссіи въ Псковское Археологическое Общество, музей переданъ былъ въ вѣдѣніе послѣдняго. Недостатокъ отведеннаго Статистическимъ Комитетомъ помѣщенія не позволялъ быстро расширяться дѣятельности его.

Музей въ настоящее время состоитъ изъ 10 отдѣловъ; общее количество предметовъ еще не опредѣлено, такъ какъ полнаго каталога еще не имѣется; въ составленномъ же для пяти послѣднихъ отдѣловъ значится: въ отдѣлѣ VI -- оружіе и снаряженіе воиновъ —89 предметовъ; VII—древности доисторическія—76; VIII—домашній бытъ—52; IX — нумизматика и сфрагистика — 85; X — надгробные камни и плиты -2.

Личный и предметный перечень [1].

[1]) Составленъ авторомъ. Цифры показываютъ страницы «Указателя».

Перечень рисунковъ и плановъ, помѣщенныхъ въ «Археологическомъ Указателѣ г. Пскова».

Планы и рисунки подъ №№ 1, 2, 3, 12, 13, 14, 15, 18 и 19 помѣщены на особыхъ листахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

НЕДОСМОТРЫ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
222	32	Перьями	Персями
239	13	больщимъ	большимъ.
279	9	Педтечи	Предтечи.
283	37	Воползова	Выползова.
289	16	XIV вѣкѣ	XIV и другихъ вѣкахъ.
—	17	въ этомъ вѣкѣ	въ этихъ вѣкахъ.

Нѣсколько неизданныхъ змѣевиковъ.

Сообщеніе гр. **А. А. Бобринскаго.**

Описываемые ниже змѣевики пріобрѣтены мною случайно: первые два въ Москвѣ, у Сухаревой башни, а третій — въ мѣстечкѣ Смѣла, Кіевской губерніи. Къ этому описанію прибавляю свѣдѣніе о двухъ змѣевикахъ, находящихся въ собраніи М. П. Боткина, въ С.-Петербургѣ, и о трехъ подобнаго рода медальонахъ, составляющихъ собственность Рязанской Архивной Коммиссіи и А. И. Череппина. За любезное разрѣшеніе описать эти змѣевики приношу собственникамъ ихъ искреннѣйшую признательность.

1.

Небольшой квадратный, темный камень, высотою въ 3 центим., длиною и шириною въ $6^1/_2$ цент. Боковыя и нижняя стороны—гладкія. На верхней сторонѣ вырѣзанъ кругъ, окаймленный квадратной рамкой. Внутри круга—человѣческая голова, съ исходящими отъ нея шестью змѣиными главами, обращенными влѣво. Между змѣями семь буквъ: **АМННЬ ВІ**. По ободку круга русская надпись:

НПΣМЪζПРАНХРЬСТПНѢВЪМНІЭЧМНОЄЛАРНЄСЪСТАРѢПШ.

Буквы, мѣстами, очень неразборчивы (фиг. 1).

Фиг. 1.

2.

Продолговатый камень, подобный предыдущему. Высота 3 цент., длина—$10^1/_2$ цент., ширина—$5^1/_2$ цент. Нижняя и одна изъ короткихъ боковыхъ сторонъ гладкія. На верхней сторонѣ семь выпуклыхъ кружковъ, съ выпуклыми изображеніями семи спящихъ отроковъ, въ нимбахъ. При каждомъ отрокѣ его имя: **ЄZА**; **ТОНН**; **ІМНО**; **ѸСНО**; **АРА**; **РАН**; **ІНХ**; въ полѣ надпись: **БЪМА СВОПМ**. Все поле окаймлено выпуклой гладкой рамкой. По боковымъ сторонамъ камня, надпись:

ГЬОРІ ГПЄ | 2. **ОХРЬСТННѢСЪ** | 3. **НЪЖНВОЪТННЪ ЄМНРЬНЪЄПУ** | 4.

пустая сторона | 1. **ЪНЬНУЄО АМННЬ** + (фиг. 2).

Фиг. 2.

Торговецъ, у котораго я отыскалъ эти предметы, посреди всякаго хлама, сообщилъ, что они пріобрѣтены имъ въ Вятской губерніи, гдѣ имѣютъ „священное“ значеніе.

Схожій, по надписи, змѣевикъ описанъ графомъ И. И. Толстымъ, въ статьѣ „О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками". (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., томъ III, вып. 3 и 4. Новая серія 1888 г., стр. 386, № 22). Чтеніе надписей графомъ Толстымъ вызвало статьи архимандрита Леонида (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. IV, вып. 2. Спб. 1889 г.), М. И. Соколова (Древности. Труды Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., томъ I. Москва, 1895 г., стр. 177) и, наконецъ, М. Сперанскаго („О змѣевикѣ съ семью отроками" въ Археолог. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ. Москва, 1893 г., вып. № 2, стр. 49). Въ послѣдней статьѣ приведенъ всесторонній обзоръ змѣевиковъ съ семью отроками; указывается на многочисленныя ошибки въ правописаніи надписей, которыя объясняются непониманіемъ мастеромъ возстановляемаго имъ оригинала; приведены соображенія, доказывающія подлинность такихъ змѣевиковъ; отмѣчены палеографическія особенности надписи. Наконецъ, предлагается нижеслѣдующее чтеніе:

+ Г҃И ИСОУСЪ КРЬСТЕ ДАВЫ СЪНЪ З҃ ОТРОКЪ ВЪ ЕѲЕСЬСКѢI ГОРЕ ДАЖЬ И СИМА РАБЪМА СВОИМА + ГЕОРГИЮ И ХРЬСТИНѢ СЪНЪ ЖИВОТЬНЫ И МИРЬНЫИ ОУГАСИ СИЛОУ ОГЪНЬНОУЮ АМИНЬ.

+ Г҃И ПОМОЗИ РАБЪМА ТВОИМА НАРЬЧЬНЪІМА ВЪ СВАТѢМЬ ХРЬЩЕНИИ МАРИИ + И ХРЬСТИНѢ ВЪ МИРѢ ЖЬ МИРОСЛАВЛИ СЪ СТАРѢИШЕЮ ДЪЧЕРИЮ АМИНЬ.

Надписи на моихъ камняхъ списаны, повидимому, съ подобной же оригинальной темы, но списаны лишь частью, лицомъ совершенно непонимавшимъ смысла копируемаго имъ текста. Буквы **ВІ**, послѣ слова аминь, на первомъ змѣевикѣ, означаютъ повтореніе слова аминь 12 разъ.

Имена семи отроковъ въ разныхъ источникахъ не всегда одинаковы (ср. Сперанск., стр. 59). На моемъ змѣевикѣ (№ 2) искаженныя сокращенія соотвѣтствуютъ, вѣроятно, именамъ Ексакустодіана, Антонина, Максимиліана, Діонисія, Мартина, Серапіона и Іамвлиха.

Загадочныя имена Георгія и Христины дали поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Въ нихъ пытались узнавать сноху великого князя Георгія Всеволодовича, убитаго при Сити, въ 1237 г. Въ непонятномъ словѣ **МИРОСЛАВЛІЕ** находили сходство съ историческими именами Мирославовъ и Мирославичей.

Оригинальный текстъ, по замѣчанію г. Сперанскаго, долженъ быть отнесенъ къ XII—XIII вѣкамъ.

3.

Серебряный змѣевикъ, прекрасной сохранности (фиг. 3 и 4), почти тождественный съ золотымъ медальономъ, по описанію гр. Толстого № 2, принадлежащимъ Казанскому Университету. Различія незначительныя. Кромѣ того, размѣры моей медали немного менѣе экземпляра Казанскаго Университета.

Описываемый змѣевикъ, по начальному слову надписи, IIZСТЄРА, относится къ числу змѣевиковъ „съ истерой“, о которыхъ имѣется подробное изслѣдованіе Г. С. Дестуниса (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. т. IV, вып. 2. Спб. 1889. См. переченъ въ примѣчаніи 1, на стр. 102).

4.

Мѣдный медальонъ, съ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ съ одной стороны и человѣческой головы, окруженной змѣиными

Фиг. 3.

Фиг. 4.

головками съ другой. Совершенно схожій со змѣевикомъ № 7 въ описаніи гр. Толстого. Варіанты незначительные. Верхнее ушко хорошей сохранности, съ головой Спасителя. Изъ собранія М. П. Боткина.

5.

Мѣдный образокъ съ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ, головы со змѣями и святого, поражающаго змѣя. Лицевая часть совершенно схожа съ № 30 у гр. Толстого, а оборотная—типа № 32. Надпись, справа отъ слова **ФЄДОР**, неразборчива.

6.

Серебряный вызолоченный медальонъ, съ ушкомъ (фиг. 5 и 6).

Лицевая сторона. Изображеніе двухъ святыхъ, очень стертое. По сторонамъ и между святыми неразборчивыя надписи, изъ коихъ въ

Фиг. 5.

Фиг. 6.

первомъ столбцѣ, можно кажется опредѣлить буквы: **АКѸZМ**, а въ третьемъ столбцѣ: **АМНАН**. Кругомъ надпись: **+ | НПОМОZН | РАБ || С |⁞| М | АНЬДРѢОБ |**. (Черточками обозначены совершенно стертыя буквы). Подобная же надпись, **Г҃Н ПОМОZН РАБОѴ СВОЮЕМѴ АНДРѢЮВН**, значится на змѣевикѣ № 3, у гр. Толстого.

Оборотная сторона. Голова со змѣями, типа № 4 (обор.) у гр. Толстого. Собственность Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

7.

Небольшой, мѣдный, восьмиугольный медальонъ, съ изображеніемъ св Никиты, поражающаго дьявола, а съ другой стороны человѣческой головы съ 12 змѣями. Подобенъ № 33 у гр. Толстого. Найденъ въ г. Ря-

зани, близъ церкви Николы Долгошеи. Собственность Рязанской Архивной Коммиссіи.

8.

Такой же. Найденъ въ городищѣ Старой Рязани. Собственность А. И. Черепнина.

9.

Небольшой мѣдный медальонъ дурной сохранности (фиг. 7 и 8). Съ одной стороны очень стертое изображеніе Спасителя или святого,

Фиг. 7.

Фиг. 8.

сидящаго, кажется, на сѣдалищѣ. Съ другой стороны—голова со змѣями. Найденъ въ городищѣ Старой Рязани. Собственность А. И. Черепнина.

Февраль, 1898 г.

Шлемъ Ивана Грознаго.

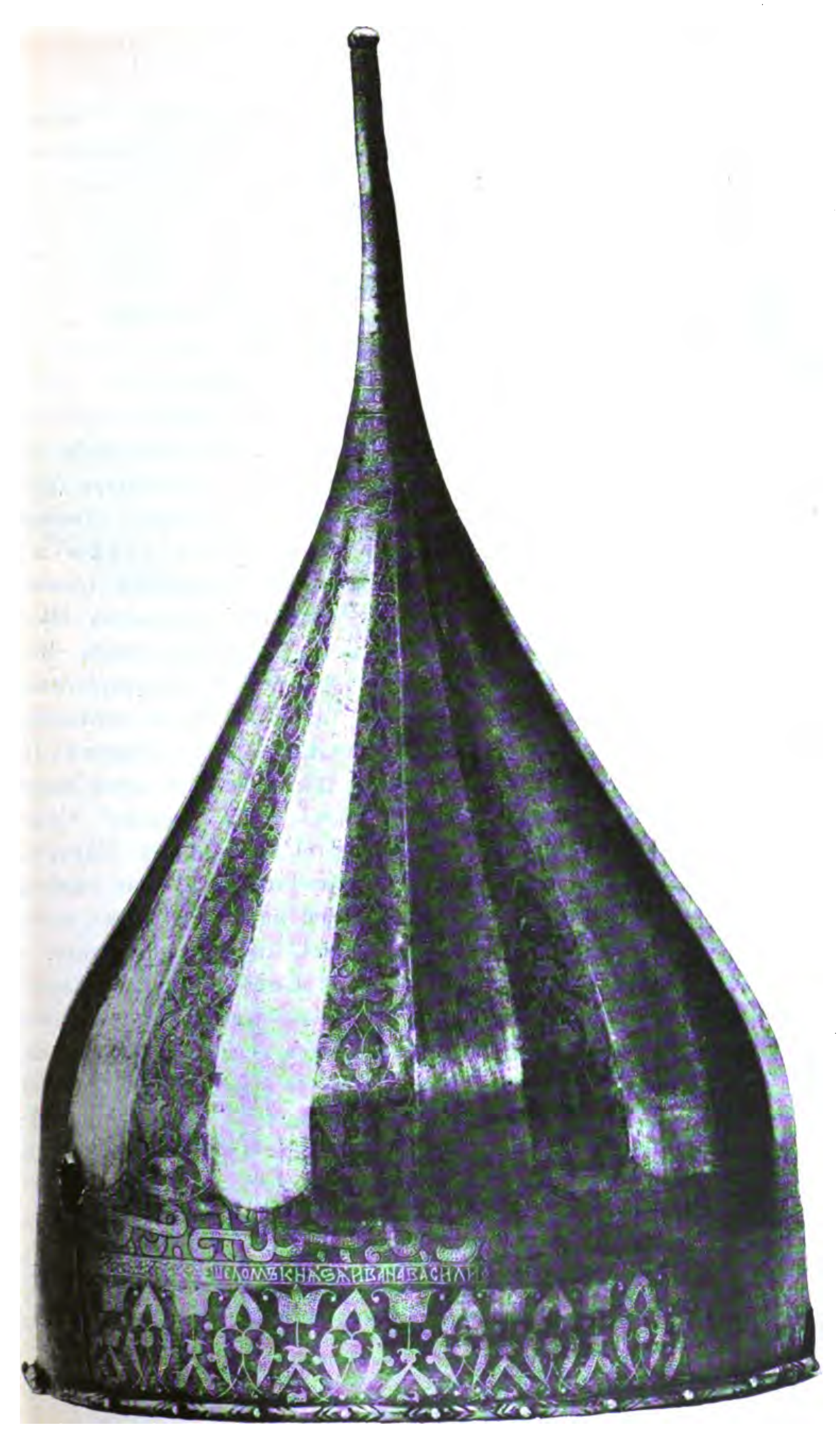
Сообщеніе **гр. А. А. Бобринскаго.**

Въ Стокгольмѣ, осенью 1897 года появилась книга, подъ заглавіемъ: „Kongliga Lifrustkammaren och dermed förenade samlingar" (Королевская Оружейная и ея собранія). Это роскошное сочиненіе, изданное подъ руководствомъ г-на А. Лагреніуса, представляетъ большой томъ in 4°, снабженный 50-ю прекрасными фототипическими таблицами. Объяснительный текстъ, на языкахъ шведскомъ и французскомъ, составленъ хранителемъ коллекцій Королевской Оружейной, г-номъ Оссбаромъ. Въ предисловіи говорится, что это собраніе начато еще въ XVI вѣкѣ и, постепенно разростаясь, заключаетъ въ себѣ около 6000 номеровъ, изъ коихъ нынѣ издаются лишь нѣкоторые, наиболѣе замѣчательные предметы. Таблицы представляютъ различныя принадлежности вооруженія и предметы домашняго быта преимущественно шведскихъ королей и ихъ семействъ, какъ-то: одѣянія, конскіе наборы и экипажи. Въ числѣ прочихъ, таблица XLV описана такъ: „Русская каска. Форма восточная (персидская), а также и орнаментація, выведенная золотомъ и покрывающая какъ остріе каски, такъ и (черезъ одно) ея продольныя, слегка вогнутыя полосы. По окружности нижней части воспроизведена узорчатая арабская надпись и, ниже ея, широкая кайма арабесковъ. Между обѣими—узкая полоса, инкрустированная золотомъ, со слѣдующею надписью:

ШЕЛОМЪ КНѦ·ЅѦ · ІВАНА ВАСІЛЬЕВІЧА · ВЕЛ·ІКОГ.Ѡ КНѦ·ЅѦ · СНА ВАСІЛ·ІА ІВАНОВІЧА Г·ОСПОДАРѦ · ВСЕѦ · РУСІ · САМѠДЕРЖЧА

Каска, слѣдовательно, принадлежала Ивану Василіевичу Грозному (1530—1584). Равно какъ и обѣ русскія пушки 1576 и 1578 г.г., сохраняемыя въ Грипсгольмѣ, каска составляла, вѣроятно, часть добычи, захваченной Понтусомъ Де ла Гарди, въ походѣ на Россію 1581 г. Каска сдѣлана, повидимому, персидскими оружейниками въ Москвѣ".

Таблица XLV представляетъ „каску" въ значительно уменьшенномъ видѣ, при чемъ, однако, размѣры ея не указаны.



Фиг. 1.

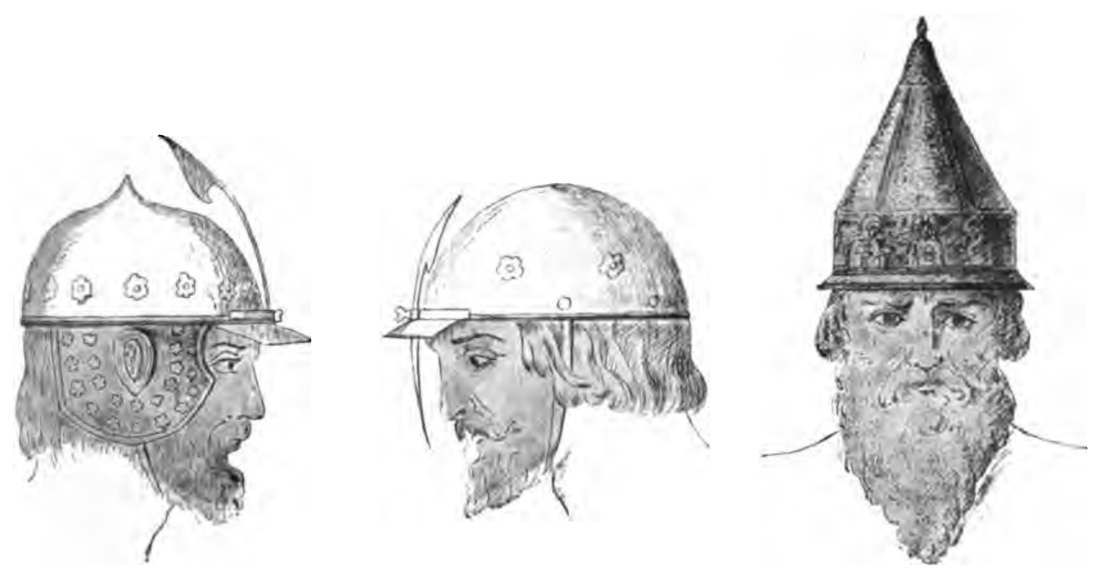
Списавшись съ хранителемъ Королевской Оружейной, г. Оссбаромъ, я встрѣтилъ съ его стороны величайшую предупредительность. Мнѣ немедленно были доставлены фотографическіе снимки, одинъ изъ коихъ мною здѣсь воспроизводится (фиг. 1), а также и точная копія съ надписи, которую я и помѣстилъ выше, исправивъ, благодаря этой копіи г. Оссбара, неточности, вкравшіяся въ печатное описаніе каски. Обязательно сообщены мнѣ также и размѣры шлема, а именно: высота 38 центим.; ширина отъ 19,5 до 21,5 центим.; контуръ около 65 цент. Съ одной стороны шлемъ пробитъ. Никакихъ свѣдѣній о его происхожденіи или о времени поступленія въ Королевскій музей, не имѣется.

О существованіи описываемаго шлема, на сколько я знаю доселѣ, не было извѣстно. О немъ нѣтъ упоминанія въ извѣстныхъ описаніяхъ древняго русскаго оружія, напр., у Висковатова (Историч. описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, составл. по Высочайшему повел. Спб. 1841 г.), Снегирева (Памятники Московской Древности. Москва. 1842 г.); въ „Древностяхъ Россійскаго Государства" (Москва. 1853 г.); у Вельтмана (Московская Оружейная Палата. Москва. 1860 г.); у Бранденбурга (Каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Спб. 1877 г.). Только въ одномъ сочиненіи, Прохорова, Матеріалы по Исторіи Русскихъ Одеждъ (Выпускъ II, Спб. 1883 г.), на таблицѣ X, изображены три шлема, изъ коихъ одинъ представляетъ точь-въ-точь такой же шлемъ, какъ „шеломъ" Стокгольмскаго музея, сходящійся до мельчайшихъ подробностей. Надпись, выведенная на шлемѣ узкой полоской, пересѣченной узорами (высота около $^1/_2$ центим.) на фотографіи, присланной мнѣ г. Оссбаромъ, ясна; на фототипіи Стокгольмскаго изданія замѣтна, хотя и не отчетливо; у Прохорова же совершенно сглажена. На таблицѣ Прохорова сказано: „Русскіе шлемы XVII вѣка"; то же самое значится и въ оглавленіи рисунковъ. Въ предисловіи ко второму выпуску сочиненія Прохорова В. В. Стасовъ сообщаетъ, что здѣсь издается матеріалъ, собранный покойнымъ Прохоровымъ и приведенный въ порядокъ сыномъ его. Никакихъ другихъ указаній относительно происхожденія рисунка шлема на таблицѣ X-й В. В. Стасовъ дать мнѣ не могъ.

Шеломъ Стокгольмскаго музея относится къ разряду шишаковъ. „Военными наголовьями Россіянъ" [1]) были: шоломы, колпаки, шишаки,

[1]) Висковатовъ, I, стр. 52.

мисюрки и шапки. **Шоломомъ** или шеломомъ (фиг. 2) называли низкую желѣзную тулью или шапку съ желѣзными же ушами. Шо-



Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

ломы бывали и безъ ушей, но почти всегда съ носомъ, т. е. съ желѣзною полосою, пропущенною въ козырькѣ. Носъ этотъ замѣнялъ личину норманскихъ шеломовъ. Колпакъ (фиг. 3) представлялъ остроконечную тулью съ металлическимъ, при концѣ, „репьемъ" или „яблочкомъ". Шишакъ (фиг. 4) былъ въ родѣ колпака и шелома, но оканчивался кверху длиннымъ шпилемъ или „шишомъ". Верхъ назывался вершье [1]); нижняя часть—вѣнецъ; средняя—подвершье. Украшали верхушку краснаго цвѣта „еловцемъ" (лоскутомъ, флюгаркой). Шишаки, для лучшей защиты головы, нерѣдко надѣвали сверхъ шеломовъ. Шапки бывали мѣдныя, желѣзныя и т. п. Особый видъ шапокъ — ерихонка, представлялъ наголовье изъ стали или булата. Какъ принадлежность воеводъ и даже государей, она украшалась серебряною и золотою насѣчкою, часто жемчугомъ и дорогими камнями и потому бывала весьма высокой цѣны.

Заимствую изъ старинной описи Московской Оружейной Палаты, 1687 г. [2]) нижеслѣдующія выдержки изъ описанія именно шишаковъ:

„Шишакъ булатный, въ вѣнце врѣзывано золото, слова Арапскіе, въ немъ шесть мишеней золотыхъ, въ мишеняхъ по двѣ бирюзы. Наверху плащь золотой съ колцомъ золотымъ...

Шишакъ Московской Микитина дѣла Давыдова, въ вѣнцѣ и въ подвершье врезывано золото, травы чеадскіе, да межъ вѣнца и подвершья восемь мишеней врѣзывано золото...

Шишакъ глаткой ... личной, наушки дощатые, полка и носъ .. золоченъ... Цѣна ему рубль".

Въ Московской Оружейной Палатѣ, въ числѣ „особенно достопамятныхъ по историческому значенію" [3]) шлемовъ, нѣкоторые приписаны извѣстнымъ особамъ, а именно:

1) Булатный шишакъ или ерихонская шапка, съ золотою насѣчкою, приписываемый Великому Князю Александру Невскому. Въ золотыхъ насѣчкахъ воспроизведенъ арабскими буквами стихъ Корана.

2) Шлемъ, приписываемый Великому Князю Ярославу Всеволодовичу (XIII в.). На немъ изображены лики Спасителя и святыхъ.

3) Булатный шишакъ В. К. Юрія Всеволодовича, убитаго при р. Сити въ 1237 г.

4) Маленькій шишакъ малолѣтняго Царевича Іоанна, сына Царя Іоанна Василіевича, съ нижеслѣдующею надписью по вѣнцу: „Пове-

---

[1]) Снегиревъ, П. М. Д. стр. 283.
[2]) Висковатовъ, I, и Др. Рос. Гос. III.
[3]) Снегиревъ, П. М. Д., стр. 282.

лѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Царя Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца сдѣланъ шеломъ сей благородному сыну его Царевичу Ивану Ивановичу въ четвертое лѣто отъ рожденія его, въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7065 (1557) Іюня въ 8 день".

5) Шапка Ерихонская, принадлежавшая князю Өедору Ивановичу Мстиславскому, который былъ крайчимъ въ 1575 г.

6) Шапка Ерихонская „вывозу Боярина Афанасія Прончищева". На ней „промежъ наводки слова Арабскіе" (XVII в.).

7) Шапка Ерихонская, Кучюмовская: „Бывала та шапка Кучюмовская, ударилъ челомъ Государю Борисъ Петровичь Шереметевъ".

Этимъ исчерпывается списокъ головныхъ военныхъ уборовъ связанныхъ съ историческими именами. Изъ нихъ только одинъ, а именно шлемъ малолѣтняго Іоанна Іоанновича имѣетъ надпись славянскими буквами. Такимъ образомъ, шлемъ Стокгольмскаго музея, является вторымъ образчикомъ именныхъ шлемовъ. По формѣ своей Стокгольмскій шлемъ близко подходитъ къ шишаку малолѣтняго Іоанна Іоанновича и есть собственно не шеломъ, а шишакъ. Впрочемъ, въ старину не всегда строго придерживались различныхъ кличекъ. Такъ, напримѣръ, въ описаніи Куликовской битвы: [1]) „шеломы на главахъ ихъ аки утренняя заря; еловци-жь шеломовъ ихъ, аки поломя огняное пашется". Здѣсь слово шеломы означаетъ шишаки.

Арабская надпись на Стокгольмскомъ шишакѣ составляетъ, какъ мы видѣли, обычную принадлежность богатыхъ русскихъ шлемовъ. Слѣдуетъ ли искать въ этомъ, какъ предполагаетъ консерваторъ Королевской Оружейной, доказательство того, что шлемъ сдѣланъ восточными мастерами и именно персидскими? Оружейное мастерство велось, какъ извѣстно, издавна въ Россіи. Выработка стали и булата, нарѣзка, насѣчка и наводъ золотомъ и чернью по желѣзу были извѣстны. При царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ IV производство брони и оружія въ Москвѣ было обширно [2]).

Перехожу затѣмъ къ разбору надписи на Стокгольмскомъ шишакѣ. Въ ней Иванъ Василіевичъ названъ „княземъ, сыномъ великаго князя". Изъ сего усматривается, что надпись сдѣлана еще при жизни Великаго Князя Василія III или, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р., т. V (изд. 1842), прим. 76.
[2]) Вельтманъ, стр. 209 sq.

что шишакъ этотъ принадлежалъ Ивану Василіевичу еще при жизни отца и, во всякомъ случаѣ, до совершеннолѣтія Ивана Грознаго. Обращаясь къ историческимъ даннымъ, узнаемъ, что при смерти Василія III, въ 1533 году, Ивану Василіевичу было всего 3 года (родился 25 авг. 1530 г.). Съ этого времени и до принятія царскаго титула въ 1547 году, малолѣтній Иванъ Василіевичъ именуется уже не княземъ, а великимъ княземъ. Титулъ этотъ переданъ ему отцомъ еще до смерти: „И приказа (Василій III) великое княженіе сыну своему бóльшому князю Ивану и нарече его самъ при своемъ животѣ великимъ княземъ“ [1]). Впрочемъ тотъ фактъ, что для Ивана IV, не достигшаго еще 4-хъ лѣтъ былъ сдѣланъ именной шишакъ не долженъ насъ особенно удивлять въ виду существованія въ Московской Оружейной Палатѣ такого же шлема, заказаннаго, какъ выше сказано, для 3-хъ лѣтняго же Іоанна Іоанновича.

Относительно размѣровъ Стокгольмскаго шишака, не слѣдуетъ забывать, что, какъ выше замѣчено, шишаки надѣвались иногда поверхъ шлемовъ. Интересно, что Иванъ IV имѣлъ особое пристрастіе къ хорошимъ шлемамъ. Такъ, на запросъ Стефана Баторія, чѣмъ бы онъ могъ отблагодарить царя за подаренные ему кречеты и какія вещи особенно любитъ царь, Іоаннъ IV отвѣчалъ, что онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пищалей ручныхъ, чтобы были добры, цѣльны и легки [2]).

Въ надписи на Стокгольмскомъ шлемѣ, Великій Князь Василій Ивановичъ именуется **ГОСПОДАРЬ ВСЕА РУСИ САМОДЕРЖЕЦЪ**.

Что касается до титула **ГОСПОДАРЬ ВСЕА РУСИ**, то это обычный титулъ великихъ князей Василія II, Ивана III и Василія III. Титулъ **ГОСПОДАРЬ** или **ОСПОДАРЬ** и слова: **ВСЕА РУСИ** встрѣчаются во многихъ актахъ [3]), между прочими и на монетахъ Василія I (**КNAZЬ · ВЕЛИКІЙ · ВСЕА · РУСИ**), Василія II (**ОСПОДАРЬ ВСЕА ZЕМЛИ РУСКИА**), Ивана III (**КNAZЬ ВЕЛИКИ І ѠСПОДАРЬ ВСЕА РОУСИ**), Василія III (**ѠСПОДАРЬ; ГОСПОДАРЬ; ГОСУДАРЬ ВСЕА РУСИ**). Титулъ **ГОСПОДАРЬ** встрѣчается и въ началѣ княженія Ивана IV [4]).

---

[1]) Псковская 1 лѣтопись. П. С. Р. Л. IV, 299. Также Соловьевъ, Ист. Росс. VI, пр. 1.

[2]) Соловьевъ, И. Р. VI, с. 394.

[3]) Сравни: золотой ковшъ съ надписью (Вельтманъ. с. 97); духовная князя Углицкаго (Ibid. с. 151).

[4]) Ср. Вратина изъ музея Карабанова (Вельтманъ с. 264).

Равнымъ образомъ и титулъ „самодержца“ встрѣчается со временѣ Ивана III [1]).

Можно ли сомнѣваться въ подлинности Стокгольмскаго шишака? Все говоритъ въ пользу достовѣрности предмета, а именно: сходство его съ шишакомъ Московской Оружейной Палаты, помѣщеніе изображенія его на страницахъ изданія Прохорова, а главное надпись: „Князя Ивана, Великаго Князя Василія Ивановича сына“. Фальсификаторъ не преминулъ бы помѣстить болѣе громкій титулъ и окрестилъ бы шишакъ: шеломомъ „Царя и Великаго Князя Ивана Василіевича всея Руси“.

Какимъ образомъ попалъ шеломъ Ивана IV въ Швецію? Предположеніе шведскихъ издателей, что шлемъ составлялъ часть военной добычи Делагарди, вывезенной изъ Россіи въ 1581 г., едва ли можетъ быть принято. Въ ноябрѣ 1580 года Понтусъ Делагарди вошелъ въ Карелію [2]) и взялъ Кексгольмъ; въ 1581 г. онъ взялъ Нарву и русскіе города: Иваньгородъ, Яму, Копорье. Но тутъ начались мирные переговоры, и 6 января 1581 г. заключили перемиріе. Въ этомъ походѣ Делагарди едва ли могъ овладѣть шишакомъ царя Ивана Василіевича. Гораздо вѣроятнѣе, что шишакъ этотъ взятъ изъ царской казны въ Москвѣ въ смутные 1611 и 1612 года, и хотя относительно разграбленія царской казны въ это время существуютъ различныя мнѣнія, все же фактъ разграбленія кажется несомнѣннымъ.

Въ грамотѣ избранія на царство царя Михаила Ѳедоровича говорится: „а царскую казну, многое собранье изъ давныхъ лѣтъ прежнихъ великихъ государей нашихъ, царей россійскихъ и ихъ царскія утвари, царскія шапки и коруны и ихъ царское всякое достоянье и чудотворные образы къ Жигимонту королю отослали, ... а достальную царскую казну... по себѣ надѣлили [3])“.

Въ Дневникѣ же Самуила Маскѣвича (1594—1621) подъ 1614 годомъ записано [4]):“ ... „вещи, данныя намъ въ Москвѣ залогомъ за стѣнную службу мы хранили въ цѣлости; наскучивъ съ ними возиться и желая лучше имѣть наличныя деньги, мы продавали ихъ королю; онъ не хотѣлъ купить. Продавали императору Христіанскому, герцо-

[1]) Ср. Книга Степенная. Изд. Миллера. Москва, 1775. Ч. I, с. 98, 144 и др. Также Соловьевъ. И. Р. т. V, с. 208.
[2]) Соловьевъ. И. Р. VI, 327.
[3]) Вельтманъ, с. 284.
[4]) Ibid. с. 285.

гамъ Бранденбургскимъ, Имперіи Нѣмецкой, Гданску, вездѣ, гдѣ думали найдти покупателей, и все напрасно. Наконецъ, стали торговаться на нихъ паны коммиссары: давали 100.000, а 80.000 просили уступить... Мы рѣшились раздѣлить ихъ между собою: разломали двѣ короны Ѳеодорову и Димитріеву" и т. д.

Опровергая фактъ полнаго разграбленія царской казны, издатель описанія Московской Оружейной Палаты [1]) возстаетъ и противъ мнѣнія о подложности хранящихся въ ней предметовъ старины. Онъ говоритъ: „Сказанія лѣтописи о расхищеніи большой казны преувеличены. Изъ большой казны отданы въ залогъ только вещи, принадлежащія Годунову и самозванцу... Всѣ прочія наслѣдственныя регаліи сохранены до сего времени и не составляютъ благонамѣренный подлогъ, чтобы утвердить преданіе объ отечественныхъ событіяхъ хотя мнимыми памятниками глубокой древности". Относительно поддѣлки надписей на цѣнныхъ предметахъ, кстати вспомнить обвиненіе, взведенное Іоанномъ IV на бояръ, воспользовавшихся его малолѣтствомъ для ограбленія казны. Іоаннъ пишетъ Курбскому [2]): „Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша... казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды златы и серебряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе".

Какъ бы то ни было, но шишакъ Іоанна IV легко могъ, хотя бы въ числѣ вещей, принадлежавшихъ Годунову и самозванцу, быть вывезеннымъ изъ Москвы и затѣмъ попасть въ Швецію путемъ продажи.

Въ заключеніе, упомяну о тѣхъ двухъ русскихъ пушкахъ 1576 и 1578 г.г., о которыхъ сказано въ описаніи таблицы XLV Стокгольмскаго изданія. Пушки эти находятся во дворцѣ Грипсгольмскаго замка, близъ Стокгольма. По описанію лицъ, видѣвшихъ оныя, это великолѣпныя бронзовыя орудія русскаго дѣла. Отняты онѣ во время похода Делагарди 1581 г., при взятіи Ивангорода [3]).

Въ злополучные годы 1580—1582 у насъ вообще отнято было много орудій. Въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ [4]), есть большая пушка (длиною 17½ футовъ) съ русскою надписью того же

---

[1]) Вельтманъ, с. 288.

[2]) Устряловъ, Сказанія князя Курбскаго. Спб. 1868, стр. 159. Соловьевъ. И. Р. VI, с. 42.

[3]) Ionas. Reise und Skizzenbuch für Schweden. Berlin. 1875, c. 193; Волковъ, А. Стокгольмъ. 1897, с. 52; Коптевъ, А. Путевыя замѣтки по Швеціи и Норвегіи. Спб. 1893 г., с. 59 и др.

[4]) Бранденбургъ, Историч. Каталогъ Спб. Арт. Музея, I, с. 70.

времени, а именно 1577 года: „Бж҃іею млстію повелѣніемъ Гд҃ря Цр҃я великого кн҃зя Ивана Василіевича вся Руси здѣлана сія пищаль Андреемъ Чеховымъ“ и т. д. На этой пушкѣ есть, кромѣ того, шведская надпись о томъ, что пушка отобрана Карломъ XII, въ 1703 г., при взятіи города Елбинга. Наконецъ, возвращена она въ Россію въ 1723 г. иноземцемъ, вымѣнявшимъ ее на другіе товары.

Весьма интересно было бы имѣть точные снимки съ надписей Грипсгольмскихъ пушекъ и подробное описаніе ихъ.

Мартъ, 1898.

Матеріалы по доисторической археологіи Россіи.

Минская губ.

Раскопки В. З. Завитневича въ 1892 г. [1]). Въ 1892 г. В. З. Завитневичъ, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, произвелъ довольно значительныя раскопки по теченію р. Березины въ Бобруйскомъ у., именно близъ д. Горожи (10 кург.), пос. Горожки (15 кург.), д. Ясень (18 кург.), Брицаловичи (15 кург.), Устижъ (14 кург.), Перекаль (9 кург.), Лѣневка (18 кург.), Виркова (11 кург.), Дулебня (5 кург.), Несета (5 кург.), Красный Боръ (6 кург.), Ольса (8 кург.), мѣст. Любоничи (17 кург.), д. Мохровичи (4 кург.), Кострицкая Слободка (11 кург.), Рудня (8 кург.), Пацева Слобода (6 кург.), д. Селище (5 кург.), д. Старцы (1 кург.), Александровка (2 кург.), Поповщина (1 кург.), Вилосовичи (34 кург.), Шираевщина (9 кург.). Всего раскопано было въ 26 группахъ 234 кургана.

Курганы располагаются группами, до нѣскольких десятковъ насыпей въ каждой. Средняя высота ихъ $1^1/_2$—2 арш. Кругомъ многихъ замѣтны рвы съ перемычками, но былъ ли обычай обводить курганныя насыпи въ мѣстномъ населеніи распространеннымъ, объ этомъ нельзя составить опредѣленнаго сужденія.

Изъ общаго числа кургановъ въ 20 оказались остатки трупосожженій (9%), въ 14 погребеніе въ сидячемъ положеніи (6%), въ 171 погребенія на поверхности земли (73%), въ 4 погребенія въ насыпи и въ 25 погребенія въ ямахъ (12%).

Болѣе древній обрядъ погребенія—сожженіе трупа (по отчету о раскопкахъ погребенія №№ 23, 25, 121—133 б, 140, 175, 197 и 199). Группы кургановъ красно-бережская и ольсинскія заключаютъ исключительно сожженія, въ остальныхъ же изслѣдованныхъ группахъ такіе

---

[1]) Въ архивѣ Императ. Археологической Коммиссіи дѣло 1892 г. № 69. См. Отчетъ Археологич. Коммиссіи за 1892 г., стр. 52—55 и 124—153. Настоящая замѣтка представляетъ новую обработку матеріала, добытаго раскопками В. З. Завитневича.

курганы встрѣчены лишь спорадически (7 кургановъ въ группахъ устьинской, люботицкой, слободской и вилосовичской). Высота насыпей незначительная; есть курганы не выше 1 арш., и только одинъ оказался выше 2 арш. (быть можетъ, съ двойнымъ погребеніемъ). Впрочемъ, быть можетъ, что насыпи описываемыхъ кургановъ уже значительно потерпѣли какъ отъ времени, такъ и отъ распашки. Кругомъ основаній рвовъ не замѣчено.

Трупы сжигались на мѣстѣ, или на особомъ возвышеніи, или прямо на поверхности земли. Нельзя сказать, который изъ этихъ двухъ обычаевъ болѣе древній. Въ курганахъ №№ 122, 123 и 129 кострище (иногда только пепелище или одни угли) съ остатками пережженныхъ костей оказались въ верхней части насыпи. Въ курганахъ № 124 и 132 пепелище расположено на горизонтѣ, а кости собраны въ верхней части насыпи. Въ курганѣ № 197 на горизонтѣ найдено кострище изъ крупныхъ остатковъ обожженнаго дерева, а въ верхней части оказалось особое кострище съ костями и вещицами; судя по значительной высотѣ кургана (3 арш.), онъ, быть можетъ, заключаетъ двойное погребеніе. Курганъ этотъ имѣлъ въ основаніи форму четыреугольника. Въ двухъ курганахъ съ сожженіемъ на поверхности земли сохранились отчетливые остатки тѣхъ кострищъ, на которыхъ трупы были сожжены. Костры состояли изъ крупныхъ обрубковъ дерева, расположенныхъ въ видѣ квадратовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ размѣры 4×4 арш., а другой 6×5 арш. Внутри такихъ четыреугольниковъ находится уголь и пережженныя кости, сгруженныя въ одну кучку. Быть можетъ, трупъ иногда сожигался въ какомъ-нибудь сооруженіи въ видѣ описанныхъ ниже теремковъ, но утверждать это пока нѣтъ надежныхъ основаній. Въ одномъ изъ кургановъ на горизонтѣ оказалась только одна кучка пережженныхъ костей, безъ признаковъ кострища (№ 133 б), въ другомъ отъ костра остался лишь тонкій пепельный слой (№ 140). Въ насыпяхъ описываемыхъ кургановъ только изрѣдка попадаются гнѣзда угля съ кострища или съ него же головня. Въ курганѣ № 133 а остатковъ кострища не найдено, но въ верхней части насыпи оказалось много пережженыхъ костей, быть можетъ, не отъ одного костяка; не были ли въ этомъ случаѣ трупы сожжены въ другомъ мѣстѣ? Особые случаи трупосожженія наблюдаются въ курганахъ №№ 23 и 25 (устьинская группа). Въ первомъ изъ нихъ въ основаніи кургана лежалъ толстый слой черной земли (образовавшійся, по мнѣнію В. З. Завитневича, быть можетъ, изъ остатковъ угля), въ которомъ замѣчены пережженныя кости; во второмъ такой же слой былъ густо уложенъ не осо-

бенно крупнымъ булыжникомъ; на всемъ слоѣ примѣтны слѣды дѣйствія сильнаго огня.

Вещей въ курганахъ съ сожженіемъ почти совершенно не встрѣчается. Найдены лишь слѣдующія: мѣдная бляшка съ прорѣзью вкось (табл. II, 5), обломокъ тонкой серебряной пластинки, нѣсколько бусъ, пластинчатыхъ и проволочныхъ колецъ, обломокъ подвѣски-медальона, орнаментированная мѣдная бляшка со штифтами и черепки отъ сосуда грубой работы. Судя по этимъ предметамъ, особенно же по бляшкѣ съ прорѣзью [1]), можно думать, что минскіе курганы съ сожженіемъ относятся къ X в. Впрочемъ обычай трупосожженія сохранялся, быть можетъ, и нѣсколько позднѣе. Такъ въ курганахъ №№ 175 и 199 остатки сожженныхъ труповъ, въ видѣ пепелищъ съ пережжеными костями, оказались помѣщенными въ насыпяхъ кургановъ надъ костяками, занимающими обычное положеніе, т. е. на горизонтѣ.

Въ XI в. обычай трупосожженія исчезаетъ, однако обыкновеніе сожигать при погребеніи костры на нѣкоторое время еще сохраняется. Въ раскопанныхъ г. Завитневичемъ курганахъ изъ трехъ костяковъ одинъ лежитъ на остаткахъ костра. Въ большинствѣ случаевъ кострище бываетъ уже малыхъ размѣровъ; иногда отъ него остается лишь небольшое количество пепла или углей, хотя изрѣдка попадаются кострища значительныхъ размѣровъ. Обыкновенно слой состоитъ изъ умѣреннаго пласта золы съ примѣсью измельченнаго угля. Однажды въ кострищѣ, на которомъ лежалъ костякъ, оказались пережженныя кости, въ очень измельченномъ состояніи. Въ 6 курганахъ (№№ 15, 28, 55, 88, 168 и 216) уголь или пепелъ расположены (въ небольшихъ количествахъ ?) кругомъ костяка, или только по бокамъ его. Дальнѣйшее упрощеніе обычая сожигать костры выражается въ томъ, что близъ покойника становится горшокъ съ углями (№№ 19, 98, 134, 135, 137, 185, 187, 218 и, можетъ быть, другія погребенія); въ одномъ случаѣ съ углями въ горшкѣ находилась зола, въ другомъ какая-то смола, въ третьемъ восковая свѣча. Въ курганныхъ насыпяхъ не оказалось пепельныхъ слоевъ; лишь въ насыпяхъ 2-хъ кургановъ встрѣчены гнѣзда угля (№№ 2 и 127).

Надо думать, что первоначально трупы погребались въ сидячемъ положеніи. По отчетамъ г. Завитневича мы насчитываемъ въ его раскопкахъ 1892 г. 14 кургановъ съ погребеніями въ этомъ положеніи (№№ 1, 2, 4, 7, 9, 45, 48, 70, 84, 89, 93, 100, 148, 161), что составляетъ 6% общаго числа погребеній. Курганы этого рода по внѣшнему

[1]) Подобная въ соч. Бранденбурга, О курганахъ южнаго Приладожья, на табл. VI 24.

виду отличаются отъ другихъ тѣмъ, что наверху имѣютъ впадину, образовавшуюся отъ постепеннаго опаденія трупа. Покойникъ помѣщался на горизонтѣ, иногда на слоѣ пепла, ногами на В.; ни камней, ни слѣдовъ досокъ для удержанія трупа въ должной позѣ не было найдено. Кругомъ одного изъ кургановъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи оказался хорошо сохранившійся ровъ. Хотя между описываемыми погребеніями несомнѣнно имѣются и женскія, однако височныхъ колецъ при нихъ не было найдено вовсе. Въ перечисленныхъ 14 курганахъ вещи были встрѣчены слѣдующія: мѣдная двухъ-шипная серьга, филигранныя, сердоликовыя, стекляныя золоченыя и зеленыя бусы, мѣдныя якоревидныя застежки и къ нимъ пуговки [1]), витыя и пластинчатыя ручныя кольца (табл. II, 28), обычная подвѣска въ видѣ конька или собачки, ножъ и черепки горшка. Перечисленные предметы едва ли возможно относить ко времени позднѣе XI в.

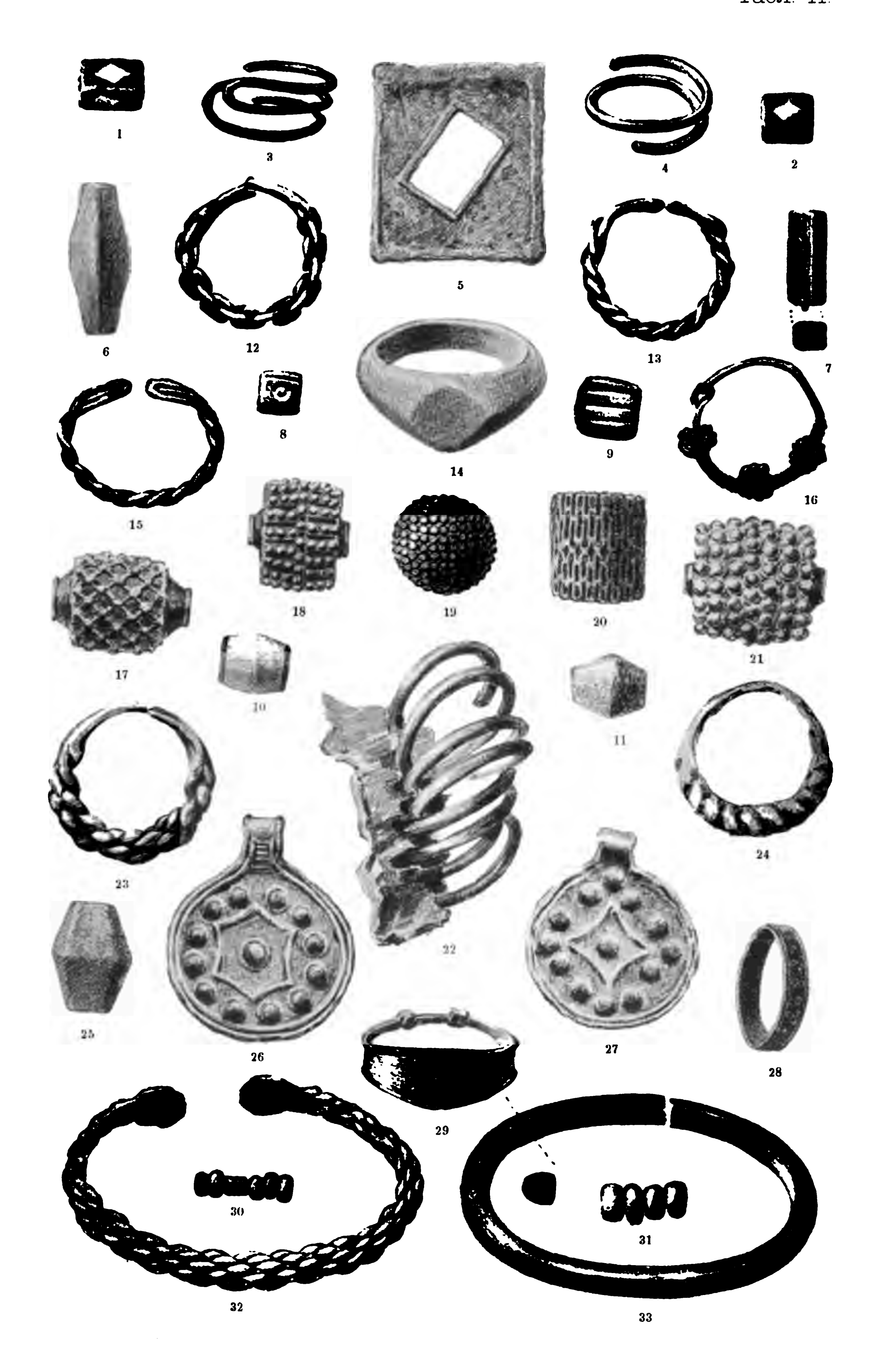
Встрѣченныя въ Бобруйскихъ курганахъ погребенія выше горизонта, въ насыпи, еще болѣе рѣдкія (№№ 3, 15, 24 и 90), слѣдуетъ относить, быть можетъ, также къ остаткамъ болѣе старыхъ обрядовъ погребенія. Въ этихъ случаяхъ костяки, одинъ или два, лежатъ на $^1/_4$—1 арш. выше поверхности земли, головою на З., обыкновенно на слоѣ угля и пепла, и присыпаны землею сверху до обычной высоты курганной насыпи. Подъ однимъ изъ костяковъ оказался слой истлѣвшаго дерева. Изъ вещей при этихъ 4-хъ костякахъ найдена лишь желѣзная пряжка.

25 кургановъ съ погребеніями въ грунтовыхъ ямахъ (12%) относятся, очевидно, къ болѣе позднему времени, по всей вѣроятности, къ концу XI и XII в. (мѣдные плетеные и стекляные браслеты). Нѣкоторыя изъ ямъ изслѣдователь прямо называетъ только „выемками", глубиною до $^1/_2$ арш., другія ямы имѣютъ правильно очерченную четыреугольную форму и глубину до $1^1/_2$ арш. Кругомъ нѣкоторыхъ, на поверхности земли, или даже на нихъ самихъ, замѣчены небольшіе слои угля и пепла. Въ 6 ямахъ найдены слѣды гробовищъ, въ видѣ колодъ и досокъ; на верху кургана № 6, имѣющаго грунтовую яму, примѣтна впадина, отъ осѣвшаго гроба или сруба. Въ курганѣ № 103 оказались 2 грунтовыя погребенія. Курганы съ грунтовыми погребеніями принадлежатъ къ числу самыхъ малыхъ по высотѣ.

Не менѣе 20% погребенныхъ труповъ положено въ гробахъ, чаще въ сосновыхъ колодахъ, рѣже въ досчатыхъ гробовищахъ. Послѣднія

[1]) Отчетъ Императ. Археологич. Коммиссіи за 1892 г., стр. 55, рис. 31.

устраиваемы были, по предположенію В. З. Завитневича, слѣдующимъ образомъ: доски на углахъ ставились въ стыкъ, при чемъ одна нѣсколько выступала и съ свободнаго бока укрѣплялась колышкомъ (рис. см. въ Отчетѣ Археол. Комм. за 1892 г. стр. 150). Нѣкоторые гроба въ изголовьѣ выложены были берестой. Въ двухъ случаяхъ при гробахъ найдено по желѣзному гвоздю. Гроба помѣщались и прямо на поверхности земли, и на кострищѣ, и въ ямахъ. Иногда были находимы деревянныя доски или просто неопредѣленные слѣды дерева выше костяка или подъ нимъ. Въ курганѣ № 154 выше костяка былъ найденъ слой обожженной бересты, въ курганѣ № 31 подъ скелетомъ лежалъ толстый слой истлѣвшаго дерева, въ курганѣ № 88 слѣды дерева найдены лишь подъ головою, гдѣ они представляли, быть можетъ, остатки изголовья. Въ головахъ скелета № 142 оказался большой камень, подвергавшійся дѣйствію огня, и при немъ нѣсколько угольковъ. Болѣе парадныя погребенія происходили въ срубахъ (№№ 27, 185 и 192 а) и „теремкахъ“ или „хоромкахъ“. Одинъ изъ срубовъ имѣлъ размѣръ 5 арш.$\times$2 арш. 13 верш., другой 3 арш. 9 в.$\times$2 арш. 6 в., третій состоялъ только изъ 2-хъ бревенъ (длиною 3 арш. 7 верш.); соединенныхъ перекладинами (по 18 верш. длины), врубленными въ бревна. Одинъ изъ срубовъ обложенъ былъ берестою. Теремковъ найдено 4 (№№ 34, 67, 98 и 146). Въ одномъ курганѣ теремокъ имѣлъ размѣръ 4$\times$2 арш., костякъ былъ положенъ въ гробу; во второмъ теремокъ имѣлъ квадратную форму, также внутри заключалъ досчатый гробъ съ костяками и стоялъ на огнищѣ; третій теремокъ имѣлъ размѣръ 5 арш.$\times$1 арш. 13 верш., составленъ былъ изъ бревенъ, имѣвшихъ толщиною до 10 верш. въ отрубѣ, на верху имѣлъ гребень и досчатую крышу на 2 ската. Послѣдній курганъ съ теремкомъ (№ 34) окруженъ былъ четыреугольнымъ рвомъ, имѣлъ четыреугольную форму и заключалъ срубъ длиною 5 арш., шириною $3^1/_2$ арш., расположенный длинною стороною съ С. на Ю. Въ С. З. углу выступало пятно почти квадратной формы, означавшее, по предположенію изслѣдователя, быть можетъ, мѣсто входа въ камеру. На почвенномъ слоѣ, покрытомъ толстымъ слоемъ золы съ углемъ, обнаружилась яма, на поверхности которой оказалась нижняя часть костяка отъ пояса, при чемъ у правой берцовой лежалъ желѣзный топоръ; въ ямѣ найдены слѣды деревяннаго гроба (съ костякомъ?), поставленнаго на слоѣ золы съ углемъ. Въ теремкахъ найдены и мужскія, и женскія погребенія; въ составѣ оказавшихся при нихъ немногихъ предметовъ, повидимому, нѣтъ никакихъ своеобразныхъ типовъ.



Минскіе курганы.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 16.

Костяки большею частью лежатъ головою на З., иногда съ отклоненіями на С. 10% ихъ положено головою на В., и это почти все мужскіе костяки; только одинъ явно женскій скелетъ расположенъ головою на СВ. (№ 202). Руки большею частью протянуты внизъ, но иногда положены на животѣ или на груди. Встрѣчаются погребенія двойныя, но рѣдко. Сохранность скелетовъ такая, что большая часть череповъ могла быть смѣрена на мѣстѣ; лишь 10 костяковъ подверглись совершенному истлѣнію. Въ четвертой части всего числа погребеній найдены цѣлые горшки, или же остатки ихъ; въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ горшки стояли въ ногахъ, рѣже они находились въ головахъ, и очень рѣдко сбоку. Горшки ставились безразлично у мужскихъ и женскихъ костяковъ, но у первыхъ чаще [1]). Въ 11 погребеніяхъ найдены деревянныя ведерки, обитыя желѣзными обручками и снабженныя дужками; стоятъ они безразлично какъ при мужскихъ, такъ и при женскихъ костякахъ, всегда въ ногахъ.

Въ Вирковской группѣ, вмѣстѣ съ 32 курганными васыпями, находилось 7 могилъ жальничнаго типа. Раскопанная В. З. Завитневивичемъ такая могила имѣла въ глубину $1^1/_2$ арш., заключала въ себѣ костякъ, положенный головою на З., и сверху была выложена камнями (6-ью большими и нѣсколькими малыми). Могилы эти принадлежатъ къ типу виленскихъ и новгородскихъ, или же къ типу прибужскихъ жальничныхъ погребеній. Такія погребенія встрѣчены на значительномъ пространствѣ отъ Финскаго залива до Костромы и Кіева. Въ погребеніи, раскопанномъ г. Завитневичемъ, вещей не оказалось.

Самые характерные предметы въ Бобруйскихъ курганахъ, заключающихъ погребенія несожженныхъ труповъ и относящихся, по нашему мнѣнію, къ XI и лишь отчасти къ XII в.,—головныя и ручныя кольца и филигранныя бусы. Кольца свернуты изъ серебряной или (рѣже) мѣдной проволоки въ $1^1/_2$ оборота и имѣютъ въ діаметрѣ до 2-хъ и меньше сант., а изрѣдка до $2^1/_2$ сант.; колецъ этого типа найдено 34 (табл. II, 4). Такія же кольца съ перегибомъ принадлежатъ къ сравнительно позднѣйшему времени, и ихъ найдено всего 3 экз. (табл. II, 3). Кромѣ того найдены: 2 экз. обыкновенныхъ височныхъ колецъ съ эсовидными завитками, 7 экз. колецъ со спиральнымъ завиткомъ, 6 экз. тонкихъ височныхъ колецъ въ діаметрѣ 5 сан. и съ завиткомъ на концѣ и 1 такое же кольцо безъ завитка. Еще встрѣчались кольца изъ какого-то разлагающагося матеріала, изъ ко-

[1]) Горшки обыкновенныхъ курганныхъ типовъ (Отчетъ Археологич. Комм., 1892 г., стр. 149, но одинъ имѣлъ коническую форму и 2 ушка (тамъ же, стр. 137).

торыхъ не сохранилось ни одного. Кольца найдены при 46 женскихъ костякахъ, въ качествѣ отчасти головныхъ, отчасти ручныхъ украшеній. Изъ 80 женскихъ костяковъ кольца у висковъ найдены лишь у 14—18; большею частью при костякахъ находилось по 1 височному кольцу (обыкновенно на правомъ вискѣ), рѣже найдено по кольцу на каждой сторонѣ головы и еще рѣже по 2. Видимо, кольца не имѣли значенія сережекъ, но какъ именно они носились, это остается не уясненнымъ. У двухъ костяковъ (№№ 41 и 104) кольца были какимъ-то образомъ вплетены въ волосы, и въ этихъ случаяхъ такихъ колецъ оказалось на одномъ костякѣ 10, на другомъ почти столько же; въ погребеніи № 104, кромѣ убора кольцами волосъ, у праваго виска оказалось нѣсколько спеціально-височныхъ колецъ, меньшаго размѣра, а на другомъ вискѣ найдены 2 мѣдныя бляхи съ ушками неизвѣстнаго назначенія (рис. см. въ Отчетѣ Импер. Археологич. Комм. 1892 г., стр. 55). Въ нѣсколькихъ случаяхъ на вискахъ вмѣстѣ съ кольцами были находимы серьги. При одномъ скелетѣ найдены 4 височныя кольца, впущенныя въ какую-то кожу (табл. II, 22). Въ качествѣ ручныхъ перстней кольца встрѣчены у 30 женскихъ костяковъ, большею частью по одному, рѣже по 2, иногда вмѣстѣ съ перстнями другихъ типовъ. Кажется, ручныя кольца, въ видѣ исключенія, попадаются и на мужскихъ скелетахъ.

Бусы серебряныя, слѣдующихъ типовъ: 1) цилиндрическія, согнутыя изъ тонкой проволоки, мѣстами спаянной (табл. II, 20) (1 экз.), 2) такія же, унизанныя зернами и снабженныя трубчатыми отверстіями для нити (табл. II, 18) (13 экз.), 3) круглыя, покрытыя зернью (табл. II, 19) (2 экз.). 4) цилиндрическія, покрытыя крупною зернью (табл. II, 21) (2 экз.) и 5) боченкообразныя, украшенныя сѣткой изъ тонкой проволоки и зерни и снабженныя коническими выступами для продѣванія нити (табл. II, 17) (10 экз.). Второй и пятый типы наиболѣе обыкновенны. Въ ожерельяхъ всегда встрѣчается лишь по нѣскольку такихъ бусъ.

Кромѣ описанныхъ колецъ и бусъ, въ Бобруйскихъ курганахъ найдены, въ незначительномъ количествѣ, и другія вещи, почти исключительно при женскихъ погребеніяхъ.

Серьги встрѣчены двухъ типовъ: 1) трехшипныя серебряныя съ цилиндрическими филигранными бусами (8 экз.), 2) трехшипныя мѣдныя съ бусами въ видѣ узловъ (табл. II, 16) (5 экз.). У двухъ костяковъ найдено по 1-ой серьгѣ, у двухъ по 2, у одного 3 и у одного 4. Въ двухъ случаяхъ серьги лежали вмѣстѣ съ височными кольцами (№№ 91 и 226).

Шейная гривна найдена лишь одна (№ 202). Она тонкая, витая изъ двухъ проволокъ, концы заходятъ другъ за друга и ничѣмъ не украшены.

Бусы найдены при 47 женскихъ костякахъ, всегда лишь въ количествѣ нѣсколькихъ. Типы ихъ слѣдующіе: 1) стеклянныя позолоченыя средняго размѣра, боченковидной, а иногда цилиндрической формы, съ каймой по краю (самыя обычныя, 33 экз.), 2) такія же крупнаго размѣра (табл. II, 10) (17 экз.), 3) позолоченыя желобчатыя (табл. II, 9) (1 экз.), 4) позолоченыя съ нарѣзкой и кружками (табл. II, 8) (1 экз.), 5) посеребреныя желобчатыя (табл. II, 9) (3 экз.), 6) посеребреныя мелкія круглыя (довольно часты), 7) круглыя стеклянныя синія, въ величину мелкой, горошины (одинарныя, двойныя и тройныя, встрѣчаются чаще всѣхъ другихъ типовъ), 8) свѣтло-синія въ видѣ рыбки (табл. II, 6) (4 экз.), 9) грязно-синія боченкообразныя (табл. II, 11) (? экз.), 10) круглыя бѣлыя въ величину горошины (1 экз.), 11) коричневыя продолговатыя на 4 боковыя грани (табл. II, 7) (5 экз.), 12) такія же коричневыя цилиндрическія продолговатыя и короткія (по 1 экз.), 13) крупныя черныя съ бѣлыми зигзагами (см. соч. Бранденбурга, табл. XIV, 30) (1 экз.), 14) большія продолговатыя цилиндрическія изъ бѣлыхъ и черныхъ угловатыхъ полосокъ (1 экз.), 15) стеклянныя мелкія, желтыя, синія и зеленыя, сплюснутыя и цилиндрической формы (табл. II, 30 и 31), 16) янтарныя гранчатыя (табл. II, 25) (1 экз.), 17) сердоликовыя гранчатыя цилиндрическія (6 экз.), 18) такія же короткія (2 экз.), 19) сердоликовыя гранчатыя боченкообразныя (5 экз.), 20) сердоликовыя плоскія съ гранями по угламъ (2 экз.), 21) стеклянныя синія съ бѣлыми ромбами по бокамъ (табл. II, 1 и 2) (3 экз.).

Привѣсокъ къ ожерелью встрѣчено всего 3: круглая мѣдная позолоченая, украшенная ромбомъ, по угламъ котораго выступаютъ по 3 крупныхъ зерна (табл. II, 27), другая подобная же, но имѣющая посрединѣ пятиугольникъ съ вогнутыми внутрь сторонами (табл. II, 26), и третья—раскрошившаяся. Еще найдена маленькая мѣдная лунница поздняго типа: съ острыми концами, почти безъ орнамента.

На шеѣ двухъ женскихъ костяковъ найдено по мѣдной пуговкѣ. На шеѣ костяка № 107 оказалась парча, въ видѣ небольшой четыреугольной вошвы; повидимому, она была положена на бересту. При трехъ женскихъ костякахъ оказались мѣдныя подвѣски въ видѣ коньковъ (см. курганы Ивановскаго табл. XIV, 18), въ одномъ случаѣ 2 экз.

По указанію изслѣдователя, въ одномъ погребеніи одна такая привѣска находилась на поясѣ, въ другомъ 2 привѣски-конька входили въ составъ ожерелья. На одномъ костякѣ найдена небольшая мѣдная нагрудная пряжка обычнаго типа, со спиралями на концахъ.

Перстни встрѣчались, можно сказать, исключительно на женскихъ костякахъ, не очень часто, именно лишь при 24 костякахъ, рѣдко по 2, обыкновенно же по одному. Типы ихъ, кромѣ описанныхъ проволочныхъ, слѣдующіе: 1) витые съ петлями на концахъ (табл. II, 13 и 15) (3 экз.), 2) витые изъ двухъ паръ проволокъ (табл. II, 23) (3 экз.), 3) рубчатые на манеръ витыхъ (табл. II, 24) (8 экз.), 4) плетеные въ видѣ цѣпочки (табл. II, 12) (1 экз.), 5) серебряные съ пластинчатою переднею частью и двумя узлами на суженной задней (таб. II, 29) (2 экз.), 6) мѣдные пластинчатые узкіе съ орнаментомъ (табл. II, 28) (4 экз.), 7) янтарные (табл. II, 14) (1 экз.).

Браслеты встрѣчены еще рѣже, всего при 5 женскихъ костякахъ. Типы ихъ разнообразны: 1) серебряный витой изъ 4-хъ паръ проволокъ съ наставками на концахъ (табл. II, 32), 2) мѣдный витой простого типа безъ петель на концахъ, 3) узкій мѣдный съ выпуклою поверхностью, 4) 2 пары стеклянныхъ браслетовъ — синіе гладкіе (табл. II, 33) и черные обыкновенной витой формы, 5) желѣзный, неопредѣленной формы.

При трехъ женскихъ костякахъ найдены каменныя пряслицы, низкія, безъ ребра. При 7 мужскихъ скелетахъ найдены мѣдныя поясныя пряжки схематическихъ типовъ (курганы Ивановскаго табл. VII, 5 и 7, табл. IX, 10. При одномъ мужскомъ костякѣ найдено мѣдное кольцо обыкновеннаго типа (курганы Ивановскаго табл. XV, 6).

У 12 костяковъ, почти исключительно мужскихъ, найдены желѣзные ножи, у 3-хъ мужскихъ — топоры (курганы Ивановскаго табл. XIX, 6), у одного мужского — желѣзныя ножницы, типа овечьихъ, у одного костяка неизвѣстнаго пола — серпъ (курганы Ивановскаго табл. XIX, 25). Ножи лежали, большею частью у пояса, разъ въ ногахъ и разъ въ головахъ; изъ топоровъ 2 оказались у праваго бедра и 1 у колѣна. У женскаго костяка № 41 маленькій ножъ съ костяною рукоятью лежалъ на груди. Найденные въ трехъ курганахъ кремневые осколки, вѣроятно, не относятся къ составу погребеній.

Рязанская губернія.

Раскопки кургановъ Зарайскаго и Рязанскаго у. въ 1896 г. Лѣтомъ 1896 г. членами Рязанской архивной коммиссіи,

подъ руководствомъ А. И. Черепнина, произведена была раскопка кургановъ въ Зарайскомъ и Рязанскомъ у. Въ первомъ изъ нихъ курганныя насыпи изслѣдовались въ окрестностяхъ с. Апоничищи (въ группѣ, расположенной въ лѣсу г. Графчикова 5, въ группѣ Кривишинскаго урочища 22 и близъ д. Козловки 3 кург.), близъ с. Ситкова (2 кург.) и близъ д. Разсохинской (2 кург.); всего же здѣсь было раскопано 30 кургановъ). Въ Рязанскомъ у. подвергнута раскопкѣ группа кургановъ близъ д. Рубцовой (22 кург.). Любопытно, что Рязанскіе курганы оказались отличными отъ кургановъ Зарайскихъ. Вотъ характеристика тѣхъ и другихъ.

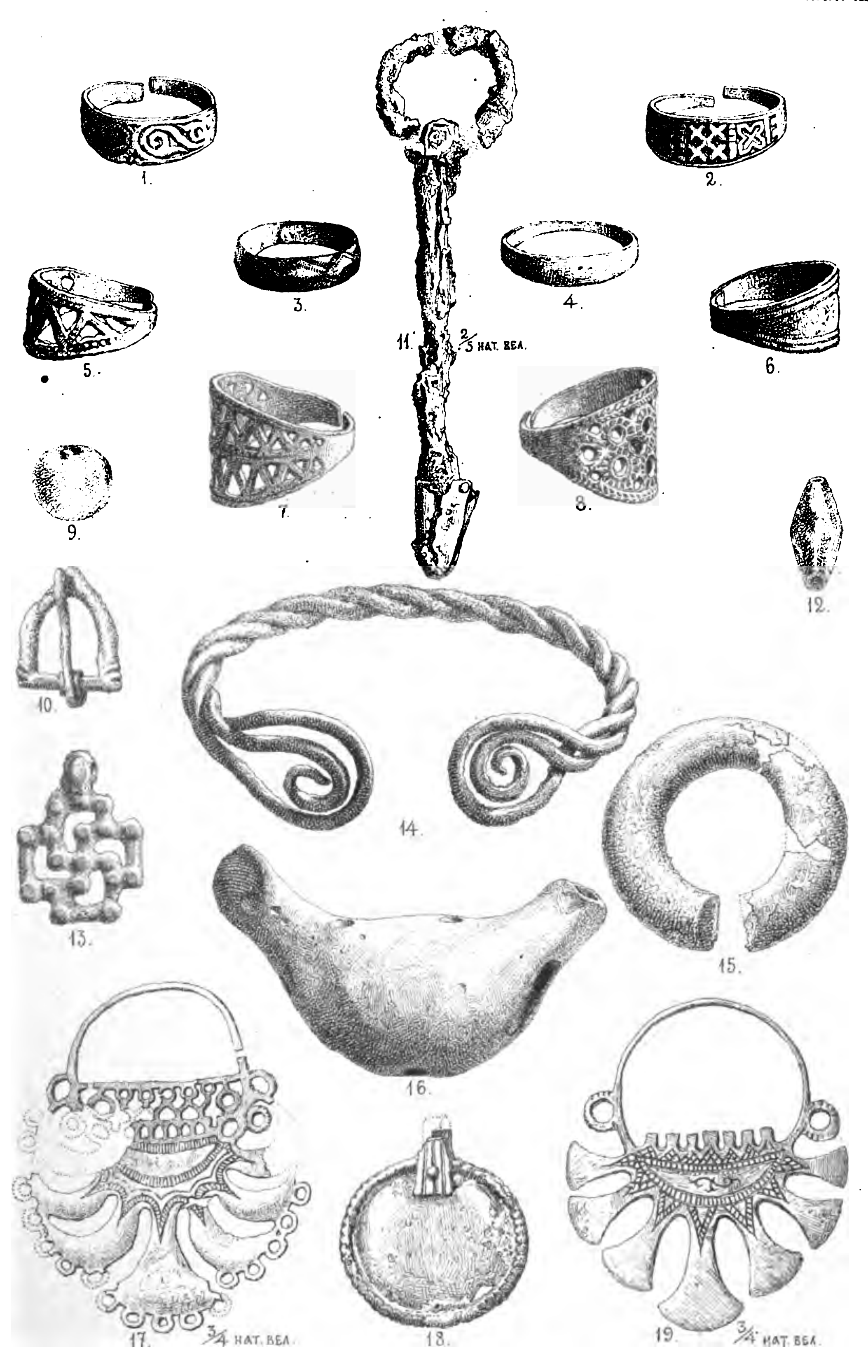
Зарайскіе курганы имѣютъ форму полушарія. Средняя высота ихъ можетъ быть опредѣлена около 2-хъ арш.; только рѣдкія насыпи доходятъ въ вышину до $3^1/_2$ или 4-хъ арш. Въ діаметрѣ курганы имѣютъ отъ 2-хъ до 6 саж.; кругомъ основанія очень часто примѣтны канавы. Насыпи сооружены изъ суглинка, представляющаго мѣстную почву. Ровно въ половинѣ всего числа раскопанныхъ курганныхъ насыпей оказались остатки отъ поминокъ, именно обломки горшковъ, мелкіе угольки, зубы коровы или лошади и свиньи и кусочки какихъ-то шлаковъ, металлическихъ или, скорѣе, глиняныхъ. Всѣ такіе предметы находятся преимущественно въ верхней части насыпи, нерѣдко въ нѣсколькихъ горизонтахъ и всегда въ небольшомъ количествѣ; въ нѣкоторыхъ насыпяхъ вмѣстѣ съ этими вещами найдены обломки височнаго кольца, желѣзнаго ножа и желѣзный топоръ. Угли попадаются тонкими маленькими прослойками въ видѣ небольшихъ пятенъ. Въ насыпи одного изъ Ситкинскихъ кургановъ найдены, вмѣстѣ съ черепками горшка, 2 куска дерева. Въ насыпи перваго Разсохинскаго кургана обнаружены остатки кострища, сложенные въ овальной небольшой ямѣ (величиною $2 \times 1^1/_2 \times ^1/_2$ арш.), которая оказалась заполненною углями, золою и небольшими кусками обожженной глины, перемѣшанной съ землею; на днѣ ямы, подъ тонкимъ слоемъ обожженной глины, обнаружена прослойка изъ бѣлаго песку. По формѣ сохранившихся углей видно, что въ ямѣ жгли связанные пучки тонкихъ прутьевъ [1]). Курганы расположены, повидимому, довольно тѣсно другъ къ другу. Встрѣчено 4 случая двойныхъ кургановъ, разъединенныхъ лишь небольшою сѣдловиною. Въ двухъ изъ этихъ случаевъ мы имѣемъ дѣло, быть можетъ, просто съ присыпными дѣтскими курганами, третья пара заключала погребенія мужское и женское, четвертая состояла изъ насыпей, не имѣющихъ между собою видимаго отношенія.

[1]) Относится ли описанная яма къ обряду погребенія?

Только въ одномъ случаѣ погребеніе найдено на поверхности земли (третій курганъ изъ Графчикова), большинство же остальныхъ, именно двѣ трети, помѣщалось въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ. Половина ямъ устроена была всего на глубинѣ одной и двухъ четвертей, т. е. въ культурномъ пласту, другая половина доходитъ въ глубину до $^3/_4$ арш., и только одно погребеніе находилось на глубинѣ 1 арш. Форма могильныхъ ямъ не ясна. Въ Козловскихъ курганахъ ямы имѣли въ длину до $3^1/_2$ арш., въ ширину отъ 13 верш. до 1 арш. 14 верш. Такія длинныя могилы разсчитаны были, по всей вѣроятности, на помѣщеніе въ нихъ, кромѣ костяка, еще и сосудовъ. Изъ 27 въ 9 случаяхъ погребенія находились въ курганной насыпи, почти всѣ въ нижней части ея. Въ одной насыпи (Крившинскія № 19) на разной высотѣ помѣщались 2 погребенія, дѣтское и женское, а въ материковой ямѣ кромѣ того находился мужской костякъ; въ другомъ (тамъ же № 22) въ насыпи рядомъ лежали мужской (?) и дѣтскій костякъ, въ третьемъ мужской костякъ, а въ ямѣ женскій (Рубцово № 5). Изъ остальныхъ кургановъ въ насыпи четырехъ помѣщались мужскія погребенія и въ насыпи двухъ—дѣтскія. Грунтовыхъ ямъ въ этихъ случаяхъ не было, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ впускными погребеніями.

Всѣ костяки безъ исключенія лежали головою на З, съ неизбѣжными отклоненіями [1]). Конечности протянуты; иногда одна рука, правая или лѣвая, согнута въ локтѣ, иногда руки лежатъ на тазу. При $^1/_3$ общаго числа погребеній найдены остатки дубовой коры, служившей подстилкой или покрытіемъ; кора была находима и надъ костями, и подъ ними. Въ пятомъ курганѣ изъ Графчикова, въ насыпи, находился мужской костякъ, покрытый сверху толстою дубовою корою въ видѣ свода, состоявшаго изъ 2—3-хъ отдѣльныхъ кусковъ коры. Изрѣдка подъ костякомъ попадаются слѣды луба; подъ костякомъ второго Разсохинскаго кургана находился прослоекъ бѣлаго рѣчного песку. При костякахъ 4-хъ погребеній найдены въ небольшомъ количествѣ мелкіе угольки и при одномъ изъ нихъ также кусочки шлаку; вѣроятно, это остатки поминокъ. Есть ли такіе остатки въ землѣ, наполняющей могильную яму, неизвѣстно. Остатки поминочнаго кострища сохранены въ 14-мъ Кривишинскомъ курганѣ. Здѣсь въ СЗ. полѣ лежало почти сплошной слой изъ мелкихъ углей и золы, перемѣшанныхъ съ землею. Толщина его не болѣе $1^1/_2$ в., діаметръ $1^1/_2$ арш. Грун-

[1]) Въ Ситковскомъ первомъ курганѣ костякъ отмѣченъ лежащимъ головою на СВ, но это очевидная опечатка вмѣсто СЗ.



Рязанскiя курганы.

Лит. К. де Кастелли; В.О. 11 л., д. № 22. С.П.Б.

товая могила, съ мужскимъ погребеніемъ, находилась отъ этого мѣста въ 1 саж.

Въ 3-хъ курганахъ обнаружены двойныя погребенія, заключавшія каждое мужской и женскій костяки (№ 3 изъ Графчикова, 16 и 18-й изъ Кривишинскихъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ костяки обращены другъ къ другу и правая рука мужского лежитъ на костяхъ женскаго.

Въ ногахъ трети всего числа погребенныхъ находилось по глиняному горшку (а иногда и по два), и еще у нѣсколькихъ костяковъ горшки найдены въ головахъ. Горшки встрѣчаются безразлично и при женскихъ, и при мужскихъ скелетахъ. Они орнаментированы обычными волнистыми параллельными линіями.

Средній ростъ измѣренныхъ мужскихъ костяковъ 2 арш. 6 верш., женскихъ—на нѣсколько вершковъ ниже. Впрочемъ о женскихъ костякахъ трудно судить, потому что они вообще плохой сохранности. Измѣренные г. Рождественскимъ черепа изъ Зарайскихъ кургановъ замѣчательны необычайною длинноголовостью [1]). Цвѣтъ сохранившихся волосъ, главнымъ образомъ, темно-русый.

Находки въ Зарайскихъ курганахъ бѣдны. При женскихъ костякахъ—височныя кольца, шейныя гривны, бусы и подвѣски къ ожерелью, бубенчики, цѣпочки, браслеты, перстни, горшки; при мужскихъ—ножи, пуговицы, поясныя пряжки, горшки.

Височныя кольца найдены у всѣхъ женскихъ костяковъ; у трехъ по 2, у четырехъ по 1, у двухъ по 4, у одного 4 на черепѣ и 3 выше костяка, и у одного 3. Почти всѣ височныя подвѣски семилепестныя обычнаго „московскаго“ типа (табл. III, 19); луновидная часть подвѣски украшена рубчатой каймой; въ лопасти и въ верхніе зубчики проходятъ такіе же городки. По бокамъ дужки всегда колечки или ушки; дужки большею частью глухія, лопасти иногда выпуклы; У одного поздняго экземпляра лопасти изогнуты въ бокъ и по краю снабжены ушками, вмѣсто верхнихъ зубчиковъ ажурная рѣшетка (табл. III, 17). Нѣкоторые экземпляры сдѣланы изъ низкопробнаго серебра, а большинство вылито изъ ломкаго серебристаго сплава. Височное кольцо обыкновеннаго типа изъ согнутой мѣдной проволоки найдено лишь одно. Височныя подвѣски оказались не всѣ у черепа: нѣкоторыя лежали ниже локтя, на плечѣ, на берцовой кости.

Шейныя гривны изъ 11 женскихъ костяковъ оказались у 5, т. е. у половины. Три гривны плетеныя изъ 4—8 паръ свитыхъ про-

---

[1]) Рождественскій, Къ вопросу о древнемъ населеніи Рязанской губ. Рязань. 1893 г.

воловъ, концы собраны въ гладкую трубочку, снабженную на концѣ ушкомъ, мѣдныя, посеребреныя, обычнаго типа, весьма распространеннаго въ позднихъ курганныхъ древностяхъ. Одна гривна проволочная съ ушками на концахъ, обтянутая двойною свитою проволокою, и одна пластинчатая изъ плохого серебра, съ заходящими другъ на друга концами и проволочною заднею частью; пластинка по краю пройдена тонкимъ орнаментомъ изъ зубчатаго накола; посрединѣ—грань.

Ожерелье составляется изъ 6, 8, 10, 13, 15, 17, 32 и 36 крупныхъ хрустальныхъ (табл. III, 9) и сердоликовыхъ (табл. III, 12) бусъ. Другія бусы встрѣчены въ незначительномъ количествѣ: продолговатая гранчатая янтарная, голубыя съ глазками, хрустальная гранчатая (курганы Ивановскаго табл. XIV, 2), большая черная продолговатая съ желтымъ зигзагомъ (тамъ же, табл. XV, 2), лиловая съ инкрустаціей, мѣдная буса изъ двухъ половинокъ (Ивановскій, табл. XVI, 8). Одно изъ ожерелій составлено было, повидимому, слѣдующимъ образомъ: сердоликовыя бусы чередовались съ круглыми хрустальными, и отъ каждой хрустальной бусы вверхъ и внизъ по вертикальной линіи расположено по сердоликовой; въ общемъ такое ожерелье должно оставлять впечатлѣніе линіи крестовъ, сложенныхъ изъ продолговатыхъ нанизокъ. Поверхность хрустальныхъ бусъ обработана грубо; сердоликъ въ гранчатыхъ бусахъ плохого качества и обдѣлка его также груба. Ожерелья изъ бусъ оказались у всѣхъ женскихъ костяковъ.—Привѣсокъ къ ожерельямъ встрѣчено не много: 1) 4 круглыя бляшки съ ушками, литыя изъ бѣлаго сплава, изъ которыхъ 2 плоскія, 1 выпуклая и 1 съ каймой по краю (табл. III, 18), 4 креста, также изъ сплава и изъ мѣди: 2 экз. ажурныхъ крестовъ типа, изображеннаго на табл. III, 13; одинъ экз. обычнаго креста съ желтою эмалью и 1 экз. съ квадратнымъ средокрестіемъ и тонкими концами (Ивановскій, табл. V, 5). — Бубенчики, повидимому, отчасти также входили въ составъ ожерелій. Они круглые, крупные, съ прорѣзью и шарикомъ внутри, орнаментированы нарѣзкой (Ивановскій, табл. VIII, 21), попадаются въ количествѣ 1—3 на костякѣ. Они встрѣчены на 4-хъ костякахъ (женскихъ). Въ одномъ случаѣ бубенчикъ найденъ въ составѣ ожерелья и другой у праваго бедра (вмѣстѣ съ трубчатой подвѣской), въ другомъ 2 бубенчика на лѣвомъ бедрѣ, въ третьемъ 1 бубенчикъ на животѣ и въ четвертомъ 7 бубенчиковъ найдены возлѣ браслета.—Найденная при одномъ женскомъ костякѣ цѣпочка составлена изъ 10 звеньевъ въ видѣ восьмерокъ (Ивановскій, табл. XIV, 16), мѣднаго стерженька вверху и колечка внизу; лежала ниже кисти правой руки.

Браслеты слѣдующихъ типовъ: 1) литые изъ серебристаго сплава, совершенно круглые, тонкіе, съ острыми ребрами по верхней и нижней части; концы сомкнуты и съ двумя неправильными горошинками, подражающими узламъ (6 экз.); 2) мѣдныя плетеныя съ петлями на концахъ (Ивановскій, табл. V, 17), 5 экз., изъ которыхъ одинъ оловянный; 3) 2 экз. мѣдныхъ плетеныхъ браслетовъ другого типа (Ивановскій табл. VI, 6); 4) 2 экз. мѣдныхъ витыхъ браслетовъ, сравнительно рѣдко встрѣчающихся — съ завиткомъ въ петляхъ (табл. III, 14); 5) браслетъ, плетеный изъ тонкой проволоки; на концахъ стеклянныя наставки.

Перстни попадались также исключительно на женскихъ костякахъ, притомъ изъ 11 скелетовъ лишь на 7. Самый обыкновенный и характерный типъ перстней—пластинчатые ажурные съ широкою передней частью и суженною задней. Чаще встрѣчаются перстни съ ажурною частью въ видѣ круглыхъ отверстій или колечекъ (табл. III, 8). Остальные типы перстней встрѣчены лишь по 1 экз.: 1) съ ажурною частью изъ треугольниковъ, въ 1 и 2 ряда (табл. III, 5 и 7); 2) съ гладкою выпуклою переднею частью (табл. III, 6), 3) низкіе перстни, орнаментированные крестиками и растительными разводами (табл. III, 1 и 2), перстень съ опавшею наставкой, тонкій выпуклый (табл. III, 4), серебряный перстень на 2 грани, покрытый тонкимъ орнаментомъ (табл. III, 3) и 2 другіе перстня, менѣе характерные. Сравнительно часто попадаются также ручныя литыя кольца съ рубчатою переднею частью (Ивановскій, табл. III, 5).

Въ одномъ погребеніи найдены остатки шелковой ткани, вышитой шелковыми и золотными узорами. Узоръ изображаетъ круги съ цвѣтками внутри, а между кругами идутъ растительные разводы. Эта нашивка имѣетъ въ ширину до $1^3/_4$ верш.; она лежала надъ шейной гривною, вмѣстѣ съ обрывками войлока и грубой ткани. Обрывки шерстяной ткани встрѣчались нерѣдко. Выше пояса одного женскаго костяка въ кривишинской группѣ лежалъ обоюдо-острый желѣзный ножъ съ деревянною рукоятью; ножъ висѣлъ на мѣдномъ колечкѣ, продѣтомъ въ отверстіе перекладины, отдѣляющей рукоять отъ клинка. Выше колѣна лѣвой ноги одного женскаго костяка найдены остатки кожанаго ремня отъ подвязки, съ мѣдною пряжкою арочнаго типа (Ивановскій, табл. IX, 10).

Изъ 14 опредѣлимыхъ мужскихъ костяковъ у 10 положены были ножи, именно 8 экз. въ ногахъ и 2 при поясѣ. Одинъ ножъ имѣлъ деревянную ручку, обтянутую кожей; для деревянныхъ ручекъ на

ножахъ выковывался или острый стержень, или пластина. Топоръ найденъ только одинъ, да и то въ видѣ обломка, въ насыпи (Ивановскій, табл. XIX, 12). Поясныхъ пряжекъ найдена лишь одна (табл. III, 10), поясныхъ колецъ—7 (изъ нихъ одно круглое, остальныя плоскія, какъ у Ивановскаго табл. XV, 5 и VIII, 7). Кольца приходились на лѣвомъ боку; въ 2-хъ случаяхъ къ нимъ были приторочены ножи; разъ на поясѣ было 2 кольца по одному на томъ и на другомъ боку; разъ на поясѣ мужского скелета найдена круглая желѣзная пряжка. При одномъ костякѣ найдены 2 экз. мѣдныхъ кольцевидныхъ накладокъ, съ разомкнутыми концами (табл. III, 15).—У ворота одного изъ мужскихъ костяковъ найдены 2 мѣдныя полыя пуговки съ ушками. При двухъ мужскихъ костякахъ оказались желѣзныя подѣлки, извѣстныя также и въ скандинавскихъ древностяхъ, еще не разгаданнаго назначанія. Онѣ состоятъ изъ желѣзнаго стержня, оканчивающагося головкой, чрезъ которую продѣто свободно вращающееся кольцо (табл. III, 11, у Ивановскаго табл. XVII, 24). Одинъ изъ такихъ стержней лежалъ на лѣвой плечевой кости и, слѣдовательно, по всей вѣроятности, былъ положенъ на трупъ сверху, какъ отдѣльная вещь (этотъ экземпляръ весьма интересенъ тѣмъ, что стержень находился въ деревянныхъ ножнахъ, даже снабженныхъ мѣднымъ наконечникомъ), второй лежалъ накрестъ съ ножемъ у голени правой ноги, на лубѣ; по обѣ стороны лежали 2 поясныя кольца, прихваченныя съ двухъ сторонъ узкими ремешками, при чемъ подъ однимъ кольцомъ сохранился кусокъ вдвое сложенной кожи [1]).

Надъ впускнымъ дѣтскимъ погребеніемъ найдена глиняная свистушка (табл. III, 16); кромѣ отверстія для вдуванія воздуха, свистушка имѣетъ два отверстія въ верхней части и одно въ нижней, для ладовъ. Во второмъ Ситковскомъ курганѣ при костякѣ найденъ большой желѣзный гвоздь такого же типа, какъ современные. Гвоздь, былъ изогнутъ и воткнутъ въ землю вершкахъ въ 2-хъ отъ лѣваго бедра.

Всѣ описанныя вещи можно относить къ XII—XIII в.

У д. Рубцовой Рязанскаго у., гдѣ въ 1888 г. было раскопано А. В. Селивановымъ 13 кургановъ, А. И. Черепнинъ въ 1896 г. раскопалъ еще 22.

Сохранившіеся курганы имѣютъ полушарую форму, въ вышину простираются отъ $1^1/_4$ до 2 арш., насыпаны изъ темнаго суглинка.

---

[1]) Дневникъ, стр. 9.

Всѣ костяки, кромѣ 3-хъ впускныхъ погребеній, лежатъ въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ (обыкновенно не глубже $^1/_2$ арш.), головою на западъ; руки большею частью согнуты или положены на животѣ. Въ 6 курганахъ подъ костяками или надъ ними найдены остатки луба и коры; у одного костяка, влѣво отъ головы и вправо отъ ногъ, обнаружены большія черныя пятна, образовавшіяся отъ примѣси мелкихъ углей на землѣ (№ 13), у другого въ головахъ и ногахъ оказались слѣды бѣлаго песку (№ 1). Одинъ изъ женскихъ скелетовъ лежалъ въ сосновой колодѣ, длиною $2^1/_2$ арш., шириною въ головахъ 9, въ ногахъ 11 верш., высотою въ головахъ 4, въ ногахъ 6 верш.; толщина боковыхъ стѣнокъ $1^1/_2$ верш. Нижніе края колоды въ головахъ округлые, въ ногахъ вертикальные [1]). Горшковъ при погребеніяхъ не встрѣчено вовсе.

Самый характерный предметъ рубцовскихъ кургановъ—мѣдныя проволочныя височныя кольца съ свободными концами, иногда заходящими другъ за друга, встрѣченныя, повидимому, лишь при женскихъ погребеніяхъ. При 3-хъ костякахъ найдено по 1 кольцу на каждомъ вискѣ, въ 2-хъ по 2, въ одномъ по 5, въ остальныхъ трехъ женскихъ погребеніяхъ такихъ колецъ найдено 8+6, 6+1 и 2+1, Въ трехъ случаяхъ (№ 1, 2 и 6) проволочныя височныя кольца отчасти замѣнены мѣдными же серьгами трехъ извѣстныхъ уже типовъ: трехшипными серьгами съ бусами, покрытыми зернью, съ бусами, сплетенными узломъ, и серьгою, нижняя часть которой сплетена проволокой. Бусы встрѣчены лишь на 2-хъ костякахъ. Онѣ двухъ типовъ: мелкія и крупныя боченкообразныя, выдѣланы изъ композиціи и окрашены разноцвѣтными волнообразными полосками. Составъ бусъ чрезвычайно плохъ, такъ что при высыханіи онѣ обыкновенно разсыпаются въ порошокъ. На груди костяка № 2 оказалась изломанная желѣзная булавка съ шарообразною головкою изъ композиціи.

Браслетовъ найдено всего 3: мѣдный пластинчатый съ ушками на суженныхъ концахъ, мѣдный же плоскій, съ схематическими головками на концахъ, орнаментированный ромбами, внутри которыхъ расположено по 4 точки, и круглый желѣзный. Перстней оказалось также только 3 экз.; всѣ они проволочные, съ несомкнутыми концами. На верхней части груди одного женскаго костяка найденъ серебряный галунъ (№ 7).

Ни ножей, ни топоровъ, ни оружія не найдено. Мужскіе костяки погребены, повидимому, безъ всякихъ вещей.

Мы не имѣли случая видѣть вещи, найденныя въ рубцовскихъ

---

[1]) Дневникъ, стр. 26.

курганахъ, и затрудняемся опредѣлить ихъ время. Судя по тому, что насыпи этихъ кургановъ незначительны, скелеты лежатъ въ грунтовыхъ ямахъ, находки бѣдны, бусъ, характерныхъ для XI в., нѣтъ, можно думать, что рубцовскіе курганы относятся ко времени не раньше XII в. и, слѣдовательно, могутъ быть почти одновременны зарайскимъ. Если это такъ и если описываемые курганы, какъ и зарайскіе, принадлежатъ мѣстному русскому населенію края, то надо полагать, что это населеніе не было однороднымъ. По характеру находокъ рубцовскіе курганы ближе подходятъ къ муромскимъ и суздальскимъ, чѣмъ къ тульскимъ и московскимъ. Рѣшеніе вопроса о путяхъ колонизаціи въ Рязанскую землю, повидимому, всецѣло находится въ зависимости отъ дальнѣйшихъ археологическихъ работъ въ краѣ. Такія работы уже ведетъ изъ года въ годъ мѣстная архивная комиссія, и безъ сомнѣнія на ея долю падетъ честь надежнаго рѣшенія этого вопроса.

Къ вопросу о каменныхъ бабахъ.

Въ общественномъ саду г. Вѣрнаго находится интересная каменная баба, изображеніе которой, сдѣланное по рисунку одного художника, при семъ прилагается (табл. IV). Баба мужская, до колѣнъ. На головѣ мягкая круглая шапочка, расшитая по околышу и по четыремъ боковымъ швамъ. Волосы собраны въ 3 косы, изъ которыхъ 2 концами пригнуты къ ушамъ. На бабѣ кафтанъ до колѣнъ, расшитый по вороту, въ подмышкахъ и по подолу. Фигура подпоясана поясомъ, на которомъ съ лѣвой стороны въ чехлѣ виситъ точилка или ножъ, а съ правой кожаная сумочка. Вмѣсто ногъ изображена только обувь. Въ рукахъ баба держитъ сосудъ.

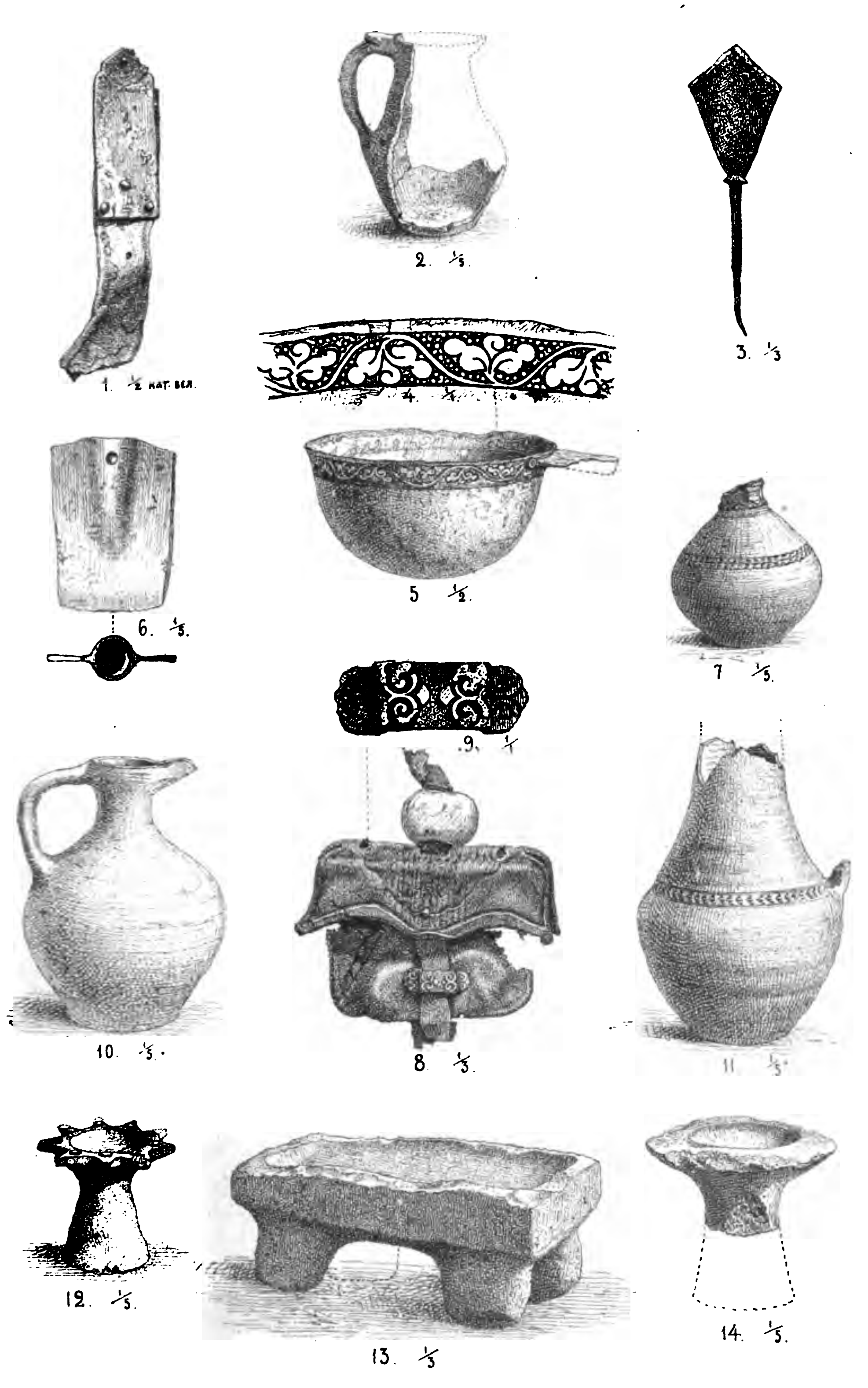
Въ Императорской Археологической Коммиссіи до послѣдняго времени сохранялась небольшая коллекція предметовъ, происходящая, по всей вѣроятности, изъ Средней Азіи; точное мѣстонахожденіе коллекціи, не смотря на всѣ усилія, не могло быть выяснено, и она долгіе годы оставалась въ складѣ при Коммиссіи. Обративъ вниманіе на рисунокъ Вѣрненской каменной бабы, нельзя было не замѣтить, что нѣкоторые предметы, вырѣзанные на бабѣ, имѣются въ этомъ небольшомъ собраніи въ натурѣ. Въ коллекціи находятся:

1) Большой помятый мѣдный котелъ, совершенно похожій на найденный въ 1897 г. въ Иссыкъ-Кулѣ.

2) Большой плоскій кафельный кирпичъ съ изображеніемъ льва, монгольскаго типа.

Таб. IV.

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МЫЦ. 19.



Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. 22. СПб

3) Сломанный сосудъ грубой работы, изъ красной глины, съ ручкой, вышиною 5 дюйм. (табл. V, 2).

4) Сосудъ съ отломанною шейкою изъ хорошей красной глины, орнаментированный полоскою изъ уголковъ и пройденный характерными гладкими полосками, сдѣланными по сырой глинѣ, толщиною $4^1/_2$ дюйма (табл. V, 7).

5) Сосудъ красной грубоватой глины, съ тѣмъ же орнаментомъ и съ ручкой (табл. V, 11).

6) Красивый сосудъ той же глины съ ручкой и носкомъ, отчасти сглаженный полосками, вышиною 8 д. (табл. V, 10). Совершенно такой же формы, матеріала и техники огромный глиняный сосудъ былъ найденъ въ 1897 г. Н. И. Веселовскимъ въ курганѣ Бѣлорѣчинской ст. Кубанской обл., относимомъ приблизительно къ XIV вѣку.

7) Предметъ изъ плотнаго сѣраго песчаника въ видѣ небольшой скамеечки или подставки на четырехъ массивныхъ ножкахъ, четыреугольной формы, имѣющій въ длину 6, въ вышину $2^3/_4$ дюйма; сверху выбито мелкое углубленіе (табл. V, 13). Ближе всего этотъ предметъ можетъ быть названъ блюдомъ.

8) Два глиняныя блюдца на толстыхъ ножкахъ—одно цѣлое, другое сломанное (табл. V, 12 и 14); цѣлый предметъ имѣетъ въ вышину $3^1/_2$ д. Глина красная, работа груба.

9) Лопатка красной мѣди, съ насадомъ посрединѣ, слегка изогнута; длина 5 дюйм. (табл. V, 6). Подобныя были находимы въ Иссыкъ-Кулѣ.

10) Желѣзный наконечникъ стрѣлы, съ расширеніемъ въ верхней части; 5 дюйм. длины (табл. V, 3).

11) Обрывки кожанаго ремня съ серебрянымъ гладкимъ наконечникомъ (табл. V, 1).

12) Кожаная сумка (табл. V, 8 и 9). Собственно сумка плоская, какъ портсигаръ, шириною въ 4 дюйма. Сумочка охвачена посрединѣ тонкимъ ремешкомъ, прикрѣпленнымъ по обѣимъ сторонамъ сумки мѣдными орнаментированными бляшками. Ремешокъ складывается вдвое и прикрѣпляется свободными концами къ поясу. Чтобы вещи не выпадали изъ сумки, для того приспособлена отдѣльная, плоская же, украшенная бляхами, кожаная крышечка, которая пропускается сверху чрезъ описанные ремешки и придерживается на сумкѣ помощью крупной плоской известковой бусы. Въ сумочкѣ хранились какія-то вещи, въ видѣ, напр., кремня, но онѣ уже выпали.

Въ той же коллекціи еще имѣются: точилка изъ чернаго камня,

простой формы, обломки какой-то глиняной подѣлки, покрытой синею поливой, сломанная и низко сросшаяся кость человѣческой ноги и еще небольшая чашечка изъ плохого серебра (табл. V, 4 и 5). Чашечка въ діаметрѣ 3¼ дюйма, имѣетъ орнаментъ въ видѣ схематическихъ листьевъ или, вѣрнѣе, цвѣтковъ на полѣ, заполненномъ кружочками; плоская широкая ручка въ видѣ козырька. По дну, съ внѣшней стороны, слѣды припоя ножки. Орнаментъ слегка позолоченъ. На чашечкѣ была надпись: „холмъ С № 43 могила С“.

Чаша, принадлежащая Румянцевскому музею. (По фотогр. снимку Я. И. Смирнова).

На каменной бабѣ изъ описанныхъ предметовъ мы видимъ, во-первыхъ, сумочку, во-вторыхъ, сосудъ, по общей формѣ такой же, какъ на бабѣ, такъ какъ въ этомъ видѣ онъ представляетъ уже видоизмѣненіе первоначальной своей формы: ножка убрана, прикрѣплена вмѣсто нея ручка. Рука, приготовившая описанную каменную скамеечку, могла безъ труда изваять и каменную бабу.

Сосудъ описываемой каменной бабы весьма любопытенъ, такъ какъ имѣетъ форму уже хорошо извѣстныхъ монгольскихъ серебряныхъ чашъ. Онѣ были находимы въ Забайкальской обл. и въ Енисейской губ. Представляемъ здѣсь изображеніе одной изъ такихъ чашъ,

хранящейся въ собраніяхъ Румянцевскаго музея. Большинство ихъ гладкія, но иногда онѣ покрыты растительнымъ орнаментомъ, какъ на прилагаемомъ рисункѣ. Ободокъ одной такой чаши, находящейся въ коллекціи И. А. Лопатина, покрытъ орнаментомъ, очень близкимъ къ узору чашечки, изображенной на табл. V, 5. Время описываемыхъ сосудовъ опредѣляется ближе всего извѣстной находкой въ с. Нюкскомъ Забайкальской обл., въ которой, между прочимъ, находился такой сосудъ (орнаментированный, съ отнятою ножкой) и серебряное пайзе съ монгольскою надписью [1]), въ которой упомянуто имя Мунке-хана (1251—1259 гг.). Въ Нюкской коллекціи есть серебряный сосудъ съ узкимъ горлышкомъ, напоминающій глиняный сосудъ, изображенный на табл. V, 7.

Итакъ, всѣ описанные предметы, въ томъ числѣ и Вѣрненская каменная баба, могутъ быть отнесены къ XIII в., а быть можетъ, къ нѣсколько болѣе позднему или же нѣсколько болѣе раннему времени.

А. С.

---

[1]) Издано Григорьевымъ въ Ж. М. В. Д., 1846 г., т. XVI и въ Извлеченіи изъ Всеподданнѣйшаго отчета объ археологич. изысканіяхъ въ 1853 г., стр. 19.

Разборъ, обработка и изданіе археологическаго матеріала.

I. *Разборъ коллекцій и приведеніе ихъ въ порядокъ.*

Доставленные съ мѣста раскопки свертки съ вещами необходимо немедленно же просушить, такъ какъ обыкновенно они приходятъ въ нѣсколько влажномъ видѣ, вслѣдствіе чего находящіяся на нихъ надписи легко могутъ совершенно отсырѣть, а самыя вещи попортиться и при разборкѣ поломаться. При просушкѣ свертки отнюдь не развертываются; если же является необходимость достать изъ коллекціи монеты или же какія-либо характерныя вещи, слѣдуетъ отыскать ихъ по дневнику въ соотвѣтственномъ свертке, не тревожа другихъ, а еще лучше подобныя вещи отдѣлять въ особый пакетъ на мѣстѣ самой раскопки. Хорошо просушенные свертки складываются въ ящики и и сберегаются въ сухомъ и безопасномъ мѣстѣ, пока не наступитъ возможность заняться разборомъ всей коллекціи, для чего нужно назначить спеціальное время, съ расчетомъ довести это дѣло до конца въ одинъ пріемъ, не отвлекаясь другими занятіями.

Разборъ коллекціи (весьма непріятный, когда въ дневникѣ раскопокъ обнаруживается неполнота свѣдѣній, а ярлычки при вещахъ исчезли, перепутались или страдаютъ неточностью) начинается тѣмъ, что свертки съ мелкими вещами располагаютъ по мѣстностямъ и по порядку раскопокъ, а предметы болѣе громоздкіе размѣщаютъ отдѣльно отъ нихъ, въ томъ же порядкѣ, но по группамъ: горшки къ горшкамъ, мечи къ мечамъ, топоры къ топорамъ. Послѣднее дѣлается въ видахъ экономіи мѣста. Далѣе свертки одинъ за другимъ вскрываются, вещи подвергаются предварительной очисткѣ, склеиванію и укрѣпленію, снабжаются ярлычками и вносятся въ общую перечневую опись.

Предварительная очистка вещей состоитъ въ освобожденіи ихъ отъ грязи, а отчасти отъ ржавчины, и производится мокрымъ или сухимъ способомъ при помощи воды и щетки (волосяной или металли-

ческой). Но не всѣ вещи можно промывать (напр., вещи съ нѣкоторыми видами эмали, слабые сосуды, черепа) и не всѣ очищать щеткой (таковы вещи нѣжныя, хрупкія или очень проржавѣвшія). Вещи мелкія и ломкія слѣдуетъ остерегаться передвигать и брать пальцами. Ржавчину доводится снимать чаще всего съ монетъ [1]) или съ мелкихъ предметовъ, гдѣ необходимо обнаружить подробности устройства ихъ или орнаментъ. Ржавчину, насѣвшую на желѣзныхъ предметахъ въ видѣ крупныхъ крѣпкихъ желваковъ, не слѣдуетъ обламывать или отбивать, потому что при такой операціи вещи почти неизбѣжно или ломаются, или теряютъ свою форму. Остатки тканей осторожно промываются въ водѣ, а затѣмъ расправляются и сушатся между стеклами. Стекляныя бусы, для обнаруженія ихъ естественныхъ цвѣтовъ, можно покрыть лакомъ.

Вещи поломанныя (мечи, сосуды, мелкія украшенія) необходимо, по возможности, привести въ первоначальный цѣльный видъ. Для этого массивныя вещи склеиваются [2]), плоскія и длинныя прикрѣпляются къ деревяннымъ или металлическимъ шаблонамъ, или же врѣзываются въ дерево, а мелкія и тонкія наклеиваются на мягкую прочную бумагу или же пришиваются на отдѣльные щитки изъ легкаго картона. Бусы нанизываются на крѣпкія нити (но не на проволоку, такъ какъ она легко лопается), которыя на концахъ снабжаются маленькими проволочными колечками, для удобства прикрѣпленія на таблицахъ.

При разборѣ коллекціи слѣдуетъ также принять необходимѣйшія мѣры къ сохраненію вещей, подвергающихся быстрой порчѣ. Особенно это относится къ мѣднымъ вещамъ, покрытымъ рыхлою зернистою ржавчиною, которыя необходимо немедленно пропитать лакомъ, и къ предметамъ, покрытымъ эмалью. Для лучшей сохранности при разборѣ, мелкія вещи размѣщаются въ особыхъ коробочкахъ разной величины, а также въ маленькихъ стекляныхъ трубочкахъ, употребляемыхъ для бутоньерокъ. Ткани прикрѣпляются на бумагѣ или помѣщаются между стеклами. Дальнѣйшія мѣры къ охраненію вещей отъ порчи составляютъ обязанность хранителей музеевъ.

Одновременно съ очисткой вещи снабжаются ярлычками и вносятся въ общую перечневую опись всей коллекціи.

Каждый отдѣльный предметъ коллекціи долженъ имѣть свой особый номеръ. Если одинъ и тотъ же номеръ дается нѣсколькимъ со-

---

[1]) Удобнѣе всего это дѣлать при помощи щелочной ванны. Монета, обернутая листкомъ цинка, опускается на ночь въ сильный растворъ ѣдкаго натра (Caustic soda).

[2]) Лучшій клей—синдетиконъ.

вершенно однороднымъ вещамъ, онъ долженъ быть выставленъ на каждой изъ нихъ отдѣльно. Номеръ можетъ быть написанъ на самой вещи, что особенно удобно для большихъ гладкихъ вещей, не подвергающихся ржавчинѣ, каковы особенно сосуды и кости (для этого имѣются особыя чернила, изъ которыхъ предпочитаютъ красныя), но чаще онъ наносится на прикрѣпляемый къ предмету бумажный ярлычокъ [1]). Такіе ярлычки удобны между прочимъ и тѣмъ, что на нихъ можно писать болѣе крупными и четкими цифрами и вписывать болѣе подробный текстъ. На ярлычкѣ выставляется номеръ описи и погребенія, иногда мѣстность раскопки, а также фамилія изслѣдователя и годъ раскопки. Цифры на ярлычкахъ выписываются четкимъ почеркомъ и непремѣнно при нихъ ставятся точки. Необходимо слѣдить, чтобы номеръ былъ выставленъ на самой вещи, хотя бы она помѣщалась на планшеткѣ, въ сверткѣ или въ коробочкѣ.

Перечневая опись коллекціи составляетъ охранный каталогъ ея и бываетъ полезна для самыхъ разнородныхъ справокъ. Для нея удобны бланки слѣдующаго вида:

№ предмета.	Опись вещей.	№ погребенія.	Примѣчаніе.

Предметамъ даются номера по порядку погребеній. Неудобно переходить къ новому погребенію, не занумеровавъ всѣхъ вещей предъидущаго, нельзя располагать въ описи предметы по типамъ или въ другомъ какомъ-либо порядкѣ, вообще нельзя разъединять вещей одного

[1]) Ярлычки и способъ прикрѣпленія ихъ къ вещи могутъ быть различны. Номеръ можетъ быть написанъ на крохотномъ квадратикѣ бумаги, который прикрѣпляется наилучшимъ клеемъ въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ предмета (послѣ чего его покрываютъ сверху лакомъ). Такой этикетъ можетъ быть прикрѣпленъ къ предмету и ниткой, при чемъ онъ приготовляется изъ крѣпкой бумаги, напр. карточной, и нитка берется шелковая. Но наиболѣе удобными признаются отдѣльные небольшаго размѣра ярлычки на ниткахъ, которые имѣются въ продажѣ и которые легко изготовляются домашнимъ способомъ. Для этого изъ крѣпкой бумаги нарѣзываются этикетки нужной величины, нанизываются съ помощью иголки на длинную черную или цвѣтную нить, послѣ чего обрѣзываютъ отъ нити одну за другой этикетки съ обрывкомъ нити до 20 и менѣе сант. длины, концы связываютъ—и рядъ ярлычковъ готовъ. Для прикрѣпленія ярлычка предметъ помѣщаютъ тонкою частью на сложенную вдвое нить ярлычка, затѣмъ обѣ нити раздвигаютъ и въ образовавшуюся петлю продѣваютъ этикетку. Если вещь велика, она охватывается предварительно ниткой, къ которой и прикрѣпляется ярлычокъ; если предметъ не можетъ быть охваченъ ниткою, ярлычокъ прикрѣпляется къ нему воскомъ или сургучомъ.

и того же погребенія. Въ описи отмѣчается матеріалъ предмета, его названіе, и хорошо помѣщать здѣсь еще нѣкоторыя другія указанія, напр. величину нѣкоторыхъ вещей, особенности ихъ формы; это наиболѣе необходимо для крупныхъ предметовъ и важно на случай возможной утраты ярлычка. Конечно, наилучшій способъ навсегда сохранить для предмета данный ему номеръ—помѣстить въ описи маленькій рисунокъ его, какъ это въ нѣкоторыхъ музеяхъ и дѣлается. Графа описи съ отмѣткою номера погребенія должна быть обязательно пополняема: это очень облегчаетъ справки какъ для консерватора, такъ и для изслѣдователя. Для каждаго большого могильника удобнѣе составлять отдѣльную перечневую опись предметамъ.

Когда всѣ вещи очищены, предохранены отъ порчи, снабжены номерами и зарегистрированы въ описи,—коллекція приведена въ порядокъ, неотложныя работы съ нею кончены, и она можетъ быть удалена. Но такъ какъ вещи изъ раскопки обыкновенно немедленно же идутъ на какую-нибудь выставку или же требуются для чтенія отчета о раскопкѣ, то становится почти неизбѣжною нашивка ихъ на картонныя планшетки, что, впрочемъ, очень поднимаетъ наглядность коллекціи и содѣйствуетъ ея лучшей сохранности [1]).

Коллекціи малыя приводятся въ порядокъ съ такою же тщательностью, какъ и большія.

II. *Составленіе отчета о раскопкахъ.*

Въ отчетѣ о произведенной раскопкѣ помѣщаются свѣдѣнія объ устройствѣ курганныхъ насыпей и вообще всякихъ сооруженій, при-

[1]) Картонныя таблицы для нашивки предметовъ удобнѣе всего изготовлять въ размѣрѣ 13×18 сант.: малыя таблицы удобнѣе держать въ рукахъ и размѣщать на выставкахъ, а кромѣ того указанный размѣръ представляетъ величину большихъ фотографическихъ пластинокъ, что удобно для изготовленія фотографическихъ снимковъ съ таблицъ предметовъ въ ихъ натуральную величину. Для того, чтобы такіе снимки выходили отчетливѣе, таблицы слѣдуетъ оклеивать сѣровато-голубой или иной подобной бумагой. Прикрѣпленіе вещей на таблицы требуетъ сноровки. Выдѣливъ достаточное количество вещей для одной таблицы (всегда въ порядкѣ погребеній или—что тоже—номеровъ описи), группируютъ ихъ попарно и затѣмъ наносятъ на планшетку, наблюдая, чтобы непарные предметы пришлись посрединѣ ея, а парные по бокамъ, при чемъ требуется, чтобы центры послѣднихъ находились въ одинаковомъ разстояніи отъ краевъ рамки, какъ по вертикальной, такъ и по горизонтальной линіи. Болѣе крупныя вещи размѣщаются внизу. Когда размѣщеніе вещей на таблицѣ кончено, дѣлаются въ картонѣ шиломъ необходимые проколы, послѣ чего всѣ вещи удаляются въ томъ же порядкѣ на запасную планшетку и потомъ прикрѣпляются на назначенномъ мѣстѣ одна за другою. Для пришивки предметовъ употребляются черныя вощаныя толстыя нитки. Вещи тяжелыя должны быть прикрѣплены нитками въ 2—3 раза по каждому проколу.

крывающихъ погребенія сверху, объ устройствѣ погребальныхъ ямъ, о положеніи и сохранности костяковъ, наконецъ, перечень найденныхъ въ могилѣ вещей съ точнымъ указаніемъ мѣста, занимаемаго ими при скелетѣ.

Всѣ подробности погребенія описываются въ отчетѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они наблюдались въ моментъ вскрытія могилы. Но такъ какъ конечную цѣль раскопки составляетъ полное возстановленіе картины погребенія и такъ какъ это можетъ дать единственно только лицо, производившее раскопку, то во всѣхъ неясныхъ случаяхъ отчетъ заканчивается обсужденіемъ вопроса о первоначальномъ видѣ могилы и костяка и положенныхъ при немъ предметовъ. Отчетъ о раскопкѣ, выйдя изъ рукъ составителя, становится своего рода юридическимъ, вполнѣ законченнымъ документомъ, отъ котораго нельзя ничего отнять и къ которому нельзя ничего прибавить. Онъ устанавливаетъ обще-обязательные факты, составляющіе важнѣйшее достояніе науки, и никогда не теряетъ своей цѣны. Изъ всѣхъ видовъ археологическихъ работъ составленіе отчета о раскопкѣ есть самая отвѣтственная, важная и требующая наибольшей осторожности и наблюдательности. Это дѣло настолько трудное, что вполнѣ хорошіе археологическіе отчеты представляютъ почти рѣдкость. При составленіи отчета изслѣдователь долженъ держать въ напряженіи всѣ свои силы, все замѣтить и объяснить. Все сомнительное и неясное должно быть обязательно отмѣчено, всѣ промахи раскопки, почти неизбѣжныя, должны быть указаны. Гладкій, красивый и категорическій отчетъ о раскопкахъ лишенъ жизни и не внушаетъ довѣрія.

Конечно, даже самое подробное и точное словесное описаніе вскрытаго погребенія не можетъ дать ясной его картины, его нагляднаго воспроизведенія,—поэтому отчетъ о каждомъ погребеніи обязательно долженъ сопровождаться чертежомъ, хотя бы самымъ грубымъ и несовершеннымъ. Контурный набросокъ замѣняетъ цѣлыя страницы текста, и польза ихъ въ этомъ отношеніи такъ наглядна, что стоитъ нѣсколько освоиться съ ними, какъ они тотчасъ становятся привычкой. Составленіе чертежей и рисунковъ погребеній весьма важно еще въ томъ отношеніи, что оно представляетъ наилучшій контроль надъ раскопками: невнимательная раскопка не дастъ рисунка. Обобщенія по тексту, лишенному чертежей, есть не болѣе, какъ мертвый механическій, односторонній подсчетъ извѣстнаго ряда фактовъ; рисунки даютъ общимъ выводамъ нерѣдко поразительную и неожиданную полноту и жизненность. Общій схематическій чертежъ (продольное и поперечное сѣченія) обрисовываетъ особенности

погребенія, болѣе детальные чертежи представляютъ положеніе вещей на костякѣ и ихъ взаимное отношеніе [1]).

Въ отчетѣ ясное излагается коротко, безъ излишнихъ подробностей, все сомнительное — съ возможною полнотою; особенно подробно составляются отчеты для погребеній своеобразныхъ, важныхъ, древнихъ или представляющихъ новость. Гдѣ въ цѣломъ могильникѣ или въ курганной группѣ наблюдается единообразіе въ обрядѣ погребенія, тамъ, для большей ясности изложенія и для устраненія въ немъ излишней и утомительной мелочности, отчетъ удобно начать общей краткой характеристикой обряда погребенія, послѣ чего въ описаніи каждаго отдѣльнаго погребенія помѣщаются лишь его особенности и отличія. Отчетъ о раскопкѣ не долженъ осложняться подробнымъ описаніемъ найденныхъ вещей, что удобнѣе выдѣлить въ особую главу отчета (если составитель его признаетъ необходимымъ это сдѣлать). При отчетѣ прилагается планъ мѣстности раскопокъ и планъ расположенія кургановъ или могилъ.

Составленіемъ отчета о раскопкахъ всего удобнѣе заняться одновременно съ приведеніемъ коллекціи въ порядокъ, но впрочемъ это большой важности не имѣетъ.

Коллекція приведена въ порядокъ, отчетъ о раскопкѣ составленъ — на этомъ кончаются прямыя обязанности лицъ, производящихъ раскопки; далѣе добытый ими матеріалъ поступаетъ въ руки издателя и изслѣдователя. Но такъ какъ изданіе коллекцій обыкновенно замедляется, то чаще всего на долю лица, произведшаго раскопку, падаетъ также и подведеніе общихъ итоговъ ея: опредѣленіе типовъ погребеній и общая характеристика найденныхъ предметовъ древности. Такая предварительная обработка матеріала не можетъ представить большихъ затрудненій, между тѣмъ она весьма желательна какъ для спеціалистовъ, такъ и для всѣхъ вообще заинтересованныхъ въ раскопкѣ лицъ. Работа эта чрезвычайно важна и непосредственно въ интересахъ самого дѣла, потому что она должна обнаружить неясность или другіе недостатки отчета, которые его составитель можетъ немедленно же устранить.

III. *Обработка археологическаго матеріала для изданія.*

Издатель археологическаго матеріала принимаетъ на себя обязанность представить его въ видѣ, наиболѣе удобномъ для всякаго рода изслѣ-

[1]) Чертежи удобнѣе изготовлять на отдѣльныхъ листкахъ или въ альбомахъ (чтобы не перерисовывать при перепискѣ текста).

дованій и справокъ. Его работа должна дать готовый и скорый отвѣтъ на всякій вопросъ, съ какимъ къ ней ни обратились бы по поводу данныхъ раскопокъ. Поэтому строгое опредѣленіе состава издаваемой коллекціи является первѣйшей и важнѣйшей его заботою.

Въ каждой группѣ кургановъ необходимо погребенія разгруппировать по типамъ, въ каждомъ могильникѣ обряды погребенія и вещи старыя должны быть выдѣлены отъ болѣе новыхъ. Наилучшій путь для такой работы—наглядно-механическій, состоящій въ томъ, что всѣ изучаемыя погребенія размѣщаются въ мелкихъ рисункахъ на отдѣльныхъ листкахъ или табличкахъ, сходныя погребенія къ сходнымъ. Зарисовываются какъ особенности обряда погребенія, такъ и самыя вещи; всѣ сколько-нибудь существенные пріемы погребенія, всякая хотя бы лишь слегка чувствуемая разница въ вещахъ заносятся на отдѣльный листокъ, вмѣстѣ съ номеромъ погребенія. Въ результатѣ этого медленнаго труда является прекрасная, вполнѣ точная группировка матеріала по типамъ и отличный матеріалъ для атласа рисунковъ. Описанная работа требуетъ не малаго вниманія, потому что на первыхъ порахъ ея, при недостаткѣ опытности, нерѣдко довольно отдаленное сходство принимается за близкое, а съ другой стороны—не отыскивается сходства тамъ, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ существуетъ. Потому-то отдѣльныя таблички съ чертежами погребеній приходится пересматривать неоднократно, перенося погребенія съ одного листка на другой и выдѣляя новые листки, пока не получится вполнѣ удовлетворительная группировка ихъ. Въ большихъ могильникахъ слѣдуетъ сдѣлать попытку разгруппировать погребенія на болѣе древнія и новыя, а если возможно, то и на среднія по времени. Отсутствіе не только надежной, но даже какой-нибудь группировки матеріала по типамъ составляетъ существенный недостатокъ нашихъ археологическихъ изданій, сильно задерживающій успѣхи науки, не вчера родившейся. Тѣмъ отвѣтственнѣе становимся мы за послѣдующія наши изданія.

Послѣ выдѣленія въ данномъ археологическомъ матеріалѣ типовъ погребеній, слѣдуетъ систематическое описаніе обряда погребеній и найденныхъ при нихъ вещей, по каждому типу въ отдѣльности, но предварительно опредѣляется полъ всѣхъ погребенныхъ (если онъ не опредѣленъ въ самой могилѣ по анатомическимъ признакамъ). Неодолимыхъ затрудненій такая задача обыкновенно не представляетъ. Костяки съ соотвѣтственнымъ головнымъ уборомъ, серьгами, ожерельемъ, шейными гривнами, многочисленными нагрудными украшеніями могутъ быть зачтены въ число женскихъ; скелеты съ предметами вооруженія, вещами кон-

скаго убора, поясомъ, огнивомъ, большими фибулами и пряжками можно признать мужскими. Руководясь этими основными признаками, для опредѣленія пола погребенныхъ достаточно со вниманіемъ вновь пересмотрѣть всю коллекцію по погребеніямъ и вновь прочесть описаніе всѣхъ погребеній въ отчетѣ о раскопкѣ. Въ спискѣ погребеній одни изъ нихъ отмѣчаются несомнѣнно мужскими или женскими, другія опредѣляются съ вопросомъ, совершенно неопредѣлимыя отмѣчаются однимъ вопросомъ.

Въ описаніи обрядовъ погребенія излагаются особенности ихъ — преобладающія, болѣе рѣдкія и, наконецъ, случайныя. Для точности, наглядности и доказательности, описанія тѣхъ, другихъ и третьихъ особенностей этихъ должны быть основаны на цифровыхъ данныхъ. Въ видахъ удобства цифрового подсчета, всѣ главнѣйшія данныя, заключающіяся въ отчетѣ о раскопкахъ и касающіяся обрядовъ погребенія, предварительно выносятся на особыя таблицы, которыя могутъ имѣть слѣдующій видъ [1]):

№ погребенія.	Глуб. ямы.	Положен. голов.	Длина скелета.	Подстилка.	Сосудъ.	Уголь.	Полъ.	
1	1½ а.	С.	2 а. 5 в.	+	—	—	М.	. . . .
2	. . .	. . .	. . . .	. . .	. . .	. . .	. .	. . . .
3	1¾ а.	С.	2 а. 4 в.	+	+	—	Ж.	. . . .

На таблицы могутъ быть нанесены всевозможныя свѣдѣнія: высота и глубина погребенія въ курганѣ, положеніе костяка, присутствіе слоевъ золы и угля, костей животныхъ, гробовищъ и пр. Таблички эти служатъ не только для цифровыхъ подсчетовъ, но и въ качествѣ удобнаго указателя къ самому отчету. Впускныя погребенія лучше отмѣчать на отдѣльныхъ таблицахъ, хотя бы ихъ было и немного.

Пользуясь указаніями табличекъ, приступаютъ къ послѣдовательному описанію особенностей обряда погребенія, одна за другою. Для этого дается ихъ общая характеристика и описываются всѣ отмѣченные въ отчетѣ особенные и характерные случаи. Нѣкоторыя особенности, именно болѣе важныя или не очень ясныя, описываются со всевозможною полнотою и подробностями, другія (напр. положеніе головы вправо или влѣво, положеніе рукъ) излагаются лишь вскользь. Всѣ сомнѣнія старательно отмѣчаются; при всѣхъ описаніяхъ постоянно имѣется въ виду, что изучаемыя особенности погребенія могли отъ времени потерпѣть измѣненія. Описываемыя подробности погребенія

[1]) Удобнѣе размѣръ 15×22 сант. съ промежутками между линейками въ ¾ сант.

сопоставляются съ другими данными погребенія, и прежде всего изслѣдуется, въ какомъ отношеніи тѣ или другія подробности находятся къ полу погребенныхъ. При выясненіи обрядовъ погребенія большую услугу оказываютъ хорошо сохранившіяся погребенія, которыя поэтому и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Въ описаніе вещей археологической коллекціи входитъ опредѣленіе ихъ назначенія и способа употребленія, описаніе ихъ формы, величины, орнамента, техники, указаніе матеріала, наконецъ, цифровыя данныя о нихъ (отношеніе количества находокъ къ числу костяковъ и процентное отношеніе разновидностей къ роду или виду вещей).

Такому описанію также предшествуютъ подготовительныя работы на табличкахъ, которыя на этотъ разъ могутъ имѣть такую форму:

Витые браслеты	ж. ж. ж.? ж. ж. 2, 4, 5, 7 (возлѣ кисти), 12 (лѣв.). . . . .
Большія пряжки. . . .	м. м.? м. 6 (поясъ), 8 (тазъ), 15 (поясъ) . . . .
. . . .	. . . .

Таблички эти имѣютъ меньшіе размѣры и заключаютъ 2 графы. Въ одну заносится рисунокъ вещи или ея названіе, а въ другую—перечень погребеній, въ которыхъ данный предметъ найденъ, при чемъ тутъ же помѣщается свѣдѣніе, при мужскомъ или женскомъ скелетѣ онъ лежалъ и гдѣ именно. Для того, чтобы описаніе предметовъ коллекціи вышло возможно отчетливымъ, за типъ для нанесенія на таблицы принимается всякая сколько-нибудь характерная особенность предмета: форма, величина, орнаментъ, детали украшеній, техника и пр. Работа идетъ по группамъ: головные уборы, ожерелья, браслеты, перстни и пр.

Описанія предметовъ должны быть подробны, но немногословны. Необходимо употребленіе принятыхъ терминовъ, весьма желательна выработка новыхъ. Для дальнѣйшихъ успѣховъ археологіи важно, чтобы форма, техника и орнаментъ вещей описаны были съ особенною заботливостью. Назначеніе нѣкоторыхъ вещей и способъ ихъ употребленія уясняется съ величайшими усиліями. Наилучшее пособіе при этомъ — чертежи погребеній. Простой подсчетъ занесенныхъ на таблички свѣдѣній точно опредѣляетъ, какіе типы предметовъ въ данныхъ погребеніяхъ наиболѣе употребительны и какіе составляли роскошь или рѣдкость. Одновременно съ описаніемъ типовъ находокъ, изъ коллекціи выбираются наиболѣе характерные экземпляры для изданія,

при чемъ вниманіе слѣдуетъ обращать не только на предметы типичные, но также и на схематизированные, но обильные по числу находокъ. Описаніе предметовъ заканчивается общею характеристикой женскаго и мужского наряда и опредѣленіемъ наиболѣе характерныхъ признаковъ данной культуры. Страницы изданія, посвященныя этимъ двумъ темамъ, представятъ итоги всей работы и прежде всего возбудятъ интересъ лицъ, къ ней обращающихся.

Издатель археологическаго матеріала, не обладающій вполнѣ достаточными для того данными, *обязанъ* воздержаться отъ отрывочныхъ сравненій его съ матеріаломъ другихъ раскопокъ, а особенно отъ опредѣленія времени описываемыхъ имъ памятниковъ древности и народа, которому они могли принадлежать. Послѣднее опасно особенно потому,что всякое мнѣніе такого рода, высказанное при изданіи матеріала, имѣетъ свойство держаться долгое время, хотя бы тотчасъ же оказалось неосновательнымъ. Отрывочныя ссылки на аналогіи описываемыхъ вещей съ подобными предметами изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей не даютъ никакихъ выводовъ, отягощаютъ изложеніе и обезличиваютъ самый текстъ. Гдѣ представляется удобнымъ ссылаться на аналогіи, тамъ слѣдуетъ быть вполнѣ точнымъ, т. е. отмѣчать самую степень аналогіи: тожество, близкое сходство, отдаленное сходство.

Для обработки къ изданію смѣшанныхъ археологическихъ коллекцій, вещей, добытыхъ изъ раскопокъ городищъ и пр., пользуются тѣми же пріемами, какъ для описанія коллекцій, добытыхъ изъ раскопокъ могильниковъ и кургановъ.

IV. *Изданіе археологическаго матеріала.*

Изданіе обработаннаго археологическаго матеріала можетъ состоять изъ слѣдующихъ частей:

1) Предисловія, заключающаго исторію открытія изслѣдованныхъ памятниковъ и произведенныхъ въ нихъ раскопокъ, указанія на достоинства и недостатки матеріала, на нерѣшенные вопросы и пр.

2) Описанія внѣшняго вида памятниковъ и открытыхъ въ нихъ обрядовъ погребенія и предметовъ древностей;

3) Подробнаго отчета о раскопкахъ;

4) Таблицъ рисунковъ;

5) Указателя къ таблицамъ, съ ссылками на страницы текста и отчета, гдѣ описаны изображенные на нихъ предметы;

6) Алфавитнаго указателя ко всему изданію, если это представится необходимымъ.

Отчетъ лица, производившаго раскопки, вмѣстѣ съ самою коллекціею, имѣетъ для научныхъ изысканій характеръ источника, обработка же этого матеріала издателемъ есть не болѣе, какъ пособіе. Поэтому самыми цѣнными частями изданія являются отчетъ о раскопкѣ и таблицы рисунковъ. Текстъ изданія служитъ собственно лишь для облегченія пользованія тѣмъ и другимъ матеріаломъ, и никогда не можетъ исчерпать всего интереса этого матеріала. И отчетъ, и таблицы должны быть изданы со всевозможною тщательностью.

Отчетъ о раскопкахъ долженъ быть изданъ въ такомъ видѣ, чтобы каждое погребеніе по нему легко могло быть возстановлено съ полною подробностью. Съ этою цѣлью при всѣхъ предметахъ коллекціи, не представленныхъ на рисункѣ, въ отчетѣ обязательно должно быть означено, что предметъ этотъ тожественъ по типу съ предметомъ, изображеннымъ на такой-то таблицѣ даннаго или другого какого-нибудь общедоступнаго изданія, или же имѣетъ отъ него такія-то отличія.

Руководствомъ при выборѣ предметовъ для изданія рисунковъ служитъ сдѣланное уже описаніе ихъ, а для контроля—листки съ рисунками, изготовленные для опредѣленіи типовъ погребеній. Выше уже упомянуто, что для зарисовки должны быть взяты и вещи сравнительно не характерной и плохой работы, но встрѣтившіяся въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Таблицы рисунковъ могутъ быть изданы способомъ фототипіи или литографіи. Первый очень удобенъ тѣмъ, что скоръ, и важенъ въ томъ отношеніи, что передаетъ предметы съ механическою точностью, но онъ не передаетъ деталей и представляетъ вещи во всей степени ихъ разрушенія и порчи; мелкіе предметы при немъ особенно много теряютъ. Поэтому старый литографическій способъ изданія археологическихъ коллекцій, не представляющихъ художественнаго интереса, въ теоріи до сихъ поръ остается наилучшимъ. Но онъ неудобенъ тѣмъ, что для него трудно найти хорошаго мастера, и отчасти тѣмъ, что способъ этотъ значительно медленнѣе.

При составленіи таблицъ рисунковъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы вещи одного и того же типа погребенія помѣщались вмѣстѣ: древнія къ древнимъ, новыя къ новымъ. На таблицѣ слѣдуетъ изображать не только самый предметъ, но и всѣ интересныя детали его, обратную сторону и пр.

Существуютъ различные способы изготовленія клише рисунковъ для текста. Лучшее изображеніе предмета, конечно, даетъ искусная гравюра на деревѣ, хотя нельзя сказать, чтобы была для предметовъ

древности установлена обычаемъ какая-нибудь одна манера гравюры. Одни, чтобы придать фигурамъ живость старины, отѣняютъ ихъ тонкими разорванными штрихами, другіе, чтобы выработать въ гравюрѣ нормальную форму и детали предмета, напротивъ, лишаютъ ее живости и придаютъ ей сухой схематизмъ (манера изданія рисунковъ машинъ и приборовъ); третій родъ гравюры — обыкновенная обработка рисунка тонами и полутонами; четвертый — рисунокъ въ однихъ контурахъ. Такъ какъ граверъ не археологъ, то лучше давать ему готовый рисунокъ предмета, изготовленный опытною рукою. Вслѣдствіе дешевизны, въ большомъ ходу изготовленіе цинкографическихъ клише. При заказѣ такого клише дается или самый предметъ, или фотографическій снимокъ съ него, или рисунокъ. Рисунокъ можетъ быть изготовленъ тонами, штрихами или контуромъ на простой бумагѣ, а также на спеціальной тоновой или корновой; во второмъ случаѣ клише обходится всего дешевле, какъ и клише съ рисунковъ контуромъ и штрихами. На тоновой бумагѣ особенно удаются рисунки гладкихъ вещей, на корновой — изображенія грубыхъ. Зарисовка предметовъ для изготовленія цинкографическихъ клише имѣетъ свои правила; напр., для этого удобнѣе всего употреблять не чернила, а тушь, неудобно карандашные штрихи дополнять тушью, неудобна мелкая штриховка и пр. Лучшій рисунокъ для цинкографическаго клише — рисунокъ предмета почти въ натуральную величину (или даже больше ея), отѣненный грубыми штрихами. При значительномъ уменьшеніи въ мастерской цинкографа такой рисунокъ даетъ превосходное отчетливое клише.

А. Спицынъ.

Мелкія сообщенія [1]).

Вещи изъ раскопокъ г. Тиммлера. Въ 1885 г. въ Императорское Русское Археологическое Общество г. Тиммлеромъ доставлено было небольшое собраніе вещей изъ раскопанныхъ въ семлевской вол. Вяземскаго у., Смоленской губ., 3-хъ кургановъ [2]). Въ собраніи этомъ находятся:

1) 5 ажурныхъ круглыхъ подвѣсокъ для ожерелья изъ сѣраго металла, имѣющихъ какія-то схематизированныя изображенія, быть можетъ, оленей или другихъ животныхъ (рис. 1).

2) Сердоликовая буса, гранчатая, цилиндрической формы.

3) 7 мѣдныхъ бубенчиковъ, круглой формы, съ прорѣзью въ нижней части.

4) 2 широкіе пластинчатые мѣдные перстня съ суживающимися концами, орнаментированные бородавчатыми выпуклостями (рис. 2).

5) Круглый гладкій перстень, также съ суживающимися, несомкнутыми концами.

6) Тонкій витой браслетъ съ петлями на концахъ (типа петербургскихъ кургановъ Табл. IV, 2).

7) Желѣзный ножъ.

Всѣ эти вещи могутъ быть отнесены къ XI в. и по типу примыкаютъ къ предметамъ кривичскаго происхожденія. Семлево находится въ южной части уѣзда, почти на границѣ съ Юхновскимъ, гдѣ обнаружены курганы съ другими типами вещей, надо думать, вятичевскіе.

Находка древнихъ вещей въ Сувалкской губ. Въ 1888 г. при фортификаціонныхъ работахъ близъ д. Бакшишки, Сувалкской губ., найдены были (повидимому, при костяхъ) различныя мѣдныя вещи, весьма интереснаго и рѣдкаго типа, уцѣлѣвшая часть которыхъ, при посредствѣ поручика Вейтко, главнокомандующимъ Виленскаго военнаго округа генераломъ Ганецкимъ препровождена была въ Императ. Архео-

---

[1]) Читаны въ собраніяхъ Отдѣленія русской и славянской археологіи.

[2]) Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. II, стр. LVI (нов. сер.).

логическую Коммиссію и нынѣ находится въ Импер. Эрмитажѣ. Въ это собраніе входятъ:

1) Двѣ прекрасныя большія пряжки уже извѣстнаго типа (Табл. I, 5). Верхняя часть одной изъ нихъ украшена ромбомъ, имѣющимъ по угламъ выпуклости въ видѣ плоскихъ горошинъ. Эмаль въ ромбѣ ярко-кирпичнаго цвѣта, а въ кружкахъ имѣетъ видъ неправильныхъ красныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ полосъ. Другая пряжка украшена въ верхней части четыреугольникомъ, также съ горошинами по угламъ; эмаль на ней исключительно красная, или вѣрнѣе—кирпичнаго цвѣта.

2) Ожерелье, составленное почти изъ 100 сплющенныхъ колечекъ и такихъ же трубочекъ.

3) Двѣ ажурныя подвѣски къ ожерелью въ видѣ кружковъ съ крестами внутри и тремя выступами по бокамъ (Табл. I, 1 и 2).

Рис. 1.

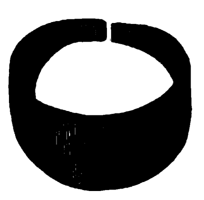


Рис. 2.

4) Двѣ булавки; одна мѣдная съ булавовиднымъ концомъ (Табл. I, 3), другая желѣзная съ мѣднымъ навершьемъ, оканчивающимся шляпкой и кольцомъ.

5) Сломанная подвѣска въ видѣ двойной тонкой спирали.

6) Три характерныя шейныя гривны, обтянутыя проволокою и имѣющія на одномъ концѣ крючокъ, на другомъ украшеніе въ видѣ большого лотка.

7) Два большіе и широкіе браслета, очень выпуклой формы. Браслеты литые (?) и надчеканены мелкимъ орнаментомъ въ видѣ веревочекъ.

8) Браслетъ такого же типа, но значительно уже (Табл. I, 6).

9) Два такіе же браслета, болѣе плоскіе и надчеканенные выпуклыми дорожками (Табл. I, 7).

10) Спиральный наручникъ съ завитками на концахъ (Табл. I, 4). Лента раздѣлана на 2 грани.

11) Два небольшіе тонкіе пластинчатые браслета, съ слегка выпуклою внѣшнею частью; на одномъ легкій орнаментъ.

12) Четыре браслета изъ круглой проволоки.

13) Спиральный перстень, изъ круглой проволоки, въ 3 оборота.

14) Пластинчатый широкій перстень съ заходящими другъ на друга концами.

15) Колечко со спиралью на одномъ концѣ, расположенною вертикально, какъ на пряжкахъ изъ Тюрсельскаго могильника.

До послѣднихъ раскопокъ Ѳ. В. Покровскаго въ Виленской губ. описанныя вещи среди русскихъ древностей стояли особнякомъ и были непонятны. Теперь мы знаемъ, что они принадлежатъ къ той культурѣ, характеризующейся подѣлками съ выемчатою эмалью, распространеніе которой уже прослѣжено въ бассейнахъ Вислы, Днѣпра, Оки и отчасти Зап. Двины и которая можетъ быть отнесена, повидимому, ко времени отъ V-го до VIII в. Точнѣе опредѣлить ея время пока не представляется возможнымъ, равно какъ неизвѣстно и ея происхожденіе.

Ѳ. В. Покровскій при раскопкахъ кургановъ близъ д. Мѣжаны, Свѣнцянскаго у., изъ перечисленныхъ типовъ предметовъ нашелъ подвѣску въ видѣ креста, широкій браслетъ и гривну съ концомъ въ видѣ лотка [1]).

А. С.

Одинъ изъ типовъ поясного набора въ русскихъ древностяхъ. Въ русскихъ древностяхъ среди поясного набора есть одинъ типъ, обращающій вниманіе по особенной своеобразности. Поверхность входящихъ въ такіе наборы бляшекъ совершенно гладка и ровна. Контуръ ихъ вырѣзанъ изъ изящно выгнутыхъ округлостей, лепестковъ и угловъ, самый край скошенъ. Орнаментъ состоитъ изъ тонкихъ прорѣзныхъ, геометрически правильныхъ фигуръ. Матеріалъ—почти исключительно серебро. Среди подѣлокъ изъ серебра и вообще изъ металла, литыхъ, тисненыхъ или чеканенныхъ, издѣлія такого рода совершенно необычайны, такъ какъ издѣліямъ изъ металла свойственны круглыя или прямоугольныя формы съ выпуклыми, накладными или гравированными орнаментами. Поэтому является естественною догадка, не слѣдуетъ-ли искать прототипа этого набора въ подѣлкахъ изъ другого матеріала, именно изъ камня или кости. Дѣйствительно, есть одинъ камень, изъ котораго мелкія подѣлки должны имѣть именно описанный выше стиль, это—нефритъ, красивый и крѣпкій камень, допускающій самую тонкую обработку.

Въ имѣющемся у меня подъ руками матеріалѣ я нахожу указанія,

---

[1]) Табл. XI и XII при Труд. Виленск. Археол. Съѣзда, т. II.

Табл. I.

что древнѣйшіе экземпляры гладкихъ поясныхъ бляшекъ встрѣчаются въ такъ-называемыхъ готскихъ древностяхъ III—IV в. [1]). Здѣсь онѣ, впрочемъ, очень рѣдки и имѣютъ однообразную форму. Въ V в. серебряныя поясныя ажурныя бляшки уже обыкновенны (Воронежская находка 1895 г.), а въ VI—VIII в. онѣ имѣютъ огромное распространеніе и многообразіе типовъ въ древностяхъ Сѣвернаго Кавказа. Другая мѣстность, гдѣ въ VII—VIII в. очень обыкновенны гладкія поясныя бляшки разнообразныхъ типовъ—Западная Сибирь (бассейнъ р. Оби и Иртыша), а отчасти Уфа и Пермь. Попадаются онѣ также въ могильникахъ VI—VIII в. по Окѣ, куда могли проникнуть съ Кавказа. Въ древностяхъ Днѣпра, Венгріи, Зап. Двины, Прибалтійскаго края и Финляндіи онѣ встрѣчаются лишь изрѣдка. Отъ X — XI в. гладкіе поясные наборы извѣстны въ могильникахъ Камы и Оки, а исчезаютъ они отъ нашего наблюденія въ позднихъ черемисскихъ могильникахъ. Такимъ образомъ историческій районъ распространенія описываемаго набора представляетъ собою широкую полосу, тянущуюся отъ сѣверныхъ предѣловъ Средней Азіи на западъ до Крыма и Оки, т.-е. мѣстность, на которую ближайшимъ образомъ дѣйствовало вліяніе средне-азіатской культуры, гдѣ, быть можетъ, удастся найти и прототипы этихъ наборовъ въ видѣ подѣлокъ изъ нефрита. Въ настоящее время такихъ подѣлокъ въ русскихъ коллекціяхъ, насколько я ихъ знаю, пока не попадается, но это, безъ сомнѣнія, не значитъ, что ихъ не будетъ найдено. Имѣющіяся въ Императ. Эрмитажѣ нефритовыя поясныя бляшки (поясная пряжка изъ развалинъ Сарая, наборъ изъ раскопокъ въ Семирѣченской обл. Фетисова, поясная бляшка изъ Самарканда) могутъ быть отнесены ко времени не раньше XIII в. Въ коллекціи В. Г. Бока имѣется интересная поясная нефритовая бляшка стараго типа съ прорѣзью посрединѣ и съ схематизированнымъ изображеніемъ головы, пасть которой совпадаетъ съ линіею прорѣзи, но бляшка эта, повидимому, также не очень древняго происхожденія (рис. 3). Своею замѣткой я желалъ бы обратить вниманіе на важность, какую можетъ имѣть для русской археологіи собираніе и изученіе мелкихъ подѣлокъ изъ нефрита.

Рис. 3.

А. Спицынъ.

[1]) Коллекція золотыхъ готскихъ вещей изъ Керчи въ Историческомъ музеѣ.

Когда появились складные ножи? На Востокѣ нигдѣ складены ножи не встрѣчаются, и нигдѣ, на сколько я знаю, не были найдены. Тамъ всегда ножи прямые, помѣщаемые въ отдѣльныхъ футлярахъ. Вслѣдствіе этого надо предположить, что изготовленіе складныхъ ножей началось на западѣ, въ Европѣ. Теперь вопросъ—когда же? На этотъ вопросъ я и позволяю себѣ обратить вниманіе археологовъ.

Съ своей стороны, замѣчу, что въ моихъ раскопкахъ мнѣ встрѣтился одинъ разъ складной ножъ въ курганѣ Кубанской области, въ Бѣлорѣченской станицѣ. Это не должно противорѣчить моему первому положенію, что складные ножи изобрѣтеніе западное. Найденный мною ножъ находился съ вещами западнаго происхожденія, а именно съ шелковыми венеціанскими тканями и съ венеціанскимъ стекломъ. Время насыпки кургана опредѣляется золотоордынскими монетами, изъ которыхъ самая поздняя относится къ первой половинѣ XIV вѣка, а самая новая—къ началу XV вѣка.

Н. И Веселовскій.

Анализъ нѣкоторыхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ предметовъ. Въ послѣднее время извѣстный изслѣдователь древней бронзы Д. А. Сабанѣевъ, по просьбѣ Император. Археологической Коммиссіи, произвелъ нѣсколько новыхъ интересныхъ анализовъ, которые здѣсь и приводятся.

I. Большого размѣра массивный браслетъ, изъ числа найденныхъ, вмѣстѣ съ другими предметами, въ Чаквинской удѣльной дачѣ, Батумскаго округа. Цвѣтъ бронзы золотисто-желтый, изломъ красновато-бурый съ фіолетовымъ оттѣнкомъ, сплавъ хрупокъ, плющится съ трудомъ, даетъ темно-красно-бурый порошокъ, патина неглубокая, свѣтло-зеленая. Составъ:

Мѣди	87,43%
Олова.	12,25 „
Цинка	0,16 „
Желѣза	0,06 „
Серебра	мал. слѣды

II. Массивный топоръ обыкновеннаго типа, добытый при раскопкахъ, произведенныхъ въ одномъ курганѣ близъ ст. Андрюховской Майкопскаго отд. Кубанской обл. Н. И. Веселовскимъ. Цвѣтъ металла и излома мѣдно-красный, куется и плющится отлично, патина темно-и свѣтло зеленая. Составъ:

Мѣди 99,7%
Свинца } едва замѣтные слѣды
Сѣры

III. Обломокъ обычнаго типа восточнаго зеркала XIII—XIV в., изъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго 1896 г. въ Кубанской обл. Цвѣтъ металла серебристо-бѣлый, изломъ нѣсколько раковистый и того же цвѣта, металлъ совершенно хрупокъ, толчется въ порошокъ, но очень твердъ, патина незначительная, малахитово-зеленаго цвѣта, шлифованная поверхность мѣстами значительно сохранилась, мѣстами покрыта зеркальнаго блеска налетомъ цвѣта вороненой стали. Составъ:

Мѣди 69,2%
Олова . . . . 29,1 „
Цинка . . . . 1,1 „
Свинца. . . . . . . 0,1 „
Серебра } едва замѣтные слѣды
Сѣры

IV. Гладкій и широкій кельтъ, небольшой величины, изъ находокъ въ Минусинскомъ округѣ. Цвѣтъ металла и излома мѣднокрасный, куется и плющится хорошо, хотя при этомъ немного слоится, что происходитъ обыкновенно отъ нечистотъ, попадающихъ въ расплавленную массу и дѣлающихъ ее при проковкѣ пленистою; патина зеленая, не глубокая. Составъ:

Мѣди. 97,4%
Олова . . . . 1,6 „
Свинца. . . . . . . 0,1 „
Сюрьмы . . . . . . слѣды

V. Ножикъ, оттуда же. Цвѣтъ металла и излома свѣтло-мѣднокрасный, куется и плющится хорошо, патина зеленая, не глубокая. Составъ:

Мѣди. 98,2%
Олова . . . . 1,2 „
Свинца. . . . . . . 0,15 „
Сюрьмы . . . . . }
Серебра . . . . . } слѣды
Сѣры . . . . . . }

VI. Удила, оттуда же. Цвѣтъ металла и излома мѣднокрасный,

куется и плющится отлично; патины мало, она темно-бурая, мѣстами крапинки зеленаго цвѣта. Составъ:

Мѣди	99,1%
Олова	0,2 „
Свинца.	0,1 „
Серебра.	слѣды
Золота .	едва замѣтные слѣды
Сюрьмы.	слѣды
Сѣры.	слѣды

VII. Небольшое конической формы грузило (вотолка), оттуда же. Цвѣтъ металла и излома красновато-желтый, металлъ куется, но крошится, патина бурая, мѣстами свѣтло-зеленая. Составъ:

Мѣди.	92,8%
Олова.	1,2 „
Цинка	4,6 „
Свинца.	0,6 „
Желѣза.	0,4 „
Серебра.	слѣды
Висмута, Сюрьмы	едва замѣтные слѣды
Сѣры.	слѣды

VIII. Тонкій браслетъ изъ раскопокъ г. Рёсслера, произведенныхъ въ 1893 г. близъ Арчадзора въ Шушинскомъ у. Сдѣланъ изъ тянутой волоченіемъ или проковкой проволоки. Цвѣтъ металла и излома красновато-желтый; металлъ куется, но щепится и содержитъ:

Мѣди.	82,1%
Олова.	10,5 „
Свинца	1,6 „
Цинка	4,8 „
Желѣза.	0,4 „
Сюрьмы.	слѣды
Сѣры	слѣды

Жальники Гдовскаго у. Студентъ С.-Петербургскаго университета г. Пичахчи ознакомилъ меня съ небольшимъ собраніемъ вещей, добытыхъ А. П. Войновичемъ изъ одного жальника, находящагося въ Гдовскомъ имѣніи кн. Салтыкова. Въ коллекцію входятъ: 2 витые мѣдные

браслета съ петлями на концахъ (Курганы С.-Петербургской губ., Табл. IV, 6), три мѣдные перстня (типовъ Табл. IV, 21, но щитокъ орнаментированъ наколами, Табл. II, 18 и пластинчатый узкій перстень, типа Табл. V, 15, орнаментированный двумя линіями выпуклостей), мѣдная пряжка (типа Табл. XIV, 22), височное кольцо (типа Табл. I, 6) и нѣсколько бусъ (типа Табл. XI, 1, 10 и XIII, 9). Вещи эти могутъ быть отнесены къ XII или XIII в. Жальничныя могилы были окаймлены вѣнцомъ изъ крупныхъ валуновъ, расположенныхъ въ видѣ овала или четыреугольника, и покрыты невысокими насыпями. Всего раскопано было до 20 могилъ. Такъ какъ въ данное время Гдовскій у. входилъ въ число псковскихъ областей, то раскопанный г. Войновичемъ жальникъ, ближайшимъ образомъ, можетъ быть приписанъ псковичамъ. По характеру и по предметамъ онъ примыкаетъ къ числу многочисленныхъ гдовскихъ жальниковъ, уже хорошо извѣстныхъ по обширнымъ раскопкамъ г. Шмидта, и не даетъ ничего новаго.

А. С.

Ефаевскій могильникъ. Въ послѣдніе годы распаханъ, а частью раскопанъ крестьянами старый мордовскій могильникъ, расположенный близъ с. Ефаева, Краснослободскаго у., Пензенской губ. Найденныя при этомъ вещи поступили, главнымъ образомъ, въ коллекцію В. Н. Вырубова, Пензенскаго Статистическаго Комитета и В. М. Терехина. Всѣ эти три собранія мною были осмотрѣны, и я считаю не лишнимъ дать краткое описаніе заключающихся въ нихъ предметовъ.

Уборъ косъ въ Ефаевскомъ могильникѣ отличается оригинальною особенностью, состоящею въ томъ, что волосы обертываются не ремешкомъ (обтянутымъ тонкою проволокой), какъ въ Муранскомъ могильникѣ, а сплошною мѣдною спиралью изъ плющеной проволоки. Бусы, повидимому, многочисленны. Вотъ ихъ типы: круглыя, неправильной формы, хрустальныя или сердоликовыя, продолговатыя синія въ видѣ косточки плода, сердоликовыя гранчатыя удлиненной формы съ суженными концами, янтарныя плоскія съ гранчатыми боками, удлиненныя гладкія серебряныя, желобчатыя изъ синей пасты, черныя, синія, коричневыя и свѣтло-желтыя съ выпуклыми боками, мелкія—голубыя и бѣлыя. Привѣсокъ къ ожерелью нѣтъ никакихъ. Нагрудныя пряжки небольшой величины (чаще до $2^1/_2$ сант.) и обыкновенной удлиненной формы со спиралями на концахъ. Есть такія же маленькія пряжки, обтянутыя проволокою. Пряжечки-сюлгамы очень малой величины (отъ 2-хъ до 4-хъ сант.), обыкновенно серебряныя, безъ укра-

шеній. Одинъ сюлгамъ имѣетъ оригинальную форму: на концахъ, вмѣсто обычныхъ пластинокъ, онъ снабженъ широкими горизонтальными спиралями. Поясныя пряжки всѣ желѣзныя, круглой и четыреугольной формы. Поясного набора нѣтъ и слѣдовъ, но поясныя кольца встрѣчаются. Встрѣчены также мѣдныя пуговки, попался экземпляръ тонкой нагрудной цѣпочки, служившей для прикрѣпленія какой-то подвѣски. Браслетовъ найдено множество. Большинство ихъ витые или плетеные изъ проволоки (типовъ, изображенныхъ въ коллекціи г. Ивановскаго на табл. II, 9; IV, 2, 5 и 6; V, 17, но обыкновенно нѣсколько массивнѣе). Изрѣдка встрѣчаются проволочные браслеты, обтянутые мелковитымъ проволочнымъ плетеньемъ, браслеты изъ витой толстой рубчатой проволоки, браслеты, свитые въ 3 отдѣльныя плети и браслеты пластинчатые; послѣдніе орнаментированы точками или зубцами, насѣченными по краямъ, и есть характерные браслеты, изображенные въ атласѣ коллекціи Ивановскаго на табл. XIII, 13 (но по срединѣ иной орнаментъ). Есть оригинальные серебряные широкіе браслеты съ суженными концами. Въ небольшомъ количествѣ найдены и желѣзные браслеты (узкіе пластинчатые или обработанные на 2 грани). Перстни вообще рѣдки. Чаще попадаются перстни въ видѣ спирали въ 5 оборотовъ, изъ которыхъ средній расплющенъ; рѣже встрѣчаются перстни обыкновенной формы съ печаткой круглой или четыреугольной формы. Встрѣчены пряслицы, сработанныя изъ красной глины, и небольшіе горшки. Изъ желѣзныхъ вещей найдены: наконечники копій (большею частью удлиненной листовидной формы съ втулкой, а иногда въ видѣ узкаго острія съ широкой втулкой), узкіе наконечники стрѣлъ, расширяющіеся вверхъ, огнива въ видѣ овала съ отсѣченными концами, ножи, косы обыкновенной формы и узкіе топоры удлиненной формы, иногда съ вырѣзомъ въ нижней части. Между топорами интересны по оригинальности очень длинные и узкіе топоры въ видѣ шкворня, имѣющаго въ длину не менѣе 42 сант.

По словамъ крестьянъ, костяки въ могильникѣ лежали головою на Ю.

Кромѣ Ефаевскаго намъ извѣстны еще два характерные мордовскіе могильника того же времени, расположенные въ значительномъ разстояніи отъ Ефаева и другъ отъ друга, въ разныхъ концахъ мордовскаго района, именно близъ с. Гагина, Сергачскаго у., въ бассейнѣ р. Суры, и близъ с. Муранки въ Сызранскомъ у., около Самарской луки. По обряду погребенія и найденнымъ вещамъ, Ефаевскій могильникъ ближе къ Муранскому, чѣмъ къ Гагинскому, отъ

котораго онъ отличается довольно существенно. Судя по многочисленнымъ находкамъ золотоордынскихъ монетъ Муранскій могильникъ относится къ XIV в. Такъ какъ въ Ефаевскомъ вовсе до сихъ поръ не встрѣчено монетъ, и такъ какъ этотъ могильникъ имѣетъ нѣкоторые предметы сравнительно болѣе старые (многочисленные витые браслеты, болѣе древній уборъ косъ, болѣе старые типы перстней и бусъ), то есть основаніе относить его къ XIII в. Такимъ образомъ представляется удобный случай въ малоизвѣстныхъ намъ древностяхъ XIII—XIV в. оттѣнить типы предметовъ болѣе старые и отмѣтить время появленія нѣкоторыхъ новыхъ, но такую задачу пока затруднительно взяться рѣшить въ виду того, что древности Ефаевскаго типа намъ извѣстны пока несравненно меньше, чѣмъ древности типа Муранскаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при начальныхъ занятіяхъ могильниками бассейна р. Оки, когда Ефаевскій могильникъ былъ извѣстенъ очень мало, мною было высказана догадка, что могильникъ этотъ, повидимому, составляетъ переходную ступень между древностями Лядинскаго могильника и позднѣйшими мордовскими. Теперь эта догадка должна быть признана неосновательной и объясняется недоразумѣніемъ, происшедшимъ вслѣдствіе того, что подъ именемъ вещей изъ Ефаевскаго могильника были мнѣ доставлены предметы собственно изъ двухъ Ефаевскихъ могильниковъ одного стараго, другого новаго. Древній Ефаевскій могильникъ почти еще не тронутъ.

А. С.

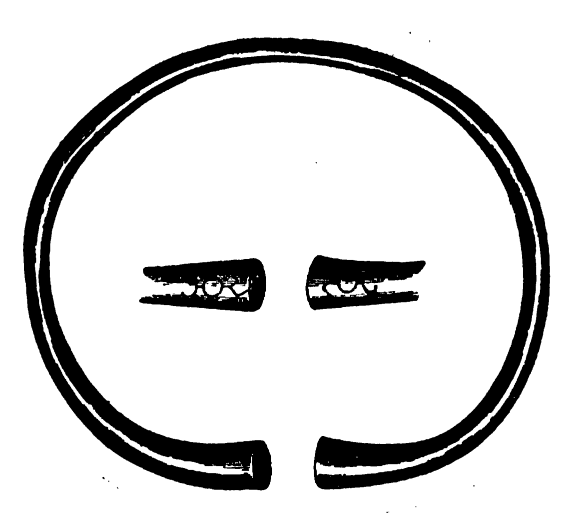


Рис. 4.

Керченскій браслетъ. Въ 1859 году, О. Франксъ въ Журналѣ Англійскаго Археологическаго Института (The Arhaeological Journal, v.

XVI, p. 355) издалъ изображеніе золотого браслета, найденнаго въ Керчи, во время оккупаціи ея англичанами, въ погребеніи, и хранящагося въ Британскомъ музеѣ (рис. 4). На концахъ браслетъ имѣетъ выбитыя пунктиромъ изображенія, пока еще не разгаданныя.

Сообщено Я. И. Смирновымъ.

Мстинскія сопки. На р. Мстѣ, близъ ст. Верховье, въ имѣніи Льзѣ г. Борейши, находится рядъ большихъ кургановъ, достигающихъ въ вышину до 8 саж.

Сообщено А. Л. Погодинымъ.

Дольменъ на древнемъ кладбищѣ въ верховьяхъ р. Кифара. Въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ Кубанской области въ верховьяхъ рѣки Кифара, верстахъ въ 15 отъ извѣстнаго Зеленчукскаго монастыря, расположены два древнія кладбища, на которыхъ погребеніе совершалось въ дольменахъ, повидимому, позднѣйшей конструкціи. Въ 1889 г. эти кладбища осматривалъ настоятель Зеленчукскаго монастыря игуменъ о. Серафимъ вмѣстѣ съ сторожевскимъ мѣстнымъ объѣздчикомъ, хорошо изучившимъ эту мѣстность. По свидѣтельству объѣздчика на одномъ дольменѣ была надпись, но отыскать его онъ не могъ; зато онъ указалъ другой, съ грубыми изображеніями человѣческихъ фигуръ и дикаго животнаго (барса?). Съ послѣдняго дольмена спутникъ о. игумена іеромонахъ о. Гедеонъ сдѣлалъ рисунокъ карандашомъ, хранящійся теперь у о. Серафима. Заинтересовавшись такимъ рѣдкимъ явленіемъ, я просилъ о. Серафима доставить мнѣ возможность посѣтить кифарскія кладбища, чтобы сфотографировать плиту и сдѣлать точныя измѣренія ея. О. Серафимъ любезно вызвался мнѣ сопутствовать, но поѣздка наша вышла совершенно неудачной, такъ какъ съ половины нашего пути полилъ дождь, не прекращавшійся до вечера, и мы, не достигнувъ кладбища, принуждены были вернуться назадъ, вслѣдствіе чего я могу представить только копію съ рисунка, который даже и въ такомъ видѣ заслуживаетъ полнаго вниманія (рис. 5). На плитѣ, положенной на землю, установлены 4 плиты, сдѣланныя въ срубъ. Лицевая и противоположная ей имѣютъ до 2 саженъ въ длину, а въ высоту онѣ соотвѣтствуютъ высокому росту человѣка. Поперечныя плиты, шипы которыхъ отмѣчены на рисункѣ вверху и внизу, короче долевыхъ. Матеріалъ—мѣстный сѣрый песчаникъ.

На лицевой сторонѣ въ серединѣ расположено круглое отверстіе, орнаментированное тремя крестами. Направо помѣщена сцена

угощенія: женщина въ одѣяніи, доходящемъ до щиколокъ, и въ маленькой шапочкѣ лѣвую руку прижимаетъ къ сердцу, а правою под-

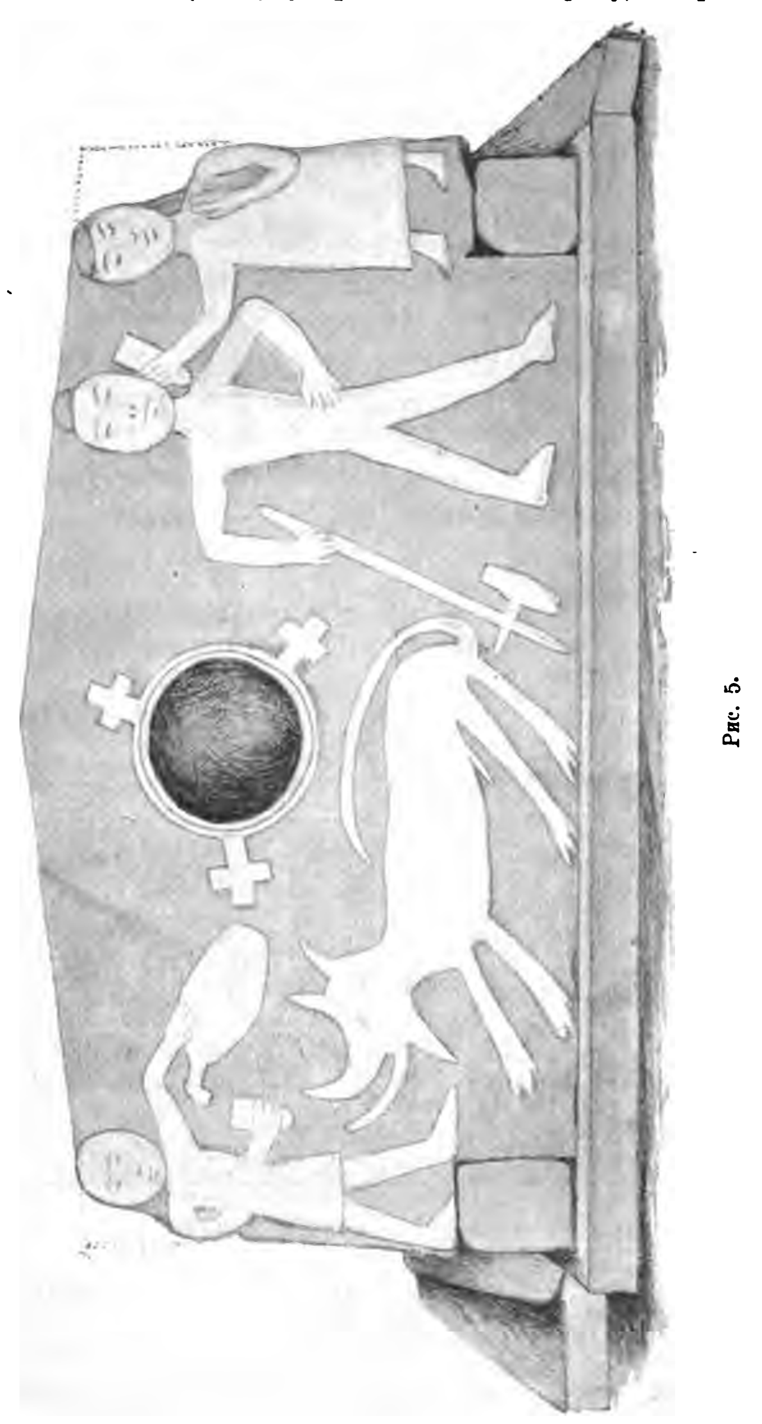


Рис. 5.

носитъ кубокъ воину, который держитъ въ правой рукѣ сѣкиру на длинной рукояткѣ, а лѣвую упираетъ въ бокъ; на головѣ у него ма-

ленькая шапочка и одѣтъ онъ въ очень узкое одѣяніе, въ обтяжку. Съ лѣвой стороны другая сцена, повидимому, тоже угощеніе; но здѣсь мужчина въ короткомъ кафтанѣ наливаетъ въ кубокъ какое-то питье, изъ сосуда или бурдюка, для угощенія типичнаго для Кавказа звѣря, уже раскрывшаго пасть и высунувшаго языкъ.

Быть можетъ, со временемъ представится возможность сфотографировать этотъ дольменъ, такъ какъ о. игуменъ обѣщалъ перевезти его въ монастырь; но пока можно удовольствоваться и рисункомъ.

Описанный дольменъ едва ли не подходитъ къ тому типу погребальныхъ сооруженій, которыя находятся въ Малой Азіи и которыя описаны Перро и Шипье [1]). Повидимому, подобныя усыпальницы являются подражаніемъ человѣческаго жилья; поэтому онѣ имѣютъ окно, что же касается двери, то она предполагается заложенною (см. рис. 6). На такое сходство еще болѣе указываютъ сооруженія, имѣющія двускатный фронтонъ и сдѣланныя въ срубъ (см. рис. 7).

Рис. 6.

Рис. 7.

Н. Веселовскій.

---

[1]) Histoire de l'art dans l'antiquité par G. Perrot et Ch. Chipier, Paris, 1890. Рисунки №№ 6 и 7 взяты изъ этого сочиненія (№ 51 и 26).

Отдѣленіе Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ 1897 году.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 3-го января 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, о. К. Т. Никольскій, кн. П. А. Путятинъ, Н. Ф. Романченко, С. М. Середонинъ и А. А. Спицынъ.

I.

С. Ѳ. Платоновъ произнесъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти скончавшагося 2-го января почетнаго члена Общества, ординарнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина; кн. П. А. Путятинъ и А. А. Спицынъ указали на то живое участіе, съ которымъ покойный русскій историкъ относился къ археологіи; по предложенію предсѣдательствовавшаго память почившаго почтена была вставаніемъ.

II.

Н. Ф. Романченко сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1896 г. вблизи Евпаторіи, около Б.-Майнакскаго озера. Раскопки этого года составляютъ продолженіе раскопокъ, начатыхъ авторомъ въ 1895 г., отчетъ о которыхъ напечатанъ въ VIII томѣ „Записокъ" Общества; въ 1896 г. раскопки производились, главнымъ образомъ, въ Некрополѣ, однако не было найдено ни одного цѣлаго погребенія; лучшія находки состояли въ терракотовыхъ вещахъ, относящихся къ IV—III вв. до Р. Хр.; открытые въ 1895 г. фундаменты оказались уже разобранными. А. А. Спицынъ и кн. П. А.

Путятинъ выразили надежду, что при болѣе подробномъ изслѣдованіи мѣстности будутъ найдены цѣлыя погребенія.

III.

Кн. П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Вазинскаго. Вазинскій впервые сгруппировалъ разрозненныя до него свѣдѣнія о погребеніяхъ въ согбенномъ положеніи. По мнѣнію автора, этотъ обрядъ погребенія занесенъ былъ въ южную Европу двумя путями: 1) чрезъ Малую Азію отъ береговъ Краснаго моря и 2) чрезъ сѣверную Африку на Пиринейскій полуостронъ, оттуда во Францію и Бельгію. Обрядъ этотъ наблюдается и въ южной Россіи. Авторъ придаетъ ему вполнѣ опредѣленное значеніе, свидѣтельствующее о существованіи вѣры въ загробную жизнь въ ту отдаленную палеолитическую эпоху. По поводу этого реферата Н. И. Веселовскій указалъ на важность для рѣшенія вопроса русскихъ раскопокъ. Обрядъ едва ли не имѣетъ нѣсколькихъ ступеней развитія; въ Россіи погребенія въ вполнѣ утробномъ положеніи рѣдко встрѣчаются: руки обыкновенно вытянуты, вещей большею частью въ подобныхъ могилахъ не встрѣчается (хотя и бывали случаи находокъ бронзоваго копья и т. п.). А. А. Спицынъ полагалъ, что подобный способъ погребенія, при его возникновеніи, не имѣлъ опредѣленнаго обрядоваго значенія, а образовался вслѣдствіе трудности для тогдашнихъ людей вырыть надлежащей величины могилу. На это Н. И. Веселовскій возразилъ, что встрѣчаются могилы въ 4 арш. глубиною и столько же длиною, и тѣмъ не менѣе скелетъ въ согнутомъ положеніи, не говоря уже о погребеніяхъ въ пещерахъ.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 29-го января 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, гр. А. А. Бобринской, Ѳ. А. Браунъ, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Глазовъ, В. Г. Дружининъ, Ю. Б. Иверсенъ, А. В. Комаровъ, Л. К. Куманинъ, С. Л. Пташицкій, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ и А. А. Спицынъ.

I.

Гр. А. А. Бобринской сообщилъ о произведенныхъ имъ въ 1896 г. раскопкахъ большого майдана у с. Цвѣтная, въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Форма этого земляного сооруженія совершенно необыкновенна: обширное сплетеніе кольцеобразныхъ валовъ и круглыхъ насыпей, перерытыхъ повсюду кладоискателями. Майданъ извѣстенъ въ археологической литературѣ подъ прозвищемъ „Горгоны" (Труды Одес. Общ. Истор. и Древн., ст. г. Подбережскаго). Раскопки обнаружили присутствіе въ кругломъ валу богатаго погребенія извѣстнаго скиѳскаго типа; добыто много золотыхъ предметовъ (обручъ, фибула и др.), серебряныхъ (блюдо, пряжки) и желѣзныхъ. Другого погребенія отыскать не удалось. Во многихъ мѣстахъ гр. А. А. Бобринской обнаружилъ на большой глубинѣ высокіе подземные ходы, правильно построенные и ведущіе въ разныя направленія подъ насыпью майдана. Значеніе этихъ подземныхъ сооруженій не выяснено: можетъ быть, они ведутъ къ сокрытой, неразысканной еще могилѣ; можетъ быть, это грабительскіе ходы,—хотя противъ послѣдняго говоритъ ихъ правильная постройка.

По поводу прочитаннаго реферата А. А. Спицынъ высказалъ, что раскопка, произведенная гр. А. А. Бобринскимъ, опредѣляетъ пріемъ дальнѣйшаго изученія майдановъ, который долженъ заключаться въ тщательномъ изслѣдованіи существующихъ подъ майданами подземныхъ ходовъ, и указалъ на одну старую раскопку небольшого майдана (произведенную И. Е. Забѣлинымъ близъ с. Бѣленькаго, Екатеринославской губ.), въ которой одинъ изъ подобныхъ ходовъ былъ пройденъ до конца. Гр. А. А. Бобринской замѣтилъ, что о майданахъ до сихъ поръ извѣстно весьма немного; правильныхъ раскопокъ въ нихъ почти вовсе не произведено. На вопросъ, къ какому времени можетъ относиться сооруженіе майдана, полагалъ, что судя по сосѣднимъ курганамъ, также имъ изслѣдованнымъ, можно отнести постройку майдана къ самому древнему времени, къ такъ-называемой „каменно-бронзовой" эпохѣ. А. А. Спицынъ считаетъ, съ своей стороны, вполнѣ вѣроятнымъ, что южно-русскіе майданы относятся къ глубокой древности, но въ интересахъ дальнѣйшаго изслѣдованія ихъ находитъ необходимымъ, при раскопахъ, обратить большое вниманіе также на ямы въ видѣ печей, встрѣченныя въ майданахъ уже неоднократно и относящіяся, быть можетъ, къ болѣе позднему вре-

мени, а также признаетъ важнымъ получить опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, имѣются ли майданы вблизи кургановъ съ древнѣйшимъ погребеніемъ костяковъ въ скорченномъ положеніи на Таманьскомъ полуостровѣ и вообще по берегу Чернаго моря. Гр. А. А. Бобринской въ отвѣтъ указалъ на то, что кирпичей онъ не находилъ, но обожженная глина есть; есть слѣды тризны; трудно, однако, сказать въ настоящее время, можно ли придавать майданамъ значеніе религіозное въ связи съ жертвоприношеніями, вѣрно ли дано этого рода построеніямъ названіе „обрядовыхъ могилъ“. С. Л. Пташицкій возбудилъ вопросъ о значеніи слова „майданъ“. По объясненію гр. А. А. Бобринскаго и А. В. Комарова слово майданъ значитъ „базарная площадь“, мѣсто для торга.

II.

С. В. Рождественскій прочиталъ рефератъ о „намѣстничьихъ кормахъ въ Псковской области въ XVI в.“. Извѣстія объ этихъ кормахъ извлечены изъ писцовыхъ книгъ Псковскихъ пригородовъ съ ихъ уѣздами 7093—95 гг. Эти извѣстія даютъ подробные перечни денежныхъ и натуральныхъ доходовъ, собиравшихся намѣстниками Острова, Гдова, Изборска, Выбора. Первое опредѣленіе размѣра намѣстничьихъ кормовъ относится къ 1540 г., ко времени изданія уставныхъ грамотъ. Установленный ими порядокъ кормленія нѣсколько разъ измѣнялся во время переписей Псковской области въ теченіе XVI в. Заслуживаютъ вниманія извѣстія: о пошлинѣ съ женатыхъ людей, о числѣ женатыхъ въ уѣздахъ нѣсколькихъ пригородовъ, объ обложеніи черныхъ избъ посопнымъ хлѣбомъ и освобожденіи ихъ отъ уплаты кормовъ, о большомъ торгѣ въ г. Островѣ, о суммѣ доходовъ, получаемыхъ намѣстниками, о цѣнахъ на нѣкоторые продукты и о соотношеніи псковской и московской монетныхъ системъ.

С. Ѳ. Платоновъ обратилъ вниманіе на значительность оборотовъ торга въ Островѣ, о которыхъ до сихъ поръ ничего не было извѣстно. Далѣе, обращено было особое вниманіе на пошлину съ женатыхъ людей; предложено было нѣсколько попытокъ объяснить, что бы могла означать эта пошлина, не встрѣчаемая въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства, но вопросъ остался не разъясненнымъ окончательно.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 4-го марта 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, Ѳ. А. Браунъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, Х. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, П. А. Путятинъ, С. Л. Пташицкій, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, П. С. Толстой; гость Н. К. Рерихъ.

I.

Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе объ Алексѣѣ Комнинѣ на Руси и въ Сициліи. Докладчикъ, замѣтивъ, что одни ученые знаютъ только извѣстіе новгородской лѣтописи, по которому въ 1186 г. въ Новгородъ приходилъ „царь Алексѣй Мануиловичъ“, а другіе знаютъ только извѣстіе византійскихъ писателей объ изгнаніи въ „Таврическую и Скиѳскую землю“ Алексѣя Комнина, сдѣлалъ попытку отожествить „Алексѣя Мануиловича“ съ Алексѣемъ Комнинымъ и выяснить вообще личность этого византійца въ Россіи. При этомъ оказалось, что Алексѣй Іоанновичъ Комнинъ, двоюродный внукъ имп. Мануила Комнина, въ 1183 г. сосланъ былъ имп. Андроникомъ въ Южную Русь; въ 1184 г. онъ явился въ Новгородъ, какъ кажется, для возбужденія новгородцевъ противъ Андроника, но не успѣвъ въ этомъ, въ 1185 г. отправился въ Сицилію, гдѣ ему удалось вооружить Вильгельма Сицилійскаго. Однако, походъ послѣдняго кончился неудачею и Алексѣй въ 1185 г. былъ ослѣпленъ. Попутно были высказаны догадки, что въ Новгородѣ Алексѣй хлопоталъ не столько о войскахъ, сколько о денежныхъ средствахъ, ради чего позволилъ даже называть себя сыномъ императора; что если въ новгородской лѣтописи событіе это помѣчено двумя годами позже, то, быть можетъ, и другія сосѣднія извѣстія лѣтописи также стоятъ не подъ тѣми датами, когда они имѣли мѣсто; наконецъ, что обычай призывать на Византію иноземцевъ Алексѣй, подобно Андронику, могъ усвоить въ Россіи, гдѣ князья, для достиженія столовъ, приглашали на помощь половцевъ.

По поводу этого реферата С. Ѳ. Платоновъ, съ своей стороны, указалъ на неточность хронологіи новгородской лѣтописи.

II.

А. А. Спицынъ въ своемъ рефератѣ далъ обозрѣніе кургановъ съ коллективными погребеніями, основываясь на раскопкахъ послѣднихъ лѣтъ, произведенныхъ по верхнему Енисею и рѣкѣ Чулыму, гг. Адріановымъ, Проскуряковымъ, Клеменцемъ и Оссовскимъ. Референтъ съ наибольшимъ вниманіемъ остановился на устройствѣ могильной ямы и покрытія надъ нею и выставилъ предположеніе, что въ первоначальномъ своемъ видѣ курганы съ коллективными могилами могли имѣть юртовое значеніе. Затѣмъ демонстрированы были вещи, найденныя въ этихъ курганахъ.

Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что коллективныя могилы есть и на югѣ у насъ, но въ другомъ родѣ: кости находятся, обыкновенно, въ безпорядкѣ. Подъ Неаполисомъ, напр., въ могилѣ найдено до 15 костяковъ: болѣе ранніе подвинуты въ безпорядкѣ: такая могила семейная. Подъ Симферополемъ въ могилѣ найдено до 150 череповъ; кости въ безпорядкѣ. Такія могилы не глубоки, иногда обдѣланы камнемъ; иногда подъ ними оказываются нетронутыя скиѳскія погребенія.

С. Л. Степановъ спросилъ, какъ референтъ объясняетъ то, что находимые тамъ трупы подвергались сожженію впослѣдствіи а не сразу? А. А. Спицынъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, въ этихъ могилахъ погребались люди бѣдные, а богатые хоронились въ отдѣльныхъ могилахъ; это доказывается и тѣмъ, что коллективныя могилы въ краѣ находятся между другими, единичными. Ѳ. А. Браунъ указалъ на встрѣчающіяся въ Крыму коллективныя ямы, прикрытыя плитою: въ одной онъ нашелъ только черепа, въ другой — костяки безъ череповъ.

III.

Предсѣдатель С. Ѳ. Платоновъ сообщилъ, что для бо̀льшаго оживленія собраній Отдѣленія въ программу ихъ вносится новая рубрика „Мелкія сообщенія“ — для всякаго рода вопросовъ, сообщеній небольшихъ, облекать которые въ обычную форму реферата у гг. членовъ не хватило бы времени. Послѣ этого заявленія сдѣлали небольшіе доклады:

а) Ст. Л. Пташицкій о послѣднемъ выпускѣ польскаго изданія „Kwartalnick Historyczny“ (1897 г., № 1), именно о статьяхъ, относящихся къ русской исторіи (О греческихъ епископствахъ на Руси

и въ Литвѣ въ XIV в., Русско-французская конвенція 1810 г.) и о рецензіяхъ на книги по русской исторіи (на соч. Грушевскаго— Барское староство, Бильбасова — Исторія Екатерины II, Валишевскаго—о томъ же, и др.).

б) А. А. Спицынъ сообщилъ: 1) о результатахъ раскопки, произведенной въ одномъ жальникѣ Гдовскаго у., въ имѣніи кн. Салтыкова; 2) о результатахъ анализовъ, нѣсколькихъ бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей Минусинскаго округа и Кавказа, произведенныхъ Д. А. Сабанѣевымъ; 3) описаніе древностей мордовскаго Ефаевскаго могильника, который можетъ быть отнесенъ къ XIII в.; 4) краткое обозрѣніе древностей Тверской губ., въ которомъ авторъ сдѣлалъ попытку выдѣлить курганы и жальники новгородскихъ славянъ, занимавшихъ сѣверо-западную часть губерніи, курганы кривичей и курганы съ вещами, такъ-называемаго мерянскаго типа.

в) Н. И. Веселовскій возбудилъ вопросъ, когда появились на Руси складные ножи. Повидимому, они должны были быть занесены съ Запада; древнѣйшій такой ножъ изъ извѣстныхъ ему найденъ, однако, въ Кубанской области, въ могильникѣ XIV—XV вѣковъ.

г) Онъ же возбудилъ вопросъ о томъ, какъ будутъ печататься мелкія сообщенія—въ протоколахъ или отдѣльно, въ видѣ приложеній. Секретарь Общества В. Г. Дружининъ предложилъ собранію выдѣлить ихъ изъ протоколовъ. Онъ же предложилъ собранію, не находитъ ли нужнымъ Русское Отдѣленіе имѣть въ библіотекѣ Труды Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Собраніе согласилось съ предложеніемъ В. Г. Дружинина.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 25 апрѣля 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, Ѳ. А. Браунъ, гр. А. А. Бобринской, А. П. Вороновъ, бар. С. П. Корфъ, В. В. Майковъ, Н. В. Покровскій, кн. П. А. Путятинъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ и Н. Д. Чечулинъ.

I.

Кн. П. А. Путятинъ прочиталъ рефератъ о происхожденіи „свастики". Напомнивъ собранію о мнѣніяхъ Мартилье, Сальмона, гр. Aviella, Бертрано и Рейнака, кн. Путятинъ остановился подроб-

нѣе нъ новомъ мнѣніи, высказанномъ американскимъ ученымъ Томасомъ Вильсономъ въ книгѣ „The Swastika“, полагающимъ, что это амулетъ, или талисманъ, дающій счастье, долгую жизнь, или что-нибудь подобное. Свастика переходила отъ одного племени къ другому. Мнѣніе Вильсона примыкаетъ къ теоріи ф.-Штейнена. Референтъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что изображеніе креста (свастика) встрѣчается на предметахъ древности ничуть не рѣже, чѣмъ другія, напр., изображенія—точки, линіи, круга, четыреугольника, городка, волнобразной линіи и т. д. Въ заключеніе кн. Путятинъ высказалъ пожеланіе, чтобы составлена была карта, на которой означены были мѣста нахожденія свастики. Гр. А. А. Бобринской высказалъ рядъ возраженій противъ теоріи Томаса Вильсона.

II.

А. А. Спицынъ, указавъ на на важность въ историко-археологическомъ отношеніи рѣшенія вопроса о границѣ южно-русскихъ степей, обратилъ вниманіе на серьезную помощь, какую для рѣшенія этого вопроса должны доставить изслѣдованія ботаниковъ. По опредѣленію проф. А. П. Бекетова въ его послѣдней работѣ „Географія растеній“, степь есть плоская или холмистая безлѣсная равнина, поросшая преимущественно сухолюбами и полусухолюбами. Смотря по составу почвы, она можетъ быть черноземною, глинистою, песчаною, каменистою, солончаковою и т. д. Сѣверная граница южно-русской степи опредѣляется приблизительно линіей Тирасполь - Екатеринославль - Старобѣльскъ-Усть-Медвѣдица-Саратовъ-Белебей-Стерлитамакъ-Оренбургъ. До Ергеней степень можетъ быть названа луговой, за Ергенями—коренной. Съ сѣвера къ степи прилегаетъ широкая полоса „предстепія“, нѣкогда сплошь занятая лѣсами, нынѣ же такъ культивированная, что тамъ, гдѣ она ровна, ее обыкновенно также называютъ степью. Таковы, напр., опредѣленія границы степи, данныя извѣстными „Списками населенныхъ мѣстъ“. Рефератъ этотъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны Ѳ. А. Брауна.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 19-го сентября 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: С. А. Адріановъ, Н. И. Барсовъ, А. П. Вороновъ, В. Г.

Дружининъ, бар. С. П. Корфъ, В. В. Майковъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, А. Е. Прѣсняковъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, кн. П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, бар. В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, Н. Д. Чечулинъ и А. Н. Щукаревъ.

I.

Н. К. Рерихъ прочиталъ рефератъ о своихъ раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1897 года въ Царскосельскомъ уѣздѣ (мыза Извара). Обширныя раскопки (7.000 погребеній) въ С.-Петербургской губ. не дали пока возможности твердо установить типъ и характеръ погребеній древней Води и ея древностей. Съ этою цѣлью необходимо изслѣдовать сѣверо-западную часть Петергофскаго уѣзда. Изслѣдованныя докладчикомъ каменныя фигуры-могилы на мызѣ Извара обнаружили слѣдующій характеръ погребенія: послѣ полнаго сожженія зола собирается съ кострища (на материкѣ же) и отмѣчается двумя или четырьмя камнями (ромбическая фигура). Площадь фигуры забрасывается иногда мелкимъ булыжникомъ. Докладчикъ видитъ въ этомъ нѣкоторую аналогію съ каменными клѣтками древнихъ эстовъ, почему онъ и дѣлаетъ предположеніе о принадлежности этихъ фигуръ древней Води.

А. А. Спицынъ возразилъ, что въ виду близкаго сходства древностей близъ Пюхтицы съ древностями на остр. Эзелѣ, едва ли можно считать первыя (пюхтицкія) за славянскія,—онѣ принадлежатъ Води. С. Ѳ. Платоновъ и кн. П. А. Путятинъ сдѣлали нѣсколько дополненій къ реферату.

II.

С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ рефератъ „Къ исторіи опричнины“. Указавъ на неудовлетворительность объясненій этого учрежденія царя Іоанна Васильевича, всегда казавшагося очень страннымъ для изслѣдователей, референтъ опредѣлилъ границы территоріи, взятой въ опричнину, оказавшейся значительно большею, чѣмъ предполагали. Для какихъ же надобностей приданы были ей такіе большіе размѣры? 1) Грозный, по мнѣнію докладчика, имѣлъ въ виду создать новое дворцовое хозяйство; 2) опричнина дѣйствовала преимущественно среди родовитыхъ вотчинъ князей: въ нее взяты были старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣнія

Грознаго; слѣдовательно, опричнина имѣла въ виду лишить потомства удѣльныхъ князей политическаго значенія, и 3) сосредоточеніемъ въ опричнинѣ многихъ торговыхъ городовъ и путей царь получалъ въ непосредственное свое вѣдѣніе и распоряженіе главнѣйшіе доходы государства.

Въ преніяхъ приняли участіе С. В. Рождественскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій и Н. И. Барсовъ, отмѣтившій, что референтъ устанавливаетъ новый взглядъ на опричнину, столь отличный отъ прежняго, по которому опричнина—одно изъ самыхъ мрачныхъ пятенъ русской исторіи.

III.

Сдѣланъ былъ рядъ мелкихъ сообщеній:

1) Н. К. Рерихъ далъ описаніе нѣкоторыхъ холмовъ въ С.-Петербургской губ., связанныхъ съ неяснымъ преданіемъ, что „тутъ собирались молиться“. Отличительные признаки подобныхъ холмовъ: близость воды и масса камня по поверхности.

А. А. Спицынъ, анализировавъ соображенія о мѣстоположеніи Стараго и Новаго Сарая, приводимыя Григорьевымъ, Бруномъ и Кобеко, указалъ на ихъ недостаточную убѣдительность и, съ своей стороны, высказалъ убѣжденіе, что Старый Сарай долженъ находиться близъ г. Царева, а Новый—близъ с. Селитреннаго. Основаніемъ для такого заключенія послужили: упоминаніе во французскихъ документахъ 1400 г. двухъ Сараевъ (Sarai и Acsarai); русскій актъ 1558 г., указывающій, что Ак-Сарай находится ближе къ Астрахани, чѣмъ Большіе Сараи и, наконецъ, указаніе Ибн-Батуты и Абульфеды, что Сарай, ими описываемый, находился на равнинѣ. Это соотвѣтствуетъ мѣстоположенію г. Царева, а не подходитъ къ мѣстности с. Селитреннаго.

3) А. А. Спицынъ (со словъ И. А. Шляпкина) далъ описаніе жальника на берегу Раковицкаго озера, близъ дер. Кутъ, въ 8 верстахъ отъ г. Луги. Это очень небольшія возвышенія, обставленныя правильно по странамъ свѣта четырьмя плитами; на погребеніяхъ встрѣчаются кресты. Часть камней съ могилъ уже свезена и употреблена на устройство дороги.

4) Кн. П. А. Путятинъ далъ описаніе наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ музея въ г. Намюрѣ: фибулъ, гончарныхъ издѣлій, стекла, оружія и богатаго собранія эмалей, и демонстрировалъ ориги-

нальную фигуру обезглавленнаго рыцаря, держащаго голову въ рукахъ, съ надписью: „Un jour viendra qui tout paiera“.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 23-го октября 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Глазовъ, А. В. Комаровъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ; гости: г. Гусевъ и Н. О. Шпаковскій.

I.

Н. О. Шпаковскій прочиталъ рефератъ „Стрѣльцы въ Московскомъ государствѣ“. Референтъ изложилъ вопросы о составѣ, приборѣ, служебномъ устройствѣ и размѣрахъ денежнаго, хлѣбнаго и земельнаго жалованья. Кромѣ того изложилъ права, обязанности и привилегіи, которыми пользовались, стрѣльцы, права ихъ начальныхъ людей, условія прибора и прохожденія стрѣлецкой службы. А. Ѳ. Бычковымъ возбуждены были вопросы о времени образованія стрѣлецкаго войска, о томъ, чѣмъ вызвано было устройство отдѣльныхъ стрѣлецкихъ слободъ, какимъ образомъ иноземцы попадали въ стрѣлецкіе головы; С. Ѳ. Платоновымъ,—какъ отражались на хозяйствѣ стрѣльцовъ передвиженія ихъ; В. Г. Глазовымъ,—откуда взяты наказы головамъ; онъ же указалъ на различіе между московскими и городовыми стрѣльцами.

II.

А. А. Спицынъ, описавъ произведенную имъ лѣтомъ 1897 года раскопку скиѳскаго кургана близъ д. Башмачки, Екатеринославскаго уѣзда, недалеко отъ Днѣпровскихъ пороговъ, указалъ на отсутствіе систематической группировки такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ по типамъ. Съ своей стороны г. Спицынъ предложилъ для этихъ кургановъ слѣдующую схему: IV—III в.—Куль-Оба и Александропольскій курганъ, III в.—Чертомлыкъ и другіе Екатеринославскіе курганы, II в.—Ржановка, I в. до Р. Х.—Дарьевка, I в. по Р. Х.—Роленскіе курганы, II в.—Гнилицы. Схема эта имѣетъ главною цѣлью

опредѣлить хронологическую послѣдовательность скиѳскихъ кургановъ, а точное опредѣленіе времени каждой группы находится въ зависимости отъ рѣшенія вопроса, къ какому времени должны быть отнесены древности кургана Куль-Оба. Н. К. Рерихъ поднялъ вопросъ, кѣмъ расхищенъ курганъ у д. Башмачки, — современниками-строителями кургана или это сдѣлано уже въ позднѣйшее время? По мнѣнію А. А. Спицына—современниками.

III.

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на то, что вновь вышедшій замѣчательный трудъ проф. А. И. Соболевскаго „Опытъ русской діалектологіи" и для археологіи представляетъ весьма цѣнное явленіе. Основываясь на своихъ работахъ по курганографіи древне-русскихъ областей, г. Спицынъ утверждаетъ, что указываемыя проф. Соболевскимъ границы Бѣлорусскаго нарѣчія, близко совпадаютъ съ границами распространенія различныхъ курганныхъ типовъ въ XI—XII в. Полоцкіе, кривичскіе, радимичскіе и дреговичскіе курганы вполнѣ совпадаютъ съ областью распространенія бѣлорусскаго нарѣчія; въ районѣ великорусскихъ говоровъ распространены курганы, приписываемые вятичамъ, новгородцамъ и владимірцамъ.

Протоколъ засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 13-го ноября 1897 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: гр. А. А. Бобринской, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, В. Г. Дружининъ, Ю. Б. Иверсенъ, Г. И. Котовъ, А. К. Марковъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, А. А. Цагарели, И. А. Шляпкинъ, Н. О. Шпаковскій.

I.

Согласно § 33 Устава произведены были выборы представителя Русскаго Отдѣленія въ Совѣтѣ Общества; большинствомъ голосовъ избранъ Н. И. Веселовскій.

II.

Гр. А. А. Бобринской сдѣлалъ сообщеніе о находящемся въ Стокгольмскомъ Королевскомъ музеѣ шлемѣ Ивана Грознаго. Этотъ

шлемъ выдѣланъ изъ стали, украшенной позолоченными узорами; снизу, по „вѣнцу“, двѣ надписи: одна—арабская, другая—русская: „Шеломъ князя Ивана Васильевича великаго князя сына Василія Ивановича господаря всея Руси самодержца“. Надпись эта свидѣтельствуетъ, что шлемъ выдѣланъ былъ для Ивана IV еще при жизни его отца. Стокгольмскій шлемъ-шишакъ является вторымъ экземпляромъ военнаго головного убора съ именемъ русскаго князя. Издатели описанія Королевскаго музея полагаютъ, что онъ вывезенъ изъ Россіи во время войны 1581 г.; но, по мнѣнію гр. Бобринскаго, шлемъ вывезенъ былъ изъ Россіи при расхищеніи Кремля въ 1612—1613 гг. По этому поводу высказано: С. Ѳ. Платоновымъ, что о состояніи казны и ея расхищеніи есть въ „Исторической Библіотекѣ“ офиціальная запись; А. Ѳ. Бычковымъ, что шлемъ этотъ могъ быть вывезенъ Делагарди изъ Новгорода, но какъ онъ попалъ въ Новгородъ? Н. И. Веселовскимъ обращено было вниманіе на то, что помѣщенное въ извѣстномъ Прохоровскомъ описаніи изображеніе царскаго шлема есть совершенно точная копія съ представленнаго гр. Бобринскимъ; имъ же подтверждено было, что лучшее оружіе въ то время шло изъ Азіи.

III.

Гр. А. А. Бобринской затѣмъ демонстрировалъ два каменныхъ змѣевика и одинъ серебряный. Четыреугольная форма первыхъ вызвала въ собраніи нѣсколько предположеній: А. Ѳ. Бычковъ полагалъ, что это форма для отлитія змѣевиковъ; И. А. Шляпкинъ,—что это можетъ быть поддѣлка; однако, дешевая цѣна исключаетъ какъ будто это предположеніе.

IV.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ сообщеніе о совершенной имъ нынѣшнимъ лѣтомъ (1897 г.) археологической поѣздкѣ на Волынь. Съ большею подробностью онъ остановился на древностяхъ Почаева, Владиміра-Волынскаго и Луцка. Докладчикъ отмѣтилъ: антиминсъ въ Мстиславовомъ храмѣ 1465 г. „при благовѣрномъ королѣ Андреѣ“ (sic), затѣмъ, извѣстную надпись на плитѣ Василевской церкви въ Владимірѣ-Волынскомъ; ее слѣдуетъ читать такъ: „Помози Бже... княж... грѣшьной анни“ и въ такомъ случаѣ она не ранѣе XV в., судя по формамъ языка; наконецъ, И. А. Шляпкинъ отмѣтилъ, что близъ села Зимнина, около усадьбы крестьянина В. Величка, нѣсколько въ

сторонѣ отъ дороги, стоитъ крестъ, подъ которымъ обнаружено было два погребенія. По мнѣнію И. А. Шляпкина, этотъ крестъ стоитъ на томъ мѣстѣ, о которомъ упоминаетъ Ипатьевская лѣтопись подъ 6721 г.—„тогда же Климъ убьенъ бысть Хрьстиничь, единъ отъ всихъ его (Даніила) воинъ, его же крестъ и донынѣ стоитъ на Сухой Дорогви"; такимъ путемъ опредѣляется мѣстоположеніе Сухихъ Дорогъ.

V.

1) Н. И. Веселовскій далъ описаніе погребеній въ дольменахъ въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ Кубанской области; дольменъ, описанный имъ, съ изображеніями на плитахъ: три креста и двѣ сцены угощенія: справа—женщина угощаетъ воина, слѣва—мужчина наливаетъ питье какому-то звѣрю.

2) Н. П. Павловъ-Сильванскій предложилъ иное чтеніе одной изъ статей указа 1558 г. о ростѣхъ, отличное отъ общепринятаго, а въ зависимости отъ этого далъ и новое толкованіе этой статьи.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1896 ГОДА.

Годовое Общее Собраніе 12-го марта.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова присутствовали: В. Г. Бокъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Д. Ѳ. Кобеко, баронъ С. П. Корфъ, В. В. Латышевъ, А. К. Марковъ, В. В. Майковъ, А. М. Позднѣевъ, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, баронъ В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, В. Д. Смирновъ, П. А. Сырку, И. Г. Троицкій, Н. Д. Чечулинъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго Общаго Собранія 30-го декабря 1895 г.

II.

Доложенъ слѣдующій протоколъ Совѣта 8-го марта 1896 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Совѣта 16-го декабря 1895 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 14-го февраля сего года, за № 354, съ препровожденіемъ клада монетъ XVI вѣка, найденнаго въ Гдовскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи, Обществу въ даръ.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

3) Отношеніе Уральскаго Общества Любителей Естествознанія отъ 17-го января, за № 85, съ изъявленіемъ признательности за по-

сланное поздравленіе въ день празднованія двадцатипятилѣтія существованія Общества.

Постановлено принять къ свѣдѣнію.

4) Заявленіе запаснаго фельдфебеля Гнѣздинова отъ 30-го января изъ деревни Новые Дворы Фатежскаго уѣзда, Курской губерніи, о существованіи въ одномъ болотѣ большого камня, который, по его мнѣнію, прикрываетъ зарытый кладъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

5) Предложеніе С.-Петербургской Біологической Лабораторіи, съ приложеніемъ 1-го выпуска Извѣстій ея, объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено выслать списокъ изданій Общества, имѣющихся въ продажѣ, съ просьбою указать, которыя изъ нихъ представляютъ для Лабораторіи интересъ.

6) Ходатайство Канцеляріи Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа отъ 18-го января сего года, за № 546, о пополненіи серіи изданій Общества.

Постановлено: выслать недостающіе томы.

7) Ходатайство Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ о пополненіи его библіотеки недостающими въ ней экземплярами изданій Общества.

Постановлено: выслать, по мѣрѣ возможности, просимыя изданія.

8) Отношеніе Директора Красноярской Губернской Гимназіи отъ 29-го ноября, № 895, о высылкѣ Извѣстій Общества, кои будутъ издаваться въ 1896 г., за установленную плату.

Постановлено: увѣдомить, что Общество издаетъ Записки не періодически и что подписка на нихъ не принимается.

9) Ходатайство Тифлисской Публичной Библіотеки отъ 2-го января, № 2, о безплатной высылкѣ Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Постановлено: выслать всю серію и впредь продолжать посылать Записки, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

10) Представленіе Восточнаго Отдѣленія объ установленіи обмѣна Записками этого Отдѣленія съ изданіями Сыръ-Дарьинскаго Статистическаго Комитета.

Постановлено: выслать Записки Восточнаго Отдѣленія.

11) Представленіе Восточнаго Отдѣленія о высылкѣ Записокъ этого Отдѣленія въ школу Православнаго Палестинскаго Общества, находящуюся въ Назаретѣ.

Постановлено: выслать Записки Восточнаго Отдѣленія.

12) Постановлено: войти въ сношеніе съ С.-Петербургскою Ду-

ховною Академіею, для установленія обмѣна изданіями и предложить этому учрежденію прежнія изданія Общества, коихъ имѣется еще достаточное количество экземпляровъ, если это учрежденіе пожелаетъ передать Обществу прежнія свои изданія.

13) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 24-го февраля, за № 346, съ препровожденіемъ 1-го выпуска „Трудовъ" Предварительнаго Комитета X-го Съѣзда въ г. Ригѣ и правилъ будущаго Съѣзда и съ ходатайствомъ о присылкѣ депутатовъ на Съѣздъ, каковая весьма желательна Обществу, для усиленія на предстоящемъ Съѣздѣ русскаго элемента и сообщеній русскихъ профессоровъ.

Постановлено: представить Общему Собранію.

14) А. Ѳ. Бычковъ представилъ Совѣту ходатайство г-на Щеглова о предоставленіи ему оттисковъ его статьи, напечатанной въ „Трудахъ" II-го Археологическаго Съѣзда, при чемъ А. Ѳ. Бычковъ пояснилъ, что за отсутствіемъ такихъ оттисковъ, г. Щегловъ изъявилъ согласіе на полученіе лишь одного экземпляра „Трудовъ" этого Съѣзда.

Постановлено: передать г. Щеглову экземпляръ „Трудовъ" II-го Археологическаго Съѣзда.

15) А. Ѳ. Бычковъ напомнилъ Совѣту о продолжительной усердной службѣ въ Обществѣ П. Г. Григорьева и предложилъ о награжденіи его единовременнымъ пособіемъ, въ виду его стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Постановлено: ходатайствовать передъ Общимъ Собраніемъ объ ассигнованіи П. Г. Григорьеву *двухсотъ рублей*, отнеся ихъ на остатокъ отъ исполненія смѣты 1895 года.

16) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: 1) Типографіи Императорской Академіи Наукъ на 1.128 р. 39 к., за напечатаніе IX тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія; 3) книгопродавца Гирземана на 225 марокъ; 3) Г. Гарнака на 40 руб. за исправленіе кальковъ изъ Старо-Ладожской крѣпости; 5) переплетчика Иванова на 46 р. 88 к.

Постановлено: по счетамъ уплатить, отнеся счета за №№ 1, 2 и 3 на остатки отъ смѣтныхъ ассигнованій на 1895 г.

17) Доложенъ Совѣту слѣдующій протоколъ Ревизіонной Коммиссіи:

„Коммиссія, избранная Общимъ Собраніемъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ засѣданіи 30-го декабря 1895

года, для обревизованія суммъ, библіотеки и музея Общества за 1895 г., въ составѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. М. Позднѣева, Л. Н. Майкова и В. В. Латышева, имѣла съ означенною цѣлію, засѣданіе въ полномъ своемъ составѣ 25 февраля 1896 года. Въ семъ засѣданіи Коммиссія: 1) выслушала представленный ей Секретаремъ Общества В. Г. Дружининымъ отчетъ Совѣта Общества за минувшій годъ и признала дѣятельность Совѣта вполнѣ соотвѣтствующею его назначенію и Уставу Общества, а потому и не вызывающею какихъ либо замѣчаній; 2) провѣрила представленные казначеемъ А. К. Марковымъ денежные счеты, приходо-расходную книгу и оправдательные документы на произведенные расходы, а также капиталы Общества, заключающіеся въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ, и нашла всю казначейскую часть въ исправности и полномъ порядкѣ. При этомъ, однако, коммиссія не могла не обратить вниманія на повторяющуюся изъ года въ годъ крайнюю незначительность поступленій годовыхъ членскихъ взносовъ и пришла къ заключенію, что желательно было бы принять тѣ или другія мѣры къ увеличенію указанной статьи дохода. По мнѣнію коммиссіи, для достиженія этой цѣли можно было бы: а) по истеченіи каждаго года дѣлать напоминанія гг. членамъ, не уплатившимъ своего взноса за истекшій годъ; б) признавать гг. членовъ, не уплатившихъ взносовъ, несмотря на напоминанія за нѣсколько лѣтъ (напр., за три года) сряду, не желающими болѣе оставаться членами Общества и исключать ихъ изъ списковъ, наконецъ, в) уменьшить сумму взноса примѣрно до 5-ти рублей, дабы дать возможность и менѣе состоятельнымъ членамъ Общества вносить ее безъ затрудненій. Сверхъ того, коммиссія позволяетъ себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время были представляемы болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о расходахъ, производимыхъ гг. Секретаремъ и Казначеемъ Общества, такъ какъ по смѣтѣ Общества на сей предметъ отчисляется около пятой части всѣхъ суммъ, ежегодно расходуемыхъ Обществомъ.

Что касается до библіотеки и музея Общества, то первая трудами г. библіотекаря А. Н. Щукарева приведена въ надлежащій порядокъ и Совѣтомъ приняты мѣры къ ея пополненію путемъ обмѣна изданій съ нѣсколькими учеными Обществами, учрежденіями и редакціями повременныхъ изданій, кромѣ тѣхъ, которыя обмѣнивались изданіями уже раньше. Кромѣ того, по постановленію Совѣта, г. Библіотекаремъ составленъ списокъ дефектовъ періодическихъ изданій, на основаніи котораго можно обратиться къ Обществамъ и учрежденіямъ

съ просьбою о пополнении такихъ изданій. Желательно, чтобы эта мѣра была приведена въ исполненіе по возможности безотлагательно. Для размѣщенія коллекцій музея въ новомъ помѣщеніи были своевременно заказаны новые шкафы и витрины, но вслѣдствіе медленности въ исполненіи заказа, эти коллекціи не могли быть еще расположены во вновь пріобрѣтенныхъ хранилищахъ вполнѣ систематически. Коммиссія выражаетъ надежду, что таковое приведеніе музея въ порядокъ состоится къ исходу текущаго года, коимъ заключится первое пятидесятилѣтіе существованія Общества. Минцъ-кабинетъ Общества остается въ прежнемъ положеніи по причинѣ, уже указанной въ протоколѣ Ревизіонной Коммиссіи 1895 года, и нынѣшняя Коммиссія можетъ только присоединиться къ выраженному въ этомъ протоколѣ мнѣнію о желательности имѣть для минцъ-кабинета особаго хранителя, который могъ бы заняться его пересмотромъ, приведеніемъ въ порядокъ и каталогизаціей".

Разсмотрѣвъ эти замѣчанія, Совѣтъ имѣетъ честь представить Общему Собранію нижеслѣдующія объясненія: 1) Не считая себя по Уставу компетентнымъ въ проведеніи указанныхъ Ревизіонной Коммиссіей мѣропріятій для болѣе успѣшнаго поступленія членскихъ взносовъ, Совѣтъ Общества полагалъ бы умѣстнымъ передать обсужденіе этого вопроса особой Коммиссіи, которую бы Общее Собраніе избрало и которой бы оно поручило представить свое заключеніе по этому вопросу. 2) Начиная со смѣты на 1895 годъ, расходы Секретаря были раздѣлены на два параграфа, а именно: на личный составъ ассигновано 780 рублей, а на мелочные расходы 500 рублей. Расходы на личный составъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Письмоводителю	400 р.
Курьеру Общества	300 р.
Ему же наградные	20 р.
Швейцару жалованье	12 р.
Ему же праздничные	3 р.
Дворникамъ жалованье	12 р.
„ праздничные. . . .	9 р.
	756 р.

Разница въ 24 руб. произошла отъ уменьшенія жалованья дворникамъ (вмѣсто 3 руб. по 1 р. въ мѣсяцъ) согласно ходатайству смотрителя зданія.

Расходованіе суммы на личный составъ можетъ и впредь быть

раздроблено на вышеприведенныя статьи, вслѣдствіе чего безотчетно расходуемая сумма можетъ дойти до 575 р., что составитъ менѣе чѣмъ одну десятую часть расходовъ Общества. Относительно же суммъ, отпускаемыхъ на мелочные расходы Секретарю и Казначею Общества, то Совѣтъ считаетъ умѣстнымъ напомнить, что эти суммы переданы Общимъ Собраніемъ въ безотчетное расходованіе этихъ лицъ.

3) Для приведенія музея въ надлежащій порядокъ, еще въ 1895 году Совѣтъ Общества разрѣшилъ хранителю музея кредитъ на необходимыя приспособленія для размѣщенія предметовъ на таблицы. Но, какъ это извѣстно Ревизіонной Коммиссіи, хранитель музея не имѣлъ возможности исполнить эти работы, вслѣдствіе замедленія въ доставкѣ шкафовъ; онъ думаетъ исполнить указанную работу въ теченіе этого года.

4) Касательно минцъ-кабинета Совѣтъ полагаетъ также желательнымъ, чтобы кто-либо изъ членовъ Общества пожелалъ принять на себя завѣдываніе имъ. При этомъ Совѣтъ считаетъ долгомъ заявить, что А. К. Марковъ выразилъ готовность принять на себя трудъ по приведенію въ порядокъ монетъ восточныхъ и греческихъ.

18) Предложены въ члены-сотрудники: Д. Н. Кудрявскій. Постановлено: предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе утвердило распоряженія Совѣта и постановило: по п. 2-му выразить Императорской Археологической Коммиссіи признательность Общества за новое пожертвованіе для музея. По п. 13-му произвести выборы депутатовъ въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи; по п. 15-му выдать П. Г. Григорьеву *двѣсти рублей*. По поводу объясненій Совѣта на замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи, Общее Собраніе постановило: по п. 1-му избрать особую Коммиссію, которая представила бы свои соображенія по вопросу о мѣропріятіяхъ для болѣе успѣшнаго поступленія членскихъ взносовъ. По произведенной баллотировкѣ оказались избранными: Н. И. Веселовскій предсѣдателемъ Коммиссіи; членами: Д. Ѳ. Кобеко, В. В. Латышевъ, А. М. Позднѣевъ; по п. 2-му относительно суммы, отпускаемой на личный составъ Канцеляріи—просить Совѣтъ на будущее время, при составленіи смѣты, распредѣлять въ ней сумму, ассигнуемую на означенный предметъ по статьямъ расхода, и по 3-му—выразить Ревизіонной Коммиссіи признательность Общества за исполненіе возложеннаго на нее порученія.

III.

Секретарь Общества прочелъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1895 г. „М. Г.! Приступая къ изложенію дѣятельности Общества въ 1895 году, считаю долгомъ прежде всего сообщить объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ Общества. Въ теченіе минувшаго года скончались: почетный членъ П. И. Савваитовъ и дѣйствительные члены: Г. С. Дестунисъ и Д. А. Ровинскій. Я не буду распространяться о заслугахъ этихъ лицъ передъ Обществомъ и о значеніи ихъ ученой дѣятельности: то и другое слишкомъ; хорошо извѣстно всѣмъ присутствующимъ. Въ число дѣйствительныхъ членовъ избраны въ минувшемъ году: Я. Я. Лютшъ, С. В. Рождественскій, А. И. Шварцъ и И. А. Шляпкинъ, а С. Ѳ. Ольденбургъ былъ перечисленъ Совѣтомъ, согласно выраженному желанію, изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены Общества. Въ число членовъ-сотрудниковъ избраны были: В. В. Майковъ, Н. И. Новосадскій, Д. М. Позднѣевъ, Н. Ф. Романченко, Б. А. Тураевъ и Г. Ф. Церетели. Въ число иностранныхъ членовъ-сотрудниковъ: гг. Германъ, Мау, Трухелка.

Такимъ образомъ къ 1 января 1896 года Общество состояло изъ 21 почетнаго члена, 130 дѣйствительныхъ членовъ, 93 членовъ-сотрудниковъ русскихъ и 35 членовъ-сотрудниковъ иностранныхъ.

Въ минувшемъ году истекло трехлѣтіе, на которое были избраны: А. Ѳ. Бычковъ—на должность Помощника Предсѣдателя Общества; А. К. Марковъ—на должность Казначея; А. Н. Щукаревъ—на должность Библіотекаря и В. Г. Бокъ—на должность Хранителя музея. Общее Собраніе просило поименованныхъ лицъ принять на себя исполненіе тѣхъ же обязанностей на новое трехлѣтіе безъ баллотировки, на что они изъявили свое согласіе.

Общихъ собраній въ минувшемъ году было 4, изъ нихъ три очередныхъ и одно чрезвычайное; въ этихъ собраніяхъ были прочитаны слѣдующія сообщенія: А. Ѳ. Бычковъ прочелъ воспоминанія о П. И. Савваитовѣ; Н. И. Веселовскій сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Кубанской Области въ 1895 году; В. Г. Дружининъ — о кладѣ готскихъ древностей, найденныхъ въ деревнѣ Муслюмовой, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи; князь П. А. Путятинъ—о королевѣ французской Аннѣ, дочери великаго князя Ярослава, и В. В. Стасовъ—воспоминанія о Д. А. Ровинскомъ.

Отдѣленіе Археологіи Славяно-Русской имѣло 9 за-

сѣданій, изъ коихъ одно происходило въ Императорской Археологической Коммиссіи; въ немъ члены Общества обозрѣвали выставку предметовъ древности, добытыхъ Коммиссіею въ 1894 году. Въ остальныхъ засѣданіяхъ дѣлали сообщенія: графъ Бобринскій—о скиѳскихъ древностяхъ, найденныхъ въ Венгріи; о новомъ изданіи средневѣковыхъ картъ Миллера; В. Г. Бокъ—объ изданіи Звенигородскаго подъ заглавіемъ „Византійскія эмали"; Ѳ. А. Браунъ—о Бастарнахъ въ южной Россіи; Н. И. Веселовскій — объ археологическихъ раскопкахъ кургана близъ села Серагозъ, Таврической губерніи; М. А. Дьяконовъ—къ вопросу о бобыляхъ въ древней Руси; Г. И. Котовъ—о ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ; М. Н. Крашенинниковъ—о письмѣ царя Ивана Грознаго къ императору Максимиліану; Х. М. Лопаревъ—новое свидѣтельство о нашествіи Руси на Константинополь въ 860 году; князь П. А. Путятинъ — о височныхъ кольцахъ, приписываемыхъ славянамъ; С. В. Рождественскій—къ вопросу о княжескомъ землевладѣніи въ древней Руси; Н. Ф. Романченко—о своихъ раскопахъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи; С. М. Середонинъ — о наказѣ М. И. Воротынскому и росписи полкамъ 1572 года; А. И. Соболевскій—о новомъ сборникѣ славяно-русскихъ печатныхъ изданій XV—XVII вѣковъ; А. А. Спицынъ—о раскопкахъ близъ деревни Мятины Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи; о курганахъ Радимичей; о древностяхъ Саратовскаго края; И. А. Шляпкинъ—о стѣнныхъ надписяхъ Новгородскаго Софійскаго собора.

Отдѣленіе Археологіи Древне-Классической, Византійской и Западно-Европейской имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: Д. В. Айналовъ—детали палестинской архитектуры и топографіи на памятникахъ христіанскаго искусства; В. Г. Бокъ—мнимый эмалевый агнецъ на костяномъ окладѣ Миланскаго собора; Н. И. Веселовскій—о вновь открытой Керченской катакомбѣ; В. К. Ернштедтъ—статья Уссинга о центральной группѣ на фризѣ Парѳенона; С. А. Жебелевъ—о нѣкоторыхъ предметахъ изъ собранія графа Тышкевича; М. Н. Крашенинниковъ—Плиній Старшій и топографія Колофонской области; дѣйствительный членъ В. В. Латышевъ—христіанскія надписи изъ южной Россіи (2 сообщенія); Херсонесскій декретъ въ честь Навклара Синопскаго; Декретъ изъ Діонисополя; о XVIII т. Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; Р. А. Леперъ—Димъ Суній; В. К. Мальмбергъ—по поводу рельефовъ изъ Мантинеи; А. А. Павлов-

скій—о поросовыхъ скульптурахъ, найденныхъ на Акрополѣ въ 80-хъ годахъ; М. И. Ростовцевъ—новое о Пантеонѣ; Е. А. Рѣдинъ—мозаика пола въ церкви евангелиста Іоанна въ Равеннѣ; Я. И. Смирновъ—объ изображеніяхъ фригійскаго бога Мѣсяца; о двухъ камняхъ съ рельефами и надписями изъ Арависсона; Б. А. Тураевъ—страница изъ исторіи древне-египетской литературы; Б. В. Фармаковскій—голова эфеба школы Микона аѳинскаго въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ; А. Н. Щукаревъ—новый взглядъ на архитектора-скульптора Каллимаха.

Отдѣленіе Археологіи Восточной имѣло 7 засѣданій, въ которыхъ сдѣлали сообщенія слѣдующія лица: о. Алексѣй Виноградовъ — о переводѣ книгъ св. Писанія на китайскій и японскій языки; В. В. Бартольдъ—новое мусульманское извѣстіе о Руссахъ; А. Я. Гаркави—о сектѣ Магарій; Д. Ѳ. Кобеко—о жизни и бытѣ мусульманъ въ Туркестанскомъ краѣ; Н. Я. Марръ—о мнимомъ географическомъ названіи ѣротастак въ исторіи Арменіи; С. Ѳ. Ольденбургъ — о восточныхъ источникахъ „Laid'Aristote"; А. М. Позднѣевъ—объ одномъ памятникѣ Монгольской письменности; Д. М. Позднѣевъ—къ вопросу о картографіи древняго Китая; В. В. Радловъ—о результатахъ дешифровки Енисейскихъ надписей; баронъ В. Р. Розенъ—о Corpus inscriptionum Arabicarum von Berhem'a; къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-намэ; А. Г. Туманскій—объ извѣстіи Рашидъ-Эддина касательно тюркскаго происхожденія династіи Саманидовъ.

Даже при столь бѣгломъ обзорѣ дѣятельности Отдѣленій, нельзя не замѣтить, что за послѣднее время она значительно оживилась.

Ученая дѣятельность Общества выразилась также въ выпущенныхъ въ свѣтъ трудахъ его членовъ; въ минувшемъ году изданы: VII томъ Записокъ Общества, IX томъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія, Атласъ рисунковъ Дорна; печатались: VIII томъ Записокъ Общества, X томъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія; продолжали печатаніемъ переводы извѣстій древнихъ авторовъ объ южномъ побережьи Чернаго моря и о Кавказѣ, редактируемыхъ В. В. Латышевымъ; продолжалось собираніе матеріаловъ для III тома Inscriptiones того же автора. Въ настоящее время, для полноты собранія недостаетъ только надписей на ручкахъ и черепкахъ, находящихся въ музеяхъ въ Керчи и Херсонесѣ; но о доставленіи ихъ приняты мѣры. Нельзя при этомъ не выразить сожалѣнія, что по независимымъ отъ собирателя обстоятельствамъ, матеріалъ, находящійся въ богатомъ собраніи Импера-

торскаго Эрмитажа, остается ему недоступнымъ и не войдетъ въ его собраніе надписей, которое такъ высоко цѣнятъ, и за которымъ такъ зорко слѣдятъ всѣ европейскіе ученые. Говоря объ издательской дѣятельности Общества, нельзя не упомянуть о сдѣланномъ въ минувшемъ году преобразованіи въ изданіи Записокъ Общества. Начиная съ VIII тома редактированіе Записокъ, кромѣ Редакціоннаго Комитета, передано въ ближайшее завѣдываніе Отдѣленій Русскаго и Классическаго въ лицѣ Управляющихъ Отдѣленіями и Секретарей Отдѣленій, при чемъ общая нумерація томовъ Записокъ осталась прежняя, а выпуски 1 и 2 каждаго тома впредь будутъ, кромѣ того, носить названіе Трудовъ Отдѣленія Археологіи Славянской и Русской, а 3 и 4— Трудовъ Отдѣленія Археологіи Древне-Классической. Можно смѣло выразить надежду, что переходъ изданія Записокъ Общества изъ рукъ административнаго органа Общества, его Секретаря, въ руки органовъ ученыхъ—Отдѣленій Общества, послужитъ только къ усиленію интереса членовъ Отдѣленій къ изданію ихъ трудовъ, а тѣмъ самымъ къ оживленію Записокъ Общества.

Хозяйственными и административными дѣлами Общества занимался Совѣтъ, который въ минувшемъ году имѣлъ четыре засѣданія. Представителями Отдѣленій въ Совѣтѣ были: Русскаго—Н. И. Веселовскій, а за окончаніемъ срока участія въ Совѣтѣ его замѣнилъ Н. Д. Чечулинъ; Классическаго—Н. И. Стояновскій, котораго замѣстилъ потомъ В. К. Ернштедтъ, Восточнаго—В. А. Жуковскій.

При Обществѣ въ минувшемъ году работали слѣдующія Коммиссіи:

1) Въ виду предстоящаго въ текущемъ году пятидесятилѣтія со времени основанія Общества, Высочайше разрѣшено Обществу празднованіе этого юбилея въ декабрѣ 1896 года. Обсужденія способа празднованія юбилея происходили въ Совѣтѣ, составъ котораго усиленъ представителями Отдѣленій: В. К. Ернштедтомъ, К. Г. Залеманомъ, В. В. Латышевымъ, Л. Н. Майковымъ, В. А. Тепловымъ и Н. Д. Чечулинымъ

Въ Редакціонной Коммиссіи принимали участіе: С. Ѳ. Платоновъ, И. В. Помяловскій и графъ И. И. Толстой.

Въ Ревизіонной Коммиссіи принимали участіе: Предсѣдатель ея А. М. Позднѣевъ, члены: В. В. Латышевъ и Л. Н. Майковъ.

Въ Медальной Коммиссіи участвовали: Предсѣдатель ея

Л. Н. Майковъ и члены: В. Г. Васильевскій, С. Ѳ. Платоновъ, И. В. Помяловскій, баронъ В. Р. Розенъ. Медали въ минувшемъ году были присуждены: большая золотая—Н. П. Кондакову за сочиненіе его подъ заглавіемъ „Исторія и памятники Византійской эмали“, изданіе Звенигородскаго; большая серебряная: В. К. Мальмбергу за сочиненіе „Предметы Греческаго и Грековарварскаго искусства“, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ.

Библіотека Общества продолжала пополняться изданіями поступающими въ обмѣнъ на изданія Общества. Въ минувшемъ году вновь установленъ обмѣнъ со слѣдующими учрежденіями: Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, Историко-Филологическимъ при Новороссійскомъ университетѣ, Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, Подольскимъ Епархіальнымъ Историко-Статистическимъ Комитетомъ, музеемъ древностей въ Бреславлѣ и со слѣдующими періодическими изданіями: „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ и „Kwartalnik Historyczny“.

Озабочиваясь пополненіемъ разрозненныхъ серій періодическихъ изданій, имѣющихся въ Обществѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ съ готовностью шло навстрѣчу тѣмъ учрежденіямъ, которыя интересовались полученіемъ его изданій. По просьбѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества пополнена разрозненная серія изданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, находящаяся въ первомъ изъ нихъ, а также серія изданій Общества по просьбѣ Reale Academia dei Lincei въ Римѣ. Высланы также изданія Общества: въ Общественную библіотеку въ г. Читу, въ Херсонскій музей древностей.

Музей Общества, получившій благодаря новому обширному помѣщенію возможность принять надлежащій видъ, сталъ пополняться цѣнными пожертвованіями отъ Императорской Археологической Коммиссіи. Въ настоящее время изготовлены новые шкафы для помѣщенія въ нихъ предметовъ; они устроены, такимъ образомъ, что даютъ возможность обозрѣвать всѣ находящіяся въ нихъ древности.

Въ минувшемъ году Общество приняло участіе въ юбилеѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ лицѣ делегатовъ: барона В. Р. Розена, и Секретаря Общества, которые поднесли адресъ отъ имени Общества.

Вотъ краткій обзоръ дѣятельности Общества въ 1895 году.

IV.

Казначей Общества прочелъ слѣдующій денежный отчетъ за 1895 годъ.

Въ отчетномъ году въ кассу Общества поступило:

	Руб.	К.
1) Остатокъ отъ суммъ 1894 г.	813	42
2) На текущемъ счету въ Государств. Банкѣ.	83	3
3) Членскихъ взносовъ	180	—
4) Субсидія Мин. Нар. Просв.	5.000	—
5) Возвратъ Мин. Нар. Просв. купоннаго налога . .	55	62
6) Выручено отъ продажи процентныхъ бумагъ . . .	3.535	95
7) % съ капиталовъ.	1.128	59
8) Выручено отъ прод. изданій	206	90
9) Изъ % съ капитала на поддержаніе Старо-Ладожской крѣпости получено въ возвратъ долга Обществу .	200	—
Итого. .	11.203	51

Расходъ за это время выразился слѣдующими цифрами:

	Руб.	К.
1) На изданіе Записокъ Общества	1.123	43
2) „ „ „ Классич. Отд.	270	80
3) „ „ „ Восточн. Отд.	108	90
4) „ „ „ Русск. Отд.	39	60
5) На изданіе Христіанскихъ надписей В. В. Латышева.	53	90
6) На изданіе извлеченій изъ Греческихъ и Латинскихъ писателей о Скиѳіи В. В. Латышева	998	44
7) На изданіе Corpus Inscript. В. В. Латышева. .	75	—
8) На изданіе Археолог. путешествія на Кавказъ Б. Дорна	314	61
9) На изданіе Добавленія къ описанію русскихъ медалей Ю. Б. Иверсена	60	—
10) На изданіе описанія Старо-Ладожск. крѣпости . .	200	—
11) На мебель и лампы для помѣщенія Общ. . . .	259	80
12) На медали, выдаваемыя Обществомъ	290	35
13) На переплетъ книгъ для библіотеки	22	44
14) Секретарю Общества на мелочные расходы . . .	460	—
15) Ему же на расходы по канцеляріи.	780	—
16) Жалованье Библіотекарю	240	—

	Рубл.	К.
17) Казначею въ возвратъ израсходованныхъ имъ собственныхъ денегъ по должности.	75	—
18) Государственному Банку за замѣнъ тиражныхъ билетовъ.	95	82
19) На покупку % бумагъ.	5.090	87
Итого. .	10.558	96

Къ 1-му января 1896 года въ остаткѣ 644 р. 55 к.

Неприкосновенный капиталъ Общества остался прежній—21.200 р. въ $4^1/_2\%$ Госуд. свид. Кр. Позем. Банка. Изъ расходнаго капитала въ $4^1/_2\%$ облиг. вн. займа 1893 г. было продано все, что оставалось отъ 1894 г., и именно 3.500 р. нариц. стоимости и вновь пріобрѣтено тѣхъ же бумагъ на 5.000 р. нариц. стоимости, которыя и остаются къ 1-му января 1896 г. въ наличности.

По капиталу Восточнаго Отдѣленія доходъ былъ слѣдующій:

	Руб.	К.
1) Остатокъ отъ 1894 года.	441	85
2) % съ капитала	379	93
Итого. . .	821	78

Расходъ составила покупка $4^1/_2\%$ Госуд. свид. Крест. Позем. Банка въ 500 р. нариц. стоимости, за которыя уплачено 502 р. 55 к. Въ остаткѣ къ 1-му января 1896 г. 319 р. 23 к.

Капиталъ Отдѣленія заключается въ 9.400 р. нариц. стоимости, въ $4^1/_2\%$ Госуд. свид. Крест. Поз. Банка.

По капиталу, Высочайше ассигнованному на поддержаніе Старо-Ладожской крѣпости, доходъ заключался:

	Руб.	К.
1) Остатокъ отъ 1894 года	6	20
2) % съ капитала	256	50
Итого . .	262	70

Расходъ составило возвращеніе Обществу 200 руб., выданныхъ заимообразно на капиталъ, ассигнованный на поддержаніе крѣпости, для изслѣдованія развалинъ крѣпости.

Въ остаткѣ къ 1-му января 1896 года наличными деньгами 62 р. 70 коп. Капиталъ остался прежній 6.000 руб. нариц. стоимости въ $4^1/_2\%$ Госуд. свид. Крест. Позем. Банка.

Въ общей сложности къ 1-му января 1896 года Общество владѣетъ: 1.026 р. 48 к. наличными деньгами и 41.600 р. въ % бу-

магахъ (36.600 руб. нариц. стоимости въ $4^{1}/_{2}\%$ Госуд. свид. Крест. Позем. Банка неприкосновеннаго капитала и 5.000 р. нариц. стоимости въ $4^{1}/_{2}\%$ облиг. внутр. займа 1893 г. расходнаго капитала).

V.

Приступлено, согласно § 55 Устава, къ избранію Секретаря Общества. Вновь избранъ В. Г. Дружининъ единогласно и безъ баллотировки.

VI.

Приступлено было къ чтенію отзывовъ, составленныхъ по порученію медальной Коммиссіи о сочиненіяхъ, кои, по ея мнѣнію, заслуживаютъ награжденія медалями Общества, а послѣ сего къ чтенію постановленія медальной Коммиссіи, къ которому приложены означенные отзывы:

„Коммиссія, избранная для указанія сочиненій, авторы коихъ, по ея мнѣнію, подлежали бы награжденію медалями Общества, заслушавъ въ засѣданіи 27-го февраля 1896 года, отзывы: дѣйствительнаго члена Ѳ. Ѳ. Соколова о трудѣ А. В. Никитскаго подъ заглавіемъ: „Дельфійскіе эпиграфическіе этюды" [1]); почетнаго члена барона В. Г. Тизенгаузена о сочиненіи В. А. Жуковскаго: „Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва" [2]) и дѣйствительнаго члена графа И. И. Толстого о сочиненіи М. И. Соколова, подъ заглавіемъ: „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками" [3]), постановила: представить на усмотрѣніе Общаго Собранія заключеніе Коммиссіи о присужденіи ею золотой медали В. А. Жуковскому и серебрянныхъ—гг. Никитскому и Соколову.

По произведенной баллотировкѣ присуждены: большая золотая медаль—В. А. Жуковскому единогласно; серебряныя медали: М. И. Соколову единогласно, А. В. Никитскому—большинствомъ голосовъ.

VII.

А. К. Марковъ представилъ на утвержденіе Общаго Собранія рисунокъ медали по поводу пятидесятилѣтія существованія Общества, составленный г. Васютинскимъ въ классическомъ стилѣ.

---

[1]) Приложеніе I къ протоколамъ.

[2]) Напечатанъ въ XI томѣ записокъ Восточнаго Отдѣленія.

[3]) Приложеніе II къ протоколамъ.

Въ виду возникшаго среди членовъ Общества разногласія о томъ, въ какомъ стилѣ должна быть медаль—классическомъ или русскомъ, было приступлено къ баллотированію этого вопроса. Общее Собраніе, большинствомъ 12 голосовъ противъ 5 высказалось за медаль въ русскомъ стилѣ, почему было постановлено: просить А. К. Маркова обратиться къ г. Васютинскому для составленія новаго рисунка для медали въ русскомъ стилѣ и избрать Коммиссію для предварительнаго обсужденія этого проекта съ правомъ приглашать въ нее для совѣщанія другихъ членовъ Общества и постороннихъ лицъ. Общее Собраніе просило В. Г. Бока, Н. И. Веселовскаго, А. К. Маркова и В. Д. Смирнова быть членами этой Коммиссіи.

VIII.

Произведена баллотировка Б. В. Фармаковскаго въ члены-сотрудники русскіе, а Т. Омолля--въ члены-сотрудники иностранные. Оба избраны большинствомъ 15 голосовъ противъ 2.

IX.

Предложены въ члены-сотрудники: М. Н. Крашенинниковъ, Д. И. Кудрявскій и А. В. Никитскій.

Постановлено: произвести баллотировку въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе 17-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Бычкова присутствовали: Н. И. Веселовскій, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Д. Θ. Кобеко, М. С. Куторга, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, С. Θ. Платоновъ, А. М. Позднѣевъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, А. А. Цагарели, И. Г. Троицкій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго Общаго Собранія 12-го марта 1896 г.

II.

Доложенъ протоколъ Совѣта отъ 3-го мая 1896 г.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Совѣта 8-го марта 1896 г.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношеніе С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 16-го апрѣля, за № 510, съ изъявленіемъ согласія на установленіе обмѣна изданіями.

Постановлено: выслать въ Академію прежнія изданія Общества, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ, а также впредь высылать вновь выходящія изданія и просить о высылкѣ изданій Академіи.

3) Ходатайство члена-сотрудника Общества Д. М. Струкова о высылкѣ ему безплатно одного экземпляра рисунковъ Кіево-Софійскаго Собора взамѣнъ имѣющихся у него, въ коихъ оказались дефекты.

Постановлено: выслать г. Струкову экземпляръ рисунковъ Кіево-Софійскаго Собора.

4) Письмо директора французской школы въ Аѳинахъ г. Омолль отъ 18-го апрѣля сего года, съ изъявленіемъ признательности Обществу за содѣйствіе члену школы г. Милле во время его занятій въ С.-Петербургѣ и съ изъявленіемъ готовности вступить съ Обществомъ въ обмѣнъ изданіями.

Постановлено: выслать изданія, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ и впредь высылать изданія Общества во Французскую школу въ Аѳинахъ.

5) Ходатайство Общества Лѣтописца Нестора отъ 3 апрѣля, за № 56, объ установленіи обмѣна изданіями и о высылкѣ прежнихъ изданій Общества.

Постановлено: предложить Обществу выслать прежнія изданія, имѣющіяся въ наличности, если Общество Лѣтописца Нестора вышлетъ Обществу нашему свои прежнія изданія.

6) Ходатайство Одесской Городской Публичной Библіотеки отъ 8-го февраля, за № 57, о пополненіи серіи изданій Общества высылкою указанныхъ дефектовъ.

Постановлено: выслать тѣ изъ просимыхъ изданій, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ.

7) Ходатайство Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 22-го января, за № 50, о пожертвованіи въ его библіотек изданій Общества.

Постановлено: выслать записки Восточнаго Отдѣленія и впредь высылать это изданіе.

8) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: 1) типографіи Скороходова на 933 р. 20 коп. за напечатаніе 3 и 4 вып. VII т. За-

писокъ Общества; 2) столяра Антонова на 46 р. за сдѣланный имъ шкафъ для музея; 3) художника Хохрякова на 14 р. за рисунки для Записокъ Общества (вып. 1 и 2, т. VIII), и 4) фототипіи Вильборга на 185 р. за таблицы для X т. Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Постановлено: по счетамъ уплатить, отнеся №№ 1—3 на остатки отъ исполненія смѣты 1895 г.

9) Въ виду предстоящихъ каникулъ Совѣтъ постановилъ: просить г. Помощника Предсѣдателя принять на себя полномочіе по уплатѣ счетовъ, кои могутъ быть предъявлены къ оплатѣ въ теченіе лѣта.

10) Секретарь Общества заявилъ о желаніи члена-сотрудника В. К. Трутовскаго перейти въ дѣйствительные члены Общества.

Постановлено: перечислить г. Трутовскаго, на основаніи § 24 Устава, въ дѣйствительные члены.

11) Предложенъ въ члены-сотрудники Общества М. И. Сперанскій.

Постановлено: предложить его въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Постановленія Совѣта утверждены Общимъ Собраніемъ.

III.

С. Ѳ. Платоновъ напомнилъ Собранію о кончинѣ дѣйствительнаго члена Е. Е. Замысловскаго и сказалъ нѣсколько словъ объ ученой его дѣятельности.

Общее Собраніе почтило память Е. Е. Замысловскаго вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

IV.

Приступлено къ избранію депутатовъ на X археологическій съѣздъ, въ Ригу.

Избранными оказались С. Ѳ. Платоновъ, А. А. Цагарели и Н. Д. Чечулинъ.

Постановлено: увѣдомить объ этомъ Предварительный Комитетъ съѣзда.

V.

Разсмотрѣнъ и утвержденъ проектъ медали для предстоящаго юбилея Общества, составленный г. Васютинскимъ.

VI.

С. А. Жебелевъ сдѣлалъ сообщеніе о вновь найденной въ г. Керчи катакомбѣ, расписанной фресками.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ сообщенію.

VII.

Приступлено къ избранію въ члены-сотрудники гг. Крашенинникова, Кудрявскаго и Никитскаго, предложенныхъ въ предыдущемъ Общемъ Собраніи.

Означенныя лица избраны единогласно.

VIII.

Предложенъ въ члены-сотрудники М. И. Сперанскій.

Постановлено: произвести баллотировку въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе 6-го Ноября.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова присутствовали: графъ А. А. Бобринскій, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, Н. П. Кондаковъ, М. С. Куторга, В. В. Латышевъ, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Покровскій, А. В. Половцевъ, И. В. Помяловскій, С. Л. Пташицкій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, Н. Ф. Романченко, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, графъ И. И. Толстой, И. Г. Троицкій, А. Г. Туманскій, Б. А. Тураевъ, А. А. Цагарели, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ; гости: гг: Глазовъ и Сиповскій.

I.

Г. Помощникъ Предсѣдателя напомнилъ Собранію, что Общество лишилось слѣдующихъ своихъ сочленовъ, скончавшихся во время лѣтняго перерыва занятій, почетныхъ членовъ: князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго; дѣйствительныхъ членовъ: Г. П. Небольсина и графа Э. К. Чапскаго и члена-сотрудника Н. И. Суворова.

Общее Собраніе почтило память усопшихъ вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго Общаго Собранія 17 мая 1896 года.

III.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 5 октября 1896 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Совѣта 3-го мая 1896 г.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Предложеніе Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко отъ 27 іюля сего года, за № 38, объ установленіи обмѣна изданіями.

Постановлено: высылать впредь изданія Общества.

3) Ходатайство художника П. Н. Попова объ избраніи его въ члены-сотрудники.

Постановлено: увѣдомить, что предложеніе Обществу объ избраніи въ члены-сотрудники можетъ состояться лишь послѣ оказаннаго Обществу содѣйствія или сотрудничества въ его трудахъ.

4) Ходатайство Ярославской Архивной Коммиссіи отъ 21 мая, за № 52, о безплатной высылкѣ одного экземпляра описи предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Общества.

Постановлено: высылать экземпляръ описи.

5) Письмо псаломщика Давидова отъ 10 іюля, съ предложеніемъ сообщить Обществу записи о кладахъ.

Постановлено: передать въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по принадлежности.

6) Письмо В. И. Мазюкевича отъ 21 іюля, объ указаніи ему пособій для изученія архитектуры церквей Архангельской губерніи.

Постановлено: указать на труды: Арх. Макарія и гг. Павлинова, Покровскаго и Суслова и выслать записку для изученія русскихъ древностей.

7) Произведена провѣрка кассовыхъ книгъ Общества: книги найдены въ полномъ порядкѣ.

8) Предъявлены къ оплатѣ счета: Вильборга, отъ 30 сентября, за фототипическія таблицы для сборника христіанскихъ надписей В. В. Латышева и для II тома Трудовъ Русскаго Отдѣленія (Зап. Общ. т. IX, вып.: 1 и 2)—на 212 р. 45 к., и типографіи Скороходова отъ 4 октября, за № 1901, за напечатаніе I тома Трудовъ того же Отдѣленія (Зап. Общ. т. VIII вып. 1 и 2), на 685 р. 15 к.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

9) Предложеніе о перечисленіи Ѳ. Г. Мищенка въ дѣйствительные члены, съ освобожденіемъ отъ платы членскихъ взносовъ на основаніи § 22 Устава.

Постановлено: перечислить г. **Мищенка** въ дѣйствительные члены на основаніи § 24 Устава съ освобожденіемъ отъ платы членскихъ взносовъ по § 22 Устава.

Общее Собраніе утвердило постановленія Совѣта Общества.

IV.

Доложенъ протоколъ Юбилейной Коммиссіи 5 октября 1896 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммиссіи 31-го октября 1895 года.

2) Г. Помощникъ Предсѣдателя довелъ до свѣдѣнія Коммиссіи о ходѣ работъ по изданіямъ, которыя имѣютъ выйти ко дню празднованія юбилея Общества.

3) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Коммиссіи, что на Монетномъ Дворѣ приготовляются штампы для юбилейной медали и что надлежитъ опредѣлить, какое число экземпляровъ надлежитъ заказать для Общества.

Коммисія постановила: оттиснуть двѣ золотыя медали, десять серебряныхъ и тридцать бронзовыхъ. Бронзовыя медали разсылать учрежденіямъ, кои пришлютъ свои депутаціи, а также тѣмъ, кои обмѣниваются съ Обществомъ изданіями. Предложить гг. членамъ Общества изготовлять для себя медали за ихъ счетъ.

4) Напечатать ко дню празднованія юбилея извлеченіе изъ исторической записки о дѣятельности Общества, и раздавать это извлеченіе присутствующимъ на Торжественномъ Собраніи.

5) Составить списокъ учрежденій, которыя увѣдомить о томъ, что Общество будетъ праздновать свой юбилей 15-го декабря текущаго года.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V.

Доложенъ протоколъ Юбилейной Коммиссіи 25 октября 1896 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 5-го октября 1896 года.

2) Графъ И. И. **Толстой** ознакомилъ Коммиссію съ ходомъ изданія описанія Старо-Ладожской крѣпости и представилъ на ея утвержденіе заглавный листъ изданія. При этомъ графъ **Толстой** довелъ до свѣдѣнія Коммиссіи, что во время хода работъ по изготовленію таблицъ для атласа выяснилось, что предназначенная на изданіе сумма 6.000 рублей оказалась недостаточною и должна возрасти приблизительно на

три тысячи, при чемъ просилъ Коммиссію о разрѣшеніи такого добавочнаго кредита для приведенія изданія къ концу въ надлежащей полнотѣ.

Постановлено: ходатайство графа И. И. Толстого о добавочномъ кредитѣ до 3.000 р. на изданіе уважить; просить о напечатаніи заглавнаго листа въ измѣненномъ видѣ и разослать корректуру его членамъ Коммиссіи.

3) Просмотрѣнъ и утвержденъ списокъ учрежденій, находящихся въ Россіи, коимъ надлежитъ разослать извѣщеніе о предстоящемъ праздновании юбилея Общества. Списокъ учрежденій иностранныхъ, съ коими Общество производитъ обмѣнъ изданіями, переданъ на разсмотрѣніе Секретарей Отдѣленій: Восточнаго и Классическаго.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI.

Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 15 октября, за № 1732, съ препровожденіемъ 171 экз. серебряныхъ восточныхъ монетъ изъ клада монетъ, найденнаго въ Эриванской губерніи.

Постановлено: выразить признательность Общества.

VII.

Приступлено, по § 78 Устава, къ избранію пяти членовъ Медальной Коммиссіи.

Избранными оказались: баронъ В. Р. Розенъ, получившій наибольшее число голосовъ—Предсѣдателемъ Коммиссіи; членами: В. В. Латышевъ, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ и Н. В. Покровскій.

VIII.

Доложено заявленіе Отдѣленія археологіи Древне-Классической, Византійской и Западно-Европейской объ избраніи слѣдующихъ иностранныхъ ученыхъ въ число членовъ Общества по случаю предстоящаго Юбилея Общества.

а) Въ почетные члены:

1) Т. Моммзена и 2) Члена Института Г. Масперо.

б) Въ члены-сотрудники:

1) Члена Института Ж. Перро.

2) Профессора Словеснаго Факультета въ Парижѣ М. Коллиньона.

3) Генеральнаго Секретаря Германскаго Археологическаго Института А. Конце.

4) Секретаря Германскаго Археологическаго Института въ Римѣ Хр. Гюльзена.

5) Секретаря Германскаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ П. Вольтерса.

6) Директора Британскаго Музея Томпсона.

7) Члена Копенгагенской Академіи Ю. Уссинга.

8) Профессора Берлинскаго Университета А. Эрмапа.

9) Члена Института Л. Гёзэ.

10) Профессора Лейпцигскаго Университета Т. Шрейбера.

Постановлено: произвести баллотировку въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

IX.

Предложены въ почетные члены А. А. Куникъ, въ дѣйствительные члены: А. Н. Деревицкій (съ освобожденіемъ отъ платы по 32 § Устава) и А. И. Маркевичъ; въ члены-сотрудники Ѳ. И. Рейманъ.

Постановлено: произвести баллотировку въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

X.

А. Н. Щукаревъ, сдѣлалъ сообщеніе о тіарѣ царя Сайтофарна, находящейся въ Луврскомъ Музеѣ.

Въ преніяхъ участвовали графъ А. А. Бобринскій, представившій нѣсколько принадлежащихъ ему предметовъ, В. В. Латышевъ, Н. П. Кондаковъ и А. В. Половцевъ.

XI.

Приступлено было къ баллотированію М. Н. Сперанскаго въ число членовъ-сотрудниковъ Общества.

Г. Сперанскій избранъ единогласно.

Общее Собраніе 11-го декабря.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, присутствовали: графъ А. А. Бобринскій, В. Г. Бокъ, М. А. Веневитиновъ, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, М. С.

Куторга, А. К. Марковъ, Л. Н. Майковъ, В. П. Мордвиновъ, от. К. Т. Никольскій, А. М. Позднѣевъ, Н. В. Покровскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, С. В. Рождественскій, баронъ В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, В. А. Тепловъ, И. Г. Троицкій, А. А. Цагарели, Г. Ф. Церетели, Н. Д. Чечулинъ.

I.

В. А. Тепловъ прочелъ краткую біографію покойнаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

Общее Собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго Общаго Собранія 6 ноября 1896 года.

III.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 3 декабря 1896 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Совѣта 5 октября 1896 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла.

2) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 26 ноября сего года, за № 1774, съ предложеніемъ о назначеніи депутатовъ въ Предварительный Комитетъ по устройству XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

Постановлено: довести до свѣдѣнія ближайшаго Общаго Собранія.

3) Предложеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 9 ноября, за № 1884, о предоставленіи Обществу для его музея главнѣйшихъ типовъ предметовъ древности изъ переданнаго Обществомъ собранія Л. К. Ивановскаго.

Постановлено: выразить Коммиссіи признательность Общества за изложенное предложеніе и просить о допущеніи члена-сотрудника Общества А. А. Спицына къ выбору предметовъ для музея Общества, о чемъ просить также и г. Спицына.

4) Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 29 ноября сего года, за № 2014, съ препровожденіемъ серебряной гривны, найденной въ 1894 году близъ деревни Лопаревской, Воро-

нинской волости, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, — Обществу въ даръ.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собранія о пожертвованіи гривны, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалась китайскимъ ямбомъ съ надписью.

5) Отношеніе Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ отъ 30 ноября, за № 1027, съ препровожденіемъ его изданій, недостающихъ въ библіотекѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, и съ просьбой о пополненіи библіотеки изданіями этого послѣдняго.

Постановлено: выслать, по мѣрѣ возможности, недостающія въ библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, и о цѣнномъ пожертвованіи довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

6) Предложеніе Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи отъ 18 ноября, за № 548, съ препровожденіемъ послѣднихъ изданій Архива и объ установленіи обмѣна изданіями.

Постановлено: выслать въ Архивъ изданія, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ, и просить о высылкѣ прежнихъ изданій Архива.

7) Ходатайство С.-Петербургской Біологической Лабораторіи отъ 9 октября, за № 19, о высылкѣ ей въ обмѣнъ на ея извѣстія нѣкоторыхъ изданій Общества.

Постановлено: выслать Труды II Археологическаго Съѣзда, Труды Коммиссіи по изслѣдованію бронзъ и Записку для обозрѣнія русскихъ древностей.

8) Доложенъ слѣдующій проектъ отчета Совѣта за 1896 г. для представленія его Ревизіонной Коммиссіи: „Совѣтъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, занимаясь, согласно § 34 Устава Общества, хозяйственными и распорядительными дѣлами Общества, имѣлъ въ минувшемъ году 4 засѣданія и выразилъ свою дѣятельность въ нижеслѣдующемъ: 1) Согласно постановленію Общаго Собранія, Совѣтъ, въ полномъ своемъ составѣ, принималъ участіе въ трудахъ Коммиссіи по устройству празднованія юбилея Общества. 2) Трудами г. хранителя музея, принадлежащее Обществу собраніе предметовъ древности приведено въ порядокъ, нашито на таблицы и размѣщено въ витрины. 3) Для пополненія принадлежащихъ библіотекѣ Общества серіи русскихъ періодическихъ изданій, г. библіотекарь составилъ вѣдомости объ имѣющихся на лицо томовъ этихъ изданій, послѣ чего

эти вѣдомости были разосланы учрежденіямъ съ просьбою о пополненіи разрозненныхъ серій. На такое ходатайство Общества уже откликнулось нѣсколько учрежденій и выслало въ Общество свои изданія, что обогатило библіотеку Общества многими томами. 4) Совѣтомъ установленъ обмѣнъ изданіями Общества со слѣдующими учрежденіями: С.-Петербургской Духовной Академіей, Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, Обществомъ Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, Историко-Филологическимъ Обществомъ при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Французской школой въ Аѳинахъ и съ изданіями такой же школы въ Римѣ; Jahrbuch des Kaiserlichen Archäologischen Instituts, изд. въ Берлинѣ съ 1866 г.; Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Atheniche Abtheilung, изд. съ 1876 года въ Аѳинахъ; Mittheilungen des Kais. Deutcheu Archäologischen Instituts; Römishe Abtheilung, изд. съ 1886 г. въ Римѣ; Archäologisch—epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn, изд. съ 1877 г. въ Вѣнѣ и Ἐφημερὶς ἀρχαιολογικὴ, изд. Археологическимъ Обществомъ въ Аѳинахъ съ 1883 года, и Сыръ-Дарьинскимъ Статистическимъ Комитетомъ. 5) По просьбѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, Русскаго Пантелеймонова монастыря на Аѳонѣ и Одесской Публичной Библіотеки, Совѣтъ разрѣшилъ пополнить серію изданій Общества, находящихся въ означенныхъ учрежденіяхъ высылкою имъ недостающихъ у нихъ томовъ изданій Общества. 6) Согласно ходатайству Тифлисской Публичной Библіотеки, Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ записокъ Восточнаго Отдѣленія какъ первымъ двумъ учрежденіямъ, такъ и въ подвѣдомственную послѣднему школу, находящуюся въ Назаретѣ. Кромѣ того, предоставлены безплатно по экземпляру изданій: Описи музея Общества Ярославской Архивной Коммиссіи; нѣсколько изданій Общества С.-Петербургской Біологической Лабораторіи;—Кіево-Софійскаго Собора — художнику Струкову и II Археологическаго Съѣзда г. Щеглову. 7) Были разсмотрѣны предъявленные къ оплатѣ счета по изданіямъ Общества и по устройству музея. 8) Субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія была обращена $4^{1}/_{2}$% облиг. Крестьянскаго Поземельнаго Банка, выпуска 1893 года. 9) Всѣ вышеизложенныя мѣропріятія были своевременно доложены Общему Собранію и имъ одобрены.

Проектъ утвержденъ.

9) Составленъ слѣдующій проектъ смѣты на 1897 годъ.

A. *По приходу:*

1) Субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія	5.000 р.	— к.
2) % съ капитала Общества	1.146 „	84 „
3) % съ оборотныхъ суммъ	150 „	— „
4) Возвратъ купоннаго налога	55 „	62 „
5) Продажа изданій	300 „	— „
6) Членскихъ взносовъ	150 „	— „
Итого	6.802 р.	46 к.

B. *По расходу:*

1) Личный составъ канцеляріи и расходы:

По канцеляріи: письмоводителю	400 р.	
Ему же дополнит. по ходат. Юбил. Ком.	140 „	
Курьеру	300 „	
Ему же наградныя	20 „	
Швейцару	12 „	
Ему же наградныя	3 „	
Дворникамъ	12 „	
Имъ же наградныя	9 „	
		896 р.
2) Секретарю на мелкіе расходы		450 „
3) Вознагражденіе библіотекарю		240 „
4) Казначею на мелочные расходы		75 „
5) Медали		315 „
6) На пополненіе библіотеки		175 „
7) На изданіе Трудовъ Восточнаго Отдѣленія		700 „
8) „ „ Записокъ Восточнаго Отдѣленія		1.400 „
9) „ „ „ Общества		2.000 „
10) „ „ переводовъ В. В. Латышева		500 „
Итого		6.751 р.

Постановлено: представить на утвержденіе Общаго Собранія.

Общее Собраніе утвердило распоряженія Совѣта, при чемъ постановило по пунктамъ: 2-му—просить Н. И. Веселовскаго, А. И. Кирпичникова и князя П. А. Путятина быть представителями Общества въ предварительномъ Комитетѣ по устройству XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ; 3-му и 4-му—благодарить Императорскую Археологическую Коммиссію и въ виду заявленія графа А. А. Бобринскаго о томъ, что упомянутый ямбъ, является единственнымъ

доселѣ извѣстнымъ экземпляромъ и, что ему надлежало бы скорѣе находиться въ Собраніи Императорскаго Эрмитажа, — принести этотъ ямбъ въ даръ Императорскому Эрмитажу; по 5-му—благодарить Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ; по 9-му—проектъ смѣты утвердить.

IV.

Доложенъ Общему Собранію слѣдующій протоколъ Юбилейной Коммиссіи отъ 26-го ноября 1896 г.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммиссіи 25-го октября 1896 г.

2) Утвержденъ представленный Коммиссіи гипсовый слѣпокъ проекта медали въ память пятидесятилѣтняго существованія Общества, одобренный Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества и, разрѣшено приступить къ закалкѣ штамповъ.

3) Выработаны проекты: 1) программы торжественнаго засѣданія, имѣющаго быть 15 декабря, въ часъ пополудни и 2) формы билетовъ для входа на это засѣданіе.

4) Постановлено просить Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго университета о разрѣшеніи устроить торжественное засѣданіе въ актовомъ залѣ университета.

5) Коммиссія обратилась къ Н. И. Веселовскому съ просьбою о прочтеніи на торжественномъ засѣданіи извлеченія изъ составленной имъ исторической записки о дѣятельности Общества. Н. И. Веселовскій выразилъ Коммиссіи свое согласіе.

6) Составленъ списокъ почетныхъ гостей, коихъ предположено пригласить на торжественное засѣданіе.

7) Постановлено представить Общему Собранію объ избраніи въ почетные члены Н. П. Кондакова и графа И. И. Толстого.

8) Согласно докладу Секретаря Общества о долголѣтней служебной дѣятельности Дѣлопроизводителя Общества П. Г. Григорьева, постановлено ходатайствовать передъ Общимъ Собраніемъ объ увеличеніи съ будущаго года содержанія г. Дѣлопроизводителя на 140 р. въ годъ. По представленію Секретаря Общества постановлено также просить разрѣшенія Общаго Собранія о выдачѣ курьеру Общества награды въ размѣрѣ 50 рублей изъ секретарскихъ суммъ.

9) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: 1) художника Никоновича за предварительныя фотографическія работы съ калекъ, снятыхъ съ фресокъ Старо-Ладожской церкви Св. Георгія, для изго-

товленія съ нихъ клише, на 310 р. 50 коп.; 2) художника Васютинскаго за проектъ медали и штампы для нея—на 800 р. 3) Картографическаго заведенія Ильина за карты для описанія Старо-Ладожской крѣпости на 380 руб. и 4) типографіи Скороходова за отдѣльные оттиски изъ IX-го тома Записокъ (вып. 3 и 4 труд. Классическаго Отдѣленія)—на 236 р. 44 коп. Постановлено по счетамъ уплатить.

Поставлено: принять къ свѣдѣнію.

Доложены слѣдующія текущія дѣла.

V.

Отношеніе Секретаря Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича отъ 11 декабря, за № 795, съ препровожденіемъ для библіотеки Общества изданныхъ Его Высочествомъ 2-хъ томовъ описанія монетъ царствованій Императрицы Елисаветы I и Императора Петра III.

Постановлено: просить передать Его Высочеству признательность Общества за присланныя изданія.

VI.

Увѣдомленіе Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго университета отъ 7 декабря, за № 2312, о томъ, что университетъ предоставляетъ актовое зало безплатно для устройства въ немъ торжественнаго засѣданія Общества 15 декабря текущаго года.

Постановлено: выразить г. Ректору признательность Общества.

VII.

На основаніи § Устава приступлено къ избранію членовъ Ревизіонной Коммиссіи.

Избранными оказались: Л. Н. Майковъ, получившій большее число голосовъ ея предсѣдателемъ; членами: А. М. Позднѣевъ и Н. В. Покровскій; запаснымъ членомъ Н. Ф. Дубровинъ.

VIII.

На основаніи § 5 Положенія о медали въ память графа А. С. Уварова приступлено къ избранію 7 членовъ въ Коммиссію по присужденію этой медали.

Избранными оказались: баронъ В. Р. Розенъ — получившій большее число голосовъ—предсѣдателемъ Коммиссіи; членами ея (по-

слѣдовательно по числу голосовъ): Л. Н. Майковъ, В. В. Латышевъ, Д. Ѳ. Кобеко, Н. И. Веселовскій, графъ А. А. Бобринскій, И. В. Покровскій, И. В. Помяловскій.

IX.

Приступлено къ избранію въ почетные члены—А. А. Куника; въ дѣйствительные члены: Л. Н. Деревицкаго (по § 22 Устава) и А. И. Маркевича; въ члены-сотрудники Ѳ. П. Реймана, предложенныхъ въ предыдущемъ Собраніи.

А. Н. Деревицкій и А. А. Куникъ избраны единогласно; А. И. Маркевичъ и Ѳ. И. Рейманъ большинствомъ голосовъ:

X.

По поводу предстоящаго празднованія 50-лѣтняго юбилея Общества, были предложены къ избранію въ почетные члены и иностранные члены-сотрудники слѣдующія лица, о чемъ гг. члены Общества были предупреждены повѣстками.

Общее Собраніе постановило ходатайствовать о принятіи званія почетныхъ членовъ Общества: Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ; Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ.

Предложены въ почетные члены:

Членъ-основатель: г. Сабатье. Дѣйствительные члены: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Г. Васильевскій, Н. П. Кондаковъ, Л. Н. Майковъ, графъ И. И. Толстой, Д. Л. Хвольсонъ. Профессоръ Императорскаго Кіевскаго университета Св. Владиміра В. С. Иконниковъ. Предсѣдатель Финляндской Археологической Коммиссіи Аспелинъ.

Иностранные ученые: Алишанъ въ Венеціи, Бёрджесъ въ Лондонѣ, Бюлеръ въ Вѣнѣ, Гвиди въ Римѣ, Де-Гуіе въ Лейденѣ, Кернъ въ Лейденѣ, Масперо въ Парижѣ, Моммзенъ въ Берлинѣ, Нельдеке въ Страсбургѣ, Ріё въ Кембриджѣ, Сахау въ Берлинѣ, Томпсонъ въ Лондонѣ, Шеферъ въ Парижѣ.

Въ иностранные члены-сотрудники: Вольтерсъ въ Аѳинахъ, Гёзэ въ Парижѣ, Гюльзенъ въ Римѣ, Коллиньонъ въ Парижѣ, Копце въ Берлинѣ, Перро въ Парижѣ, Уссингъ въ Копенгагенѣ, Шрейберъ въ Лейпцигѣ, Эрманъ въ Берлинѣ.

Единогласно избраны: гг. Бюлеръ, В. Г. Васильевскій,

Л. Н. Майковъ, Масперо, Моммзенъ, Перро, Сахау, Д. А. Хвольсонъ, Эрманъ; остальные большинствомъ голосовъ.

XI.

Общее Собраніе единогласно и безъ баллотировки избрало Л. Сабатье, одного изъ основателей Общества, не состоящаго нынѣ въ числѣ членовъ его, въ почетные члены.

Торжественное Общее Собраніе 15-го декабря.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, въ залѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета присутствовали: Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Ея Высочество принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская и Его Высочество принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, почетные гости и члены Общества.

I.

А. Ѳ. Бычковъ прочелъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный Обществу по поводу пятидесятилѣтія его дѣятельности.

„Русское Археологическое Общество сегодня празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Учрежденное въ 1846 году по мысли нѣсколькихъ частныхъ лицъ, поставившихъ себѣ цѣлію разработку въ нашемъ отечествѣ вообще археологіи и въ частности изслѣдованіе памятниковъ русской старины, оно, подъ предсѣдательствомъ сначала герцога Максиміліана Лейхтенбергскаго, а затѣмъ Великаго Князя Константина Николаевича, неуклонно шло по избранному пути и ознаменовало свою полувѣковую дѣятельность обнародованіемъ многихъ важныхъ и цѣнныхъ трудовъ, первенствующее мѣсто между которыми занимаютъ изслѣдованія какъ касавшіяся русскихъ древностей, такъ и содѣйствовавшія ближайшему знакомству съ исторіею и древностями востока“.

„Такая разнообразная и полезная дѣятельность Общества составляетъ несомнѣнную его заслугу передъ наукою и Отечествомъ, и въ виду этого Мнѣ пріятно выразить Русскому Археологическому Обществу Мое благоволеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно, подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ своего настоящаго Предсѣдателя Вели-

каго Князя Константина Константиновича будетъ и впредь такъ же неуклонно и плодотворно трудиться на пользу отечественной науки".

„*НИКОЛАЙ*"

15 Декабря 1896 года. Царское Село.

По прочтеніи Высочайшаго рескрипта, А. Ѳ. Бычковъ прочелъ письмо Министра Финансовъ на имя Августѣйшаго Предсѣдателя Общества.

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему рескрипта Вашего Императорскаго Высочества отъ 4 сего декабря, въ 13 день того же декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства въ пособіе Императорскому Русскому Археологическому Обществу 3000 р. и предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія вносить въ смѣты, начиная съ 1898 года, на пособіе Археологическому Обществу ежегодно по 8.000 р.

Доводя почтительнѣйше до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи считаю долгомъ присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ по Главному Казначейству сдѣлано распоряженіе объ открытіи въ смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія кредита въ 3.000 р. для отпуска ихъ на изъясненную надобность и о приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи сообщено Министру Народнаго Просвѣщенія для соотвѣтствующихъ распоряженій".

Послѣ чтенія пѣвчими былъ исполненъ гимнъ.

II.

Н. И. Веселовскій прочелъ составленное имъ извлеченіе изъ исторической записки о дѣятельности Общества.

III.

Прибывшіе отъ учрежденій депутаты привѣтствовали Общество чтеніемъ и поднесеніемъ ему адресовъ и изданій.

IV.

Совѣтъ Общества поднесъ Августѣйшему Предсѣдателю отъ имени Общества золотую медаль, выбитую въ память исполнившагося пятидесятилѣтія его существованія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отзывъ дѣйствительнаго члена Ѳ. Ѳ. Соколова о сочиненіи Г. Никитскаго: Дельфійскіе эпиграфическіе этюды. Одесса, 1894—95.

А. В. Никитскій принадлежитъ къ числу искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ эпиграфистовъ нашего времени. О главномъ содержаніи и значеніи его трудовъ вкратцѣ сказано въ статьѣ, напечатанной въ Журн. М. Н. Пр. Класс. отд. 1896, стр. 88 и слѣд.. Въ Дельфахъ г. Никитскій работалъ нѣсколько разъ. Главная масса надписей дельфійскихъ, акты освобожденія рабовъ посредствомъ формальной продажи богу Аполлону и амфиктіоновскіе акты—вырѣзана на стѣнахъ террасы, на которой стоялъ храмъ Аполлона пиѳійскаго, и особенно на южной стѣнѣ. Наибольшее число надписей ея списано и издано Вешеромъ и Фукаромъ (Inscriptions recueillies à Delphes, 1863),—изданіе, имѣвшее большое значеніе въ наукѣ. Августъ Моммзенъ началъ хронологическій разборъ надписей, опредѣливъ жреческія эпохи. Дельфійскіе акты отмѣчаются по двумъ пожизненнымъ жрецамъ и по ежегодно смѣнявшемуся архонту: жреческая эпоха—акты съ именами однихъ и тѣхъ же жрецовъ, напримѣръ, съ именами Εὐκλῆς Ξένων—первая эпоха. Послѣ изданія Вешера-Фукара была раскопана еще часть южной стѣны и издано много новыхъ актовъ г-номъ Оссулье. Найдены надписи и въ другихъ мѣстахъ Дельфъ. Еще въ 1884 году г. Никитскій пришелъ къ намѣренію обработать въ связи дельфійскія надписи и особенно изучить южную стѣну. Г. Никитскій составилъ для себя планъ этой южной стѣны, отмѣтивъ мѣсто, занимаемое каждымъ актомъ.

Посѣтивъ Дельфы нѣсколько разъ, онъ списалъ всѣ доступныя ему надписи, изучилъ источники и новую литературу по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ Дельфамъ, амфиктіоніи, Этолійскому союзу. Въ разгарѣ своихъ работъ г. Никитскій узналъ, что ту же работу надъ дельфійскими надписями предпринялъ нѣмецкій ученый, г. Помтовъ, въ

распоряженіи котораго были значительныя матеріальныя средства. По зрѣломъ обсужденіи г. Никитскій рѣшилъ продолжать трудъ, во-1-хъ потому, что имъ взята болѣе широкая тема: не одни только топографическіе и хронологическіе вопросы, но всѣ доступныя нашему изслѣдованію стороны жизни Дельфъ и амфиктіоніи; во-2-хъ потому, что его изученіе надписей было совершенно самостоятельно. Въ послѣдніе годы французскіе ученые производили значительныя раскопки въ Дельфахъ: ими открыто множество новыхъ надписей. Г. Никитскій изучилъ всѣ изданныя уже изъ этихъ новонайденныхъ, и въ книгѣ своей, о которой мы теперь говоримъ, рѣшилъ обработать всѣ факты открытыхъ и извѣстныхъ ему надписей, чтобы затѣмъ удобно было къ этому реперторію и изслѣдованію присоединить факты новонайденныхъ надписей, когда онѣ будутъ изданы и станутъ доступны (издаются онѣ, надобно замѣтить, иногда небрежно, такъ что такіе ученые, какъ Никитскій и Помтовъ, найдутъ на камняхъ болѣе, чѣмъ въ напечатанныхъ текстахъ).

Книга г. Никитскаго состоитъ изъ шести главъ. Въ первой—Дельфійскій эпиграфическій матеріалъ и изслѣдованія—прекрасно изложена исторія изученія Дельфъ и надписей дельфійскихъ новою наукою. Во второй — Южная полигональная стѣна — съ величайшею подробностію разбирается и исправляется планъ Помтова, приложенный къ его книгѣ Beiträge zur Topographie von Delphi. Г. Никитскій, по своему плану, своимъ отмѣткамъ и копіямъ, дѣлаетъ много поправокъ въ частностяхъ. Въ началѣ третьей главы—Жрецы Аполлона пиѳійскаго—г. Никитскій даетъ перечень жреческихъ эпохъ и показываетъ число извѣстныхъ ему, по его реестрамъ и копіямъ, актовъ каждой эпохи, сравнительно съ такимъ перечнемъ въ Fasti Delphici Помтова. Вторая половина главы, а также четвертая глава—Древнѣйшій неокоратъ, пятая глава—разные представители храмовой службы—и вторая половина шестой главы—Архонты-эпонимы и архонты-совѣтники съ конца 3-го вѣка до Р. Х. заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ изслѣдованій о жреческомъ персоналѣ храма Аполлона и объ устройствѣ Дельфъ. Первая половина шестой главы, представляетъ подробнѣйшія хронологическія таблицы эпонимовъ и совѣтниковъ, встрѣчающихся въ дельфійскихъ актахъ, съ перечисленіемъ всѣхъ актовъ и съ указаніемъ всѣхъ хронологическихъ и географическихъ помѣтъ или признаковъ, встрѣчающихся въ актахъ (напримѣръ, имена стратеговъ этолійскихъ, имена мѣсяцевъ, имена городовъ, гражданами ко-

торыхъ были господинъ освобождаемаго раба и свидѣтели освобожденія). Ни этихъ изслѣдованій, ни таблицъ нѣтъ въ статьяхъ Помтова, напечатанныхъ до сихъ поръ (Fasti Delphici въ Jahrbücher für classische Philologie 1889 и 1894, Philologus томъ LIV, 1895). Вообще замѣчательно то, что въ хронологическихъ выводахъ и въ мнѣніяхъ о разныхъ дельфійскихъ учрежденіяхъ Никитскій и Помтовъ, работая совершенно независимо другъ отъ друга, никогда не противорѣчатъ, приходятъ къ однимъ главнымъ результатамъ. Матеріалъ ихъ богатъ и вполнѣ достовѣренъ; подлинные акты, дошедшіе цѣлыми сотнями, при внимательномъ разборѣ, не поддаются двумъ толкованіямъ. Но между книгою г. Никитскаго и статьями Помтова мало сходства въ построеніи и даже въ трактуемыхъ темахъ. Говорю это потому, что можетъ образоваться мнѣніе (и даже высказываемо было), что работы Помтова умаляютъ значеніе книги Никитскаго. Тотъ, кто прочиталъ работы того и другого ученаго, не скажетъ такъ.

Книга г. Никитскаго—кромѣ предисловія 368 страницъ большого формата—вся состоитъ изъ безчисленныхъ самыхъ кропотливыхъ, самыхъ внимательныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій. Онъ съ величайшею строгостью относится къ собственнымъ мнѣніямъ и постоянно выясняетъ, до какой степени можемъ мы утверждать что-либо въ каждомъ данномъ вопросѣ или пунктѣ. Трудъ г. Никитскаго внушаетъ глубокое уваженіе и заслуживаетъ награды отъ Императорскаго Археологическаго Общества.

II.

Отзывъ дѣйствительнаго члена графа И. И. Толстого о сочиненіи проф. М. И. Соколова: Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ. называемыхъ змѣевиками, М. 1894.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Славянской Коммиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ», вып. I. М. 1895).

Означенной выше монографіи М. И. Соколова предшествовала статья того же автора, напечатанная въ іюньской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1889 г., подъ заглавіемъ: „Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“. Монографія составляетъ прямое продолженіе этой статьи и находится съ нею въ настолько тѣсной генетической связи, что при разборѣ необходимо заняться обѣими. Вызваны оба изысканія моей

статьей о змѣевикахъ, напечатанной въ 1888 г., въ III т. Записокъ Имп. Русск. Арх. Общества, путемъ сводки всего извѣстнаго матеріала и литературы о немъ поставившей вновь на очередь старый вопросъ объ этихъ интересныхъ памятникахъ. Хотя я и рѣшился высказать нѣкоторыя предположенія о значеніи змѣевиковъ, отдавая преимущество тому или другому мнѣнію авторовъ, ранѣе занимавшихся тѣмъ же вопросомъ, но выяснить дѣйствительное значеніе змѣевиковъ окончательно—мнѣ не удалось. Первостепенное значеніе для правильнаго ихъ объясненія имѣло точное и понятное чтеніе надписи, находящейся на наиболѣе важныхъ экземплярахъ.

Надпись эта греческая и гласитъ:

ΥСТЄРΑ МЄΛΑΝΗ МЄΛΑΝΟМЄΝΗ ΟС ΟΦΗС ΗΛΗЄСЄ ΚΑΙ ΟС ΔΡΑΚΟΝ СΥΡΗΖΗС ΚΑΙ ΟС ΛЄΟΝ ΒΡΥΧΑСЄ ΚΑΙ ΟС ΑΡΝΙΟΝ ΚΥΜ...

Я отдалъ преимущество способу чтенія, а слѣдовательно, и объясненію надписи, предложенному Крузе. Уже въ слѣдующемъ томѣ Записокъ Археол. Общества пришлось напечатать рядъ замѣтокъ на мою статью (Записки, т. IV, 1890 г., стр. 100—120 „Еще о змѣевикахъ“), изъ которыхъ главная принадлежала перу покойнаго Г. С. Дестуниса, доказывавшаго преимущество предложеннаго имъ еще въ 1881 г. способа чтенія надписи передъ чтеніемъ Крузе. Признавая преимущество транскрипціи Г. С. Дестуниса, я тогда замѣтилъ, что затрудненіе представляетъ придаваемый имъ надписи смыслъ („матица черная, почернѣлая, какъ змѣй ты вьешься и какъ драконъ свищешь и какъ левъ рычишь и какъ ягненокъ спи“). „Если ὑστέρα означаетъ недугъ, говорилъ я, и, очевидно, спеціально недугъ женскій, то приходится недоумѣвать, почему на змѣевикахъ такъ же часто встрѣчаются имена мужскія, какъ и женскія. Возможно ли тоже приписывать женской болѣзни такія дѣйствія, какъ змѣиныя извиванія, свистъ дракона, рычаніе льва и, наконецъ, сонъ ягненка?... Кажется, что слово ὑστέρα легче всего относить къ лицу и, конечно, въ значеніи циничнаго ругательнаго иносказанія. Присвоеніе его апокалипсической блудницѣ, вполнѣ естественно и напрашивается само собою“. Теперь благодаря изысканіямъ М. И. Соколова, вопросъ рѣшенъ, кажется окончательно, и выраженныя мною сомнѣнія, оказываются неосновательными. Уже въ первой своей статьѣ онъ указываетъ на Сисиніевскую легенду, распространенную въ разныхъ редакціяхъ и варіантахъ во многихъ литературахъ, при чемъ изображеніе женской головы со змѣями отожествляетъ съ „вѣщицей“—Γυλοῦ; въ одномъ греческомъ текстѣ (изданномъ Саѳой въ Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη) Γυλοῦ говоритъ о себѣ: „ἐγὼ ἀπέρχομαι εἰς οἶκον τινός, ὡς ὄφις,

ὡς δράχων..." Въ этой же статьѣ М. И. Соколовъ указалъ, что Сисинія въ сказаніяхъ часто замѣняетъ Архистратигъ Михаилъ, затѣмъ Ѳедоръ Тиронъ, а также, что мученикъ Никита, изображеніе коего встрѣчается на змѣевикахъ, является прогонителемъ діавола. Во второмъ, болѣе обширномъ своемъ изысканіи М. И. Соколовъ собралъ чрезвычайно богатый и разнообразный матеріалъ, подкрѣпляющій первоначальныя его предположенія. Такъ, въ глаголическомъ требникѣ, изданномъ Гейтлеромъ, встрѣчается молитва „о избавленьи дьнѣ человѣку: „Г(оспод)і... помилоуи чка сего, въпіящаагo дъною,... не дѣи емоу пакости..., нъ въ единомъ мѣстѣ лязи, съвивъши ся..."

Въ рукописномъ требникѣ XV—XVI в., изслѣдованномъ И. Я. Порфирьевымъ, между прочимъ, встрѣчаются такія молитвы отъ дны: „заклинаю тя Бгомъ живымъ, червленая и черная..., что рыкаеши яко левъ, яко волъ яцеши, яко козлище возыграеши...", или: „...дно люта бо еси прелюта; спи яко агня младо аспидово; проклята еси и т. д.". Цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ и важныхъ цитатъ М. И. Соколовъ доказываетъ, что слово дна, дьна или дъна означаетъ: 1) matrix=ὑστέρα, μήτρα, матица; чрево, желудокъ; 2) болѣзнь: а) этихъ частей тѣла, б) вообще тяжелую болѣзнь и 3) демоническое существо, причиняющее болѣзнь.

Особенно интересна аналогія съ русскими и греческими—латышскихъ заговоровъ, изданныхъ Ѳ. Я. Трейляндомъ: „По объясненію латышскихъ знахарей, внутри каждаго человѣка, безъ различія пола, находится какъ-будто отдѣльное существо, отъ спокойнаго состоянія котораго зависитъ здоровье человѣка. Это „мать" человѣка (донникъ, золотникъ или матица Бѣлорусскихъ заклинаній), твердый кусокъ жилистаго мяса, величиною съ кулакъ, помѣщающійся вблизи спины, противъ хребта". Она какъ бы живетъ собственной жизнью, и когда человѣкъ разнеможется ее просятъ: „воротись, воротись домой, сядь на золотое кресло, спи на золотомъ ложѣ, куда тябя поставилъ самъ Богъ..." Этой „матери" приписываются латышами разнообразныя движенія: она шевелится, бродитъ, прыгаетъ, опускается, растягивается, трясется, крутится.

У болгаръ такую же роль играютъ болѣзни „далакъ" и „клинаво-дънаво", у малороссіянъ—„гостецъ".

Въ одномъ рукописномъ греческомъ Евхологіонѣ, въ заклинаніи противъ головной боли, говорится: καὶ εἶπεν αὐτὴν (ὁ ἀρχάγγελος Μηχαὴλ)· πόθεν ἔρχυ καὶ ποῦ ὑπαγὸς ἄβρα μελανὴ μελανόμενη τρίχειλε κέφαλε, т. е. авра черная почернѣлая, волосатая голова. Приведенные мною примѣры за-

говоровъ, почерпнутые изъ изысканія М. И. Соколова, устанавливаютъ несомнѣнную связь надписи на змѣевикахъ съ этого рода литературой; но наиболѣе убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи является данное авторомъ объясненіе надписи, находящейся на змѣевикѣ, описанномъ мною въ моей статьѣ объ этихъ памятникахъ подъ № 19 и изображенномъ на Т. XVI подъ № 3. Четыре буквы **Н Д А Ъ**, расположенныя крестообразно вокругъ головы со змѣями, прочитаны были мною, вслѣдъ за Далемъ, впервые издавшимъ этотъ змѣевикъ, какъ имя одного изъ сыновей Іакова: **ДАНЪ**. М. И. Соколовъ предлагаетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно и доказательно, читать эти буквы въ такомъ порядкѣ: **ДНЪА** или, вѣрнѣе, **ДЪНА**, получая, такимъ образомъ, то названіе болѣзни или ея воплощенія, которымъ, судя по приведеннымъ имъ заклинаніямъ и заговорамъ, лучше всего переводится на древне-русскій языкъ греческое слово ὑστέρα. „Что амулеты подъ названіемъ дъна употреблялись на Руси", говоритъ авторъ (стр. 43 отд. отт.), „свидѣтельство объ этомъ находимъ въ Домостроѣ. Въ гл. 8: „како врачеватися христіяномъ отъ болѣзней и отъ всякихъ скорбей" предписывается молитва..., но осуждаются увеселенія и т. под., къ сему чарованіе, и волхвованіе, и наузы... усовники, днакаменіе, кости волшебныя..."

Тѣмъ, что̀ мною изложено выше вкратцѣ и въ выдержкахъ изъ подробнаго и добросовѣстнѣйшаго изслѣдованія М. И. Соколова, могутъ считаться вполнѣ доказанными основныя положенія автора, требовавшія доказательства, а именно: 1) правильность объясненія загадочной греческой надписи Г. С. Дестунисомъ и 2) значеніе „змѣевиковъ", какъ филактерій или амулетовъ противъ ὑστέρ'ы, по-русски — дъны. Такимъ образомъ, надпись: Ὑστέρα μελανὴ μελανομένη, ὡς ὄφις εἱλύεσαι καὶ ὡς δράκων συρίζεις καὶ ὡς λέων βρυχᾶσαι, καὶ ὡς ἀρνίον κοιμοῦ, можетъ быть переведена приблизительно такъ: „Дъна (мать) черная, почернѣлая, (что) какъ змѣй извиваешься, какъ драконъ свищешь, какъ левъ рычишь? какъ ягненокъ спи".

Авторъ не довольствуется, однако, достигнутымъ результатомъ, но распространяетъ тему свою разработкою разнообразнаго апокрифическаго матеріала заклинательныхъ текстовъ, надписей на амулетахъ, разборомъ типовъ демоновъ по Testamentum Solomonis и т. п. Въ общемъ, все изысканіе М. И. Соколова представляетъ собою важную и довольно подробную монографію по апокрифической литературѣ заклинаній и заговоровъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, греческихъ, сла-

вянскихъ и спеціально русскихъ. Хотя автору и не удалось найти въ доступномъ ему матеріалѣ точнаго воспроизведенія той бывшей загадочной надписи на „змѣевикахъ“, которая послужила исходнымъ пунктомъ и побужденіемъ къ его изысканіямъ, тѣмъ не менѣе, имъ найдено столько схожихъ текстовъ, и ему удалось, путемъ сравненія и критики апокрифическаго матеріала, настолько ясно и опредѣленно освѣтить вопросъ, что значеніе странныхъ памятниковъ старины, извѣстныхъ подъ названіемъ „змѣевиковъ“, можетъ отнынѣ считаться окончательно выясненнымъ. Это должно почитаться немаловажной заслугою въ области вещественной археологіи, если вспомнить, что вопросъ о „змѣевикахъ“ занимаетъ археологовъ уже 75 лѣтъ, дразня ихъ постоянно своей загадочностью. Вообще изслѣдованія М. И. Соколова, отличаются столькими положительными достоинствами, благодаря обширнымъ знаніямъ автора и умѣнію его пользоваться ими, что Общество можетъ, мнѣ кажется, только возвысить значеніе своихъ медалей, присудивъ одну изъ нихъ автору „Новаго матеріала для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“.

СОСТАВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

по 1-е января 1898 года.

Покровитель Общества, Его Императорское Величество Государь Императоръ.

Предсѣдатель Общества, Его Императорское Высочество Великій Князь **Константинъ Константиновичъ**.

Помощникъ Предсѣдателя, Почетный членъ Аѳанасій Ѳедоровичъ **Бычковъ** (съ 28 апрѣля 1885 г.).

Секретарь, Василій Григорьевичъ **Дружининъ** (съ 15 апрѣля 1890 г.).

Казначей, Алексѣй Константиновичъ **Марковъ** (съ 15 марта 1888 г.).

Библіотекарь, Александръ Николаевичъ **Щукаревъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Хранитель музея, Владиміръ Георгіевичъ **Бокъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи русской и славянской, Сергѣй Ѳедоровичъ **Платоновъ** (съ 6 апрѣля 1894 г.).

Секретарь Отдѣленія, Сергѣй Михайловичъ **Середонинъ** (съ 10 декабря 1896 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи восточной, баронъ Викторъ Романовичъ **Розенъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Секретарь Отдѣленія, Василій Дмитріевичъ **Смирновъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской, Почетный членъ Иванъ Васильевичъ **Помяловскій** (съ 13 мая 1893 г.).

Секретарь Отдѣленія, Сергѣй Александровичъ **Жебелевъ** (съ 10 декабря 1894 г.).

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ **Георгій Александровичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Владиміръ Александровичъ** (съ 25 ноября 1871 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Сергій Александровичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Петръ Николаевичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Георгій Михаиловичъ** (съ 16 ноября 1885 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Александръ Михаиловичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

Аспелинъ, въ Гельсингфорсѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

***Бобринской**, графъ Алексѣй Александровичъ, избр. 18 ноября 1894 г., въ дѣйств. чл. 26 октября 1892 г.

***Бычковъ**, Аѳанасій Ѳедоровичъ, избр. 15 сентября 1890 г., въ дѣйств. члены 9 декабря 1846 г.

***Васильевъ**, Василій Павловичъ, избр. 11 мая 1887 г., въ чл.-сотр. 11 февраля 1857 г.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 30 мая 1874 г.

***Вельяминовъ-Зерновъ**, Владиміръ Владиміровичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 января 1881 г., въ дѣйств. чл. 11 февраля 1857 г., въ чл. корр. 30 декабря 1885 г.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, въ Москвѣ, избр. 27 марта 1892 г.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ, въ Кіевѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 26 марта 1886 г.

Куникъ, Аристъ Аристовичъ, избр. 11 декабря 1896 г., членъ-основатель.

***Майковъ**, Леонидъ Николаевичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 24 декабря 1874 г.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, избр. 28 апрѣля 1885 г., въ дѣйств. члены 25 ноября 1871 г.

Сабатье, Лукіянъ Петровичъ, избр. 11 декабря 1896 г., членъ-основатель.

***Стояновскій**, Николай Ивановичъ, избр. 7 іюня 1891 г., въ дѣйств. члены 5 іюня 1871 г.

Тизенгаузенъ, баронъ Владиміръ Густавовичъ, избр. 29 декабря 1891 г.

Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 22 мая 1882 г.

Трубецкой, князь Сергѣй Никитичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна, въ Москвѣ, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, избр. 16 мая 1888 г.

Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 20 декабря 1868 г.

Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ, въ Одессѣ, избр. 29 декабря 1891 г., въ дѣйств. чл. 4 января 1885 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

***Абамеликъ-Лазаревъ**, князь Семенъ Семеновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

****Айналовъ**, Дмитрій Власьевичъ, въ Казани, переч. 16 декабря 1897 г., въ члены-сотр. 13 апрѣля 1890 г.

***Алексѣевъ**, Георгій Петровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

****Антоновичъ**, Владиміръ Бонифатіевичъ, въ Кіевѣ, избр. 30 марта 1894 г.

***Арсеньевъ**, Сергѣй Васильевичъ, въ Іерусалимѣ, избр. 26 мая 1882 г.

Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 16 марта 1888 г.

***Барсовъ**, Николай Ивановичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

Бенуа, Леонтій Николаевичъ, избр. 18 мая 1893 г.

***Бертье-Делагардъ**, Александръ Львовичъ, въ Одессѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

Бибиковъ, Евгеній Михайловичъ, избр. 30 декабря 1897 г.

Бобринской, графъ Андрей Александровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

*****Бокъ**, Владиміръ Георгіевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

---

* Означаетъ единовременный взносъ въ кассу Общества, по § 20 Устава.

** Означаютъ членовъ не платящихъ, на основаніи § 22 Устава.

*** Означаютъ членовъ не платящихъ, на основаніи § 21 Устава.

*Боткинъ, Михаилъ Петровичъ, избр. 31 марта 1881 г.
*Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
Браунъ, Федоръ Александровичъ, избр. 30 декабря 1892 г.
Буличъ, Францискъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.
Бѣляевъ, Дмитрій Федоровичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1890 г.
*Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ, въ Ярославлѣ, избр. 4 января 1885 г.
*Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ, въ Воронежѣ, избр. 28 октября 1878 г.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ, избр. 13 декабря 1888 г.
***Веселовскій, Николай Ивановичъ, избр. 23 февраля 1889 г. въ чл.-сотр. 9 ноября 1881 г.
*Вешняковъ, Владиміръ Ивановичъ, избр. 18 марта 1877.
**Властовъ, Георгій Константиновичъ, избр. 9 января 1881 г.
*Гаркави, Авраамъ Яковлевичъ, избр. 30 мая 1874 г.
*Гиль, Христіанъ Христіановичъ, избр. 16 декабря 1881 г.
*Гинцбургъ, баронъ Давидъ Горацієвичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Глазовъ, Владиміръ Гавриловичъ, избр. 16 мая 1897 г.
*Голенищевъ, Владиміръ Семеновичъ, избр. 26 марта 1886 г., въ чл.-сотр. 22 мая 1879 г.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
*Гриммъ, Давидъ Ивановичъ, избр. 29 ноября 1865 г.
Грубе, въ Берлинѣ, избр. 1888 г.
Деревицкій, Алексѣй Николаевичъ, избр. 11 декабря 1896 г.
**Дриновъ, Маринъ Степановичъ, въ Харьковѣ, избр. 27 марта 1892 г.
***Дружининъ, Василій Григорьевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Дубровинъ, Николай Федоровичъ, избр. 18 мая 1894 г.
***Ернштедтъ, Викторъ Карловичъ, избр. 29 января 1892 г., въ чл.-сотр. 27 февраля 1885 г.
***Жебелевъ, Сергѣй Александровичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г., избр. въ чл.-сотр. 27 марта 1892 г.
Жуковскій, Валентинъ Алексѣевичъ, перечисленъ 3 марта 1893 г., избр. въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.
*Залеманъ, Карлъ Германовичъ, избр. 26 октября 1882 г.
*Звенигородскій, Александръ Викторовичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
*Зинченко, Игнатій Клеметьевичъ, избр. 30 декабря 1886 г.
*Иверсенъ, Юлій Богдановичъ, избр. 11 октября 1865 г., въ чл.-корр. 5 декабря 1862 г.

Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.

Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1876 г.

***Кизерицкій**, Гангольфъ Егоровичъ, избр. 11 февраля 1886 г.

Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 21 декабря 1893 г.

Клачковъ, Александръ Петровичъ, въ Москвѣ, избр. 11 октября 1865 г.

***Кобеко**, Дмитрій Ѳомичъ, избр. 16 марта 1884 г.

Коковцевъ, Павелъ Константиновичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 30 марта 1894 г.

Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ, избр. 16 мая 1888 г.

***Корниловъ**, Иванъ Петровичъ, избр. 15 января 1865 г.

Корфъ, баронъ Сергѣй Павловичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.

***Кулаковскій**, Юліанъ Андреевичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.

Куторга, Михаилъ Степановичъ, избр. 18 января 1893 г.

*****Латышевъ**, Василій Васильевичъ, избр. 11 февраля 1886 г., въ чл.-сотр. 11 января 1883 г.

*****Лаппо-Данилевскій**, Александръ Сергѣевичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-сотр. 21 октября 1888 г.

Лисовскій, Николай Михайловичъ, избр. 20 декабря 1890 г.

***Лихачевъ**, Николай Петровичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 15 марта 1888 г.

Лишинъ, Константинъ Николаевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Лютшъ, Яковъ Яковлевичъ, избр. 30 декабря 1895 г.

Маевскій, Эразмъ Ипполитовичъ, въ Варшавѣ, избр. 18 мая 1894 г.

Майковъ, Владиміръ Владиміровичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 30 декабря 1895 г.

****Мальмбергъ**, Владиміръ Константиновичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 17 января 1897 г.

Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, въ Одессѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

*****Марковъ**, Алексѣй Константиновичъ, избр. 18 декабря 1885 г.

Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

****Мищенко**, Ѳедоръ Герасимовичъ, въ Казани, переч. 5 октября 1896 г., въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.

***Мордвиновъ**, Владиміръ Павловичъ, избр. 31 марта 1878 г.

***Неустроевъ**, Александръ Николаевичъ, избр. 20 мая 1876 г., въ чл.-сотр. 28 декабря 1852 г.

****Никитинъ**, Петръ Васильевичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 24 февраля 1887 г.

Никольскій, о. Константинъ Тимоѳеевичъ, избр. 22 мая 1879 г., въ чл.-сотр. 27 мая 1877 г.

Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, переч. 16 декабря 1895. г., въ чл.-сотр. 4 мая 1889 г.

*__Орѣшниковъ__, Алексѣй Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 26 марта 1886 г.

Остроумовъ, Николай Петровичъ, въ Ташкентѣ, избр. 20 декабря 1886 г.

**__Павловскій__, Алексѣй Андреевичъ, въ Одессѣ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 4 мая 1889 г.

Пановъ, Ѳедоръ Николаевичъ, избр. 8 іюня 1871 г.

Петровъ, Николай Ивановичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

***__Платоновъ__, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

Поздњевъ, Алексѣй Матвѣевичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г., избр. въ чл.-сотр. 31 марта 1881 г.

***__Покровскій__, Николай Васильевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

Полевой, Петръ Николаевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

*__Половцовъ__, Александръ Александровичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.

Половцовъ, Анатолій Викторовичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

Поповскій, Матвѣй Юліановичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 марта 1884 г.

***__Праховъ__, Адріанъ Викторовичъ, избр. 20 мая 1875 г.

Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ, избр. 20 октября 1881 г., въ чл.-сотр. 28 декабря 1878 г.

Радловъ, Василій Васильевичъ, избр. 20 октября 1887 г.

Регель, Василій Эдуардовичъ, избр. 16 мая 1888 г.

Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ, избр. 16 мая 1895 г.

***__Розенъ__, баронъ Викторъ Романовичъ, избр. 19 марта 1876 г.

**__Ростовцевъ__, Михаилъ Ивановичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 18 мая 1894 г.

Роузъ, въ Рёгби, избр. 16 мая 1897 г.

**__Рѣдинъ__, Егоръ Кузмичъ, въ Харьковѣ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 13 апрѣля 1890 г.

Сабанѣевъ, Евгеній Александровичъ, избр. 18 мая 1893 г.

Сабанѣевъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 26 октября 1882 г.

Савельевъ, Александръ Ивановичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.

Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, въ Москвѣ, избр. 17 марта 1877 г.

Семеновъ, Анатолій Ѳедоровичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 января 1893 г.

Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, избр. 17 января 1891 г.

***__Смирновъ__, Василій Дмитріевичъ, избр. 26 мая 1882 г.

**__Смирновъ__, Яковъ Ивановичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 18 мая 1893 г.

*Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Соколовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Степановъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
*Султановъ, Николай Владиміровичъ, избр. 17 марта 1877 г.
Тепловъ, Владиміръ Александровичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Толмачевъ, Николай Александровичъ, въ Казани, избр. 15 марта 1888 г.
*Толстой, графъ Дмитрій Ивановичъ, избр. 18 мая 1884 г.
Толстой, Павелъ Сергѣевичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Троицкій, Иванъ Гавриловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Троицкій, Иванъ Егоровичъ, избр. 31 марта 1881 г.
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, перечисленъ 3 мая 1896 г., избр. въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.
**Тураевъ, Борисъ Александровичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 30 декабря 1895 г.
**Фармаковскій, Борисъ Владиміровичъ, переч. 16 декабря 1897 г., въ чл.-сотр. 12 марта 1896 г.
Форстенъ, Георгій Васильевичъ, избр. 27 марта 1892 г.
Хитрово, Василій Николаевичъ, избр. 28 мая 1880 г.
*Хрущовъ, Иванъ Петровичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
*Цагарели, Александръ Антоновичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, въ Москвѣ, избр. 19 апрѣля 1883 г.
*Чарыковъ, Николай Валеріевичъ, избр. 4 января 1884 г.
Черневъ, Николай Павловичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ, избр. 17 января 1891 г.
Шапошниковъ, Константинъ Алексѣевичъ, въ Омскѣ, избр. 26 мая 1882 г.
Шварцъ, Александръ Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1895 г.
*Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ, избр. 15 ноября 1869 г.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, избр. 16 мая 1895 г.
Шмурло, Евгеній Францевичъ, въ Юрьевѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
Щегловъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, избр. 24 декабря 1879 г.
***Щукаревъ, Александръ Николаевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 26 марта 1886 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

Алексій, іеромонахъ (Александръ Николаевичъ Виноградовъ), избр. 5 ноября 1876 г.

Алексѣевъ, Василій Владиміровичъ, избр. 1 ноября 1891 г.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 11 января 1883 г.

Барсуковъ, Александръ Платоновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

Бартольдъ, Василій Владиміровичъ, избр. 18 мая 1893 г.

Батюшковъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ, избр. 18 мая 1894 г.

Богословскій, Николай Гавриловичъ, въ Новгородѣ, избр. 4 апрѣля 1875 г.

Борнгауптъ, въ Ригѣ, избр. 20 февраля 1871 г.

Буличъ, Сергѣй Константиновичъ, избр. 18 мая 1893 г.

Вольтеръ, Эдуардъ Александровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ, избр. 30 октября 1886 г.

Голстунскій, Константинъ Ѳедоровичъ, избр. 15 января 1865 г.

Григоровъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 15 марта 1888 г.

Димитрій, епископъ Подольскій, избр. 26 марта 1886 г.

Діонисій, архимандритъ, въ Можайскѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.

Долбежевъ, Василій Ивановичъ, въ Владикавказѣ, избр. 11 января 1883 г.

Друцкой-Соколинскій-Ромейко-Гурко, князь Василій Петровичъ, избр. 20 мая 1860 г.

Ермаковъ, Дмитрій Ивановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, избр. 15 марта 1889 г.

Зѣлинскій, Ѳаддей Францевичъ, избр. 4 мая 1890 г.

Ивановскій, Алексѣй Осиповичъ, избр. 4 мая 1889 г.

Клеръ, Онисимъ Егоровичъ, въ Екатеринбургѣ, избр. 18 января 1893 г.

Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, въ Казани, избр. 29 октября 1877 г.

Котовъ, Григорій Ивановичъ, избр. 18 мая 1883 г.

Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, избр. 17 мая 1896 г.

Крыловъ, Александръ Лукичъ, избр. 4 января 1885 г.

Кудрявскій, Дмитрій Николаевичъ, избр. 17 мая 1896 г.

Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ, избр. 22 марта 1860 г.

Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.

Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Леммъ, Оскаръ Эдуардовичъ, избр. 11 мая 1887 г.

Леопольдовъ, Андрей Филипповичъ, въ Тамбовѣ, избр. 22 марта 1860 г.

Леперъ, Романъ Христіановичъ, избр. 18 мая 1894 г.

Лопаревъ, Хрусанѳъ Меѳодіевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Любомудровъ, Николай Васильевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ, въ Ромнахъ, избр. 26 марта 1886 г.
Мартьяновъ, Николай Ивановичъ, въ Минусинскѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Марръ, Николай Яковлевичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Меліоранскій, Платонъ Михайловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Мерцаловъ, Иванъ Михайловичъ, въ Тулѣ, избр. 10 мая 1852 г.
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, въ Софіи, избр. 30 декабря 1892 г.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мѣдниковъ, Николай Александровичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
Никитскій, Александръ Васильевичъ, избр. 17 мая 1896 г.
Новосадскій, Николай Васильевичъ, избр. 16 мая 1895 г.
Ординъ, Николай Георгіевичъ, въ Сольвычегодскѣ, избр. 31 октября 1884 г.
Орловскій, Степанъ Филаретовичъ, избр. 4 января 1885 г.
Пантусовъ, Николай Николаевичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Петровскій, Николай Ѳедоровичъ, въ Кашгарѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Петровъ, Константинъ Михайловичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
Позднѣевъ, Дмитрій Матвѣевичъ, избр. 1 мая 1895 г.
Покровскій, Алексѣй Ивановичъ, въ Нѣжинѣ, избр. 18 января 1893 г.
Поярковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ, въ Вѣрномъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Преображенскій, Михаилъ Тимофѣевичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, избр. 3 апрѣля 1856 г.
Рейманъ, Ѳедоръ Петровичъ, избр. 11 декабря 1896 г.
Роиновъ, въ Темирханшурѣ, избр. 26 марта 1886 г.
Романченко, Николай Филипповичъ, избр. 30 декабря 1895 г.
Сапуновъ, Алексѣй Парфеновичъ, въ Витебскѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Сементовскій, Николай Максимовичъ, въ Кіевѣ, избр. 10 мая 1851 г.
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, въ Казани, избр. 8 марта 1882 г.
Сперанскій, Михаилъ Нестеровичъ, избр. 6 ноября 1896 г.
Спицынъ, Александръ Андреевичъ, избр. 23 мая 1891 г.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, избр. 11 мая 1887 г.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 12 декабря 1857 г.
Сырку, Полихроній Агапіевичъ, избр. 11 января 1883 г.
Такай-Швили, Ефимъ Степановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Титовъ, Андрей Александровичъ, въ Ростовѣ, избр 13 мая 1881 г.
Туманскій, Александръ Григорьевичъ, избр. 21 декабря 1893 г.
Успенскій, Владиміръ Михайловичъ, избр. 15 марта 1888 г.

Фелицынъ, Евгеній Дмитріевичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Филимоновъ, Георгій Дмитріевичъ, въ Москвѣ, избр. 19 января 1862 г.

Церетели, Григорій Филимоновичъ, избр. 1 мая 1895 г.

Шеборъ, Осипъ Антоновичъ, избр. 20 октября 1887 г.

Шебунинъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ Константинополѣ, избр. 1 ноября 1891 г.

Энманъ, Александръ Ѳедоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Алишанъ, въ Венеціи, избр. 11 декабря 1896 г.

Берджесъ, въ Эдинбургѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Бюлеръ, въ Вѣнѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Гвиди, въ Римѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Де-Гуіе, въ Лейденѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Кернъ, въ Лейденѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Масперо, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Моммсенъ, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Нельдеке, въ Страсбургѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Ріе, въ Кембриджѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Сахау, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Томпсонъ, въ Лондонѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Шлумбергеръ, въ Парижѣ, избр. 16 мая 1897 г.

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ, въ Вѣнѣ, избр. 13 декабря 1888 г.

ИНОСТРАННЫЕ ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

Боди, въ Спа, избр. 16 марта 1884 г.

Вогюе-де, въ Парижѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Вольтерсъ, въ Аѳинахъ, избр. 11 декабря 1896 г.

Германъ, въ Сараевѣ, избр. 16 мая 1895 г.

Гёзе, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Гильдебрандъ, въ Стокгольмѣ, избр. 13 декабря 1878 г.

Гофманъ, въ Вашингтонѣ, избр. 4 января 1884 г.

Гюбнеръ, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Гюльзенъ, въ Римѣ, избр. 11 декабря 1896 г.

Де-Бай, баронъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.

Делакруа, аббатъ, въ Пуатье, избр. 30 октября 1886 г.

Дерпфельдъ, въ Аѳинахъ, избр. 17 мая 1893 г.

Дучичъ, Никифоръ, о. архимандритъ, въ Бѣлградѣ, избр. 11 сентября 1890 г.
Еличъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.
Картальякъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.
Кёлеръ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Кирхгофъ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Коллиньонъ, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Конце, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Куманудисъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Ламбросъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Лэнъ-Пуль, въ Лондонѣ, избр. 24 февраля 1887 г.
Маденокози, принцъ, въ Токіо, избр. 30 октября 1886 г.
Мау, въ Помпеѣ, избранъ 16 мая 1895 г.
Ньютонъ, въ Лондонѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Омолль, Теофилъ, въ Аѳинахъ, избр. 12 марта 1896 г.
Паппадопуло-Керамевсъ, избр. 4 января 1885 г.
Петричейку-Хышдеу, въ Букарестѣ, избр. 24 февраля 1887 г.
Перро, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Пичъ, въ Прагѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Роджерсъ, въ Лондонѣ, избр. 28 октября 1878 г.
Роза, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Стауматіадисъ, въ Фати, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Тардье, въ Клермонъ-Ферранъ, избр. 18 мая 1894 г.
Трухелка, въ Сараевѣ, избр. 16 декабря 1895 г.
Уссингъ, въ Копенгагенѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Филиппсъ, въ Филадельфіи, избр. 8 марта 1882 г.
Фіорелли, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Фукаръ, въ Парижѣ, избр. 30 октября 1886 г.
Шрейберъ, въ Лейпцигѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Штида, Людвигъ, въ Кенигсбергѣ, избр. 18 декабря 1885 г.
Эрманъ, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Якубъ-Артынъ, паша, въ Каирѣ, избр. 21 октября 1888 г.

ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ,

избранный въ прежніе годы, на основаніи устава 1849 года.

Струковъ, Дмитрій Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 15 января 1865 г.

Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова. **И. П. Хрущова.** 1 р.—к.

Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прозоровскаго** .... 1 » 50 »

Поѣздка въ Румелію. Архим. **Антонина** .... 3 » — »

Изъ Румеліи. Архим. **Антонина** .... 6 » — »

Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. I. Зодчество древняго Египта. **А. В. Прахова** .... 3 » — »

Рязанскія древности .... 1 » — »

Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ. **Л. Э. Стефани** .... 1 » — »

Монеты восточнаго халифата. Бар. **В. Г. Тизенгаузена** ...... 5 » — »

Сборникъ еврейскихъ надписей. **Д. А. Хвольсона** (съ 8 таблицами) .... 4 » — »

Библіографическое обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. В. Полѣнова** .... 1 » — »

Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. И. Прозоровскаго** .... 1 » — »

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae .....edidit **Basilius Latyschev**, vol. I—7 p., II—10 p. 17 » — »

В. В. Латышевъ. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи (съ 13 таблицами) .... 2 » — »

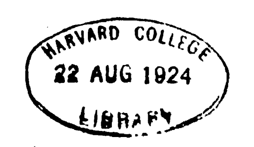
Ю. Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III (съ 7 таблицами) .... 3 » — »

Н. Е. Бранденбургъ. Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе акад. **В. В. Суслова** (съ 90 таблицами) .... 25 » — »

Н. И Веселовскій. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи 15-го декабря 1895 г. .... — » 30 »

Съ требованіями просятъ обращаться въ **книжный магазинъ К. Риккера** (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ X.

ВЫПУСКИ ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ТРУДЫ

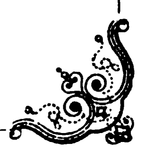
ОТДѢЛЕНІЯ АРХЕОЛОГІИ

ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОЙ, ВИЗАНТІЙСКОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Съ 8 таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.



Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI.... .... 3 р. — к.

Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.; IX и X по 15 р. .... 42 » — »

Записки Имп. Русск. Арх. Общества. Новая серія, т. I—2 р. 50 к., т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р., т. VIII—4 р., т. IX—4 р., т. X, вып. 1—2—2 р.. 36 » 50 »

Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. XI—2 р. 50 к., т. XIII—2. р. 50 к., т. XIV—3 р., т. XVI—2 р., т. XVII—2 р. 50 к., т. XX—3 р., т. XXI—3 р., т. XXII—3 р......... .... 21 » 50 »

Записки Восточнаго Отдѣленія т. I—4 р., т. II—4 р., т. III—4 р., т. IV — 4 р., т. V — 4 р., т. VI — 4 р., т. VII — 4 р., т. VIII—4 р., т. IX—4 р., т. X—4 р., т. XI—4 р............. 44 » — »

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Т. III—2 р. 50 к., т. IV—4 р. (Тт. I и II въ продажѣ нѣтъ) .... 6 » 50 »

Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ. Вып. I—III—18 р. и IV—12 р............. .... 30 » — »

Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго списка XVI вѣка, съ предисл. **И. И. Срезневскаго**. .... 6 » — »

Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ., соч. архим. **Макарія**............................... 3 » — »

Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. **П. И. Соловьевымъ** Съ указателемъ **П. И. Савваитова** .... 1 » 50 »

Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи. **Б. Кене**....................................... 1 » — »

Жизнь и труды П. С. Савельева. **В. В. Григорьева**........ 2 » — »

Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прозоровскаго**, изд. 2-е. ... 1 » — »

Словарь джагатайско-турецкій. **В. В. Вельяминова-Зернова**.. 2 » — »

Записка для обозрѣнія русскихъ древностей .... — » 20 »

О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ. Архим. **Антонина** .... 1 » 50 »

Труды 2-го Археологическаго съѣзда, съ атласомъ .... 5 » — »

Археологическіе труды А. Н. Оленина. Т. I—4 р. 50 к., т. II—2 р. .... 6 » 50 »

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ X.

ВЫПУСКИ ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ТРУДЫ

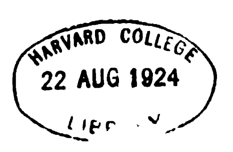
ОТДѢЛЕНІЯ АРХЕОЛОГІИ

ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОЙ, ВИЗАНТІЙСКОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Съ 8 таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.



Напечатано по распоряженію **Императорскаго** Русскаго Археологическаго Общества.
31-го октября 1899 года.
Секретарь *В. Дружининъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Новыя данныя для исторіи Стараго Крыма.

Д. чл. Ю. А. Кулаковскаго.

Старый Крымъ, нынѣ заштатный городъ Ѳеодосійскаго уѣзда, Таврической губ., имѣлъ нѣкогда блестящую исторію: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій онъ былъ политическимъ центромъ первостепеннаго значенія, средоточіемъ власти татаръ надъ Таврическимъ полуостровомъ. Географъ Абульфеда, въ своемъ обзорѣ городовъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, называетъ его столицей Крыма [1]). Въ XIII и XIV вѣкахъ здѣсь имѣли свою резиденцію намѣстники золотоордынскихъ хановъ [2]), и городъ этотъ пользовался славою перваго по своему богатству и размѣрамъ въ предѣлахъ кипчакскихъ владѣній. Въ концѣ XIII вѣка (1288 г.) здѣсь воздвигъ великолѣпную мечеть египетскій султанъ Бейбарсъ въ воспоминаніе о своемъ половецкомъ происхожденіи [3]); въ

---

[1]) Géographie d'Abulféda, trad. par Reinaud, II 1 (Paris, 1848), 320: Solgat est la capitale de la Crimée, dans le septième climat; c'est la même ville que Kirym (Alkirim). Kirym (Crimée) est le nom de la contrée; mais on l'a appliqué à Solgat, de manière que lorsqu'on dit Kirim tout court, on veut parler de Solgat. Cette ville se trouve à une demie-journée de la mer.—Здѣсь дано древнѣйшее свидѣтельство о томъ, что Таврическій полуостровъ сталъ называться Крымомъ, т. е., что на страну было перенесено названіе города, который былъ ея татарской столицей. Абульфеда, конечно, ошибался, если онъ думалъ, что городъ получилъ имя отъ страны; но эта его ошибка интересна въ томъ смыслѣ, что она сама по себѣ служитъ свидѣтельствомъ о томъ, что уже въ началѣ XIV вѣка Таврическій полуостровъ назывался Крымомъ, и самъ Абульфеда, очевидно, уже не зналъ другого имени.

[2]) Ибнабдеззахыръ—Тизенгаузенъ, Сборн. Матер. для Ист. Зол. Орды, I, 63—«(здѣсь) встрѣтилъ ихъ (т. е. пословъ, Берке) правитель этого края въ мѣстечкѣ Крымъ, которое населяютъ люди разныхъ націй, какъ-то: кипчаки, русскіе и аланы».—(Событія 1263 г.).—Ибнбатута, тамъ же, 280. «Затѣмъ мы наняли телѣгу и поѣхали въ городъ Кирамъ—пишется черезъ ки и ра—городъ большой и красивый, изъ владѣній султана великаго Мухаммеда Узбекхана. Съ его стороны (поставленъ) надъ нимъ эмиръ, имя котораго Тулуктумуръ».

[3]) Эльмакризи, тамъ же, 435—«Въ 686 году (1287—1288) султанъ отправилъ къ Берке дорогой подарокъ и болѣе 2.000 динаровъ, предназначавшихся для постройки мечети въ Крымѣ, на которой должны были быть начертаны титулы султана; онъ послалъ (также) своего каменотеса для изсѣченія ихъ (титуловъ) и для расписанія ихъ красками».

началѣ XIV вѣка сооружена была мечеть повелѣніемъ хана Узбека. Путешественникъ Ибнъ-Батута, посѣтившій его въ 1334 году, называетъ его „большимъ и красивымъ городомъ" [1]). Перенесеніе столицы крымскихъ хановъ въ Бахчисарай (1428 г.) и разныя неблагопріятныя событія въ теченіе XV и XVI вѣковъ отразились на благосостояніи Стараго Крыма, и въ 1578 году Броневскій видѣлъ его въ полномъ упадкѣ [2]). Присоединеніе Крыма къ Россіи не содѣйствовало поднятію города, и проекты князя Потемкина создать въ Старомъ Крымѣ, переименованномъ тогда въ Левкополь, центръ шелководства не увѣнчались никакимъ успѣхомъ. Водвореніе новыхъ поселенцевъ, въ лицѣ болгарскихъ выходцевъ, въ 1813 и 1831 годахъ, было также неудачно. Большинство ихъ, по свидѣтельству Кеппена, покинуло Крымъ еще въ 1833 году, и пребываніе ихъ на этой территоріи имѣло своимъ послѣдствіемъ исчезновеніе городской стѣны, которая была разобрана на постройку жилищъ. Жалкій видъ представляетъ этотъ городъ въ настоящее время со своимъ очень немногочисленнымъ населеніемъ изъ армянъ, грековъ, русскихъ и евреевъ; отъ старой его славы остаются лишь слѣды въ видѣ нѣсколькихъ развалинъ древнихъ зданій, которыя, по самымъ условіямъ своего мѣстонахожденія среди жилищъ и усадебъ новаго населенія, приходятъ все въ большее разрушеніе и врядъ ли могутъ быть предохранены отъ полнаго исчезновенія въ недалекомъ будущемъ.

Въ археологической литературѣ имя Стараго Крыма поминается сравнительно рѣдко. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія (1793 или 1794 г.) его посѣтилъ Палласъ. Онъ не далъ описанія достопримѣчательностей города, а лишь въ нѣсколькихъ словахъ помянулъ о „немногихъ" полуразрушенныхъ древнихъ зданіяхъ. Въ ту пору мечеть, сооруженная въ 1314 году при ханѣ Узбекѣ, стояла еще въ очень исправномъ видѣ, какъ можно заключить по рисунку фасада этого зданія, приложенному Палласомъ къ описанію своего путешествія по югу Россіи [3]). Муравьевъ-Апостолъ, посѣтившій Старый Крымъ

---

[1]) См. прим. 2.

[2]) Tartariae descriptio—Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. VI, 346.—«Кремъ, или по-татарски Крымъ, городъ съ крѣпостью, окруженною древнею высокою и толстою стѣною, совершенно отличается отъ другихъ городовъ средиземнаго Херсонеса своею величиною и знаменитостью. И въ самомъ дѣлѣ, видно изъ развалинъ и обширности мѣста, что это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и величайшихъ городовъ своего времени»...

[3]) Путешествіе Палласа переведено въ XII и XIII томахъ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. О Старомъ Крымѣ см. XIII, 44—45 и табл. I и II. Странно, что проф. В. Д. Смирновъ принялъ переводчика, г. Караулова, за автора этой статьи, а по его слѣдамъ повторилъ эту ошибку г. Маркевичъ.

въ 1820 году, ограничился въ отношеніи къ этому городу въ своихъ знаменитыхъ „Письмахъ изъ Тавриды“ подробнымъ развитіемъ весьма слабой гипотезы о тожествѣ Стараго Крыма съ древнимъ городомъ Киммеріемъ, который названъ у Птолемея [1]). Авторитетный и до-нынѣ знатокъ крымской топографіи, Кеппенъ, въ своемъ „Крымскомъ Сборникѣ“, сопоставилъ важнѣйшія историческія свидѣтельства о Старомъ Крымѣ и упоминанія о немъ отъ XIII и до XVII вѣка. Игнорируя предположенія Палласа и Муравьева-Апостола о томъ, что здѣсь находился городъ Киммерій въ первые вѣка нашей эры, Кеппенъ счелъ нужнымъ отмѣтить мнѣніе „писателей“, не названныхъ имъ по имени, будто этотъ городъ извѣстенъ былъ уже Геродоту подъ именемъ „Кримны“, οἱ Κρημνοί (Herod. IV, 20. 110). Считая вполнѣ несостоятельнымъ это мнѣніе на томъ основаніи, что геродотовы Кримны лежали на берегу Азовскаго моря, Кеппенъ не соглашается и съ Тунманномъ, по утвержденію котораго „нынѣшній Старый Крымъ существовалъ уже въ VI в. по Р. X. и назывался у грековъ Καρέα или Καρέων πόλις“ [2]). Ни о какихъ находкахъ на территоріи Стараго Крыма Кеппенъ не поминаетъ.

Первая публикація памятника, принадлежащаго Старому Крыму, сдѣлана была въ 1850 году во II томѣ Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. Секретарь Общества, Мурзакевичъ, издалъ арабскую надпись отъ 714 года гиджры, т. е. 1314 года нашей эры, которая украшаетъ порталъ мечети и свидѣтельствуетъ о ея сооруженіи при ханѣ Узбекѣ [3]). Въ половинѣ 50-хъ годовъ посѣтилъ Старый Крымъ Спасскій. Отчетъ объ этой его экскурсіи помѣщенъ въ IV томѣ Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. (85 — 102). Коснувшись блестящаго историческаго прошлаго Стараго Крыма, Спасскій представилъ краткое описаніе развалинъ былого величія столицы кипчаковъ. Онъ называетъ слѣдующіе памятники: старая армянская церковь при въѣздѣ въ городъ, полуразвалившаяся татарская мечеть съ уцѣлѣвшимъ еще минаретомъ, полуразвалившаяся греческая церковь у подножія горы Агермыша, слѣды церкви на вершинѣ этой горы и, наконецъ, „находящаяся въ развалинахъ православная церковь во имя Успенія Божіей Матери, занявшая мѣсто армянскаго монастыря“. Надъ каменными воротами, пристроенными къ оградѣ православной

---

[1]) Путешествіе по Тавридѣ, Спб. 1823, 207—210.
[2]) Крымскій Сборникъ, Спб. 1837, 338—346.
[3]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. II, 529—531.

церкви [1]) Спасскій видѣлъ съ наружной стороны генуэзскій гербъ, а съ внутренней—икону Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, которая, какъ ему сообщали, была перенесена сюда изъ древней армянской церкви. Въ оградѣ было разбросано множество плитъ съ „изсѣченными на нихъ гербами генуэзцевъ, а также надписями армянскими". Спасскій выражалъ сожалѣніе, что плиты эти сдвинуты съ могилъ, надъ которыми онѣ были водружены. Въ настоящее же время приходится сожалѣть уже о томъ, что онѣ исчезли, не привлекши къ себѣ ничьего вниманія. Въ тщательно выбѣленной оградѣ церковной усадьбы, какъ видѣли мы ее въ августѣ истекшаго 1897 года, сквозятъ на нѣкоторыхъ камняхъ слѣды рельефныхъ изображеній, на другихъ видны армянскія буквы. Въ то небольшое собраніе армянскихъ надписей нашего юга, которое помѣщено въ VI томѣ Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. (323—332), не попало ни одной надписи съ территоріи Стараго Крыма.

30 лѣтъ спустя послѣ Спасскаго, посѣтилъ Старый-Крымъ проф. В. Д. Смирновъ. Подробный отчетъ объ этой экскурсіи помѣщенъ въ (I томѣ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археол. Общ. 278 — 285). В. Д. Смирновъ описалъ подробно мечеть Узбека въ современномъ ея состояніи, сфотографировалъ надпись на ея порталѣ (см. двѣ таблицы въ концѣ тома), далъ точный ея текстъ. отклоняющійся кое въ чемъ отъ чтенія, даннаго Мурзакевичемъ, и приложилъ переводъ [2]). Помянувъ о развалинахъ нѣсколькихъ большихъ сооруженій на территоріи города, В. Д. Смирновъ считаетъ нужнымъ возразить Караулову по поводу замѣчанія о малочисленности развалинъ древнихъ зданій въ Старомъ Крыму. Но въ дѣйствительности онъ имѣетъ дѣло не съ Карауловымъ, а съ Палласомъ, такъ какъ Карауловъ лишь перевелъ отрывки изъ путешествія Палласа. Нельзя не сказать, что правы оба—и Палласъ и В. Д. Смирновъ. Въ пору Палласа не была еще взрыта почва города, какъ сдѣлали то въ недавнее время и продолжаютъ дѣлать до сего жители Стараго Крыма, извлекая изъ почвы камень для своихъ нуждъ,

---

[1]) Церковь во имя Успенія Божіей Матери сооружена въ 1832 году и возобновлена въ 1866; въ 1881 г. пристроена каменная колокольня. См. Еп. Гермогенъ, Таврическая Епархія, Псковъ, 1887, 382.

[2]) «Слава Богу за Его благодѣянія, и да благословитъ Богъ Мухаммеда и преемниковъ его! Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть въ дни царствованія великаго хана—Мухаммедъ-Узбекъ-хана—да продлитъ Богъ владычество его!—рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердіе Господа своего и на всепрощеніе Его, Абду-ль-Азизъ-бенъ-Ибрагиму Аль-Арбели, въ годъ 714 лунный».

а быть можетъ и въ надеждѣ найти кладъ. В. Д. Смирновъ сообщаетъ, что и самъ онъ былъ свидѣтелемъ, „безпощаднаго и ничѣмъ не вынужденнаго разрушенія" остатковъ старины туземцами. Ни о какихъ археологическихъ находкахъ въ видѣ надписей, монетъ или какихъ-либо античныхъ предметовъ онъ не даетъ свѣдѣній и лишь мимоходомъ упоминаетъ о „четырехъ мраморныхъ банныхъ вазахъ съ рѣзными украшеніями" и одной мраморной плитѣ съ арабской надписью, съ датой „современной Узбековой мечети"; однако, онъ не счелъ нужнымъ списать ея текстъ.

Освѣдомленная объ этихъ предметахъ Императорская Археологическая Коммиссія предоставила ихъ въ распоряженіе Таврической Архивной Коммиссіи. Секретарь этого послѣдняго учрежденія, г. Маркевичъ, побывалъ вслѣдствіе этого въ Старомъ Крымѣ лѣтомъ 1888 года и перевезъ въ Симферополь для помѣщенія въ музей Коммиссіи указанную В. Д. Смирновымъ плиту съ арабской надписью и одну изъ четырехъ „вазъ"; эти послѣднія оказались не мраморными, а сработанными изъ мѣстнаго нуммулитоваго известняка и, по сужденію г. Маркевича, не представляли вовсе археологическаго интереса. Въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Старый Крымъ, помѣщенномъ въ 6 выпускѣ Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи (1888 г.), стр. 64—77, г. Маркевичъ высказалъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ развалинахъ древнихъ зданій и сообщилъ о находкѣ одного погребальнаго склепа, заключавшаго въ себѣ много уже разбитыхъ и разоренныхъ караимскихъ гробовъ. Тотъ же г. Маркевичъ посѣтилъ Старый Крымъ и въ 1892 году вслѣдствіе сообщенія о новой находкѣ одной плиты съ арабской надписью. Точный снимокъ съ этой надписи помѣщенъ при отчетѣ объ его экскурсіи въ 17 выпускѣ Извѣстій Таврической Архивной Коммиссіи. Надпись свидѣтельствуетъ о возстановленіи мечети Шемсъ-Эддина въ 709 году гиджры, т. е. 1309. Въ своемъ отчетѣ г. Маркевичъ перечислилъ и кратко описалъ посѣщенныя имъ развалины церквей и мечетей города.

Для полноты обзора археологической литературы о Старомъ Крымѣ надлежитъ отмѣтить сообщенія объ исторіи города и его развалинахъ въ сочиненіи г. Кондараки: „Универсальное Описаніе Крыма" (1875), часть XIV, 101—106 и часть XV, 205—206, гдѣ помянута одна арабская эпитафія отъ 868 года гиджры, найденная на его территоріи,— и въ трудѣ еп. Гермогена „Таврическая епархія" (379—383).

Изъ приведеннаго выше обзора археологической литературы о Старомъ-Крымѣ явствуетъ, что его территорія дала доселѣ до край-

ности скудное число находокъ. Публиковано было изъ числа тамошнихъ находокъ только три арабскія надписи начала XIV и половины XV вѣка.

Въ бытность мою въ Крыму, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, лѣтомъ истекшаго 1897 года, мнѣ удалось осуществить мое давнее желаніе посѣтить Старый Крымъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности удѣлить на пребываніе въ этомъ городѣ болѣе одного дня, такъ какъ въ 30 верстахъ отъ него велъ раскопки, требовавшія постояннаго пребыванія на мѣстѣ. Обходъ города, осмотръ развалинъ, вскопанныхъ мѣстъ, разоряемыхъ и разоренныхъ фундаментовъ и подваловъ древнихъ зданій не дали мнѣ, какъ вѣроятно и многимъ раньше меня, ничего кромѣ скорбнаго сознанія, какъ безжалостно стерло время давнее величіе этого города. Икона Богоматери и камень съ генуэзскимъ гербомъ съ хронологической датой—1450 годъ—остаются на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ Спасскій. Первая—заново окрашена и подновлена. Въ частномъ владѣніи у разныхъ лицъ видѣлъ я нѣсколько арабскихъ и еврейскихъ (вѣроятно, караимскихъ) надписей, одну плиту съ арабской надписью—въ саду церковной усадьбы—и изрядное число татарскихъ надгробій. Обо всѣхъ этихъ памятникахъ я сообщилъ въ Коммиссію для дальнѣйшихъ ея распоряженій. Но кромѣ этого мнѣ удалось ознакомиться съ такими находками, которыя были гораздо ближе къ моимъ спеціальнымъ интересамъ и, смѣю думать, гораздо важнѣе, нежели памятники, относящіеся къ татарскому періоду исторіи Стараго Крыма. Эти находки бросаютъ просвѣтъ на далекое прошлое этого города, даютъ опредѣленное свидѣтельство о томъ, что заселенность территоріи Стараго Крыма восходитъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры.

На дворѣ дома городской думы хранился уже около двухъ лѣтъ большой мраморный блокъ со слѣдами греческой надписи. Городской голова Стараго Крыма, К. Ф. Ровицкій, сообщилъ мнѣ, что камень этотъ найденъ былъ на территоріи города при разрытіи какого-то фундамента, но точно указать мѣсто находки ни онъ и никто другой не могъ за давностью времени, когда она была сдѣлана. Какъ видно по прилагаемому снимку съ фотографіи, которую я получилъ при любезномъ содѣйствіи г. Ровицкаго уже по возвращеніи моемъ изъ Крыма, этотъ мраморъ представляетъ лѣвую половину пьедестала. Высота его 1,5 м., толщина—0,23 м.; ширина въ карнизѣ—0,55 м., а въ нижней части — 0,45 м. Площадь для надписи выровнена и нѣсколько углублена въ средней своей части. Надпись имѣла 17 строкъ,

изъ которыхъ нѣкоторыя совершенно изгладились. Вѣроятно, камень служилъ для какого-то употребленія, прежде чѣмъ попасть въ фундаментъ, такъ какъ площадь надписи кое-гдѣ сбита и представляетъ неровности и трещины. Буквы верхней строки имѣютъ въ высоту 0,3 м., а въ остальныхъ — 0,4 м.

Какъ самый видъ камня, такъ и немногія уцѣлѣвшія на немъ слова не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что предъ нами надпись изъ разряда такъ называемыхъ tituli honorarii, т. е. чествованіе лица, статуя котораго красовалась нѣкогда на этомъ пьедесталѣ. Въ началѣ текста надписи подобнаго содержанія долженъ былъ стоять титулъ и имя чествуемаго лица, затѣмъ имя (или имена) лицъ или общины, которыя воздвигли этотъ памятникъ, далѣе — указаніе мотива такого дѣйствія и, наконецъ, хронологическая дата. Въ прочтеніи надписи мнѣ оказалъ самое любезное содѣйствіе нашъ авторитетный эпиграфистъ В. В. Латышевъ, опытный глазъ котораго усмотрѣлъ на фотографіи гораздо больше буквенныхъ начертаній, чѣмъ сколько удалось мнѣ самому. Свою дешифровку онъ предоставилъ въ мое распоряженіе. Принося ему искреннюю признательность за помощь, я имѣю возможность представить уцѣлѣвшій текстъ въ такомъ видѣ.

ΑΓΑΘΗΙ
ΤΟΝΕΚΠΡΟΓΟΝ
ΩΣΙΑΣΑΜΕΓΑΝ
ΤΙ
ΑΓ
ΑΚΑΙ. ΛΟ
ΜΑΥΙ Λ
ΜΕΙΝΙΑΣΔ
ΠΡΩΤΟΣΜ Χ
ΤΑΤΗΣΠΡΟΣ
ΠΟ ΕΩΣΚ
ΤΗΣΥ
ΟΥΕ
ΣΩΤ
ΩΙΣΙ Ι
ΛΩΣΙ

Ясно читающіяся во 2 и 3 строкахъ слова τὸν ἐκ προγόνων и μέγαν позволяютъ, по аналогіи съ №№ 39 и 43 II тома „Inscr. Ponti“, признать въ чествуемомъ лицѣ боспорскаго царя; сохранившіяся въ 7-й строкѣ буквы ΜΑΥΙ..Λ заключаютъ въ себѣ, очевидно, обозначеніе имени лица, воздвигшаго этотъ памятникъ, начиная собою самый текстъ надписи вслѣдъ за титуломъ. Имя Маркъ Аврелій, ставшее популярнымъ и получившее всеобщее распространеніе по всему лицу римскаго міра со временъ императора Марка Аврелія, неоднократно засвидѣтельствовано и на боспорскихъ надписяхъ, между прочимъ и на № 43 II тома „Inscr. Ponti“, гдѣ названъ Μάρκος Αὐρήλιος Μαρκιανὸς Ἀμεινίας, посолъ отъ гражданъ города Прусіи въ Виѳиніи — ἡ Προυσιέων πόλις ἡ πρὸς Ὕπιον. Имя Ἀμεινίας почти цѣликомъ читается также въ 8-й строкѣ нашей надписи. Такъ какъ лакуна 7-й строки съ удобствомъ

восполняется недостающимъ окончаніемъ имени Αὐρήλιος и вторымъ именемъ прусійскаго посла — Μαρκιανός, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что на нашей надписи названо то же самое лицо, что и на № 43. Эта тожественность подтверждается также и однородностью дѣянія, а именно: чествованіе царя боспорскаго. Указанныя аналогіи и приведенныя соображенія позволяютъ предложить сохранившійся текстъ съ такими дополненіями:

Ἀγαθῆι [τύχηι].
Τὸν ἐκ προγόν[ων βασιλέων
βα]σιλέα μέγαν [Τιβέριον Ἰού
λιον Ῥ]ησ[κούποριν υἱὸν βα-
σιλέως Σαυρομάτου φιλοκαί]-
σα[ρ]α καὶ [φι]λο[ρώμαιον εὐσε]-
βῆ Μ. Αὐ[ρή]λ[ιος Μαρκιανὸς
Ἀ]μεινίας . . . .
πρῶτος ἄ[ρ]χ[ων τῆς λαμπρο-
τάτης Προ[υ]σ[ιέων Ὑπιανῶν]   или πρὸς Ὕπιον?
πόλεως κ[. . . . .
. . . της . . . .
. . . ου ε . . . .
. . . . τὸν ἑαυτοῦ]
σωτ[ῆρα καὶ εὐεργέτην? ἐν
τ]ῶι θι[φ′ ἔτει καὶ μηνὶ]
Δώ[ω]ι . . .

т.-е. „Съ добрымъ счастьемъ. Отъ предковъ царей (происходящаго) великаго царя Тиберія Юлія Рискупорида, сына царя Савромата, друга кесарей и друга римлянъ, благочестиваго, Маркъ Аврелій Аминія... первый архонтъ преславнаго города прусійцевъ ипійскихъ ... своего спасителя и благодѣтеля. Въ 519 году въ мѣсяцѣ Лоѣ“...

Что касается до хронологической даты этого памятника, то приблизительное на нее указаніе дано въ самомъ имени посла прусійцевъ, который воздвигъ статую царя Тиберія Юлія Рискупорида въ 520 году боспорской эры, т.-е. 223 по Р. Х., въ его столицѣ, какъ это засвидѣтельствовано въ хорошо сохранившемся текстѣ надписи № 43. Хронологическая дата въ текстѣ нашей надписи приходилась, очевидно, въ строкахъ 16—17. Къ сохранившемуся начертанію ΩΙ естественно поэтому дополнить впереди ΕΝΤ, что даетъ: ἐν τῷ. Въ далѣе

слѣдующемъ начертаніи ϽΙ приходится видѣть цифры, т.-е. ΘΙ; не сохранилось обозначенія сотенъ, которое дополняется само собой какъ φ = 500. Такимъ образомъ, дата нашего текста—519 годъ боспорской эры, т.-е. 222 по Р. Х. Въ послѣдней строкѣ нельзя не узнать имени мѣсяца Λῷος (іюль-августъ), столь часто помянутаго на боспорскихъ надписяхъ.

Какъ ни скудно само по себѣ содержаніе этого текста, но въ немъ данъ намъ фактъ совершенно новый и въ высшей степени интересный. На основаніи свидѣтельства этой надписи мы въ правѣ утверждать, что на территоріи Стараго Крыма существовало въ первые вѣка нашей эры городское поселеніе, входившее въ предѣлы боспорскаго царства, и далѣе, что этотъ городъ былъ въ тѣ времена торговымъ центромъ, въ которомъ имѣли свои интересы обитатели малоазіатскихъ городовъ, находившіеся въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, то торговое значеніе, какое имѣлъ Старый Крымъ въ пору татарскаго господства, было традиціей очень давняго прошлаго.

Ближайшій отъ Стараго Крыма приморскій городъ, Θеодосія, находился искони въ зависимости отъ боспорскихъ царей. Это засвидѣтельствовано надписями отъ временъ: Левкона I (№№ 6, 343), Перисада I (№№ 8, 344, 346, 347), Левкона II (№ 15), Аспурга (№ 36), и отъ конца III в.—Тиберія Юлія Тирана (№ 29). Митридатъ Великій соединилъ съ Боспоромъ и Херсонесъ, но отъ Рима этотъ послѣдній городъ получилъ свободу и автономію [1]). О томъ, гдѣ проходила западная граница боспорскаго царства, не имѣемъ мы никакого указанія въ сохранившихся источникахъ и извѣстіяхъ. Наша надпись позволяетъ отодвинуть границу къ западу отъ Θеодосіи настолько, чтобы она захватывала территорію Стараго Крыма.

Свидѣтельство надписи о существованіи поселенія на территоріи Стараго-Крыма въ первые вѣка нашей эры находитъ себѣ подтвержденіе въ монетныхъ находкахъ недавняго времени. Свѣдѣніемъ объ нихъ я обязанъ тому же г. Ровицкому, который спасъ отъ уничтоженія мраморъ съ надписью. Г. Ровицкій владѣетъ участкомъ въ восточной части города, насупротивъ старой армянской церкви. Заводя на своей землѣ виноградникъ, г. Ровицкій собиралъ всѣ монеты, какія находили при перекопкѣ земли его рабочіе въ теченіе нѣсколь-

---

[1]) Strab. VII 4, 13, p. 256 Didot: ἐξ ἐκείνου δὴ τοῦ χρόνου (время Митридата) τοῖς τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ἡ τῶν Χερρονησιτῶν πόλις ὑπήκοος μέχρι τοῦ νῦν ἐστιν.—Plin. H. N. IV, 85: mox Heraclea Chersonesus libertate a Romanis donatum (oppidum).

кихъ лѣтъ. Въ большой кучѣ собранныхъ г. Ровицкимъ монетъ, которую онъ любезно предоставилъ на мое разсмотрѣніе, преобладали деньги татарскія, турецкія, русскія, было нѣсколько западно-европейскихъ изъ разныхъ государствъ отъ XVI вѣка и до новѣйшаго времени,—была одна золотая венеціанская XIV вѣка; но наиболѣе важными для исторіи Крыма оказались шесть слѣдующихъ: 1) родосская тетрадрахма очень хорошей сохранности, обычнаго типа (Av. голова Геліоса и Rv. цвѣтокъ balaustium), 2) мѣдная монета автономной Пантикапеи (голова льва съ надписью ΠΑΝ), 3) мѣдная монета послѣдняго Рискупорида съ датой 610 годъ, т.-е. 313, 4) другая такая же монета того же царя съ датой 622 годъ, т. е. 325; 5) римская серебряная монета съ изображеніемъ Юліи Домны (Кесаріи Каппадокійской, Mionnet, IV, 425) и 6) римская серебряная монета съ изображеніемъ Діадумена, сына Макрина (Cohen, III, 507).

Эти шесть монетъ, найденныя на ничтожной сравнительно части территоріи Стараго Крыма, позволяютъ надѣяться на обиліе подобныхъ находокъ, если только мѣстные люди заинтересуются этимъ дѣломъ. Но и въ настоящее время, при всей своей малочисленности, эти монеты даютъ достаточно краснорѣчивое подтвержденіе свидѣтельству надписи о существованіи поселенія на территоріи Стараго Крыма въ первые вѣка нашей эры, а быть можетъ и раньше (родосская монета). Такимъ образомъ, надпись и монеты даютъ въ настоящее время право поставить вопросъ, который въ свое время столь рѣшительно отклонялъ Кеппенъ, а именно: какое имя носилъ Старый Крымъ кипчаковъ въ тотъ далекій отъ ихъ появленія періодъ исторіи Таврическаго полуострова?

Если Муравьевъ-Апостолъ пускался въ домыслы о тожествѣ Стараго Крыма съ Киммеріемъ Птолемея, то это было лишь наивное недоразумѣніе. Онъ шелъ путемъ невозможнаго для настощаго времени отожествленія словъ: Крымъ-Кримъ-Кримнъ-Кимвры-Киммеріяне. Само собою разумѣется, что имя „Крымъ" не можетъ быть исходнымъ пунктомъ уже потому, что это слово—татарское и значитъ—укрѣпленіе, крѣпость. Въ періодъ до-татарскій городъ долженъ былъ имѣть другое имя. Единственный источникъ, въ которомъ можно искать имени для Стараго Крыма въ первые вѣка нашей эры, есть, конечно, Птолемей. Кромѣ городовъ приморскихъ, Птолемей знаетъ 15 городовъ внутри полуострова (III, 6, 5). Отсылая читателя къ приложенной картѣ, начертанной на основаніи долготъ и широтъ Птолемея, укажемъ на два имени поселеній, которыя могутъ соотвѣтствовать нынѣшнему Старому Крыму: Βοιών и Ταζός

Птолемей далеко невѣрно представлялъ себѣ какъ очертанія береговъ полуострова, такъ и взаимное разстояніе отдѣльныхъ, указанныхъ имъ пунктовъ. Послѣднее затруднялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наименьшая единица, которую онъ примѣнялъ, была 5′. Но эти погрѣшности карты Птолемея не даютъ никакого права переносить отдѣльные пункты съ запада на востокъ и обратно. Киммерій, о которомъ думали Палласъ и Муравьевъ-Апостолъ, лежитъ у Птолемея почти по серединѣ крымской территоріи и приходится на одномъ меридіанѣ съ южной оконечностью полуострова, мысомъ Бараній Лобъ, Κριοῦ μέτωπον. Если можно отожествить какой-либо городъ съ Киммеріемъ Птолемея, то, съ наибольшей вѣроятностью, это будетъ нынѣшній Симферополь, который съ легкой руки Бларамберга, слыветъ въ настоящее время за Неаполь, Νεάπολις, неизвѣстный Птолемею [1]). Что же касается до Стараго-Крыма, то его приходится искать въ одномъ изъ двухъ—Бойонъ или Тазъ. По разстоянію отъ Θеодосіи, второй болѣе подходитъ, и мы можемъ на немъ остановиться въ виду слѣдующаго обстоятельства. Имя Тазъ живетъ и понынѣ въ мѣстности неподалеку, отъ Стараго Крыма: западная часть горной группы, возвышающейся къ сѣверу отъ города, Агармышъ [2]), называется Тазъ-Агармышъ. Слово Тазъ значитъ по-татарски „плѣшивый“, „лысый“, каковое имя могло быть, конечно, придано безлѣсной части горнаго склона. Возможно, однако, предполагать, что татары воспользовались готовымъ именемъ по созвучію съ своимъ словомъ.—Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что территорія Стараго Крыма была заселена въ первые вѣка нашей эры и весьма вѣроятно, что населенность этого мѣста не прерывалась съ тѣхъ поръ и до татарскаго времени. Въ другой связи и въ другомъ мѣстѣ мы старались сдѣлать вѣроятнымъ, что въ періодъ господства хазаръ на территоріи Крымскаго полуострова этотъ городъ носилъ имя Фуллы и служилъ хазарамъ главнымъ опорнымъ пунктомъ ихъ господства на нашемъ югѣ [3]).

---

[1]) Blaramberg, De la position des trois fortresses Tauro-Scythes dont parle Strabon, avec cartes, plans, copies d'inscriptions et dessin d'après des marbres antiques. Odessa. 1831.—А. Л. Бертье-Делагардъ помѣстилъ въ 7 выпускѣ Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи (1889), 56—69—переводъ этой работы Бларамберга.

[2]) Мѣстные люди произносятъ это имя—Агармышъ (что значитъ побѣлѣвшій), а не Агермышъ, какъ писалъ Спасскій и другіе. Этимологія имени дана у Кондараки

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1898, февраль, 194—202.

Вазовая живопись и ея отношеніе къ монументальному искусству въ эпоху непосредственно послѣ Греко-Персидскихъ войнъ.

Д. чл. Б. В. Фармаковскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Борьба грековъ съ персами, окончившаяся побѣдой небольшой Эллады надъ „великимъ царемъ“ персовъ, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ исторіи. Побѣда грековъ надъ соединенными силами могучаго Востока была первымъ торжествомъ культуры Запада.

Могущество Азіи нашло въ Греціи себѣ могилу. Эллинизму, которому грозила опасность быть уничтоженнымъ, была теперь обезпечена жизнь и дальнѣйшее развитіе. Теперь не только не было ни малѣйшей опасности со стороны персовъ для континентальной Эллады, но была пріобрѣтена свобода и независимость для побережій Малой Азіи и острововъ Эгейскаго моря.

Каждый соціальный переворотъ въ жизни народовъ ведетъ всегда за собою и переворотъ умственный.

Побѣдители при Саламинѣ, Платеяхъ и Евримедонтѣ не только спасли Элладу и эллиновъ; они вдохнули въ нихъ новую душу.

Все улыбалось теперь эллинамъ. Они видѣли ясныя, неоспоримыя доказательства своей силы и крѣпости. Они по праву могли считать себя первыми среди народовъ міра. Ничто не препятствовало ихъ братскому единенію; ничто не нарушало еще согласія между отдѣльными племенами и государствами; ничто не мѣшало эллинамъ теперь глубоко, страстно вѣрить въ свой геній и въ будущее.

Но, какъ ни счастливы они, по истинѣ, теперь были, благодаря своимъ внѣшнимъ успѣхамъ, послѣдніе не отуманили, не опьянили ихъ тонкаго, проницательнаго ума. Умѣренность, μηδὲν ἄγαν остаются ихъ прекрасными принципами.

Боги и герои въ глазахъ аѳинянъ помогли имъ побѣдить персовъ при Мараѳонѣ. Аполлонъ устами Пиѳіи далъ имъ извѣстный благой совѣтъ искать спасенія „за деревянными стѣнами". Аполлонъ же не допустилъ персовъ разграбить свою святыню въ Дельфахъ. Побѣды, успѣхи,—все это въ глазахъ эллиновъ было милостью, ниспосланною имъ богами. „Какой-то богъ снялъ намъ находившійся надъ головою у насъ камень Тантала", — говоритъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ этой эпохи, Пиндаръ, объ избавленіи Эллады отъ опасности со стороны персовъ:

... „τὸν ὑπὲρ κεφαλᾶς
γε Ταντάλου λίθον παρά τις ἔ-
τρεψεν ἄμμι θεός,
ἀτόλματον Ἑλλάδι μόχθον".
(Pindari Isthm., VIII (VII), 19 слл.).

Глубокою религіозною вѣрою проникнуты теперь сердца эллиновъ. Историкомъ эпохи является благочестивый и искренній Геродотъ. Изъ поэтовъ назовемъ, напр., Пиндара, Эсхила, Вакхилида: глубокое благоговѣніе предъ божественнымъ характерно для всѣхъ троихъ. Не менѣе религіи служитъ теперь и искусство пластическое: теперь—эпоха воздвиганія храмовъ богамъ и героямъ.

Рѣдко выдавались въ жизни народовъ болѣе благопріятные моменты для всесторонняго развитія культуры, чѣмъ эпоха послѣ Персидскихъ войнъ въ Греціи. Молодой, полный энергіи и оригинальной жизни, богато одаренный отъ природы народъ, благодаря необыкновенно счастливымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ создать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ культуры дѣйствительные шедёвры.

Правда, уже до Персидскихъ войнъ греческая культура достигла многаго. Но то, что̀ утвердило за ней славу классической, явилось только теперь. Не будь побѣдъ при Саламинѣ, Платеяхъ и т. д., весьма вѣроятно, въ Греціи не было бы такого изумительно быстраго и по истинѣ роскошнаго расцвѣта культуры. Безъ нихъ, быть можетъ, вообще „немыслима была бы Греція", какъ прекрасно выражается Курціусъ [1]).

Время, наступившее послѣ Персидскихъ войнъ, было, по истинѣ, несравненно: нигдѣ мы не встрѣчаемъ больше такой полноты развитія культуры, такого возвышеннаго ея характера, такого блеска ея созданій [2]). Поэзія и искусство, наука и философія этой эпохи дали произведенія,

---

[1]) Курціусъ, Исторія Греціи, перев. А. Веселовскаго, II, 84.
[2]) Ср. Overbeck, Plastik⁴, I, 303 слл.

которымъ суждено было стать образцами на всѣ времена цивилизованному человѣчеству [1]).

Извѣстно, какими необыкновенными способностями одарены были эллины къ искусствамъ пластическимъ.

Уже до Греко-Персидскихъ войнъ ихъ искусство стало на значительную высоту [2]). Послѣ пораженія персовъ искусство, быть можетъ, нагляднѣе, чѣмъ что-либо другое, даетъ понятіе о чрезвычайномъ подъемѣ всей культуры. Достаточно сказать, что однимъ изъ представителей пластики является теперь Фидій, художникъ, по справедливой оцѣнкѣ Коллиньона, остающійся безъ соперниковъ до настоящаго времени [3]), или что памятниками ея, между прочимъ, служатъ мраморы Пареенона, гдѣ разъ навсегда нашелъ свое выраженіе идеалъ красоты и благородства [4]).

Всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о классическомъ искусствѣ и его представителяхъ, отличаются постоянно крайнею отрывочностью; всѣ они чисто случайны. Благопріятный случай сохранилъ намъ и мраморы Пареенона, которые позволяютъ намъ лучше судить объ искусствѣ Фидія. Случайно дошло до насъ довольно много другихъ памятниковъ скульптуры, благодаря которымъ мы можемъ судить о значеніи фидіева искусства и объ его вліяніи на скульптуру V вѣка. Сохранившіеся памятники дополняютъ и разъясняютъ намъ свѣдѣнія, сообщаемыя о Фидіи древними авторами. Благодаря указаннымъ источникамъ, мы имѣемъ болѣе или менѣе точное представленіе о скульптурѣ половины V вѣка.

Доминирующею фигурою среди скульпторовъ является Фидій. Его вліяніе на современниковъ было огромно. Его ученики въ стилѣ нерѣдко настолько зависѣли отъ учителя, что ихъ статуи нѣкоторые считали произведеніемъ самого главы школы [5]). Подъ вліяніемъ Фидія находятся не только всѣ скульпторы Аттики [6]), но часто и скульпторы другихъ странъ [7]). Даже славная и самобытная, гордая своими соб-

---

[1]) Ср. Duncker, Geschichte der Griechen, IV, 425 слл. Duruy, Histoire des Grecs, II, 422 слл. Beloch, Griech. Geschichte, I, 393 слл. и др.

[2]) Ср. Collignon, Sculpture, I, 389 слл. Brunn, Griechische Kunstgeschichte, 2, 263 слл. А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Персидскихъ войнъ, 299 слл.

[3]) «Seul il (Phidias) a possédé le secret de cette majestueuse simplicité, de cette grâce puissante et fière, de cette noblesse divine, qui donnent aux statues du Parthénon eur beauté radieuse et leur éternelle jeunesse». Collignon, Phidias, 124. Ср. Sculpture, , 517 слл.

[4]) Ср. Collignon, Sculpture, II, 74.

[5]) Ср. Collignon, Phidias, 123.

[6]) Ср. Collignon, Sculpture, II, 75 слл., 139 слл., 145 слл.

[7]) Ср., напр., Collignon, II, 158 слл.

ственными традиціями Аргосская школа не могла не подчиниться вліянію искусства Фидія [1]).

Если и столь сами по себѣ замѣчательные художники, какъ, напр., Алкаменъ [2]), въ стилѣ не могли идти совершенно самостоятельнымъ путемъ, то скульпторы-ремесленники (мастера надгробныхъ стелъ, саркофаговъ, мраморныхъ вазъ, вотивныхъ рельефовъ и т. п.), которые всегда старались подражать тому, что̀ было особенно популярно, что̀ особенно нравилось публикѣ, подчиняются Фидію безусловно. Памятники керамики и т. п., по стилю, представляютъ эхо монументальнаго искусства Фидія и его школы [3]).

Если мы отъ мраморной пластики обратимъ свое вниманіе на статуэтки изъ терракотты, издѣлія т. наз. коропластовъ [4]), то въ занимающую наше вниманіе эпоху всюду, какъ въ самой Аттикѣ, такъ и въ другихъ областяхъ, мы должны будемъ вмѣстѣ съ Поттье [5]) и другими признать господство аттическаго стиля, который въ первоисточникѣ своемъ восходитъ къ мраморамъ Парѳенона.

Отъ скульптуры Фидія и его школы зависятъ, далѣе, рельефы на нѣкоторыхъ золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ курганахъ южной Россіи [6]). Отъ нихъ же зависятъ рельефы на глиняныхъ вазахъ [7]), фигуры на монетахъ [8]) и т. д.

Словомъ, вся пластика послѣ Фидія стоитъ подъ его вліяніемъ. И талантливые ученики самого Фидія, и мраморщики, дѣлавшіе надгробія и т. п., и коропласты, и мастера золотыхъ вещей, вазовые ху-

---

[1]) Ср. Furtwängler, Meisterwerke der griechischen Plastik, 433 слл., 507 слл. и др. Collignon, II, 171.

[2]) Ср. о немъ Collignon, II, Sculpture, 114 слл.

[3]) Ср. Collignon, Sculpture, II, 139 слл.

[4]) Ср. о нихъ статью А. Н. Деревицкаго, въ Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XVIII (1895), 206 слл. «Нѣсколько греческихъ статуэтокъ изъ Собраній Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и А. И. Нелидова»; также во введеніи къ изданію терракоттъ Одесскаго музея (А. Н. Деревицкій, А. А Павловскій, Э. Р. фонъ-Штернъ, Музей Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей. Выпускъ I. Терракотты).

[5]) Pottier, Les statuettes de terre cuite dans l'antiquité, 41 слл., 76 слл. Ср. объ отношеніяхъ коропластовъ къ монументальному искусству, кромѣ того, въ указанной выше статьѣ А. Н. Деревицкаго, 222 слл., гдѣ указана и спеціальная литература.

[6]) Ср. Kieseritzky, Ath. Mitth. VIII (1889), 219 слл. В. К. Мальмбергъ, Памятники греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ. Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археол. Коммиссіею. № 13, 190. Milchhöfer, Jabrb. d. Inst. IX (1894), 68 слл.

[7]) Ср. Stephani, C—R. 1872—73, 5 слл. De-Witte, Mon. gr. 1875, 13 слл. Milchhöfer, ук. м. Collignon, Sculpture, I, 543 слл.; II, 36 и др.

[8]) Ср. Head, Historia numorum, LX, 313, 227 и т. д.

дожники и т. д,—всѣ они ставятъ своимъ идеаломъ великія произведенія главы греческой скульптуры V вѣка.

Если бы счастливая случайность не сохранила намъ мраморовъ Парѳенона, мы должны были бы судить о Фидіи и его школѣ по надгробіямъ, вотивнымъ рельефамъ, даже терракоттамъ. О величайшихъ произведеніяхъ Фидія Аѳинѣ-Дѣвѣ и Зевсѣ Олимпійскомъ мы вынуждены судить до сихъ поръ только по весьма плохимъ воспроизведеніямъ въ мраморѣ, даже по геммамъ и монетамъ! [1]).

По подобнымъ источникамъ мы должны судить и о произведеніяхъ большинства греческихъ знаменитыхъ скульпторовъ. Мы къ несчастію, вынуждены дѣлать часто какъ разъ то, что одному древнему оратору [2]) казалось прямымъ абсурдомъ: по его мнѣнію, совершенно невозможно ставить рядомъ Фидія съ коропластами, какъ Зевксиса и Паррасія съ мастерами, расписывающими дешевыя таблички!

Насъ предостерегаютъ отъ неправильныхъ выводовъ древнія свидѣтельства о художникахъ. Однихъ такихъ свидѣтельствъ, однако, для обстоятельной оцѣнки того или другого скульптора также не достаточно. Даже плохая копія или воспроизведеніе знаменитаго оригинала часто могутъ лучше выяснить ту или другую черту его, чѣмъ описанія или разсужденія человѣка, имѣвшаго счастіе созерцать самый оригиналъ! Вотъ почему наука классической археологіи ставитъ себѣ въ настоящее время задачею указать среди дошедшихъ до насъ памятниковъ древности такіе, которые имѣютъ то или другое отношенія къ художникамъ, о которыхъ намъ говорятъ древніе авторы [3]). Если мы иной разъ можемъ указать только крайне плохую копію или воспроизведеніе знаменитаго произведенія, или даже только подражаніе ему въ томъ или другомъ отношеніи, мы не должны унывать: бываетъ, что новыя открытія неожиданно даютъ прекрасныя воспроизведенія вещей, которыя мы знали до тѣхъ поръ лишь по весьма плохимъ копіямъ.

Несмотря на весьма ограниченное количество сохранившихся до

---

[1]) Объ Аѳинѣ-Дѣвѣ Фидія см. Collignon, Sculpture, I, 536 слл., гдѣ приводится и спеціальная литература. О Зевсѣ см. у него же (I, 525 слл.). Къ литературѣ о Зевсѣ надо прибавить еще Amelung, Zeitschrift für bildende Kunst, 1894, № 35. Амелунгу удалось найти воспроизведеніе головы Зевса Фидія въ мраморѣ.

[2]) Исократъ, περὶ ἀντιδόσ., 2: ...«εἴ τις Φειδίαν τὸν τὸ τῆς Ἀθηνᾶς ἕδος ἐργασάμενον τολμῴη καλεῖν κοροπλάθον, ἢ Ζεῦξιν καὶ Παρράσιον τὴν αὐτὴν ἔχειν φαίη τέχνην τοῖς τὰ πινάκια γράφουσιν» etc.

[3]) Ср. Furtwängler, Meisterwerke, Vorwort. Насколько много удалось сдѣлать наукѣ въ этомъ отношеніи, показываетъ, напр., сравненіе даже 4-го изданія «Исторіи греч. пластики» Овербека съ трудомъ Коллиньона (Sculpture, I--II).

насъ оригинальныхъ памятниковъ греческой пластики, издавна установился справедливый взглядъ, что она достигла чрезвычайно высокаго развитія.

Давно уже установленъ былъ и тотъ фактъ, что однимъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ ея жизни является періодъ ея перваго блестящаго расцвѣта послѣ Персидскихъ войнъ.

Сохранившіеся до настоящаго времени остатки храмовъ и другихъ зданій этой эпохи говорятъ краснорѣчиво о процвѣтаніи и высокомъ развитіи искусства строенія: Пароенонъ и Пропилеи говорятъ о блестящемъ развитіи архитектуры не менѣе, чѣмъ фронтоны и фризъ храма Аѳины-Дѣвы о высокомъ развитіи пластики.

Монеты, золотыя вещи, терракотты, красно-фигурныя вазы являются свидѣтелями блестящаго состоянія въ V вѣкѣ и художественной промышленности.

Вообще мы должны признать фактъ, что всѣ отрасли искусства и промышленности въ V вѣкѣ и, главнымъ образомъ, послѣ Персидскихъ войнъ, достигли въ Греціи замѣчательнаго развитія.

Если бы до насъ не дошло ни одного литературнаго свидѣтельства о высокомъ процвѣтаніи пластики и архитектуры въ эпоху послѣ Греко-Персидскихъ войнъ, мы должны были бы признать это на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ этой эпохи. Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ особенно ясно показали всю цѣнность большей части древнихъ свидѣтельствъ объ искусствѣ. Современному историку античнаго искусства, при характеристикѣ художниковъ, остается часто только повторять и разъяснять, на основаніи вещественныхъ памятниковъ, то, что высказали о нихъ уже древніе критики искусства. Разумѣется, далеко не всѣ древніе писатели одинаково авторитетны. Весьма важно всякій разъ освѣдомиться объ источникахъ писателя и взвѣсить, насколько его показанія правдивы. И вотъ въ такихъ случаяхъ знать памятники, стоящіе въ какихъ-либо отношеніяхъ къ художнику, о которомъ идетъ рѣчь въ древнихъ свидѣтельствахъ, бываетъ особенно важно.

Изслѣдователямъ новѣйшаго времени удалось указать среди древнихъ писателей объ искусствѣ, сочиненія которыхъ или извлеченія изъ нихъ дошли до насъ,—такихъ, которые глубоко понимали искусство. Характеристикамъ художниковъ, сдѣланнымъ такими писателями, мы и удивляемся, когда намъ выпадаетъ на долю счастье непосредственнаго сужденія о какомъ-нибудь древнемъ произведеніи. Въ тѣхъ случаяхъ, поэтому, когда до насъ не дошло ни оригинала, ни воспроизведеній, ни копій произведеній какого-нибудь древняго мастера, мы должны

весьма внимательно относиться къ тому, чтò передаютъ о немъ древнія свидѣтельства.

До насъ не дошло никакихъ остатковъ монументальной живописи великой эпохи, наступившей послѣ Греко-Персидскихъ войнъ. Что же говорятъ о ней древніе? „Искусство во всѣхъ своихъ проявленіяхъ всегда служитъ глашатаемъ и провозвѣстникомъ нарождающихся и развивающихся въ обществѣ идей, вкусовъ и настроеній, и въ этомъ смыслѣ между всѣми отраслями его существуетъ стройная связь и ненарушимое единство“ [1]). Уже a priori мы можемъ полагать, что живопись въ эпоху Фидія и Перикла представляла выдающійся интересъ.

Наши ожиданія вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельства древности о живописи этой эпохи [2]). Судя по нимъ, живопись тогда была весьма замѣчательна и имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ скульптура.

II.

Плутархъ [3]), приводящій въ особенную похвалу Аѳинамъ то, что этотъ городъ былъ какъ бы матерью и кормилицей искусствъ, говоритъ, между прочимъ, что славѣ Аѳинъ не мало содѣйствуютъ и знаменитые живописцы, аѳинскіе уроженцы: Аполлодоръ, Евфраноръ, Никій, Асклепіодоръ, Плистенетъ, братъ Фидія [4]).

Самымъ знаменитымъ художникомъ въ половинѣ V вѣка былъ Полигнотъ, сынъ Аглаофонта, родомъ съ острова Ѳасоса [5]).

Его имя приводится постоянно рядомъ съ самыми славными скульпторами и художниками древности [6]). По красотѣ и по тщательности исполненія, Ѳемистій [7]) ставитъ картины, которыя Полигнотъ написалъ въ Лесхѣ книдянъ въ Дельфахъ, рядомъ съ произведеніями Фидія и Мирона. Знатокъ искусства Лукіанъ [8]) приводитъ Полигнота въ числѣ

---

[1]) А. Н. Деревицкій, Зап. Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVIII (1895), 226.

[2]) Они собраны у Овербека, SQ., 1042—1136.

[3]) Plutarch. De gloria Athen., 346 B (Overbeck, SQ.. 1109).

[4]) Весьма вѣроятно, что Πλειστταίνετος здѣсь читается по ошибкѣ вм. Πάναινος. Ср. K. O. Müller, De Phidiae vita et operibus, 126, m. O. Jahn, Archäol. Aufs., 17, 8. Overbeck, SQ., къ 1109. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 33 (47).

[5]) Overbeck, SQ., 1042 слл.

[6]) Ср. Plin. N. H. 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045): alii qnoque pos hos clari fuere... sicut Polygnotus Thasins. Cp. N. H., 34, 85 (Overbeck, SQ., 1066): Polygnotus idem pictor e nobilissimis.

[7]) Themist. Orat., XXXIV, 11, p. 40 (Overbeck, SQ., 1052).

[8]) Ср. объ этомъ Bertrand, Études sur la peinture et la critique d'art dans l'antiquité, 363 слл.

художниковъ, которые были особенно искусны въ употребленіи красокъ, и при этомъ называетъ Евфранора, Апеллеса, Аетіона [1]). Рядомъ съ Зевксисомъ и Евфраноромъ ставитъ Полигнота Филостратъ [2]).

Мы встрѣчаемъ нерѣдко и выраженія удивленія искусству Полигнота. Платонъ въ „Горгіи" [3]) приводитъ Полигнота и его брата Аристофонта, какъ примѣръ хорошихъ художниковъ [4]).

Подобно тому, какъ Фидій, благодаря своему искусству, занималъ выдающееся положеніе у Перикла, Полигнотъ занималъ его у Кимона. Какъ и Фидію, Полигноту поручено было украсить выдающіяся общественныя зданія. Какъ Фидій, при украшеніи Парѳенона, былъ главнымъ руководителемъ работъ, такъ, вѣроятно, Полигнотъ руководилъ художниками, которые вмѣстѣ съ нимъ расписывали храмы и общественныя зданія [5]). Въ храмѣ Ѳесея Полигнотъ написалъ двѣ картины, изображавшія: одна—Ѳесея въ битвѣ съ амазонками, другая—Ѳесея въ битвѣ съ кентаврами [6]); тамъ же Миконъ написалъ „Ѳесея передъ Амфитритой" [7]). Въ храмѣ Діоскуровъ Полигнотомъ написана была картина, изображавшая похищеніе Діоскурами дочерей Левкиппа, и Микономъ—картина, представлявшая Аргонавтовъ [8]). Въ Росписной Галлереѣ была полигнотова картина „Гибель Иліона" и миконова „Амазономахія"; тамъ же Миконъ и Паненъ написали „Битву при Мараѳонѣ" [9]). Полигнотъ росписывалъ общественныя зданія не только въ Аѳинахъ. Весьма знамениты были его картины въ Лесхѣ книдянъ въ Дельфахъ—„Гибель Иліона" и „Одисей въ Аидѣ" [10]). Въ Пла-

---

[1]) Lucian. Imagines, 7 (Overbeck, SQ., 1073).

[2]) Philostrat. Vit. Apollon. II, 20 (p. 23 ed. Kayser) (Overbeck, SQ., 1074).

[3]) Plat. Gorg. 448 (Overbeck, SQ., 1046).

[4]) Ср., кромѣ того, еще Overbeck, SQ., 1047 слл.

[5]) Ср. Schreiber, Wandbilder des Polygnotos, 3.

[6]) Павсаній, I, 17, 2 (Overbeck, SQ., 1086). Ср. Гарпократіона подъ сл. Πολύγνωτος (Overbeck, SQ., 1042). Robert, Marathonsschlacht, 47 и ниже.

[7]) См. объ этой картинѣ наши замѣчанія въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль и май, отд. класс. филол., 48 слл.

[8]) Гарпократіонъ, ук. м.; Павсаній, I, 18, 1 (Overbeck, SQ., 1058).

[9]) Павсаній, I, 15, 1—3 (Overbeck, SQ., 1054); Аристофанъ, Lysistr. 678 слл. (Overbeck, 1081); Арріанъ, Anabas. VII, 13, 10 (Overbeck, 1082); Плутархъ, Кимонъ, 4 (Overbeck, 1044); Павсаній, V, 11, 6 (Overbeck, 96, l. 46); Плиній, N. H. 35, 57 (Overbeck, 1099); Эліанъ, Nat. anim. VII, 38 (Overbeck, 1083); Цецесъ, Chil. IV, 182 sq. (Overbeck, ib.); Сопатръ, διαίρεσ. ζητημ. I, 8, p. 180 sq. ed. Walz (Overbeck, 1084); Гарпократіонъ, подъ сл. Μήκων (Overbeck, ib.); Цецесъ, Chil. XII, 560 сл. (Overbeck, 1091); Діогенъ Лаерт. VII, 1, 5 (Overbeck, 1055); Свида, подъ сл. Ζήνων (Overbeck, 1056); Синесій, Epist. 135 (Overbeck, 1057) и т. д.

[10]) Павсаній, X, 25—31 (Overbeck, SQ., 1050) и др.

теяхъ [1]), въ храмѣ Аѳины Аріи, Полигнотъ написалъ „Одиссея, избивающаго жениховъ Пенелопы"; тамъ же Онасій написалъ картину, сюжетъ для которой далъ миѳъ о походѣ семи противъ Ѳивъ.

Всѣ эти факты указываютъ, сколь важное значеніе имѣла живопись въ глазахъ грековъ V вѣка. Картины считались такимъ же прекраснымъ и достойнымъ украшеніемъ общественныхъ зданій, какъ скульптуры.

Иногда живопись примѣнялась для украшенія и рядомъ со скульптурой. Для примѣра приведемъ тронъ Зевса Олимпійскаго, на которомъ, между прочимъ, были и картины, написанныя Паненомъ [2]).

Не менѣе говорятъ о томъ, что живопись цѣнилась высоко въ V вѣкѣ, и извѣстія, что Полигнотъ, работавшій безплатно въ Аѳинахъ, былъ удостоенъ за это правъ аѳинскаго гражданства [3]), или, что амфиктіоны въ Дельфахъ присудили ему во всѣхъ городахъ Греціи пожизненное угощеніе на общественный счетъ [4]). То и другое считалось величайшею почестью [5]), какую давали лишь особенно заслуженнымъ людямъ.

Кромѣ такого рода свидѣтельствъ, которыя мы приводили до сихъ поръ, есть другія, которыя еще болѣе говорятъ намъ о томъ, какъ интересна и замѣчательна была живопись въ эпоху послѣ Персидскихъ войнъ. Мы разумѣемъ здѣсь описанія полигнотовыхъ картинъ въ Дельфахъ Павсанія и сообщенія разныхъ писателей на счетъ техники, стиля, общаго характера и художественно-историческаго значенія Полигнота и современныхъ ему мастеровъ живописи.

Сохранившіяся до насъ древнія свидѣтельства представляютъ отрывки изъ сочиненій различныхъ школъ, которыя неодинаково понимали искусство и различно смотрѣли на его задачи. Однако, всѣ свидѣтельства, по нашему мнѣнію, безусловно говорятъ о чрезвычайно важномъ значеніи, которое игралъ Полигнотъ въ исторіи греческаго искусства, и о громадномъ интересѣ, который представляетъ его живопись. Встрѣчающіяся противорѣчія въ свидѣтельствахъ древнихъ о Полигнотѣ совсѣмъ не таковы, чтобы изъ-за нихъ значеніе этого художника могло оставаться неяснымъ. Наоборотъ, благодаря тому, что до насъ дошли отзывы о Полигнотѣ глубоко различныхъ между собою во взглядахъ на искусство

---

[1]) Павсаній, IX, 4, 1 (Overbeck, SQ., 1059).

[2]) Павсаній, V, 11, 6 (Overbeck, SQ., 696, lin. 34 слл).

[3]) Гарпократ. подъ сл. Πολύγνωτος; Плутархъ, Кимонъ, 4 (Overbeck) SQ., 1042, 1044).

[4]) Плиній, N. H. 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045).

[5]) Ср. В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей, I³, 205.

писателей, мы меньше рискуемъ впасть въ ошибку, составляя себѣ представленіе о Полигнотѣ по свидѣтельствамъ древности.

Что же передаютъ древніе о Полигнотѣ и его картинахъ?

Значеніе Полигнота въ исторіи греческой живописи у Плинія (N. H. 35, 58) [1]) опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Θасосецъ Полигнотъ сталъ первый рисовать женщинъ въ прозрачной [2]) одеждѣ, покрывать ихъ головы разноцвѣтными чепцами [3]) и весьма много первый сдѣлалъ для живописи тѣмъ, что установилъ пріоткрывать [у фигуръ] ротъ, обозначать зубы, давать лицу разнообразныя выраженія, отступивъ отъ древней суровости“.

Это мѣсто „Естественной Исторіи“ Плинія, какъ уже показано было О. Яномъ [4]), Бригеромъ [5]), Блюмнеромъ [6]), Брунномъ [7]), Фуртвенглеромъ [8]), Робертомъ [9]) и Мюнцеромъ [10]), тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ тому, что Плиній ранѣе сообщалъ о живописи Евмара и Кимона изъ Клеонъ.

Исторія живописи, три послѣдовательныхъ и строго связанныхъ между собою момента которой представляютъ Евмаръ, Кимонъ и Полигнотъ, у Плинія восходитъ всего вѣроятнѣе къ Ксенократу [11]), писавшему объ искусствѣ въ III вѣкѣ до Р. Хр. съ точки зрѣнія своего времени и считавшему въ пластикѣ идеаломъ Лисиппа. Настоящая жи-

---

[1]) Overbeck, SQ., 1075.

[2]) Лучшая рукопись (Bambergensis) даетъ чтеніе—tralucida (и 2-й рук. translucida) veste. Это приняли уже Зиллигъ (въ изд. Плинія) и Урликсъ (Chrestomathia Pliniana). Чтеніе другихъ рукописей—lucida veste—которое принимали старыя изданія, должно быть, послѣ открытія Bambergensis, оставлено. Lucida veste читали еще Бёттигеръ (Archäologie der Malerei, 264), К. О. Мюллеръ и Велькеръ (Handb. d. Arch. d. Kunst, § 134, 2).

[3]) Μίτρα первоначально—лента. Постепенно ее дѣлали шире, и, так. обр., со временемъ митрою стали называть и чепецъ. Ср. Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Römer[6], 306.

[4]) O. Jahn, Ueber die Kunsturtheile des Plinius. Berichte d. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch., 1850, 116 слл.

[5]) Ad. Brieger, De fontibus librorum XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI Naturalis Historiae Plinianae, quatenus ad artem plasticam pertinent, 1857, 9 слл.

[6]) Blümner, Rhein. Mus., N. F., 1871, 354.

[7]) Brunn, Sitzungsber. d. philol.-hist. Classe d. bayer. Akad., 1875, 811 слл. Ср. Gesch. d. griech. Künstler, II, 19 (27).

[8]) Furtwängler, Plinius und seine Quellen über die bildenden Künste. IX Supplementband der Jahrb. f. class. Phil., 27 (отд. отт.).

[9]) Robert, Die Kunsturtheile des Plinius. Kiessling und Wilamowitz-Möllendorf, Philol. Untersuchungen, X, 28 слл.

[10]) Münzer, Zur Kunstgeschichte d. Plinius. Hermes, XXX (1895), 511 слл.

[11]) По нашему мнѣнію, нельзя не согласиться съ доводами на этотъ счетъ Мюнцера, Hermes, XXX (1895), 511 слл.

вопись, по его мнѣнію, начинается лишь съ Аполлодора аѳинскаго и Паррасія, т. е. только послѣ Полигнота.

Однако, если Ксенократъ, а за нимъ и Плиній, не считали Полигнота среди „lumina artis“, среди мастеровъ, заслуживающихъ восхищенія, тѣмъ не менѣе то, что̀ у нихъ сообщается о Полигнотѣ, весьма интересно. Ксенократъ воздаетъ Полигноту должное, считая, что онъ „весьма много“ („plurimum“ у Плинія) сдѣлалъ для живописи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Плинія мы знаемъ, что Полигнотъ былъ первымъ художникомъ, порвавшимъ цѣпи архаизма, т. е. основателемъ свободнаго стиля [1]). Полигнотъ продолжаетъ дѣло Кимона, художника еще вполнѣ архаическаго. То, чего особенно не доставало архаическому искусству, это — живое выраженіе лица. Полигнотъ сталъ пріоткрывать ротъ у фигуръ и обозначать зубы. Извѣстно, какъ много зависитъ общее выраженіе лица и отъ расположенія губъ [2]). Чтобы дать лицу выраженіе, чтобы вывести его изъ состоянія оцѣпенѣлости, неподвижности, въ какомъ оно является въ архаическомъ искусствѣ, чтобы „voltum ab antiquo rigore variare“, необходимо было дать новую жизнь и подвижность губамъ фигуръ, было необходимо „os adaperire, dentes ostendere“ [3]). Сохранилось извѣстіе [4]), что Полигнотъ въ „Гибели Иліона“, украшавшемъ аѳинскую Росписную Галлерею, придалъ Лаодикѣ черты сестры Кимона Эльпиники. Точно также у Микона въ „Мараѳонской битвѣ“ вожди грековъ и персовъ (Мильтіадъ, Каллимахъ, Кинегиръ, Датисъ, Артафернъ) имѣли портретныя черты [5]).

Оба эти свидѣтельства дополняютъ слова Плинія о Полигнотѣ. Стиль его настолько былъ уже свободенъ, что въ фигурахъ его была чисто индивидуальная жизнь [6]).

---

[1]) Мы не понимаемъ въ виду этого, какимъ образомъ Брунну (Gesch. d. gr. Künstler, II, 19 (27), можетъ заслуга Полигнота, какъ о ней говоритъ Плиній, показаться «geringfügig». Ср. Blümner, Rhein. Mus., N. F., 1871, 369; H. von-Rohden y Baumeister, Denkm., II, 856.

[2]) Выраженія смѣха, улыбки, надменности, удовольствія, граціи и т. д. невозможно, напримѣръ, придать фигурамъ безъ того, чтобы не обратить вниманія на трактовку губъ. Ср. Winckelmann, Geschichte der Kunst, V, 5, 26; IV, 200; Bell, Anatomy of expression in painting, 128 слл.; Böttiger, Archäologie d. Malerei, 262 слл.; Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 21 (30).

[3]) Послѣднее необходимо при выраженіи главнымъ образомъ сильныхъ аффектовъ.

[4]) Плутархъ, Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).

[5]) Ср. Павсаній, I, 15, 3 (Overbeck, SQ., 1054, D). Плиній, N. H., 35, 57 (его источникъ здѣсь—Варронъ. Ср. Robert, Archäol. Märchen, 26). Робертъ (Marathonsschlacht, 27) непослѣдователенъ, полагая, что портретныя черты художники могли придать лишь греческимъ вождямъ.

[6]) Въ виду приведенныхъ свидѣтельствъ мы полагаемъ, что Фуртвенглеръ, который отрицаетъ, чтобы Фидій могъ дѣйствительно сдѣлать портреты свой и перикловъ

Разумѣется, у Полигнота должны были получить, поэтому, большое распространеніе фигуры въ фасъ и три четверти, такъ какъ онѣ особенно способны выражать индивидуальность [1]).

Полигнотъ впервые сталъ покрывать головы женскихъ фигуръ разноцвѣтными чепцами. До насъ дошло подробное описаніе Павсанія двухъ картинъ Полигнота въ Дельфахъ. На одной изъ этихъ картинъ „Гибель Иліона" были двѣ женскихъ фигуры, которыя достовѣрно не имѣли ни чепцовъ ни повязокъ на головахъ: это—фигуры Эѳры и Поликсены [2]). Такимъ образомъ, въ разноцвѣтныхъ чепцахъ были не всѣ женскія фигуры Полигнота, а только нѣкоторыя [3]). А если такъ, то возможно думать, что и свидѣтельство о томъ, будто Полигнотъ впервые сталъ изображать женщинъ въ прозрачныхъ одеждахъ, относится не ко всѣмъ фигурамъ женщинъ на картинахъ Полигнота, а касается лишь какихъ-нибудь отдѣльныхъ фигуръ. Кромѣ свидѣтельства Плинія, мы не имѣемъ ни одного другого, которое бы говорило о прозрачныхъ одеждахъ у фигуръ Полигнота [4]). Объ одеждахъ женскихъ фигуръ Полигнота мы можемъ составить представленіе по тому, что говоритъ мимоходомъ Лукіанъ [5]) объ одеждѣ Кассандры на полигнотовой „Гибели Иліона" [6]). Одежда Кассандры была „ἐς τὸ λεπτότατον ἐξειργασμένη", „отдѣлана тончайшимъ образомъ". Эліанъ [7]), къ свидѣтельству котораго о Полигнотѣ мы вернемся, говоритъ равнымъ образомъ объ „ἱματίων λεπτότητες" фигуръ Полигнота. Совершенно очевидно, что и у Лукіана и у Эліана говорится о тонкой трактовкѣ

на щитѣ статуи Аѳины-Дѣвы,—не правъ (Furtwängler, Meisterwerke, 75). Фуртвенглеру справедливо возражаетъ Робертъ (Marathonsschlacht, 26).

1) Ср. C. Smith, Dictionary of greek and roman antiquities, 407 сл. Ср. Lucian Imag., 7 (Overbeck, SQ., 1053).

2) Павсаній, X, 25, 5 и 9 (Overbeck, SQ., 1050, A., l. 49 и 71): ...μήτηρ τε ἡ Θησέως (i. e. Αἴθρα) ἐν χρῷ κεκαρμένη... Πολυξένη δὲ κατὰ τὰ εἰθισμένα παρθένοις ἀναπέπλεκται τὰς ἐν τῇ κεφαλῇ τρίχας.

3) Значеніе замѣчанія Ксенократа (у Плинія) относительно чепцовъ разъясняетъ Бруннъ (Sitzungsber. d. bayer. Akad. 1878, 450): въ живописи женскіе волосы легко образуютъ пятно, слишкомъ однообразную плоскость, которую нужно такъ или иначе оживлять; съ этою цѣлью, т. е. чтобъ достичь здѣсь большаго разнообразія въ рисункѣ и въ краскахъ, Полигнотъ и писалъ женщинъ въ разноцвѣтныхъ чепцахъ.

4) Не правы, по нашему мнѣнію, Бруннъ (Gesch. d. gr. Künstler, II, 20 (28)) и Блюмнеръ (Archäolog. Studien zu Lucian, 36), которые пытаются привлекать сюда свидѣтельства Лукіана (Imag., 7) и Эліана (Var. Hist., IV, 3).

5) Ср. Bertrand, Études sur la peinture et la critique d'art, 363 слл.

6) Lucian., Imagines, 7 (Overbeck, SQ., 1053).

7) Aelian., Var. Hist., IV, 3 (Overbeck, SQ., 1076).

одежды. Если Бруннъ [1]) желаетъ видѣть здѣсь и тонкую трактовку и тонкія матеріи, то уже Блюмнеръ [2]) справедливо замѣчаетъ, что это значитъ насиловать текстъ и навязывать ему смыслъ, котораго онъ не имѣетъ. Лукіанъ и Эліанъ говорятъ о прекрасномъ расположеніи мелкихъ складокъ одеждъ полигнотовыхъ фигуръ; для изображенія такихъ мелкихъ и нѣжныхъ складокъ въ живописи, конечно, требуется большая тонкость и нѣжность рисунка. Возможно, что Плиній просто неумѣло выбралъ выраженіе tralucida veste для перевода греческаго выраженія своего источника. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельства Лукіана и Эліана имѣютъ для насъ болѣе важное значеніе.

Изъ указаннаго же мѣста Лукіана мы узнаемъ дальнѣйшія подробности о полигнотовомъ стилѣ. Лукіанъ восхваляетъ выраженіе Кассандры, ея чудно сдѣланныя брови (ὀφρύων τὸ ἐπιπρεπές) [3]). Полигнотъ понялъ, такимъ образомъ, уже, что выраженіе фигуры зависитъ отъ того, какъ трактованы у нея мягкія части около глаза и губы [4]).

Впервые лишь освободившись отъ узъ архаизма, искусство Полигнота, съ точки зрѣнія Ксенократа и другихъ писателей, восхищавшихся техникой вполнѣ развитой живописи, являлось лишь началомъ настоящей живописи и было далеко еще отъ полнаго совершенства. По мнѣнію Θеофраста, Полигнотъ является даже прямо изобрѣтателемъ живописи [5]). Послѣднее извѣстіе, по нашему мнѣнію надо понимать такъ, что лишь съ Полигнота начинается живопись, достойная своего названія. Квинтиліанъ говоритъ, что Полигнотъ и Аглаофонтъ были первыми художниками, произведенія которыхъ можно смотрѣть не только ради того, что они древніе художники [6]),—произведенія эти, иными

[1]) Gesch. d. gr. Künstler, II, 20 (28).

[2]) Blümner, Rhein. Mus., N. F., 1871, 366 слл.

[3]) Ср. Brunn, ук. с., II, 22 (31).

[4]) Ср. Conze, Ueber Darstellung des menschlichen Auges in der antiken Sculptur. Sitzungsber. der Berliner Acad., 1892, I, 25 слл. Мы говорили уже объ этомъ въ Ἐφημ. ἀρχ., 1896, 76 слл

[5]) Плиній, N. H., VII, 205 (Overbeck, SQ., 388). Ср. C. Smith, Dictionn. of greek and roman antiquities, 408.

[6]) Квинтиліанъ, Inst. orat., XII, 10, 3 (Overbeck, SQ., 614). Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь идетъ рѣчь объ Аглаофонтѣ младшемъ. На это указываетъ и разстановка словъ у Плинія и то, что старшій Аглаофонтъ, отецъ Полигнота, былъ еще вполнѣ архаическимъ художникомъ и, конечно, не могъ удостоиться такой похвалы, какую мы видимъ у Квинтиліана. Объ Аглаофонтѣ младшемъ см. Overbeck, SQ., 1130 слл. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 10 (13 слл.), не правъ, принимая лишь одного Аглаофонта.

словами, способны доставлять удовольствіе зрителю: „primi, quorum quidem opera non vetustatis modo gratia visenda sunt, clari pictores fuisse dicuntur Polygnotus atque Aglaophon“. Свидѣтельства, въ родѣ послѣдняго, еще разъ подчеркиваютъ все огромное значеніе, которое Полигнотъ имѣлъ въ греческой живописи,— и прогрессъ, который отличаетъ его отъ мастеровъ архаизма.

Цицеронъ, который отличался и знаніемъ искусства и замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ[1]), хотя отдавалъ рѣшительное предпочтеніе вполнѣ развитой живописи Аетіона, Никомаха, Протогена и Апеллеса (у нихъ, по его мнѣнію, „уже все совершенно“), воздавалъ должное и техникѣ Полигнота[2]). То, что заслуживаетъ похвалы у Полигнота, по его мнѣнію,—контуры, линіи, т. е. рисунокъ.

Красоту рисунка Полигнота выставляетъ и Діонисій Галикарнасскій, который сравниваетъ съ нимъ простой и прелестный стиль аттическаго оратора Лисія [3]).

То, что не позволяло Цицерону и др. причислить Полигнота къ художникамъ, у которыхъ „iam perfecta sunt omnia“, это простота его колорита. Полигнотъ еще слишкомъ мало имѣетъ собственно живописнаго. Онъ болѣе рисовальщикъ, чѣмъ живописецъ. Живопись въ собственномъ смыслѣ слова начинаетъ процвѣтать лишь съ Аполлодора, который „primus gloriam penicillo iure contulit“ [4]).

Полигнотъ и современные ему художники не стремились вовсе къ тому, чтобы посредствомъ красокъ достигать иллюзіи.

Свидѣтельства древнихъ о колоритѣ Полигнота такъ же, какъ и свидѣтельства о его техническихъ нововведеніяхъ, которыя мы разсмотрѣли выше, говорятъ, что Полигнотъ былъ настоящимъ основателемъ живописи. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь, мы еще далеки отъ того, что привыкли мы теперь разумѣть подъ словомъ живопись и что разумѣли подъ нимъ тѣ древніе писатели, свидѣтельства которыхъ о колоритѣ Полигнота дошли до насъ. „Мы еще въ колыбели искусства“, какъ говоритъ Бертранъ, на основаніи древнихъ свидѣтельствъ о колоритѣ Полигнота [5]). Полигнотъ самъ долженъ былъ еще изобрѣтать и изготовлять себѣ краски. Онъ долженъ былъ вырабатывать и основные техническіе пріемы искусства.

[1]) Ср. объ этомъ у Bertrand, Études sur la peinture et la critique d'art, 282 сл.
[2]) Cicer., Brut. 18, 70 (Overbeck, SQ., 1067).
[3]) Діонисій, De Isaeo, 4 (Overbeck, SQ., 1069).
[4]) Плиній, N. H., 35, 60 (Overbeck, SQ., 1641).
[5]) Bertrand, Études sur la peinture etc., 124.

Плиній [1]), опять по Ксенократу [2]), сообщаетъ, что Полигнотъ и Миконъ изобрѣли новую черную краску и приготовляли ее изъ виноградныхъ выжимокъ и что они же впервые стали употреблять аттическую охру [3]). Краски въ живописи Полигнота, несомнѣнно, играли бо́льшую роль, чѣмъ въ весьма ограниченной архаической живописи. Кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ у Плинія, на это указываетъ и то извѣстіе, что Полигнотъ сталъ впервые изображать женщинъ въ разноцвѣтныхъ [4]) чепцахъ.

Палитра Полигнота, впрочемъ, какъ и другихъ художниковъ древности, была вообще довольно ограничена. Полигнотъ употреблялъ въ своихъ картинахъ лишь 4 краски [5]). Это были бѣлая (melinum), желтая (atticum, аттическая охра), красная (sinopis pontica), черная (atramentum) [6]). Разумѣется, нельзя понимать свидѣтельства древности такъ, будто въ картинахъ Полигнота встрѣчалось лишь 4 цвѣта [7]). Упомянутыя 4 краски посредствомъ смѣшенія даютъ цѣлый рядъ другихъ [8]). Майеръ [9]), напримѣръ, показалъ, что смѣшеніемъ 4-хъ красокъ Полигнота можно получить 819 различныхъ оттѣнковъ. Вообще ограниченное число основныхъ красокъ не говоритъ за бѣдность колорита [10]). Но вотъ что̀ ставитъ Полигнота по колориту ниже позднѣйшихъ художниковъ (писавшихъ тѣми же четырьмя основными красками) Полигнотъ: окрашивалъ фигуры и ихъ части сплошь ровными тонами и не моделлировалъ окрашенныхъ поверхностей. Квинтиліанъ [11]) обозначаетъ такого рода примѣненіе красокъ выраженіемъ „simplex color" [12]).

---

[1]) Плиній, N. H., 35, 42 (Overbeck, SQ., 1071) и 33, 160 (Overbeck, SQ., 1070).

[2]) Ср. Münzer, Hermes, XXX, 512 слл.

[3]) Тогда впервые стали добывать эту охру въ серебряныхъ рудникахъ Лавріона. Ср. Böttiger, Archäologie d. Malerei, 264.

[4]) Ср. Brunn, Gesch. d. griech Künstler, II, 22 (32).

[5]) Цицеронъ, Brut., 18, 70 (Overbeck, SQ., 1067).

[6]) Плиній, N. H., 35, 50 (Overbeck, SQ., 1754).

[7]) Ср. Böttiger, Archäol. der Malerei, 270 слл.

[8]) Что Полигнотъ примѣнялъ смѣшеніе красокъ, засвидѣтельствовано Плутархо́мъ (De defectu oracul., 47, p. 436 B=Overbeck, SQ., 1068). Ср. Weizsäcker, Polygnots Gemälde in der Lesche der Knidier in Delphi, 3; Robert, Marathonsschlacht, 104 слл. О смѣшиваніи красокъ Полигнотомъ говоритъ прямо и Лукіанъ, который при этомъ Полигнота считаетъ замѣчательнымъ мастеромъ: ...ἢ παρακαλέσαιμεν δὴ τοὺς γραφέας, καὶ μάλιστα ὁπόσοι αὐτῶν ἄριστοι ἐγένοντο κεράσασθαι τὰ χρώματα... καὶ δὴ παρακεκλήσθω Πολύγνωτος etc. (Lucian. Imagin., 7=Overbeck, SQ., 1073). Ср. Blümner, Arch. Stud. zu Lucian, 33 слл.

[9]) Ср. Bertrand, Études sur la peinture et., 139.

[10]) Ср. объ этомъ любопытныя страницы у Бертрана, ук. с., 134 слл.

[11]) Квинтиліанъ, Inst. orat., XII, 10, 3 (Overbeck, SQ., 614).

[12]) Ср. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 22 (32); Schnaase, Gerschichte der bildenden Künste bei den Alten, II, 248; Bertrand, ук. соч., 124 сл.; Robert, Marathonsschlacht,

Діонисій Галикарнасскій [1]) выражается о колоритѣ древнѣйшихъ мастеровъ подобнымъ же образомъ: ἀρχαῖαι γραφαὶ χρώμασι μὲν εἰργασμέναι ἁπλῶς καὶ οὐδεμίαν ἐν τοῖς μίγμασιν ἔχουσαι ποικιλίαν".

Описанія дельфійскихъ картинъ Полигнота у Павсанія, у котораго кое-гдѣ есть указанія на окраску фигуръ и предметовъ, подтверждаетъ то, что сообщаютъ о колоритѣ Полигнота Цицеронъ, Квинтиліанъ и Діонисій Галикарнасскій. Тѣло фигуръ было раскрашено (Кассандра, Эантъ, Евриномъ, Титій) [2]). Раскрашены были и второстепенные предметы (гидрія Эхіакта, рыбы въ Ахеронтѣ) [3]). Но, какъ замѣтилъ уже Бруннъ [4]), нигдѣ мы не находимъ указаній на собственно живописное дѣйствіе красокъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ краска выбирается такъ, что вовсе не принимается въ разсчетъ какой-нибудь опредѣленный моментъ, „Erscheinung" вещи, а то, что постоянно ей присуще, что составляетъ нѣкоторымъ образомъ ея сущность [5]). Такъ румянецъ на щекахъ Кассандры сдѣланъ былъ вовсе не для того, чтобы характеризовать ея положеніе, а просто какъ нѣчто характерное для дѣвушки [6]). На условность колорита у Полигнота указываетъ и такая фигура, какъ Евриномъ въ его „Аидѣ" [7]).

Въ общемъ у Полигнота, такимъ образомъ, надо признать стремленіе къ разнообразію и богатству красокъ, но еще отсутствіе дѣйствія свѣтами и тѣнями [8]), равно какъ и отсутствіе стремленія къ иллюзіи

---

104. Едва ли возможно подъ «simplex color» Квинтиліана разумѣть монохромныя картины, какъ это находимъ у Поттье (Pottier, Étude sur les lécythes blancs attiques à représentation funéraire, 132).

[1]) De Isaeo, 4 (Overbeck, SQ., 1069).

[2]) Лукіанъ, Imag., 7 (Overbeck, SQ., 1053); Павсаній, X, 28, 7; 29, 3; 31, 1 (Overbeck, SQ., 1050, B, lin. 41, 70, 198).

[3]) Павсаній, X, 25, 3; 28, 1 (Overbeck, SQ., 1050, A, 21; B, 5 сл.).

[4]) Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 23 (32).

[5]) Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 23 (32): «Die eigenthümliche Farbe beruht auf der eigenthümlichen Natur der Gestalt; sie ist nicht etwas aus der momentanen Erscheinung der dargestellten Person Entspringendes, sondern etwas ihrem bleibenden Wesen dauernd Anhaftendes».

[6]) Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 22 (32).

[7]) Павсаній, X, 28, 7 (Overbeck, SQ., 1050, B, 42 слл.).

[8]) То, что въ живописи Полигнота примѣнялось смѣшеніе 4-хъ красокъ, и что, такимъ образомъ, получались новые цвѣта, напр., изъ atramentum получали синій, замѣчено было уже давно. Ср. Lévesque, Sur les progrès successifs de la peinture. Mém. de l'Institut, I, 436 слл.; Hirt, Remarques sur les couleurs dont les anciens se devoient servir pour peindre, 30 слл.; H. Meyer къ Göthe's Farbenlehre, II, 89 слл.; Böttiger, Archäologie der Malerei, 369. Затѣмъ о краскахъ у Полигнота писали Schubart, N. Jahrb. f. Philol., 105 (1872), 169 слл., Benndorf, Ἐφ. ἀρχ., 1887, 124 слл., и Bertrand, Études sur la peinture etc., 124 слл., 133 слл. Послѣдняя спеціальная работа объ этомъ принадлежитъ Schöne, Zu Polygnots delphischen Bildern. Jahrb. d. Inst. VIII (1893), 189 слл. Съ результатами работы Шёне со-

опредѣленной характеристики времени и мѣста [1]).

У Синесія [2]) сохранилось извѣстіе, что картины въ Росписной Галлереѣ въ Аѳинахъ были на особыхъ доскахъ. Такимъ образомъ, надо полагать, что стѣны Галлереи были облицованы деревомъ, и уже на немъ написаны были картины. Но, однако, едва ли живописныя изображенія были прямо на доскахъ. Когда писали на деревѣ, то обыкновенно покрывали его бѣлой облицовкой (λεύκωμα); на ней затѣмъ уже писались картины [3]). Скорѣе всего такъ было и у картинъ въ Галлереѣ, и такимъ образомъ фонъ у картинъ Полигнота, вѣроятно, былъ бѣлый [4]).

Какъ трудно на основаніи только текстовъ опредѣленно высказаться о томъ, каковъ былъ фонъ у картинъ Полигнота, такъ же трудно отвѣтить и на вопросъ, были ли написаны картины al fresco, a tem-

---

гласны Вейцзеккеръ (Polygnots Gemälde, 3) и Робертъ (Marathonsschlacht, 104). Полигнотъ употреблялъ только четыре краски, дававшія при смѣшеніяхъ много цвѣтовъ. Ср. Blümner, Technologie, IV, 477, 481, 517. Bertrand, 133 слл. Schöne, 190. Любопытно, что философъ Демокритъ въ V вѣкѣ основными цвѣтами считалъ—λευκόν, μέλαν, ἐρυθρόν, χλωρόν, бѣлый, черный, красный и желтый, т. е. какъ разъ тѣ, которые давали 4 краски Полигнота. Bertrand, 137 сл., Schöne, 191. Такая теорія была бы полнымъ абсурдомъ, если бы голубые и зеленые тона не получались посредствомъ смѣшенія красокъ. Точно также нельзя себѣ представить хотя сколько-нибудь развитой живописи, которой неизвѣстны были бы тона синій и зеленый. Ср. Robert, Marathonsshlacht, 104 слл.

[1]) Ср. Blümner, Archäol Studien zu Lucian, 33 слл.; Brunn, Sitzungsber. d. bayer. Akad., 1877, 9 слл.; Wörmann, Die Landschaft in der Kunst der alten Völker, 160; H. von-Rohden, Baumeister, Denkm., II, 857; Schnaase, Gesch. d. bildenden Künste bei den Alten, II, 248.

[2]) Synes. Epistol., 135, 54 (Overbeck, SQ., 1057). Ср. Wachsmuth, Die Stadt Athen im Alterthum, II, 715, 504.

[3]) Гесихій, подъ сл. πινάκιον; Діогенъ Лаерт., VI, 89; Аѳинагоръ, Legat. pro Christ., § 14, p. 59. Ср. Böttiger, Archäologie der Malerei, 136, 152, 280; Pottier, Étude sur les lécythes blancs, 130 слл. Такимъ образомъ можно было брать картины изъ Галлереи. Ср. Cicer. in Verrem, IV, 55; Plin. N. H., 35, 37; Burmann къ Сатирикону Петронія, c. 29, p. 109; Hirt, Differents méthodes de peindre chez les anciens, 10; Böttiger, Archäologie der Malerei, 281 слл.; K. O. Müller-Welcker, Handbuch d. Archäol. d. Kunst., § 319, 5.

[4]) Ср. Benndorf, Gr. Sic. Vasenbilder, 26 слл.; Ἐφ. ἀρχ., 1887, 124 слл.; C. Smith, Dictionary of greek and roman antiquities, 408 (Pictura); Robert, Nekyia, 37, 58; Girard, Peinture, 267; Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 190 слл.; Robert, Marathonsschlacht, 103; Murray, Handbook of greek archäology, 365 слл.; White athenian vases in the British Museum, 5 и др. Бенндорфъ (Ἐφ. ἀρχ., 1887, ук. м.) полагалъ, что картины были на глиняныхъ табличкахъ, покрытыхъ бѣлой облицовкой, и что между отдѣльными табличками были видны швы, отдѣлявшіе ихъ другъ отъ друга. Противъ этого справедливо возражали Шёне (ук. ст., 190, 9) и Робертъ (Marathonsschlacht, 88). Леска дельфійская, какъ показали раскопки, не была изъ мрамора. Ср. Homolle, B. C. H. XX (1896), 633 слл. Значитъ, скорѣе всего картины были на бѣлой облицовкѣ, бывшей у стѣнъ. Противъ Винтера (Die jüng. att. Vasen, 40) справедливо высказывается Шёне (ук. м.). Ср. еще A. Kuhn, Allgemeine Kunstgeschichte, III, 62.

рега или энкаустикой. Были высказываемы мнѣнія и за то, и за другое, и за третье [1]).

Въ майскомъ засѣданіи 1897 г. Берлинскаго Археологическаго Общества Винтеръ [2]) въ своемъ докладѣ, посвященномъ древней живописи энкаустикой, показалъ, какъ широко примѣнялась энкаустика, начиная уже съ VI вѣка до Р. Хр., во всѣхъ отрасляхъ греческаго искусства.

Такъ какъ сохранилось свидѣтельство, что Полигнотъ примѣнялъ энкаустику [3]), и такъ какъ, кромѣ того, судя по другому свидѣтельству, энкаустикой были писаны стѣнныя картины Полигнота въ Θеспіяхъ [4]), то намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что вообще всѣ картины Полигнота были писаны энкаустикой.

Итакъ, до сихъ поръ намъ удалось установить на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, что полигнотова живопись, еще совершенно не развитая въ отношеніи колорита, достигла высокаго совершенства въ рисункѣ; что формы фигуръ на картинахъ Полигнота отличались уже свободою и красотой. Дальнѣйшія заключенія о стилѣ Полигнота позволяетъ сдѣлать свидѣтельство Эліана [5]).

Въ виду большой трудности, которую представляетъ свидѣтельство Эліана для объясненія, и въ виду чрезвычайнаго разнообразія мнѣній, высказанныхъ по его поводу, мы должны остановиться на немъ дольше и по неволѣ сдѣлать экскурсъ въ область филологіи [6]).

Въ указанномъ мѣстѣ Эліанъ сообщаетъ намъ: Πολύγνωτος ὁ Θάσιος καὶ Διονύσιος ὁ Κολοφώνιος γραφέε ἤστην. Καὶ ὁ μὲν Πολύγνωτος ἔγραφε τὰ μεγάλα καὶ ἐν τοῖς τελείοις εἰργάζετο τὰ ἆθλα· τὰ δὲ τοῦ Διονυσίου, πλὴν τοῦ μεγέθους, τὴν τοῦ Πολυγνώτου τέχνην ἐμιμεῖτο εἰς τὴν

---

[1]) Ср. Hirt, Baukunst nach den Grundsätzen der Alten, XX, 235; Böttiger, Aldobrandin. Hochzeit, 7; Archäol. d. Malerei, 280; Robert, Nekyia, 37; Marathonsschlacht, 88, 104 слл. (всѣ—за a tempera). C. Smith, Dictionary of greek and roman antiqu., 407 (pictura); Schöne, Jährb. d. Inst., VIII (1893), 192, 13; Girard, Peinture, 159, 267; Murray, White athenian Vases, 5 и т. д. (—за al fresco); Pottier, Lecythes blancs, 130 слл: (за энкаустику).

[2]) См. Arch. Anz., XII (1897), 134 слл. Неизвѣстно, почему Жираръ (Peinture. 263), Бертранъ (Études sur la peinture etc., 124) и др. считаютъ возможнымъ полагать, что Полигнотъ былъ изобрѣтателемъ энкаустики. Изъ Плинія (N. H., 35, 122= Overbeck, SQ., 1072), по крайней мѣрѣ, этого вывести нельзя.

[3]) Плиній, N. H., 35, 122 (Overbeck, SQ., 1072).

[4]) Плиній, N. H., 35, 123 (Overbeck, SQ., 1760).

[5]) Aelian. Var. Hist., IV, 3 (Overbeck, SQ., 1076).

[6]) Мы комментировали мѣсто Эліана, относящееся къ Полигноту, въ одномъ изъ засѣданій Общества классической филологіи и педагогики въ Спб. Возраженіе, сдѣланное намъ академикомъ В. В. Латышевымъ, заставило насъ еще разъ пересмотрѣть весь вопросъ о значеніи τὰ μεγάλα и ἐν τελείοις у Эліана и отказаться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ.

ἀκρίβειαν, πάθος καὶ ἦθος καὶ σχημάτων χρῆσιν, ἱματίων λεπτότητας καὶ τὰ λοιπά.

Оставляя пока безъ объясненія „τὰ μεγάλα“, мы займемся сначала словами „ἐν τοῖς τελείοις“, которыя дали поводъ нѣкоторымъ ученымъ сдѣлать заключеніе, что Эліанъ указываетъ на натуральную величину фигуръ на картинахъ Полигнота, на величину ихъ въ человѣческій ростъ.

Первымъ, кто такъ объяснилъ мѣсто Эліана, былъ Перизоній [1]). Также понималъ слово τέλειος Озаннъ [2]). Отто Янъ [3]) утверждалъ, что фигуры на картинахъ Полигнота были въ ростъ человѣка и ссылался на Эліана. Яну слѣдовали К. Фр. Германнъ [4]) и Клейнъ [5]). Въ послѣднее время мнѣніе, будто фигуры у Полигнота были въ человѣческій ростъ, особенно горячо защищаетъ К. Робертъ, который въ „Nekyia“, кромѣ мѣста Эліана, въ доказательство своей гипотезы приводитъ еще фигуры, нарисованныя Паненомъ въ храмѣ Зевса въ Олимпіи (см. Nekyia, 68 и примѣч. 56), а въ Marathonsschlacht in der Poikile (84 слл.) ссылается на Vita X orator. Lycurgus, 843 e, на Corp. Inscript. Graec., 3068, 13, 28, ib. 3085, гдѣ, по его мнѣнію, слово τέλειος значитъ всегда „lebensgross“. Мѣсто Эліана Робертъ переводитъ такъ: „Polygnot malte das Erhabene, und lebensgrosse Gemälde waren seine Arena“ и полагаетъ, что Эліанъ указываетъ, какъ на характерныя черты искусства Полигнота, на величіе содержанія и на величину масштаба его картинъ.

Если уже издавна высказывались взгляды, будто всѣ фигуры Полигнотъ рисовалъ въ натуральную величину, то и съ самагó начала эти взгляды оспаривались. Уже противъ пониманія Озанномъ и Яномъ слова τέλειος у Эліана и въ надписяхъ, какъ „justa statura rerum“, высказывались Велькеръ [6]), Фёлькель [7]), Рошеттъ [8]), Бёкъ [9]), Френкель [10]). Противъ

---

[1]) Perizonius въ изд. Varia Historia (L. B., 1701): intelligitur justa statura rerum, quae pinguntur.

[2]) Osann, Syllog. inscript., p. 246.

[3]) O. Jahn, Die Gemälde des Polygnot, 62 слл., 142 слл. Съ Яномъ же соглашается и Овербекъ, SQ., къ 1076.

[4]) K. Fr. Hermann, Epikritische Betrachtungen etc., 15.

[5]) Klein, Euphronios², 52, 56.

[6]) Welcker, Syll. Epigr. ed. II, p. 161.

[7]) Völkel, Archäolog. Nachlass, I, 92.

[8]) Rochette, De pictura in muris, 5 слл. оттискъ изъ Diar. erudit. Iun. Iul. Aug. 1833. Cp. Lettres archéologiques, 91 слл., 134 слл.

[9]) Corp. inscr. gr. II, 662 слл.

[10]) Fränkel, De verbis potioribus, 38.

натуральной величины фигуръ у Полигнота высказывался Бруннъ [1]). Рѣтельно не принимаютъ гипотезы Яна и др. Шубартъ [2]) и Винтеръ [3]). Мнѣніе Роберта оспариваетъ Шёне [4]). Послѣдній реставраторъ картинъ Дельфійской Лесхи книдянъ—Вейцзеккеръ рѣшается положительно утверждать, что фигуры въ композиціяхъ Полигнота не были въ натуральный человѣческій ростъ [5]).

Совершенно иначе понимаетъ ἐν τελείοις Эліана Мёрре [6]): по его мнѣнію, этимъ словомъ Эліанъ указываетъ на то, что Полигнотъ выбиралъ для картинъ моменты, когда собственно дѣйствіе уже закончено; что на картинахъ у него изображалось большею частью состоянія дѣйствовавшихъ лицъ по окончаніи дѣйствія, и что этимъ особенно Полигнотъ и славился.

Мы видимъ, какъ трудно рѣшить вопросъ о томъ, что значитъ τέλειος у Эліана. Однако, не будемъ отчаяваться и пересмотримъ еще разъ античные тексты изъ авторовъ и надписей, въ которыхъ мы встрѣчаемъ это слово, и постараемся установить его значеніе у Эліана въ занимающемъ насъ мѣстѣ.

Аристотель (Метафизика, 4, 16 нач.) даетъ намъ слѣдующее опредѣленіе понятія τέλειον: τέλειον λέγεται ἓν μὲν οὗ μὴ ἔστιν ἔξω τι λαβεῖν μηδὲ ἓν μόριον, οἷον ὁ χρόνος τέλειος ἑκάστου οὗτος οὗ μὴ ἔστιν ἔξω λαβεῖν χρόνον τινὰ ὃς τούτου μέρος ἐστὶ τοῦ χρόνου, καὶ τὸ κατ' ἀρετὴν καὶ τὸ εὖ μὴ ἔχον ὑπερβολὴν πρὸς τὸ γένος, οἷον τέλειος ἰατρὸς καὶ τέλειος αὐλητής, ὅταν κατὰ τὸ εἶδος τῆς οἰκείας ἀρετῆς μηδὲν ἐλλείπωσιν.

Τέλειον есть нѣчто такое, отъ чего нельзя отнять ни единой его части; каждый предметъ мы можемъ назвать тогда τέλειος, когда у него на лицо находятся всѣ тѣ свойства и качества, которыя предполагаетъ понятіе о немъ, когда предметъ дѣйствительно осуществляетъ какое-нибудь понятіе, когда онъ обладаетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ по нашимъ представленіямъ онъ обладать долженъ. На русскій языкъ лучше всего перевести, такимъ образомъ, слово τέλειος словами: „истинный", „настоящій"—настоящій врачъ, истинный врачъ (τέλειος ἰατρός). Въ указанномъ же мѣстѣ Аристотель дальше подробнѣе опредѣляетъ понятіе τέλειον: каждый предметъ тогда τέλειον, и каждая сущность тогда τελεία, когда у нихъ не отсутствуетъ ни единой частицы изъ той суммы, ко-

---

[1]) Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 29 (41).
[2]) Schubart, Zeitschr. f. Alterthums-Wissenschaft, 1855, 403 слл.
[3]) Winter, Die jüngeren attischen Vasen, 38 слл.
[4]) Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 189.
[5]) Weizsäcker, Polygnot's delphische Bilder, 10.
[6]) Murray, Handbook of greek archaelogy, 366.

торая предписана имъ природой, по отношенію къ качествамъ, которыя у нихъ должны быть". (Ἕκαστον γὰρ τότε τέλειον καὶ οὐσία πᾶσα τότε τελεία, ὅταν κατὰ τὸ εἶδος τῆς οἰκείας ἀρετῆς μηδὲν ἐλλείπῃ μόριον τοῦ κατὰ φύσιν μεγέθους).

Τέλειον обозначаетъ вообще нѣчто соотвѣтствующее его понятію, нѣчто совершенное, полное, наилучшее, что мы можемъ ожидать отъ предмета (Ср. Аристотель, Этика Ником., I, 5, нач.: ... τὸ δ' ἄριστον τέλειόν τι φαίνεται). Аристотелево опредѣленіе τέλειον видимъ у Галена (I, περὶ μαρασμοῦ, p. 375, 13: ἔστι τὸ τέλειον ᾧ μηδεμία τῶν οἰκείων ἐνεργειῶν ἀπολείπεται). Цицеронъ переводитъ платоново τέλειον — perfectum, perfectum atque absolutum, absolutum perfectumque, т. е. „совершенное", „абсолютное". Мы уже замѣтили, что τέλειος употребляется въ значеніи „настоящій"; домъ полный, гдѣ на лицо всѣ элементы, которые мы соединяемъ съ понятіемъ античнаго „настоящаго" дома,—будетъ такой, гдѣ есть и свободные хозяева и подчиненные рабы: „οἰκία δὲ τέλειος, говоритъ Аристотель въ Политикѣ (I, 3, нач.): „ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων".

„Совершенный", „полный"—вотъ тѣ значенія, которыя мы констатировали для τέλειος въ первыхъ мѣстахъ изъ Аристотеля; въ послѣднемъ мѣстѣ на русскій языкъ мы можемъ перевести τέλειος, кромѣ „полный", еще „весь".

„Настоящій", „такой, какимъ предметъ долженъ быть", „полный" слово τέλειος обозначаетъ у Θеогнида (1353 слл.):

Πικρὸς καὶ γλυκύς ἐστι καὶ ἁρπαλέος καὶ ἀπηνής,
ὄφρα τέλειος ἔῃ, Κύρνε, νέοισιν ἔρως.

Послѣ сказаннаго ясно значеніе слова τέλειος у Геродота (V, 20), Эсхила (Septem, 766, 851; Suppl., 91, 739, 824, 810), Еврипида (Jon, 1419), у автора „Реса", 200, у Аристофана (Lysistr. 104; Thesm. 352). Обозначая „совершенный", „полный", слово τέλειος легко получаетъ значеніе „взрослый", „выросшій". Τέλεια ἱερά у Гомера (Иліада, I, 66; XXIV, 34), по однимъ толкованіямъ, значитъ „безпорочныя жертвенныя животныя", по другимъ, „вполнѣ выросшія".

Изъ значенія „взрослый" понятны выраженія ἱμάτιον τέλειον — гиматій для взрослаго человѣка" (сравни мѣсто Аθинея (XIV, 634 F), который говоритъ здѣсь объ αὐλοὶ τέλειοι, παιδικοί, παρθενικοί). Понятно, почему τέλειος иногда значитъ „женатый", почему „вѣрные" въ въ Новомъ Завѣтѣ именуются τέλειοι. Понятно также активное зна-

ченіе, которое иногда имѣетъ τέλειος (θεοὶ τέλειοι, Ζεὺς τέλειος, Ἥρα τελεία) [1]).

„Совершенный", „соотвѣтствующій понятію", „соотвѣтствующій тому, чѣмъ предметъ долженъ быть"—основныя значенія слова τέλειος, значенія, изъ которыхъ понятны всѣ дальнѣйшія. Отрицательное οὐ τέλειος значитъ „не соотвѣтствующій тому, что мы должны ожидать отъ предмета". „Σὲ γάρ", читаемъ у Геродота (I, 121): „ἐγὼ δι' ὄψιν ὀνείρου οὐ τελέην ἠδίκεον", гдѣ „οὐ τελέην ὄψιν ὀνείρου" — значитъ „сонъ, кому не суждено было исполниться" (Ср. Bähr, въ изд. Геродота, примѣч. къ ук. мѣсту).

Мы пересмотрѣли всѣ возможныя значенія слова τέλειος, пересмотрѣли всѣ мѣста авторовъ, гдѣ это слово встрѣчается, и можемъ констатировать, что въ значеніи „lebensgross", „въ натуральную величину", это слово не встрѣчается ни у одного автора. Роберту этотъ фактъ прекрасно извѣстенъ (См. Marathonsschlacht, 87). Не находя τέλειος въ этомъ значеніи у авторовъ, Робертъ полагаетъ, что это значеніе „необыкновенно легко" могло развиться изъ понятія „взрослый". Принимая одну гипотезу, Робертъ долженъ необходимо допустить еще вторую: необыкновенно легко могло, по его мнѣнію, получиться вмѣсто выраженія „картина, на которой фигуры изображены въ натуральную величину"—выраженіе πίναξ τέλειος, которое мы находимъ въ надписяхъ и въ Vitae X oratorum, приводимыхъ Робертомъ для объясненія τέλειος Эліана. Въ довершеніе всего Робертъ не довольствуется и этимъ и, говоря о фигурахъ на картинахъ Полигнота (Nekyia, 68), онъ полагаетъ, что онѣ были „fast lebensgross" [2]). Отъ этого предположенія, впрочемъ, Шёне (ук. м., 187 слл.) заставилъ отказаться Роберта (см. Marathonssclacht, 84, гдѣ Робертъ оставляетъ „fast" и всецѣло слѣдуетъ Яну). Но и первыя два предположенія Роберта такъ же произвольны, какъ и третье, и его значеніе „lebensgross" для τέλειος—чистая натяжка.

Въ почетномъ декретѣ съ Теоса, С. I. G. 3085, читаемъ: οἱ ἔφηβοι καὶ οἱ νέοι οἱ μετέχοντες τοῦ γυμνασίου Αἰσχρίωνα Μελεάγρου ἐφηβαρχήσαντα καλῶς στεφάνῳ χρυσῷ καὶ εἰκόνι γραπτῇ καὶ εἰκόνι γραπτῇ τελείᾳ καὶ εἰκόνι χαλκῇ καὶ ἀγάλματι μαρμαρίνῳ καὶ εἰκόνι χρυσῇ. Не трудно замѣтить, что здѣсь εἰκών противополагается ἄγαλμα.

---

[1]) Къ довольно рѣдкимъ значеніямъ τέλειος принадлежатъ: «исполнившійся» о пророчествѣ; «благороднѣйшій», Иліада VIII, 247; XXIV, 315.

[2]) Совершенно произвольно также подобное же сужденіе Руля (Zeitschrift Alterthumsw., 1855, 392).

Что послѣднее слово значитъ „статуя“, никто не будетъ сомнѣваться. Если такъ, то εἰκών не статуя. Уже Бёкъ (C. I. G. II, 664 слл.) совершенно вѣрно замѣтилъ, что подъ εἰκών, столь часто встрѣчающимся словомъ въ надписяхъ изъ М. Азіи (ср. C. I. G. II, 3068, 124, 2054, 2771), надо разумѣть „protome“, „бюстъ“. Бёкъ же замѣчаетъ, что въ аттическихъ надписяхъ εἰκών обозначаетъ, между прочимъ, и статую. Что εἰκών можетъ значитъ бюстъ, признаетъ и Робертъ (Marathonsschacht, 86).

Бюсты часто присуждаются разнымъ лицамъ за заслуги; часто такіе бюсты дѣлаются на щитахъ, гдѣ онѣ представляли или рельефъ, или же рисовались, гравировались. Такой гравированный рельефъ съ изображеніемъ чьего-либо бюста назывался εἰκών γραπτὴ ἔνοπλος (см. Бёкъ въ ук. м. C. I. G.). Въ двухъ надписяхъ съ Теоса, которыя Робертъ приводитъ въ доказательство своей гипотезы на счетъ значенія слова τέλειος у Эліана, несомнѣнно, подъ εἰκών разумѣются всегда бюсты [1]). Блестящимъ подтвержденіемъ соображеній Бёка на счетъ значенія слова εἰκών является мѣсто Макробія (Sat., II, 3). Макробій разсказываетъ, что, когда разъ Цицерону во время его управленія провинціями М. Азіи случилось увидать тамъ „clypeatam imaginem eius (fratris Q.) ingentibus lineamentis usque ad pectus ex more pictam“, т. е. портретъ его брата Квинта (который отличался низкимъ ростомъ), портретъ, нарисованный въ огромномъ масштабѣ по обычаю только по грудь, Цицеронъ не удержался, чтобъ не воскликнуть: „Половина моего брата здѣсь больше, чѣмъ весь онъ въ натурѣ“! Изъ этого анекдота видимъ, что „clypeatae imagines pictae“, т. е. εἰκόνες γραπταὶ ἔνοπλοι надписей, обычно, ex more, имѣли изображенія дѣятелей usque ad pectus, т. е. обыкновенно на нихъ давался бюстъ лица, котораго желали изобразить. Изъ раболѣпства бюстъ Квинта нарисовали въ масштабѣ, большемъ натуральной величины, что̀ и дало поводъ Цицерону къ его остротѣ. Колоссальныя статуи посвящались лишь богамъ и героямъ. Въ Олимпіи запрещено было ставить статуи побѣдителямъ въ масштабѣ, превышающемъ натуральную величину (ср. Scherer, De Olympionicarum statuis, Gottingae, 1885, 9 слл.). Натуральная величина была обычна у статуй и бюстовъ, которыми какая-нибудь община или коллегія почитала лицъ, оказавшихъ ей услуги. Когда мы читаемъ въ надписяхъ объ ἀναθεῖναι εἰκόνα, ἄγαλμα и т. п., само собою разумѣется, что они были въ натуральную величину: таковъ былъ обычай. Если къ

[1]) Одну надпись мы цитировали выше. Вотъ другая (C. I. G. 3068, B. 28:... ἀναθεῖναι δὲ αὐτοῦ καὶ εἰκόνα ἐν τῷ Διονυσίῳ γραπτὴν ἐπιγράψαντας etc).

слову εἰκών прибавляется прилагательнге τελεία, то этимъ обозначается нѣчто, отступающее отъ обычая. Мы видѣли, что обычно почитали дѣятелей бюстами. Примѣрами такихъ бюстовъ могутъ служить бюсты косметовъ въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (Καββαδίας, Γλυπτὰ τοῦ Ἐθνικοῦ μουσείου, I, №№ 384—416). Изъ надписей М. Азіи и изъ указаннаго мѣста Макробія мы видимъ, что обычно было также рисовать бюсты дѣятелей на особыхъ πίνακες. Напротивъ, необычнымъ было, если на пинакѣ изображали всю фигуру. Пинакъ съ изображеніемъ всей фигуры, полной фигуры, надо было, какъ нѣчто отличающееся отъ обычая, обозначить особымъ терминомъ. Мы уже знаемъ, что въ греческомъ языкѣ для обозначенія цѣлаго предмета, въ противность его частямъ, надо употреблять слово τέλειος. По аналогіи съ αὐλοὶ τέλειοι и т. п., является терминъ πίναξ τελεία — пинакъ съ изображеніемъ всей фигуры. Уже Бёкъ совершенно правильно (см. C. I. G. II, стр. 664 слл.) понялъ πίναξ τελεία, какъ пинакъ, дающій „integram naturam“, какъ „pictura totius staturae“. Въ подтвержденіе правильности нашего мнѣнія приведемъ еще мѣсто изъ Геродіана (V, 12).

Здѣсь говорится объ одномъ пинакѣ, на которомъ фигура была во всю величину. Такъ какъ это было вообще довольно рѣдко и исключительно, Геродіанъ не преминулъ подчеркнуть, что фигура была представлена цѣликомъ: εἰκόνα μεγίστην γράψας παντὸς ἑαυτοῦ. Εἰκὼν γραπτὴ παντὸς τοῦ ἀνδρός Геродіана значитъ то же самое, что εἰκὼν γραπτὴ τελεία надписей.

Мы видимъ, что въ обѣихъ надписяхъ Робертъ понимаетъ слово τέλειος неправильно.

Въ греческихъ городахъ М. Азіи, несомнѣнно, терминъ εἰκὼν τελεία значилъ πίναξ съ εἰκόνες τέλειαι. Намъ далеко неизвѣстно, какое распространеніе имѣлъ терминъ πίναξ τελεία въ другихъ областяхъ греческаго міра. Привлекать мало-азійскій терминъ къ объясненію πίναξ τελεία въ Vitae X orat., Lycurg. 843-е, какъ это дѣлаютъ Бёкъ, видящій и здѣсь картину съ цѣлыми фигурами, и Робертъ — свое „lebensgross“, намъ кажется рискованнымъ. По нашему мнѣнію, τέλειος въ Vitae X oratorum надо объяснять прежде всего изъ общаго значенія слова, а не изъ техническихъ терминовъ, въ родѣ εἰκὼν τελεία мало-азійскихъ надписей. Контекстъ требуетъ здѣсь, по нашему мнѣнію, другого значенія слова τέλειος, чѣмъ въ упомянутыхъ надписяхъ. Говорить о композиціи пинака Исменія и сравнивать его съ надгробными аттическими рельефами, какъ это дѣлаетъ Робертъ (Marathonsschlacht, 87), намъ кажется абсолютно невозможнымъ. Конечно, подъ πίναξ те-

λεία въ Vitae X orat. не разумѣется „хорошо сохранившаяся картина“, значеніе, которое даетъ здѣсь слову τέλειος Бернадаки (Keil, Hermes, XXX, 208, пр. 1). Этого никоимъ образомъ нельзя ожидать по контексту. Путь къ правильному пониманію мѣста Vitae, по нашему мнѣнію, указалъ Велькеръ [1]), который переводитъ ἐν πίναχι τελείῳ — „in einem ganzen vollständigen Tafelgemälde“ и объясняетъ это далѣе: „einem eine Komposition umfassenden Bild“—переводъ, по нашему, совершенно вѣрный, но объясненіе ничѣмъ не обосновано. Намъ кажется, что въ Vitae разумѣется ни что иное, какъ „полная картина“, т. е. такая, на которой родословная доводилась до послѣдняго, до настоящаго времени. Мы, такимъ образомъ, совершенно соглашаемся съ Кейлемъ (Hermes, XXX, 208, пр. 1).

Въ результатѣ мы приходимъ къ тому выводу, что ни мѣсто Vitae X orat., ни надписи, на которыя ссылается Робертъ, не могутъ быть приводимы въ доказательство того, чего хочетъ Робертъ: никогда слово τέλειος не значитъ „lebensgross“, „въ натуральную величину“ [2]).

Какія значенія τέλειος имѣетъ, мы видѣли. Какое значеніе ему надо придать у Эліана, покажетъ сравненіе мѣста Эліана съ тѣмъ мѣстомъ „Поэтики“ Аристотеля, гдѣ философъ даетъ опредѣленіе трагедіи (1449b, 24). Съ мѣстомъ Эліана сближали аристотелево опредѣленіе трагедіи уже Кекуле и Шёне [3]). Однако, тотъ переводъ мѣста Эліана, который (переводъ) предлагаетъ Шёне, на насъ производитъ такое же странное впечатлѣніе, какъ и на Роберта [4]). Мы уже сказали раньше, почему невозможно принять и переводъ самого Роберта.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разборѣ мѣста Аристотеля, но укажемъ только на то, что необходимо для правильнаго пониманія мѣста Эліана.

Слово τέλειος въ опредѣленіи трагедіи у Аристотеля значитъ то же, что мы уже видѣли въ другихъ мѣстахъ изъ сочиненій философа: „полный“, „цѣлый“. Что это значеніе здѣсь не подлежитъ сомнѣнію, показываютъ дальнѣйшія разъясненія Аристотеля о трагедіи. Остановив-

[1]) Welcker, Kleine Schriften, IV, 227.

[2]) Ср. еще Aristot. Poet.: «ἔστι γὰρ (i. e. τέλειον) καὶ μηδὲν ἔχον μέγεθος»: въ понятіи τέλειον вовсе нѣтъ понятія о какой-нибудь величинѣ.

[3]) Относящуюся сюда литературу см. въ Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 187—189. Ср. Vahlen, Beitr. z. Aristot. Poetik, I, 26 слл.

[4]) Полигнотъ, по Шёне, «Vorwürfe von einer gewissen Grösse und Fülle, und von einer in sich abgeschlossenen Ganzheit behandelte». Робертъ спрашиваетъ, откуда взялось здѣсь «Fülle», ибо τέλειον, очевидно, у Шёне есть «In sich abgeschlossenes» (Robert, Marathonsschlacht, 85).

шись на томъ, что такое μίμησις πράξεως σπουδαίας, Аристотель по порядку переходитъ къ объясненію πράξεως σπουδαίας καὶ τελείας. Τελεία πρᾶξις, по его мнѣнію, обязываетъ поэта-трагика „μήθ' ὁπόθεν ἔτυχεν ἄρχεσθαι μήθ' ὅπου ἔτυχε τελευτᾶν", не начинать дѣйствія трагедіи, гдѣ попало, и не кончать трагедію, гдѣ ему вздумается; другими словами, дѣйствіе трагедіи должно развиваться на глазахъ зрителей; на глазахъ зрителей оно должно имѣть свое начало, средину и конецъ; оно должно быть полнымъ, цѣлымъ: κεῖται δ' ἡμῖν τὴν τραγῳδίαν τελείας καὶ ὅλης πράξεως εἶναι μίμησιν. Разъяснивъ πρᾶξις τελεία своего опредѣленія, Аристотель далѣе разъясняетъ слѣдующія за этимъ слова опредѣленія: πράξεως τελείας μέγεθος ἐχούσης. Дѣйствіе хорошей трагедіи будетъ имѣть обязательно нѣкоторую величину (τι μέγεθος). Черезчуръ малые предметы и черезчуръ большіе наблюдать хорошо нельзя. Чтобы дѣйствовать на зрителей, трагедія не должна быть ни слишкомъ мала, ни слишкомъ велика; поэтъ долженъ разсчитать и величину своей пьесы: τὸ γὰρ καλὸν ἐν μεγέθει καὶ τάξει ἐστίν. Въ послѣдней фразѣ Аристотеля ἐν μεγέθει относится къ μέγεθος ἐχούσης, такъ же, какъ и τάξει къ τελείας его опредѣленія трагедіи.

Такъ какъ у Аристотеля τέλειος значитъ цѣльный, полный, законченный, прекрасно расчлененный, то Эліанъ, говоря, что Полигнотъ стяжалъ лавры ἐν τελείοις, очевидно, имѣетъ въ виду совершенство отдѣлки композицій Полигнота [1]). Уже Шубартъ [2]) и Вейцзеккеръ [3]) вѣрно сближали ἐν τελείοις съ слѣдующимъ ἀκρίβειαν, тщательность, совершенство отдѣлки.

Подъ ἱματίων λεπτότητας, какъ мы уже раньше замѣтили, разумѣется тщательная, тонкая трактовка одежды. Очевидно, какъ думалъ уже Шубартъ, πάθος καὶ ἦθος καὶ σχημάτων χρῆσιν etc. разъясняетъ ἀκρίβειαν. Діонисій подражалъ полигнотовой тщательности въ изображеніи страсти, въ характеристикѣ фигуръ и т. д.

Опредѣливъ, что значитъ у Эліана ἐν τελείοις, обратимся теперь къ объясненію τὰ μεγάλα.

Эліанъ говоритъ, что Діонисій подражалъ Полигноту во всемъ, кромѣ μέγεθος (πλὴν τοῦ μεγέθους). Картины Діонисія не представляли подражанія τὰ μεγάλα Полигнота. Понять правильно τὰ μεγάλα помогаетъ одно мѣсто изъ Поэтики Аристотеля (VIII, 5,

---

[1]) Ср. Lenormant, Mém. de l'Acad. de Belgique, XXXIV (1864), 26.

[2]) Schubart, Zeitschr. f. Alterthumsw., 1855, 403 слл. Шубартъ, по нашему, вѣрно думаетъ, что подъ ἐν τελείοις надо разумѣть и πάθος, ἦθος и т. д. Эліана.

[3]) Weizsäcker, ук. м.

70=Overbeck, SQ., 1079). Философъ такжесравниваетъ Полигнота и Діонисія и находитъ между ними ту разницу, что у Полигнота люди являются лучшими, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ; Діонисій же изображалъ ихъ такими, какъ они являются въ природѣ. Итакъ, τὰ μεγάλα— то, чего по Эліану, не доставало Діонисію, въ сравненіи съ Полигнотомъ, можетъ значитъ только „великое“.

Точнѣе понять мысль Эліана можно, если мы примемъ во вниманіе другія свидѣтельства древности о характерѣ картинъ Діонисія. Если Аристотель говоритъ, что Діонисій изображалъ людей такими, какими они являются въ природѣ, а Полигнотъ изображалъ лучшими, или если изъ Эліана мы узнаемъ, что діонисіевы картины не имѣли μέγεθος, а Полигнотъ, наоборотъ, писалъ τὰ μεγάλα, то изъ этого ясно, что древніе тексты вовсе не выставляютъ различія въ сюжетахъ картинъ того и другого мастера. Діонисій, мы знаемъ [1]), работалъ вмѣстѣ съ Микономъ. Послѣдній художникъ, по сюжетамъ его картинъ, не отличался отъ Полигнота. Скорѣе всего, Діонисій съ нимъ писалъ картину изъ міра миѳологіи, и по сюжету, такимъ образомъ, не отличался отъ Полигнота [2]).

Извѣстно, что Поликлетъ сдѣлалъ статую Геры въ Аргосѣ. Однако, эта статуя не имѣла μέγεθος, которымъ отличались произведенія Фидія, хотя по отдѣлкѣ (τέχνῃ) была замѣчательна [3]).

Произведенія Поликлета отличались τέχνῃ, но не имѣли μέγεθος. Точно также картины Діонисія не имѣли μέγεθος, но обнаруживали ἀκρίβειαν, что однозначуще съ τέχνῃ. По Плутарху [4]). произведенія Діонисія производили впечатлѣніе вымученныхъ, въ противоположность, напр., картинамъ Никомаха или стихамъ Гомера, у которыхъ при всей ихъ силѣ и прелести чувствуется, что они явились свободно и легко.

Итакъ, изъ свидѣтельствъ авторовъ видно, что Діонисій бралъ, главнымъ образомъ, прилежаніемъ и трудомъ, а не талантомъ. Онъ былъ усерднымъ подражателемъ Полигнота, но не могъ достичь μέγεθος этого художника. Не могъ достичь потому, что μέγεθος, величіе, возвышенный характеръ, есть нѣчто неподражаемое. Точно также никто изъ учениковъ Фидія не достигъ его μέγεθος. Невозможность подражать оригинальнымъ произведеніямъ геніальныхъ мастеровъ наглядно видна

[1]) Anthol. Gr., I, 74. 78 (84) (Planud., I, 141) (Overbeck, SQ., 1087).

[2]) Мѣсто Плинія, N. H., 35, 113, относится къ другому Діонисію, современнику Варрона. Ср. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 34 (49), 1.

[3]) См. Страбонъ, VIII, 272 (Overbeck, SQ., 933).

[4]) Плутархъ, Тимолеонтъ, 36 (Overbeck, SQ., 1136).

на примѣрѣ подражателей Микель-Анджело. Какъ это опасно бываетъ, не менѣе доказываютъ музыканты, подражающіе Вагнеру, въ наши дни.

Послѣ сказаннаго понятно, отчего фигуры на картинахъ Діонисія не походили на величавые, идеальные образы Полигнота, а напоминали фигуры будничной жизни.

У Эліана τὰ μεγάλα не обозначаетъ сюжетовъ, а общій характеръ, стиль полигнотовыхъ картинъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго мы предлагаемъ слѣдующій переводъ мѣста Эліана:

„Θасосецъ Полигнотъ и колофонянинъ Діонисій были живописцы. При этомъ Полигнотъ писалъ въ возвышенномъ стилѣ и отличался совершенствомъ въ отдѣлкѣ своихъ композицій. Картины же Діонисія, не достигая величія полигнотова искусства, представляли подражаніе ему по тщательности въ изображеніи страсти и въ характеристикѣ фигуръ, равно какъ въ ихъ позахъ, тонкой трактовкѣ одеждъ и проч.“.

Стиль Полигнота характеризуется у Эліана такъ же, какъ обыкновенно древніе характеризуютъ стиль Фидія: Фидію были присущи одновременно и μεγαλεῖον и ἀκριβές [2]). Полигнота Эліанъ ставитъ, такимъ образомъ, такъ высоко, какъ только могъ его поставить древній писатель.

Невольно всякій обратитъ вниманіе на совпаденіе въ сужденіяхъ о Полигнотѣ у Эліана и у Аристотеля. Оба они указываютъ на идеальный, возвышенный характеръ полигнотовой живописи почти въ однихъ выраженіяхъ.

По всей вѣроятности, такое совпаденіе не случайно. Уже было указываемо [3]) на то, что Эліанъ пользовался неоднократно Θеофрастомъ.

---

[1]) Ленорманнъ (Mém. de l'Acad. de Belgique, XXXIV (1864), 25) относилъ τὰ μεγάλα къ сюжетамъ («историческая живопись»). Робертъ (Archäol. Märchen, 52; Marathonsschlacht, 87) и Вейцзеккеръ (Polygnot's Gemälde, 10, 1) также невѣрно переводятъ τὰ μεγάλα—«Das Erhabene». Напротивъ правильно говоритъ на основаніи Эліана Бруннъ [Gesch. d. gr. Künstler, II, 29 (42)]: «Polygnot malte im grossen, idealen Style». Ср. также Murray, Handbook of greek archaeology, 366: «Aelian... speaks of the largeness of the work of Polygnotos, meaning largeness of style». Уже К. О. Мюллеръ и Велькеръ (Handb. d. Arch. d. Kunst, § 135, 3) вѣрно понимаютъ τὰ μεγάλα мѣста Эліана: «Dionysios erreicht Polygnot's ausdrucksvolle und zierliche Zeichnung, aber ohne seine Grossartigkeit und Freiheit». Ср. Schnaase, Gesch. d. bild. Künste bei den Alten, II, 248.

[2]) Ср. Димитрій, περὶ ἑρμηνείας, 14 (Overbeck, SQ., 794); Страбонъ, VIII, p. 372 (Overbeck, SQ., 933) и др.

[3]) Ср. Rudolph, De fontibus, quibus Aelianus in Varia historia componenda usus sit. Leipz. Stud., VII, 18 слл.

Θеофрастъ же писалъ, между прочимъ, и о Полигнотѣ [1]). Можетъ быть, сужденіе Эліана, восходя въ идеяхъ къ Аристотелю, заимствовано имъ у Θеофраста, ученика великаго стагирита.

Діонисій, говоритъ Эліанъ, подражалъ Полигноту въ изображеніи страсти, πάθος [2]).

Мы уже раньше указали на то, что Полигнотъ, благодаря успѣхамъ, оказаннымъ имъ въ техникѣ, былъ первымъ мастеромъ, у фигуръ котораго не было въ лицѣ архаической безжизненности, у котораго впервые вообще является настоящее выраженіе. Теперь мы узнаемъ, что Полигнотъ достигъ въ выраженіи фигуръ весьма многаго. Несмотря на такія скромныя средства выраженія, какими онъ располагалъ (только рисунокъ), Полигноту удавалось нерѣдко достичь самыхъ сильныхъ эффектовъ въ изображеніи страсти. Въ описаніяхъ дельфійскихъ картинъ Полигнота у Павсанія мы находимъ массу указаній на глубоко патетическое выраженіе фигуръ. Печальныя плѣнницы-троянки [3]), удрученное скорбію семейство Антенора [4]), напряженно внимающій, что скажетъ Елена, Демофонтъ [5]), Эласъ, испускающій послѣднее дыханіе [6]), Медуса въ отчаяніи и ужасѣ [7]), маленькій мальчикъ у алтаря [8]), ребенокъ на рукахъ старухи [9]), унылый Θамиридъ [10]), печальные Гекторъ, Сарпедонъ, пораженныя красотой Елены Брисеида, Діомеда и Ифисъ [11]) и т. д., все это доказательства, какъ интересны, богаты и разнообразны были картины Полигнота въ изображеніи сильныхъ душевныхъ волненій [12]).

Бруннъ [13]) справедливо находитъ, что „представлять людей лучшими, чѣмъ они являются въ природѣ“ Полигнотъ, какъ и Фидій, могъ

---

[1]) Плиній, N. H., 7, 205 (Overbeck, SQ., 380).

[2]) О значеніи слова πάθος ср. Bonitz, Aristotel. Stud., V, 44 слл.; Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 215 слл. (πάθος—der unwillkürlich ausbrechende und seiner Natur nach vorübergehende Affect).

[3]) Paus., X, 25, 9 (Overbeck, SQ., 1050, A, 63).

[4]) Ib., 27, 4 (Overbeck, 1050, A, 176).

[5]) Ib., 25, 7 (Overbeck, 1050, A, 51).

[6]) Ib., 26, 4 (Overbeck, 1050, A, 108).

[7]) Ib., 26, 9 (Overbeck, 1050, A, 140).

[8]) Ib., 26, 5 (Overbeck, 1050, A, 116 сл.).

[9]) Ib., 26, 9 (Overbeck, 1050, A, 145).

[10]) Ib., 30, 8 (Overbeck, 1050, B, 184).

[11]) Ib., 25, 4 (Overbeck, 1050, A, 28).

[12]) Весьма часто приводятъ, какъ въ примѣръ выразительности картинъ Полигнота, картину, изображавшую Поликсену (Anthol. gr., III, 147, 5; Overbeck, SQ., 1061). Ср. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 18 (25); Bertrand, Études sur la peinture etc., 42, и др. Мы полагаемъ вмѣстѣ съ Робертомъ (Iliupersis, 25 слл.; Marathonsschlacht, 68 слл.), что нельзя заподозривать чтеніе рукописей, по свидѣтельству коихъ авторомъ этой картины былъ Поликлетъ.

[13]) Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 30 (43) слл.

только такъ, что изображалъ ихъ безъ случайностей и недостатковъ дѣйствительности, такими, какими они должны представляться по ихъ внутренней сущности, соотвѣтственно идеѣ, которую мы о нихъ составили. Типическіе образы героевъ у Полигнота представляли въ первоначальной чистотѣ и ясности воплощеніе тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя опредѣляютъ все существо личности, весь ея характеръ. Полигнотъ, по Аристотелю, былъ ἀγαθὸς ἠθογράφος, хорошимъ изобразителемъ характеровъ, подобно древнимъ трагикамъ (Эсхилу, Софоклу). Онъ давалъ выразительные типы. Все у Полигнота было направлено къ тому, чтобы фигуры давали понятіе о внутренней сущности изображаемаго, представляли тѣ стороны каждаго отдѣльнаго человѣка, которыя у него остаются всегда неизмѣнными, и которыми опредѣляется образъ его дѣйствій, словомъ,—нравственный обликъ человѣка. Это и есть то, что Аристотель, и за нимъ Эліанъ называютъ эѳосомъ [1]). Изъ-за послѣдняго Полигнотъ является несравненно выше Зевксиса.

Благодаря тому, что Полигнотъ высоко понималъ характеры изображаемыхъ имъ героевъ и отличался большою способностью давать ихъ духовные образы, его картины переносили зрителя изъ міра случайностей въ міръ идеальный и тѣмъ возбуждали благородныя чувства, возвышали душу. А такъ какъ цѣль искусства, по ученію Аристотеля, именно и состоитъ въ томъ, чтобы отвлекать человѣка отъ личнаго, преходящаго и случайнаго къ общему, постоянному и закономѣрному и тѣмъ содѣй-

---

[1]) Аристотель, Поэтика, гл. 6: ἔστιν δὲ ἦθος μὲν τὸ τοιοῦτον ὃ δηλοῖ τὴν προαίρεσιν. Ср. гл. 15: ἕξει δὲ ἦθος μέν, ἐὰν... ποιῇ φανερὸν ὁ λόγος ἢ ἡ πρᾶξις προαίρεσίν τινα [ἥ], χρηστὸν δέ, ἐὰν χρηστήν; гл. 6: οὐκ ἔχουσιν ἦθος τῶν λόγων, ἐν οἷς οὐκ ἔστι δῆλον, ὁποῖά τις ἢ προαιρεῖται ἢ φεύγει, ‹ἢ› ἐν οἷς μηδ᾽ὅλως ἔστιν ὅ τι προαιρεῖται ἢ φεύγει ὁ λέγων. Для пониманія слова ἦθος ср. еще Плутархъ, De Alexandri Magni fortuna aut virtute, 2, p. 335 B (Moralia, II, 430 ed. Teubneriana), Плутархъ, De liberis educandis, p. 3 A (Moralia, I, 5, ed. Teubner.). Ср. Vahlen, Über Rangfolge der Theile der Tragödie bei Aristoteles. Symbola Ritschl., 160 слл.; Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 215 («ἦθος—alle einzelnen Züge zur Einheit verknüpfende Individualität, der Character»). Въ общемъ вѣрно поняли слова ἦθος и πάθος у Аристотеля и Эліана уже Pardo di Figueroa, Osservaciones sobra la pintura de los Griegos, 109; Diderot, Éssai sur la peinture, IV, 41 слл.; Böttiger, Archäologie d. Malerei, 263, 266 слл. Неправильно понималъ ἦθος Левекъ: по его мнѣнію, подъ этимъ словомъ у Аристотеля разумѣются характерныя, индивидуальныя черты физіономіи, а не вообще выраженіе, характеризующее нравственный обликъ человѣка (Lévesque, Mémoires de l' Institut, IV, 413). К. О. Мюллеръ и Велькеръ (Handb. d. Archäol. d. Kunst, § 134, 2) понимали также не совсѣмъ точно ἠθογράφος, ἠθικός, какъ «Maler edler Charaktere». Ср. Bertrand, Études sur la peinture et la critique d'art, 39 (...«L'éthographe», c'est à-dire le peintre des moeurs. Il excellait, en effet, dans l'expression morale» etc); Schnaase, Geschichte d. bildenden Künste bei den Alten, II, 247; Murray, Handbook of greek archaeology, 366; Weizsäcker, Polygnot's Gemälde, 3 слл.

ствовать его духовному возвышенію и нравственному облагороженію [1]), то Полигнотъ, въ глазахъ Аристотеля, является идеаломъ художника. Картины Полигнота, поэтому, философъ рекомендуетъ давать смотрѣть юношеству [2]). Картины Павсона и другихъ мастеровъ, которые не даютъ ясныхъ характеристикъ духовнаго облика изображаемыхъ ими лицъ и которые, поэтому, не ἠθικοί, въ глазахъ Аристотеля, не имѣютъ воспитательнаго значенія, и ихъ не слѣдуетъ смотрѣть юношамъ [3]).

Точка зрѣнія Аристотеля на искусство Полигнота совершенно другая, чѣмъ та, которую мы видѣли у Ксенократа, Цицерона, Квинтиліана, Плинія и т. д. Для Ксенократа и др. живописецъ будетъ тѣмъ интереснѣе и выше, чѣмъ больше онъ способенъ достичь въ картинѣ иллюзіи. Полигнотъ, у котораго колоритъ еще только въ зародышѣ, и формы еще только впервые освободились отъ оковъ архаизма, ясное дѣло, съ точки зрѣнія спеціально живописной, имѣющей въ виду лишь средства выраженія, является мастеромъ менѣе интереснымъ, чѣмъ Зевксисъ, Паррасій, Апеллесъ. Наоборотъ, если разсматривать картины Полигнота съ точки зрѣнія ихъ духовнаго содержанія и высшихъ конечныхъ цѣлей искусства, если обращать вниманіе на то, какъ Полигнотъ пластически выражаетъ поэтическія идеи, этотъ художникъ представитъ, конечно, большій интересъ, чѣмъ выше названные позднѣйшіе мастера.

Этими двумя различными точками зрѣнія объясняются и кажущіяся противорѣчія въ оцѣнкѣ Полигнота древними: у однихъ писателей (Ксенократъ) его живопись является колыбелью искусства; у другихъ, наоборотъ, его картины представляютъ идеалъ, самое высшее проявленіе искусства [4]).

Изъ сохранившихся свидѣтельствъ древности, которыя говорятъ о живописи въ эпоху, непосредственно послѣ Греко-Персидскихъ войнъ, мы видимъ, что главнымъ художникомъ эпохи былъ Полигнотъ. Его фигура безусловно доминируетъ надъ всѣми другими [5]). Нѣчто подобное

---

[1]) Ср. E. Zeller, Die Philosophie der Griechen, II, 2, 604 слл., 2-ое изд.; E. Müller, Geschichte d. Theorie d. Kunst, II, 50 слл. Слова Аристотеля о Полигнотѣ, по нашему мнѣнію, сильно говорятъ противъ Бернайса (Zwei Abhandlungen über die Aristotelische Theorie des Drama, 1880), который полагалъ, что драма, по Аристотелю, не преслѣдуетъ моральнаго дѣйствія. Толкованіе Лессинга (Гамбургская драматургія, переводъ Рассадина, 381 слл.), очевидно, правдоподобнѣе.

[2]) Ср. Kekulé, y Bädeker, Griechenland, LXXXVI слл.

[3]) Аристотель, Поэтика, VIII, 5, 7 (Overbeck, SQ., 1079).

[4]) Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 19 (27), 31 (45).

[5]) Ни объ одномъ изъ другихъ художниковъ этой эпохи литературные источники не говорятъ такъ подробно, какъ о Полигнотѣ. Равнымъ образомъ, то, что сообщается

мы раньше видѣли въ скульптурѣ, гдѣ царемъ эпохи является Фидій. Недаромъ древніе такъ часто ставятъ и называютъ Полигнота рядомъ съ Фидіемъ.

И стиль Фидія съ точки зрѣнія средствъ выраженія стоитъ еще далеко не на высотѣ. Достаточно сравнить фигуры фронтоновъ Пареенона, напр., съ Никою Самоеракійскою и съ Герміемъ Праксителя, или фигуры фриза Пареенона съ фигурами фриза галикарнасскаго Мавзолея, чтобы видѣть, насколько послѣднія болѣе развиты по формамъ. Какая разница также у рельефовъ съ изображеніемъ охоты на двухъ саркофагахъ въ Константинополѣ: на одномъ (Ликійскомъ), стиль коего вполнѣ отражаетъ стиль фриза Пареенона [1]), и на знаменитомъ „Александровомъ“ [2])! Съ точки зрѣнія Ксенократа и Антигона [3]) стиль Фидія настолько же ниже стиля вполнѣ развитыхъ скульптуръ эпохи послѣ Лисиппа, какъ и стиль Полигнота въ сравненіи со стилемъ Апеллеса. Наоборотъ, съ точки зрѣнія содержанія и выраженія въ пластикѣ высокихъ идей и Фидій и Полигнотъ, по воззрѣніямъ древнихъ, не имѣли себѣ соперниковъ.

Для насъ важно то, что общій голосъ древности ставитъ живопись Полигнота по значенію наравнѣ съ пластикой Фидія. Этого достаточно для того, чтобъ не сомнѣваться въ огромномъ значеніи живописи Полигнота въ исторіи греческаго искусства и въ выдающемся интересѣ, который она представляетъ для всѣхъ, кто вообще интересуется прекраснымъ [4]).

о другихъ живописцахъ, современникахъ Полигнота, прямо указываетъ, что они не имѣли выдающагося значенія. Ни одному изъ нихъ не приписывается какого-нибудь выдающагося открытія въ области техники. Миконъ былъ, по всей вѣроятности, ученикомъ, и во всякомъ случаѣ послѣдователемъ Полигнота въ искусствѣ. Ср. Robert, Nekyia, 39; Arch. Anz., IV (1889), 142; Marathonsschlacht, 3 слл., 25. Ср. 'Εφ. ἀρχ., 1896, 98 слл. Древнія свидѣтельства о немъ см. у Овербека (SQ., 1080 слл.). Вѣроятно, послѣдователемъ Полигнота былъ и Паненъ (Overbeck, SQ., 1094 слл.). Ср. Robert, Marathonsschlacht, ук. м., 41. О Діонисіи Колофонскомъ (Overbeck, SQ., 1136 и др.) и Плистенетѣ Overbeck, SQ., 1109) мы уже говорили. Изъ другихъ художниковъ этой эпохи сохранились отрывочныя извѣстія объ Аристофонтѣ, братѣ Полигнота (Overbeck, SQ., 1127 слл.), Аглаофонтѣ Младшемъ (ib., 1130 слл.), Агаеархѣ (ib., 1118 слл.), Павсонѣ (ib., 1110 слл.), Еврипидѣ (ib., 1116 слл.) и т. д. См. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 32, 47) слл.

[1]) Hamdy-Bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, pl. XV—XVII; Winter, Arch. Anz., IX (1894), 11 слл., фиг. 4—7.

[2]) Hamdy-Bey et Th. Reinach, pl. XXV слл.; Collignon, Sculpture, II, 214 слл.

[3]) Ср. Robert у Wilamowitz-Möllendorf u. Kiessling, Phil. Untersuch. X, 34 слл.

[4]) Ср. H. von-Rohden, у Baumeister, Denkm., II, 857.

III.

Мы до сихъ поръ ничего не говорили о **композиціи** картинъ Полигнота, потому что прежде всего хотѣли ознакомиться съ тѣмъ, что даютъ о нихъ древнія свидѣтельства. Послѣднія же не говорятъ прямо о томъ, какова была композиція картинъ, въ узкомъ значеніи этого слова. Развѣ только у Эліана подъ ἐν τελείοις возможно разумѣть и совершенство композиціи. Въ виду высокаго интереса картинъ Полигнота изслѣдователи издавна старались выяснить, каковы были композиціи его дельфійскихъ картинъ, такъ какъ только эти картины подробно описаны древними. Описанія эти даетъ Павсаній (кн. X, гл. 25—31; Overbeck, SQ., 1050).

Конечно, весьма важно знать, насколько точны описанія Павсанія. Видѣлъ ли самъ періэгетъ картины, перечисляетъ ли онъ, дѣйствительно, всѣ фигуры, насколько вѣрно сообщаетъ ихъ расположеніе, понималъ ли онъ все, что было на картинахъ, — вотъ вопросы, которые невольно являются при чтеніи Павсанія.

Одно время полагали, что Павсаній часто самъ не видалъ того, что онъ описываетъ, что онъ, главнымъ образомъ, просто компилировалъ сочиненія прежнихъ періэгетовъ [1]) Въ настоящее время все больше и больше приходится убѣждаться въ противномъ. Раскопки Дельфъ, напр., показали, что несомнѣнно періэгетъ самолично побывалъ въ Дельфахъ и описывалъ святыню Аполлона, какъ очевидецъ [2]).

Нападки прежнихъ ученыхъ на Павсанія все болѣе и болѣе оказываются несостоятельными [3]).

Мы, такимъ образомъ, можемъ всецѣло полагаться на Павсанія при описаніи дельфійскихъ картинъ Полигнота.

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи намъ придется постоянно ссылаться на описаніе картинъ Дельфійской лесхи. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ привести полный переводъ текста Павсанія, относящагося къ картинамъ въ лесхѣ. При этомъ мы принимаемъ въ разсчетъ новую рецензію текста, сдѣланную Спиро. Ею пользовался уже Робертъ въ своихъ работахъ, посвященныхъ реставраціи картинъ Полигнота:

---

[1]) Ср. особенно Kalkmann, Pausanias der Perieget. Untersuchungen über seine Schriftstellerei und seine Quellen, 1886.

[2]) Ср. Homolle, B. C. H., XXI (1897), 256 слл.

[3]) Ср. Gurlitt, Über Pausanias, passim. Гурлиттъ опровергаетъ подробно Калькманна.

1) Die Nekyia des Polygnot. 16-es Hallisches Winckelmannsprogramm, 1892; 2) Die Iliupersis des Polygnot. 17 Hall. Winckelmannspr., 1893. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не принимаемъ чтеній Роберта, что всегда и оговариваемъ въ примѣчаніяхъ.

Описаніе лесхи и ея росписи (Павсаній, X, 25—31) [1]).

А. Лесха.

Гл. 25. Надъ источникомъ Кассотидой есть зданіе, въ которомъ— картины Полигнота. Это посвященіе книдянъ. Дельфійцы называютъ зда-

[1]) Такъ какъ различнымъ предлогамъ и нарѣчіямъ, которыми Павсаній обозначаетъ положеніе фигуръ и группъ на картинахъ, часто, главнымъ образомъ, для оправданія той или другой реставраціи картинъ, придавали весьма разнообразныя значенія, мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Мы считаемъ совершенно невозможнымъ однимъ и тѣмъ же словамъ придавать въ текстѣ Павсанія абсолютно различныя значенія. Если бы Павсаній употреблялъ предлоги и нарѣчія такъ произвольно, какъ это считаютъ возможнымъ, напр., Ленорманъ, Гебгардтъ, Вейцеккеръ, Шрейберъ и др., то, по его описанію, рѣшительно нельзя было бы составлять какого бы то ни было представленія о композиціи картинъ Полигнота. На самомъ дѣлѣ, у Павсанія такого произвола въ употребленіи словъ и выраженій нѣтъ. Весьма много спорили насчетъ того, что значитъ у Павсанія ὑπέρ, которое онъ ставитъ то съ родительнымъ, то съ винительнымъ. Ὑπέρ съ родительнымъ совершенно ясно (Діомеда; шкура барса надъ дверью дома Антенора въ «Иліонѣ»; Тиро и Эрифила, Марсій въ «Аидѣ») значитъ «надъ». См. Павсаній, X, 12, 1; ср. Robert, Nekyia, 24. Обозначая постоянно нахожденіе фигуры непосредственно надъ другою, ὑπέρ съ род. у Павсанія можно переводить и словомъ «за», такъ какъ (что увидимъ далѣе) Полигнотъ, ставя фигуры другъ надъ другомъ, выражалъ такъ условно ихъ положеніе и другъ за другомъ.

Не трудно опредѣлить и значеніе ὑπέρ съ винит., принявъ во вниманіе, напр., слѣдующія мѣста того же Павсанія: I, 18, 2; X, 25, 1; здѣсь, очевидно, ὑπέρ значитъ также «надъ», но обозначаетъ не непосредственное нахожденіе надъ предметомъ, по вертикальной, а нѣсколько вкось. Голова деревяннаго коня, Геленъ, Коройбъ въ «Иліонѣ», Фокъ и Іасей въ «Аидѣ» могутъ находиться только надъ тѣми фигурами, отношеніе къ которымъ у нихъ обозначено посредствомъ ὑπέρ съ винит. Антилохъ, Агамемнонъ, Протесилай, Ахиллъ, Патроклъ въ «Аидѣ» находятся, по Павсанію, въ нижней части картины. Павсаній, описывающій всѣ фигуры по порядку, послѣ названныхъ фигуръ упоминаетъ Фока и Іасея, которые ὑπέρ αὐτούς, Мойру, которая ὑπέρ τούτους (надъ Фокомъ и Іасеемъ) и сейчасъ же около Актеона и Автонои, а съ послѣдними мы уже въ верхней части картины: очевидно, ὑπέρ обозначаетъ «надъ». Такъ и понимаютъ ὑπέρ съ винит. у Павсанія Gebhardt, Composition d. Gemälde d. Polygnot, 7 слл.; Robert, Nekyia, 24 слл.; Iiupersis, 19; Marathonsschlacht, 112. По тѣмъ же основаніямъ, по которымъ можно иногда передать на русскій языкъ ὑπέρ съ родит. у Павсанія «какъ разъ за», ὑπέρ съ винит. можно перевести просто «за». Ср. A. Rüger, Die Präpositionen bei Pausanias, Bamberg, 1889, 52 слл. Но всегда ὑπέρ обозначаетъ нахожденіе выше и не можетъ, какъ ошибочно принимаютъ многіе, у Павсанія значитъ «за, потомъ», «далѣе въ горизонтальномъ направленіи». Ср. Lenormant, Mém. de l'Acad. de Belgiqne, XXXIV (1864), 85; Hermann, Epikritische Betrachtungen über die polygnotische Gemälde, 34; Welcker, Die Composition der polygnotischen Gemälde, 50; Kayser, Münchener gel. Anz., 1849, 226, 787; Overbeck, Antepikritische Bemerkungen etc., Rhein. Mus., N. F., VII (1850), 448; Siebelis,

ніе лесхой отъ того, что въ древнія времена они сходились сюда и разговаривали какъ о болѣе важныхъ дѣлахъ, такъ и о такихъ, какія относятся къ области небылицъ. Что такого рода зданій много было по всей Греціи, видно изъ Гомера, у котораго Меланѳо (Od. XVIII, 328 слл.) такъ бранитъ Одиссея:

…„не хочешь,
„Видно, искать ты ночлега въ кузницѣ, или въ закутѣ,
„Или въ шинкѣ (лесхѣ), здѣсь, конечно, пріятнѣй тебѣ“.

2. И вотъ, если войти въ это зданіе (лесху Дельфъ), то вся часть росписи, которая будетъ по правую руку, изображаетъ взятый Иліонъ и отплытіе эллиновъ.

B. „Иліонъ“.

Менелая снаряжаютъ къ отъѣзду. Написанъ корабль, и на немъ— мужчины и въ перемѣшку съ ними дѣти. По серединѣ корабля изображенъ кормчій Фронтидъ, держащій два шеста. У Гомера (Од., III, 278 слл.) Несторъ, между прочимъ, говоритъ Телемаху и о Фронтидѣ, именно то, что Фронтидъ—сынъ Онетора и что онъ былъ менелаевымъ кормчимъ, весьма опытнымъ въ своемъ дѣлѣ; что, когда проплылъ онъ уже мимо Сунія (что въ Аттикѣ), настигъ его рокъ; и Менелай, до этихъ поръ совершавшій плаваніе вмѣстѣ съ Несторомъ, тогда прервалъ вслѣдствіе этого путешествіе, чтобы почтить Фронтида памятникомъ и другими почестями, кои подобаютъ умершимъ. 3. Вотъ этотъ-то Фронтидъ—и на картинѣ Полигнота. А подъ нимъ изображены нѣкій Иѳеменъ, несущій одежду, и Эхіактъ, сходящій съ корабля по лѣстницѣ и держащій мѣдную гидрію (сосудъ для ношенія воды). Разбираютъ и палатку менелаеву, которая находится недалеко отъ

въ его изд. Павсанія, IV, 280; Wachsmuth, Die Stadt Athen, I, 175 слл.; Schreiber, Festschrift f. Overbeck, 201; Wandbilder d. Polygnotos, 22 слл. «За, далѣе въ направленіи горизонтальномъ» у Павсанія передается черезъ ἐφεξῆς, μετά, ἐφεξῆς μετά. Ср. Gebhardt, ук. м.; Robert, Nekyia, 23. Предлогомъ παρά и словомъ συνεχής обозначается отношеніе фигуръ, составляющихъ тѣсныя группы. Ср. Gebhardt, ук. м.; Robert, ук. м. Ὑπό съ винит. и дательнымъ обозначаетъ «подъ», какъ противоположное ему ὑπέρ съ винит. и родит.—«надъ». Ср. Robert, Nekyia, 24. Ср. еще Павсаній, I, 27, 4; X, 10, 1. 2.

Ἐπί съ дат., которое нѣсколько разъ, яко бы по требованію смысла, измѣняли въ текстѣ Павсанія, относящемся къ картинамъ Полигнота (см. переводъ), можетъ у Павсанія значитъ «подъ». Ср. Павсаній, X. 24, 7. Ср. Schubart, Arch. Ztg., XX (1862), 233 слл.; U. Schaarschmidt, De ἐπί praepositionis apud Pausaniam perieg. vi et usu, 48; Schreiber, Festschrift f. Overbeck, 203. По нашему мнѣнію, у Павсанія вездѣ въ описаніи полигнотовыхъ картинъ можно удержать чтеніе рукописей—ἐπί (X, 26, 3; 31, 11; Overbeck, SQ., 1050, A, 106; B, 265).

корабля, Политъ, Строфій и Алфій; а другую палатку разбираетъ Амфіалъ. Какъ разъ подъ ногами Амфіала изображенъ сидящій мальчикъ. У мальчика нѣтъ надписи на картинѣ. Борода изъ всѣхъ названныхъ фигуръ—только у Фронтида. И только этого одного имя художникъ взялъ изъ Одиссеи. Имена же прочихъ лицъ, какъ мнѣ кажется, придумалъ самъ Полигнотъ.

4. Стоитъ далѣе Брисеида, какъ разъ надъ нею—Діомеда, а предъ ними обѣими Ифисъ; онѣ созерцаютъ красоту Елены. Сидитъ и сама Елена; а близь нея—Еврибатъ. Послѣдній, мы думаемъ, глашатай Одиссея: онъ (Еврибатъ) былъ еще безъ бороды. Изображены также служанки Электра и Панѳалида; послѣдняя стоитъ возлѣ Елены, Электра же подвязываетъ госпожѣ сандаліи. У Гомера въ Иліадѣ, тамъ, гдѣ поэтъ изобразилъ (III, 144), какъ Елена и вмѣстѣ съ нею двѣ служанки идутъ на стѣну Трои, имена служановъ другія, а не тѣ, которыя далъ имъ на картинѣ Полигнотъ. 5. Надъ Еленой сидитъ человѣкъ, закутавшійся въ пурпуровый гиматій (большой плащъ), въ глубокой печали. Что это Геленъ, сынъ Пріама, можно заключить и ранѣе, чѣмъ прочтешь надпись на картинѣ у этой фигуры. Близь Гелена представленъ Мегетъ. Мегетъ раненъ въ руку, какъ говоритъ о немъ Лесхъ, сынъ Эсхилина, изъ Пирры, въ своей „Гибели Иліона". Лесхъ сообщаетъ, что Мегетъ былъ раненъ Адметомъ, сыномъ Авгія, въ подмышку [1]) тогда, когда троянцы сражались въ ночь гибели своего города. 6. Написанъ возлѣ Мегета и Ликомедъ, сынъ Креонта; у него рана на кисти руки. Лесхъ говоритъ, что такъ именно Ликомедъ былъ раненъ Агеноромъ. И вотъ очевидно, что Полигнотъ у этихъ грековъ не написалъ бы такихъ ранъ, если бы не читалъ поэмы Лесха. Полигнотъ, однако, прибавилъ еще Ликомеду вторую рану, на лодыжкѣ, и третью, на головѣ. Раненъ и Эвріалъ, сынъ Мекистея—Эвріалъ изображенъ далѣе на картинѣ—въ голову и на рукѣ, въ кисть. 7. Эти всѣ па картинѣ находятся выше Елены. Сейчасъ же далѣе за Еленой изображены мать Ѳесея (Эѳра), гладко остриженная, и изъ сыновей Ѳесея—Демофонтъ, который, судя по его виду, въ волненіи насчетъ того, удастся ли ему спасти Эѳру [2]). 8. Лесхъ объ Эѳрѣ сообщаетъ, что, когда брали Иліонъ, она, удалившись оттуда, пришла въ станъ эллиновъ, и была узнана дѣтьми Ѳесея, и что Демофонтъ про-

---

[1]) Читаемъ вмѣстѣ съ Робертомъ: τρωθῆναι δὲ ὑπὸ τὴν μασχάλην τοῦτον, ἡνίκα ἐν τῇ νυκτί etc.

[2]) Выпускаемъ замѣчаніе Павсанія о сынѣ Ѳесея Меланиппѣ, какъ совершенно лишнее при описаніи картины.

силъ ее у Агамемнона; послѣдній же сказалъ, что онъ непрочь исполнить его просьбу, но сдѣлаетъ это не раньше, чѣмъ на то согласится Елена; Агамемнонъ послалъ глашатая къ Еленѣ, которая и согласилась на просьбу Демофонта. И вотъ на картинѣ Полигнота представлено, какъ Еврибатъ пришелъ къ Еленѣ по дѣлу Эѳры и сообщаетъ то, что ему поручено Агамемнономъ.

9. Троянскія женщины, которыя изображены далѣе, представлены уже плѣнными и печальными. Написана Андромаха; передъ ней стоитъ ея сынъ, который хватается за ея грудь. Послѣдній, говоритъ Лесхъ, нашелъ кончину, будучи сброшенъ съ башни, правда, не по рѣшенію эллиновъ: Неоптолемъ самовольно и самъ рѣшилъ сдѣлать это. Написана также Медесикаста; и она — изъ побочныхъ дочерей Пріама. О ней говоритъ Гомеръ (Ил., XIII, 171 слл.), что она выселилась изъ Трои въ городъ Педей и жила тамъ съ мужемъ своимъ Имбріемъ, сыномъ Ментора.

10. У Андромахи и Медесикасты на головѣ покрывала; у Поликсены же волосы на головѣ, какъ обычно носятъ дѣвицы, зачесаны наверхъ въ узелъ. Что Поликсена была умерщвлена на могилѣ Ахилла, говорятъ и поэты и картины, имѣющія отноношеніе къ трагической судьбѣ Поликсены,—картины, которыя я видѣлъ въ Аѳинахъ и въ Пергамѣ, что за Каикомъ.

11. Написалъ Полигнотъ и Нестора, у котораго на головѣ пилосъ (дорожная шапка), а въ рукахъ копье. Конь (что около Нестора) имѣетъ такую позу, будто ему хочется поваляться на землѣ. До коня продолжается морской берегъ, и на немъ видны камешки. Начиная же отсюда, далѣе, на картинѣ нѣтъ моря.

Гл. 26.

1. Кверху отъ женщинъ, что между Эѳрой и Несторомъ, находятся Климена, Креуса, Аристомаха и Ксенодика. И это также плѣнницы. Климену въ числѣ плѣнницъ считаетъ Стесихоръ въ его „Гибели Иліона“. Равно также авторъ „Возвращеній“ въ своей поэмѣ говоритъ объ Аристомахѣ, которая, по его сообщенію, была дочь Пріама и жена Критолая, сына Гикетаона. Но я не знаю ни поэта и никого изъ логографовъ, который упоминалъ бы о Ксенодикѣ. Что касается Креусы, то разсказываютъ про нее, что Матерь боговъ и Афродита избавили ее отъ рабства у эллиновъ, ибо Креуса была женою Энея. Лесхъ, однако, и „Кипрскій эпосъ“ передаютъ, что женою Энея была Евридика, а не Креуса.

2. Написаны на ложѣ [1]) надъ этими женщинами Деинома, Метіоха, Писисъ и Клеодика. Изъ этихъ имя одной только Деиномы встрѣчается въ такъ называемой „Малой Иліадѣ"; имена же другихъ, мнѣ кажется, придумалъ Полигнотъ.

Написанъ и Эпій нагой; онъ сравниваетъ съ землей стѣну троянцевъ. Выступаетъ надъ стѣною одна только голова деревяннаго коня.

Написаны далѣе сынъ Пириѳа Полипитъ, у котораго голова повязана теніей (лентой), и около него сынъ Ѳесея Акамантъ, у котораго на головѣ шлемъ; на шлемѣ сдѣланъ гребень.

3. Изображенъ и Одиссей [и сейчасъ же далѣе Діомедъ] [2]). Одиссей изображенъ въ панцырѣ; Эантъ Оилеевъ со щитомъ стоитъ у алтаря и клянется по поводу преступленія, имъ совершеннаго надъ Кассандрой. Послѣдняя сидитъ на землѣ и держитъ идолъ Аѳины, а Эантъ даетъ клятвенное показаніе насчетъ того, сдвинулъ ли онъ статую богини съ ея пьедестала, когда оттащилъ Кассандру отъ убѣжища у алтаря [3]).

Написаны и сыновья Атрея, и у нихъ на головахъ шлемы. У Менелая же, который держитъ щитъ, на послѣднемъ сдѣланъ драконъ, такъ какъ драконъ явился въ Авлидѣ, при жертвоприношеніи, ради знаменія.

4. Подъ этими [4]), приводящими къ присягѣ Эанта, по прямой линіи отъ коня, который около Нестора, — Неоптолемъ, убившій какого-то Эласа. Эласъ представленъ еще слабо дышащимъ. Неоптолемъ поражаетъ кинжаломъ павшаго на колону Астиноя, о которомъ упомянулъ и Лесхъ. Изъ грековъ только одного Неоптолема Полигнотъ представилъ еще убивающимъ троянцевъ, потому что для могилы Неоптолема должна была быть создана вся его картина. Сыну Ахилла Гомеръ даетъ имя Неоптолема въ своихъ поэмахъ, „Кипрскій" же эпосъ говоритъ, что Ликомедомъ дано было сыну Ахилла имя Пирра, имя же Неоптолема

---

[1]) Читаемъ по рукописямъ: ἐπὶ κλίνης.

[2]) «καὶ 'Οδυσσεύς τέ ἐστι [καὶ Διομήδης ἐφεξῆς γυμνὸς τὸν ἕτερον ἐπὶ πέτρας τῶν ποδῶν ἔχων] καὶ ἐνδέδυκε θώρακα ὁ 'Οδυσσεύς». «Sic ludibundus lacunam explevi, quam statuendam esse postea docebo» Robert. Мы согласны съ Робертомъ, что здѣсь пропущено имя Діомеда и читаемъ все, какъ дополняетъ Робертъ, только въ скобкахъ оставляемъ лишь: [καὶ Διομήδης ἐφεξῆς].

[3]) Читаемъ вслѣдъ за Робертомъ въ текстѣ Павсанія такъ: ...ἐς Κασσάνδραν τολμήματος, ἣ δὲ κάθηταί τε ἡ Κασσάνδρα χαμαί etc..., εἴγε δὴ ἐνέτρεψεν etc.

[4]) Слѣдуемъ въ чтеніи текста Роберту: ἐπὶ τούτοις τον Αἴαντα ἐξορκοῦσι κατ' εὐθὺ δὲ etc., но только оставляемъ рукописное ἐπί.

дано ему Финикомъ, потому что Ахиллъ началъ воевать еще юнымъ по возрасту.

5. Далѣе написанъ жертвенникъ, и маленькій мальчикъ въ страхѣ хватается за жертвенникъ. На жертвенникѣ лежитъ мѣдный панцырь. Въ мое время такого вида панцыри были рѣдкостью, въ древнее же время носили такіе панцыри. У нихъ было двѣ мѣдныхъ части: одна, приходящаяся на грудь и на животъ, и другая—для прикрытія спины: эти части назывались „выпуклостями"; одну прикладывали спереди, другую сзади, затѣмъ прикрѣпляли ихъ другъ къ другу пряжками.

6. Казалось, что такой панцырь даетъ достаточную безопасность и безъ щита, и Гомеръ (Ил., XVII, 312 слл.) вывелъ Форкина фригійца безъ щита, потому что у него былъ панцырь съ выпуклостями. Я же видѣлъ такой панцырь, какой изобразилъ Полигнотъ, еще на картинѣ въ храмѣ Артемиды Эфесской, гдѣ Каллифонтъ самосецъ написалъ женщинъ, которыя прилаживаютъ выпуклости панцыря Патроклу.

7. По другую сторону жертвенника Полигнотъ написалъ стоящую Лаодику. Ея упоминанія я не нашелъ у поэтовъ среди плѣнныхъ троянокъ, и вѣроятнымъ мнѣ кажется не иное что, какъ то, что Лаодика была оставлена эллинами свободною [1]). Гомеръ указалъ въ Иліадѣ (III, 204 слл.) на оказаніе Менелаю и Одиссею гостепріимства у Антенора и на то, что Лаодика была замужемъ за сыномъ Антенора Геликаономъ (III, 122 слл.).

8. Лесхъ же говоритъ, что Геликаонъ, раненый въ послѣднюю ночную битву, былъ узнанъ Одиссеемъ, и его живымъ унесъ послѣдній изъ битвы. Вѣроятно, вслѣдствіе заботливости Менелая и Одиссея о домѣ Антенора произошло и то, что и съ женою Геликаона ничего не сдѣлали Агамемнонъ и Менелай. Евфоріонъ халкидскій совершенно неправдоподобно изложилъ судьбу Лаодики.

9. Сейчасъ же далѣе за Лаодикой изображена каменная подставка, и на этой подставкѣ мѣдный лутерій (тазъ). Медуса, охвативъ обѣими руками подставку, сидитъ на землѣ. И Медусу, по одѣ гимерца (Стесихора), можно считать одною изъ дочерей Пріама. Рядомъ же съ Медусой гладко остриженная старуха (или евнухъ) держитъ на колѣняхъ нагого ребенка. Послѣдній въ ужасѣ приложилъ руку къ глазамъ.

---

[1]) Читаемъ по Роберту: οὔτε ἄλλως ἔχει μοι τὸ εἰκὸς ἢ etc.

Гл. 27.

1. Изображены далѣе павшіе: нагой, по имени Пелисъ, распростертъ на спинѣ; подъ Пелисомъ лежатъ Эіоней и Адметъ, еще оба въ панцыряхъ. Изъ нихъ Эіоней, какъ говоритъ Лесхъ, былъ убитъ Неоптолемомъ, а другой—Филоктетомъ. Написаны и другіе павшіе, выше послѣднихъ: подъ [1]) лутеріемъ—сынъ Полидаманта Леокритъ, убитый Одиссеемъ; а надъ Эіонеемъ и Адметомъ – Коройбъ, сынъ Мигдона. Видный памятникъ Мигдона сдѣланъ въ странѣ стекторенійскихъ фригійцевъ, и отъ Мигдона поэты стали давать имя мигдонцевъ фригійцамъ. Коройбъ явился въ Иліонъ, чтобы вступить въ бракъ съ Кассандрой; убитъ же былъ онъ, по словамъ большинства, Неоптолемомъ, а, по Лесху, его убилъ Діомедъ.

2. Изображены мертвые и выше Коройба: Пріамъ, Аксіонъ и Агеноръ. Пріамъ, какъ сообщаетъ Лесхъ, нашелъ кончину не на алтарѣ Зевса Защитника, а, оттащенный отъ алтаря, онъ былъ мимоходомъ убитъ Неоптолемомъ у дверей собственнаго дома [2]). Про Гекабу же Стесихоръ сообщилъ въ „Гибели Иліона“, что она была унесена Аполлономъ въ Ликію. Аксіонъ, по Лесху, былъ сынъ Пріама и убитъ былъ Еврипиломъ, сыномъ Евемона. Агенора, по тому же самому поэту, убилъ Неоптолемъ. Такимъ образомъ, вѣроятно, сынъ Агенора Эхеклъ былъ умерщвленъ Ахилломъ, самъ же Агеноръ—Неоптолемомъ.

3. Потомъ представлены Синонъ, товарищъ Одиссея, и Анхіалъ, уносящіе трупъ Лаомедонта. Написанъ и другой павшій, которому имя Эресъ. Судьбу Эреса и Лаомедонта, насколько мы знаемъ, не воспѣвалъ никто.

Далѣе изображенъ домъ Антенора, и какъ разъ надъ входомъ въ него виситъ шкура барса,—условный знакъ для эллиновъ, чтобы они щадили домъ Антенора. Написаны и Θеано и дѣти ея: Главкъ сидитъ на панцырѣ съ выпуклостями, и Евримахъ—на камнѣ. Возлѣ послѣдняго стоитъ Антеноръ, и сейчасъ же далѣе—дочь Антенора Крино. Она держитъ на рукахъ малаго младенца. У всѣхъ у нихъ выраженіе лицъ, какъ въ несчастіи.

Изображены тутъ и слуги, укладывающіе на осла ящикъ и дру-

---

[1]) Робертъ читаетъ по La: ὑπὸ μὲν etc.

[2]) Интересное подтвержденіе свидѣтельству Павсанія даетъ надпись на одной вазѣ Берлинскаго музея, на которой изображены сцены гибели Трои (ваза издана Винтеромъ, Jahrb. d. Inst., XIII (1898), Табл. 5 и рис. на стр. 83). Надпись гласитъ слѣдующее: «κατὰ τὸν ποιητὴν Λέσχην ἐκ τῆς μικρᾶς Ἰλιάδος καταφυγόντος τοῦ Πριάμου ἐπὶ τὸν βωμὸν Ἑρκείου Διὸς ἀποσπάσας ὁ Νεοπτόλεμος ἀπὸ τοῦ βωμοῦ πρὸς τῇ οἰκίᾳ κατέσφαξεν».

гія вещи. На ослѣ [1]) сидитъ еще маленькій ребенокъ. Въ этомъ мѣстѣ картины находится и надпись въ стихахъ Симонида:

„Разрушаемый акрополь Иліона написалъ Полигнотъ, родомъ ѳасосецъ, сынъ Аглаофонта".

C. „Аидъ".

(Подземное царство).

Гл. 28.

1. Другая часть росписи лесхи, часть съ лѣвой руки (по входѣ въ зданіе), представляетъ Одиссея, сошедшаго въ такъ называемый Аидъ, чтобы вопросить душу Тиресія о возвращеніи домой. Вотъ что изображаетъ картина.

Написанная вода представляетъ рѣку; очевидно, это Ахеронтъ. Въ немъ растетъ камышъ и плаваютъ рыбы; но ихъ образы настолько не ясны, что ихъ скорѣе можно принять за тѣни, чѣмъ за настоящихъ рыбъ. И ладья представлена на рѣкѣ, а на ней кормчій при веслахъ. 2. Мнѣ кажется, Полигнотъ слѣдовалъ здѣсь поэмѣ Миніадѣ, такъ какъ въ ней есть такіе стихи, касающіяся Ѳесея и Пириѳоя:

„Тамъ они не застали у пристани ладьи для перевозки умершихъ, ладьи, которую возилъ старикъ кормчій Харонъ".

Поэтому и Полигнотъ написалъ Харона уже старикомъ. 3. Не всѣмъ [2]) понятно, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу сидящіе въ ладьѣ. Это — Теллидъ, по возрасту, можно сказать, старикъ [3]) и Клеобія еще дѣвушка. У Клеобіи на колѣняхъ ящикъ, такой, какіе дѣлаютъ обыкновенно для Деметры. Относительно Теллида я слыхалъ, что поэтъ Архилохъ былъ потомкомъ Теллида въ третьемъ поколѣніи. Про Клеобію же разсказываютъ, что она первая принесла на Ѳасосъ съ Пароса таинства Деметры.

4. На берегу Ахеронта [4]), подъ ладьей Харона изображенъ не почитавшій своего отца человѣкъ, который испытываетъ му-

---

[1]) По нашему въ текстѣ Павсанія выпало ἐπὶ τοῦ ὄνου. Ср. Schubart, Zeitschr. f. Alterthumsw., 1855, 413.

[2]) Читаемъ съ Робертомъ: οὐκ ἐπιφανεῖς ἐς ἅπαντάς εἰσιν οἷς προσήκουσι, Τέλλις etc.

[3]) Читаемъ съ Робертомъ: ἡλικίαν γέρων ὡς φαίης ἂν etc.

[4]) ...'Αχέροντος τῇ ὄχθῃ μάλιστα τῷ θεασαμένῳ μνήμης ἄξιον, ὅτι ὑπὸ τοῦ Χάρωνος etc. читаетъ Робертъ. Мы слѣдуемъ Шуберту и Овербеку.

ченія отъ отца. Древніе обращали очень большое вниманіе на родителей... 5... [1]).

На картинѣ Полигнота близъ человѣка, который оскорблялъ отца и за это претерпѣваетъ мученія въ Аидѣ, — близъ него наказуется святотатецъ. Женщина, наказывающая его, знаетъ между прочимъ, яды и для мученія людей. 6... [2]). Божество, такимъ образомъ, всѣ тогда почитали, и по этой причинѣ написалъ Полигнотъ группу со святотатцемъ на своей картинѣ.

7. Выше названныхъ фигуръ изображенъ Евриномъ. Дельфійскіе эксегеты (проводники) говорятъ, что Евриномъ—одинъ изъ находящихся въ Аидѣ демоновъ, и что онъ пожираетъ плоть у мертвыхъ, оставляя у нихъ одни кости. Ни Одиссея Гомера, ни такъ-называемая Миніада, ни „Возвращенія",—и въ этихъ поэмахъ есть упоминаніе объ Аидѣ и находящихся тамъ ужасахъ,—не знаютъ вовсе демона Еврінома. Я же укажу только на то, каковъ Евриномъ и его обликъ на картинѣ Полигнота. Цвѣтъ его кожи — средній между синимъ и чернымъ, такой, какого бываютъ мухи, которыя садятся на мясо. Евриномъ оскалилъ зубы и сидитъ на подостланной подъ нимъ шкурѣ коршуна [3]).

8. Сейчасъ же далѣе за Евриномомъ изображена Авга, изъ Аркадіи, и Ифимедія. Авга пришла въ Мисію къ Тевѳранту и изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми, по преданіямъ, сходился Гераклъ, она родила сына, наиболѣе похожаго на отца. Ифимедіи же воздаются большія почести карійцами въ городѣ Миласахъ.

Глава 29.

1. Выше всѣхъ фигуръ, которыя уже были приведены мною,—товарищи Одиссея Перимедъ и Еврилохъ, несущіе жертвенныхъ животныхъ; послѣднія—черные бараны.

Далѣе за Перимедомъ и Еврилохомъ изображенъ сидящій человѣкъ; надпись сообщаетъ, что это — Окнъ. Онъ представленъ плетущимъ веревку. Стоящая же возлѣ него ослица поѣдаетъ все время то, что онъ сплетаетъ. Про этого Окна говорятъ, что онъ былъ трудолюбивый человѣкъ, но имѣлъ расточительную жену; и все, что онъ ни скоплялъ отъ работы, немного послѣ спускала жена. 2. На этотъ

---

[1]) Опускаемъ примѣръ почитанія родителей въ древности, который приводитъ далѣе Павсаній, какъ мѣсто, не дающее ничего для композиціи или для пониманія картины.

[2]) Примѣры, которые приводитъ здѣсь Павсаній, опять опускаемъ.

[3]) Въ Nekyia, 8. Робертъ читалъ вм. рукописнаго γυπός-λυγκός, но отказался отъ этого въ Marathonsschlacht, 119. Поттье на своихъ лекціяхъ въ École du Louvre въ 1897 г. въ Парижѣ (я имѣлъ удовольствіе быть слушателемъ Поттье) предлагалъ остроумную поправку Γρυπός (изъ чего палеографически необыкновенно легко могло явится γυπός).

разсказъ о женѣ Окна хотятъ видѣть намекъ у Полигнота. Я знаю также, что у іонійцевъ, когда видятъ кого-нибудь, кто трудится надъ дѣломъ, не приносящимъ никакой пользы, говорятъ, что этотъ человѣкъ плететъ веревку Окна [1])...

3. Написанъ и Титій, все еще наказуемый [2]); но, вслѣдствіе непрерывности наказанія, онъ представляетъ совершенно пропадающій, неясный и не цѣлый образъ [3]).

Если разсматривать картину непосредственно далѣе, то ближе всего къ человѣку, плетущему веревку, будетъ Аріадна. Она сидитъ на камнѣ и смотритъ на сестру Федру, которая повисла на веревкѣ, держась за нее руками съ двухъ сторонъ. Поза Федры,—хотя она сдѣлана очень красиво, — даетъ намекъ на то, какъ Федра покончила жизнь. 4. Аріадну же похитилъ у Θесея Діонисъ, приплывъ съ большимъ флотомъ, вслѣдствіе ли простой счастливой случайности, или прямо съ намѣреніемъ похитить дѣвушку... [4])... 5...

Подъ Федрой изображена Хлорида, возлежащая на колѣняхъ Θіи. Не ошибется тотъ, кто скажетъ, что эти женщины при жизни были въ дружбѣ другъ съ другомъ. Были же онѣ—Хлорида изъ Орхомена, что въ Віотіи, а Θія—дочь Касталія, съ Парнасса [5]). Другіе [6]) могли бы сказать опять и то, что съ Θіей имѣлъ сношенія Посидонъ, а Хлорида сожительствовала съ сыномъ Посидона Нелеемъ.

6. Возлѣ Θіи стоятъ Прокрида, дочь Эрехθея, и за ней Климена. Послѣдняя стала къ Прокридѣ спиной. Въ „Возвращеніяхъ“ раз-

---

[1]) Опускаемъ нелѣпую вставку Павсанія на счетъ птицы ὄχνος.

[2]) Читаемъ по La ὁ κολαζόμενος. Такъ читалъ и Робертъ въ Nekyia, 10. Въ Marathonsschlacht, 119, онъ напрасно возвращается къ чтенію οὐ κολαζόμενος. Та реставрація, которую Робертъ предлагаетъ въ Marathonsschlacht, ошибочна. Οὐ κολαζόμενος читаютъ и Шрейберъ (Festschrift für Overbeck, 190) и Шёне (Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 208). По нашему мнѣнію, съ чтеніемъ οὐ κολαζόμενος едва ли можно согласить συνεχοῦς τῆς τιμωρίας.

[3]) Конечно, въ этихъ словахъ нельзя усматривать указанія на то, что картина въ въ этомъ мѣстѣ была испорчена, какъ думали Шрейберъ (ук. соч., 190, 1) и Жираръ (De l'expression des masques dans les drames d'Eschyle, 50, 5). Шёне (ук. соч., 209) невѣрно понимаетъ слово ὁλόκληρον. Ср. объ этомъ ниже. 'Ες ἅπαν ἐξανηλωμένος разъясняется дальнѣйшими ἀμυδρὸν καὶ οὐδὲ ὁλόκληρον (Schöne, ук. м.). Титій, вѣроятно, былъ, какъ εἴδωλον (см. X, 28, 1; Overbeck, SQ., 1050, B, 6, о рыбахъ въ Ахеронтѣ), окрашенъ неяркою краской. Ср. переводъ этого мѣста Павсанія у Амасея. Ср. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 22 (32). Это значитъ ἀμυδρόν (неясный). «Не цѣлый» обозначаетъ, что только часть фигуры была видна на картинѣ, остальная же часть закрывалась неровностями почвы. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 119.

[4]) Опускаемъ не относящіяся къ дѣлу слова Павсанія о Діонисѣ, городѣ Зевгмѣ и т. д.

[5]) ἦσαν γὰρ δὴ ἣ μὲν ἐξ 'Ορχομενοῦ τοῦ ἐν Βοιωτίᾳ, ἣ Χλῶρις, ἣ δὲ Κασταλίου θυγάτηρ ἀπὸ τοῦ Παρνασσοῦ. Robert.

[6]) εἶπον δ'ἂν καὶ ἄλλοι τὸν ἐς αὐτὰς λόγον etc. Robert.

сказывается, что Климена была дочь Минія, что на ней женился Кефалъ, сынъ Деіона, и что у нихъ родился сынъ Ификлъ. Что касается Прокриды, то всѣ поэты сообщаютъ, какъ она была раньше, чѣмъ Климена, женою Кефала, и какимъ образомъ нашла смерть отъ своего мужа.

7. Дальше отъ Климены, по направленію къ центру картины, увидишь Мегару изъ Өивъ. Эту Мегару имѣлъ женою Гераклъ, но черезъ нѣкоторое время отослалъ ее отъ себя, такъ какъ лишился дѣтей, родившихся отъ нея, и считалъ, что женился на ней не въ добрый часъ.

Какъ разъ надъ головами названныхъ женщинъ изображена дочь Салмонея (Тиро) сидящею на камнѣ, и рядомъ съ нею стоитъ Эрифила. Подъ хитономъ, куда она спрятала руки, у шеи замѣтны концы ея пальцевъ; можно подумать, что она держитъ тамъ подъ ладонями извѣстное ожерелье [1]).

8. Надъ Эрифилой написалъ Полигнотъ Эльпенора и Одиссея, который присѣлъ и держитъ мечъ надъ ямой. Прорицатель Тиресій выступаетъ впередъ къ ямѣ. За Тиресіемъ на камнѣ изображена мать Одиссея Антиклія. У Эльпенора одеждою служитъ плащъ изъ рогожи, какой обыкновенно носятъ моряки.

9. Ниже Одиссея сидятъ на тронахъ Өесей и Пириөой, причемъ Өесей держитъ въ обѣихъ рукахъ мечи — пириөоевъ и свой, а Пириөой смотритъ на мечи. Можно понять, что Пириөой досадуетъ на то, что мечи эти оказались ненужными и не представившими пользы въ дерзновенныхъ поступкахъ, которые задумалъ онъ съ Өесеемъ. Паніасисъ сообщаетъ, что Өесей и Пириөой на тронахъ (въ Аидѣ) не были прикованы, но, вмѣсто цѣпей, удерживалъ ихъ на мѣстѣ камень, приросшій къ ихъ кожѣ. Дружбу Өесея и Пириөоя, о которой много говорятъ, засвидѣтельствовалъ Гомеръ въ своихъ поэмахъ. Одиссей (Од., XI, 630 слл.) говоритъ феакійцамъ:

«Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
«Славныхъ, богами рожденныхъ, Өесея царя, Пириөоя».

У него же въ Иліадѣ (I, 262 слл.) Несторъ, успокаивая Агамемнона и Ахилла, между прочимъ, говоритъ слѣдующія слова:

---

[1]) Это весьма трудное мѣсто Павсанія, которое Робертъ, Nekyia, 11, думалъ разъяснить конъектурой, блестяще объяснилъ Six, Ath. Mitt. XIX (1894), 337. Робертъ, Marathonsschlacht, принялъ объясненіе Сикса (стр. 121). Все мѣсто читается, какъ въ рукописяхъ, и только надо принять вставку Бутманна (ἐντός): «Ἐριφύλη παρ' αὐτὴν ἑστῶσα, διὰ μὲν τοῦ χιτῶνος ἀνέχουσα ἄκρους παρὰ τὸν τράχηλον τοὺς δακτύλους, τοῦ χιτῶνος δὲ [ἐντὸς] ἐν τοῖς κοίλοις εἰκάσεις τῶν χειρῶν ἐκεῖνον τὸν ὅρμον αὐτὴν ἔχειν». Шрейберъ (Festschrift für Overbeck, 191) принимаетъ коньектуру Роберта.

«Нѣтъ, подобныхъ мужей не видалъ я и видѣть не буду
«Воевъ, каковъ Гириѳой и Дріасъ, предводитель народовъ,
«Грозный Эксадій, Кеней, Полифемъ, небожителямъ равный
«И рожденный Эгеемъ, Ѳесей, безсмертнымъ подобный».

Глава 30.

1. Сейчасъ же далѣе написалъ Полигнотъ дочерей Пандарея. У Гомера есть въ словахъ Пенелопы (Од., XX, 66 слл.), что у этихъ дѣвушекъ, вслѣдствіе гнѣва боговъ, умерли родители; ихъ, оставшихся сиротами, вскормила Афродита; унаслѣдовали онѣ дары и отъ другихъ богинь: отъ Геры—разсудительность и статность; Артемида, разсказываетъ поэтъ, даровала имъ высокій ростъ, а Аѳина выучила ихъ приличествующимъ женщинамъ рукодѣліямъ. 2. Афродита же пошла на небо, желая испросить у Зевса счастливый бракъ для дѣвушекъ; но во время отсутствія богини, онѣ были похищены Гарпіями и отданы Эринніямъ. Это о Пандаридахъ разсказываетъ Гомеръ. Полигнотъ же написалъ дѣвушекъ увѣнчанными цвѣтами и играющими въ кости (астрагалы). Имена дочерей Пандарея—Камиро и Клитія. Надо знать, что Пандарей былъ милетцемъ изъ Милета критскаго и сообщникомъ Тантала по преступленіямъ въ воровствѣ и въ обходѣ данной клятвы.

3. Далѣе, за дочерьми Пандарея, изображенъ Антилохъ; онъ поставилъ одну ногу на камень, а лицо и голову оперъ на обѣ руки. За Антилохомъ Агамемнонъ, опирающійся правымъ плечомъ на скипетръ и держащій въ рукахъ еще другой жезлъ [1]). Протесилай, изображенный далѣе, смотритъ на Ахилла, который сидитъ; въ такомъ положеніи представленъ Протесилай [2]). Надъ Ахилломъ же стоитъ Патроклъ. Всѣ эти, кромѣ Агамемнона, безъ бородъ.

4. Написанъ затѣмъ надъ ними Фокъ, по возрасту отрокъ, и Іасей. Послѣдній имѣетъ большую бороду [3]). Онъ снимаетъ съ лѣвой руки

---

[1]) «Καὶ ταῖς χερσὶν ἔτι ἄλλην ἔχων ῥάβδον». Robert.

[2]) Πρωτεσίλαος... Ἀχιλλέα ἀφορᾷ καθεζόμενον. καὶ ὁ Πρωτεσίλαος τοιοῦτον παρέχεται σχῆμα. Такъ мы читаемъ, не соглашаясь съ Робертомъ. Въ La и Vb стоитъ τοιοῦτον и ранѣе, правда, скорѣе καθεζόμενος (Schreiber, Festschr. f. J. Overbeck, 195). Здѣсь Шрейберъ находитъ у Павсанія «unerträgliche Breite des Ausdruckes». Ср. Kayser, Zeitschr. f. Alterthumswiss., 1850, 332. Шрейберъ принимаетъ коньектуру Шубарта вм. τοιοῦτον—νοοῦντο; и переводитъ «des Nachdenkenden». Gebhardt (Compos. der Gemälde des Polygnot, 29) полагаетъ, что Протесилай не сидитъ, такъ какъ сидѣніе «ist kein σχῆμα» и вмѣсто τοιοῦτον предлагаетъ ἀποσκοποῦντος. Мы оставляемъ τοιοῦτον: этимъ словомъ указывается вовсе не на то, что Протесилай сидитъ, но на то, что онъ смотритъ на Ахилла.

[3]) Послѣ Ἰασεύς Робертъ дѣлаетъ коньектуру: ἐλαίαν μὲν ἀνέχων. Въ виду предшествующаго μειράκιον и чтенія рукописей (ἐς εὐγένειαν δὲ εὖ ἔχει) скорѣе всего надо читать или: γενείων δὲ εὖ ἔχει (какъ читали Зибелисъ и Беккеръ), или: γενείων ὧδε εὖ ἔχει (какъ читаютъ Шубартъ, Овербекъ (SQ., 1050, B, 151) и Шрейберъ).

Фока перстень по слѣдующей легендѣ. Съ сыномъ Эака Фокомъ, когда онъ переправился изъ Эгины въ т.-наз. Фокиду и хотѣлъ въ этой области пріобрѣсти власть надъ жителями и поселиться тамъ, въ очень большую дружбу вступилъ Іасей и подарилъ ему, между прочими обычными подарками, печать изъ камня, вдѣланную въ золотой перстень. На жизнь Фока, который немного времени спустя снова ушелъ въ Эгину, замыслилъ сейчасъ же Пелей. И вотъ, поэтому, на картинѣ въ воспоминаніе дружбы Іасей представленъ желающимъ посмотрѣть перстень, а Фокъ дающимъ ему перстень.

5. Надъ этими Мера сидитъ на камнѣ. О ней повѣствуется въ „Возвращеніяхъ“, что она еще дѣвушкой разсталась съ жизнью. Она была дочь Пройта, сына Θерсандра; послѣдній же былъ сыномъ Сисифа.

Сейчасъ уже далѣе за Мерой изображены Актеонъ, сынъ Аристея, и мать Актеона (Автоноя). Они держатъ на колѣняхъ олененка и сидятъ на шкурѣ оленя. Около нихъ лежитъ охотничья собака—намекъ на образъ жизни и смерть Актеона.

6. Если же посмотрѣть снова на нижнюю часть картины, то сейчасъ же за Патрокломъ сидитъ какъ бы на холмѣ Орфей. Лѣвою рукою онъ касается киθары, а другою рукой беретъ вѣтки ивы, прислонившись къ которой онъ сидитъ [1]). Ива изображаетъ рощу Персефоны [2]), гдѣ, по свидѣтельству Гомера (Од., X, 509 сл.), ростутъ тополи и ивы. У Орфея видъ греческій; нѣтъ на немъ ни θракійскаго костюма, ни θракійской шапки на головѣ.

7. Къ ивѣ съ другой стороны прислонился Промедонтъ. Нѣкоторыя полагаютъ, что Промедонтъ свободное созданіе Полигнота. Другіе же говорятъ, что Промедонтъ существовалъ въ дѣйствительности, и именно, что это былъ грекъ, вообще любившій музыку и въ особенности пѣсни Орфея.

8. Въ этой части картины изображенъ Схедій, предводительствовавшій фокейцами въ походѣ на Трою; а за Схедіемъ далѣе Пелій сидитъ на тронѣ. У послѣдняго борода, а также и голова—сѣдыя. Пелій смотритъ на Орфея; Схедій же держитъ кинжалъ, а на головѣ у него вѣнокъ изъ травы.

У Θамирида, который сидитъ близко отъ Пелія, пропали глаза, и видъ его совершенно несчастный; у него большіе волосы на головѣ

---

1) Считаемъ ненужнымъ исправленіе Роберта, который послѣ ἰτέας вставляетъ ψαύει и послѣ этого слова ставитъ точку.

2) προςανακέκλυται δὲ τῷ δένδρῳ. τὸ δὲ δένδρον ἄλσος ἔοικεν etc. Robert.

и въ бородѣ [1]). Лира его лежитъ брошенною у ногъ; сломаны ея ручки, и порваны струны.

9. Какъ разъ надъ Θамиридомъ сидитъ на скалѣ Марсій, и возлѣ него изображенъ Олимпъ, имѣющій видъ прекраснаго отрока, который учится у Марсія игрѣ на флейтѣ. Фригійцы, живущіе въ Келенахъ, утверждаютъ, что Марсій — рѣка, которая проходитъ черезъ ихъ городъ, нѣкогда и была этимъ знаменитымъ флейтистомъ. Утверждаютъ они также, что изобрѣтеніе этого Марсія — пѣніе подъ аккомпаниментъ флейты, которое употребляется при культѣ Матери боговъ. Разсказываютъ они и то, что Марсій отстранилъ отъ нихъ войско галловъ, защитивъ ихъ противъ этихъ варваровъ и водою изъ рѣки и звукомъ своей флейты.

Глава 31.

1. Если же опять посмотрѣть на верхнюю часть картины, то сейчасъ же за Актеономъ изображенъ Эантъ изъ Саламина и, далѣе, Паламедъ и Θерситъ, забавляющіеся игрой въ кости, — изобрѣтеніемъ Паламеда. Эантъ же другой (сынъ Оилея) смотритъ на нихъ играющихъ. Цвѣтъ кожи у этого Эанта таковъ, какъ бываетъ у человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, когда соленая морская вода еще остается на тѣлѣ. 2. Полигнотъ нарочно въ одномъ мѣстѣ на картинѣ собралъ враговъ Одиссея. Эантъ, сынъ Оилея, вошелъ въ вражду съ Одиссеемъ, потому что Одиссей убѣждалъ побить Эанта камнями за преступленіе по отношенію къ Кассандрѣ. Паламедъ же былъ потопленъ, отправившись на рыбную ловлю, Діомедомъ и Одиссеемъ, какъ я это знаю, вычитавъ въ „Кипрскомъ эпосѣ". 3. Выше, чѣмъ Эантъ Оилеевъ, на картинѣ представленъ Мелеагръ, сынъ Инея. Кажется, онъ смотритъ на Эанта. У этихъ у всѣхъ, кромѣ Паламеда, — бороды [2]). Относительно кончины Мелеагра у Гомера (Ил., IX, 571 слл.) сказано, что Эринія услышала проклятія Алθеи, и по этой причинѣ Мелеагръ

[1]) Мы вмѣстѣ съ Робертомъ, Шёне и др. читаемъ по рукописямъ (ἡ κόμη πολλὴ μὲν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς, πολλὴ δὲ αὐτῷ καὶ ἐν τοῖς γενείοις). Шрейберъ (Festschr. für Overbeck, 196, пр.), руководствуясь тѣмъ, что Шубартъ (Zeitschr. f. Alterthumsw., 1856, 340) указалъ на испорченность этого мѣста въ рукописяхъ, предлагаетъ читать оба раза вм. πολλὴ—πολιά и думаетъ, что Θамиридъ и Пелій потому и изображены рядомъ на картинѣ Полигнота, что они оба сѣды. Мы не считаемъ нужнымъ по такимъ причинамъ мѣнять чтеніе рукописей. Длинные волосы въ безпорядкѣ характеризуютъ несчастнаго слѣпца, которому не до того, чтобы думать о прическѣ. Ср. Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII, (1893), 209, 43. Робертъ, какъ указалъ Шёне (ib.), невѣрно переводитъ πολλὴ κόμη—dichtes Haar.

[2]) Робертъ ставитъ послѣднюю фразу послѣ послѣднихъ словъ 2 § этой главы. Мелеагръ, такимъ образомъ, у него не относится къ группѣ, описанной въ § 2. Мы считаемъ лучшимъ держаться чтенія рукописей.

умеръ. Но поэмы 'Ηοῖαι и Миніада, согласно другъ съ другомъ, передаютъ, что Аполлонъ помогалъ куретамъ противъ этолянъ, и что Мелеагръ былъ убитъ Аполлономъ. Разсказъ же о головнѣ, — что будто Парки дали ее Алѳеѣ, и что Мелеагру не прежде должно было умереть, чѣмъ огонь уничтожитъ эту головню, и что Алѳея въ гнѣвѣ сожгла головню, —этотъ разсказъ привелъ впервые Фринихъ, сынъ Полифрадмона, въ драмѣ „Плевроніяхъ“:

„Не избѣгъ онъ холодной смерти; уничтожило его быстрое пламя головни, сожженной ужасною, злокозненною матерью“.

Фринихъ дальше не продолжаетъ разсказа. Это очевидное свидѣтельство того, что разсказъ не его вымыселъ; онъ лишь намекнулъ на него, такъ какъ разсказъ былъ очень хорошо извѣстенъ всѣмъ эллинамъ.

5. Въ нижней части картины, за ѳракійцемъ Ѳамиридомъ, сидитъ Гекторъ. Обѣ руки онъ заложилъ на лѣвое колѣно. Видъ у Гектора печальный. За нимъ на камнѣ сидитъ Мемнонъ, и вплоть у Мемнона—Сарпедонъ. Сарпедонъ наклонилъ лицо свое на руки. Одну руку Мемнонъ положилъ на плечо Сарпедону. У всѣхъ этихъ фигуръ —бороды.

6. А на плащѣ (хламидѣ) Мемнона представлены птицы; имя этимъ птицамъ—Мемнониды. Геллеспонтійцы разсказываютъ, что ежегодно, въ извѣстные дни, птицы эти прилетаютъ на могилу Мемнона и кругомъ могилы всю почву, которая лишена деревьевъ или травы, выметаютъ и, омочивъ свои крылья водою Эсепа, затѣмъ окропляютъ ее. 7. Возлѣ Мемнона представленъ нагой эѳіопскій мальчикъ, потому что Мемнонъ былъ царемъ племени эѳіоповъ. Однако, въ Иліонъ пришелъ онъ не изъ Эѳіопіи, а изъ персидскихъ Сусъ и отъ рѣки Хоаспа, подчинивъ себѣ всѣ народы, которые обитаютъ вплоть до этихъ странъ. Фригійцы показываютъ даже еще и путь, по которому онъ велъ войско, выбирая постоянно кратчайшія дороги; его остановки находятся на равномѣрныхъ промежуткахъ.

8. Надъ Сарпедономъ же и Мемнономъ — Парисъ, безбородый; онъ хлопаетъ въ ладоши, какъ это дѣлаютъ грубые поселяне. Можно сказать, что Парисъ этимъ хлопаньемъ подзываетъ къ себѣ Пенѳесилею. Пенѳесилея же смотритъ на Париса, но по лицу ея видно, что она презираетъ его и не ставитъ ни во что. Пенѳесилея представлена въ видѣ дѣвушки, которая держитъ лукъ, похожій на скиѳскіе; а на плечахъ у нея—шкура барса.

9. Надъ Пенѳесилеей изображены женщины, которыя несутъ воду въ разбитыхъ черепкахъ. Одна изъ нихъ представлена еще прекрасной наружности, другая уже преклоннаго возраста.

Нѣтъ отдѣльныхъ надписей у каждой изъ этихъ женщинъ; общая же надпись у нихъ сообщаетъ, что онѣ изъ числа непосвященныхъ въ мистеріи.

10. Выше этихъ женщинъ изображены дочь Ликаона Каллисто, Номія и Перо, дочь Нелея. За руку послѣдней Нелей требовалъ въ подарокъ быковъ Ификла. У Каллисто подстилкой служитъ шкура медвѣдя. Каллисто положила ноги на колѣни Номіи. Уже раньше (VIII, 38, 11) я указалъ, что, по словамъ аркадянъ, Номія—ихъ мѣстная нимфа. Нимфы же, какъ говорятъ о нихъ поэты, живутъ большое число лѣтъ, но онѣ, все же, не освобождены вовсе отъ смерти.

Далѣе, за Каллисто и изображенными вмѣстѣ съ ней женщинами, представлена крутизна, и сынъ Эола Сисифъ, вынуждаемый втаскивать на нее камень.

11. Изображенъ и чанъ на картинѣ; а около него старикъ, мальчикъ и двѣ женщины: молодая [1]), подъ [2]) камнемъ Сисифа, и рядомъ со старикомъ подобная ему по возрасту. Всѣ они еще несутъ воду. Но гидрія у старухи разбилась; она, все же, выливаетъ въ чанъ воду, сколько осталось ея въ одномъ черепкѣ. Мы догадываемся, что и эти люди изъ тѣхъ, которые не почитали элевсинскихъ мистерій. Древнѣйшіе греки элевсинскія таинства настолько ставили выше всѣхъ другихъ культовъ, насколько боговъ почитали выше героевъ.

12. Какъ разъ подъ названнымъ чаномъ изображенъ Танталъ, который претерпѣваетъ и всѣ тѣ страданія, которыя изобразилъ Гомеръ (Од., XI, 582 слл.), и, кромѣ того, еще одно: здѣсь присоединяется къ прочему еще страхъ передъ нависшимъ надъ нимъ камнемъ, который долженъ на него свалиться. Очевидно, что Полигнотъ слѣдовалъ разсказу Архилоха. Я не знаю, взялъ ли Архилохъ разсказъ о камнѣ отъ другихъ, или самъ его сочинилъ.

Столь велика по размѣрамъ и столь прекрасна картина ѳасосца! [3]).

---

[1]) Ср. Siebelis, въ его изд. Павсанія, ad loc.; Welcker, Compos. d. polygnotischen Gemälde, 124, 53; Alte Denkmäler, III, 113, 5; Kayser, Zeitschr. f. Alterthumsw., 1850, № 49; Schreiber, Festschrift für Overbeck, 200.

[2]) Въ рукописяхъ стоитъ: ἐπὶ τῇ πέτρᾳ. Вмѣсто этого ставятъ ὑπὸ τ. π.—Welcker, Compos. d. pol. Gem., 124, 23; Alte Denkm., III, 113; Schubart, Arch. Ztg., XX, (1862), 234 (и въ издд.); Gebhardt, Kompos. d. Gemälde d. Polygnot, 41; Robert, Nekyia, 20. Другую конъектуру предлагалъ Кайзеръ (Kayser, Münchener Gelehrte Anzeiger, 1849, 800). Шрейберъ (ук. с., 203, 2) справедливо настаиваетъ на удержаніи чтенія рукописей, которыя даютъ прекрасный смыслъ. Ср. E. Curtius, Götting. gelehrt. Anzeiger, 1861, 371; U. Schaarschmidt, De ἐπὶ praepositionis apud Pausaniam vi et usu, 48.

[3]) Мы не знаемъ, почему эпиграмма Симонида касалась только одной картины Полигнота. Во всякомъ случаѣ, въ виду показаній Павсанія, который ни мало не сомнѣ-

Таково описаніе полигнотовыхъ картинъ у Павсанія. Насъ съ перваго же разу оно поразитъ при всей его наивности и сухости!

Какъ бы ни возстановляли картины, размѣры ихъ (въ „Иліонѣ“ около 90 фигуръ, въ „Аидѣ“ около 80) поражаютъ всякаго.

Безусловно можно утверждать, также на основаніи текста Павсанія, что картины Полигнота производили сильное впечатлѣніе на зрителя. Мы достаточно знаемъ Павсанія. Описывая самыя высокія созданія искусства, онъ весьма часто сухъ до крайности. Искусство собственно его мало интересуетъ и онъ мало его понимаетъ. Если онъ останавливается на описаніи произведеній искусства, то большею частью потому, что, какъ и у картинъ Полигнота, имъ давала содержаніе миѳологія, которой Павсаній очень всегда интересуется. О композиціи картинъ Полигнота, объ ихъ идеяхъ и т. п. мы напрасно стали бы искать у Павсанія его мнѣнія. Напротивъ, онъ не преминетъ сообщить намъ все, что онъ знаетъ о томъ или другомъ героѣ или даже предметѣ, изображенномъ на картинѣ,—не упуститъ случая сказать все, что онъ можетъ сказать по поводу того или другого предмета: отсюда у него эти часто нелѣпыя вставки въ описаніи картинъ.

Однако, видимо, и сухой педантичный Павсаній передъ картинами Полигнота испыталъ возвышенное настроеніе. Это иногда прорывается у него, когда онъ (правда, и здѣсь въ общихъ, безцвѣтныхъ выраженіяхъ) говоритъ о мотивахъ, выраженіи фигуръ и т. п. Оканчивая описаніе, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, въ которомъ нельзя не видѣть того, что картины произвели на него впечатлѣніе. Но какъ ни нехудожественно и ни сухо описаніе Павсанія, оно имѣетъ весьма большое значеніе для историковъ искусства.

Благодаря тщательности и подробности его, благодаря тому, что Павсаній даетъ указанія о реальной связи фигуръ между собою, возможно, правда лишь приблизительно, установить, каковы были композиціи картинъ Полигнота въ Дельфахъ [1]).

вается въ томъ, что обѣ картины въ Дельфахъ написалъ Полигнотъ (ср., кромѣ того, Плиній, N. H., 35, 58—Overbeck, SQ., 1045: Polygnotus... Delphis aedem pinxit), намъ кажется лишнимъ скептицизмъ ученыхъ, думающихъ, что «Аидъ», можетъ быть, написанъ былъ не Полигнотомъ. Павсаній, можетъ быть, считалъ лишнимъ упоминать о подписи Полигнота на 2-й картинѣ. Вмѣсто того, онъ говоритъ о подробностяхъ, которыя указываютъ, что авторъ «Аида» былъ ѳасосецъ. 2-й эпиграммы на «Аидѣ» (въ родѣ симонидовой на «Иліонѣ»), скорѣе всего, не было. Сомнительно, чтобы Павсаній ее пропустилъ или считалъ лишнимъ о ней говорить. Можетъ быть, Симонидъ умеръ раньше, чѣмъ «Аидъ» былъ написанъ, и оттого 2-ая картина осталась безъ эпиграмма См. объ этомъ ниже. Ср. Schubart, Zeitschr. f. Alterthumsw., 1856, 321 слл.

[1]) Ср. Schreiber, Festschrift für Overbeck, 202.

Изъ Павсанія мы можемъ узнать, вникнувъ въ его слова, главнѣйшія группы фигуръ, которыя были на картинахъ, отношенія группъ и фигуръ другъ ко другу и ихъ приблизительное расположеніе на поверхности картины. А благодаря всему этому, иной разъ мы можемъ угадать даже такія мысли и намѣренія художника, которыхъ у Полигнота не понялъ самъ Павсаній [1]).

Уже очень давно ученые старались, на основаніи описанія Павсанія, дѣлать графическія реставраціи картинъ Полигнота въ Дельфійской лесхѣ, чтобы, такимъ образомъ, лучше выяснить сложныя композиціи ѳасосскаго художника, такъ какъ наглядность особенно всегда желательна при сужденіяхъ о произведеніяхъ искусства. Прекрасно оправдываетъ попытки реставрацій искусства прошлаго и даже ставитъ ихъ одною изъ желанныхъ задачъ науки о древности Гёте (въ предисловіи къ объясненію 1-й реставраціи дельфійской „Гибели Иліона" братьевъ Рипенгаузенъ): „непреоборимая страсть къ непосредственному созерцанію, которая (страсть) возбуждается въ человѣкѣ извѣстіями о далекихъ предметахъ, потребность дать чувственный образъ всему тому, что мы постигаемъ духовно,—доказательства высокихъ качествъ нашей природы, которая избѣгаетъ всего односторонняго и всегда стремится пополнять внутреннее внѣшнимъ и внѣшнее внутреннимъ". Всю важность графической реставраціи картинъ для сужденія объ ихъ композиціи подчеркиваетъ и Бруннъ [2]).

Вотъ перечень многочисленныхъ работъ, посвященныхъ композиціи полигнотовыхъ картинъ. Заглавія тѣхъ работъ, гдѣ предлагается графическая реставрація, напечатаны курсивомъ [3]).

1) *Abbé Gédoyn,* Description de deux tableaux de Polygnote, tirée de Pausanias въ Mémoires de litterature tirés des registres de l'académie royale des inscriptions et belles-lettres, VI томъ *(1729 г.)*, 445—458.

2) *Comte de Caylus*, *Description de deux tableaux de Polygnote*, *donnée par Pausanias* въ Histoire de l'académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec mémoires de litterature tirés de registres de cette académie etc., XXVII томъ *(1761 г.)*, 34—55. Реставрація „Гибели

---

[1]) Ср. Welcker, Die Composition der polygnotischen Gemälde, 75 слл.; Robert, Nekyia, 22 слл.; Iliupersis, 16 слл; Noack, De Euripidis et Polygnoti, quae ad Trojae excidium spectant fabulis, 42 слл.; Weizsäcker, Polygnot's Gemälde, 25 слл. и др.; Schreiber, Wandbilder des Polygnotos, I, 20 слл., 34 слл.

[2]) Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 23 (32) слл.

[3]) Работы, которыхъ мы не могли видѣть въ оригиналѣ, обозначены звѣздочкой.

Иліона", сдѣланная Кэлюсомъ, воспроизведена въ W. Bl. 1888, T. X. Рисунки реставраціи Кэлюса исполнены худ. Lorrain'омъ.

3) ***Falconet,*** Oeuvres, II, 105 слл. (3-ьяго изданія, 1808).

4) *Diderot*, Oeuvres (изд. Tourneux Garnier frères. 1876), XVIII, 128 слл., 190 слл.

5) *Lessing*, Antiquarische Briefe, 9—12. Ср. Laokoon, Abschnitt 19, Bd. VI, 498 (изданія Lachmann'a, Berlin, 1839).

6) *Fr. u. Joh. Riepenhausen* дали графическую реставрацію „Гибели Иліона" на художественной выставкѣ, въ Веймарѣ въ *1803 г.* Въ печати ихъ реставрація явилась въ 1805 г. въ Гёттингенѣ подъ заглавіемъ: *Gemälde des Polygnot in der Lesche zu Delphi, nach der Beschreibung des Pausanias gezeichnet von F. u. J. Riepenhausen*, mit Erläuterungen von Chr. Schlosser.

Эта реставрація „Гибели Иліона" повторена въ W. Bl. 1888, Taf. XI, 2.

7) Статья *Гёте* о „Гибели Иліона" въ I т. Jenaer Litteratur-Zeitung. *1804 г. (Göthe*, Werke, томъ 44, стр. 95—131. Повторена у *Wiedasch'a* въ его переводѣ (нѣм.) Павсанія. Дана она (по русски) и въ русскомъ переводѣ Павсанія г. Янчевецкаго, 796 слл.).

8) *Реставрація der Weimarer Kunstfreunde*, въ Jenaer Litteratur-Zeitung, *1805 г.*, III томъ. Послѣдняя повторена въ W. Bl., 1888, Taf. X, 2.

9) *Böttiger*, Ideen zur Archäologie der Malerei, стр. 296—664, *1811 г.*

10) *F. et J. Riepenhausen*, *Peintures de Polygnote à Delphes, dessinées et gravées d'après la description de Pausanias*, (Rome), *1826 г.;* 2-ое. изд. 1829; 3-ье — 1854. Воспроизведена въ W. Bl., 1888, XI, 3.

11) *Siebelis,* изданіе Павсанія (1827 г.), IV т., 236 слл.

12) *K. O. Müller,* рецензія на реставрацію Рипенгаузенъ (1826 г.), въ Götting. gelehrte Anzeiger, 1827, 132, 1307—1316. Перепечатана въ его Kleine Schriften, II, 398 слл. Ср. Handb. der Archäologie der Kunst, § 134, 3.

13) *Chr. König*, De Pausaniae fide et auctoritate in historia, mythologia artibusque Graecorum tradendis praestita (Berolini), *1832 г.*, 41 слл. *).

14) *H. Meyer,* Geschichte der bildenden Künste, т. II (Dresden), *1836 г.*, 132—146. Ср. Ueber Kunst und Alterthum, VI, 2, 290.

15) *Otto Jahn,* Die Gemälde des Polygnot in der Lesche der Knidier zu Delphi въ Kieler philologischer Studien, *1841 г.*, 81 слл.

16) *Walz* въ Zeitschrift für Alterthumswissenschaft, 1843, 760 (рецензія реставраціи О. Яна) *).

17) *F. G. Welcker,* Aesch. Tril., 442, 512 *), и особенно въ Abhandlungen der Berliner Akademie, *1847 г.*, 81—151: *Die Composition der polygnotischen Gemälde.*

Эта статья помѣщена и въ его Kleine Schriften, т. V, 62 слл. „Гибель Иліона" въ реставраціи Велькера см. и въ W. Bl., 1888, Taf. XII, 1.

18) *Kayser,* Münchener gelehrte Anzeiger, *1849 г.*, 226, 769 слл. (рецензія на возстановленіе картинъ лесхи Велькеромъ).

19) *K. Fr. Hermann,* Epikritische Betrachtungen über die polygnotischen Gemälde in der Lesche zu Delphi (Programm des archäol.-numismatischen Instituts in Göttingen zum Winckelmannsfeste), *1849 г.*

20) *Overbeck,* Antepikritische Bemerkungen über die polygnotischen Gemälde in der Lesche zu Delphi въ Rheinisches Museum, Neue Folge, VII т., *1850 г.*, 419—454.

21) *William Watkiss Lloyd, On the paintings of Polygnotus in the Lesche at Delphi* въ The Museum of classical antiquities, vol. I, 44—77 („Иліонъ") и 103—130 („Аидъ"), *1850 г.* „Гибель Иліона" въ реконструкціи Ллойда см. въ W. Bl., 1888, Taf. XI, 1.

22) *H. Brunn,* Gesch. d. gr. Künstler, II, 23 (32) слл. (1-ое изд. 1852 г., 2-ое 1889 г.).

23) *Ruhl* и *Schubart,* Glossen zur Beschreibung des polygnotischen Gemäldes in der Lesche zu Delphi bei Pausanias въ Zeitschrift für Alterthumswissenschaft, *1855 г.*, 385—413 („Иліонъ"); *1856 г.*, 310—342 („Аидъ").

24) Реставрація въ *Magasin Pittoresque* *), 1855, 291 (данъ переводъ Павсанія Clavier и реставрація по Рипенгаузенъ).

25) *Bursian,* Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, томъ 73, *1856 г.*, 516 слл. (статья, посвященная книгѣ Brunn'a).

26) *Beulé,* Polygnote въ Revue des deux mondes, 1863, I, 83—108.

27) *Charles Lenormant,* Mémoire sur les peintures que Polygnote avait exécutées dans la lesché de Delphes въ Mémoires de l'académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique (Bruxelles), *1864 г.*, томъ XXXIV, 1—133.

28) *J. H. Chr. Schubart* въ Neue Jahrbücher f. Philologie u. Pädagogik, томъ 91, *1865 г.*, 631 слл. (рецензія работы Ленормана).

29) *Adolph Michaelis*, Ueber die Komposition der Giebelgruppen am Parthenon въ Verzeichniss der Doctoren, welche etc., Tübinger Programm, *1870 г.*, 22—29.

30) *Blümner*, Rhein. Mus., N. F., томъ XXVI, 354 слл. (рецензія работы Михаэлиса).

31) *W. Gebhardt, Die Komposition der Gemälde des Polygnot in der Lesche zu Delphi*, Göttingen, *1872 г.*

32) *Hügel, Geschichte und systematische Entwickelung und Ausbildung der Perspektive in der classischen Malerei*, Würzburg, 1881.

33) *O. Benndorf, W. Bl.*, 1888, XII, 3. Ср. Heroon von Gjölbaschi-Trysa въ Jahrb. d. kunsthistorischen Sammlungen d. allerhöchsten Kaiserhauses, Wien, 1889; 'Εφ. ἀρχ., 1887 [1]), 115 слл.

34) *Robert*, Arch. Anz., IV, 1889, 142, 155.

35) *Murray*, Handbook of greek archaeology, 1892, 360 слл.

36) *C. Robert, Die Nekyia des Polygnot*, 16-es Hallisches Winckelmannsprogramm, *1892 г.*

37) *C. Robert, Die Iliupersis des Polygnot*, 17-es Hall. Winckelmannspr., *1893 г.*

38) *Schöne*, Zu Polygnots delphischen Bildern въ Jahrb. d. Inst., т. VIII, *1893 г.*, 187 слл.

39) *Th. Schreiber*, Die Nekyia des Polygnotos in Delphi въ Festschrift f. J. Overbeck, *1893 г.* (Leipzig), 184—206.

40) *Hauser* въ Berliner philolog. Wochenschrift, *1894 г.*, 1392 слл. (рецензія работъ Роберта).

41) *P. Weizsäcker, Polygnot's Gemälde in der Lesche der Knidier in Delphi*, 1894.

42) *C. Robert, Die Marathonsschlacht in der Poikile und weiteres über Polygnot*, 18-es Hallisches Winckelmannsprogramm, *1895 г.*

43) *Pottier*, 1896—1897, лекціи о Полигнотѣ въ École du Louvre. (Мы были слушателями Поттье).

44) *Th. Schreiber*, Die Wandbilder des Polygnotos in der Halle der Knidier zu Delphi, Leipzig, 1897, I.

---

[1]) Ср. объ опытѣ Бенндорфа замѣчанія В. К. Мальмберга въ майской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр., 1889 г.

IV.

Всѣ изслѣдователи признаютъ глубокій интересъ картинъ Полигнота. Всѣ они согласны между собою въ томъ, что замыселъ у картинъ былъ грандіозный, что онѣ весьма богаты были содержаніемъ. Большая часть ученыхъ [1]) согласна и относительно общей оцѣнки полигнотовой живописи. Мнѣніе, что полигнотовы картины со стороны содержанія представляютъ высшую точку въ развитіи греческой живописи, что онѣ являются образцами строгой симметричной композиціи, при чемъ у мастера, однако, никогда не приносится изъ-за этого въ жертву высшая, художественная свобода, можно считать также общепринятымъ [2]).

Гораздо меньше согласія у изслѣдователей при сужденіяхъ о разныхъ подробностяхъ полигнотовыхъ картинъ. Какъ распредѣлены были фигуры на поверхности картины, каковы были группы, какъ былъ трактованъ пейзажъ, каковы были формы фигуръ Полигнота, каковы были отношенія у двухъ картинъ въ лесхѣ между собою, насчетъ этого всего согласія у изслѣдователей далеко нѣтъ.

Едва ли кто-нибудь сталъ бы сомнѣваться, однако, что для того, чтобы понять мысль картинъ Полигнота, знать расположеніе фигуръ на нихъ совершенно необходимо. Не менѣе необходимо дать отвѣты и на другіе выше поставленные вопросы для того, чтобы уяснить значеніе Полигнота въ исторіи искусства.

Если въ общихъ результатахъ ученые согласны между собою, то только потому, что, при общей оцѣнкѣ Полигнота, они почти всегда исходили не отъ собственныхъ реставрацій его картинъ, а просто повторяли отзывы древнихъ. Если бы они поступали иначе, общая оцѣнка Полигнота у нихъ была бы далеко неодинакова.

Реставраціи картинъ лесхи такъ отличаются другъ отъ друга, что невольно въ голову приходитъ мысль, возможна ли вообще какая бы то ни была реставрація картинъ Полигнота, и не должно ли вовсе отказаться отъ желанія составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе о нихъ. Это безусловно надо было бы сдѣлать, если бы намъ не оставалось никакихъ другихъ источниковъ для сужде-

---

[1]) Фальконэ, ук. с., судилъ о живописи Полигнота, предъявляя къ ней требованія живописи, себѣ современной. Онъ стоитъ, такимъ образомъ, на той же точкѣ зрѣнія, какъ Ксенократъ и Плиній.

[2]) Ср. O. Jahn, ук. с., 52; Welcker, ук. с., 66, 111; Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 24 (35) слл.; Gebhardt, ук. с., 38 и т. д.

ній о живописи Полигнота. Всѣ реставраціи картинъ Полигнота (графическія или не исполненныя въ рисункѣ), которыя основываются только на текстахъ древнихъ авторовъ, могутъ быть разнообразны до безконечности. А потому и сужденія о Полигнотѣ только на основаніи древнихъ литературныхъ источниковъ всегда должны отличаться неопредѣленностью. Въ самомъ дѣлѣ, напр., Кэлюсъ, реставрировавшій композиціи Полигнота въ стилѣ картинъ конца прошлаго вѣка, братья Рипенгаузенъ, взявшіе за модели для фигуръ своихъ реставрацій скульптуры римскаго времени, и Робертъ, пользовавшійся для этого же фигурами на вазахъ V вѣка—всѣ они относили къ своимъ реставраціямъ одни и тѣ же античные тексты!

Если одни ученые основывались только на древнихъ текстахъ при сужденіи о Полигнотѣ, другіе, видя, что этого недостаточно, пользовались при своихъ реставраціяхъ указаніями различныхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древности (рельефы, картины вазъ и т. п.), которые, по ихъ мнѣнію, имѣютъ тѣ или другія отношенія къ живописи Полигнота. Однако, противъ послѣднихъ третьи возражали и говорили, что приводимые ими памятники не могутъ служить источниками для сужденій о живописи Полигнота. Четвертые опять опровергали доводы послѣднихъ.

Мы тогда только будемъ въ состояніи высказать собственное мнѣніе и оцѣнить по достоинству взгляды различныхъ изслѣдователей на Полигнота и живопись V вѣка, когда познакомимся со всѣми источниками, могущими намъ давать о нихъ тѣ или другія свѣдѣнія.

Если мы желаемъ составить себѣ болѣе точное понятіе о живописи V вѣка, то, такъ какъ однихъ литературныхъ памятниковъ для того безусловно мало, мы должны искать еще новыхъ источниковъ.

Никакихъ остатковъ отъ монументальной живописи V вѣка до сихъ поръ найдено не было.

Гдѣ же искать еще источниковъ, которые могли бы давать указанія насчетъ живописи эпохи Кимона и Перикла? Навести на это, намъ кажется, можетъ скульптура названной эпохи.

Мы видѣли уже, какъ часто древніе сближали Полигнота по значенію съ Фидіемъ.

Такъ какъ мы знаемъ также, какое вліяніе оказало на пластику половины V вѣка монументальное искусство Фидія, мы въ правѣ задать себѣ вполнѣ естественный вопросъ, не оказала ли аналогичнымъ образомъ вліянія и живопись великихъ художни-

ковъ этого времени на современныя ей произведенія ремесленниковъ-живописцевъ? Произведеній ремесленной живописи V вѣка мы имѣемъ весьма много. Это—картины, украшающія вазы. Не отразилось ли на вазовой живописи половины V вѣка вліянія искусства главы живописи этого времени Полигнота, подобно тому, какъ на произведеніяхъ ремесленной скульптуры отразилось вліяніе главы пластики Фидія? Если да, то въ вазовой живописи V вѣка мы имѣли бы весьма цѣнный, хотя и косвенный только источникъ свѣдѣній о живописи великихъ художниковъ этого времени.

Мы видѣли далѣе, что мраморы Парѳенона оказали вліяніе не на одну только мраморную пластику, но и на терракотты, на рельефы, украшающіе золотыя вещи, на рельефы на глиняныхъ вазахъ и т. п., словомъ на всѣ произведенія, которыя такъ или иначе относятся къ области пластики. Не оказали ли грандіозныя и богатыя мотивами композиціи Полигнота и другихъ живописцевъ подобнымъ же образомъ вліянія на рельефы, группы и т. п. V вѣка? Если бы удалось это доказать, то нашъ матеріалъ для сужденія о живописи, непосредственно послѣ Греко-Персидскихъ войнъ, увеличился бы еще болѣе.

Въ виду большого значенія, которое живопись V вѣка, судя по древнимъ текстамъ, какъ мы видѣли, имѣла, то или другое разрѣшеніе поставленныхъ выше вопросовъ весьма существенно.

Всѣ пластическія искусства разсчитаны на созерцаніе. Ихъ дѣйствіе, какъ часто говорятъ вслѣдъ за Лессингомъ, только тамъ начинается, гдѣ слова кончаются. Повторяемъ, что даже плохое воспроизведеніе картины часто способно дать болѣе живое представленіе объ оригиналѣ, чѣмъ самое блестящее его описаніе.

Мы взяли на себя задачу въ настоящемъ изслѣдованіи показать, насколько отразилось вліяніе живописи V вѣка на памятникахъ, которые дошли до насъ, и въ какой мѣрѣ эти памятники могутъ служить источниками для составленія болѣе опредѣленнаго понятія о столь замѣчательномъ, по свидѣтельству древнихъ авторовъ, искусствѣ Полигнота.

Древнее искусство, говоритъ одинъ французскій ученый [1], —явленіе настолько выдающееся въ исторіи человѣческой мысли и вообра-

[1] Bertrand, Études sur la peinture et la critique d'art dans l'antiquité, 15.

женія, что все, что̀ отъ него потеряно, будетъ представлять предметъ вѣчнаго сожалѣнія для людей, души которыхъ волнуетъ и увлекаетъ прекрасное; равно какъ, наоборотъ, всякій обломокъ, какой только удастся спасти отъ того страшнаго крушенія, которому подверглось античное искусство, всегда бываетъ пріобрѣтеніемъ безконечной цѣны и достоинства.

Итакъ, есть ли среди дошедшихъ до насъ памятниковъ искусства и художественной промышленности половины V вѣка такіе, которые отражали бы на себѣ такъ или иначе вліяніе монументальной живописи этой эпохи?

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Мысль, что на греческихъ вазовыхъ мастеровъ могло оказывать вліяніе современное имъ монументальное искусство, настолько проста и естественна, что напрашивается какъ-бы сама собою; ее, поэтому, высказывали уже очень рано и старались обосновать подробнѣе много разъ [1]).

Давно указываемы были и такія вазовыя картины, на которыхъ возможно, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, предполагать вліяніе живописи Полигнота и его школы.

Уже К. О. Мюллеръ [2]) видѣлъ въ вазовомъ живописцѣ Сосіи мастера, желавшаго подражать Полигноту въ той своей картинѣ, которая представляетъ Ахилла, перевязывающаго рану Патроклу [3]).

На этой же самой картинѣ и Гергардъ усматривалъ вліяніе Полигнота [4]).

Общій характеръ картины Сосія, экспрессія ея и характеристика фигуръ К. О. Мюллеру и Гергарду казались близко подходящими къ тому, что передаютъ свидѣтельства древнихъ о характерѣ картинъ Полигнота.

По подобнымъ же соображеніямъ Велькеръ [5]) считалъ стоящую подъ вліяніемъ полигнотовой живописи композицію одной вазы въ Мюнхенѣ [6]), представляющую похищеніе Бореемъ Ориѳіи. Здѣсь, по

---

[1]) Ср. Perrot, Rev. d. deux mondes, 1880, août, 537; Bougot, Une gallerie antique. Philostrate, 101; Winter, Die jüngeren attischen Vasen, 30.

[2]) K. O. Müller у Welcker'a, Alte Denkmäler, III, 185.

[3]) Эта ваза Сосія принадлежитъ Берлинскому музею (№ 2278 по каталогу Фуртвенглера). Издана она въ Mon., I, 24 слл.; ср. Müller-Wieseler, Denkm., 45, 210; Baum., Denkm., I, 9.

[4]) Gerhard, Trinkschalen d. königl. Museums zu Berlin. 8 (къ табл. 6—7). Ср. и Rayet-Collignon, Histoire de la céramique grecque, 184 слл.

[5]) Welcker, Alte Denkmäler, III, 179 слл.; ср. K. O. Müller-Welcker, Handb. d. Archäol. d. Kunst., § 134, 2 (ср. 3).

[6]) München. 376; Monum., sect. française, pl. 22—23; Nouv. Annales de l'Institut Archéol., 1838, 358 слл.; Baum., Denkm., I, 373.

его мнѣнію, въ стилѣ можно видѣть вліяніе полигнотова ѳѳоса, о которомъ говорятъ Аристотель и Эліанъ; а равно и вообще всѣ другіе древніе тексты, свидѣтельствующіе о Полигнотѣ, находятъ себѣ лучшую иллюстрацію въ картинѣ этой вазы.

Велькеру слѣдовалъ О. Янъ [1]). Онъ считаетъ стоящимъ подъ вліяніемъ Полигнота цѣлый рядъ вазовыхъ картинъ, которыя, по широтѣ и по строгости рисунка, родственны композиціи на вазѣ въ Мюнхенѣ.

Клюгманнъ [2]) считалъ возникшими подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Амазономахіи" Микона (въ Аѳинской Росписной галлереѣ) вазовыя картины различныхъ [3]) мастеровъ, писавшихъ битвы грековъ съ амазонками. Многочисленныя амазономахіи на аттическихъ вазахъ одно время стали вдругъ всегда компонироваться такъ, что въ основѣ ихъ нельзя не признать одного общаго оригинала [4]), — и отступили отъ старой схемы, извѣстной по черно-фигурнымъ вазамъ и красно-фигурнымъ строгаго стиля. Новый типъ композиціи (возникшій, по Клюгманну, подъ вліяніемъ Микона) является на вазахъ прекраснаго стиля.

Кекуле [5]) думалъ видѣть въ фигурѣ старухи на извѣстной котилѣ Пистоксена [6]) строгаго стиля подражаніе фигурѣ старухи или евнуха на полигнотовомъ „Иліонѣ", равно какъ считалъ, что вообще о Полигнотѣ даютъ представленіе вазы строгаго стиля [7]).

Насколько шатки и субъективны большею частью были, однако, доводы, которые приводились въ доказательство того, что та или другая вазовая картина возникла подъ вліяніемъ произведеній великихъ живописцевъ, не могло долго укрыться отъ вниманія изслѣдователей.

Уже Россъ [8]) высказываетъ то, что вазы строгаго красно-фигурнаго стиля (а къ нимъ относятся вазы, на которыя указывали, какъ на стоящія подъ вліяніемъ Полигнота, Мюллеръ, Гергардъ, Велькеръ, О. Янъ и Кекуле) по хронологическимъ основаніямъ не могутъ стоять подъ вліяніемъ этого мастера.

---

[1]) O. Jahn, Einl., CLXXXIV.

[2]) Klügmann, Ann., 1867, 211 слл.; 1874, 205.

[3]) О томъ, что эти вазы разныхъ фабрикъ, ср. Ann., 1867, 220 слл.

[4]) Ср. стр. 222. Ср. Klügmann, Amazonen, 42 слл., 47.

[5]) Kekule y Helbig, Ann., 1871, 91; ср. его же замѣчанія у Bädeker, Griechenland, LXXXVIII, XCVIII.

[6]) Ann., 1871, Taf. E. F; Baum., Denkm., III, 2138; Hartwig, Meistersch., f. 52.

[7]) Павсаній, X, 26, 9 (Overbeck, SQ., 1050, A, 143). Съ Кекуле соглашались многіе. Ср. Klein, Euphr.², 129.

[8]) Ross, Archäol. Aufsätze, 2 Sammlung, 337. На основаніи своихъ раскопокъ на аѳинскомъ акрополѣ Россъ датировалъ вазы строгаго стиля временемъ до 480 г.

Затѣмъ Бруннъ [1]) замѣтилъ противъ Велькера и О. Яна, что и общаго въ характерѣ у вазовыхъ картинъ, которыя они приводятъ, въ доказательство своихъ положеній, съ картинами Полигнота, можетъ быть, не болѣе лишь того, что и тѣ и другія—высокаго, благороднаго стиля; а этого, разумѣется, еще далеко не достаточно, чтобы считать вазовыя картины обязанными своимъ стилемъ непремѣнно Полигноту. Наоборотъ, архаическій схематизмъ въ рисункѣ на этихъ вазахъ, по Брунну, рѣшительно не допускаетъ сравненія со стилемъ Полигнота, фигуры котораго, судя по древнимъ текстамъ, обнаруживали такую глубину пониманія, которой здѣсь мы не видимъ и тѣни; равно напрасно мы стали бы искать здѣсь и той замѣчательной трактовки одежды, которую такъ восхваляли древніе знатоки искусства у Полигнота.

Только на картинахъ нѣкоторыхъ вазъ прекраснаго стиля (какъ напр., фрагментахъ лутрофора въ Аѳинахъ, Mon., VIII, tav. V, 2 a—d), по общему характеру ихъ, возможно усматривать вліяніе стиля Полигнота.

Бруннъ, такимъ образомъ, сходился съ Клюгманномъ въ томъ, что, по мнѣнію того и другого, вліянія живописи Полигнота и его школы надо искать лишь на вазахъ прекраснаго стиля. Какъ и Россъ, Бруннъ старался лучше обосновать вазовую хронологію. По мнѣнію Брунна, невозможно было держаться хронологіи О. Яна и др. Вазы строгаго стиля никоимъ образомъ не могли дѣлаться въ эпоху Фидія и Полигнота. Какъ и Россъ, Бруннъ утверждалъ, что мастера строгихъ вазъ вдохновляются произведеніями не той эпохи, которую надо соединять съ представленіемъ о высокой художественной правдѣ и свободѣ, — а древнѣйшей, архаической. Однако, выводы Брунна насчетъ вазовой хронологіи сильно отличались отъ выводовъ Росса. Бруннъ не считалъ, по разнымъ соображеніямъ, вазы строгаго стиля настоящими архаическими памятниками, какъ Россъ, а принималъ ихъ за имитаціи послѣднимъ, за памятники архаистическіе. По его мнѣнію, вазы строгаго стиля явились въ Италіи въ III — II вѣкѣ до Р. Хр. [2]).

Результаты работъ Росса, Клюгманна и Брунна, хотя они, каза-

---

[1]) Brunn, Probleme in der Geschichte der Vasenmalerei. Abhandl. d. I Classe konigl. bayr. Akad. d. Wissenschaften, Abth. II, Bd. XII, München, 1871, 132 сля.

[2]) Ср. Э. Р. фонъ-Штернъ, Зап. Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVII (1894), 40 слл.

лось бы, и должны были убѣдить въ томъ, что у рисунковъ на вазахъ строгаго стиля нѣтъ никакихъ отношеній къ Полигноту, остались долгое время почти незамѣченными.

Мнѣніе Яна и др., что вазы строгаго красно-фигурнаго стиля могутъ давать представленіе о томъ, каковъ былъ характеръ живописи Полигнота и его школы, приняли и старались развить далѣе весьма многіе. Въ 1872 году де-Виттъ издалъ извѣстный киликъ Евфронія съ изображеніемъ внутри него Ѳесея передъ Амфитритой [1]. Де-Виттъ не сомнѣвался, что Евфроній нарисовалъ эту сцену подъ вліяніемъ картины Микона въ храмѣ Ѳесея въ Аѳинахъ.

Фактъ совпаденія сюжета на киликѣ Евфронія съ сюжетомъ миконовой картины сильно говорилъ многимъ за то, что Евфроній зналъ картину въ храмѣ Ѳесея. А это, казалось, было подтвержденіемъ взглядовъ Яна на счетъ живописи Полигнота. Мнѣніе Яна становится теперь господствующимъ.

Гельбигъ, посвящая въ своемъ изслѣдованіи о кампанской живописи [2], нѣсколько строкъ искусству Полигнота съ тѣмъ, чтобы показать, что послѣднее не имѣетъ никакихъ отношеній къ помпеянскимъ картинамъ, составляетъ себѣ представленіе о композиціяхъ Полигнота всецѣло по вазамъ строгаго стиля. Картины Полигнота, дѣйствуя исключительно рисункомъ и простыми тонами, какъ и вазовые рисунки, по мнѣнію Гельбига, имѣли съ ними одинъ и тотъ же общій характеръ: и у Полигнота и вазовыхъ мастеровъ нѣтъ характеристики, задающейся иллюзіей,—того, что видимъ на помпеянскихъ картинахъ. Обще у вазовыхъ мастеровъ и у Полигнота и опять отличаетъ ихъ отъ помпеянской живописи ихъ отношеніе къ изображаемой сценѣ: мастера строгаго стиля разсказываютъ объ изображаемыхъ ими событіяхъ, какъ пѣвцы эпоса; такой же эпическій тонъ господствуетъ и у Полигнота. Наоборотъ, совершенно другое отношеніе къ изображаемымъ сценамъ у мастеровъ въ Помпеяхъ, гдѣ общій тонъ картинъ не эпическій, а драматическій и т. д. [3]. Эпоху составило изслѣдованіе Роберта въ Annali, 1882, 273 слл. Объясняя композицію, украшающую одну изъ сторонъ кратира, который найденъ былъ въ Орвіето и нахо-

---

[1]) De-Witte, Monuments grecs, 1872, I, pl. I. Картина килика изображалась часто. См. библіографію въ нашей статьѣ о Вакхилидѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, отд. кл. филол., 35, 3. Мы дали тамъ также воспроизведеніе картины (Табл. I).

[2]) Helbig, Untersuchungen über die campanische Wandmalerei, 166.

[3]) Helbig, ук. с., 79.

дится теперь въ Луврскомъ музеѣ [1]), Робертъ пришелъ къ заключенію, что на кратирѣ изображены аргонавты передъ отправленіемъ въ походъ, что композиція кратира возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ картины Микона въ Анакіонѣ, что по этой картинѣ скорѣе всего можно составить себѣ представленіе о картинахъ знаменитаго ѳасосскаго художника. Картина парижскаго кратира замѣчательна прежде всего по своей композиціи. Въ первый разъ въ греческой керамикѣ встрѣчаемъ мы здѣсь такое расположеніе фигуръ на картинѣ, что онѣ (фигуры) находятся не на одной горизонтальной линіи, а однѣ поставлены на болѣе высокомъ уровнѣ почвы, другія—ниже. Очевидно, мѣстность, гдѣ происходитъ дѣйствіе, художникъ представлялъ холмистою и постепенно повышающеюся; фигуры расположены по склону горы. Далѣе совершенную новость представляетъ композиція кратира изъ Орвіето въ сравненіи съ болѣе ранними, чѣмъ она, картинами на вазахъ и по выбору момента сцены. Авторъ картины не интересуется изображеніемъ собственно дѣйствія, какого-нибудь опредѣленнаго драматическаго момента, вообще какого-нибудь факта, какъ это мы видимъ у художниковъ архаическаго періода. Авторъ „Аргонавтовъ“ на кратирѣ изъ Орвіето стремился представить на одной картинѣ лишь возможно большее число знаменитыхъ героевъ. При этомъ всѣ они изображены въ спокойныхъ положеніяхъ.

Такого рода картинъ мы не встрѣчаемъ въ архаическомъ искусствѣ. Послѣднее преимущественно даетъ изображеніе дѣйствія; тѣ средства, которыми оно располагало, не позволяли ему давать картины настроеній. Чувства, характеры дѣйствующихъ лицъ картины архаическій художникъ могъ обрисовать, главнымъ образомъ, жестами, позой, а не выраженіемъ ихъ лица.

Кратиръ изъ Орвіето показываетъ, какой огромный шагъ впередъ сдѣлала греческая вазовая живопись въ рисункѣ въ сравненіи съ архаическимъ строгимъ стилемъ: жесты, позы, движенія на картинахъ кратира свободнѣе, богаче, разнообразнѣе; впервые здѣсь является правильное изображеніе лица въ три четверти; впервые здѣсь видимъ настоящее выраженіе на лицахъ.

Совершенно новая манера композиціи, не зависящая ни отъ какого традиціоннаго типа,—манера, которая обнаруживается и въ равномѣрномъ распредѣленіи фигуръ по всей поверхности картины и въ выборѣ момента сцены, новая манера характеристики фигуръ, значи-

---

[1]) Bull., 1881, 276 слл. (Helbig); Mon. XI, 38tav.—40.

тельный прогрессъ рисунка, — все это указывало Роберту на то, что композиціи кратира изъ Орвіето должны находиться подъ вліяніемъ монументальнаго искусства. Такъ какъ распредѣленіе фигуръ на картинахъ Полигнота, по описанію Павсанія, было именно такое, какъ на кратирѣ изъ Орвіето, такъ какъ, кромѣ того, Полигнотъ въ своихъ композиціяхъ тоже давалъ большое количество героевъ и также, главнымъ образомъ, въ спокойныхъ положеніяхъ,—такъ какъ, далѣе, особенно характернымъ было у фигуръ Полигнота выраженіе лица, то кратиръ изъ Орвіето долженъ зависѣть отъ картины, явившейся въ школѣ Полигнота. За это говоритъ еще и то, что на кратирѣ въ мотивахъ фигуръ видимъ повторенія мотивовъ, засвидѣтельствованныхъ для картинъ Полигнота (позы Гектора, Антилоха). Наконецъ, совпаденіе сюжета одной изъ картинъ кратира съ сюжетомъ миконовой картины въ Анакіонѣ привело Роберта къ тому результату, что „Аргонавты" кратира—не что иное, какъ сокращенная копія съ композиціи Микона. За послѣднее говорила еще одна мелочь: Миконъ иногда закрывалъ фигуры въ своихъ композиціяхъ второстепенными предметами, вслѣдствіе чего иногда видна была только часть фигуры; такое точно закрываніе фигуръ видимъ на картинахъ кратира (ср. Overbeck, SQ., 1085) [1]).

Послѣ Роберта много сдѣлалъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса Э. Поттье въ своемъ талантливомъ и солидномъ изслѣдованіи, посвященномъ аттическимъ бѣлымъ лекиѳамъ [2]).

Результаты работы Поттье сводятся къ тому, что бѣлые лекиѳы— наиболѣе важные памятники для составленія представленія о сущности и о стилѣ монументальной греческой живописи пятаго и четвертаго вѣковъ (стр. 117, 134) и прежде всего и живописи Полигнота (стр. 119). Въ самомъ дѣлѣ, на лекиѳахъ мы видимъ и тотъ же бѣлый фонъ (λεύχωμα) у картинъ, который (фонъ) примѣняла монументальная живопись (стр. 130 сл.), и тѣ же четыре главныя краски, которыя употреблялъ Полигнотъ, и то же отсутствіе свѣтовъ и тѣней, перспективы тоновъ, эффектовъ, разсчитывающихъ на иллюзію (Pottier, стр. 132). Прелесть картинъ V вѣка заключается, по отношенію къ сторонѣ технической, главнымъ образомъ, въ удивительной тонкости и чистотѣ контуровъ, въ граціи и элегантности рисунка [3]).

---

[1]) Робертъ развивалъ эти же мысли затѣмъ въ Hermes, XXII, 445 сл., XXV, 422 сл.

[2]) E. Pottier, Étude sur les lécythes blancs attiques à représentations funeraires, 1883.

[3]) Ср. Lenormant, Gaz. d. beaux-arts, 1864. II, 498.

Если монументальное искусство примѣняетъ живопись энкаустикой, то въ этомъ не къ чему было слѣдовать ему мастерамъ бѣлыхъ лекиѳовъ, краски на картинахъ которыхъ было гораздо проще и естественнѣе укрѣпить легкимъ обжиганіемъ въ печи (Pottier, стр. 102)[1]. Не менѣе техники говоритъ за зависимость лекиѳовъ отъ монументальной живописи и стиль ихъ рисунковъ.

Полигнотъ произвелъ въ живописи переворотъ, подобный тому, который Фидій сдѣлалъ въ скульптурѣ. Жесткія и угловатыя формы архаическаго искусства дѣлаются теперь болѣе мягкими и гибкими; доселѣ безстрастныя фигуры пріобрѣтаютъ живое выраженіе; ноги у фигуръ теперь дѣйствительно ходятъ или правильно стоятъ; складки платья становятся естественнѣе и элегантнѣе. Если мы сравнимъ картины бѣлыхъ аттическихъ лекиѳовъ съ картинами вазъ строгаго стиля, мы увидимъ, что по стилю первыя отличаются какъ разъ такъ, какъ должны были отличаться картины Полигнота отъ картинъ архаической живописи. Бѣлые лекиѳы стали какъ разъ выдѣлывать тогда, когда принципы новаго искусства были признаны уже всѣми отраслями искусства. Однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго искусства было точное изученіе природы (ср. Overbeck, SQ., 1044). Извѣстно, какъ хорошо знаютъ человѣческую фигуру мастера лекиѳовъ (Pottier, стр. 123). Далѣе, весьма характерно было для Полигнота идеализированіе человѣка (Overbeck, SQ., 1078). Отсюда Полигнотъ особенно любилъ прекрасныя юныя фигуры (Overbeck, SQ., 1050)[2]. И въ этихъ отношеніяхъ рисунки лекиѳовъ представляютъ полную аналогію съ произведеніями монументальной живописи.

Если картины лекиѳовъ являются полнымъ отраженіемъ общей жизни монументальной живописи, то есть среди нихъ и такія, гдѣ можно усматривать прямыя заимствованія изъ картинъ Полигнота. Такъ, Поттье считаетъ возможнымъ, что часто встрѣчающаяся на лекиѳахъ композиція, изображающая Харона съ его ладьей и тѣхъ, которыхъ онъ долженъ перевезти въ ладьѣ, восходитъ въ своей первоначальной схемѣ къ Полигноту (стр. 129). Однако, картины лекиѳовъ указываютъ на то, что авторы этихъ картинъ никогда не копировали рабски оригиналовъ монументальнаго искусства; и у ремесленниковъ нельзя отнимать

---

[1]) Клейнъ (Euphronios[2], 97) считалъ возможнымъ употребленіе энкаустики и въ вазовой живописи. Намъ кажется, однако, что Поттье справедливо возражаетъ противъ этого. Ср. Brougniart, Traité céram, I, 565. Часто лекиѳы послѣ раскраски вовсе не обжигались, и краски оставались незакрѣпленными, отъ чего онѣ такъ легко и пропадаютъ.

[2]) Ср. K. O. Müller-Welcker, Handb. d. Archäol., 124.

извѣстной доли воображенія и свободы, которыя были у нихъ при писаніи картинъ (Pottier, стр. 121 сл.) [1]). Въ ту цвѣтущую эпоху греческаго искусства, къ которой принадлежатъ бѣлые лекиѳы, ремесленниковъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, почти и не было. Часто у самыхъ заурядныхъ мастеровъ лекиѳовъ мы видимъ знаніе принциповъ самой тонкой эстетики; развитой художественный вкусъ, высокое пониманіе искусства, равно какъ и солидное знаніе техники, не составляло тогда привилегіи только малочисленной интеллектуальной аристократіи, какъ въ наши дни: нѣтъ, всѣ эти качества были тогда достояніемъ народа. Отсюда и вся важность бѣлыхъ лекиѳовъ: мы имѣемъ возможность судить о монументальной живописи V вѣка по оригинальнымъ памятникамъ, явившимся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ картинъ великихъ мастеровъ [2]). Вотъ главныя качества греческой живописи эпохи Полигнота и Фидія, судя по бѣлымъ лекиѳамъ: при всемъ несовершенствѣ техники, при всѣхъ тѣхъ весьма скромныхъ средствахъ, которыми она располагала, греческая живопись достигла истинно-прекраснаго; изумительная чистота и простота исполненія, элегантность, корректность рисунка, тонкая гармонія композиціи характеризуютъ ея внѣшнюю сторону; тонкая характеристика, нѣжная задушевность и простота, оптимизмъ и идеализмъ характерны для ея внутренней стороны [3]).

Таковы идеи Поттье объ отношеніяхъ картинъ бѣлыхъ аттическихъ лекиѳовъ къ современному имъ монументальному искусству.

Результаты работъ Роберта и Поттье были одинаковы въ томъ отношеніи, что оба ученые констатировали вліяніе живописи Полигнота на вазахъ не архаическаго строгаго стиля, а на вазахъ такъ называемаго прекраснаго стиля. Ихъ результаты, такимъ образомъ, вполнѣ подтверждали то, что высказывали еще Россъ, Клюгманнъ и Бруннъ. Однако, никому изъ названныхъ ученыхъ не удалось опровергнуть мнѣніе, котораго держались Вельнеръ, О. Янъ, Гельбигъ и др. Ни Робертъ ни Поттье не доказали того, что на вазахъ строгаго стиля не могло отражаться вліянія искусства Полигнота. Если Робертъ относилъ кратиръ изъ Орвіето къ началу IV вѣка (ср. Annali, 1882, 274), невольно противъ него являлись возраженія.

---

[1]) Беннդорфъ (Griech. u. Sicil. Vasenbilder, 8), Робертъ (Thanatos, 21) и др. несправедливо умаляютъ эти качества греческихъ вазовыхъ мастеровъ.

[2]) Къ подобнымъ выводамъ насчетъ бѣлыхъ лекиѳовъ приходитъ и Мёррэ. Ср. Murray, Handbook of greek archaelogy, 364; White athenian vases in the British Museum, 5 сл.

[3]) Ср Robert, Thanatos, 27.

Съ тѣхъ поръ, какъ картина Микона была написана и до эпохи, къ которой относится ваза, прошло такъ много времени, и при томъ такого времени, когда жило такъ много замѣчательныхъ художниковъ, что вполнѣ возможно, что въ композиціи не осталось ничего, характернаго для школы Полигнота. Кромѣ того, несомнѣнно, что внѣшнихъ вліяній какого-нибудь великаго художника (въ родѣ заимствованія сюжета) на вазовыхъ мастеровъ скорѣе можно ожидать не 60 или 50 лѣтъ спустя, а сейчасъ же вслѣдъ за появленіемъ знаменитой картины. Если къ этому присоединить еще, что къ эпохѣ Полигнота и Микона относились вазы строгаго стиля, а между послѣдними было не мало такихъ, гдѣ и сюжеты (киликъ Евфронія въ Луврѣ), и отдѣльные группы и мотивы (ср. примѣры у Klein'a, Euphr.[2], 172 слл., и у Hartwig'a, Meistersch.), находили себѣ прямыя аналогіи въ картинахъ Полигнота, то, разумѣется, такія внѣшнія совпаденія многимъ сильнѣе говорили за то, что именно по вазамъ строгаго стиля надо судить о Полигнотѣ, чѣмъ какія бы то ни было тонкія разсужденія объ общемъ характерѣ полигнотова стиля,—сильнѣе потому, что послѣднія всегда бываютъ субъективны.

Подобныя возраженія вполнѣ можно было сдѣлать и Поттье. Если лекиѳы Поттье относилъ ко 2-й половинѣ V и къ IV вѣку, то всякій могъ утверждать, что на ихъ картинахъ отражается не живопись школы Полигнота, а искусство болѣе позднихъ мастеровъ. Что касается техники, то полихромную живопись (и съ тѣми же 4 основными красками) на бѣломъ фонѣ мы видимъ уже на такъ называемыхъ „локрскихъ" бѣлыхъ лекиѳахъ, большая часть которыхъ принадлежитъ строгому стилю, а затѣмъ и на аттическихъ киликахъ съ бѣлою облицовкою внутри, киликахъ, которые выдѣлывались уже въ мастерскихъ Евфронія, Брига и другихъ мастеровъ строгаго стиля. Такъ какъ такіе бѣлые килики являются как разъ одновременно съ вазами, рисунки которыхъ, по другимъ основаніямъ, уже считались стоящими подъ вліяніемъ Полигнота, то естественно было видѣть въ появленіи бѣлыхъ киликовъ именно теперь новое доказательство въ пользу того, что строгій стиль даетъ наиболѣе точное представленіе о стилѣ Полигнота.

Казалось, было достаточно основаній въ пользу послѣдняго мнѣнія. Объясняя литературныя свидѣтельства, касающіяся Полигнота, изслѣдователи признавали необходимымъ считаться при этомъ съ тѣмъ, что даютъ еще вазы строгаго стиля.

Подробнѣе старался обосновать это Клейнъ [1]). По его мнѣнію,

[1]) W. Klein, Euphronios. Eine Studie zur Geschichte der griechischen Malerei. 2-е изданіе, 1886.

вліяніе полигнотовой живописи на вазахъ строгаго стиля внѣшнимъ образомъ сказалось прежде всего въ томъ, что теперь является цѣлая масса вазъ, рисунки которыхъ отличаются большой величиной масштаба (Klein, 52, 56). При этомъ извѣстное мѣсто Эліана (Overbeck, SQ., 1076) Клейнъ объяснялъ такъ (вслѣдъ за О. Яномъ и др.)., что тамъ говорится о томъ, будто фигуры на картинахъ Полигнота были въ натуральный человѣческій ростъ (стр. 129).

Вазы, на которыя указывалъ Клейнъ, въ росписи отличаются отъ традиціоннаго типа: у нихъ мы видимъ отдѣльныя картины (при чемъ отношеніе высоты къ ширинѣ картины равняется приблизительно $^1/_3$), между тѣмъ какъ до того времени обыкновенно вся поверхность вазы расписывалась равномѣрно. Такое выдѣленіе прямоугольныхъ картинъ (ср. особ. композицію, изображающую борьбу Геракла съ Антеемъ, Евфронія) [1]), по мнѣнію Клейна, обнаруживаетъ у вазовыхъ мастеровъ стремленіе къ живописной иллюзіи и выдаетъ зависимость авторовъ такихъ картинъ отъ композицій монументальной живописи половины V вѣка.

Весьма важнымъ кажется Клейну для рѣшенія вопроса и совпаденіе сюжета на киликѣ Евфронія съ сюжетомъ картины Микона. Клейнъ полагаетъ, что не только несомнѣнно киликъ Евфронія явился подъ вліяніемъ Микона, но что именно картина этого килика даетъ „о сущности полигнотова искусства болѣе ясное представленіе, нежели все прочее, что̀ до насъ дошло“ (стр. 192).

Останавливаясь подробно на разборѣ композицій и стиля Евфронія, Клейнъ находитъ у этого мастера отраженіе той отличной характеристики, того глубокаго выраженія лица, — которыми славились фигуры Полигнота: чаша Евфронія съ изображеніемъ смерти Троила (Klein, 213—240) даетъ ясное понятіе о сущности полигнотова ѳѳоса. То же можно сказать, по мнѣнію Клейна, о чашахъ строгаго стиля, сюжетами которыхъ у одной является смерть Кассандры (Ann., 1877, tav. N), а у другой (Gerhard, Trinksch. u. Gefässe, Taf. C) — смерть Пенѳесилеи, или о чашѣ Дуриса съ изображеніемъ сцены вооруженія (W. Bl., VII, 1).

Явные слѣды вліянія полигнотовой живописи замѣтны и въ композиціи (тоже явившейся въ строгомъ стилѣ) — изображающей Эѳру съ сыновьями Ѳесея (стр. 172). Киликъ Евфронія и другія вазы строгаго стиля съ изображеніемъ сценъ изъ взятія Трои, по Клейну, тоже яви-

[1]) Klein, M., 137, l. Ваза принадлежитъ Лувру.

лись отчасти подъ вліяніемъ полигнотовыхъ картинъ, находившихся въ Дельфахъ и въ Аѳинахъ и изображавшихъ паденіе Иліона.

Драматизмъ въ картинахъ Евфронія и другихъ мастеровъ строгаго стиля (ср. стр. 213 слл., 230 слл.) для Клейна находитъ себѣ аналогіи въ искусствѣ Полигнота, котораго, по духу, еще въ древности сравнивали съ лучшими аттическими трагиками (Klein, стр. 237 слл.). Въ трактовкѣ отдѣльныхъ фигуръ въ строгомъ стилѣ Клейнъ также указываетъ вліяніе стиля Полигнота. Мотивъ живописнаго обнаженія тѣла у Кассандры (на чашѣ, Ann. 1877, N) явился подъ вліяніемъ Полигнота (ср. Anthol., XVI, 150; Overbeck, SQ., 1061) [1]). Одежда въ строгомъ стилѣ трактуется, какъ извѣстно, такъ, что сквозь нее видно тѣло во всѣхъ его подробностяхъ; ея складки—чисто условны, не сообразуются съ формами, которыя она облекаетъ. Одежда существуетъ въ строгомъ стилѣ еще какъ-бы сама по себѣ: она не драпируетъ тѣла. Не будучи въ состояніи дать настоящей жизни одеждѣ, художники строгаго стиля прибѣгаютъ къ своеобразной, чисто условной трактовкѣ. Сознавая, что одежда должна быть „эхомъ фигуры", они, для достиженія этого, прибѣгаютъ къ схемѣ: одежда ихъ фигуръ совершенно лишена матеріальнаго характера, ничего не скрываетъ. Клейнъ полагаетъ, что также точно трактовалъ одежду и Полигнотъ, и что именно такую трактовку имѣютъ въ виду наши литературные источники (Overbeck, SQ., 1075) [2]).

Полигнотъ, такимъ образомъ, по Клейну (стр. 213), еще не далъ настоящаго разрѣшенія вопроса о взаимоотношеніи тѣла и одежды. Что касается выраженія, то и самыя лучшія фигуры строгаго стиля (кратиръ Евфронія съ изображеніемъ борьбы Геракла съ Антеемъ, Klein, M., 173,1; котила Пистоксена, Klein, M., 149,2, и т. д.) все же не совершенны: достаточно того, что на всѣхъ нихъ нѣтъ правильнаго профиля глаза. Клейнъ долженъ признать, такимъ образомъ, что полигнотовы фигуры не давали еще настоящей характеристики. Голова Антея съ пріоткрытымъ ртомъ на картинѣ кратира Евфронія, по Клейну,—несомнѣнное созданіе по оригиналу Полигнота (ср. Overbeck, SQ., 1075). Такъ какъ большая часть фигуръ строгаго стиля крайне схематичны и условны, то Клейнъ думаетъ, что вліяніе Полигнота и вообще монументальной живописи сказывается далеко не на всѣхъ фигурахъ вазъ строгаго стиля (Klein, Euphr.², 133 слл.). Однако, какъ въ пріоткрытомъ ртѣ Антея (хотя такое пріоткрываніе рта видимъ еще

[1]) Ср. введеніе.
[2]) Ср. Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 20 (29).

въ черно-фигурной живописи [1]), Клейнъ усматриваетъ вліяніе Полигнота, такъ и пестрый головной уборъ гетеры на петербургскомъ псиктирѣ Евфронія (Спб., 1670) ему сейчасъ напоминаетъ mitrae versicolores полигнотовыхъ фигуръ (Overbeck, SQ., 1075) и т. д. Извѣстный киликъ Евфронія въ Берлинскомъ музеѣ (№ 2282; Hartwig, Meistersch., Taf. LI—LII) съ полихромной картиной, исполненной на бѣломъ фонѣ внутри его, Клейнъ относитъ ко времени около 440 года (стр. 250) и ничтожныя попытки моделировать фигуры, которыя (попытки) мы наблюдаемъ на картинѣ этого килика, объясняетъ вліяніемъ скіаграфа Аполлодора (ср. Overbeck, SQ., 1641 слл.).

Такъ какъ большею частью считали, что красно-фигурная живопись явилась приблизительно въ ту эпоху, когда въ Аѳинахъ выступаетъ Полигнотъ (около 470 г.), то и самое появленіе новой техники въ вазовой живописи ставилось въ связь съ искусствомъ Полигнота, который открылъ новую эру въ аттической живописи [2]).

По этой же причинѣ (т. е. потому, что вазы строгаго стиля датировались временемъ, начиная приблизительно съ 470 года), взгляды Клейна насчетъ отношеній вазовой живописи къ монументальному искусству раздѣлялись большинствомъ ученыхъ. Серьезно поколебать ихъ можно было бы лишь тогда, когда удалось бы показать, что хронологія вазъ, которой держались Клейнъ и другіе, не вѣрна.

Хронологія Росса считалась совершенно парадоксальной и никѣмъ почти не была принята [3]).

Не нашлось многихъ сторонниковъ и у Брунна [4]). Напротивъ, его „Probleme in der Geschichte der griechischen Vasenmalerei" встрѣтила горячія возраженія [5]).

Такимъ образомъ, большая часть ученыхъ считали хронологію Яна и Клейна заслуживающею рѣшительнаго предпочтенія.

Поэтому, когда Клейнъ издалъ 2-мъ изданіемъ своего „Euphronios" (1886), нѣкоторымъ казалось, что взглядъ, будто строгій стиль есть стиль полигнотовой живописи, одержалъ окончательную побѣду. Такъ Милани (Mus. Ital., III, 1, 281) говоритъ, что послѣ изслѣдованія Клейна едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что картина килика

---

[1]) Ср. Girard, Mon. Grecs, 23—25 (1895—1897), 11 слл.

[2]) Ср. Rayet-Collignon, Histoire de la céramique grecque, введеніе къ обзору красно-фигурныхъ вазъ.

[3]) Ср. объ этомъ ниже, въ третьей главѣ.

[4]) Только Гельбигъ одно время считался и соглашался съ гипотезой Брунна. Ср. Helbig, Ann., 1871, 93 слл.

[5]) Ср. Klein, Euphr.², 5.

Евфронія, изображающая Θесея передъ Амфитритой, возникла подъ вліяніемъ картины Микона [1]). Такъ Райэ и Коллиньонъ судятъ о живописи Полигнота по вазамъ Евфронія (ук. с.).

Однако, оставаться безъ возраженій гипотеза Клейна, конечно, не могла. Еще вслѣдъ за 1-мъ изданіемъ „Евфронія“ Клейнъ нашелъ противника въ лицѣ Винтера, избравшаго вопросъ объ отношеніяхъ вазовой живописи къ монументальному искусству предметомъ спеціальной работы [2]).

Появленіе сразу въ вазовой живописи картинъ большого масштаба объяснять непремѣнно вліяніемъ Полигнота, какъ дѣлалъ Клейнъ, Винтеръ рѣшительно не находитъ возможнымъ. Если бы даже дѣйствительно фигуры на полигнотовыхъ картинахъ были въ натуральный человѣческій ростъ, то и въ этомъ Полигнотъ не былъ вовсе создателемъ чего-либо новаго, и большія фигуры не составляютъ для Полигнота ровно ничего особенно характернаго: уже задолго до него аттическая живопись знала фигуры въ человѣческій ростъ, какъ о томъ ясно говоритъ извѣстная стела Лисія (Conze, Die attischen Grabreliefs, Taf. I).

Далѣе Винтеръ указываетъ на то, что литературныя свидѣтельства, относящіяся къ Полигноту и его искусству, нельзя примирить съ тѣмъ, что даютъ вазы развитого строгаго стиля. Мы не видимъ у фигуръ на этихъ вазахъ ни выраженія и характеристики, которыми такъ знаменитъ былъ Полигнотъ, ни полигнотовой тонкости въ трактовкѣ одежды, ни свободы въ движеніяхъ фигуръ, ни особеннаго богатства въ ихъ группировкѣ. Между тѣмъ всего этого, зная литературные источники, у Полигнота мы безусловно ожидаемъ. По всему, что намъ передано о Полигнотѣ, его стиль имѣетъ ближайшія аналогіи не въ архаическихъ памятникахъ, къ каковымъ относятся вазы строгаго стиля, а въ свободномъ искусствѣ Фидія.

Опровергая мнѣніе Клейна о томъ, что вазы строгаго краснофигурнаго стиля въ стилѣ ихъ рисунковъ зависятъ отъ Полигнота, Винтеръ всецѣло еще держался той же хронологіи вазъ, какъ и Клейнъ. Поэтому Винтеръ считалъ вполнѣ возможнымъ, что Евфроній, изображая Θесея передъ Амфитритой, зналъ уже картину

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Милани: «Scena... di Teseo presso Anfitrite, la quale, dopo gli studi del Klein, credo non si possa più dubitare sia stata effettivamente dedotta dal grande quadro di quel soggetto dipinto da Micone nel Theseion».

[2]) Fr. Winter, Die jüngeren attischen Vasen und ihr Verhältniss zur grossen Kunst, 1885.

*

Микона. У Микона, по Винтеру, онъ взялъ сюжетъ своей картины, но, что касается стиля рисунка, остался отъ него совершенно независимымъ (Winter, 41). Даже больше, чѣмъ только въ сюжетѣ, Евфроній зависитъ, по Винтеру, отъ Микона. Та же самая фигура Аѳины, которую мы видимъ на киликѣ Евфронія въ центрѣ композиціи, встрѣчается еще разъ, безъ всякихъ измѣненій, на одномъ киликѣ, принадлежащемъ ватиканскому Museo Gregoriano [1]). Винтеръ не колеблется признать въ ватиканскомъ киликѣ произведеніе Евфронія [2]). Евфроній не любитъ вообще повторяться [3]). Если онъ два раза повторилъ одну и ту же фигуру на двухъ вазахъ, то это, по Винтеру, ясное доказательство, что фигура Аѳины заимствована имъ съ особенно славившагося оригинала монументальнаго искусства (Winter, 43). Киликъ съ изображеніемъ Ѳесея передъ Амфитритой убѣждаетъ Винтера, что таковымъ оригиналомъ была картина Микона въ Ѳесіонѣ (Winter, 41). Въ фигурѣ Аѳины, по его мнѣнію, сохранилось и больше всего чертъ оригинала [4]). И, однако, къ чему же все это сводится? То, что заимствовалъ Евфроній, полагаетъ Винтеръ, ничуть не стиль фигуры, а лишь мотивъ (та же постановка, тотъ же поворотъ головы, тѣ же аттрибуты и т. д.) [5]).

Ни одна картина на вазахъ строгаго стиля (даже если бы она и зависѣла отъ монументальнаго искусства въ сюжетѣ) не зависитъ отъ него никогда въ композиціи и вообще въ стилѣ и потому никогда не можетъ давать опредѣленнаго представленія о современномъ ей монументальномъ искусствѣ. Такъ резюмируетъ (стр. 43) Винтеръ свои мысли насчетъ вазъ развитого красно-фигурнаго строгаго стиля, который онъ считаетъ одновременнымъ съ Полигнотомъ. Этотъ выводъ относительно строгаго стиля обусловливаетъ у Винтера другой насчетъ отношеній вазъ прекраснаго стиля къ Полигноту. Если вазовые мастера, современные Полигноту и его ученикамъ, не подчинились вліянію этихъ художниковъ, то тѣмъ менѣе можно ожидать стили-

---

[1]) Helbig-Reisch, Rome, II, 336; Mus. Greg., II, tav. 86, 1; Gerhard, Jason des Drachen Beute. Mon., II. tav. 35; Baumeister. Denkm., I, 129; ср. Winter, 41 и пр. 1.

[2]) Winter, 42. Мы согласны съ Рейшемъ у Гельбига (ук. с.), что стиль килика скорѣе обнаруживаетъ руку Дуриса.

[3]) Ср. Winter, 43.

[4]) Ср. стр. 43: «ist es von allen Figuren der Theseusdarstellung gerade die Athena, in welcher am meisten von dem Original bewahrt ist».

[5]) Ср. наши замѣчанія въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, отд. класс. фил., 37, гдѣ мы, расходясь съ Винтеромъ, старались показать, что фигуры Аѳины на картинѣ Микона не было. Ср. Klein, Euphr.[2]. ук. м.

стической зависимости отъ полигнотовой школы у вазовыхъ мастеровъ прекраснаго стиля, который процвѣталъ, по Винтеру, съ послѣднихъ десятилѣтій V вѣка (стр. 43). Большая часть вазовыхъ картинъ прекраснаго стиля, которыя (картины) даже несомнѣнно въ сюжетахъ зависятъ отъ картинъ монументальной живописи [1]), не обнаруживаютъ непосредственной зависимости отъ нихъ въ стилѣ. Дѣло въ томъ, что эти вазы стилистически нисколько не отличаются отъ тѣхъ, которыя въ формахъ ихъ рисунковъ, какъ думаетъ Винтеръ, зависятъ отъ Фидія, и которыя принадлежатъ тому же времени.

Отъ Фидія и отъ его школы зависитъ въ формахъ рисунка, композиціи, мотивахъ и т. д., по мнѣнію Винтера, цѣлый рядъ вазъ конца V вѣка. „Ни въ одну эпоху, говоритъ онъ (стр. 35), произведенія монументальнаго искусства не эксплоатировались вазовыми мастерами въ такой степени, какъ теперь. Многія вазовыя картины представляютъ ни что иное, какъ совершенныя повторенія композицій или ихъ частей монументальнаго искусства. Такъ картина, служащая украшеніемъ весьма изящнаго кувшина Museo Gregoriano въ Ватиканѣ [2]), прямо копируетъ 2 метопа Пареенона“ [3]).

Мастеръ вазы, изданной у Гергарда (A. V., 329 — 330), взялъ, по мнѣнію Винтера [4]), группу трехъ конныхъ амазонокъ направо съ сѣвернаго фриза Пареенона (Michaelis, Parthenon, Atlas, Taf. 13, XXXVIII). Точно также „едва ли кто-нибудь сталъ бы полагать, будто мастеръ, расписавшій амфору, изданную Бенндорфомъ (Griechische und Sicilische Vasenbilder, Taf. 9), самъ изобрѣлъ мотивъ гидрофора (юноши, несущаго гидрію), — мотивъ, каждому извѣстный по фризу Пареенона“ [5]).

Если амазонки на вазѣ (Gerhard, 329 — 330) столь сходны со всадниками на фризѣ Пареенона, то амазономахія, украшающая арибаллъ Неаполитанскаго музея [6]), которая (амазономахія) такъ сходна по стилю съ вазой, изданной у Гергарда [7]), и отличается отъ другихъ

[1]) Винтеръ для примѣра приводитъ (стр. 43 сл.) слѣдующія вазы: 1) вазы прекраснаго стиля съ изображеніемъ сраженій грековъ съ амазонками; 2) Mon. X, tav. 53; W. Bl., D, Taf. 12, 3a. 3b; 3) Gerhard, A. V., 327 — 328; 4) Mon., IX, tav. 42; W. Bl., D, 12, 2a. 2b.

[2]) Helbig-Reisch, Rome, II, 332.

[3]) Ср. Michaelis, Parthenon, 139; Winter, 35; ср. В. К. Мальмбергъ, Метопы древне-греческихъ храмовъ, табл. III, стр. 98 сл.

[4]) Winter, ук. м.

[5]) Winter, 36.

[6]) Fiorelli, Notizia dei Vasi Cumani, tav. 8.

[7]) Ср. Winter, ук. м.

вазовыхъ картинъ, посвященныхъ тому же сюжету, — выдаетъ оригиналъ, подъ вліяніемъ котораго явилась и ваза у Гергарда и ваза Неаполитанскаго музея. Это—полагаетъ Винтеръ (стр. 36)—амазономахія, которую Фидій изобразилъ на щитѣ своей Аѳины-Дѣвы [1]. На щитѣ фигуры были расположены такъ же, какъ и на неаполитанской вазѣ [2]. Стиль фигуръ указываетъ на Фидія. Особенно громко и ясно говоритъ за прямую зависимость отъ Фидія мастеровъ обѣихъ вазъ то обстоятельство, что и на той и на другой вазѣ мы встрѣчаемъ какъ разъ только тѣ мотивы, которые заполняли нижнюю часть щита и которые только при большихъ размѣрахъ щита и можно было спокойно наблюдать и точно распознать [3]. Это, въ глазахъ Винтера, рѣшительно говоритъ противъ того, чтобы композиція щита и обѣ картины на вазахъ зависѣли отъ какого-нибудь общаго живописнаго оригинала [4].

То обстоятельство, что въ прекрасномъ стилѣ явно преобладаютъ картины, гдѣ не изображается самое дѣйствіе и гдѣ фигуры находятся въ спокойныхъ положеніяхъ, по мнѣнію Винтера, заставляетъ сейчасъ вспомнить о фризѣ Парѳенона. Съ послѣднимъ, далѣе, общимъ является и весьма замѣтное, въ сравненіи съ картинами строгаго стиля, сокращеніе разныхъ аттрибутовъ, которые только чисто внѣшнимъ образомъ характеризуютъ фигуры въ архаическомъ искусствѣ. Нѣкоторыя вазы (напр., киликъ Британскаго музея Е 82) прекраснаго стиля, по Винтеру, не только приближаются къ фризу Парѳенона по общему пониманію и типамъ извѣстныхъ фигуръ (напр., боговъ), но и по ихъ группировкѣ, позамъ и т. д.

Весьма любопытно теперь то, что на выборъ того или другого сюжета у вазовыхъ мастеровъ весьма часто вліяло не самое содержаніе сцены, а ея обработка и трактовка великими художниками. Теперь часто изображаются подвиги Ѳесея, сраженія съ амазонками; этими сюжетами, какъ мы знаемъ, усердно занималось высокое искусство V вѣка. Теперь часто на вазахъ видимъ сцены жертвоприношеній; онѣ, думаетъ Винтеръ (стр. 64), возникли подъ вліяніемъ рельефовъ балюстрады храма Безкрылой Побѣды.

---

[1]) Ср. B. Gräf y Pauly-Wissowa, Realencykl., I, 2, 1781.

[2]) О композиціи на щитѣ Аѳины-Дѣвы см. Collignon, Sculpture, I, 545 слл., и Overbeck, Plastik[4], I, 353 слл., гдѣ приведена и спеціальная литература.

[3]) Winter, 37: «spricht der Umstand laut und deutlich für direkte Benutzung des plastischen Bildwerkes, dass gerade nur diejenigen Motive auf den beiden Vasen wiederkehren, welche den unteren Teil des Schildes ausfüllten und daher bei der Grösse desselben allein bequem zu übersehen und genau zu erkennen waren».

[4]) Winter, ук. м.

Большею частью вазовые мастера стоятъ, впрочемъ, довольно самостоятельно по отношенію къ великимъ художникамъ: рабски они ихъ не копируютъ. Только изрѣдка попадаются примѣры, гдѣ вазовый мастеръ стремился точно срисовать группу или мотивъ съ чужого оригинала (Winter, 36 сл.).

Итакъ, по Винтеру, вазы прекраснаго стиля зависятъ, главнымъ образомъ, въ рисункѣ и формахъ своихъ фигуръ отъ Фидія и его школы, поскольку мы знаемъ ихъ по скульптурамъ Парѳенона (ср. Winter, 41).

Однако, еще гораздо естественнѣе и ближе ожидать на вазовыхъ картинахъ вліянія монументальной живописи (Winter, 38). Винтеръ вполнѣ принимаетъ соображенія Роберта относительно „Аргонавтовъ" на кратирѣ изъ Орвіето (стр. 44 сл.). Картины кратира стоятъ совершенно особнякомъ въ греческой керамикѣ и уже по своей чрезвычайной оригинальности заставляютъ думать о вліяніи монументальнаго искусства. Характеристика, сообщающая столько индивидуальной жизни каждой фигурѣ на картинахъ кратира и мало заботящаяся о красотѣ физіономіи [1]) смѣлость позъ и движеній фигуръ, рѣшительно выдѣляютъ кратиръ изъ заурядныхъ издѣлій керамики этого времени.

Винтеръ ставитъ кратиръ, на основаніи еще значительныхъ остатковъ архаизма въ стилѣ фигуръ его картинъ, гораздо раньше, чѣмъ ставили его Гельбигъ [2]) и Робертъ, руководясь тѣмъ, что будто та манера композиціи, которую мы видимъ на кратирѣ, встрѣчается только на довольно позднихъ вазахъ. Кратиръ принадлежитъ времени, еще близкому къ эпохѣ строгаго стиля: по Винтеру, онъ явился около 430 года. Въ эту эпоху вліянія Фидія еще не чувствуется, но вмѣстѣ съ тѣмъ пора архаическаго строгаго стиля уже миновала. Композиція картинъ кратира изъ Орвіето такова, какою, по описанію Павсанія, должна была быть композиція полигнотоваго „Аида" въ Дельфійской лесхѣ. Композиція, общій характеръ и сюжетъ картины кратира изъ Орвіето убѣждаютъ насъ, что въ этой картинѣ мы имѣемъ до мелочей проведенное подражаніе какой-нибудь картинѣ Полигнота или одного изъ его послѣдователей [3]).

Опираясь на то, что кратиръ изъ Орвіето стоитъ подъ непосредствен-

[1]) Ср. ниже.

[2]) Helbig, Bull., 1881, 276 сл. Гельбигъ относилъ кратиръ къ половинѣ IV вѣка.

[3]) «Alles, was wir von polygnotischer Kunstart wissen, stimmt so auffallend mit der Zeichnung dieses Vasenbildes überein, dass wir uns kaum der Vermuthung erwehren können in demselben eine bis ins Einzelne durchgeführte Nachahmung eines Werkes des Polygnot oder eines zeitgenössischen Malers derselben Richtung zu besitzen». Winter, 45, 49.

нымъ вліяніемъ искусства Полигнота, а вазы развитого прекраснаго стиля (напр., чаша съ изображеніемъ Кодра) — подъ вліяніемъ фидіевой школы [1]), и принимая въ разсчетъ литературныя свидѣтельства о Полигнотѣ, Винтеръ старался опредѣлить отношенія искусства Фидія къ Полигноту. Его результаты сводятся къ тому, что Фидію удалось достигнуть болѣе высокой красоты въ формахъ, чѣмъ то могъ сдѣлать Полигнотъ, и, кромѣ того, Фидій умѣло соблюдалъ художественную мѣру въ характеристикѣ фигуръ, между тѣмъ какъ Полигнотъ, въ заботахъ объ экспрессіи и характеристикѣ, не стѣснялся вводить въ свои картины мотивы, которые, правда, были весьма свѣжи и живы, но вносили нѣкоторую грубость: картины Полигнота, какъ и скульптуры храма Зевса въ Олимпіи, въ сравненіи съ мраморами Пареенона, въ стилѣ не достигаютъ того идеальнаго благородства и красоты, которыя на вѣчныя времена прославили Фидія, но зато отличались большею силою характеристики и натурализмомъ. Но, разумѣется, олимпійскія скульптуры ниже картинъ Полигнота по стилю: у нихъ нѣтъ тонкости рисунка и полигнотова эөоса (Winter, 47). Нѣкоторое сходство олимпійскихъ скульптуръ въ стилѣ съ твореніями Полигнота объясняется не такъ, какъ это предполагалъ Бруннъ [2]), т. е. не тѣмъ, что и тѣ и другія вышли изъ одной художественной школы (сѣверно-греческой), а просто одновременностью; въ первой половинѣ V вѣка все греческое искусство одинаково проникнуто тѣми элементами, которые такъ рѣзко выступаютъ у Полигнота и у авторовъ олимпійскихъ скульптуръ: греческое искусство этой эпохи вообще стремится главнымъ образомъ къ характеристикѣ; оно вообще теперь натуралистично, равно какъ и вообще не выработалось еще теперь чувства настоящей художественной мѣры. Таковы, по общему направленію, кромѣ скульптуръ олимпійскаго храма и картинъ Полигнота, еще 2 и 3 селинунтскіе метопы (храмовъ F и E) [3]), вазы эпиктетовой и евфроніевой школъ (ср. Winter, 47 слл.), памятники сѣверно-греческаго искусства, о которыхъ писалъ Бруннъ (ук. с.).

Свидѣтельство Аристотеля (Overbeck, SQ., 1078) о томъ, что Полигнотъ изображалъ людей лучшими, чѣмъ они суть въ дѣйствительности, Винтеръ (стр. 48) объясняетъ такъ, что въ общемъ лишь

---

[1]) Winter, 49.

[2]) Brunn, Päonios und die nordgriechische Kunst. Sitzungsberichte d. bayrisch. Akad., 1876, 315 слл.; Die Sculpturen von Olympia, I. II, тамъ же, 1877, 4 слл.; 1878, 442 слл.

[3]) Ср. Kekule, A. Z., 1883, 229 слл.; В. К. Мальмбергъ, Метопы, 29, 58 слл.; Collignon, Sculpture, I, 331 слл., 413 слл.

картины Полигнота выводили зрителя изъ сферы заурядной дѣйствительности, тогда какъ въ мотивахъ отдѣльныхъ фигуръ Полигнотъ пользовался и тѣмъ, что даетъ эта дѣйствительность со всѣми ея случайностями и недостатками.

Какъ ни много весьма важнаго далъ Винтеръ въ вопросѣ объ отношеніяхъ вазовой живописи къ монументальному искусству, и его результаты далеко не были удовлетворительными. Многое у него сейчасъ же вызывало возраженія.

Такъ Беннидорфъ [1]), рецензируя работу Винтера, указывалъ, что Винтеръ не доказалъ того, что вазовые мастера изучали фризъ Парѳенона. Сходство композиціи рисунка на вазѣ Museo Gregoriano [2]) съ композиціей той же сцены на двухъ метопахъ Парѳенона, никоимъ образомъ не говоритъ за зависимость вазоваго мастера отъ Парѳенона. Самъ Винтеръ [3]) указываетъ, что вазовый мастеръ не далъ точной копіи съ метоповъ: фигуры Пейѳо на метопахъ нѣтъ. Кромѣ того, композиція сцены, разумѣется, не задумана для двухъ метоповъ. Такъ какъ на метопы эта композиція попала не съ вазовой картины, то скорѣе всего, заключаетъ Беннидорфъ (ук. м.), и мастеръ метоповъ и вазовый художникъ заимствовали композицію изъ монументальной живописи, которая въ V в. оказала вообще плодотворное вліяніе на всѣ отрасли искусства. Такого же мнѣнія держатся Студничка [4]), Фуртвенглеръ [5]), Дюммлеръ [6]), В. К. Мальмбергъ [7]).

Противъ Винтера говорятъ, по мнѣнію Дюммлера (Jahrb. d. Inst., II, 1887) и аттическія вазы съ изображеніемъ амазонокъ,—вазы, въ рисункахъ которыхъ есть общіе мотивы съ фризомъ Парѳенона. На бѣломъ лекиѳѣ, изданномъ Дюммлеромъ (Jahrb., ук. г. табл. 11) и находящемся теперь въ Луврѣ (E. Pottier, Vases antiques du Louvre, A, 256), изображена амазонка въ позѣ, которую видимъ у нѣсколькихъ юношей на фризѣ Парѳенона [8]). Сходство мотивовъ рисунка другой вазы, гдѣ изображены также амазонки, съ мотивами фриза Парѳенона указываетъ самъ Винтеръ (35). Луврскій лекиѳъ и упомянутая ваза совершенно независимы другъ отъ друга. Совершенно

[1]) Benndorf, Deutsche Litteraturzeitung, 1886, 1237.
[2]) Helbig-Reisch, Rome, II, 332.
[3]) Winter, 41.
[4]) Studniczka, Beiträge zur Geschichte d. griech. Tracht, 17, пр. 17.
[5]) Furtwängler, Roscher's Lexik. d. Mythologie, I, 1355.
[6]) Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 178.
[7]) Метопы, 119 слл.
[8]) Overbeck, Plastik⁴, I, f. 118, 20. 24.

невѣроятно было бы,—полагаетъ Дюммлеръ,—чтобы два вазовыхъ мастера, близкіе другъ ко другу по времени и стилю ихъ рисунковъ, независимо другъ отъ друга, вздумали измѣнить эфебовъ фриза Парѳенона въ амазонокъ! Разумѣется, скорѣе оба они зависятъ отъ какой-нибудь картины, гдѣ были изображены амазонки и, конечно, съ этой же картины заимствовалъ нѣкоторые мотивы авторъ фриза Парѳенона. Амазономахія Расписной галлереи, весьма вѣроятно, и была такою картиной.

Вообще мотивы фриза Парѳенона встрѣчаются нерѣдко на такихъ памятникахъ, которые не могутъ никоимъ образомъ зависѣть отъ Парѳенона. Фигуры въ позахъ эфебовъ, которые поставили одну ногу на возвышеніе, и фигуры въ позѣ Арея фриза Парѳенона, правда, Винтеръ указываетъ на двухъ киликахъ изъ Вульчи въ Museo Gregoriano [1]),—киликахъ, которые онъ (стр. 10 сл.), по манерѣ постановки фигуръ на ихъ рисункахъ, считаетъ возникшими послѣ фриза Парѳенона, но оба эти мотива встрѣчаются на кратирѣ изъ Орвіето, который самъ Винтеръ ставитъ въ строгую зависимость отъ полигнотовой живописи. Оба эти мотива засвидѣтельствованы и у Полигнота (Антилохъ и Гекторъ „Аида") [2]). Манера постановки фигуръ, то, какъ фигуры стоятъ, не можетъ, вопреки Винтеру, служить основаніемъ хронологіи вазъ; фигуры съ правильной постановкой eo ipso ничуть не должны быть, какъ полагалъ Винтеръ, позже Парѳенона. Совершенно невѣроятно, чтобы монументальная живопись Полигнота не умѣла еще изображать стоящія фигуры правильно [3]).

Фигуру юноши, который высоко поднялъ одну руку и держится ею за копье, а другую руку уперъ въ бокъ, мы видимъ также не на одномъ кратирѣ изъ Орвіето, а и на другихъ одновременныхъ съ ними вазахъ. Таковъ и мотивъ Эномая на олимпійскомъ восточномъ фронтонѣ [4]). Мотивъ фигуры въ такой позѣ, такимъ образомъ, скорѣе всего заимствованъ вазовыми мастерами изъ монументальной живописи. Подобной фигуры мы не видимъ на Парѳенонѣ.

Можно подобрать и еще много общихъ мотивовъ на рисункахъ вазовыхъ мастеровъ этой эпохи — такихъ мотивовъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ на Парѳенонѣ. Вообще несомнѣнно, что вазовыя картины

---

[1] Museo Gregoriano, II, A 87, Ia и 2a*.

[2]) Ср. Petersen, Die Kunst d. Pheidias, 252 сл.; Dümmler. Jahrb. d. Inst. II (1887), 170, 7.

[3]) Dümmler, ук. раб., 170.

[4]) Collignon, Sculpture, I, pl. VII—VIII.

имѣютъ гораздо больше общаго другъ съ другомъ, чѣмъ со скульптурами Парѳенона. А если такъ, то вазовыя картины вовсе не зависятъ отъ Парѳенона. Общіе ихъ мотивы объясняются инымъ общимъ источникомъ—картинами монументальной живописи (Dümmler, 170). Къ чему думать непремѣнно о вліяніи на вазовыхъ мастеровъ скульптуры? Гораздо ближе и естественнѣе принимать во вниманіе вліянія, которыя должна была оказать на вазовую живопись родственная ей монументальная живопись, тѣмъ болѣе, извѣстно, что весьма многія общественныя зданія Аѳинъ были богато украшены картинами. Живописныхъ памятниковъ древніе аѳиняне видѣли передъ собою не менѣе, чѣмъ скульптурныхъ.

Не согласился съ выводами Винтера и Фуртвенглеръ.

Разбирая композицію извѣстнаго арибалла бывшей коллекціи Сабурова (теперь въ Берлинскомъ музеѣ, № 2471) [1]), Фуртвенглеръ пришелъ къ выводу, что картина арибалла (Діонисъ и его ѳіасъ) разсчитана на прямоугольную и плоскую поверхность, а вовсе не на выпуклую поверхность круглой вазы, которую она украшаетъ. Далѣе, тонкая симметрія въ расположеніи фигуръ, свобода въ ихъ группировкѣ, замѣчательная красота и совершенство стиля доказываютъ, несомнѣнно, въ глазахъ Фуртвенглера, что композиція сабуровскаго арибалла не есть оригинальное созданіе промышленнаго искусства, а что мастеръ этой вазы творилъ, руководясь какимъ-то образцомъ искусства монументальнаго. Расположеніе фигуръ равномѣрно по всей поверхности, какъ на кратирѣ изъ Орвіето, и обозначеніе повышающейся холмистой почвы—такими же, какъ и тамъ, извилистыми линіями—показываютъ, что картина арибалла—подражаніе какой-либо картинѣ полигнотовой школы (Furtwängler, Coll. Sabouroff. Vases. Introduction, 5). Сабуровскій арибаллъ принадлежитъ уже вполнѣ развитому прекрасному стилю. Такимъ образомъ, Полигнотъ вліяетъ еще на вазы этого стиля, и было бы странно, если бы эти вазы, какъ ихъ датируетъ Винтеръ, относились лишь къ IV вѣку. Фуртвенглеръ указываетъ на то, что вазы стиля въ родѣ сабуровскаго арибалла должны быть, по времени, близки Полигноту. Во всякомъ случаѣ, алфавитъ ихъ надписей указываетъ на время до Пелопоннесской войны. (Ср. Köhler, Ath. M., X (1885), 379). По Фуртвенглеру, ихъ время—445—430 годы.

Весьма странно также полагать, какъ это дѣлаетъ Винтеръ,—что мастера строгаго красно-фигурнаго стиля знали произведенія по-

[1]) См. Furtwängler, Collection Sabouroff, I, pl. LV (и текстъ къ послѣдней)

лигнотовой школы, заимствовали изъ нихъ сюжеты и мотивы, но рѣшительно не подчинились вліянію новаго искусства въ стилѣ фигуръ. Фуртвенглеръ приходитъ къ выводу, что извѣстный киликъ Евфронія съ изображеніемъ Ѳесея передъ Амфитритой долженъ былъ явиться до картины Микона и что вообще у строгаго стиля нѣтъ никакихъ отношеній къ искусству Полигнота [1]).

Наоборотъ, на вазахъ ранняго прекраснаго стиля (кратиръ изъ Орвіето) и развитого прекраснаго вліяніе полигнотовой живописи проявляется часто и разнообразно. Съ самаго начала дѣятельности Полигнота и его школы вазовые мастера ими увлекаются. Картины Полигнота являлись рѣшительною новостью, интересомъ дня и вызывали ревностное подражаніе. Благодаря ихъ изученію, вазовые мастера измѣнили свой прежній строгій стиль на новый прекрасный. Но, конечно, все это произошло не вдругъ, а постепенно.

Вопреки Винтеру, вліяніе полигнотовой живописи на вазы не прекращается и съ того момента, когда начинаетъ господствовать школа Фидія. За это говоритъ картина сабуровскаго арибалла [2]).

Но какъ ни сильно вліяніе живописи Полигнота на вазахъ, послѣ анализа вазовыхъ картинъ надо признать, что ихъ авторы никогда не дѣлали точныхъ копій съ картинъ монументальной живописи: они ею только вдохновлялись и, благодаря этому, у нихъ такъ много аналогій съ картинами Полигнота.

Такъ, на картинѣ одной келебы Берлинскаго музея [3]) мы видимъ чрезвычайно интересную композицію, которая, по своему общему характеру, прежде всего находитъ аналогіи въ картинахъ Полигнота. Въ центрѣ композиціи изображенъ Орфей сидящимъ на небольшомъ холмѣ. Вдохновенный музыкантъ поетъ и аккомпанируетъ своему пѣнію на лирѣ. Какъ разъ противъ него стоитъ, опершись одною ногою на маленькое возвышеніе, и наслаждается пѣніемъ молодой юноша. Далѣе болѣе пожилой уже мужчина, который, видимо, намѣревался уйти съ мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, вдругъ, подъ вліяніемъ волшебной музыки, остановился въ удивленіи и тоже внимаетъ пѣнію. Сзади Орфея два юноши. Изъ нихъ одинъ всецѣло погрузился въ міръ звуковъ и закрылъ глаза, а другой, кажется, только что подошелъ, но уже весь какъ-бы превратился въ слухъ и вниманіе.

---

[1]) Furtwängler, Collect. Sabouroff, I, Vases, Introd., 6, note 4. Cp. Studniczka, ahrb. d. Inst., II (1887), 167.

[2]) Cp. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), ук. м.

[3]) Эта келеба издана Фуртвенглеромъ въ 50 Programm zum Winckelmannsfeste d. archäologischen Gesellschaft zu, Berlin, 1890, Taf. II, стр. 156 слл.

Описывая рисунокъ берлинской вазы, Фуртвенглеръ справедливо замѣчаетъ, что въ ней передъ нами — эхо произведенія великаго мастера. Въ самомъ дѣлѣ, выразить такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ краснорѣчиво дѣйствіе, которое производитъ на людей музыка, могъ только незаурядный художникъ. Конечно, авторъ вазоваго рисунка имѣетъ весьма много такого, что надо поставить въ заслугу безспорно лично ему (прекрасный, увѣренный, правильный рисунокъ, широкое исполненіе, не занимающееся мелочами и т. д.), — но въ томъ, что составляетъ здѣсь суть композиціи (выразительная картина извѣстныхъ душевныхъ настроеній),—въ этомъ мастеръ келебы Берлинскаго музея зависитъ отъ Полигнота, славившагося картинами настроеній. Именно такъ, какъ изображенъ Орфей на берлинской вазѣ, онъ изображенъ былъ въ „Аидѣ“ Полигнота. И у Полигнота Промедонтъ и Пелій внимали и наслаждались музыкой Орфея. Мотивъ юноши, стоящаго какъ разъ противъ Орфея на вазовомъ рисункѣ, прямо повторяетъ мотивъ полигнотова Антилоха, который и на дельфійской картинѣ находился близъ Орфея. Весьма вѣроятно, что къ созданію картины вазовый мастеръ вдохновился именно центральной группой полигнотова „Аида“ [1]).

Уже послѣ работы Винтера стала совершенно очевидной вся необходимость обоснованія болѣе точной хронологіи вазъ. Въ особенности необходимо было сдѣлать это по отношенію къ вазамъ строгаго краснофигурнаго стиля, неправильная датировка которыхъ, видимо, влекла за собою совершенно превратныя сужденія объ общемъ ходѣ развитія греческаго искусства въ V вѣкѣ и объ искусствѣ Полигнота въ частности. Для общей исторіи искусства было далеко небезразлично, представляютъ ли вазы строгаго стиля эхо искусства Полигнота, или объ его живописи должны давать представленіе вазы, въ родѣ арибалла бывшей коллекціи Сабурова. Двѣ совершенно различныя картины эпохи получаются точно также, смотря по тому, будемъ ли мы считать вазу Museo Gregoriano II, Tav. 5, 2a (Helbig-Reisch, Rome, II, 332) явившеюся до метоповъ Парѳенона или послѣ нихъ.

Когда явился и процвѣталъ архаическій строгій красно фигурный стиль? Когда на его смѣну пришелъ свободный „прекрасный“ стиль?

Что вообще всѣ красно-фигурныя вазы надо датировать болѣе древнимъ временемъ, чѣмъ это дѣлалъ Винтеръ, указалъ Фуртвенглеръ во II томѣ своего каталога вазъ Берлинскаго музея. Относительно строгаго стиля онъ въ изданіи коллекціи Сабурова (введеніе къ вазамъ въ I томѣ)

[1]) Ср. Robert, Nekyia, 53 сл.

пришелъ къ выводу, что процвѣтаніе этого стиля должно приходиться на начало V вѣка, а начала красно-фигурной техники восходятъ еще къ концу VI вѣка.

Фуртвенглеръ, такимъ образомъ, вернулся къ тому, что высказалъ уже Россъ.

Выводы Фуртвенглера подтвердили работы Студнички, Дюммлера, Гольверды, П. Германна, фонъ-Родена, Э. Р. фонъ-Штерна и др. [1]).

Послѣднія раскопки на Акрополѣ должны были окончательно устранить мнѣніе о какой бы то ни было зависимости мастеровъ строгаго стиля отъ полигнотовой живописи [2]).

Самыми разнообразными путями ученые приходили все болѣе и болѣе къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ давно уже пришли Россъ, Клюгманнъ и Бруннъ, а именно, что лишь вазы прекраснаго стиля могутъ зависѣть отъ полигнотовой живописи, между тѣмъ какъ вазы строгаго стиля даютъ представленіе о стадіи греческой живописи, предшествующей Полигноту.

Такъ, въ трактовкѣ одежды на вазахъ строгаго стиля Студничка видитъ манеру, которая предшествовала манерѣ Полигнота и Фидія [3]). Вѣроятно, вазовые мастера строгаго стиля завясятъ въ этомъ отъ Кимона изъ Клеонъ [4]). Какъ трактовала одежду школа Полигнота, по мнѣнію Студнички [5]) и Дюммлера [6]), даетъ понятіе уже нѣсколько разъ упомянутая нами ваза Museo Gregoriano, Tav. 5, 2a.

Дать настоящую художественно-историческую оцѣнку вазъ строгаго стиля пытались особенно Дюммлеръ (Bonner Studien, 1890, 67 слл., Beiträge zur Vasenkunde) и Гартвигъ (Die griechischen Meisterschalen, глава III).

Заслугою этихъ ученыхъ является то, что они ввели вазы строгаго стиля въ область архаическихъ памятниковъ, указали ихъ настоящее

---

[1]) О всѣхъ этихъ работахъ см. въ слѣдующей главѣ.

[2]) Что вазы строгаго стиля старше Полигнота, теперь принимается уже большинствомъ ученыхъ. Но Бруннъ въ 1887 году старался еще разъ, вопреки все болѣе и болѣе подтверждавшимся выводамъ Росса, развить тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ своей «Probleme». Ср. Abhandl. d. bayr. Akad., I Classe, XVIII, 1, 1887, 1—59, и Gesch. d. gr. Künstler, II, 443 (450). Ему слѣдуетъ Арндтъ въ Studien zur Vasenkunde, 1887.

[3]) Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 167. Ср. Holwerda, тамъ же, IV (1889), 38 слл.

[4]) Ср. Studniczka, ук. раб., 136 слл. Ср. Dümmler, тамъ же, 175.

[5]) Ук. раб.

[6]) Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 178.

мѣсто,—въ эпоху до Греко-Персидскихъ войнъ. Едва ли отъ этого значеніе вазъ строгаго стиля уменьшилось. Дюммлеру кажется, наоборотъ, что вазы строгаго стиля пріобрѣли еще большее значеніе, такъ какъ онѣ являются теперь памятниками столь интересной эпохи созрѣванія искусства и представляютъ для нея единственное связное преданіе: онѣ не мало способствуютъ, такимъ образомъ, возстановленію процесса развитія искусства монументальнаго, эхомъ котораго онѣ всегда были.

Вазы строгаго стиля вполнѣ отражаютъ на себѣ то, что мы видимъ въ монументальномъ искусствѣ до Греко-Персидскихъ войнъ.

Какъ въ аттической скульптурѣ архаической эпохи, такъ и въ вазовой живописи строгаго стиля нельзя еще видѣть чистаго аттическаго стиля. Изслѣдованія послѣдняго времени показали, какую громадную роль играли въ Аттикѣ тогда художники иноземные [1]). Вся дѣятельность искусства архаическаго сводится въ Аттикѣ къ усвоенію и переработкѣ иноземныхъ стилей; хотя, можетъ быть, и существовали съ самаго начала въ Аттикѣ попытки оригинальнаго искусства, но онѣ и остались только попытками; въ эпоху Писистратидовъ уже нѣтъ ни одной школы, которая такъ или иначе не находилась бы подъ вліяніемъ школъ Іоніи, острововъ, Пелопоннеса.

Тщательный анализъ надписей на вазахъ строгаго стиля показалъ, что, подобно скульпторамъ, многіе вазовые мастера архаической эпохи не были природными аттиками [2]). Но, какъ и мастера монументальнаго искусства, они стремятся служить Аттикѣ. Они стараются всѣ писать аттическимъ алфавитомъ [3]); они съ особенною любовью прославляютъ въ своихъ картинахъ аттическихъ боговъ и героевъ [4]). Они

[1]) Ср. А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Персидскихъ войнъ, гдѣ см. и всю спеціальную литературу.

[2]) Дюммлеръ указываетъ, что многія имена мастеровъ эпиктетовой школы не аттическія. «Дурисъ» —имя іонійское. Ср. Dümmler, Bonner Studien, 85. Имена «Гіеронъ», «Сиканъ»—сицилійскія: Dümmler, 89. Гартвигъ (Meistersch., 200 слл.) видитъ іонизмъ Дуриса и въ характерѣ сюжетовъ его картинъ. Если Финтій называетъ себя иногда вм. Φιντίας—Φίντις, это указываетъ на то, что онъ былъ доріецъ. Ср. Meier, A. Z., 1884, 251; Dümmler, Berl. Wochenschr., 1888. 20; Hartwig, Meistersch., 167 слл. Надписи на чашѣ Брига (O. Jahn, Dichter auf Vasenbilder, Taf. VII. Abhandl. d. sächs. Ges., III, 1861) дали поводъ думать, что Бригъ былъ уроженцемъ сѣверной Греціи. Ср. Klein, M., 166, № 7. Dümmler, Berl. Woch., ук. м.; Bonner Studien, «Brygos». Россбахъ (Röm. M., III (1888), 67 слл.) полагаетъ. что среди вазовыхъ мастеровъ было не мало метековъ, судя по именамъ этихъ мастеровъ. Ср. еще работу Кречмера (Kretschmer, Die griechischen Vaseninschriften. ihrer Sprache nach untersucht), спеціально занимавшагося надписями на вазахъ.

[3]) Ср. Dümmler, Bonn. Studien, 67 слл.

[4]) Ср. v. Rohden y Baum., Denkm., III, 1988.

стремятся думать и чувствовать по-аттически [1]). Съ другой стороны, природные аттики теперь не могутъ ни думать, ни чувствовать такъ, чтобы не обнаружить такъ или иначе своей зависимости отъ іонійцевъ, дорійцевъ и т. д.

Вазовые художники строгаго красно-фигурнаго стиля въ темахъ своихъ композицій и въ ихъ трактовкѣ всецѣло обнаруживаютъ свою зависимость отъ монументальнаго искусства архаической эпохи. Они трактуютъ или тѣ же сюжеты, которые извѣстны намъ такъ или иначе изъ монументальнаго искусства [2]). или, если они берутъ свою оригинальную тему для картины, они пользуются часто при ея трактовкѣ композиціей, мотивами и т. д. произведеній монументальнаго искусства [3]).

Не менѣе обнаруживаютъ зависимости мастера строгаго стиля отъ архаическаго монументальнаго искусства и въ стилѣ отдѣльныхъ фигуръ [4]).

То, надъ чѣмъ особенно работаютъ мастера строгаго стиля, тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ ихъ съ живописцемъ Кимономъ изъ Клеонъ, — работавшимъ, какъ показалъ Цанъ (Zahn) въ своей прекрасной работѣ о клазоменскомъ искусствѣ,—въ Іоніи, въ Клазоменахъ (Ath. M., XXIII (1898), 77 слл.).

Мастера развитого строгаго стиля [5]) съ особенною любовью занимаются изображеніемъ фигуръ въ различныхъ раккурсахъ, особенно любятъ перспективныя изображенія предметовъ; какъ разъ въ изобрѣтеніи перспективнаго рисунка заключалась главная заслуга Кимона [6]).

Благодаря открытію перспективнаго рисунка получилась возмож-

---

[1]) Dümmler, ук. м.

[2]) Подвиги Өесея мы знаемъ по метопамъ сокровищницы аөинянъ въ Дельфахъ, гигантомахію по фронтону храма Аөины на Акрополѣ. Ср. Ath. M., XXII (1897), 59 слл. (Schrader). Сцены, посвященныя Діонису, возникли подъ вліяніемъ пинаковъ, образцы которыхъ мы имѣемъ пока только въ черно-фигурной техникѣ. Дурисъ пользовался картинами въ родѣ картины самосца Каллифонта (Павсаній, V, 19, 1; X, 26, 6) и т. д. См. объ этомъ у Дюммлера, Bonner Studien, 84, 85, 90 и т. д.

[3]) Въ жанровыхъ сценахъ можно было пользоваться скульптурными и живописными надгробными памятниками. Ср. Löschcke, Ath. M., I, (1876), 40 слл., Dümmler Bonn. St., 77 слл. Рельефы съ изображеніемъ героизированныхъ умершихъ давали мотивы для сценъ симпосіевъ и т. д.

[4]) Ср. объ этомъ ниже.

[5]) У мастеровъ школы Эпиктета вліяній Кимона еще не замѣтно. Это справедливо отмѣчаетъ Гартвигъ (Meistersch., 156) противъ Клейна (Euphr.², 46 слл.), Студнички (Jahrb. d. Inst., II (1887), 156 слл.) и Жирара (Peint., 141 слл.).

[6]) Такъ надо понимать слово catagrapha у Плинія, N. H. 35, 55 (Overbeck, SQ., 377). Спеціальную литературу см. у Гартвига, гл. Ш. Гартвигу осталась неизвѣстной работа Ш. Ленормана (Mémoires de l'Académie de Belgique, XXXIV (1864), 36 слл.). Послѣ работы Гартвига явились—Robert, Iliupersis, 54. и Zahn, Ath. M., ук. ст.

ность давать болѣе разнообразныя позы фигурамъ. Открытіе Кимона принадлежитъ къ однимъ изъ величайшихъ, которыя когда-либо были сдѣланы. Искусства Египта и Востока не знали такихъ изображеній предметовъ. Конечно, на вазахъ сокращенія часто схематичны, условны, но важно уже и то, что вазовые мастера совершенно ясно поняли существованіе этихъ проблемъ въ искусствѣ.

На вазахъ развитого строгаго стиля мы впервые встрѣчаемъ правильное изображеніе фигуръ, которыя оборачиваются назадъ [1]); впервые мы видимъ фигуры, которыя смотрятъ вверхъ или внизъ. Всего этого достигаютъ мастера вазъ, во-первыхъ, благодаря знанію раккурсовъ и, во-вторыхъ, трактовкой глаза. Всякаго наблюдателя поразитъ въ развитомъ строгомъ стилѣ (особенно у Евфронія) замѣчательное разнообразіе въ трактовкѣ глаза. Правда, глазъ у фигуръ остается всегда изображеннымъ въ фасъ, хотя бы фигуры были представлены и въ профиль, но контуры глаза теперь весьма разнообразны; зрачекъ точно также занимаетъ разнообразныя положенія. Въ развитомъ строгомъ стилѣ мы впервые видимъ стремленіе выразить въ глазахъ фигуръ направленіе ихъ воли, даже ихъ страсти. Все это—прямое отображеніе того, что впервые приписывалось Кимону (varie formare vultus, respicientis, suspecientisve vel despicientis). Благодаря вазамъ, мы особенно ясно можемъ видѣть, какъ много сдѣлалъ Кимонъ для живописи: онъ является настоящимъ основателемъ греческой, а, слѣдовательно, и вообще европейской живописи.

Раккурсы, разнообразная жизнь глаза сдѣлали рисунки греческихъ мастеровъ гораздо живѣе, ближе къ природѣ. Еще гораздо больше способствовали оживленію фигуръ дальнѣйшія открытія Кимона, который и въ этомъ былъ примѣромъ для вазовыхъ мастеровъ: Кимонъ, читаемъ дальше у Плинія, — „articulis membra distinxit, venas protulit“. И вазовые мастера съ такою тщательностью, съ такимъ знаніемъ анатоміи обозначаютъ теперь всѣ мускулы, жилы и кости, которые обрисовываются на разныхъ частяхъ тѣла, что ихъ увлеченіе въ этомъ направленіи невольно выдаетъ начинающихъ: они радуются, что могутъ изобразить все это такъ подробно, равно какъ часто обиліе самыхъ смѣлыхъ раккурсовъ выдаетъ ихъ желаніе порисоваться своимъ умѣньемъ рисовать. Ясное дѣло, и эти раккурсы и эта подробная ана-

[1]) Ср. разныя степени правильности изображенія оборачивающихся фигуръ на вазахъ, которыя цитируетъ Гартвигъ. Особенно интересно сравнить, напр., Hartwig, Meistersch., 87, f. 10b, и Gerhard, A. V., 188, 2 (до Кимона) съ Hartwig, 25, f. 2a (послѣ Кимона).

томія не менѣе радовала, интересовала и увлекала цѣнителей и покупателей ихъ произведеній: открытія Кимона заставили всѣхъ говорить о себѣ, и чѣмъ старательнѣе вазовые мастера передавали ихъ суть, тѣмъ болѣе они могли разсчитывать на успѣхъ среди современниковъ.

Кимонъ же началъ и болѣе естественную натуральную трактовку одежды. Уже и до него попытки обозначать детали и складки на одеждѣ были [1]). То, что̀ сдѣлалъ Кимомъ, лучше всего видно, если сравнить манеру трактовки одежды Евфронія и мастеровъ школы Эпиктета [2]). Кимонъ сознавалъ тотъ принципъ, что одежда тогда получаетъ жизнь, когда она зависитъ отъ одѣваемаго ею тѣла. Правда, провести на практикѣ это не удалось ни одному мастеру строгаго стиля; хотя общій принципъ имъ извѣстенъ, они на практикѣ прибѣгаютъ еще къ схемѣ [3]). Но въ сравненіи со своими предшественниками мастера развитого строгаго стиля даютъ много болѣе живую одежду. Достигаютъ они этого болѣе подробнымъ обозначеніемъ складокъ, которыя образуются на одеждѣ, смотря по положенію, занимаемому фигурой: „praeterque in veste rugas et sinus invenit“, говоритъ въ заключеніе объ открытіяхъ Кимона Плиній, черпающій свои свѣдѣнія у Ксенократа [4]).

Натурализмъ, который отличаетъ направленіе Кимона, въ то же время составляетъ неотъемлемую характерную черту всего архаическаго искусства [5]). Съ послѣднимъ связываютъ Кимона и вазы строгаго стиля и другія качества, на которыя мы уже указывали, говоря о работахъ Росса, Брунна, Винтера и др.

Таковы выводы современной науки относительно вазъ строгаго стиля.

Мы уже ранѣе упомянули, что относительно вазъ прекраснаго стиля изслѣдователи все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что онѣ имѣютъ много отношеній къ искусству Полигнота.

Герцогъ [6]), занимавшійся исторіей группы въ греческомъ искусствѣ, пришелъ въ своемъ изслѣдованіи къ тѣмъ результатамъ, что весьма важный новый моментъ въ исторіи группы наступаетъ съ появленіемъ вазоваго прекраснаго стиля. Въ немъ впервые мы встрѣ-

[1]) Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 156. Онъ справедливо возстаетъ противъ Роберта (Archäolog. Märchen, 124 слл.).
[2]) Ср. Hartwig, Meistersch., конецъ III гл.
[3]) Ср. объ этомъ ниже.
[4]) Ср. Münzer, Hermes, XXX, 514.
[5]) Ср. Winter, 47 слл.; Collignon, Sculpture, I, 391.
[6]) Herzog, Studien zur Geschichte d. griechischen Kunst, 1888.

чаемся съ группою двухъ тѣсно примыкающихъ другъ къ другу фигуръ, которыя обѣ обращаютъ свое вниманіе на какой-нибудь общій предметъ (ср., напр., группу двухъ юношей, слушающихъ пѣніе Орфея, на извѣстной уже намъ вазѣ Берлинскаго музея).

Громадное значеніе такихъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ фигуръ—очевидно. Только съ появленіемъ такихъ группъ стали возможны настоящія художественныя композиціи, въ которыхъ все должно быть связано и внѣшнимъ образомъ и духовно. Только такія группы могутъ привлекать къ себѣ наше сочувствіе; только ими художникъ можетъ передать намъ свое настроеніе, такъ какъ мы, смотря на группы фигуръ, духовно между собою связанныхъ, всегда невольно пріобщаемся къ настроенію, которое далъ художникъ этимъ фигурамъ. Уже a priori судя, можно было полагать, что въ живописи Полигнота такія группы находили широкое примѣненіе. Описанія полигнотовыхъ картинъ у Павсанія, однако, даетъ намъ опредѣленныя указанія на знаніе такихъ группъ Полигнотомъ (группа Сарпедона и Мемнона въ „Аидѣ"; группа Хлориды и Θіи въ „Иліонѣ") [1]. Исторія группы, такимъ образомъ, показываетъ, что въ монументальномъ искусствѣ настоящая художественная группа, въ которой видную роль играетъ элементъ психологическій, является впервые у Полигнота, а въ вазовой живописи впервые вполнѣ опредѣленно на вазахъ ранняго прекраснаго стиля. Фидій беретъ мотивы группъ у Полигнота [2]). Подъ вліяніемъ Полигнота должны были явиться такія группы и на вазахъ прекраснаго стиля. На вазахъ прекраснаго стиля получаетъ полное развитіе впервые живописное расположеніе фигуръ: теперь только видимъ композиціи, гдѣ строго соблюдаются законы симметріи, но, однако, такъ, что это нисколько не мѣшаетъ естественности, непринужденности расположенія фигуръ. Въ картинахъ прекраснаго стиля мы видимъ впервые и всю прелесть живописнаго безпорядка и всю строгость соблюденія законовъ симметріи: здѣсь все непринужденно повинуется художественному закону [3]). О картинахъ на вазахъ прекраснаго стиля вообще можно сказать то, что сказалъ Поттье о композиціяхъ аттическихъ бѣлыхъ лекиѳовъ: художники стараются соблюдать симметрію, скрывая ее [4]).

---

[1]) Herzog, 20.

[2]) Герцогъ, 20, пр. 2, высказывается, какъ Дюммлеръ, Бенндорфъ и Фуртвенглеръ, противъ раздѣленія Винтеромъ вліяній Полигнота и Фидія на вазовую живопись.

[3]) Herzog, 30.

[4]) Pottier, Lécythes blancs, 120.

Такъ какъ особенное мастерство композиціи въ группировкѣ фигуръ является на вазахъ, сюжеты картинъ которыхъ взяты съ картинъ Полигнота (кратиръ изъ Орвіето въ Луврѣ, котила № 2588 Берлинскаго музея), то Герцогъ полагаетъ, что вазы прекраснаго стиля въ этомъ отношеніи зависятъ отъ Полигнота, въ искусствѣ котораго живописное расположеніе фигуръ и должно было получить впервые совершенную обработку [1]).

II.

До сихъ поръ мы говорили главнымъ образомъ о такихъ работахъ, гдѣ указывалось вліяніе полигнотовой живописи на картины вазовыхъ мастеровъ.

Уже Винкельманнъ [2]) полагалъ, что столь часто встрѣчающаяся на этрусскихъ урнахъ мощная фигура почти нагого человѣка, который, съ однимъ плугомъ въ рукахъ, наступаетъ на трехъ воиновъ, въ полномъ вооруженіи, — Эхетлъ, и что въ прототипѣ своемъ эта фигура восходитъ къ картинѣ Микона и Панена („Мараѳонская битва"; ср. Павсаній, I, 15, 3; Overbeck, SQ., 1054D) въ Аѳинской Росписной галлереѣ.

Вліяніе живописи Полигнота на скульптурныхъ памятникахъ указывалъ, затѣмъ, Бруннъ [3]). По его мнѣнію, сохранившіеся памятники скульптуры V вѣка, процвѣтавшей на Ѳасосѣ и въ сѣверной Греціи, и мраморы храма Зевса въ Олимпіи [4]), ясно свидѣтельствуютъ, что они явились въ школѣ, сильно зависящей отъ живописи великаго ѳасосца.

Вліянія полигнотовой живописи обнаруживаются здѣсь въ своеобразномъ стилѣ: весьма важную роль играетъ здѣсь краска; нѣкоторыя части фигуръ вовсе не обозначаются скульптурой; складки одеждъ никогда не обозначаются глубокими врѣзами, какъ въ скульптурѣ хіосской, аттической; отъ этого рельефъ здѣсь болѣе плосскій и низкій и т. д.

---

1) Herzog, 28 слл.

2) Winckelmann, Sämtliche Werke, III, 289 слл.; ср. Zoëga, Bassiril., Tav. 40; Ann., 1835, 104; 1837, 2, 256, 264; Bull., 1839, 74; 1849, 9; 1859, 182. Шульцъ (у Roscher, Lex. d. Myth., I, 1212) возражаетъ противъ возможности зависимости этрусскихъ урнъ отъ картины Микона и Панена. Но Робертъ (Marathonsschl., 32 слл.) старается подтвердить ее новыми доводами. Ср. еще Amelung, Führer durch die Antiken in Florenz, 182 слл.

3) Brunn, Sitzungsberichte d. bayr. Akad., 1876, I, 315 слл.; ib., 1877, 4 слл.; ib., 1878, 442 слл.

4) Ср. еще Furtwängler, Archäologische Studien Brunn dargebracht, 82 слл.

Упомянутыя работы Брунна, хотя не дали ничего особенно важнаго и существеннаго для выясненія самаго характера полигнотова стиля, были важны потому, что указывали на большое значеніе Полигнота и на возможность его вліяній не только на памятники живописные (какъ вазовыя картины).

Одновременно съ Брунномъ Мёррэ [1]), издавая терракоттовую группу, находящуюся въ Британскомъ музеѣ и изображающую двухъ дѣвушекъ, которыя играютъ въ кости, указалъ на то, что мотивъ группы, равно какъ и мотивы дошедшихъ до насъ въ довольно многочисленныхъ репликахъ терракоттовыхъ же статуэтокъ, представляющихъ каждую изъ дѣвушекъ отдѣльно [2]), очень можетъ быть, зависятъ отъ группы Клитіи и Камиро въ „Аидѣ“ Полигнота.

Живопись Полигнота, такимъ образомъ, вліяла, по мнѣнію Мёррэ, на коропластовъ [3]). О томъ, что нѣкоторые изслѣдователи считали возможнымъ ея вліянія констатировать иногда на скульптурахъ Пареенона, мы уже сказали выше.

Въ совершенно новую фазу развитія вступилъ вопросъ о полигнотовой живописи и ея отношеніяхъ къ сохранившимся до насъ памятникамъ съ появленіемъ въ свѣтъ замѣчательнаго изслѣдованія Бенндорфа о скульптурахъ героона Трисы (н. Гёль-Баши) въ Ликіи [4]).

Среди композицій рельефовъ героона есть одна [5]), которая представляетъ несомнѣнную зависимость отъ Полигнота. Это—сцена, гдѣ представлено избіеніе жениховъ Пенелопы Одиссеемъ. Полигнотъ написалъ картину на эту тему, какъ извѣстно (см. Павс., IX, 4, 1—2; Overbeck, SQ., 1059), въ пронаосѣ храма Аеины Аріи въ Платеяхъ. То, что особенно убѣждаетъ Бенндорфа и другихъ ученыхъ [6]) въ за-

---

[1]) Murray, Gaz. archéol., II (1876), 95 слл.; ср. особ. 98.

[2]) Перечень ихъ, равно какъ и другихъ памятниковъ, повторяющихъ мотивы группы Британскаго музея, см. у Heydemann, Knöchelspielerin im Palazzo Colonna zu Rom (2-es Hallisches Winckelmannsprogr., 1877). Ср. еще Heuzey, Mon. gr., 5 (1876), 9 слл.; Fr. Lenormant, Gaz. archéol., V (1879), 87 слл.

[3]) Ср. v. Duhn, Arch. Ztg., 1885, 1 слл. О вліяніяхъ живописи на коропластовъ ср. еще Winter, Archäol. Anz., X (1895), 121 слл.

[4]) O. Benndorf u. G. Niemann, Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa. Jahrbuch der kunst-historischen Sammlungen der allerhöchsten Kaiserhauses. Wien, Bd. IX, 1889, 1—134; XI, 1890, 1—52; XII, 5—68 съ особымъ атласомъ. До появленія этого изслѣдованія Бенндорфъ далъ о героонѣ свѣдѣнія въ Österr. M., VI (1882). 151 слл.

[5]) Benndorf, Taf. VII, VIII. A1-A6, стр. 96—105.

[6]) Ср. Benndorf, Oesterr. M., VI (1882), ук. м.; Baumeister, Denkm., II, 1044 слл.; v. Rohden y Baum., Denkm., III, 1994; Girard, Peinture, 165 слл.; А. Н. Деревицкій, Зап. Импер. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, XVIII (1895). 227; Overbeck, Plastik⁴, II, 204; Collignon, Sculpture, II, 208; Noack, Ath. M., XVIII (1893), 305 слл. Gurlitt, ib., XIX (1894), 285.

висимости композиціи героона отъ картины Полигнота, это замѣчательныя аналогіи ея съ одною вазовой картиной [1]). Сравнивая композицію фриза съ послѣднею, мы видимъ, что хотя она гораздо меньше и въ мелочахъ отличается отъ первой, тѣмъ не менѣе въ главномъ даетъ то же самое. Фигура одной изъ объятыхъ трепетомъ служанокъ, фигура Одиссея, всѣ три фигуры жениховъ на вазѣ [2]) взяты безусловно съ того же пластическаго оригинала, что̀ и соотвѣтствующія фигуры рельефовъ героона, такъ какъ невозможно допустить, чтобы такое сходство фигуръ рельефовъ героона и вазовой картины обусловливалось лишь общимъ поэтическимъ источникомъ. Но общій оригиналъ можно искать только въ монументальной живописи V вѣка. То пониманіе и трактовка избіенія жениховъ Пенелопы Одиссеемъ, которыя мы видимъ на фризѣ Гёль-Баши и на вазѣ Берлинскаго музея, — единственныя, извѣстныя намъ изъ древности. Этотъ типъ композиціи избіенія жениховъ отличался необыкновенною популярностью и живучестью. Даже еще на позднихъ этрусскихъ цистахъ его можно узнать: Одиссей всегда находится налѣво и устремляется на жениховъ, которые постоянно расположены направо и постоянно лежатъ на клинахъ; постоянно видимъ мы, какъ на рельефахъ Гёль-Баши, и мальчика виночерпія, и Телемаха, сражающагося рядомъ съ отцомъ и умоляющаго о пощадѣ жениха. И рельефы римскихъ саркофаговъ въ основной идеѣ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ все еще зависятъ отъ древней композиціи [3]). Такая живучесть композиціи безусловно говоритъ за то, что она—созданіе весьма знаменитаго мастера. Что въ послѣднемъ надо усматривать Полигнота, говоритъ слѣдующее. Полигнотъ 11 разъ изображалъ Одиссея и, вѣроятно, создалъ его идеалъ. Знаменитая композиція, изображавшая одинъ изъ подвиговъ Одиссея, въ V вѣкѣ скорѣе всего должна зависѣть отъ Полигнота. Судя по Павсанію, Одиссей пред-

---

[1]) Берл., 2588.

[2]) Фигура Одиссея на вазѣ нѣсколько отличается отъ фигуры на фризѣ. На вазоваго мастера здѣсь оказала вліяніе традиція вазовой живописи, знавшей уже въ строгомъ стилѣ аналогичныя фигуры. Ср. Зап. Импер. Русскаго Археол. Общества, новая серія, томъ IV (1889), табл. VIII (фигура стрѣляющей амазонки налѣво). Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 171. Однако, какъ на вазовой картинѣ, такъ и на фризѣ героона Одиссей занимаетъ то же мѣсто, у него тотъ же поворотъ тѣла, та же ситуація.

Что касается фигуръ жениховъ, то на вазѣ и на фризѣ одинаково повторяются фигуры умоляющаго о пощадѣ (по Бенндорфу—Евримаха), раненаго въ спину стрѣлою и прячущагося за поднятый имъ столъ въ надеждѣ такимъ образомъ спастись отъ стрѣлы Одиссея.

[3]) Ср. Benndorf, IX, 110. Памятники, сюда относящіеся, сопоставлены Бенндорфомъ въ W. Bl., D, 12, 5. 6. 7.

ставленъ былъ побѣдившимъ [1]) жениховъ; послѣдніе на картинѣ не должны были быть изображены мертвыми. То положеніе, которое занимаетъ Одиссей по отношенію къ женихамъ на фризѣ Гёль-Баши и на вазѣ, по-гречески лучше всего передаютъ слова Павсанія: Ὀδυσσεὺς τοὺς μνηστῆρας ἤδη κατειργασμένος, „Одиссей, вполнѣ уже одолѣвшій жениховъ“. Среди жениховъ — полнѣйшее смятеніе и паника: нѣкоторые уже убиты или смертельно ранены; другіе напрасно ищутъ спасенія, прячась или моля о пощадѣ; юный виночерпій убѣгаетъ съ мѣста катастрофы. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ полномъ торжествѣ Одиссея: положеніе жениховъ—отчаянное, вполнѣ безпомощное.

За Полигнота говоритъ далѣе и общій характеръ композиціи. Весь замыселъ композиціи выдаетъ великаго мастера. Въ каждой фигурѣ такъ или иначе отражается событіе. Полная безпомощность погибающихъ жениховъ находитъ оправданіе въ ихъ винѣ. Торжествующій Одиссей олицетворяетъ собою какъ бы Божью кару. Сцена избіенія жениховъ просто и прекрасно дополняется другою: на другой части фриза при Пенелопѣ удаляются изъ дома злые элементы дома — служанки, потворствовавшія женихамъ. Введя Пенелопу, художникъ далъ оправданіе лютости Одиссея по отношенію къ женихамъ. Побѣда Одиссея имѣетъ своимъ вѣнцомъ водвореніе порядка въ домѣ и освобожденіе благородной Пенелопы отъ преслѣдованій дикой стаи наглыхъ жениховъ.

Фризъ Гёль-Баши и картины берлинской вазы, такимъ образомъ, позволяютъ дѣлать заключенія насчетъ живописи Полигнота.

Что композиція вазы Берлинскаго музея задумана не самимъ вазовымъ мастеромъ, видно еще изъ того, что ему пришлось раздѣлить ее на двѣ части, украшающія различныя стороны вазы [2]). Дюммлеръ [3]) указалъ еще, кромѣ того, на то, что и надпись, которую вазовый мастеръ сдѣлалъ у фигуры Одиссея Ὠδυσσεύς, выдаетъ зависимость мастера отъ картины Полигнота: ω въ началѣ имени (въ аттическомъ начертаніи Ὀδυ(τ)τεύς)—особенность паросскаго и ѳасосскаго алфавитовъ,—вполнѣ понятная на аттической вазѣ тогда, когда извѣстно, что авторъ ея зналъ картину ѳасосца Полигнота.

Если вліяніе Полигнота вполнѣ ясно на „Избіеніи жениховъ“, то не такъ очевидно вліяніе живописи на другихъ композиціяхъ фриза

[1]) Мы соглашаемся съ Бенндорфомъ, что «κατειργασμένος» Павсанія значитъ побѣдившій, одолѣвшій, но не перебившій, какъ понимаетъ это слово Вурзіанъ (Griechische Kunst у Ersch-Gruber, Encyklopädie, 466 слл.).

[2]) Cp. Overbeck, Plastik⁴, II, 204.

[3]) Jahrb. d. Inst., II (1887), 171.

героона Гёль-Баши. Однако, Бенндорфу удалось и въ нихъ указать не мало чертъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію живописи полигнотовой школы.

Рельефы Гёль-Баши съ изображеніемъ Калидонской охоты [1]), отличаясь отъ древнихъ композицій [2]), близки къ изображеніямъ охоты на терракоттовомъ рельефѣ съ Милоса [3]), на красно-фигурныхъ вазахъ, и къ композиціи Скопаса [4]). Несомнѣнно былъ общій оригиналъ у автора фриза Гёль-Баши и у Скопаса, — оригиналъ, который преобразовалъ старую схему композиціи охоты. Что онъ (оригиналъ) скорѣе всего возникъ въ полигнотовой школѣ, говоритъ и общая композиція фриза и отдѣльные его мотивы [5]). Композиція — чисто живописнаго характера: фигуры окружаютъ со всѣхъ сторонъ вепря; художникъ задумалъ и провелъ весьма тонко всю композицію сцены съ ея перспективою. Не менѣе поражаетъ и симметрія въ расположеніи фигуръ: она отличается рѣдкой красотой ритма. Три главныя части композиціи (большая средняя, гдѣ сосредоточивается дѣйствіе, и двѣ небольшія по краямъ, гдѣ дѣйствіе уже кончено) живо напоминаютъ манеру композиціи Полигнота (ср. его „Иліонъ") [6]). Группа (B1) двухъ охотниковъ, уносящихъ раненаго Гилея, напоминаетъ Синопа и Анхіала, несущихъ тѣло Лаомедонта, на полигнотовомъ „Иліонѣ". Группа раненаго, котораго товарищъ уводитъ съ мѣста дѣйствія — близкая къ полигнотовой группѣ Мемнона и Сарпедона въ „Аидѣ" — вѣроятно, ведетъ свое происхожденіе отъ Микона, потому что она встрѣчается постоянно на рельефахъ, стоящихъ подъ вліяніемъ миконовой „Амазономахіи" [7]). На картинѣ полигнотова брата Аристофонта [8]) былъ изображенъ раненый вепремъ Анкей „cum socia doloris Astypale". Беннддорфъ [9]) полагаетъ, что Анкей съ Астипалой Аристофонта представляли такую же группу, какъ приве-

---

[1]) Benndorf, IX, 106 слл.

[2]) Ихъ перечни см. у Kekule, De fabula Meleagrea, 35 слл.; Stephani, C-R., 1867, 58 слл.; Helbig, Ann., 1863, 81 слл.; Schlie, Ann., 1868, 26 слл.; Matz, Ann. 1869, 26 слл.; Surber, Meleagers Sage, 89 слл.; Benndorf, ук. раб.

[3]) Benndorf, IX, f. 111.

[4]) Overbeck, SQ., 1150, A. Cp. Plastik⁴, II, 20 слл.; Collignon, Sculpture, II., 235 слл.

[5]) Cp. Kuhnert у Roscher, Lex. d. Mythol., II, 2614.

[6]) Въ «Иліонѣ» лишь одинъ Неоптолемъ представленъ былъ еще убивающимъ троянцевъ; Неоптолемъ находился какъ разъ въ центрѣ композиціи.

[7]) Cp. Overbeck, Plastik⁴, I, 131, Ost, 18 (14); Benndorf, IX, f. 118a (съ фриза фигалійскаго храма). Benndorf, Taf. XV, A 15; f. 118b (съ фриза въ Гёль-Баши).

[8]) Overbeck, SQ., 1127; Brunn, Gesch. d. gr. Künstler, II, 36 (53) слл.

[9]) Benndorf, IX, 114; Бруннъ, Gesch. d. gr. Künstler, II, 37 (53), напротивъ, думалъ, что Астипала оплакивала Анкея. Можетъ быть, эта группа была въ родѣ группы на Калид. охотѣ Гёль-Баши, Benndorf, B5?

денныя группы раненаго, уводимаго товарищемъ. Мы вполнѣ соглашаемся съ Бенндорфомъ, что скорѣе всего аристофонтова картина была большой композиціей, и группа Анкея съ Астипалой ея частью [1]). Композиція эта, можетъ быть, украшала одну изъ стѣнъ какого-нибудь храма на Самосѣ [2]).

Не меньше откликовъ изъ живописи V вѣка находитъ Бенндорфъ и въ той части фриза Гёль-Баши, гдѣ изображена битва на берегу Геллеспонта, передъ Троей, осада столицы Пріама греками и ея гибель и битва грековъ съ амазонками [3]). Самый выборъ сюжетовъ фриза и ихъ распредѣленіе сейчасъ же напомнитъ всякому живопись Аѳинской Росписной галлереи. Тамъ былъ изображенъ приставшій флотъ персовъ; затѣмъ была картина битвы при Мараѳонѣ, далѣе,— „Гибель Иліона“ и, наконецъ, „Амазономахія“ [4]). Здѣсь мы видимъ композиціи, которыя, съ точки зрѣнія формъ, должны совершенно сходиться съ картинами въ Росписной галлереѣ: приставшій греческій флотъ, битву въ долинѣ Скамандра, осаждаемый Иліонъ и амазономахію. Такое сходство героона Гёль-Баши съ Росписной галлереей не случайно. Бенндорфъ полагаетъ, что роспись послѣдней и отдѣлка героона зависятъ отъ какого-нибудь общаго оригинала [5]). Греческое искусство съ самыхъ древнихъ временъ примѣняло такого рода украшеніе общественныхъ зданій, какъ на героонѣ и въ Аѳинскомъ портикѣ, и

---

[1]) Врунн ъ полагалъ, что группа представляла самостоятельную мольбертную (не стѣнную) картину.

[2]) Миѳъ объ аргонавтѣ Анкеѣ и его матери Астипалѣ представляетъ самосскую версію миѳа о Калидонской охотѣ. Ср. Roscher, Lex. d. Mythologie, 354, 663. Ср. Benndorf, IX, 114.

[3]) Benndorf, Taf. IX—XIII, XIV—XV; Jahrb., IX, 115 слл.; XI, 1—24.

[4]) Бенндорфъ (XI, 22) считаетъ картину битвы при Иноѣ—позднѣйшею прибавкой къ росписи галлереи. Ср. объ этомъ ниже.

Осаждаемый городъ на рельефахъ Гёль-Баши Бенндорфъ считаетъ Троей. Ср. Benndorf, XI, 3. Возраженія Ноака (Ath. M., XVIII (1893), 317 слл., 330 слл.) противъ этого мы не принимаемъ. Ср. Gurlitt, Ath. M., XIX (1894), 287 сл.

[5]) Бенндорфъ полагаетъ, что не было связи между отдѣльными картинами Аѳинской Росписной галлереи. По его мнѣнію, рельефы Гёль-Баши и роспись Аѳинской галлереи явились подъ вліяніемъ какого-нибудь болѣе древняго памятника, отдѣльныя композиціи у котораго должны были быть внутренне между собою связаны. Въ галлереѣ отдѣльныя композиціи оригинала были измѣнены и переработаны сообразно желаніямъ аѳинянъ; между тѣмъ въ героонѣ Гёль-Баши онѣ переданы вѣрнѣе, и потому, по Бенндорфу, композиціи его могутъ давать представленіе о живописи, непосредственно предшествующей полигнотовой школѣ. Бенндорфъ указываетъ архаизмы въ композиціяхъ героона, которые (архаизмы) ему говорятъ много за его предположеніе. Ср. Benndorf, XI, 8, 19, 24. Однако, другіе ученые справедливо отрицаютъ эти архаизмы и не принимаютъ предположенія Бенндорфа насчетъ общаго оригинала, подражаніе которому яко-бы представляла и роспись Аѳинской галлереи и украшеніе героона. Ср. Noack, Ath. M., XVIII (1893), 305 слл., 324; Gurlitt, ib., XIX (1894), 283 слл. Мы согласны съ послѣдними въ

издавна знало уже тѣ сюжеты, которые мы встрѣчаемъ въ ихъ композиціяхъ [1]).

Родство фриза Гёль-Баши съ картинами Росписной галлереи сказывается прежде всего въ композиціи.

Городъ, который является художественнымъ центромъ композиціи фриза, не находится въ математическомъ центрѣ фриза. Такое несовпаденіе центровъ математическаго и художественнаго Михаэлисъ уже давно указывалъ въ композиціяхъ фронтоновъ Парѳенона и объяснялъ это вліяніемъ полигнотовой живописи [2]). Бенндорфъ, слѣдуя Михаэлису, полагаетъ, что въ „Иліонѣ“ и въ „Аидѣ“ у Полигнота фигуры, служившія центрами композиціи (въ первой картинѣ Кассандра, во второй Одиссей), также не находились въ математическомъ центрѣ картины, и несовпаденіе обоихъ центровъ на рельефахъ Гёль-Баши объясняетъ вліяніемъ живописныхъ композицій, подобныхъ полигнотовымъ картинамъ [3]).

Отдѣльные мотивы, группы и фигуры фриза съ изображеніемъ битвы и осады города Бенндорфу также напоминаютъ часто о композиціяхъ Полигнота. Такъ фигура царицы на креслѣ въ осаждаемомъ городѣ по своей позѣ и положенію совершенно одинакова съ фигурой Елены въ „Иліонѣ“ [4]). Замѣчательная по выраженію группа молящагося и приносящаго жертву на фризѣ Гёль-Баши родственна торжественной группѣ Эанта на той же картинѣ Полигнота [5]). Лысый старикъ [6]) фриза, по умѣренности въ изображеніи безобразнаго, напоминаетъ Бенндорфу полигнотова Ѳерсита [7]) (въ „Аидѣ“).

„Амазономахія“ Гёль-Баши вся состоитъ изъ мотивовъ, хорошо извѣстныхъ по вазовымъ картинамъ. Мы знаемъ, что уже Клюгманнъ

томъ, что, конечно, скорѣе всего мастера, работавшіе рельефы Гёль-Баши, знали картины Росписной галлереи, но брали изъ нихъ лишь мотивы, группы, типы и т. п., тогда какъ въ композиціи они слѣдовали не картинамъ Полигнота и его школы, а аттическимъ фризамъ.

Мы согласны съ Ноакомъ и въ томъ, что по «Амазономахіи» Гёль-Баши нельзя дѣлать выводовъ насчетъ того, какъ разсказывалось о ней въ Эѳіопидѣ Арктина. Бенндорфъ и здѣсь неправъ. И Миконъ взялъ мотивъ конныхъ амазонокъ не у Арктина, а изъ пластической традиціи. Ср. еще Löschcke, Bonner Studien, 1890, 248 слл.; Gräf y Pauly-Wissowa, R. E. I, 2, 1778.

[1]) Benndorf, XI, 17 слл.

[2]) Michaelis, Über Composition der Giebelgruppen am Parthenon, 1870, 23 слл.

[3]) Benndorf, XI, 16 слл.

[4]) Benndorf, XI, 12, пр. 2. Позднѣйшее искусство для Елены примѣняетъ эту фигуру постоянно. Перечень памятниковъ см. у Бенндорфа.

[5]) Benndorf, XI, 14.

[6]) Benndorf, Taf. IX B2.

[7]) Benndorf, XI, 10 и пр. 2.

считалъ эти послѣднія явившимися подъ вліяніемъ картины Микона въ Росписной галлереѣ [1]).

На живописные оригиналы указываетъ и весь стиль рельефовъ Гёль-Баши. Холмистая мѣстность, поросшая деревьями, передъ городомъ, самый городъ на склонѣ горы съ его стѣнами, воротами, башнями, изображенными въ перспективѣ, перспективно же представленный тронъ, на которомъ сидитъ царица, балдахинъ ея, масса второстепенныхъ предметовъ въ разнообразныхъ раккурсахъ, постоянное присутствіе нѣсколькихъ плановъ—все это мало согласуется съ чистымъ классическимъ рельефнымъ стилемъ, который такъ блестяще представляетъ фризъ Пароенона [2]). Полихромія, конечно, еще сильнѣе увеличивала живописный характеръ рельефовъ Гёль-Баши.

Лучшею изъ композицій фриза надо признать „Похищеніе дочерей Левкиппа Діоскурами“ [3]). Не знаешь, чему здѣсь больше удивляться, прекрасной ли композиціи, поэтической ли прелести и ясности, съ которой трактованъ сюжетъ, разнообразію ли, или богатству отдѣльныхъ мотивовъ.

Полигнотъ, какъ намъ извѣстно, написалъ картину на ту же тему въ Анакіонѣ. Судя по Павсанію [4]), у Полигнота на картинѣ въ общемъ было представлено то же, что̀ и на фризѣ Гёль-Баши [5]). На фризѣ мы видимъ дочерей Левкиппа, похищаемыхъ на колесницахъ Діоскурами. Все было готово къ свадьбѣ обѣихъ дѣвушекъ: ихъ отецъ готовъ былъ уже приступить къ жертвоприношенію; ихъ подруги собрались въ священной округѣ; но вдругъ дѣвушекъ схватили внезапно явившіеся Діоскуры и увозятъ ихъ съ собою; напрасно женихи дѣвушекъ стараются догнать похитителей; напрасно суетятся и всѣ другіе.

Изъ всѣхъ изображеній похищенія Левкиппидъ [6]) фризъ Гёль-Баши—наиболѣе обширная и прекрасная композиція. Только на фризѣ Гёль-Баши видимъ похищеніе дѣвушекъ во время приготовленій къ ихъ свадьбѣ. И Полигнотъ нарисовалъ на картинѣ въ Анакіонѣ „ἔχοντα ἐς αὐτοὺς (Διοσκούρους) γάμον τῶν θυγατέρων τῶν Λευκίππου“.

И въ „Похищеніи Левкиппидъ“ художественный центръ компо-

[1]) Ср. стр. 72.
[2]) Ср. замѣчанія А. А. Павловскаго въ Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго, 1897, 204 слл.
[3]) Benndorf, XI, 25 слл.; Taf. XVI.
[4]) Overbeck, SQ., 1058.
[5]) Ср. Benndorf, XI, 32; Robert, Marathonsschl., 55.
[6]) Перечень памятниковъ см. у Бенндорфа, XI, 31, и у Роберта, ук. м.

зиціи не совпадаетъ съ математическимъ. Не менѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ фриза, выступаетъ здѣсь и чисто живописная трактовка сюжета.

„Кентавромахія" Гёль-Баши [1]), какъ и „Амазономахія", имѣетъ массу мотивовъ, которые мы видимъ на картинахъ краснофигурныхъ вазъ. Это опять говоритъ за живописные оригиналы, которымъ слѣдуютъ и художники [2]) фриза Гёль-Баши и вазовые мастера. „Кентавромахія" Гёль-Баши къ картинѣ на ту же тему въ Ѳесіонѣ [3]) стоитъ, по Бенндорфу [4]), въ такомъ же отношеніи, какъ „Амазономахіи" Микона, т. е. оба произведенія стоятъ подъ вліяніемъ общаго оригинала (живописнаго) [5]).

Весьма любопытна по своимъ отношеніямъ къ живописи во фризѣ Гёль-Баши та его часть, которая посвящена походу семи противъ Ѳивъ [6]). Ѳиванскіе миѳы издавна иллюстрировало греческое искусство, особенно живопись [7]). Композиція Гёль-Баши — первая (разумѣется, изъ сохранившихся до насъ), гдѣ дается одна большая общая картина изъ этого похода; до сихъ поръ были изображаемы только отдѣльные эпизоды изъ похода.

Композиція этой части фриза Гьёль-Баши, какъ по внѣшнему своему построенію, такъ и по духу, представляетъ полнѣйшее сходство съ другими композиціями фриза.

Группу поглощаемаго землею Амфіарая на колесницѣ съ весьма малыми измѣненіями встрѣчаемъ, кромѣ фриза Гёль-Баши, еще на одномъ черно-фигурномъ бѣломъ лекиѳѣ, принадлежащемъ Аѳинскому Національному музею и найденномъ въ Эретріи [8]). Картина лекиѳа относится къ половинѣ V вѣка. Намъ кажется, что она — произведеніе

---

[1]) Benndorf, Taf. XXII; XI, 49 слл.

[2]) Фризъ Гёль-Баши, разумѣется, выполненъ не однимъ художникомъ. Ср. Gräf у Pauly-Wissowa, Realencyklop., I, 2, 1779.

[3]) Бенндорфъ (XI, 52) считаетъ авторомъ этой картины Микона. Мы полагаемъ, что болѣе правъ Робертъ (Marathonsschl., 47 слл.), считающій авторомъ ея Полигнота.

[4]) Benndorf, XI, 52.

[5]) Ср. выше.

[6]) Benndorf, Jahrb., XII, 5 слл.; Taf. XXIV A1—A5.

[7]) Ср. Benndorf, XII, 16 слл. Изъ живописныхъ памятниковъ особенно важны картина Таврискa (Overbeck, SQ., 2039), картина въ храмѣ Діоскуровъ въ Ардеѣ (Serv. ad Vergil. Aen. I, 44; ср. Plin., N. H. 35, 17; по Бенндорфу, XII, 13, Капаней здѣсь былъ представленъ совершенно такъ же, какъ на рельефѣ Гёль-Баши) и двѣ картины Полигнота (Overbeck, SQ., 1063, 1064).

[8]) Benndorf, XII, f. 157. Бенндорфъ (XII, 18) ошибочно называетъ Оропъ мѣстомъ, гдѣ былъ найденъ лекиѳъ. Ср. XII, 13. Черно-фигурная техника лекиѳа не является еще доказательствомъ древности. Ср. M. Mayer, Ath. M., XVI (1891), 307 слл.

мѣстнаго художника [1]). Какъ бы то ни было, отъ фриза Гёль-Баши она зависѣть не можетъ [2]). Такимъ образомъ, вазовая картина доказываетъ зависимость фриза Гёль-Баши отъ какого-то (и опять скорѣе всего живописнаго) памятника, которому и она сама обязана происхожденіемъ. Уже по аналогіи съ другими композиціями Гёль-Баши, мы склонны искать картины на подобную тему въ живописи школы Полигнота. И дѣйствительно, у Павсанія мы находимъ [3]), что въ платейскомъ храмѣ Аѳины Аріи, кромѣ полигнотова „Избіенія жениховъ", въ пронаосѣ была еще картина, посвященная походу семи противъ Ѳивъ,—Онасія: „τοῦ 'Αδράστου καὶ 'Αργείων ἐπὶ Θήβας ἡ προτέρα στρατεία".

Художникъ фриза Гёль-Баши, конечно, пользовался при созданіи композиціи „Семи противъ Ѳивъ" картинами монументальной живописи [4]).

Остальныя композиціи фриза Гель-Баши („Подвиги Ѳесея", „Кентавромахія", „Амазономахія", „Пиры", „Битва грековъ съ троянцами" [5]), какъ и разсмотрѣнныя нами, имѣютъ отношенія къ живописи: нерѣдко и здѣсь встрѣчаются мотивы, группы, фигуры, которые любитъ вазовая живопись прекраснаго стиля. Общій характеръ и этихъ композицій — такой же живописный, какъ у тѣхъ, на которыхъ мы останавливались подробнѣе. Только изъ-за того, что до насъ не дошло памятниковъ греческой монументальной живописи, нельзя прослѣдить подробнѣе взаимныхъ отношеній между рельефами Гёль-Баши и стѣнными картинами [6]). Но какъ бы то ни было, рельефы героона Трисы дали чрезвычайно много новаго въ вопросѣ о живописи Полигнота.

---

[1]) Въ этомъ убѣждаетъ насъ трактовка сюжета на картинѣ лекиѳа. Мѣсто, гдѣ Амфіарая поглотила земля, между прочимъ, указывали и около Халкиды: "Αρμα, городокъ, близъ Халкиды, получилъ свое имя отъ колесницы Амфіарая. За день до битвы орелъ похитилъ копье Амфіарая и опустилъ его около "Αρμα. Изъ этого копья образовалось лавровое дерево, которое и служило указаніемъ мѣста, гдѣ земля поглотила героя съ колесницей. Это дерево изображено и на лекиѳѣ изъ Эретріи. Двѣ птицы, которыхъ мы здѣсь, кромѣ того, видимъ, и изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ, а другая землю, по толкованію Беннторфа (XII, 13 сл.), предвѣщаютъ гибель Амфіараю и указываютъ мѣсто, гдѣ долженъ онъ быть поглощенъ землею. Ср. Псевдо-Плутархъ, Parallela min., 6; Müller, Fragmenta hist. graec., III, 337 (Лисимахъ), IV, 471 (Павсимахъ); Стефанъ Визант., п. сл. "Αρμα; Нонnъ, Dionys., XIII, 68. На лекиѳѣ изображена мѣстная эвбейская легенда. Едва ли эвбейскія легенды такъ хорошо знали и такъ ими интересовались, какъ это видимъ у автора лекиѳа изъ Эретріи,—аттическіе мастера.

[2]) Весьма возможно, что лекиѳъ даже старше фриза Гёль-Баши.

[3]) Overbeck, SQ., 1059 (Павсаній, IX, 4, 2).

[4]) Ср. Benndorf, Jahrb., XII, 18.

[5]) О послѣдней ср. еще Noack, Ath. M., XVIII (1893), 312 слл.

[6]) Ср. Benndorf, XII, 36.

Вотъ выводы, къ которымъ пришелъ Бенндорфъ.

Картины Полигнота не представляли собою картинъ въ нашемъ смыслѣ слова; это были фризы [1]). Всей композиціи сразу у нихъ видѣть было поэтому нельзя. Фигуры, так. обр., на картинахъ не могли быть въ величину человѣческаго роста [2]). Расположены онѣ были въ два ряда, одинъ надъ другимъ; но въ расположеніи ихъ не было такой строгости, которая требуется въ рельефѣ. Особенно свободно расположеніе фигуръ въ „Аидѣ" [3]), который долженъ былъ быть написанъ Полигнотомъ позже „Иліона", гдѣ рельефная строгость чувствуется гораздо сильнѣе. Такая манера расположенія фигуръ въ композиціи (въ два ряда, одинъ надъ другимъ) встрѣчается на вазахъ [4]) и на другихъ памятникахъ [5]).

Постепенно усиливающееся отъ краевъ къ центру развитіе дѣйствія, которое (развитіе) мы наблюдаемъ на фризѣ Пароенона,—было и на картинахъ Полигнота, и у послѣдняго заимствуетъ этотъ пріемъ Фидій, который его совершенствуетъ и усиливаетъ. По всей вѣроятности, на картинахъ Полигнота преобладали одѣтыя фигуры.

Обиліе перспективныхъ сокращеній на фризѣ Гёль-Баши указываетъ, что Полигнотъ широко уже примѣнялъ линейную перспективу. Примѣнялъ Полигнотъ и пріемъ закрыванія частей фигуръ неровностями почвы въ родѣ того, какъ это мы видимъ на кратирѣ изъ Орвіето въ Луврѣ [6]).

Общій тонъ композицій Полигнота былъ чисто эпическій: Полигнотъ, какъ Гомеръ, вѣрно и просто излагаетъ факты миоологіи [7]), но всегда строго считаясь съ требованіями искусства пластическаго.

Эти выводы насчетъ живописи Полигнота Бенндорфъ положилъ въ основаніе при своей графической реставраціи полигнотова „Иліона" [8]).

Реставрація Бенндорфа, однако, сразу же вызвала возраженія. Несомнѣнно, что на рельефахъ Гёль-Баши сохранилось много мотивовъ полигнотовой живописи. Но позволяютъ ли фигуры рельефовъ составлять по нимъ представленіе о стилѣ и рисункѣ Полигнота? Позволяютъ ли они на самомъ дѣлѣ, какъ то казалось Бенндорфу,

---

1) Benndorf, XII, 64.
2) Benndorf, XII, 64.
3) Benndorf, XII, 65.
4) Ср. Winter, 12 слл.
5) Ср. Martha, L'art etrusque, 402; ср. Ath. M., 1889, 404 слл. (Brückner).
6) Ср. Benndorf, XII, 67; Ἐφημ. ἀρχ., 1887, 126.
7) Benndorf, ib.
8) W. Bl., 1889, XII, 3.

сдѣлать заключеніе о манерѣ композиціи Полигнота? Вѣдь самъ Бенндорфъ не отрицаетъ факта, что стиль живописи долженъ былъ нѣсколько быть отличенъ отъ стиля рельефовъ! Самъ же онъ даже относительно „Одиссея, поражающаго жениховъ Пенелопы" говоритъ, что эта композиція не непосредственная копія съ картины Полигнота [1])! Названная картина находилась въ пронаосѣ платейскаго храма Аѳины, гдѣ была еще одна картина („Семь противъ Ѳивъ" Онасія). Совершенно очевидно, что ни та, ни другая изъ этихъ композицій никоимъ образомъ не могла быть такой большой по длинѣ, какъ та часть фриза героона Трисы, гдѣ изображено избіеніе жениховъ Пенелопы. Въ пронаосѣ греческаго храма нельзя помѣстить такой картины, особенно если она могла быть расположена только въ одной половинѣ его [2]).

Дюммлеръ уже въ 1887 году [3]) замѣтилъ противъ Бенндорфа, что вазовыя картины ранняго прекраснаго стиля гораздо лучше и вѣрнѣе передаютъ стиль полигнотовыхъ фигуръ, чѣмъ рельефы героона Трисы, которые (рельефы) и по времени удалены отъ Полигнота болѣе, чѣмъ названныя вазовыя картины.

Сейчасъ же за появленіемъ въ свѣтъ реставраціи полигнотова „Иліона" противъ Бенндорфа высказался Робертъ [4]). Поводъ возражать дала Роберту композиція одной вновь найденной и изданной впослѣдствіи Гирардини вазы [5]). Ваза эта—кратиръ; она находится теперь въ Museo Civico въ Болоньѣ. На ея главной картинѣ представленъ Ѳесей передъ Амфитритой и Посидономъ, т. е.—композиція на ту же тему, что и извѣстная намъ картина Евфронія внутри килика, находящагося въ Луврѣ, и картина Микона, находившаяся въ храмѣ Ѳесея [6]). Композиція болонскаго кратира сильно отличается отъ композиціи Евфронія. Если послѣдняя изображаетъ еще до-вакхилидовскую версію миѳа [7]) и хронологически предшествуетъ картинѣ Микона, то композиція болонскаго кратира явилась послѣ Вакхилида и подъ не-

---

[1]) Ср. Benndorf, Jahrb., IX, 105.

[2]) Ср. Overbeck, Plastik⁴, II, 204.

[3]) Еще до выхода въ свѣтъ изслѣдованія Бенндорфа, а лишь послѣ краткой замѣтки Бенндорфа о скульптурахъ Гёль-Баши въ Österr. Mitth., VI (1882), 151 сля.

[4]) Robert, Archäol. Anzeiger, IV (1889), 141 слл. Ср. затѣмъ его Nekyia, 37.

[5]) Museo Italiano di Antichità Classica, III (1890), tav. 1, стр. 1 слл. (Ghirardini); Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, табл. 4.

[6]) О всѣхъ этихъ картинахъ см. нашу статью въ Журн. Мин. Народн. Просв.. 1898, апрѣль и май.

[7]) Ср. нашу указ. статью, стр. 37 (апрѣль).

посредственнымъ вліяніемъ картины Микона [1]). Робертъ указалъ на однородность композицій болонскаго кратира и кратира изъ Орвіето въ Луврѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, одна изъ картинъ возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ другой картины того же Микона. Болонская ваза, так. обр., сильно подтверждала еще давно высказанную Робертомъ мысль, что манера композиціи Полигнота и его школы была такова, какъ у картинъ кратира изъ Орвіето. Кратиры парижскій и болонскій говорили противъ реставраціи Бенндорфа картины Полигнота. Противъ нея говорило и описаніе картинъ Полигнота у Павсанія, текстъ котораго требуетъ такого распредѣленія фигуръ на картинахъ, какъ мы видимъ его на обоихъ кратирахъ [2]). Реставрація Бенндорфа производитъ еще и въ томъ отношеніи крайне странное впечатлѣніе, что фигуры его картины взяты съ разныхъ памятниковъ совершенно разныхъ стилей: тутъ мы видимъ и совершенно свободныя фигуры въ стилѣ тарентинскихъ вазъ и вполнѣ строгія (въ родѣ, напр., группы Синопа и Анхіала съ тѣломъ Лаомедонта,— группы, повторяющей Ѳанатоса и Гипноса съ тѣломъ Мемнона на киликѣ Памфея [3]). Неблагопріятно дѣйствуетъ и крайне плохое распредѣленіе фигуръ на поверхности картины Бенндорфа, равно какъ и ничѣмъ не оправдываемые восточные костюмы троянцевъ и т. д.

Въ виду реставраціи Бенндорфа, а также и въ виду того, что композиція кратира въ Болоньѣ („Ѳесей передъ Амфитритой“) исполнена въ стилѣ, явившемся послѣ развитого прекраснаго, такъ наз. „роскошномъ“, нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось нужнымъ остановиться еще разъ на вопросѣ, какіе памятники передаютъ стиль полигнотовыхъ фигуръ наиболѣе отвѣчающимъ дѣлу образомъ.

П. Гарднеръ [4]), разбирая сюжетъ и композицію картины на кра-

---

[1]) Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, отд. класс. фил. апр. 47.

[2]) Противъ Бенндорфа и за Роберта высказались Köpp (рецензія Gjölbaschi Бенндорфа въ Deutsche Litteraturzeitung), Collignon (Sculpture, II, 214. пр. 1)

[3]) Брит. муз., E12, Gerhard, A. V., III, 221—222; W. Bl., D, 3; Klein, Euphr.[2] 272 сл., 275. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ (ср. Klein, 274; Körte, Bonn. Stud., 198; Meier, A. Z., 1885, 182; Э. Р. фонъ-Штернъ, Зап. Императ. Одесск. Общества Исторіи и Древностей, XVII (1894), 58), которые видятъ въ наружныхъ картинахъ килика произведеніе Евфронія. Противъ нихъ, по нашему, особенно говоритъ ваза E437 Британскаго музея (Gerhard, A. V., II, 115; W. Bl., D, VI, 2), расписанная Памфеемъ. Стиль ея рисунковъ—безусловно идентиченъ со стилемъ рисунковъ внѣшнихъ сторонъ килика Британскаго музея E12, равно какъ и со многими другими рисунками на вазахъ Памфея. Противъ мнѣнія вышеназванныхъ ученыхъ высказывались еще Six въ Gaz. Archéologique, 1888, 201, и В. К. Мальмбергъ, Зап. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, IV, 93 сл.

[4]) P. Gardner, J. Hell. st., X (1889), 117—125.

тирѣ изъ Орвіето, указалъ, что именно по вазамъ съ такою композиціею, какъ луврскій кратиръ, должно составлять представленія о композиціяхъ Полигнота. Описаніе полигнотовыхъ картинъ у Павсанія безусловно требуетъ распредѣленія фигуръ на картинахъ Полигнота именно такого, какъ на картинахъ кратира изъ Орвіето [1]). Послѣднія картины, по мнѣнію Гарднера, наилучшимъ образомъ отражаютъ вліяніе Полигнота и въ стилѣ фигуръ (стр. 119).

Изслѣдованіе Беннdорфа показало весьма ясно, что вліянія композицій полигнотовой живописи очень широки и доходятъ иногда до позднихъ сравнительно памятниковъ.

Подтвержденіе этому дали изслѣдованія Роберта и В. К. Мальмберга, которые указали вліянія живописи Полигнота и современныхъ ему живописцевъ на произведеніяхъ античной промышленности, найденныхъ въ южной Россіи и относящихся къ концу V и началу IV вѣковъ до Р. Хр. [2]). Сюда относятся золотыя обивки изъ Чертомлыка и Карагодеуашха: горитъ [3]), ножны [4]) и фрагменты горита [5]).

На горитѣ изъ Чертомлыка представлены, между прочимъ, Діомедъ и Одиссей, нашедшіе Ахилла среди дочерей Ликомеда. Робертъ первый правильно понялъ сюжетъ сценъ, изображенныхъ на горитѣ, и призналъ за оригиналъ ихъ картину Полигнота, упомянутую Павса-

[1]) Гарднеръ обѣ картины кратира считаетъ связанными между собою единствомъ мѣста дѣйствія. Дѣйствіе и той и другой картины происходитъ въ М. Азіи, одинъ разъ на вершинахъ лѣсистаго Сипила («Ніобиды»), другой разъ—на вершинахъ мисійскаго Олимпа («Аргонавты»), далеко отъ моря (оттого не видно корабля Арго); «Аргонавты» кратира не зависятъ отъ картины Микона, у которой былъ другой моментъ (возвращеніе аргонавтовъ), и на которой на видномъ мѣстѣ были изображены кони Акаста. Стиль Микона, думаетъ Гарднеръ, былъ близокъ къ стилю Полигнота. На вазовыхъ мастеровъ, конечно, большее вліяніе оказалъ стиль самого Полигнота, чѣмъ стиль его сотрудниковъ. Наиболѣе подходящій моментъ для дѣйствія картины, изображающей аргонавтовъ на кратирѣ, — тотъ, описаніе котораго находимъ у Аполлонія Родосскаго (Argon., 940—1020). Нѣтъ ничего удивительнаго въ эпоху, къ которой относится кратиръ (половина V вѣка), въ томъ, что аттическій вазовый мастеръ взялъ сюжетомъ картины миѳъ, связанный съ Кизикомъ (Ср. P. Gardner, 123). Робертъ, однако, не принимаетъ объясненія, предложеннаго П. Гарднеромъ. Ср. Robert, Nekyia, 39, 14.

[2]) Robert, Arch. Anz., IV (1889), 151; Вл. Мальмбергъ, Памятники греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ. Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 13, II, 120 слл. О датѣ вещей см. 189 слл.

[3]) Изданъ Стефани въ С—R., 1864, pl. IV; затѣмъ въ W. Bl., Taf. 10, 1; Robert, Nekyia, 38; Матеріалы по арх. Россіи, № 13, 57, 123; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, II, 121.

[4]) С—R., 1864, V, 1; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, II, 123; Матеріалы по археологіи Россіи, 129.

[5]) Матеріалы по арх. Россіи, 123 слл.; табл. IX.

ніемъ [1]). В. К. Мальмбергъ развилъ мысли Роберта подробнѣе и обосновалъ ихъ настолько убѣдительно, что мы всецѣло къ нему присоединяемся [2]). Мы раздѣляемъ мнѣніе В. К. Мальмберга и относительно того, что въ композиціи ноженъ изъ Чертомлыка отразилась знаменитая „Мараѳонская битва“, которую Миконъ и Паненъ написали, подъ руководствомъ Полигнота [3]), въ Аѳинской Росписной галлереѣ, и что фигуры горита изъ Карагодеушхскаго кургана, весьма вѣроятно, работаны по готовымъ образцамъ, заимствованнымъ изъ какой-нибудь болѣе обширной композиціи полигнотовой школы. „Какъ обивки изъ Чертомлыка, такъ и карагодеушхская, не только черпаютъ свои сюжеты изъ великихъ композицій V вѣка, но и передаютъ ихъ въ стилѣ этого вѣка, при чемъ способъ заполненія свободнаго пространства ясно свидѣтельствуетъ, что эти изваянія держатся еще болѣе строгихъ правилъ, нежели рельефы изъ Гёль-Баши и „памятника съ нереидами“ [4]).

Композиція чертомлыцкаго горита заслуживаетъ спеціальнаго вниманія потому еще, что на ней можно наглядно видѣть, какъ мастеръ горита относился къ своему оригиналу, и убѣдиться въ томъ, что горитъ даетъ представленіе только о мотивахъ полигнотовой картины, но не объ ея общей композиціи. Композиція картины при ея перенесеніи въ рельефъ была измѣнена. Въ самомъ дѣлѣ, на горитѣ четыре женскихъ фигуры на лѣвомъ концѣ нижняго ряда непонятны и не имѣютъ никакого отношенія, повидимому, къ остальной композиціи. Однако, онѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, относятся къ группѣ, занимающей середину верхняго ряда (гдѣ изображены Діомедъ, Ахиллъ, кормилица Деидаміи и сама Деидамія). Въ оригиналѣ, съ котораго взяты сцены, представленныя на горитѣ, группа четырехъ женщинъ, конечно, находилась направо отъ Деидаміи. Такимъ образомъ, расположеніе фигуръ въ два ряда, одинъ надъ другимъ, не взято съ картины Полигнота.

То же самое надо замѣтить и относительно двухъ рядовъ фигуръ на рельефахъ Гёль-Баши. На послѣднихъ только художники были гораздо искуснѣе и осмысленнѣе относились къ оригиналамъ, съ которыхъ брали мотивы [5]). Такъ какъ, поэтому, рельефы Гёль-Баши не

---

[1]) Павсаній, I, 22, 6 (Overbeck, SQ., 1060, EF).

[2]) См. у него и всю спеціальную литературу, относящуюся къ чертомлыцкому гориту. Къ ней надо прибавить теперь еще Robert, Marathonsschl., 66. Въ послѣдней работѣ Робертъ развиваетъ дальше свои прежніе взгляды.

[3]) Такъ мы понимаемъ древнія свидѣтельства объ авторахъ «Мараѳона». См. ниже.

[4]) В. К. Мальмбергъ, 189.

[5]) Ср. Robert, Hermes, XXV, 422 слл.; Nekyia, 37 слл.

могутъ служить точкой опоры при сужденіи о композиціи полигнотовыхъ картинъ, то реставрація полигнотова „Иліона“ Бенндорфа оказывается совершенно несостоятельной [1]).

Однако, это ни мало не умаляетъ всей важности изслѣдованія Бенндорфа въ вопросѣ о полигнотовой живописи.

Послѣ изслѣдованія Бенндорфа нельзя было сомнѣваться въ громадномъ значеніи живописи въ древнемъ искусствѣ, во-первыхъ, и во-вторыхъ, въ томъ, что живопись вліяла на рельефъ и вообще на скульптуру. Ходячее мнѣніе, что первенствующее значеніе въ античномъ искусствѣ имѣла скульптура, теперь сильно было поколеблено. Совершенно новое значеніе пріобрѣтали теперь и вазы. Вполнѣ очевидна стала ихъ зависимость отъ монументальной живописи, а въ виду чрезвычайнаго значенія послѣдней и большое значеніе ихъ для исторіи искусства.

Ваза съ изображеніемъ избіенія Одиссеемъ жениховъ относится, какъ и другія вазы, на которыхъ до сихъ поръ констатировали болѣе или менѣе вѣроятныя вліянія полигнотовой живописи, къ періоду прекраснаго стиля, еще недалекому отъ строгаго.

Дюммлеръ [2]) собралъ рядъ примѣровъ вазовыхъ картинъ, у которыхъ, какъ и у котилы съ изображеніемъ избіенія жениховъ Пенелопы, онъ думаетъ въ надписяхъ видѣть вліяніе надписей картинъ Полигнота, писавшаго ѳасосскимъ алфавитомъ. Всѣ эти вазы—одного времени; всѣ онѣ принадлежатъ прекрасному стилю. На вазѣ Британскаго музея (E 492), изданной у Millin, II, 13, видимъ Διώνυσως. Ср. Mon., I, 9, 3; Tischbein, I, 37, гдѣ читаемъ: Ἀλκίμαχως καλῶς, и т. д. На вазѣ Британскаго музея E 492 видимъ еще одну особенность въ надписяхъ: это—употребленіе η вм. ε; Ηρμες вм. Ἑρμῆς. Дюммлеръ сравниваетъ съ этимъ и форму Ἡλένη (вм. Ἑλήνη) на вазѣ Museo Gregoriano, II, tav. 5,2a.

Помимо надписей, и художественные мотивы доказываютъ, что группа этихъ вазъ находится подъ вліяніемъ Полигнота. Преслѣдованіе Менелаемъ Елены—сюжетъ рисунка на упомянутой вазѣ Museo Gregoriano—принадлежитъ къ тому же кругу сюжетовъ, что̀ и картина полигнотова брата Аристофонта (Плиній, N. H., 35, 138; Overbeck, SQ., 1127).

---

[1]) Ср. Noack, Ath. M., XVIII (1893), 306.

[2]) Указ. статья въ Jahrb. d. Inst., II (1887). Съ нимъ соглашается C. Smith, Diction. of greek and roman antiquities, 408.

Подъ вліяніемъ Полигнота стоятъ, по Дюммлеру, и тѣ вазы, рисунки которыхъ по стилю близки къ картинамъ вазъ съ надписями, обнаруживающими особенности ѳасосскаго алфавита. Такъ въ ближайшей связи съ котилой Берлинскаго музея № 2588, какъ замѣтилъ еще Гельбигъ [1]), стоитъ котила музея въ Кьюзи (Mon., IX, 1872, tav. XLIII) [2]), на которой съ одной стороны изображены Пенелопа, сидящая за пряжей, и стоящій передъ ней Телемахъ съ двумя копьями, а на другой— Одиссей, которому служанка Антифатта моетъ ноги въ присутствіи Евмея (?). Мотивъ Антифатты на вазѣ въ Кьюзи въ общемъ близокъ къ мотиву Электры на „Иліонѣ“ Полигнота. Не случайно и то, что поздній рельефъ, изображающій печальную Пенелопу, составляетъ pendant другому, гдѣ изображено умываніе ногъ Одиссею (ср. Campana, Antiche opere in plastica, tav. 71, 72) [3]). Не случайно и различіе имени служанки съ именемъ ея въ „Одиссеѣ“. Ἀντίφαττα—слово, невозможное въ гекзаметрѣ. Наоборотъ, о Полигнотѣ извѣстно, что онъ на своихъ картинахъ часто давалъ дѣйствующимъ лицамъ миѳовъ имена, отличающіяся отъ тѣхъ, которыя сохранились у нихъ въ дошедшихъ до насъ миѳологическихъ версіяхъ [4]). Фигура Телемаха на кьюзинской котилѣ—извѣстна уже, какъ полигнотова, по кратиру изъ Орвіето и другимъ памятникамъ.

Большое родство въ стилѣ съ берлинской котилой № 2588, обнаруживаетъ киликъ Британскаго музея (E 81). Еще Гейдеманнъ [5]) указалъ, что гибель Ніобидовъ, которая представляетъ украшеніе наружныхъ стѣнокъ этого килика, скомпанована, вѣроятно, по какому-нибудь знаменитому оригиналу. Живопись трактовала въ эту эпоху нерѣдко миѳъ о гибели Ніобидовъ, какъ показываетъ одна изъ композицій кратира изъ Орвіето. Фидій трактовалъ этотъ сюжетъ на тронѣ Зевса Олимпійскаго. Вѣроятно, была композиція, изображавшая гибель Ніобидовъ, въ школѣ Полигнота [6]).

Полигнотовъ оригиналъ надо предполагать и для столь распро-

---

[1]) Helbig, Bull., 1876, 206.

[2]) Harrison, Greek vases paintings, pl. XLI.

[3]) Фантастическія гипотезы Дюммлера, будто въ Аѳинахъ должна была существовать копія съ платейской картины Полигнота въ какомъ-нибудь портикѣ, и будто тамъ же были нарисованы другія сцены изъ сказаній объ Одиссеѣ художниками полигнотовой школы, вызвали справедливыя осужденія. Ср. Robert, Marathonsschl., 78.

[4]) Ср., напр., Павс., X, 25, 4 (Overbeck, SQ., 1050, A, 32 сл.).

[5]) Heydemann въ Berichte d. sächs. Ges., 1877, 90. Ср. Stark, Niobe u. die Niobiden, 150—153.

[6]) Ср. Dümmler, 172.

страненной композиціи, какъ та, которая изображаетъ переговоры посла Агамемнона съ Ахилломъ [1]).

По стилю и мотивамъ фигуръ близокъ къ вазѣ Британскаго музея E 462 (гдѣ мы видѣли уже вліяніе въ надписяхъ ѳасосскаго алфавита) арибаллъ коллекціи Сабурова въ Берлинѣ (№ 2471). Но вмѣстѣ съ этимъ зависимость композиціи арибалла отъ Полигнота возможна еще и по другимъ соображеніямъ. Манера распредѣленія фигуръ на разной высотѣ, какъ на картинахъ кратира изъ Орвіето и арибаллѣ изъ Кумъ съ изображеніемъ амазономахіи,—полигнотовы (какъ показалъ Робертъ). Зависимость композиціи арибалла изъ Кумъ отъ Полигнота выразилась, между прочимъ, и въ выборѣ именъ для амазонокъ: Климену, Аристомаху, Креусу мы видимъ у Полигнота въ его „Аидѣ“ [2]).

Къ вазѣ Британскаго музея E 462 весьма близка, далѣе, полихромная композиція на бѣломъ фонѣ кратира въ Museo Gregoriano (II, 26). Но послѣдняя совершенно опредѣленно въ техникѣ подражаетъ монументальной живописи. Что это была живопись ѳасосская, т. е. полигнотова, показываетъ сравненіе ея съ композиціей на вазѣ Британскаго музея (E 462).

Не мало вазъ, гдѣ мастера пользуются мотивами полигнотовой живописи и примѣняютъ ихъ въ композиціяхъ совершенно различнаго содержанія. Такъ на одной вазѣ (Dumont, I, pl. IX) изображенъ ребенокъ, подвязывающій сандалію нереидѣ; на другой (A. Z., 1881, Taf. 15; Stackelberg, Gräber, 31) эротъ подвязываетъ сандаліи дѣвушкѣ. Оба мотива, очевидно, зависятъ отъ группы Елены и Электры на „Иліонѣ“ Полигнота.

Итакъ, Дюммлеръ указываетъ цѣлый рядъ вазъ (относящихся, по его мнѣнію, къ 470—440 гг.),—на которыхъ можно видѣть непосредственное вліяніе полигнотовой живописи и которыя могутъ потому давать приблизительное представленіе о полигнотовомъ стилѣ. Эти вазы—большею частью ранняго прекраснаго стиля.

И о техникѣ полигнотовой живописи, по мнѣнію Дюммлера, мы можемъ судить по вазамъ. Полихромная живопись аттическихъ бѣлыхъ лекиѳовъ стремится подражать картинамъ монументальнаго искусства.

Мы видѣли, что уже давно Поттье былъ такого же мнѣнія насчетъ бѣлыхъ лекиѳовъ. Также судятъ о нихъ и фонъ-Роденъ (у Baum., Denk., III, 2002) и Мёррэ (Handbook of greek archaeol., 364; White athe-

---

[1]) Dümmler, 172; ср. Brunn, Ann., 1858, 359 слл.; Robert, A. Z., 1881, 144 слл.; Girard, Peinture, 174.

[2]) Ср. Klügmann, Amazonen, 51. Но ср. Robert, Iliupersis, 62.

nian vases, 5 слл.). Картина луврскаго бѣлаго лекиѳа, изданнаго въ Jahrb. d. Inst., II (1887), Taf. 11, по Дюммлеру, представляетъ произведенiе, и по техникѣ, и по стилю, и по сюжету имѣющее ближайшiя отношенiя къ живописи Полигнота. По фигурамъ бѣлыхъ аттическихъ лекиѳовъ, полагаетъ Дюмллеръ, мы можемъ лучше всего судить и о полигнотовомъ эѳосѣ. Эти лекиѳы по содержанiю своихъ картинъ имѣютъ прямыя аналогiи съ „Аидомъ“ Полигнота. Нѣкоторыя изъ картинъ лекиѳовъ прямо даже заимствуютъ фигуры у Полигнота: Харонъ въ ладьѣ, группа Ѳанатоса и Гипноса, полагающихъ во гробъ умершаго [1]), стоятъ подъ влiянiемъ, первый — „Аида“, вторая — „Илiона“ (Синонъ и Анхiалъ съ трупомъ Лаомедонта). Въ изображенiи мертвыхъ на лекиѳахъ сказывается тоже влiянiе Полигнота: по этимъ фигурамъ, столь отличающимся отъ изображенiй мертвыхъ въ архаическомъ искусствѣ, мы и должны составлять себѣ представленiе о мертвыхъ воинахъ на „Илiонѣ“ Полигнота.

Однако, нельзя не признать, что эѳосу полигнотовыхъ картинъ было подражать гораздо труднѣе; поэтому, думаетъ Дюммлеръ, вазовыя картины и даютъ о немъ понятiя гораздо менѣе, чѣмъ, напр., о композицiи, о разныхъ мотивахъ картинъ Полигнота и т. п.

Вазы, на которыхъ Дюммлеръ видитъ отраженiе полигнотовой живописи, позволяютъ ему произнести сужденiе о Полигнотѣ и объ его отношенiяхъ къ Фидiю. Сужденiе это, конечно, сильно отличается отъ того, которое высказалъ о томъ же ранѣе Винтеръ.

Значенiе Полигнота значительно больше, чѣмъ думалъ Винтеръ. Полигнотъ, по Дюммлеру, владѣлъ уже вполнѣ всѣми художественными средствами выраженiя. Фидiю оставалось только всѣ открытiя Полигнота развить, разработать, усовершенствовать и сдѣлать ихъ достоянiемъ пластики [2]). Заслуга Фидiя заключается въ томъ, что онъ сдѣлалъ это мастерски, нисколько не нарушивъ законовъ, которымъ подчинена скульптура. Какъ легко было нарушить эти законы скульптору, который находился подъ влiянiемъ живописи, показываетъ, напр., фризъ Фигалiйскаго храма. Генiй Фидiя яснѣе всего понять, если сравнить съ фигалiйскими рельефами фризъ Парѳенона.

---

[1]) Ср., напр., Брит. муз., D 61, 58.

[2]) Гольверда (Jahrb. d. Inst., IV (1889), 43 слл.), занимаясь вопросомъ объ образованiи свободнаго стиля въ Аттикѣ, равнымъ образомъ пришелъ къ заключенiю, что свободный стиль обязанъ своимъ образованiемъ не одному Фидiю; создать новый стиль, столь отличающiйся отъ архаическаго, было выше силъ одного художника. Искусство Фидiя было только однимъ изъ совершеннѣйшихъ, но не единственнымъ выраженiемъ стремленiй къ пластическому идеалу въ эпоху разцвѣта аттической культуры послѣ Персидскихъ войнъ.

III.

Всѣми упомянутыми работами устанавливался совершенно новый взглядъ на исторію греческаго искусства.

Въ 1892 году П. Жираръ издалъ въ свѣтъ свою исторію античной живописи (La peinture antique par Paul Girard). Въ этой книгѣ основною мыслью является то, что всякій прогрессъ въ греческомъ искусствѣ впервые проявлялся въ живописи,—мысль, которая Винкельману, Лессингу и др. показалась бы прямо парадоксальной. Еще болѣе получала силы эта мысль послѣ изслѣдованія Э. Бертрана (Études sur la peinture et la critique d'art dans l'antiquité, Paris, 1893),—который, путемъ разбора древнихъ текстовъ, относящихся къ живописи, старался доказать, что греческая живопись была столь же высока и прекрасна, какъ и скульптура.

Какъ Жираръ, такъ и Бертранъ, говоря о Полигнотѣ, приводятъ для иллюстраціи его стиля вазовыя картины (а Жираръ и другіе памятники).

Слѣдуя Роберту и Бенндорфу, Жираръ считаетъ возникшими подъ вліяніемъ картинъ Полигнота картины кратира изъ Орвіето въ Луврѣ и котилы въ Берлинѣ (№ 2588) [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Жираръ нерѣдко приводитъ аналогіи для картинъ Полигнота и изъ строгаго стиля [2]). Киликъ Евфронія въ Луврѣ („Ѳесей передъ Амфитритой") кажется ему, какъ и Клейну, однимъ изъ интереснѣйшихъ для того, чтобы составить идею о стилѣ Полигнота [3]). Жираръ думаетъ, что фигуры на вазѣ Пистоксена [4]) и на бѣломъ киликѣ Евфронія въ Берлинскомъ музеѣ [5]) также даютъ понятіе о стилѣ Полигнота. Ближе всего по стилю и по колориту къ картинамъ Полигнота, по мнѣнію Жирара, фрагменты бѣлаго килика Аѳинскаго Акропольскаго музея [6]).

Изъ реставрацій полигнотовыхъ картинъ Жираръ признаетъ наиболѣе правильной реставрацію Бенндорфа [7]). Бенндорфу же онъ слѣдуетъ въ томъ, что мотивы полигнотовыхъ фигуръ, группъ и т. п. даютъ намъ рельефы Гёль-Баши.

---

1) Ср. Girard, 164, 173, 176.

2) Ср. ib., 157 слл., 168 слл., 174.

3) Ср. ib., 177: ...«Cette admirable peinture, oeuvre d'Euphronios, le potier dont le faire donne le mieux l'idée de ce qu'étaient le genre et la manière de Polygnote» etc.

4) Girard, 179.

5) ib., 178.

6) ib., 182.

7) ib., 179, пр. 1.

О картинахъ Микона позволяютъ точнѣе судить, по Жирару, такого же рода памятники: вазы строгаго [1]), прекраснаго [2]) стиля, италійскія вазы [3]), рельефы Гёль-Баши [4]).

Какъ Мёррэ и др. [5]), Жираръ склоненъ считать въ мотивахъ происходящими отъ Полигнота дошедшія до насъ довольно многочисленныя статуэтки изъ терракотты, мраморныя статуи и т. д., изображающія двухъ дѣвушекъ, играющихъ въ кости (ср. группу Камиро и Клитіи въ „Аидѣ“).

„Невозможно, чтобъ мастеръ, подобный Полигноту, говоритъ Бертранъ [6]),—не оказалъ значительнаго вліянія на искусство своего времени“. И въ самомъ дѣлѣ, у керамистовъ мы находимъ не мало такихъ качествъ, которые ихъ явно связываютъ съ Полигнотомъ: Бертранъ [7]) указываетъ цѣлый рядъ вазъ строгаго, прекраснаго, роскошнаго и ранняго нижне-италійскаго стилей, гдѣ, по его мнѣнію, вліяніе грандіознаго стиля Полигнота нельзя не почувствовать, и гдѣ различныя детали, такъ или иначе, выдаютъ, кому вазовые мастера слѣдовали.

Итакъ, послѣ долгихъ усилій наукѣ удалось установить, наконецъ, хотя бы приблизительно, на какихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ можно, усматривать вліяніе полигнотова искусства, — а слѣдовательно, добыть новые источники для того, чтобъ составить болѣе опредѣленныя представленія о художникѣ, значеніе котораго должно было быть такъ велико.

Къ этимъ новымъ источникамъ относятся, во-первыхъ, вазы, которыя даютъ понятіе о композиціи Полигнота, равно какъ и о различныхъ мотивахъ картинъ его и его школы; во-вторыхъ, сюда относятся рельефы героона Трисы, композиціи нѣкоторыхъ

---

[1]) Girard, 192, 195 и др.

[2]) ib., 186 сля., 189, 191.

[3]) ib., 188.

[4]) ib., 185.

[5]) Murray, Gaz. archéol. II (1876), 98. Ср. Heydemann, Knöchelspielerin, 16 сля., 21, 86.

[6]) Bertrand, 50.

[7]) ib., 51—59. Какъ и Жираръ, Бертранъ считаетъ еще возможнымъ, что Полигнотъ вліяетъ на вазы строгаго стиля. Намъ кажется это страннымъ особенно у Жирара, которому работа Студнички была извѣстна. Уже Коллиньонъ (Rayet-Collignon, Histoire de la céramique grecque, въ additions) отказался послѣ работы Студнички отъ сближенія вазъ строгаго стиля съ живописью Полигнота. Точно также фонъ-Роденъ, который еще въ «Malerei» (у Baum., Denkm., II, 856 сля.) слѣдовалъ Клейну, другихъ взглядовъ держится послѣ изслѣдованій Студнички, Дюммлера и Фуртвенглера въ «Vasenkunde» (тамъ же, III, 1984 сля.): къ Полигноту имѣютъ отношеніе лишь вазы прекраснаго стиля.

золотыхъ вещей, найденныхъ въ южной Россіи,—памятники, дающіе особенно много отдѣльныхъ мотивовъ полигнотовой живописи.

Кромѣ этихъ памятниковъ, вліяніе полигнотовой живописи можно съ достаточною долею вѣроятности предполагать на другихъ, которые въ композиціи или какъ-нибудь иначе соприкасаются съ названными, на которыхъ мы видимъ мотивы, засвидѣтельствованные для Полигнота, которые, наконецъ, по общему характеру, настроенію и т. п. имѣютъ ближайшія аналогіи съ картинами ѳасосскаго мастера.

Въ настоящее время нельзя не касаться живописи Полигнота и историку греческой скульптуры V вѣка. Въ скульптурахъ храмовъ, на надгробныхъ и другихъ памятникахъ скульптуры (саркофаги, посвятительные рельефы и т. п.) нерѣдко можно съ большею долею вѣроятности констатировать вліянія полигнотовой живописи. Въ виду этого имя Полигнота все чаще и чаще появляется въ исторіяхъ греческой скульптуры [1]).

Такъ, весьма вѣроятно, что фигуры Геліоса и Селены [2]) съ ихъ конями въ восточномъ фронтонѣ Парѳенона явились подъ вліяніемъ извѣстныхъ фигуръ, части которыхъ скрываются неровностями почвы, въ полигнотовой живописи [3]).

Многократно указывалось вліяніе Полигнота и на другіе мотивы въ скульптурахъ Парѳенона. Арей фриза Парѳенона неслучайно напоминаетъ Гектора полигнотова „Аида“ [4]). Неслучайно Гермій и Діонисъ [5]) на фризѣ образуютъ такую же группу, какую представляли Мемнонъ и Сарпедонъ на томъ же „Аидѣ“ [6]), равно какъ не случайно Аполлонъ [7]) на фризѣ смотритъ совершенно такъ же на Посидона, какъ у Полигнота Протесилай смотрѣлъ на Ахилла [8]). Небольшія стоящія фигуры около сидящихъ божествъ (Ирида около Геры, Эротъ около Афродиты) [9]) восточнаго фриза сейчасъ напомнятъ намъ о мальчикѣ-эѳіопѣ, который стоялъ около сидящаго Мемнона въ

---

[1]) Ср. Mitchell, History of greek sculpture, 749, s. v. Polygnotos, и Collignon, Sculpture, II, 695. Ср. Noack, Ath. M., XVIII (1893), 306.

[2]) Collignon, II, 23, ABCLM.

[3]) Ср. Furtwängler, Coll. Sabouroff, къ pl. 63. Collignon, II, 28.

[4]) Ср. Robert, Nekyia, 55. Collignon, II, 59 слл.

[5]) Collignon, f. 36. Вопреки Коллиньону, мы считаемъ эту фигуру вмѣстѣ съ Михаэлисомъ (Akademy, 1880, № 441, 282) не Аполлономъ, а Діонисомъ.

[6]) Robert, ib.

[7]) Collignon, II, f. 26.

[8]) Robert, ib.

[9]) Collignon, II, f. 24. Overbeck, Plastik⁴, I, Taf. 117, 26—27; 39—40.

„Аидѣ“ [1]). Двѣ крайнія фигуры богинь Судьбы [2]) восточнаго фронтона Парѳенона уже О. Янъ сближалъ съ Ѳіей и Хлоридой Полигнота [3]). Фигуру Зевса на восточномъ фризѣ Парѳенона Робертъ сравниваетъ съ Пеліемъ на „Аидѣ“, фигуру одного аѳинянина (Michaelis, 43) съ фигурой Агамемнона. Фигуры эфебовъ, подвязывающихъ себѣ сандаліи, на фризѣ напоминаютъ по мотиву фигуру Антилоха „Аида“ [4]).

Родство мраморовъ Парѳенона съ картинами Полигнота отмѣчалось также уже давно. Михаэлисъ находилъ, какъ мы знаемъ уже, у нихъ одно и то же отношеніе между центрами художественнымъ и математическимъ. Робертъ указываетъ на сходство въ группировкѣ божествъ по сторонамъ центральной жреческой группы на фризѣ Парѳенона [5]) и греческихъ и троянскихъ вождей по обѣ стороны Орфея въ полигнотовомъ „Аидѣ“. Мы уже упоминали о вліяніи полигнотовой живописи на композиціи щита Аѳины-Дѣвы Фидія.

„Кентавромахія“ на храмѣ Гефеста въ Аѳинахъ [6]), „Кентавромахія“ и „Амазономахія“ Фигалійскаго храма [7]), часто близко соприкасаясь въ различныхъ мотивахъ композицій другъ со другомъ и съ рельефами героона Трисы, равно какъ и съ нѣкоторыми вазовыми картинами, приводятъ къ мысли, что и здѣсь сохранились отклики композицій Полигнота и Микона. Масса живописныхъ элементовъ [8]), которые разсѣяны въ упомянутыхъ рельефахъ, еще болѣе подтверждаетъ, что они находятся, какъ и фризъ Гёль-Баши, подъ вліяніемъ живописи.

Вліяніе живописи Полигнота и его школы весьма вѣроятно также на рельефахъ храма Безкрылой Побѣды въ Аѳинахъ [9]), на рельефахъ памятника съ нереидами [10]) и т. д.

На карнизѣ извѣстнаго саркофага съ изображеніемъ плакальщицъ изъ Сидона въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ [11]) два сидящихъ печальныхъ мужчины повторяютъ полигнотовы мотивы: одинъ—мотивъ Гектора, другой—Сарпедона („Аидъ“). Юноши, стоящіе противъ нихъ,

---

1) Robert, ib.
2) Collignon, II, pl. III.
3) Ср. Robert, ib.
4) Collignon, II, 67.
5) Robert, Nekyia, 55.
6) Ср. Collignon, Sculpture, II, 84.
7) Ср. Overbeck, Plastik, I⁴, 556.
8) Ср. А. А. Павловскій въ Commentationes philologicae (Сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго), 203.
9) Ср. Brückner, Ath. M., XIV (1889), 404; Köpp, Arch. Anz., VII (1892), 128 слл.; Furtwängler, Meisterwerke, 220.
10) Ср. Robert, Marathonsschl., 13 слл.
11) Hamdy-Bey et Th. Reinach, Nécropole royale de Sidon, pl. XI.

повторяютъ мотивъ Антилоха. Печальныя женщины во фронтонѣ той же стороны саркофага, гдѣ на карнизѣ представлены упомянутыя мужскія фигуры, напоминаютъ Роберту (Nekyia, 56), по общему характеру, печальныхъ женщинъ на картинахъ Полигнота. Ихъ же напоминаютъ ему и печальныя женщины, изображенныя на изданномъ Вольтерсомъ [1]) метопѣ Аѳинскаго Національнаго музея.

Иногда мотивы полигнотовыхъ картинъ можно констатировать и на памятникахъ сравнительно позднихъ. Сюда относятся статуарныя группы [2]), италійскія вазы [3]), бронзовыя цисты [4]), мраморные саркофаги [5]), фресковыя и др. картины [6]), этрусскія урны [7]).

Но если мотивы полигнотовой живописи встрѣчаются и на позднихъ памятникахъ, о характерѣ его фигуръ и о стилѣ ихъ прежде всего мы должны судить по хронологически близкимъ къ нему памятникамъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ рельефы мраморныхъ лекиѳовъ и надгробныхъ стелъ [8]).

Такимъ образомъ, вліяніе полигнотовой живописи такъ или иначе отражается на массѣ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, которые и должны служить намъ источниками при изученіи Полигнота. Задачу дать представленіе о картинахъ Полигнота и его школы, по скольку это позволяютъ сдѣлать описанія картинъ Павсанія и матеріалъ, представляемый всѣми вышеназванными памятниками, взялъ на себя Робертъ.

Въ 1892 году Робертъ издалъ реставрацію полигнотова „Аида“ [9]). Въ слѣдующемъ году явилась его реставрація „Иліона“ [10]). Наконецъ, въ 1895 году онъ далъ реставрацію „Мараѳонской битвы“, которую Миконъ и Паненъ написали въ Аѳинской Росписной галлереѣ [11]).

---

[1]) Ath. M., XVIII (1893), Taf. 1, стр. 1 слл.

[2]) Ср. Furtwängler, 50 Berliner Winckelmannspr., 1890, 137.

[3]) Ср. Hartwig, A. Z., 1884, 253 слл.; Robert, Nekyia, 58; Furtwängler, Meisterwerke, 149 слл.; Patroni, La ceramica antica nell'Italia meridionale, IX.

[4]) Извѣстная циста Фикорони, — произведеніе іонійскаго искусства (ср. Furtwängler, Meisterw., 25, 4; 152), даетъ картину съ композиціей и мотивами Полигнота.

[5]) Ср. Robert, Iliupersis. 36; Marathonsschl., 13 слл.

[6]) Ср. H. von Rohden, у Baum., Denkm., II, 857 слл. Helbig-Reisch, Rome, II, 245 и т. д.; Murray, Gaz. archéol., II (1876) 98; Robert, Nekyia, 57, и т. д.

[7]) Ср. выше.

[8]) Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887). ук. ст.; C. Smith, Dictionary of greek and roman antiquities, 408; Noack, Ath. M., XVIII (1893), 306.

[9]) Robert, Die Nekyia des Polygnot, 16—hallisches Winckelmannsprogramm, Halle, 1892.

[10]) Robert, Die Iliupersis des Polygnot, 17—hallisches Winckelmannsprogramm. Halle, 1893.

[11]) Robert, Die Marathonsschlacht in der Poikile und weiteres über Polygnot, 18-es hallisches Winckelmannsprogramm, Halle, 1895.

Въ послѣдней книгѣ Робертъ собралъ свѣдѣнія, которыя есть у древнихъ писателей насчетъ всѣхъ остальныхъ картинъ Полигнота и художниковъ его школы, а также указалъ вазовыя картины и другіе памятники, находящіеся подъ вліяніемъ композицій полигнотовой школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ отвѣтилъ на возраженія, которыя сдѣланы ему были разными учеными послѣ его первыхъ двухъ работъ [1]).

Книги Роберта составили эпоху въ наукѣ: никто до сихъ поръ не затрагивалъ вопроса о Полигнотѣ и о вліяніи, оказанномъ имъ на греческія искусство и художествую промышленность такъ широко.

Основными положеніями Роберта являются тѣ, которыя онъ уже высказывалъ раньше въ Annali 1882 г. и въ Archäologischer Anzeiger 1889 г. Композиціи кратира изъ Орвіето въ Луврѣ и болонскаго кратира даютъ прямыя указанія о распредѣленіи фигуръ на картинахъ Полигнота. Робертъ приводитъ цѣлый рядъ вазъ, композиціи которыхъ однородны съ композиціями кратировъ луврскаго и болонскаго (Nekyia, 43 сл.). Древнѣйшею изъ этихъ вазъ является луврскій кратиръ, который принадлежитъ раннему прекрасному стилю, непосредственному преемнику строгаго Полигнотову манеру композиціи видимъ далѣе на вазахъ развитого прекраснаго стиля и на вазахъ роскошнаго стиля, слѣдующаго за развитымъ прекраснымъ. Удерживаютъ полигнотову композицію еще и нѣкоторыя италійскія вазы.

На основаніи вазовыхъ картинъ Робертъ полагаетъ, что мѣстомъ дѣйствія картинъ Полигнотъ избиралъ чаще всего склонъ горы [2]). Неровности почвы обозначалъ онъ такими же волнообразными линіями, какія мы видимъ на вазахъ. Фигуры распредѣлены были по картинѣ равномѣрно. Нѣкоторыя изъ нихъ пересѣкались линіями, обозначавшими подробности почвы; такимъ образомъ, у этихъ фигуръ части ихъ закрывались холмами и фигуры были изображены не цѣликомъ [3]).

Вліянія Полигнота на вазовую живопись не ограничились одной композиціей. Напротивъ, благодаря описанію картинъ Полигнота у Павсанія, мы можемъ констатировать цѣлый рядъ вазъ, картины которыхъ копируютъ группы и отдѣльныя фигуры Полигнота или подражаютъ имъ. Вазы даютъ, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени представленіе и о стилѣ полигнотовыхъ фигуръ. Рисовальщикъ Роберта Шенкъ, по заявленію самого Роберта, придалъ на реставраціяхъ нѣсколько не

---

1) Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 187 слл.; Schreiber, Festschrift f. Overbeck, 184 сл.; Weizsäcker, Polygnot's Gemälde, 3 слл.;

2) Robert, Nekyia, 42; Marathonsschl., 91 слл.

3) Robert, Marathonsschl., 104 слл.

тотъ стиль, который вполнѣ отвѣчалъ бы полигнотовому. Фигуры должны быть нѣсколько строже въ стилѣ [1]). По чашамъ съ бѣлой облицовкой и полихромною живописью на ней Робертъ составляетъ представленіе объ общемъ колоритѣ картинъ Полигнота [2]). Какъ на этихъ вазахъ, у Полигнота фигуры выдавались на бѣломъ фонѣ [3]). Ландшафта, задающагося иллюзіей, у Полигнота не было. Фигуры его украшали бѣлую стѣну зданія, какъ фигуры на вазахъ украшаютъ сосудъ. Полигнотъ вовсе не желалъ, чтобы картины устраняли впечатлѣніе стѣны, также и вазовыя картины всегда имѣютъ чисто архитектоническое значеніе [4]).

Взгляды Роберта на Полигнота и на вліянія, которыя оказалъ Полигнотъ на греческое искусство, нашли себѣ не одного приверженца. Въ настоящее время едва ли кто будетъ уже отстаивать реставрацію Бенндорфа. Едва ли можно рѣшиться также говорить теперь о Полигнотѣ только на основаніи литературныхъ свидѣтельствъ о немъ.

Но какъ бы то ни было, вопроса о значеніи Полигнота въ исторіи греческаго искусства работы Роберта не рѣшили окончательно. Если онѣ затронули его особенно широко и основательно, дали массу весьма остроумныхъ и важныхъ соображеній насчетъ композицій знаменитаго ѳасосца, и, казалось, часто были такъ близки къ истинѣ, то онѣ встрѣтили и весьма энергичныя и многочисленныя возраженія, изъ которыхъ нѣкоторыя стремились доказать, что наука вообще не въ силахъ дать даже и приблизительнаго нагляднаго представленія о стилѣ Полигнота, что, ergo, всѣ попытки реставрировать графически полигнотовы композиціи не ведутъ ни къ чему: можно лишь дать почувствовать, каковы были композиціи Полигнота, но нельзя сдѣлать того, чтобъ мы ихъ снова могли созерцать, потому что нѣтъ памятниковъ, которые были бы вѣрнымъ зеркаломъ искусства Полигнота [5]).

Роберту, какъ мы сказали уже, возражали Шёне, Шрейберъ, Вейцзеккеръ, Гаузеръ.

На большую часть возраженій какъ мы знаемъ, Робертъ отвѣтилъ уже въ послѣдней своей книгѣ, посвященной реставраціи „Мараѳонской битвы“ Микона и Панена. Робертъ большею частью остается при своихъ мнѣніяхъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ слегка измѣняетъ.

---

[1]) Robert, Nekyia, 58.
[2]) Robert, тамъ же, 58.
[3]) Robert, тамъ же.
[4]) Robert, Marathonsschl., 102.
[5]) Ср. Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 199.

Особенно отличаетъ Роберта отъ его предшественниковъ то, что онъ указалъ памятники, на которыхъ, по его мнѣнію, сохранилось несомнѣнное вліяніе композицій Полигнота. Вазовые мастера, по его мнѣнію,—подражали Полигноту, и у нихъ мы имѣемъ лучшія аналогіи для композицій Полигнота. Противъ этого послѣдняго положенія возсталъ Шёне [1]). Онъ прежде всего указываетъ на то, что изъ описанія полигнотовыхъ картинъ у Павсанія нельзя вывести заключенія, что эти картины имѣли аналогіи съ вазовыми картинами, которыя приводитъ Робертъ. Въ самомъ дѣлѣ, Павсаній не упоминаетъ, чтобы неровности почвы заслоняли и скрывали части фигуръ; если это засвидѣтельствовано для одной картины Микона (фигура Бута, Overbeck, SQ., 1085), то это—исключеніе, и при томъ не у Полигнота: изъ-за исключительности такого пріема возникла и поговорка: θᾶττον ἤ Βούτης. На вазовыхъ картинахъ пріемъ закрыванія фигуръ неровностями почвы, такимъ образомъ, явился не подъ вліяніемъ полигнотовой живописи [2]). Далѣе, изъ Павсанія видно, что всѣ фигуры главныхъ группъ на картинахъ Полигнота находились на одной линіи. Вазовыя картины съ „полигнотовой“ композиціей (по терминологіи Роберта), распредѣляя фигуры группъ на разныхъ уровняхъ, указываютъ скорѣе, что ихъ композиціи отличаются отъ полигнотовыхъ [3]). Весьма сомнительнымъ кажется Шёне и такое преобладаніе фигуръ въ профиль у Полигнота, какъ это мы видимъ на вазахъ и въ реставраціяхъ Роберта: на картинѣ самой главной „полигнотовой“ вазы — болонскомъ кратирѣ — всѣ фигуры изображены въ профиль! Опять и это не говоритъ за зависимость вазовыхъ картинъ отъ Полигнота. Наконецъ, „полигнотовы“ вазы въ композиціи далеко не одинаковы: на нѣкоторыхъ преобладаютъ группы, на другихъ отдѣльныя фигуры; на однѣхъ встрѣчаются фигуры, отчасти заслоненныя неровностями почвы, на другихъ ихъ нѣтъ и т. д. [4]). Всѣ такія вазы нельзя подводить подъ одну категорію и нельзя объяснять композиціи всѣхъ ихъ вліяніемъ именно только Полигнота.

Кромѣ того, прибавляетъ Шёне, задачи и средства дѣйствія полихромной живописи Полигнота и вазовой красно-фигурной живописи были глубоко различны, такъ что и ожидать вліянія Полигнота на картины вазъ нельзя [5]). Въ вазовой живописи надо строго соблюдать равномѣр-

---

[1]) Schöne, Zu Polygnots delphischen Bildern. Jahrb. d. Inst. VIII (1893), 187 слл.
[2]) Schöne, 194.
[3]) Schone, ib.
[4]) Schöne, 195.
[5]) Schöne, 195.

ное распредѣленіе фигуръ на поверхности картины; чтобы не нарушить равновѣсія, которое должно быть между свѣтлыми фигурами и темнымъ фономъ, надо избѣгать большихъ замкнутыхъ группъ, которыя образовали бы большія свѣтлыя пятна на вазѣ. Такъ какъ вазовыя картины дѣйствуютъ силуэтами, у нихъ является необходимость выбирать такія позы для фигуръ, которыя (позы) давали бы наибольшее количество линій въ контурахъ; чѣмъ больше извилинъ будутъ представлять контуры, чѣмъ больше они будутъ отклоняться отъ прямыхъ линій, тѣмъ выгоднѣе будетъ дѣйствіе фигуры. Понятно, почему вазовая живопись должна предпочитать фигуры не въ фасъ или три четверти, а въ профиль.

Наоборотъ, полихромная живопись на бѣломъ фонѣ (такова была живопись Полигнота) не должна непремѣнно распредѣлять равномѣрно фигуры по поверхности картины; благодаря краскамъ, она можетъ свободно пользоваться большими тѣсно сплоченными группами. Не къ чему ей и отдавать предпочтеніе фигурамъ въ профиль.

Подъ вліяніемъ Полигнота, судя по Павсанію [1]), широко примѣнявшаго тѣсно сплоченныя группы,—являются такія группы на фризѣ Парѳенона.

По Шёне, „полигнотовы" вазы Роберта не даютъ и не могутъ давать никакого представленія о картинахъ Полигнота и объ ихъ манерѣ композиціи.

Шёне рѣшительно высказывается и противъ того, что Полигнотъ избиралъ обычнымъ мѣстомъ дѣйствія картинъ склонъ горы. Противъ этого, по его мнѣнію, говоритъ уже картина, изображавшая избіеніе жениховъ Пенелопы; какъ извѣстно, мѣстомъ дѣйствія этой картины Полигнота была внутренность одиссеева дома [2]). Да и вазовыя композиціи нельзя объяснять такъ, какъ объясняетъ Робертъ. По Шёне, вазовые мастера, располагая фигуры на разныхъ уровняхъ, не имѣли ничего другого въ виду, какъ дать картину происходящаго на одномъ уровнѣ почвы: фигуры, которыя у нихъ расположены выше другихъ, надо понимать, какъ находящіяся за ними [3]). Вазовые мастера V вѣка, так. обр., не отличаются здѣсь отъ египетскихъ художниковъ, у которыхъ мы видимъ тотъ же наивный пріемъ для изображенія фигуръ на разныхъ планахъ.

О колоритѣ полигнотовыхъ картинъ Шёне судитъ такъ же, какъ

---

[1]) Ср. Павсаній, X, 30, 3. 4; 31, 10; 30, 8; 31, 5 и т. д. (Overbeck, SQ., 1050, B, 142 сля.; 256; 243 сля.; 229 сля.).

[2]) Ср. Robert, Hermes, XXV, 428.

[3]) Schöne, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 198.

раньше него судилъ Бенндорфъ, по пинаку, находящемуся въ Акропольскомъ музеѣ [1]), а не по аттическимъ киликамъ съ бѣлой облицовкой внутри, колоритъ которыхъ совершенно нельзя согласить съ тѣмъ, что мы знаемъ о колоритѣ Полигнота изъ описанія его картинъ у Павсанія [2]). Фигуры на картинахъ выдавались на бѣломъ фонѣ, но, такъ какъ онѣ были раскрашены, онѣ не могли выдаться на такихъ неопредѣленныхъ линіяхъ, какія мы видимъ у вазъ съ „полигнотовой“ композиціей для обозначенія неровностей почвы. Судя по Павсанію (X, 25, 3, 11; 26, 5), у Полигнота почва обозначалась гораздо подробнѣе. Тонкія линіи для обозначенія почвы — исключительная особенность вазовой живописи [3]), которая ее вовсе не заимствовала у Полигнота, какъ думаетъ Робертъ (Nekyia, 66): темныя, малозамѣтныя линіи необходимы въ вазовой живописи изъ-за ея чернаго фона, на которомъ свѣтлымъ силуэтомъ выдаются фигуры; если почву обозначить здѣсь подробно, то получатся крайне непріятные для общаго декоративнаго эффекта свѣтлыя пятна [4]). Такимъ образомъ, и при сужденіи о колоритѣ Полигнота, по мнѣнію Шёне, вазы не даютъ ровно ничего.

Возраженія Шёне имѣли то значеніе, что заставили Роберта еще разъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ живописи Полигнота къ вазовымъ картинамъ и подробнѣе обосновать его основныя положенія.

Въ послѣдней книгѣ, посвященной Полигноту, Робертъ еще разъ останавливается на вазахъ съ „полигнотовой“ манерой композиціи.

Несомнѣнныя указанія на то, что иногда на картинахъ Полигнота неровности почвы заслоняли и скрывали части фигуръ, Робертъ указываетъ и въ описаніи дельфійскихъ картинъ Полигнота у Павсанія. О фигурѣ Титія въ „Аидѣ“ Павсаній говоритъ, что онъ представляетъ „не цѣлый образъ“, „οὐδὲ ὁλόκληρον εἴδωλον“. Что ὁλόκληρον здѣсь значитъ безусловно это, показываетъ свидѣтельство Зиновія (Overbeck, SQ., 1085) о фигурѣ Бута на картинѣ Микона: Бутъ Микона отъ того далъ поводъ къ поговоркѣ: θᾶττον ἢ Βούτης,—что нужно было очень мало времени, чтобъ нарисовать его, такъ какъ на картинѣ отъ его фигуры видны были только шлемъ да глазъ, такъ какъ не вся фигура его была написана: καὶ γὰρ ὁ Βούτης ῥᾳδίως κατεσκευάσθη, ἅτε οὐχ ὁλοκλήρου τοῦ σώματος γεγραμμένου.

---

1) Ἐφημ. ἀρχ., 1887, πίν. VI, стр. 124 слл. (Benndorf).

2) Schöne, 189. Ср. Brunn. Gesch. d. gr. Künstler, II, 22, 31 слл.

3) Такъ думаетъ, кромѣ Шёне, и Гауверъ, считающій эти линіи за «ein trauriger Nothbehelf» вазовой живописи.

4) Schöne, 195.

Вопреки Шёне, Робертъ [1]) считаетъ закрыванiе частей фигуръ неровностями почвы обычнымъ прiемомъ живописи Полигнота; пословица: θᾶττον ἢ Βούτης—явилась не потому, что Миконъ нарисовалъ нѣчто совершенно необычное, а потому, что онъ впалъ въ крайность, довелъ обычный прiемъ до утрировки [2]).

Закрыванiе фигуръ неровностями почвы стоитъ въ связи съ горнымъ пейзажемъ, который преимущественно и выбиралъ Полигнотъ для своихъ картинъ [3]). Горный пейзажъ представлялъ весьма много преимуществъ. Такую массу фигуръ, какъ на дельфiйскихъ картинахъ Полигнота, конечно, удобнѣе и живописнѣе можно расположить — при средствахъ, которыми располагала живопись V вѣка,—избравъ горный пейзажъ для картины. Особенныхъ стѣсненiй, такимъ образомъ, горный пейзажъ вовсе не представлялъ для художника. Робертъ остроумно сопоставляетъ съ горнымъ пейзажемъ полигнотовыхъ картинъ σκηνή трагедiи: и тотъ и другая нисколько не мѣшаютъ, чтобы на ихъ фонѣ развивались самыя разнообразныя дѣйствiя и картины.

Горный пейзажъ для картинъ Полигнота и его школы засвидѣтельствованъ и литературной традицiей. Полигнотъ написалъ въ Дельфахъ „Ἰλίου ἀκρόπολιν“; такъ какъ на той же картинѣ было изображено и море съ кораблемъ Менелая, то, конечно, скорѣе всего ἀκρόπολις былъ характеризованъ постепенно повышающеюся поверхностью почвы. Несомнѣнно, неровный уровень почвы былъ и въ „Аидѣ“ Полигнота: Сисифъ тащитъ камень тамъ на гору (κρημνοῦ τε σχῆμά ἐστι καὶ ὁ Αἰόλου Σίσυφος ἀνῶσαι πρὸς τὸν κρημνὸν βιαζόμενος τὴν πέτραν); Антилохъ поставилъ одну ногу на возвышенiе почвы (τὸν μὲν ἕτερον ἐπὶ πέτρας τῶν ποδῶν etc.); Орфей сидитъ на холмѣ (ἐπὶ λόφου τινὸς Ὀρφεὺς καθεζόμενος etc.).

Горный пейзажъ засвидѣтельствованъ прямо для картины Микона, на которой былъ изображенъ извѣстный Бутъ (τὰ δὲ λοιπὰ μέρη ἐδόκει ὑπὸ τοῦ ὄρους, ἐφ' οὗ ἐβεβήκει, κρύπτεσθαι etc.).

Весьма легко было избрать гористую мѣстность для „Кентавромахiи“, „Амазономахiи“, картинъ историческихъ битвъ, „Похищенiя Левкиппидъ“.

Если на картинѣ въ платейскомъ храмѣ („Одиссей, убивающiй

---

[1]) Такого же мнѣнiя держатся о закрыванiи фигуръ неровностями почвы Бенндорфъ (Ἐφ. ἀρχ., 1887, 126), Кёппъ (Arch. Anz., 1892, 128), Жираръ (Peinture, 175), Вейцзеккеръ (ук. раб.), Ноакъ (Ath. M., XVIII (1893), 305).

[2]) Robert, Marathonsschl., 96.

[3]) Girard, Peinture, 175 сл. Robert, Marathonsschl., 95.

жениховъ Пенелопы") дѣйствіе происходитъ во внутренности дома, то расположеніе фигуръ тамъ было совершенно такое же, какъ и на другихъ картинахъ Полигнота, потому что домъ въ нѣсколько этажей былъ представленъ въ разрѣзѣ [1]).

Шёне (а за нимъ и Вейцзеккеръ) неправильно смотрятъ на вазы съ „полигнотовой" композиціей.

Сохранившіяся копіи композицій на щитѣ Аѳины-Дѣвы Фидія [2]) совершенно ясно характеризуютъ мѣста дѣйствій изображенныхъ тамъ сценъ, какъ склоны горъ: амазономахія происходитъ на склонахъ Пникса, гигантомахія на склонахъ Олимпа [3]). Нельзя не замѣтить огромнаго сходства между композиціей щита Аѳины-Дѣвы Фидія и амазономахіей, украшающей кумскій арибаллъ въ Museo Nazionale въ Неаполѣ [4]).

Совершенно очевидно, что и на кумскомъ арибаллѣ дѣйствіе картины происходитъ на склонахъ Пникса [5]), и что фигуры здѣсь находятся никоимъ образомъ не на ровной мѣстности (ср. особ. группу Климены и Фалира). Несомнѣнно, склонъ горы имѣемъ также на вазѣ Берлинскаго музея № 3258 („Калидонская охота") [6]). Изображеніе боговъ вверху сцены на италійскихъ вазахъ опять-таки очевидно должно давать идею о нахожденіи боговъ не за фигурами, а надъ ними (на небѣ). На многихъ вазахъ мы имѣемъ совершенно несомнѣнное обозначеніе возвышающейся почвы, по которой фигуры восходятъ вверхъ. Послѣдняго не отрицаетъ и самъ Шёне.

Итакъ, расположеніе фигуръ равномѣрно по всей поверхности картины, другъ надъ другомъ, на вазахъ не имѣетъ въ виду изобразить ихъ другъ за другомъ, не даетъ на нихъ вида какъ-бы съ птичьяго полета (такъ полагаютъ Шёне и Вейцзеккеръ).

Совершенно невѣроятно было бы, чтобы греческая живопись въ V в. такъ примитивно понимала перспективу, какъ то выходитъ у Шёне, Вейцзеккера и Гаузера [7]).

---

1) Ср. Robert, Hermes, XXV, 428; Marathonsschl., 65.

2) Амазономахія: Michaëlis, Parthenon, Taf. 15, 35; Conze, Athenastatue des Pheidias im Parthenon; Schreiber, Athena Parthenos, Taf. III, E 3; Overbeck, Plastik⁴, I, f. 99. Гигантомахія: Mon., IX, 6; Roscher, Lex. d. Mythol. (Неаполь, M. B., 2664 и 2883); В. К. Мальмбергъ, Метопы, табл. II.

3) Ср. M. Mayer, Giganten u. Titanen, 267 слл., № 10; Robert, Archäol. Märchen, 24, пр.; Furtwängler, Meisterw., 71; Gräf у Pauly-Wissowa, Realencykl., I, 2, 1781.

4) R. C., 239. Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 244 слл.; Winter, Jüng. attischen Vasen, 3[illegible].

5) Rayet-Collignon, ук. м.

6) Gerhard, Apulische Vasenbilder, Taf. VIII—X; Jahrb. der kunsthist. Sammlungen d. allerhöchst. Kaiserhauses, Wien, IX, f. 114.

7) Ср. Robert, Marathonsschl., 91 слл.

Какъ композиціи съ горнымъ пейзажемъ, такъ и закрываніе фигуръ неровностями почвы является впервые на вазахъ прекраснаго стиля [1]). Такъ какъ послѣдній пріемъ примѣнялся къ живописи Полигнота, то ей онъ скорѣе всего обязанъ происхожденіемъ и въ вазовой живописи. Живопись Полигнота повліяла и на созданіе вазовыхъ композицій съ горнымъ ландшафтомъ.

Описаніе картинъ Полигнота у Павсанія не допускаетъ иного расположенія фигуръ, какъ это мы видимъ на вазахъ съ „полигнотовой“ манерой композиціи. Робертъ сдѣлалъ весьма интересную попытку описать языкомъ Павсанія картины кратировъ изъ Орвіето и болонскаго съ цѣлью показать, какъ хорошо подходятъ обычныя выраженія Павсанія при описаніи дельфійскихъ картинъ и къ описанію композицій на этихъ вазахъ [2]).

Не трудно возразить и противъ того, что Шёне говоритъ о группахъ полигнотовыхъ картинъ. Такихъ большихъ тѣсно сплоченныхъ группъ, какъ требуетъ Шёне, въ искусствѣ V вѣка вовсе нѣтъ. И искусство IV вѣка не ставитъ фигуръ еще очень тѣсно. Единственнымъ исключеніемъ являются сцены процессій на фризѣ Пароенона; онѣ, однако, не могутъ служитъ аналогіями къ композиціямъ Полигнота, такъ какъ все построеніе ихъ совершенно иное. Во фронтонахъ Пароенона, на центральной части его восточнаго фриза (группа боговъ), на фризахъ Фигалійскаго храма, Галикарнасскаго мавзолея, у мозаики съ изображеніемъ сраженія Александра Македонскаго съ Даріемъ [3]), на извѣстной „Альдобрандинской свадьбѣ“ [4]) фигуры въ группахъ разставлены еще очень свободно. Только на маломъ фризѣ Пергамскаго алтаря, на эллинистическихъ рельефахъ и на помпеянскихъ картинахъ развиваются группы съ фигурами, весьма тѣсно примыкающими другъ къ другу. Ни содержаніе, ни аналогіи современныхъ памятниковъ, ни описаніе Павсанія не ведутъ къ заключенію, которое Шёне сдѣлалъ насчетъ группъ у Полигнота. Шёне вычитываетъ у Павсанія часто гораздо больше того, что періэгетъ хотѣлъ сказать о группахъ на дельфійскихъ картинахъ Полигнота [5]).

---

[1]) Перечень вазъ съ «полигнотовой» композиціей и закрываніемъ фигурой неровностями почвы см. у Роберта, Marathonsschl., 96 слл.

[2]) См. Robert, Nekyia, 40 слл.

[3]) Эта мозаика, вѣроятно, скомпонована по картинѣ Филоксена эретрійскаго (Overbeck, SQ., 1777). Ср. Michaëlis, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 134; Robert, Marathonsschl., 100.

[4]) Helbig-Reisch, Rome, II, 958. Ср. вазу въ Museo Nazionale въ Неаполѣ S. A., 699. «Альдобрандинская свадьба» копируетъ картину IV вѣка.

[5]) Ср. Robert, Marathonsschl., 100 слл.

Тѣсно сплоченныя группы съ свободными пространствами между ними являются въ греческомъ искусствѣ въ то время, когда начинаетъ болѣе и болѣе на картинахъ играть роль пейзажъ, который и заполняетъ остающіяся между группами пространства. Вопреки Шёне [1]) и Гаузеру, этого нельзя принимать у Полигнота. Даже еще на цистѣ Фикорони [2]) и на мозаикѣ съ изображеніемъ битвы Александра съ Даріемъ пейзажъ развитъ очень мало. Мало развитъ онъ былъ еще, вѣроятно, и у Зевксиса и Паррасія [3]). Въ живописи Полигнота могли быть только слабые намеки на пейзажъ [4]). А при такихъ условіяхъ композиціи Полигнота имѣли совершенно архитектоническій характеръ, и равномѣрное распредѣленіе фигуръ на нихъ было такъ же необходимо, какъ во фронтонахъ, на фризахъ, наконецъ, и на вазовыхъ картинахъ [5]).

Что касается колорита полигнотовыхъ картинъ, то, вопреки Бенндорфу и Шёне, о немъ нельзя судить по акропольскому пинаку [6]). Во-первыхъ, пинакъ гораздо древнѣе картинъ Полигнота по стилю [7]) и, во-вторыхъ, онъ отличается рѣзко отъ полигнотовыхъ картинъ по окраскѣ фигуръ: здѣсь нѣкоторыя второстепенныя вещи не окрашены, а нарисованы лишь контурно, тогда какъ у Полигнота второстепенные предметы на картинахъ были раскрашены [8]).

Робертъ продолжаетъ настаивать и послѣ сдѣланныхъ ему возраженій, что судить о колоритѣ Полигнота надо по картинамъ вазъ съ рисунками на бѣлой облицовкѣ [9]).

Выводы науки относительно художественно-историческаго значенія Полигнота въ греческомъ искусствѣ одновременно съ Робертомъ старался резюмировать Мильхгёферъ [10]). Онъ, впрочемъ, не дѣлалъ гра-

---

[1]) Шёне повторяетъ старыя воззрѣнія. Ср. Hügel, Geschichtliche und systematische Entwickelung und Ausbildung der Perspektive in d. klass. Malerei, 15 слл.

[2]) Helbig-Reisch, Rome, II, 437 слл. Оригиналъ композиціи цисты не позже IV вѣка до Р. Хр. Ср. Robert, ук. с., 102. Викгоффъ (Wickhoff, Wiener Genesis, 51) относитъ цисту къ III в. Ср. Helbig-Reisch, Rome, II, 438 слл.

[3]) Ср. Blümner, Technologie, IV, 438; Benndorf, Gr. S. Vasenb., 23; Mau, Ann., LVI (1884). 319; Robert, Votivgemälde eines Apobaten. 16 hall. Winckelmannspr., 19.

[4]) Пейзажъ, разсчитывающій на иллюзію, начинается не ранѣе III в. до Р. Хр. Развивается онъ лишь во II в. до Р. Хр. Ср. Robert, Marathonsschl., 102; Wickhoff, Wiener Genesis, 51.

[5]) Robert, ук. м.

[6]) Robert, Marathonsschlacht, 103.

[7]) Ближайшія аналогіи по стилю представляютъ вазы Финтія. Ср. Benndorf, Ἐφ. ἀρχ., 1887, 124 слл.; Hartwig, Meistersch., Taf. XVII.

[8]) Ср. Павсаній, X, 25, 3 (Overbeck, SQ., 1050, A, 21) и др.

[9]) Robert, Marathonsschl., 103 слл.

[10]) Milchhöfer, Zu den jüngeren attischen Vasen. Jahrb. d. Inst., IX (1894). 57 слл.

фической реставраціи полигнотовыхъ произведеній и не касался вопроса во всемъ его объемѣ, но остановился спеціально на отношеніяхъ къ Полигноту вазовой живописи.

Заслугою Мильхгёфера является то, что онъ выдвинулъ всю важность установленія болѣе точной хронологіи вазовой живописи въ нашемъ вопросѣ.

Выводы, къ которымъ пришелъ Мильхгёферъ, сводятся къ слѣдующему.

Какъ Фуртвенглеръ [1]), Мильхгёферъ раздѣляетъ вазы прекраснаго стиля на два разряда: на вазы старшей группы (разрядъ А) и младшей (разрядъ В). Приведя многочисленные примѣры вазъ той и другой группъ, а также и такія вазы, которыя, по стилю рисунка, должно поставить между старшей и младшей группой, Мильхгёферъ замѣчаетъ, что, по эпиграфическимъ даннымъ, средняя группа (ея представителемъ является чаша Аристофана и Эргина въ Берлинѣ, № 2531) должна относиться еще къ V вѣку. Такъ какъ работы Дюммлера, Студнички, Фуртвенглера, Бенндорфа [2]) достаточно указали на важное значеніе живописи въ исторіи греческаго искусства, то Мильхгёферъ справедливо находитъ, что аналогіи между вазовыми рисунками и скульптурою въ сюжетахъ, мотивахъ и т. п. никогда не могутъ безусловно говорить за то, что та или другая вазовая картина зависитъ отъ того или другого извѣстнаго намъ памятника скульптуры съ аналогичнымъ мотивомъ. Всегда возможна зависимость и той и другого отъ общаго живописнаго источника, такъ какъ и вазовая живопись и скульптура пользовались оригиналами монументальной живописи. А если такъ, то аналогіи съ памятниками скульптуры никогда не даютъ terminus post quem для вазовыхъ картинъ и не могутъ служить точкой опоры при хронологіи вазъ. Такъ и чаша Аристофана и Эргина не зависятъ отъ щита фидіевой Аѳины-Дѣвы.

Мильхгёферъ подробно перечисляетъ всѣ тѣ сюжеты вазовыхъ картинъ и мотивы ихъ, въ которыхъ его предшественники уже признали вѣрно вліянія полигнотовой живописи. Такъ какъ вліяніе Полигнота сказывается уже на такихъ вазахъ, которыя еще весьма близки къ вазамъ строгаго стиля (вазы съ Γλαύκων καλός), то прекрасный стиль, полагаетъ Мильхгёферъ, является около 470 года.

Приблизительно къ 460-мъ годамъ относится, по Мильхгёферу, группа вазъ, близкихъ по стилю къ луврскому кратиру изъ Орвіето,

[1]) Въ каталогѣ вазъ Берлинскаго музея (т. 2).

[2]) См. о нихъ выше.

группа вазъ, прославляющихъ Евеона (Εὐαίων καλός), вазы, по стилю примыкающія къ берлинской келебѣ съ изображеніемъ Орфея среди ѳракійцевъ, къ амфорѣ Полигнота (Брит. муз., Е284), т. е. вообще всѣ вазы старшей группы (А). Хронологическою границею разрядовъ А и В является 450 годъ. Такимъ образомъ, болонскій кратиръ и родственныя ему по стилю вазы относятся къ 460—450 гг. и ниже. Ваза Мидія возникла около 440 года [1]).

Мильхгёферъ занимался и вопросомъ о томъ, когда прекратилась вазовая живопись. Указанія на это даютъ панаѳинейскія амфоры съ именами архонтовъ 312—11 года. По исполненію эти амфоры таковы, что совершенно не позволяютъ думать, что вазовая живопись въ Аѳинахъ съ половины IV вѣка стояла еще на такой высотѣ, чтобы могла производить дѣйствительно художественныя вещи. По эпиграфическимъ даннымъ лучшія вазы относятся къ V вѣку. За то, что аттическая вазовая живопись прошла всѣ стадіи своего развитія въ V вѣкѣ и что въ IV вѣкѣ не дѣлались уже роскошныя росписныя вазы, говорятъ результаты раскопокъ разныхъ некрополей, относящихся ко второй половинѣ V вѣка [2]). За то же говорятъ и всѣ находки вазъ въ Крыму, Италіи и Сициліи. Въ IV вѣкѣ вазовая живопись еще существовала, но какъ долго—еще не можетъ быть установлено [3]).

За помѣщеніе вазъ группы А, гдѣ такъ много вліяній живописи Полигнота, на 60-ые годы V вѣка говоритъ и хронологія Полигнота, который дѣйствуетъ въ Аѳинахъ еще до 460 года [4]).

Вазовая хронологія, какъ мы видимъ ее у Мильхгёфера, подтверждаетъ положеніе, высказывавшееся уже раньше, — о руководящей, главенствующей роли живописи въ греческомъ искусствѣ V вѣка. Мильхгёферъ, руководясь указаніями вазовой хронологіи, объясняетъ всѣ аналогіи (указанныя до сихъ поръ) между вазовыми картинами и скульптурою V вѣка такъ, что относитъ ихъ насчетъ общаго источника въ монументальной живописи. Скульпторъ всегда нѣсколько связанъ своимъ матеріаломъ и поневолѣ долженъ быть консервативенъ. Живописецъ, напротивъ, можетъ компоновать свободнѣе; онъ легче отваживается на всякія новшества: новыя позы, новые мотивы группъ и т. п. Но если живопись руководитъ прогрессомъ, скульптурѣ принадлежитъ благотворное консервативное вліяніе. Скульптура даетъ какъ бы

[1]) Milchhöfer, 75 сля.
[2]) Milchhöfer, 77 сля.
[3]) Milchhöfer, 78 сля.
[4]) Milchhöfer, 72.

обратный ударъ, заставляя художника строго блюсти законы статики, внимательно изучать анатомію, пропорціи [1]).

Фундаментальная работа Мильхгёфера въ общемъ заслужила признаніе со стороны ученыхъ. Сейчасъ же согласились съ основными выводами Мильхгёфера Милле [2]), Э. Р. фонъ-Штернъ [3]) и затѣмъ С. Смисъ [4]).

Съ основными положеніями Мильхгёфера согласился и Робертъ [5]). Однако, послѣдній, какъ и Э. Р. фонъ-Штернъ, возражаетъ Мильхгёферу противъ его датировки нѣкоторыхъ вазъ. Вліяніе Полигнота начинается, по Роберту, въ вазовой живописи около 470—460 годовъ, но къ этому времени относятся только такіе сосуды, на которыхъ нѣтъ непосредственнаго вліянія картинъ Дельфійской лесхи или Аѳинской Росписной галлереи. Примѣромъ такихъ вазъ можетъ служить кратиръ изъ Орвіето въ Луврѣ. Вазы, гдѣ, какъ на берлинской келебѣ съ изображеніемъ Орфея среди ѳракійцевъ, несомнѣнно надо признать посредственное или непосредственное вліяніе полигнотова „Аида" [6]), относятся къ болѣе позднему времени. Стиль и рисунокъ берлинской келебы обнаруживаютъ болѣе развитую и зрѣлую эпоху, чѣмъ та, къ которой относится луврскій кратиръ изъ Орвіето. Робертъ не согласенъ съ Мильхгёферомъ и относительно того, что на извѣстныхъ до сихъ поръ вазахъ нигдѣ нельзя указать вліяній скульптуры. Вопреки Мильхгёферу, Робертъ считаетъ, что Аѳина на берлинскомъ кратирѣ, изданномъ въ Arch. Anz. (VII (1892), 102) Фуртвенглеромъ, скопирована съ Аѳины-Дѣвы Фидія. А такъ какъ кратиръ этотъ по стилю близокъ къ келебѣ съ изображеніемъ Орфея среди ѳракійцевъ [7]), то обѣ эти вазы должны были возникнуть лишь послѣ 447 года. А если такъ, то старшая группа вазъ прекраснаго стиля (A) относится къ 460—440 годамъ, а младшая (B) къ 440—420 годамъ. Хронологія Мильхгёфера даетъ слишкомъ быстрое tempo развитія вазовой живописи и не оставляетъ ничего на конецъ V вѣка [8]).

---

1) Milchhöfer, 71 и пр. 33.

2) Milliet, Monum. grecs, 21—22 (1893—1894), 15.

3) Зап. Императ. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, XVIII (1895), 58 сл.

4) C. Smith, Catalogue of the greek and etruscan vases in the British Mus. Introd., 9.

5) Robert, Marathonsschl., 71 слл.

6) Ср. Furtwängler, 50 Berliner Winckelmannspr., 157; Robert, Nekyia, 53; Marathonsschl., 71 слл.

7) Ср. Robert, Marathonsschl., 71; Furtwängler, Arch. Anz., ук. м.

8) Robert, Marathonsschl., 73. Ср. Nekyia, 58.

Вазы, которыя стоятъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Полигнота и прежде всего даютъ понятіе о стилѣ этого художника, это — вазы группы А. Вазы младшей группы (В) стоятъ уже подъ вліяніемъ болѣе позднихъ мастеровъ Аполлодора, Зевксиса и Паррасія [1]).

Перспектива тоновъ, моделировка фигуръ — изобрѣтенія Аполлодора и Зевксиса [2]) — мало могли отразиться на красно-фигурной вазовой живописи изъ-за ея техники. Бѣлые лекиѳы [3]) даютъ представленіе о нововведеніяхъ Аполлодора и Зевксиса. На красно-фигурной живописи вліяніе Зевксиса обнаруживается въ нѣкоторыхъ стилистическихъ особенностяхъ фигуръ; къ послѣднимъ относится черезчуръ большая величина рукъ у фигуръ (ср. о Зевксисѣ древнее свидѣтельство у Овербека, SQ., 1681) на вазовыхъ рисункахъ [4]). Въ примѣръ вазы, рисунокъ которой стоитъ подъ вліяніемъ живописи Зевксиса, Робертъ приводитъ лекиѳъ (арибаллъ) прежней коллекціи Кастеллани въ Римѣ, — изданный Милани въ его изслѣдованіи о Филоктетѣ [5]). Хотя мотивъ картины (раненый и страждущій Филоктетъ) вазовый мастеръ могъ взять у Паррасія [6]), однако, въ рисункѣ онъ — подъ вліяніемъ Зевксиса; на это указываютъ чрезвычайно большія руки фигуры, выраженіе лица, свободная трактовка волосъ, живописная передача скалы, на которой сидитъ Филоктетъ и т. п. [7]).

Сильнѣе вліянія Зевксиса сказывается, по мнѣнію Роберта, на красно-фигурныхъ вазахъ младшей группы (В) прекраснаго стиля вліяніе Паррасія, сильнѣе потому, что этотъ художникъ преуспѣлъ главнымъ образомъ въ рисункѣ [8]). Суть его открытія заключалась въ томъ, что онъ сумѣлъ дать пластическое дѣйствіе своимъ фигурамъ только посредствомъ однихъ контуровъ. Ваза Британскаго музея (Е 424) съ изображеніемъ Ѳетиды и Пелея можетъ дать представленіе о томъ, чего достигъ Паррасій: здѣсь контуры фигуръ таковы, что, въ сравненіи

[1]) Robert, тамъ же.

[2]) См. Overbeck, SQ., 1645, 1680. Ср. Girard, Peinture, 216 слл.; Winter, Attisch. Lekythos im Berl. Museum. 55 Berliner Winckelmannsprogramm, 1895, 10 слл.

[3]) Берл. 2684, 2685; изданы у Girard, Peinture, 214 слл, и у Winter, ук. раб.

[4]) Ср. Robert, Archäol. Märchen, 76; Iliupersis, 35; Marathonsschl., 73.

[5]) Milani, Il mito di Filottete, таблица въ началѣ книги.

[6]) Милани считалъ картину лекиѳа зависимой отъ картины Паррасія (Overbeck, SQ., 1709) и относилъ лекиѳъ къ 419—346 г. Робертъ находитъ эту дату слишкомъ поздней. Ср. Brunn, Geschichte d. griech. Künstler, II, 66 (97) сл.; Robert, Arch. Märch., 73; Marathonsschl., 73.

[7]) Robert, Marathonsschl., 73.

[8]) Ср. Overbeck, SQ., 1724 слл.; Бруннъ (Gesch. d. gr. Künstler, II, 71 (105) невѣрно понялъ эти тексты. Ср. Robert, Archäol. Märchen, 71, 76; Marathonsshl., 74.

съ фигурами этой вазы, даже фигуры извѣстнаго арибалла бывшей коллекціи Сабурова (Берл., № 2471) кажутся лишь силуэтами.

Изъ-за такихъ отношеній къ Аполлодору, Зевксису и Паррасію Робертъ ставитъ вазы младшей группы (В) прекраснаго стиля позже, чѣмъ Мильхгёферъ.

Позже ихъ надо ставить, по мнѣнію Роберта, и отъ того, что на нихъ, вопреки Мильхгёферу, надо гораздо чаще признавать вліяніе скульптуръ Пареенона. Такъ, на рисункѣ кувшина Museo Gregoriano [1]) возможно предполагать вліянія метоповъ Пареенона. На пеликѣ Берлинскаго музея [2]), по Роберту, скорѣе надо признать вліяніе фриза Пареенона, такъ какъ трудно допустить, чтобы художникъ фриза такъ рабски копировалъ свой оригиналъ, какъ мастеръ вазы.

Ваза Мидія, который по стилю близокъ къ автору вазы (гидріи) въ Карлсруэ [3]), должна относиться ко времени послѣ 437 года. Самая ранняя ваза группы, къ которой относятся обѣ названныя только что вазы, — болонскій кратиръ съ изображеніемъ Өесея передъ Амфитритой [4]). Съ послѣднимъ кратиромъ связанъ кратиръ съ изображеніемъ рожденія Эрихөонія [5]). Та версія миөа, которая изображена здѣсь, отличается отъ прежнихъ изображеній миөа тѣмъ, что здѣсь мы видимъ Гефеста. Это, въ глазахъ Роберта, и даетъ дату всѣмъ вышеназваннымъ вазамъ: миөъ о сѣмени Гефеста былъ ἱερὸς λόγος храма Гефеста, т. е. явился въ 440 — 430 годахъ [6]). Аналогіи съ фризомъ Пареенона на названной вазѣ съ изображеніемъ рожденія Эрихөонія объясняются прямою зависимостью отъ фриза Пареенона. То же надо надо сказать и о чашѣ съ изображеніемъ Кодра, о вазѣ Эпигена.

За то, что ваза Британскаго музея (Е 466) значительно позднѣе 470 года (какъ ее датируетъ Мильхгёферъ, 73), говорятъ, кромѣ аналогій въ стилѣ съ вазою Мидія, трактовка колесницы, которая здѣсь поставлена вкось, какъ колесницы на вазѣ Мидія и на памятникахъ скульптуры позднѣе Пареенона [7]), и длинные спускающіеся на плечи волосы фигуръ, чего также еще не видимъ у фигуръ Парөе-

---

[1]) Mus. Greg., II. tav. 5, 2a. Ср. Robert, Iliupersis, 61.

[2]) A. Z., 1878, Taf. 22, стр. 162 (Robert); Берл., 2357.

[3]) Winnefeld, 259; Creuzer, Gall. d. alt. Dramatik., I, 7; Overbeck, H. Bildw., XI, 1.

[4]) Mus. Ital., III (1890), tav. I; Robert, Nekyia, 47; Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, табл. IV.

[5]) Mon., III, 30.

[6]) Ср. Preller-Robert, Griech. Mythol., I[4], 198, пр. 2; C. I. A., IV, 35b, p. 64.

[7]) Ср. Robert, Marathonsschl., 77; Iliupersis, 36.

нона [1]). И кратиръ Брит. музея (E 466) и ваза Мидія, въ виду этого, должны быть моложе фриза Пареенона. Робертъ полагаетъ, что на памятникахъ до 440 г. (до Аполлодора) вообще перспективное изображеніе предметовъ избѣгается [2]). Мы не видимъ перспективнаго изображенія предметовъ на фризѣ Пареенона. Ваза (Mon., IX, 42; W. Bl., D, Taf. 12, 2), на которой въ перспективѣ изображенъ стулъ Пенелопы, по мнѣнію Роберта, принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ полагаютъ Гаузеръ и другіе, и не одновременна съ берлинской котилой (№ 2588) [3]). Скорѣе всего картины вазы, какъ думалъ уже Риббекъ, зависятъ отъ трагедіи Софокла Νίπτρα [4]). Такъ какъ послѣдняя явилась около 428—420 годовъ, то и ваза относится къ концу V вѣка. Такимъ образомъ, обычное примѣненіе изображеній предметовъ въ перспективѣ на вазахъ является только послѣ Аполлодора. Хотя раккурсы были извѣстны уже и раньше [5]), но не было во вкусѣ времени изображать въ раккурсахъ второстепенные предметы на картинахъ, такъ какъ на эти предметы живопись V вѣка мало обращаетъ вниманія, и перспективное изображеніе ихъ, несомнѣнно, привлекало бы вниманіе къ нимъ [6]). Перспективныя изображенія второстепенныхъ предметовъ на рельефахъ Гёль-Баши заимствованы не съ картинъ полигнотовой школы, а возникли подъ вліяніемъ болѣе поздней живописи Аполлодора и Зевксиса [7]). Полигнотъ, по Роберту, не примѣнялъ перспективныхъ изображеній, особенно второстепенныхъ предметовъ [8]).

Сейчасъ же за работами Роберта и Мильхгёфера является изслѣдованіе Шрейбера [9]). Шрейберъ, подобно Шёне, не соглашается съ результатами Роберта. Возражая послѣднему, Шрейберъ стремится раз-

[1]) Ср. Robert, Ἐφ. ἀρχ., 1892, 254, πίν. 13. На Пегасѣ, кромѣ того, Робертъ усматриваетъ здѣсь вліянія коней фриза Пареенона. Мильхгёферъ (68) напрасно утверждаетъ, что длинные волосы, спускающіеся на плечи, встрѣчаются уже на вазахъ Полигнота и Ксенотима. Прическа у фигуръ на вазахъ этихъ мастеровъ — другая. Ср. Robert, Marathonsschl., ук. м., и, кромѣ того, замѣчанія С. Смиса (къ E 466) относительно трактовки одежды на этой вазѣ.

[2]) Robert, Marathonsschl., 78.

[3]) Одновременной ее считаютъ Helbig (Bull., 1876, 206), Dümmler (Jahrb. d. Inst., II (1887), 171), Milchhöfer (Jahrb. d. Inst., IX (1894), 74).

[4]) Ribbeck, Röm. Tragöd., 273, 681. Ср. Wilamowitz-Möllendorf, Homer. Untersuch., 194 сля.; Robert, Marathonsschl., 79 сля.

[5]) Ср. выше о Кимонѣ изъ Клеонъ и о вазахъ строгаго стиля.

[6]) Robert, Marathonsschl., 77.

[7]) Robert, Arch. Anz., IV (1889), 142.

[8]) Robert, Iliupersis, 36, 54; Marathonsschl., 77 сля.

[9]) Schreiber, Die Wandbilder des Polygnotos in der Halle der Knidier zu Delphi, I Theil, 1897, № VI, изъ XVII тома Abhandlungen d. philolog.-historisch. Classe d. königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften.

рѣшить вопросъ о полигнотовой живописи совершенно самостоятельно и на новыхъ началахъ.

Указавъ на то, что самъ Робертъ въ своихъ реставраціяхъ картинъ Полигнота не могъ слѣдовать вполнѣ вазамъ съ „полигнотовой" манерой композиціи [1]), Шрейберъ соглашается съ Шёне [2]) во взглядахъ на вазы съ такой композиціей. Кромѣ основаній, которыя привелъ противъ Роберта Шёне, Шрейберъ выставляетъ слѣдующія [3]). Вазъ съ „полигнотовой" композицій вообще мало, и большая часть принадлежитъ позднему, отъ Полигнота далекому, времени. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мягкость и прелесть рисунка, смѣлость и мастерство въ группировкѣ фигуръ, обиліе деталей въ пейзажѣ таковы, что мы не можемъ ничего подобнаго предполагать у Полигнота [4]).

„Полигнотова" композиція на вазахъ далеко не одинакова: то мы видимъ расположеніе фигуръ отдѣльно, то тѣсными группами; стилистически картины съ такой композиціей тоже весьма различны. По всему видно, что, если даже такого рода композиція была заимствована вазовыми мастерами изъ монументальной живописи, то была переработана совершенно самостоятельно и сообразно потребностямъ вазовой росписи. Вазовыя композиціи, такимъ образомъ, едва ли позволяютъ дѣлать заключеніе о композиціяхъ Полигнота въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. И техника красно-фигурныхъ вазъ совершенно иная, и потому мастера едва могли что-нибудь заимствовать у живописи, дѣйствующей красками [5]). Композиція въ монументальной живописи должна была быть не такая, какъ на „полигнотовыхъ" вазахъ. Вѣроятно, предшественницей фриза Парѳенона въ тѣсной группировкѣ фигуръ была именно живопись. Полигнотъ не могъ въ большихъ композиціяхъ довольствоваться равномѣрнымъ расположеніемъ фигуръ по поверхности картины, а долженъ былъ прибѣгать къ группамъ изъ довольно большого количества фигуръ и раздѣлять эти группы замѣтными для глаза свободными пространствами [6]). Такое распредѣленіе фигуръ на дельфійскихъ картинахъ Полигнота Шрейберъ выводитъ и изъ описанія Павсанія [7]). За такое же распредѣленіе говорятъ художественные законы полигнотовой живописи, которые

[1]) Schreiber, 30.
[2]) Schreiber, 11, 30 слл.
[3]) Schreiber, 31 слл.
[4]) Таковы болонскій кратиръ съ изображеніемъ Ѳесея передъ Амфитритой, арибаллъ въ Берл. муз. (2471) и т. д.
[5]) Schreiber, 32 слл.
[6]) Schreiber, 34.
[7]) Schreiber, 20—28, 34—41.

Шрейберъ устанавливаетъ, кромѣ описанія картинъ у Павсанія, на основаніи современныхъ Полигноту и дошедшихъ до насъ произведеній искусства и промышленности.

Такихъ законовъ, по его мнѣнію,—три. Они касаются слѣдующихъ сторонъ композиціи: А) согласованія ея съ формою поверхности, занимаемою картиной, и заполненія фигурами поля, заключеннаго въ рамкахъ картины (Gesetz der Raumanpassung und Rahmenfüllung); В) соотвѣтствія фигуръ и группъ (G. der Figuren-und Gruppenentsprechung); С) связаннаго съ послѣднимъ духовнаго построенія (G. der mit jener Einzelordnung verbundenen geistigen Konstruktion) [1]).

Поверхность, на которой находится картина, должна быть вся заполнена фигурами. Художникъ, расписывающій стѣны зданія, зависитъ отъ этихъ стѣнъ и долженъ съ ними сообразоваться. Такъ какъ живопись Полигнота совершенно еще не разсчитывала на иллюзію въ пейзажѣ и должна была дѣйствовать фигурами и группами [2]), которыя также еще не имѣли эффектовъ позднѣйшей живописи [3]), то связывать во-едино всю массу фигуръ его композицій должно было симметрическое расположеніе: группы и фигуры находили себѣ соотвѣтствіе въ другихъ и по внѣшнему виду и по мысли [4]). Если къ такимъ выводамъ обязываетъ описаніе картинъ Полигнота у Павсанія [5]), то къ тому же мы придемъ, если разсмотримъ дошедшія до насъ композиціи классическаго древняго искусства [6]).

Художественныя композиціи, ближайшія къ Полигноту по времени, руководствуются постоянно однимъ принципомъ въ расположеніи фигуръ: онѣ группируютъ ихъ концентрически около опредѣленно обозначенной середины; фигуры, группы, отдѣльныя части картины у нихъ всѣ строго параллельны. Кромѣ чисто внѣшняго соотвѣтствія у всѣхъ ихъ всегда бываетъ и внутреннее соотвѣтствіе по значенію: это или сходныя явленія или представляющія контрастъ другъ другу. Благодаря такому соотвѣтствію частей, композиція представляется цѣлой и единой. Однако, въ пластическомъ выраженіи такая строгость симметріи обыкновенно смягчается: художникъ старается какъ-бы скры-

---

[1]) Schreiber, 41 слл.
[2]) Schreiber, 47 слл.
[3]) Schreiber, 56.
[4]) Schreiber, 57.
[5]) Schreiber, 57 слл., 66 слл.
[6]) Сюда относятся фронтонныя группы, рельефы фризовъ, саркофаговъ, вазовыя картины и т. п. Весьма интересный обзоръ ихъ даетъ Шрейберъ въ IV гл. своего изслѣдованія (стр. 69—168).

вать задуманную строгую схему и вводитъ легкіе диссонансы, которые необходимы, чтобы композиція въ глазахъ зрителя имѣла живой характеръ [1]).

Весьма любопытенъ тотъ выводъ Шрейбера, что скорѣе всего даютъ представленіе о полигнотовой композиціи—вазовыя картины (хотя онъ отказывается высказаться опредѣленно, насколько близко онѣ къ ней примыкаютъ) [2]).

Вазовыя картины, которыя хронологически [3]) и стилистически ближе всего къ Полигноту (примѣръ—кратиръ изъ Орвіето въ Луврѣ [4]), располагаютъ фигуры симметрично по всей поверхности картины, т. е. такъ, какъ, по другимъ соображеніямъ, располагалъ фигуры Полигнотъ.

Хотя всегда расположеніе фигуръ на вазовыхъ картинахъ зависитъ отъ формы вазы, тѣмъ не менѣе анализъ вазовыхъ композицій приводитъ къ выводу, что законы, которыми руководились вазовые мастера въ композиціи, не были отличны отъ тѣхъ, которымъ слѣдуютъ великіе художники той же эпохи [5]).

Вазовыя композиціи, въ которыхъ фигуры расположены однѣ надъ другими, Шрейберъ понимаетъ такъ же, какъ Шёне: это не склонъ горы [6]), а просто способъ представить фигуры другъ за другомъ [7]). При этомъ художникъ предполагаетъ довольно высоко точку зрѣнія на изображенную сцену.

Пока вышла только первая часть работы Шрейбера. На основаніи принциповъ, которые онъ устанавливаетъ въ 1-й части, и матеріала, который онъ далъ, Шрейберъ во 2-й части обѣщаетъ дать „единственно возможную“ реставрацію картинъ Полигнота въ Дельфійской лесхѣ [8]).

Послѣдняя работа, посвященная отношеніямъ Полигнота къ ва-

---

[1]) Schreiber, 174 слл.

[2]) Schreiber, 177, ср. 49, 55.

[3]) Schreiber, 177. Страннымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ (68, пр. 79) Шрейберъ хронологически ближайшими къ Полигноту считаетъ вазы строгаго стиля.

[4]) Ср. Schreiber, 125 слл.

[5]) Schreiber, 176.

[6]) Schreiber, 49 слл., 54.

[7]) Schreiber, 50.

[8]) «Die Weiterführung der Untersuchung wird den Beweis zu liefern haben, dass eine Wiederherstellung auf der angegebenen Grundlage in der That möglich und dass sie die einzig mögliche ist». Schreiber, 178. Насколько, однако, шатки эти принципы, прекрасно выяснилъ Гауверъ въ рецензіи на работу Шрейбера въ Berl. philolog. Wochenschr., 1898, 1361 слл. Мы раздѣляемъ мнѣніе Гаувера, что Шрейберу не удалось установить законовъ полигнотовой живописи. И намъ, какъ Гауверу, кромѣ того, кажутся схемы композицій многихъ картинъ на вазахъ у Шрейбера совершенно произвольными.

зовой живописи, принадлежитъ Жирару [1]). Онъ занимается вопросомъ о томъ, какъ вазовые живописцы изображали выраженіе лицъ у фигуръ [2]). Исходной точкой Жирару послужилъ много разъ упомянутый нами кратиръ изъ Орвіето въ Луврѣ. Картины этой вазы, столь замѣчательныя по выраженію у фигуръ разнообразныхъ душевныхъ волненій, стоятъ, по его мнѣнію, несомнѣнно подъ вліяніемъ Полигнота, считавшаго экспрессію однимъ изъ главныхъ и интереснѣйшихъ элементовъ картины.

Какъ и П. Гарднеръ, Жираръ не соглашается относительно толкованія картины, изображающей аргонавтовъ, и ея зависимости отъ картины Микона въ Анакіонѣ съ Робертомъ [3]).

Весьма важно то, что Жираръ далъ новыя воспроизведенія лицъ фигуръ, изображенныхъ на кратирѣ изъ Орвіето. Теперь мы имѣемъ, благодаря этому, наконецъ, удовлетворительную публикацію роскошной вазы Лувра [4]).

IV.

Общіе результаты всѣхъ работъ, о которыхъ мы говорили въ настоящей главѣ, сводятся къ слѣдующему.

Памятниковъ, которые имѣютъ то или другое отношеніе къ Полигноту и, поэтому, могутъ служить источниками при изученіи его,— а, слѣдовательно, и вообще позволяютъ дѣлать заключенія насчетъ живописи половины V вѣка,—было указываемо много. Они относятся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ искусства и художественной промышленности и являются, такимъ образомъ, какъ-бы живыми свидѣтелями того огромнаго значенія, которое Полигнотъ имѣлъ, если судить по литературнымъ источникамъ.

---

[1]) P. Girard, Le cratère d'Orvieto et les jeux de physionomie dans la céramique grecque. Mon. Grecs, 23—25 (1895—1897).

[2]) Ср. на эту работу Жирара рецензіи С. А. Жебелева, Филолог. Обозрѣніе, XIV, 1, 1898, 31 слл., Lechat, Revue d. études grecs, XI (1898), 219 сл. и Wernicke, Berl. philolog. Wochenschr., 1898, 1393 слл.

[3]) Подробности см. у С. А. Жебелева, ук. раб., 33. Ср., кромѣ того, Weizsäcker, Philologus, LVII (N. F. XI) (1898), 519 слл.

[4]) Когда мы въ 1896 году впервые имѣли возможность изслѣдовать оригиналъ въ Луврѣ, мы были поражены красотою стиля фигуръ кратира изъ Орвіето: публикація кратира (Monumenti, XI, 38 — 39) крайне неудовлетворительна. Можетъ быть, Винтеръ, еслибы зналъ кратиръ въ оригиналѣ, не написалъ бы того, что онъ, опираясь на публикацію въ Monumenti, говоритъ о стилѣ Полигнота въ Jünger. attisch. Vasen, 48 слл. Публикація въ Monumenti заставила его впасть въ явное противорѣчіе со свидѣтельствами Аристотеля (Піитика, 2; Overbeck, SQ., 1078) и Квинтиліана (Inst. orat., XII, 10, 3; Overbeck, SQ., 614) о Полигнотѣ,—свидѣтельствами, которыя Винтеръ толковалъ совершенно произвольно, навязывая имъ смыслъ, котораго въ нихъ вычитать совершенно невозможно. Ср. C. Smith, Diction. of greek and rom. antiqu., 407.

Среди этихъ памятниковъ первое мѣсто занимаютъ картины вазовыхъ мастеровъ, которыя (картины) имѣютъ часто, по мнѣнію изслѣдователей, болѣе или менѣе ясныя отношенія къ картинамъ Полигнота и его школы въ сюжетахъ [1]), композиціи [2]), мотивахъ группъ и отдѣльныхъ фигуръ [3]), въ характеристикѣ [4]) и формахъ [5]) ихъ, равно какъ представляютъ имъ аналогіи по общему характеру и духу [6]), и иногда даже по колориту и техникѣ [7]), по употребленію надписей [8]) и т. д.

Вазовыя картины, у которыхъ констатированы были отношенія къ живописи Полигнота, относятся къ различному времени и стилямъ. Нельзя отрицать, что уже на вазахъ строгаго стиля есть аналогіи съ картинами Полигнота [9]). Несомнѣнны аналогіи съ ними и на вазахъ роскошнаго стиля [10]) и даже еще на италійскихъ вазахъ [11]). Больше же всего указано было аналогій съ живописью Полигнота у вазъ прекраснаго стиля. Послѣднія, поэтому, многіе и склонны считать за памятники, стоящіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ Полигнота и потому имѣющіе особенное значеніе при сужденіи объ его искусствѣ [12]).

Мы не можемъ, однако, не видѣть, какъ далеко еще въ нашемъ вопросѣ до полнаго единства взглядовъ. Весьма часто изслѣдователи въ увлеченіи высказывали много такого, что сейчасъ же должно было

---

[1]) Ср. работы Клюгманна, де-Витта, Роберта, Поттье, Клейна, Винтера, Бенндорфа, Дюммлера, Гарднера, Кёппа и др.

[2]) Ср. особ. работы Роберта, Гарднера, Фуртвенглера.

[3]) Ср. работы Клюгманна, де-Витта, Роберта, Поттье, Клейна, Винтера, Бенндорфа, Дюммлера, Фуртвенглера, Герцога, Мильхгёфера и др.

[4]) Ср. особ. раб. Велькера, О. Яна, Кекуле, Роберта, Клейна, Винтера, Брунна, Дюммлера, Фуртвенглера, Мильхгёфера, Поттье, Жирара и др.

[5]) Ср. раб. Велькера, Брунна, Поттье, Клейна, Дюммлера, Гарднера, Гольверды, Роберта и т. д.

[6]) Ср. работы О. Яна, Поттье, Гельбига, Клейна, Дюммлера, Фуртвенглера, Роберта и др.

[7]) Ср. работы Клейна, Поттье, Роберта, Бенндорфа, фонъ-Родена.

[8]) Ср. особ. раб. Дюммлера, Роберта, Смиса.

[9]) Ср. раб. К. О. Мюллера, Гергарда, Велькера, О. Яна, Клейна, Райэ, Милани, Гельбига, Жирара, Мёррэ.

[10]) Ср. раб. Роберта, Вейцзеккера и др.

[11]) Ср. работы Гартвига, Кёппа, Фуртвенглера, Патрони.

[12]) Кромѣ цитированныхъ выше работъ, ср. еще Overbeck, Zeitschr. f. Alterthumswiss., 1850, 37 сля.; его же H. Bildw., 497 сл.; C. Smith, Dictionary of greek and roman antiquities, 407 сл.; Murray, Handbook of greek archaelogy, 365 сл.; Gräf y Pauly-Wissowa, Realencyklop., I, 2, 1777 слл.; Harrison, Greek vase paintings, 20; Robinson, Boston Museum, Catalogue of vases, Introduction, 24 слл.; Pottier, Catalogue des vases antiques de terre cuite du Louvre, 16; Reisch y Helbig, Rome, II, 286 слл., 313 слл., 331; C. Smith, Catalogue of the greek and etruscan vases in the British Museum, III, 1 слл., 31, 38; Hartwig, Röm. M., XII (1897), 102; Pottier, La peinture industrielle chez les grecs, Paris, 1898, 35 слл., 40; Laurent, L'Achille voilé dans les peintures de vases grecs, Revue archéolog., XXXIII (1898), 153 слл.

пасть, какъ только испытало прикосновеніе критики. Мы неоднократно видѣли, какъ легко одна работа обнаруживала слабыя стороны предшествующей, но за то какъ легко, въ свою очередь, впадала въ ошибки и была изобличаема другою.

Если одни изслѣдователи прямо указывали памятники, которые стоятъ подъ вліяніемъ искусства Полигнота или вообще представляютъ съ нимъ аналогіи, другіе [1]) рѣшительно съ ними не соглашаются и полагаютъ, что нельзя указать такихъ памятниковъ.

Нѣтъ полнаго согласія взглядовъ и у первыхъ: памятники, на которыхъ различные ученые хотѣли видѣть аналогіи къ картинамъ Полигнота, часто столь различны между собою по времени и стилю, что обусловливаютъ совершенно разные выводы насчетъ живописи великаго ѳасосца [2]).

Если мы взялись за настоящее изслѣдованіе, то потому, что намъ казалось, что еще не всѣ пути къ разрѣшенію вопроса объ искусствѣ Полигнота испробованы, и что тщательный пересмотръ вопроса во всякомъ случаѣ не можетъ быть безрезультатнымъ.

Мы уже видѣли, что среди памятниковъ, которые могли имѣть отношенія къ Полигноту, первое мѣсто по значенію занимаютъ вазовыя картины. На нихъ, поэтому, мы и считали нужнымъ обратить особенное вниманіе въ нашемъ изслѣдованіи.

Мы уже указали во введеніи, что ожидать вліянія искусства Полигнота на вазовыя картины, какъ и на другія произведенія художественной промышленности или искусства, можно скорѣе всего въ эпоху непосредственно послѣ созданія монументальныхъ картинъ ѳасосскимъ мастеромъ и его учениками и сотрудниками.

Уже въ эпоху Ксенократа едва ли нашлись бы мастера, которые увлекались бы сами Полигнотомъ и разсчитывали бы, что покупатели ихъ произведеній будутъ особенно часто интересоваться его стилемъ.

Всегда и всюду каждый великій мастеръ увлекаетъ прежде всего свою эпоху, и это особенно вѣрно для древней Эллады [3]).

Что въ эпохи, слѣдующія за эпохой Полигнота и Фидія, увлекались бы Полигнотомъ—невѣроятно въ виду всего того, что мы знаемъ объ ихъ искусствѣ и художественныхъ вкусахъ.

---

[1]) Ср. особ. работы Шёне и Шрейбера.

[2]) Это особенно видно, если сравнить, напр., послѣднія реставраціи картинъ Полигнота—Бенндорфа, Роберта и Вейцзеккера.

[3]) Ср. для новаго времени, напр., Falke, Majolika, 83.

Въ виду этого, намъ кажется особенно важнымъ прежде всего установить наиболѣе точнымъ образомъ, какія вазы относятся ко времени дѣятельности Полигнота.

Этого до сихъ поръ сдѣлано не было. Хотя вся важность установленія точной вазовой хронологіи много разъ [1]) уже отмѣчалась, изслѣдователи все еще часто сильно расходятся, датируя вазы. Хронологію Мильхгёфера оспариваютъ Робертъ, Э. Р. фонъ-Штернъ и др. Хронологію Роберта опять оспариваетъ Грефъ и т. п. [2]).

Только отдавъ себѣ отчетъ въ вазовой хронологіи, мы можемъ сказать что-либо о томъ, отразилось ли и какъ вліяніе Полигнота на вазовой живописи, и можетъ ли послѣдняя служить косвеннымъ источникомъ при изученіи этого художника.

Впрочемъ, прежде чѣмъ обратиться къ хронологіи вазъ намъ необходимо будетъ остановиться еще на хронологіи произведеній самого Полигнота, такъ какъ и послѣдняя далеко еще не установлена.

Опредѣливъ точнѣе время дѣятельности Полигнота и установивъ, какія именно вазовыя картины ему современны, мы обратимся къ анализу послѣднихъ, сравнимъ ихъ съ произведеніями вазовыхъ мастеровъ предыдущаго и непосредственно слѣдующаго періодовъ.

Принявъ при этомъ въ соображеніе то, что̀ извѣстно относительно монументальнаго искусства половины V вѣка вообще и живописи Полигнота въ частности, мы и будемъ въ состояніи себѣ выяснить, въ какихъ отношеніяхъ стояла къ нимъ въ это время вазовая живопись.

---

[1]) Ср. особ. раб. Росса, Брунна, Фуртвенглера, Дюммлера, Студнички, Мильхгёфера.

[2]) B. Gräf, Jahrb. d. Inst., XIII (1898), 65 слл. (Die Zeit der Kodrosschale). Даже и хронологію вазъ строгаго стиля нельзя считать окончательно установившейся. Мы уже видѣли, что часто еще въ самое послѣднее время нѣкоторые считали вазы строгаго стиля современными Полигноту. Ср., напр., Murray, Handbook of greek archaeology, 85. Ср. Schreiber, Wandb. d. Pol., I, 68, пр. 79.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Плиній [1]) сообщаетъ намъ, что Полигнотъ жилъ и дѣйствовалъ до 90 олимпіады, т. е. до 420—417 г. до Р. Хр. Къ столь неопредѣленному [2]) указанію насчетъ времени процвѣтанія Полигнота у Плинія присоединяется имѣющее гораздо большее значеніе, хотя также сообщающее лишь приблизительную дату, свидѣтельство Плутарха [3]), изъ котораго мы видимъ, что Полигнотъ былъ современникомъ Кимона, близко зналъ послѣдняго и его сестру, столь извѣстную Эльпинику [4]).

Когда Полигнотъ познакомился съ Кимономъ? Къ какому времени относятся первыя работы Полигнота въ Аѳинахъ?

К. О. Мюллеръ [5]) полагалъ, что Кимонъ узналъ Полигнота лишь

---

1) H. N., 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045).

2) Уже Вёттигеръ, Archäol. d. Malerei, замѣтилъ что то, что̀ передано въ литературной традиціи о стилѣ Полигнота, заставляетъ относить время его дѣятельности лѣтъ на 50 ранѣе 90-й олимпіады.

3) Плутархъ, Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).

4) Эльпиника, оставшаяся еще молодою (κόρη) по смерти отца своего Мильтіада. была сначала замужемъ за Кимономъ, что̀ было позволено по греческому праву, такъ какъ они были братъ и сестра не ὁμομήτριοι. Извѣстна исторія, какъ Эльпиника, вышедши замужъ за богача Каллія, спасла своего брата отъ атиміи, въ которой тотъ находился изъ-за долговъ своего отца. Каламисъ дѣлалъ Афродиту—«Сосандру» (уменьш. отъ σώτειρα, спасительница) для новаго мужа Эльпиники Каллія, увлекавшагося красотою дочери Мильтіада. Ср. Collignon, Sculpture, I, 400 слл. Самъ Полигнотъ увлекался, какъ ходили слухи, Эльпиникой. Однако, они возникли, повидимому, изъ-за того, что Полигнотъ придалъ Лаодикѣ, εἶδος ἀρίστῃ изъ дочерой Пріама по Гомеру, въ «Иліонѣ» (въ Аѳинской Росписной галлереѣ) черты Эльпиники. Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 12 (16), Ph. Smith, Dictionnary of greek and roman biography and mythology W. Smith'a, подъ сл. Polygnotos. Когда, вскорѣ послѣ похода на Ѳасосъ, Кимонъ былъ обвиненъ, Эльпиника ходатайствовала за брата передъ Перикломъ. Хотя послѣдній, по Плутарху (Кимонъ, 14; Периклъ, 10), назвалъ ее старухой, но процессъ показалъ, что просьбы Эльпиники подѣйствовали. Эльпиникѣ не могло тогда быть болѣе 40 лѣтъ. Ср. K. O. Müller, De Phidiae vita et operibus, 125,i. Съ бо̀льшимъ правомъ Периклъ другой разъ намекнулъ Эльпиникѣ на ея старость (въ 1-й годъ 85 олимпіады, т. е. въ 440 г. до Р. Х.), о чемъ читаемъ у Плутарха, Периклъ, 28. Не смѣшалъ ли Стесимбротъ (у него заимствуетъ свѣдѣнія Плутархъ, Ким., 14) эти два случая?

5) K. O. Müller, De Phidiae vita et operibus, 125.

въ 463 году и что лишь тогда онъ взялъ съ Өасоса художника, имѣвшаго уже извѣстность. Предположеніе [1]) К. О. Мюллера увлекло многихъ. Ф. Смисъ такъ о немъ выражается: предположеніе Мюллера „is in itself one of those happy conjectures that almost carry conviction with them, even when sustained by far less direct evidence than we possess in this case" [2]).

К. О. Мюллеру слѣдуютъ К. Фр. Германнъ [3]), Беле [4]). Безусловно принимаетъ 463 годъ за годъ перваго появленія Полигнота въ Аѳинахъ, куда художникъ послѣдовалъ за покорителемъ Өасоса, Кимономъ, Э. Курціусъ [5]), считающій такъ же, какъ и Ф. Смисъ, дельфійскія картины Полигнота за болѣе раннія его произведенія, чѣмъ всѣ картины въ Аѳинахъ.

Фуртвенглеръ [6]) считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ появленіе Полигнота въ Аѳинахъ также въ 463 году съ Кимономъ.

Вопреки Ф. Смису, намъ кажется, что предположеніе К. О. Мюллера относится къ числу тѣхъ несчастныхъ конъектуръ, которыя, къ сожалѣнію, часто долго держатся, а въ силу этого иногда принимаются прямо за факты. Предположеніе К. О. Мюллера не только, какъ выражается Ф. Смисъ, не можетъ быть прямо доказано,—оно прямо произвольно и находится въ противорѣчіи съ цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Какъ его обосновываетъ Мюллеръ?—1) Полигнотъ былъ өасосецъ и работалъ въ Аѳинахъ при Кимонѣ; 2) Кимонъ возвратился съ Өасоса въ Аѳины побѣдителемъ въ 463 г.; ergo,—и т. д. Несостоятельность силлогизма очевидна: не только для появленія Полигнота, но вообще для появленія өасосскихъ живописцевъ въ Аѳинахъ въ началѣ V вѣка не было ровно никакой необходимости въ побѣдоносномъ походѣ аѳинянъ на Өасосъ! Дюммлеръ [7]), констатировавъ фактъ вліянія сѣверно-греческаго искусства на аттическія вазы эпохи наиболѣе развитого строгаго стиля, высказалъ мысль, что, можетъ быть, өасосскіе мастера уже значительно ранѣе Полигнота являлись въ Аѳины. Равнымъ образомъ Жираръ [8]) считаетъ возможнымъ переселеніе Полигнота

---

[1]) «Si recte conjicio», говоритъ онъ въ указанномъ мѣстѣ.

[2]) Ph. Smith y W. Smith, Dictionnary of greek and roman biography and mythology, III, 462.

[3]) K. Fr. Hermann, Epikrit. Betracht., 13.

[4]) Beulé, Revue d. deux mondes, 1863, I, 89.

[5]) Curtius, Griech. Geschichte[6], II, 312.

[6]) Furtwängler, Collection Sabouroff, I, Introduction къ вазамъ, 5 слл.; 50 Berliner Winckelmannspr., 162.

[7]) Dümmler, Bonner Studien, 90.

[8]) P. Girard, Peinture, 154.

съ Θасоса въ Аѳины ставить въ связь съ покореніемъ Θасоса персами (въ 491 году), послѣ чего, конечно, на Θасосѣ условія для процвѣтанія искусства были далеко не таковы, какъ въ свободной Элладѣ.

Послѣдній изслѣдователь по вопросу о хронологіи Полигнота Мильхгёферъ [1]) совершенно справедливо отклоняетъ гипотезу Мюллера, хотя и онъ начинаетъ свое изложеніе съ упоминанія этого 463 г.

II.

Изъ аѳинскихъ зданій, выстроенныхъ Кимономъ, Θесіонъ можетъ быть наиболѣе точно и вѣрно датированъ. Этотъ храмъ и его святыня были сооружены лишь послѣ привезенія костей Θесея съ острова Скироса. Привезены же кости Θесея въ Аѳины были въ 4-й годъ 77-й олимпіады, при архонтѣ Апсефіонѣ, т. е. въ 469 году до Р. Хр. [2]). Отсюда мы имѣемъ terminus post quem для Θесіона,—зданія, гдѣ уже работалъ Полигнотъ [3]).

Постройка Θесіона падаетъ, такимъ образомъ, на время наибольшей славы Кимона (послѣ 470 г.). Годы, когда вліяніе Кимона въ Аѳинахъ было особенно сильно,—это съ 468—7 г.: теперь, послѣ смерти Аристида, Кимонъ остался единственнымъ вождемъ народа, который

---

[1]) Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 72.

[2]) См. схоліи къ Эсхину, III, 13; Плутархъ, Кимонъ, 8; Павсаній, 1, 17, 6; III, 3, 6 и т. д. Ср. Milchhöfer y Curtius, Stadtgeschichte von Athen, LIV; K. O. Müller, De Phidiae vita et operibus, 124, g., A. H. Clough, Dictionnary of greek and roman biography and mythology, подъ сл. Cimon; Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), ук. м.; Robert, Marathonsschlacht, 71; Hitzig-Blümner въ изд. Павсанія, I, 1, 206, гдѣ см. и литературу о так. наз. «Θесіонѣ» въ Аѳинахъ. Бруннъ (Gesch. d. griech. Künstler, II, 11 (15), думаетъ, что Кимонъ привезъ съ Θасоса Полигнота впервые для расписыванія Θесіона. Ср. и Robert, Marathonsschlacht, 52; Wilamowitz-Möllendorf (Aristoteles und Athen, I, 146, 157, 269; II, 299), а за нимъ и Робертъ (ук. м.) стараются показать, что завоеваніе Скироса произошло уже въ 476—5 г., и датируютъ картины Θесіона 474—3 г.

[3]) Гарпократіонъ говоритъ (ук. м.) о картинахъ Полигнота ἐν θησαυρῷ. Бёттигеръ, поэтому, полагалъ, что всѣ картины въ Θесіонѣ написалъ Миконъ (ср. Archäol. d. Malerei, 257). Бурзіанъ (Neue Jahrbücher, 1856, 519) въ θησαυρός у Гарпократіона видѣлъ описѳодомъ Парѳенона, Курціусъ (Stadtgesch., 132)—описѳодомъ Гекатомпеда. Ср. Ghirardini, Rendiconti della R. Accademia dei Lincei, 1895, 98. Но нѣтъ другихъ извѣстій о томъ, что тотъ или другой описѳодомъ былъ украшенъ картинами. Да это и само по себѣ невѣроятно, такъ какъ это были помѣщенія, всегда запертыя. Кромѣ того, описѳодомъ Гекатомпеда никогда и нигдѣ не назывался θησαυρός. Мы, какъ и Робертъ (Marathonsschlacht, 47), принимаемъ конъектуру Рейнезія и читаемъ у Гарпократіона вм. ἐν θησαυρῷ ἐν Θησέως ἱερῷ. Въ Θесіонѣ, так. обр., «Амазономахія» и «Кентавромахія» были написаны Полигнотомъ. Не правъ Gräf (у Pauly-Wissowa, Realenc., I, 1776), считающій, что знаменитая «Амазономахія» Микона была въ Θесіонѣ, а не въ Росписной галлереѣ. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 47, 2.

чувствуетъ къ нему безграничное довѣріе [1]). Конечно, постройки Кимона въ Аѳинахъ большею частію относятся къ годамъ послѣ 468—7 [2]).

Литературная традиція намъ не даетъ ни одного указанія насчетъ времени работъ въ храмѣ Діоскуровъ. Робертъ [3]) указываетъ на то, что трудно не замѣтить въ мысли разукрасить храмъ спартанскихъ сыновей Зевса духа Кимона, извѣстнаго почитателя Лакедемона. Анакіонъ былъ, какъ и Ѳесіонъ, расписанъ Полигнотомъ и Микономъ [4]).

Едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если мы вмѣстѣ съ Курціусомъ [5]) и Робертомъ [6]) признаемъ, что Полигнотъ въ Анакіонѣ работалъ почти въ то же время, какъ и въ Ѳесіонѣ. Но едва ли Кимонъ имѣлъ такое вліяніе до 469 года, чтобы по его мысли былъ расписанъ храмъ Діоскуровъ. Напротивъ, послѣ 467 года, когда Кимонъ былъ, можно сказать, совершеннымъ хозяиномъ въ Аѳинахъ, это вполнѣ естественно и понятно. Мы думаемъ, что Анакіонъ нѣсколько позже, чѣмъ Ѳесіонъ былъ расписанъ Полигнотомъ.

Время съ 469 по 465 годъ — самое подходящее для постройки и росписи Ѳесіона. Съ 465 г. по 463 г. Кимонъ дѣйствуетъ на Ѳасосѣ и въ Пелопоннесѣ. Во время продолжительныхъ отлучекъ Кимона изъ Аѳинъ враждебная ему партія пользуется тѣмъ, чтобы уронить его вліяніе на общественное мнѣніе.

Однако ей не удается сдѣлать этого ранѣе 463 года. Только около 461 года вліяніе Кимона пало [7]). Въ этомъ году Кимонъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ. Въ изгнаніи онъ остается вплоть до 457 года. Анакіонъ долженъ былъ быть безусловно уже разукрашенъ до 461 года, такъ какъ съ этого года украшеніе храма спартанскихъ героевъ становится немыслимымъ: съ этого года начинается особенно сильное раздраженіе аѳинянъ противъ Спарты. Приверженецъ Спарты, Кимонъ, долженъ былъ теперь оставить Аѳины.

Мы замѣтили выше, что вліяніе Кимона продолжалось до 463 года. Его побѣда при Евримедонѣ 465 года, окончательное покореніе имъ

---

[1]) Ср. Curtius, Griech. Geschichte⁶, II, 142.

[2]) Ср. Curtius, Griech. Geschichte⁶, II, 144.

[3]) Robert, Marathonsschlacht, 53.

[4]) Литературу, касающуюся Анакіона, см. въ изданіи Павсанія Hitzig-Blümner, I. 1. 209.

[5]) Curtius, Stadtgeschichte von Athen, 13.

[6]) Robert, Marathonsschlacht, 69.

[7]) Ср. Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 72.

Θасоса въ 463 году достаточно говорили народу о подвигахъ Кимона. Въ 464 году Кимонъ находится еще на высотѣ своего вліянія, когда, по его совѣту, аѳиняне идутъ на помощь стѣсненной Спартѣ. Въ этомъ году Кимонъ достигаетъ того, что Аѳины рѣшаются помогать Спартѣ, жертвуя жизнью и кровью своихъ сыновъ: они слѣдуютъ политикѣ почитателя спартанцевъ на дѣлѣ. По нашему мнѣнію, украшеніе храма спартанскихъ героевъ, какъ нельзя болѣе, подходитъ ко времени 464—462 годовъ.

Если на роспись Анакіона могли быть затрачены два года, то на устройство Θесіона мы должны положить нѣсколько больше. Храмъ Діоскуровъ Павсаній [1]) называетъ древнимъ. Изъ этого, намъ кажется, должно вывести то заключеніе, что при Кимонѣ храмъ былъ украшенъ только картинами, а не выстроенъ весь.

Въ результатѣ мы приходимъ къ тому выводу, что время постройки и росписи Θесіона должно приходиться на 469—465 годы; Анакіонъ же Полигнотъ росписалъ въ теченіе 464—462 годовъ до Р. Хр.

III.

Плутархъ [2]) прямо указываетъ, что Писіанактова галлерея въ Аѳинахъ была росписана Полигнотомъ въ эпоху Кимона. Фуртвенглеръ [3]) и особенно Робертъ [4]) показали, насколько три картины въ галлереѣ, называвшейся изъ-за ея росписи впослѣдствіи „Росписною" (Ποικίλη στοά), въ ихъ замыслахъ связаны съ Кимономъ и его идеями.

Къ какому же времени дѣятельности Кимона надо отнести украшеніе Писіанактовой галлереи?

Летроннъ [5]) относилъ постройку галлереи къ 479 году. Противъ него возражалъ К. Фр. Германнъ [6]), по мнѣнію котораго галлерея должна быть построена позже 469—8 годовъ. Робертъ [7]) датируетъ картины въ Росписной галлереѣ 462—458 годами. Фуртвенглеръ [8]) и Блюмнеръ [9]) полагаютъ, что картины галлереи скорѣе всего

---

[1]) I, 18, 1.
[2]) Кимонъ, 4.
[3]) Furtwängler, Meisterwerke, 65.
[4]) Robert, Marathonsshlacht, 45.
[5]) Letronne, Lettres d'un antiquaire à un artiste sur l'emploi de la peinture murale, Paris, 1836, 452 слл.
[6]) K. Fr. Hermann, Epikritisch. Betracht., 12 слл.
[7]) Robert, Hermes, XXV, 421; Marathonsschlacht, 8, 69.
[8]) Furtwängler, Meisterwerke, 65.
[9]) Hitzig-Blümner, Pausaniae Graeciae descriptio, I, 1, 199.

были написаны послѣ возвращенія Кимона изъ изгнанія, т. е. послѣ 457 года. Еще позже ставили картины галлереи Бромле [1]) и Бёттигеръ [2]): по ихъ мнѣнію, картины приходятся на 83 олимпіаду, т. е. на 448—445 г.

Въ виду такого разногласія изслѣдователей и въ виду того, что одни изъ послѣднихъ, кто высказывался по этому вопросу—Фуртвенглеръ (1890) и Блюмнеръ (1896)—предлагаютъ новую дату, не приводя за нее рѣшительно ничего, между тѣмъ какъ роспись галлереи можетъ быть довольно точно датирована, мы останавливаемся на вопросѣ о времени ея подробнѣе.

Самымъ тѣснымъ образомъ съ этимъ вопросомъ связанъ и вопросъ о датѣ дельфійскихъ картинъ Полигнота и объ отношеніяхъ дельфійской „Гибели Иліона" къ картинѣ того же содержанія, написанной Полигнотомъ въ Аѳинской Росписной галлереѣ.

Летроннъ [3]) основывалъ свою раннюю дату для Росписной галлереи прежде всего на томъ, что аѳинская „Гибель Иліона" должна быть ранѣе дельфійской; послѣдняя же, по его мнѣнію, должна быть ранѣе 477 года,—года удаленія Симонида, написавшаго эпиграмму для дельфійской картины Полигнота, изъ Греціи.

Мнѣніе, что дельфійская „Гибель Иліона" написана послѣ аѳинской, находившейся въ Росписной галлереѣ, высказывалось неоднократно до самаго послѣдняго времени. Кромѣ Летронна такъ думали Бёттигеръ [4]), Велькеръ [5]), Овербекъ [6]), Бёле [7]). Особенно сильно отстаиваетъ это Робертъ [8]) и ему слѣдуетъ Мильхгёферъ [9]).

Прежде всего зададимъ себѣ вопросъ, что даетъ намъ литературная традиція древнихъ въ пользу мнѣнія названныхъ ученыхъ?

Нѣтъ ни одного древняго свидѣтельства, которое прямо говорило бы за то, что аѳинская „Гибель Иліона" написана ранѣе дельфійской.

Если мы вообще хотимъ въ данномъ вопросѣ имѣть какія-либо

---

[1]) Bromley, History of fine arts, I, 319.
[2]) Böttiger, Archäologie der Malerei, 285, 361.
[3]) Letronne, ук. с.
[4]) Böttiger, Archäologie der Malerei, 285, 314.
[5]) Welcker, Kleine Schiften, V, 4.
[6]) Overbeck, Rhein. Mus., N. F., VII (1850), 424.
[7]) Beulé, Revue d. deux mondes, 1863, I, 97. Бёле полагаетъ, что съ изгнаніемъ Кимона удалился изъ Аѳинъ и Полигнотъ и работалъ сначала въ Платеяхъ, затѣмъ въ Ѳеспіяхъ и, наконецъ, въ Дельфахъ.
[8]) Robert, Nekyia, 75; Iliupersis, 72 сл.; Marathonsschlacht, 71.
[9]) Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 72.

указанія изъ древности, мы обязаны считаться съ эпиграммой Симонида на дельфійской картинѣ Полигнота. Хотя Симонидъ и провелъ свои послѣдніе годы жизни не въ Элладѣ, а въ Сициліи и Великой Греціи, ему могла быть заказана дельфійская эпиграмма для Лесхи книдянъ вплоть до 467 года, года его смерти [1]).

Единственное указаніе, которое имѣемъ мы изъ древности, говоритъ за то, что „Гибель Иліона" Дельфійской лесхи была задумана не позже 467 года.

Мы видѣли уже, что до 468—7 года партія Кимона далеко не пользовалась въ Аѳинахъ такимъ вліяніемъ, какое заставляютъ предполагать картины галлереи, въ которыхъ такъ сильно отразились ея политическіе взгляды. Едва ли, далѣе, Кимонъ началъ бы свою дѣятельность съ украшенія галлереи, въ то время какъ многіе храмы послѣ персидскаго погрома не были, можетъ быть, поправлены. Безусловно аѳиняне эпохи Эсхила не отнеслись бы къ новому дѣятелю въ этомъ случаѣ сочувственно. Чисто декоративное украшеніе галлереи, какъ замѣтилъ еще К. Ф. Германнъ [2]), мало вѣроятно въ первый періодъ дѣятельности Кимона. Кромѣ того, до 469 года Кимонъ занятъ походомъ во Ѳракію. Ранѣе похода онъ не пользуется вовсе вліяніемъ; пока не спасъ его Каллій, Кимонъ находится даже прямо въ ἀτιμία. На горизонтѣ аѳинской политической жизни имя Кимона въ 470 г. лишь появляется. Мы видѣли, что Кимонъ занимается съ 469 года сооруженіемъ храма Ѳесея. Мы видѣли также, что вслѣдъ за сооруженіемъ Ѳесіона должно было послѣдовать украшеніе опять храма Діоскуровъ. На храмы было направлено прежде всего вниманіе умѣвшаго весьма тонко чувствовать и понимать настроеніе благочестивыхъ аѳинянъ Кимона. Въ періодъ до 467 года нѣтъ момента, когда Росписная галлерея могла бы получить свою роспись. Если изъ исторіи мы скорѣе всего должны вывести то заключеніе, что Ѳесіонъ и Анакіонъ были **первыми** памятниками дѣятельности Кимона въ Аѳинахъ, то за нашъ выводъ говоритъ извѣстная эпиграмма поэта Меланѳія [3]), такъ говорящаго о художественной дѣятельности Полигнота, который писалъ картины по заказу Кимона:

αὐτοῦ γὰρ δαπάναισι θεῶν ναοὺς ἀγοράν τε
Κεκροπίαν κόσμησ' ἡμιθέων ἀρεταῖς.

---

[1]) Ср. Van-Goen, De Simonide Ceo, 17; Böttiger, Archäologie d. Malerei, 314; Krüger, Hist. phil. Studien, 1837, 64 слл.; K. Fr. Hermann, Epikrit. Betracht., 7; Croiset, Histoire de la litterature grecque, II, 338, 2; Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894). 72; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 11 (15).

[2]) K. Fr. Hermann, Epikrit. Betracht., 11.

[3]) Плутархъ, Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).

Меланѳій на первомъ мѣстѣ называетъ храмы и на второмъ агору, подъ которой, судя по Плутарху, надо разумѣть, безъ всякаго сомнѣнія, Росписную галлерею. При работахъ здѣсь, кромѣ Микона, сотрудникомъ Полигнота былъ еще Паненъ, дата котораго, по Плинію [1]), 83 олимпіада (448—445). Несомнѣнно, Паненъ принадлежитъ къ художникамъ поколѣнія, слѣдующаго за Полигнотомъ и Микономъ [2]). Если Паненъ работаетъ въ Росписной галлереѣ со своимъ учителемъ [3]) Полигнотомъ, ясное дѣло, что у Полигнота это одна изъ работъ его послѣдняго періода, когда уже начинаютъ выступать наслѣдники его по искусству.

Мы видимъ, что **Росписная галлерея въ Аѳинахъ должна была быть расписана позже 467 года.**

Для Дельфійской лесхи 467 годъ является terminus ante quem; наоборотъ, для Аѳинской галлереи 467 годъ можетъ быть только terminus post quem.

IV.

Основанія, которыя заставляли Летронна относить Аѳинскую галлерею къ 479 году, всѣ весьма шатки. Мы уже видѣли, что эпиграмма Симонида можетъ обязывать лишь къ 467 г., какъ terminus ante quem для лесхи. Летроннъ [4]) придаетъ большое значеніе сплетнѣ (λέγουσι), которую передаетъ Плутархъ (Кимонъ, 4) объ Эльпиникѣ. Самъ Плутархъ указываетъ, что поводомъ къ сплетнѣ послужило то, что Полигнотъ въ аѳинской „Гибели Иліона“ лицу Лаодики придалъ черты Эльпиники. Изъ Плутарха никакъ нельзя выводить какихъ бы то ни было указаній на дату росписи галлереи [5]). Для того, чтобы Полигнотъ могъ нарисовать Эльпинику въ „Гибели Иліона“, достаточно было простого знакомства съ Кимономъ и его сестрой [6]). Лаодика въ „Гибели Иліона“ была среди плѣнницъ-троянокъ: предполагать молодость и красоту Лаодики, какъ того хотятъ Летроннъ, Бёттигеръ, Лессингъ, Ле-

---

[1]) Плиній, N. H., 35, 54 (Overbeck, SQ., 1096). Ср. Löschcke, Festschrift z. 50 jährl. Jubil. d. Vereins v. Altertumsfr. im Rheinlande, 1891, 16 слл.

[2]) Ср. Furtwängler, Meisterwerke, 63 слл., и Robert, Marathonsschlacht, 41.

[3]) Конечно, Паненъ вышелъ изъ школы Полигнота. Ср. Schöne, Jahrb. d. Inst. VIII (1893), 189; E. Gardner, Journ. of hell. stud., XIV (1894), 233 слл.; Robert, Nekyia, 68; Marathonsschlacht, 83 и прим. 1.

[4]) Letronne, 454 слл.

[5]) Ср. Overbeck, Rhein. Mus., N. F., VII (1850), 422.

[6]) Полигнотъ, весьма возможно, просто хотѣлъ этимъ сдѣлать пріятное Кимону Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 11 (15).

норманъ [1]), мы вовсе не обязаны [2]). Кромѣ того, Эльпиника могла быть и красива и нестара и послѣ 467 г. [3]). Что касается другихъ доводовъ Летронна [4]), то они съ достаточной ясностью и силой опровергнуты К. Фр. Германномъ [5]): портикъ не могъ быть построенъ ранѣе 480 года; имя Мильтіада не было написано потому, что всякій и безъ надписей узнавалъ изображенныхъ на картинѣ полководцевъ [6]). Наконецъ, то, что Полигнотъ работаетъ въ Росписной галлереѣ съ Микономъ и Паненомъ, никоимъ образомъ не можетъ оправдывать предположенія Летронна, будто здѣсь Полигнотъ самъ ничего не писалъ, а лишь составилъ рисунки, по которымъ расписывали галлерею Миконъ и Паненъ. Противъ этого достаточно говорятъ уже Плутархъ [7]) и Гарпократіонъ [8]).

Многіе изслѣдователи рѣшались утверждать болѣе раннее происхожденіе аѳинской „Гибели Иліона" Полигнота, сравнивая ея содержаніе съ содержаніемъ картины въ Дельфахъ. Еще К. Фр. Германнъ [9]) замѣтилъ, что такія сравненія едва ли допустимы: изъ описаній Павсанія той и другой картины видно, что аѳинская и дельфійская картины были глубоко различны по содержанію [10]). Къ замѣчанію Германна мы прибавимъ съ своей стороны, что всѣ такого рода сравненія, какія были сдѣланы до сихъ поръ, не дали ничего, кромѣ предположеній, на которыя нельзя смотрѣть иначе, какъ на фантазіи. Стремленія открыть аттицизмы въ дельфійскихъ картинахъ Полигнота часто заходятъ слишкомъ далеко. Основывать хронологію Полигнота на выводахъ, которыя зиждутся на сравненіяхъ дельфійской „Гибели Иліона" съ аѳинской, на аттицизмахъ Полигнота въ картинахъ лесхи, равно какъ на разныхъ политическихъ намекахъ дельфійскихъ картинъ, намекахъ, которыхъ такъ много у Полигнота видитъ особенно Робертъ [11]) съ легкой

---

[1]) Lenormant, Mémoires de l'académie de Belgique, XXXIV (1864), 23.

[2]) Ср. Brunn, ук. с., 12 (16).

[3]) Ср. K. O. Müller, De Phidiae vita et operibus. 125, i.

[4]) Ссылка на схол. Аристида, III, 53 ed. Dind., и на Эсхина противъ Ктесифонта, 186.

[5]) K. Fr. Hermann, Epikrit. Betracht., 11.

[6]) Плиній, N. H., 35, 8. 34; Корнелій Непотъ, Мильтіадъ, 6; схоліи на Аристида, 566 ed. Dind. Ср. R. Rochette, Journ. d. Savants, 1833, 432.

[7]) Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).

[8]) Подъ сл. Πολύγνωτος (Overbeck, SQ., 1042). Беттигеръ считалъ, что отдѣльныя части картинъ исполнялись отдѣльными мастерами (Arch. d. Mal., 246 слл.). О. Янъ (Arch. Aufs., 17 слл.) считалъ авторомъ всѣхъ картинъ Микона. Были и такіе, которые считали авторомъ ихъ одного Панена. (Köpp, Arch. Anz., X (1895), 20 слл.). Ср. объ этомъ Robert, Marathonsschlacht, 40 слл.

[9]) Epikrit. Betracht., 7 слл.

[10]) По Брунну [Gesch. d. griech. Künstler, II, 15 (20 слл.)], обѣ картины были весьма близки другъ ко другу.

[11]) Robert, Nekyia, 76; Iliupersis, 80 слл.; Marathonsschlacht, 71.

руки Виламовица-Мёллендорфа [1]), намъ кажется весьма и весьма рискованнымъ. Какой просторъ является здѣсь для произвола, достаточно показываютъ всѣ 3 „Winckelmannsprogrammen" Роберта. Такъ въ Nekyia, стр. 76, Робертъ вслѣдъ за Виламовицемъ видныя мѣста Схедія и Фока въ полигнотовой картинѣ объясняетъ политическими событіями въ Фокидѣ до 447 года. Наоборотѣ въ Iliupersis, стр. 72 слл., Робертъ съ такою же увѣренностью присутствіе аттическихъ героевъ въ „Гибели Иліона" лесхи объясняетъ уже не политическими событіями времени, а личнымъ желаніемъ Полигнота: послѣдній будто бы въ зданіи, которое онъ долженъ быль росписать по заказу книдянъ и при росписи котораго долженъ былъ руководствоваться предложенной ему программой (см. Павс. X, 26, 4), нашелъ возможнымъ выражать свои симпатіи къ Аѳинамъ за оказанное ему лично тамъ отличіе. Полигнотъ, по мнѣнію Роберта, могъ на чужомъ посвященіи выражать свои личныя симпатіи къ государству, которое не имѣло въ то время гегемоніи въ Фокидѣ; наоборотъ, сами книдяне на своемъ собственномъ посвященіи могли выразить симпатіи къ фокидскимъ героямъ, столь тѣсно связаннымъ съ Книдомъ, только въ эпоху фокидской гегемоніи! Однако дѣло этимъ еще не оканчивается! Дельфійскія картины возникли, какъ утверждаетъ Робертъ [2]), въ эпоху фокидской гегемоніи изъ-за политическихъ намековъ въ „Аидѣ" Полигнота. „Отсутствіе ѳиванскихъ героинь (на той же картинѣ) является этому желаннымъ подтвержденіемъ". А развѣ Мегара, изображенная на картинѣ, не ѳиванская героиня и не жена Геракла? Нѣтъ! По мнѣнію Роберта здѣсь въ ней надо видѣть „die Eponyme der Stadt Megara". Павсаній, котораго самъ же Робертъ [3]) называетъ „Grundlage" для дельфійскихъ картинъ, изобличаетъ его: „ἐσωτέρω δὲ τῆς Κλυμένης Μεγάραν τὴν ἐκ Θηβῶν ὄψει" (X, 27, 7). И источникъ Павсанія и Павсаній видѣли здѣсь ѳиванскую героиню. Напротивъ, Робертъ говоритъ: „in ihr nicht sowohl die thebanische Königstochter und Gemahlin des Heracles sah"! Ср. далѣе слова Павсанія: „ταύτην γυναῖκα ἔσχεν Ἡρακλῆς τὴν Μεγάραν".

Что заставило Роберта такъ противорѣчить его же собственной „Grundlage"? — „Политическіе намеки" въ картинѣ Полигнота. Замѣтимъ, что и видныя мѣста фокидскихъ героевъ на картинахъ Полигнота являются лишь въ реставраціи Роберта. У Полигнота, мо-

---

[1]) Wilamowitz-Möllendorf, Homerische Untersuchungen, 223, 19.
[2]) Nekyia, 76.
[3]) Ib., 5.

жетъ быть, ихъ мѣста вовсе не были видными, какъ на реставраціяхъ картинъ Полигнота, сдѣланныхъ другими учеными!

Кромѣ Мегары, есть и другіе ѳиванскіе герои въ „Аидѣ" Полигнота: Актеонъ и его мать Автоноя (Павсаній X, 30, 5). Такъ какъ это тоже вопіетъ противъ „политическихъ намековъ" и связанной съ ними фантастической хронологіи Полигнота Роберта, послѣдній рѣшается, утверждать, что въ нихъ скорѣе видѣли представителей Евбеи: „man sie, die Gemahlin und den Sohn des Aristaios, als die Repräsentanten von Euboia betrachtete".

Мы видѣли, каковы „Motive politischer Art", на которыхъ строитъ свою хронологію Робертъ: усмотрѣвъ ихъ въ своей собственной реставраціи картинъ Полигнота, Робертъ впалъ въ противорѣчія съ Павсаніемъ. Однако, мѣста Павсанія не заставили его отказаться отъ его произвольныхъ гипотезъ. Но какъ же относится Робертъ къ датѣ, которую даетъ намъ единственное древнее свидѣтельство,—къ эпиграммѣ Симонида? Она не позволяетъ поставить дельфійскихъ картинъ позже 467 г., а между тѣмъ „Motive politischer Art" требуютъ 458—447 годы! Для Роберта дѣло рѣшается просто: эпиграмма Симонида не подлинна! [1]).

Въ виду сказаннаго выше о гипотезахъ Роберта, мы совершенно не можемъ считать эпиграмму не подлинной: подлинность ея завѣрена цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ древности. Вотъ они:

1) Павсаній, X, 27, 4: Κατὰ τοῦτο τῆς γραφῆς καὶ ἐλεγεῖόν ἐστι Σιμωνίδου.

2) Плутархъ, De defect. oracul., 47, p. 436 A.

3) Anthol. Palat., IX, 700.

Мы совершенно согласны съ Мильхгёферомъ, который считаетъ невозможнымъ отрицать подлинность эпиграммы Симонида [2]).

Мы знаемъ, сколь знамениты были эпиграммы Симонида. Вѣроятно, книдяне, поручивъ роспись лесхи геніальнѣйшему и наиболѣе знаменитому художнику, обратились къ Симониду съ просьбой написать эпиграмму для ихъ посвященія въ Дельфы. Картины Полигнота должны были говорить о героическомъ и великомъ. Стихи эпиграммы должны были гармонировать съ грандіозными композиціями великаго ѳасосца. Кому же было ближе всего поручить написать эпиграмму для картинъ,

---

[1]) Ср. Nekyia, 76; Marathonsschlacht, 70.

[2]) Jahrb. d. Inst., IX (1894), 72, пр. 36, гдѣ приводится и литература, касающаяся эпиграммы. До Роберта Фуртвенглеръ (50 Berliner Winckelmannspr., 162, и Collection Sabouroff, I, введеніе къ вазамъ. 5 слл.) считалъ невозможнымъ пользоваться датой, которую представляетъ эпиграмма изъ-за того, что, по его мнѣнію, Полигнотъ лишь въ 463 г. явился въ Аѳины съ Кимономъ. Объ этомъ см. выше.

какъ не тому поэту, классическая простота и величіе эпиграммъ котораго были столь извѣстны тогда въ Греціи? Только Симонидъ былъ достоинъ сдѣлать подпись для картинъ Дельфійской лесхи!

Уже Бёттигеръ [1]) указалъ, что въ дельфійскихъ картинахъ Полигнота есть элементы, которые связываютъ ихъ съ миѳами и религіей Аттики. Такого рода аттицизмы въ картинахъ констатируютъ и новые изслѣдователи—Робертъ [2]) и Мильхгёферъ [3]). Эти аттическія элементы заставили всѣхъ указанныхъ ученыхъ полагать, что, когда Полигнотъ писалъ картины лесхи, онъ уже былъ аѳинскимъ гражданиномъ.

Когда Полигнотъ получилъ аѳинское гражданство, неизвѣстно. Гарпократіонъ [4]) передаетъ намъ два мнѣнія, которыя существовали на этотъ счетъ въ древности: по однимъ, Полигнотъ сдѣланъ былъ аѳинскимъ гражданиномъ послѣ того, какъ расписалъ даромъ Аѳинскую Писіанактову галлерею; по другимъ, онъ получилъ аѳинскія права гражданства за роспись Ѳесіона и Анакіона. Изъ приведенной выше эпиграммы Меланѳія можно заключать, что всѣ аѳинскія зданія Полигнотъ расписалъ даромъ. Но аѳинское гражданство, намъ кажется, Полигнотъ скорѣе получилъ за роспись Писіанактовой галлереи, чѣмъ за украшеніе храмовъ Ѳесея и Діоскуровъ [5]). За наше предположеніе говоритъ: 1) то, что Гарпократіонъ явно отдаетъ предпочтеніе первому изъ выше приведенныхъ мнѣній древности; 2) Плутархъ [6]) и Плиній [7]) говорятъ о безплатной работѣ Полигнота именно въ Писіанактовой галлереѣ съ особеннымъ удареніемъ.

Какъ бы то ни было, права аѳинскаго гражданства въ эпоху Кимона были великою почестью для каждаго грека и весьма трудно достижимою [8]), и Полигнотъ, конечно, ими долженъ былъ гордиться. Ѳеофрастъ [9]) называетъ Полигнота Atheniensis. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что, по полученіи аѳинскихъ правъ гражданства, Полигнотъ называлъ себя не Θάσιος, а Ἀθηναῖος. Если въ нашей литературной традиціи Полигнотъ всегда (кромѣ указ. мѣста Плинія) фигурируетъ въ качествѣ ѳасосца, то это потому, что писатели объ искус-

---

1) Böttiger, Archäol. der Malerei, 361. Ср. Welcker, Compos. d. Gem. des Polygnot, 4, 23, 65; Overbeck, Rhein. Mus., N. F., VII (1850), 424.
2) Nekyia, 76; Iliupersis, 80 сл.; Marathonsschlacht, 71.
3) Milchhöfer, Jahrb. d. Inst.. IX (1894), 72, 35.
4) Подъ сл. Πολύγνωτος (Overbeck, SQ., 1042).
5) Ср. Hermann, Epikr. Betracht., 10.
6) Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).
7) N. H., 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045).
8) Ср. Beulé, Revue d. deux mondes, 1863, I, 93.
9) У Плинія, N. H., 7, 205 (Overbeck, SQ., 280).

ствѣ должны были обращать вниманіе на надписи на картинахъ Полигнота [1]), а на нихъ, какъ на дельфійской „Гибели Иліона“, они всегда находили: Πολύγνωτος Θάσιος etc. Ясно, что Полигнотъ сталъ „аѳиняниномъ“ лишь послѣ росписи Писіанактовой галлереи,—его, какъ увидимъ, лебединой пѣсни. Если новые ученые хотятъ, чтобы Полигнотъ былъ Ἀθηναῖος уже тогда, какъ писалъ „Гибель Иліона“ въ Дельфійской лесхѣ, то ихъ прямо изобличаетъ надпись на картинѣ Полигнота:

Γράφε Πολύγνωτος Θάσιος etc. [2]).

Свидѣтельство древности, такимъ образомъ, не допускаетъ предположенія, что Полигнотъ писалъ дельфійскія картины послѣ пріобрѣтенія имъ правъ аѳинскаго гражданства.

По нашему мнѣнію, не принимать его въ соображеніе можно было бы лишь тогда, когда были бы приведены данныя, устанавливающія съ несомнѣнностью фактъ, что Полигнотъ былъ „аѳиняниномъ“, расписывая лесху въ Дельфахъ.

Аттицизмы, которыя приводятъ въ доказательство послѣдняго мнѣнія, намъ кажется, не являются доказательствомъ того, что Полигнотъ былъ уже при работахъ въ Дельфахъ аѳиняниномъ. Положимъ, что даже всѣ аттицизмы—несомнѣнны; но слѣдуетъ ли изъ этого, что Полигнотъ былъ аѳиняниномъ? Книдяне заказываютъ Полигноту расписать ихъ посвященіе въ Дельфахъ; изъ Павсанія видимъ, что Полигноту указана была задача картинъ (украшеніе героона Неоптолема). Робертъ и въ Nekyia и въ Iliupersis показалъ, въ какомъ тѣсномъ отношеніи находится большая часть фигуръ съ миѳами Книда, Дельфъ и Фокиды. Никто болѣе самого Роберта, по нашему мнѣнію, не сдѣлалъ въ пользу того, что при росписи лесхи Полигнотъ долженъ былъ весьма и весьма считаться съ желаніями и требованіями посвятителей—книдянъ. И это было вполнѣ естественно!

Всегда художники, работавшіе посвященія, дѣлали то, что̀ имъ заказывали. Присоединять что-нибудь отъ себя такое, что̀ давало бы

---

[1]) Надписи, внѣ всякаго сомнѣнія, были, какъ на дельфійскомъ «Иліонѣ», и на другихъ картинахъ Полигнота.

[2]) Возраженіе Овербека, (Rh. Mus., ук. м.) противъ К. Фр. Германна, что эпиграмму писалъ Симонидъ и что Полигноту незачѣмъ было называть себя аѳиняниномъ,—только фраза. Симонидъ писалъ эпиграмму по заказу и, слѣд., долженъ былъ назвать Полигнота такъ, какъ требовалось. Вся исторія Греціи времени Кимона показываетъ, какимъ значеніемъ пользовались тогда Аѳины. Полигнотъ, страстный почитатель Аѳинъ, внѣ всякаго сомнѣнія, если бы былъ при росписи лесхи аѳинскимъ гражданиномъ, не преминулъ бы это указать. За насъ говоритъ φιλοτιμούμενος πρὸς τὴν πόλιν Плутарха, Кимонъ, 4 (Overbeck, SQ., 1044).

явно поводъ къ тѣмъ или другимъ оттѣнкамъ идеи, которую желали провести посвятители, не было позволительно для художниковъ [1]). Они не могли прибавлять ничего существеннаго отъ себя. Если мы видимъ аттицизмы въ дельфійскихъ картинахъ Полигнота (аттич. героевъ), мы прежде всего должны предполагать, не были ли эти аттицизмы желательны посвятителямъ картинъ — книдянамъ. Мы видимъ часто, что заказчики придираются къ мелочамъ, если ихъ находятъ почему-либо неумѣстными въ заказанномъ произведеніи. Вспомнимъ исторіи съ Фидіемъ [2]), съ Микономъ [3])! Не только нельзя было прибавить что-нибудь отъ себя, но даже нельзя было трактовать отдѣльныхъ фигуръ такъ, чтобы ихъ трактовка показалась не соотвѣтствующей!

Мы видимъ, чѣмъ рисковалъ художникъ, если обвиненія въ несоотвѣтствующей трактовкѣ сюжета или даже отдѣльныхъ фигуръ бывали доказаны. Въ виду сказаннаго считаемъ немыслимымъ объяснять аттицизмы, которые особенно Робертъ и Мильхгёферъ открываютъ въ полигнотовыхъ картинахъ лесхи, личнымъ желаніемъ Полигнота показать, что онъ аѳинскій гражданинъ. И къ чему это было дѣлать Полигноту на посвященіи книдянъ, рискуя вызвать неудовольствіе со стороны послѣднихъ? Если бы Полигнотъ непремѣнно хотѣлъ показать свое аѳинское гражданство, чего же было проще и естественнѣе назвать себя въ подписи „Ἀϑηναῖος“?. Затѣмъ, почему изъ-за присутствія нѣкоторыхъ аттическихъ героевъ Полигнотъ долженъ былъ быть уже аѳинскимъ гражданиномъ? На картинахъ мы видимъ, между прочимъ, и ѳиванскихъ героевъ и, однако, никому въ голову не пришло утверждать, что только ѳиванскій гражданинъ могъ это сдѣлать и, ergo, Полигнотъ былъ и гражданиномъ Ѳивъ? Видимъ и фокидскихъ героевъ: самъ Робертъ здѣсь уже не объясняетъ ихъ присутствія личнымъ желаніемъ художника, а желаніемъ посвятителей.

Кромѣ того, „аттицизмы“, па которыя указывали до сихъ поръ, — всѣ едва ли могутъ безусловно быть принимаемы [4]). Вотъ они: 1) фигуры Акаманта, Демофонта и Эѳры въ „Гибели Иліона“, 2) Ѳесея и Пириѳоя въ „Аидѣ“, 3) Федры тамъ же. На эти 6 фигуръ указываетъ вслѣдъ за Робертомъ Мильхгёферъ [5]). Всѣхъ этихъ ге-

[1]) Не правъ Бёле (Revue d. deux mondes, 1863, I, 100), утверждающій противное.

[2]) Overbeck, SQ., 630 и др.

[3]) Ib., 1084.

[4]) Ихъ принимаетъ такъ, напр., Бруннъ, Gesch. d. griech. Künstler, II, 14 (20).

[5]) Бёттигеръ видѣлъ въ фигурахъ ἀμύητοι намекъ на то, будто Полигнотъ былъ посвященъ въ Элевсинскія мистеріи, и, слѣдовательно, былъ уже аѳинскимъ граждани-

роевъ невозможно считать исключительно аттическими. Фактъ, что ихъ мы видимъ на дельфійскихъ картинахъ Полигнота, можетъ быть, и, по нашему мнѣнію, съ большимъ вѣроятіемъ, объясненъ иначе. Судьбы Эѳры у Полигнота зависятъ отъ воли спартанской царицы—Елены; Акамантъ, Демофонтъ и Эѳра въ картинѣ занимаютъ болѣе низкія мѣста, чѣмъ герои Спарты, Книда: Демофонтъ съ трепетомъ ждетъ, что̀ скажетъ госпожа его матери; послѣдняя представлена рабыней [1]). Едва ли аѳиняне были бы довольны такимъ прославленіемъ своихъ героевъ! Еще болѣе печальны фигуры Ѳесея и Пириѳоя въ „Аидѣ" [2]).

Полигнотъ, получившій аѳинское гражданство за роспись Ѳесіона и др. зданій въ Аѳинахъ, по мнѣнію Роберта, могъ въ Дельфахъ такъ изобразить главнѣйшаго героя Аттики, имъ же прославленнаго въ Ѳесіонѣ. По нашему, картина въ лесхѣ скорѣе тогда возможна, когда Полигнотъ еще вовсе не зналъ Аѳинъ и не былъ связанъ ничѣмъ ни съ городомъ Ѳесея, ни съ Кимономъ, создателемъ храма этого главнаго аттическаго героя.

Федра, качающаяся на качели въ „Аидѣ", напоминаетъ Мильхгёферу объ аналогичной аттической Эригонѣ. Соглашаясь съ Мильхгёферомъ, мы не видимъ никакихъ основаній видѣть въ Федрѣ аттическую героиню, аттицизмъ.

Аттицизмъ въ фигурахъ Акаманта, Демофонта и Эѳры послѣ сказаннаго выше намъ представляется весьма сомнительнымъ. Аттическая вазовая живопись весьма часто изображала Эѳру съ Демофонтомъ и Акамантомъ въ моментъ, когда внуки ее узнали и уводятъ съ собою [3]).

Если бы Полигнотъ представилъ этотъ моментъ, мы безусловно признали бы тогда тутъ аттицизмъ. То, что̀ намъ передаетъ объ Эѳрѣ и ея внукахъ въ „Гибели Иліона" Павсаній, не имѣетъ ничего общаго съ эпизодомъ, столь любимымъ аттическою живописью строгаго стиля [4]). Мы не видимъ аттицизма въ названныхъ трехъ фигурахъ въ полигнотовой „Гибели Иліона".

номъ. На такія произвольныя заключенія, можетъ быть одинъ отвѣтъ: ... «credat iudaeus Apella, non ego»!

[1]) Павсаній. X, 25, 7 (Overbeck, SQ., 1050, A, 49 слл.).

[2]) Павсаній, X, 29, 9 (Overbeck, SQ., 1050, B, 109 слл.). Ср. Welcker, Composition d. Gem. d. Polygn., 121.

[3]) Ср. Klein, Euphronios², 172.

[4]) Послѣднее Робертъ (Iliupersis, 21) справедливо выставляетъ противъ Рипенгаузеновъ, Велькера, Гебгардта и Бенндорфа.

По тому, какъ представлены были аттическіе герои Полигнотомъ въ Дельфахъ, предположеніе Роберта и др. [1]), будто аѳинская „Гибель Иліона“ написана ранѣе дельфійской, является совершенно немыслимымъ.

Мильхгёферъ, который справедливо не соглашается съ датой, предложенной Робертомъ для Дельфійской лесхи и выставляетъ значеніе эпиграммы Симонида при хронологіи полигнотовыхъ произведеній, ставитъ Дельфійскую лесху ок. 460 года изъ-за „аттицизмовъ“ Полигнота. Мы видѣли, какъ надо относиться къ этимъ аттицизмамъ.

Terminus ante quem, который для дельфійскихъ картинъ представляетъ эпиграмма Симонида (467 г. до Р. Хр.), имѣетъ безусловное значеніе при хронологіи картинъ Полигнота. Такъ какъ въ Дельфахъ Полигнотъ долженъ былъ работать до 467 года, а въ Аѳинахъ лишь послѣ 469—8 г., то дельфійскія картины относятся къ до-аттическому періоду дѣятельности Полигнота [2]). Всѣ основанія, приводившіяся къ тому, чтобы поколебать даты, представляемыя намъ литературной традиціей (эпиграмма Симонида, свидѣтельства о времени сооруженія „Ѳесіона“), не выдерживаютъ критики.

V.

Полигнотъ работалъ въ Платеяхъ, гдѣ въ пронаосѣ храма Аѳины была его картина—„Одиссей, убивающій жениховъ Пенелопы“ [3]). Изъ Плутарха [4]) мы знаемъ, что живопись въ храмѣ Аѳины была сдѣлана на деньги, присужденныя въ награду платейцамъ за ихъ мужество въ битвѣ при Платеяхъ [5]).

Картина Полигнота въ Платеяхъ—самая ранняя изъ всѣхъ его

---

[1]) Ср. Noack, Ath. M., XVIII (1893), 326, пр. 1.

[2]) Мы согласны, такимъ образомъ, съ Германномъ (Epikrit. Betracht., 7 слл.), Брунномъ (Gesch. d. griech. Künstler, II, 11 (15), Мёррэ (Handbook of greek archaeology, 367).

[3]) Павсаній, IX, 4, 1 (Overbeck., SQ., 1059).

[4]) Аристидъ, 20.

[5]) По Павсанію (ук. м.) самый храмъ построенъ послѣ Мараѳонской битвы. Вслѣдъ за Робертомъ (Marathonsschlacht, 63 слл.) мы не колеблемся датировать картины по авторитетному свидѣтельству Плутарха. Можетъ быть, храмъ, построенный послѣ 490 г., былъ разрушенъ въ 480 г., и снова отстроенъ съ бóльшимъ великолѣпіемъ послѣ 479 г., когда Мардоній съ его войскомъ долженъ былъ, наконецъ, удалиться изъ Віотіи. Павсаній не говоритъ вовсе о томъ, когда написаны были картины въ Платейскомъ храмѣ. Бруннъ (Gesch. d. griech. Künstler, II, 12 (17) и Бёле (ук. м.) невѣрно датируютъ храмъ въ Платеяхъ.

произведеній, которыя могутъ быть датированы [1]). О дѣятельности Полигнота до 479 года мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ.

Въ періодъ съ 479 по 467 годъ Полигнотъ долженъ былъ написать картину въ Платеяхъ и обѣ композиціи въ Дельфахъ.

Платейскій храмъ, судя по его остаткамъ [2]) и по той суммѣ денегъ, которая была на него израсходована [3]), былъ невеликъ. Мы вполнѣ соглашаемся съ Робертомъ и друг. [4]) и помѣщаемъ картины Полигнота и Онасія („Семь противъ Ѳивъ") по обѣ стороны двери пронаоса храма. Въ такомъ случаѣ ширина картинъ была около 5 метровъ [5]). Картина Полигнота была здѣсь значительно меньше дельфійскихъ его картинъ [6]). Конечно, и времени на роспись Платейскаго храма Полигнотъ долженъ былъ имѣть гораздо меньше.

Робертъ [7]) ставитъ платейскія картины храма Аѳины Аріи около 475 года. Намъ кажется эта дата тоже наиболѣе вѣроятною.

Въ результатѣ мы приходимъ къ тому выводу, что Полигнотъ работалъ въ Платеяхъ, вѣроятно, въ промежутокъ времени съ 479 по 476 годъ; а дельфійскія его композиціи должны были быть созданы въ періодъ времени съ 475 по 467 годъ [8]).

VI.

Мы уже указали выше, что Аѳинская Писіанактова галлерея должна была быть расписана послѣ Ѳесіона и Анакіона. Опредѣлить ближе время ея картинъ, по нашему мнѣнію, блестяще удалось Роберту [9]).

---

[1]) Ср. Robert, Marathonsschlacht, 65.

[2]) См. Michaëlis, Ath. M., II (1877), 89.

[3]) 80 талантовъ по Плутарху. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 63 сл.

[4]) Ср. Benndorf, Heroon von Gjolbaschi-Trysa, 151, пр. 2; Schreiber въ Festschrift für Overbeck, 188.

[5]) Ср. Robert, ук. с., 64.

[6]) О размѣрахъ картинъ въ Дельфахъ см. нашу статью «Леcха книдянъ въ Дельфахъ» въ «Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ», IV, 1, 1899.

[7]) Marathonsschlacht, 65.

[8]) Вопреки Герману (Epikrit. Betracht., 13), мысль о посвященіи лесхи была у книдянъ до битвы при Евримедовѣ (465). При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя даютъ намъ источники, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, что именно дало поводъ къ посвященію лесхи Книдомъ въ 475—467 гг. до Р. Хр. Можетъ быть, какъ думалъ Ленорманъ (Mém. de l'académie de Belgique, XXXIV (1864), 23), Книдъ посвятилъ лесху послѣ освобожденія отъ персидскаго ига. Посвященіемъ книдянъ было все зданіе, а не однѣ только картины Полигнота, какъ думали Велькеръ (Compos. der Gem. d. Polygnot) и Ленорманъ (ук. м.). Ср. нашу статью въ «Извѣст. Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ», ук. м.

[9]) Robert, Hermes, XXV, 412 сл.; Marathonsschlacht, 4 сл.

Вопреки возраженіямъ [1]), которыя дѣлались противъ остроумныхъ выводовъ Роберта, послѣдніе остаются въ полной силѣ. Съ выводами Роберта соглашаются Лёшке [2]) и Мёррэ [3]). Источники нашихъ свѣдѣній о галлереѣ тщательно сопоставлены Ваксмутомъ [4]).

Галлерея называлась сначала **Писіанактовой** (*Πεισιανάκτειος στοά*) по имени зятя Кимона [5]) Писіанакта (*Πεισιάναξ*). Послѣдній былъ соорудителемъ галлереи. Скорѣе можно полагать, что Писіанактъ далъ деньги на постройку портика, чѣмъ былъ его архитекторомъ [6]). По именамъ жертвователей весьма часто назывались въ древности сооруженныя на ихъ средства зданія. Достаточно назвать Леонидеонъ въ Олимпіи [7]), портики царей Евмена и Аттала въ Аѳинахъ, портикъ Адріана тамъ же и т. д.

Изъ Плутарха [8]) мы знаемъ, что галлерея была сооружена гораздо ранѣе, чѣмъ ея роспись была задумана. Опредѣлить время постройки галлереи точно нельзя. Однако, въ виду того, что нѣкоторое время она носила названіе Писіанактовой, можно утверждать, что между временемъ окончанія ея постройки и росписью, послѣ которой она уже стала называться „Росписною" (*Ποικίλη στοά*), должно было пройти все же достаточное число лѣтъ. Поэтому уже предположеніе Фуртвенглера [9]) которому слѣдуетъ и Блюмнеръ [10]), что галлерея сооружена послѣ возвращенія Кимона изъ изгнанія и что тогда же задуманы и картины ея, не выдерживаетъ критики. Скорѣе всего Писіанактъ пожертвовалъ деньги на постройку галлереи во время наибольшей славы Кимона, тогда, когда

---

[1]) Ср. Judeich, N. Jahrb., 1890, 757, 2; Furtwängler, Meisterwerke, 64.

[2]) Löschcke, Der Kopf d. Athena Parthenos des Pheidias. Anhang: Nochmals Pheidias Tod und Chronologie des Olympischen Zeus въ Festschrift zum 50-jährigen Jubiläum des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande, Bonn, 1891, 19: «Robert's Ausführungen über die Schlacht bei Oinoë, die mich in der Hauptsache völlig überzeugt haben».

[3]) Murray, Handbook of greek archaeology, 369.

[4]) Wachsmuth, Die Stadt Athen im Alterthum, II, 492 слл.

[5]) Ср. O. Jahn, A. Z, 1847, 175; Archäol. Aufsätze, 16 слл.; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 12 (16); Blümner въ изд. Павсанія, I, 1, 199.

[6]) Ср. Wachsmuth, ук. с., II, 500 слл. Нѣтъ никакихъ основаній полагать (какъ это дѣлалъ Робертъ, Hermes, XXV, 422), что Писіанактъ былъ только предсѣдателемъ строительной коммиссіи. Фуртвенглеръ (Meisterwerke, 56, пр. 4) справедливо возражалъ противъ этого. Ср. Blümner въ изд. Павсанія, ук. м. Въ Marathonsschlacht, 8, пр. 6, Робертъ согласился съ Ваксмутомъ и Фуртвенглеромъ въ томъ, что Писіанактъ пожертвовалъ деньги па постройку портика.

[7]) Павсаній, V, 15, 2; ср. Діог. Лаэрт., VII, 1, 5 (Overbeck, SQ., 1055); Свида подъ сл. *Ζήνων* и *Πεισιανάκτειος στοά* (Overbeck, SQ., 1056); Схоліи къ Эсхину, III, 184; къ Демосѳену, XX, 112; Цецесъ, An. Oxon., IV, 21.

[8]) Overbeck, SQ., 1044.

[9]) Meisterwerke, 65.

[10]) Изд. Павсанія, ук. м.

послѣдній занятъ былъ украшеніемъ Аѳинъ, т. е. приблизительно въ 468—462 г. [1]).

Что же извѣстно о художникахъ работавшихъ въ Росписной галлереѣ? [2]). Показаніе Плинія насчетъ времени процвѣтанія Панена [3]) не даетъ даты живописи Росписной галлереи [4]). Паненъ работаетъ здѣсь вмѣстѣ съ Микономъ, какъ начинающій художникъ [5]).

Миконъ процвѣталъ въ 472—440 годахъ; его надо считать младшимъ современникомъ и ученикомъ Полигнота [6]). Миконъ съ Полигнотомъ были художниками, которымъ и поручена была оффиціально государствомъ роспись Писіанактовой галлереи [7]), между тѣмъ какъ Паненъ, вѣроятно, работалъ, въ качествѣ помощника, по приглашенію главныхъ мастеровъ.

То, что Миконъ былъ оффиціальнымъ художникомъ, работавшимъ въ галлереѣ, несомнѣнно слѣдуетъ изъ Сопатра и Гарпократіона: Микона судили и приговорили къ штрафу за то, что онъ написалъ въ „Битвѣ при Мараѳонѣ" персовъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ эллиновъ. О томъ, что и Панена судили за „Мараѳонъ", свѣдѣній нѣтъ: какъ мастеръ, неоффиціально работавшій въ портикѣ, онъ былъ неотвѣтствененъ и не былъ привлеченъ къ суду.

---

[1]) Ср. O. Jahn, A. Z., 1847, 175; K. Fr. Hermann, Epikrit. Betracht., 10; Böttiger, Archäol. d. Malerei, 276 слл.

[2]) Галлерея Эхо въ Олимпіи называлась также до ея поправки (ср. Dörpfeld, Olympia, II, 72) изъ-за находившихся въ ней картинъ στοὰ Ποικίλη (Павсан., V, 21, 17). Въ Спартѣ была λέσχη Ποικίλη (Павсан., III, 15, 8), въ которой, конечно, тоже были картины. Адріанъ въ своей виллѣ (въ Тиволи) соорудилъ Ποικίλη въ подражаніе Аѳинской галлереѣ. Ср. Böttiger, Archäol. d. Malerei, 277; Beulé, Revue d. deux mondes, 1863, I, 92. О Росписной галлереѣ виллы Адріана ср. Winnefeld, Die Villa des Hadrian bei Tivoli, 1895. О другихъ подражаніяхъ Аѳинской галлереѣ ср. Stieglitz, Archäol. d. Baukunst, III, 12 слл.

[3]) N. H., 35, 54 (Overbeck, SQ., 1096).

[4]) Это мы замѣчаемъ противъ Böttiger'a, Archäol. d. Malerei, 285, 361. Ср., кромѣ того, Furtwängler, Meisterwerke, 63 слл.

[5]) Ср. Robert, Marathonsschlacht, 41 слл. Полагать, что Паненъ вовсе не работалъ въ галлереѣ Писіанакта (какъ это дѣлаетъ Фуртвенглеръ, Meisterwerke, 65), нельзя. Плиній (N. H., 35, 57; Overbeck, SQ., 1099), Павсаній (V, 11, 6; Overbeck, SQ., 1095) и Плутархъ (De glor. Atheniens., p. 346 A) этого никакъ не допускаютъ.

[6]) О времени дѣятельности Микона даютъ свѣдѣнія 2 надписи, Löwy, Inschriften d. griech. Bildhauer, 41 и 42. Ср. наши статьи въ Зап. Императ. Русскаго Археол. Общества, VIII (1895), 438 слл., и въ Ἐφημ. ἀρχ., 1896, 100. Миконъ работаетъ большею частію съ Полигнотомъ и въ своемъ стилѣ часто отъ него не отличается (Overbeck, SQ., 1083). Вслѣдъ за Робертомъ (ср. Nekyia, 68) мы не колеблемся считать его ученикомъ Полигнота.

[7]) Плиній, N. H., 35, 58; Сопатр., διαίρεσ. ζητημ., 1.8, p. 120 слл. ed. Walz. Арріанъ, Exped. Alex., VII, 13, 10; Эліанъ, Nat. anim., VII, 38 (Overbeck, SQ. 1045, 1084, 1082, 1083).

Кромѣ Арріана, Эліана, Сопатра и Гарпократіона, Микона, какъ автора „Битвы при Мараѳонѣ“, приводятъ Зиновій, Свида и др. [1]). На основаніи этихъ свидѣтельствъ Робертъ [2]) совершенно справедливо полагаетъ, что Миконъ былъ главнымъ отвѣтственнымъ художникомъ, писавшимъ „Битву при Мараѳонѣ“ и что свѣдѣнія указанныхъ авторовъ, по всей вѣроятности, основаны на надписи, бывшей на картинѣ.

Какъ же объяснить показанія Павсанія [3]), Плутарха [4]) и Плинія [5]), у которыхъ авторомъ „Битвы при Мараѳонѣ“ называется одинъ Паненъ?

Робертъ [6]) указываетъ, что источникомъ Павсанія надо считать пергамскія историко-художественныя изслѣдованія. То же самое высказываетъ Ленердтъ [7]) по отношенію къ указанному мѣсту Плутарха. Къ пергамскимъ же источникамъ восходитъ, по Роберту [8]), и свидѣтельство Плинія о Паненѣ. Всѣ приведенныя мѣста названныхъ источниковъ имѣютъ то общее между собою, что съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на близкое родство Панена съ Фидіемъ [„ἀδελφὸς Φειδίου“, „fratrem ejus“ (Phidiae)]. Извѣстно, что идеаломъ художника у пергамскихъ историковъ искусства является Фидій [9]). Робертъ дѣлаетъ весьма остроумный выводъ, съ которымъ мы соглашаемся, что пергамцы, столь увлекавшіеся всегда Фидіемъ, выставляли и брата его Панена [10]). Естественно, что тѣ авторы, которые черпали свои свѣдѣнія изъ ихъ изслѣдованій, знаютъ только то, что надъ „Битвой при Мараѳонѣ“ въ Писіанактовой галлереѣ работалъ Паненъ, и не упоминаютъ имени главнаго художника Микона, о которомъ, если они и нашли что-либо въ пергамскихъ изслѣдованіяхъ, то это было тамъ далеко не столь подчеркнуто, какъ все, что̀ такъ или иначе касается Фидія. Итакъ, скорѣе всего „Мараѳонскую битву“ писали Миконъ и Паненъ вмѣстѣ [11]).

Мы видимъ, сколь случайны и противорѣчивы наши свѣдѣнія объ авторахъ „Битвы при Мараѳонѣ“. Павсаній [12]), описывающій картины

---

1) См. Overbeck, SQ., 1085.
2) Marathonsschlacht, 41.
3) V, 11, 6 (Overbeck, SQ., 696, 47).
4) De gloria Atheniens., 346 A.
5) N. H. 35, 57 (Overbeck, SQ., 1099).
6) Archäologische Märchen, 51.
7) Lehnerdt, De locis Plutarchi ad artem spectantibus, 1883, 30.
8) Marathonsschlacht, 41.
9) Archäologische Märchen. ук. м.
10) Ср. Robert, Marathonsschlacht, ук. м.
11) Ср. O. Jahn, Archäol. Aufs., 16 слл.; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 14 (19); Girard, Peinture, 165, 185; Robert, Marathonsschlacht, 41. Кёппъ (Arch. Anz., X (1895), 20 слл.) невѣрно считаетъ авторомъ «Мараѳона» одного Панена.
12) I, 15, 1—3 (Overbeck, SQ., 1060).

Расписной галлереи, не говоритъ ни слова о нихъ. Какъ авторы „Битвы при Мараѳонѣ“, такъ и художники, писавшіе двѣ другія картины портика—„Сраженіе съ амазонками“ и „Гибель Иліона“, извѣстны намъ, благодаря чисто случайнымъ упоминаніямъ у древнихъ авторовъ [1]). Изъ Аристофана [2]) и Арріана [3]) мы узнаемъ, что первую картину писалъ Миконъ. Авторъ „Гибели Иліона“—Полигнотъ названъ Плутархомъ [4]) по поводу извѣстныхъ сплетенъ насчетъ отношеній Эльпиники къ Полигноту. Самое общее указаніе насчетъ работъ Полигнота и Микона въ Писіанактовой галлереѣ даетъ Плиній [5]). Мѣсто Плинія, однако, важно въ томъ отношеніи, что изъ него слѣдуетъ, что, кромѣ Микона, оффиціальнымъ художникомъ тамъ былъ и Полигнотъ.

Въ Ѳесіонѣ Полигнотъ написалъ, какъ мы уже видѣли—„Битву Ѳесея съ амазонками“ и „Сраженіе Ѳесея съ кентаврами“; тамъ же Миконъ нарисовалъ картину, представлявшую „Ѳесея на днѣ морскомъ предъ Амфитритой“ [6]). Большая часть живописи Ѳесіона принадлежала, такимъ образомъ, Полигноту. Въ Анакіонѣ „Похищеніе Левкиппидъ“ писалъ Полигнотъ [7]) и „Аргонавтовъ“—Миконъ [8]). Расписывая Анакіонъ, Полигнотъ и Миконъ раздѣлили работу поровну.

То, что̀ намъ передаютъ древніе о Полигнотѣ и о его талантѣ, заставляетъ насъ думать, что при росписи Ѳесіона и Анакіона Полигнотъ игралъ руководящую роль; его ученикъ Миконъ, вѣроятно, слѣдовалъ идеямъ учителя, подобно тому какъ надъ украшеніемъ Парѳенона работала цѣлая школа великаго Фидія, руководившаго работами [9]), или какъ въ аргосскомъ Гереонѣ работала школа Поликлета [10]).

Въ Писіанактовой галлереѣ Миконъ, какъ мы видѣли, писалъ „Битву съ амазонками“ одинъ и другую картину вмѣстѣ съ Паненомъ. Плиній, говоря о росписи Писіанактовой галлереи, называетъ на пер-

---

1) Ср. O. Jahn, Archäol. Aufs., ук. м.; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 13 (19) слл.; Wachsmuth, Stadt Athen, II, 503; Robert, Marathonsschlacht, 2 слл.; Blümner въ изд. Павсанія, I, 1, 199. Стиль Микона и Панена настолько былъ близокъ къ стилю Полигнота, что нѣкоторые въ древности считали картину, изображавшую Мараѳонскую битву, произведеніемъ самого Полигнота. См. Эліанъ, Nat. anim., VII, 38 (Overbeck, SQ., 1083).

2) Лисистрата, 678 слл. (Overbeck, SQ., 1081).

3) Анаб., VII, 13, 10 (Overbeck, SQ., 1082).

4) Ким., 4 (Overbeck, SQ., 1044).

5) N. H. 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045).

6) Павсан., I, 17, 2—3 (Overbeck, SQ., 1086).

7) Павсан., I, 18, 1 (Overbeck, SQ., 1058).

8) Павсан., ib.

9) Ср. Overbeck, Plastik[4], I, 396 слл.; Collignon, Sculpture, II, 1 слл.

10) Overbeck, Plastik[4], I, 535 слл.; Collignon, Sculpture, II, 162 слл.

вомъ мѣстѣ имя Полигнота. Свида [1]) и Діогенъ Лаэртій [2]) говорятъ о всей росписи галлереи, какъ о произведеніи Полигнота.

Особенное значеніе работамъ Полигнота въ галлереѣ придаетъ и Гарпократіонъ. Мы видѣли, что, по всей вѣроятности, именно послѣ работъ въ галлереѣ Полигнотъ получилъ столь почетное отличіе—права аттическаго гражданства.

Послѣ сказаннаго едва ли будетъ подлежать сомнѣнію то, что Полигнотъ былъ главнымъ руководящимъ художникомъ при росписи аѳинскаго портика [3]). Написалъ ли Полигнотъ самъ здѣсь только „Гибель Иліона"?

Мы уже сказали, что въ описаніи галлереи у Павсанія не названо ни одного имени художниковъ, работавшихъ въ немъ. Мы видѣли также, какъ случайны, совершенно случайны, наши свѣдѣнія объ авторахъ картинъ галлереи. Если бы Плутархъ почему-либо опустилъ изъ біографіи Кимона сплетни, ходившія насчетъ его сестры Эльпиники и ея отношеній къ Полигноту, мы вовсе не знали бы, что „Гибель Иліона" была произведеніемъ Полигнота.

VII.

Какъ совершенно случайны наши свѣдѣнія о работахъ Полигнота, Микона и Панена въ Писіанактовой галлереѣ, такъ совершенно случайно не сохранилось ни одного свидѣтельства насчетъ того, кто писалъ четвертую картину галлереи—„Сраженіе аѳинянъ при Инoѣ". Можно ли изъ этого молчанія нашихъ источниковъ сдѣлать какой-либо выводъ? Конечно, никакого! Какъ ни ясно это, однако, одному современному критику [4]) молчаніе источниковъ кажется однимъ изъ главныхъ доводовъ (его онъ ставитъ на нервомъ мѣстѣ!) въ пользу гипотезы [5]), что „Сраженіе при Инoѣ" написано не только не Полигнотомъ или однимъ изъ его сотрудниковъ, но что эта картина принадлежитъ совершенно другому времени (IV вѣку).

Павсаній такъ описываетъ порядокъ, въ которомъ картины находились въ портикѣ [6]):

---

[1]) Подъ слл. Πεισιανάκτειος στοά и Ζήνων.

[2]) Біогр. Зенона.

[3]) Ср. Brunn, Gesch. d. griech, Künstler, II, 14 (19); Robert, Marathonsschlacht, 3 слл., полагаетъ даже, что Полигнотъ могъ принимать значительное участіе въ исполненіи «Битвы съ амазонками» и «Мараѳона».

[4]) Ср. Judeich, N. Jahrb. f. Phil., 1890, 757, пр. 12.

[5]) Ее высказалъ Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 14 (20).

[6]) Overbeck, SQ., 1054. Текстъ Павсанія здѣсь совершенно безупреченъ. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 2. Мы считаемъ только, что лучше читать вмѣстѣ съ Кайзеромъ въ 15,1 αὐτή вм. рукоп. αὕτη. Ср. Hitzig-Blümner, Pausaniae Graeciae descriptio, I, 1, 32.

I, 15, 1: Αὐτὴ δὲ ἡ στοὰ πρῶτα μὲν Ἀθηναίους ἔχει τεταγμένους ἐν Οἰνόῃ τῆς Ἀργείας ἐναντία Λακεδαιμονίων.

2. Ἐν δὲ τῷ μέσῳ τῶν τοίχων Ἀθηναῖοι καὶ Θησεὺς Ἀμαζόσι μάχονται... Ἐπὶ δὲ ταῖς Ἀμαζόσιν Ἕλληνές εἰσιν ᾑρηκότες Ἴλιον.

3. Τελευταῖον δὲ τῆς γραφῆς εἰσὶν οἱ μαχεσάμενοι Μαραθῶνι.

Выраженіе τελευταῖον τῆς γραφῆς, „послѣдняя часть росписи“ галлереи, не оставляетъ сомнѣнія, что Павсаній разсматривалъ роспись галлереи, какъ нѣчто единое. Подобнымъ же образомъ, двѣ картины Полигнота въ Дельфійской лесхѣ онъ называетъ γραφή (ед. ч.). Далѣе πρῶτα (15, 1) отвѣчаетъ τελευταῖον (15, 3). Совершенно ясно, что Павсаній „Сраженіе при Иноѣ“ считаетъ первою частью, а „Сраженіе при Мараѳонѣ“ послѣднею въ цѣлой росписи галлереи. Послѣдняя по Павсанію—едина и состоитъ изъ трехъ частей: 1) πρῶτα μὲν..., 2) ἐν δὲ τῷ μέσῳ τῶν τοίχων..., 3) τελευταῖον δὲ... Выраженіе „на средней же (δὲ) изъ стѣнъ“, являясь рѣзкимъ противоположеніемъ πρῶτα μέν („во-первыхъ“), не оставляетъ сомнѣнія, что первая картина не находилась на средней изъ стѣнъ. Рѣзко выдѣлена и третья часть: если первая картина, „πρῶτα μέν“, находится не на средней изъ стѣнъ, то не на средней изъ стѣнъ должна находиться и послѣдняя картина (τελευταῖον δὲ). Μὲν и δὲ еще болѣе подчеркиваютъ то, что πρῶτα соотвѣтствуетъ τελευταῖον. Напротивъ, Павсаній подчеркиваетъ, что вторая и третья картины находятся рядомъ, на одной стѣнѣ: 2) ... Ἀμαζόσι μάχονται, 3) ἐπὶ δὲ ταῖς Ἀμαζόσιν...

Если дѣлать какой-нибудь выводъ изъ описанія Павсанія насчетъ того, всѣ ли четыре картины портика были написаны одновременно, то возможенъ только положительный отвѣтъ на нашъ вопросъ [1]).

Какъ были расположены картины въ портикѣ, Павсаній даетъ прямой отвѣтъ: 1) вторая и третья картины находятся на средней изъ стѣнъ; 2) такъ какъ „μέσῳ“ предполагаетъ три стѣны, то первая и четвертая картина, составляющія pendant другъ другу, находятся на двухъ боковыхъ стѣнахъ, примыкающихъ къ средней [2]). Изъ Павсанія же

[1]) Какимъ образомъ Ваксмутъ изъ описанія Павсанія выводитъ, что первая картина въ портикѣ была написана позднѣе, намъ такъ же непонятно, какъ и Роберту. Ср. Wachsmuth, Stadt Athen, II, 504 слл.; Robert, Hermes, XXV, 41'.

[2]) Клюгманнъ, полагая, что «Сраженіе съ амазонками», «Гибель Иліона» и «Мараѳонъ» находились на длинной средней стѣнѣ, не слѣдуетъ Павсанію. Ср. Klügmann, Amazonen, 44. Бенндорфъ совершенно напрасно старается реставрировать галлерею не по Павсанію, а по фризу Гёль-баши, гдѣ совершенно другая композиція и сцены. Противъ Бенндорфа Робертъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: «blendend, aber trügerisch». Ср. Benndorf, Jahrb. d. kunsthistor. Samml. des allerhöchsten Kaiserhauses, XI, 22; Robert, Hermes, XXV, 416, пр. 1.

мы можемъ сдѣлать выводъ, что средняя изъ стѣнъ была вдвое длиннѣе крайнихъ, къ ней примыкающихъ [1]).

Зданіе, расписанное Полигнотомъ и его сотрудниками, называется στοά, porticus [2]). Какой планъ имѣли портики, мы достаточно знаемъ изъ многочисленныхъ остатковъ ихъ. Сохранившіеся аналогичные памятники для Писіанактовой галлереи даютъ то же, что̀ мы уже установили изъ описанія Павсанія, и дополняютъ послѣднее такъ, что противъ средней стѣны мы должны помѣстить колоннаду.

На длинной стѣнѣ галлереи А было двѣ картины: 2) „Битва съ амазонками“ и 3) „Гибель Иліона“. На одной короткой стѣнѣ В было: 1) „Сраженіе при Инοѣ“; на другой короткой стѣнѣ С — 4) „Сраженіе при Мараѳонѣ“.

Если изъ словъ Павсанія никоимъ образомъ нельзя вычитать, что „Сраженіе при Инοѣ“ было только позднѣе написано въ галлереѣ, то, зная планъ ея и расположеніе въ ней картинъ, мы можемъ только убѣдиться въ правильности взглядовъ древняго періэгета, по которому вся роспись портика—едина. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно предположить, что при росписи галлереи стѣна В осталась свободною отъ картинъ? Если бы это случилось, то стѣна В была бы этимъ выдѣлена изъ зданія галлереи, она перестала бы составлять съ нимъ одно цѣлое. Нельзя привести аналогій въ греческомъ искусствѣ для такого страннаго факта. Законы симметріи, особенно при украшеніи зданій, не могли быть не соблюдаемы въ греческомъ искусствѣ; они—основные законы греческаго искусства; а они требуютъ въ данномъ случаѣ, чтобы были расписаны или всѣ стѣны, или только стѣна А, или только стѣны В и С. Описаніе Павсанія допускаетъ только одно, — чтобы были расписаны всѣ три стѣны [3]).

Оставить безъ росписи стѣну В это значило бы то же самое, какъ если бы при украшеніи фронтона одинъ изъ угловъ его остался бы незаполненнымъ, или какъ если бы одна изъ сторонъ храма осталась бы безъ скульптурныхъ метоповъ, тогда какъ остальныя три ихъ имѣли бы. И съ эстетической точки зрѣнія гипотеза ученыхъ, видящихъ въ „Сраженіи при Инοѣ“ позднѣйшую прибавку, не имѣетъ никакихъ raisons d'être.

---

[1]) Ср. Robert, Marathonsschlacht, 10.

[2]) Ср. Overbeck, SQ., 1042, 1044, 1045 и т. д.

[3]) Мы не считаемся съ гипотезами Клюгманна и Беннäорфа, о которыхъ мы уже высказались. Но не можемъ не замѣтить, что прибавить къ тремъ картинамъ на стѣнѣ А четвертую на стѣнѣ В значило бы уничтожить весь ансамбль, задуманный первоначально.

На стѣнѣ A находятся двѣ картины: a) „Гибель Иліона" Полигнота и b) „Битва съ амазонками" Микона, т. е. двѣ картины съ миѳическими сюжетами. На первой картинѣ были представлены аргосскіе и аѳинскіе герои: среди Ἕλληνες ἠρηκότες Ἴλιον, конечно, былъ глава похода противъ Трои и вождь ахейцевъ аргосскій царь Агамемнонъ; аѳинскіе герои были и на дельфійской „Гибели Иліона". Если аѳиняне на первой картинѣ были изображены вмѣстѣ съ аргосцами въ Троѣ по окончаніи похода, результатомъ котораго было разрушеніе города, общаго врага ихъ, то на второй картинѣ представлены были одни аттическіе герои: аѳиняне безъ союзниковъ (Ἀθηναῖοι καὶ Θησεύς) защищаютъ свое отечество. Нельзя не замѣтить двухъ мыслей, проходящихъ въ миѳическихъ картинахъ на стѣнѣ A: 1) далекія экспедиціи въ чужіе края аѳиняне предпринимаютъ въ союзѣ съ аргосцами; 2) свой городъ они защищаютъ только своими собственными средствами [1]).

Обѣ находившіяся рядомъ героическія картины стѣны A по сторонамъ обрамлены двумя картинами историческаго содержанія [2]): b_1) „Сраженіе при Инoѣ" на стѣнѣ B примыкаетъ къ „Битвѣ съ амазонками"; a_1) „Сраженіе при Мараѳонѣ", находящееся на стѣнѣ C, примыкаетъ къ стѣнѣ A слѣва. Нетрудно и въ этихъ двухъ историческихъ картинахъ замѣтить тѣ же мысли, которыя проведены были въ находящихся на главной стѣнѣ портика картинахъ героическаго содержанія: 1) въ чужихъ краяхъ аѳиняне выступаютъ противъ общаго врага съ союзными аргосцами [3]); 2) свою Аттику они обороняютъ безъ союзниковъ [4]). Всѣ четыре картины говорятъ объ одномъ и томъ же: Аѳины во всѣ времена (миѳическія и историческія) были достаточно сильны, чтобы обезпечить свой городъ отъ нападеній враговъ! Аѳины во всѣ времена заставляли, благодаря вѣрнымъ союзникамъ-аргосцамъ, помнить объ ихъ доблести и силѣ своихъ далекихъ враговъ. Могущество Аѳинъ и дружба ихъ съ Аргосомъ—вотъ идеи, которыя проходятъ красными нитями во всѣхъ четырехъ картинахъ.

И какъ чудно расположены картины! Гдѣ бы ни всталъ зритель въ галлереѣ, двѣ основныхъ мысли картинъ всегда будутъ представляться

---

[1]) Мы вполнѣ принимаемъ соображенія Роберта, Hermes, XXV, 414, и Marathonsschlacht, 4 слл.

[2]) Мы совершенно не можемъ принять гипотезы Кёппа, Arch. Anz., X (1895), 20 слл.; неосновательность и произвольность его сужденій указаны уже Робертомъ Marathonsschlacht, 9, пр. 7.

[3]) Павсан., I, 15, 1 и X, 10, 3 (Overbeck, SQ., 1054 и 1571).

[4]) Присутствіе платейцевъ на картинѣ Мараѳонской битвы не говоритъ противъ насъ. Ср. Beulé, Revue d. deux mondes, 1863, I, 97; Robert, ук. соч.

его вниманію. Войдя въ галлерею, зритель прямо предъ собою имѣетъ двѣ миѳическія картины. Если онъ повернется влѣво, его взорамъ представляются „Гибель Иліона“ и „Мараѳонъ“. Повернувъ вправо, онъ будетъ видѣть „Амазонокъ“ и „Иною“. Если онъ вздумаетъ сравнить составляющія pendant картины стѣнъ C и B, опять онѣ говорятъ ему о томъ же. Гдѣ бы ни всталъ зритель, ему ясна будетъ и та мысль, что сила Аѳинъ и ихъ союзъ съ Аргосомъ вѣчны. Сейчасъ же по входѣ, онъ видитъ всѣ четыре картины. Желая видѣть обѣ картины стѣны A, зритель долженъ стать на такомъ разстояніи отъ стѣны, что не можетъ не видѣть картинъ на стѣнахъ B и C. Анализируя картины послѣднихъ, онъ долженъ поворачиваться отъ одной картины къ другой, и тогда картины стѣны A напомнятъ ему о миѳическихъ временахъ. Какой бы пунктъ, кромѣ указанныхъ, не избралъ зритель въ галлереѣ, онъ всегда будетъ имѣть предъ глазами двѣ картины: одну изъ миѳическихъ временъ, другую—изъ историческихъ; при этомъ всякій разъ одна картина будетъ говорить о томъ, какъ аѳиняне отражаютъ отъ своей страны нашествіе враговъ своихъ, другая будетъ напоминать о ихъ походахъ въ чужія страны въ союзѣ съ Аргосомъ. Мы видимъ, какъ тонко разсчитано было расположеніе картинъ въ портикѣ. Мы не можемъ не видѣть также и того, что всѣ четыре картины портика тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою по идеѣ. „Сраженіе при Иноѣ“ задумано тогда же, когда и другія три картины.

Судя по описанію Павсанія, картина „Сраженіе при Иноѣ“ представляла сцену, гдѣ не было такого сильнаго движенія, какъ въ „Битвѣ съ амазонками“, какъ въ „Мараѳонскомъ сраженіи“. Напротивъ, „Гибель Иліона“ должна была имѣть спокойно стоящія группы. Сомкнутые ряды воиновъ „Инои“ находятъ себѣ внѣшнее соотвѣтствіе въ группѣ греческихъ героевъ, судящихъ Эанта, въ „Иліонѣ“. Внѣшнимъ образомъ картины галлереи такъ соотвѣтствуютъ другъ другу: „Иноя“ (b_1)— „Иліону“ (a), „Амазонки“ (b)—„Мараѳонскому сраженію“ (a_1). Мы видѣли, что также соотвѣтствуютъ картины и по выраженнымъ въ нихъ идеямъ. Въ то же время въ картинахъ есть еще другое соотвѣтствіе—по роду сюжетовъ: миѳическія (a, b) и историческія (a_1, b_1) связаны другъ съ другомъ такъ, что миѳическія находятся рядомъ, историческія другъ противъ друга; послѣднія составляютъ какъ бы раму для первыхъ. Гдѣ бы ни всталъ зритель въ портикѣ, какъ бы онъ ни анализировалъ картины, всегда его вниманію представляются или двѣ картины,—одна съ бурнымъ движеніемъ (b, a_1), другая съ болѣе спокойными группами (a, b_1);—или три

въ такомъ порядкѣ: a-b-b$_1$; и a$_1$-a-b, т. е. картина со спокойными группами въ центрѣ и двѣ картины съ бурнымъ движеніемъ по бокамъ, и т. д. Нельзя придумать лучшаго расположенія картинъ: богатство и разнообразіе мотивовъ при такомъ расположеніи особенно даютъ себя чувствовать.

Ни изъ литературной традиціи, ни, въ частности, изъ описанія Павсанія (I, 15) мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, что „Иноя" позднѣйшая прибавка. Напротивъ, какъ показанія древнихъ авторовъ, такъ форма зданія, гдѣ находились картины, такъ всѣ соображенія эстетическаго характера, заставляютъ думать обратное. А общая идея, проходящая чрезъ всѣ четыре картины и тонкое симметрическое расположеніе въ нихъ группъ, по нашему, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ картины задуманы **одни мъ** великимъ художникомъ и выполнены по его плану. Мы видѣли уже, что руководителемъ работъ въ портикѣ надо признать Полигнота [1]).

VIII.

Павсаній [2]) описываетъ группу, которую посвятили въ Дельфы аргосцы послѣ побѣды надъ спартанцами при Иноѣ; союзниками аргосцевъ были въ этой битвѣ аѳиняне. Группа представляла „Семь противъ Ѳивъ" и была выполнена двумя ѳиванскими художниками—Ипатодоромъ и Аристогитономъ [3]).

Кромѣ этого мѣста Павсанія и кромѣ его же описанія картины „Сраженіе при Иноѣ" въ Аѳинахъ, нѣтъ другихъ упоминаній о битвѣ при Иноѣ у древнихъ авторовъ.

---

[1]) Фуртвенглеръ, Meisterwerke, 64, замѣчаетъ, что «Иноя» не была столь же знаменита въ древности, какъ другія картины. Откуда это извѣстно? То, что, кромѣ Павсанія, нѣтъ ни одного автора, который упоминалъ бы «Иною», не доказываетъ ровно ничего. «Гибель Иліона» портика, кромѣ Павсанія, упоминаетъ лишь Плутархъ, и то не ради самой картины, а только по поводу сплетенъ насчетъ Эльпиники. Почему же «Иліонъ» былъ знаменитѣе? Упоминанія картинъ у авторовъ слишкомъ случайны, чтобы на основаніи ихъ дѣлать выводы насчетъ извѣстности той или другой картины.

[2]) X, 10, 3 (Overbeck, SQ., 1571).

[3]) Вопреки Фуртвенглеру (Meisterwerke, 64 слл.) нельзя заподозривать точности показанія Павсанія въ указанномъ мѣстѣ. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 7. Фуртвенглеръ долженъ былъ признать неточность у періэгета лишь изъ-за того, что художники, дѣлавшіе группу, принадлежатъ первой половинѣ V в., судя по надписи изъ Дельфъ (см. ниже), между тѣмъ онъ полагаетъ, что «Иноя» была написана во время Коринѳской войны. Изъ словъ Павсанія: «ὡς αὐτοὶ Ἀργεῖοι λέγουσιν, намъ кажется, возможно заключить, что періэгетъ пользуется здѣсь надписью, бывшей у группы. Ср. Gurlitt, Über Pausanias, 94 слл.; Robert, Hermes, XXV, 413; Marathonsschlacht, ук. м.

Была ли битва, представленная въ Аѳинской галлереѣ, та же самая, въ память которой аргосцы посвятили группу въ Дельфы? Когда произошла эта битва? Вотъ вопросы, которые невольно у насъ являются.

Къ счастію до насъ дошла надпись съ упоминаніемъ Ипатодора и Аристогитона. Надпись представляетъ подпись художниковъ; найдена она была въ Дельфахъ [1]). По алфавиту надписи [2]) мы можемъ приблизительно опредѣлить ея время, а, слѣдовательно, и время Ипатодора и Аристогитона. Кирхгоффъ [3]), Робертъ [4]) и Лёшке [5]) совершенно правильно относятъ надпись къ первой половинѣ V вѣка. Въ древности надписи не сомнѣвается и Фуртвенглеръ, какъ мы видѣли уже. Такъ какъ Ипатодоръ и Аристогитонъ жили и дѣйствовали до 450 года, то Ипатодоръ, о которомъ говоритъ Плиній [6]), если послѣдній не ошибается,— не тотъ, который работалъ вмѣстѣ съ Аристогитономъ въ Дельфахъ [7]). Надпись обязываетъ и къ другому выводу: Ипатодоръ и Аристогитонъ не могли жить во время Коринѳской войны, какъ это полагалъ Бруннъ [8]). Съ этимъ вполнѣ согласуется и художественный характеръ группы „Семь противъ Ѳивъ" названныхъ художниковъ.

Посвященіе аргосцевъ, по описанію Павсанія, представляло группу фигуръ, поставленныхъ просто рядомъ другъ съ другомъ. Такія группы еще обычны въ первой половинѣ V вѣка [9]).

---

[1]) Böckh, Corp. inscript. graec., I, 25; Overbeck, SQ., 1569; Löwy, Inschriften d. griech. Bildh., 101; Larfeld, Sylloge inscript. Boeot., 572; Robert, Marathonsschlacht, 4.

[2]) Хотя надпись извѣстна лишь по списку Додвэлля и др., однако, нельзя предполагать, чтобы списывавшіе ее могли перемѣнить алфавитъ ея на болѣе древній, какъ то думали Бёкъ (ук. м.), Юдейхъ (N. Jahrbüch., 1890, 758, пр.) и др. Ср. Robert, Marathonsschl., 5. Надписи не было найдена при послѣднихъ раскопкахъ въ Дельфахъ, насколько намъ извѣстно.

[3]) Kirchhoff, Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets⁴, 142, 1.

[4]) Hermes, XXV, 412; Marathonsschlacht, 4 слл.

[5]) Festschrift d. Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande, 1891, 19.

[6]) N. H., 34, 50 (Overbeck, SQ., 1570).

[7]) Ср. Robert, Marathonsschlacht, 5.

[8]) Brunn, Artificum liberae Graeciae tempora, 26; Bull., 1851, 134; Gesch. d. griech. Künstler, I, 206 (293 сл.); II, 14 (20). Гипотезу Бруна принималъ Курціусъ (Griech. Gesch., III, 763; ср. Stadtgesch. v. Athen, 521). Урликсъ (N. Jahrb. f. Phil., LXIX (1854), 380 слл.) старался развить ее далѣе. Затѣмъ, ее раздѣляли съ Брунномъ—Кёлеръ (Hermes, V, 5; ср. Corp. inscr. Att., II, 161), Бенндорфъ (Jahrb. d. allerhöchst. Kaiserhauses, XI, 1, 22). Брюкнеръ (Athen. Mitth., XIV (1889), 405), Ваксмутъ (Stadt Athen, II, 502 слл., 521), Юдейхъ (N. Jahrb. f. Phil., 1890, 757, пр. 1), П. Жираръ (Peinture, 185 слл.) и Фуртвенглеръ (Meisterwerke. 64). Для насъ весьма любопытенъ тотъ фактъ, что послѣ изслѣдованія Роберта одинъ изъ главныхъ авторитетовъ въ области греческой эпиграфики Кирхгоффъ, который еще въ 3-мъ изд. своихъ «Studien» (132) склонялся къ гипотезѣ Брунна, теперь ее оставилъ (см. 4 изд., 142, пр. 1).

[9]) Ср. группу эпонимовъ Фидія въ Дельфахъ, посвященія Микиѳа въ Олимпіи и т. д. См. Sauer, Die Anfänge der statuarischen Gruppe, 16; Robert, Hermes, XXV, 418.

Наоборотъ, во время Коринѳской войны такого рода архаизмъ композиціи былъ бы страннымъ [1]).

На какое же время падаетъ союзъ аѳинянъ съ Аргосомъ? Когда въ первой половинѣ V вѣка аргосцы въ союзѣ съ аѳинянами могли дѣйствовать противъ Спарты? До 462 года мы никакъ не можемъ этого предполагать: до этого аѳиняне подъ вліяніемъ Кимона сочувственно относятся къ Спартѣ, помогаютъ ей противъ ея враговъ [2]). Только въ 462 году произошелъ разрывъ у Аѳинъ со Спартой: только теперь διαφορὰ πρῶτον Λακεδαιμονίοις καὶ Ἀθηναίοις φανερὰ ἐγένετο [3]).

Лишь теперь стало очевидно, что единеніе Аѳинъ и Спарты — вещь, совершенно невозможная, несбыточная. Возбужденіе противъ Спарты въ Аѳинахъ теперь принимаетъ огромные размѣры. Главѣ прежней политикѣ, Кимону, не только немыслимо было теперь имѣть какое-либо вліяніе, но онъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе изъ Аѳинъ и подвергнуться остракизму. Партія ему враждебная торжествуетъ теперь свою побѣду. Первое дѣло, которое предстояло теперь ей, которое могло упрочить ея положеніе, было усилить положеніе Аѳинъ противъ Спарты, запастись надежными союзниками, съ помощью которыхъ возможно болѣе подорвать силы лакедемонянъ. Есть основанія полагать, что уже Ѳемистоклъ, этотъ извѣстный представитель антиспартанской политики, подготовилъ союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ; уже его дальновидности представлялась будущая борьба Аѳинъ со Спартой дѣломъ неизбѣжнымъ [4]). Теперь, когда пришло, наконецъ, время, показавшее всю непримиримую рознь двухъ государствъ, изъ которыхъ каждое претендовало́ на главенствующее положеніе въ Греціи, преемникамъ политики геніальнаго Ѳемистокла въ Аѳинахъ не оставалось ничего лучшаго, какъ заключить формальную дружбу съ Аргосомъ [5]), дружескія сношенія съ которымъ уже издавна связывали аѳинянъ [6]). И вотъ весною 460 года, какъ показалъ Виламовицъ [7]), аѳиняне заключаютъ союзъ съ Аргосомъ.

---

[1]) Ср. Aug. Herzog, Studien zur Geschichte der griechischen Kunst, I, 41. Однако, мы не раздѣляемъ мнѣнія Фуртвенглера относительно группы эпонимовъ Фидія въ Дельфахъ (Meisterw., 55) и соглашаемся съ Робертомъ (Marathonsschlacht, 5, пр. 4).

[2]) Ср. Robert, Hermes, XXV, 420, пр. 1.

[3]) Ѳукидидъ, I, 102.

[4]) Ср. Curtius, Griech. Geschichte[6], II. 152. 153.

[5]) Ср. кромѣ того, Ѳукидидъ (ук. м.): Ἀργείοις τοῖς ἐκείνων (sc. Λακεδαιμονίων) πολεμίοις ξύμμαχοι ἐγένοντο.

[6]) Уже издавна аѳинскіе художники учились у аргосскихъ. Миронъ, Фидій, обращаясь къ Агеладу, слѣдуютъ только общему движенію. Ср. наши замѣчанія по этому поводу въ Ἐφ. ἀρχ.. 1896. 83 сля. Цѣлый рядъ аргосскихъ художниковъ работалъ въ Аѳинахъ и т. п.

[7]) Wilamowitz-Möllendorf, Aristoteles und Athen, II, 301.

460 годъ и является terminus post quem для битвы при Инoѣ, въ память которой аргосцы поставили группу въ Дельфахъ. Съ другой стороны, надпись (Corpus inscript. Atticarum, I, 433), по Роберту, не позволяетъ относить битву ко времени послѣ 458 года [1]). Мы не знаемъ, почему такъ отрывочно изложены событія около 460 года у Өукидида, но вслѣдствіе этой отрывочности изложенія [2]) битва при Инoѣ не названа у Өукидида.

Въ глазахъ аөинянъ побѣда при Инoѣ имѣла безъ сомнѣнія огромное значеніе: она открывала имъ розовыя надежды на будущіе успѣхи ихъ политики, показывала всю выгодность для нихъ союза съ Аргосомъ. Не менѣе придавали значенія этой побѣдѣ и аргосцы: дельфійская группа является тому свидѣтельствомъ.

Въ 457 году произошла роковая для аөинянъ встрѣча со спартанцами при Танагрѣ: аөиняне терпятъ пораженіе. Недавніе восторги должны были теперь значительно остыть: союзъ съ Аргосомъ долженъ былъ перестать имѣть въ глазахъ аөинянъ ту важность, которую ему они придавали въ порывѣ первыхъ увлеченій, послѣ битвы при Инoѣ. Пораженіе при Танагрѣ заставило аөинянъ иначе смотрѣть на ихъ побѣду и мимолетный успѣхъ: побѣда при Инoѣ потеряла теперь свое значеніе въ глазахъ аөинскихъ гражданъ; они не были уже такъ довольны политикой враговъ Кимона, и въ 456 году послѣдній возвращается изъ изгнанія.

Было бы крайне невѣроятно предположить, что аргосцы посвятили свою группу въ Дельфы послѣ 457 г., когда въ Аөинахъ, видимо, ослабѣли увлеченія аргосскимъ союзомъ. Конечно, аргосцы заказали группу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды надъ спартанцами. Время, когда группа Ипатодора и Аристогитона, такимъ образомъ, могла возникнуть, приходится на 460—457 годы.

IX.

Мы видѣли, какія идеи проходятъ чрезъ картины Росписной галлереи въ Аөинахъ: сила и несокрушимость Аөинъ, вѣчность ихъ союза и дружбы съ Аргосомъ, ихъ общія предпріятія противъ Спарты. Общія

---

[1]) Hermes, XXV, 421, Marathonsschlacht, 8 (до завоеванія Навпакта).

[2]) Ср. Robert, Hermes, XXV, 421. Молчаніе Өукидида не говоритъ противъ того, что битва произошла въ періодъ послѣ 460 г.; вопреки Юдейху (N. Jahrb., 1890. 758, пр.). Въ Коринөскую войну битва при Инoѣ тоже не засвидѣтельствована ни однимъ авторомъ.

дѣйствія аѳинянъ и аргосцевъ противъ лакедемонянъ—сюжетъ „Инои" въ галлереѣ. „Сраженіе при Иноѣ" едва ли могло явиться въ галлереѣ въ эпоху силы Кимона и его партіи въ Аѳинахъ: всегдашнимъ идеаломъ Кимона были — дружба и единеніе съ Лакедемономъ [1]). Какимъ образомъ Полигнотъ, этотъ, насколько намъ извѣстно, другъ и поклонникъ Кимона, могъ допустить въ Писіанактовой галлереѣ картину, подобную „Иноѣ"? Этотъ фактъ казался настолько страннымъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ, что они рѣшались усматривать неточность показанія Павсанія и полагали, что сюжетомъ „Инои" было не историческое сраженіе аѳинянъ и аргосцевъ противъ спартанцевъ, а миѳическая битва аѳинянъ съ Еврисѳеемъ за Гераклидовъ, что неточность у Павсанія произошла оттого, что періэгетъ смѣшалъ аттическую нимфу Иною, которая изображена была, вѣроятно, на картинѣ, съ аргосской Иноей [2]). Этотъ же фактъ приводился и приводится неоднократно въ пользу гипотезы Брунна, будто „Иноя" — позднѣйшая прибавка къ циклу картинъ Росписной галлереи [3]).

Всѣ подобные взгляды предполагаютъ, что художники, расписывавшие Писіанактову галлерею, пользовались полною свободой при выборѣ сюжетовъ картинъ,—предположеніе, которое, по нашему мнѣнію, совершенно недопустимо. Портикъ расписывался по порученію государства, которое и платило деньги мастерамъ [4]). Внѣ всякаго сомнѣнія, государство указало мастерамъ сюжеты картинъ и общую мысль, которую они должны были провести въ картинахъ. „Сраженіе при Иноѣ" могло заказать аѳинское государство, конечно, только тогда, когда во главѣ его стояла партія, враждебная Кимону.

Художники, работавшіе въ галлереѣ, и прежде всего руководитель работъ Полигнотъ, были извѣстными сторонниками Кимона. Весьма естественно, что въ трактовкѣ сюжетовъ картинъ у Полигнота и его сотрудниковъ кое-гдѣ могли сказаться ихъ симпатіи къ Кимону.

---

[1]) О лаконофильствѣ Кимона ср. Bosanquet, Journ. of. Hell. Stud., XVI (1896), 167, гдѣ указаны древніе тексты.

[2]) Эти взгляды высказалъ первый А. Шеферъ, Arch. Anz., 1862, 371 слл. (Ср. Hist. Aufs., 43 слл., 57 слл.). Съ Шеферомъ согласились Михаэлисъ (Parthenon, 37), Гейдеманнъ (Alexander und Dareios, 10, пр. 29). Противъ Шефера высказывались Клюгманнъ, Amazonen, 44, пр. 78, Бенндорфъ, Jahrb. d. Kaiserhauses, XI, 1, 22, Брюкнеръ, Ath. Mitth., XIV (1889), 405. Ваксмутъ, Die Stadt Athen, II, 519.

[3]) Ср. Бёле, Revue d. deux mondes, 1863, I, 92; Ваксмутъ, ук. м.; Фуртвенглеръ, Meisterwerke, ук. м. и т. д.

[4]) Если Полигнотъ не бралъ денегъ, на то была его добрая воля. Онъ былъ, впрочемъ, вознагражденъ иначе: ему дарованы были права аѳинскаго гражданства. Плиній N. H., 35, 58 (Overbeck, SQ., 1045).

Если художникамъ указаны были сюжеты картинъ, то, разумѣется, ихъ исполненіе не могло быть стѣсняемо. И дѣйствительно, то, что̀ древніе передаютъ намъ о картинахъ, не оставляетъ сомнѣнія въ свободѣ художниковъ при выполненіи указанныхъ имъ сюжетовъ [1]). Всѣ изслѣдователи, занимавшіеся вопросомъ о картинахъ галлереи, согласны въ томъ, что три картины („Амазонки“, „Иліонъ“, „Мараѳонъ“) проникнуты идеями партіи Кимона: борьба грековъ съ варварами, которой посвящены были картины, въ самомъ дѣлѣ, всегда была девизомъ Кимона [2]). Какъ удобно было въ этихъ трехъ картинахъ косвенно прославить Кимона! Героемъ Мараѳона былъ Мильтіадъ, отецъ Кимона; въ „Битвѣ съ амазонками“ первое мѣсто занималъ Ѳесей, почитаніе котораго установилъ Кимонъ въ Аѳинахъ. Троянская война была, по воззрѣніямъ той эпохи (ср. Herod. I, 1), первымъ актомъ великой драмы, которую блестяще заканчивала побѣда Кимона при Евримедонѣ.

Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что при выборѣ картинъ для галлереи, построенной, какъ мы знаемъ, зятемъ Кимона Писіанактомъ, партія Кимона должна была имѣть вліяніе [3]). Относительно „Инои“ мы совершенно согласны съ Робертомъ: четвертая картина, посвященная событію, бывшему слѣдствіемъ антикимоновой политики, должна была наряду съ другими украшать галлерею по настоянію партіи, враждебной Кимону. Сраженіе при Иноѣ было событіемъ, которымъ эта партія особенно гордилась, на которомъ строила свои надежды. „Иноя“, какъ нельзя болѣе, являлась ея profession de foi. Сраженіе при Иноѣ было событіемъ, особенно пріятнымъ народу во время его недовольства Кимономъ и возбужденія противъ Спарты.

Павсаній даетъ черезчуръ короткое описаніе „Инои“ и лишаетъ насъ возможности видѣть въ подробностяхъ, какъ художники, сторонники Кимона, трактовали сюжетъ, заказанный имъ правительствомъ враждебной Кимону партіи. Однако, при всей краткости описанія Павсанія, не можетъ не броситься въ глаза то, что сраженіе при Иноѣ

---

[1]) На вопросъ, почему Полигнотъ согласился писать по порученію враждебной Кимону партіи, мы, при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя намъ даютъ источники, отвѣтить не можемъ. Вопросъ этотъ не можетъ быть возраженіемъ. Есть цѣлый рядъ вопросовъ въ біографіи Полигнота, на которые отвѣтить нельзя: почему Полигнотъ согласился писать по порученію Кимона и остался его другомъ и послѣ того, какъ Кимонъ завоевалъ его родной Ѳасосъ? И въ новое время мы видимъ, что великимъ художникамъ иной разъ приходилось работать надъ дѣломъ, которому они не симпатизировали: такъ Микель-Анджело работалъ надъ гробницами Медичи во Флоренціи.

[2]) Плутархъ, Periклъ, 28 (слова Эльпиники).

[3]) Ср. Robert, Marathonsschlacht, 8 слл.

было трактовано не такъ, какъ сраженіе при Мараѳонѣ: если въ послѣднемъ была масса сильнаго движенія и бурныхъ сценъ, то въ „Инoѣ“ Павсаній особенно подчеркиваетъ противное: „γέγραπται δὲ οὐχ ἐς ἀκμὴν ἀγῶνος οὐδὲ τολμημάτων ἐς ἐπίδειξιν τὸ ἔργον ἤδη προῆκον“; въ „Инoѣ“ не было того огня, силы, движенія въ группахъ, что̀ въ „Мараѳонѣ“. Въ „Инoѣ“ было представлено лишь начало битвы и только выстроившіеся ряды аѳинянъ противъ спартанцевъ. На основаніи описанія Павсанія мы считаемъ возможнымъ высказать предположеніе, что въ художникѣ, исполнявшемъ „Иною“, сказался сторонникъ Кимона: ясно, что онъ не хотѣлъ представить спартанцевъ въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ изображены были персы въ „Мараѳонѣ“; побѣда аѳинянъ при Инoѣ вовсе не характеризована; предводители аѳинянъ здѣсь далеко не прославлены: изобразивъ начало битвы, художникъ совершенно скрылъ, на чьей сторонѣ была побѣда; тому, кто смотритъ на картину, можетъ представляться еще вопросомъ, чѣмъ кончится битва. Такая трактовка „Инои“, по нашему мнѣнію, выдавая кимоновца, еще разъ указываетъ на время возникновенія картины: „Иноя“ могла возникнуть именно при тѣхъ условіяхъ, какія мы указали.

Эта картина косвеннымъ образомъ говоритъ о томъ, что политика враговъ Кимона крайне рискована: если отецъ Кимона, Мильтіадъ, достигъ дѣйствительно блестящихъ результатовъ, если Ѳесей былъ дѣйствительнымъ защитникомъ Аѳинъ, то Кимонъ, который всегда былъ продолжателемъ политики Мильтіада и находился подъ покровомъ свято почитаемаго имъ Ѳесея, достигалъ не менѣе блестящихъ результатовъ, чѣмъ его отецъ! Напротивъ, чѣмъ кончится политика „героевъ“ „Инои“, далеко не извѣстно. Вотъ какія мысли, между прочимъ, должны были возбуждать картины галлереи: здѣсь цѣлый панегирикъ Кимону и недовѣріе къ политикѣ его преемниковъ. Мы уже указали выше, какія общія идеи должны были быть проведены въ картинахъ. Теперь мы видимъ, какъ тонко художники сумѣли высказать и свои собственныя взгляды на союзъ съ Аргосомъ.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ одного обстоятельства, на которое до сихъ поръ никто не обратилъ должнаго вниманія.

Въ „Иліонѣ“, какъ мы знаемъ, Полигнотъ среди троянскихъ плѣнницъ изобразилъ Лаодику и придалъ ей черты кимоновой сестры Эльпиники. Какъ плѣнницу, мы представляемъ Лаодику здѣсь въ горѣ: она въ слезахъ; она убита несчастіемъ, постигшимъ ее и ея отечество. Какъ жена сына Антенора (котораго греки пощадили), Лаодика не была обращена въ рабство; въ лицѣ ея, поэтому, на картинѣ По-

лигнота, вѣроятно, свѣтилась надежда на милость и пощаду со стороны враговъ [1]).

Развѣ можно тоньше и прелестнѣе сдѣлать намекъ на судьбу изгнаннаго Кимона: Фактъ, о которомъ разсказываетъ Плутархъ, хорошо былъ извѣстенъ аѳинской публикѣ: Эльпиника въ слезахъ умоляла главу враждебной ея брату партіи пощадить Кимона. Полигнотова „Гибель Иліона“ фигурою Лаодики напоминала аѳинянамъ о несчастномъ изгнанникѣ, на скорое возвращеніе котораго питала горячія надежды его партія.

Картины портика возможны только въ годы изгнанія Кимона, т. е. въ 462—457 гг. до Р. Хр.

Такъ какъ сраженіе при Инoѣ, въ память котораго посвящена была группа въ Дельфы аргосцами, падаетъ на 460—459 г., то картина въ Аѳинской галлереѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, изображала именно его. Какъ и группа аргосцевъ, „Сраженіе при Инoѣ“ могло быть задумано лишь сейчасъ же послѣ битвы, во всякомъ случаѣ до битвы при Танагрѣ (457 г.). Годы, на которые она можетъ падать, а, слѣдовательно, съ нею и другія картины галлереи — 460 — 458.

Мы приходимъ къ одному и тому же результату двумя разными путями: всѣ четыре картины Росписной галлереи были выполнены въ 460 — 458 годы Полигнотомъ, Микономъ и Паненомъ [2]).

---

[1]) Cp. Lenormant, Mémoires de l'académie de Belgique, XXXIV (1864), 57.

[2]) Такъ какъ Кимонъ находился въ это время въ изгнаніи, то сами собою падаютъ всѣ предположенія Шефера и др., на которыя мы указали выше. Робертъ, Hermes, XXV, 415, справедливо приводитъ противъ помѣщенія «Инои» въ Коринѳскую войну и то, что тогда процвѣтаніе стѣнной живописи въ стилѣ Полигнота уже миновало.

Интересно также указаніе Роберта на то, что золотой щитъ, который спартанцы, послѣ битвы при Танагрѣ, посвятили и поставили на храмѣ Зевса въ Олимпіи является какъ-бы отвѣтомъ на посвященія аргосцевъ въ Дельфы и на картину «Сраженіе при Инoѣ» въ Аѳинской галлереѣ.

Прибавимъ къ этому, съ своей стороны, слѣдующее. Аргосцы ставятъ свою группу въ Дельфахъ какъ разъ рядомъ съ посвященіемъ аѳинянъ въ память Мараѳонской побѣды. Въ Дельфахъ сраженія при Инoѣ и Мараѳонѣ, такимъ образомъ, сближаютъ и аргосцы. Спартанцы въ 404 г., уничтоживъ могущество Аѳинъ, ставятъ свою группу въ память одержанныхъ побѣдъ вызывающимъ образомъ какъ разъ противъ аѳинскаго посвященія 490 г. и аргосскаго 460—458 г. Павсаній, X, 9, 7; 10, 1.2; 3.4; ср. Homolle, B. C. H., XVIII (1894), 186 слл.; Pomtow, Berl. Phil. Wochenschr., 1895, 220 слл.; ср. Homolle, B. C. H., XXI (1897), 256 слл.; С. А. Жебелевъ, Дельфы. Фил. Обозр., XIV, 1, 1898, 94 слл.

X.

Итакъ, вотъ наиболѣе вѣроятная хронологія картинъ Полигнота:

Годы.	Картины.
479—476	„Одиссей, убивающій жениховъ Пенелопы“ въ Платейскомъ храмѣ Аѳины Аріи.
475—467	„Гибель Иліона“ и „Аидъ“ въ Дельфійской лесхѣ.
469—465	„Битва съ кентаврами“ и „Битва съ амазонками“ въ Ѳесіонѣ, въ Аѳинахъ.
464—462	„Похищеніе Левкиппидъ“ въ Анакіонѣ.
460—458	„Гибель Иліона“ въ Росписной галлереѣ.

Полигнотъ дѣйствуетъ приблизительно 20 лѣтъ. При этомъ въ Аѳинахъ онъ работалъ въ шестидесятые годы V вѣка. Что касается другихъ картинъ Полигнота, о которыхъ до насъ дошли извѣстія, то онѣ не могутъ быть датированы. Сюда относятся: картины въ Ѳеспіяхъ [1]), картина, бывшая впослѣдствіи въ портикѣ Помпея, въ Римѣ [2]), „Ахиллъ на Скиросѣ“, „Навсикая“ [3]),

[1]) Плиній, N. H. 35, 123 (Overbeck, SQ., 1062).

[2]) Плиній, N. H. 35, 59 (Overbeck, SQ., 1063). Урликсъ (Chrest. Pliniana, 347) полагалъ, что на этой картинѣ былъ представленъ Капаней. Ср. Benndorf, Jahrb. d. Kaiserhauses, XII, 11. Робертъ, напротивъ, считаетъ, что здѣсь былъ представленъ воинъ съ колесницей (апобатъ), и что картина была посвященіемъ какого-нибудь апобата. Ср. Robert, Marathonsschlacht, 67. Представленіе о полигнотовой картинѣ, по Роберту, могутъ дать изображенія апобатовъ на фризѣ Пареенона (Michaëlis, Parthenon, Taf. XII, 50, 65) и на рельефѣ, изд. въ B. C. H., VII (1883), pl. 17.

[3]) Павсаній, I, 22, 6 (Overbeck, SQ., 1060, E и F). Павсаній случайно упоминаетъ эти двѣ картины при описаніи пинакотеки Пропилей. Изъ этого нѣкоторые вывели заключеніе, будто всѣ картины, о которыхъ говоритъ Павсаній, въ пинакотекѣ — полигнотовы, будто всѣ онѣ образуютъ строгій единый циклъ, и полагали, что Полигнотъ могъ еще самъ работать въ Пропилеяхъ при Периклѣ. Ср. K. Fr. Hermann, Epikrit. Betr., 12, 36; Böttiger, Archäol. d. Malerei, 290; Kekule, A. Z., XXIII (1865), 31 сл.; O. Jahn, Philol., I, 47 слл.; Ann.. XXX, 230 сл.; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 17 (24); Overbeck, Archäologische Miscellen, 9. Однако, самъ Павсаній говоритъ, что перечисляетъ не всѣ картины пинакотеки. Ср. Gurlitt, Über Pausanias, 97 сл.; Hauser, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 103. Картины въ пинакотекѣ были не на стѣнахъ зданія, какъ думали Летроннъ (Lettres d'un antiquaire, 107 слл.), Россъ (Arch. Aufs., I, 119, 4), Бруннъ (Gesch. d. gr. Künstler, II, 12 (17), Михаэлисъ (Rhein. Mus., XVI, 219), Бурзіанъ (Geographie von Griechenland, I, 308, 1). Это были—πίνακες, мольбертныя картины; ср. Raoul-Rochette, Lettr. archéol. 64; Journal d. savants, 1850, 349; Welcker, Alte Denkm., IV, 332; Beulé, L'Acropole, I, 204; Bohn, Propylaeen, 33; Ivanoff, Ann., XXXIII, 278; Julius, Ath. M., II (1877), 192; Robert, Bild u. Lied, 182, 31; Overbeck. Archäol. Miscellen, 6 слл.; Lolling y Iw. Müller, Handbuch d. klass. Altertumswissensch., III, 340, 1.

Пинакотека—одновременна съ Пропилеями. Гипотеза Брунна, Gesch. d. gr. Künstler, II, 12 (17), будто пинакотека древнѣе Пропилей, совершенно несостоятельна. Ср.

„Салмоней“ [1]), мѣста нахожденія которыхъ неизвѣстны.

Bursian, N. Jahrb., 1856, 519. Изъ словъ Павсанія никоимъ образомъ нельзя вывести, что первыя четыре картины въ пинакотекѣ (Overbeck, SQ., 1060, A, B, C и D) были Полигнота. Ср. Bursian, N. Jahrb., 1856, 519; Gurlitt, ук. м.; Robert, Marathonsschlacht, 66; Blümner, изд. Павс., I, 249. Наоборотъ, одна картина—«Поликсена» была написана Поликлетомъ, какъ видимъ изъ Полліана (Anthol. gr., III, 147, 5; Planud., IV, 150; Overbeck, SQ., 1061), въ эпиграммѣ котораго вовсе не нужно мѣнять Πολυκλείτοιο въ Πολυγνώτοιο, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Ср. убѣдительные на этотъ счетъ доводы Роберта, Archäol. Märchen, 83 слл., и Marathonsschlacht, 66. Весьма сомнительно, чтобъ Полигнотъ могъ работать еще въ то время когда строили Пропилеи, вопреки К. Фр. Герману, Бурзіану, Бёлѐ (Revue d. deux mondes, 1863, I, 94 слл.) и др. Ср. Letronne, ук. с., 107 слл.; G. Hermann, De veter. pariet. pictura, 19; Opuscula, V, 207; Böttiger, Arch. d. Malerei, 290 сл.; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 12 (17); Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 72, 36.

Ни о какомъ замкнутомъ циклѣ, который будто бы образуютъ картины въ пинакотекѣ, не можетъ быть и рѣчи. Полигнотовы «Ахиллъ на Скиросѣ» и «Навсикая» скорѣе всего даже вовсе не находились въ пинакотекѣ Пропилей: Павсаній приводитъ эти двѣ картины, какъ примѣръ композицій, содержаніе которыхъ Полигнотъ заимствовалъ изъ эпоса и у Гомера. Ср. G. Hermann, ук. с.; Bursian, ук. м.; Robert, Bild u. Lied, 182 слл., 31; Homerische Becher, 75; Iliupersis, 25 слл.; Marathonsschl., 66; Hauser, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 103; Milchhöfer, ib., ук. м.

Итакъ, упомянутыя при описаніи пинакотеки у Павсанія картины Полигнота не даютъ ничего для хронологіи его.

Литературу, относящуюся къ картинамъ въ пинакотекѣ, см. у Блюмнера въ изд. Павсанія, 247 слл.

[1]) Anthol. gr., II, 255, 3 (Planud., III, 30; Overbeck, SQ., 1064). Литературу, сюда относящуюся, см. у Robert, Marathonsschlacht, 69. Робертъ полагаетъ, что «Салмоней» была не картина, а статуя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ 1835 и слѣдующемъ годахъ на аѳинскомъ акрополѣ производили раскопки Л. Россъ, Э. Шаубертъ и Хр. Ганзенъ [1]). Въ первый годъ они изслѣдовали почву акрополя, между Парѳенономъ и кимоновою стѣною. Между послѣднею и юго-восточнымъ угломъ субструкцій Парѳенона акропольская почва, какъ показали раскопки, заключала въ себѣ сначала слой осколковъ поросоваго камня, мрамора и песчаника акропольской скалы. Россъ [2]) совершенно вѣрно опредѣлилъ, что поросовые осколки представляютъ остатки отъ обработыванія поросоваго камня для фундамента Парѳенона, мраморные — остатки отъ канеллированія колоннъ его и песчаниковые — отъ уравниванія террасы акрополя у сѣверо-восточнаго угла храма. Этотъ первый слой доходитъ до глубины 6 футовъ. Подъ нимъ начинается новый слой (на глубинѣ 10—12 футовъ) приблизительно въ 1 футъ.

Этотъ второй слой заключалъ въ себѣ большое количество остатковъ деревяннаго угля, мраморныхъ фрагментовъ статуй, сильно пострадавшихъ отъ пожара, много архитектурныхъ фрагментовъ изъ терракотты и мрамора, много бронзъ, лампочекъ, обломки терракоттовыхъ статуэтокъ, разбитыя черепицы крышъ; наконецъ, въ этомъ же слоѣ найденъ былъ и одинъ фрагментъ (также пострадавшій отъ пожара) росписной вазы строгаго красно-фигурнаго стиля и одинъ небольшой кр.-ф. скифосъ. Въ 1836 г. Россъ и его сотрудники констатировали такой же слой и далѣе отъ юго-восточнаго угла Парѳенона, у субструкцій храма съ южной стороны (опять на глубинѣ 10—12 футовъ).

Всѣ предметы, найденные въ описанномъ слоѣ, поразили Росса единствомъ ихъ характера: все это были памятники чисто архаическіе [3]).

---

[1]) О результатахъ этихъ раскопокъ см. Ross, Archäol. Aufsätze, I, 72—142; ср. А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Персидскихъ войнъ, 1 слл.

[2]) Arch. Aufs., I, ук. м.

[3]) Ср. Ross, Arch. Aufs., I, 140 слл.

Такой характеръ памятниковъ и обстоятельства находки не оставляли сомнѣнія въ томъ, что изслѣдователи нашли остатки, образовавшіеся отъ раззоренія аѳинскаго акрополя персами въ 480 году до Р. Хр. Россъ (Arch. Aufs., I, 140) совершенно основательно высказался за то, что слой, констатированный раскопками на глубинѣ 10—12 футовъ у южной стороны субструкцій Парѳенона, образовался послѣ очистки акрополя отъ персидскаго раззоренія: то, что̀ тогда валялось на акрополѣ, было сброшено сюда при этой очисткѣ. Съ замѣчательною проницательностью Россъ видѣлъ, какое большое значеніе имѣли его раскопки для установленія вазовой хронологіи [1]). Правда, кромѣ не имѣющаго особеннаго значенія небольшого скифоса съ изображеніемъ совы между лавровыми вѣтками (Ross, Arch. Aufs., I, Taf. IX, 1), раскопки Росса изъ росписныхъ вазъ дали лишь одинъ осколокъ красно-фигурнаго небольшого блюда (Ross, I, Taf. X; Klein, Euphronios², 52), но и этого одного черепка, въ виду обстоятельствъ находки, знаменитому изслѣдователю довольно было, чтобы въ общемъ въ хронологіи вазъ красно-фигурнаго стиля прійти къ выводамъ, которые вполнѣ оправдали лишь изслѣдованія нашихъ дней! [2]) Россовъ фрагментъ съ несомнѣнностью давалъ terminus ante quem для красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля: этотъ стиль вполнѣ развился уже до 480 года, такъ какъ стиль россова черепка выдаетъ руку Брига, одного изъ позднѣйшихъ мастеровъ строгаго стиля [3]).

II.

Какъ ни ясны и ни обязательны были выводы Росса, съ ними многіе не соглашались и возражали. Крамеръ [4]) называетъ хронологію

---

[1]) До Росса вазовая хронологія была весьма мало обоснована; ср., напр., G. Kramer. Über den Styl und die Herkunft der bemalten griechischen Thongefässe, 1837, 46 слл., 10; Gerhard, Berl. ant. Bildwerke, I, 143; Abeken, Mittelitalien, 292, и т. д. Интересующихся литературой мы отсылаемъ къ работамъ Росса (ук. р., 325) и О. Яна (Einl. IX слл., XX).

[2]) Эти выводы Россъ сообщаетъ въ своей статьѣ «Über das Alter der Vasenmalerei», въ Allgem. Monatsschr. f. Litterat. und Wissenschaft, 1852, 349 слл. Статья перепечатана въ его Archäologische Aufsätze, II, 320—341.

[3]) Ср. Dümmler, Bonner Studien, 74; Hartwig, Meisterschalen, Brygos, гр. C, № 6, 338. На фрагментѣ сохранилась часть фигуры пьянаго человѣка, который нетвердо держится на ногахъ и опирается на палку; загнувъ голову, онъ поетъ. Стиль фрагмента весьма тщателенъ. Ср. Rayet-Collignon, Céramique 158. Клейнъ (Euphronios², 39), по нашему мнѣнію, неправильно ставитъ россовъ фрагментъ въ школу Эпиктета. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія Дюммлера и Гартвига. Къ сюжету россова фрагмента ср. O. Jahn, Philol., 1867, 240.

[4]) Ср. Gerhard's Archäol. Anz., 1852, 198.

Росса парадоксальной. Гергардъ [1]) и О. Янъ [2]) хотя и признавали всю важность раскопокъ Росса на аѳинскомъ акрополѣ, но не дѣлали тѣхъ выводовъ, къ которымъ раскопки обязывали [3]).

Причины, почему выводы Росса не могли убѣдить всѣхъ, были различны. Прежде всего, намъ кажется, виною тому было то, что раскопки не изслѣдовали почвы всего акрополя. Для лицъ, лично не присутствовавшихъ при находкѣ россова черепка, его происхожденіе изъ до-персидскаго слоя могло и не казаться очевиднымъ: для полной очевидности необходимо было изслѣдовать почву всего акрополя и довести раскопки до материковой скалы. Единственный черепокъ, изъ-за котораго приходилось мѣнять хронологическія построенія, сдѣланныя по другимъ основаніямъ, казался, конечно, тоже для того недостаточнымъ.

Такимъ образомъ, Отто Янъ [4]) основываетъ свою хронологію вазъ на алфавитѣ ихъ надписей.

По алфавиту надписей на вазахъ строгаго стиля Янъ считалъ, что этотъ стиль могъ жить вплоть до 86 олимпіады (436—433 г. до Р. Хр.). Такую позднюю дату считали вѣроятною и другіе [5]).

Результаты раскопокъ Росса все болѣе и болѣе забывались. Его имя почти не цитировали въ 70-хъ годахъ.

Мы отмѣчаемъ поэтому фактъ, что Г. Е. Кизерицкій въ своей диссертаціи [6]) въ 1876 г. исходною точкою при хронологіи красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля принимаетъ результаты Росса.

Такъ какъ по алфавиту вазовыхъ надписей вазы строгаго стиля ставили гораздо позже, чѣмъ это дѣлалъ Россъ, то старались объяснить россову находку иначе, чѣмъ объяснялъ ее самъ онъ. Почва акрополя, какъ мы уже замѣтили, далеко еще не была изслѣдована вся. Слой, въ которомъ найденъ былъ черепокъ въ стилѣ Брига, какъ вѣрно видѣлъ и Россъ, былъ насыпанъ во время постройки фундаментовъ Парѳенона. Отсюда легко являлось возраженіе противъ Росса. Фуртвенглеръ [7])

---

[1]) Cp. Ross, Arch. Aufs., II, 349.

[2]) O. Jahn, Einl., CLXXIV.

[3]) Cp. Krause, Archaeologie, 155, 183.

[4]) O. Jahn, Einl., CLXXXVII.

[5]) До О. Яна красно-фигурныя вазы обыкновенно ставили еще въ болѣе позднія времена. Ср. К. O. Müller-Welcker, Handb. d. Archäol. d. Kunst, §§ 99, 143, 163, 177, гдѣ указана и старая литература. Этимъ отчасти объясняется то, что хронологію Росса считали невѣроятной: она слишкомъ сильно отличалась отъ обычной хронологіи, какъ мы ее видимъ у К. О. Мюллера, Крамера, Гергарда и др. Напротивъ, хронологія Яна лишь немного отличалась отъ послѣдней.

[6]) Nike in der Vasenmalerei, 35.

[7]) Furtwängler, Bronzefunde aus Olympia, 6, пр. 1.

высказалъ мысль, что необходимымъ terminus ante quem является не 480 годъ, а годъ начала перикловой постройки Пароенона, т.-е. 454—3 г. до Р. Хр. Начала кр.-ф. стиля такимъ образомъ должны падать не на VI вѣкъ, а приблизительно на 485—445 годы.

Также датировалъ строгія вазы Клейнъ (въ 1878 году) [1]).

Райэ и Коллиньонъ [2]) за terminus ante quem для россова черепка считаютъ тоже начало работъ по постройкѣ Пароенона: черепокъ, по ихъ мнѣнію, должно ставить только до 446 года; начало же красно-фигурной техники восходитъ къ 70-мъ годамъ V вѣка. Вообще становится почти обще-распространеннымъ мнѣніе, что красно-фигурный стиль явился въ періодъ времени между Персидскими войнами и Пелопоннесской [3]), т.-е. раньше, чѣмъ думалъ О. Янъ.

Эпоху составило изслѣдованіе У. Кёлера [4]), который показалъ, что іонизмы, встрѣчающіеся въ надписяхъ вазовыхъ мастеровъ, возможны уже въ первой половинѣ V вѣка (а не только лишь около 403 г., какъ полагалъ О. Янъ). Изучая надписи аттическихъ надгробій V вѣка, Кёлеръ пришелъ къ тому результату, что оффиціальный актъ 403 года (введеніе іонійскаго алфавита въ Аеинахъ при архонтѣ Евклидѣ, во 2-й годъ 94-й олимпіады) былъ лишь санкціей давно установившагося въ Аттикѣ въ частной жизни употребленія этого алфавита. По мнѣнію Кёлера, вазы строгаго стиля со всѣми іонизмами въ ихъ надписяхъ могли явиться въ 490—440 годы. Дата Кёлера видимо согласовалась съ тѣмъ, что другіе устанавливали на основаніи россова черепка. Клейнъ во второмъ изданіи своего Euphronios [5]) старался показать, что и стиль рисунковъ на строгихъ вазахъ вполнѣ подходитъ ко времени между 490 и 440 гг. Мы уже видѣли, что Клейнъ по вазамъ строгаго стиля судилъ о живописи Полигнота и даже Аполлодора. Мы видѣли также, что съ Клейномъ на этотъ счетъ соглашались весьма многіе.

Архаическую строгость рисунковъ на вазахъ, если ее и замѣчали иногда, старались объяснять тѣмъ, что ремесленное искусство должно было стоять ниже шедевровъ искусства монументальнаго.

Однако, къ чести нашей науки надо замѣтить, что вскорѣ болѣе детальное изученіе вопроса о началѣ красно-фигурнаго стиля различ-

[1]) Klein, Euphronios, 1-ое изд.

[2]) Rayet-Collignon, Céramique, 158 сл.

[3]) Ср Conze, Beiträge zur griech. Plastik, 20.

[4]) U. Köhler, Ath. M., IX (1884), 1 сл.; X (1885), 359 сл. Ср. Löschcke y Helbig, Italiker in der Poebene, 129 сл.

[5]) 1886, 40. Клейну слѣдуютъ Milani, Museo Italiano di antichita, III, 210 сл., Murray, Handbook of greek archaeology, 97 сл., 101 сл., и др.

ными путями привело изслѣдователей къ одному результату, который сводится къ тому, что наилучшее разрѣшеніе вопроса далъ уже Россъ. Правда, Брунну, который возставалъ противъ общепринятой хронологіи вазъ [1]), не удалось самому установить правильной хронологіи [2]), однако, несомнѣнно, ему принадлежитъ та заслуга, что онъ показалъ всю ненормальность и невозможность процвѣтанія строгаго стиля въ ту эпоху, въ которую его обыкновенно ставили. Бруннъ былъ правъ, утверждая, что вазы строгаго стиля надо датировать иначе, чѣмъ это дѣлалось.

Издавая аттическія стелы съ живописью, Лёшке совершенно справедливо [3]) указалъ на то, что въ техникѣ есть чрезвычайно много аналогій у картинъ на этихъ стелахъ и у рисунковъ красно-фигурной вазовой живописи. Такъ какъ стелы по алфавиту ихъ надписей восходятъ къ эпохѣ Писистратидовъ, то это заставляетъ полагать, что вазовая красно-фигурная живопись должна была явиться уже около 500 года до Р. Хр.

Такую дату подтверждало и то, что, какъ показалъ Робертъ [4]), на картинахъ вазовыхъ мастеровъ строгаго стиля нѣтъ вовсе вліяній аттической трагедіи; керамисты вдохновляются, главнымъ образомъ, твореніями эпическихъ поэтовъ [5]). Ясное дѣло, что строгій стиль процвѣталъ тогда, когда аттическая драма еще не развилась и когда популярнѣйшими поэтическими произведеніями являлись все еще Иліада, Одиссея и поэмы „эпическаго цикла“.

Многочисленныя точки соприкосновенія, которыя можно наблюдать у наиболѣе древнихъ красно-фигурныхъ вазъ съ вазами черно-фигурной техники (относящимися къ VI вѣку), также говорили за происхожденіе красно-фигурной техники еще въ VI вѣкѣ [6]).

Въ виду указанныхъ соображеній Фуртвенглеръ [7]) датировалъ, при

[1]) Brunn, Probleme in der Geschichte der Vasenmalerei. Abhandlungen d. I. Classe königl. bayer. Akad. d. Wissenschaften, 1871, Abth. II, Band XII. 87 слл. Бруннъ полагалъ, что вазы строгаго стиля (находимыя, главнымъ образомъ, въ некрополяхъ Италіи) архаистическіе памятники III—I вѣковъ до Р. Хр., и что ихъ дѣлали въ Италіи. Съ Брунномъ соглашался Гельбигъ, Ann., 1871, 93 слл.

[2]) Ср. объ этомъ у Э. Р. фонъ-Штерна, Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVII (1894), 40 слл.

[3]) Löschcke, Ath. M., IV (1879), 42 слл. Ср. Milchhöfer, ib., V (1880), 165 слл.; Winter, A. Z., 1885, 187 слл.; Meyer, Ath. M., X (1885), 245 слл.; Six, Röm. M., III (1888), 234 слл.

[4]) Robert, Bild und Lied, 1881.

[5]) Изрѣдка только можно констатировать вліянія лирической поэзіи. Ср. H. v. Rohden у Baumeister, Denkm., III, 1985 слл.

[6]) Ср. Winter, A. Z., 1885, 187 слл.; Six, Röm. M., III (1888), 234.

[7]) Furtwängler, Collection Sabouroff, 1883—1887, I, введеніе къ вазамъ.

изданіи коллекціи Сабурова, первыхъ мастеровъ красно - фигурной техники временемъ Писистратидовъ, т. е. послѣдними десятилѣтіями VI вѣка.

Студничка [1]) послѣ изученія вазовыхъ надписей, прославляющихъ любимцевъ аѳинянъ, пришелъ къ тому результату, что начала краснофигурной техники восходятъ ко времени до 500 года до Р. Хр., и высказался снова за 480 годъ, какъ terminus ante quem для россова фрагмента.

Выводы Студнички подтвердили изслѣдованія Дюммлера [2]) и Германна [3]), которые изучали исторію торговыхъ сношеній Кипра съ Аттикой по раскопкамъ кипрскихъ некрополей.

Результаты названныхъ ученыхъ принимаетъ фонъ-Роденъ (въ статьѣ Vasenkunde у Baum, Denkm., III, 1984).

Одновременно съ фонъ-Роденомъ Гольверда [4]), занимаясь изученіемъ головныхъ уборовъ и одеждъ фигуръ на вазахъ строгаго стиля, пришелъ къ выводу, что фигуры на строгихъ вазахъ всѣ одѣты еще такъ, какъ одѣвались аѳиняне до Греко-Персидскихъ войнъ, послѣ которыхъ, какъ извѣстно изъ Ѳукидида (I, 6), въ Аѳинахъ произошла перемѣна въ манерѣ одѣваться. Одежда фигуръ на вазахъ строгаго стиля вполнѣ соотвѣтствуетъ одеждѣ архаическихъ скульптуръ; строгій стиль, значитъ, одновременъ съ архаическими памятниками пластики. Результаты Гольверды, такимъ образомъ, вполнѣ согласовались съ результатами насчетъ времени возникновенія красно-фигурной техники Фуртвенглера, Студнички, Дюммлера и др.

На одинаковый художественный характеръ, свидѣтельствующій объ одномъ и томъ же своеобразномъ вкусѣ архаической эпохи, на одинаковый архаическій стиль строгихъ вазъ и скульптуръ изъ времени до Персидскихъ войнъ указывалось много разъ. Вопросомъ объ отношеніяхъ вазовыхъ рисунковъ къ скульптурѣ, которая по характеру ея стиля должна быть современна вазамъ и, ergo, можетъ указывать приблизительно на дату вазъ, занимались, кромѣ Гольверды (ук. ст.), еще:

---

[1]) Studniczka, Antenor und archaische Malerei. Jahrb. d. Inst., II (1887), 159—168.

[2]) Dümmler, Attische Lekythos aus Cypern. Jahrb. d. Inst., II (1887), 168—178.

[3]) P. Hermann, Das Gräberfeld von Marion auf Cypern. 48 Winckelmannspr., Berlin, 1888.

[4]) Holwerda, Attische Vasen des Übergangsstils. Jahrb d. Inst., IV (1889) 24—45.

Конце [1]), Фуртвенглеръ [2]), Ланге [3]), Курціусъ [4]), Шрейберъ [5]), Клейнъ [6]). Кёппъ [7]), Цунда [8]), Студничка [9]), Винтеръ [10]), Грефъ [11]), Рейшъ [12]), Калькманнъ [13]), Сиксъ [14]), Гартвигъ [15]), Мильхгёферъ [16]), Омолль [17]), А. А. Павловскій [18]) и др

Хотя разнообразные пути, такимъ образомъ, привели изслѣдователей мало-по-малу снова къ той датѣ, которую установилъ для краснофигурныхъ вазъ строгаго стиля еще Россъ на основаніи раскопокъ аѳинскаго акрополя, однако, являлись и теперь иногда возраженія противъ датированія названныхъ вазъ временемъ до 480 года, какъ ни очевидны казались доводы въ пользу такой датировки. Въ 1887 году знаменитый Бруннъ старался еще разъ отстоять свою теорію касчетъ происхожденіи этихъ вазъ [19]). Его теорію раздѣлялъ и старался обосновать дальше Арндтъ [20]).

III.

Окончательное разрѣшеніе вопроса о хронологіи вазъ строгаго стиля дали послѣднія раскопки Греческаго Археологическаго Общества на аѳинскомъ акрополѣ, который былъ изслѣдованъ теперь по всей его поверхности вплоть до материковой скалы [21]).

Послѣ этихъ раскопокъ не остается сомнѣнія, что строгій стиль

---

1) Conze, Beiträge zur griech. Plastik, 20.

2) Furtwängler, Ath. M., V (1880), 40; 50 Winckelmannspr., Berlin, 1890, 128 слл.; Berliner Philol. Wochenschrift, 1894, 1278 слл.

3) Lange, Ath. M., VII (1882), 204.

4) Curtius, A. Z., 1883, 347 слл.

5) Schreiber, Ath. M., IX (1884), 243.

6) Klein, Euphr.², 1886, 83.

7) Köpp, Röm. M., I (1886), 82,

8) Τσούντας, Ἐφημ. ἀρχ., 1886, 42.

9) Studniczka, Röm. M., II (1887). 56.

10) Winter, Jahrb. d. Inst., II (1887), 234.

11) B. Gräf, Ath. M., XV (1890), 27.

12) Reisch, Röm. M., V (1890), 313—344; Festgruss aus Innsbruck, 1893, 151 слл.

13) Kalkmann, Jahrb. d. Inst., VII (1892), 138.

14) Jan Six, Bonner Studien, 157.

15) Hartwig, Meisterschalen, passim.

16) Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 71 слл.

17) Homolle, Gaz. des beaux-arts, 1894, XIII, 209.

18) Скульптура въ Аттикѣ до Греко-Персидскихъ войнъ, 145.

19) Brunn, Über die Ausgrabungen der Certosa von Bologna zugleich als Fortsetzung der Probleme in der Geschichte der Vasenmalerei. Abhandl. d. k. bayr. Akad., I Cl., XVIII, 1 Abth.

20) Arndt, Studien zur Vasenkunde, 1887.

21) Раскопки эти производились съ 1885 по 1889 годъ. Литературу, къ нимъ относящуюся, см. у А. А. Павловскаго, Скульптура въ Аттикѣ, 2, пр.

вполнѣ уже достигъ своего высшаго процвѣтанія до 480 года до Р. Хр. Результаты раскопокъ пока еще не опубликованы во всѣхъ подробностяхъ. Германскій Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ готовитъ уже давно большую публикацію, посвященную вазамъ акрополя. Благодаря любезности второго секретаря института Вольтерса и членовъ института Гартвига и Б. Грефа, намъ удалось, во время нашего пребыванія въ Аѳинахъ (1893—1895), изучить на оригиналахъ всѣ керамическія находки съ акрополя, собранныя временно въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ.

На громадную важность осколковъ вазъ, найденныхъ на акрополѣ, указывалось уже неоднократно [1]). Энергіи Вольтерса надо поставить въ заслугу то, что, по его мысли, Институтъ рѣшилъ систематически обработать въ особой публикаціи осколки вазъ акрополя. Глубоко убѣжденный въ важности этихъ осколковъ, Вольтерсъ добился у греческаго правительства разрѣшенія на изданіе новаго матеріала, который наглядно даетъ несомнѣнный terminus ante quem для вазъ строгаго стиля.

Въ виду важности результатовъ акропольскихъ раскопокъ для хронологіи вазъ [2]) мы считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ подробнѣе.

При раскопкахъ обратили особенное вниманіе на мѣстность, непосредственно прилегающую къ южной части Парѳенона, такъ какъ мощные фундаменты послѣдняго давали весьма важныя указанія (здѣсь же копалъ ранѣе Россъ). Извѣстно, что фундаменты Парѳенона на половину покоятся на обрывѣ акрополя къ югу, что храмъ на половину стоитъ на искусственномъ, спеціально для него сооруженномъ, фундаментѣ [3]). За грандіознымъ фундаментомъ, къ югу, находился сейчасъ же обрывъ. Чтобы имѣть небольшую площадь у южной стороны храма, надо было засыпать все пространство, образовавшееся между фундаментомъ храма и стѣною, ограждавшею акрополь съ юга. Это пространство засыпали постепенно, по мѣрѣ построенія фундамента. Конечно, стѣну съ юга должны были выстроить ранѣе, чѣмъ насыпать террасу [4]). И стѣна сооружалась постепенно. Ее доводили до извѣстной высоты; параллельно, приблизительно до той же высоты, доводили фундаментъ храма. Послѣ

---

[1]) Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887). 159 слл.; Furtwängler, 50 Winckelmannspr., Berlin, 1890, 162; Gräf, Jahrb. d. Inst., VI (1891), 43 слл.; Gräf, Arch. Anz., VIII (1893), 13 слл.; Belger, Berl. Philol. Wochenschrift, 1895, 59 слл.

[2]) Съ результатами раскопокъ въ этомъ отношеніи знакомитъ Грефъ, Arch. Anz., VIII (1893), 13 слл.

[3]) См. Michaëlis, Parthenon, Taf. 2, 25; O. Jahn, Pausaniae descriptio arcis Athenarum. II, II—V; Curtius, Stadtgeschichte von Athen, 129.

[4]) Ср. Curtius, Stadtgesch. von Athen, 129 слл.

этого засыпалось пространство, образовавшееся между фундаментомъ и стѣною. Когда послѣдняя работа была кончена, продолжали далѣе строить фундаментъ и стѣну; доводили ихъ опять до извѣстной высоты и опять засыпали образовавшееся между ними пространство и т. д. Что дѣло происходило такимъ образомъ, краснорѣчиво говорятъ раскопки. Въ самомъ нижнемъ слоѣ (a) найдена масса разнообразныхъ обломковъ; это, очевидно, сброшенный сюда мусоръ, валявшійся на акрополѣ. На этомъ слоѣ лежалъ слой земли (b). На послѣднемъ лежалъ слой осколковъ поросоваго камня, изъ котораго сдѣланъ фундаментъ Пареенона и южная стѣна (c). Далѣе къ верху начинался опять слой съ массой разбитой посуды, обломками построекъ и т. д. (однородный со слоемъ a); на массѣ предметовъ въ этомъ слоѣ явно видны слѣды пожара. За этимъ слоемъ шелъ снова слой земли (b), далѣе опять слой осколковъ поросоваго камня и т. д. Такіе слои a, b и c повторялись постоянно и совершенно регулярно, всегда въ горизонтальномъ направленіи, нѣсколько разъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти слои являлись по мѣрѣ того, какъ подвигалась постройка стѣны и храма. Всякій разъ какъ послѣдніе доводились до нѣкоторой высоты, пространство между ними засыпали мусоромъ и обломками (a), которыхъ было огромное количество. Мусоръ затѣмъ покрывали землей (b). Послѣ этого продолжали далѣе постройку храма и стѣны. Отсюда на земляномъ слоѣ— всегда слой осколковъ отъ фундамента и стѣны (c).

Самые верхніе слои (d) почвы акрополя у южной стѣны Пареенона по своему характеру отличались отъ описанныхъ нами нижнихъ слоевъ. Верхніе слои были расположены неравномѣрно и неправильно. Въ нихъ найдена масса осколковъ пентелійскаго мрамора, осколки поросоваго камня и песчаника скалы акрополя [1]).

Легко опредѣлить происхожденіе слоевъ d. Это — остатки отъ послѣдней постройки, которая въ этомъ мѣстѣ производилась, — постройки, при которой матеріалами служили поросовый камень и мраморъ, и въ связи съ которой снимали часть скалы акрополя. Совершенно очевидно, что въ слояхъ d мы имѣемъ остатки отъ постройки периклова Пареенона [2]). Постройка фундаментовъ храма, какъ извѣстно [3]), принадлежитъ времени до Перикла.

---

[1]) Ср. выше. Мелкія вещи, здѣсь найденныя, см., между прочимъ, у Росса, Arch. Aufs., I, 102, 104, 106, 109.

[2]) Извѣстно, что Периклъ расширилъ храмъ, который былъ на мѣстѣ Пареенона ранѣе. Для фундаментовъ периклова храма служилъ поросовый камень. Ср. Dörpfeld, Ath. M., XVII (1892), 158 слл.

[3]) Ср. Curtius. Stadtgesch. v. Athen, 131; Dörpfeld, Ath. M., ук. м.

Кто строилъ храмъ, на фундаментахъ котораго впослѣдствіи Периклъ выстроилъ Пароенонъ? Курціусъ, Дёрпфельдъ и др. [1]) полагали, что это былъ Кимонъ, о которомъ намъ передано, что онъ былъ строителемъ южной стѣны акрополя [2]). Въ послѣднее время Фуртвенглеръ [3]), по нашему мнѣнію, основательно высказался за то, что создателемъ храма, предшествовавшаго Пароенону, былъ еще Өемистоклъ [4]). Такъ какъ южная стѣна акрополя близъ Пароенона—сооруженіе, которое должно было идти во всякомъ случаѣ параллельно постройкѣ фундаментовъ храма [5]), то стѣна эта, по скольку она связана съ фундаментами Пароенона,—созданіе Өемистокла. Извѣстно, что храмъ не былъ конченъ [6]). Какъ показалъ Фуртвенглеръ [7]), Кимонъ, замѣнившій роль Өемистокла въ Аөинахъ, совершенно оставилъ планы своего предшественника по сооруженію храма и, въ замѣнъ того, принялся за постройку стѣны на акрополѣ. Кимонъ и воздвигъ стѣну къ югу отъ Пароенона, которая стояла на подпорной стѣнѣ, построенной Өемистокломъ въ связи съ сооруженіемъ фундаментовъ его храма [8]). У этой позднѣйшей стѣны слои почвы идутъ не горизонтально, какъ между фундаментомъ храма и древнѣйшею стѣною, а вкось и неправильно [9]).

Какъ бы то ни было, сооруженіе фундаментовъ Пароенона началось не непосредственно въ 479 году. Дёрпфельдъ показалъ [10]), что, непосредственно послѣ удаленія персовъ, аөиняне прежде всего поправили старый храмъ Аөины на акрополѣ. Эта поправка едва ли могла быть сдѣлана очень скоро: удаленіе всей колоннады, сооруженіе новаго фасада требовало времени. Прошло, вѣроятно, 2—3 года, пока, по мысли Өемистокла, начали строить новый храмъ, который долженъ былъ со временемъ замѣнить старый храмъ Аөины, только-что наскоро

---

[1]) Кромѣ указанныхъ работъ, ср. еще Köpp, Jahrb. d. Inst., V (1890), 270; Penrose, Journ. Hell. st., XII (1891), 275; Frazer, Journ. Hell. st., XIII (1892), 153.

[2]) См. мѣста древнихъ авторовъ у Curtius'a, Stadtgeschichte v. Athen, LXXVII, 4.

[3]) Furtwängler, Meisterwerke, 162.

[4]) Дёрпфельдъ теперь тоже держится взгляда Фуртвенглера, какъ онъ высказался на одномъ изъ своихъ Vorträge въ нашу бытность въ Аөинахъ.

[5]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 158 слл.

[6]) Ср. Dörpfeld, Ath. M., XVII (1892), ук. м.

[7]) Meisterwerke, ук. м.

[8]) Отъ стѣны этой не осталось почти ничего теперь. Стѣны акрополя въ древности были настолько высоки, что зданій акрополя снизу почти не было видно. За это прямо говорятъ еще остатки античныхъ стѣнъ у Эрехөіона.

[9]) Ср. Gräf, Arch. Anz., VIII (1893), ук. м.

[10]) Dörpfeld, Ath. M., X (1885), 275; XI (1886), 337; XII (1887), 54, 190; XV (1890), 420. Ср. Curtius, Stadtgeschichte von Athen, 122.

исправленный для потребностей культа, оставшагося после персидскаго раззоренія безъ всякаго храма. Исправленіе раззоренныхъ персами святилищъ было первою задачею аѳинянъ послѣ удаленія варваровъ. Весь акрополь переполненъ былъ обломками раззоренныхъ храмовъ, посвященій и т. п. Послѣ Персидскихъ войнъ задуманъ былъ новый планъ акрополя. Площадь акрополя должна была быть значительно увеличена: ѳемистокловъ храмъ задуманъ на искусственно образованной террасѣ; къ сѣверо-западу отъ Эрехѳіона образована тоже искусственно новая терраса.

Раскопки показали, что всюду, гдѣ на акрополѣ находится такая насыпная почва, послѣдняя всегда состоитъ изъ такихъ же слоевъ, какъ у террасы, расположенной къ югу отъ Парѳенона, т. е. всегда сначала идетъ слой мусора (a), затѣмъ слой земли (b), наконецъ, остатки отъ новыхъ построекъ (c). Эти три слоя послѣдовательно повторяются нѣсколько разъ другъ за другомъ [1]). Одновременное происхожденіе всей насыпной земли на акрополѣ (послѣ нашествія персовъ) наглядно доказывается тѣмъ, что фрагменты однихъ и тѣхъ же статуй часто находимы были въ совершенно различныхъ и далеко отстоящихъ другъ отъ друга частяхъ акрополя. Находки среди мусора всегда имѣютъ одинъ и тотъ же архаическій характеръ. Изъ мусора, оставшагося послѣ персидскаго нашествія, происходятъ, главнымъ образомъ, наши оригинальные памятники скульптуры и архитектуры, по которымъ мы можемъ составлять себѣ представленіе объ аттическомъ искусствѣ до Греко-Персидскихъ войнъ. Что слои мусора, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, принадлежатъ остаткамъ изъ до-персидскаго времени, доказывается тѣмъ, что въ тѣ времена, когда началась постройка ѳемистокловыхъ фундаментовъ Парѳенона (ок. 477 г.), такое огромное количество всевозможнѣйшихъ памятниковъ, на многихъ изъ которыхъ замѣтны слѣды пожара и которые всѣ явно были разрушены въ одно время (какъ показываютъ обстоятельства ихъ находки), скорѣе и естественнѣе всего должно быть разсматриваемо происходящимъ отъ страшнаго опустошенія, произведеннаго на акрополѣ персами въ 480 году. Ближе къ 480 году, конечно, стоятъ вещи болѣе развитого стиля. Ихъ особенно много. Многія изъ нихъ, явно, были р а з р у ш е н ы. Совершенно невѣроятно было бы предположеніе, что н о в ы я вещи были разбиты и разрушены въ короткій періодъ времени, послѣ нашествія персовъ

---

[1]) Ср. Gräf, Arch. Anz., ук. м. Грефъ замѣчаетъ, между прочимъ, что слои доперсидскаго времени при раскопкахъ были узнаваемы очень легко, и никакого разногласія мнѣній по этому поводу не было.

и до постройки новыхъ зданій на акрополѣ, въ такомъ огромномъ количествѣ.

Такъ какъ верхніе идущіе вкось слои (d) у южной части Пароенона были цѣликомъ всѣ тщательно сняты и удалены до того, какъ начали раскапывать нижніе слои (c, b, a), то до-персидское происхожденіе вещей, найденныхъ въ слояхъ (а), не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ слояхъ (а) найдено было огромное количество осколковъ росписныхъ вазъ. Эти осколки наглядно и показываютъ, какіе стили существовали на аоинскомъ акрополѣ до Персидскихъ войнъ. Мы не будемъ останавливаться на древнѣйшихъ стиляхъ. Для нашего изслѣдованія важны лишь фрагменты строгаго красно-фигурнаго стиля, которыхъ найдено въ до-персидскихъ слояхъ очень много. Если россовъ фрагментъ нѣкоторые изслѣдователи могли считать по вышеуказаннымъ причинамъ происходящимъ не изъ до-персидскаго времени, то теперь, когда вся почва акрополя изслѣдована самымъ тщательнымъ образомъ, красно-фигурные фрагменты, найденные на акрополѣ, блестяще подтверждаютъ вѣрность выводовъ Росса.

Для установленія вазовой хронологіи чрезвычайно важно знать, какія вазы найдены въ до-персидскомъ слоѣ. При этомъ необходимы самыя точныя указанія насчетъ слоя находки. Въ ученой литературѣ, къ сожалѣнію, иногда ошибочно считали происходящими изъ до-персидскаго слоя фрагменты и вазы, найденные въ верхнихъ слояхъ акрополя [1]). Въ виду этого, гдѣ показанія насчетъ находки вазы или фрагмента неточны или сбивчивы, такія находки не имѣютъ значенія для хронологіи и не даютъ особенныхъ результатовъ [2]).

Въ бытность нашу въ Аѳинахъ, намъ удалось подробно штудировать фрагменты, до сихъ поръ, какъ мы замѣтили выше, еще не изданные,—происхожденіе коихъ (фрагментовъ) изъ до-персидскаго слоя совершенно точно засвидѣтельствовано. Изъ изданныхъ вазъ и фрагмен-

---

[1]) Cp. Furtwängler, Berl. philol. Wochenschrift, 1888, 1482.

[2]) Таковы:

1) Reisch, Zeitschr. f. österr. Gymnas., 1887, 646.

2) Wernicke, Arch. Anz., IV (1889), 150.

3) Ath. M., XIII (1888), 441.

4) Ἐφ. ἀρχ., 1885, 56

5) Journ. of Hell. st. IX (1888), pl. VI. Cp. Reisch, Weihgeschenke, 69, пр. 2; Furtwängler, 50 Winckelmannspr., 159, 15; Klein, L., 26 сл. Посвятительная надпись Евфронія на мраморной базѣ, найдена, по Лоллингу (y Klein, L., ук. м.), не въ до-персидскомъ слоѣ. О ней см. Jahrb. d. Inst., II (1887), 144: Arch. Anz., IV (1889), 150

товъ (кромѣ фрагмента Росса, о которомъ см. выше), достовѣрно происходящихъ изъ до-персидскихъ слоевъ на акрополѣ, назовемъ:

1) кратеръ, Ἐφ. ἀρχ., 1885, 11—12; ср. Ath. M., XVI (1891), 200 слл.;

2) фрагментъ килика, Jahrb. d. Inst., II (1887), 164;

3) „ „ Jahrb. d. Inst., II (1887), 230 слл.;

4) „ вазы, Jahrb. d. Inst., VI (1891), Taf. I; нашъ рис. 1;

5) „ „ Jahrb. d. Inst., III (1888), Taf. II.

Результаты для хронологіи акропольскія вазы даютъ слѣдующіе. Среди остатковъ мы видимъ большое количество фрагментовъ, вышедшихъ изъ мастерскихъ Эпиктета и его послѣдователей. Далѣе идетъ масса осколковъ вазъ мастеровъ высшаго процвѣтанія красно-фигурнаго строгаго стиля. Сохранились подписи Памфея, Брига, Гіерона. Нѣкоторые рисунки по стилю выдаютъ руку Евфронія (ср. и № 5 списка, даннаго нами выше). № 2 нашего списка, несомнѣнно, принадлежитъ Гіерону [1]). Гіерономъ же расписана была ваза, фрагменты которой опубликовалъ Грефъ (№ 4) [2]). Кратеръ № 1 расписанъ, вѣроятно, Дурисомъ [3]). Рукѣ Брига принадлежитъ № 3 [4]) и россовъ фрагментъ [5]). Особенно характерными являются фрагменты № 4 (рис. 1). Здѣсь мы наглядно видимъ, чего достигли мастера росписныхъ вазъ до 480 г. Необыкновенно тщательный стиль фрагмента принадлежитъ къ образцамъ наиболѣе развитого строгаго стиля. Отсюда уже одинъ шагъ только до вазъ ранняго прекраснаго стиля.

Словомъ, изъ раскопокъ акрополя слѣдуетъ тотъ непреложный фактъ, что строгій стиль вполнѣ развился еще до 480 г.

Акропольскими же раскопками рѣшительно опровергнута теорія Брунна и Арндта [6]): вазы строгаго стиля не архаистическіе памятники, а настоящіе архаическіе, и сдѣланы онѣ всѣ въ Аѳинахъ, а не въ Италіи.

---

[1]) Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 164. Ср. вазы Гіерона, на которыхъ есть подпись этого мастера (Klein, M., 162 слл.). Узкое тѣло, типъ головы, расположеніе одежды, форма вѣнка, алфавитъ надписей не оставляютъ сомнѣнія, что ваза, изданная Студничкою,—руки Гіерона.

[2]) Гартвигъ (Meisterschalen, гл. I) напрасно не принимаетъ выводовъ Грефа. Ср. вазы Гіерона, Klein, M., ук. м.

[3]) Hartwig, Meisterschalen, ук. м.

[4]) Hartwig, ib.

[5]) Ср. Dümmler, Bonner Studien, 74; Hartwig, ук. с., 338.

[6]) Ср. выше.

Рис. 1. Фрагменты килика Гіерона изъ до-персидскаго слоя на аѳинскомъ акрополѣ. Акропольскій музей.

IV.

Если раскопки на акрополѣ даютъ одну изъ точекъ отправленія при сужденіяхъ о хронологіи красно-фигурныхъ вазъ, показавъ несомнѣнный terminus ante quem для кр.-фиг. вазъ строгаго стиля, то болѣе точная дата для послѣднихъ можетъ быть найдена иными путями.

На акрополѣ, какъ мы видѣли, найдены осколки кр.-фиг. вазъ, начиная съ наиболѣе древнихъ (Эпиктетъ и его послѣдователи) и кончая наиболѣе развитыми (Евфроній, Дурисъ, Гіеронъ, Бригъ). Болѣе точную дату для послѣднихъ даютъ тѣ вазовыя надписи, въ которыхъ называются любимцы мастеровъ этихъ вазъ [1]). Уже давно [2]) указывали на то, что среди молодыхъ людей, увлекавшихъ своею красотою аѳинскихъ мастеровъ, которые прославляли ихъ эпитетами *καλός*, *ναιχὶ*, *χάρτα*, *νὴ Δία καλός*, *κάλλιστος* и т. п. [3]), попадаются историческія личности, благодаря чему вазы съ такими надписями пріобрѣтаютъ особенное значеніе для хронологіи. Въ послѣднее время Студничка [4]) Клейнъ [5]) и Бозанкетъ [6]) занимались спеціально тѣми именами любим-

---

[1]) О значеніи этихъ надписей ср. нашу статью въ Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVI (1893), 16 слл., гдѣ приведена и спеціальная литература. Къ ней теперь надо еще прибавить: Klein, Die Griechischen Vasen mit Lieblingsinschriften. Zweite Auflage, Leipzig, 1898; Hartwig, Meisterschalen, 3, 7 слл., 10, 201, 547, 640; Furtwängler, Berl. philol. Wochenschr., 1894, 109 слл.; Harrison, Greek vase paintings, 17; S. Reinach, Rev. archéol., 1894, 71; Fröhner, Burlington Club Catalogue, 1888, 16; О. Ф. Вульфъ, Имена «любимцевъ» на греческихъ вазахъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1897, апрѣль, отд. кл. фил., 1 слл. Въ общемъ мы остаемся при тѣхъ взглядахъ, которые высказали въ «Запискахъ Одесск. общества». Теорію О. Ф. Вульфа мы не можемъ принять потому, что авторъ ея не считается съ единственными указаніями изъ литературы (Аристофанъ, «Осы», 97 слл.; Лукіанъ, Діал. гетер., 287, 308), которыя мы имѣемъ насчетъ этихъ надписей. Напрасно авторъ теоріи также думаетъ, что онъ проще все объясняетъ; объяснить все однимъ ему равнымъ образомъ не удалось (ср. его собственныя слова на стр. 10).

[2]) K. O. Müller, Kunstarchäol. Werke, III, 63 слл. O. Jahn, Darstellungen griech. Dichter, 742. Ср. Klein, Euphr., 84 слл.; 260 слл.; id., M., 23 слл.

[3]) Klein, L. 3 слл.

[4]) Jahrb. d. Inst., II (1887), 159 слл.

[5]) Ук. с.; ср. M., 26.

[6]) Bosanquet, Journ. Hell. st., XVI (1896), 167 слл. Ср., кромѣ того, и работу Wernicke, Die griechischen Vasen mit Lieblingsnamen, 1890, 97 сл., 121, 124, 125.

Что касается надписи на фрагментѣ Одесскаго музея .. ΔΕΜΟΣ ΚΑΛΟΣ (ср. Klein, L., 170), то мы соглашаемся въ настоящее время съ проф. Лёшке, который указалъ намъ, что, по стилю, рисунокъ на фрагментѣ близокъ къ рисункамъ на вазахъ съ именемъ Тимодема, и что скорѣе всего надпись на фрагментѣ Одесскаго музея надо читать: Τιμό]δεμος καλός. Рисунки на вазѣ съ именемъ Тимодема, изданной у Fröhner, Musées de France, pl. 40,2, воспроизведены настолько неудовлетворительно, что о стилѣ ихъ судить по публикаціи абсолютно невозможно. Мы изучили оригиналъ, находящійся теперь въ Парижѣ, въ Cabinet des médailles (coll. Oppermann).

цевъ, въ которыхъ можно усматривать извѣстныхъ намъ историческихъ лицъ. Конечно, весьма трудно доказать, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ или другимъ извѣстнымъ историческимъ лицомъ, а не съ неизвѣстнымъ вовсе юношей, носившимъ одно и то же имя съ первымъ, когда надпись называетъ лишь одно имя. До насъ, къ счастію, дошли вазы, на которыхъ сохранились надписи, прославляющія Главкона, сына Леагра (Γλαύκων καλὸς Λεάγρου) [1]). Эти два имени позволяютъ сдѣлать довольно точные хронологическіе выводы.

Евфроній на тѣхъ изъ его произведеній, которыя надо считать древнѣйшими [2]), не разъ прославлялъ Леагра. Леагра же прославляютъ Кахриліонъ, мастеръ старшій, чѣмъ Евфроній, и примыкающій еще весьма близко къ послѣдователямъ Эпиктета, равно какъ и многіе другіе мастера эпиктетовой школы [3]). Произведенія Евфронія и Кахриліона, прославляющія Леагра, не далеки другъ отъ друга по времени. На берлинской чашѣ (№ 2282) (Hartwig, Meisterschalen, Taf. LI, LII) Евфроній прославляетъ Главкона. Эта чаша, какъ извѣстно [4]),—одно изъ послѣднихъ произведеній мастерской Евфронія: она очень близка къ килику, изданному въ Journal of Hell. st., IX (1888), pl. VI (ср. нашу табл. I, A) фрагменты котораго найдены были въ верхнихъ слояхъ акрополя (не въ до-персидскомъ слоѣ) [5]). Послѣдній киликъ, по стилю своему, не принадлежитъ уже къ вазамъ строгаго стиля. И берлинская чаша Евфронія уже непосредственный предшественникъ стиля, переходнаго къ прекрасному. Остальныя вазы, на которыхъ мы видимъ имя Главкона, всѣ принадлежатъ также не строгому, а переходному стилю. Изъ сказаннаго слѣдуетъ: Леагръ, прославленный Кахриліономъ и Евфроніемъ, принадлежалъ старшему поколѣнію, чѣмъ Главконъ.

Въ виду результатовъ акропольскихъ раскопокъ вазы послѣдняго періода дѣятельности Евфронія должно ставить около 480 года. Вазы же его ранняго періода приходятся на года ранѣе 480 года. Геродотъ (IX, 75) говоритъ намъ о стратегѣ Леагрѣ, который въ 467 году палъ въ битвѣ съ ѳракійскими эдонами. Далѣе, изъ Ѳукидида (I, 51) мы

---

[1]) Klein, L., 156 сл.; Bosanquet, Journ. of Hell. st., XVI (1896), 167 слл.

[2]) Ср. Löschcke у Helbig, Italiker in der Poebene, 128; Klein, Euphr.[2], 118 слл.; Milani, Mus. Ital. III, 1, 218.

[3]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, 211. Milani, Mus. Ital. di antichita classica, III, 1, 217—218.

[4]) Hartwig, ук. соч.

[5]) Послѣднее Грефъ и Гартвигъ мнѣ сообщали въ Аѳинахъ. Ср. Hartwig, ук. соч., 3; Klein, L., 26.

узнаемъ о сынѣ Леагра Главконѣ, который командуетъ аѳинскими тріерами, посланными на помощь керкирейцамъ въ 433—432 г. Время, когда Леагръ, упоминаемый Геродотомъ, могъ быть *παῖς καλός*, приходится какъ разъ на время начала дѣятельности Евфронія. Съ другой стороны, Главконъ могъ быть *παῖς καλός* послѣ 480 года, т. е. тогда, когда Евфроній былъ уже на закатѣ дней своихъ. Отсюда весьма близко предположеніе, что Леагръ и Главконъ Евфронія какъ разъ тѣ лица, о которыхъ намъ говорятъ Геродотъ и Ѳукидидъ.

Изъ Ѳукидида мы узнаемъ, что Главконъ былъ сынъ Леагра. Главкона, сына Леагра, называютъ опять надписи на вазахъ.

Здѣсь прежде всего надо назвать фрагменты бѣлаго лекиѳа въ Боннѣ. На немъ читаемъ слѣдующую надпись:

ΓΛΑVΚ . N
ΚΑΛΟϟ
ΛΕΑΓΡΟ

Объ этомъ лекиѳѣ, найденномъ въ Аттикѣ, говорилъ уже Студничка (Jahrb. d. Inst., II (1887), 162). Лёшке (Arch. Anz., V (1890), 11) описалъ этотъ лекиѳъ и поставилъ его въ связь съ лекиѳомъ Берлинскаго музея (2443), который изданъ теперь въ Journ. Hell. st., XVI (1896), pl. VII, 166, № 8 [1]), и съ лекиѳомъ собр. барона Спинелли въ Ачеррѣ (Röm. M., II (1887), Taf. XI—XII, 5) [2]). Надпись боннскаго лекиѳа издана Клейномъ (L., 157, 15). Бозанкетъ въ Journ. Hell. st., XVI (1896), pl. IV, издалъ лекиѳъ на великолѣпной таблицѣ. Далѣе, Главконъ, сынъ Леагра, встрѣчается еще на слѣдующихъ двухъ бѣлыхъ лекиѳахъ: 1) на лекиѳѣ изъ Эретріи Аѳинскаго Національнаго музея (№ 1645; J. h. St., XVI (1896), 165, 2) и 2) на лекиѳѣ бывшей коллекціи v. Branteghem, теперь въ Оксфордѣ (P. Gardner, Catal. of the greek vases in the Ashmolean Museum, 32, 35) [3]). По стилю и техникѣ эти три вазы не только безусловно одной эпохи, но и одной фабрики [4]). Не можетъ быть сомнѣнія, что на всѣхъ трехъ вазахъ дѣло касается однихъ и тѣхъ же лицъ.

Такъ какъ всѣ эти вазы, далѣе, принадлежатъ періоду стиля переходнаго, непосредственно примыкающаго къ строгому, то Леагровъ

---

[1]) На немъ надпись: Δρομίππος καλὸς Δρομοκλείδου. Klein, L., 82.

[2]) Надпись: Ἀξιοπεί[θης] καλὸς Ἀλκιμάχ[ου]. Klein, L., 162.

[3]) Первый изъ приводимыхъ нами лекиѳовъ остался неизвѣстнымъ Клейну и во 2-мъ изданіи Lieblingsinschriften. Второй стоитъ у него подъ № 10 на стр. 156. Этотъ послѣдній найденъ въ Сициліи.

[4]) Ср. Furtwängler, Arch. Anz., VI (1891), 69.

сынъ Главконъ, упоминаемый на нихъ, конечно, то же лицо, которое прославляетъ и Евфроній, и имя котораго читаемъ на киликѣ съ акрополя (Journ. hell. St., IX (1888), pl. VI), равно какъ и Леагръ, его отецъ,—бывшій любимецъ, котораго Евфроній прославлялъ на своихъ первыхъ произведеніяхъ.

Вообще всѣ вазы, на которыхъ упоминается одинъ ли Главконъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ называется и его отчество, по своему стилю, безусловно принадлежатъ одному времени.

Перечень вазъ, гдѣ Главконъ называется одинъ, сопоставленъ Клейномъ [1]). Мы не имѣемъ основаній полагать, что здѣсь разумѣется какой-нибудь другой Главконъ. Ближе всего думать, это все тотъ же сынъ Леагра. Любопытно одно косвенное указаніе насчетъ того, что на всѣхъ вазахъ скорѣе всего слѣдуетъ видѣть одного Главкона. Указаніе это даетъ одна амфора Британскаго музея [2]). На ней изображена Ника [3]) передъ треножникомъ, поставленнымъ на базѣ изъ трехъ ступеней. На другой сторонѣ амфоры изображенъ юноша въ гиматіи [4]). Панофка видѣлъ на обѣихъ сторонахъ амфоры одну композицію; по его мнѣнію (Musée Blacas, къ табл. I), молодой человѣкъ представленъ одержавшимъ побѣду въ состязаніи поэтовъ. Однако, треножникъ и находящаяся на верхней ступени базы надпись: Ἀκαμαντὶς ἐνίκα φυλή, заставили Яна и Клейна полагать, что вазовая картина говоритъ о побѣдѣ хорега [5]). На нижней ступени базы читаемъ: Γλαύχων καλός [6]). Студничка (Jahrb. d. Inst., II, 163) высказался также за то, что керамистъ говоритъ о хорегической побѣдѣ Главкона [7]). Это мнѣніе раздѣляемъ и мы. Что бы ни было представлено на другой сторонѣ амфоры, надписи Γλαύχων καλός и Ἀκαμαντὶς ἐνίκα φυλή, а также треножникъ и Ника ясно намъ говорятъ о томъ, что задумалъ художникъ. Конечно, Главконъ этой вазы тотъ же самый, котораго мы видѣли раньше, т. е. аѳинскій дѣятель,

---

[1]) Klein, L., 154 слл., № 1—9, 11—14.

[2]) Br. Mus. E 298, гдѣ см. и литературу.

[3]) C. Smith, Cat. къ E 298, отмѣтилъ уже, что фигура Ники реставрирована; неизвѣстно, совершала ли Ника возліяніе, какъ того хотѣлъ реставраторъ.

[4]) Эта фигура, впрочемъ, цѣликомъ—реставрація. Ср. C. Smith, ук. м.

[5]) O. Jahn, Einl., CXXIV. Klein, Euphr²., 103.

[6]) Замѣчательно, что первая надпись писана старо-аттическимъ алфавитомъ, а вторая новымъ, іонійскимъ. Клейнъ (Euphr²., 103) и Кречмеръ (Inschr., 104) видятъ въ первой надписи намѣреніе дать болѣе архаическій характеръ надписи со стороны мастера вазы. С. Смисъ, ук. м., тоже отмѣчаетъ этотъ фактъ и полагаетъ, что мастеръ, можетъ быть, копировалъ какую-нибудь надпись на базѣ болѣе древняго времени, въ родѣ изданной въ Ath. M., XIII (1888), 228.

[7]) Ср. Daremberg-Saglio, Dictionn., 1118; Schreiber, Culturhist. Bilderatl. Taf. 25, 11; Reisch, Gr. Weihgesch., 68.

сынъ Леагра, такъ какъ онъ (Главконъ), происходя изъ дема Κεραμῆς, принадлежалъ къ φυλῇ 'Ακαμαντίς [1]). Если на вазѣ Британскаго музея замѣчается въ надписи гораздо болѣе іонійскихъ буквъ, чѣмъ въ надписи, напр., на вазѣ Евфронія съ именемъ Главкона, то это обстоятельство также не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы полагать, что Главконъ на этихъ двухъ вазахъ не одно и то же лицо [2]).

По нашему мнѣнію, въ виду полной одновременности и одинаковости стиля вазъ съ надписями Γλαύκων καλός и Γλαύκων καλὸς Λεάγρου слѣдуетъ, что на вазахъ всегда разумѣется одинъ и тотъ же Главконъ, который былъ сыномъ Леагра. Въ Леагрѣ же этомъ опять надо видѣть Леагра, имя котораго видимъ на раннихъ произведеніяхъ Евфронія.

Вазы съ надписями, называющими Главкона, сына Леагра, какъ мы замѣтили уже, относятся къ годамъ послѣ 480 г. Если въ это же самое время долженъ былъ быть παῖς καλός и Леагровъ сынъ Главконъ, упоминаемый Өукидидомъ, то не признавать, что лицо, упоминаемое Өукидидомъ, тождественно съ Главкономъ, упоминаемымъ въ вазовыхъ надписяхъ, значило бы отказываться отъ наиболѣе простого и ближайшаго [3]).

Результаты наши сводятся къ слѣдующему: 1) **Леагровъ сынъ Главконъ, котораго прославляютъ надписи вазъ, идентиченъ съ Главкономъ Өукидида**; 2) **его отецъ Леагръ — то же лицо, которое прославлялъ Евфроній и которое упоминаетъ Геродотъ**.

Въ такомъ случаѣ имена Леагра и Главкона служатъ новою точкою опоры при хронологіи красно-фигурныхъ вазъ; они не только подтверждаютъ наши прежніе выводы, сдѣланные на основаніи раскопокъ акрополя, но даютъ возможность датировать эти вазы еще точнѣе.

Если Леагръ, подобно Өемистоклу, достигъ должности стратега приблизительно въ 30 лѣтъ, то онъ долженъ былъ, значитъ, родиться около 497 года [4]). Время, когда Леагръ могъ быть παῖς καλός, въ такомъ случаѣ приходится приблизительно на 490—480 годы [5]). Его сынъ

---

[1]) Ср. H. Müller-Strübing, Aristophanes und die historische Kritik, 600, пр.; Dittenberger, Sylloge inscr. graecarum, I, къ № 25, 7; Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 163, пр. 128; Klein, L., 30; Köhler, C. I. A., II, 3, 3895; Ath. M., X (1885), 77.

[2]) Ср. Studniczka, ib.; Klein, M., 147.

[3]) Уже О. Мюллеръ (ук. м.) считалъ это отождествленіе вѣроятнымъ. Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 163; Klein, L., 4, 30; Hartwig, Meisterschalen, 3; P. Gardner, Greek vases in the Ashmolean Museum, къ № 320.

[4]) Ср. Milani, Museo Italiano di antichita classica, III, 1, 218.

[5]) Студничка датируетъ вазы съ надписями Λέαγρος καλός 510—500 гг. Эта дата слишкомъ ранняя. Пришелъ къ ней Студничка вслѣдствіе того, что онъ считалъ возмож-

Главконъ могъ пользоваться славою παῖς καλός приблизительно на 20 лѣтъ позже, т. е. въ 470—460 годы. Родился Главконъ въ такомъ случаѣ около 480 года. Когда онъ командовалъ аѳинскими кораблями у Керкиры въ 433 г., ему должно было быть около 47 лѣтъ.

Отсюда получаемъ такіе результаты для хронологіи вазъ: 1) вазы Евфронія съ надписями, посвященными Леагру, относятся къ 490—480 годамъ; 2) берлинская бѣлая чаша Евфронія (Берл., 2282) принадлежитъ времени около 470—460 годовъ; 3) вазы переходнаго стиля съ надпи-

нымъ отождествлять упоминаемаго часто на раннихъ кр.-ф. вазахъ Ἵππαρχος καλός съ извѣстнымъ тиранномъ Гиппархомъ. Впервые высказалъ соображеніе, что Гиппархъ упомянутыхъ надписей можетъ быть тиранномъ Гиппархомъ, сыномъ Писистрата, еще К. О. Мюллеръ (Kunstarchäologische Werke, III, 63 слл.). За гипотезу К. О. Мюллера Студничка приводитъ то, что будто послѣ изгнанія тиранновъ въ теченіе $1^1/_2$ вѣковъ ихъ именами вообще не называли дѣтей, что такія имена, какъ Гиппархъ, были damnata memoriae; если мы видимъ Ἵππαρχος καλός на вазахъ, то вазы эти должны быть eo ipso сдѣланы еще при тираннахъ. Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 165. Чтобы ни приводилъ Студничка въ доказательство своей гипотезы, послѣдняя не выдерживаетъ критики уже по одному тому, что мы знаемъ Гиппарха, который былъ архонтомъ въ 496 году. См. Dionys. Hal., Antiqu., 6, 1. Странно, что Студничкѣ былъ извѣстенъ этотъ фактъ. Ср. у него стр. 281, гдѣ онъ отождествляетъ (что весьма вѣроятно) Гиппарха, бывшаго архонтомъ въ 496 г., съ Гиппархомъ, упоминаемымъ у Гарпократіона подъ сл., и у Плутарха, Никій, 11. Ср. Gilbert, Handb. d. gr. Staatsalterth., I, 145, 1. Далѣе Клейнъ, L., 29, вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что и въ правленіе одного Гиппія вполнѣ легко какой-нибудь мальчикъ могъ быть названъ Гиппархомъ. А въ виду этого въ 500—490 годы могъ быть не одинъ Гиппархъ, удостоившійся эпитета καλός у керамистовъ того времени. Студничка приводитъ въ доказательство того, что наиболѣе раннія красно-фигурныя чаши возникли во время тиранновъ, одну чашу съ Ἵππαρχος καλός [O. Jahn, Berichte der sächs. Gesellsch., 1867, Taf. 5, 1; Klein, M., 109, 5; L., 62, 5. Ср. одновременныя вазовыя картины, Gerhard, Ges. akadem. Abhandl., II, 126 сл.; Schneider, Österr. M., III (1879), 27 сл.; Löschcke, Ath. M., IV (1879), 305, 1],—чашу, на которой изображенъ гермоглифъ (дѣлатель гермовъ) за работой. Но это, на нашъ взглядъ, никоимъ образомъ не говоритъ непремѣнно за то, что чаша явилась во время тиранновъ, потому что гермы дѣлались и послѣ нихъ. Наконецъ, если Студничка на другой чашѣ [Gerhard, A. V., III, 195—196; Klein, M., 109, № 7; L., 63, 9] въ одной изъ фигуръ усматриваетъ самого пирующаго тиранна, то онъ этого не доказалъ, такъ какъ, конечно, свидѣтельство Идоменея о томъ, что аѳинскіе тиранны изобрѣли «θαλίας καὶ κώμους» (у Athen., 12, 432 F; Müller, Fr. hist. Gr., II, 491, 4), въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ. Студничкѣ не удалось доказать, что красно-фигурный стиль явился до 510 года. А поэтому и его дата для надписей Λέαγρος καλός—не обоснована. Со Студничкой соглашались многіе насчетъ времени происхожденія красно-фигурной техники. Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 168; Collignon у Rayet-Collignon, Céramique, 394; Furtwängler, Arch. Anz., VI (1891), 70; Girard, Peinture, 148; Э. Р. фонъ-Штернъ, Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVII (1894), 39, пр. 3. Милани, Mus. Italiano di antichita classica, III, 1, 219, ставитъ вазы съ Λέαγρος καλός въ эпоху Ѳемистокла. Клейнъ, L., 30, полагаетъ, что Евфроній началъ свою дѣятельность около 490 года. П. Гарднеръ, Greek vases in the Ashmolean Museum, 32, къ 320, ставитъ начало дѣятельности Евфронія на 500 г.; Гартвигъ, Mélanges d'archéologie et d'histoire, XIV (1894), 282,—на 510—500, какъ Студничка.

сями Γλαύκων καλὸς Λεάγρου происходятъ тоже изъ эпохи 470—460 годовъ.

Мы уже указали на то, что произведенія 1-го періода дѣятельности Евфронія имѣютъ точки соприкосновенія съ мастерами школы Эпиктета. Надписи Λέαγρος καλός мы видимъ, кромѣ Евфронія, еще на сосудахъ Кахриліона [1]), Евксиѳея [2]), Ольта [3]). Евѳимида [4]). Произведенія послѣднихъ мастеровъ, по стилю, принадлежатъ безусловно одному времени. Леагръ, прославляемый различными мастерами,—одно и то же лицо [5]). Дѣятельность Кахриліона, Евксиѳея, Ольта и Евѳимида, такимъ образомъ, относится безусловно къ тому же времени, когда началъ дѣйствовать Евфроній. Подобно послѣднимъ, Евфроній въ своихъ первыхъ произведеніяхъ стилистически зависитъ отъ Эпиктета и его школы [6]). Если названные мастера вмѣстѣ съ Евфроніемъ дѣйствуютъ непосредственно послѣ 490 года, то Эпиктетъ и его ближайшіе послѣдователи должны быть отнесены къ болѣе древнему времени. Такимъ образомъ, Хелисъ и Эпиликъ [7]), вѣроятные посредники между Эпиктетомъ съ одной стороны и Кахриліономъ съ другой, должны были дѣйствовать въ эпоху незадолго до 490 года.

Пока красно фигурный стиль достигъ той высоты, на которой мы его видимъ на первыхъ произведеніяхъ Евфронія и его современниковъ [8]), должно было пройти, разумѣется, нѣкоторое время. Къ какому же времени восходятъ начала красно-фигурной техники? Мы уже указали выше, почему мы не можемъ согласиться со Студничкой, который считаетъ красно-фигурныя вазы произведеніями эпохи тиранновъ. Указаніе на время возникновенія красно-фигурной техники даетъ одно росписное блюдо Оксфордскаго Ashmolean Museum [9]). На

---

1) Klein, L., 74, 17.

2) Ib., 79, 37.

3) Ib., 79, 37.

4) Ib., 79, 38.

5) Вообще, когда стиль рисунковъ, форма и характеръ буквъ надписей, техника и т. п. заставляютъ относить произведенія различныхъ мастеровъ, называющихъ какого-нибудь одного καλός, къ одному и тому же времени, всегда болѣе вѣроятно усматривать въ этомъ καλός одно и то же лицо. У одного мастера, равнымъ образомъ, скорѣе всего, конечно, въ повторяющемся имени (напр., Леагрѣ у Евфронія, Гипподамѣ у Гіерона и т. д.) на различныхъ вазахъ надо усматривать одно лицо. Ср. Klein, L., 10 сл.

6) Ср. Hartwig, Meisterschalen, гл. III.

7) Ср. Milani, Mus. Ital., III, 1, 217.

8) Ср. Hartwig, Meisterschalen, гл. VII, и Jahrb. d. Inst., VI (1891), 257.

9) Оно издано Клейномъ, L., 87; ср. затѣмъ Studniczka, Jahrb. d. Inst., VI (1891), 239, и P. Gardner, Greek vases in the Ashmolean Museum, 32, № 310, pl. 13. Всѣ публикаціи неудовлетворительны. Оригиналъ поражаетъ блескомъ техники, тщательностью и аккуратностью исполненія.

немъ представленъ молодой всадникъ въ варварскомъ костюмѣ (шапка съ высокимъ верхомъ, куртка, украшенная черными косоугольниками, и шаровары, украшенные такими же зигзагами); въ правой рукѣ онъ держитъ возжи лошади, въ лѣвой—лукъ; у лѣвой ляшки привѣшенъ у него колчанъ. Лошадь представлена идущею. Кругомъ изображенія идетъ надпись:

MIᒪTIAΔEϟ KAᒪOϟ

Стиль вазы не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ оригинальнымъ произведеніемъ руки самого Эпиктета [1]).

Изъ эпиктетовскихъ сосудовъ это блюдо принадлежитъ къ древнѣйшимъ: здѣсь возжи, гдѣ онѣ проходятъ по черному фону, обозначены линіями, сдѣланными рѣзцомъ,—пріемъ еще старой черно-фигурной техники,—пріемъ, не встрѣчающійся уже на болѣе позднихъ вазахъ эпиктетовой школы [2]). Стиль вазы много древнѣе стиля вазъ Евфронія и др. [3]), и потому тарелка безусловно древнѣе, чѣмъ 490 годъ. Уже по этому невозможна гипотеза Студнички, видѣвшаго въ рисункѣ блюда воспроизведеніе акропольской статуи всадника въ варварскомъ костюмѣ,—статуи, фрагменты которой найдены были при послѣднихъ раскопкахъ на акрополѣ, и которая, по мнѣнію Студнички, была поставлена будто бы на акрополѣ въ память побѣды при Мараѳонѣ [4]).

Студничка утверждаетъ, что акропольская статуя и рисунокъ на блюдѣ Ашмолеанскаго музея представляютъ перса.

Это не вѣрно. Высокія шапки, въ родѣ той, которую мы видимъ у нашего всадника, являются характерной одеждой ѳракійцевъ и скиѳовъ [5]). Шапки персовъ были ниже [6]). Что же касается куртки и штановъ, то греческое искусство изображаетъ въ такихъ штанахъ и курткахъ разныхъ варваровъ, особенно скиѳовъ и амазонокъ; спеціально для персовъ этотъ костюмъ не характеренъ, какъ, напротивъ, характерны для нихъ низкія шапки той формы, какую мы видимъ на фрагментѣ вазы, изданной профессоромъ Лёви. Такъ какъ блюдо Ашмо-

---

[1]) Ср. Klein, L., 27 слл.; P. Gardner, Greek vases in the Ashmolean Museum, къ 310.

[2]) Ср. наши замѣчанія въ Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVI (1893), 44.

[3]) Ср. Jones, Journ. of hell. St., XI (1891), 379; P. Gardner, ук. с., 31, къ 320.

[4]) Изображеніе сохранившихся частей статуи см у А. А. Павловскаго, ук. с., 257, рис. 90. Studniczka, Jahrb. d. Inst., VI (1891), 239 слл.

[5]) Ср. E. Meyer, Geschichte des Altertums, I, 514 слл.; Dümmler, Röm. M., II (1887), 189 слл.; А. А. Павловскій, ук. соч., 259.

[6]) Ср. Löwy, Jahrb. d. Inst., III (1888), Taf. 4, 139, 141.

леанскаго музея принадлежитъ времени до 490 года и рисунокъ на немъ изображаетъ вовсе не перса, то онъ никоимъ образомъ не прославляетъ побѣды Мильтіада при Мараѳонѣ [1]). Что акропольская статуя всадника происходитъ изъ времени до 490 года и что она не можетъ представлять стутуи перса, поставленной будто бы на акрополѣ послѣ Мараѳонской побѣды, какъ того хотѣлъ Студничка, показано Винтеромъ [2]) и А. А. Павловскимъ [3]), доводы которыхъ мы всецѣло принимаемъ; и намъ кажется самымъ вѣроятнымъ, что акропольская статуя представляла посвященіе какого-нибудь аѳинянина, принимавшаго участіе во ѳракійской экспедиціи Мильтіада. Конечно, трудно сказать, что̀ возникло ранѣе, статуя ли на акрополѣ или блюдо Ашмолеанскаго музея [4]). Но какъ бы то ни было, эти два памятника не могутъ быть далеки другъ отъ друга по времени. Винтеръ и А. А. Павловскій помѣщаютъ статую не ранѣе, какъ на конецъ VI вѣка. Къ послѣднему десятилѣтію, по нашему мнѣнію, надо отнести и блюдо Ашмолеанскаго музея. Въ это время въ Аѳинахъ общественное вниманіе было устремлено на юнаго Мильтіада, который еще до убійства Гиппарха (т. е. до 514 года) смѣнилъ Стесагора въ управленіи въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ. Правленіе Мильтіада, какъ извѣстно, продолжалось въ Херсонесѣ до 493 года. Надпись Μιλτιάδης καλός на блюдѣ, которое, по требованіямъ стиля, должно быть отнесено ко времени до 490 года, весьма вѣроятно, прославляетъ какъ разъ знаменитаго Мильтіада.

Изображенный на тарелкѣ всадникъ въ скиѳскомъ костюмѣ, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ наше предположеніе. Изображенъ ли здѣсь скиѳскій наѣздникъ, или аѳинянинъ въ скиѳскомъ костюмѣ, что̀ Винтеръ и А. А. Павловскій считаютъ вѣроятнымъ для акропольской статуи,—картина тарелки такъ же живо свидѣтельствуетъ объ интересѣ аѳинянъ къ ѳракійской экспедиціи, какъ о томъ же говоритъ надпись ея, прославляющая вождя этой экспедиціи Мильтіада.

Если мы отождествимъ Мильтіада, упоминаемаго въ надписи на блюдѣ Эпиктета со знаменитымъ героемъ, то 514 годъ до Р. Хр. будетъ наиболѣе древнею датой, возможною для блюда. Однако, намъ кажется,

---

[1]) Klein, L., 27, слѣдуетъ все еще Студничкѣ, считая всадника персомъ и датируя тарелку послѣ 490 г.

[2]) Winter, Jahrb. d. Inst., VIII (1893), 155.

[3]) Ук. соч., 259. Вольтерсъ въ своихъ Vorträge въ Аѳинахъ также не принималъ гипотезы Студнички.

[4]) Статуя на акрополѣ въ формахъ лошади находитъ себѣ аналогіи, какъ указалъ А. А. Павловскій, съ ранними произведеніями Евфронія (ук. соч., 258). Напротивъ лошадь на блюдѣ Ашмолеанскаго музея по своимъ формамъ древнѣе лошадей Евфронія. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что тарелка древнѣе статуи.

что тарелка скорѣе принадлежитъ болѣе позднему времени, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, принимая во вниманіе, что краснофигурный строгій стиль съ 490 года (время первыхъ произведеній Евфронія) по 480 годъ прошелъ всѣ стадіи своего развитія, мы не можемъ не замѣтить, что стиль этотъ развивался чрезвычайно быстро. А поэтому предполагать, что первыя произведенія Евфронія (490 г.), во многомъ еще имѣющія столько близкихъ точекъ соприкосновенія въ стилѣ и техникѣ съ вазами Эпиктета и его школы, отстоятъ отъ 490 года болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ, едва ли возможно. Во-вторыхъ, по стилю съ блюдомъ Эпиктета весьма близки сосуды съ надписями *Ἵππαρχος καλός* [1]). Всѣ сосуды, прославляющіе Гиппарха, опять настолько близки другъ къ другу по стилю, что не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Гиппархъ на нихъ одно и то же лицо [2]). Мы уже указали выше, что Студничка не доказалъ, что Гиппархъ строгихъ кр.-ф. вазъ долженъ быть отождествляемъ съ аѳинскимъ тиранномъ Гиппархомъ. Противъ Студнички говоритъ еще одинъ фактъ, который позволитъ намъ датировать вазы съ надписями *Ἵππαρχος καλός* и *Μιλτιάδης καλός* точнѣе. На одной вазѣ Евѳимида имя Гиппарха стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Леагра [3]). Въ силу основаній, изложенныхъ выше, вазу Евѳимида надо помѣщать на время около 490—480 г. Такъ какъ вазы съ именемъ Леагра болѣе развитого стиля, чѣмъ вазы съ именемъ Гиппарха, то мы охотно принимаемъ соображенія Клейна [4]), который на вазѣ съ надписями, называющими Гиппарха и Леагра, видитъ въ педотрибѣ и въ борцѣ этихъ лицъ и выводитъ заключеніе, что Гиппархъ принадлежалъ къ старшему поколѣнію, чѣмъ Леагръ [5]). Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго нельзя не вывести того заключенія, что вазы съ именемъ Гиппарха лишь немногимъ старше вазы Евѳимида. А если такъ, то вазы съ именемъ Гиппарха приходятся на годы, непосредственно предъ 490 г., т. е. приблизительно на 500—490 г.; того же времени, по стилю, и блюдо съ надписью *Μιλτιάδης καλός*. Гиппархъ и Мильтіадъ были, судя по надписямъ вазъ, современниками. Для насъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Гиппархъ надписей—никто иной, какъ Гиппархъ, бывшій архонтомъ въ 496 г.

---

[1]) Klein, L., *Ἵππαρχος*, 9 и 10.

[2]) Ср. Klein, L., 29.

[3]) Klein, L., *Λέαγρος*, 38.

[4]) Klein, L., 29.

[5]) Противъ этого Гартвигъ (Deutsche Litteraturzeit., 1889, 36; Berl. philol. Wochenschr., 1889, 39) и О. Ф. Вульфъ (ук. ст., 4 сл.).

Блюдо Эпиктета съ Μιλτιάδης καλός и вазы съ именемъ Гиппарха представляютъ собою одни изъ самыхъ раннихъ памятниковъ красно-фигурной техники: здѣсь мы видимъ еще примѣненіе линій, исполненныхъ рѣзцомъ. Такъ какъ онѣ (эти вазы) принадлежатъ времени около 500 года, то начало красно-фигурнаго стиля едва ли возможно относить ранѣе, какъ къ 510—500 годамъ [1]). Можетъ быть, лишь въ самомъ концѣ правленія Гиппія явилась красно-фигурная техника. Эпиктетъ и его школа приходятся, главнымъ образомъ, на время Клисѳена. При Ѳемистоклѣ было высшее процвѣтаніе строгаго стиля. Студничка въ статьѣ своей, которую намъ неоднократно уже приходилось цитировать [2]), считаетъ возможнымъ отождествить еще цѣлый рядъ лицъ, которыхъ удостоиваютъ вазовые мастера эпитета καλός, съ извѣстными историческими лицами. Такъ Гиппократъ, имя котораго мы находимъ на амфорѣ мюнхенскаго собранія вазъ (№ 373), по мнѣнію Студнички—никто иной, какъ молодой братъ Клисѳена. На амфорѣ видимъ примѣненіе еще обѣихъ техникъ: черно-фигурной и новой красно-фигурной. Ваза принадлежитъ, такимъ образомъ, къ однимъ изъ раннихъ примѣровъ новой техники. По устанавливаемой нами хронологіи время мюнхенской амфоры 510—500 г. Въ виду этого предположеніе Студнички намъ кажется вѣроятнымъ.

И другія отождествленія Студнички, находясь въ полномъ согласіи съ хронологіей, заслуживаютъ быть упомянутыми, какъ вполнѣ вѣроятные. Мегаклъ, прославляемый красно-фигурными мастерами Евѳимидомъ и Финтіемъ [3]), скорѣе всего сынъ Гиппократа, дяди Перикла, дѣдъ Алкивіада. Олимпіодоръ [4]), современникъ Леагра (ибо имена ихъ видимъ на одной вазѣ вмѣстѣ) [5]), можетъ быть идентичнымъ съ упоминаемымъ у Геродота (IX, 21). Панетій (Παναίτιος καλός) [6]) также современникъ Леагра, такъ же, какъ и Леагръ, прославляемый Евфроніемъ и, кромѣ него, еще Дурисомъ, весьма возможно,—тотъ, о подвигѣ котораго читаемъ тоже у Геродота (VIII, 82).

---

[1]) Ср. результаты Клейна, L., 29.

[2]) Studniczka, Jahrb. d. Inst., II (1887), 161 слл.

[3]) Klein, L., 120. Черепокъ съ именемъ Мегакла, сына Гиппократа изъ Алопеки (Benndorf, Gr. u. Sic. Vb. 29, 10, стр. 50; ср. Jahrb. d. Inst., II (1887), 161), относится къ тому же Мегаклу, что пинакъ, найденный на акрополѣ (Ἐφ. ἀρχ., 1887, т. 6). Ср. Klein, L., 6. Клейнъ предполагаетъ, что любимецъ Евѳимида и Финтія можетъ быть и Мегакломъ, сыномъ Клисѳена.

[4]) Klein, L., 82.

[5]) Klein, L., 70, 1.

[6]) Klein, L., 106 слл.

Гипподамъ [1]), любимецъ Гіерона и Дуриса, можетъ быть идентичнымъ со стратегомъ, упоминаемымъ въ С. I. А., I, 433, 64.

Одно отождествленіе Студнички, однако, очевидно нельзя принять,— отождествленіе, которое заставило Студничку, а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ, полагать, что строгій красно-фигурный стиль продолжалъ свое существованіе вплоть до половины V вѣка. На одной чашѣ собранія Jatta въ Руво [2]) стоитъ:

ALKIBIAΔES KALOS

Рисунокъ, на бѣломъ фонѣ, помѣщенный внутри чаши (изданъ въ Ann., 1877, tav. Q), представляетъ Силена. По стилю, рисунокъ ближе всего къ произведеніямъ Брига [3]). Такой рисунокъ всецѣло могъ возникнуть до 480 года. Алфавитъ надписи это также подтверждаетъ. Желая непремѣнно отождествить упоминаемаго здѣсь Алкивіада со знаменитымъ аѳиняниномъ, Студничка относилъ чашу коллекціи Ятта къ 438 году и считалъ рисунокъ ея за архаистическій.

Что касается Лахета (Λάχης καλός) на берлинской и на ватиканской вазахъ (Берл., 2314; Mus. Gregor., II², 85, Ib.), то тоже едва ли можно его отождествить съ извѣстнымъ полководцемъ, такъ какъ послѣдній долженъ быть παῖς καλός позже времени, къ которому относятся названныя вазы. Клейнъ [4]) называетъ еще рядъ аѳинскихъ дѣятелей, имена которыхъ можно усматривать на вазахъ: Еврипталема, сына Мегакла, Алкмеона, Стесагора, Клинія, отца Алкивіада, и т. д.

Что касается имени Клинія, то оно встрѣчается на слѣдующихъ вазахъ:

1) На киликѣ; надпись: KLINIAS;

P. Gardner, Greek vases, къ 309;

2) на киликѣ Ашмолеанскаго музея въ Оксфордѣ (№ 309); надпись: KΛEINIAΣ;

Klein, L., 164, 5;

3) на ноланской амфорѣ Британскаго музея (E 300); надпись: KΛENIAΣ KAΛΩΣ;

Klein, L., 164, 4;

4) на ноланской амфорѣ коллекціи Bourguignon въ Неаполѣ; надпись: KΛENIAΣ KAΛΩΣ;

---

[1]) Klein, L., 103 сл.

[2]) Catalogo di Museo Jatta, 1539; Bull. Napoletano, 1845, 116; O. Jahn, Einl., XLI; Klein, Euphr.², 248; L., 117.

[3]) Ср. Furtwängler, Berl. philol. Wochenschr., 1888, 1451, 3.

[4]) Ср. Klein, L., 6.

Klein, L., 163, 2; Pollak, Röm. M., XIII (1898), 87 сл., 11;

5) на ноланской амфорѣ въ Неаполѣ (М. В., 3125); надпись: ΚΛΕΝΙΑΣ ΚΑΛΩΣ;

Klein, L., 163, 1 [1]);

6) на ноланской амфорѣ, прежде находившейся у Канобіанки въ Римѣ; надпись: ΚΛΕΝΙΑΣ ΚΑΛΩΣ;

Klein, L., 164, 3.

Киликъ № 1 явно старше всѣхъ остальныхъ вазъ въ спискѣ. По стилю, онъ принадлежитъ еще къ 490—480 г. (ранній строгій стиль) [2]). Въ алфавитѣ мы видимъ здѣсь старыя формы Ⱶ ϟ. Всѣ остальныя вазы моложе килика № 1. Онѣ всѣ—одновременны. На это прежде всего указываютъ одинаковыя формы Λ Σ. Затѣмъ, сравнивъ киликъ № 2 и амфору № 3, найдемъ, что манера трактовки тѣла (жиловатость, общія пропорціи, структура, элегантность и т. д.), одежда (еще параллельныя схематическія складки строгаго стиля), волосы (ср. особенно концы) у нихъ одна и та же. Профиль (особенно форма носа, подбородка, глазъ)—почти идентичны. Примѣненіе красной краски для мелкихъ деталей и для надписей, наконецъ, общія линіи композиціи не оставляютъ, по нашему мнѣнію, сомнѣнія, что вазы № 2 и 3 не только одновременны, но принадлежатъ и одной фабрикѣ, если не одной рукѣ [3]). Обѣ вазы принадлежатъ тому же времени переходнаго стиля, какъ вазы съ именемъ Главкона. Но по формѣ черепа и профиля эти вазы еще дальше отъ строгаго стиля, чѣмъ вазы съ именемъ Главкона, и ближе къ раннимъ вазамъ прекраснаго стиля. Наиболѣе вѣроятная дата вазъ № 2 и 3—годы около 470—455. Мы знаемъ, что отецъ Алкивіада, Клиній, палъ въ битвѣ при Коронеѣ въ 447 г. (Геродотъ, VIII, 17), оставивъ сыновей Алкивіада и Клинія еще дѣтьми (Плутархъ, Алкивіадъ, 1). Время, когда Клиній, отецъ Алкивіада, родился, можно съ вѣроятностью предполагать около 480 г. Παῖς καλός онъ былъ около 470—460. Отсюда, весьма вѣроятно, что на вазахъ № 2 и 3 въ Κλεινίας καλός надо усматривать отца Алкивіада. Къ нему же относятся, по всей вѣроятности, надписи и на вазахъ №№ 4, 5 и 6, близко примыкающихъ, по стилю, къ вазамъ №№ 2 и 3.

Оканчивая рѣчь о возможныхъ отождествленіяхъ лицъ, прославляе-

---

[1]) На обратной сторонѣ амфоры (случайно не описанной въ каталогѣ Гейдеманна) изображена убѣгающая дѣвушка.

[2]) Ср. P. Gardner, Greek vases, 30, къ 309.

[3]) P. Gardner напрасно думаетъ, что Клиній на вазѣ № 3 братъ Алкивіада, а на № 2 его отецъ. Стиль вазъ рѣшительно этого не допускаетъ. Разница въ написаніи имени не говоритъ за разновременность вазъ.

мыхъ эпитетомъ *καλός* на вазахъ, съ историческими дѣятелями, упомянемъ еще объ интересныхъ соображеніяхъ, которыя дѣлаетъ Бозанкетъ (Journ. of hell. st., XVI (1896), 164 слл.) по поводу встрѣчающагося имени Лихаса на бѣломъ лекиѳѣ Британскаго музея (D 50). Этотъ лекиѳъ опубликованъ Бозанкетомъ въ указ. изд. (pl. VI, стр. 164, фиг. 1) [1]). На немъ слѣдующая надпись:

ΛΙ+ΑΣ
ΚΑΛΟΣ
ΣΑΜ . . Ϟ

Двѣ недостающихъ буквы въ послѣднемъ словѣ, очевидно, *ι* и *ο*. Послѣдняя буква, судя по остаткамъ, можетъ быть или Υ или Σ. Клейнъ (L., 161, 6) считаетъ ее за Σ. Бозанкетъ (ук. ст., 166) читаетъ: Σαμίου. На всѣхъ лекиѳахъ той группы, къ которой принадлежитъ названный лекиѳъ Британскаго музея (стиль, техника, сюжеты, надписи), всегда послѣ *καλός* слѣдуетъ имя отца прославляемаго надписью любимца въ родительномъ падежѣ. Кромѣ того, какъ Лихасъ, такъ и Самій — имена не аттическія, но дорическія, и Самій — спеціально спартанское (ср. Bosanquet, ук. раб., 166, пр. 2).

Такъ какъ по стилю и техникѣ ваза Британскаго музея (D 50) относится, какъ и вся группа, къ которой она принадлежитъ, къ тому же времени, что и вазы съ Γλαύκων *καλός*, т. е. къ 470—460 г., то Самія, котораго называетъ надпись вазы, Бозанкетъ считаетъ возможнымъ отождествить съ лицомъ, упоминаемымъ у Геродота (III, 55): сынъ спартанца Архія, павшаго при осадѣ Самоса въ 525 году, получилъ имя Самія въ воспоминаніе о смерти своего отца. Этотъ Самій, родившійся около 525 года, можетъ быть отцомъ Архія, знакомаго Геродота. Архій могъ имѣть младшаго брата Лихаса. Къ этому послѣднему, по Бозанкету, и относится надпись на лекиѳѣ Британскаго музея. Но соображеній Бозанкета принять, по нашему мнѣнію, нельзя по слѣдующимъ основаніямъ. Когда мы изучали въ Британскомъ музеѣ оригиналъ, намъ казалось, что чтеніе Σάμ(ιο)ς на лекиѳѣ (D 50) единственно возможное. Также читаетъ, кромѣ Клейна, С. Смисъ (Catalogue of vases in the British Museum, III, D 50). Далѣе, если Самій родился около 525 года, то Архій могъ родиться около 505—500 г., а его младшій братъ Лихасъ около 500—495 г. Пользоваться эпитетомъ *καλός* послѣдній могъ уже около 490—480 г., т. е. безусловно былъ старше Главкона. Между тѣмъ лекиѳъ Британскаго музея по стилю позднѣе

[1]) Лекиѳъ изъ коллекціи v. Branteghem перешелъ въ Брит. музей. Ранѣе онъ былъ изданъ у Клейна, L., 1 изд., 83 (161 втор. изд.).

лекиөовъ съ именемъ Главкона. Самъ Бозанкетъ это признаетъ и датируетъ правильно лекиөъ съ Λίχας καλός временемъ около 465 г. Наконецъ, въ виду аналогій, приводимыхъ Бозанкетомъ, на вазѣ Британскаго музея скорѣе можно было бы ожидать формы родительнаго не Σαμίου, а Σαμίο [1]).

Какъ вазы съ именемъ Главкона, кромѣ чаши Евфронія, принадлежатъ уже эпохѣ переходнаго стиля, примѣровъ котораго мы вовсе не встрѣчаемъ въ до-персидскомъ слоѣ на акрополѣ, такъ и лекиөъ съ именемъ Лихаса, относится къ періоду переходнаго стиля [2]).

V.

Весьма важныя указанія для хронологіи вазъ строгаго стиля даютъ метопы Сокровищницы аөинянъ въ Дельфахъ. Эти метопы были найдены при послѣднихъ раскопкахъ Французской Школы [3]). Пока изъ нихъ издано всего только три метопа: 1) Gaz. des beaux-arts, XIII (1895), 209; здѣсь изображены Аөина и Өесей; 2) Illustration, 8 decembre 1894, изображеніе — сцена изъ гигантомахіи; 3) Construction moderne, 5 janvier 1895: борьба Геракла со львомъ.

Мы имѣли случай изучать эти метопы въ Дельфахъ на оригиналахъ и затѣмъ провѣрять свои наблюденія на слѣпкахъ, имѣющихся въ Луврѣ.

Всякаго, кто въ первый разъ видитъ метопы Аөинской сокровищницы въ Дельфахъ сейчасъ же поражаетъ та масса аналогій, которыя представляютъ метопы съ аттическими вазами строгаго стиля. Общіе излюбленные сюжеты (подвиги Өесея и Геракла, гигантомахія), одинаковое ихъ пониманіе, та же самая манера композиціи, тотъ же самый, до мелочей, рисунокъ, та же строгая опредѣленность контуровъ, тѣ же аккуратныя линіи, та же сухость формъ, которыя и у фигуръ метоповъ такъ же жестки, такъ же жилисты, какъ у фигуръ Евфронія, Брига

---

[1]) Послѣднимъ наблюденіемъ я обязанъ М. И. Ростовцеву.

[2]) Вазы, на которыхъ имѣются надписи, посвященныя Лихасу, перечисляетъ Клейнъ L., 160 слл. Не на всѣхъ этихъ вазахъ Лихасъ одно и то же лицо. Такъ, ноланская амфора изъ Гелы въ Ashmolean Museum въ Оксфордѣ (Percy Gardner, Greek vases, № 270) принадлежитъ еще раннему періоду строгаго стиля и, ergo, относясь къ 490—480 г., не можетъ прославлять того же Лихаса, который пользовался этимъ эпитетомъ около 465—460 г., и имя котораго мы видимъ на вазахъ стиля, уже не строгаго, а переходнаго (и при томъ болѣе развитого, чѣмъ стиль вазъ съ именемъ Главкона).

[3]) О нихъ ср. Furtwängler, Berl. phil. Wochenschr., 1894, 1278 сл. Homolle, Gaz. des beaux-arts, XIII (1895), 208 слл.; B. C. H., XVIII (1893), 612

и Дуриса, — все это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вазы строгаго стиля и дельфійскіе метопы — созданія абсолютно одного и того же времени. Какъ на вазахъ строгаго стиля мы видимъ чаще всего простыя, небольшія композиціи съ весьма небольшимъ количествомъ фигуръ, такъ и здѣсь—тѣ же небольшія композиціи. Манера заполнять общій фонъ композиціи, распредѣленіе массъ, движеніе, какъ на вазахъ, такъ и на метопахъ вполнѣ одинаковы: нѣтъ чрезмѣрнаго нагроможденія фигуръ, но въ то же время рѣшительно избѣгаются большія пустоты. Гдѣ образуется большое свободное пространство отъ той или другой позы фигуры, оно непремѣнно заполняется какими-нибудь второстепенными предметами: то развѣшанной одеждой, то оружіемъ дѣйствующихъ лицъ, то деревомъ и т. п. Особенно любопытно сравнить, напр., метопъ № 3 съ композиціей на мюнхенской амфорѣ конца строгаго стиля, № 415 (Mon. VI, 27 A; Baum. Denkm., II, 723; Klein, Euphr., 54—55), или на аѳинскомъ киликѣ бывшей коллекціи Трикупи (теп. въ Аѳинск. Нац. музеѣ)—киликѣ ранняго періода Евфронія [1]) (Journal of hell. studies, X (1889), pl. I). Ср. также луврскій киликъ Евфронія (Klein, ук. с., 195) и т. д.

Композицію на метопѣ № 2 ср. со сценой гигантомахіи на вазѣ Лувра (Mon. grecs, 1872, pl. II). Композиція метопа № 1 сейчасъ же напомнитъ всякому картину внутри килика Евфронія въ Луврѣ (Mon. gr., 1872, pl. I; Rayet-Collignon, Céramique, f. 69; Baum., Denkm., III, f. 1877; Girard, Peinture, f. 97; Журн. Мин. Народн. Просв., 1898, отд. класс. фил., апрѣль, табл. I).

Всегда одинаковы одежды и ихъ трактовка на метопахъ въ Дельфахъ и у керамистовъ строгаго стиля: тѣ же іоническіе хитоны съ тончайшими, искусственно расположенными складками [2]), тѣ же гиматіи, плащи съ длинными, параллельными складками; та же тщательность, аккуратность ихъ трактовки: мельчайшія детали всегда отдѣланы изумительно отчетливо. Далѣе, панцыри, круглые щиты, аттическіе шлемы, колчаны, луки, палицы, которые видимъ на метопахъ, всѣ такъ хорошо намъ извѣстны по вазамъ строгаго стиля, что едва ли надо приводить для примѣровъ цитаты. Трактовка человѣческой фигуры, какъ на метопахъ, такъ и на вазахъ выдаетъ одни и тѣ же вкусы аттиковъ того времени: разнообразіе и смѣлость позъ, удлиненныя пропорціи [3]), сильныя,

---

[1]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, 124.

[2]) Этого достигали, вѣроятно, крахмаленіемъ. Ср. Holwerda, Jahrb. d. Inst., IV (1889), 38 слл. Во всякомъ случаѣ здѣсь мы имѣемъ дѣло не со схемой художниковъ: такія складки употреблялись въ жизни.

[3]) Ср. Conze, Beiträge zur gesch. d. gr. Plastik, 20 слл.

мощныя, но всегда элегантныя формы, прочувствованная точная анатомія [1]) такъ же характерны для фигуръ на метопахъ Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ, какъ и для фигуръ Евфронія, Дуриса, Гіерона и Брига. Прически фигуръ въ большинствѣ случаевъ здѣсь тѣ же, что у этихъ мастеровъ [2]). Весьма любопытно отсутствіе у фигуръ метоповъ прически, которую, вслѣдъ за Студничкой, скорѣе всего слѣдуетъ называть πλοχαμῖδες [3]), любопытно потому, что мы не видимъ этой прически также и на осколкахъ вазъ изъ до-персидскаго слоя на акрополѣ. Типы фигуръ метоповъ прекрасно извѣстны намъ и по вазамъ: широкій круглый подбородокъ, сильно выступающія губы, толстый носъ, узкіе длинные миндалевидные глаза, низкій, отступающій назадъ, покрытый свѣшивающимися съ головы прядями волосъ лобъ.

Встрѣчающіяся на метопахъ изображенія животныхъ совершенно сходны съ вазовыми ихъ изображеніями: та же раса, тѣ же позы.

Лошади и тамъ и здѣсь тѣ же небольшія, тонкія, съ такимъ же элегантнымъ туловищемъ, широкой шеей, вытянутой, худой и костистой

---

[1]) Тѣло трактуется, какъ на вазахъ, такъ и на метопахъ вполнѣ по разъ установленной схемѣ. Всегда рѣзко и жестко выступаютъ очертанія клѣтки грудного панцыря; ясно обрисовываются ребра, ясно раздѣляется на нѣсколько частей животъ: отъ нижней точки груди (sternum) идетъ вертикальная линія (*a*) до пупа; отъ пупа она продолжается ниже (*b*) до члена; поперекъ живота идутъ также двѣ линіи; изъ нихъ одна (*c*) проходитъ черезъ пупъ, а другая (*d*) раздѣляетъ верхнюю полость живота на двѣ равныя половины; опредѣленно обозначается извилистыми линіями паховая складка и нижняя граница туловища. Линіи *a* и *d* раздѣляютъ верхнюю область живота на 4 части, находящіяся какъ разъ въ центрѣ туловища. Каждая изъ этихъ частей очерчивается кругомъ кривыми линіями (*e*). Также точно линіи *b* и *c* раздѣляютъ нижнюю полость живота на 4 части, изъ которыхъ каждая опять очерчивается кривыми. На вазахъ линіи a, b, c и d часто графически не обозначаются: ихъ направленіе дается посредствомъ линій (e), ограничивающихъ 8 мелкихъ частей, на которыя раздѣляется животъ. Главныя линіи тѣла на вазахъ (контуры, линіи грудного панцыря, конца туловища и т. п.) дѣлаются густымъ, чернымъ лакомъ; второстепенныя линіи тѣла (8 мелкихъ частей живота, ребра, мускулы на бедрахъ, ляшкахъ и т. п.) обыкновенно дѣлаются разбавленнымъ лакомъ. Такъ трактуется мужское и юношеское тѣло. Ср., напр., Journ. of hell. st., X (1889), pl. I; Mus. Ital., II, tav. IV; J. hell. st., XII (1891), pl. XX и т. д. На тѣлѣ дѣтскомъ и женскомъ вазовые мастера строгаго стиля подробностей мускулатуры обыкновенно не обозначаютъ, а даютъ лишь главныя характерныя линіи тѣла. Ср. Mon. grecs, 1872, pl. I; Harrison, Greek vase paintings, pl. X, и т. д.

[2]) И на вазахъ и на метопахъ видимъ два рода прически: то волнистые волосы ниспадаютъ на затылокъ и лобъ, то они тщательно зачесаны, при чемъ обозначенъ каждый волосокъ. Сходнымъ образомъ трактуются бороды.

[3]) Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst.. XI (1896), 257 слл. Эту прическу многіе считали невѣрно кробиломъ. Ср. Schreiber, Ath. M., VIII (1883), 261 слл.; Homolle, Gaz. b.-a., XIII (1895), 215. Уже Конце указалъ, какова была на самомъ дѣлѣ прическа, называвшаяся кробиломъ. Ср. Conze, Nuove Memorie dell' Institūto archeol., 408 слл. Послѣ изслѣдованія Студнички (Jahrb. d. Inst., ук. м.) въ вѣрности выводовъ Конце, по нашему, нельзя сомнѣваться.

головой, съ коротко остриженной и потому стоящей гривой, и такой же челкой на лбу.

Омолль [1]) указываетъ еще на двѣ аналогіи, которыя есть у метоповъ и у вазъ строгаго стиля. Какъ на метопахъ, такъ и на вазахъ свѣтлыя фигуры выдаются на темномъ фонѣ [2]). Какъ на вазахъ, такъ и на метопахъ фигуры поясняются надписями.

Всѣ тѣ аналогіи, которыя указали мы между скульптурами Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ, равнымъ образомъ существуютъ и между корами (мраморными женскими статуями на аѳинскомъ акрополѣ) [3]) и вазами строгаго стиля, такъ какъ дельфійскія скульптуры, какъ уже указывалось [4]), имѣютъ тѣснѣйшее отношеніе къ корамъ эпохи наивысшаго процвѣтанія архаическаго искусства. Какъ общій художественный характеръ, такъ и детали трактовки, костюма, прически и т. д. у коръ рѣшительно тѣ же, что у фигуръ красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля. Обломки статуй коръ на акрополѣ и найдены были, подобно фрагментамъ строгихъ вазъ, въ до-персидскомъ слоѣ. Тамъ же найдены были и обломки терракоттовыхъ статуэтокъ и бронзъ, которыя по своему типу и характеру представляютъ ту же стадію развитія, что̀ и коры [5]). Полную одновременность красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля со статуями коръ нагляднымъ образомъ показываютъ ритоны, низъ которыхъ имѣетъ форму человѣческихъ головъ, и сосуды въ формѣ фигуръ.

Ритонъ, нижнюю часть котораго образуетъ женская голова,—принадлежащій теперь коллекціи Bibliothèque Nationale въ Парижѣ (Collection Janze, 146) (рис. 2) [6]) по типу и стилю головы явно относится къ той же категоріи, какъ головы Акропольскаго музея въ Аѳинахъ №№ 660 (А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ, рис. 62), 682 (ib., 63), 675 (ib., 64), 616 (ib., 81) и т. д. Въ то же время фигуры эфебовъ, изображенныхъ на верхней части ритона, по своему стилю всецѣло относятся къ школѣ Эпиктета.

---

[1]) Gaz. b.-a., XIII (1895), ук. м.

[2]) Напротивъ, фигуры метоповъ Сокровищницы сикіонцевъ или фигуры на фризѣ Сокровищницы книдянъ въ Дельфахъ, какъ на коринѳскихъ и ч.-ф. аттическихъ вазахъ, еще выдаются на свѣтломъ фонѣ.

[3]) О нихъ см. А. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ, гл. IV.

[4]) Ср. Furtwängler, Berl. Wochenschr., 1894, 1278 сл.; Homolle, Gaz. b.-a., XIII (1895), 212 слл.

[5]) Ср. Ross, Arch. Aufs., I, Taf. I, стр. 140, и А. А. Павловскій, ук. соч., 203, ф. 62; 205, ф. 63; Winter, Arch. Anz., VIII (1893), 140 сл.

[6]) Тѣни изображенныхъ здѣсь эфебовъ сдѣланы пурпурно-красной (карминнаго оттѣнка) краской. У головы губы и волосы—красные. Круги у зрачковъ цвѣта глины. Брови, очертанія глазъ сдѣланы черной лаковой краской, бѣлки глазъ—бѣлой краской.

Ритонъ совершенно опредѣленно указываетъ на одновременное существованіе мастеровъ эпиктетовой школы, художниковъ, работавшихъ мраморныя статуи коръ хіосскаго типа, и мастеровъ терракоттъ (Winter, Arch. Anz., VIII (1893), 140 слл.). Не менѣе интересенъ другой ритонъ тоже коллекціи Bibliothèque Nationale такой же формы, какъ

Рис. 2. Ритонъ въ коллекціи Bibliothèque Nationale (Cabinet des médailles) въ Парижѣ.

предыдущій, но только голова здѣсь мужская и, повязанная львиною шкурой, характеризована, какъ голова Геракла (рис. 3). Голова по стилю стоитъ близко къ архаическимъ головамъ Лувра (А. А. Павловскій, ук. с., рис. 37), Акропольскаго музея № 621 (ib., рис. 40), Національнаго музея въ Аѳинахъ (ib., рис. 41) и т. д. Рисунокъ, который помѣщенъ здѣсь опять на широкомъ горлѣ вазы, представляетъ сидящаго

мужчину, который въ лѣвой рукѣ держитъ палку, а въ правой протягиваетъ фiалу къ стоящей противъ него Никѣ, занимающей центръ композицiи. Ника въ правой рукѣ держитъ прохусъ, изъ котораго и наливаетъ въ фiалу мужчины; лѣвою рукою она поддерживаетъ свой длинный хитонъ — любимый мотивъ художниковъ, дѣлавшихъ статуи коръ, и современныхъ имъ вазовыхъ мастеровъ (ср. Milani, Mus. Ita-

Рис. 3. Ритонъ въ коллекцiи Bibliothèque Nationale (Cabinet des médailles) въ Парижѣ.

liano, III, 1, 275—276; Брит. Муз., E 256, 350; А. А. Павловскiй, гл. IV). Сзади Ники стоитъ юноша, который тоже протягиваетъ въ правой рукѣ фiалу къ Никѣ. Стиль фигуръ рисунка бѣглый, небрежный эпохи процвѣтанiя строгихъ мастеровъ (ср. Брит. муз., E 80).

Рисунокъ въ стилѣ Брига находимъ на одномъ ритонѣ, нижнюю часть котораго образуютъ двѣ женскихъ головы, примыкающiя затылками другъ къ другу,—Британскаго музея (E 784). Ср. для рисунка—

Брит. муз., Е 47. Головы представляютъ опять прямое отношеніе къ архаическимъ скульптурамъ акрополя. Ср. особ. № 683 Акропольскаго музея (А. А. Павловскій, ук. с., рис. 68). Въ Британскомъ же музеѣ (Е 794) имѣемъ опять ритонъ, низъ котораго представляетъ женскую голову типа коръ; его рисунокъ принадлежитъ послѣднему времени строгаго стиля. Ср. далѣе, Брит. муз., Е 786 (на немъ—грубый рисунокъ, подъ вліяніемъ стиля Бригa): головы силена и менады здѣсь—опять чисто архаическаго стиля. Весьма любопытенъ ритонъ въ Museo Municipale въ Корнето [1]). Его издалъ Рейшъ (Röm. M., V (1890), Taf. XI—XII). Низъ ритона представляетъ голову женщины типа акропольскихъ коръ. На ритонѣ въ Корнето имѣется подпись мастера, его сдѣлавшаго: Χαρῖνος ἐποίησεν. Этотъ же самый Харинъ сдѣлалъ прохусъ въ формѣ женской головы, который (прохусъ) находится теперь въ Берлинскомъ музеѣ (Берл., 2190; изданъ Рейшемъ въ Röm. M., V (1890), 316 сл., f. 2—3) [2]). Голова сосуда Харина въ Берлинѣ совершенно того же стиля, какъ голова вазы въ Корнето. По стилю какъ та, такъ и другая, относятся къ тому же классу, что и древнѣйшія мраморныя коры на аѳинскомъ акрополѣ (коры этого класса старше коры Евѳидика, Reisch, ук. ст., 318) [3]). Рисунокъ на вазѣ Харина въ Корнето—эпохи ранняго строгаго стиля.

Къ типамъ позднѣйшихъ коръ хіосской школы примыкаютъ головы ритона, найденнаго въ S. Maria di Capua и находящагося теперь въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ (S. A., 60). Фигуры, изображенныя на верхней части сосуда, опять—въ развитомъ строгомъ стилѣ (открытые профиля у глазъ). Таковъ же другой ритонъ той же коллекціи (S. A., 64). На послѣднемъ любопытна нацарапанная внизу надпись, которую сдѣлалъ древній владѣлецъ ритона: Γλαύκωνος [4]). Не принадлежалъ ли этотъ ритонъ извѣстному намъ любимцу вазовыхъ мастеровъ? Главконъ, сынъ Леагра, жилъ какъ разъ тогда, когда былъ сдѣланъ ритонъ [5]).

Мы видѣли, что абсолютно одновременными по стилю съ метопами Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ должно считать вазы лучшихъ мастеровъ строгаго красно-фигурнаго стиля (Евѳимида, Евфронія, Дуриса, Гіерона, Брига). Ритоны въ формѣ человѣческихъ головъ пока-

---

[1]) Объ обстоятельствахъ находки этого сосуда см. Helbig, Bull., 1879, 88.

[2]) Такой же сосудъ изъ той же могилы въ Вульчи, какъ и Берлинская ваза № 2190, есть еще въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

[3]) О корѣ Евѳидика см. А. А. Павловскій, ук. с., 236 слл.

[4]) Факсимиле надписи см. въ каталогѣ Heydemann, Taf. XIX, 64.

[5]) Главкона могли прославлять мастера за частыя покупки ихъ издѣлій. Ср. Klein, L., 2 сл.

зываютъ намъ, съ другой стороны, что одновременно съ древнѣйшими статуями коръ дѣйствовали въ Аѳинахъ мастера школы Эпиктета (ритонъ Janze, 146, ритонъ Харина); напротивъ, тѣ ритоны, на которыхъ скульптурныя головы (напр., ритонъ Брит. муз., E 786, ритонъ Bibliothèque Nationale, рис. 3) болѣе развиты по стилю, находятъ себѣ аналогіи среди рисунковъ такъ же, какъ и дельфійскія скульптуры, позднѣйшихъ мастеровъ строгаго стиля (Гіерона, Брига и т. д.). Выводъ отсюда совершенно ясенъ. Древнѣйшія красно-фигурныя вазы сдѣланы въ то же время, какъ и древнѣйшія статуи коръ. Вазовая живопись развивалась параллельно съ развитіемъ скульптуры; вазовые мастера идутъ рука объ руку съ мастерами, создававшими монументальные памятники. Метопы Аѳинской сокровищницы въ Дельфахъ—наиболѣе грандіозное и блестящее созданіе аттической скульптуры до Греко-Персидскихъ войнъ. Близость и родственность вазовыхъ мастеровъ къ монументальному искусству нигдѣ, пожалуй, не является столь очевидной. Монументы намъ наглядно показываютъ, что теперь скульпторы, работавшіе въ мраморѣ, художники, производившіе бронзы, мастера терракоттовыхъ статуэтокъ и вазовые мастера живутъ одною общею жизнью. Конечно, мы не видимъ той высоты и оригинальности у мастеровъ терракоттъ и вазъ, какъ у художниковъ мраморовъ и бронзъ, но тѣмъ не менѣе, если бы созданія послѣднихъ не дошли до насъ, ремесленныя произведенія первыхъ могли бы съ полнымъ правомъ разсчитывать на то, чтобы мы составляли по нимъ себѣ представленіе о томъ, каковы были произведенія одновременнаго монументальнаго искусства. Какіе же выводы вытекаютъ изъ сказаннаго для хронологіи вазъ?

Сокровищница аѳинянъ въ Дельфахъ, несомнѣнно, явилась послѣ 490 года [1]).

Что даетъ terminus ante quem?

Омолль считаетъ такимъ terminus 480 г. Это вѣроятно, но не несомнѣнно. Несомнѣннымъ терминомъ, по нашему мнѣнію, будетъ 477—6 г. Въ этомъ году была воздвигнута въ Аѳинахъ новая группа тираноубійцъ, исполненная Критіемъ и Несіотомъ. Копію съ нея мы имѣемъ въ извѣстной группѣ тираноубійцъ Неаполитанскаго музея [2]). Но стиль статуи Гармодія гораздо уже раз-

---

[1]) Ср. Homolle, B. C. H., 1893, 612; Gaz. b.-a., XIII (1895), ук. м.; Furtwängler, Berl. ph. Wochenschr., 1894, 1278—9.

[2]) Ср. Gräf, Ath. M., XV (1890), 1 сл.; Jan y Baum. Denkm., I, 338; Overbeck, Plastik[4], I, 154 сл. Wolters высказывалъ это въ своихъ Vorträge въ Аѳи-

витѣе стиля скульптуръ дельфійскихъ метоповъ. Отсюда обязателенъ выводъ, что Аѳинская сокровищница въ Дельфахъ явилась до 477—6 г. Время, когда созданы были метопы сокровищницы, а, ergo, и наиболѣе развитыя статуи коръ на акрополѣ, приходится на 490—476 г. На эти же годы падаетъ, слѣдовательно, и время Евфронія, Евѳимида, Дуриса, Гіерона, Брига. Древнѣйшія коры и вазы Эпиктета и его школы, такимъ образомъ, придутся на послѣднее десятилѣтіе VI-го вѣка и первое V-го.

Мы видимъ, что, какъ раскопки на аѳинскомъ акрополѣ, какъ имена любимцевъ вазовыхъ надписей, такъ и аналогичныя по стилю произведенія пластики,—всѣ совершенно опредѣленно указываютъ на время начала и процвѣтанія вазовой живописи строгаго красно-фигурнаго стиля.

VI.

Когда прекращается строгій стиль?

Въ Вюрцбургѣ есть ваза, изданная въ A. Z., 1883, Taf. 12 [1]). Она замѣчательна по картинѣ, украшающей одну изъ ея сторонъ (рис. 4). Здѣсь изображено убійство Гиппарха Гармодіемъ и Аристогитономъ. Всякаго съ перваго разу поразитъ очень большое сходство позъ и фигуръ Аристогитона и Гармодія съ позами, которыя имъ даютъ сохранившіяся до насъ воспроизведенія группы Критія и Несіота [2]). Молодой безбородый Гармодій замахнулся на тиранна правою рукою, въ которой онъ держитъ мечъ. Въ лѣвой рукѣ Гармодій держитъ ножны меча. Какъ положеніе правой и лѣвой рукъ съ ихъ аттрибутами, такъ и вся поза Гармодія (стремительное наступленіе, причемъ вся тяжесть тѣла покоится на правой ногѣ, а лѣвая нога далеко отодвинута назадъ) безусловно тѣ же должны были быть у Гармодія группы Критія и Несіота. Фигура Аристогитона на вюрцбургской вазѣ опять имѣетъ очень много общаго съ группою названныхъ скульпторовъ: Аристогитонъ и въ группѣ былъ представленъ болѣе пожилымъ, чѣмъ Гармодій, и бо-

---

нахъ. Коллиньонъ (Histoire de la sculpture grecque, I, 373) полагаетъ еще, что неаполитанская группа реплика группы Антенора. По нашему мнѣнію, послѣ находки метоповъ Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ, не можетъ быть сомнѣнія, что неаполитанская группа сдѣлана по Критію и Несіоту. Студничка, впервые высказывавшійся за Антенора (Jahrb. d. Inst., II (1887), 135 слл.), какъ извѣстно (ср. Ath. M., XV (1890), 1), давно уже отказался отъ своего прежняго мнѣнія.

[1]) Форма вазы—стамнъ. Изображенія его см. и у Baum., Denkm., III, f. 2132.

[2]) См. ихъ перечень у Коллиньона, Sculpture, I, 368 слл.

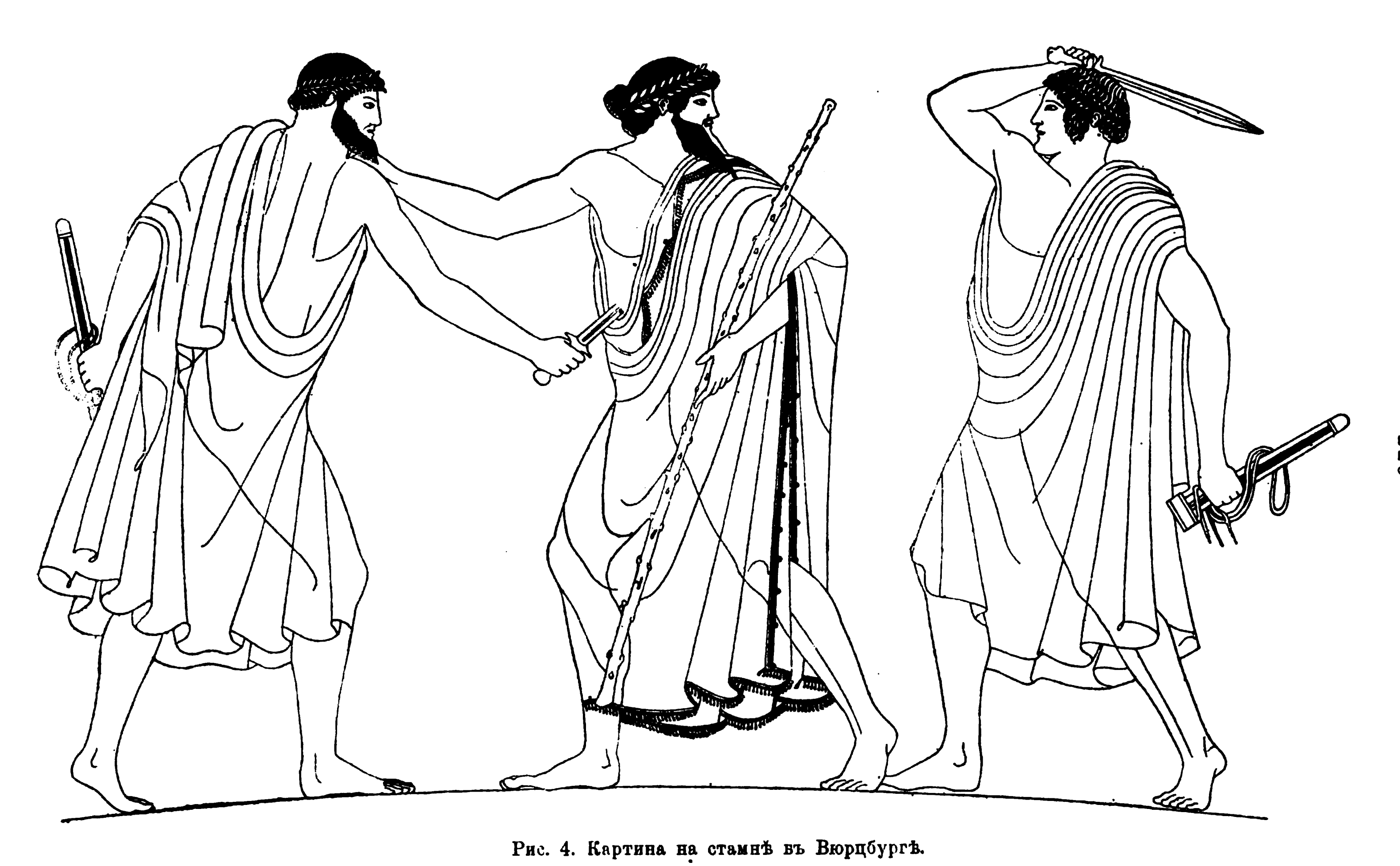


Рис. 4. Картина на стамнѣ въ Вюрцбургѣ.

родатымъ [1]); поза наступленія и здѣсь опять совершенно сходится съ группой. Весьма близкія отношенія вюрцбургской вазы къ группѣ показываютъ, что группа и ваза возникли приблизительно въ одно и то же время. Однако, по нашему мнѣнію, нельзя было бы сдѣлать заключеніе, что мастеръ вазы составилъ свою композицію подъ вліяніемъ группы Критія и Несіота, что онъ, взявъ изъ группы мотивы фигуръ героевъ, нарисовалъ между ними фигуру убѣгающаго Гиппарха. Фонъ-Роденъ (у Baum., Denkm., III, 1990) отказывается дать сужденіе объ отношеніи картины вюрцбургскаго стамна къ группѣ. Анализъ композиціи вазовой картины показываетъ скорѣе то, что ваза не зависитъ отъ группы. У вазовой композиціи есть цѣлый рядъ чертъ, обнаруживающихъ, что ея авторъ творилъ независимо отъ извѣстной намъ по памятникамъ группы. Убійство Гиппарха онъ передаетъ чисто анекдотически, безъ всякой идеализаціи. Конечно, въ его мысли прежде всего былъ самый фактъ; идеализированныхъ, нагихъ фигуръ группы онъ, очевидно, не имѣлъ въ виду. Герои вазоваго мастера одѣты въ гиматіи такъ, какъ одѣвались обыкновенно современники его. А нельзя не признать, что нагія фигуры въ тѣхъ же позахъ (вспомнимъ при этомъ, какое отличное знаніе нагого тѣла всегда было у мастеровъ строгаго стиля!) были бы гораздо эффектнѣе для композиціи: три фигуры въ гиматіяхъ на черномъ фонѣ являются тремя сплошными свѣтлыми пятнами, между тѣмъ двѣ нагія фигуры и одна одѣтая дали бы гораздо больше декоративнаго эффекта. Не менѣе странно было бы, если бы мастеръ вазы, зная мотивъ Аристогитона группы (вытянутая лѣвая рука съ наброшенной на ней хламидой), предпочелъ бы ту позу, которую мы видимъ у Аристогитона на вазѣ. Откинутая назадъ лѣвая рука еще болѣе увеличиваетъ ширину фигуры. Наоборотъ, какъ выиграла бы вся композиція, если бы художникъ зналъ мотивъ группы: хламида на лѣвой рукѣ превосходно заполнила бы пустое пространство между фигурой тиранна и Аристогитона, отъ чего чередованіе чернаго фона и свѣтлыхъ фигуръ было бы гораздо живѣе и въ декоративномъ отношеніи удачнѣе. Далѣе, если бы мастеръ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ группы, къ чему ему понадобилось измѣнять прическу Гармодія? Все это говоритъ за то, что вазовая картина скорѣе явилась не подъ вліяніемъ группы Критія и Несіота. Послѣ того, какъ Ксерксъ увезъ группу Антенора въ 480 г. изъ Аѳинъ въ Персію, у аѳинянъ сейчасъ же явилась мысль

[1]) Фактъ, что голова, придѣланная къ фигурѣ Аристогитона въ неаполитанской группѣ, не принадлежитъ ей, слишкомъ очевиденъ и очень хорошо извѣстенъ.

сдѣлать новую группу ихъ популярнѣйшихъ героевъ. Пока, однако, это дѣло было рѣшено оффиціально, пока группа приготовлялась, Гармодій и Аристогитонъ не были забыты. Напротивъ, уже самая мысль замѣнить сейчасъ же группу Антенора новою служитъ достаточнымъ доказательствомъ той популярности, которой пользовались эти герои теперь въ Аѳинахъ. Фонъ-Роденъ (у Baum., ук. м.) указалъ на то, что, разумѣется, въ Аѳинахъ были картины, прославлявшія Гармодія и Аристогитона. Конечно, такія картины прежде всего появились непосредственно послѣ 510 г. Нѣкоторыя изъ нихъ могли имѣть отношенія и къ группѣ Антенора. Отъ подобной картины можетъ зависѣть и композиція вюрцбургской вазы. Но она, разумѣется, можетъ быть и вполнѣ самостоятельнымъ созданіемъ вазоваго мастера. Мы ничего не знаемъ о томъ, каковы были отношенія группы Критія и Несіота къ группѣ Антенора. Но зная, какую большую роль въ древнемъ искусствѣ играла вообще пластическая традиція, можно полагать, что въ общемъ композиція группы Антенора была та же. Мы видѣли, что между группою Критія и Несіота и композиціею вюрцбургской вазы есть несомнѣнныя точки соприкосновенія. Мы сказали далѣе, почему намъ кажется, что композиція вазы должна быть древнѣе группы Критія и Несіота. Мы указали, наконецъ, и на то, что композиція вазы передаетъ самый фактъ и не заботится объ его идеализаціи такъ, какъ это явно на группѣ Критія. Отсюда намъ кажется весьма возможнымъ предположеніе, что вазовый мастеръ, создавая свою композицію, помнилъ еще старую группу Антенора, взялъ ея мотивы фигуръ Аристогитона и Гармодія. Если онъ стоитъ подъ вліяніемъ какой-либо картины, то то же самое мы должны предполагать относительно автора послѣдней. Группа Антенора, какъ явившаяся непосредственно послѣ тиранніи, по всей вѣроятности, скорѣе изображала Гармодія и Аристогитона одѣтыми, какъ они изображены на нашей вазѣ. Во времена Критія и Несіота Аристогитонъ и Гармодій сдѣлались уже вполнѣ героями, и отсюда понятно ихъ изображеніе въ группѣ этихъ художниковъ въ идеальной наготѣ. Антеноръ же, повидимому, еще не столько хотѣлъ прославить героевъ, сколько хотѣлъ дать группу, которая служила бы воспоминаніемъ о самомъ фактѣ, о самомъ подвигѣ Гармодія и Аристогитона. Какъ бы то ни было, картина вюрцбургской вазы является въ нашихъ глазахъ голосомъ изъ той эпохи, которая слѣдовала непосредственно послѣ 480 г. Она олицетворяетъ тѣ чувства, подъ вліяніемъ которыхъ аѳиняне рѣшили возстановить группу Антенора. Чувства эти вполнѣ понятны въ эпоху великой борьбы за свободу: побѣдители

при Саламинѣ прежде всего хотѣли почтить тѣхъ своихъ героевъ, которые были первыми борцами за свободу ихъ отечества и прямыми предшественниками дѣятелей въ эпоху Греко-Персидскихъ войнъ. Что картина вюрцбургскаго стамна происходитъ изъ времени непосредственно послѣ 480 года, показываетъ ея стиль.

Профили глазъ у фигуръ на вазѣ уже открыты. Далѣе здѣсь нѣтъ уже того подробнаго обозначенія мускулатуры, которое мы видимъ на вазахъ до 480 г. На время послѣ 480 года указываетъ прическа (πλοχαμῖδες) Гармодія. Какъ извѣстно, эта прическа не встрѣчается ни на одномъ осколкѣ вазъ, найденныхъ въ до-персидскомъ слоѣ на акрополѣ, ни у фигуръ метоповъ Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ. Напротивъ, у фигуръ эгинскихъ фронтоновъ она является преобладающею [1]). По всему кажется, что πλοχαμῖδες являются послѣ 480 г.

Въ виду сказаннаго мы полагаемъ, что вюрцбургская ваза относится ко времени между 480 и 476 годами. Стиль ея представляетъ дальнѣйшее развитіе стиля Евѳимида. [2]). Заключеніе, которое вюрцбургская ваза даетъ для хронологіи вазъ, сводится къ тому, что *еще около 476 года въ аттической керамикѣ продолжались традиціи строгаго стиля*. Но нельзя не замѣтить, что строгій стиль около этого времени начинаетъ уже падать. Рисунокъ на вюрцбургской вазѣ далеко не отличается тою корректностью и точностью, какія мы видимъ у лучшихъ мастеровъ строгаго стиля. Правда у мастера этой вазы еще есть живое чувство формъ, но у него уже слабы контуры рукъ и ногъ фигуръ; онъ уже не заботится о подробномъ тщательномъ обозначеніи мускуловъ.

Никогда никакой стиль не исчезаетъ вдругъ и не смѣняется внезапно новымъ. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что едва ли возможно провести опредѣленную хронологическую границу между періодомъ господства строгаго и прекраснаго стилей, какъ того часто хотѣли многіе въ послѣднее время [3]). Вазовые мастера— ремесленники, а въ ремеслѣ разъ выработанная рутина играетъ большую роль.

---

[1]) Эгинскіе фронтоны—послѣ 480 г. Ср. Homolle, Gaz. b.-a., XIII (1895), 215. Ср. Studniczka, Jahrb. d. Inst., XI (1896), 257 сл.

[2]) Ср. Klein, M.², 193 слл.; Milani, Mus. Ital., III, 1, 245 слл. Ср. вазу, Mon., I, 54 (Baum., Denkm, II, 860). На послѣдней прически, формы тѣла, типы имѣютъ массу общаго съ вюрцбургской вазой. И здѣсь уже нѣтъ подробнаго обозначенія мускулатуры, но еще не видимъ здѣсь плокамидъ; типы, равнымъ образомъ, ближе къ типамъ фигуръ на вазахъ изъ до-персидскаго слоя на аѳинскомъ акрополѣ. Ваза по стилю вообще старше вюрцбургской. Ср. v. Rohden y Baum., Denkm., III, 1990.

[3]) Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVII (1894), 39, 3.

И послѣ 476 года строгій стиль, вѣроятно, еще существовалъ. Мы видѣли, что берлинскую вазу Евфронія (№ 2282) можно датировать вплоть до 460 года.

Послѣ 460 года уже нельзя предполагать существованія новыхъ школъ, работавшихъ въ строгомъ стилѣ. Берлинская чаша № 2282—одно изъ послѣднихъ произведеній строгаго стиля. За ней непосредственно идутъ вазы, въ рисункахъ коихъ замѣчаются элементы новаго стиля. Послѣдніе начинаютъ мало-по-малу выступать все опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, пока, наконецъ, не заглушаютъ старый стиль совершенно. Впервые элементы новаго стиля являются, какъ мы замѣтили выше, на вазахъ, въ надписяхъ которыхъ называется тотъ же Главконъ, сынъ Леагра,—котораго прославлялъ еще Евфроній. 470—460 годы, такимъ образомъ, являются поворотнымъ пунктомъ въ исторіи греческой вазовой живописи: въ эти годы аѳинскіе мастера оставляютъ архаическій строгій стиль, на смѣну которому является новый „прекрасный". Намъ предстоитъ теперь заняться выясненіемъ того, чѣмъ новый стиль отличается отъ стараго, равно какъ остановиться на вопросѣ о томъ, какъ совершилась эта перемѣна стилей въ аттической керамикѣ, и когда новый стиль окончательно вытѣснилъ старый.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Около 475 года аттическую скульптуру представляютъ метопы Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ и произведенія Критія и Несіота и ихъ школы. 40 лѣтъ спустя характерными представителями аттической пластики являются уже скульптуры Парѳенона, иными словами—школа Фидія. Уже нѣсколько разъ указывалось на то, какъ быстро совершился въ греческой скульптурѣ переходъ отъ архаическаго стиля къ вполнѣ свободному. Какъ мало времени, напримѣръ, отдѣляетъ эгинскіе мраморы, этотъ типъ архаической пластики, отъ фронтоновъ и фриза Парѳенона, одного изъ высшихъ проявленій свободнаго классическаго искусства! За какія-нибудь 40 лѣтъ стиль подвергся такимъ кореннымъ измѣненіямъ, что всякій согласится съ тѣмъ, что въ метопахъ Аѳинской сокровищницы въ Дельфахъ и въ скульптурахъ школы Фидія предъ нами выступаютъ какъ бы два разныхъ міра.

Нельзя не замѣтить, что вазовая живопись прошла совершенно тѣ же фазы развитія, что́ и скульптура: вазы строгаго стиля въ керамикѣ являются представителями того же стиля, который въ скульптурѣ представляютъ метопы дельфійской Сокровищницы аѳинянъ; точно также стиль, аналогичный стилю скульптуръ школы Фидія, видимъ въ рисункахъ на вазахъ, образцомъ которыхъ является извѣстный киликъ съ изображеніемъ Кодра въ Museo Civico въ Болоньѣ[1]). Если вазы строгаго стиля одновременны съ метопами Сокровищницы аѳинянъ, то болонскій киликъ и подобныя ему по стилю вазы должны были явиться приблизительно тогда же, когда дѣйствовала школа Фидія.

Вазы стиля килика съ изображеніемъ Кодра Крамеръ [2]) впервые назвалъ вазами прекраснаго стиля. Вслѣдъ за нимъ ихъ называютъ

---

[1]) Braun, Die Kodrosschale; Baum., Denkm., III, 2148—2150; Jahrb. d. Inst., XIII (1898), 65 слл., Taf. 4; Bulle, Der schöne Mensch im Altertum, Taf. 131.

[2]) G. Kramer, Über den Styl und die Herkunft der bemalten griechischen Thongefässe, Berlin, 1837.

такъ О. Янъ [1]), Фуртвенглеръ [2]), Мильхгёферъ [3]) и др. Такъ какъ для вазъ этой категоріи красота стиля особенно характерна, то и мы будемъ называть ихъ вазами прекраснаго стиля [4]).

Рис. 5. Картина внутри килика Museo Civico въ Болоньѣ.

Итакъ, на смѣну строгаго стиля, процвѣтавшаго, какъ мы видѣли, особенно въ 490—460 годахъ, является прекрасный стиль, достигающій

---

1) O. Jahn, Einl., CLXXXIX.

2) Furtwängler, Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium, II, 627.

3) Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 57 слл.

4) Конечно, терминъ «прекрасный» не всегда обязательно предполагаетъ красивый рисунокъ. Есть много небрежныхъ вазъ, которыя по времени относятся къ этому же

своего процвѣтанія около времени, когда явились скульптуры Пароенона.

Благодаря очень большому количеству дошедшихъ до насъ вазъ, мы можемъ прослѣдить съ достаточною подробностью эволюцію пре-

Рис. 6. Картины на наружныхъ сторонахъ килика Британскаго музея Е 68.

краснаго стиля въ керамикѣ. Вазы представляютъ особенный интересъ именно потому, что мы не имѣемъ въ такомъ количествѣ другихъ памятниковъ этой наиболѣе блестящей эпохи въ исторіи греческаго искусства. Ке-

періоду: ихъ нельзя назвать въ буквальномъ смыслѣ прекрасными. Мы употребляемъ терминъ лишь въ значеніи времени.

рамическіе памятники даютъ намъ весьма важный матеріалъ для общей исторіи искусства V вѣка.

Въ чемъ же заключается разница стараго и новаго стилей? Что дѣйствительно новаго даетъ прекрасный стиль? Вотъ вопросы, на которые намъ необходимо отвѣтить ранѣе, чѣмъ мы приступимъ къ изученію эволюціи новаго стиля.

II.

Мы остановимся на трехъ весьма интересныхъ памятникахъ, анализъ и сравненіе стиля которыхъ покажетъ намъ съ наглядностью, въ чемъ заключается суть новаго стиля. Это — 1) киликъ Берлинскаго музея № 2278 работы Сосія [1]); 2) киликъ Британскаго музея E 68 (рис. 6) [2]); 3) киликъ Британскаго музея E 82 (рис. 7) [3]).

Киликъ Сосія [4]) принадлежитъ эпохѣ наивысшаго процвѣтанія строгаго стиля [5]) и является его чрезвычайно типичнымъ представителемъ. По своему стилю онъ имѣетъ массу точекъ соприкосновенія съ архаическими скульптурами на аѳинскомъ акрополѣ и съ метопами Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ.

Наоборотъ, киликъ Британскаго музея — типичный представитель новаго стиля. Фигуры его рисунковъ совершенно аналогичны въ стилѣ съ фигурами фриза Парѳенона. Ср., напр., фигуру Персефоны (на рисункѣ внутри килика) съ Артемидой восточнаго фриза Парѳенона [6]) или фигуру Афродиты съ дѣвушками на фризѣ Парѳенона [7]).

На наружныхъ рисункахъ килика Сосія представленъ апоѳеозъ Геракла. На одной сторонѣ видимъ четыре пары боговъ и богинь, которые сидятъ на стульяхъ, покрытыхъ львиными шкурами. У всѣхъ у нихъ въ рукахъ—фіалы (чаши), которыя юная крылатая Геба должна наполнить виномъ. Геба представлена наливающею вино изъ энохои

---

[1]) Klein, M., 147, 2; Mon., I, 24—25; Müller-Wieseler, Denkm., I, 210; Overbeck, Bildw., XIII, 8; Rayet-Collignon, Céramique, 74 слл.; Baum., Denkm., III, 2398, и I, 9; Antike Denkmäler, I, Taf. 9—10; Bulle, ук. с., 130.

[2]) Mon., V, tav. 49; Baum., Denkm., III, 2041 (Taf. XLII).

[3]) Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXXIV—XXXV (Harrison, Greek vase paintings, pl. XXXVII: внутр. карт.).

[4]) Гартвигъ (ук. с., 241 слл.) напрасно эту чашу приписываетъ Пиѳину. Стиль внутренней картины скорѣе всего подходилъ бы къ стилю Евфронія.

[5]) Rayet-Collignon, ук. с., 186 слл.; v. Rohden у Baum., Denkm., III, 1990; Hartwig, ук. с., 268 слл.

[6]) Michaelis, Parthenon, Taf. 14, VI, 40.

[7]) Michaelis, ук. с., Taf. 14, III.

*

(кувшина) въ фіалу, которую держитъ въ рукахъ Гера. Очевидно, Геба начинаетъ со старшихъ боговъ — Зевса и Геры. Остальные боги еще

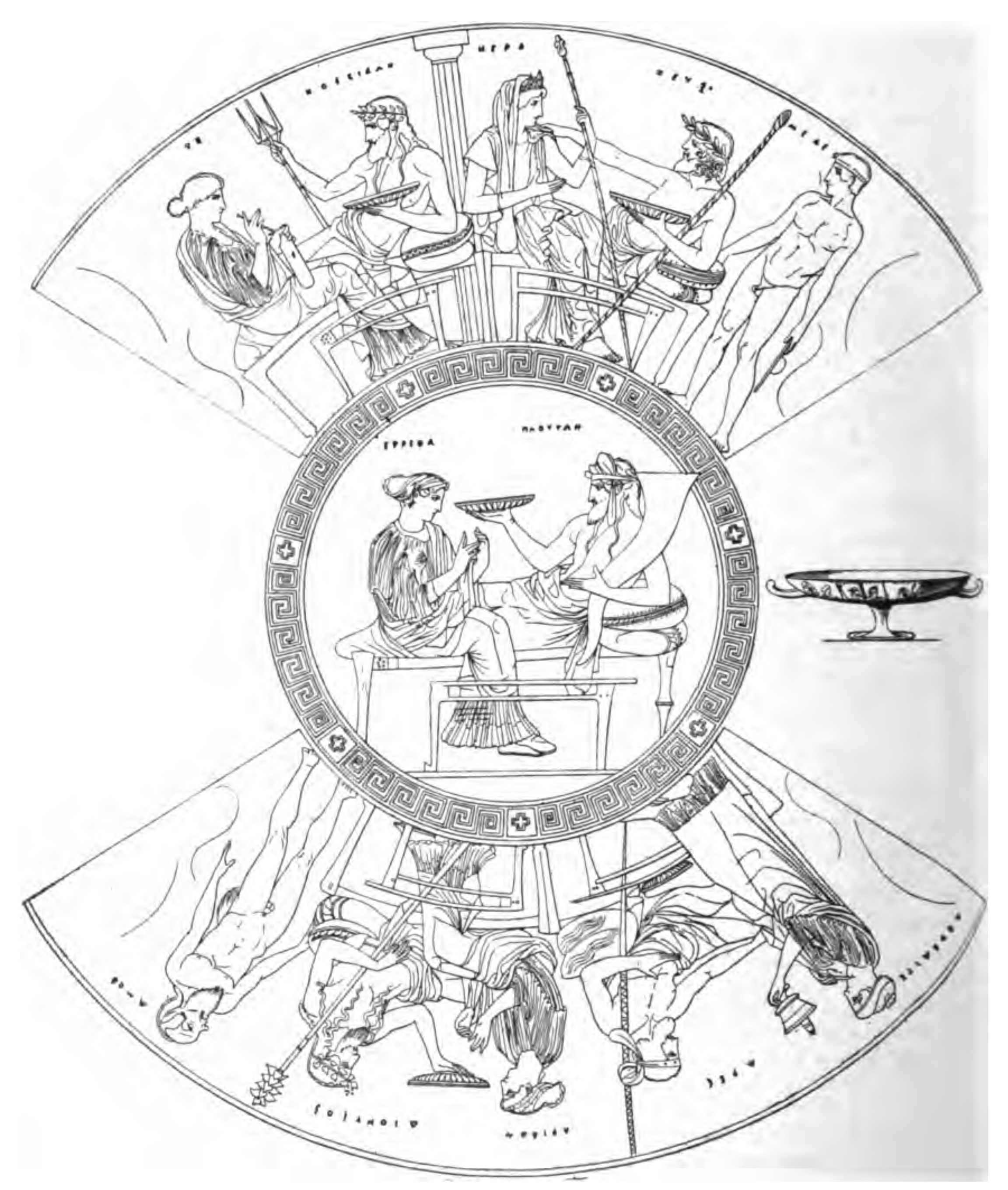


Рис. 7. Картины на киликѣ Британскаго музея E 82.

ждутъ и протягиваютъ свои руки съ чашами къ Гебѣ. Кромѣ Зевса и Геры, изъ боговъ здѣсь изображены слѣдующіе: Посидонъ съ Амфи-

тритой (сейчасъ же за Гебой), далѣе—Арей съ Афродитой и, наконецъ, Діонисъ съ Аріадной [1]). На другой сторонѣ килика—продолженіе первой композиціи.

Гераклъ, въ сопровожденіи божествъ, вступаетъ на Олимпъ. Впереди идутъ три Оры; далѣе, вправо, изображены двѣ сидящихъ богини (онѣ, конечно,—на Олимпѣ): Гестія и другая, которую, по ошибкѣ, авторъ вазовой картинѣ назвалъ Амфитритой [2]) [мы здѣсь ожидали бы Деметру]. За богинями представленъ Гермій, затѣмъ—Артемида [3]), далѣе—самъ Гераклъ, который, вступая на Олимпъ, въ умиленіи восклицаетъ: „Ζεῦ φίλε“ [надпись влѣво отъ его головы]; послѣднею изображена Аѳина [4]).

Картина внутри килика представляетъ Ахилла, перевязывающаго рану на рукѣ сидящаго передъ нимъ Патрокла.

На киликѣ Британскаго музея (E 82) мы видимъ композицію, по мотивамъ и сюжету весьма аналогичную съ композиціей наружныхъ картинъ килика Сосія. Это для насъ особенно интересно, потому что, сравнивая двѣ такихъ композиціи художниковъ разнаго времени, мы особенно хорошо можемъ установить, въ чемъ заключается существенная разница двухъ стилей.

Какъ на наружныхъ картинахъ, такъ и на картинѣ внутри килика E 82 представлены сидящія по-парно за пиромъ божества. На первой наружной сторонѣ, разсматривая картину справа, мы видимъ сначала нагого прекраснаго кравчаго боговъ—Ганимеда, который стоитъ около Зевса. Голова Ганимеда повязана теніей (лентой); въ лѣвой рукѣ онъ держитъ ситечко. Зевсъ возлежитъ на клинѣ (кушеткѣ), опираясь лѣвымъ локтемъ на подушку и держа въ лѣвой рукѣ фіалу; скипетръ Зевсъ придерживаетъ, прислонивъ его къ лѣвому плечу, частью руки, чтó за ладонью. На одной клинѣ съ Зевсомъ сидитъ Гера со скипетромъ, увѣнчаннымъ пальметкой, въ лѣвой рукѣ. Передъ клиной Зевса и Геры стоитъ небольшой столикъ. Зевсъ протянулъ правую руку къ Герѣ и снимаетъ съ ея плеча покрывало, которое у богини надѣто на голову и ниспадаетъ на плечи. Зевсъ одѣтъ только въ гиматій, который покрываетъ нижнюю часть его тѣла; на головѣ Зевса — лавровый

---

[1]) Кромѣ Амфитриты, имена всѣхъ божествъ засвидѣтельствованы надписями. Ср. Furtwängler, Beschr. der Vasensammlung im Antiquarium, къ 2278.

[2]) Ср. Furtwängler, ук. с., къ 2278, 554, пр. 1; Baum., Denkm., III, 2140.

[3]) Фигура по типу скорѣе Аполлонъ. Ср. Furtwängler, ук. с., стр. 555, пр. 1; Baum, ук. м.

[4]) Всѣ имена, кромѣ Геракла и Аѳины, засвидѣтельствованы надписями; голова, изображенная подъ ручкой килика въ медальонѣ, по Фуртвенглеру, представляетъ Селену (стр. 556). Намъ скорѣе кажется вѣроятнымъ, что медальонъ имѣетъ чисто декоративное значеніе и къ композиціи апоѳеоза Геракла отношенія не имѣетъ.

вѣнокъ. На головѣ Геры—стефана съ лепестками, придѣланными къ ней сверху. Кромѣ покрывала, на Герѣ—дорическій хитонъ съ боковымъ разрѣзомъ и отворотомъ, сверхъ котораго надѣтъ поясъ; на обѣихъ рукахъ у нея—браслеты; на ногахъ—сандаліи [1]). За Герой—дорическая колонна (центръ композиціи) указываетъ на то, что пиршество происходитъ въ крытомъ помѣщеніи. По другую сторону колонны изображена другая пара божествъ — тоже на клинѣ, предъ которой поставленъ столикъ,—Посидонъ и Амфитрита. Ихъ позы и положеніе—почти полное повтореніе мотивовъ фигуръ Зевса и Геры. Посидонъ (одѣтый такъ же, какъ Зевсъ, и отличающійся отъ него лишь прической) держитъ въ лѣвой рукѣ фіалу и въ правой трезубецъ. Сидящая противъ него на той же клинѣ Амфитрита одѣта въ іонійскій хитонъ и гиматій. Она держитъ въ лѣвой рукѣ алабастръ (флаконъ изъ алебастра), изъ котораго достаетъ содержимое ложкою съ длинной ручкой. Волосы богини сзади зачесаны въ узелъ; на ногахъ—сандаліи.

На другой наружной картинѣ килика Е 82 возлежатъ опять на такихъ точно клинахъ Арей и Діонисъ. Около клины Арея стоитъ Афродита (на ней—іонійскій хитонъ и гиматій; на головѣ —σάκκος, чепецъ). Лѣвую руку она держитъ у груди, а въ правой держитъ канѳаръ съ крышкой. Арей (на немъ—гиматій, какъ на Зевсѣ; на головѣ—тенія) поставилъ свою фіалу на столикъ, стоящій предъ его клиной, правую руку онъ положилъ на колѣно, лѣвою придерживаетъ скипетръ, который прислоненъ къ его лѣвому плечу (повтореніе того же мотива, чтѡ у Зевса и далѣе у Діониса),

Далѣе слѣдуютъ Аріадна и Діонисъ. Положеніе и позы ихъ тѣ же, чтѡ у Зевса и Геры. Прическа и костюмъ Аріадны такіе же, какъ у Амфитриты; только на головѣ у нея надѣта еще лента съ крапинками, которая въ три ряда обвиваетъ голову. Аріадна мизинецъ правой руки приложила къ указательному пальцу лѣвой руки. Діонисъ одѣтъ, какъ Зевсъ; но на головѣ у него, вмѣсто лавроваго вѣнка,—вѣнокъ изъ плюща и на лѣвомъ плечѣ, вмѣсто скипетра,—ѳирсъ; въ правой рукѣ у Діониса—фіала.

Наконецъ, за Діонисомъ стоитъ голый силенъ Комъ.

Внутри килика изображены опять на такой же клинѣ, какъ и божества на наружныхъ картинахъ вазы, Персефона, которая названа здѣсь Ферефаттой [2]), и Плутонъ. Ихъ мотивъ—повтореніе группы Діониса

---

[1]) На рисункѣ килика въ Mon., V, 49, сандаліи не замѣтны.

[2]) С. Смисъ въ своемъ каталогѣ говоритъ, что Персефона держитъ въ рукахъ какой-то предметъ, который художникъ почему-то не обозначилъ. Намъ кажется, что

и Аріадны, только Плутонъ держитъ у лѣваго плеча широкій рогъ, увѣнчанъ лавромъ и, кромѣ того, у него надѣта на голову тенія.

Всѣ имена божествъ на киликѣ Е 82 засвидѣтельствованы надписями [1]). Сосій на одной изъ наружныхъ картинъ своего килика и мастеръ килика Британскаго музея Е 82 задавались однимъ и тѣмъ же. Оба они даютъ изображеніе пирующихъ обитателей Олимпа. Какъ у одного, такъ и у другого художника боги изображены сидящими попарно. Выборъ божествъ у обоихъ также почти одинаковъ: у того и другого видимъ Зевса съ Герой, Посидона съ Амфитритой, Арея съ Афродитой, Діониса съ Аріадной. У Сосія служитъ богамъ Геба, у мастера вазы Е 82—Ганимедъ.

III.

Одинъ и тотъ же сюжетъ, одни и тѣ же мотивы у того и другого художника украшаютъ совершенно одинаковыя поверхности (наружную сторону килика). Это обусловливаетъ до нѣкоторой степени одинаковость композиціи. Въ обоихъ случаяхъ фигуры занимаютъ одинаковое положеніе по отношенію къ поверхности, которую онѣ должны заполнять: 1) всѣ онѣ расположены по одной горизонтальной линіи, 2) онѣ цѣликомъ заполняютъ поверхность картины, не оставляя почти вовсе свободнаго мѣста ни сверху, ни съ боковъ. Композиціи обоихъ художниковъ, такимъ образомъ, являются фризеобразными. Такой тектоническій характеръ ихъ прекрасно соотвѣтствуетъ тому, что картины расчитаны на украшеніе наружныхъ стѣнокъ вазы: композиціи зависятъ отъ ея формы, всецѣло ей подчиняясь, служа ея органическою составною частью.

Хотя въ томъ и другомъ случаѣ оба художника старались расположить фигуры своей композиціи симметрично и равномѣрно, однако, здѣсь сказалось уже въ произведеніяхъ того и другого глубокое различіе стилей.

Всякаго, конечно, поразитъ въ композиціи Сосія необыкновенно тѣсное расположеніе фигуръ, что у него вызывается слишкомъ большимъ ихъ количествомъ. На томъ пространствѣ, которое было въ распоряженіи у художника, невозможно было помѣстить столько фигуръ,

---

скорѣе Персефона здѣсь дѣлаетъ руками жестъ въ родѣ жеста Аріадны на второй наружной картинѣ килика: она приложила два среднихъ пальца правой руки къ мизинцу лѣвой.

[1]) Факсимиле ихъ см. въ каталогѣ вазъ Брит. музея С. Смиса. Въ Mon., V, 49; и у Winter'a, Jüngere attisch. Vasen, I, 28, надписи переданы неточно.

какъ это видимъ у Сосія, безъ ущерба относительно ясности композиціи. Божества, сидящія рядомъ, у Сосія другъ къ другу придвинуты такъ близко, что глазъ съ трудомъ отдѣляетъ одну фигуру отъ сосѣдней съ нею. Далѣе, каждая пара опять такъ близко посажена около другой, что общее впечатлѣніе отъ композиціи получается неблагопріятное: чрезмѣрное переполненіе пространства фигурами, которыя глазу такъ трудно отдѣлить одну отъ другой, лишаетъ композицію гармоніи; глазъ не находитъ столь желаемаго ритмическаго чередованія свѣтлыхъ фигуръ и темнаго фона; напротивъ, посаженныя вплотную другъ къ другу фигуры производятъ впечатлѣніе свѣтлаго большаго пятна на черномъ фонѣ. Фигура стоящей крылатой Гебы, которая, казалось бы, такъ хорошо могла быть употреблена какъ разъ для того, чтобы внести нѣкоторое разнообразіе въ монотонную композицію, еще болѣе, благодаря постановкѣ и мотиву, которые выбралъ для нея художникъ, увеличиваетъ неясность композиціи и ничуть не содѣйствуетъ ея оживленію. Дѣло въ томъ, что распростертыя крылья Гебы еще менѣе оставляютъ черного фона; накидка, надѣтая на юной богинѣ, и мотивъ поддерживанія и отодвиганія хитона лѣвою рукою, который Сосій даетъ фигурѣ Гебы, дѣлаютъ ея фигуру чрезмѣрно широкой, тяжелой. Такая фигура, поставленная между двумя парами божествъ, и притомъ на второмъ планѣ, заставляетъ, несомнѣнно, терять композицію еще болѣе въ ясности и гармоніи цѣлаго.

Вторая половина композиціи Сосія страдаетъ тѣми же недостатками, что и первая: чрезмѣрно тѣсная постановка фигуръ, неясность, плохое распредѣленіе свѣтлыхъ фигуръ по отношенію къ темному фону.

Указанныя нами слабыя стороны въ композиціи Сосія не составляютъ только его личной черты. Напротивъ, это — характерныя особенности стараго стиля вообще. Нарушеніе мѣры, недостатокъ гармонической ясности въ композиціи намъ хорошо знакомы по памятникамъ греческаго архаизма.

Въ болѣе древнихъ памятникахъ эти недостатки композиціи выступаютъ еще сильнѣе, чѣмъ то мы наблюдаемъ у Сосія и другихъ мастеровъ развитого строгаго красно-фигурнаго стиля. У послѣднихъ уже замѣтенъ большой прогрессъ въ сравненіи, напр., съ такими памятниками, какъ черно-фигурный кратеръ Британскаго музея (В 364) [1]), гдѣ изъ-за большого нагроможденія фигуръ такъ трудно отдать себѣ отчетъ въ цѣломъ.

---

[1]) W. Bl., 1890—91, Taf. VI, 1; Overbeck. Atlas der Kunstmythologie, Taf. IV, 7, 1. Ср. Брит. муз., В, 304, 317, 321, 340, 343, 400, и т. д.

Но тѣмъ не менѣе даже въ наиболѣе удачныхъ композиціяхъ мастеровъ строгаго стиля композиція никогда не достигаетъ такого совершенства и высоты, какія мы видимъ у мастеровъ новаго стиля. Такъ и у Сосія въ его картинѣ, помѣщенной на днѣ килика, привлекающаго наше вниманіе, при всемъ мастерствѣ въ заполненіи пространства, которое столь часто выставлялось на видъ,—мы не видимъ еще полной гармоніи въ композиціи: насколько прекрасна композиція въ верхней своей половинѣ, настолько нижняя половина все еще заставляетъ желать большей ясности и опредѣленности.

Какъ выгодно отличается отъ вазы Сосія ваза Британскаго музея Е 82!

Мастеръ вазы Британскаго музея уже въ композиціи создалъ нѣчто совершенно новое, чего мы никогда не наблюдаемъ въ архаическомъ искусствѣ.

На томъ самомъ пространствѣ, гдѣ Сосій помѣстилъ 9 фигуръ, авторъ килика Е 82 даетъ только 5 фигуръ. Уже это одно даетъ больше свободнаго пространства между фигурами. Далѣе, изъ этихъ 5 фигуръ на первой картинѣ одна стоящая, а на второй — двѣ стоящихъ. Это даетъ возможность еще свободнѣе распредѣлить фигуры. Сосій, какъ мы видѣли, не умѣлъ воспользоваться для того стоящею фигурой Гебы. На второй его картинѣ (второй половинѣ композиціи) равнымъ образомъ 6 стоящихъ фигуръ ни мало не обусловливаютъ лучшаго распредѣленія фигуръ по отношенію къ фону; фигуры слишкомъ широки изъ-за ихъ одеждъ. Художникъ вазы Е 82 прекрасно понялъ, что нагая фигура придаетъ болѣе эффекта композиціи. И вотъ, на первой картинѣ у него, вмѣсто тяжелой и широкой фигуры Гебы, видимъ элегантную фигуру нагого Ганимеда. Во второй картинѣ одна изъ фигуръ — въ одеждѣ (Афродита), другая опять—безъ нея: голый силенъ Комъ.

У Сосія сильно вредитъ композиціи то, что фигуры посажены рядомъ, вплотную другъ около друга.

Вмѣсто такого расположенія нашъ художникъ посадилъ каждую пару фигуръ на одномъ ложѣ другъ противъ друга. Едва ли надо разъяснять то, почему такое расположеніе фигуръ содѣйствуетъ большей гармоніи композиціи.

Главная красота общей композиціи картины на красно-фигурныхъ вазахъ безспорно состоитъ въ хорошемъ взаимоотношеніи свѣтлыхъ фигуръ и темнаго фона. И въ этомъ нашъ художникъ является образцомъ. Монотонности Сосія здѣсь противополагается эффектное, полное ритма и гармоніи чередованіе свѣтлыхъ силуэтовъ на черномъ фонѣ,

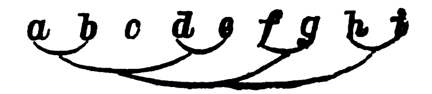
Свободныя мѣста между фигурами, которыя образовались отъ расположенія фигуръ другъ противъ друга, эффектно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и естественно заполнены: между Герой и Зевсомъ—вытянутою правою рукою Зевса и лѣвою рукою (со скипетромъ) богини, между Амфитритой и Посидономъ—правою его рукою съ трезубцемъ, между Афродитой и Ареемъ-канѳаромъ, который держитъ богиня, и, наконецъ, между Аріадной и Діонисомъ — фіалой, въ правой рукѣ Діониса. Благодаря этому, въ верхней части картины вовсе нѣтъ мѣста, гдѣ было бы (какъ то мы наблюдали у Сосія) черезчуръ много свѣтлыхъ фигуръ или чернаго фона. Въ средней части картины изъ-за сидячаго положенія боговъ является цѣлая полоса, на которой нигдѣ не проглядываетъ черный фонъ. Однако, какъ ловко и просто художникъ избѣжалъ монотонности и какой бы то ни было неясности въ композиціи! Во-первыхъ, свѣтлая полоса не проходитъ черезъ всю картину: ее прерываетъ на первой картинѣ фигура Ганимеда, а на второй—силена Кома. Затѣмъ, въ первой картинѣ колонна въ центрѣ композиціи, а также трезубецъ Посидона и скипетры Геры и Зевса, во второй—фигура Афродиты, скипетръ Арея и ѳирсъ Діониса пересѣкаютъ ее и тѣмъ не позволяютъ глазу слѣдить только за этою свѣтлой полосой въ горизонтальномъ направленіи, а заставляютъ смотрѣть на всю композицію. Въ виду того, что въ средней части картины явилось довольно много свѣтлыхъ частей, необходимо для равновѣсія и въ нижней части не давать слишкомъ много чернаго фона. Если бы художникъ въ нижней части картины далъ бы только ноги, закрытыя одеждой, двухъ фигуръ, ноги одной нагой фигуры, низъ колонны и ножки клинъ, то все-таки чернаго фона было бы слишкомъ много: въ сравненіи со средней частью, здѣсь получались бы черныя пятна, или средняя часть между двумя крайними давала бы свѣтлое пятно. Художникъ прекрасно избѣжалъ этого, поставивъ предъ каждой клиной по маленькому столику.

Что касается общаго декоративнаго эффекта композиціи, распредѣленія фигуръ на темномъ фонѣ вазы, нашъ художникъ представляетъ классическій примѣръ. Именно такъ должны быть располагаемы фигуры на картинахъ, предназначенныхъ для украшенія вазъ, подобно тому какъ строго гармоничны со зданіемъ должны быть украшающія его скульптуры. Архаическіе художники этого не знаютъ такъ тонко, какъ мастера времени свободнаго искусства. У вазовыхъ мастеровъ строгаго стиля весьма часто, какъ у Сосія, картины не отвѣчаютъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ къ декоративной живописи. Напротивъ того, въ новомъ стилѣ нельзя не замѣтить прежде

всего весьма тонкаго знанія и пониманія законовъ композиціи декоративной живописи. Въ этомъ отношеніи мастера вазъ прекраснаго стиля стараются не отставать отъ монументальнаго искусства ихъ времени.

Фризъ и фронтоны Пареенона въ композиціи обнаруживаютъ тѣ же принципы, которые мы установили, анализируя композиціи наружныхъ картинъ килика Британскаго музея Е 82.

На первой наружной картинѣ берлинскаго килика Сосія фигуры Зевса и Геры съ лѣвой стороны находятъ себѣ полнѣйшее соотвѣтствіе въ фигурахъ Діониса и Аріадны на правомъ концѣ композиціи. Концы композиціи, такимъ образомъ, строго симметричны. Соотвѣтствіе первыхъ фигуръ съ того и другого края проведено до мелочей. Фигуры Зевса съ одной стороны и Діониса съ другой почти одинаковы: оба бога сидятъ на совершенно однообразныхъ стульяхъ, которые не только одинаково покрыты шкурами пантеры, но и детали шкуръ и манера, какъ онѣ положены на стульяхъ,—все совершенно аналогично (ср., напр., ножки стульевъ, положеніе лапъ и хвоста шкуръ); не менѣе бросается въ глаза строгая симметрія въ одеждѣ Зевса и Діониса. Вообще фигуры этихъ боговъ и богинь, которыя сидятъ съ ними рядомъ, на той и другой сторонѣ одинаковы; только послѣ самаго тщательнаго разсматриванія и сличенія ихъ мы видимъ, что художникъ осмѣлился въ незначительныхъ мелочахъ разнообразить фигуры (конецъ гиматія Діониса нѣсколько шире и оттянутъ нѣсколько далѣе назадъ, чѣмъ таковой же и соотвѣтствующій ему конецъ гиматія Зевса; около Зевса поставленъ скипетръ съ орломъ, вмѣсто чего Діонисъ держитъ плющевую вѣтвь; орнаментъ стульевъ нѣсколько отличенъ и т. п.). Но всѣ эти мелочи въ сравненіи съ общими линіями фигуръ совершенно ничтожны. То же самое можно сказать и относительно двухъ другихъ паръ: онѣ очень мало отличаются отъ двухъ первыхъ. Фигуры Зевса и Геры, такимъ образомъ, находятъ себѣ соотвѣтствіе не только въ двухъ крайнихъ фигурахъ, но и въ двухъ среднихъ парахъ. Если мы обозначимъ всѣ фигуры первой композиціи Сосія послѣдовательно буквами a, b, c, d, e, f, g, h, i, то соотвѣтствія фигуръ ясно выражается въ слѣдующей схемѣ:



Парѣ Зевса и Геры (ab) соотвѣтствуетъ строго и обращена къ ней каждая изъ послѣдующихъ паръ (de, fg, hi). Композиція отъ такого

расположенія фигуръ получается весьма бѣдная. Посадивъ Зевса и Геру на лѣвомъ концѣ, Сосій посадилъ противъ нихъ другихъ боговъ, которые всѣ обращены лицами къ царю и царицѣ боговъ. Въ образовавшемся между первою и второю парами (слѣва) пространствѣ Сосій поставилъ Гебу. Этимъ еще болѣе подчеркивается главенство Зевса и Геры.

Нельзя не замѣтить, что въ композиціи Сосія нѣтъ центральной фигуры и что вся картина распадается на двѣ равныя части (въ первой части—фигуры ab, c, de; во второй—fg и hi). Такъ какъ количество фигуръ въ каждой изъ частей различно, а вслѣдствіе этого различно заполнены въ обѣихъ частяхъ ихъ поверхности, то общая композиція является не уравновѣшенною. Симметрія у Сосія —чисто внѣшняя, рѣзко бросающаяся въ глаза и утомляющая глазъ однообразіемъ своихъ линій. Отсутствіе правильнаго ритма, чисто математическая симметрія фигуръ, соотвѣтствующихъ другъ другу, повтореніе нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же фигуръ, — все это сообщаетъ композиціи Сосія монотонный, сухой, лишенный свободы и жизни характеръ.

Другая композиція Сосія (на другой сторонѣ того же берлинскаго килика) отличается такимъ же характеромъ: въ центрѣ три фигуры (изъ которыхъ одна сидящая и двѣ стоящихъ) и около нихъ съ той и другой стороны по три стоящихъ фигуры, которыя соотвѣтствуютъ другъ другу. И здѣсь—та же чисто внѣшняя, безжизненная симметрія, та же монотонность, то же однообразіе, которыя мы видѣли въ первой композиціи нашего мастера и которыя вообще характерны для строгаго архаическаго стиля, осмѣливающагося разнообразить соотвѣтствующія другъ другу фигуры композиціи большею частью лишь въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ.

Какъ сильно опять отличаются обѣ композиціи на киликѣ Британскаго музея!

Обратимся сначала къ первой изъ нихъ. Сидящей, одѣтой фигурѣ Амфитриты соотвѣтствуетъ на другомъ концѣ стоящая фигура нагого Ганимеда. Художникъ здѣсь уже отрѣшился отъ архаическаго пониманія композиціи, гдѣ симметрія рѣзко бросается въ глаза съ перваго раза. Если авторъ килика E 82 по краямъ въ своей композиціи помѣщаетъ столь отличныя другъ отъ друга фигуры, какъ Амфитрита и Ганимедъ, то онъ этимъ сообщаетъ своей картинѣ больше непринужденности, свободы, естественности и, ergo, жизни, чѣмъ то мы видимъ въ композиціяхъ съ математической симметріей архаической эпохи.

Зевсъ съ Герой и Ганимедъ на первой картинѣ вазы Британскаго

музея представляютъ совершенно замкнутую въ себѣ группу. Такъ какъ эти фигуры отдѣлены отъ двухъ другихъ еще колонной, то онѣ образуютъ особую часть. И здѣсь, такимъ образомъ, композиція состоитъ изъ двухъ частей. Однако, обѣ части самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собою, составляя одно общее цѣлое, и прекрасно уравновѣшены одна съ другою, представляя образецъ тонкаго ритмическаго построенія композиціи. Въ самомъ дѣлѣ, если первая часть композиціи имѣетъ большее количество фигуръ, то художникъ удѣлилъ ей и болѣе мѣста. Въ виду послѣдняго колонну, представляющую центръ, около котораго группируются всѣ фигуры композиціи, нужно было отодвинуть отъ математическаго центра картины нѣсколько влѣво. Благодаря такому несовпаденію художественнаго центра картины съ ея математическимъ центромъ, композиція опять выигрываетъ въ свободѣ и естественности. Хотя, какъ мы видѣли, нашъ художникъ сдѣлалъ обѣ фигуры своей первой композиціи несимметричными и раздѣлилъ всю картину на двѣ неравныя части, перенеся художественный центръ композиціи влѣво, тѣмъ не менѣе картина его построена по законамъ симметріи: онъ избѣгаетъ лишь внѣшней симметріи, сухой и грубой, рѣзко бросающейся въ глаза, и строго соблюдаетъ законы симметріи внутренней, художественной, которую раньше почувствуешь, чѣмъ отдашь въ ней отчетъ. Безъ послѣдняго рода симметріи невозможна никакая художественная композиція. Симметрія же въ композиціяхъ декоративнаго характера, служащихъ украшеніемъ предметовъ, всѣ части которыхъ совершенно симметричны, и къ каковымъ относятся вазовыя картины, должна быть проводима тѣмъ съ большею строгостью. Въ математическомъ центрѣ композиціи на первой картинѣ килика E 82 находится фигура Геры, которая заключена съ одной стороны колонною, а съ другой скипетромъ. На равныхъ разстояніяхъ отъ фигуры Геры находятся скипетръ Зевса и трезубецъ Посидона. Оба послѣднихъ предмета отдѣляютъ три центральныхъ фигуры (Гера, Зевсъ и Посидонъ) отъ двухъ крайнихъ (Амфитрита и Ганимедъ) и образуютъ вмѣстѣ съ колонной и скипетромъ Геры скелетъ, на которомъ выросла вся композиція. Нельзя не замѣтить, что остовъ композиціи строго симметриченъ. Однако, и здѣсь художникъ сдѣлалъ все, чтобы симметрія не была рѣзкою: скипетръ Геры онъ не ставитъ параллельно ни скипетру Зевса, ни колоннѣ. Поставь художникъ скипетръ Геры параллельно скипетру Зевса, онъ этимъ подчеркнулъ бы особенное значеніе фигуръ Геры и Посидона передъ прочими фигурами и отдѣлилъ бы Геру отъ Зевса.

Равнымъ образомъ, если бы онъ поставилъ скипетръ Геры парал-

лельно колоннѣ, то фигура Геры выдѣлилась бы, благодаря этому, изъ прочихъ и получила бы первенствующее значеніе въ композиціи. Напротивъ, поставленный такъ, какъ мы его видимъ на картинѣ, скипетръ Геры имѣетъ (помимо того, что̀ способствуетъ большей свободѣ всей композиціи) еще двоякое значеніе: 1) онъ связываетъ фигуру Геры съ фигурой Зевса и 2) сливаетъ обѣ неравныя части композиціи, обѣ ея группы въ одно гармоническое цѣлое. Послѣднее происходитъ благодаря тому, что скипетръ Геры, будучи поставленъ почти параллельно трезубцу Посидона, заставляетъ невольно нашъ глазъ смотрѣть непремѣнно вмѣстѣ съ первой группою и на вторую. Вторая группа связывается съ первою еще и большимъ сходствомъ фигуръ Посидона и Зевса: глазъ ихъ невольно сейчасъ же сравниваетъ и не отдѣляетъ одну отъ другой.

Конечныя фигуры композиціи Амфитрита и Ганимедъ, хотя и не имѣютъ внѣшней симметріи между собою, однако внутреннее соотвѣтствіе у нихъ есть. У нихъ обоихъ подчеркнута юность. Что художникъ Амфитриту желалъ представить юною, ясно изъ слѣдующаго. Фигура Амфитриты симметрична фигурѣ Геры. Послѣдняя, кромѣ скипетра, стефаны, характеризована, какъ матрона, еще покрываломъ на головѣ. Отсутствіе покрывала на головѣ и прически у Амфитриты, которую художникъ заставляетъ сравнивать съ Героѣ (сдѣлавъ эти двѣ фигуры симметричными), — прямо характеризуетъ Амфитриту молодою. На картинѣ Полигнота („Гибель Иліона") также точно отличалась фигура юной Поликсены отъ матрональной Андромахи. Ср. слова Павсанія (X, 25, 10) объ этихъ фигурахъ „Гибели Иліона": „ἡ μὲν δὴ Ἀνδρομάχη καὶ ἡ Μηδεσικάστη καλύμματά εἰσιν ἐπικείμεναι, Πολυξένη δὲ κατὰ τὰ εἰθισμένα παρθένοις ἀναπέπλεκται τὰς ἐν τῇ κεφαλῇ τρίχας" [1]).

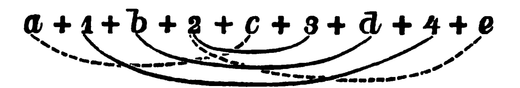
Какъ юная Амфитрита (съ трезубцемъ Посидона) соотвѣтствуетъ матрональной Герѣ (съ ея скипетромъ), такъ полная жизни фигура Ганимеда представляетъ контрастъ съ колонной, съ которой она, однако, въ композиціи несетъ сходную роль: она, подобно колоннѣ, пересѣкаетъ поверхность картины лишь въ вертикальномъ направленіи и она вмѣстѣ съ колонною поднимается надъ всѣми фигурами.

Такимъ образомъ, обѣ крайнія фигуры тѣсно связаны съ центромъ

---

[1]) На извѣстномъ элевсинскомъ рельефѣ (Collignon, Sculpture, II, f. 68; Καββαδίας, Γλυπτά, 126), конечно, надо усматривать въ богинѣ, стоящей передъ Триптолемомъ Деметру, а не Кору, какъ то дѣлаетъ Фуртвенглеръ, Meisterw., 39, 4. Ср. Collignon, ib., 140. Любопытно, что Гера по одеждѣ отличается отъ юной Амфитриты на киликѣ E 82 такъ же точно, какъ Деметра отъ дочери на элевсинскомъ рельефѣ.

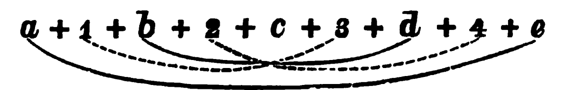
композиціи. Обозначая фигуры боговъ послѣдовательно буквами a, b, c, d, e, а второстепенные предметы (скипетры, колонну) цифрами 1, 2, 3, 4, мы можемъ такъ выразить схему внѣшняго соотвѣтствія фигуръ въ композиціи первой картины килика Е 82:



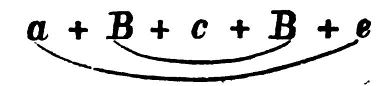
Или, обозначая центръ (2+c+3) одной буквой С, 2 фигуры боговъ съ ихъ аттрибутами (1+b и d+4)—каждую буквой В, имѣемъ болѣе простую схему:

$$a + B + C + B + e$$

Обращаясь ко второй композиціи килика Е 82, мы видимъ, что она представляетъ достойный pendant первой, но въ своемъ построеніи нѣсколько отъ нея отличается. Здѣсь крайнія фигуры (Афродита и силенъ Комъ) симметричны. Однако, едва ли надо останавливаться на томъ, какъ отличается эта симметрія отъ той, которую мы видѣли на строгомъ киликѣ Сосія: хотя фигуры Афродиты и Кома, служа въ картинѣ какъ-бы рамками справа и слѣва, несутъ одинаковую роль въ композиціи, однако симметрія ихъ этимъ только и ограничивается. Между тѣмъ какъ Афродита по своему костюму симметрична Аріаднѣ, а канѳаръ, который держитъ въ правой рукѣ богиня красоты, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ фіалѣ Діониса, фигура Кома не имѣетъ симметріи ни съ одной изъ фигуръ боговъ. Кромѣ того, Афродита, будучи вплоть поставлена у клины Арея, тѣсно связана съ группой боговъ. Комъ же, стоя за клиной Діониса, выдѣленъ изъ главной группы, и тѣмъ подчеркнуто его второстепенное значеніе. Въ центрѣ композиціи находится фигура Аріадны. По обѣ ея стороны расположены соотвѣтствующія другъ другу (но опять только въ общемъ) фигуры Арея и Діониса. Обозначая фигуры и второстепенные предметы композиціи такъ, какъ это мы сдѣлали въ первый разъ, получаемъ слѣдующую схему второй композиціи килика:



Или:



Какъ Сосій, такъ и мастеръ килика Британскаго музея держатся закона такъ называемой исокефаліи: если бы представить себѣ сидящія фигуры ихъ композицій вставшими среди тѣхъ фигуръ, которыя изображены у нихъ стоящими, то первыя значительно по своему росту оказались бы выше послѣднихъ. Однако, Сосій и мастеръ килика Е 82 проводятъ этотъ законъ неодинаково. У послѣдняго стоящія фигуры больше выдаются надъ сидящими, чѣмъ у Сосія, гдѣ, напр., во второй композиціи трудно по первому разу даже сказать, представлена ли богиня (Кора) около Деметры сидящею или стоящею. Кромѣ того, мастеръ чаши Е 82 значительно смягчаетъ законъ исокефаліи тѣмъ, что значительно большій ростъ сидящихъ фигуръ въ первой композиціи у него мотивированъ: единственная стоящая фигура — Ганимедъ, мальчикъ и сынъ смертнаго [1]).

Во всякомъ случаѣ, и здѣсь у мастера килика Е 82 чувствуется бо̀льшая свобода, чѣмъ у Сосія, который, въ виду того, что въ его первой композиціи преобладаютъ сидящія фигуры, а во второй — стоящія, прибѣгнулъ (чтобы провести строго законъ исокефаліи) къ чисто внѣшнему пріему, оставивъ подъ первой композиціей узкую полоску, которой нѣтъ подъ второй композиціей.

Мы уже указали на аналогіи, которыя замѣчаются между киликомъ Е 82 и фризомъ Пареенона. Еще гораздо болѣе аналогій между картинами нашего килика и современными фризу Пареенона (или немного болѣе поздними) рельефами съ изображеніемъ героизированныхъ умершихъ [2]). Сравнивъ, напр., композицію одного изъ такихъ рельефовъ [3]) съ группою Зевса, Геры и Ганимеда на нашемъ киликѣ, мы находимъ, что композиціи того и другого памятника поразительно близки по стилю. Фигура умершаго на клинѣ и его жены около клины на стулѣ — тотъ же мотивъ, что̀ у Зевса и Геры; фигура мальчика-виночерпія безусловно одинакова съ Ганимедомъ (у послѣдняго только лишь лицо не въ фасъ, а въ профиль). Разница въ группахъ килика и атти-

---

[1]) Во второй композиціи силенъ Комъ, конечно, ниже боговъ. Что же касается Афродиты, то, если здѣсь нельзя привести для объясненія мѣсто Павсанія (X, 30, 1), въ ея фигурѣ надо усматривать вліяніе пластической старой традиціи и до извѣстной степени промахъ. Мастеръ пользуется старой схемой, которую онъ не переработалъ такъ, какъ это удалось ему сдѣлать у другихъ фигуръ. Ср. Hartwig, Meistersch., Taf. XXXIV (рис. 6).

[2]) Ср. о нихъ H. v. Fritze, Ath. Mitth., XXI (1896), 347 слл.; P. Gardner, Sculptured tombs of Hellas, 87 слл.; А. Н. Щукаревъ въ Сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго (Commentationes philologicae), 97 слл.

[3]) Изданъ у P. Gardner, ук. с., pl. III.

ческаго рельефа лишь та, что на рельефѣ мальчикъ находится влѣво отъ двухъ главныхъ фигуръ.

Несмотря, однако, на такое сходство композиціи, мы рѣшительно не можемъ думать, что мастеръ нашего килика зависитъ отъ какого-нибудь подобнаго рельефа, и поэтому рельефы не даютъ еще даты для нашей вазы. Аналогіи съ фризомъ Пароенона и другими рельефами того же времени даютъ только общее указаніе на то, что картины нашего килика не далеки по времени отъ названныхъ памятниковъ, и что по духу, общему характеру, они ближе къ нимъ, чѣмъ къ памятникамъ архаическаго времени, строгаго стиля. Что касается спеціально нашего килика, то въ композиціи его нельзя считать не только зависящимъ отъ рельефовъ конца V вѣка,—времени, куда относится рельефъ, о которомъ мы говорили выше,—но онъ не зависитъ и отъ фриза Пароенона. Симпосій боговъ изображенъ на нашей вазѣ по обычной, старой схемѣ.

Композиція симпосія, восходящая въ своемъ первоисточникѣ къ искусству востока [1]), весьма рано усвоена была эллинскимъ искусствомъ Кипра, Іоніи и др. странъ Малой Азіи [2]). Черезъ посредство іонійскаго искусства композиція эта перешла въ искусство континентальной Греціи и къ этрускамъ. Обзоръ относящихся сюда памятниковъ скульптуры даетъ П. Гарднеръ [3]). Въ вазовой живописи также очень рано является композиція симпосія [4]). Весьма часто мы видимъ ее на вазахъ строгаго красно-фигурнаго стиля [5]). Для насъ особенный интересъ представляетъ киликъ Британскаго музея въ стилѣ Брига (E 68), — изданный Гартвигомъ въ его Meisterschalen, Taf. XXXIV (выше рис. 6). Не трудно замѣтить, какое большое сходство имѣетъ по росписи киликъ Брига съ киликомъ E 82. Киликъ E 82 украшенъ тремя картинами пиршества боговъ; киликъ E 68—тремя картинами пиршества смертныхъ [6]). Какъ общая роспись обоихъ киликовъ, такъ и композиція каждой отдѣльной картины и ихъ мотивы — одинаковы. Мотивъ картины внутри килика E 68 [7]) отличается отъ мотива той же картины E 82 лишь тѣмъ, что дѣ-

[1]) Ср. P. Gardner, ук. соч., 89.

[2]) Ср. Cesnola, Cyprus, pl. X; ср. фризъ изъ Ксаноа, Collignon, Sculpture, I. f. 86, и т. д.

[3]) Ук. соч., 88 сля.

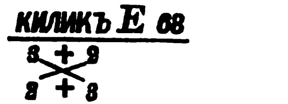
[4]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, pl. 6.

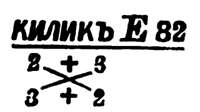
[5]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, 44, II; 130; 132; 167, III; 319 сля.; 590; 605 сля.; 621, 7; 624, 18; 631; 643; 646; 651; 652; 661.

[6]) Описаніе килика и относящуюся къ нему литературу см. у C. Smith, Catalogue of vases in the British Museum, III, E 68.

[7]) Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXXV (Harrison, Greek vase paintings, pl. XXXVII).

вушка (Каллисто) здѣсь не сидитъ на клинѣ рядомъ съ юношей (Филиппомъ), какъ Персефона рядомъ съ Плутономъ на киликѣ Е 82, а пляшетъ около клины, на которой расположился Филиппъ. Однако близость группы дѣвушки и юноши внутри килика Е 68 къ группѣ килика Е 82 едва ли можно оспаривать: поза юноши въ общемъ та же, что поза Плутона на Е 82; такъ же, какъ на Е 82, верхъ композиціи заполненъ верхними частями двухъ фигуръ, а низъ – столикомъ и нижнею частью фигуры дѣвушки; въ серединѣ композиціи въ обоихъ случаяхъ — преобладаніе горизонтальныхъ линій. Еще болѣе сходства между внѣшними картинами обоихъ киликовъ. Каждая изъ нихъ въ обоихъ случаяхъ состоитъ изъ двухъ группъ, причемъ въ одной группѣ двѣ фигуры, а въ другой— три. Если, перевернувъ каждый киликъ, разсматривать обѣ его композиціи разомъ, то соотвѣтствіе группъ въ двѣ и три фигуры у обоихъ киликовъ будетъ сходное. Это видно изъ двухъ схемъ:





т. е. на обоихъ киликахъ какъ разъ противъ группы въ три фигуры на другой его сторонѣ находится группа въ двѣ фигуры; напротивъ, группы, равныя по числу фигуръ, расположены крестъ на крестъ. Точно такъ же, какъ на Е 82, только двѣ конечныя фигуры наружныхъ картинъ килика между собою симметричны и расположены по отношенію другъ къ другу крестъ на крестъ (на Е 82 — фигуры Ганимеда и Кома, на Е 68 – двѣ фигуры юношей у колоннъ). Двѣ другихъ конечныхъ группы на обѣихъ картинахъ обоихъ киликовъ не имѣютъ внѣшней симметріи между собою, и, какъ на Е 82, такъ и на Е 68 одна изъ нихъ состоитъ изъ возлежащаго на клинѣ мужчины и стоящей возлѣ клины женской фигуры. Далѣе, сравнивая между собою отдѣльныя группы и мотивы композицій обоихъ киликовъ, находимъ, что первая композиція килика Е 82 составлена въ общемъ изъ тѣхъ же мотивовъ, которые мы видимъ въ первой композиціи килика Е 68 (*b* въ каталогѣ С. Смиса и у Гартвига, Meisterschalen, 319); разумѣется на Е 82 все благороднѣе, сдержаннѣе, чѣмъ на Е 68, но это – изъ-за сюжета и изъ-за времени, которое раздѣляетъ двѣ картины: въ одномъ случаѣ передъ нами пирующіе на Олимпѣ боги эпохи Фидія и Полигнота, въ другомъ (Е 68) — веселая необузданная jeunesse dorée и гетеры эпохи до Персидскихъ войнъ. Принимая во вниманіе это, мы не можемъ не видѣть, что остовы группъ, изъ которыхъ составлены обѣ

композиціи, весьма близки. Въ самомъ дѣлѣ, группа юноши и дѣвушки на клинѣ, что на правой сторонѣ картины, напоминаетъ по мотиву и общему теченію линій группу Зевса и Геры на киликѣ Е 82. И группа изъ трехъ фигуръ весьма близка къ группѣ Геры, Зевса и Ганимеда на Е 82 (надо только юношу отъ колонны перенести и поставить сзади Дифила). Если же колонну поставить сейчасъ сзади Дифила и юношу—виночерпія сейчасъ же за юношей, который находится на правой сторонѣ картины, то предъ нами будетъ композиція килика Е 82. Не менѣе сходства между второю композиціею этого килика и композиціею *a* (по Смису) чаши Е 68.

Группа флейтщицы и Аристократа—тождественна (мотивъ, общія линіи) съ группой Афродиты и Арея Е 82. То же надо сказать относительно группы дѣвушки и Демоника Е 68 и группы Аріадны и Діониса Е 82: на Е 82 только силенъ Комъ поставленъ справа у Діониса, вмѣсто юноши Филона, который на Е 68 примыкаетъ къ группѣ дѣвушки и Демоника слѣва. Переставивъ Филона направо отъ Демоника и перемѣстивъ обѣ группы, получаемъ композицію второй картины килика Е 82. Въ виду сказаннаго, едва-ли мы будемъ ошибаться, если признаемъ, что въ киликѣ Брига (Е 68) предъ нами является предшественникъ композицій килика Е 82, мастеръ котораго передѣлалъ сцены простого симпосія въ картины пиршества боговъ. Въ своей передѣлкѣ, однако, онъ не ограничился только перестановкой фигуръ. Напротивъ, онъ переработалъ совершенно композицію, продумалъ ее самостоятельно и создалъ нѣчто новое и оригинальное. При всемъ сходствѣ, которое есть у картинъ вазъ Е 68 и Е 82 и которое такъ рельефно показываетъ зависимость автора послѣдняго килика отъ Брига, - композиція послѣдняго, въ сравненіи съ композиціей автора вазы Е 82, является все-таки такимъ же голосомъ изъ совершенно другой эпохи, какъ и разобранная выше композиція Сосія. Правда, Бригъ обнаруживаетъ уже гораздо болѣе, чѣмъ Сосій, свободы, но и его композиція все еще далеко не совершенна и построена по правиламъ архаической эстетики. Правда, Бригъ во многомъ является непосредственнымъ предшественникомъ свободной композиціи Е 82, но не ему суждено было сдѣлать „dernier pas, qui coût".

Выясненіе отношеній Брига къ автору чаши Е 82 поможетъ намъ сдѣлать еще болѣе опредѣленные выводы насчетъ того, чѣмъ отличается новый стиль отъ строгаго въ композиціи, чѣмъ это мы могли сдѣлать, сравнивая однородную по содержанію композицію Сосія съ картинами вазы Британскаго музея.

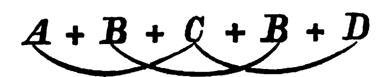
*

Правда, у Брига мы уже не видимъ такого переполненія пространства фигурами, какъ у Сосія; тѣмъ не менѣе композиція Брига все еще тяжела, грузна, монотонна въ сравненіи съ легкой, элегантной, полной ритма и гармоніи композиціей чаши E 82. То, чтò лишаетъ композицію Брига элегантности и легкости, это чрезмѣрное преобладаніе горизонтальныхъ линій. Фигуры юношей, возлежащихъ на клинахъ очень велики въ сравненіи со всѣми другими и занимаютъ слишкомъ много мѣста на поверхности композиціи. Отъ этого происходитъ то, что, хотя количество фигуръ на отдѣльныхъ картинахъ Брига то же самое, чтò и у мастера килика E 82, тѣмъ не менѣе отношеніе чернаго фона къ свѣтлымъ поверхностямъ фигуръ у Брига черезчуръ мало и вся композиція имѣетъ общій строгому стилю недостатокъ: между свѣтлыми фигурами слишкомъ мало темнаго фона; фигуры все еще вытѣсняютъ слишкомъ много пространства на предназначенной для нихъ поверхности, т. е. композиціи не достаетъ равновѣсія во всѣхъ ея частяхъ, строгой художественной гармоніи и ритма. Однимъ изъ высокихъ достоинствъ композиціи E 82 является то, что въ ней нѣтъ ничего лишняго, а напротивъ все, чтò авторъ даетъ, совершенно необходимо: мы не можемъ указать ни въ одной изъ всѣхъ трехъ композицій килика E 82 хотя бы какой-нибудь ничтожной детали, которая введена была бы въ нее только лишь для того, чтобы подчеркнуть симметрію различныхъ частей картины, и не оправдывалась бы содержаніемъ картины. Напротивъ, у Брига (и вообще въ старомъ стилѣ) мы видимъ цѣлый рядъ предметовъ, присутствіе которыхъ на картинѣ вовсе не необходимо для содержанія картины и оправдывается лишь тѣмъ, что они даютъ симметрію различнымъ частямъ композиціи, заполняя пространство. Къ такимъ предметамъ на картинахъ чаши Брига E 68 относятся висящія корзинки, присутствіе которыхъ совершенно не обосновано и не необходимо для композицій [1]) и которыя еще болѣе переполняютъ поверхность картинъ, и безъ того уже страдающихъ недостаткомъ свободнаго пространства между фигурами. Наоборотъ, мы видѣли, какъ хорошо пользовался аттрибутами главныхъ фигуръ мастеръ чаши E 82.

Въ распредѣленіи фигуръ и ихъ соотвѣтствіи другъ другу Бригъ— прямой предшественникъ мастера чаши E 82. Въ самомъ дѣлѣ, композиція b килика E 68 построена такъ, что флейтщица, сидящая налѣво отъ Дифила, съ висящею надъ ней лирою соотвѣтствуетъ гетерѣ,

[1]) Если бы этихъ корзинъ и не было представлено, мы понимали бы, что дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ, на чтò достаточно указываютъ колонны.

которая находится отъ Дифила сейчасъ же направо, съ висящею около послѣдней корзинкою. Самую фигуру Дифила мы невольно по симметріи связываемъ съ фигурой юноши направо. Стоящій у колонны юноша-кравчій, конечно, далеко не уравновѣшенъ висящимъ за Дифиломъ футляромъ для флейты и двумя ножками клинъ, но въ виду того, что послѣднія такъ же, какъ фигура кравчаго и колонны, представляютъ въ композиціи единственныя вертикальныя, глазъ ихъ невольно сопоставляетъ. Композиція b, такимъ образомъ, сводится къ схемѣ:



Это—та, схема, которая лежитъ въ основѣ и въ одной изъ композицій килика E 82 (ср. выше). Другая композиція Брига (a) сводится къ схемѣ:

D + B + C + D + B

Подобное соотвѣтствіе фигуръ намъ также извѣстно и въ композиціяхъ чаши E 82 (ср. выше).

При всей близости схемъ, по которымъ построены композиціи обѣихъ вазъ Британскаго музея, нельзя не замѣтить превосходства килика E 82. Внѣшнимъ образомъ соотвѣтствующія другъ другу фигуры у Брига отличаются менѣе въ деталяхъ, чѣмъ такія же фигуры E 82 (ср. напр., на *a* фигуры Филона и флейтщицы: поза, мотивъ, одежда), что̀ все еще напоминаетъ сухую симметрію архаическаго искусства. Того тонкаго ритма, который придаетъ столько эффекта композиціямъ E 82, у Брига нѣтъ: Бригу неизвѣстенъ пріемъ приводить во внѣшнее соотвѣтствіе фигуры, противоположныя по ихъ внутреннему значенію (какъ на E 82: Афродита — Комъ, веселый Діонисъ—мрачный Арей и т. д.). Это также дѣлаетъ композиціи Брига менѣе живыми. Той цѣльности всей композиціи, которую мы констатировали на E 82, у Брига также нѣтъ изъ-за того, что конечныя фигуры его композицій не имѣютъ между собою никакихъ точекъ соприкосновенія. Бригъ понялъ, что такія строго симметрическія фигуры, какъ мы ихъ видѣли у Сосія, придаютъ слишкомъ монотонный и безжизненный характеръ картинѣ, и вотъ онъ дѣлаетъ конечныя фигуры въ картинахъ не симметричными, но, чтобы ихъ связать съ цѣлымъ, дѣлаетъ имъ симметричныя фигуры въ центрѣ. Однако такой только связи мало. Конечныя фигуры всегда

являются естественной рамкой картины и всегда глазъ ихъ будетъ сравнивать [1]). Поэтому, если у нихъ нѣтъ внѣшняго, формальнаго соотвѣтствія, то должна быть внутренняя аналогія, симметрія по содержанію. Послѣднее мы и видѣли у мастера чаши Е 82. У Брига же концы композиций не только не имѣютъ внѣшней симметріи, но они противоположны и по внутреннему значенію и никакихъ аналогій между собою не имѣютъ. Отсюда — недостатокъ цѣльности, неустойчивость композиціи. Стремясь сдѣлать сухія композиціи архаическаго стиля свободнѣе, Бригъ предуготовилъ только лишь почву, на которой позднѣе явились композиціи истинно-художественныя. Въ строгомъ стилѣ, такимъ образомъ, мы можемъ констатировать стремленія къ свободѣ; но эти стремленія выражаются чисто внѣшнимъ образомъ. Для того, чтобы явились истинно-художественныя и свободныя композиціи, нуженъ былъ геній, который могъ бы все, что въ строгомъ стилѣ было уже внѣшнимъ образомъ предуготовлено, переработать и дать внутреннюю жизнь тому, что̀ таило въ себѣ ея зачатки. Выражаясь образно, скажемъ, что новый стиль явился — роскошнымъ отпрыскомъ того сѣмени, которое положило въ землю старое, архаическое искусство.

Таково именно отношеніе композицій вазы Е 82 къ строгому искусству Брига. Послѣ всего сказаннаго объ этихъ двухъ вазахъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мастеръ килика Е 82 зналъ вазу Брига Е 68.

Предполагать у него источникомъ композиціи какое-нибудь произведеніе современнаго монументальнаго искусства мы едва ли въ правѣ: вся его композиція, какъ мы видѣли, строго разсчитана на то, чтобы служить украшеніемъ килика, и представляетъ собою дальнѣйшее совершенствованіе композиціи его предшественника, расписавшаго также киликъ. Мы можемъ съ достаточною долею вѣроятности утверждать, что мастеръ вазы Е 82 не списывалъ, не копировалъ и не дѣлалъ чисто внѣшнихъ заимствованій въ своихъ композиціяхъ ни съ какого произведенія монументальнаго искусства. Совершенствуя композицію своего предшественника, нашъ мастеръ былъ самостоятеленъ: онъ самъ старался выработать композицію, которая отвѣчала бы наилучшимъ образомъ ея архитектоническому назначенію, онъ самъ мыслилъ и жилъ, потому и создалъ

---

[1]) Ср. Overbeck, Rh. M., VII, N. F., 1850, 419 слл.

произведеніе, которое выходитъ за предѣлы чисто ремесленныхъ произведеній. Мастера килика Е 82, въ виду сказаннаго, можно назвать истиннымъ художникомъ. Его произведеніе является драгоцѣннымъ свидѣтелемъ того, что въ его время керамисты стояли еще на той же высотѣ, какъ нѣкогда и мастера строгаго стиля, всегда шедшіе рука объ руку съ монументальнымъ искусствомъ ихъ эпохи. Но признавая, что композиціи нашего мастера обнаруживаютъ самостоятельность, мы этимъ никоимъ образомъ не утверждаемъ, что онъ не испыталъ ровно никакого вліянія современнаго ему монументальнаго искусства. Напротивъ, признавъ за нимъ качества истиннаго художника, мы тѣмъ самымъ уже допустили мысль, что едва ли нашъ артистъ могъ остаться не затронутымъ тѣмъ движеніемъ, которое охватило послѣ Персидскихъ войнъ всѣ роды аттическаго искусства. Словомъ, утверждая, что нашъ артистъ самостоятельно работалъ надъ совершенствованіемъ своей композиціи, мы не исключили вопроса о томъ, насколько тѣ принципы, которыми въ своей работѣ онъ руководится, представляютъ его личную собственность. Выработаны ли принципы художественной композиціи, которые мы констатировали у мастера килика Е 82, имъ самимъ? Какъ понимаетъ композицію современное ему монументальное искусство? Не сказывается ли здѣсь у нашего мастера вліяніе искусства великихъ художниковъ его эпохи, чего a priori мы у него могли бы ожидать?

Въ виду тѣхъ аналогій, на которыя мы уже много разъ указывали,—аналогій, несомнѣнно существующихъ между картинами нашего килика и рельефами эпохи школы Фидія, мы не можемъ полагать, что нашъ мастеръ стоялъ внѣ вліяній монументальнаго искусства.

IV.

Мы видѣли, что новый стиль отличается отъ стараго въ композиціи большею свободой, болѣе удачнымъ выраженіемъ жизни. Если мы посмотримъ теперь на то, какъ старый и новый стиль изображаютъ отдѣльныя фигуры, мы еще болѣе уяснимъ себѣ сущность новаго стиля.

Невольно съ перваго же взгляда на рисунки съ одной стороны килика Британскаго музея Е 82 и одного килика Ольта [1]) съ другой,

[1]) Mon., X, tav. 23—24; Baum., Denkm., III, Taf. XCIII, 2400; Klein, M., 136, 2; Hartwig, Meisterschalen, 71 слл.; W. Bl., D, 1—2. Cp. Ann., 1875, 254. Киликъ находится въ Корнето.

изъ которыхъ первый является представителемъ новаго стиля, а другой стараго, бросается рѣзкая разница въ трактовкѣ фигуръ. Сюжетъ одной изъ наружныхъ картинъ килика Ольта опять родственъ первой картинѣ килика E 82. Предъ нами—пирующіе боги. Въ центрѣ композиціи сидитъ Зевсъ съ чашей въ правой рукѣ и Ганимедъ, стоящій противъ него, намѣренъ налить царю боговъ вина въ его фіалу изъ кувшина. По обѣ стороны отъ фигуръ Зевса и Ганимеда расположены совершенно симметрично другіе боги и богини: сначала Аѳина (налѣво) и Гестія (направо), далѣе—Гермій и Геба (налѣво), Афродита и Арей (направо).

Какъ различно трактованы фигуры Ганимеда на чашѣ Ольта и на E 82! Правда, оба художника желали изобразить одного и того же эфеба, красота котораго плѣнила самого царя боговъ; оба раза художники, изображая красавца-мальчика, взяли мѣстомъ дѣйствія Олимпъ, гдѣ пируютъ боги, и гдѣ Ганимедъ служитъ Зевсу; оба художника въ общемъ пониманіи Ганимеда παῖς καλός—сходятся и изображаютъ его въ полной наготѣ [1]). Но тѣмъ любопытнѣе намъ констатировать въ изображеніи παῖς καλός художниками двухъ разныхъ стилей ту крупную разницу, которая ихъ отличаетъ. Ганимедъ Ольта стоитъ плотно обѣими ступнями на землѣ; при этомъ вся его фигура ни мало не отражаетъ на себѣ его спокойнаго положенія; Ганимедъ стоитъ, какъ будто на вытяжку. Вся поза его крайне натянута, неестественна; онъ производитъ впечатлѣніе истукана, а не живого человѣка. Въ такомъ положеніи, въ какомъ Ольтъ изобразилъ Ганимеда, человѣкъ можетъ оставаться одинъ моментъ. Между тѣмъ, Ольтъ, разумѣется, не хотѣлъ представить лишь одинъ скоро преходящій моментъ. Отсюда и получается такая окоченѣлая, несвободная фигура. *Ольтъ не могъ изобразить болѣе свободной позы.* И въ этомъ Ольтъ не стоитъ особнякомъ. Все архаическое искусство не знаетъ свободныхъ позъ у спокойно стоящихъ фигуръ.

Древнѣйшее искусство изображаетъ, какъ извѣстно [2]), стоящія фигуры такъ, что ихъ ступни (плотно прилегающія къ землѣ) обращаются въ профиль, и вся тяжесть тѣла покоится на обѣихъ ногахъ (схема А) [3]). Уже рано [4]), однако, стали при этомъ поворачивать и туловище фигуры въ профиль. Насколько несовершенно передаетъ такая схема спокойныя

[1]) Ср. Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XVI (1893), 21.
[2]) Ср. Winter, Jünger. attisch. Vasen, 6.
[3]) Ср. Gerhard, A. V., 42, 55, 56, 71, 73. 2 и т. д.
[4]) Ср. Conze, Melische Thongefässe, Taf. 3 (Baum., Denkm., III, 2086); O. Jahn, De antiquissimis Minervae simulacris atticis, tab. II, 1 (Baum., Denkm., I, 164); Gerhard, A. V., 306 (Baum., Denkm., I, 380), и т. д.

позы фигуръ, можно видѣть изъ того, что иногда бываетъ трудно понять, желалъ ли художникъ изобразить фигуры стоящими или медленно идущими: и Ганимеда Ольта можно считать столь же подходящимъ къ Зевсу, какъ и стоящимъ передъ нимъ [1]).

Понимая всю неестественность позы, когда туловище изображено въ фасъ, а ноги въ профиль, и не умѣя изобразить правильно и ноги фигуры въ фасъ, мастера строгаго красно-фигурнаго стиля вообще долго избѣгали изображеній фигуръ въ фасъ и предпочитали ставить ихъ въ профиль или три четверти [2]).

Совершенно правильныя изображенія спокойно стоящихъ фигуръ впервые являются лишь на вазахъ прекраснаго стиля. Какъ естественна, жива и свободна фигура Ганимеда на киликѣ E 82 въ сравненіи съ сухимъ, окоченѣлымъ манекеномъ, который у Ольта изображаетъ того же Ганимеда. Ганимедъ на киликѣ E 82 можетъ весьма долго сохранить свое положеніе: художникъ сумѣлъ здѣсь выразить вполнѣ нормальную позу спокойно стоящаго человѣка (схема C). Удалось этого достигнуть ему слѣдующимъ образомъ. Вся тяжесть тѣла Ганимеда покоится на одной правой ногѣ, которая всею ступнею плотно стоитъ на землѣ; при этомъ ступня правой ноги изображена въ профиль. Лѣвая нога, не несущая тяжести тѣла, слегка отодвинута въ сторону, а ступня ея, изображенная въ фасъ, касается своею выступающею правою частью земли. Изъ-за того, что вся тяжесть тѣла покоится на одной правой ногѣ, туловище въ верхней части должно нагнуться нѣсколько влѣво и внизъ, а правая ляшка въ своей верхней части необходимо выгибается въ сторону. Поэтому поза и производитъ впечатлѣніе полнѣйшаго покоя. Эту позу, такъ прекрасно подходящую къ фигурѣ, которая въ композиціи изображаетъ человѣка, долго и спокойно стоящаго, мастеръ вазы E 82 сумѣлъ характеризовать съ удивительной послѣдовательностью и правильностью.

Фигуры въ такой позѣ, какъ Ганимедъ килика E 82, весьма часты въ новомъ стилѣ. Достаточно пересмотрѣть вазовыя картины, которыя по стилю примыкаютъ къ вазѣ E 82 и къ килику съ изображеніемъ Кодра (въ нижеслѣдующемъ перечнѣ вазъ мы сопоставили вазы этого стиля подъ рубрикой III),—чтобы убѣдиться, что такая постановка фи-

---

[1]) Часто только общій смыслъ картины говоритъ за то или другое. Ср. Gerhard, A. V., 97, 1 (Baum., Denkm., I, 725); Gerhard, ук. с., 131 (Baum., Denkm., I, 730); A. Z., 1884. Taf. 15 (Baum., Denkm., III. 2124); W. Bl., A, 5 (Harrison, Greek vase paintings, pl. XX, 1); Harrison, ук. с., pl. XX, 2, и т. д.

[2]) Ср. O. Jahn, Einl., CLXXXI.

гуръ въ развитомъ прекрасномъ стилѣ играетъ такъ же роль схемы, какъ въ древнемъ стилѣ поза, въ которой изобразилъ Ольтъ Ганимеда.

Эта новая схема (С) постановки спокойно стоящихъ фигуръ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ изображеніемъ туловища фигуръ въ фасъ. Она даетъ къ тому возможность, и художники, которые ранѣе избѣгали фаса, теперь его особенно часто изображаютъ [1]). Это даетъ опять большее разнообразіе и бо́льшую свободу и жизнь композиціямъ новаго стиля.

Этой схемѣ суждено было быть послѣднею: она сохраняется вплоть до самаго паденія вазовой живописи, и на ея мѣсто не явилось никакой новой [2]).

Подобно тому, какъ въ композиціи новый стиль развиваетъ то, что̀ зналъ уже архаическій стиль, такъ и новая схема постановки спокойно стоящихъ фигуръ была уже въ зародышѣ у мастеровъ строгаго стиля. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ мы встрѣчаемъ схему, которая представляетъ первую попытку дать тѣлу спокойно стоящей фигуры болѣе соотвѣтствующее положеніе. Эти мастера уже поняли, что тяжесть тѣла у стоящихъ фигуръ покоится не на обѣихъ ногахъ, а на одной. Успѣхи, которые они сдѣлали въ рисункѣ, позволяютъ имъ изображать, наконецъ, стоящія фигуры въ фасъ такъ, что позы ихъ не кажутся столь неестественными, какъ позы фигуръ древнѣйшаго искусства. Ступню ноги, несущей тяжесть тѣла, они рисуютъ въ фасъ; ногу, не несущую тяжести тѣла, перегибаютъ въ колѣнѣ, а ступню ея изображаютъ въ профиль, причемъ она часто еще цѣликомъ всею подошвою примыкаетъ къ полу (схема В). Но это былъ, однако, лишь первый шагъ къ тому, чтобы правильно изобразить стоящую фигуру. Эта схема оставляетъ совершенно безъ вниманія весьма существенное, а именно—положеніе туловища. Дѣло въ томъ, что послѣднее на себѣ еще вовсе не отражаетъ того, что тяжесть его покоится на одной ногѣ, и находится въ совершенно прямомъ положеніи, не оттибаясь въ сторону ноги, не несущей тяжести тѣла. Верхняя часть ляшки ноги, на которой покоится тѣло, равнымъ образомъ не выгибается въ сторону. Фигура изъ-за этого не производитъ впечатлѣнія спокойно стоящей, такъ какъ человѣкъ можетъ оставаться и въ такой позѣ лишь одинъ моментъ. При этомъ нога, не несущая тяжести тѣла, перегнутая въ колѣнѣ, производитъ опять впечатлѣніе, будто фигура представлена скорѣе идущею, чѣмъ стоящею. Въ общемъ фигура является связанной, какъ бы застывшей на одномъ изъ моментовъ, когда она двигалась впередъ. Но какъ бы то

[1]) Ср. Winter, ук. с., 9.
[2]) Ср. Winter, ук. м.

ни было, эта схема представляетъ рѣшительный прогрессъ. Явилась она впервые у мастеровъ строгаго красно-фигурнаго стиля Она находится въ тѣсной связи съ общимъ прогрессомъ рисунка, который мы видимъ особенно въ школахъ Евфронія, Дуриса, Брига, Гіерона и Евѳимида, которые, какъ извѣстно, такъ энергично работали надъ разрѣшеніемъ проблемъ раккурсовъ. По всей вѣроятности изобрѣтеніе этой схемы принадлежитъ Кимону Клеонейскому [1]).

Примѣровъ такой схемы въ постановкѣ фигуръ можно указать очень много [2]).

Но, кромѣ схемы B, художники строгаго стиля изображали иногда стоящія фигуры по схемѣ, которая еще гораздо ближе къ схемѣ C: обѣ ступни ногъ, изъ которыхъ одна является носительницею всей тяжести тѣла, ставятся въ полупрофиль (схема 𝔟). Примѣрами такой схемы могутъ служить: фигура гетеры на внутренней картинѣ килика Евфронія въ Британскомъ музеѣ E 44 [3]) и первая справа фигура вооружающагося воина на одной изъ наружныхъ картинъ килика фабрики Евфронія [4]) въ Museo Municipale въ Перуджіи (№ 1170) [5]). Схема 𝔟 передаетъ позу стоящей фигуры удачнѣе, чѣмъ схема B: она уже не производитъ впечатлѣнія, будто фигура идетъ изъ-за того, что нога, не несущая тяжести тѣла, не перегнута въ колѣнѣ. Художникъ, кромѣ того, понялъ, что вся фигура будетъ гораздо жизненнѣе и эффектнѣе, если ступня ноги, на которой покоится тяжесть тѣла, будетъ изображена не въ фасъ. Поставивъ ее въ полупрофиль, художникъ придалъ этимъ болѣе устойчивости всей фигурѣ. Но эта схема, все-таки, еще не болѣе, какъ неудачная попытка изобразить фигуру въ вполнѣ спокойномъ положеніи. Фигура все еще лишена правильнаго ритма, такъ

---

[1]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, гл. III; ср. выше.

[2]) Ср. картины слѣдующихъ мастеровъ: Эпиктета (Österr. M., V (1881), Taf. 4; Klein, M., 108, 26), Евѳимида (Gerhard, A. V., 188; Klein, M., 194, 2), Евфронія (1) Mon. grecs, 1872, pl. 1—2; W. Bl., V, 1; Klein, Euphr.², 182, 194 слл.; Klein, M., 141, 7; 2) W. Bl., V, 7; Klein, Euphr.², 88 сл., 98; Klein, M., 139, 4), Дуриса (1) W. Bl., VI, 9; Klein, M., 152, 2; 2) W. Bl., VI, 1; Klein, M., 156, 13; 3) W. Bl., VI, 10; Klein, M., 153, 7; 4) W. Bl., VII, 5; Klein, M., 158, 7; 5) W. Bl., VII, 3; Klein, M., 159, 20; 6) W. Bl., VII, 1; Klein, M., 157, 14), Брига (1) W. Bl., VIII, 2; Klein, M., 178, 1; 2) W. Bl., VIII, 3; Klein, M., 179, 3), Макрона (W. Bl., C, 1; Gaz. archéol., 1880, pl. 7—8; Klein, M., 173), Гіерона (1) W. Bl., A. 3; Klein, M., 163, 1; 2) W. Bl., A, 7; Klein, M., 171, 18) и т. д.

[3]) W. Bl., V, 7; Klein, Euphr.², 88 сл., 89; Harrison, Greek vase paintings, pl. XII—XIII.

[4]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, 530 сл.

[5]) Gerhard, A. V., 224—226; W. Bl., V, 6; Klein, Euphr.², 214 сл., 220; Overbeck, Bildw., 15, 5—6; Harrison, ук. с., pl. XVII—XVIII.

какъ туловищу и здѣсь не придано еще положенія, которое оно должна имѣть при такой постановкѣ фигуры. Если мы сравнимъ фигуру Комо килика Е 82 съ фигурой вооружающагося воина на киликѣ Е 44, мы увидимъ, что Евфронію недоставало для того, чтобы правильно выразить мотивъ спокойно стоящей фигуры, только одного — соотвѣтствующаго законамъ статики изображенія туловища. То же можно сказать о фигурѣ мужчины, обучающаго мальчика игрѣ на флейтѣ, на киликѣ Гіерона Австрійскаго музея художественной промышленности въ Вѣнѣ [1]). Опять строгій стиль, такимъ образомъ, является прямымъ предшественникомъ новаго, и опять разница между ними та же, что̀ мы видѣли въ композиціи: новый стиль даетъ жизнь и свободу тѣмъ фигурамъ, мотивы и схемы которыхъ уже хорошо были извѣстны архаическому искусству.

Уже Винтеръ (ук. соч., 9 сл.) указалъ на то, что мотивъ спокойно стоящей фигуры въ вазовой живописи прошелъ буквально тѣ же стадіи развитія, что̀ и въ скульптурѣ. Всѣ схемы постановки фигуръ, которыя мы видѣли у вазовыхъ мастеровъ, встрѣчаются и въ монументальномъ искусствѣ въ соотвѣтствующіе періоды. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстная статуя Аѳины Эгинскаго фронтона [2]) поставлена совершенно по схемѣ А. Схему В видимъ у фигуры Аполлона на рельефѣ съ Ѳасоса въ Луврѣ [3]), у Геракла на одномъ изъ метоповъ храма Зевса въ Олимпіи [4]). Схему b повторяютъ фигуры Геспериды на метопѣ [5]) и Гипподаміи въ восточномъ фронтонѣ храма Зевса въ Олимпіи [6]). Схема С въ скульптурѣ является впервые у Фидія, на Парѳенонѣ [7]).

Такое согласіе вазовой живописи со скульптурой является для насъ опять фактомъ чрезвычайно знаменательнымъ. Мы видѣли, что вазовая живопись строгаго стиля имѣетъ такъ много аналогій съ современною ей скульптурою, что можетъ всецѣло разсчитывать на то, чтобы мы усматривали въ произведеніяхъ ея лучшихъ мастеровъ отображеніе современнаго имъ монументальнаго искусства. Послѣднія изслѣдованія, посвященныя вазовымъ мастерамъ строгаго стиля [8]), равнымъ образомъ, какъ мы знаемъ, показали, что эти мастера стоятъ несомнѣнно подъ

---

[1]) Klein, M., 164, 2; Masner, K. K. Österreich. Museum für Kunst u. Industrie Die Sammlung antiker Vasen u. Terracotten, 42, 323; W. Bl., C, 4 (Baum., Denkm., I, 591).

[2]) Brunn, Beschreibung der Glyptothek, 59; Collignon, Sculpture, I, f. 143.

[3]) Collignon, Sculpture, I, f. 138.

[4]) Collignon, ук. с., I, f. 223.

[5]) Collignon, ук. с., I, f. 221.

[6]) Collignon, ук. с., I, pl. VII — VIII; ср. также фигуру Аѳины на метопѣ, изображенной тамъ же, f. 222.

[7]) Ср. Collignon, ук. с., II, f. 24, 25, 28 A.

[8]) Ср. выше.

вліяніемъ монументальной живописи, и въ частности живописи Кимона изъ Клеонъ. Извѣстно, какъ ревностно воспроизводятъ греческіе художники каждый вновь изобрѣтенный мотивъ, какъ стараются его разработывать и какъ неуклонно и постоянно идутъ, благодаря этому, по пути прогресса. Благодаря обилію архаическихъ памятниковъ, мы можемъ въ настоящее время утверждать положительно то, что и ранѣе всегда могло бы казаться a priori наиболѣе вѣроятнымъ: новые мотивы всякаго рода являются въ греческомъ искусствѣ ранѣе въ живописи, чѣмъ въ скульптурѣ. A priori это уже вѣроятнѣе потому, что живопись менѣе скульптуры связана матеріаломъ и, слѣдовательно, всякое новшество въ ней провести несравненно легче, чѣмъ въ пластикѣ. Памятники какъ разъ намъ подтверждаютъ послѣднюю мысль. Между тѣмъ какъ мастеръ Эгинскаго фронтона ставитъ Аѳину еще по схемѣ A, уже Евфроній знаетъ схемы B и b, которыя въ скульптурѣ являются лишь значительно позже Евфронія (ѳасосскій рельефъ и храмъ Зевса въ Олимпіи). Схему B, которую мы не видимъ ни на одномъ памятникѣ архаической пластики и которая еще въ полной силѣ на скульптурахъ Олимпійскаго храма,—ее мы уже видимъ на фрагментахъ сосудовъ, происходящихъ изъ до-персидскаго слоя на аѳинскомъ акрополѣ, т. е. въ живописи эта схема (B) была уже въ модѣ до 480 года. Обѣ чаши Евфронія, на которыхъ мы видѣли схему b, во всякомъ случаѣ принадлежатъ времени, болѣе древнему, чѣмъ олимпійскія скульптуры. Какъ бы то ни было, при наличномъ матеріалѣ нельзя вывести другого заключенія, кромѣ того, что схемы B и b явились въ живописи ранѣе, чѣмъ въ скульптурѣ. Изобрѣтателемъ той и другой схемы скорѣе всего надо считать Кимона.

Въ виду сказаннаго, мы не можемъ принять предположенія Винтера, который считаетъ изобрѣтателемъ схемы C Фидія на томъ основаніи, что эту схему мы встрѣчаемъ въ пластикѣ впервые на мраморахъ Парѳенона [1]). Мы видѣли, какъ близка уже схема b къ схемѣ C. Неужели греческая живопись, представителемъ которой непосредственно передъ Фидіемъ былъ столь почитаемый и прославляемый всею древностью Полигнотъ, не могла примѣнять уже до 430 года [2]) схемы C? И a priori, и на основаніи аналогій изъ исторіи искусства архаическаго времени, и на основаніи свидѣтельствъ древности, относящихся къ Полигноту (ср. выше), мы скорѣе всего должны признать, что создателемъ схемы C былъ не Фидій. Пока мы

---

[1]) Winter, Jünger. attisch. Vasen, 10.
[2]) Winter, ук. с., 11.

не останавливаемся на вопросѣ о томъ, кого надо считать творцомъ свободной схемы постановки стоящей фигуры, а замѣтимъ только противъ Винтера, что скульптуры Пареенона никоимъ образомъ не даютъ terminus post quem при хронологіи вазъ прекраснаго стиля [1]).

V.

Преувеличеніе, нарушеніе мѣры—обычные недостатки строгаго, архаическаго стиля. Весьма интересно прослѣдить различіе строгаго и свободнаго стилей въ трактовкѣ нагого тѣла. Часто насъ изумляетъ знаніе анатоміи, которое обнаруживаютъ лучшіе мастера строгаго стиля [2]). Однако, мы видѣли, что и въ трактовкѣ тѣла они слѣдуютъ извѣстной схемѣ [3]). Внѣшніе контуры тѣла и главныя линіи на тѣлѣ они дѣлаютъ чернымъ лакомъ; для второстепенныхъ деталей они примѣняютъ разбавленный лакъ. Уже это одно придаетъ ихъ рисункамъ неестественный, схематическій характеръ. Ср., напр., гидрію Финтія въ Британскомъ музеѣ (E 159), изданную въ J. Hell. st.. XII (1891), pl. 20—21, или киликъ Евфронія [4]), изданный тамъ же, X (1889), pl. I (и у Harrison, Greek vase paintings, pl. XXIV) и находящійся теперь въ Аеинскомъ Національномъ музеѣ, и т. д. Иначе трактуетъ мускулатуру прекрасный стиль. Правда, и здѣсь главныя линіи дѣлаются чернымъ, а второстепенныя детали разбавленнымъ лакомъ, однако, степень разбавленія лака для послѣднихъ линій бываетъ постоянно различная: часто даже главныя, черныя линіи постепенно переходятъ въ болѣе слабыя. Различіе трактовки мускулатуры этимъ не ограничивается. Между тѣмъ какъ мастера строгаго стиля всегда стараются особенно сильно подчеркивать все характерное въ тѣлѣ и потому съ чрезвычайною тщательностью и подробностью обозначаютъ всѣ подробности мускулатуры, прекрасный стиль понялъ, что такая подробная мускулатура вовсе не необходима для того, чтобы фигура казалась живою, что, напротивъ, подобная трактовка тѣла какъ разъ дѣлаетъ фигуры

---

[1]) «Die Anwendung dieses Motivs (т. е. схемы C), говоритъ Винтеръ (ук. м.): «gewährt uns für die chronologische Bestimmung der Vasen einen festen Anhaltspunkt». Die obere Zeitgrenze giebt die Fertigstellung des Parthenonfrieses».

[2]) Ср. O. Jahn, Einl., CLXXIX.

[3]) Ср. выше.

[4]) Harrison, Journ. Hell. st., X (1889), 233, усматривала въ надписи на чашѣ, которую держитъ юноша, изображенный внутри килика, подпись Дуриса. Гартвигъ (Meisterschalen, 124 слл.) показалъ, что стиль килика—Евфронія. Гаррисонъ отказывается отъ своей мысли въ Greek vase paintings (стр. 23).

жесткими и безжизненными. Въ самомъ дѣлѣ, когда смотришь на фигуры, въ родѣ, напр., тѣхъ, которыя изданы Гартвигомъ въ его Meisterschalen, то всегда онѣ производятъ скорѣе впечатлѣніе иллюстрацій къ учебнику художественной анатоміи, чѣмъ фигуръ изъ настоящей картины. Одно можно привести въ похвалу архаическому стилю, это то, что онъ такъ усердно изучалъ человѣческое тѣло и, благодаря этому, пріобрѣлъ такія хорошія знанія общей структуры тѣла, его скелета, его мускуловъ, его движеній. Здѣсь опять вазовая живопись является полнымъ отраженіемъ искусства монументальнаго: одновременныя съ вазами строгаго стиля эгинскіе мраморы, скульптуры Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ, росписныя аттическія стелы [1]) такъ же точно понимаютъ тѣло, какъ и Евфроній, Гіеронъ, Евѳимидъ, Бригъ, Финтій и т. д. Благодаря такому тщательному и постоянному изученію тѣла, какое обнаруживаютъ всѣ памятники греческаго архаизма, возможны были тотчасъ послѣ нихъ гармоническія фигуры Фидія, который до тонкости зналъ структуру человѣческаго тѣла и, только смягчивъ крайности трактовки тѣла архаическихъ мастеровъ, воплотилъ въ фигурахъ мраморовъ Парѳенона неувядаемые образы живой красоты. Фигуры вазовыхъ картинъ прекраснаго стиля по духу совершенно аналогичны фигурамъ фриза Парѳенона. Онѣ тѣмъ же и такъ же отличаются отъ фигуръ мастеровъ строгаго стиля, какъ эгинскіе мраморы отъ скульптуръ Парѳенона. Что касается трактовки тѣла, то, какъ мы увидимъ далѣе, вазовая живопись здѣсь ранѣе фриза Парѳенона оставила архаическіе пріемы.

Новый стиль не даетъ такой массы деталей на тѣлѣ, какъ строгій, ограничиваясь только существеннымъ и необходимымъ. Чтобы лучше уяснить себѣ разницу двухъ стилей, сравнимъ двѣ однородныя фигуры, одну — Ганимеда чаши Британскаго музея (E 82) и другую — юнаго виночерпія на чашѣ Брига того же музея (E 68). Какъ тщательно вырисовалъ Бригъ на рукахъ и ногахъ своего „ὁ παῖς καλός“, — какъ онъ называетъ виночерпія,—всѣ кости и мускулы! Напротивъ, изъ всѣхъ этихъ деталей у мастера килика E 82 видимъ только кости колѣнъ и одинъ мускулъ сверху колѣна правой ноги, которая, неся всю тяжесть тѣла, естественно напрягается сильнѣе лѣвой; при этомъ и кости колѣнъ мастеръ чаши E 82 обозначилъ менѣе подробно, чѣмъ Бригъ. Съ меньшей подробностью обозначены на E 82 и мускулы живота. Напротивъ, строеніе грудного панцыря проведено такъ же, какъ и у Брига; такъ же

---

[1]) Ср. Löschcke, Ath. M., IV (1879), 36 слл., 289 слл.

обозначены и мускулы шеи. Несмотря на меньшую детальность, однако, никто не будетъ колебаться признать то, что Ганимедъ Е 82—живая фигура, а „ὁ παῖς καλός“ Брига—манекенъ. Чѣмъ же обусловливается бо́льшая жизненность Ганимеда? При всемъ знанiи тѣла, при всемъ постоянномъ его штудированiи архаическiе художники не могли наблюсти одного весьма важнаго факта: они еще не знали того, что всѣ мускулы человѣческаго тѣла покрыты не только кожей, но еще слоемъ жира. Мускулы обрисовываются на кожѣ только тогда, когда соотвѣтствующая часть напрягается подъ влiянiемъ ли движенiя, или благодаря какому-нибудь другому положенiю. Напротивъ, когда рука, напр., находится въ состоянiи свободномъ и ничѣмъ не напрягается, всѣ ея мускулы, скрытые подъ слоемъ жира, не будутъ видны. Поэтому-то мускулатура фигуръ мастеровъ строгаго стиля, которыя (фигуры) трактованы такъ, что у нихъ подробнѣйшимъ образомъ обозначены всѣ мускулы на всѣхъ частяхъ тѣла, какъ находящихся въ напряженiи, такъ и свободныхъ, является не обоснованной, и вся трактовка фигуръ—невѣрной. Правда, всѣ тѣ мускулы, которые мы видимъ на различныхъ частяхъ тѣла у фигуръ строгаго стиля, въ дѣйствительности существуютъ, но дѣло въ томъ, что для глаза замѣтны они бываютъ далеко не всегда, и никогда не бываетъ такъ, чтобы всѣ части тѣла разомъ были бы въ напряженiи, и на всѣхъ ихъ такъ подробно обрисовывалась бы мускулатура, какъ это видимъ, напр., у Брига на фигурѣ виночерпiя килика Е 68. На правой ногѣ у него, какъ совершенно свободной, не могутъ обрисовываться всѣ тѣ мускулы, которые у нея обозначены. Въ лѣвой рукѣ, равнымъ образомъ, слишкомъ легкiе предметы, и потому ея мускулатура тоже неправдива. Точно также и напряженiе правой руки выражено преувеличенно, такъ какъ тѣло, покоясь на лѣвой ногѣ, производитъ на правую руку (которою юноша опирается на колонну) лишь весьма слабое давленiе. Наконецъ, мускулы живота опять находятся въ противорѣчiи съ позой юноши: они не могутъ такъ подробно обрисоваться иначе, какъ въ томъ случаѣ, если бы юноша былъ въ сильномъ движенiи (напр., при борьбѣ, бѣгѣ и т. п.). Наоборотъ, каждый мускулъ Ганимеда на киликѣ Е 82 находитъ себѣ полное оправданiе: кости грудного панцыря замѣтны всегда и потому всегда должны быть обозначаемы; такъ какъ голова Ганимеда сильно повернута влѣво, на шеѣ обрисовывается ея мускулъ; такъ какъ руки Ганимеда находятся въ состоянiи полной свободы, на нихъ не замѣтно вовсе мускуловъ; такъ какъ, далѣе. вся фигура спокойно стоитъ, на животѣ мускулы обрисовываются весьма слабо; реберъ не видно совсѣмъ; наконецъ, на

лѣвой ногѣ, какъ совершенно свободной, совершенно не видно мускуловъ, и, наоборотъ, надъ колѣномъ правой ноги, несущей всю тяжесть тѣла, отъ напряженія замѣтенъ мускулъ въ нижней части ляшки. Уже было замѣчено [1]), что преувеличенное подчеркиваніе мускуловъ живота у греческихъ статуй архаическаго времени явно говоритъ за то, что греческіе художники наблюдали голую модель главнымъ образомъ въ гимназіяхъ, гдѣ, конечно, чаще всего они могли видѣть тѣло въ сильномъ движеніи. Наблюдательность архаическихъ художниковъ дѣйствительно изумительна. Но имъ не дано было всего: они недостаточно наблюдали натуру въ состояніи полнаго покоя. Вслѣдствіе этого имъ остался неизвѣстенъ одинъ изъ основныхъ фактовъ: ихъ фигуры вѣрны въ пропорціяхъ; движенія фигуръ и позы ихъ большею частью правильны; мускулатура ихъ не вымышлена, а подмѣчена изъ наблюденій; но всѣ онѣ состоятъ только изъ костей, мускуловъ и кожи и не имѣютъ жировыхъ частей. Отсюда жесткость, сухость, угловатость, схематичность, холодность и безжизненность фигуръ.

Новый стиль тоньше наблюдалъ природу, открылъ въ ней новыя стороны и тѣмъ избѣгъ стараго ригоризма формъ. Его фигуры впервые получили настоящую свободу и жизнь.

Какъ и ранѣе, такъ и здѣсь мы должны будемъ опять замѣтить, что въ старомъ стилѣ было все подготовлено для новаго. Уже въ старомъ стилѣ были сдѣланы наблюденія, изъ которыхъ новому стилю осталось только сдѣлать дальнѣйшіе выводы. Старый стиль отличалъ женское и дѣтское тѣло отъ мужского и юношескаго тѣмъ, что не обозначалъ на первыхъ подробностей мускулатуры [2]). Приведемъ для примѣра слѣдующія вазы строгаго стиля: Mon. Grecs, 1872, pl. I; Baum., Denkm., III, f. 1877; Rayet-Collignon, Céramique, f. 69; Girard, Peinture, f. 97; Harrison, pl. XIV; Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, табл. I и др.

Архаическіе мастера, такимъ образомъ, замѣтили жировыя части на дѣтскомъ и женскомъ тѣлѣ, такъ какъ это послѣднее отличается отъ мужского и юношескаго именно тѣмъ, что мужское тѣло жиловатѣе.

---

[1]) Ср. Duval, Précis d'anatomie à l'usage des artistes, 12 слл., 189 слл.

[2]) У первыхъ мастеровъ красно-фигурнаго стиля и у мужскихъ фигуръ нѣтъ подробной мускулатуры (ср., напр., вазы Хахриліона, Nöël des Vergers, l'Etrurie, pl. 37, и др.); иногда мускулатура не обозначена изъ-за спѣшности работы. Въ обоихъ случаяхъ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о знаніи такими мастерами жировыхъ частей тѣла. У мастеровъ, подобныхъ названнымъ, часто нѣтъ мускулатуры и тамъ, гдѣ она во всякомъ случаѣ должна быть.

За прекраснымъ стилемъ остается честь, что онъ сдѣлалъ должные и опредѣленные выводы изъ всего того, что смутно предчувствовалось въ архаическомъ искусствѣ.

VI.

Въ трактовкѣ одежды и волосъ, т. е. тѣхъ элементовъ фигуры, изъ которыхъ первый вовсе не имѣетъ собственной жизни, а второй выражаетъ ее слабѣе, чѣмъ всѣ другія органическія части фигуры, въ ней, какъ извѣстно, дольше всего сохраняются остатки архаизма [1]). Сдѣлать складки одеждъ и волосы фигуры вполнѣ свободными удалось греческому искусству позднѣе, чѣмъ достигнуть того же въ трактовкѣ нагого тѣла, хотя и самая проблема дать жизнь одеждѣ поставлена была въ греческомъ искусствѣ весьма рано, и попытки къ ея правильному разрѣшенію мы видимъ уже на весьма древнихъ памятникахъ [2]). Однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній прекраснаго стиля является правильная, свободная трактовка одежды. Здѣсь, равно какъ въ композиціи, постановкѣ фигуръ и трактовкѣ нагого тѣла, прекрасный стиль создаетъ правила, которыя въ общемъ остаются на послѣдующія времена въ греческомъ искусствѣ. Трактовка одежды является особенно характернымъ признакомъ стиля.

Ничто не выражаетъ характера строгаго стиля такъ хорошо, какъ одежды его фигуръ съ ихъ сухими, однообразными складками, которыя всегда такъ тщательно вырисованы.

Какъ извѣстно [3]), женскія фигуры на картинахъ строгаго стиля большею частью одѣты бываютъ въ длинный, тонкій льняной хитонъ съ рукавами [4]) или безъ рукавовъ [5]), сверхъ котораго часто бываетъ еще гиматій [6]). Иногда хитонъ имѣетъ небольшой отворотъ [7]), иногда

---

[1]) Ср. Holwerda, Jahrb. d. Inst., IV (1889), 37 слл.

[2]) Ср. Kekule, Die antiken Bildwerke im Theseion zu Athen, 362.

[3]) Ср. O. Jahn, Einl., CLXXIX.

[4]) Ср., напр., W. Bl., VIII, 5; Harrison, Greek vase paintings, pl. XXV.

[5]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, XXXV.

[6]) Гиматій такой, какой мы видимъ у большей части статуй коръ на аѳинскомъ акрополѣ (вѣроятно, ἔγκυκλον, ср. Guhl. u. Koner, Leben d. Griechen u. Römer[6], 292) ср. на киликѣ Евфронія съ изображеніемъ Геракла и Геріонея въ Мюнхенѣ (№ 337; Mon. publ. par la sect. fr., pl. 16—17; W. Bl., V, 3; Harrison, pl. XI), на киликѣ Брига въ Мюнхенѣ (№ 332; Baum., Denkm., II, 928; Harrison, pl. XV, 2), киликѣ Гіерона Берлинскаго музея (№ 2291; W. Bl., A, 5; Harrison, pl. XX; Overbeck, Bildw., X, 4) и т. д. Гиматій, вродѣ употреблявшихся позднѣе, ср. на берлинскомъ киликѣ Дуриса (№ 2286; A. Z., 1883, Taf. 4), на киликѣ Брит. музея E 68 (рис. 6) и т. д.

[7]) Ср. киликъ Брига въ Вюрцбургѣ (№ 346; W. Bl., VIII, 5; Harrison, pl. XXV и XXVI, 2) киликъ Дуриса въ Луврѣ (Fröhner, Choix de vases, pl. 4; Harrison, pl. XVIII).

двойной и тройной отворотъ, причемъ каждая часть ero, лежащая подъ верхней дѣлается длиннѣе [1]). Иногда видимъ на женщинахъ покрывало [2]), которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ наброшено лишь на плечи [3]), или родъ шарфа [4]). На головахъ у женщинъ большею частью надѣта или тенія (лента) [5]), или же чепецъ (σάκκος) [6]).

На картинахъ прекраснаго стиля мы видимъ у женскихъ фигуръ и старый льняной іонійскій хитонъ съ рукавами, но рядомъ съ нимъ чаще и чаще выступаетъ и хитонъ шерстяной „дорійскій“ [7]) безъ рукавовъ,—который мало-по-малу вытѣсняетъ первый [8]). Гиматій, въ родѣ того, какой мы видимъ у статуй акропольскихъ коръ (ἔγκυκλον), на вазахъ въ развитомъ прекрасномъ стилѣ не встрѣчается [9]). Женщины теперь носятъ большой гиматій, такой же, какъ и мужчины. Примѣрами одежды новаго времени могутъ служить фигуры на киликѣ Брит. муз. E 82, гдѣ Персефона, Афродита, Амфитрита и Аріадна одѣты въ тонкіе іонійскіе хитоны съ рукавами и въ большіе гиматіи, а Гера въ толстый шерстяной „дорійскій“ хитонъ съ большимъ отворотомъ, сверхъ котораго у нея надѣтъ еще поясъ [10]). Мужскими одеждами въ строгомъ стилѣ были тонкій короткій хитонъ и хламида, которые, главнымъ образомъ, носятъ юноши [11]), длинный іонійскій хитонъ и большой, часто богато разукра-

---

1) Ср. Kalkmann, Jahrb. d. Inst., XI (1896), 19 слл. Примѣры: Journ. Hell. st., VII (1887), 440 (Harrison, pl. XIII, 1); W. Bl., A, 4 (Harrison, pl. XXI); Ann., 1863, C (Harrison, XXII, 1) и т. д.

2) Ср. киликъ Евфронія въ Луврѣ съ изображеніемъ Ѳесея передъ Амфитритой (Mon. grecs, 1872, pl. I; Журн. Мин. Нар. Просв., 1898, апрѣль, табл. I).

3) Ср. киликъ Брига въ Брит. муз. E 65 (Mon., IX, 46; W. Bl., VIII, 6; Harrison, pl. XXVII, XXVIII).

4) Ср. киликъ Евфронія Брит. музея E 44 (Klein, Euphr.², 88 сл., 98; W. Bl., V, 7; Harrison, pl. XII).

5) Ср. Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXIV, XXV, XLI, XLIII, LXVII и т. д.

6) Ср. Hartwig, ук. с., Taf. XXV, XXXIII, 2, XXXIV, XXXIX, 2 и т. д.

7) О неправильности этого термина ср. Guhl u. Koner, Leben d. Griechen u. Römer⁶, 288. Ср. Studniczka, Tracht, 92.

8) Винтеръ (Die jünger. attisch. Vasen, 28 слл.) справедливо указываетъ на то, что часто по костюму на вазахъ нельзя отличать фигуры по возрасту и давать имъ опредѣленно то или другое толкованіе. Неправъ поэтому Фуртвенглеръ (Meisterwerke, 39 слл.), утверждая, что «дорійскій» хитонъ носили въ 465—460 гг. главнымъ образомъ дѣвушки, а не женщины. Ср. выше.

9) Это, по нашему, не простая случайность. Въ эллинистическую эпоху ἔγκυκλον снова видимъ. Ср. Guhl u. Koner, Leben d. Griechen u. Römer ⁶, 292.

10) Такой костюмъ, какъ у Геры,—чисто аттическій. Ср. Furtwängler, Meisterwerke, 39.

11) Ср. O. Jahn, Einl., CLXXIX. Примѣры: Hartwig, Meisterschalen, Taf. X, LIII, LIV, LVIII, LIX. Эти одежды иногда видимъ и на мужчинахъ: Hartwig, ук. с., Taf. XXVIII, XLI, LV, LVII. Одинъ небольшой гиматій у юношей: Hartwig, ук. с., Taf. I, II, 3, III, 1; накидка на поясницѣ: Hartwig, ук. с., Taf. IX, и т. д.

шенный гиматій, которые служили преимущественно одеждами пожилыхъ мужчинъ (въ нихъ особенно часто являются боги — Зевсъ, Посидонъ, Діонисъ) [1]). Мужскія одежды въ общемъ остаются тѣ же и въ прекрасномъ стилѣ. Только теперь чаще всего юноши являются безъ нижней одежды (хитона), въ одномъ гиматіи [2]), или одной хламидѣ [3]), или же лишь съ накидкой у поясницы, а очень часто и совершенно нагими [4]). Художники прекраснаго стиля особенно любятъ нагія фигуры юношей. Обычною же одеждою мужчинъ въ прекрасномъ стилѣ служитъ гиматій, набрасываемый просто на голое тѣло [5]). Въ аттической одеждѣ въ V вѣкѣ отличаютъ два періода [6]). Границею ихъ надо признать Греко-Персидскія войны [7]). Въ первый періодъ носили тонкія льняныя одежды. Во второй получаютъ преобладаніе толстыя шерстяныя одежды.

Для нашего изслѣдованія, впрочемъ, важно не столько то, какія одежды носились въ эпоху, когда господствовалъ строгій стиль, и какія одежды предпочитали въ эпоху прекраснаго стиля, сколько то, какъ каждый стиль изображалъ современную ему одежду. Только стиль можетъ намъ дать болѣе точную дату каждой вазовой картины [8]). Перемѣна одежды, конечно, сама по себѣ не имѣла никакого вліянія на перемѣну стиля. Положимъ, что въ архаическое время дѣйствительно носили платье

---

[1]) Ср. O. Jahn, Einl., ук. м. Примѣры: Hartwig, Meisterschalen, Taf. VI, XVI, XXIII, XXIX, XXX, 2, XXXI, XXXIII, 1; LXV и т. д. Такія же одежды у юношей: Hartwig, Taf. XV, 2, XVII, 1, XX, XXVI, XXVII, XXXIV, XXXVI, 3, LXVIII, и т. д.

[2]) Ср. Stackelberg, Gräber, Taf. 19; Mon., I, 4; Gerhard, Gesamm. akad. Abhandl., 13—14; 50 Berl. Winckelmannspr., Taf. II; Mon., I, tav. V, 1, 2; Gaz. archéol., II (1876), pl. 32; Robinson, Boston Museum, 426; Брит. муз. E 271 (Mon., V, 37 Welcker, Alte Denkm., III, 31); Gerhard, A. V., 165, 4, и т. д. ;

[3]) Gerhard, Ges. akad. Abh., 13—14; Берл., № 2538 (Gerhard, A. V., 327 сл.); A. Z., 1878, 12; Gerhard, A. V., 164; Röm. Mitth., XII (1897), Taf. IV—V; Dumont-Chaplain, Céramiques, I, pl. 27; Jahrb. d. Inst., II (1887), 163; American Journal of archaeology, II (1886), pl. 12—13, 5, и т. д.

[4]) Ср. Mon., I, tav. VI; Брит. муз. E 82 (рис. 7); A. Z., 1883, 17; Mon., XI, 38—40; Heydemann, III Hallisch. Winckelmannspr., Taf. III, 1, и т. д.

[5]) Ср. Брит. муз., E 82 (рис. 7); Mus. Ital., III (1890), tav. V (Robert, Nekyia, 41); Baum., Denkm., I, 706; Берл., 2684 (55 Berl. Winckelmannspr., 1895), и т. д. Иногда и мужчины изображаются совершенно нагими: Неаполь, S. A., 281; Брит. муз. D 51 (J. Hell. st., XII (1891), pl. XIV; Murray, Wh. V., pl. 3), и т. д. Силены большею частью бываютъ нагіе: Брит. муз., E 82 (рис. 7), Неаполь, S. A., 701, Gaz. archéol., V (1879), pl. 15, Röm. Mitth., XII (1897), Taf. IV—V, и т. д.

[6]) Studniczka, Tracht, 17 сл.; Holwerda, Jahrb. d. Inst., IV (1889), 41 слл.

[7]) Studniczka, ук. с., 25; Holwerda, ук. раб., 42; Winter, Jünger. att. Vas., 29. Guhl u. Koner, Leben d. Griechen u. Römer [6], 289; Studniczka, Jahrb. d. Inst., XI (1896), 248 слл.

[8]) Едва ли правъ поэтому Winter (ук. м.), говоря: «Unmittelbaren Gewinn aber ziehen wir aus dem Wechsel der Kleidung für die Chronologie der Gefässbilder» etc.

съ искусственными складками [1]), что искусственныя складки, которыя мы видимъ на одеждѣ фигуръ у мастеровъ строгихъ красно-фигурныхъ вазъ и вообще во всемъ архаическомъ искусствѣ, не есть исключительная схема художниковъ, изобрѣтенная ими для одеждъ ихъ фигуръ, но отсюда еще вовсе не выходитъ, чтобы художникамъ въ архаическое время не было абсолютно возможности изучать законы, которымъ слѣдуетъ надѣтое на человѣка платье. Далеко не на всѣхъ архаическихъ фигурахъ мы должны принимать одежду, складки которой получены благодаря глаженію или крахмаленію [2]). Гиматій—всегда былъ одеждой, которая набрасывалась свободно. Кромѣ того, никакая одежда не накрахмаливалась и не выглаживалась вся сплошь: такъ, напр., на киликѣ Британскаго музея E 68, конечно, рукава одеждъ гетеръ не накрахмалены, между тѣмъ складки ихъ совершенно искусственны и схематичны. Намъ кажется, такимъ образомъ, что искусственность складокъ на одеждахъ фигуръ архаическаго искусства все же имѣетъ достаточно такого, что нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ схемой, придуманной строгимъ искусствомъ: никогда не могло быть въ дѣйствительности такъ, чтобы всѣ складки всѣхъ одеждъ были въ такомъ искусственномъ, правильномъ порядкѣ, какъ это мы видимъ на картинахъ строгаго стиля. Кромѣ того, немыслимо, чтобы даже искусственно приведенныя въ порядокъ складки не смялись при такихъ бурныхъ движеніяхъ, какъ это сплошь и рядомъ изображаетъ строгій стиль [3]). Ясное дѣло, эта искусственность въ дѣйствительной жизни не шла такъ далеко и не могла такъ послѣдовательно во всемъ проводиться, какъ на картинѣ. Далѣе, въ строгомъ стилѣ мы встрѣчаемъ одежды изъ толстой шерстяной матеріи, которая не могла быть крахмаленной, и все-таки и такія одежды трактованы съ искусственными складками. Ср., напр., гиматіи юношей на чашѣ E 68 (рис. 6). далѣе, гиматій Акрисія на вазѣ Императорскаго Эрмитажа [4]), одежду Артемиды на киликѣ Гіерона бывшей коллекціи v. Branteghem [5]), и т. д. Далѣе, если мы видимъ совершенно правильныя симметричныя складки у повѣшенныхъ на стѣну одеждъ [6]), а между

---

[1]) Ср. Semper, Stil, I, 123; Holwerda, ук. ст.

[2]) Напр., несомнѣнно на хитонѣ нимфы на вазѣ, изданной у Hartwig, Meisterschalen, Taf. VI, складки, хотя онѣ и совершенно искусственны, не получены глаженьемъ или крахмаленьемъ. То же надо сказать и о складкахъ нимфъ на киликѣ Гіерона (см. Baum., Denkm., I, 479) и т. д.

[3]) Ср. Gerhard, A. V., 22; Él., II, 56: Мюнхенъ, 410 (Gerhard, 268); Берл., 2279 (Gerhard, Trinksch., IX, 1); Luynes, Vases, 34.

[4]) ПВ., 1723 (Overbeck, Atlas d. Kunstmythologie, VI, 2—3).

[5]) Fröhner, Collection v. Branteghem, pl. 20; Harrison, Greek vase paintings, pl. XIX.

[6]) Ср. Journ. Hell. st., X (1889), pl. I.

тѣмъ эти одежды разсчитаны на человѣческую фигуру, на которой онѣ, по необходимости, будутъ имѣть совершенно другія складки, то не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не со складками, написанными съ натуры, а съ чистой схемой, придуманной художникомъ только для картины. Точно также берлинская пелика Эпиктета [1]) ясно показываетъ, что складки тонкаго хитона получились не крахмаленіемъ и не глаженіемъ. Значитъ, вся ихъ искусственность—опять только схема художника.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ подробный перечень вазъ, гдѣ на одеждахъ фигуръ совершенно ясно видно, что мы имѣемъ дѣло лишь съ художественной схемой, а не со складками, подмѣченными изъ природы и дѣйствительной жизни. Отмѣтимъ только результатъ, къ которому мы пришли, изучая вазы строгаго стиля.

Отдѣльные мотивы искусственныхъ складокъ (какъ, напр., складки въ формѣ хвоста ласточки, складки съ правильными зигзагами и т. п.), конечно, всецѣло могли быть взяты вазовыми художниками изъ дѣйствительной жизни, и въ нихъ нельзя видѣть только схему художниковъ. Такъ какъ одежды архаическія дѣлаются изо льна, то достичь складокъ такой формы можно было лишь искусственно, можетъ быть, посредствомъ крахмаленія одежды или т. п. [2]). Вполнѣ допустимо, напр., что складки одеждъ Геры и Ириды на киликѣ Брига (Брит. муз. Е 65) получены благодаря крахмаленію.

Но художники строгаго стиля дѣлаютъ такія же искусственныя складки, какъ мы видѣли, нерѣдко и тамъ, гдѣ мысль о крахмаленіи рѣшительно исключается. Въ этихъ случаяхъ, несомнѣнно, надо видѣть схему художниковъ, которые, изображая одежду, поступаютъ подобнымъ же образомъ, какъ они поступали при трактовкѣ нагого тѣла: тамъ они изображаютъ мускулы на частяхъ тѣла, которыя не напряжены настолько, чтобы мускулы на нихъ могли обрисоваться, здѣсь они складываютъ въ искусственныя сладки такія части одежды, которыя имѣть ихъ въ дѣйствительности никакъ не могутъ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь они даютъ мотивы не выдуманные, а взятые изъ жизни. Ошибка ихъ лишь въ томъ, что такіе мотивы не подходятъ къ данному положенію фигуры, имъ не оправдываются. Этотъ схематизмъ и производитъ впечатлѣніе жесткости, оцѣпенѣлости, безжизненности, столь присущихъ, вообще всему архаизму. Между тѣмъ и такою трактовкою тѣла и такою трактовкою одежды мастера архаизма стремились какъ разъ придать

[1]) Берл., 2170 (Gerhard, A. V., 299).
[2]) Ср. Semper, Stil, I, 123; Holwerda, Jahrb. d. Inst., IV (1889), 38 сл.

бо̀льшую жизненность фигурамъ. И если мы сравнимъ ихъ фигуры съ фигурами мастеровъ черно-фигурнаго стиля, гдѣ каждая фигура является лишь символомъ соотвѣтствующаго положенія, лишь гіероглифомъ его, а одежда—вполнѣ безжизненна и служитъ часто лишь субстрактомъ для орнаментовъ, прогрессъ художниковъ строгаго стиля въ смыслѣ большей жизненности окажется и несомнѣннымъ и весьма значительнымъ.

Прекрасному стилю осталось послѣ нихъ только завершить начатое ими дѣло.

Въ произведеніяхъ мастеровъ строгаго стиля одежда уже всегда въ общемъ слѣдуетъ (кромѣ собственной тяжести) движенію и положенію тѣла, на которомъ она надѣта. У нихъ мы не видимъ только еще полной свободы и гармоніи между одеждою и тѣломъ. Они поняли уже недостатки мастеровъ черно-фигурнаго стиля и въ трактовкѣ тѣла намѣтили вѣрный принципъ, но только не могли провести его до конца, такъ какъ это требуетъ очень усерднаго, постояннаго и долговременнаго наблюденія природы, прежде, чѣмъ получится что-либо дѣйствительно совершенное. Кромѣ того, для того, чтобы передать всю эту массу наблюденій, нужно было часто имѣть большее умѣнье рисовать, чѣмъ имъ обладали архаическіе мастера. Довольствуясь только обозначеніемъ общаго направленія складокъ на одеждѣ фигуры, мастера строгаго стиля даютъ только схему складокъ, которыя должны образоваться на одеждѣ изъ-за того или другого положенія фигуры во-первыхъ, и въ зависимости отъ закона тяготѣнія, которому слѣдуетъ одежда, во-вторыхъ. Нельзя указать случаевъ, гдѣ бы направленія складокъ находились въ явномъ противорѣчіи съ природой у фигуръ строгаго стиля. Но почти каждая фигура говоритъ о недостаточности наблюденія природы. Зная общую схему, по которой складки на одеждѣ фигуры должны расположиться, и не имѣя достаточно наблюденій для того, чтобы схему эту разработать и претворить въ нѣчто дѣйствительно вѣрное природѣ, въ которой никогда и ни въ чемъ нѣтъ схемы, художники строгаго стиля даютъ такое расположеніе складокъ на одеждахъ фигуръ, которое всякаго поражаетъ своею неестественностью. Это впечатлѣніе усиливается еще отъ того, что художники располагаютъ всѣ линіи, дающія общую схему складокъ одежды, совершенно симметрично другъ другу (складки большею частью строго параллельны, обозначены совершенно одинаковыми линіями и т. п.) и съ необыкновенною тщательностью и аккуратностью. Такая неестественная и искусственная система складокъ обусловливаетъ то, что въ строгомъ стилѣ одежда и тѣло фигуръ существуютъ все еще слишкомъ

независимо другъ отъ друга. Это особенно рѣзко бросается въ глаза, когда художникъ дѣлаетъ одежду фигуры прозрачной. Ср., напр., одинъ киликъ Императорскаго Эрмитажа [1]), киликъ въ Аѳинахъ [2]), луврскій киликъ [3]), другой киликъ Лувра [4]), берлинскую гидрію [5]), берлинскій киликъ Пиѳина [6]), мюнхенскую амфору въ стилѣ Евѳимида [7]), мюнхенскій кратеръ [8]) и т. д. Во всѣхъ перечисленныхъ примѣрахъ искусственныя вычурныя складки на одеждѣ фигуръ не нарушаются вслѣдствіе положенія фигуръ и одежда окружаетъ фигуры, на подобіе легкой дымки.

Совсѣмъ иное видимъ въ прекрасномъ стилѣ. Здѣсь каждая складка одежды обоснована и вызывается 1) положеніемъ фигуры и 2) тяжестью матеріи, изъ которой сдѣлана одежда. Принципы, которые намѣтилъ строгій стиль въ трактовкѣ одежды, здѣсь дѣйствительно проведены, какъ слѣдуетъ.

Вся разница двухъ стилей въ этомъ отношеніи наглядно видна, если сравнить, напр., столь близкія фигуры — Амфитриты на хорошо уже знакомомъ намъ киликѣ Британскаго музея E 82, и гетеры, сидящей на клинѣ, на киликѣ Брига (Брит. муз., E 68). Разумѣется, складки гиматія у фигуры, сѣвшей на клину, не могутъ сами собой принять такого правильнаго, симметрическаго расположенія, какъ мы видимъ у Брига. Безусловно, если складки были расположены симметрично до того момента, когда гетера сѣла, симметрія ихъ послѣ него должна была нарушиться; но если даже сначала и у сѣвшей уже фигуры складки были симметричны, то все же черезъ нѣкоторое время одна-другая складка должна была бы выйти изъ своего первоначальнаго положенія. Это прекрасно понимаетъ мастеръ чаши E 82: у Амфитриты на гиматіи нѣтъ такихъ длинныхъ, непрерывныхъ складокъ, какъ у гетеры Брига, потому что при такой позѣ фигуры на гиматіи могутъ быть лишь мелкія складки. Эти складки, далѣе, не могутъ быть правильны, симметричны. Гиматій у сидящей фигуры мнется, что̀ и обозначилъ мастеръ E 82. Что касается формы складокъ, то всѣ онѣ у Амфитриты на киликѣ E 82

---

[1]) ПБ.. 830; Mon., VI, 22; Harrison, ук. с., pl. XXII, 2.

[2]) Journ. Hell. st., X (1889), pl. I; Harrison, ук. с., pl. XXIV.

[3]) Hartwig, Meisterschalen, Taf. VI; Harrison, ук. с., pl. XXXI.

[4]) Fröhner, Choix d. vases, pl. 4; Harrison, ук. с., pl. XVIII.

[5]) Берл., 2179 (Gerhard, Etrusk. u. Kampan. Vasenbilder, Taf. VI, VII; W. Bl., III, 6).

[6]) Берл., 2279 (Gerhard, Trinksch., IX, 1, XIV—XV; Harrison, ук. с., pl. XXIII; Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXIV, 1. XXV).

[7]) Мюнхенъ, 410 (Gerhard, A. V., 268; ср. Furtwängler, Führer, 14).

[8]) Мюнхенъ, 753 (Dubois-Maisonneuve, Introduction, 81; Baum.. Denkm., III, 1607).

находятся въ зависимости отъ того, что гиматій плотно облегаетъ ноги фигуры. Часть гиматія, переброшенная черезъ лѣвое плечо также не можетъ имѣть правильныхъ параллельныхъ складокъ, какія мы видимъ въ такихъ случаяхъ у фигуръ строгаго стиля [1]): у Амфитриты вазы Е 82 эти складки не параллельны и не равны одна другой. Различно у гетеры Брига и у Амфитриты трактованы и хитоны. Правда, Бригъ дѣлаетъ здѣсь попытку отступить (на правомъ рукавѣ хитона) отъ строго параллельныхъ, непрерывныхъ складокъ, но все же онъ дѣлаетъ это еще крайне робко. Напротивъ, мастеръ Е 82 трактуетъ хитоны Амфитриты, Аріадны и Афродиты такъ, что масса мелкихъ, несимметричныхъ, неравныхъ между собою складокъ прекрасно характеризуетъ сдѣланный изъ весьма тонкой матеріи хитонъ, у котораго легко мнутся рукава и подолъ. Не менѣе сказывается разница стилей въ трактовкѣ гиматіевъ фигуръ, лежащихъ на клинахъ. У Брига опять правильность складокъ ни мало не нарушена. Напротивъ, мастеръ чаши Е 82 не только не дѣлаетъ складки гиматіевъ этихъ фигуръ параллельными, но у него вообще нѣтъ складокъ, проходящихъ черезъ всю фигуру непрерывно: главныя складки обозначены прерывающимися линіями; между главными складками вставлена масса побочныхъ, при чемъ одна складка заходитъ въ другую. Формы складокъ опять зависятъ отъ того, какъ онѣ прилегаютъ къ той или другой части тѣла. Прекрасно трактована одежда Геры на киликѣ Е 82. Очень удачно мастеръ характеризовалъ сравнительную толщину матеріи покрывала (на правомъ плечѣ) и дорическаго хитона (ср. особ. конецъ отворота подъ поясомъ). Прерывающіяся, непараллельныя складки покрывала богини соотвѣтствуютъ опять положенію и формамъ тѣла, которое они покрываютъ. Какъ неловки и безжизненны въ сравненіи со складками покрывала Геры, напр., складки покрывала Амфитриты на киликѣ Евфронія въ Луврѣ [2]).

Складки хитона Геры прекрасно драпируютъ ея фигуру и, какъ у другихъ фигуръ килика, у богини обрисовываются подъ хитономъ слегка формы ея тѣла. Новый стиль, такимъ образомъ, имѣетъ то несомнѣнное преимущество сравнительно со строгимъ, что онъ *впервые даетъ правильное, согласное съ положеніями и движеніями тѣла расположеніе складокъ на одеждѣ*. Только теперь одежда получила жизнь: въ строгомъ стилѣ она все еще остается

[1]) Ср. фигуры на изданномъ нами фрагментѣ вазы Эпиктета въ Одесскомъ музеѣ. Зап. Имп. Од. Общ. Исторіи и Древн., XVI (1893), листъ II, 3. Ср. J. Hell. st., X (1889), pl. I; Harrison, ук с., pl. XXV, XXVI, XXXIII; Hartwig, Meisterschalen, 124.

[2]) Mon. Grecs, I (1872), pl. I.

инертной, лишенной движенія массой. Насколько трудна была, впрочемъ, проблема оживить одежду показываетъ фигура Афродиты на киликѣ E 82: между тѣмъ, какъ нагія фигуры Кома и Ганимеда у этого мастера поставлены эффектно, въ фигурѣ Афродиты есть еще нѣкоторые остатки архаической неловкости: у части гиматія, приходящейся на лѣвой ногѣ, вовсе не обозначено складокъ, что̀ дѣлаетъ трактовку одежды въ этомъ мѣстѣ неясной. Поставлена фигура Афродиты, впрочемъ, совершенно правильно: вся тяжесть тѣла покоится на правой ногѣ, а лѣвая выдвинута нѣсколько впередъ. Здѣсь опять видимъ, сколь большіе успѣхи сдѣлала вазовая живопись со времени Сосія (ср. особ. стоящія фигуры Оръ на второй композиціи Сосія).

На киликѣ E 82 нѣтъ одѣтой фигуры, которая была бы поставлена въ фасъ. Когда мастерамъ прекраснаго стиля приходилось рисовать такія фигуры, они обнаруживаютъ здѣсь не менѣе искусства, чѣмъ въ изображеніи нагой фигуры въ фасъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они вырабатываютъ схему, которой суждено было навсегда остаться въ вазовой живописи. Знаменитая чаша съ изображеніемъ Кодра въ болонскомъ Museo Civico, какъ мы замѣтили уже, по стилю своихъ фигуръ принадлежитъ безусловно тому же времени, что̀ и киликъ Брит. музея E 82. На ней фигура Мелиты можетъ намъ служить примѣромъ того, какъ изображались въ фасъ одѣтыя фигуры въ прекрасномъ стилѣ. Схема уравновѣшенія тѣла та же, что̀ и у нагихъ фигуръ: правая нога является носительницей всей тяжести тѣла. Сообразно съ этимъ, складки одежды, приходящейся около правой ноги, будутъ подчинены лишь законамъ свободно висящей матеріи, такъ какъ одежда здѣсь почти не касается тѣла. Здѣсь должны быть прямыя, вертикальныя складки. Напротивъ, складки той части одежды, которая прилегаетъ къ свободной лѣвой ногѣ, находятся въ зависимости отъ ноги, форму которой онѣ и должны слегка обрисовывать. Здѣсь возможны только мелкія складки; ихъ направленіе будетъ согласоваться съ тѣмъ, насколько будетъ отодвинута лѣвая нога въ сторону. Во всякомъ случаѣ, однако, складки пойдутъ въ направленіи, наклонномъ по отношенію къ вертикальнымъ складкамъ, приходящимся на правой ногѣ. Складки на части одежды между ногами, по мѣрѣ приближенія къ ногѣ, не несущей тяжести тѣла, будутъ постепенно переходить изъ вертикальныхъ въ наклонныя. Насколько новая схема правдива и насколько она выше старой, наглядно видно изъ сравненія фигуры Мелиты, напр., съ фигурой дѣвушки на вазѣ, изданной у Gerhard, A. V., 297—298 [1]).

[1]) Ср. f. 10 и f. 12 у Winter, Jünger. att. Vas., 27.

Итакъ, въ прекрасномъ стилѣ явилась совершенно новая манера въ трактовкѣ одежды. Сухая, условная система складокъ архаическаго искусства исчезла. Одежда теперь вполнѣ слѣдуетъ движеніямъ и положеніямъ тѣла и выражаетъ ихъ. Она является—настоящимъ „эхомъ тѣла". Такая трактовка одежды характерна для всего классическаго искусства. Впервые являясь на сцену въ эпоху Полигнота и Фидія, она уже остается съ тѣхъ поръ постоянною, неотъемлемою его собственностью. Ея принципы черезъ искусство эпохи Возрожденія перешли и въ искусство нашего времени.

VII.

Не менѣе искусственныхъ складокъ на одеждѣ архаическое искусство любило причудливыя, сложныя, искусственныя прически [1]), которыя самымъ тщательнымъ образомъ вырисовываютъ и вазовые мастера. Какъ при трактовкѣ одежды, такъ и здѣсь архаическіе мастера берутъ мотивы изъ дѣйствительной жизни и, такимъ образомъ, даютъ намъ живую картину того, какъ одѣвались и какъ украшали себя греки въ періодъ до 480 года [2]). Однако, если само по себѣ такое искусственное расположеніе волосъ мы совершенно не можемъ разсматривать, какъ схему, употреблявшуюся архаическими художниками, которые, часто не умѣя изобразить мотива соотвѣтственно природѣ, прибѣгали къ искусственной, и противуестественной схемѣ,—то въ манерѣ, какъ они изображаютъ искусственныя прически, въ трактовкѣ прически у мастеровъ строгаго стиля мы видимъ постоянно, какъ и во всемъ другомъ, строго опредѣленную схему. И искусственную прическу вполнѣ возможно

---

¹) Ср. Otto Jahn, Einl., CLXXVIII.

²) Изъ разныхъ видовъ прическокъ въ архаическое время употребляется особенно часто — χρωβύλος. О немъ см. Studniczka, Jahrb. d. Inst., XI (1896), 248 слл. Примѣры: Americ. Journ. of archaeology, XI (1896), 6; Mus. Ital., III, tav. 2; J. Hell. st., VIII (1887), pl. 82; Mon. I, 9; Hartwig, Meisterschalen, Taf. 24; Gerhard, A. V., 22, и т. д. Затѣмъ видимъ нерѣдко прическу, какъ на рельефѣ изъ Абдеры (Schöne, Gr. Reliefs, XXIX, 123; Ath. Mitth., VIII (1883), VI, 3). Ср. Mus. Ital., III, tav. 2 (Harrison, ук. с., pl. X: эротъ); W. Bl.. V, 3 (Harrison, ук. с., pl. XI); Mon. Grecs, 1872, pl. I; Ann., 1863, C (Harrison, ук. с., pl. XXII, 1); Overbeck, Atlas d. Kunstmythologie, VI, 3, и т. д. Встрѣчается прическа, какъ у архаической головы Берлинскаго музея (Athen. Mitth., VIII (1883), VI, 1—2). Ср. W. Bl., A, 3 (Harrison, ук. с., pl. XX); Mon., VI, 22 (Harrison, ук. с., pl. XXII, 2); Overbeck, Atlas d Kunstmyth., VI, 3.

Въ послѣдній періодъ строгаго, стиля видимъ прическу πλοκαμῖδες. Ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891), Taf. I d (ср. Hartwig, Meisterschalen, 440); Hartwig, ук. с., Taf. LI, и т. д. Ср. выше.

изобразить не по схемѣ, что мы и видимъ въ прекрасномъ стилѣ. Наоборотъ, архаическіе художники примѣняютъ чисто условную схему и въ тѣхъ случаяхъ, когда волосы фигуръ должны располагаться совершенно свободно.

Важнѣйшимъ недостаткомъ въ изображеніи волосъ въ строгомъ стилѣ является то, что художники рѣзко раздѣляютъ главную массу волосъ отъ локоновъ, находящихся по краямъ: шевелюра, такимъ образомъ, не имѣетъ единства, а составляется изъ двухъ только внѣшнимъ образомъ связанныхъ частей. И въ этомъ отношеніи вазовые мастера строгаго стиля поступаютъ совершенно такъ же, какъ и современные имъ скульпторы, у которыхъ единства шевелюры тоже нѣтъ, и которые иногда локоны, находящіеся надъ лбомъ, дѣлаютъ даже изъ отдѣльныхъ кусковъ мрамора [1]). Часто, даже въ самыхъ развитыхъ рисункахъ строгаго стиля, концы волосъ обозначаются просто тонкими прямыми линіями, которыя выступаютъ изъ общей массы волосъ, на подобіе бахромы [2]). Иногда эти концы волосъ дѣлаются въ видѣ завитушекъ, причемъ, какъ въ первомъ случаѣ каждый выдѣляющійся локонъ совершенно одинаковъ и по формѣ и по расположенію съ другимъ, такъ и здѣсь каждая завитушка представляетъ буквальное повтореніе другой [3]).

Такую же трактовку волосъ видимъ и въ бородахъ [4]). Впрочемъ, въ строгомъ стилѣ есть уже попытки лучше характеризовать волосы [5]). У Брига [6]), Дуриса [7]) и мастеровъ, по общему направленію къ нимъ примыкающимъ [8]), мы не можемъ не замѣтить сильнаго стремленія къ оживленію шевелюры. И если мы сравнимъ трактовку волосъ у этихъ художниковъ съ тѣмъ, какъ изображали волосы ихъ предшественники, мы не можемъ не признать у первыхъ значительнаго прогресса [9]). Но

---

[1]) Ср. O. Jahn, Einl., CLXXXII.

[2]) Ср. чашу съ изображеніемъ Геракла, Gerhard, A. V., 224—226; чашу Гіерона съ изображеніемъ суда Париса, Берл., 2291 (W. Bl., A, 5; Harrison, ук. с., pl. XX, 1); петербургскій киликъ Гіерона, № 830 (Mon., VI, 22; Harrison, pl. XXII, 2).

[3]) Ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891), Taf. 5, 1 (Harrison, ук. с., pl. IX, 1).

[4]) Ср. киликъ Брига Брит. муз. E 65; кратеръ Императорскаго Эрмитажа № 1723, и т. д.

[5]) Такъ строгій стиль старается (правда, совершенно схематически) отличать блондиновъ и брюнетовъ. Ср. O. Jahn, Einl., CLXXXII, гдѣ приводятся и примѣры. Первую попытку выразить свѣтъ и тѣни на волосахъ мы можемъ усматривать на киликѣ, въ стилѣ Евфронія, въ Аѳинахъ, J. Hell. st., X (1889), pl. I.

[6]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXXIV слл.

[7]) Ср. Hartwig, ук. с.. Duris.

[8]) Ср. Hartwig, ук. с., Taf. XXIX слл. и др.

[9]) Достаточно сравнить съ произведеніями названныхъ мастеровъ рисунки Эпиктета и его школы. Ср., напр., киликъ, Noël des Vergers, Etrurie, pl. 37, съ киликомъ у Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXXIV слл.

тѣмъ не менѣе, строгому стилю ни разу не удалось достигнуть того, что мы видимъ уже въ прекрасномъ стилѣ, представителемъ котораго является опять киликъ Британскаго музея E 82.

Мастеръ килика E 82 уже не только знаетъ, что для того, чтобы волосы фигуры органически были связаны съ ней и не казались парикомъ, на нее надѣтымъ, ихъ надо моделировать, но и умѣетъ гораздо лучше провести этотъ принципъ на практикѣ. Достигаетъ онъ этого тѣмъ, что части волосъ, находящихся на краяхъ, онъ дѣлаетъ разбавленнымъ лакомъ, причемъ, кромѣ того, не выдѣляетъ этихъ частей рѣзко изъ общей массы волосъ: отъ густого черваго лака, которымъ дѣлается главная масса волосъ, переходъ къ краямъ, исполняемымъ разбавленнымъ лакомъ, проводится постепенно. Благодаря такой трактовкѣ волосъ, лучше, чѣмъ это было въ строгомъ стилѣ, обрисовывается форма черепа. Правда, мастеру килика E 82 далеко не удается еще характеризовать волосы такъ хорошо и придать имъ такую элегантность, какъ, напр., мастеру луврскаго лекиѳа (Mon. gr., II, 1889—1890, pl. 9—10) или даже автору сабуровскаго лекиѳа въ Берлинскомъ музеѣ (№ 2471), у которыхъ волосы трактованы вполнѣ художественно, но онъ (мастеръ килика E 82) стоитъ неизмѣримо выше Брига, сдѣлавшаго киликъ E 68, гдѣ волосы фигуръ трактованы чисто по архаической манерѣ. Отдѣльныя пряди волосъ Посидона и Діониса— опять сдѣланы не такимъ густымъ лакомъ, какъ дѣлаются большею частью подобныя пряди въ строгомъ стилѣ [1]). Равнымъ образомъ, кудри Зевса на E 82 трактованы ближе къ природѣ [2]), чѣмъ сходныя съ ними локоны Мемнона на луврскомъ киликѣ Дуриса [3]) и т. п. Сравнивая опять волосы Геры на E 82 съ волосами, причесанными сходнымъ образомъ, гетеры на киликѣ Дуриса въ Берлинѣ (№ 2286 [4]), мы безъ труда признаемъ бо̀льшую жизненность ихъ изображенія у перваго мастера. Какъ для того, чтобы дать жизнь одеждѣ, ее нужно ставить въ зависимость не только отъ законовъ, которымъ она подлежитъ сама по себѣ, какъ всякая инертная масса, но и отъ тѣла, которое она покрываетъ, такъ и для того, чтобы волосы, которые сами по себѣ тоже не живая масса, получили на картинѣ жизнь, они должны быть поставлены въ зависимость отъ головы и должны обрисовывать, хотя

---

1) Ср., напр., Берл. 2290 (Gerhard, Trinkschalen, Taf. IV—V; W. Bl., A, 4); киликъ въ Луврѣ (Hartwig, Meisterschalen, Taf. VI; Harrison, ук. с., pl. XXXI) и т. д.

2) Онѣ мельче, запутаннѣе; на нихъ болѣе тѣней и свѣта, которые мастеръ обозначаетъ различными разведеніями лака.

3) Fröhner, Choix d. vases, pl. 4 (Harrison, ук. с., pl. XVIII).

4) A. Z., 1883, Taf. 4.

въ общемъ, формы черепа. Таковы правила, которымъ слѣдуютъ художники прекраснаго стиля. Въ общемъ ихъ чувствуютъ и мастера архаическіе. Послѣдніе, однако, какъ и всегда, не могутъ передать удачно въ рисункѣ то, что сознаютъ въ принципѣ. Это наше положеніе иллюстрируютъ лучше всего два полихромныхъ килика въ Мюнхенѣ [1]) и фрагментъ такого же килика коллекціи барона Wasberg въ Корфу (табл. I, B). Волосы фигуръ на мюнхенскихъ вазахъ все еще не имѣютъ моделировки и, только благодаря большему количеству штриховъ, обозначающихъ отдѣльныя пряди, производятъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ поражающіе своей схематической трактовкой волосы у фигуръ полихромнаго килика фабрики Евфронія въ Берлинскомъ музеѣ (№ 2282) [2]) или килика съ изображеніемъ Пандоры въ Британскомъ музеѣ D 4 [3]). Наоборотъ, волосы фигуры на фрагментѣ (табл. I, B) уже моделированы, хотя, конечно, далеко еще несовершенно. Но какъ бы то ни было, фрагментъ—уже одинъ изъ первыхъ свидѣтелей новаго стиля—прекраснаго, который и здѣсь еще разъ проявляетъ большую жизнь и свободу тѣмъ, что внимательнѣе наблюдаетъ и строже проводитъ въ рисункѣ натуру.

Нельзя не замѣтить, что въ трактовкѣ волосъ прекрасный стиль сдѣлалъ гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Это зависитъ отъ чрезвычайной трудности задачи. Аттическая скульптура V вѣка также еще не знаетъ вполнѣ реальнаго изображенія волосъ. Свидѣтелемъ тому являются фронтоны и фризъ Пароенона [4]). Даже самъ Пракситель не достигъ еще въ этомъ совершенства. Только Лисиппъ закончилъ въ скульптурѣ формальное совершенствованіе трактовки волосъ [5]). Живопись и здѣсь, вѣроятно, предупредила скульптуру: о Паррасіи говоритъ одно свидѣтельство древности [6]), что одною изъ заслугъ этого художника надо признать усовершенствованіе имъ трактовки волосъ („primus... dedit... elegantiam capilli"). Въ скульптурѣ послѣднее можно сказать только о Лисиппѣ.

---

[1]) № 208 (O. Jahn, Die Entführung d. Europa, Taf. VII; Overbeck, Atlas d. Kunstmythologie, I, Taf. VI, 19; Harrison, ук. с., pl. XV, 1) и № 332 (Baum., Denkm., II. 928; Harrison, ук. с., pl. XV, 2).

[2]) Hartwig, Meisterschalen, Taf. LI—LII.

[3]) Murray, Wh. V., pl. XIX.

[4]) Ср. Collignon, Sculpture, II, 42.

[5]) Ср. Collignon, ук. с., II, 416; Sellers, Pliny's chapters on the history of art, LXXII сл.; О. Ф. Вульфъ, «Александръ съ копьемъ». Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ, III, 28 сл.; R. Schöne, Berlin. philol. Wochenschr., 1898, 1214.

[6]) Плиній, N. H., 35, 67 (Overbeck, S. Q., 1724).

VIII.

Мы уже видѣли, какъ отличается роспись килика Британскаго музея Е 82 отъ произведеній мастеровъ архаическаго періода въ композиціи, въ заполненіи поверхности картины, въ трактовкѣ фигуръ, ихъ одежды, волосъ. Не менѣе отличаются фигуры килика Е 82 отъ фигуръ строгаго стиля и по трактовкѣ лица.

Сравнимъ Ганимеда вазы Британскаго музея Е 82 съ аналогичными ему фигурами на киликѣ Брига (того же музея Е 68). Насколько Ганимедъ красивѣе и Филона и юноши, котораго Бригъ именуетъ красавцемъ („ὁ παῖς καλός")! Насколько лицо Ганимеда выразительнѣе, осмысленнѣе, благороднѣе! Чѣмъ достигаетъ этого художникъ? Первое, что̀ намъ бросится въ глаза у Брига, это—то, что Бригъ не знаетъ еще правильнаго профиля глаза. Какъ и всѣ художники строгаго стиля, Бригъ рисуетъ у фигуръ, поставленныхъ въ профиль, глаза въ фасъ. Бригъ, впрочемъ, уже старается выйти изъ древнѣйшей схемы строгаго стиля тѣмъ, что у нѣкоторыхъ фигуръ не рисуетъ контуровъ глаза всѣхъ цѣликомъ, а открываетъ глазъ, уничтожая тотъ его уголъ, который обращенъ къ носу. То обстоятельство, что на киликѣ Е 68 мы видимъ такую трактовку глаза не у всѣхъ фигуръ, заставляетъ заключить, что Бригъ не зналъ еще, что у фигуръ, которыя стоятъ къ намъ въ профиль, мы видимъ всегда лишь половину глаза, а не весь глазъ. Онъ, какъ и другіе художники [1]), открывавшіе такимъ же образомъ глаза у фигуръ, зналъ, что при нѣкоторыхъ положеніяхъ головы не видны всѣ контуры глаза. И вотъ рядомъ съ прежней схемой (a) онъ, чтобы внести больше разнообразія въ выраженіи фигуръ, употребляетъ другую схему (b). Эта схема—первый шагъ къ правильному изображенію профиля глаза. Исторія вазовой живописи свидѣтельствуетъ, какого труда стоило искусству дойти до правильнаго изображенія чего бы то ни было. Казалось бы, какъ близко было отъ схемы b до правильнаго профиля глаза, и тѣмъ не менѣе ни одинъ мастеръ строгаго стиля не дошелъ до того. Строгій стиль опять не довелъ до конца

---

[1]) Такую же трактовку глаза видимъ, напр., на слѣдующихъ вазовыхъ рисункахъ: Röm. M., IV (1890), 340, 9 (Harrison, ук. с.. pl. IX, 2); Klein, L., 74 (Hartwig, Meisterschalen, Taf. VIII; Harrison, ук. с., pl. XVI, 1); Fröhner, Choix d. vases, pl. 4 Harrison, ук. с., pl. XVIII); W. Bl., A, 5 (Harrison ук. с., pl. XX); J. Hell. st., X (1889), pl. I (Harrison, ук. с., pl. XXIV); W. Bl., VIII, 5 (Harrison, ук. с., pl. XXV); W. Bl., VIII, 6 (Harrison, ук. с., pl. XXVIII); Hartwig, Meisterschalen, Taf. VI, XXXIII, 1, LIX и т. д.

наблюденій природы: онъ не зналъ, что глазъ человѣческій у фигуры, которую мы наблюдаемъ съ боку, имѣетъ не такіе контуры, какіе бываютъ у глаза, если наблюдаемое нами лицо обращено къ намъ въ фасъ. Бригъ и другіе мастера, уничтоживъ только одинъ уголъ глаза [1]) и удерживая для остального всецѣло контуры древнѣйшей схемы *a*, полагали уже, что они даютъ правильный профиль глаза. Нельзя, однако, не замѣтить, что схема *b* мастеровъ строгаго стиля обнаруживаетъ ихъ нерѣшительность, неувѣренность: они боятся открыть глазъ широко и считаютъ совершенно немыслимымъ дать только половину глаза (какъ требуется, согласно натурѣ). Схема b въ сущности очень мало отличается отъ древнѣйшей схемы a.

Наоборотъ, та трактовка глаза, которую мы видимъ у фигуръ килика E 82, отличается отъ архаической коренннымъ образомъ. Здѣсь мы видимъ уже совершенное знаніе профиля глаза. Вѣки представляютъ прямыя; глазъ открытъ широко; совершенно правильно представлена только его половина. Верхнее вѣко, далѣе, обозначено двумя штрихами [2]). Изображены правильно рѣсницы [3]). Зрачекъ, который въ архаическомъ стилѣ всегда дѣлается круглымъ, здѣсь, соотвѣтственно натурѣ, представляетъ въ своихъ контурахъ сферическій треугольникъ. Художникъ отмѣтилъ затѣмъ еще и то, чего никогда не видимъ въ строгомъ стилѣ,—что зрачекъ сверху прикрывается вѣкомъ. Нельзя, наконецъ, не замѣтить большого разнообразія въ положеніи глазъ у различныхъ фигуръ на картинахъ килика E 82. Авторъ этой вазы не только знаетъ правильный профиль глаза, но и прекрасно изучилъ его при разнообразныхъ положеніяхъ зрачка. Въ тѣсной связи съ глазомъ онъ ставитъ брови, положеніе коихъ зависитъ отъ того, куда устремленъ взоръ фигуры. Отсюда такое разнообразіе положенія бровей у фигуръ килика E 82; строгій стиль этого опять не знаетъ. Въ строгомъ стилѣ и въ этомъ мы видимъ лишь весьма несовершенные зачатки [4]). Мастеръ килика E 82 трактовкою глаза до-

---

[1]) Въ послѣдній періодъ строгаго стиля схема b получаетъ рѣшительный перевѣсъ.

[2]) У Ганимеда вѣко обозначено однимъ штрихомъ потому, что того требуетъ положеніе его глаза: вѣко сильно приподнято, его верхняго края не видно.

[3]) Архаическое искусство, если иногда и обозначало рѣсницы, то самымъ наивнымъ образомъ; примѣрами могутъ служить картины внутри берлинскихъ киликовъ № 2282 (Hartwig, Meisterschalen, Taf. LI), № 2278 (Mon., I; 24; Baum., Denkm., I, 9) и т. д.

[4]) Большею частью въ строгомъ стилѣ брови дѣлаются параллельно верхнему контуру глаза. Ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891), Taf. 5, 1 (Harrison, ук. с., pl. IX, 1); Mus. Ital., III, tav. 2 (Harrison, ук. с., pl. X); W. Bl. V, 3 (Harrison, ук. с., pl. XI) и т. д. Изрѣдка только видимъ, что контуры бровей у фигуръ дѣлаются не параллельными контурамъ глазъ (особенно это любитъ Евфроній). Ср., напр., фигуру жен-

статочно указываетъ на то, что въ его время были уже совершенно иныя правила насчетъ средствъ, какъ придать глазу выразительность. Мастеръ килика E 82 знаетъ, что **не зрачекъ даетъ выраженіе глазу, а прилегающія къ глазу мягкія части лица**. Придавъ имъ то или другое положеніе, художникъ и можетъ выразить то или другое душевное настроеніе во взглядѣ на изображаемомъ имъ лицѣ. Только теперь въ прекрасномъ стилѣ возможнымъ стало дать **дѣйствительное изображеніе душевнаго настроенія**. Талантливѣйшіе художники строгаго стиля, который не зналъ правильнаго профиля глаза и всего значенія мягкихъ частей, окружающихъ глазъ, могли давать лишь весьма несовершенныя попытки въ изображеніи душевнаго настроенія.

И здѣсь, впрочемъ, строгій стиль подготовилъ почву для прекраснаго. Иногда [1]) лучшіе архаическіе художники, несмотря на всю строгость сдерживающей ихъ схемы, создаютъ фигуры, у которыхъ нельзя отнять доли выразительности [2]). Такія-то фигуры и можно назвать предшественниками фигуръ прекраснаго стиля. Достигаютъ архаическіе мастера выразительности глаза какъ разъ тѣми средствами, которыя получили въ прекрасномъ стилѣ свою настоящую разработку, а именно, они измѣняютъ контуры глаза и перемѣщаютъ его зрачекъ. И въ этомъ они слѣдуютъ Кимону Клеонейскому. Измѣняя контуры глаза, сообразно тому или другому чувству, которое художники желаютъ дать изображаемому лицу, они смутно чувствовали значеніе мягкихъ частей, окружающихъ глазъ. Изъ-за того, однако, что они не умѣютъ рисовать глазъ въ профиль, фигуры строгаго стиля даже и у лучшихъ мастеровъ въ выраженіи сохраняютъ обычную архаическую жесткость и условность.

щины сзади Геріонея на мюнхенскомъ киликѣ Евфронія (№ 337; W. Bl., V, 3; Harrison, ук. с., pl. XI), или фигуру старика Сѳенела направо отъ женщины, стоящей за Еврисѳеемъ, на киликѣ Евфронія въ Британскомъ музеѣ (E 44; W. Bl., V, 7; Klein, Euphr.[2], 88 сл.; Harrison, ук. с., pl. XII) и т. п.

[1]) Въ общемъ строгій стиль изображаетъ страсти и чувства не выраженіемъ лицъ у фигуръ, а движеніемъ ихъ тѣла и жестами. Ср. O. Jahn, Einl., CLXXX. Примѣры: Еврисѳей на киликѣ Брит. музея E 44 (W. Bl., V, 7; Harrison, ук. с., pl. XII), Ахиллъ на картинѣ внутри килика въ Museo Municipale въ Перуджіи (A, 1170; Gerhard, A. V., 224; Harrison, ук. с., pl. XVIII), Эосъ на киликѣ бывшей коллекціи Campana (теперь въ Луврѣ; Fröhner, Choix d. vases, pl. 4; Harrison. ук. с., pl. XVIII), менады на киликѣ Гіерона въ Берлинѣ (№ 2290; W. Bl., A, 4; Harrison, ук. с., pl. XXI), Гераклъ и Антей, Ѳесей и Прокрустъ на киликѣ въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (J. Hell. st., X (1889), pl. I) и т. д.

[2]) Ср., напр., Берл., № 2278 (Mon., I, 24; Baum., Denkm., I, 9), Мюнхенъ, № 376 (Nouvelles annales de la section française, pl. XXII—XXIII; u m., Denkm., I, 373) и т. п.

Обращаясь опять къ лондонскому килику Е 82, мы не можемъ не замѣтить у его фигуръ большаго разнообразія и въ трактовкѣ губъ: ни у одной фигуры губы не представляютъ повторенія губъ другой. Трактовка губъ находится въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ трактовкой глаза. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе лица зависитъ не только отъ глазъ, но и отъ губъ. Прекрасный стиль даетъ новую жизнь губамъ, дѣлая ихъ, наравнѣ съ глазомъ, орудіемъ для того, чтобы дать лицамъ выраженіе.

Архаическое искусство опять не знало такого значенія губъ: достаточно напомнить объ „архаической" улыбкѣ. Вазовые мастера строгаго стиля стоятъ на одномъ уровнѣ съ монументальнымъ искусствомъ ихъ эпохи: и у нихъ губы въ выраженіи не играютъ почти никакой роли. Только на лучшихъ произведеніяхъ мы видимъ иногда слабыя попытки дать губамъ выраженіе [1]).

Благодаря правильной трактовкѣ глаза, окружающихъ его частей и благодаря болѣе соотвѣтствующему природѣ изображенію губъ, у фигуръ прекраснаго стиля мы впервые встрѣчаемъ въ греческомъ искусствѣ вѣрное изображеніе живого человѣческаго лица; только теперь художникамъ удалось сдѣлать лицо зеркаломъ души; только теперь въ первый разъ мы встрѣчаемъ вѣрныя изображенія различныхъ душевныхъ настроеній.

Правда, смотрятъ уже и фигуры строгаго стиля. Нельзя отказать имъ въ огромномъ прогрессѣ, который сказывается у нихъ въ сравненіи съ фигурами черно-фигурнаго стиля, гдѣ фигуры (особенно мужскія) не имѣютъ еще взгляда живыхъ существъ и прямо некрасивы [2]). Но взглядъ у фигуръ на вазахъ строгаго стиля — чисто животный, безъ осмысленности человѣка. Отсюда фигуры въ композиціяхъ строгаго стиля не имѣютъ внутренней связи между собою: онѣ не могутъ быть связаны между собою взглядомъ, какъ, напр., на киликѣ Брит. муз. Е 82 связываются въ одну группу фигуры Геры, Зевса и Ганимеда [3]). Строгій стиль, чтобы связать отдѣльныя фигуры

[1]) Ср. киликъ Сосія въ Берлинѣ (№ 2278; Mon., I, 24; Baum., Denkm., I, 9), вазу № 376 въ Мюнхенѣ (Nouv. annales d. l. sect. fr. XXII—XXIII; Baum., Denkm., I, 373), котилу Пистоксена въ Шверинѣ (Ann., 1871, F; Baum., Denkm., III, 2138) и т. п.

[2]) Улыбающимся «архаическою улыбкой», спокойнымъ лицамъ фигуръ строгаго стиля нельзя уже отказать въ красотѣ. Поражаютъ красотой многія фигуры изъ до-персидскаго слоя на аѳинскомъ акрополѣ. Ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891). Taf. 1b-c (рис. 1). Не менѣе красивы: Hartwig, Meisterschalen, Taf. LI—LII; Mon. grecs, I (1872), pl. I, и т. д.

[3]) Зевсу и Ганимеду мы сейчасъ же слѣдуемъ, сочувствуемъ, и фигура Геры получаетъ, такимъ образомъ, все значеніе.

въ одну цѣлую композицію, по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ чисто внѣшнимъ пріемамъ, схемѣ: его фигуры должны касаться одна другой, заслонять одна другую и т. п. Свободная, художественная группа впервые является лишь на вазахъ прекраснаго стиля [1]).

IX.

Послѣ того, что мы знаемъ о прекрасномъ стилѣ, намъ будетъ вполнѣ понятно, почему типы фигуръ, выработанные строгимъ стилемъ, не могли оставаться въ новомъ стилѣ. Новый стиль, обладая столь большими преимуществами надъ старымъ, создаетъ и новые типы и даетъ гораздо болѣе тонкую характеристику фигуръ.

Типъ красиваго юноши строгаго стиля (примѣрами могутъ служить фигуры Филона и „ὁ παῖς καλός" на киликѣ Брига Брит. муз. Е 68) теперь исчезаетъ совершенно. Типомъ красиваго эфеба новаго стиля можетъ служить фигура Ганимеда на Е 82. Вмѣсто прежняго круглаго черепа мы видимъ теперь черепъ, который, если на него смотрѣть съ профиля, въ своихъ очертаніяхъ скорѣе приближается къ прямоугольнику. Такое строеніе головы (т. е. въ основѣ прямоугольное) художники прекраснаго стиля даютъ всѣмъ фигурамъ, которыя они характеризуютъ, какъ интеллигентныя (на килизѣ Е 82 всѣ головы, кромѣ круглой головы силена Кома, существа низшаго, чѣмъ боги). Сравнивая далѣе голову Ганимеда съ головами названныхъ фигуръ на киликѣ Брига, мы видимъ, что новый стиль преобразовалъ профиль лица: вмѣсто выступающаго впередъ носа и сильно отклоняющагося назадъ лба и большого, круглаго, выступающаго впередъ подбородка архаическаго стиля, теперь видимъ прямой профиль, столь типичный для античнаго искусства, начиная съ классическаго его періода [2]): лобъ и носъ представляютъ одну прямую; подбородокъ умѣренъ, нѣсколько отступаетъ назадъ; форма его — сообразна съ костью нижней скулы.

Ухо у Ганимеда поставлено такъ, что лицевой уголъ [3]) равняется прямому. Напротивъ, въ строгомъ стилѣ нерѣдко ухо ставится то черезчуръ высоко то черезчуръ низко [4]).

---

[1]) Ср. Herzog, Studien zur Gesch. d. griech. Kunst, 28 сл. Ср. выше, гл. I.

[2]) Ср. K. O. Müller-Welcker, Handb. d. Archäol. d. Kunst, § 329, 1. 2.

[3]) Angulus facialis образуется пересѣченіемъ линій, изъ которыхъ одна представляетъ касательную къ наиболѣе выступающей точкѣ лба и къ передней поверхности зубовъ, а другая проходитъ черезъ ушное отверстіе и носовой хрящъ. Ср. Duval, Précis de l'anatomie pour l'usage des artistes, 45.

[4]) Ср. Noël des Vergers, Etrurie, pl. 37; Röm. M., III (1888), Taf. I; Mus. Ital., III, tav. 2 (Harrison, ук. с., pl. X); Mon. grecs, 1872, pl. I (Harrison,

*

По общему строенію головы другихъ фигуръ килика Е 82 таковы же, какъ и голова Ганимеда.

Нельзя не замѣтить, что всѣ типы прекраснаго стиля гораздо красивѣе, благороднѣе, интеллигентнѣе типовъ архаическаго искусства. Этого достигъ новый стиль, между прочимъ, и тѣмъ, что измѣнилъ пропорціи лица. Главнѣйшимъ преобразованіемъ его въ этомъ отношеніи является — увеличеніе средней части лица (разстояніе отъ внутренняго угла глаза до конца носа),—которая (часть) у фигуръ строгаго стиля очень часто непомѣрно мала. Новыя пропорціи лица дали фигурамъ болѣе энергіи, силы воли. Сравнительно небольшою среднею частью лица и большими лбомъ и подбородкомъ прекрасный стиль характеризуетъ, равно какъ и круглою формою черепа и выступающимъ, вздернутымъ кверху носомъ, существа низшія (силенъ Комъ) по своей интеллигенціи и слабыя по волѣ. Фигура Кома интересна еще въ томъ отношеніи, что показываетъ наглядно, какъ избѣгаетъ прекрасный стиль всего рѣзкаго, преувеличеннаго, неблагороднаго, что̀ нарушало бы гармонію цѣлаго. Строгій стиль, который не имѣлъ еще многихъ средствъ для болѣе подробной характеристики фигуръ, постоянно впадалъ въ крайности. Такъ, изображая силеновъ, художники строгаго стиля черезчуръ подчеркивали характерныя стороны натуры этихъ существъ—чувственность, страсть къ вину. Отъ этого нерѣдко у силеновъ строгаго стиля мы видимъ преувеличенно безобразныя черты лица: безобразные носы [1]), черезчуръ вытянутые впередъ подбородки [2]), огромныя лохматыя бороды [3]), толстыя густыя брови [4]), безобразныя лысины [5]), дикія, чисто животныя движенія и позы [6]), огромные геніталіи [7]) и т. п.

ук. с., pl. XIV); W. Bl., A, 5 (Harrison, ук. с., pl. XX) и т. д. Близки уже къ прекрасному стилю по пропорціямъ лица и по типу: Fröhner, Choix d. vases, pl. 4 (Harrison, ук. с., pl. XVIII); Fröhner, Collection v. Branteghem, pl. 20 (Harrison, ук. с., pl. XIX); W. Bl., VIII, 5 (Harrison, ук. с., pl. XXV) и др.

[1]) Ср. Hartwig, Meisterschalen, Taf. XXXIII, 1 (Harrison, Greek vase paintings. pl. XXXVIII); Mon., IX, 46 (W. Bl., VIII, 6; Harrison, ук. с., pl. XXVII); Röm. Mitth., V (1890), 340, 9 (Harrison, ук. с., pl. IX, 2) и т. д.

[2]) Ср. Hartwig, ук. с., Taf. VI (Harrison, ук. с., pl. XXXI); Röm. Mitth., V (1890), 340, 9 (Harrison, ук. с., pl. IX, 2); Mon., X, tav. 23—24 (Baum., Denkm. III, Taf. XCIII. 2400) и т. д.

[3]) Ср. Hartwig, ук. с., Taf. VI (Harrison, ук. с., pl. XXXI); Mon., IX, 46 (W. Bl., VIII, 6; Harrison, ук. с., pl. XXXVIII); Röm. Mitth., V (1890), 340, 9 (Harrison, ук. с., pl. IX, 2) и т. д.

[4]) Ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891), Taf. 5, 1 (Harrison, ук. с., pl. IX, 1) и др.

[5]) Ср. Mon., IX, 46 (W. Bl., VIII, 6; Harrison, ук. с., pl. XXVII); Jahrb. d. Inst., ук. м. (Harrison, ук. с., pl. IX, 1).

[6]) Ср. Hartwig, ук. с., Taf. XXXIII, 1 (Harrison, ук. с., pl. XXXVIII); Mon., IX, 46 (W. Bl., VIII, 6; Harrison, ук. с., pl. XXVII) и т. д.

[7]) Hartwig, ук. с., Taf. VI; Mon., X, tav. 23—24, и др.

Однимъ изъ перловъ греческой керамики является киликъ съ рисункомъ такъ же, какъ берлинская ваза (1 А 1) и акропольскіе фрагменты (1 А 2), на бѣломъ фонѣ, принадлежащій Британскому музею (D 2; въ нашемъ спискѣ вазъ 1 А 3). Внутри килика изображена Афродита съ вѣтвью условной формы въ правой рукѣ, несомая летящимъ гусемъ. Богиня, у которой надѣтъ чепецъ на головѣ и сандаліи на ногахъ, въ хитонѣ, украшенномъ крестиками и оборкою (съ меандромъ) внизу, и въ гиматіи. Она летитъ на гусѣ и сидитъ на немъ, грудью направо, сдвинувъ ноги. Можетъ быть, художникъ хотѣлъ представить новорожденную Афродиту, которую гусь несетъ надъ морскими волнами [1]). Типъ Афродиты здѣсь совершенно юношескій: тонкія и чистыя черты лица, нѣжные контуры рукъ и груди. Нѣкоторая робость замѣтна въ позѣ богини, но фигура ея полна дѣвственной граціи. Надпись Γλαύχων χαλός, техника и стиль рисунка не оставляютъ сомнѣнія, что ваза 1 А 3 вышла изъ той же фабрики, что разсмотрѣнные нами уже два килика въ Берлинѣ и въ Аѳинахъ [2]). Афродита—лишь весьма незначительное измѣненіе того же женскаго типа, который представляетъ менада акропольскихъ фрагментовъ. У менады только нѣсколько иная форма черепа: у нея черепъ болѣе высокій и короткій, между тѣмъ какъ у Афродиты—болѣе низкій и длинный. Оба эти типа встрѣчаются постоянно рядомъ у однихъ и тѣхъ же мастеровъ, какъ въ строгомъ стилѣ [3]), такъ и въ прекрасномъ [4]).

Ваза Британскаго музея D 2 (1 А 3), хотя по времени весьма и весьма должна быть близка къ фрагментамъ въ Аѳинахъ, уже представляетъ дальнѣйшія усовершенствованія стиля. Послѣднія касаются, главнымъ образомъ, профиля лица и формъ глаза. Губы и подбородокъ Афродиты еще болѣе благородны и красивы, чѣмъ у менады; формы верхняго вѣка и рѣсницы еще болѣе близки къ природѣ. Сдѣланъ шагъ и къ усовершенствованію изображенія зрачка глаза въ профиль. Однако,

---

[1]) Птица на киликѣ 1 А 3 не лебедь, а гусь. Часто невѣрно въ ней видятъ лебедя (ср., напр., Brunn, Bull., 1859, 100; Rayet-Collignon, Céramique, 221; Kalkmann, Jahrb. d. Inst., I (1886), 232; Klein, Euphr.[2], 242, 248; L.[2], 155; Löschcke, Ath. M., V (1880), 382, и т. д.). Афродита изображена на гусѣ не на одномъ только киликѣ 1 А 3. Ср. Ohnefasch-Richter, Ath. M., VI (1881), 245; Preller-Robert, Griech. Mythol.[4], 382, 2.

[2]) Ср. особенно трактовку одежды, бровей и глаза, рукъ. Ср. Rayet-Collignon, ук. с., ук. м.; v. Rohden y Baum., Denkm., II, 857; III, 1997; Furtwängler, Arch. Anz., VI (1891), 69.

[3]) Ср. Hartwig, Meistersch., Taf. XXV, XXX, 3, XXXI, LXXV, и т. д.

[4]) Ср. Mus. Ital., III (1890), t. V; Gerhard, A. V., 176, 1; Stackelberg, Gr., 19; Mon., I, t. IV; Mon., V, 49, и т. д.

художникъ не достигъ еще и здѣсь истины, и его пріемъ нѣсколько наивенъ. Привыкнувъ изображать зрачекъ глаза, виднаго въ профиль, въ формѣ круга съ точкой внутри, и въ то же время зная, что зрачекъ, при такомъ положеніи глаза, не бываетъ виденъ весь, художникъ сдѣлалъ у Афродиты зрачекъ въ формѣ дуги, которая лишь немногимъ меньше полнаго круга. Зрачекъ онъ поставилъ по традиціи въ центрѣ, изъ котораго описана дуга. Такой же точно пріемъ видимъ у мастера, сдѣлавшаго великолѣпную чашу, съ рисункомъ внутри нея на бѣломъ фонѣ, въ Археологическомъ музеѣ во Флоренціи (1 А 5). По стилю мастеръ, сдѣлавшій послѣднюю вазу, близокъ къ автору чаши Британскаго музея D 2. Но онъ вышелъ не изъ мастерской Евфронія, какъ авторъ вазы 1 А 3, берлинскаго килика 1 А 1 и акропольскихъ фрагментовъ 1 А 2, а изъ другой мастерской, тоже еще строгаго стиля. Прекраснымъ памятникомъ этой мастерской является чаша съ рисункомъ на бѣломъ фонѣ въ Мюнхенѣ (№ 208; 1 А 4). Флорентійская чаша относится къ мюнхенской такъ, какъ акропольскіе фрагменты и ваза 1 А 3 къ берлинскому килику 1 А 1.

Флорентійская чаша пока еще не издана. Милани готовитъ ея описаніе для Monumenti antichi dei Lincei, гдѣ она будетъ опубликована на прекрасной таблицѣ [1]). Краткое описаніе ея дано Милани въ Rendiconti d. Reale Accademia dei Lincei (1893, seduta 17 dicembre 1893, vol. II, 1007).

По орнаментамъ у ручекъ, флорентійскій киликъ относится къ группѣ чашъ, которыя Гартвигъ приписываетъ „Meister mit der Ranke" [2]), мастеру, вышедшему изъ школы Дуриса [3]). Въ той же школѣ, какъ мы видѣли, развился и мастеръ, которому принадлежатъ указанныя выше чаши съ Γλαύκων καλός. Мастеръ флорентійскаго килика прославляетъ прекраснаго Ліандра. На мюнхенскомъ же киликѣ съ изображеніемъ Европы на быкѣ стоитъ просто: ὁ παῖς καλός.

Къ флорентинскому килику (1 А 5) примыкаютъ килики 1 А 6 и 1 А 15.

Итакъ, мы видимъ, что килики съ живописью на бѣломъ фонѣ внутри явились въ періодъ строгаго стиля. Кромѣ киликовъ

---

[1]) Благодаря любезности г. Милани, намъ удалось штудировать чашу во Флорентійскомъ музеѣ. Г. Милани показывалъ намъ и таблицы, приготовленныя для публикаціи.

[2]) Ср., напр., Zannoni, Certosa, tav. LXIII, 12; Hartwig, Meistersch., 657 сл., Taf. LXXII сл.

[3]) Ср. Hartwig, ук. с., 489, 680.

1 A 1 и 4, строгому стилю принадлежатъ еще слѣдующіе.

Въ ранній періодъ строгаго стиля явился киликъ, фрагменты котораго недавно пріобрѣлъ Берлинскій музей [1]). Затѣмъ Памфей расписалъ чашу съ бѣлой облицовкой внутри [2]). Изъ школы Евфронія вышли еще киликъ въ Луврѣ (№ 927) съ изображеніемъ Геракла, поражающаго Ифита [3]), и киликъ Британскаго музея D 1 [4]).

Школѣ Брига принадлежитъ уже извѣстный намъ киликъ съ надписью: Ἀλκιβιάδης καλός, въ Руво [5]). Бригъ расписалъ также чашу, находящуюся теперь въ Мюнхенѣ (№ 332) [6]). Ему же, по всей вѣроятности, надо приписать фрагментъ чаши въ парижской Bibliothèque Nationale [7]). О томъ, что килики съ рисункомъ на бѣломъ фонѣ дѣлались и въ мастерской Гіерона, свидѣтельствуетъ чаша Museo Gregoriano въ Ватиканѣ (№ 196) [8]), гдѣ, по какой-то случайности, рисунокъ внутри килика не былъ выполненъ, хотя для него приготовлена бѣлая облицовка. Въ мастерской, близкой къ Дурису и Гіерону, явился киликъ Британскаго музея D 4 (1 A 7), который, подобно луврскому килику съ изображеніемъ Геракла и Ифита и килику Британскаго музея D 1, по стилю рисунка одновременен съ берлинской чашей (2282; 1 A 1). По формѣ своей и по орнаментаціи киликъ D 4 весьма близокъ къ килику D 2 (1 A 3), происходящему, какъ мы видѣли, изъ той же фабрики Евфронія, какъ и берлинская чаша.

Весьма интересна группа чашъ, съ рисунками по бѣлому фону внутри нихъ, — группа, вышедшая изъ мастерской Гегесибула. Всѣ вазы Гегесибула — одинаковы по формѣ. Это въ высшей степени легкія, элегантныя чаши безъ ножки съ длинными тонкими ручками (см. Mém. et Mon. Piot, II (1895), pl. VI). Особенно прелестна чаша бывшей коллекціи v. Branteghem въ Брюсселѣ (1 A 10). На ней мы и читаемъ подпись сдѣлавшаго ея мастера — Гегесибула.

---

[1]) Cp. Jahrb. d. kgl. preuss. Kunstsammlungen, 1897, LV; Pollak, Röm. M., XIII (1898), 80 слл.

[2]) A. Z., 1884, 16; Hartwig, ук. с., 499, 1.

[3]) Furtwängler y Roscher, Lex. d. Mythologie, I, 2233; Hartwig, ук. с., 499 слл.; Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 53, f. 3; cp. 54.

[4]) Hartwig, ук. м.; Pottier, ук. м.; Furtwängler, Berl. philol. Wochenschr., 1894, 141.

[5]) Ann., 1877, Q; 279 слл. (Heydemann); Mon., X, 82a; Berl. philol. Wochenschr., 1888, 450 (Furtwängler).

[6]) Thiersch, Hellenische bemalte Vasen, Taf. 4; Müller-Wieseler, Denkm. II, 273; Baum., Denkm., II, 928.

[7]) Hartwig, Meistersch., 500.

[8]) Helbig-Reisch, Rome, II, 341.

Чаша эта имѣетъ оригинальную роспись. Внутри она покрыта нѣсколько разбавленнымъ, коричневатымъ лакомъ, причемъ въ центрѣ оставленъ бѣлый медальонъ, кругомъ котораго идетъ бордюръ изъ густого, чернаго лака. Въ медальонѣ изображена женщина; на ней надѣты хитонъ съ мелкими складками и гиматій; на головѣ—обычный чепецъ. Женщина играетъ волчкомъ. По типу женщина близка къ Афродитѣ на киликѣ Британскаго музея (1 А 3), но рисунокъ послѣдняго аккуратнѣе и элегантнѣе. Киликъ Гегесибула принадлежитъ раннему переходному стилю; по стилю рисунка онъ одного времени съ вазами 1 А 2 и 1 А 3 нашего списка: еще весьма замѣтна у его рисунка близость къ строгому стилю.

Тщательнѣе и тоньше подписанной вазы Гегесибула два килика его же мастерской [1]), находящіеся теперь въ Луврѣ (1 А 8 и 1 А 9).

Какъ чаша Гегесибула, такъ и оба луврскіе килика не имѣютъ рисунковъ на внѣшнихъ сторонахъ. Внутри луврскія чаши расписаны нѣсколько иначе, чѣмъ чаша Гегесибула. У нихъ внутри полихромный рисунокъ на бѣломъ фонѣ. Бѣлая облицовка кругомъ медальона у чаши Гегесибула совершенно та же, что облицовка внутри луврскихъ киликовъ. Стиль рисунковъ равнымъ образомъ указываетъ на то, что всѣ три килика возникли въ одной мастерской, хотя луврскіе и не расписаны самимъ Гегесибуломъ, а какимъ-либо изъ его сотрудниковъ. По стилю луврскіе килики вполнѣ одновременны съ вазою Гегесибула. Подобно послѣдней, они развитѣе вполнѣ строгой чаши въ Берлинѣ (1 А 1); но профиль глаза на одномъ изъ нихъ (1 А 8) не такъ развитъ еще, какъ на акропольскихъ фрагментахъ (1 А 2) или на киликѣ Британскаго музея D 2 (1 А 3). Нельзя не замѣтить еще также большой близости стоящей музы на киликѣ 1 А 9 къ фигурѣ Сафо на мюнхенской вазѣ строгаго стиля (№ 753) [2]), которая, какъ правильно полагаетъ Фуртвенглеръ [3]), явилась около 480 года. Сидящую музу на другомъ киликѣ, равнымъ образомъ, нужно сравнивать съ изображеніями сидящаго Аполлона на вазахъ строгаго стиля [4]). Какъ на послѣдней вазѣ, такъ и на луврскомъ киликѣ художникъ крайне неловко передаетъ $^{3}/_{4}$ лица. Такого рода изображенія лица въ $^{3}/_{4}$ мы

---

[1]) Ср. Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 42.

[2]) Кромѣ публикацій, указанныхъ у O. Jahn'a, ваза издана еще въ Jahn, Darstellungen d. griech. Dichter. Sächs. Berichte, I; затѣмъ въ Museo Italiano, II (1886), tav. IV, и у Baumeister, Denkm., III, 1607.

[3]) Furtwängler, Führer d. Vasensamml. Königs Ludwig, 39.

[4]) Ср. Брит. муз., E 80 (C. Smith, Catalogue, pl. V).

видимъ уже въ строгомъ стилѣ, напр., у Евфронія, Онесима [1]), Дуриса (рис. 8) [2]). На сравнительно болѣе позднее время луврскихъ киликовъ, чѣмъ берлинская чаша 2282 (1 A 1), указываетъ еще и большое развитіе на нихъ живописнаго элемента въ пейзажѣ [3]), который доводится вообще до minimum'а въ картинахъ строгаго стиля [4]) и значительнѣе развитъ, напр., на болѣе позднихъ, чѣмъ луврскіе килики, чашахъ Сотада (1 A 11—13).

Въ виду сказаннаго мы соглашаемся съ Поттье, который ставитъ

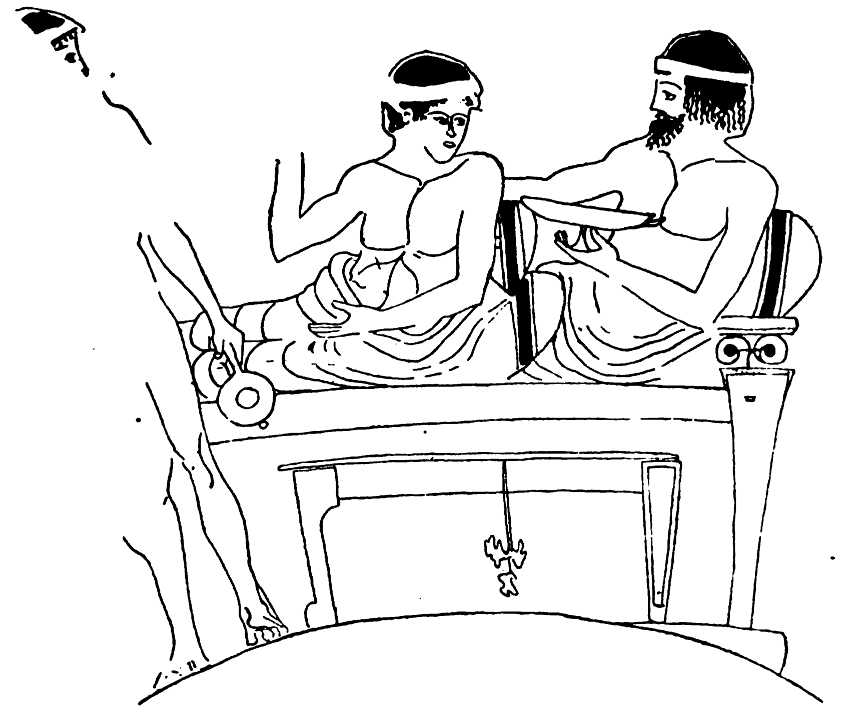


Рис. 8. Часть рисунка одной изъ наружныхъ сторонъ неизданнаго килика въ Museo Archeologico (№ 21) во Флоренціи.

луврскіе килики (1 A 8—9) между берлинскою чашей (1 A 1) и фрагментами съ аѳинскаго акрополя (1 A 2).

Моложе по стилю группы вазъ Гегесибула вазы, которыя нужно считать явившимися на фабрикѣ Сотада. Это—

---

[1]) Ср. Hartwig, Meistersch., Taf. 59, 2; стр. 544.

[2]) Рисунокъ съ неизданнаго килика школы Дуриса (съ картины одной изъ наружныхъ сторонъ) въ Museo Archeologico во Флоренціи (№ 21). Рисунокъ сдѣланъ нами съ оригинала. Какъ внутренняя картина килика, такъ и наружныя изображаютъ пирующихъ мужчинъ и эфебовъ. Рисунокъ тонкій и аккуратный; техника блестящая, обычная у мастеровъ строгаго стиля.

[3]) Ср. Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 53.

[4]) Ср. Klein, Euphr.², 55, 89, 195, 214.

1 А 11—13 нашего списка. На вазахъ 1 А 11 и 12 сохранились подписи расписавшаго ихъ мастера, но, къ сожалѣнію, оба раза отъ имени его осталось лишь окончаніе — αδης. Уже Фуртвенглеръ съ достаточною вѣроятностію дополнилъ недостававшее начало имени: Σωτ]άδης [1]). С. Смисъ и Мёррэ [2]) такъ же читаютъ имя художника. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ этими вазами [3]), между прочимъ, была найдена фіала, находящаяся теперь въ Британскомъ музеѣ (D 8), которая по техникѣ своей (качества бѣлой облицовки внутри нея, чернаго лака и его разбавленій, дающихъ желтоватые цвѣта), равно какъ по замѣчательной элегантности, прелести и легкости стиля имѣетъ ближайшія аналогіи съ вазами 1 А 11—13.

Такъ какъ на фіалѣ D 8 читаемъ: Σωτάδης ἐποίε[σεν], то и вазы 1 А 11—13 скорѣе всего сдѣланы Сотадомъ.

По своимъ формамъ, размѣрамъ, росписи и стилю рисунковъ, всѣ три вазы одинаковы и сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Это—килики на очень низкой подставкѣ съ тонкими, элегантными ручками, у которыхъ на каждой вверху посажено по кнопкѣ, походящей по формѣ на головку гвоздя. Какъ по формѣ, такъ и вообще по стилю вазы Сотада близки къ чашамъ Гегесибула. Послѣднія, однако, древнѣе въ стилѣ рисунковъ и небрежнѣе по исполненію. Стоятъ выше, чѣмъ чаши Гегесибула, вазы Сотада, равнымъ образомъ, и по своей изящности, тонкости, легкости и элегантности. Можно смѣло утверждать, что вазы Сотада составляютъ гордость Британскаго музея, такъ какъ онѣ представляютъ собою одинъ изъ шедевровъ художественной промышленности всѣхъ временъ и народовъ.

Но и вазы Сотада, по стилю своихъ рисунковъ (которые во всѣхъ трехъ случаяхъ исполнены на бѣломъ фонѣ и находятся только внутри килика, тогда какъ наружныя стѣнки просто покрыты чернымъ лакомъ), все еще тѣсно примыкаютъ къ вазамъ начала переходнаго стиля и имѣютъ отклики въ строгомъ стилѣ.

По стилю чаша 1 А 11 стоитъ на той же ступени, что и вазы съ надписью: Γλαύκων καλός. Особенно это видно, если сравнить, напр., фигуру мальчика Главка на чашѣ Сотада съ фигурой убѣгающаго эфеба на аѳинскомъ бѣломъ лекиѳѣ (Jahrb. d. Inst., II (1887), 163; 2 А 1 нашего списка вазъ): локоны надъ лбомъ и передъ ухомъ, профиль съ толстымъ носомъ, оттянутой внизъ нижней губой, формы под-

[1]) Ср. Arch. Anz., VI (1891), 69.
[2]) Въ каталогѣ вазъ Брит. музея и въ Wh. ath. vases.
[3]) Ср. Fröhner, Coll. v. Branteghem, къ № 159 слл.

бородка, брови, контуры глаза, трактовка одежды—на обѣихъ вазахъ идентичны и выдаютъ, если не одну и ту же руку, то безусловно одну и ту же фабрику.

Складки одежды на обѣихъ вазахъ слѣдуютъ уже новымъ принципамъ, но обозначены онѣ лишь суммарно. Трактовка глазъ на вазѣ Сотада (1 А 11) и на аѳинскомъ лекиѳѣ, впрочемъ, указываетъ на то, что оба эти сосуда сравнительно уже далеки отъ вазъ вполнѣ строгаго стиля. По формамъ профиль глаза здѣсь уже не далекъ отъ вполнѣ правильныхъ изображеній глаза въ прекрасномъ стилѣ. То и другое вѣко Сотадъ изображаетъ однимъ штрихомъ. Зрачекъ обозначается круглою точкою. Уже этого намъ достаточно, чтобы вывести то заключеніе, что аѳинскій бѣлый лекиѳъ съ надписью Γλαύκων καλός сдѣланъ не тѣмъ же самымъ мастеромъ, который дѣлалъ вазы съ именемъ Главкона, о которыхъ мы говорили выше. Этотъ лекиѳъ—фабрики, близкой къ фабрикѣ Сотада. Мы расходимся также съ Фуртвенглеромъ, который считаетъ Сотада авторомъ и бѣлыхъ киликовъ съ именемъ Главкона [1]). Только въ виду бли‹з›ости стиля рисунка вазы Сотада и лекиѳа Аѳинскаго музея (2 А 1), мы должны признать, что **вазы Сотада — одновременны съ вазами, прославляющими Главкона**. Подобно послѣднимъ, вазы Сотада принадлежатъ переходному стилю. Но бѣлые килики (1 А 2—3) съ именемъ Главкона имѣютъ больше точекъ соприкосновенія со строгимъ стилемъ, чѣмъ киликъ Сотада 1 А 11. Если на фабрикѣ Евфронія мы видимъ еще такую вазу, какъ киликъ 1 А 1, который всецѣло живетъ еще традиціями стараго стиля, то у Сотада ваза 1 А 11—самая древняя по стилю. Обѣ другія его чаши (1 А 12—13) еще развитѣе, еще болѣе свободнаго стиля въ рисункѣ.

Наиболѣе архаическая изъ вазъ Сотада (1 А 11), такимъ образомъ, одновременна съ киликами 1 А 2—3 и съ наиболѣе развитой по стилю рисунковъ вазой Гегесибула (1 А 10).

Какъ и у мастеровъ ранѣе разсмотрѣнныхъ нами вазъ, рисунокъ у Сотада развивается быстро и въ томъ же самомъ направленіи. Слѣдуя общему движенію, стиль рисунковъ на вазахъ Сотада все болѣе и болѣе

[1]) Фуртвенглеръ, Arch. Anz., VI (1891), 69, ошибочно читалъ надпись (Γλαῦκος) на вазѣ Сотада; онъ думалъ, что тамъ стоитъ Γλαύκων, при которомъ онъ и подразумѣвалъ καλός. Бѣлая облицовка на киликахъ съ Γλαύκων καλός отличается отъ таковой же на вазахъ Сотада. У послѣднихъ она — бѣлѣе. Пропорціи фигуръ равнымъ образомъ, другія. Бѣлый лекиѳъ Аѳинскаго Національнаго музея по техникѣ одинаковъ съ чашами 1А1—3 (качества лака, бѣлой облицовки, употребленіе красокъ).

приближается къ стилю свободному, прекрасному, образцомъ котораго являются картины килика Брит. муз. Е 82 (рис. 7), становясь въ то же время благороднѣе, тоньше, элегантнѣе и эффектнѣе.

Чаша Британскаго музея D 6 (1 A 12) по формѣ, орнаментаціи, качествамъ лака, глины и бѣлой облицовки, алфавиту надписей—одинакова съ чашей 1 А 11. Это тоже подписанная чаша Сотада [1]). По мастерству композиціи, эффектному заполненію пространства, граціи и легкости фигуръ, чистотѣ и аккуратности рисунка, гармоническому сочетанію красокъ ваза Сотада 1 А 12 по истинѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди издѣлій аттической художественной промышленности. Предъ нами, дѣйствительно,—перлъ греческой керамики.

По типу лица (ср. особенно формы подбородка, губъ и носа), по формамъ тѣла (ср. особ. руки) и по пропорціямъ фигура дѣвушки ясно еще связана съ фигурами килика 1 А 11. Но какъ облагороженъ уже и какъ смягченъ профиль, въ сравненіи съ профилями фигуръ чаши 1 А 11! Сотадъ все еще не достигъ вполнѣ свободныхъ отъ традицій архаизма формъ: пропорціи лица дѣвушки еще старыя. Вся ея головка такъ напоминаетъ еще столь близкихъ къ архаическимъ фигурамъ Авръ (Aurae) на астрагалѣ Британскаго музея Е 804 [2]). Всей той свободы, которую мы наблюдаемъ въ стилѣ, напр., у фигуръ арибалла Берлинскаго музея (№ 2471), фигуръ, по пропорціямъ и общему облику близкихъ къ фигурѣ дѣвушки на чашѣ Сотада, мы здѣсь еще не видимъ. Ваза Сотада по стилю стоитъ между вазой Британскаго музея (Е 804) и названнымъ берлинскимъ арибалломъ. Ваза Е 804 стилистически родственна вазамъ съ именемъ Главкона [3]). Такимъ образомъ, чаша Сотада 1 А 12 является примѣромъ такой стадіи переходнаго стиля, на которой стиль этотъ уже гораздо ближе къ развитому прекрасному, чѣмъ къ строгому. Подходящимъ терминомъ для этой стадіи развитія переходнаго стиля былъ бы ранній прекрасный стиль, въ противоположность развитому прекрасному. Въ послѣднемъ фигуры имѣютъ лучшія пропорціи лица, еще болѣе смягчаютъ и облагораживаютъ формы носа, губъ и подбородка, яснѣе характеризуютъ складки одеждъ. Правда, складки и у

---

[1]) Публикація чаши въ Coll. v. Branteghem Фрёнера (pl. 39, 164) не удовлетворительна. Наоборотъ, таблица у Мёррэ (Wh. V., pl. 16) передаетъ оригиналъ прекрасно.

[2]) Stackelberg, Gräber, Taf. 23; J. Hell. st., XIII (1892—3), 135; Baum., Denkm., III, 2146; Harrison, Greek vase paintings, pl. XL. Мы принимаемъ объясненіе фигуръ Сикса (J. Hell. st., ук. г., 131 сл.).

[3]) Ср. v. Rohden у Baum., Denkm., III, 1997; Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 59, 5.

фигуры дѣвушки на киликѣ Сотада 1 А 12 явно уже слѣдуютъ принципамъ новаго стиля въ гораздо большей степени, чѣмъ мы это наблюдаемъ у Авръ вазы Е 804 Британскаго музея, но нельзя не замѣтить, что художникъ не могъ вполнѣ провести эти принципы на груди фигуры, гдѣ складки не драпируютъ формы такъ, какъ это мы видимъ въ развитомъ прекрасномъ стилѣ, не находятся въ такой тѣсной зависимости отъ формъ тѣла, которое одежда облекаетъ, вслѣдствіе чего и является въ ихъ трактовкѣ здѣсь нѣкоторая неясность. Съ другой стороны, большее развитіе стиля у Сотада, сравнительно съ рисунками вазъ съ надписью: Γλαύχων χαλός, дѣлается очевиднымъ, если сопоставить, напр., киликъ 1 А 3 съ вазой Сотада 1 А 12. Формы дѣвушки на киликѣ Сотада легче, элегантнѣе, изящнѣе формъ Афродиты на вазѣ 1 А 3, хотя профиль послѣдней и волосы обнаруживаютъ и больше тщательности и больше деталей въ отдѣлкѣ. Гораздо свободнѣе трактована у дѣвушки Сотада одежда, чѣмъ у Афродиты на киликѣ 1 А 3, гдѣ всѣ складки еще чисто архаическія. Какъ прекрасно, напр., передалъ Сотадъ положеніе одежды внизу у фигуры подъ вліяніемъ движенія, и, наоборотъ, какъ тяжела трактовка хитона и гиматія у Афродиты и какъ несогласна съ положеніемъ, въ которомъ богиня изображена!

Еще большею свободою стиля отличается третья чаша Британскаго музея D 7, которую изъ-за обстоятельствъ находки [1]), техники, формы и стиля надо признать также за произведеніе Сотада (1 А 13). Голова Гиппомедонта, отличающаяся такимъ индивидуализмомъ въ характеристикѣ, правда, сейчасъ же напомнитъ намъ голову мужчины на вазѣ Британскаго музея Е 804, на которой и женскія фигуры, какъ мы замѣтили уже, имѣютъ точки соприкосновенія съ фигурами Сотада. Однако, какъ фигура на вазѣ Е 804, такъ и подобныя фигуры въ строгомъ стилѣ (ср. Hartwig, Meistersch., Taf. XL), не даютъ такой полной, рельефной характеристики уже по одному тому, что всѣ онѣ не даютъ правильнаго изображенія глаза. Мужчина на вазѣ Е 804 по типу, кромѣ того, не имѣетъ того благородства въ чертахъ лица, какъ Гиппомедонтъ Сотада. Сотадъ смягчаетъ грубость характеристики тѣмъ, что избѣгаетъ преувеличеній, къ которымъ прибѣгаетъ постоянно строгій стиль и которыя еще мы видимъ на вазѣ Е 804 (ср., напр., непомѣрно широко открытый глазъ, вздернутый носъ, сильно оттопыренныя губы, слишкомъ малый лицевой уголъ). Гиппомедонтъ Сотада является и прекрасно характеризованнымъ индивидуумомъ и въ то же время отличается

[1]) Ср. Fröhner, Coll. v. Branteghem, къ № 159.

замѣчательнымъ благородствомъ. Мы уже раньше отмѣтили, что прекрасный стиль отличается отъ строгаго, между прочимъ, и тѣмъ, что даетъ хорошія характеристики индивидуальности, отнюдь не впадая въ вульгарность. И въ своихъ типахъ существъ низшихъ (въ родѣ силеновъ) прекрасный стиль оправдываетъ свое имя и остается возвышенно-благороднымъ.

Весьма важнымъ усовершенствованіемъ стиля является на занимающей наше вниманіе чашѣ Сотада (1 А 13) то, что художникъ здѣсь даетъ уже совершенно правильный профиль глаза: и зрачекъ уже не обозначается болѣе круглой точкой, а дается его профиль.

Замѣчательна и трактовка одежды. Одежда у сохранившейся части фигуры Гипсипилы трактована такъ же, какъ одежда дѣвушки на чашѣ 1 А 12. Но шкура, надѣтая на Гиппомедонтѣ, въ своей трактовкѣ превосходитъ все то, что мы знаемъ въ строгомъ стилѣ и что наблюдали до сихъ поръ въ стилѣ переходномъ.

Уже мастера архаической эпохи стремились къ моделировкѣ изображаемыхъ ими предметовъ, старались посредствомъ отдѣльныхъ штриховъ, которые они дѣлали, иногда такъ или иначе разбавляя черный лакъ, которымъ рисовались фигуры,—ближе характеризовать поверхности фигуръ, ихъ рельефъ.

Такъ, весьма часто мы видимъ это у Брига и у мастеровъ его школы. На берлинскомъ киликѣ, вышедшемъ изъ мастерской этого мастера (№ 2293), въ сценѣ гигантомахіи у одного гиганта (противника Посидона) (сторона В; ср. Furtwängler, Vasensamml. in Antiquarium, 592) круглый щитъ, изображенный въ раккурсѣ, оттушеванъ штрихами разбавленнаго лака. На берлинскомъ киликѣ № 2294, по стилю школы Брига, мы видимъ опять подобную трактовку круглаго щита въ рукахъ у изображенной статуи юноши (ср. Furtwängler, ук. с., 594). Моделированъ щитъ у одной фигуры и на киликѣ Брига въ Луврѣ (Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 46, f. 1) [1]), у воина, внутри килика Онесима въ Берлинѣ (2295; Hartwig, Meistersch., LVI, 2), у грека, поражающаго кентавра, внутри килика того же мастера (Мюнхенъ, 368; Hartwig, Meistersch., Taf. LIX, 2). Замѣчательна по моделировкѣ трактовка крыльевъ у Эрота на фрагментѣ килика съ бѣлой облицовкой внутри (ранняго періода строгаго стиля) въ Берлинскомъ музеѣ (ср. Pollak, Röm. M., XIII (1898), 80) и т. д.

Но всѣ эти попытки моделировки въ строгомъ стилѣ остаются

---

[1]) Публикація килика у Heydemann, Iliupersis d. Brygos, не удовлетворительна и не передаетъ этой особенности оригинала.

все же весьма робкими. Наоборотъ, у Сотада мы наблюдаемъ несомнѣнный прогрессъ въ тушовкѣ. Круглая форма могильнаго холма на его киликѣ 1 А 11 передана уже несравненно удачнѣе, чѣмъ круглыя формы щитовъ на вазахъ Брига. Тушовка у Сотада и гораздо подробнѣе, и гораздо рѣшительнѣе: мѣста, гдѣ ложатся болѣе густыя тѣни, обозначены болѣе темными штрихами; мѣста, болѣе освѣщенныя, обозначены тонкими штрихами; переходъ отъ тѣни къ свѣту—постепенный, какъ это и должно быть у предметовъ съ кривыми поверхностями. Наоборотъ, строгій стиль не шелъ такъ далеко: всѣ штрихи у Бригá почти одинаковы по степени своей густоты. Если на киликѣ 1 А 11 Сотадъ въ трактовкѣ одежды не идетъ еще далѣе мастеровъ строгаго стиля, то на киликѣ 1 А 13 трактовка шкуры, надѣтой на Гиппомедонтѣ, значительно развитѣе. Штрихи различной густоты характеризуютъ здѣсь опять болѣе и менѣе освѣщенныя мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и менѣе выступающія поверхности: мы присутствуемъ здѣсь, дѣйствительно, при возникновеніи той моделировки, которую усовершенствовалъ впослѣдствіи Аполлодоръ, *σκιαγράφος* [1]). На киликѣ 1 А 13 штрихами же характеризована круглая форма туловища змѣя, равно какъ нельзя не замѣтить стремленія къ моделировкѣ и въ изображеніи камыша около змѣя. И такой прогрессъ въ моделировкѣ ставитъ киликъ 1 А 13 Сотада позже двухъ его чашъ, о которыхъ мы говорили выше [2]).

Весьма интересенъ фрагментъ килика, съ рисункомъ на бѣломъ фонѣ, въ коллекціи барона Вазберга, въ Корфу (1 А 16; табл. I, В).

Снаружи у этого килика, какъ у чашъ 1 А 1, 4, 5—7, 14, 15 и т. д.,—рисунки обычной красно-фигурной техники [3]). Отъ внутренней картины килика сохранилась лишь верхняя часть женской фигуры. На головѣ у женщины надѣто свѣтло-палевое покрывало, на которомъ вышиты красные кружки [4]). Волосы повязаны бѣлой лентой. Ниже подбородка у шеи видна часть вѣтки, которую женщина держала въ рукахъ. Весь рисунокъ заключенъ былъ въ рамку, которая состоитъ изъ трехъ концентрическихъ круговъ (коричневаго и двухъ черныхъ по его сто-

---

[1]) Ср. Girard, La peinture antique, 202; Pottier, Mém. et Mon Piot, II (1895), 45. Ср. ниже.

[2]) Попытки моделировать туловища змѣй видимъ у Сотада уже и на 1 А 11.

[3]) Только у килика 1 А 2 и рисунки внѣшней стороны выполнены на бѣломъ фонѣ. Примѣровъ, гдѣ на внѣшнихъ сторонахъ килика являлись бы рисунки на бѣломъ фонѣ, вообще очень мало: ср. Mon., X, XXXVII a. и Ann., 1877. О послѣдней ср. Klein, M., 218, 7, и Hartwig, Meistersch., 499, 3. Нѣкоторые килики на внѣшнихъ сторонахъ покрыты сплошь чернымъ лакомъ (1 А 3, 8—13).

[4]) Ср. Брит. муз., Е 82 (рис. 7), гдѣ на Герѣ надѣто такое же покрывало.

ронамъ). Эта рамка сразу же напоминаетъ намъ вазу Гегесибула 1 А 10 По стилю нашъ фрагментъ, однако, моложе вазы Гегесибула, хотя здѣсь все еще зрачекъ глаза обозначается черною круглою точкою. Рѣки обозначены, то и другое, одною чертою (не двумя, какъ на 1 А 2—3). Профиль глаза изображенъ въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ правильно. Правильно переданы въ профиль и рѣсницы. Глазъ съ бровью надъ нимъ въ общемъ напоминаетъ менаду на аѳинскомъ киликѣ 1 А 2. Носъ, очертанія губъ, подбородокъ, съ другой стороны, у женщины, изображенной на фрагментѣ, почти идентичны по формамъ съ таковыми же у Афродиты на киликѣ 1 А 3. Какъ и эти два килика (1 А 2—3), киликъ, отъ котораго дошелъ нашъ фрагментъ, явился въ мастерской, развившейся подъ вліяніемъ Дуриса. За это достаточно говоритъ сравненіе рисунка нашего фрагмента съ рисункомъ на бѣломъ лекиѳѣ Британскаго музея D 22 (Murray, Wh. V., pl. XIV), школы и стиля Дуриса. Есть общее въ типѣ у женщины на фрагментѣ 1 А 16 также и съ Главкомъ на чашѣ Сотада 1 А 11. Общее съ Сотадомъ у автора нашего килика еще и то, какъ онъ тушуетъ и характеризуетъ круглыя поверхности. Штрихи покрывала женщины на фрагментѣ рѣшительно сходны со штрихами на вазахъ Сотада (1 А 11 и 13). По замѣчательному развитію системы штриховъ фрагментъ въ Корфу надо считать стоящимъ близко по времени къ вазѣ Сотада 1 А 13. Трактовка волосъ на фрагментѣ, обнаруживая ясное стремленіе моделировать фигуру, тоже показываетъ, что фрагментъ нѣсколько моложе килика 1 А 3. На болѣе позднее его происхожденіе указываетъ и надпись, которую читаемъ на фрагментѣ. Здѣсь мы видимъ уже η, тогда какъ на 1 А 3 въ родительномъ на концѣ стоитъ еще ε: Ἀφροδίτες.

По аналогіи съ Ἀφροδίτης мы усматриваемъ и въ надписи на фрагментѣ въ Корфу родительный отъ женскаго имени, оканчивавшагося на —δίκης. Четыре послѣднія буквы надписи не подлежатъ сомнѣнію. Какая буква стояла передъ ι, не ясно. Руссопуло утверждаетъ, что явно видно ε (стр. 9 его публикаціи). Но, кажется, это ε, на которомъ Руссопуло построилъ всю свою гипотезу о томъ, будто на фрагментѣ изображена Антигона, погребающая Полиника [1]),—это ε не такъ достовѣрно. Уже рисовальщикъ Руссопуло этого ε не передаетъ, ставя на его мѣстѣ неясные знаки. Затѣмъ Клейнъ (Euphr.[2], 249, 11) первую оставшуюся букву считалъ Ż [2]). По всей вѣроятности, на фрагментѣ

[1]) Руссопуло реставрируетъ надпись: Πολυν]είκης.

[2]) По Клейну на фрагментѣ мы имѣемъ остатокъ часто встрѣчающейся сцены похищенія женщины. Клейну въ чтеніи надписи слѣдовалъ Гартвигъ (Meistersch., 501, 21).

стоитъ L, что̀ и дало возможность Руссопуло читать ε, а Клейну σ. По нашему это — остатокъ отъ Δ, которая стояла на оригиналѣ [1]). Въ такомъ случаѣ имя можно дополнить, какъ Εὐρυ]δίχης, или Ξενο]δίχης. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы сюжетъ изъ той же области, что̀ и на киликѣ 1 А 2. Ближе опредѣлить сюжетъ нельзя. Одно можно сказать, въ виду того, что легко опредѣляются, какъ діаметръ килика (онъ равенъ былъ 0,25 м.), такъ и мѣсто фрагмента на погибшемъ киликѣ, — именно, что едва ли на киликѣ изображено было болѣе двухъ фигуръ.

Какъ бы то ни было, фрагментъ килика въ Корфу и по размѣрамъ изображенной фигуры [2]), и по благородству стиля, и по чистотѣ контуровъ, и по блестящей, роскошной техникѣ представляетъ выдающійся интересъ въ греческой керамикѣ средины V вѣка.

Ко времени ранняго прекраснаго стиля, какъ килики 1 А 12, 13, 16, принадлежатъ и неизданные еще фрагменты килика Берлинскаго музея (№ 4059), — происходящіе съ аѳинскаго акрополя (1 А 17) [3]).

Мы видѣли, какъ близки по стилю между собою произведенія фабрикъ, изготовлявшихъ чаши съ рисунками по бѣлому фону внутри. Если стиль рисунковъ этихъ всѣхъ чашъ указываетъ на ихъ сравнительную одновременность, то на то же указываетъ, съ другой стороны, и техника ихъ.

По техникѣ имѣютъ ближайшее отношеніе между собою вазы 1 А 1—3, 1 А 4—6, 15, далѣе 1 А 4, 14, 17. У всѣхъ у нихъ бѣлая облицовка почти тождественна. Она представляетъ слой болѣе толстый, чѣмъ бѣлая облицовка на вазахъ Гегесибула и Сотада. Она гладка и прочна, потому что вазы эти подвергнуты были довольно сильному обжиганію. Тонъ облицовки бѣлый, блестящій, нѣсколько съ кремовымъ, желтоватымъ оттѣнкомъ. Контуры на всѣхъ перечисленныхъ только-что киликахъ исполнены болѣе или менѣе разбавленнымъ лакомъ. Этотъ же лакъ употребляется для окраски одеждъ, деталей хитоновъ (бордюры, орнаменты и т. п.), волосъ, животныхъ и т. п. Лакъ этотъ въ наиболѣе густомъ разведеніи даетъ темно-коричневый и даже черный цвѣтъ. Будучи разбавленъ, онъ становится свѣтло-коричневымъ, темно-желтымъ и даже

---

[1]) Мы не имѣли возможности видѣть самый оригиналъ. На таблицѣ фрагментъ воспроизведенъ по нашей акварели, сдѣланной съ публикаціи Руссопуло.

[2]) Руссопуло справедливо говоритъ здѣсь о μεγαλογραφία.

[3]) Объ неизданномъ киликѣ 1 А 18 мы не можемъ сказать ничего, такъ какъ не видѣли оригинала.

яркимъ свѣтло-желтымъ [1]). Такъ, на 1 А 1 контуры черные, на 1 А 2 и 3 они коричневые, кое-гдѣ переходящіе въ желтый. Таковы же контуры и на 1 А 4, 5, 14. Почти черные контуры имѣютъ фигуры на 1 А 6, 7, 15. Желтоватые контуры видимъ у 1 А 17. Такой различный цвѣтъ контуровъ не говоритъ за то, что мастера различныхъ чашъ пользовались неодинаковымъ лакомъ. Мы имѣемъ дѣло только съ различными разбавленіями одного и того же лака. Для второстепенныхъ деталей (мускулатура, детали глазъ и т. п.) мастера всегда употребляютъ болѣе слабое разведеніе того же лака, которымъ сдѣланы контуры. У 1 А 1—2, 14 эти детали сдѣланы желтымъ, у 1 А 3 свѣтло-коричневымъ, у 1 А 7—коричневымъ; коричневымъ же онѣ исполнены у 1 А 6, 15.

Волосы у фигуръ художники покрываютъ сплошь такъ или иначе разбавленнымъ лакомъ и по этому уже слою вырисовываютъ детали штрихами лака болѣе густого разведенія. При этомъ, какъ мы видѣли, мастера иногда обнаруживаютъ явное стремленіе моделировать фигуру. Такъ на 1 А 2 съ этою цѣлью художникъ употребляетъ три степени разведенія лака: вся масса волосъ сначала была окрашена въ коричневый цвѣтъ; затѣмъ темно-коричневымъ вырисованы отдѣльные локоны и коса, и, наконецъ, желтый примѣненъ для отдѣльныхъ локоновъ надъ лбомъ, у уха, на затылкѣ и для наиболѣе освѣщенныхъ точекъ косы. Подобнымъ образомъ художники трактуютъ раскрашенную лакомъ одежду. На ней складки обозначаются обыкновенно линіями, исполненными тѣмъ же лакомъ, которымъ окрашена вся одежда, но только болѣе густого его разведенія (1 А 1, 2, 4, 5 и т. д.). Но когда для общей окраски одежды взято слишкомъ густое разведеніе лака, то складки обозначаются линіями пурпурнаго цвѣта (1 А 14), къ которымъ присоединяются еще иногда и детали, исполненныя бѣлымъ (1 А 7).

Болѣе свѣтлымъ разбавленіемъ лака (или бѣлымъ) изображаются и мелкія детали на окрашенныхъ лакомъ одеждахъ (1 А 4) или на окрашенныхъ лакомъ бордюрахъ одеждъ (1 А 3, 15) и т. п.

Кромѣ тѣхъ красокъ, которыя даютъ различныя разведенія чернаго лака, и кромѣ бѣлаго и пурпурнаго, мастера названныхъ чашъ употребляютъ для деталей фигуръ еще позолоту. Тѣ детали, которыя должны были быть покрыты золотомъ, обыкновенно дѣлались въ легкомъ рельефѣ (теніи, ожерелья, детали лиры на 1 А 1 и 2; головные уборы и головка молотка на 1 А 7; стефана Геры на 1 А 15, серьги, браслеты, булавки, ожерелье, вышивки на хитонѣ Европы на 1 А 4 и т. д.). Наконецъ,

---

[1]) Ср. Revue arch., 1892, I, 363 слл. (E. Durand-Gréville). Съ гипотезой Дюранъ-Гревилля (ср. особ. стр. 382) согласиться, по нашему мнѣнію, нельзя.

на 1 A 17, самомъ позднемъ представителѣ группы, видимъ еще примѣненіе красной краски для покрывала, положеннаго на клину.

Надписи, орнаменты и т. п. внутри этихъ киликовъ исполняются также тѣмъ или другимъ разведеніемъ лака.

Фрагментъ 1 A 16 по техникѣ (насколько можно говорить о ней по публикаціи Руссопуло) также близокъ къ разсмотрѣннымъ нами вазамъ, какъ и по стилю. Здѣсь такая же бѣлая облицовка внутри килика, такія же красныя фигуры на черномъ фонѣ, на наружныхъ его сторонахъ. Въ распоряженіи мастера и здѣсь былъ тотъ же лакъ. Имъ сдѣланы контуры, которые—черные. Волосы также сдѣланы весьма густымъ разведеніемъ лака; но для болѣе освѣщенныхъ ихъ частей лакъ нѣсколько разбавленъ. То, что̀ выдѣляетъ фрагментъ 1 A 16 изъ ряда ранѣе разсмотрѣнныхъ чашъ, это трактовка покрывала, надѣтаго на Евридикѣ. Оно сплошь окрашено желтымъ (сильное разведеніе лака), и складки на немъ вырисованы коричневыми штрихами (менѣе сильное разведеніе того же лака). На частяхъ, особенно сильно освѣщенныхъ, у покрывала разведеніе лака доведено до maximum'a. Наконецъ, мастеръ употребляетъ красный для орнаментовъ покрывала (кружочки) и для нѣкоторыхъ лепестковъ вѣтки, которую держитъ Евридика, и бѣлый для теніи на головѣ фигуры. Можетъ быть, тенія или детали вѣтки и орнаменты покрывала были позолочены [1]).

Кругомъ картины въ киликѣ 1 A 16 шли три концентрическихъ круга, изъ которыхъ средній (коричневый) исполненъ болѣе слабымъ разведеніемъ того же лака, что̀ и два черныхъ круга по краямъ, для которыхъ взятъ былъ самый густой растворъ.

Надпись сдѣлана, какъ обычно, тѣмъ же лакомъ.

Мы уже указали на сходство техники рисунка на фрагментѣ 1 A 16 съ техникой вазъ Гегесибула и Сотада.

Вазы фабрики Гегесибула по техникѣ тѣсно связаны съ вазами Сотада. Эта группа киликовъ (1 A 8—13) отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе качествами бѣлой облицовки. Здѣсь послѣдняя бѣлѣе. Она также гораздо тоньше, чѣмъ у вазъ прежнихъ группъ. Но вазы подвергались и здѣсь довольно сильному обжиганію. Отличительнымъ качествомъ киликовъ 1 A 8—13 является изумительная ихъ легкость, обусловливаемая тщательною очисткою глины, изъ которой они сдѣланы; въ этомъ отношеніи они не имѣютъ себѣ равныхъ.

Отличается эта группа отъ прежнихъ и большею тонкостью тех-

[1]) За то говорятъ, по крайней мѣрѣ, аналогіи. Ср. 1 A 2, 4, 7, 15 и т. д.

*

ники. Древнѣйшія вазы этой группы (1 A 8—9) въ своей техникѣ напоминаютъ еще очень вазы прежнихъ группъ. На 1 A 8 художникъ дѣлаетъ однимъ и тѣмъ же лакомъ контуры, имъ же окрашиваетъ волосы и гиматій фигуры. Болѣе свѣтлыя (чѣмъ, напр., пряди волосъ) линіи, обозначающія складки хитона музы, сдѣланы лишь болѣе разведеннымъ лакомъ (ср. Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 40). Орнаменты на гиматіи сдѣланы бѣлымъ. Нѣкоторыя части лиры, диптиха (на колѣняхъ музы), кресла и нижній край гиматія окрашены краснымъ. Діадема, серьга, ожерелье, браслетъ, нѣкоторыя части лиры были позолочены. Позолота, по обычаю, была положена на линіи и точки, сдѣланныя рельефно изъ особой бѣлой массы. Оборки на хитонѣ музы на 1 A 9 напоминаютъ 1 A 3. Пальметки на нихъ исполнены розовымъ.

Древнѣйшая изъ вазъ Сотада (1 A 11) также еще по техникѣ отчасти примыкаетъ къ группѣ киликовъ съ именемъ Главкона и другихъ, имъ родственныхъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь одежда трактована въ родѣ того, какъ на тѣхъ вазахъ (ср. особ. 1 A 17). Одежда сдѣлана буро-пурпурнаго цвѣта, а складки на ней обозначены черными линіями (ср. 1 A 7). При этомъ тѣло сдѣлано лишь просто въ контурахъ. Въ рисункѣ видимъ больше цвѣтовъ (но то же количество красокъ); для камешковъ, лежащихъ подъ могильною насыпью, употреблены черный, коричневый (разбавленіе чернаго) и розовый (разбавленіе пурпурнаго). При моделированіи фигуръ большую роль играетъ то или другое разбавленіе лака. Контуры фигуръ сдѣланы среднимъ разбавленіемъ чернаго лака; они коричневые. Коричневымъ исполнены и штрихи, которыми оттушованъ холмъ. Змѣи сдѣланы разбавленнымъ лакомъ (сѣроватымъ), а тѣни на нихъ—коричневымъ. Коричневымъ же сдѣланы волосы фигуръ. Въ ихъ трактовкѣ видимъ, какъ и у 1 A 16, стремленіе положить болѣе густые слои въ мѣстахъ, гдѣ должно быть болѣе тѣни.

Болѣе цвѣтовъ (оттѣнковъ красокъ), чѣмъ на прежнихъ группахъ, видимъ и на второй чашѣ Сотада (1 A 12). Рисунокъ заключенъ въ коричневый кругъ. Затѣмъ у краевъ вазы идутъ три концентрическихъ круга, — желтый между двумя черными (ср. 1 A 10, 16). Рисунокъ выполненъ коричневыми контурами, волосы представляютъ коричневый силуэтъ. Въ трактовкѣ яблони замѣчаемъ обычную у Сотада характеристику менѣе освѣщенныхъ мѣстъ болѣе густыми слоями лака. Плодъ на деревѣ обозначенъ рельефно; онъ—бѣлый. Вѣроятно, бѣлый цвѣтъ служилъ для наложенія на него позолоты, какъ на другихъ вазахъ (ср. 1 A 4). Третья ваза Сотада (1 A 13) одинакова со второй по техникѣ.

Вообще, такимъ образомъ, вторая группа киликовъ совершенствуетъ технику, которую мы видимъ на болѣе раннихъ киликахъ съ рисунками на бѣломъ фонѣ. Старшіе килики не имѣютъ еще такой бѣлой, блестящей облицовки. Число разбавленій лака и красокъ у нихъ также меньше. Сочетанія ихъ въ общемъ тамъ менѣе эффектны, оттого и колоритъ болѣе жесткій и суровый.

Младшими въ ряду киликовъ 1 A 1—17 являются двѣ вазы Сотада. Мы видѣли, что ваза 1 A 13 по стилю своему уже приближается къ вазамъ развитого прекраснаго стиля. Если бы мы стали сравнивать киликъ Сотада 1 A 13 со старшими изъ бѣлыхъ киликовъ (1 A 1, 4, 7), то пришли бы къ тѣмъ же результатамъ, какіе мы имѣли отъ сравненія двухъ вазъ Британскаго музея E 82 (рис. 7) и E 68 (рис. 6) [1].

То же можно сказать объ изображеніяхъ кентавровъ [2]), дикихъ разбойниковъ, съ которыми сражается Θесей [3]), и варваровъ [4]). Постоянно мы тутъ видимъ въ строгомъ стилѣ нарушеніе художественной мѣры. Напротивъ, мастеръ килика E 82 даетъ полную характеристику приближающагося къ животнымъ чувственнаго, наивно-веселаго силена [5]) и въ то же время не впадаетъ въ рѣзкость, жесткость [6]): можно, такимъ

¹) Мы ничего не говорили о чашѣ, съ рисункомъ на бѣломъ фонѣ внутри, бывшей коллекціи Тышкевича въ Римѣ, теперь въ частномъ владѣніи въ Англіи, съ изображеніемъ Аθаманта и Нефелы (Fröhner, Coll. Tyszkiewicz, pl. XII), потому что, вопреки заявленіямъ Фрёнера (стр. 19), Гартвига (Berl. philol. Wochenschr., 1894, 1531), Поллака (Röm. M., XIII (1898), 80), мы считали ея рисунокъ всегда грубой поддѣлкой по стилистическимъ и техническимъ основаніямъ. Робертъ (Hermes, XXIX, 42; XXX, 135 слл.) считаетъ его поддѣльнымъ изъ-за трактовки сюжета, а также и изъ-за стиля рисунка. Только что мы прочли Furtwängler, Neuere Fälschungen von Antiken, 1899. Почтенный ученый (стр. 33 слл.) безусловно считаетъ рисунокъ чаши фальсификаціей, хотя самый сосудъ античнымъ. Г. Е. Кизерицкій въ разговорѣ съ нами въ 1897 г. считалъ рисунокъ чаши античнымъ.

²) Ср. Hartwig, Meisterschalen, Taf. LIX (Harrison, ук. с., pl. XXXIX).

³) Ср. J. Hell. st., X (1889), pl. I (Harrison, ук. с., pl. XXIV); Gerhard, A. V., 115.

⁴) Ср. Gerhard, A. V., 166.

⁵) Морщины на лбу, очертаніе брови, морщина подъ глазомъ характеризуютъ кожу, лишенную эластичности. Формы лба, носа, толстыя губы, открытый ротъ рѣзко выдѣляютъ силена изъ круга идеальныхъ фигуръ боговъ. Ослиныя уши, хвостъ, большая борода еще остатки отъ старой схемы. Дряблая кожа на тѣлѣ, форма гениталій отличаютъ Кома также отъ идеальныхъ фигуръ. Непропорціонально большая голова дѣлаетъ фигуру Кома комической. Тѣло его, въ сравненіи съ такой большой головой, кажется еще болѣе хилымъ. Вздернутый носъ, какъ извѣстно (ср. K. O. Müller-Welcker, Handb., § 329, 4), античное искусство дѣлаетъ у силеновъ для того, чтобы обозначить ихъ дѣтски-наивный веселый характеръ.

⁶) Всѣ почти черты Кома возможны въ натурѣ; ничего карриватурнаго, преувеличенно безобразнаго у его фигуры нѣтъ. Только животныя уши и хвостъ выдѣляютъ его изъ людей. Напротивъ, лицевой уголъ у Кома—почти прямой.

образомъ, придать фигурѣ и характерныя, чисто индивидуальныя черты и соблюсти вмѣстѣ съ тѣмъ художественную гармонію.

Аналогичное видимъ на метопахъ Пареенона: единственная сохранившаяся на метопахъ голова кентавра развитого стиля является краснорѣчивымъ свидѣтелемъ, что новое искусство, въ противоположность архаическому, которое любило придавать кентаврамъ чисто звѣрскія черты, не лишаетъ ихъ нѣкотораго благородства, хотя характеризуетъ и въ чертахъ лица существами болѣе низкими, чѣмъ ихъ противники лапиеы, отличающіеся идеальной красотой [1]).

Кромѣ характерной фигуры Кома, остальныя фигуры килика Е 82 представляютъ обычные идеальные типы прекраснаго стиля. Амфитрита, Гера, Афродита и Аріадна разнятся только весьма мелкими деталями. Въ общемъ всѣ богини сдѣланы по одному типу, обычному въ прекрасномъ стилѣ для дѣвушекъ и женщинъ [2]). Боги также всѣ въ общемъ варіируютъ одинъ и тотъ же обычный типъ мужчины съ окладистой бородой прекраснаго стиля. При этомъ большее сходство имѣютъ: Зевсъ съ Діонисомъ, Посидонъ съ Ареемъ. Плутонъ, изображенный внутри килика, опять ближе ко второй парѣ. Болѣе мягкіе характеры Зевса и Діониса характеризованы и складомъ ихъ губъ, и выраженіемъ глазъ, и волосами, и сравнительно меньшимъ носомъ. Напротивъ, профили Посидона и Арея—энергичнѣе, серьезнѣе, сосредоточеннѣе. Еще болѣе серьозную мину имѣетъ Плутонъ. У послѣднихъ трехъ боговъ волосы не вьются, какъ у Зевса и Діониса. Суровый характеръ Арея, повидимому [3]), выраженъ тѣмъ, что жесткіе волосы его короче, чѣмъ у другихъ боговъ; кромѣ того, Арей не имѣетъ ничего въ рукахъ, и поза его не такая спокойная, какъ у другихъ возлежащихъ боговъ: онъ приподнялъ правое колѣно; ступня правой ноги его должна стоять на клинѣ. Арею ничего не стоитъ въ одинъ моментъ встать. Контрастъ съ Ареемъ представляетъ Діонисъ, который болѣе другихъ облокотился на подушку, и у него одного только кисть лѣвой руки опустилась въ полномъ покоѣ. Посидонъ, хотя и вполнѣ лежитъ на клинѣ, можетъ легко встать, благодаря тому, что держитъ въ правой рукѣ трезубецъ. Намъ кажется, возможно полагать, что поза характеризуетъ Посидона, какъ болѣе энергичнаго и болѣе суроваго бога, чѣмъ Зевсъ,

---

[1]) Голова эта находится въ Вюрцбургѣ. Она издана Михаэлисомъ въ Jahrb. d. Inst., XI (1896), 300 слл.; ср. Treu, ib., XII (1897), 101 сл.

[2]) Ср. Winter, Jünger. attisch. Vasen, 33.

[3]) Ср. K. O. Müller-Welcker, Handb., § 330, 2—3.

который, занятый въ данный моментъ всецѣло Герой, не можетъ скоро и легко оставить свою позу. Однако, Зевсъ не настолько погрузился въ покой, какъ Діонисъ: въ лѣвой рукѣ онъ держитъ фіалу, и, благодаря этому, все его туловище болѣе напряжено, чѣмъ у Діониса, и не производитъ впечатлѣнія изнѣженности бога вина и наслажденія.

Гораздо менѣе характеризована каждая изъ фигуръ богинь. Одно можно сказать о нихъ положительно, что фигуры не вполнѣ одинаковы по выраженію, и что художникъ хотѣлъ каждой богинѣ придать индивидуальный характеръ и отличить ее отъ остальныхъ. Ему вполнѣ удалось достигнуть этого въ фигурѣ Геры, красота которой повергаетъ въ изумленіе не только Зевса, но и Ганимеда, благоговѣйно смотрящаго на богиню, которая своей величественностью и царственностью ясно отличается отъ другихъ богинь. Что касается послѣднихъ, то ихъ характеристики недостаточно опредѣленны. Дѣтская довѣрчивость и покорность чувствуется во взглядѣ и всей позѣ Персефоны, которая о чемъ-то бесѣдуетъ съ мрачнымъ властителемъ Аида. Аріадна, красотою которой любуется и самъ Діонисъ и его вѣрный спутникъ Комъ, съ наивностью и простотой что-то разсказываетъ своему супругу. Амфитрита, преданная и спокойная, достаетъ изъ алабастра ароматическую жидкость, которая назначена, вѣроятно, чтобы разбавить ею вино въ фіалѣ суроваго бога морей. Живая Афродита (одна изъ всѣхъ богинь на ногахъ) принесла для Арея въ канѳарѣ вина: ея забота, вѣроятно, направлена къ тому, чтобъ склонить и бурнаго бога браней, оставившаго уже свои доспѣхи, къ веселому пиру [1]).

Въ виду того, что новый стиль обладаетъ уже такой способностью къ внутренней характеристикѣ фигуръ, ему часто нѣтъ необходимости удерживать всю ту массу аттрибутовъ, которую мы видимъ у фигуръ строгаго стиля [2]). Аттрибуты въ архаическомъ искусствѣ являлись необходимо нужными, чтобы хотя такою чисто внѣшнею характеристикою можно было отличить одно божество отъ другого, такъ какъ всѣ фигуры (будутъ ли то боги или смертные) дѣлаются по одной установленной схемѣ и имѣютъ одинъ и тотъ же условный типъ.

Однако, внутренняя характеристика въ новомъ стилѣ еще не настолько совершенна, чтобы одной ея довольно было для полнаго пониманія композиціи. Прекрасный стиль все еще удерживаетъ нѣкоторые аттрибуты для характеристики и, кромѣ того, удерживаетъ употребля-

---

1) Ср. Gerhard, Trinkschalen, къ табл. H. Winter, ук. с., 33.
2) Ср. K. O. Müller-Welcker, Handb., § 344, 5.

шіяся издавна въ живописи надписи, задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы опять чисто внѣшнимъ образомъ разъяснять композицію.

Еще Полигнотъ пользовался, какъ извѣстно [1]), такими надписями. Напротивъ, въ композиціи восточнаго фриза Пареенона, гдѣ надписей нѣтъ [2]), нѣкоторыя фигуры изъ-за этого неясны, и ученые до сихъ поръ спорятъ о томъ, какъ ихъ назвать.

Винтеръ [3]) ставитъ киликъ Е 82 въ зависимость отъ фриза Пареенона, между прочимъ, потому, что въ композиціяхъ килика и на фризѣ одинаково мало аттрибутовъ у фигуръ. Противъ этого мы должны сказать во-первыхъ, что у фигуръ на киликѣ аттрибуты все-таки играютъ несравненно бо̀льшую роль, чѣмъ на фризѣ; а во-вторыхъ—фигуры на картинахъ Полигнота также уже не имѣли массы аттрибутовъ архаическаго времени и отличались другъ отъ друга внутренней характеристикою. Къ послѣднимъ композиція килика близка и по употребленію надписей.

Все, что̀ мы сказали теперь и раньше объ отношеніи килика къ восточному фризу Пареенона, скорѣе говоритъ за то, что киликъ не зависитъ отъ Пареенона. Нѣкоторое сходство въ пониманіи и стилѣ фигуръ указываетъ не болѣе, какъ на сравнительную одновременность, и никоимъ образомъ не говоритъ за то, что киликъ не могъ явиться ранѣе фриза. Если Винтеръ выставляетъ далѣе сходство композицій килика съ композиціей восточнаго фриза Пареенона въ качествѣ доказательства въ пользу того, что авторъ килика долженъ былъ знать фризъ Пареенона [4]), то это неосновательно потому, что композиція симпосія на киликѣ Е 82 зависитъ, какъ мы видѣли, непосредственно отъ картины Брига (т. е. отъ произведенія до 480 года).

Наконецъ, рѣшительно говоритъ противъ Винтера трактовка глазъ у фигуръ килика Е 82. Если бы источникомъ вдохновеній мастера этой вазы былъ только фризъ Пареенона, и вообще если бы искусство Фидія создало тотъ стиль въ вазовой живописи, который мы называемъ прекраснымъ, то, конечно, вазовые мастера давали бы контурамъ глазъ очертаніе, которое мы наблюдаемъ на рельефахъ школы Фидія [5]).

---

[1]) Ср. выше.

[2]) На фризахъ архаическаго времени такія надписи были столь же обычны, какъ и на вазовыхъ картинахъ. Ср. Homolle, Gaz. b.-a., XIII (1895), 330 слл.

[3]) Winter, Jünger. attisch. Vasen, 33.

[4]) Winter, ук. с., 34: «so konnte nur ein Vasenmaler komponieren, welcher den Fries gesehen hatte».

[5]) На такихъ «непосредственныхъ откликахъ фриза Пареенона» (какъ Винтеръ называетъ композиціи килика Е 82) мы это тѣмъ болѣе ожидали бы.

Трактовка глазъ скорѣе говоритъ за независимость мастера килика E 82 отъ Пароенона и искусства Фидія.

Кромѣ того, противъ того, что авторъ картинъ килика пользовался пластическимъ оригиналомъ для своихъ фигуръ, говоритъ и нѣкоторая неясность въ расположеніи складокъ на хитонахъ Афродиты и Амфитриты. Достаточно сравнить эти фигуры и фигуру Персефоны съ фигурами богинь на фризѣ Пароенона, чтобы убѣдиться, что мастеръ килика E 82 отнюдь не писалъ подъ вліяніемъ фриза.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Мы видѣли, чѣмъ приблизительно новый, прекрасный стиль отличается отъ стараго, строгаго.

Конечно, было бы совершенно невозможно полагать, что вазовые мастера вдругъ стали писать въ томъ стилѣ, примѣромъ котораго является киликъ Британскаго музея Е 82, и что традиціи строгаго стиля вдругъ были оставлены совершенно. Такой фактъ былъ бы рѣшительно безъ аналогій въ исторіи искусства. Послѣдняя показываетъ, что всегда и всюду традиція играетъ весьма важную роль и что всякое новое явленіе въ области искусства не приходитъ внезапно.

Уже a priori, такимъ образомъ, мы могли бы предполагать въ эпоху между 470 годомъ и временемъ утвержденія прекраснаго стиля въ аттической вазовой живописи такой стиль, который въ своихъ элементахъ представлялъ бы смѣсь стараго и новаго, который, сохраняя, въ той или другой степени, традиціи архаизма, имѣлъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ уже и тѣ черты, которыя характерны для свободнаго стиля.

Факты показываютъ, что такой смѣшанный стиль дѣйствительно существовалъ въ аттической вазовой живописи. Мы уже раньше, говоря о вазахъ съ именами Главкона, Клинія, Лиха и др., назвали стиль нѣкоторыхъ ихъ рисунковъ *переходнымъ* потому, что рисунки эти не представляютъ уже строгаго стиля въ его полной чистотѣ, хотя и примыкаютъ еще сильно къ его традиціямъ. Послѣ того, какъ мы познакомились съ прекраснымъ стилемъ, терминъ — *переходный стиль* *намъ будетъ болѣе яснымъ: это — стиль, смѣшанный изъ элементовъ стилей строгаго и прекраснаго.*

Вазы показываютъ, съ какою постепенностью элементы новаго стиля все болѣе и болѣе прокрадывались въ строгій стиль и заглушали традиціи стиля архаическаго.

Мы обращаемся теперь къ обзору вазовыхъ рисунковъ переходнаго и прекраснаго стилей.

При этомъ мы остановимся сначала на вазахъ, рисунки которыхъ исполнены на бѣломъ фонѣ, потому что у нихъ, рядомъ съ измѣненіемъ стиля рисунковъ, измѣняется сильно и техника, а это даетъ возможность болѣе точной и строгой хронологической классификаціи, чѣмъ какая возможна у красно-фигурныхъ вазъ. На вазахъ съ рисунками на бѣломъ фонѣ исторію образованія свободнаго стиля прослѣдить особенно удобно: на нихъ вся жизнь искусства средины V вѣка отразилась особенно отчетливо.

II.

Среди вазъ съ рисунками на бѣломъ фонѣ одними изъ наиболѣе интересныхъ являются килики съ надписями, прославляющими Главкона (Γλαύκων καλός). Особенный интересъ ихъ заключается въ томъ, что они сдѣланы несомнѣнно па одной фабрикѣ [1]), вѣроятно, Евфронія [2]). Чрезвычайно любопытно наблюдать, какъ постепенно на нихъ строгій стиль перерабатывается, и какъ изъ него образуется стиль, все болѣе и болѣе приближающійся къ прекрасному. Рисунки на бѣломъ фонѣ находятся у этихъ киликовъ внутри.

Берлинская чаша (№ 2282; 1 A 1 нашего списка вазъ, который см. ниже, въ приложеніи) еще вполнѣ принадлежитъ строгому стилю: ея фигуры всецѣло въ формахъ своихъ зависятъ отъ фигуръ Дуриса [3]), хотя самая ваза сдѣлана въ мастерской Евфронія, какъ показываетъ надпись на ней: Εὐφρόνιος ἐποίησεν. Только имя прекраснаго Главкона и прическа юноши, изображеннаго на внутренней картинѣ килика (πλοκαμῖδες) [4]), говорятъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ послѣ 480 года. Внутри килика на картинѣ, кромѣ юноши, сидящаго на стулѣ, изображена дѣвушка, которая стоитъ передъ нимъ. У юноши въ рукахъ копье и фіала, которую онъ протягиваетъ къ дѣвушкѣ, чтобы она налила въ нее изъ энохои, которая у нея въ правой рукѣ. На юношѣ наброшенъ небрежно гиматій, оставляющій

---

[1]) Ср. Furtwängler, Arch. Anz., VI (1891), 69; v. Rohden у Baum., Denkm., III, 1997; Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 59; Klein, L.², 154 слл.

[2]) Ср. Klein, Euphr², 247 слл.; M., 142, 9; Pottier у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 371, и въ Mon. et Mém. Piot, II (1895), 55; Hartwig, Meistersch., 490 слл.

[3]) Ср. Hartwig, Meistersch., 489.

[4]) Ср. выше, гл. III.

непокрытымъ его торсъ. На дѣвушкѣ надѣтъ тонкій хитонъ съ рукавами, на которыхъ золотыя застежки. Едва ли остатки надписи у фигуры дѣвушки ΟΜΕΔ можно дополнять такъ, какъ это дѣлали О. Янъ [1]), Гергардъ [2]), Клейнъ [3]) и др. По О. Яну и Клейну дѣвушка—Діомеда, по Гергарду—Андромеда. Всѣ названные ученые въ юношѣ видятъ Ахилла. Райэ и Коллиньонъ [4]) считали возможнымъ видѣть на картинѣ килика 1 А 1 скорѣе не простую жанровую сцену. Намъ тоже кажется, что скорѣе авторъ картины желалъ представить какого-нибудь героя, можетъ быть, и Ахилла, потому что на всѣхъ киликахъ съ бѣлою облицовкой внутри сюжеты картинъ взяты изъ миѳологіи (см. списокъ киликовъ ниже, въ приложеніи). Надпись у фигуры дѣвушки мы вмѣстѣ съ Гартвигомъ [5]) скорѣе склонны считать за остатокъ подписи художника: Δι]ομέδ[ων ἔγραφεν.

Наружныя картины килика, исполненныя въ обыкновенной красно-фигурной техникѣ, представляютъ скачки юношей: всадники мчатся мимо колоннъ; прибывшій первымъ долженъ предстать на судъ наблюдателей за состязаніемъ. По стилю наружныя картины принадлежатъ школѣ Дуриса, т. е. послѣднему періоду строгой красно-фигурной живописи.

Несомнѣнно той же руки, что берлинская чаша (1 А 1) [6]), фрагменты килика, найденные на аѳинскомъ акрополѣ, въ слояхъ d (ср. выше, гл. III) и изданные въ J. Hell. st., IX (1888), pl. VI (1 А 2 нашего списка). Такъ какъ таблица въ названномъ журналѣ неудовлетворительна, то мы даемъ на нашей таблицѣ I (A) изображеніе головы Орфея по акварели, сдѣланной нами съ оригинала въ Аѳинахъ; рис. 9 даетъ изображеніе сохранившейся части фигуры менады, также по нашему рисунку съ оригинала.

Внутри килика была изображена менада, поражающая Орфея, павшаго на колѣна и обороняющагося своей киѳарой, которую онъ держитъ въ поднятой кверху правой рукѣ. Эту композицію мы видимъ весьма часто на вазахъ, особенно начиная съ конца строгаго стиля [7]). Картину на нашемъ киликѣ надо реставрировать по Mon., IX, 30.

---

[1]) Ср. A. Z., 1853, 134.
[2]) Gerhard, Trinkschalen und Gefässe, къ Taf. XIV.
[3]) Klein, Euphr.², 240.
[4]) Rayet-Collignon, Céramique, 220.
[5]) Hartwig, Meistersch., 487 слл.
[6]) Ср. Pottier, Mém. et Mon. Piot, II (1895), 47.
[7]) Ср. Heydemann, A. Z., 1868, 3; Harrison, J. Hell. st., IX (1888), 145 слл. (группа b).

На наружныхъ стѣнкахъ аѳинскаго килика были изображены, тоже на бѣломъ фонѣ, варвары съ лошадьми; судя по тому, что на внутренней картинѣ килика изображены Орфей и менада, мы видимъ въ нихъ ѳракійцевъ; за то же говоритъ и костюмъ ихъ [1]).

Надписи, сохранившіяся на фрагментахъ, см. ниже, въ нашемъ спискѣ вазъ (1 А 2). Двѣ изъ нихъ, конечно, надо дополнить такъ, какъ дополняютъ ихъ Гаррисонъ [2]) и Клейнъ [3]): Εὐφρόνιος 'επ]οίησεν, Γλαύκ]ων [καλός.

Рис. 9. Фигура менады внутри килика (1 А 2), найденнаго на аѳинскомъ акрополѣ.

Чрезвычайно интересно сравнить по стилю рисунки акропольскихъ фрагментовъ съ рисунками на берлинской вазѣ (1 А 1). Какъ близки, напримѣръ, по типу, прическѣ, трактовкѣ волосъ головы Орфея и юноши, что на берлинской чашѣ. Такая близость ихъ и тождество

[1]) Ср. вазу съ изображеніемъ Орфея среди ѳракійцевъ въ Берлинскомъ музеѣ (табл. IV).

[2]) J. Hell. st., IX (1888), 144.

[3]) Klein, L.², 154, 3.

техники на обоихъ сосудахъ не оставляютъ сомнѣнія, что оба килика вышли и изъ одной фабрики и росписаны одною рукою [1]). Однако, при всемъ томъ нельзя съ перваго же разу не замѣтить, что фигуры фрагментовъ въ Аѳинахъ развитѣе по стилю фигуръ берлинскаго килика. Предъ нами два произведенія одного и того же мастера, но одно изъ нихъ принадлежитъ болѣе позднему времени. Въ чемъ же заключается прогрессъ стиля у рисунковъ аѳинскаго килика?

У Орфея въ общемъ типѣ красивѣе, благороднѣе, чѣмъ у Ахилла на берлинскомъ киликѣ. Подбородокъ у него не такъ великъ и круглъ, какъ у Ахилла. Губы тоньше; онѣ не сжаты такъ плотно, какъ у Ахилла; напротивъ, между ними видны зубы [2]). Нижняя губа не оттянута внизъ такъ, какъ у Ахилла. Архаическая улыбка, которую мы видимъ у Ахилла, уже уступила мѣсто серьезному выраженію губъ у Орфея. Нельзя не обратить вниманія и на различную структуру черепа: у Орфея задъ головы выступаетъ болѣе, чѣмъ у Ахилла, а это способствуетъ болѣе правильному и красивому взаимоотношенію головы и шеи, которая у Ахилла кажется черезчуръ толстой. Но главнымъ образомъ большее развитіе стиля сказывается въ формахъ глаза. У Ахилла глазъ безъ всякаго выраженія, вполнѣ архаическій, неправильный. У Орфея, правда, мы не видимъ еще вполнѣ правильнаго профиля глаза, какъ у фигуръ въ прекрасномъ стилѣ, но у него нельзя не замѣтить вполнѣ выраженнаго стремленія дать правильный профиль глаза. У Орфея обозначено каждое вѣко двумя линіями. Кромѣ того, обозначены правильно и рѣсницы; а какъ схематически онѣ обозначены еще у Ахилла! Только въ изображеніи зрачка глаза мастеръ остается на прежней ступени своего развитія и даетъ его не въ профиль, а въ фасъ. Дань старымъ традиціямъ сильно еще замѣтна у художника и въ трактовкѣ волосъ Орфея. Однако, всякій скажетъ, что волосы Орфея трактованы нѣсколько лучше: отдѣльные локоны сдѣланы тоньше, ихъ гораздо больше; поэтому они кажутся болѣе близкими къ природѣ. Нельзя не замѣтить (правда, весьма слабо еще выраженнаго) стремленія къ моделировкѣ волосъ на головѣ у Орфея (ср. особ. косу на затылкѣ), чего совершенно нѣтъ у Ахилла.

Въ общемъ и голова Орфея съ ея круглымъ черепомъ, большимъ подбородкомъ, разумѣется, далека еще отъ головъ прекраснаго стиля,

---

[1]) Ср. Harrison, J. Hell. st., ук. м.; Hartwig, Meistersch., 490; Pottie, Mém. et Mon. Piot, ук. м.

[2]) Въ J. Hell. st., ук. м., на таблицѣ этого вовсе не передано.

типомъ которыхъ является, напр., голова Ганимеда на киликѣ Британскаго музея E 82 (рис. 7); но она не такова уже, какъ головы фигуръ строгаго стиля. Она весьма близка уже къ головѣ Ахилла

Рис. 10. Рисунокъ на амфорѣ Museo Gregoriano въ Римѣ.

на амфорѣ ватиканскаго Museo Gregoriano (рис. 10). Послѣдняя и въ структурѣ черепа, и въ профилѣ, и въ трактовкѣ подбородка и глаза представляетъ дальнѣйшую ступень въ преобразованіи того же типа и еще болѣе приближается къ развитымъ типамъ прекраснаго стиля:

типъ Ахилла на ватиканской амфорѣ весьма близокъ къ типу того же героя на вазѣ, изданной у Гергарда (A. V., III, 200) [1]), которая, вѣроятно, даже произведеніе того же мастера, что и ватиканская ваза. Отъ типа же Ахилла на вазѣ Гергарда одинъ шагъ до типовъ юношей на развитыхъ вазахъ прекраснаго стиля, въ родѣ килика съ изображеніемъ Кодра [2]) или килика Британскаго музея E 82 (рис. 7).

Сравнивая голову менады на акропольскихъ фрагментахъ (см. рис. 9) съ головой дѣвушки на берлинскомъ киликѣ (1 A 1), мы найдемъ между ними тѣ же отличія, которыя мы констатировали у головъ Орфея и Ахилла на тѣхъ же сосудахъ. Болѣе мелкіе отдѣльные штрихи волосъ, попытка моделировать волосы, гораздо болѣе правдивый и выразительный глазъ, болѣе благородныя формы губъ и подбородка,—все это выгодно отличаетъ фигуру менады отъ фигуры дѣвушки на берлинской вазѣ. У менады еще замѣчательна трактовка брови, которая не идетъ, какъ на берлинской вазѣ, совершенно симметрично съ очертаніемъ верхняго вѣка, а поставлена нѣсколько вкось къ внутреннему углу глаза: художникъ, ясное дѣло, желалъ изобразить нѣсколько нахмуренное лицо [3]).

При всѣхъ этихъ отличіяхъ въ общемъ языкъ формъ (ср. особ. профиль, ухо, руки, одежду) у дѣвушки берлинской вазы и менады на аѳинскихъ фрагментахъ одинъ и тотъ же. Техника рѣшаетъ, что обѣ вазы (берлинская и аѳинская) одной руки.

Какъ Орфей, по своему типу, представляетъ одно изъ посредствующихъ звеньевъ между типами строгаго стиля и развитого прекраснаго, такъ и типъ менады акропольскихъ фрагментовъ ведетъ къ женскимъ типамъ прекраснаго стиля. Достаточно указать на то, какъ близокъ этотъ типъ менады, напр., къ типу, который мы видимъ у менадъ на гидріи Бостонскаго музея (№ 432) [4]) съ изображеніемъ смерти Орфея (ср. особ. менаду налѣво отъ Орфея). Прогрессъ, который мы видимъ у послѣдней вазы, заключается въ томъ, что ея авторъ знаетъ уже правильный профиль глаза, изображая и зрачекъ глаза не въ видѣ круга, а въ видѣ треугольника, обращеннаго вершиною внизъ. Разсматриваемый нами женскій типъ, еще болѣе облагороженнымъ и усовершенствованнымъ мы находимъ, напр., на вѣнскомъ оксибафѣ съ изображеніемъ Леды (Kunst.-hist. Hofmuseum, VIII, 558) [5]) или

---

[1]) Ср. Baum., Denkm., I, 8.

[2]) Braun, Kodrosschale; Baum., Denkm., III, 2149, рис. 5.

[3]) Это опять не передаетъ, какъ слѣдуетъ, таблица въ J. Hell. st., IX (1888), VI.

[4]) Robinson, Boston Museum, таблица въ началѣ книги.

[5]) Sacken-Kenner, 211, I, V, 1, 16; Labord, Vases Lamberg, I, pl. 14; Ann., 1848, L.; Kekule, Vasenbild in Bonn, 11 сл.; Baum., Denkm., I, 706.

на киликѣ Брит. муз. E 82 (фигура Геры) (рис. 7). Но съ послѣдними вазами мы вступаемъ уже въ область развитого прекраснаго стиля.

Сравнивая сохранившіеся наружные рисунки на берлинскомъ киликѣ съ наружными же рисунками на фрагментахъ аѳинскаго килика, мы опять легко констатируемъ большее развитіе стиля у аѳинской вазы. Такъ, на аѳинскихъ фрагментахъ мастеръ даетъ правильнѣе профиль глаза. На берлинской вазѣ глаза фигуръ на наружныхъ картинахъ такіе же, какъ и внутри килика (открытый, архаическій глазъ). Трактованы глаза на наружныхъ рисункахъ берлинской вазы съ меньшею тщательностью и подробностями, чѣмъ у фигуръ внутренней композиціи (у нихъ не обозначены рѣсницы; зрачекъ обозначенъ только точкою). Ту же самую особенность видимъ и на аѳинскихъ фрагментахъ: у наружныхъ фигуръ вѣки обозначены не двумя штрихами каждое, какъ у болѣе крупныхъ фигуръ, а однимъ. Зрачекъ глаза обозначенъ круглою точкою, а не кругомъ съ точкою внутри, какъ у фигуръ Орфея и менады. Это еще разъ выдаетъ руку одного мастера, сдѣлавшаго эти двѣ вазы.

III.

Мы указали выше, что рисунокъ на лекиѳѣ въ Аѳинахъ 2 A 1 съ надписью, прославляющею Главкона, по стилю близокъ къ рисунку на одномъ киликѣ Сотада (1 A 11). Надпись лекиѳа уже говоритъ намъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, по времени весьма близкимъ къ группѣ киликовъ 1 A 1—3. Техника лекиѳа не оставляетъ сомнѣнія, что онъ возникъ на фабрикѣ, по времени весьма близкой къ той, изъ которой вышли названные килики (1 A 1—3), и къ фабрикѣ Сотада. Изъ обстоятельствъ находки лекиѳа явствуетъ, что фабрика, на которой онъ былъ сдѣланъ, по времени близка еще къ фабрикамъ вазъ строгаго красно-фигурнаго стиля [1]). Какъ на вазахъ фабрики Евфронія, такъ и на лекиѳѣ 2 A 1, бѣлая облицовка имѣетъ кремовый оттѣнокъ; какъ и тамъ, здѣсь она была подвергнута сильному обжиганію и потому отличается сравнительною прочностью. Лакъ, бывшій въ распоряженіи у автора лекиѳа 2 A 1, тотъ же самый, который мы видѣли на киликахъ фабрики Евфронія и у Сотада, съ тѣми же оттѣнками при его разбавленіи. Рисунокъ, далѣе, въ общемъ выполненъ на лекиѳѣ такъ же, какъ на киликахъ. Лицо, руки, ноги фигуры сдѣланы лишь въ контурахъ; напротивъ, одежда эфеба (хламида) окрашена.

[1]) Ср. Τσούντα, Ἐφ. ἀρχ., 1886, 33, 40 сл.

Окрашены также и два копья, которыя эфебъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Окраска одежды здѣсь, какъ и на киликахъ 1 А 1—3, весьма проста. Хламида сплошь выкрашена тѣмъ же лакомъ, которымъ сдѣланъ весь рисунокъ. При этомъ лакъ взятъ въ весьма густомъ разведеніи, такъ что хламида чернаго цвѣта. Складки на хламидѣ обозначены, вѣроятно, темно-красными линіями,—пріемъ, сейчасъ же напоминающій намъ о вазахъ 1 А 7 и 11. Буквы надписи на лекиѳѣ 2 А 1 по своимъ формамъ тѣ же, что у надписей на киликахъ 1 А 1, 3, 7, 11 и т. д. Расположеніе обоихъ словъ Γλαύχων и καλός, одного надъ другимъ, у аѳинскаго лекиѳа тождественно съ киликомъ 1 А 3.

Словомъ, лекиѳъ 2 А 1 безусловно произведеніе той же школы мастеровъ, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ килики съ рисунками на бѣломъ фонѣ внутри. Единственно, чѣмъ по техникѣ этотъ лекиѳъ отличается ото всѣхъ бѣлыхъ киликовъ, это то, что на послѣднихъ мы ни разу не встрѣчаемъ, чтобы для одежды фигуръ употреблялось въ качествѣ краски столь густое разведеніе лака, какъ у лекиѳа 2 А 1.

Трактовка одежды на лекиѳѣ 2 А 1 сближаетъ этотъ лекиѳъ еще съ вазами черно-фигурной техники. Только складки одежды здѣсь сдѣланы не рѣзцомъ, а темно-красной краской. Авторъ нашего лекиѳа, такимъ образомъ, въ трактовкѣ одежды соединяетъ пріемы черно-фигурной и красно-фигурной живописи.

Аѳинскій лекиѳъ (2 А 1), какъ замѣтилъ Бозанкетъ [1]), по своей формѣ и по орнаментаціи имѣетъ довольно близкое родство съ цѣлой группой лекиѳовъ, изъ которыхъ одни представляютъ по техникѣ рисунка такое же смѣшеніе пріемовъ черно-фигурной и красно-фигурной живописи, какъ и лекиѳъ 2 А 1, другіе же принадлежатъ еще всецѣло черно-фигурной живописи. Вотъ вазы этой группы:

1) Аѳины, Нац. муз., 1132. Изъ Эретріи. Одиссей и Дирка. J. Hell. st., XIII (1893), pl. 2.

2) Аѳины, Нац. муз., 1133. Изъ Эретріи. Гераклъ и Атлантъ. J. Hell. st., XIII (1893), pl. 3.

3) Аѳины, Нац. муз., 1809. Съ Эгины. Эротъ съ лирой и фіалой въ рукахъ летаетъ среди вѣтокъ. Dumont-Chaplain, Céramiques, I, pl. XI; Rayet-Collignon, Céramique, f. 83.

4) Вѣна, K—H. Hofmuseum, 195. Единоборство двухъ воиновъ надъ трупомъ павшаго воина; налѣво и направо по женской фигурѣ.

---

[1]) J. Hell. st., XVI (1896), 172, 21 сл.

5) Парижъ, Cabinet d. médailles. Раненый воинъ. Furtwängler, Meisterwerke, 280, фиг. 35.

6) Аѳины, Нац. муз., 1827. Изъ Эретріи. Ника, парящая надъ алтаремъ.

7) Луврь. Изъ Греціи. Бюстъ женщины съ лирой между колоннами. Monuments grecs, II (1885—1888), pl. 7, 1; Rayet-Collignon, Céramique, pl. X, 217 сл.

Лекиѳъ № 4 этого списка является всецѣло представителемъ чернофигурной техники. Въ рисункахъ лекиѳовъ № 1 — 2 черныя фигуры оживлены темно-красною краскою, которою у нихъ сдѣланы нѣкоторыя детали. Черный лакъ и темно-красная краска здѣсь тѣ же, которые были въ распоряженіи и у мастера лекиѳа 2 А 1. На лекиѳѣ № 3 тоже, кромѣ чернаго лака, видимъ еще детали, исполненныя темно-краснымъ. Но этотъ лекиѳъ, по своей орнаментаціи стоящій ближе всего къ аѳинскому (№ 6), уже отступаетъ отъ чистой черно-фигурной техники: между тѣмъ какъ тѣло Эрота сдѣлано въ черномъ силуэтѣ, крылья его и фіала, которую онъ держитъ въ рукахъ, сдѣланы только въ контурахъ (черныхъ) и ничѣмъ не окрашены. Мы присутствуемъ при первыхъ проблесвахъ новой техники [1]). Лекиѳъ № 5, который въ рисункѣ еще менѣе свободенъ, чѣмъ лекиѳъ № 3, но за то отличается большею тонкостью въ деталяхъ (особенно въ проведеніи линій, сдѣланныхъ рѣзцомъ по черному силуэту фигуры),—этотъ лекиѳъ также принадлежитъ къ древнѣйшимъ лекиѳамъ переходнаго времени. Шлемъ и щитъ воина здѣсь обозначены лишь въ контурахъ, вся же фигура его представляетъ черный силуэтъ.

Если на лекиѳахъ №№ 1—5 мы видимъ еще для обозначенія деталей линіи, которыя дѣлаются рѣзцомъ, то на лекиѳахъ №№ 6 и 7 этого пріема черно-фигурной техники не видимъ вовсе. Постепенное усиленіе новой техники сказывается и въ томъ, что въ рисункѣ является все болѣе и болѣе частей, которыя обозначаются лишь контурами и не заполняются чернымъ лакомъ. Такъ на луврскомъ лекиѳѣ (№ 7) чернымъ лакомъ заполнены лишь волосы; все остальное исполнено лишь въ контурахъ [2]).

---

[1]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 217; Pottier у Dumont—Chaplain, Céramiques, I, къ pl. XI.

[2]) Контуры—черные; кое-гдѣ есть линіи, сдѣланныя темно-краснымъ. Ср. Rayet-Collignon, ук. с., 218. Въ изображенной женщинѣ Коллиньонъ считаетъ возможнымъ видѣть музу. Heuzey [Mon. grecs., II (1885—1888), 33] усматриваетъ въ ней аллегорическую фигуру, близкую къ музѣ.

Черный лакъ удерживается теперь большею частью, кромѣ волосъ, еще для гиматія и для разныхъ второстепенныхъ деталей: имъ окрашиваются животныя, сосуды, оружіе, вѣнки и т. п. Примѣрами могутъ служить слѣдующіе лекиѳы:

8) 2 А 5 (гдѣ лакомъ окрашенъ гиматій Ники и лань).

9) 2 А 6 (здѣсь гиматій женщины и птица сдѣланы чернымъ).

10) Брит. м., D 23 (чернымъ сдѣланы колонна, гиматій женщины и змѣя).

11) 2 А 26 (чернымъ лакомъ сдѣланы собака, гиматій женщины).

12) Луврь, лекиѳъ изъ Эретріи съ изображеніемъ Артемиды (?) съ быкомъ (чернымъ сдѣланъ быкъ).

13) Аѳины, Нац. муз., 1964; Δελτίον, 1889, 76, 5 (чернымъ сдѣлана кнемида).

Всѣ лекиѳы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, старше лекиѳа 2 А 1. Такимъ образомъ, всѣ они принадлежатъ времени до 470—460 годовъ [1]).

За то, что уже до 480 года дѣлались лекиѳы съ бѣлой облицовкой и черными фигурами, на которыхъ детали обозначались линіями, исполненными рѣзцомъ, ясно говоритъ фрагментъ такого лекиѳа, который найденъ былъ въ до-персидскомъ слоѣ на аѳинскомъ акрополѣ (см. Pottier y Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 371, 2).

Лекиѳъ № 13 по стилю его рисунка одновременен съ тѣми вазами, которыя Гартвигъ приписываетъ Амасису [2]); онъ принадлежитъ, такимъ образомъ, эпохѣ около 480 года. Тому же времени, слѣдовательно, принадлежатъ и родственные ему лекиѳы №№ 8—12 и № 5. Что послѣдній лекиѳъ принадлежитъ эпохѣ вполнѣ строгаго стиля, доказываетъ еще и близость его рисунка къ извѣстному пинаку, найденному на аѳинскомъ акрополѣ (Ἐφ. ἀρχ., 1887, πίν. 6) [3]), — пинаку, на которомъ у изображеннаго воина шлемъ и щитъ сдѣланы такъ же, какъ и у воина на лекиѳѣ № 5, лишь въ контурахъ, тогда какъ всѣ остальныя части заполнены сплошь краской. Послѣднее обстоятельство, равно какъ бѣлая съ кремовымъ оттѣнкомъ облицовка пинака и весь стиль рисунка, невольно ведутъ къ предположенію, что мастеръ лекиѳа № 5 подражалъ какой-нибудь большой картинѣ въ родѣ акропольскаго пинака. Акро-

---

[1]) За то же говоритъ и стиль ихъ (ср. вазы лучшаго періода строгаго стиля). Мы не можемъ совершенно принимать соображеній миссъ Селлерсъ [E. Sellers, J. Hell. st., XIII (1892—3), 8 слл.]. Ср. еще M. Mayer, Ath. M., XVI (1891), 307 слл.

[2]) Ср. Hartwig, Meistersch., Amasis; Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896) 173, 21.

[3]) Ср. Girard, Peinture, f. 83.

польскій же пинакъ, съ другой стороны, одновременен съ произведеніями Финтія [1]), который, какъ извѣстно, жилъ и дѣйствовалъ до 480 года [2]).

Сравненіе лекиѳа № 5 съ пинакомъ на акрополѣ любопытно еще и потому, что совершенно наглядно показываетъ, что та техника, которую мы видимъ на бѣлыхъ лекиѳахъ, примѣнялась и на болѣе крупныхъ картинахъ (тотъ же фонъ, контуры, заполненіе). Впрочемъ, если судить по акропольскому пинаку, произведенія живописи монументальной были полихромными и гораздо болѣе вообще развитыми, чѣмъ картины на ремесленныхъ издѣліяхъ керамистовъ [3]). Послѣдніе, хотя и подражаютъ настоящимъ художникамъ, однако въ рисункѣ пользуются лишь тѣмъ, что̀ у нихъ подъ руками: рисунокъ исполняютъ своимъ чернымъ лакомъ, детали на немъ — рѣзцомъ. Отъ мастеровъ монументальнаго искусства они берутъ сначала только лишь самое общее, а именно у нихъ мы видимъ то же соединеніе контурнаго рисунка съ окрашеннымъ, какъ у автора акропольскаго пинака. Техническія трудности не позволяютъ мастерамъ лекиѳовъ сначала дѣлать свои рисунки полихромными: многія краски не выдерживаютъ обжиганія, которому лекиѳы должны были подвергаться. Керамисты отказываются, поэтому, сначала передавать полихромію монументальнаго искусства. Мы увидимъ, однако, у нихъ далѣе совершенно ясно выраженное стремленіе къ полихроміи. Мало-по-малу выработаны были пріемы, позволявшіе вводить въ рисунокъ все болѣе и болѣе красокъ.

Одновременен по стилю и техникѣ съ лекиѳомъ № 5 долженъ быть и лекиѳъ № 3 [4]). Орнаментація послѣдняго весьма близка къ орнаментаціи лекиѳа № 6. Лекиѳъ же № 6 по стилю своего рисунка является типичнымъ представителемъ строгаго стиля. Равнымъ образомъ лекиѳъ № 7, несомнѣнно, по стилю рисунка, принадлежитъ школѣ Дуриса [5]).

Еще старше лекиѳовъ №№ 3, 5—13 лекиѳы №№ 1—2 и 4. Они росписаны еще въ черно фигурной техникѣ. Лекиѳы №№ 1 и 2, что̀ касается ихъ бѣло-кремовой облицовки, ихъ лака и употребленія темнокрасной краски, представляютъ дальнѣйшее развитіе той техники, ко-

---

[1]) Ср. Benndorf, Ἐφ. ἀρχ., 1887, 123 слл. Ср. выше, гл. III.

[2]) Ср. Hartwig, Meistersch., Phintias.

[3]) Ср. Girard, Peinture, 150 сл. Ср. Pottier, Revue d. études grecques, XI (1898), 379 слл.

[4]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 172 сл., 21.

[5]) Ср. Winter, A. Z., 1885, 187 слл. Ср. съ этимъ лекиѳомъ лекиѳъ Британскаго музея D 22 (Murray, Wh. V., pl. XIV).

торую мы видимъ на энохояхъ и блюдахъ древней родосской фабрики [1]), на чашахъ киренской фабрики, на коринѳскихъ келебахъ, на саркофагахъ изъ Клазоменъ и съ Родоса, на фрагментахъ изъ Навкратиды [2]). Вообще изобрѣтеніе [3]) живописи контурами на бѣло-кремовомъ фонѣ относится приблизительно къ половинѣ VII столѣтія до Р. Хр. [4]). Въ Аѳинахъ живопись на бѣломъ фонѣ ввелъ, какъ показали Лёшке, Поттье и др. [5]), въ эпоху Писистрата Никосѳенъ на вазахъ. Извѣстно, что Никосѳенъ стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ аттической живописи—черно-фигурной и красно-фигурной. Изъ его мастерской вышли сосуды, которые расписаны и въ той и въ другой техникѣ. Разница между черно-фигурной техникой и красно фигурною состоитъ въ томъ, что въ послѣдней фигуры рисуются только въ контурахъ, не окрашиваются, и детали на нихъ дѣлаются мазками лаковой краски, тогда какъ въ первой фигуры дѣлаются въ черныхъ силуэтахъ, а детали на нихъ гравируются острымъ инструментомъ. Мы видѣли, что нѣкоторые лекиѳы, на которыхъ въ живописи рядомъ съ чернымъ силуэтомъ, появляется простой контурный рисунокъ, принадлежатъ эпохѣ процвѣтанія строгаго красно-фигурнаго стиля (напр., №№ 6, 7 и т. д.). Лекиѳы, гдѣ въ рисункѣ частей, сдѣланныхъ только въ контурахъ гораздо меньше (напр., №№ 3, 5 и т. д.), должны быть старше такихъ, гдѣ почти уже все исполнено въ контурахъ (какъ на лекиѳѣ № 7) [6]).

---

[1]) Отличаются отъ нихъ вазы Фикеллуры, которыя теперь надо считать явившимися на Самосѣ. Ср. Böhlau, Aus altionischen u. italischen Nekropolen, 61 слл.; Gräf, Berlin. philol. Wochenschr., 1899, 59.

[2]) Ср. Pottier, B. C. H., XIV (1890), 376 слл.; Mon. et Mém. Piot, II (1895), 43 слл.; E. Sellers, J. Hell. st., XIII (1892—93), 6.

[3]) Попытки и начала этой техники видимъ и ранѣе VII в. въ Микенахъ, на Кипрѣ, въ Віотіи. Ср. Pottier, ук. работы.

[4]) Pottier, B. C. H., XIV (1890), ук. м. Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 86 слл. Весьма вѣроятно, какъ думаетъ Курціусъ, этотъ родъ живописи обязанъ своимъ происхожденіемъ Кратону изъ Сикіона, который, по Аѳинагору [Leg. pro Christ., 14 (p. 59 ed. Dechair.); Overbeck, SQ., 381], изобрѣлъ γραφική, т. е. рисунокъ контуромъ, между тѣмъ какъ Саврій съ Самоса изобрѣлъ живопись силуэтами (σκιαγραφία). Какъ памятники (ср. Böhlau, Aus altionischen und italischen Nekropolen, passim), такъ и традиція указываютъ, такимъ образомъ, на то, что древнѣйшіе примѣры живописи на бѣлой облицовкѣ встрѣчаются въ Пелопоннесѣ, на островахъ и въ Малой Азіи. Эта живопись представляетъ дальнѣйшее развитіе и продолженіе живописи Микенской эпохи. Ср. наши статьи въ Зап. Имп. Русск. Арх. Общества, IX (1897), 265 слл., и въ Филол. Обозрѣніи, 1897, 127 слл. На счетъ σκιαγραφία и γραφική мы расходимся съ Pottier, Revue d. études grecques, XI (1898), 377 слл.

[5]) Löschcke, Ath. M., V (1880), 380 слл.; A. Z., 1881, 34 слл.; Pottier, Gaz. archéol., 1885, 283, и у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 370 слл.; ср. и ук. раньше раб.; ср. Klein, M.², 66, № 50 сл. Ср. Rayet Collignon, Céramique, 216.

[6]) Ср. Rayet-Collignon, ук. м. Pottier у Dumont-Chaplain, ук. с., I, къ pl. XI.

Все ведетъ къ тому результату, что аттическіе вазовые мастера начали дѣлать тѣ или другія (сначала второстепенныя только) части фигуръ не въ силуэтѣ, а въ контурахъ въ ту эпоху, когда въ аттической вазовой живописи черно-фигурная техника должна была уступить мѣсто новой красно-фигурной техникѣ.

Техника красно-фигурной вазовой живописи совершенно одинакова съ техникой живописи на бѣломъ фонѣ. Единственная разница между ними та, что красно-фигурная живопись заполняетъ свободное пространство между фигурами чернымъ лакомъ [1]). Мы видѣли, что на однихъ и тѣхъ же вазахъ встрѣчаются оба рода живописи (красно-фигурная и живопись по бѣлому фону) рядомъ, что, напр., на фабрикахъ Памфея, Евфронія, Дуриса, Гіерона и другихъ мастеровъ, работавшихъ въ красно-фигурной техникѣ, дѣлались чаши съ контурнымъ и полихромнымъ рисункомъ по бѣлому фону внутри. Такимъ образомъ, скорѣе всего надо полагать, что и лекиѳы съ росписью по бѣлому фону явились въ тѣхъ же мастерскихъ, какъ и названныя чаши съ бѣлой облицовкой. Что касается спеціально лекиѳа 2 A 1, то мы уже ранѣе должны были признать это по другимъ соображеніямъ.

Элементы той техники, которую мы наблюдаемъ на чашахъ и лекиѳахъ съ бѣлой облицовкой, встрѣчаются уже на очень древнихъ вазахъ черно-фигурной техники. Въ черно-фигурной вазовой живописи установился довольно рано обычай употреблять для нѣкоторыхъ частей фигуръ бѣлую накладную краску. При этомъ детали на такихъ частяхъ обозначались кистью такъ или иначе разбавленнымъ обычнымъ лакомъ. Достаточно указать на то, что такъ трактуются лица и тѣло женскихъ фигуръ [2]), тѣло мальчиковъ [3]); бѣлыми часто дѣлаютъ въ черно-фигурной живописи животныхъ, вырисовывая детали на нихъ опять кистью лакомъ [4]). То же самое надо замѣтить относительно одеждъ [5]). Бѣлымъ же часто дѣлаютъ сѣдые волосы старцевъ [6]) и разныя мелкія детали у фигуръ, какъ-то эписемы на щитахъ [7]), развѣвающіеся султаны шлемовъ [8]), лиры [9]) и т. д.

[1]) Поэтому намъ кажется едва ли можно говорить о вліяніи красно-фигурной техники на мастеровъ, дѣлавшихъ контурные рисунки по бѣлому фону,—какъ это дѣлаютъ Фуртвенглеръ (A. Z., 1880, 131 слл.), Райэ и Коллиньонъ (Céramique, 217), Поттье (у Dumont-Chaplain, ук. с., I, къ pl. XI), Wright (Amer. Journ. of archaeology, II, 405). Вейсгёйпль [Ath. M. (XV), 1890, 44 сл.].

[2]) Ср. Gerhard, A. V., 167, 171, 173, 192, 205, 208, 214, 237 и т. д.

[3]) Gerhard, ук. с., 223.

[4]) Gerhard, ук. с., 170, 199(2), 105—106, 311.

[5]) Gerhard, ук. с., 190—191, 122—123.

[6]) Gerhard, ук. с., 177.

[7]) Gerhard, ук. с., 215(2), 167, 192, 108.

[8]) Gerhard, ук. с., 199(1).

[9]) Gerhard, ук. с., 314.

Затѣмъ нельзя не вспомнить, говоря о происхожденіи контурнаго и полихромнаго рисунка на бѣломъ фонѣ, о терракоттахъ. Послѣднія весьма часто примѣняютъ для женскихъ головъ бѣлую облицовку, на которой детали (глаза, губы) дѣлаютъ красками кистью [1]).

Въ контурахъ лишь исполнялись нѣкоторыя части въ рисункѣ на цѣломъ рядѣ вазъ, принадлежащихъ еще періоду черно-фигурной техники [2]).

Однако, было бы ошибочнымъ утверждать, что наша техника развилась всецѣло въ мастерскихъ, изготовлявшихъ вазы. Уже Бенндорфъ [3]) указалъ на то, какъ непрактична и, слѣдовательно, какъ не соотвѣтствуетъ стилю эта бѣлая облицовка на вазахъ [4]). Если Клейнъ [5]) полагалъ, что вазы съ бѣлой облицовкой никогда и не разсчитывались на практическое употребленіе, то его доводы встрѣтили справедливый отпоръ со стороны Поттье [6]). Но какъ бы то ни было, фактъ, что бѣлая облицовка по своей непрочности крайне непрактична, едва ли можно оспаривать [7]). А если такъ, то уже a priori можно высказать то, что Бенндорфъ и другіе [8]) и высказывали насчетъ живописи по бѣлой облицовкѣ, которую мы видимъ на чашахъ и лекиѳахъ: *эта живопись представляетъ подражаніе живописи монументальной*. Въ настоящее время это предположеніе можетъ быть подкрѣплено новыми данными. Дѣло въ томъ, что теперь мы имѣемъ памятники, которые, если ихъ и нельзя, быть можетъ, причислять къ произведеніямъ монументальной живописи, стоятъ къ послѣдней все же несравненно ближе, чѣмъ вазы.

Сюда относятся: a) клазоменскіе саркофаги [9]), b) извѣстный намъ уже пинакъ съ акрополя [10]), c) стелы, дискъ и обломокъ щита изъ

---

[1]) Ср. Benndorf, Gr. S. Vsb, 25 сл.; Pottier, Les statuettes de terre—cuite, 41; Winter, Arch. Anz., VIII (1893), 140 слл.

[2]) Ср. Winter, A. Z., 1885, 196 слл.

[3]) Benndorf, ук. м.

[4]) Ср. затѣмъ замѣчанія Pottier, B. C. H., XIV (1890), 377—382, и E. Sellers, J. Hell. st., XIII (1892—93), 6.

[5]) Klein, Euphr.[2], 249 слл.

[6]) Pottier, B. C. H., XIV (1890), 381 сл.

[7]) Ср. Weisshaupl, Ath. M., XV (1890), 44 слл.

[8]) Benndorf, Gr. S. Vsb., 26 сл.; ср. Rayet-Collignon, Céramique, 218 сл.

[9]) Литературу, относящуюся къ клазоменскимъ саркофагамъ, см. у Reinach, Revue d. études grecques, VIII (1895), 163 слл. Къ ней теперь надо прибавить Ant. Denkm., II, Taf. 25—27 (стр. 1 слл.—III Heft, Winter); Murray, Mon. et Mém. Piot, IV (1897), pl. IV—VII, стр. 27 слл., и Terracotta-sarcophagi in the British Museum, 1898; Zahn, Ath. M., XXIII (1898), 38 слл.; Joubin, B. C. H., XIV (1895), 69 слл., и Musée Imp. Ottoman (Monuments funéraires[2], 1898, № 70—72quater).

[10]) Ἐφημ. ἀρχ., 1887, π. 6, стр. 115 слл. (Benndorf).

мрамора съ полихромною росписью въ Аѳинскомъ Національномъ и Берлинскомъ музеяхъ [1]).

На основаніи этихъ памятниковъ мы не только можемъ сказать то, что монументальная греческая живопись часто примѣняла бѣлый фонъ въ своихъ картинахъ [2]), но и то, что она прошла тѣ же стадіи развитія, которыя мы видѣли у вазовой живописи. И въ ней мы видимъ, какъ и въ вазовой живописи, сначала черныя фигуры (σκιαγραφία); какъ и въ вазовой черно-фигурной живописи, такъ и здѣсь встрѣчаются иногда въ рисункѣ части, сдѣланныя лишь въ контурахъ (γραφική), а не въ силуэтахъ [3]); какъ тамъ, такъ и здѣсь, кромѣ чернаго, употребляется еще для оживленія фигуръ темно-красный и бѣлый; и здѣсь видимъ примѣненіе для деталей, какъ у черныхъ фигуръ на вазахъ, рѣзца.

Какъ на вазахъ мы констатировали такую стадію, гдѣ рядомъ съ силуэтомъ начинаетъ играть видную роль контурный рисунокъ, такъ о томъ, что и искусство монументальное пережило такую же стадію развитія, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ акропольскій пинакъ и клазоменскіе саркофаги.

Когда контурный рисунокъ въ вазовой живописи получилъ уже рѣшительное преобладаніе, естественно, роль рѣзца должна была прекратиться [4]). Въ монументальномъ искусствѣ рѣзецъ перестаетъ употребляться въ концѣ VI вѣка [5]). Послѣдній фактъ для насъ получаетъ особенное значеніе: онъ свидѣтельствуетъ, что техническія нововведенія впервые являются въ монументальномъ искусствѣ и изъ него переходятъ уже въ ремесленное.

Жизнь ремесленнаго искусства является всецѣло отображеніемъ, эхомъ великаго искусства. Сравнивая произведенія ремесленниковъ — вазовыхъ мастеровъ съ тѣми однородными съ ними по техникѣ памятниками, въ которыхъ мы можемъ усматривать непосредственное сопри-

---

[1]) Стела Лисея (Conze, Griech. Grabreliefs, I, Taf. 1; Καββαδίας, Γλυπτά, 30) стела въ Берлинѣ (Conze, ук. с., I, Taf. 4, 2); дискъ въ Аѳинахъ [Jahrb. d. Inst. XII (1897), Taf. 1]; обломокъ мраморнаго щита въ Аѳинахъ (Ib., Taf. 2).

[2]) Иногда это — мраморъ (какъ на дискѣ въ Аѳинахъ), иногда — облицовка въ родѣ такой, какую видимъ на чашахъ и киликахъ (какъ у пинака на акрополѣ или какъ на клазоменскихъ саркофагахъ).

[3]) Ср. Ἐφ. ἀρχ., 1887, 6; Murray, Terracotta-sarcophagi, pl. VIII.

[4]) Въ красно-фигурной живописи рѣзецъ употребляется только на древнѣйшихъ издѣліяхъ Эпиктета и его школы. Ср. Hartwig, Jahrb. d. Inst., VI (1891), 255. На вазахъ съ бѣлой облицовкой, равнымъ образомъ, рѣзецъ является лишь на тѣхъ, которыя еще прямо примыкаютъ къ черно-фигурной живописи.

[5]) Его мы не видимъ уже на позднѣйшихъ изъ клазоменскихъ саркофаговъ. Ср. Milliet, Études sur les premiers périodes de la céramique grecque, 60 сл., который, однако, неправильно понимаетъ отсутствіе линій, сдѣланныхъ рѣзцомъ на саркофагахъ.

косновеніе съ монументальнымъ искусствомъ, мы усматриваемъ между тѣми и другими лишь то единственное отличіе, что первыя обнаруживаютъ меньшую талантливость и виртуозность въ исполненіи. Для періода черно-фигурной живописи это достаточно становится очевиднымъ, если сравнить извѣстные пинаки Берлинскаго музея [1]) съ любою черно-фигурною вазою. Сравненіе акропольскаго пинака съ вазами Финтія и съ бѣлыми лекиѳами показываетъ это съ достаточною силою для эпохи строгаго красно-фигурнаго стиля. Все превосходство монументальной живописи надъ вазовою того же періода блестяще показываетъ и сравненіе любой фигуры Ники, столь часто встрѣчающейся въ композиціяхъ строгаго стиля, съ роскошною фигурою богини на фрагментѣ щита въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ. Намъ, впрочемъ, уже пришлось видѣть превосходство монументальнаго искусства надъ ремесленнымъ этого времени, когда мы говорили объ отношеніяхъ метоповъ Сокровищницы аѳинянъ въ Дельфахъ къ аттической вазовой живописи (ср. гл. III).

Несмотря на то, что мы имѣемъ до сихъ поръ такъ мало памятниковъ, которые съ большимъ или меньшимъ правомъ могли бы считаться представителями монументальной живописи, намъ казалось бы непроизвольнымъ то заключеніе, что вазовая живопись въ VI и началѣ V столѣтія до Р. Хр. (періодъ черно-фигурной живописи, періодъ строгаго стиля красно-фигурной, равно какъ и однородной въ основѣ съ послѣдней живописи на бѣломъ фонѣ) всецѣло стояла подъ вліяніемъ живописи монументальной и, потому, всецѣло является ея отображеніемъ.

Таково, по крайней мѣрѣ, заключеніе, которое обязываетъ сдѣлать исторія и анализъ техники сохранившихся памятниковъ. Въ такомъ случаѣ вазы съ бѣлой облицовкой получаютъ особенное значеніе.

Между тѣмъ какъ появленіе красно-фигурной техники послѣ черно-фигурной, какъ бы мы ни объясняли его, является нѣсколько неожиданнымъ, на вазахъ съ бѣлой облицовкой переходъ отъ живописи силуэтами къ живописи контурной является строго постепеннымъ: здѣсь мы видимъ, какъ послѣдовательно, какъ совершенно органически черно-фигурная техника смѣнилась новою. У фигуръ части, которыя окрашивались чернымъ лакомъ, все болѣе и болѣе сокращаются, пока, наконецъ, черный лакъ не остается только для окраски мелкихъ второстепенныхъ предметовъ, или даже пока весь ри-

[1]) Ср. Girard, Peinture, 150 слл.

сунокъ не дѣлается только въ контурахъ, и черная окраска не исчезаетъ совершенно. Красно-фигурная живопись позволяетъ намъ наблюдать въ длинномъ рядѣ переходныхъ стадій отъ одной техники къ другой лишь двѣ послѣднія.

Насколько тѣсно связаны между собою черно-фигурная техника съ одной стороны и контурная на бѣломъ фонѣ съ красно-фигурною, съ другой, наглядно показываютъ саркофаги изъ Клазоменъ [1]). Въ росписи ихъ мы видимъ примѣненіе разомъ всѣхъ трехъ техникъ на однихъ и тѣхъ же экземплярахъ: черно-фигурной, контурной на свѣтломъ фонѣ и красно-фигурной (т. е. такой, гдѣ фигура выдается свѣтлымъ силуэтомъ на темномъ фонѣ). Значеніе этихъ саркофаговъ заключается въ томъ, что они ясно доказываютъ одновременное существованіе этихъ трехъ техникъ, ихъ примѣненіе въ однѣхъ и тѣхъ же мастерскихъ и всю ихъ родственность и тѣсную связь.

Время клазоменскихъ саркофаговъ — вторая половина VII-го и VI-й вѣкъ до Р. Хр. [2]). Мы видѣли раньше, что новая техника на аттическихъ вазахъ является въ концѣ VI и началѣ V вѣка подъ вліяніемъ работавшаго въ Аѳинахъ клазоменскаго художника Кимона, котораго Плиній называетъ „Cleonaeus“ [3]).

Аттическіе бѣлые лекиѳы съ рисунками, исполненными въ смѣшанной техникѣ (контуръ и силуэтъ) или только въ контурахъ, какъ мы видѣли, дѣлались уже въ періодъ строгаго стиля. Мы видимъ ихъ и въ періодъ стиля нереходнаго.

Что касается стороны технической, она остается въ переходномъ стилѣ такою же, какою была въ строгомъ. Это достаточно видно изъ сравненія, напр., лекиѳовъ 2 А 4, 5 и 6—строгаго стиля—съ лекиѳомъ 2 А 1, который является представителемъ стиля переходнаго. Въ стилѣ рисунка переходные лекиѳы, равнымъ образомъ, какъ и килики, тѣсно примыкаютъ къ строгимъ.

На ряду съ лекиѳами, у рисунковъ которыхъ употребляется для окраски нѣкоторыхъ частей (одеждъ и другихъ предметовъ) черный лакъ и его разведенія, издавна дѣлались и такіе, гдѣ для той же цѣли

[1]) Ср. особ. саркофагъ Берлинскаго музея; Ant. Denkm., II, Taf. 25. Ср. Winter, Arch. Anz., XI (1896), 102 сл.

[2]) Ср. S. Reinach, Rev. d. et. grecques, VIII (1895), ук. м.

[3]) Ср. Zahn, Ath. M., XXIII (1898), 77 слл. Если лекиѳъ 2 А 1 относится къ 470—460 г., то лекиѳъ, изданный у Furtwängler, Meisterw.. 280, 35, относится къ болѣе раннему времени. Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 173, 21. Вообще 450 годъ, какъ приблизительное время появленія чистаго контурнаго рисунка, нельзя никоимъ образомъ принимать, какъ того хотѣлъ Фуртвенглеръ (Meisterw., 281).

употреблялись краски. Техническія затрудненія, мѣшавшія вазовымъ мастерамъ сначала подражать полихроміи современной имъ живописи, мало-по-малу исчезли. Однако, сохранившіяся вазы показываютъ съ какой постепенностью полихромія проникала въ вазовую живопись, и какъ мало красокъ было на первыхъ порахъ въ распоряженіи у керамистовъ.

Однимъ изъ древнѣйшихъ сосудовъ съ полихромной живописью на бѣломъ фонѣ является алабастръ работы Пасіада (Πασιάδης ἐποίησεν въ Британскомъ музеѣ (B 668) [1]). Рисунокъ у него сдѣланъ лишь черной и желтой красками, представляющими разведеніе обыкновеннаго чернаго лака вазовой живописи.

Попытки полихромной живописи видимъ далѣе на нѣкоторыхъ вазахъ — какъ и алабастръ Пасіада, конца строгаго стиля — въ Берлинскомъ музеѣ (№№ 2252, 2257, 2259) [2]), на алабастрѣ съ надписью Χαίριππος καλός въ Британскомъ музеѣ [3]), на лекиѳѣ въ Луврѣ (ср. Pottier у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, къ pl. XI [4]) и т. д.

Стремленіе вводить въ рисунокъ для оживленія краску можно видѣть даже и на рисункахъ красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля. Однако, красокъ примѣняется на нихъ лишь очень мало [5]).

Все это указываетъ, по нашему мнѣнію, довольно ясно, на то, что греческіе вазовые мастера строгаго стиля всегда желали украшать вазы и полихромною живописью; такъ какъ техническія затрудненія долго не позволяли имъ употреблять краски, которыми пользовалась монументальная живопись, они вынуждены довольствоваться тѣми цвѣтами, которые получаются при разбавленіи лака, употреблявшагося обыкновенно въ вазовой живописи, и пурпурною краскою, тоже издавна уже примѣнявшейся для окрашиванія вазовыхъ рисунковъ.

Такимъ образомъ, и на древнѣйшихъ полихромныхъ киликахъ и на древнѣйшихъ лекиѳахъ, въ рисункахъ которыхъ употреблялась полихромія, красками служатъ только обычный лакъ вазовой живописи

---

[1]) J. Hell. st., VIII (1887), pl. 82; Murray, Wh. V., pl. XVIII, A.

[2]) На лекиѳѣ № 2252 (изд. Фуртвенглеромъ въ A. Z., 1880, Taf. 11. стр. 134 слл.) желтовато-коричневымъ сдѣланы складки хитона женщины, желтоватымъ — складки на гиматіи мужчины. На алабастрѣ № 2257 накладной бѣлой краской сдѣланы тѣло, хитонъ и повязка на головѣ дѣвушки. На алабастрѣ № 2259 (A. Z., 1882, 214) красная краска примѣнена для хламидъ Париса и Гермія и для оборки на гиматіи Аѳины.

[3]) Брит. муз., D 15; концы волосъ у юношей, шерсть собаки сдѣлана разбавленнымъ лакомъ (желто-коричневымъ).

[4]) Здѣсь — тѣ же краски, что̀ на алабастрѣ Пасіада. См. Pottier, ук. м.

[5]) Извѣстно, какъ часто въ строгомъ красно-фигурномъ стилѣ употребляются ретуши, сдѣланныя пурпурно-красной краской. Красокъ, кромѣ пурпурнаго, красно-фигурная живопись не употребляетъ, но получаетъ коричневатые тона разбавленіемъ лака. Ср. предыдущія прим.

(дающій черный, бурый и желтый цвѣта и ихъ оттѣнки) и пурпурная краска. Вслѣдствіе этого лекиѳы въ рисункахъ которыхъ употребляется лишь черная лаковая краска для окрашиванія одеждъ и другихъ предметовъ, образуютъ по техникѣ одну группу съ лекиѳами, на которыхъ для тѣхъ же цѣлей употребляется пурпурная краска: окрашиваніе одеждъ и т. п. пурпурной краской (вмѣсто черной лаковой) не вноситъ еще ничего существенно новаго. Но какъ бы то ни было, лекиѳы, на которыхъ является пурпурная краска для одеждъ, мы можемъ считать первыми полихромными лекиѳами.

Примѣрами ихъ могутъ служить лекиѳы 2 А 7—12 нашего списка. Какъ и у лекиѳовъ перваго разряда (2 А 1—6) нашей группы, контуры фигуръ здѣсь выполняются лакомъ; нѣкоторыя части въ рисункѣ и здѣсь еще окрашиваются тѣмъ же лакомъ (въ очень густомъ его разведеніи), чтò и у лекиѳовъ перваго разряда: волосы Ники, капитель алтаря на 2 А 10, гиматій лѣвой фигуры, хитонъ правой, волосы обѣихъ фигуръ, фіала, висящая между фигурами тенія, колонна— на 2 А 11. Какъ складки хламиды эфеба на лекиѳѣ 2 А 1, складки чернаго гиматія у лѣвой фигуры на 2 А 11 обозначены темно-красными линіями.

Темно-красная краска примѣнена еще на этой вазѣ для теніи, надѣтой на женщинѣ слѣва, для энохои, которую эта женщина держитъ въ своей правой рукѣ, и для гиматія сидящей женщины. Наконецъ, бѣлой краской обозначены складки на черномъ хитонѣ правой фигуры и детали на окрашенной чернымъ же колоннѣ. На лекиѳѣ 2 А 10 темно-краснымъ сдѣлана кайма на нижней части хитона, и розовымъ— гиматій Ники. Складки на ея хитонѣ обозначены темно-коричневымъ (разведеніе чернаго лака). Для пламени взяты черный и красный. На лекиѳѣ 2 А 12 шляпа и хламида юноши сдѣланы пурпурной краской; драпри на хламидѣ обозначены чернымъ лакомъ. Колонна выкрашена бѣлымъ, а детали на ней выписаны разбавленнымъ лакомъ.

Тѣсно связаны съ группой лекиѳовъ 2 А 1—6 и тѣ лекиѳы, въ рисункѣ которыхъ чернымъ лакомъ (иногда красной или пурпурной краской) окрашиваются лишь второстепенные предметы, тогда какъ все остальное дѣлается лишь въ контурахъ. Сюда относятся лекиѳы 2 А 13—46, 108—111 нашего списка. И такого рода лекиѳы дѣлались уже въ строгомъ стилѣ.

Форма сосуда, его орнаментація, бѣло-кремовая сравнительно прочная облицовка, на которой исполняется рисунокъ, лакъ, которымъ дѣлается рисунокъ, сюжеты и стиль рисунковъ не оставляютъ сомнѣнія,

что и эта группа—произведеніе той же эпохи, какъ и прежде названныя, и весьма близко стоящихъ къ нимъ мастерскихъ.

Контурный рисунокъ у древнѣйшихъ лекиѳовъ названныхъ группъ исполнялся такими же линіями, какими пишетъ строгій красно-фигурный стиль. Эти линіи очень густого чернаго лака и выдаются надъ фономъ рисунка. Мы будемъ называть ихъ поэтому рельефными линіями. Линіи эти дѣлались перомъ [1]).

Рельефныя линіи, впрочемъ, оставались очень недолго. Примѣрами лекиѳовъ съ рисунками, которые исполнены рельефными линіями, являются наши лекиѳы 2 А 5, 13, 14, 15. На лекиѳахъ 2 А 1, 6, 10, 11, 12 [2]) рельефныя линіи уступили уже мѣсто плоскимъ линіямъ, которыя не выдаются почти надъ поверхностью фона. Плоскія линіи проводились не перомъ, а кистью.

Рельефныя линіи и на киликахъ съ бѣлой облицовкой внутри употребляются лишь на древнѣйшихъ экземплярахъ и скоро уступаютъ свое мѣсто плоскимъ линіямъ.

Какъ и у бѣлыхъ киликовъ, контуры рисунковъ у бѣлыхъ лекиѳовъ, которые мы знаемъ до сихъ поръ (2 А 1—45, 108—111), дѣлаются различными разведеніями лака и оттого имѣютъ различный цвѣтъ. На лекиѳахъ 2 А 1—7, 13—16, 18—24 главные контуры сдѣланы густымъ растворомъ лака, который даетъ черный цвѣтъ. Болѣе слабое разведеніе лака (темно- и свѣтло-бураго цвѣта и даже желтоватаго) видимъ у контуровъ фигуръ на лекиѳахъ 2 А 8 — 11, 17, 25 — 46, 108 — 111. Надобно замѣтить при этомъ, что трудно найти нѣсколько лекиѳовъ, у которыхъ разбавленія лака для рисунка или для орнамента были бы вполнѣ тождественны. И это вполнѣ понятно потому, что древніе не знали тѣхъ механическихъ способовъ изготовленія, которые даютъ возможность дѣлать совершенно одинаковыя вещи на современныхъ фабрикахъ.

По стилю рисунковъ, всѣ лекиѳы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, еще принадлежатъ или послѣднему періоду строгаго стиля (2 А 4—6, 13—15, 23, 24, 26, 34), или же переходному (2 А 1—3, 7—12, 16—22, 25, 27—33, 35—46, 108—111).

Рисунокъ 11-й представляетъ картину, украшающую лекиѳъ

---

[1]) Для этого брались весьма тонкія перья бекасовъ. Гартвигъ дѣлалъ объ этомъ докладъ въ Германскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Римѣ 23 апрѣля 1897 года. Ср. Röm. M., XII (1897), 88.

[2]) Уже на берлинскомъ лекиѳѣ № 2252 видимъ не рельефныя линіи, а широкіе плоскіе мазки. Ср. Furtwängler, A. Z., 1880, 134. Ср. 2 А 7, 15. Ср. Wright Amer. Journ. of archaeology, II, 404 сл.

2 А 21 (Берл., 2251). На лекиѳѣ изображена Аѳина. Богиня стоитъ корпусомъ въ фасъ; голову она повернула влѣво; въ лѣвой рукѣ у нея ея шлемъ (кориѳской формы); въ правой—копье, которое она держитъ нѣсколько прислонивъ къ рукѣ. Короткіе волосы Аѳины повязаны двумя лентами. Одеждами у Аѳины служатъ іоническій длинный хитонъ и сверху него короткій дорическій; поверхъ послѣдняго надѣта была, вѣроятно, еще эгида [1]). Налѣво отъ богини стоитъ ея щитъ, прислоненный къ столбу; надъ щитомъ виситъ тенія. Направо отъ Аѳины изображенъ

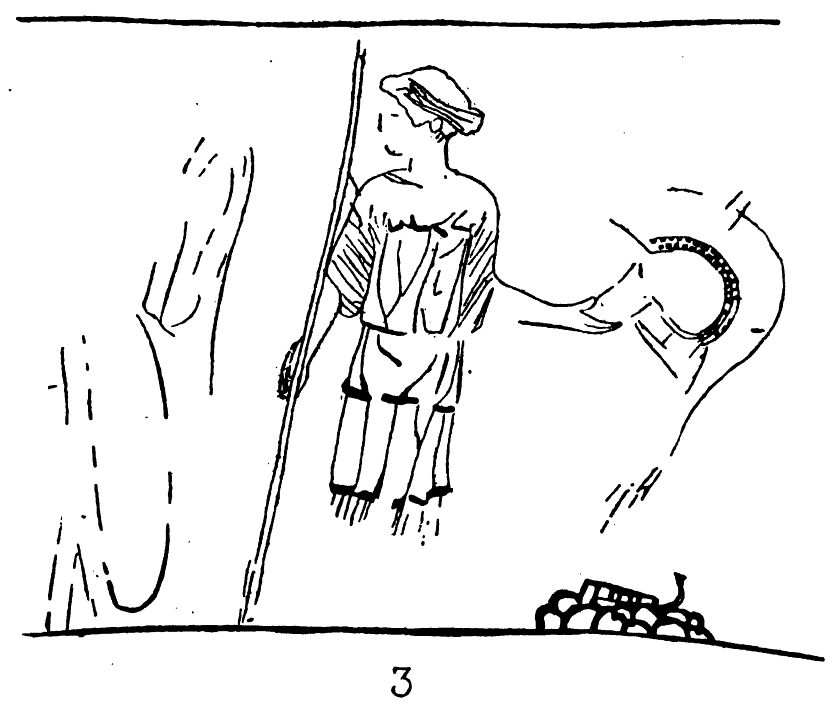


Рис. 11. Картина на бѣломъ лекиѳѣ Берлинскаго музея № 2251 (2 А 21).

низкій жертвенникъ изъ мелкихъ камней, на которомъ лежитъ ὀσφῦς. Насколько позволяютъ судить сохранившіеся остатки лица, Аѳина на нашемъ лекиѳѣ была еще довольно строгаго типа. Что касается постановки, то въ ней нѣтъ еще той свободы, которую мы наблюдали въ прекрасномъ стилѣ: по постановкѣ, фигура Аѳины все еще близка къ фигурамъ строгаго стиля [2]). Зато трактовка одежды весьма замѣчательна; здѣсь уже замѣтенъ весьма большой прогрессъ. Правда, въ мелкихъ складкахъ рукавовъ и нижней части іоническаго хитона чувствуется еще,

[1]) Ср. Furtwängler, Vasensammlung im Antiquarium, II, 526 (къ № 2251).
[2]) Ср. W. Bl., V, 7 (Harrison, Greek vase paintings, XIII, 2); Gerhard, A. V., 224—226 (Harrison, ук. с., XVII) и т. д.

что мы не далеко ушли отъ архаическихъ параллельныхъ складокъ, но дорическій хитонъ трактованъ свободно [1]). Въ эпоху 480—450 гг. какъ показалъ Фуртвенглеръ [2]), Аѳина весьма часто изображалась такъ, какъ мы ее видимъ на лекиѳѣ 2 А 21, въ аттическомъ искусствѣ [3]).

Весьма близокъ по стилю и техникѣ къ лекиѳу 2 А 21 лекиѳъ въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (№ 1049) изъ Эретріи (2 А 22). Какъ общая композиція, такъ и трактовка фигуръ (постановка, складки одежды, типъ лица и т. д.) ясно говорятъ, что оба лекиѳа сдѣланы однимъ мастеромъ. Лекиѳъ 2 А 22 замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ мы впервые видимъ картину, несомнѣнно относящуюся къ культу умершихъ: дѣвушка съ корзинкой той формы, которая обыкновенно, какъ увидимъ далѣе, употреблялась при культѣ умершихъ, стоитъ около лутрофора, служащаго здѣсь могильнымъ памятникомъ [4]).

Рис. 12. Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Cabinet d. médailles въ Парижѣ (2 А 35).

Весьма интересна картина лекиѳа 2 А 35 (рис. 12). Передъ нами убѣгающій и оглядывающійся назадъ воинъ въ одеждѣ, въ которой греческіе мастера изображали различныхъ варваровъ. На головѣ у него надѣтъ башлыкъ; куртка съ длинными рукавами и штаны варвара украшены зигзагами, квадратиками, ломанными и прямыми линіями, образующими узоръ; очевидно, одежды варвара вышиты. Въ лѣвой рукѣ у него лукъ; правую руку воинъ вытянулъ влѣво: онъ только что пустилъ

---

[1]) Мы не понимаемъ, почему Фуртвенглеръ (въ своемъ каталогѣ вазъ Берлинскаго музея, къ № 2251) причисляетъ нашъ лекиѳъ къ вазамъ строгаго стиля; объ одеждѣ Аѳины онъ самъ же говоритъ: «Gewand bereits in ganz freiem Stile».

[2]) Furtwängler, Meisterw., 22 сл.

[3]) Перечень памятниковъ см. у Фуртвенглера, ук. м.

[4]) Ср. Wolters, Ath. M., XVI (1891), 389 сл.

стрѣлу и убѣгаетъ. По типу, варваръ, изображенный на лекиѳѣ 2 А 35, близокъ къ ѳракійцу, нарисованному на наружной сторонѣ килика съ бѣлой облицовкой въ Аѳинахъ (1 А 2; J. Hell. st., IX (1891), pl. VI); однако костюмъ его совершенно другой. Принимая это въ соображеніе и судя по сравнительно невысокому башлыку, который надѣтъ на варварѣ, мы должны усматривать въ фигурѣ на нашемъ лекиѳѣ скорѣе перса, чѣмъ скиѳа или ѳракійца [1]). Поза, въ которой изображенъ персъ на картинѣ лекиѳа 2 А 35, хорошо извѣстна въ греческой вазовой живописи. Мы уже знаемъ ее по лекиѳу 2 А 1. Какъ показываетъ сравненіе съ другими вазовыми картинами [2]), въ такой позѣ изображались обыкновенно преслѣдуемые. Картины лекиѳовъ 2 А 1 и 2 А 35 производятъ впечатлѣніе, что онѣ копируютъ фигуры какой-нибудь композиціи, въ которой былъ изображенъ и преслѣдователь. Что касается въ частности лекиѳа 2 А 1, то нетрудно замѣтить весьма большое сходство фигуры изображеннаго на немъ эфеба съ Кефаломъ, котораго преслѣдуетъ Эосъ, на композиціи, столь часто встрѣчающейся въ вазовой живописи V вѣка [3]). И мастеръ лекиѳа 2 А 35 скопировалъ фигуру перса съ какой-нибудь композиціи, изображавшей пораженіе варваровъ [4]). Стиль рисунка на лекиѳѣ 2 А 35, нѣсколько небрежный, стоитъ на томъ же уровнѣ развитія, какъ картины наружныхъ сторонъ килика 1 А 2: и тамъ и здѣсь уже видимъ правильное изображеніе глаза въ профиль. Какъ лекиѳы 2 А 21 и 22, лекиѳъ 2 А 35 принадлежитъ переходному стилю, времени вазъ съ надписью Γλαύκων καλός (1 А 1—3; 2 А 1—3). Къ этому же времени, т. е. къ 470—460 гг. относятся и лекиѳы 2 А 7—12, 16—20, 25, 27—33, 36—46, 108—111. Лекиѳы 2 А 4—6, 13—15, 23, 24, 26 и 34 ихъ только немногимъ старше (прибл. 480—470 гг.).

По техникѣ, сюжетамъ рисунковъ, ихъ стилю и орнаментаціи къ лекиѳамъ 2 А 1—46, 108—111 примыкаетъ группа лекиѳовъ 2 А 47—107 нашего списка вазъ. Эта группа въ общемъ того же

---

[1]) Ср. Löwy, Jahrb. d. Inst., III (1888), 139 сл.; Wolters, Ath. M., XVII (1892), 435.

[2]) Ср. J. Hell. st., X (1889), pl. I (Harrison, Greek vase paintings, pl. XXIV); Брит. м., E 65 (W. Bl., VIII, 6; Harrison, ук. с., pl. XXVII); A. Z., 1883, Taf. 12 (нашъ рис. 4); A. Z., 1878, Taf. 12; Неаполь. М. В., 2421 (Schulz, Amazonenvase; ср. фигуры въ верхнемъ ряду); Gerhard, A. V., 329—330 и т. д.

[3]) Ср., напр., Welcker, Alte Denkmäler, III, Taf. IX; Bullet. Napol., I, (Baum., Denkm., I, 524) и т. д.

[4]) Возможно предполагать, что фигуры лекиѳовъ 2 А 1 и 2 А 35 имѣли себѣ pendants на другихъ лекиѳахъ, составлявшихъ съ ними пары. Ср. M. Mayer, Ath. M., XVI (1891), 311 сл.

времени, какъ и первая. На фрагментѣ лекиѳа въ Боннѣ (2 A 47) надпись прославляетъ Главкона, сына Леагра (Γλαύκων καλὸς Λεάγρου), опять, какъ мы знаемъ, того самаго, имя котораго мы видѣли на киликахъ съ бѣлой облицовкой (1 A 1—3) и на бѣлыхъ лекиѳахъ первой группы (2 A 1—3).

То, что̀ выдѣляетъ лекиѳы 2 A 47—107 въ особую группу, это гораздо большее развитіе у нихъ полихроміи въ рисункѣ. Техническія затрудненія еще меньше стѣсняютъ, и мастера становятся въ состояніи подражать высокому искусству съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше, и давать, подобно современной имъ живописи, полихромныя картины. Нельзя, однако, не замѣтить, какъ послѣдовательно развился полихромный рисунокъ на лекиѳахъ и какъ сильно группа 2 A 47—107 зависитъ отъ группы 2 A 1—46.

Мы уже отмѣтили въ послѣдней группѣ лекиѳы 2 A 7—12, на которыхъ для окрашиванія одеждъ и другихъ предметовъ, на—ряду съ чернымъ лакомъ, употребляются пурпурная и красная краски: лекиѳы 2 A 7—12, по употребленію красокъ, составляютъ, такимъ образомъ, одну группу съ бѣлыми киликами (1 A 1 слл.). Лекиѳы 2 A 47—107 развиваютъ далѣе то, что̀ въ зачаткахъ является на древнѣйшихъ полихромныхъ лекиѳахъ (2 A 7—12), совершенствуютъ старое и вводятъ новое. Вмѣстѣ съ развитіемъ полихромной техники развивается и стиль рисунковъ, измѣняется орнаментація лекиѳовъ и ихъ форма.

Лекиѳы новой группы можно раздѣлить на два рѣзко различныхъ разряда. Къ первому относятся лекиѳы 2 A 47—86; ко второму—остальные. Первый разрядъ отличается отъ второго тѣмъ, что употребляетъ въ рисункѣ особую ярко-бѣлую накладную краску для окрашиванія лица и тѣла женскихъ фигуръ [1]). Первый разрядъ по стилю рисунковъ въ общемъ старше, чѣмъ второй, рисунки на нѣкоторыхъ лекиѳахъ котораго принадлежатъ уже развитому прекрасному стилю, между тѣмъ какъ многіе изъ лекиѳовъ перваго разряда примыкаютъ еще близко къ вазамъ строгаго стиля.

На лекиѳахъ 2 A 48, 49, 52—56, 62—64, 75, 78—81, 86 мы видимъ еще рядомъ съ красками черный лакъ, который употребляется для окраски хитоновъ или гиматіевъ—пережитокъ черно-фигурной техники. На лекиѳѣ 2 A 68 красокъ еще совсѣмъ нѣтъ, кромѣ бѣлой, которая примѣнена для тѣла женщины. Лекиѳъ 2 A 65 равнымъ образомъ имѣетъ въ рисункѣ только одну бѣлую краску (для тѣла

[1]) Намъ извѣстенъ лишь одинъ лекиѳъ, гдѣ бѣлою краской выкрашено тѣло юноши (Ореста): это—2 A 75.

женщины и для теніи, которую она держитъ въ рукахъ) и примыкаетъ непосредственно къ группѣ лекиѳовъ 2 A 13—46. Весьма часто употребляется на лекиѳахъ перваго разряда нашей группы черный лакъ и для окраски второстепенныхъ предметовъ. На рисункѣ лекиѳа 2 A 66 лакомъ выкрашены сосуды, на 2 A 67—стулъ, цвѣтокъ, калаѳъ, на 2 A 69—кресло, лекиѳъ и гранатовое яблоко, на 2 A 74—факелъ, его огонь, колосья, скипетръ, фіала, выливающаяся изъ нея жидкость, на 2 A 76—энохоя и стулъ, на 2 A 77—лекиѳъ, тенія на стелѣ, лента въ лѣвой рукѣ у дѣвушки, палка юноши, на 2 A 79—лекиѳъ, тенія (что въ корзинкѣ), самая корзинка и т. д. Перечисленныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ близка еще наша группа лекиѳовъ къ лекиѳамъ старшей группы (2 A 13 сля.). Замѣтимъ, что и въ примѣненіи бѣлой накладной краски для тѣла женскихъ фигуръ на лекиѳахъ 2 A 47—86 сказывается еще знаніе традицій черно-фигурной техники. Очевидно, мастера лекиѳовъ въ желаніи приблизиться къ полихромнымъ оригиналамъ современной имъ живописи пользовались всѣмъ, что̀ имъ представлялъ опытъ ихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ, въ примѣненіи бѣлой краски въ рисункѣ они прямо зависятъ отъ мастеровъ черно-фигурныхъ вазъ.

Какъ и на черно-фигурныхъ вазахъ, мы видимъ иногда на нашихъ лекиѳахъ примѣненіе бѣлой краски для одеждъ, теній и другихъ мелкихъ предметовъ. На лекиѳѣ 2 A 77 бѣлымъ былъ окрашенъ могильный памятникъ; на 2 A 52 бѣлымъ сдѣланы аистъ, алабастръ и никсида въ рукахъ женщины (налѣво), ножки стула, теніи, на 2 A 76—тенія и уборъ (въ рукахъ женщины), на 2 A 70—акротерія алтаря и горизонтальный рядъ точекъ на его гзимзѣ, на 2 A 80—сосуды и уборъ (въ рукахъ у сидящей женщины), на 2 A 79—нѣсколько теній, алабастръ, на 2 A 84—гиматій, на 2 A 55—ножка стула и т. д.

Какъ и на лекиѳахъ первой группы, детали на окрашенныхъ лакомъ или пурпурною и красною красками [1]) одеждахъ и предметахъ дѣлаются здѣсь большею частью краской. На черныхъ предметахъ детали обозначаются обыкновенно пурпурною краскою [2]), рѣже бѣлою (ср. лекиѳъ 2 A 67).

---

[1]) Эти краски видимъ, напр., на слѣдующихъ лекиѳахъ: 2 A 48 (повязки на головахъ), 2 A 52 (теніи, дорическій хитонъ), 2 A 53 (теніи), 2 A 56 (теніи), 2 A 66 (теніи, гиматій), 2 A 74 (гиматій Коры), 2 A 76 (гиматій). 2 A 77 (гиматій юноши, тенія на стелѣ), 2 A 78 (тенія женщины налѣво, сидѣнье стула), 2 A 79 (стулъ, тенія женщины направо, детали головной повязки), 2 A 84 (хитонъ).

[2]) Эта пурпурная краска отъ времени иногда получаетъ лиловый оттѣнокъ или выцвѣтаетъ настолько, что кажется свѣтлою. Ср. Ath. M., XV (1890), 41 сля.; Röm. M., XIII (1888), 84; Берл., 2443 и др.

*

Примѣрами перваго могутъ служить лекиѳы 2 А 48, 52, 54, 56, 64, 78 [1]), 80, 81. Детали на предметахъ, окрашенныхъ пурпурною и красною красками, обозначаются линіями того или другого разведенія лака. Такъ, на красныхъ крыльяхъ Ники на лекиѳѣ 2 А 70 видимъ черныя точки. Точно также довольно густымъ разведеніемъ лака, темно-коричневымъ, сдѣланы складки хитона (который — красный) на лекиѳѣ 2 А 81; красный хитонъ съ темно-коричневыми складками видимъ также у Ники на фрагментѣ лекиѳа въ Тарентскомъ музеѣ (2 А 84).

Разбавленный лакъ употребляется для обозначенія деталей и на предметахъ, окрашенныхъ краскою, полученною отъ смѣшенія пурпурной краски съ чернымъ лакомъ. Эта краска употребляется, главнымъ образомъ, для второстепенныхъ предметовъ [2]). Послѣдніе красятся иногда разбавленнымъ лакомъ [3]).

Лакомъ обыкновенно окрашиваются волосы фигуръ [4]). Иногда для общей массы волосъ берется довольно густое разведеніе лака, а концы ихъ обозначаются разбавленнымъ лакомъ [5]).

У всѣхъ лекиѳовъ нашей группы (какъ перваго, такъ и второго ея разрядовъ) контуры рисунковъ дѣлаются лакомъ того или другого разведенія. Весьма часто въ одномъ и томъ же рисункѣ контуры имѣютъ то желтоватый оттѣнокъ, то коричневатый, то даже черный. Дѣлая контуры неодинаковыми по цвѣту, мастера, какъ увидимъ ниже, стремились дать болѣе рельефа своимъ фигурамъ, старались ихъ моделировать.

Вполнѣ завися въ техникѣ рисунка отъ старой группы вазъ, новая группа, какъ мы сказали уже, развиваетъ эту технику далѣе: полихромія все болѣе и болѣе усиливается, краски все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе начинаютъ вытѣснять лакъ изъ рисунка, все замѣтнѣе и замѣтнѣе становятся стремленія къ моделировкѣ.

Однимъ изъ наиболѣе развитыхъ по техникѣ и по стилю рисунка являются въ первомъ разрядѣ нашей группы фрагменты лекиѳа въ Боннѣ (2 А 47), на которыхъ читается надпись: Γλαύκων καλὸς Λεάγρου. Но если эта надпись ставитъ фрагменты лекиѳа 2 А 47 въ связь съ бѣлыми киликами 1 А 1—3, по техникѣ рисунка фрагменты въ Боннѣ

---

[1]) Здѣсь, кромѣ складокъ, пурпурными линіями исправлены еще контуры выкрашеннаго въ черный цвѣтъ хитона женщины (направо). Ср. Ath. M., XV (1890), 48.

[2]) Ср. лекиѳы 2 А 48 (висящее на стѣнѣ полотенце), 2 А 47 (стулъ). Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 173.

[3]) Ср. лекиѳы 2 А 53 (стулъ), 2 А 66 (стулъ), 2 А 80 (стулъ) и т. д.

[4]) Ср. лекиѳы 2 А 48, 2 А 51, 2 А 65, 2 А 77, 2 А 81 и т. д.

[5]) Ср. лекиѳы 2 А 47, 71.

являются уже наслѣдниками этихъ киликовъ и обнаруживаютъ несомнѣнный прогрессъ. Здѣсь нѣтъ уже частей въ рисункѣ, сдѣланныхъ лишь въ контурахъ, здѣсь—полная полихромія.

Рис. 13. Фрагментъ бѣлаго лекиѳа въ Боннскомъ музеѣ (2 A 47).

На лекиѳѣ 2 A 47 (рис. 13) изображена была женщина, сидящая въ креслѣ (κλισμός); въ рукахъ у нея—ожерелье. Передъ нею стояла еще женщина, какъ это видно по сохранившейся внизу на рисункѣ (направо) правой

ступнѣ. Передъ нами, безъ всякаго сомнѣнія, остатокъ композиціи, очень распространенной въ V вѣкѣ на надгробныхъ рельефахъ и на лекиѳахъ разсматриваемой нами группы [1]): это—госпожа со служанкой; послѣдняя на нашей картинѣ, конечно, была представлена стоящею передъ госпожей, которая сидитъ въ креслѣ, и, вѣроятно, принесшею въ шкатулкѣ, какъ обычно видимъ на вазовыхъ картинахъ, различные предметы, необходимые для туалета; госпожа только что вынула изъ шкатулки ожерелье и намѣрена его надѣть на себя. Браслеты она уже надѣла на ту и другую руку [2]). Прическа ея также уже готова: голова повязана широкимъ чепцомъ, изъ-подъ котораго выходятъ на лобъ и виски локоны; сзади на затылкѣ также небольшія отдѣльныя пряди волосъ выступаютъ изъ-подъ чепца; наконецъ, сзади же изъ чепца выпущенъ довольно большой пукъ волосъ, который свѣшивается надъ затылкомъ. Чепецъ, надѣтый на головѣ—бѣлый, и по нему орнаменты (линіи, точки, зигзаги) сдѣланы разбавленнымъ лакомъ (они—частью желтоватыхъ, частью коричневатыхъ оттѣнковъ) [3]). Одеждами у женщины служатъ—красный іоническій хитонъ [4]) и свѣтло-коричневый гиматій. Складки на послѣднемъ обозначены темно-коричневымъ. Кресло выкрашено пурпурною краской, а детали на немъ обозначены слегка разбавленнымъ лакомъ. Лента ожерелья (какъ и всѣ контуры рисунка) сдѣлана тоже слегка разбавленнымъ лакомъ. Бусы ожерелья сдѣланы пурпурной краской. Локоны, видимые изъ-подъ чепца спереди,—свѣтло-коричневые; напротивъ, пукъ волосъ сзади —темно-коричневый (густое разведеніе лака). Замѣчательны по тонкости и аккуратности контуры головы, рукъ и ногъ. Очевидно, мастеръ вначала покрылъ эти части рисунка бѣлой блестящей краской и затѣмъ уже сдѣлалъ у нихъ контуры. У частей, менѣе освѣщенныхъ, контуры сдѣланы болѣе густымъ разведеніемъ лака (ср., напр., лобъ, шею); части, сильнѣе освѣщенныя, имѣютъ контуры, сдѣланные болѣе слабымъ растворомъ лака (губы, пальцы рукъ и ногъ). Трактовка волосъ и контуровъ ставитъ лекиѳъ 2 А 47 уже выше киликовъ 1 А 1—3. Если судить по сохранившейся ступнѣ отъ второй фигуры, мастеръ лекиѳа 2 А 47 еще не зналъ схемы постановки фигуръ вполнѣ развитого прекраснаго стиля [5]). И въ трактовкѣ

---

[1]) Ср. лекиѳы 2 А 53, 57, 60, 62 и т. п.

[2]) Отъ браслета на лѣвой рукѣ сохранились лишь небольшіе остатки. Браслетъ сдѣланъ коричневымъ (разбавленный лакъ).

[3]) Это все различные оттѣнки чернаго лака.

[4]) Цвѣтъ—vermilion.

[5]) Фигура эта на лекиѳѣ 2 А 47 должна была стоять, какъ дѣвушка на лекиѳѣ 2 А 22.

глаза въ профиль онъ еще не достигъ полной свободы новаго стиля, но, несомнѣнно, преуспѣлъ въ этомъ гораздо больше уже, чѣмъ авторъ

Рис. 14. Надгробіе Филиды въ Луврѣ (найд. на Ѳасосѣ).

киликовъ 1 А 1—3. Не обладая еще вполнѣ знаніемъ свободныхъ формъ, мастеръ лекиѳа 2 А 47 не сумѣлъ на самомъ дѣлѣ придать то выраженіе удовольствія, которое онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, желалъ дать изображенной имъ женщинѣ. Равнымъ образомъ не удались ему и складки на одеждахъ, трактовка которыхъ у него вообще тяжела. Какъ и килики 1 А 1—3, фрагменты нашего лекиѳа, такимъ образомъ, являются представителями стиля переходнаго: характернымъ для послѣдняго является то, что часто мастера, воспитанные еще въ традиціяхъ строгаго стиля, не могутъ на практикѣ сдѣлать того, что совершенно ясно сознаютъ уже теоретически. Но важно и то, что они неуклонно стремятся къ свободнымъ формамъ, которыя часто уже отъ нихъ весьма недалеки.

Съ фигурой женщины на лекиѳѣ 2 А 47 весьма любопытно сравнить женскую фигуру на надгробномъ рельефѣ Филиды, дочери Клеомида, съ острова Ѳасоса въ Луврѣ (рис. 14) [1]. Всякаго съ перваго же взгляда поразитъ большое сходство какъ въ общей композиціи, такъ и въ деталяхъ. Женщина на рельефѣ представлена сидящею совершенно въ той же позѣ, какъ и на лекиѳѣ 2 А 47; она занята также туалетомъ; только вмѣсто ожерелья въ рукахъ у Филиды шкатулка, изъ которой она достаетъ ожерелье или что-нибудь подобное. Она одѣта совершенно такъ же, какъ женщина, изображенная на лекиѳѣ (хитонъ и гиматій); у нея буквально тотъ же головной уборъ: чепецъ, изъ-подъ котораго выпущены локоны спереди, и пукъ волосъ, висящій надъ затылкомъ, сзади. Указанныхъ точекъ соприкосновенія, разумѣется, недостаточно для того, чтобы утверждать, что фигура на лекиѳѣ скопирована съ фигуры рельефа. Невольно бросается въ глаза и все превосходство мастера рельефа въ Луврѣ надъ авторомъ рисунка на лекиѳѣ: у послѣдняго не видимъ ни той широты въ исполненіи, ни того изящества складокъ, ни той мягкости моделировки, ни того благородства, граціи и красоты, которыми всегда удивляетъ памятникъ Филиды. Чѣмъ же объясняется указанное сходство рисунка лекиѳа 2 А 47 и луврскаго рельефа?

Луврскій рельефъ долженъ былъ явиться въ 60-ыхъ годахъ V вѣка до Р. Хр. [2]). По стилю онъ принадлежитъ къ группѣ, которую образуютъ памятники, найденные въ сѣверной Греціи [3]). Эти памятники особенно рѣзко отличаются отъ аттическихъ.

---

[1]) Рисунокъ сдѣланъ по фотографіи Giraudon'a въ Парижѣ съ оригинала. Рельефъ былъ изданъ въ Ann., 1872, 7 m. IV, 185, и у Fröhner, Musées de France, pl. XI, стр. 76.

[2]) Ср. Collignon, Sculpture, I, 274.

[3]) Ср. Brunn, Päonios u. d. nord-griech. Kunst. Sitzungsber. d. K. bayr. Akad. d. Wissensch., 1876, 315 слл.

Бруннъ прекрасно, по нашему мнѣнію, объяснилъ своеобразный стиль этой группы памятниковъ [1]): на нихъ, несомнѣнно, сильное вліяніе живописи. Памятникъ Филиды, когда мы въ первый разъ увидали его въ Луврѣ, поразилъ насъ чрезвычайно малымъ своимъ рельефомъ и плоскостью трактовки фигуры, чтó не такъ ясно видно даже на фотографіи.

Въ противоположность аттическимъ надгробіямъ здѣсь фигура весьма мало выступаетъ надъ фономъ, который у контуровъ фигуры углубленъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; фигуры какъ бы вдавливаютъ фонъ, къ которому онѣ примыкаютъ. Въ противоположность аттическимъ рельефамъ, складки здѣсь трактованы такъ, что для нихъ не сдѣлано глубоко врѣзывающихся въ мраморъ поверхностей. Не менѣе характерна совершенно плоская трактовка волосъ, детали которыхъ обозначены не рельефомъ, а лишь выгравированы весьма тонкими линіями. Поражаетъ и совершенно плоская трактовка правой руки. Такая трактовка рельефа заставляетъ предполагать, что у него не малую роль играла краска: конечно, чепецъ на головѣ и шкатулка были окрашены; вѣроятно, окрашенъ былъ и гиматій.

На Өасосѣ, гдѣ найденъ былъ луврскій рельефъ, процвѣтала живопись съ давнихъ временъ; вся фамилія Полигнота, судя по дошедшимъ до насъ текстамъ, занималась живописью [2]). Есть тексты, указывающіе положительно и на то, что өасосскіе живописцы занимались скульптурой [3]). Луврскій рельефъ, явившійся какъ разъ въ эпоху Полигнота, весьма возможно, явился именно въ мастерской кого-нибудь изъ послѣдователей великаго мастера. Но если даже онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ какой-нибудь другой өасосской школѣ, всякій, кто знакомъ съ исторіей греческаго искусства, согласится, что на луврскомъ рельефѣ вліяніе Полигнота весьма вѣроятно.

Фрагменты лекиөа 2 А 47 должны относиться къ 470—460 годамъ, когда процвѣталъ *Γλαύκων καλὸς Λεάγρου*, т. е. ко времени работъ Полигнота въ Аөинахъ [4]).

Намъ кажется весьма правдоподобнымъ, что с х о д с т в о р и с у н к а л е к и ө а 2 А 47 с ъ р е л ь е ф о м ъ в ъ Л у в р ѣ о б ъ я с н я е т с я з а в и с и м о с т ь ю а в т о р а л е к и ө а о т ъ к а к о й - н и б у д ь к о м п о з и ц і и ш к о л ы П о л и г н о т а.

---

[1]) Brunn, ук. м.
[2]) Ср. Girard, Peinture, 155.
[3]) Plin., N. H., 34, 85 (Overbeck, SQ. 1066).
[4]) Ср. выше, гл. II.

Къ тому же времени, какъ лекиѳъ 2 А 47, относятся и другіе лекиѳы перваго разряда нашей группы (2 А 48—86). Разумѣется, невозможно сказать, какой изъ нихъ явился ранѣе, какой позже, потому что нѣкоторые мастера могли допускать въ стилѣ еще значительное количество архаизмовъ, когда у другихъ стиль былъ уже довольно свободенъ. Техника, во всякомъ случаѣ, говоритъ за то, что весь рядъ 2 А 47—86 явился на одной фабрикѣ [1]). Особенно тѣсную группу составляютъ лекиѳы 2 А 47—57, у которыхъ мы постоянно видимъ надпись, прославляющую какого-нибудь юношу (Главкопа, Дромиппа, Дифила), причемъ обозначено и его отчество (Δρόμιππος καλὸς Δρομοκλείδου и т. д.; см. списокъ вазъ) [2]). Сравнительно старше другихъ по стилю и техникѣ слѣдующіе лекиѳы: 2 А 48—61, 2 А 69 и особенно 2 А 65, 68 и 2 А 81.

Почти на той же ступени развитія, какъ у лекиѳа 2 А 47, стоитъ стиль рисунковъ лекиѳовъ 2 А 63—64. Оба эти лекиѳа весьма близки по техникѣ и орнаментаціи [3]), и, несомнѣнно, вышли изъ одной мастерской.

На лекиѳѣ коллекціи Somzée [4]) представлены двѣ женщины-музыкантши (рис. 15). Одна (налѣво) играетъ на двойной флейтѣ; другая ее слушаетъ, а сама держитъ въ лѣвой рукѣ лиру (интересенъ ея раккурсъ), а въ правой плектръ, которымъ играли на лирѣ. На флейтщицѣ надѣтъ чепецъ, по своей формѣ одинаковый съ чепцомъ, который видимъ у Афродиты на бѣломъ киликѣ Британскаго музея (1 А 3 нашего списка). Чепецъ бѣлый и украшенъ крестиками (разбавленнымъ лакомъ желтоватаго цвѣта); по трактовкѣ онъ напоминаетъ чепецъ, надѣтый на женщинѣ лекиѳа 2 А 47.

Локоны, выступающіе изъ-подъ чепца, трактованы уже весьма свободно. На флейтщицѣ надѣтъ хитонъ съ большимъ отворотомъ, сверхъ котораго надѣтъ поясъ. Отворотъ окрашенъ лаковой разведенной краской, которая здѣсь имѣетъ блѣдный зеленовато-желтый цвѣтъ; самый хитонъ—краснаго цвѣта. На другой женщинѣ надѣтъ черный дорическій хитонъ съ тяжелыми, крупными складками (послѣднія обозначены краской); на головѣ у нея—чепецъ (сдѣланъ лишь въ контурахъ). Волосы у этой женщины (какъ и у первой сдѣланы лакомъ, но болѣе густого разведенія) трактованы совершенно, какъ у женщины на лекиѳѣ 2 А 47. Послѣдній лекиѳъ близокъ къ лекиѳу 2 А 61 и по трактовкѣ глаза.

[1]) Ср. Weisshäupl, Ath. M., XV (1890), 47 слл.
[2]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 164 слл.
[3]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 170.
[4]) Нашъ рисунокъ сдѣланъ по нашей калькѣ съ таблицы въ изданіи Фрёнера.

Нельзя не замѣтить еще большой близости рисунка на лекиѳѣ 2 А 64 къ рисункамъ на вазахъ строгаго стиля. Фигура флейтщицы еще зависитъ сильно отъ фигуры на вазѣ Гіерона (Gerhard, Trinksch., V)[1]. И въ постановкѣ фигуръ еще далеко нѣтъ свободы. Фигура женщины

Рис. 15. Картина на лекиѳѣ коллекціи Somzée въ Брюсселѣ (2 А 64).

съ лирой, поставленная въ фасъ, весьма жестка: обѣ ступни (та и другая изображены въ фасъ) плотно прилегаютъ къ землѣ; мастеръ еще не умѣлъ изобразить спокойно стоящую фигуру правильно, хотя

[1]) Ср. еще строгія вазы у Stackelberg, Gräber d. Hellenen, Taf. 22, 1; 35, 3.

мы совершенно ясно можемъ видѣть, что намѣревался дать онъ. Нельзя не замѣтить, что лѣвое плечо женщины съ лирой опущено нѣсколько ниже праваго; нельзя не замѣтить также и того, что вся верхняя половина фигуры нѣсколько подалась вправо, вслѣдствіе чего правая сторона ея нѣсколько выгибается. Легко замѣтить и разницу въ трактовкѣ складокъ на правой и лѣвой половинѣ въ нижней части хитона. Складки у правой ноги характеризуютъ свободно висящую матерію; наоборотъ, хитонъ прилегаетъ непосредственно къ лѣвой ногѣ; по тому, какъ мастеръ трактовалъ складки хитона, совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ представить лѣвую ногу согнутою въ колѣнѣ. А это вмѣстѣ съ выгибомъ туловища влѣво и съ пониженіемъ лѣваго плеча прямо говоритъ за то, что мастеръ стремился поставить фигуру такъ, чтобы вся тяжесть ея тѣла покоилась на одной правой ногѣ.

Несомнѣнный прогрессъ представляетъ рисунокъ на лекиѳѣ 2 А 64 и въ выраженіи фигуръ. Типы лицъ здѣсь — дальнѣйшее развитіе типовъ, которые мы видѣли на бѣлыхъ киликахъ 1 А 1—3, 5, 16. Въ первый разъ мы видимъ въ греческой керамикѣ, что фигуры связаны между собою духовно, а не внѣшнимъ образомъ, какъ въ архаическомъ стилѣ. Женщина съ лирой въ рукахъ дѣйствительно смотритъ на другую и слушаетъ ея игру. Любопытна трактовка лица флейтщицы съ надутыми щеками и напряженными глазами.

Надпись, находящаяся на лекиѳѣ между обѣими фигурами, прославляетъ прекраснаго Акесторида (Ἀκεστορίδης καλός).

Фигуры на лекиѳѣ 2 А 63 по типу близки къ фигурамъ на извѣстномъ кратерѣ изъ Орвіето въ Луврѣ. Какъ и на лекиѳѣ 2 А 64, рисунокъ на 2 А 63 отличается тонкостью, жизненностью и выразительностью.

Изъ остальныхъ лекиѳовъ нашей группы надо упомянуть о лекиѳѣ 2 А 71. По стилю онъ того же времени, что и лекиѳы съ именами прекрасныхъ Тимократа и Акесторида (2 А 63 и 64). О лекиѳѣ 2 А 71, на рисункѣ котораго представлена амазонка, подвязывающая себѣ сандалію, намъ приходилось не разъ уже говорить раньше. Мотивъ фигуры — Полигнота. Такъ какъ, по стилю, картина безусловно должна быть того времени, когда въ Аѳинахъ дѣйствовалъ Полигнотъ, то весьма вѣроятна ея зависимость отъ одной изъ картинъ полигнотовой школы въ Аѳинахъ [1]). И въ стилѣ рисунка мы здѣсь уже не видимъ ничего, что намъ рѣзко напоминало бы строгій стиль. Картина лекиѳа сдѣлана

[1]) Ср. объ этомъ выше, гл. I

спѣшно и небрежно; авторъ ея, повидимому, заботился больше о впечатлѣніи отъ цѣлаго, пренебрегая тщательною отдѣлкой деталей.

Кромѣ бѣлой краски (которая примѣнена лишь для тѣла амазонки), больше нѣтъ красокъ въ рисункѣ лекиѳа 2 A 71.

Рисунокъ сдѣланъ лакомъ (коричневаго цвѣта); болѣе густое разведеніе того же лака взято для контуровъ и деталей лица амазонки и висящаго ея оружія (щита и колчана). Рисунокъ лекиѳа, такимъ образомъ, тѣсно примыкаетъ къ рисунку на лекиѳѣ 2 A 35 (рис. 12). Если амазонка лекиѳа 2 A 71 заимствована съ картины Микона въ Росписной галлереѣ, то, весьма вѣроятно, персъ на лекиѳѣ 2 A 35, о которомъ мы уже по другимъ соображеніямъ замѣтили, что онъ долженъ былъ быть скопированъ съ какой-нибудь большой композиціи, изображавшей бѣгство и пораженіе варваровъ,—былъ скопированъ именно съ „Мараѳонской битвы“ Микона и Панена въ той же Росписной галлереѣ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ лекиѳамъ 2 A 87 слл., мы должны будемъ остановиться на картинахъ одного кратера въ Museo Gregoriano въ Римѣ [2]) потому, что, по техникѣ и стилю рисунковъ, композиціи этого кратера относятся къ той же группѣ, какъ и картины лекиѳовъ 2 A 47 — 86 [3]). Названный кратеръ найденъ былъ въ Вульчи. Изданъ онъ въ Museo Gregoriano, II, tav. XXVI [4]). Рейшъ по справедливости считаетъ этотъ кратеръ лучшею и наиболѣе замѣчательною вазою въ Ватиканскомъ музеѣ [5]). Обѣ композиціи его исполнены на бѣло-кремовой облицовкѣ, которою покрыто все туловище вазы снаружи. Сюжетомъ главной композиціи послужила передача младенца Діониса силену и нисейскимъ нимфамъ на вскормленіе и воспитаніе [6]). Гермій несетъ на рукахъ запеленатаго младенца и осторожно, съ благоговѣніемъ смотря на него, приближается къ сидящему на камнѣ съ ѳирсомъ въ лѣвой рукѣ старику-силену, который его долженъ взять на руки. При этомъ присутствуютъ двѣ нимфы, которыя устремили

---

[1]) Лекиѳъ 2 A 35 найденъ въ Мараѳонѣ. Возможно, что какой-нибудь мараѳонецъ купилъ этотъ лекиѳъ въ Аѳинахъ именно потому, что его картинка была заимствована съ картины, прославлявшей знаменитую битву, происшедшую при его родномъ городѣ.

[2]) Helbig-Reisch, Rome, II, 314, 103.

[3]) Bозанкетъ (J. Hell. st., XVI (1896), 172) напрасно возражаетъ Вейсгейплю (Ath. M., XV (1890), 59 сл.).

[4]) Что касается стиля и техники, то публикація эта совершенно неудовлетворительна. Поэтому мы и считали нужнымъ остановиться на описаніи техники и стиля рисунковъ кратера подробнѣе. Рисунокъ у Rayet-Collignon, Céramique, 223, f. 84, также неудовлетворителенъ.

[5]) Reisch у Helbig, Rome, II, 314.

[6]) См. Preller-Robert, Griechische Mythologie, I, 662 слл.; ср. 707.

все свое вниманіе на божественнаго младенца. Одна изъ нихъ стоитъ, опершись одной рукой на лѣвое плечо силена, а другой на камень, на которомъ тотъ сидитъ. Другая нимфа сидитъ за Герміемъ, опершись головой на правую руку; въ лѣвой рукѣ у нея плющевая вѣтка.

На другой картинѣ кратера изображены три нимфы: въ центрѣ одна сидитъ на камнѣ, покрытомъ плющевыми вѣтками, и играетъ на лирѣ; противъ нея спереди стоитъ—другая, слушаетъ ея игру, а сама держитъ въ правой рукѣ тоже лиру; сзади первой третья, кажется, только-что подходитъ къ мѣсту дѣйствія и со вниманіемъ прислушивается къ музыкѣ [1]).

На Герміи (въ главной композиціи) надѣтъ пилосъ (шапка) съ крыльями, короткій безрукавый іоническій хитонъ, хламида и высокіе ботинки съ крыльями; въ лѣвой рукѣ у него керикейонъ. Шапка Гермія замѣчательна по трактовкѣ: штрихи, сдѣланные разбавленнымъ лакомъ, характеризуютъ ея рельефъ; въ тушовкѣ мастеръ кратера значительно выше уже мастеровъ строгаго стиля. Украшенія на верхушкѣ шапки сдѣланы пурпурной краской, равно какъ и лента, которая отъ шапки проходитъ по подбородку [2]). Волосы Гермія трактованы совершенно такъ, какъ у фигуръ на лекиѳахъ 2 А. 45 и друг.: для общей массы взято темное разведеніе лака, а локоны по краямъ сдѣланы слабымъ растворомъ лака, дающимъ желтоватые тоны. Складки хитона у Гермія сдѣланы бѣлымъ, но, намъ казалось при осматриваніи оригинала, что эта бѣлая краска, сильно отличающаяся по качеству отъ бѣлой краски, которую видимъ на тѣлѣ женскихъ фигуръ, — новѣйшая реставрація. Наоборотъ, поясъ и орнаментъ изъ точекъ (внизу у хитона)—античные (сдѣланы разбавленнымъ коричневымъ лакомъ). Свѣтло-коричневымъ (лакъ) окрашена и хламида Гермія; бордюръ хламиды и нѣкоторыя складки пурпурные,—пріемъ, извѣстный и на лекиѳахъ.

Публикація кратера въ Museo Gregoriano, II, 26, совершенно невѣрно передаетъ контуры лица Гермія, сильно ихъ модернизируя. У Гермія на оригиналѣ нижняя губа гораздо толще, подбородокъ круглѣе и толще. По типу Герміи на кратерѣ еще весьма близокъ къ типамъ строгаго стиля [3]). Такой точно типъ мы видимъ у юноши (налѣво) на небольшомъ красно-фигурномъ блюдѣ конца строгаго и

[1]) Мы не понимаемъ, почему Рейшу (Helbig-Reisch, Rome, II, ук. м.) кажется, что эта фигура готовится къ пляскѣ.

[2]) Этой ленты, равно какъ и штриховъ на шапкѣ, не обозначено на публикаціи въ Museo Gregoriano, II, 26.

[3]) Ср. наружныя картины килика 1 А 1; ср. Jahrb. d. Inst., VI (1891). Taf. 1 (нашъ рис. 1) и т. д.

начала переходнаго стиля, принадлежащемъ Museo Archeologico во Флоренціи (рис. 16) [3]). Замѣчательны по трактовкѣ и ботинки Гермія: здѣсь разбавленнымъ лакомъ заштрихованы мѣста, на которыя должны

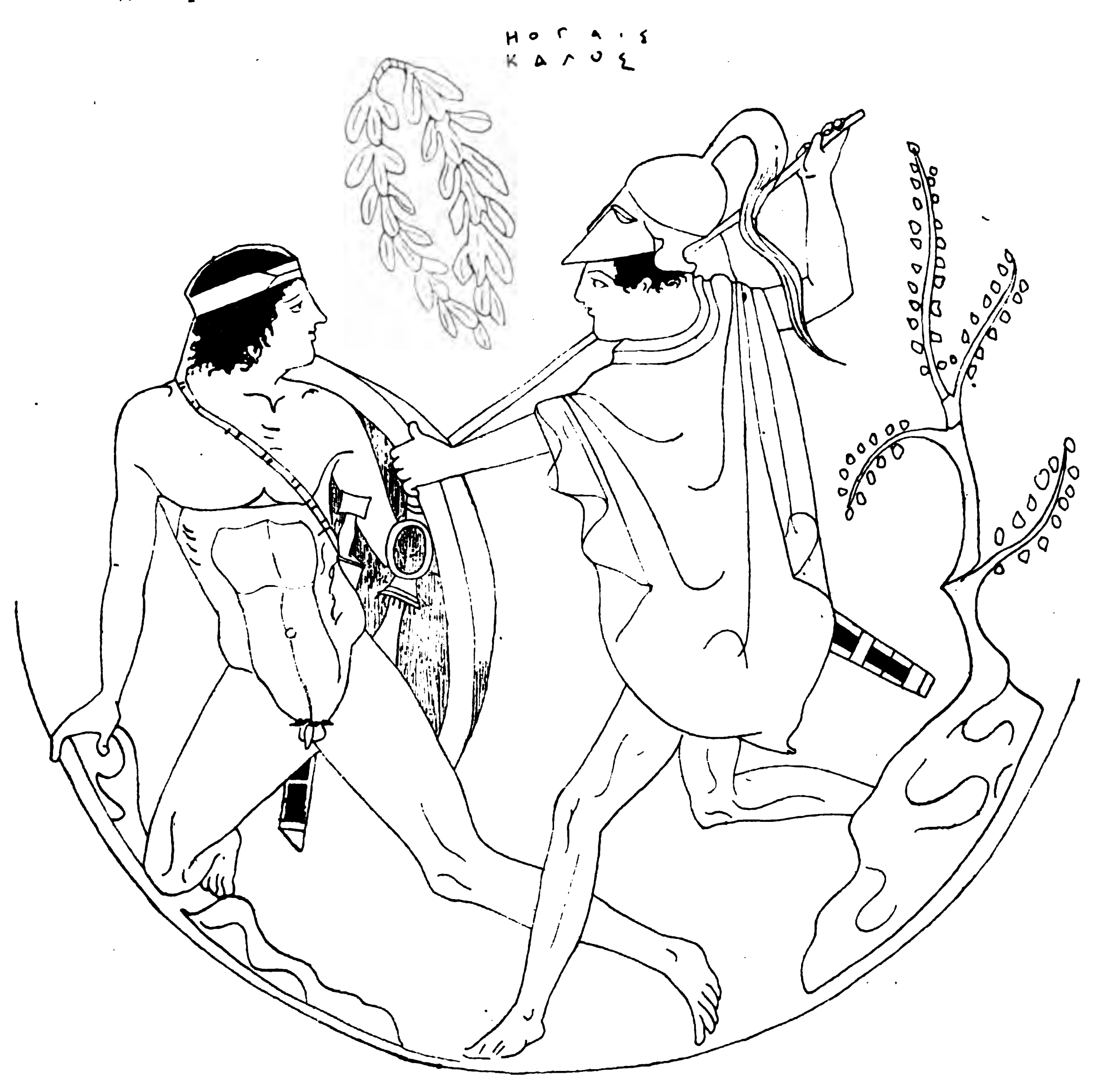


Рис. 16. Картина на блюдѣ въ Museo Archeologico во Флоренціи.

[3] На блюдѣ представлено сраженіе двухъ юношей, одинъ изъ которыхъ, побѣжденный, палъ на колѣни. Мѣсто дѣйствія характеризовано деревомъ схематической формы. Подъ деревомъ и подъ павшимъ юношей обозначена почва. Дерево стоитъ на небольшомъ холмѣ, который закрываетъ часть лѣвой ноги побѣдителя. Штрихи характеризуютъ выпуклую поверхность щита. Между фигурами юношей для заполненія пространства изображенъ вѣнокъ (награда побѣдителю). Около вѣнка—надпись: ὁ παῖς καλός. Работа довольно небрежная и спѣшная, чисто ремесленная.

падать тѣни отъ крыльевъ; на послѣднихъ также менѣе освѣщенныя мѣста заштрихованы лакомъ [1]).

Пеленки, въ которыя закутанъ младенецъ Діонисъ,—пурпурнаго цвѣта; орнаменты (полосы, зигзаги, розетки, точки) на нихъ сдѣланы разбавленнымъ лакомъ. Вѣнокъ, надѣтый на головѣ младенца, сдѣланъ пурпурной краской. По типу, Діонисъ здѣсь весьма близокъ къ Эроту на лекиѳѣ Берлинскаго музея (№ 2252) [2]).

Камень, на которомъ сидитъ силенъ, затушо́ванъ штрихами разбавленнаго лака; онъ покрытъ вѣтками плюща, которыя, какъ и ихъ листья, сдѣланы желтоватымъ растворомъ лака. Въ первый разъ въ греческой керамикѣ мы встрѣчаемъ такую детальную трактовку почвы. Стволъ ѳирса силена и листья на немъ опять сдѣланы желтоватымъ растворомъ лака и опять такъ, что ясно охарактеризована цилиндрическая поверхность ствола [3]). Борода, волосы и хвостъ силена—бѣлые. Бѣлыя точки по всему тѣлу силена—новѣйшая реставрація [4]). Детали волосъ, бороды и хвоста сдѣланы желтымъ растворомъ лака.

Силенъ представленъ нагимъ. На нимфѣ, стоящей сзади него, надѣтъ дорическій хитонъ и поверхъ него небрида; на головѣ—широкая свѣтло-коричневая съ розовымъ оттѣнкомъ лента (краска, очевидно, смѣсь коричневаго раствора лака съ пурпурной) [5]). Волосы черные, локоны надо лбомъ и у уха желтые. По типу лица нимфа весьма близка къ женщинамъ на лекиѳахъ 2 А 48 слл. [6]). Контуры лица весьма интересны. Здѣсь мы видимъ совершенно ту же манеру, что́ и на лекиѳѣ 2 А 47. Мастеръ стремился обозначить мѣста, болѣе и менѣе освѣщенныя. Сначала онъ покрылъ всѣ поверхности лица, рукъ и ногъ бѣлой накладной краской и затѣмъ уже дѣлалъ желтовато-коричневатымъ растворомъ лака контуры. При этомъ онъ обозначилъ контуры лишь тамъ, гдѣ падаютъ тѣни. Такъ, на лицѣ, контуры, сдѣланные лакомъ, видимъ лишь у нижней губы, подбородка, затылка; лакомъ обозначены контуры у правой руки и у ступней ногъ; у лѣвой руки контуры лишь снизу. Хитонъ сдѣланъ коричневымъ растворомъ лака, а складки на немъ—пурпурной краской. Небрида оттушована (по бѣло-кремовому фону) штрихами коричневаго раствора лака. По трактовкѣ небрида

---

[1]) Всего этого не передаетъ таблица въ Museo Gregoriano.

[2]) A. Z., 1880, Taf. 11. Въ Mus. Greg., II, 26, типъ переданъ невѣрно.

[3]) И этого ничего не обозначено на таблицѣ Museo Gregoriano.

[4]) Ср. Helbig-Reisch, Rome, II, 314. Такъ ли было трактовано тѣло силена (напоминающее χορταῖος χιτών паппосилена въ театрѣ) первоначально, сказать трудно.

[5]) Ср. такую же смѣсь на лекиѳѣ 2 А 48 (полотенце).

[6]) Въ Mus. Gr, ук. табл., типъ переданъ невѣрно: на оригиналѣ нижняя губа выдается болѣе верхней.

напоминаетъ хламиду Гиппомедонта на киликѣ Сотада въ Бриганскомъ музеѣ (1 A 13) и покрывало Евридики на фрагментѣ килика въ Корфу (1 A 16).

Нимфа, сидящая за Герміемъ, одѣта въ хитонъ и гиматій. Ея волосы сдѣланы темно-бурымъ растворомъ лака; какъ и у другихъ фигуръ, выдающіеся по краямъ изъ общей массы отдѣльные локоны сдѣланы желтоватымъ растворомъ того же лака. Вѣтка, какъ и контуры всѣхъ фигуръ, сдѣлана лакомъ (коричневатый оттѣнокъ). Глазъ съ его толстымъ вѣкомъ [1]) напоминаетъ глаза на киликахъ 1 A 2—3 и лекиѳѣ 2 A 47.

Контуры частей, окрашенныхъ бѣлой краской, таковы же, какъ у нимфы, стоящей за силеномъ. По типу лица и эта нимфа близка къ женщинамъ на лекиѳѣ 2 A 48. Гиматій пурпурный; складки на немъ темно-бурыя. Бордюры хитона сдѣланы бѣло-кремовой краской. Самый хитонъ свѣтло-коричневый, а его складки пурпурныя. Камень, на которомъ сидитъ нимфа, трактованъ такъ же, какъ камень, на которомъ сидитъ силенъ.

На картинѣ другой стороны кратера первая женщина слѣва одѣта въ хитонъ и гиматій, который у нея наброшенъ и на голову. Все лицо, такимъ образомъ,—въ тѣни: мастеръ старался выразить это такъ, что контуры ея лица сдѣлалъ всѣ цѣликомъ коричневымъ разведеніемъ лака. Хитонъ не окрашенъ краской; его складки, какъ контуры фигуръ, сдѣланы разбавленнымъ лакомъ.

Гиматій выкрашенъ краской, представляющей смѣсь лака и пурпурной краски: онъ коричнево-розовый. Болѣе темный тонъ той же краски взятъ для складокъ гиматія.

Точки на хитонѣ, образующія оборку, сдѣланы лакомъ. Любопытна трактовка ступней: у правой ступни вовсе нѣтъ контуровъ, сдѣланныхъ лакомъ; наоборотъ, лѣвая ступня имѣетъ контуры, которые сдѣланы весьма темнымъ растворомъ лака. Очевидно, правую ступню авторъ вазы желалъ представить сильно освѣщенною (она на сторонѣ противоположной лицу), а лѣвую, равно какъ и лицо, въ тѣни.

Нимфа, занимающая центръ композиціи, одѣта, какъ первая, въ хитонъ и гиматій. Интересная, широкая лента на головѣ у нея коричнево-розовая, а меандръ, украшающій ее, бѣлый. Лакомъ сдѣланы контуры лба, носа и нижней губы. Ожерелье на шеѣ тоже сдѣлано лакомъ (ср. браслеты и ожерелье на лекиѳѣ 2 A 47). Гиматій пурпу-

---

[1]) Этого не передаетъ публикація въ Museo Greg., ук. т.

ный; его складки темно-бурыя. Хитонъ коричнево-розовый; его главныя складки темныя пурпурныя; его мелкія складки пурпурныя, но болѣе свѣтлаго тона. Лира сдѣлана чернымъ растворомъ лака; ея струны— болѣе слабымъ растворомъ. У правой руки контуры сдѣланы лакомъ; у лѣвой лаковые контуры—только внизу. Плектръ, которымъ нимфа играетъ на лирѣ, сдѣланъ лакомъ и моделированъ.

Послѣдняя нимфа одѣта, какъ и первыя двѣ. Чепецъ на головѣ у нея бѣлый, орнаменты на немъ желтые. Лаковые контуры только у лба, носа и затылка. Ожерелье и здѣсь сдѣлано лакомъ. Хитонъ не окрашенъ; складки его сдѣланы желтымъ растворомъ лака. Бордюръ хитона и точки, образующія двѣ полосы внизу у него, коричневые. Гиматій коричнево-розовый; его складки сдѣланы болѣе густыми тонами той же краски. Правая ступня ноги не имѣетъ лаковыхъ контуровъ. У правой руки и у ступни лѣвой ноги контуры обозначены лакомъ. Лира бѣлая, ея струны желтыя, а кнопки для закрѣпленія струнъ пурпурныя.

Мы видимъ, какъ тѣсно картины кратера въ Museo Gregoriano примыкаютъ по техникѣ и стилю къ картинамъ лекиѳовъ 2 А 47—86.

Нельзя не удивляться тому, сколь многаго мастера лекиѳовъ и кратера достигли въ колоритѣ ихъ картинъ, обладая такими скромными средствами. Они стремятся достигать эффектовъ полихромной живописи, имѣя въ распоряженіи всего лишь красную, пурпурную и бѣлую краски и лакъ. Съ этою цѣлью они примѣняютъ различныя разведенія лака и красокъ и ихъ смѣшенія.

Картины кратера поражаютъ особенно гармоничностью своего яркаго колорита: общее впечатлѣніе, которое производитъ сочетаніе цвѣтовъ на нихъ, необыкновенно эффектно и пріятно. Тонкіе, изящные контуры и прелесть колорита заставляютъ забывать строгость выраженія лицъ у фигуръ и недостатокъ живости въ ихъ позахъ и движеніяхъ.

Вазовая живопись не могла, однако, какъ мы знаемъ, употреблять всѣхъ тѣхъ красокъ, которыя употребляла монументальная живопись, изъ-за техническихъ затрудненій. На всѣхъ рисункахъ, на которыхъ мы останавливались до сихъ поръ, мы видимъ лишь тѣ краски, которыя составляли собственность спеціально вазовой живописи; эти же краски употребляются и для орнаментовъ на лекиѳахъ (какъ увидимъ далѣе). Живопись на разсмотрѣнныхъ нами вазахъ, столь тѣсно связанная съ гончарнымъ ремесломъ, не можетъ давать настоящаго представленія о колоритѣ современной ей монументальной живописи, которая была гораздо богаче красками. Поэтому никакъ нельзя согла-

ситься съ тѣми учеными, которые полагаютъ, что по картинамъ кратера въ Museo Gregoriano мы можемъ судить о колоритѣ полигнотовой живописи [1]).

По тому, что мы знаемъ изъ литературныхъ источниковъ о колоритѣ и краскахъ Полигнота, можно утверждать, что картины на лекиѳахъ 2 A 47 — 86 и на кратерѣ Ватиканскаго музея являются свидѣтелями лишь того, насколько ремесленное искусство всегда было ниже современнаго ему монументальнаго. Но если у рисунковъ на вазахъ трудно ожидать откликовъ монументальной живописи в ъ к о л о р и т ѣ, то этого нельзя сказать относительно другихъ сторонъ. Подражать композиціи, заимствовать сюжеты, группы и мотивы, зависѣть отъ монументальнаго искусства въ рисункѣ, стилѣ мастера картинъ на вазахъ, конечно, могли гораздо больше, такъ какъ здѣсь техника могла быть помѣхой гораздо менѣе. Мы уже нѣсколько разъ указывали на возможныя вліянія полигнотовой живописи, говоря о рисункахъ на лекиѳахъ группы 2 A 47 сл. Кратеръ Ватиканскаго музея по стилю безусловно того же времени, какъ лекиѳъ 2 A 47 [2]), явился, такимъ образомъ, тоже въ эпоху дѣятельности Полигнота въ Аѳинахъ. Композиція на его главной сторонѣ, отличающаяся чрезвычайною гармоничностью линій и красотой силуэтовъ фигуръ, обращаетъ вниманіе еще группой силена и нимфы. Во всемъ архаическомъ искусствѣ такихъ группъ мы не видимъ, какъ показалъ Герцогъ [3]). Группа эта, такимъ образомъ, представляетъ рѣшительную новость въ искусствѣ. Такъ какъ на картинахъ Полигнота такія группы встрѣчались [4]), то скорѣе всего на картинѣ кратера группа силена и менады заимствована мастеромъ у Полигнота или у какого-нибудь его послѣдователя.

Миѳъ о передачѣ Діониса на воспитаніе нисейскимъ нимфамъ давно и часто изображался въ искусствѣ [5]). Композиція на кратерѣ въ Museo Gregoriano сильно отличается отъ композицій строгаго стиля [6]).

---

[1]) Ср. напр., Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 175 сл.; Helbig-Reisch, Rome, II, 314 сл. и др.

[2]) Райэ (Céramique, 223 сл.), который, какъ мы видѣли, еще не зналъ результатовъ акропольскихъ раскопокъ и потому всѣ вазы датировалъ невѣрно, неправильно ставитъ и ватиканскій кратеръ въ эпоху Зевксиса и Никія.

[3]) Ср. выше, гл. I. Ср. и Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 73.

[4]) Укажемъ, напр., на группу Мемнона и Сарпедона въ «Аидѣ» Полигнота (Павс., X, 31, 5; Overbeck, SQ., 1050, B, 229).

[5]) Ср. Heydemann, Dionysos' Geburt u. Kindheit. X Hallisch. Winckelmannspr., 1885, 19; Stephani, C.-R., 1861, 18 слл.; B. Gräf, Jahrb. d. Inst., VI (1891), 45 сл.

[6]) Ср. Gräf, ук. м.

Наоборотъ, на вазахъ переходнаго стиля мы неоднократно видимъ варіаціи типа композиціи, какъ на кратерѣ въ Museo Gregoriano [1]). Намъ кажется весьма вѣроятнымъ существованіе въ монументальной живописи полигнотовой школы картины, изображавшей передачу Діониса силену и нимфамъ, картины, которая и послужила оригиналомъ для рисунковъ на вазахъ. За это говоритъ и то, что на вазѣ Британскаго музея (Е 492) двѣ нимфы повторяютъ мотивы полигнотовыхъ фигуръ [2]). Дюммлеръ [3]) указывалъ еще на то, что надпись надъ фигурой Діониса (Διωνυσως) обнаруживаетъ вліяніе ѳасосскаго алфавита.

Какъ и на картинѣ лекиѳа 2 А 64, фигуры въ композиціяхъ кратера Ватиканскаго музея связаны не только внѣшнимъ образомъ, но и духовно. Центръ, около котораго сосредоточивается общее вниманіе,— младенецъ. На всѣхъ лицахъ—глубокая серьезность и благоговѣніе. Такого сосредоточеннаго серьезнаго выраженія у фигуръ мы не знаемъ въ архаической живописи. Вполнѣ выраженнымъ оно является въ первый разъ въ греческой керамикѣ на нашемъ кратерѣ и родственныхъ ему по стилю и одновременныхъ вазахъ, какъ лекиѳъ 2 А 64 и т. п. Стремленіе изобразить серьезную мину на лицѣ мы отмѣтили уже на нѣсколько старшемъ по стилю фрагментѣ бѣлаго килика въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ (1 А 2; рис. 9) [4]). Вообще нужно признать, что серьезныя мины у фигуръ въ вазовой живописи являются въ 470—460 гг. Опять и здѣсь, какъ и въ томъ, что фигуры начинаютъ теперь быть связаны между собою духовно, весьма вѣроятно предполагать вліяніе Полигнота, какъ разъ въ это время процвѣтавшаго и дѣйствовавшаго въ Аѳинахъ и славившагося особенно картинами настроеній и изображеніемъ глубокихъ волненій и чувствъ [5]). Торжественное настроеніе, которымъ проникнута вся картина, изображающая

---

[1]) Ср., напр., Брит. муз. Е 492 (Panofka, Cab. Pourtalès, pl. 27; Millin-Reinach, Peint. d. vases, II, 13; Inghirami, V. F., I, 65), Неаполь, S. A., 283 (фотографія Sommer'а въ Неаполѣ, 11066), вазу, изд. у Stackelberg, Gräber, 21; ср. Pottier, Festschrift f. O. Benndorf, 83.

[2]) Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 173.

[3]) Мы не принимаемъ послѣдняго соображенія Дюммлера. Дѣло въ томъ, что мастеръ вазы употребляетъ здѣсь ω, вм. ο, такъ же, какъ другіе мастера часто ставятъ η вм. ε. Ср. Kretschmer, Die griechischen Vaseninschriften, ihrer Sprache nach untersucht, 106 слл. Здѣсь нельзя видѣть вліянія ѳасосскаго алфавита; мастера вазъ, не привыкнувъ къ новому іоническому алфавиту, часто смѣшиваютъ ε и η, ο и ω и т. д. Ср. Kretschmer, ук. с., 108.

[4]) Трактовка глаза и бровей на вазѣ Museo Gregoriano—прямое развитіе того, что мы наблюдали на киликѣ 1 А 2.

[5]) Ср. фигуры Элена, плѣнныхъ троянокъ, семейства Антенора въ «Иліонѣ» Полигнота и т. п.

передачу Діониса силену (всѣ фигуры какъ бы священнодѣйствуютъ), напоминаетъ центральную группу полигнотова „Иліона“ (судъ надъ Эантомъ). Сидящіе на камняхъ силенъ и нимфа повторяютъ мотивы фигуръ Полигнота [1]).

Болѣе подробная, чѣмъ обыкновенно въ вазовой живописи, трактовка почвы на картинахъ кратера выдаетъ также зависимость ихъ отъ монументальнаго искусства. Разноцвѣтныя повязки, ленты, чепцы на женщинахъ, изображенныхъ на кратерѣ и на лекиѳахъ группы 2 A 47 слл., невольно заставляютъ вспомнить о mitrae versicolores Полигнота. Хотя на картинахъ вазъ, съ которыми мы до сихъ поръ познакомились, есть стремленіе моделировать фигуры, но это лишь весьма слабыя попытки. Конечно, живопись Полигнота была выше въ этомъ отношеніи. Но и она, судя по древнимъ текстамъ, какъ мы уже знаемъ, не достигла совершенства. Отсюда понятно, почему любилъ Полигнотъ и живописцы на вазахъ разноцвѣтныя повязки на головахъ. Эти mitrae versicolores уменьшаютъ поверхности, у которыхъ для того, чтобы придать имъ жизнь, долженъ былъ быть обозначенъ ихъ рельефъ.

Композиція обратной стороны кратера Museo Gregoriano (три нимфы, занимающіяся музыкой) весьма любима въ періодъ переходнаго и прекраснаго стилей. Въ частности картина на кратерѣ является варіаціей на ту же тему, какъ извѣстная намъ картина на берлинской келебѣ, изображающая Орфея среди ѳракійцевъ (табл. IV). Уже Фуртвенглеръ (см. выше) далъ настоящую оцѣнку этой великолѣпной композиціи, несомнѣнно возникшей подъ вліяніемъ полигнотова „Аида“. Отъ него же или отъ какой-нибудь другой картины полигнотовой школы, изображавшей музыкантовъ, зависятъ и картины на кратерѣ Museo Gregoriano и на лекиѳѣ 2 A 64.

Въ виду стольkихъ точекъ соприкосновенія картинъ на кратерѣ Museo Gregoriano и родственныхъ ему по стилю картинъ на бѣлыхъ лекиѳахъ и киликахъ, мы въ правѣ предположить, что и типы фигуръ, которые мы видимъ на вазахъ [2]), въ основѣ своей зависятъ отъ Полигнота. За это говоритъ еще одно. Это необыкновенная близость типовъ нимфъ на кратирѣ Museo Gregoriano къ фигурѣ на рельефѣ съ Ѳасоса въ Луврѣ (рис. 14),—относительно зависимости котораго отъ по-

1) Ср. фигуры Евримаха въ «Иліонѣ», Аріадны, Антилоха въ «Аидѣ» и т. д.

2) Лица дѣвушекъ и юношей на разныхъ вазахъ въ основѣ своей одинаковы: они варіируютъ два однихъ и тѣхъ же типа—женскій и мужской. Гермій на кратерѣ Museo Gregoriano варіируетъ тотъ же типъ, который видимъ, напр., у Ганимеда на вазѣ Брит. E 82 (рис. 7); нимфы варіируютъ типъ женщинъ на той же вазѣ.

лигнотова искусства мы уже говорили. Особенно любопытно сравнить съ фигурой Филиды нимфу, находящуюся налѣво отъ Гермія: тѣ же очертанія черепа, тотъ же профиль, то же задумчивое выраженіе, тотъ же характеръ складокъ на одеждахъ и т. д.

Близки по орнаментаціи, техникѣ, стилю и сюжетамъ рисунковъ къ лекиѳамъ группы 2 А 47—86 лекиѳы 2 А 87—107. На нихъ только мы не видимъ примѣненія бѣлой краски для женскаго тѣла, которое здѣсь, какъ мужское тѣло, не окрашивается; руки, ноги и лицо дѣлаются здѣсь лишь въ контурахъ. Контуры у всѣхъ рисунковъ на лекиѳахъ 2 А 87—107, какъ и у 2 А 47—86, дѣлаются лакомъ различныхъ разведеній. Одежды и другіе предметы окрашиваются тѣми же красками, которыя характерны и для лекиѳовъ предыдущаго разряда (2 А 47—86). Детали на окрашенныхъ красками одеждахъ и здѣсь обозначаются штрихами другой краски или лака (ср. 2 А 89, 98 и т. д.). Облицовка, на которой дѣлается рисунокъ, здѣсь все еще имѣетъ отъ довольно сильнаго обжиганія желтоватый оттѣнокъ, но нельзя уже не замѣтить, что она значительно бѣлѣе, чѣмъ на лекиѳахъ 2 А 1—86. Въ самой тѣсной связи съ усовершенствованіемъ облицовки стоитъ и прекращеніе окрашиванія тѣла женскихъ фигуръ накладной бѣлой краской, которое (окрашиваніе) стало уже совершенно излишнимъ. Надписи на лекиѳахъ 2 А 87 и 88, прославляющія красоту Аксіопиѳа, сына Алкимаха, на первомъ и Алкимеда, сына Эсхилида, на второмъ совершенно такія же, какъ на лекиѳахъ 2 А 47—56 (то же обозначеніе отчества красавцевъ, то же расположеніе словъ въ три строчки, та же форма буквъ). Имя прекраснаго Гигіенона, которое читаемъ на трехъ лекиѳахъ новаго разряда (2 А 89—91), мы видѣли уже на одномъ лекиѳѣ предыдущаго разряда (2 А 62).

Лекиѳы 2 А 87 и 88, по орнаментаціи и стилю рисунковъ, настолько близки къ лекиѳамъ 2 А 47—56, что едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что они явились въ одной мастерской. Равнымъ образомъ, лекиѳъ 2 А 62, конечно, явился въ той же мастерской, какъ и лекиѳы 2 А 89—91.

Мы замѣтили, что стиль рисунковъ у лекиѳовъ 2 А 87—107 нѣсколько свободнѣе, чѣмъ у лекиѳовъ 2 А 47—86. Лекиѳы новаго разряда, можетъ быть, лишь немногимъ позже лекиѳовъ предыдущихъ разрядовъ. Совершенно ясно, что мастера мало-по-малу перестали употреблять бѣлую краску для женскаго тѣла, какъ постепенно по-

рестали окрашивать одежды и другіе предметы чернымъ разведеніемъ лака. Употребленіе бѣлой краски для женскаго тѣла является только временной попыткой подражать полихроміи монументальной живописи, которая окрашивала тѣло у фигуръ, какъ мы знаемъ уже изъ разбора древнихъ текстовъ, относящихся къ Полигноту [1]). Попыткѣ этой не суждено было долго продолжать существованіе, такъ какъ она вообще была неудачной. Прежде всего окрашивать тѣло фигуръ особой краской было чрезвычайно трудно и неудобно и требовало безусловно, чтобы сдѣлать что-нибудь красивое, очень большой аккуратности и ловкости руки. Если слой накладываемой краски былъ слишкомъ тонокъ, краска легко трескалась и отпадала [2]); если же, что̀ видимъ на бо̀льшей части лекиѳовъ [3]), бѣлый слой дѣлался достаточно толстымъ, весь рисунокъ терялъ въ элегантности, изящности, легкости. Часто получались при этомъ неправильные, неуклюжіе и почти постоянно тяжелые контуры [4]). Мало того, когда бѣлая краска была уже наложена, необходимо было подвергнуть вазу сушенію, прежде чѣмъ обозначать детали на тѣлѣ фигуръ (глаза, пальцы и т. п.) [5]). Во всемъ рядѣ лекиѳовъ 2 А 47—86 нѣтъ почти ни одного, гдѣ можно было бы указать такіе легкіе и элегантные контуры, какіе видимъ на лекиѳахъ новаго разряда, весьма часто поражающихъ чистотою, изяществомъ, легкостью и граціею контуровъ ихъ рисунковъ. Послѣднее безусловно можно сказать, напр., о лекиѳахъ 2 А 87, 89, 91, 97.

Что касается стиля фигуръ, то лекиѳы новаго разряда еще примыкаютъ къ лекиѳамъ группы 2 А 47—86. Такъ лекиѳъ 2 А 87 вышелъ, вѣроятно, изъ той же мастерской, какъ лекиѳъ 2 А 48 и другіе съ именемъ прекраснаго Дромиппа [6]).

Но рисунокъ здѣсь уже развитѣе. То же надо сказать о лекиѳѣ 2 А 88. Сравнивая картину этого лекиѳа съ картиной лекиѳа 2 А 48, мы сейчасъ же замѣтимъ, что, при всемъ сходствѣ формъ, послѣдпія на лекиѳѣ 2 А 88 свободнѣе: позы натуральнѣе, жесты красивѣе и живѣе; рѣзко бросается въ глаза бо̀льшая нѣжность и легкость контуровъ на лекиѳѣ 2 А 88, большее благородство и красота

---

[1]) Напомнимъ здѣсь особенно Павс., X, 31, 1 (Overbeck, SQ., 1050, B, 197 слл.); Лукіана Imagg., 7 (Overbeck, SQ., 1053).

[2]) Такимъ образомъ отпала бѣлая краска, напр., на лекиѳѣ 2 А 77.

[3]) Ср. особ. лекиѳы 2 А 48 слл.

[4]) Ср., напр., лекиѳы 2 А 51, 57.

[5]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 176.

[6]) Ср. Löschcke, Arch. Anz., V (1890), 11.

типовъ фигуръ [1]), большее умѣнье въ трактовкѣ волосъ и глаза и т. д. За то черезчуръ удлиненныя пропорціи фигуръ, неумѣнье изобразить въ естественной позѣ стоящія фигуры (которыя оттого — совершенные истуканы), равно какъ и нѣкоторыя другія неловкости въ рисункѣ (ср., напр., трактовку шеи), общи еще и тому и другому лекиѳу и указываютъ, что и лекиѳъ 2 А 88 также еще не особенно далекъ отъ вазъ ранняго періода переходнаго стиля.

Къ лекиѳу 2 А 88 близки по стилю лекиѳы съ надписью Ὑγιαίνων καλός (2 А 89 — 91). Тѣ же профили, жесты, то же серьезное выраженіе лицъ у фигуръ, ту же до мелочей одежду и ея трактовку, тѣ же формы рукъ, ногъ и т. д. (ср. особ. трактовку ладоней), какъ на 2 А 88, видимъ и на лекиѳѣ Британскаго музея D 48 (2 А 89). У фигуръ послѣдняго лекиѳа лишь гораздо ближе къ природѣ шеи и еще красивѣе и благороднѣе профили лицъ. На лекиѳахъ 2 А 87 и 89 большее сходство въ трактовкѣ волосъ, которые выкрашены бурымъ разведеніемъ лака, а потомъ по бурому чернымъ разведеніемъ вырисованы детали. Типичны на лекиѳѣ 2 А 89 широкія ленты на головахъ фигуръ—mitrae versicolores. Послѣднія, а также раскрашенная одежда, которую держитъ въ рукахъ женщина, равно какъ и типы фигуръ и ихъ выраженіе, сближаютъ лекиѳъ 2 А 89 съ извѣстнымъ намъ кратеромъ Museo Gregoriano: и мастеръ лекиѳа 2 А 89 стоитъ подъ вліяніемъ Полигнота. Опять любопытно видѣть, что мастеръ лекиѳа 2 А 89 напрягалъ усилія къ тому, чтобы изобразить стоящія фигуры такъ, чтобы у нихъ вся тяжесть тѣла покоилась на одной ногѣ, а другая нога была бы свободна и слегка перегнута въ колѣнѣ; однако, и ему не удалось изобразить фигуры въ такой позѣ правильно.

Шедевромъ греческой керамики надо признать лекиѳъ, фрагментъ котораго хранится теперь въ Британскомъ музеѣ (D 49; 2 А 91 нашего списка вазъ). Фрагментъ до сихъ поръ не былъ изданъ; мы даемъ его воспроизведеніе въ рис. 17 [2]). На фрагментѣ сохранилась лишь верхняя часть женской фигуры. Судя по тому, что голова женщины находится сейчасъ же подъ орнаментомъ (меандръ съ крестами), который украшалъ верхній край туловища лекиѳа (какъ разъ подъ плечами) [3]), надо полагать, что женщина была представлена стоящею. Положеніе ея лѣвой руки весьма близко къ тому,

---

[1]) Гораздо красивѣе профили лицъ у фигуръ на лекиѳѣ 2 А 88: элегантнѣе линіи лба, носа, подбородка; носы—тоньше, подбородки меньше и не столь круглы; красивѣе губы и т. д.

[2]) Рисунокъ сдѣланъ по нашей калькѣ съ оригинала.

[3]) Ср. лекиѳъ 2 А 89.

которое видимъ у фигуры на лекиѳѣ 2 А 89; по всей вѣроятности, сюжетъ картины лекиѳа 2 А 91 былъ подобный же: женщина держала въ правой рукѣ шкатулку, изъ которой что-нибудь вынимала лѣвою рукой.

Техника рисунка на фрагментѣ весьма близка къ таковой же на лекиѳѣ 2 А 89, но не идентична: облицовка на лекиѳѣ 2 А 89 имѣетъ болѣе теплый тонъ (она — кремоваго цвѣта; на фрагментѣ она бѣлѣе и съ очень легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ). Меандръ на обѣихъ вазахъ также неодинаковъ (ср. кресты въ немъ). Неодинаковъ и стиль рисунка. У фигуры на фрагментѣ гораздо лучше трактованы волосы: здѣсь мы дѣйствительно видимъ уже сравнительно удачную попытку обозначить свѣта и тѣни на волосахъ. Профиль фигуры—иной: кончикъ носа, губы и подбородокъ имѣютъ болѣе закругленныя формы. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что никоимъ образомъ нельзя предполагать, будто

Рис. 17. Фрагментъ бѣлаго лекиѳа въ Британскомъ музеѣ D 49 (2 А 91).

два лекиѳа 2 А 89 и 2 А 91, на каждомъ изъ которыхъ видимъ надпись: Ὑγιαίνων καλός, — были сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Одно можно сказать, что оба лекиѳа вышли если не изъ одной мастерской, то изъ двухъ весьма близкихъ. Но то же можно сказать и относительно всего ряда лекиѳовъ 2 А 87—107 [1]).

Прекрасное, нѣсколько грустное, сосредоточенное выраженіе лица фигуры на фрагментѣ лекиѳа 2 А 91, общій типъ ея и характеръ очень близки и къ фигурамъ на картинахъ кратера Museo Gregoriano и къ фигурѣ на рельефѣ съ Ѳасоса въ Луврѣ. Фрагментъ Британскаго музея, быть можетъ, одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые съ наибольшимъ

[1]) Вазы съ надписями, прославляющими красоту Гигіенона, сильно говорятъ противъ объясненія, предложеннаго О. Ф. Вульфомъ для надписей, въ которыхъ читаемъ собственныя имена съ эпитетомъ καλός, на греческихъ вазахъ. Ср. выше, гл. II. Ср., кромѣ того, нашу статью въ Фил. Обозрѣніи, XVI, I, стр. 45 сл.

правомъ могутъ претендовать на то, что на нихъ отразилось вліяніе Полигнота; женскія печальныя фигуры въ „Иліонѣ“ Полигнота, весьма вѣроятно, вдохновили мастера лекиѳа 2 А 91, который и далъ намъ эту чудную головку, у которой такъ хорошо выражено настроеніе, которая вся проникнута красотою и благородствомъ и которая такъ поражаетъ элегантностью, увѣренностью и легкостью своихъ контуровъ: мы чувствуемъ какъ бы дыханіе великаго искусства Полигнота, знаменитаго „ѳеографа“, изображавшаго людей лучшими, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ, писавшаго возвышенное и отличавшагося совершенствомъ въ отдѣлкѣ композицій. Простота техники Полигнота, не препятствовавшая, однако, тому, чтобы давать многое въ картинѣ, равнымъ образомъ находитъ себѣ комментарій въ рисункѣ на фрагментѣ: ничего вычурнаго, все самое простое, но высокое, благородное и вполнѣ достаточное для того, чтобы высказать любую идею; намъ становится понятнымъ и то, почему Аристотель совѣтовалъ юношамъ созерцать картины Полигнота.

Эпоха, когда вазы съ именемъ прекраснаго Гигіенона должны были явиться, какъ разъ та, когда особенно славился Полигнотъ: по стилю рисунки на нихъ лишь немногимъ моложе рисунковъ на вазахъ, прославляющихъ Главкопа, сына Леагра; вазы съ надписью Ὑγιαίνων καλός должны были явиться около 465—460 г.

Свободнѣе въ стилѣ, чѣмъ вазы съ надписью Ὑγιαίνων καλός, лекиѳы 2 А 97 слл. [1]). На лекиѳѣ 2 А 97 у фигуры дѣвушки, подходящей къ женщинѣ, которая сидитъ въ креслѣ, замѣтенъ значительный прогрессъ въ рисункѣ сравнительно съ такими же фигурами, напр., на лекиѳахъ 2 А 48, 57. Точно также поза и жесты сидящей женщины настолько свободны, что мы не видѣли ничего подобнаго на лекиѳахъ группы 2 А 47 слл. Увѣренность руки въ проведеніи контуровъ равнымъ образомъ изумительна. Прогрессъ, въ сравненіи съ лекиѳами 2 А 87 слл., замѣтенъ ясно и въ измѣненіи пропорцій фигуръ: здѣсь уже нѣтъ чрезмѣрно удлиненныхъ фигуръ; фигуры на лекиѳѣ 2 А 97 коротки и коренасты. Мастеръ лекиѳа прекрасно знаетъ анатомію человѣка: ср. особенно контуры рукъ и туловища у сидящей женщины, которые (контуры) несравненно правдивѣе, чѣмъ на вазахъ, съ которыми

---

[1]) Намъ лично не пришлось видѣть лекиѳовъ 2 А 94 и 95. Если судить по краснофигурнымъ вазамъ съ именемъ Евеона, стиль ихъ долженъ быть нѣсколько развитѣе, чѣмъ на вазахъ съ именемъ Гигіенона. Относительно стиля рисунка на фрагментѣ лекиѳа 2 А 96 наши замѣтки, сдѣланныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Аѳинахъ, также не позволяютъ теперь сдѣлать точнаго опредѣленія; по скольку мы помнимъ оригиналъ, рисунокъ фрагмента старше рисунковъ на вазахъ съ именемъ Гигіенона.

мы познакомились до сихъ поръ. Однако нашъ мастеръ не всегда тщателенъ: контуры правой руки стоящей женщины у него сдѣланы неправильно, но только изъ-за спѣшнаго, небрежнаго исполненія. Въ трактовкѣ глаза мастеръ лекиѳа 2 А 97 стоитъ также выше мастеровъ лекиѳовъ, о которыхъ мы уже говорили. Мы видимъ у него совершенно правильное изображеніе глаза въ профиль [1]). Чрезвычайно тщательно онъ вырисовываетъ контуры губъ. Нельзя не отмѣтить и того, что контуры фигуръ сдѣланы на лекиѳѣ 2 А 97 штрихами различной толщины: контуры мѣстъ, которыя мастеръ желалъ представить находящимися въ тѣни, сдѣланы болѣе толстыми штрихами: вся фигура отъ этого живѣе; ея рельефъ характеризованъ здѣсь гораздо удачнѣе, чѣмъ онъ характеризуется на лекиѳахъ, съ которыми мы уже познакомились.

По техникѣ и стилю рисунковъ къ лекиѳу 2 А 97 примыкаютъ лекиѳы 2 А 98, 99, 101, 102—107.

Въ одну группу соединяютъ всѣ извѣстные намъ до сихъ поръ лекиѳы сюжеты ихъ рисунковъ.

Они берутся или изъ миѳологіи, героическихъ сказаній или изъ обыденной жизни. На лекиѳахъ 2 А 2, 5, 8, 10, 14, 70, 84, 122, 124 видимъ богиню Нику (Побѣду): она представлена или идущею или парящею въ воздухѣ (иногда надъ жертвенникомъ), или стоящею съ факелами (иногда тоже у жертвенника). Разъ художникъ представилъ богиню на охотѣ (2 А 5); разъ видимъ Нику съ вѣнкомъ въ рукахъ, который она держитъ надъ алтаремъ (2 А 10). На 2 А 123 Ника изображена летящею съ вѣнкомъ въ рукахъ къ могильному памятнику (отъ него видна лишь одна ступень). На 2 А 118 видимъ Нику съ Аполлономъ. [2]).

Нерѣдко изображается на лекиѳахъ Артемида (ср. 2 А 27, 73, 83). На 2 А 117 она — съ братомъ своимъ Аполлономъ. Затѣмъ видимъ Ириду (2 А 34, 42), Эосъ [3]), проливающую слезы предъ урной, содержащей прахъ сына ея Мемнона (2 А 13), Аѳину (2 А 21, рис. 11; 2 А 113), Эрота (2 А 121). На лекиѳѣ 2 А 28 изображена пляшущая менада, на 2 А 74 — Деметра съ Корой, на 2 А 114 и 115—одна Деметра, на 2 А 72 изображены Плутонъ и Персефона, на 2 А 25—Кадмъ, сражающійся съ дракономъ, на 2 А 119 Гераклъ, сражающійся

[1]) Верхнее вѣко обозначено двумя штрихами; обозначены и рѣсницы. Насколько выше нашъ мастеръ мастера лекиѳа 2 А 47, который (мастеръ) пытался также подробно вырисовать глазъ въ профиль!

[2]) Ср. Kieseritzky, Nike in der Vasenmalerei, 41 слл.

[3]) Ср. Heydemann, Gr. Vnb., къ Taf. V, 2.

съ Геріонеемъ, на 2 А 120—Гераклъ, приносящій жертву, на 2 А 125—Эней съ Анхизомъ, удаляющіеся изъ Трои, на 2 А 75—Орестъ и Электра на могилѣ Агамемнона, на 2 А 71 и 126 амазонки, на 2 А 127—кентавромахія. Разъ видимъ перса, бѣгущаго съ поля сраженія (2 А 35, рис. 12). Разъ художникъ нарисовалъ персидскаго царя на верблюдѣ (2 А 44)[1]. На лекиѳѣ 2 А 46[a] представленъ персидскій воинъ. На лекиѳѣ 2 А 109 видимъ грека, сраженнаго конною амазонкой.

Сцены изъ обыденной жизни весьма часты на лекиѳахъ нашей группы. Художники съ особенной любовью занимаются бытомъ юношей и женщинъ. Мы ихъ видимъ на картинахъ лекиѳовъ то совершающихъ различныя религіозныя церемоніи (ср. 2 А 17, 30, 39, 95, 132), то они бесѣдуютъ другъ съ другомъ [ср. 2 А 41, 59, 61, 63[2]), 99, 100, 112, 129].

Эфебовъ и мужчинъ видимъ то въ обычныхъ костюмахъ, то въ полномъ вооруженіи, то лишь съ копьями въ рукахъ, то нагими; иногда видимъ ихъ на лошадяхъ. Художникъ желаетъ дать типичныя фигуры мужчины, юноши, воина, охотника, палестрита, всадника (ср. 2 А 1, 3, 9, 12, 19, 23, 24, 29, 103[a] — 103[b], 116, 128, 136, 139, 141). Иногда видимъ сцены сраженій (2 А 140, 142, 143). На 2 А 135 представленъ мужчина, бесѣдующій съ женою.

Женщины и дѣвушки изображаются обыкновенно за ихъ обычными домашними занятіями: уходомъ за дѣтьми, пряжей, туалетомъ, играми, музыкой, пляской и т. п. Такого рода сюжеты видимъ на лекиѳахъ: 2 А 6, 15, 16, 26, 31—33, 36—38, 45—47, 48, 51, 56—58, 60, 64—67, 69, 76, 78, 80, 81, 85, 88—92, 93[a], 94, 96, 97, 102, 103, 106, 107, 130, 131, 133, 134, 137, 138.

Сюда же относятся лекиѳы, гдѣ авторъ картины желалъ дать типичную головку (ср. 2 А 18, 43).

Не одинъ разъ видимъ сцену прощанія мужа съ женой. На лекиѳѣ 2 А 101 представленъ воинъ, собирающійся на войну и надѣвающій на себя оружіе; противъ него стоитъ жена его и держитъ на рукахъ ребенка. Невольно вспоминается извѣстное мѣсто Иліады, гдѣ Гекторъ прощается съ Андромахой, когда смотришь на прелестную картину лекиѳа 2 А 101.

---

[1]) Ср. Köpp, Arch. Anz., VII (1892), 124 слл.

[2]) Едва ли здѣсь нужно усматривать Эѳру и Ѳесея. какъ это хочется Бозанкету (J. Hell. st., XVI (1896), 170). Иногда бываетъ неясно, обыкновенныхъ смертныхъ, или боговъ и героевъ надо видѣть на лекиѳахъ; это можно сказать, напр., о лекиѳахъ 2 А 3 (Зевсъ?), 2 А 110 (Ахиллъ?), 2 А 136 (Ахиллъ?) и т. п.

Не менѣе хороша картина на лекиѳѣ въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ (2 А 104). Здѣсь молодой воинъ пришелъ проститься съ дѣвушкой: она сидитъ на креслѣ (κλισμός) и съ грустью и участіемъ смотритъ на юношу, стоящаго противъ нея; юноша грустенъ и, видимо, озабоченъ. Зеркало, головная повязка и кувшинъ надъ головою дѣвушки надо представлять повѣшенными на стѣнѣ; такъ художникъ характеризовалъ мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе: это—комната дѣвушки.

На лекиѳѣ 2 А 105 видимъ опять воина, снаряжающагося въ походъ въ присутствіи жены. Онъ надѣлъ уже мечъ, взялъ копье; жена подаетъ ему шлемъ. Дѣйствіе происходитъ внутри дома: художникъ обозначилъ это стуломъ и кувшиномъ, повѣшеннымъ на стѣнѣ; утка, находящаяся между обѣими фигурами, также указываетъ на домашнюю обстановку [1]).

Видную роль въ жизни греческой женщины играло посѣщеніе могилъ родственниковъ. Правила религіи и любовь къ близкимъ побуждали ее часто отправляться на кладбище, чтобы совершить на могилѣ близкихъ людей тѣ или другія религіозныя церемоніи [2]). Посѣщеніе кладбища было однимъ изъ немногихъ случаевъ, когда женщины и дѣвушки могли однѣ появляться въ публичныхъ мѣстахъ. И это, конечно, могло не мало способствовать тому, что женщины такъ любили прогулки на кладбище. Онѣ отправлялись туда обыкновенно, чтобы украсить могилу лентами, положить на нее вѣнки и разныя другія вещи, предназначавшіяся въ даръ погребенному [3]). Среди такихъ вещей видно мѣсто занимали лекиѳы, какъ мы знаемъ изъ Аристофана [4]), схолій къ Hippias major Платона [5]) и по картинамъ на бѣлыхъ лекиѳахъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже [6]).

---

[1]) Ср. Munro, J. Hell. st., XII (1891), 316.

[2]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 80 слл.; Rayet-Collignon, Céramique, 233 сл.; Ю. А. Кулаковскій, Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ, Кіевъ, 1899, 50 слл.

[3]) Могильный памятникъ украшали, душили, какъ и самого умершаго. Ср. Wright, Amer. journ. of archaeology, II, 403.

[4]) Ecclesiaz., 996.

[5]) P. 368 C.

[6]) Ср. лекиѳы 2 А 155, 318, 402, 420 и т. д. Не трудно видѣть, почему именно лекиѳы приносили въ даръ умершимъ. Когда трупъ, вымытый и надушенный, полагался на парадное ложе для оплакиванія (πρόθεσις, ср. Pottier, Lécythes blancs, 11 слл.; Guhl u. Koner, Leben d. Griechen u. Römer, 479 слл.; Ю. А. Кулаковскій, Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ, 51), около него помѣщали лекиѳы съ духами (μύρον), чтобы не слышно было запаха отъ разложенія трупа. На изображеніяхъ πρόθεσις часто видимъ лекиѳы, разставленные около одра умершаго. Часто видимъ лекиѳы и на ступеняхъ стелы или привязанные ленточками къ стелѣ (ср. Heydemann, Gr. Vnb., XII, 2; Stackelberg, Gräber d. Hellenen, 45. 1 и т. д.).

На лекиөахъ нашей группы (2 A 1—143) не рѣдко видимъ картины, на которыхъ представлены женщины, или собирающіяся идти на кладбище съ приношеніями умершимъ: онѣ складываютъ въ корзины вѣнки, ленты, ставятъ лекиөы,—или уже шествующія туда съ приношеніями. Сюда относятся лекиөы: 2 A 46, 49, 52—55, 62, 68, 79, 86, 93, 108, 111 [1]). Что смыслъ сценъ, представленныхъ на послѣднихъ лекиөахъ такой, говоритъ (кромѣ шкатулокъ съ приношеніями въ рукахъ женщинъ) краснорѣчиво еще и надпись на лекиөѣ 2 A 111: дѣвушка, отправляясь на могилу умершаго Патрокла, восклицаетъ: Πάτροκλε χαῖρε [2]). Кромѣ того такіе лекиөы находимы были въ однихъ могилахъ съ лекиөами, картины которыхъ, несомнѣнно, относятся къ культу умершихъ [3]).

Мѣсто дѣйствія картинъ или женская половина дома (гинекей) или улица. Въ первомъ случаѣ различныя вещи—рабочія корзинки, стоящія на полу, зеркала, головныя повязки, сосуды, которые изображены около фигуръ и которые надо представлять развѣшанными по стѣнамъ комнаты, даютъ понять, что дѣйствіе происходитъ въ домѣ [4]).

Такъ какъ лекиөы часто служили приношеніями умершимъ, то весьма понятно, почему на нихъ сцены, имѣющія отношеніе къ культу умершихъ, стали со временемъ преобладать [5]). Указанные только что лекиөы, на картинахъ которыхъ видимъ женщинъ съ дарами, предназначенными умершимъ, являются переходными отъ раннихъ, сюжеты картинъ которыхъ берутся изъ миөологіи или обыденной жизни, къ болѣе позднимъ, гдѣ сюжеты картинъ исключительно касаются культа умершихъ. Къ переходнымъ можно отнести и лекиөъ 2 A 75, гдѣ представлены Орестъ и Электра на могилѣ Агамемнона: сюжетъ—миөологическій, но имѣющій ясное отношеніе къ назначенію лекиөа—служить даромъ умершему [6]). Ср. и картину лекиөа 2 A 123, гдѣ представлена Ника, летящая съ вѣнкомъ въ рукахъ къ могильному памятнику. По всей вѣроятности, иногда и жанровыя картины на лекиөахъ, которыхъ мы видѣли такъ много, имѣютъ тѣ или другія отношенія къ культу умершихъ: отдѣльныя фигуры и группы юношей и дѣвушекъ, госпожу

---

[1]) Ср. Weisshäupl, Festschrift f. Benndorf, 90 сля. («Die Anfänge der attischen Grablekythos»).

[2]) Ср. Weisshäupl, Festschr. f. O. Benndorf, 93.

[3]) Ср. Weisshäupl, ук. м.

[4]) Ср. Weisshäupl, тамъ же.

[5]) Ср. Wright, Amer. journ. of archaeology, II, 405.

[6]) Эта сцена и послужила, вѣроятно, прототипомъ столь часто встрѣчающихся композицій, представляющихъ дѣвушекъ и юношей у стелы. Ср. Pottier, Lécythes blancs, 112.

со служанкой, мужчинъ и женщинъ въ семейной, домашней обстановкѣ и т. д. мы видимъ обыкновенно и на аттическихъ надгробныхъ памятникахъ. Весьма возможно въ сценахъ прощаній на лекиѳахъ 2 А 101, 104, 105 усматривать аллегоріи; мастера лекиѳовъ весьма трогательно говорятъ лишь о временной разлукѣ и какъ-бы не желаютъ лишать надежды свидѣться съ тѣми, кто отправился въ царство Аида [1]). Какъ бы то ни было, мало-по-малу мастера лекиѳовъ стали писать только такія картины, которыя имѣютъ тѣсное отношеніе къ культу умершихъ.

Въ нашемъ спискѣ вазъ мы даемъ примѣры такихъ лекиѳовъ подъ 144 слл. (въ рубрикѣ 2 А). Къ нимъ надо прибавить еще лекиѳы 2 А 22, 77 и 98, которые мы поставили въ спискѣ раньше въ виду того, что они явно сдѣланы были тѣми же мастерами, какъ лекиѳы 2 А 21, 78 сл. и 99.

Но если группа лекиѳовъ 2 А 22, 77, 98, 144—202, по сюжетамъ картинъ, связывается съ позднѣйшей группой, рѣзко отличающейся отъ старшей тѣмъ, что рисунки у ея лекиѳовъ дѣлаются не лакомъ, а краской, по техникѣ, стилю рисунковъ и орнаментаціи эта группа безусловно одинакова съ группой 2 А 1—21, 23—76, 78—97, 99—143. Насколько близки нѣкоторые лекиѳы съ картинами, сюжеты которыхъ посвящены культу умершихъ, къ лекиѳамъ съ другими сюжетами, мы уже видѣли по лекиѳамъ 2 А 22, 77, 98, которые должны были быть сдѣланы въ тѣхъ же мастерскихъ, какъ эти послѣдніе. Какъ легко могли перейти мастера къ картинамъ, мѣсто дѣйствія которыхъ происходитъ у могилы, и къ другимъ, имѣющимъ отношеніе къ культу умершихъ, ясно изъ вышесказаннаго.

Все ведетъ къ заключенію, что группа лекиѳовъ 2 А 144—202 явилась въ тѣхъ же мастерскихъ, какъ и группа 2 А 1—143.

Какъ и въ разсмотрѣнной группѣ лекиѳовъ, въ группѣ 2 А 144—202 есть лекиѳы, рисунки которыхъ исполнены лишь въ контурахъ [2]), и такіе, гдѣ окрашены лишь второстепенные предметы (теніи, сосуды и т. п.) [3]). Такъ же, какъ въ прежней группѣ, складки у одеждъ фигуръ, гдѣ онѣ (одежды) раскрашиваются, иногда обозначаются тѣмъ

[1]) Едва ли, однако, правъ Вейссгейпль (Festschr. f. O. Benndorf, 90 слл.), который желаетъ видѣть на картинахъ лекиѳовъ 2 А 89, 92, 103 и др. отношеніе къ культу умершихъ: по его мнѣнію картины поименованныхъ лекиѳовъ и имъ подобныя представляютъ сборы на кладбище для почитанія умершихъ или шествіе туда. По нашему мнѣнію, у этихъ картинъ можетъ и не быть никакого отношенія къ культу умершихъ.

[2]) Ср. 2 А 171—174, 180—188, 190, 192.

[3]) Ср. 2 А 157, 164, 170, 175, 189.

или другимъ разведеніемъ лака [1]). Одинаково съ прежней группой трактуются и волосы фигуръ [2]).

Кромѣ техники, надписи, стиль рисунковъ и орнаментація лекиѳовъ 2 А 144—202 также указываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніями тѣхъ же фабрикъ, изъ которыхъ вышли и лекиѳы 2 А 1—143. На ихъ одновременность съ послѣдними указываетъ надпись Γλαύκων καλός на лекиѳѣ 2 А 177.

Стиль рисунковъ, какъ и на лекиѳахъ 2 А 1—143, на различныхъ экземплярахъ различенъ: мы видимъ здѣсь рисунки, еще весьма недалекіе отъ строгаго стиля [3]); главная масса рисунковъ относится къ переходному стилю (съ замѣтными откликами архаизма, но съ вполнѣ яснымъ стремленіемъ къ свободнымъ формамъ) [4]); наконецъ, и здѣсь есть лекиѳы, рисунки которыхъ исполнены уже въ прекрасномъ стилѣ [5]).

Однимъ изъ наиболѣе развитыхъ и типичныхъ лекиѳовъ группы 2 А 144—202 является лекиѳъ Аѳинскаго Національнаго музея изъ Эретріи, рисунокъ котораго воспроизводитъ наша таблица II [6]), и о формѣ котораго можно судить по рис. 18 (2 А 168

[1]) Ср. 2 А 144—149, 155. Часто складокъ не обозначаютъ, отчего одежда является сплошнымъ цвѣтнымъ пятномъ.

[2]) Ихъ общая масса обыкновенно дѣлается и здѣсь лакомъ болѣе густого разведенія, а отдѣльные локоны по краямъ болѣе слабымъ растворомъ. Нерѣдко встрѣчается подробная трактовка волосъ: на общемъ фонѣ коричневатаго цвѣта детали вырисовываются густымъ разведеніемъ лака. Ср. 2 А 148, 165, 166.

[3]) Сюда относятся лекиѳы 2 А 144—146, по стилю рисунковъ близкіе къ вазамъ съ надписями Γλαύκων καλός (ср. особ. лекиѳъ 2 А 47), 2 А 157—159, 164, 171—177, 179—182, 184, 185 (всѣ весьма небрежной работы), 2 А 195 (также близкій къ лекиѳамъ съ Γλαύκων καλός). Ср. Τσούντα, Ἐφ. ἀρχ., 1886, 33 слл.

[4]) Ср. 2 А 147 (одинаковый почти по стилю съ 2 А 75), 2 А 148 [юноша налѣво напоминаетъ по позѣ фигуры воина на рельефѣ конца V вѣка въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ—Ath. M., XI (1886), Taf. V,—Автилоха въ «Аидѣ» Полигнота, воиновъ въ сценахъ сраженій грековъ съ амазонками на вазахъ прекраснаго стиля и на рельефахъ V вѣка: вѣроятно, мастеръ лекиѳа стоитъ подъ вліяніемъ какой-нибудь картины полигнотовой школы], 2 А 149—152 (фигура мужчины, приложившаго въ печали руку ко лбу, по мотиву напоминаетъ одну фигуру въ «Иліонѣ» Полигнота: ср. Павсаній, X. 26, 9; Overbeck, SQ., 1050, A, 144 сл.; подобной мы представляемъ фигуру Антенора въ «Иліонѣ» Полигнота,—Антенора, смотрящаго на трупъ убитаго Агенора, ср. Robert. Iliupersis, 31), 2 А 153 (здѣсь ср. служанку-негритянку съ παῖς Αἰθίοψ въ «Аидѣ» Полигнота: мальчикъ-эѳіопъ Полигнота по характеристикѣ расы долженъ былъ быть аналогичной фигурой), 2 А 154 (на фигурѣ матери, оплакивающей сына, вѣроятно, вліяніе полигнотовой живописи; ср. Mon., VIII, tav. V, 2a-d; ср. Brunn, Abh. d. k. bayr. Akad. d. Wissensch., I Cl., II, Bd. XII, 1871, 132 слл.), 2 А 155, 156, 162, 186, 187, 189—194.

[5]) Ср. 2 А 160, 161, 163, 170.

[6]) Этотъ лекиѳъ изданъ былъ у Wallis, Pictures from greek vases. White athenian lekythi, London, 1896 (End and C°, 69 Great Eastern str.). Рисунокъ въ этой публикаціи совершенно не передаетъ стиля оригинала. Наша таблица, къ сожалѣнію, не удалась тоже

нашего списка). По формѣ, орнаментаціи, техникѣ и стилю рисунка лекиѳъ 2 А 168 весьма близокъ къ лекиѳамъ 2 А 104—106, которые, можетъ быть, сдѣланы и расписаны однимъ и тѣмъ же мастеромъ.

Всѣ орнаменты на нашемъ лекиѳѣ (равно какъ и на 2 А 104—106) исполнены коричневымъ разведеніемъ лака. Орнаменты эти обычные: на плечахъ вверху овы и подъ ними три пальметки; вверху на туловищѣ, кругомъ всей вазы, идетъ меандръ, прерывающійся андреевскими крестами (съ точками въ углахъ); подъ рисункомъ простая линія, сдѣланная лакомъ и идущая кругомъ всей вазы, обозначаетъ почву, на которой стоятъ фигуры. Облицовка вазы — блестящая, слегка желтоватаго оттѣнка (отъ обжиганія); она сравнительно прочна, и оттого рисунокъ лекиѳа сохранился отлично; при раскопкахъ лишь, очевидно, была выбита небольшая часть поверхности сосуда тамъ, гдѣ приходилось лицо юноши (отсюда профиль его не сохранился цѣликомъ).

Рис. 18. Бѣлый лекиѳъ (2 А 168) въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ.

На рисункѣ лекиѳа 2 А 168 въ центрѣ изображена стела, поставленная на двухъ ступеняхъ и увѣнчанная аканѳовыми листьями и сверхъ послѣднихъ еще пальметкою. Стела какъ разъ посрединѣ украшена красною теніей. Кругъ на второй ступени, скорѣе всего, долженъ изображать вѣнокъ [1]). Направо отъ стелы изображена дѣвушка со шкатулкою въ рукахъ. Изъ шкатулки, которая разукрашена различными орнаментами, свѣшиваются двѣ красныя и двѣ черныя теніи, которыя, конечно, тоже предназначены для украшенія стелы. Дѣвушка пришла, такимъ образомъ, къ могилѣ съ цѣлью почтить умершаго: украсить могильный памятникъ теніями и возложить на него различныя приношенія; вѣнокъ она уже положила на первую ступень памятника. На головѣ у дѣвушки надѣтъ

какъ слѣдуетъ: окрашена стела, которая на оригиналѣ сдѣлана лишь въ контурахъ. Фигуры юноши и дѣвушки переданы въ общемъ вѣрно, и потому таблица можетъ давать представленіе о колоритѣ оригинала.

[1]) Ср. Furtwängler, Beschreibung d. Vasensammlung im Antiquarium, къ №№ 2445 и 2446.

красный чепчикъ, повязанный еще широкою бѣлою лентой. Одеждою у нея служитъ дорическій (вверху двойной) хитонъ розоватаго цвѣта съ отворотомъ. Дѣвушка—въ обычномъ костюмѣ, въ которомъ появлялись аѳинскія женщины въ публичныхъ мѣстахъ [1]).

По другую сторону стелы представленъ стоящимъ совершенно нагой юноша со стригиломъ въ лѣвой рукѣ. Очевидно, авторъ картины желалъ представить юношу-палестрита, какъ ихъ часто можно наблюдать было въ аѳинскихъ γυμνάσια. Полная нагота юноши говоритъ противъ того, чтобы авторъ лекиѳа желалъ представить юношу, пришедшаго къ могилѣ съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и дѣвушка.

Аттическія надгробія изъ мрамора помогаютъ намъ выяснить смыслъ фигуры юноши на нашемъ лекиѳѣ. На надгробіяхъ обыкновенно изображается умершій такимъ, какъ его знали при жизни. Мастера надгробныхъ памятниковъ желали прежде всего дать „образъ умершаго и представить его какъ-бы въ дѣйствительности присутствующимъ на барельефѣ". Положенія, въ которыхъ изображали умершихъ на рельефахъ, выбирались такія, которыя были характерны при ихъ жизни [2]): воина изображали при оружіи, женщинъ съ дѣтьми или за туалетомъ и т. д. Такъ какъ мѣсто сцены, изображаемой на надгробномъ памятникѣ, было совершенно неопредѣленное, это позволяло вводить въ нее живыхъ, бывшихъ близкими и умершему; такимъ образомъ явились картины, представлявшія умершаго въ общеніи съ живыми, изображавшія его такимъ, какимъ онъ былъ нѣкогда при жизни [3]). Такъ и на картинѣ нашего лекиѳа юноша-палестритъ представляетъ умершаго, почтить память котораго пришла дѣвушка. Онъ какъ-бы присутствуетъ у могилы и видитъ назначенныя въ честь его дары [4]).

Лекиѳы 2 А 104—106 и 168 отличаются значительнымъ прогрессомъ въ моделированіи фигуръ; въ одну группу связываетъ ихъ манера, какою ихъ мастера достигаютъ того, чтобы фигуры производили пластическое дѣйствіе. Почти всѣ контуры дѣлаются здѣсь довольно слабымъ разведеніемъ лака, дающимъ желтый цвѣтъ; затѣмъ контуры тѣхъ частей у фигуръ, которыя менѣе освѣщены, рисуются второй разъ уже болѣе густымъ разведеніемъ лака (коричневымъ); вообще болѣе рѣзкія тѣни обозначаются болѣе густымъ растворомъ лака, а

---

[1]) Ср. женщинъ на фризѣ Парѳенона, изображающемъ торжественную процессію Панаѳиней, Коръ Эрехѳейона и т. д.

[2]) Ср. A. de Ridder, De l'idée de la morte en Grèce à l'époque classique, 184.

[3]) Ridder, 163 сля.

[4]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 80 сля.; Rayet-Collignon, Céramique, 233; Ridder, L'idée de la mort en Grèce, 178 сля.

болѣе слабыя—менѣе густымъ. Такимъ образомъ, напр., нѣкоторыя анатомическія детали на тѣлѣ юноши, рѣсницы дѣвушки, локоны ея на затылкѣ сдѣланы только желтымъ; наоборотъ, главныя складки на одеждѣ дѣвушки, нѣкоторыя наружныя очертанія фигуръ (ср. особ. контуры лѣвой ноги юноши или контуры правой руки дѣвушки) почти черныя. Замѣчательна трактовка короткихъ кудрявыхъ волосъ у юноши: мастеру лекиѳа 2 А 168 удалось здѣсь достигнуть уже гораздо большаго, чѣмъ тѣмъ мастерамъ, о которыхъ мы говорили выше. Фигура дѣвушки (типъ, стиль) напоминаетъ весьма и фигуры менадъ на извѣстномъ намъ кратерѣ Museo Gregoriano (II, 26) въ Римѣ и на лекиѳахъ съ именемъ прекраснаго Гигіенона (ср. особ. парижскій лекиѳъ 2 А 62). Въ основѣ типъ дѣвушки—тотъ же, что у богинь на киликѣ Британскаго музея Е 82 (рис. 7). Чепецъ и лента на головѣ дѣвушки относятся къ тѣмъ же mitrae versicolores, какъ головныя повязки у фигуръ на кратерѣ въ Museo Gregoriano и на бѣлыхъ лекиѳахъ (2 А 47, 64 и т. д.).

По постановкѣ фигура дѣвушки на лекиѳѣ 2 А 168, хотя весьма близка еще къ фигурѣ музыкантши справа на лекиѳѣ 2 А 64 (рис. 15), однако, у нея уже нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса: фигура здѣсь живѣе, менѣе угловата; гораздо лучше уже художникъ умѣлъ передать то, что вся тяжесть тѣла у фигуры покоится на одной правой ногѣ. Но, какъ на лекиѳѣ 2 А 64, обѣ ступни дѣвушки и здѣсь изображены въ фасъ.

Совершенно также поставлена фигура воина на лекиѳѣ въ Британскомъ музеѣ (2 А 105 нашего списка). Напротивъ, фигура стоящей служанки на лекиѳѣ въ Парижѣ (2 А 62) уже ближе къ схемѣ развитого прекраснаго стиля (ср. выше, гл. IV). Весьма любопытна трактовка одежды у дѣвушки на лекиѳѣ 2 А 168. На первый разъ можетъ показаться, что авторъ лекиѳа желалъ представить прозрачный хитонъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Лѣвая нога дѣвушки отодвинута нѣсколько въ сторону и назадъ. Внизу, гдѣ нога не касается одежды, контуровъ ноги не обозначено. Не обозначено ихъ и у правой ноги, гдѣ одежда ея не касается. Ясное дѣло, что художникъ желалъ представить не прозрачную матерію, а желалъ, чтобы подъ одеждой слегка обрисовывались формы ногъ, чтобы одежда была какъ бы „эхомъ тѣла". Ни малѣйшей прозрачности одежды не замѣтно и въ верхней части хитона: и здѣсь складки одежды находятся въ зависимости отъ формъ, которыя она облекаетъ.

Фигура юноши въ трактовкѣ тѣла представляетъ переходную стадію отъ строгаго къ прекрасному стилю: мускулатура уже не обозначается

*

съ такою тщательностью и подробностью, какъ у фигуръ на вазахъ Евфронія, Дуриса, Брига (ср. особ. трактовку рукъ, ляшекъ, живота); но все ѳще чувствуется, что авторъ нашего лекиѳа не далекъ отъ нихъ по времени: въ трактовкѣ туловища и колѣнъ онъ все еще не освободился вполнѣ отъ схемъ, установленныхъ въ строгомъ стилѣ, и не достигъ той свободы, какъ мастеръ килика Британскаго музея (Е 82) (рис. 7). Очень интересна постановка фигуры юноши: сравнивая ее съ постановкой Ганимеда на только что названномъ киликѣ, легко замѣтимъ, насколько фигура юноши на киликѣ 2 А 168 ближе къ фигурамъ прекраснаго стиля, чѣмъ, напр., мужскія фигуры на киликахъ 2 А 104 и 105,—и какъ нашъ художникъ былъ еще неопытенъ въ постановкѣ фигуръ по новой схемѣ: всякому бросится въ глаза неловкая трактовка лѣвой ноги юноши, не несущей тяжести тѣла.

Постановка фигуръ на лекиѳахъ 2 А 104—106 и 168 еще больше, чѣмъ техника, типы фигуръ и трактовка отдѣльныхъ ихъ частей, говоритъ за то, что эти лекиѳы по времени весьма не далеки отъ прежде нами разсмотрѣнныхъ; но, съ другой стороны, постановка же фигуръ является и однимъ изъ много говорящихъ доказательствъ того, что эти лекиѳы весьма близки по времени къ вазамъ развитого прекраснаго стиля, классическимъ примѣромъ котораго является киликъ Британскаго музея Е 82 (рис. 7) [1]).

Оканчивая рѣчь о лекиѳѣ 2 А 168, замѣтимъ, что аканѳовые листья, которыми увѣнчана стела, здѣсь весьма не велики и формы ихъ сильно стилизованы, не натуральны; пальметка же на стелѣ отличается простотою и строгостью формы.

Весьма близокъ къ лекиѳамъ группы 2 А 104—106, 168 лекиѳъ Британскаго музея D 58 (2 А 167 нашего списка): форма лекиѳа, его облицовка, орнаментація, краски и лакъ, контуры въ рисункѣ выдаютъ, что и лекиѳъ 2 А 167 вышелъ изъ той же фабрики, какъ выше названные.

Нѣсколько необычнымъ и исключительнымъ является то, что фигура Гипноса (направо) на лекиѳѣ 2 А 167 вся выкрашена буро-красною краскою [2]). До сихъ поръ мы не видѣли еще примѣровъ, чтобы

[1]) Фигуру юноши на 2 А 168 ср. съ Ганимедомъ на киликѣ Брит. м. Е 82 (рис. 7); дѣвушка поставлена совершенно какъ Комъ на киликѣ Е 82. Ср. затѣмъ женщину на лекиѳѣ 2 А 105 съ Афродитой, а дѣвушку на лекиѳѣ 2 А 104 съ сидящими богинями на томъ же киликѣ и т. д.

[2]) На ларцѣ Кипсела Гипносъ былъ черный. Ср. Павсаній, V 18, 1 (Overbeck, SQ., 256, 53 слл.). Нашъ лекиѳъ разъясняетъ текстъ Павсанія такъ, что на ларцѣ

окрашивалось тѣло у фигуръ, исключая бѣлаго тѣла у женскихъ фигуръ (рѣдко у мужскихъ) на лекиѳахъ 2 А 47 слл. [1]).

На картинѣ лекиѳа 2 А 167 изображены богъ смерти Ѳанатосъ и его братъ—богъ сна Гипносъ, полагающіе въ могилу [2]) у стелы тѣло павшаго въ битвѣ воина [3]). Могильный памятникъ — широкая стела на двухъ ступеняхъ; вверху она украшена карнизомъ. Подъ послѣднимъ нарисованъ на стелѣ шлемъ [4]); подъ шлемомъ черезъ всю стелу проходитъ фризъ изъ овъ, заключенныхъ сверху и снизу двумя параллельными линіями. Весьма интересна фигура Ѳанатоса: его тѣло покрыто перьями. Лучшую аналогію представляетъ для Ѳанатоса, изображеннаго

Кипсела Гипносъ, а не Ѳанатосъ, былъ чернымъ. Ср. Preller-Robert, Griech. Mythologie, I, 844, 3. Робертъ (Thanatos, 24) объясняетъ это такъ, что у Гипноса теплая кровь, тогда какъ свѣтлый цвѣтъ Ѳанатоса и умершаго обозначаетъ смертную блѣдность. Поттье (Lécythes blancs, 31) объясняетъ темный цвѣтъ Гипноса его ночнымъ служеніемъ (ср. Иліада, XIV, 291; Pierron, Iliade, II, 69, note 291; Евстаѳ. ad Homer., 986, v. 291), по нашему, съ большею вѣроятностью. Ср. G. E. Lessing, Laokoon, 121; Wie die Alten d. Tod. gebildet, 317 слл.; Winnefeld, Hypnos, Berlin, 1886, 2.

[1]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 132.

[2]) Раскопки въ аѳинскомъ Керамикѣ показали, что могильная яма вырывалась передъ стелой. Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 90.

[3]) Исторію этой композиціи см. у Robert, Thanatos, 8 слл., 16 слл.; ср. Pottier, Lécythes blancs, 25 слл. Первоначально композиція употреблялась для изображенія Ѳанатоса и Гипноса, которые несутъ тѣло Сарпедона; позднѣе Ѳанатосъ и Гипносъ изображались несущими тѣло Мемнона. На бѣлыхъ лекиѳахъ они несутъ въ могилу обыкновенныхъ смертныхъ (иногда и женщинъ, ср. лекиѳъ 2 А 195). Сначала, конечно, этотъ мотивъ взятъ былъ для обыкновеннаго смертнаго изъ-за сходства судьбы его съ судьбою Сарпедона: павшій въ бою воинъ, умершій на чужбинѣ, по милости Зевса переносится Гипносомъ и Ѳанатосомъ, πομποὶ κραιπνοί, на родину. На греческихъ вазахъ трансформаціи миѳологическихъ и героическихъ сценъ въ сцены обыденной жизни—обычны. Ср. Löschcke, A. Z., 1876, 116; Robert, Bild u. Lied, passim; Pottier, Lécythes blancs, 112; Murray, Wh. V., къ pl. XI. Вопреки Роберту (Thanatos, 6, 35) мы, вслѣдъ за Поттье (ук. с., 26 слл.), полагаемъ, что миѳъ о Гипносѣ и Ѳанатосѣ не составляетъ свободнаго вымысла какого-нибудь поэта, а является созданіемъ народа.

Сначала Ѳанатосъ и Гипносъ не различались по возрасту и считались близнецами; но уже съ V вѣка (ср. Preller-Robert, Griech. Mythologie, I, 844) Ѳанатосъ всегда изображается старшимъ. Ср. любопытное свидѣтельство Евклида изъ Мегаръ у Стобея, Florileg., VI, 65. На бѣлыхъ лекиѳахъ всегда Ѳанатосъ бородатый мужчина, а Гипносъ безбородый юноша. Лекиѳъ, изданный у Поттье, Lécythes blancs, pl. II,—поддѣлка: этотъ лекиѳъ несоразмѣрно великъ; техника и стиль не имѣютъ себѣ аналогій среди вазъ V вѣка; двѣ фигуры по сторонамъ центральной группы и стулъ въ центрѣ композиціи нелѣпы. На этомъ лекиѳѣ Гипносъ съ бородой: очевидная фантазія фальсификатора. Въ бытность нашу въ Аѳинахъ намъ пришлось видѣть нѣсколько лекиѳовъ, одинаковыхъ приблизительно по размѣрамъ и стилю съ изданнымъ у Поттье, причемъ намъ называли имя мастера, ихъ сдѣлавшаго; спеціалисты, видѣвшіе эти лекиѳы, всѣ были согласны въ томъ, что они—фальшивы.

[4]) Шлемъ указываетъ на профессію погребаемаго, какъ на другихъ вазахъ щиты, мечи и т. п. Ср., напр., Benndorf, Gr. S. Vnb., 21, 2; Dubois-Maisonneuve, Peintures d. vases antiques, II, 33; id., Introduction à l'étude d. vases, pl. 10; Millingen-Reinach, 14, 19; R. Rochette, Mon. inédits, 151; 2. Cp. Pottier, Lécythes blancs, 33.

на нашемъ лекиѳѣ, Евриномъ въ „Аидѣ“ Полигнота (Павсаній, X, 28, 7; Overbeck, SQ., 1050, B, 42 слл.).

Интересна и красивая, выразительная, нѣсколько мрачная [1]) голова Ѳанатоса съ растрепанными волосами (αὐχμώδης κόμη) и густой бородой. Ее надо сопоставить съ экспрессивными головами фигуръ на кратерѣ изъ Орвіето въ Луврѣ, отношеніе котораго къ живописи Полигнота уже много разъ указывалось (ср. выше) [2]). Съ послѣднимъ кратеромъ и опять съ Полигнотомъ [3]) связываетъ картину нашего лекиѳа лицо погребаемаго воина, изображенное въ три четверти. Типъ воина ср. съ типомъ пораженнаго Ніобида на кратерѣ изъ Орвіето въ Луврѣ и съ типомъ ѳракійца, въ фасъ, на берлинской келебѣ съ изображеніемъ Орфея (табл. IV). Мы знаемъ, что и картину этой келебы ставили въ тѣсныя отношенія съ „Аидомъ“ Полигнота (ср. выше, гл. II). Чрезвычайно благородный типъ Гипноса — достояніе развитого прекраснаго стиля; глубокая серьезность въ выраженіи у Гипноса такова же, какъ у Гермія на кратерѣ въ Museo Gregoriano, который выше мы поставили также въ связь съ Полигнотомъ. Замѣтимъ еще, что и окраска всей фигуры Гипноса въ темный цвѣтъ находитъ себѣ прямую аналогію въ фигурѣ Евринома въ полигнотовомъ „Аидѣ“ [4]). Наконецъ, и вся группа, изображенная на лекиѳѣ, повторяетъ мотивъ полигнотова „Иліона“ [5]).

Мы рѣшаемся высказать это потому, что группа эта часто встрѣчается на бѣлыхъ лекиѳахъ почти безъ измѣненій въ главныхъ линіяхъ.

Назовемъ слѣдующіе лекиѳы: 2 A 167, 195, 221, 273, 334, 362.

Такая популярность группы указываетъ на то, что она копируетъ какой-то знаменитый оригиналъ. Оригиналъ этотъ, несомнѣнно, позже 480 года, такъ какъ аналогичныя группы въ строгомъ стилѣ отличаются отъ группъ, которыя видимъ на бѣлыхъ лекиѳахъ [6]). Въ первый

---

[1]) Поттье (Lécythes blancs, 31 сл.) усматриваетъ изъ-за этого на лекиѳѣ абсолютно другое, мрачное пониманіе смерти на картинѣ этого лекиѳа,—пониманіе, котораго не видимъ на другихъ лекиѳахъ съ изображеніемъ Ѳанатоса и Гипноса, πομποὶ κραιπνοί умершихъ.

[2]) Ср. еще 50 Brl. Winckelmannspr., 51 L, 35.

[3]) Ср. введеніе.

[4]) Ср. Павсаній, X, 28, 7 (Overbeck, SQ., 1050, B, 42 слл.).

[5]) Ср. Павсаній, X, 27, 3 (Overbeck, SQ., 1050, A, 167 слл.).

[6]) Въ композиціяхъ строгаго стиля трупъ всегда почти въ горизонтальномъ положеніи. Въ новомъ стилѣ туловище умершаго въ этой группѣ приподнято больше вверхъ: умершій въ полусидячемъ положеніи. Вотъ примѣры группы въ строгомъ стилѣ: 1) ваза изъ Цере [Mon., VI–VII, tav. XXII; Ann., 1858, 352 слл. (Brunn); Robert, Thanatos, 7]. 2) киликъ Памфея въ Британскомъ музеѣ E 12 [Gerhard, A. V., III, 221–2; Overbeck, Bildw., Taf. XXII, 14, стр. 533; W. Bl., D, 3; Klein, Euphr.², 272; Robert, Thanatos, 9], 3) черно-фигурная амфора въ Луврѣ (Robert, Thanatos, 8 слл.). Возможно,

разъ мы видимъ такую группу, отличную отъ группъ строгаго стиля, на фрагментѣ бѣлаго лекиѳа въ Берлинѣ (2 А 195). Послѣдній, какъ мы видѣли, одновременень съ вазами, прославляющими Главкона, сына Леагра. Отсюда слѣдуетъ, что новая группа явилась приблизительно въ 470—460 годы.

Аттическая вазовая живопись, весьма вѣроятно, заимствовала ее такъ или иначе изъ „Иліона" Полигнота въ Дельфахъ.

Весь рядъ лекиѳовъ 2 А 1 — 202 образуетъ одну группу. За древнѣйшими лекиѳами, употреблявшими въ видѣ краски лишь черное разведеніе лака, слѣдуютъ лекиѳы, на картинахъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ для окраски разныхъ предметовъ употребляется пурпурная и красная (vermilion) краски [1]). Мало-по-малу черное разведеніе лака перестаетъ употребляться совершенно; рисунокъ или дѣлается только въ контурахъ или раскрашивается разбавленнымъ лакомъ, красною и пурпурною красками. Затѣмъ идутъ лекиѳы, на которыхъ все болѣе и болѣе развивается полихромія въ подражаніе монументальной живописи и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствуется облицовка, на которой пишутся картины лекиѳовъ. Контуры рисунковъ на нашей группѣ лекиѳовъ дѣлаются всегда лакомъ: на древнѣйшихъ экземпля-

---

что на лекиѳахъ сидячее положеніе у мертваго обусловливается узостью поверхности, на которой находится композиція (ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 89); возможно, что здѣсь сказалась и нелюбовь греческаго искусства, особенно его классическаго періода, къ мертвымъ, окоченѣлымъ формамъ, которыя всегда дѣйствуютъ отталкивающимъ образомъ (ср. Pottier, Lécythes blancs, 31 слл., 63; Furtwängler, Hektors Lösung въ Histor. u. phil. Aufsätze Curtius gewidmet, 188; Rayet-Collignon, Céramique, 232; Curtius, ук. р.), и новое пониманіе Ѳанатоса (ср. Robert, Thanatos, 27; Pottier, ук. с., 31 сл.; Preller-Robert, Griech. Mythologie, 844 сл.). Сидячая поза, кромѣ того, соотвѣтствуетъ болѣе достоинству умершаго (ср. Pottier, ук. с., 32). Но, что самое важное, по нашему, она красивѣе вытянутаго положенія, и мастера бѣлыхъ лекиѳовъ предпочитаютъ ее для фигуры мертваго по тѣмъ же чисто эстетическимъ соображеніямъ, какъ, напр., Тиціанъ для Христа въ своемъ «Положеніи во гробъ». Ср. Ridder, De l'idée de la mort en Grèce, 161.

[1]) Лекиѳы этой группы одно время принято было называть локрскими, потому что бо́льшая часть извѣстныхъ тогда экземпляровъ ихъ найдена была въ Локрахъ и въ некрополяхъ Италіи и Сициліи (ср. нашъ списокъ вазъ). Ср. O. Jahn, Einl., XXXIV сл.; Heydemann, Mittheilungen aus d. Antikensammlungen in Ober- und Mittelitalien. III Hallisch. Winckelmannspr., 56, 135; Fivel, Gaz. archéol., 1878, 183; Pottier, Lécythes blancs, 4 сл., 103 сл.; Dumont, Peintures céramiques de la Grèce propre, 1876, 52 (Céramiques, II); Rayet-Collignon, Céramique, 216; Pottier у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, къ pl. XI и XXIV; Collignon, Catalogue, 88 слл.; J. H. Wright, Americ. journ. of archaeology, II, 405.

рахъ его густымъ разведеніемъ, на позднѣйшихъ разбавленнымъ. На послѣднихъ замѣчается стремленіе моделировать фигуры.

Рисунки на лекиѳахъ 2 А 1—202 главнымъ образомъ принадлежатъ переходному стилю.

Строго связаны всѣ лекиѳы 2 А 1—202 между собою и по размѣрамъ, формѣ и орнаментаціи. Въ періодъ переходнаго стиля лекиѳы представляютъ строгое цѣлое, и въ формѣ, и въ орнаментаціи, и въ рисункѣ [1]). Одинъ и тотъ же мастеръ дѣлаетъ теперь и самую вазу и ея рисунокъ съ орнаментами.

Всѣ лекиѳы ряда 2 А 1—202 немного разнятся по величинѣ: высота лекиѳа бываетъ отъ 15 до 50 сантиметровъ. При этомъ лекиѳы наиболѣе древніе вообще меньше по размѣрамъ. Сравнительною величиною отличаются лекиѳы 2 А 48 слл. [2]).

Что касается формы лекиѳовъ, то она не испытываетъ особенно рѣзкихъ измѣненій въ періодъ переходнаго и прекраснаго стилей. Лекиѳы переходнаго стиля все время лишь слегка варіируютъ одну форму (см. Furtwängler, Vasensammlung im Antiquarium, Taf. VI, 176): довольно длинное цилиндрическое туловище, суживающееся внизу къ маленькой круглой подставкѣ, рѣзко отдѣленныя отъ него и сначала почти съ горизонтальною поверхностью плечи, сравнительно короткое, узкое горлышко, на которомъ утверждена расширяющаяся кверху головка; отъ нижняго конца ея идетъ небольшая ручка, которая доходитъ до края плечъ лекиѳа [3]).

У болѣе древнихъ экземпляровъ туловище немного короче, чтò всей вазѣ сообщаетъ менѣе стройности; у нихъ, кромѣ того, выгибъ туловища внизу (къ ножкѣ) рѣзче. Постепенно лишь выработанъ былъ красивый, элегантный выгибъ. Изъ другихъ измѣненій формы лекиѳа укажемъ на то, что плечи постепенно уклоняются отъ горизонтальной поверхности и немного приподнимаются; горлышко становится длиннѣе и уже; головка бываетъ то уже, то шире, то въ формѣ воронки, то въ формѣ чашки; довольно много незначительныхъ варіантовъ имѣетъ форма и орнаментація подставки [см. особ. у Фуртвенглера въ его каталогѣ вазъ Берлинскаго музея, II, 524 слл., 678 слл.; ср. Weisshäupl, Ath. M., XV (1890), 60]. Гораздо больше измѣненій происходитъ въ орнаментаціи лекиѳовъ.

Весьма любопытенъ фактъ, что у древнѣйшихъ лекиѳовъ бѣлая

---

[1]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 174.
[2]) Ср. Weisshäupl, Ath. M., XV (1890), 44, 60.
[3]) Ср. Wright, Americ. journ. of archaeology, II, 403 сл.

облицовка никогда не встрѣчается на плечахъ; совершенно ясно, что она первоначально служила лишь для фона картинъ. И это указываетъ на то, что мастера лекиѳовъ подражали великимъ мастерамъ ихъ времени, писавшимъ, какъ мы знаемъ, картины по бѣлому фону.

Такъ, у лекиѳовъ 2 А 1—7, 9, 10, 13—17, 19, 23—24, 27, 31—34, 38—41, 43—45, 63—71, 108, 171—175, 178—180, 185, 196—202 плечи еще не покрыты бѣлой облицовкой, которою облицовано туловище, предназначенное для картины, а оставлены безъ всякой облицовки. Есть лекиѳы, у которыхъ плечи покрываются чернымъ лакомъ, а орнаменты на нихъ исполняются въ красно-фигурной техникѣ, какъ у перечисленныхъ выше лекиѳовъ въ черно-фигурной (ср. лекиѳы 2 А 8, 78, 79, 80, 109).

Бѣлую облицовку на плечахъ видимъ уже у лекиѳовъ 2 А 11, 18, 21, 36, 42, 48, 52—57, 61, 72, 74—78, 82, 87—89, 94, 97—107, 148—170 и т. д. Обыкновенно у тѣхъ лекиѳовъ, у которыхъ плечи покрыты бѣлой краской, ручка бываетъ вся покрыта чернымъ лакомъ. У другихъ, которые еще не имѣютъ бѣлой облицовки на плечахъ или у которыхъ плечи облицованы чернымъ лакомъ, ручка лишь съ наружной стороны покрывается лакомъ [1]). Отчасти и орнаментъ, который видимъ на плечахъ лекиѳа, зависитъ отъ того, облицованы краскою плечи или нѣтъ. Обыкновенными орнаментами на плечахъ у лекиѳовъ, безъ бѣлой облицовки, бываютъ или два ряда вертикально расположенныхъ черточекъ (одинъ надъ другимъ) [2]), или три вѣтки съ пятью пальметками. Дѣлаются эти орнаменты всегда лакомъ.

Примѣрами перваго являются лекиѳы 2 А 6, 9, 17, 38—41, 44, 45, 171 слл., 185; примѣрами второго могутъ служить лекиѳы 2 А 1—4, 7, 10, 20, 24, 27, 32, 33, 41, 43, 69—71, 164 и т. д. На нѣкоторыхъ лекиѳахъ (ср., напр., 2 А 66, 67, 70) на плечахъ являются пять пальметокъ, и надъ ними, кромѣ того, рядъ вертикально расположенныхъ черточекъ. Иногда, вмѣстѣ пяти, видимъ только четыре пальметки (ср. 2 А 16); на 2 А 15—четыре пальметки и рядъ вертикально расположенныхъ черточекъ.

На лекиѳахъ, плечи которыхъ имѣютъ черную лаковую облицовку,

---

[1]) Ср. Weisshäupl, Ath. M., XV (1890), 60.

[2]) Особенно древній лекиѳъ 2 А 34 имѣетъ на плечахъ гирлянду лотосовыхъ бутоновъ и надъ нею рядъ черточекъ. Позднѣе гирлянда бутоновъ лотоса (обычная на лекиѳахъ архаическаго времени) замѣнена была рядомъ черточекъ. На лекиѳахъ, приведенныхъ въ нашемъ спискѣ вазъ, не встрѣчается уже вовсе на плечахъ изображеній животныхъ, какъ въ архаическую эпоху.

обыкновеннымъ орнаментомъ являются три пальметки съ двумя цвѣтами лотоса, всѣ на одной вѣткѣ (ср. 2 А 79).

На лекиѳахъ, у которыхъ и плечи имѣютъ бѣлую облицовку, обычнымъ орнаментомъ служатъ три пальметки (на одной вѣткѣ) и фризъ изъ овъ вверху (вмѣсто ряда черточекъ). Орнаментъ и здѣсь дѣлается обыкновенно лакомъ того или другого разведенія; при этомъ иногда нѣкоторые лепестки пальметокъ дѣлаются красной краской. Сюда относятся 2 А 11, 48, 52—57, 72, 74, 75, 89, 97 и т. д. (у 2 А 48, 52, 53, 74, 78, 155, 157, 159 видимъ въ пальметкахъ лепестки, по очереди сдѣланныя красною краской и лакомъ).

Три пальметки на плечахъ лекиѳовъ располагаются по тремъ схемамъ [1]). Одна схема [A, J. Hell. st., XVI (1896), 175, f. 3] встрѣчается и на лекиѳахъ красно-фигурной техники [2]); ее мы видимъ на нашихъ лекиѳахъ 2 А 48, 52, 53, 56, 62, 103. Неудачнымъ варіантомъ первой схемы надо признать схему на лекиѳѣ 2 А 53 [B, J. Hell. st., XVI (1896), 176, f. 4]. Наконецъ, третья схема [C, J. Hell. st., XVI (1896), 177, f. 5]—обычная на бѣлыхъ лекиѳахъ съ конца переходнаго стиля. Въ первый разъ мы видимъ ее на лекиѳахъ 2 А 61 и 74, которые, какъ мы знаемъ, являются одними изъ наиболѣе развитыхъ по стилю рисунковъ среди лекиѳовъ, гдѣ тѣло женскихъ фигуръ окрашивается бѣлою краской. На лекиѳѣ съ Ὑγιαίνων καλός въ Луврѣ (2 А 62), на которомъ для женскаго тѣла примѣняется бѣлая краска, видимъ первую схему (A) расположенія пальметокъ. Но уже на лекиѳѣ тоже съ Ὑγιαίνων καλός Британскаго музея (2 А 89) видимъ третью схему (C), которая и утверждается теперь почти безъ измѣненій навсегда на лекиѳахъ [3]).

И орнаменты указываютъ, что всѣ лекиѳы ряда 2 А 1—202 явились въ весьма близкихъ другъ ко другу мастерскихъ: мы видимъ иногда и на лекиѳахъ, плечи которыхъ имѣютъ бѣлую облицовку, гирлянду лотоса и рядъ вертикально расположенныхъ черточекъ (ср. 2 А 21), или два ряда вертикально расположенныхъ черточекъ (ср. 2 А 18), или пять пальметокъ (2 А 42, 76), или три пальметки съ двумя цвѣтами лотоса (2 А 77), или три пальметки съ двумя цвѣтами лотоса (2 А 93) и т. п.

Точно также иногда въ орнаментѣ на плечахъ мы видимъ круги

---

[1]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 174 сл.

[2]) Ср., напр., два красно-фигурныхъ лекиѳа въ Бостонѣ (№№ 445 и 446 по каталогу Робинсона), лекиѳы въ Аѳинахъ (№ 1645), въ Оксфордѣ (№ 320) и т. д.

[3]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 176.

какъ у лекиѳовъ, плечи которыхъ не имѣютъ вовсе облицовки (ср., напр., 2 А 70), или облицованы чернымъ лакомъ (ср. 2 А 80), или покрыты бѣлою краской (ср. 2 А 52, 53) и т. д..

Нижняя часть туловища лекиѳовъ, равно какъ головка, обыкновенно бываютъ покрыты чернымъ лакомъ.

На верхнемъ краю туловища, надъ картиной, обыкновенно бываетъ меандръ, сверху и снизу заключенный двумя или четырьмя параллельными линіями. Меандръ бываетъ иногда и подъ картиной [1]). Параллельныя линіи, заключающія меандръ, большею частью идутъ кругомъ всего сосуда. Примѣрами послѣдняго могутъ служить лекиѳы 2 А 48, 52, 53, 56, 74, 77, 78, 79, 80, 105, 107, 152 и т. д. Напротивъ у лекиѳовъ 2 А 67, 68, 71, 74 и параллельныя линіи, какъ меандръ, находятся только надъ картиной. У лекиѳа 2 А 70 двѣ параллельныя линіи, которыя заключаютъ меандръ сверху, идутъ кругомъ всего сосуда, а двѣ нижнія параллели, равно какъ и самый меандръ, идутъ лишь надъ картиной. У нѣкоторыхъ параллельныя линіи идутъ кругомъ всего сосуда, а меандръ только надъ фигурами (2 А 99, 143, 148, 167 и т. д.). У 2 А 109 меандръ между параллельными не сдѣланъ вовсе.

Меандръ бываетъ то сплошной, то прерывается крестами, форма которыхъ имѣетъ тоже нѣсколько варіантовъ или квадратиками, украшенными узоромъ шахматной доски [2]).

Подъ картиной бываетъ иногда линія, обозначающая почву (ср., напр., 2 А 67, 68, 76), которая часто идетъ кругомъ всего сосуда [3]).

Часто видимъ на древнѣйшихъ экземплярахъ параллельныя линіи (кругомъ всего сосуда) на нижней покрытой чернымъ лакомъ части лекиѳовъ. Число ихъ бываетъ различно: на 2 А 8— только одна такая линія, на 2 А 4, 10, 24 ихъ по двѣ, на 2 А 185 ихъ три, на 2 А 42— пять. Большею частью эти линіи дѣлаются пурпурной краской (2 А 4, 8, 10, 24, 42, 185). На 2 А 16 одна линія сдѣлана пурпурной краской, другая разбавленнымъ лакомъ, третья въ красно-фигурной техникѣ. На 2 А 15 видимъ пурпурную лаковую и сдѣланную бѣлой краской

---

[1]) Это видимъ главнымъ образомъ на болѣе древнихъ экземплярахъ: напр., на лекиѳахъ 2 А 11, 52, 79, 93. Ср. Wright, Americ. journ. of archaeology, II, 405 сл.; Weisshäupl, Festschrift f. O. Benndorf, 91.

[2]) Примѣры: 2 А 95 (сплошной), 2 А 89 (съ обыкн. крестами), 2 А 105, 168 (съ андреевскими крестами). 2 А 91 (съ квадратиками). Иногда кресты въ меандрѣ дѣлаются красной краской (2 А 164). На позднѣйшихъ экземплярахъ начинаютъ иногда и весь меандръ дѣлать не лакомъ, а краской (2 А 157, 159). Параллельныя линіи, заключающія меандръ, всегда дѣлаются лакомъ.

[3]) Ср. 2 А 89, 96, 105, 168 и т. д.

линіи, на 2 A 43 — пурпурную и исполненную въ красно-фигурной техникѣ. Иногда всѣ линіи гравируются на лаковой облицовкѣ сосуда (ср. 2 A 42).

Въ нашу задачу не входитъ подробный обзоръ формъ и орнаментовъ лекиѳовъ. Мы желали лишь указать на то, что и здѣсь мастера лекиѳовъ не слѣдовали всегда одной схемѣ, а старались варіировать установившіеся типы; и здѣсь они не были такими ремесленниками, каковы большею частью гончары нашего времени, но проявляли оригинальную жизнь.

Надписи и стиль рисунковъ на лекиѳахъ 2 A 1—3, 47, 177 (*Γλαύκων καλός*) дали уже намъ возможность судить о приблизительной датѣ всей группы 2 A 1—202. Дальнѣйшія заключенія о времени ихъ возникновенія позволяютъ сдѣлать обстоятельства находки нѣкоторыхъ изъ лекиѳовъ нашей группы.

Лекиѳы 2 A 71 и 105 были найдены на Кипрѣ. Уже Дюммлеръ [1]) и Вейсгёйпль [2]) указали на то, что это даетъ нѣкоторыя указанія на время возникновенія названныхъ лекиѳовъ и близкихъ къ нимъ по стилю рисунковъ и техникѣ, равно какъ и вообще на хронологію вазъ. Дѣло въ томъ, что въ V вѣкѣ было сравнительно мало моментовъ, когда аттическіе товары могли быть привозимы на Кипръ.

Какъ извѣстно, возстаніе всѣхъ городовъ Кипра (кромѣ Амаѳунта) противъ персовъ подъ предводительствомъ Онасила, вѣроятно, зимою 499—8 года [3]) имѣло, изъ-за измѣны тиранна г. Курія, лишь кратковременный успѣхъ. Онасилъ былъ вскорѣ убитъ, и уже въ 498—7 г. Кипръ снова находится подъ властью персовъ [4]). Горгъ, бѣжавшій во время возстанія къ персамъ, теперь снова царствуетъ въ Саламинѣ [5]). Въ походѣ Ксеркса на Элладу въ его флотѣ, между прочимъ, было 150 кипрскихъ кораблей [6]). Сейчасъ же послѣ 479 года 50 лаконскихъ и 30 аѳинскихъ кораблей, подъ начальствомъ Павсанія и Аристида, пытаются завоевать Кипръ. Павсаній завоевываетъ бóльшую часть городовъ Кипра, прогоняетъ персовъ [7]). Упрочить свое господство на

---

[1]) Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 169.
[2]) Weisshäupl, Ath. M., XV (1890), 61.
[3]) Ср. Busolt, Griech. Geschichte², II, 546.
[4]) Геродотъ, V, 104—116. Ср. Busolt, ук. с., II, 547, 3.
[5]) Горгъ царствуетъ тамъ еще и при Ксерксѣ. Ср. Busolt, ук. с., II, 547, 2.
[6]) Геродотъ, VII, 90; Diod., XI, 2, 3.
[7]) Ѳукидидъ, I, 94; Diod., XI, 44.

Кипрѣ греки, однако, не могутъ. Тотчасъ же за уходомъ Павсанія Кипръ опять подпалъ подъ власть персовъ. И вотъ Кимонъ предпринимаетъ новый походъ для освобожденія острова.

Несмотря на его блестящую побѣду при Евримедонѣ (469 г.), походъ остался безрезультатнымъ [1]. И второй походъ Кимона остался тоже безъ результатовъ. При осадѣ Китія, по Өукидиду [2], Кимонъ умеръ. Хотя при Саламинѣ аөиняне одерживаютъ побѣду (449 г.), они уходятъ назадъ [3]. До конца V вѣка Кипръ остается во власти персовъ. Мы почти ничего не можемъ сказать объ отношеніяхъ Аөинъ къ Кипру послѣ 449 года; но о военныхъ предпріятіяхъ противъ Кипра въ это время нѣтъ рѣчи [4]. Особенно оживленныя сношенія были у аөинянъ съ Кипромъ во время правленія въ Саламинѣ Евагора [5], послѣ котораго, повидимому, сношенія между ними опять прекращаются [6].

Изъ указанныхъ фактовъ видно, что за время съ 499 по 449 годъ правильныхъ постоянныхъ торговыхъ сношеній между Кипромъ и Аөинами быть не могло. Но, безъ сомнѣнія, нельзя полагать, чтобы этихъ сношеній не было вовсе; и нельзя тѣмъ болѣе на такомъ предположеніи основывать хронологію вазъ, какъ это дѣлаютъ Дюммлеръ, полагающій, что всѣ вазы строгаго стиля, найденныя на Кипрѣ, должны быть старше 499 года [7], и П. Германнъ, датирующій вазы конца строгаго и начала прекраснаго (переходнаго) стиля временемъ послѣ 449 года [8]. По нашему мнѣнію, въ теченіе 499(8)—498(7) годовъ, когда моремъ кругомъ Кипра владѣлъ прибывшій туда іонійскій флотъ [9], безусловно возможенъ былъ импортъ аттическихъ товаровъ. Въ это время скорѣе всего должны были быть привезены на Кипръ вазы, подписанныя Кахриліономъ [10] и Гермеемъ [11]: мы уже знаемъ по другимъ соображеніямъ (см. выше, гл. III), что эти вазы должны были явиться въ концѣ VI и началѣ V вѣка до Р. Хр. Чрезвычайно малое количество вазъ начала красно-фигурнаго стиля и вообще аттическихъ то-

---

[1]) Плутархъ, Кимонъ, 12—14 и 18—19; Поліэнъ, Стратег., 1.

[2]) Өукидидъ, I, 112.

[3]) Өукидидъ, I, ук. м.

[4]) Ср. P. Hermann, Das Gräberfeld von Marion auf Cypern. 48 Brl. Winckelmannsprogr., 1888, 25.

[5]) Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 169; P. Hermann, ук. с., 35 сл.

[6]) Ср. P. Hermann, ук. с., 36.

[7]) Dümmler, Jahrb d. Inst., II (1887), 169.

[8]) Hermann, Gräberfeld von Marion, 25.

[9]) Ср. Busolt, Griech. Gesch.², II, 547.

[10]) Klein, M., 221.

[11]) Брит. М., Е. 34 (Klein, M., 221, 1); Klein, M., 221, 2.

варовъ начала V вѣка въ некрополѣ Маріона [1]), говоритъ за наше соображеніе.

Вторымъ моментомъ, когда, по нашему мнѣнію, возможенъ былъ ввозъ аттическихъ товаровъ на Кипръ, является время сейчасъ же за 479 годомъ. Алабастръ Пасіада [2]), который, по стилю его рисунка, долженъ былъ быть современникомъ Брига, конечно, былъ привезенъ именно теперь на Кипръ.

Далѣе могли быть привозимы аттическіе товары на Кипръ въ 469 году и 449. Въ эпоху послѣ 469 года привезены были, по нашему, вазы послѣдняго періода строгаго красно-фигурнаго стиля, которыхъ на Кипрѣ найдено сравнительно тоже мало [3]). Что касается бѣлыхъ лекиѳовъ 2 А 71 и 2 А 105, то они не могли быть привезены сейчасъ же послѣ 469 года. По стилю рисунковъ, какъ мы знаемъ, они нѣсколько моложе вазъ съ Γλαύχων χαλός. Въ виду того, что послѣднія относятся къ 470—460 годамъ, лекиѳы 2 А 71 и 105 должны были быть сдѣланы во всякомъ случаѣ позже 470—460 годовъ. А въ такомъ случаѣ, они могли быть привезены на Кипръ лишь послѣ 449 года. Такъ какъ лекиѳы 2 А 71 и 105 лишь немногимъ моложе по стилю лекиѳовъ съ Γλαύχων χαλός, то сдѣланы они были скорѣе всего въ пятидесятыхъ годахъ V вѣка [4]).

Мы получаемъ, такимъ образомъ, дату для всего ряда бѣлыхъ лекиѳовъ, въ рисункахъ которыхъ контуры дѣлаются лакомъ (2 А 1 — 202): это 480 — 450 годы. Только наиболѣе развитые лекиѳы этого ряда, мы видѣли, относятся къ прекрасному стилю, который установился, такимъ образомъ, не ранѣе 450 года. Къ 480 — 470 гг. относятся тѣ лекиѳы нашего списка, которые по технике и стилю рисунковъ старше лекиѳовъ съ Γλαύχων χαλός. Послѣдніе, равно какъ и другіе лекиѳы переходнаго стиля, явились въ 470—450 годахъ, какъ разъ въ ту эпоху, когда въ Аѳинахъ дѣйствовалъ Полигнотъ и его школа.

Результаты, къ которымъ мы пришли, являются весьма интересными въ томъ отношеніи, что намъ удалось, наконецъ, найти вазы, которыя

---

[1]) Ср. Dümmler, ук. м.; Hermann, ук. с., 27 сл.

[2]) Брит. М., В 668 (Murray, Wh. V., pl. XVIII A; J. Hell. st., VIII (1887), pl. 82).

[3]) Ср. Hermann, Gräberfeld von Marion, 28; Winter, Ath. M., XII (1887), 237.

[4]) Едва ли можно съ Ohnefalsch-Richter, Kypros, 85 сл. и Hermann, Gräberfeld von Marion, 13 сл., принимать только два некрополя близь древняго Маріона на Кипрѣ. Ср. Dümmler, Jahrb. d. Inst., II (1887), 168, 1.

были сдѣланы въ Аѳинахъ при Полигнотѣ. Эти результаты являются подтвержденіемъ нашихъ предположеній о вліяніи живописи Полигнота на мастеровъ бѣлыхъ аттическихъ лекиѳовъ переходнаго стиля, предположеній, которыя мы сдѣлали, говоря о стилѣ, техникѣ, сюжетахъ и т. п. рисунковъ на лекиѳахъ группы 2 А 1—202.

Мы обращаемся теперь къ обзору другой группы аттическихъ бѣлыхъ лекиѳовъ.

Мы видѣли, какъ лакъ мало-по малу перестали употреблять для окраски одежды фигуръ. Позднѣе лакъ въ рисункѣ перестаютъ употреблать совершенно: и контуры фигуръ, и ихъ волосы, и ихъ одежды, все начинаютъ дѣлать красками. Все время лакъ употребляется лишь для параллельныхъ линій, заключающихъ меандръ, находящійся надъ картиной, у плечъ лекиѳа [1]). Пальметки на плечахъ и меандръ обыкновенно теперь дѣлаютъ краской. Наконецъ, на самыхъ позднихъ экземплярахъ лака мы не видимъ вовсе: весь лекиѳъ облицовывается бѣлымъ (ср. 2 А 420, 421).

Въ контурахъ рисунка лакъ исчезалъ такъ же постепенно, какъ и въ окраскѣ одеждъ. Свидѣтелями тому являются два лекиѳа Берлинскаго музея (2 А 194, 195). У нихъ еще бóльшая часть контуровъ сдѣлана лакомъ; но на рисункѣ лекиѳа 2 А 194 контуры лицъ, а на 2 А 195 волосы фигуръ исполнены уже красною краской. Названные два лекиѳа являются хорошими примѣрами переходной техники.

Въ нашемъ спискѣ вазъ мы даемъ подъ №№ 268—422 примѣры лекиѳовъ, рисунки которыхъ исполнены уже исключительно краской [2]).

Что лекиѳы, гдѣ рисунокъ дѣлается краской, вышли изъ тѣхъ же мастерскихъ, какъ и лекиѳы, о которыхъ мы говорили раньше, не можетъ подлежать сомнѣнію. За это говоритъ, во-первыхъ, форма лекиѳовъ, которая остается почти неизмѣнно такою, какъ она установлена была у наиболѣе развитыхъ по стилю рисунковъ сосудовъ первой группы (2 А 87 слл.). Далѣе мы замѣтили уже, что послѣдняя схема расположенія пальметокъ на плечахъ лекиѳа (с), которую (схему) мы видѣли въ первой группѣ, остается на лекиѳахъ вплоть до тѣхъ поръ, пока у нихъ вообще рисуются на плечахъ пальметки [3]). Для пальметокъ такъ же, какъ въ первой группѣ, берутъ или одну краску, или

[1]) Лекиѳы, гдѣ эти линіи дѣлаются краской,—рѣдкое исключеніе.

[2]) Технику ихъ описываетъ Поттье, Lécythes blancs, 99 сл.

[3]) Ср. Wright, Americ. journ. of archaeology, II (1886), 406 сл.; Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 175.

дѣлаютъ отдѣльные лепестки ихъ по-очереди разными красками (черною и красной). Меандръ имѣетъ тѣ же формы, какъ и у первой группы. И величина лекиѳовъ остается въ общемъ одинакова. Лекиѳы бываютъ приблизительно отъ 0,15 до 0,75 метра [1]). Однако, теперь предпочтительно дѣлаютъ большіе лекиѳы.

Мы видѣли, что на картинахъ лекиѳовъ первой группы часто для обозначенія того, что дѣйствіе происходитъ внутри дома, рисуются висящими различные мелкіе предметы, хотя самая стѣна, по которой они развѣшаны, и не рисуется. Когда мастера перешли къ картинамъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ является кладбище, они продолжаютъ по привычкѣ рисовать эти висящіе предметы, хотя послѣдніе и не имѣютъ на этихъ картинахъ никакого смысла (ср. 2 А 144, 164 и др.). Такіе не имѣющіе смысла въ композиціи висящіе предметы мы очень часто видимъ и на картинахъ лекиѳовъ, рисунки на которыхъ сдѣланы краской (ср. 2 А 326, 349, 380, 411, 413, 416 и т. д.). Очевидно, что послѣдніе дѣлались на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ мастера привыкли рисовать эти предметы по традиціи, т. е. на которыхъ изготовлялись и лекиѳы первой группы.

Въ новой группѣ мы уже никогда не видимъ пурпурныхъ линій кругомъ лекиѳа, на его нижней части, которая покрывается чернымъ лакомъ. Отъ первой группы новая нѣсколько отличается и качествами бѣлой облицовки, которая теперь совершенствуется еще болѣе и становится еще бѣлѣе [2]). Вообще, если и происходятъ въ новой группѣ нѣкоторыя измѣненія, они всѣ такого рода, что являются лишь усовершенствованіемъ того, что было раньше, а не чѣмъ-то совершенно новымъ и не подготовленнымъ.

На тѣсную связь обѣихъ группъ указываютъ сюжеты картинъ на лекиѳахъ [3]). На лекиѳѣ Берлинскаго музея № 2449 (2 А 328) видимъ сцену, хорошо знакомую намъ по лекиѳамъ первой группы: двѣ дѣвушки собираются идти на кладбище; одна сидитъ въ креслѣ; на колѣняхъ у нея корзинка, въ которую положены уже двѣ теніи; противъ дѣвушки стоитъ другая, можетъ быть, служанка, въ рукахъ со шкатулкой, изъ которой она вынимаетъ что-то, чтобы передать госпожѣ. Мѣсто дѣйствія—женская половина дома—характеризовано

---

[1]) Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 25 слл., Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 87.

[2]) Усовершенствованіе облицовки стоитъ въ строгой связи съ тѣмъ, что теперь перестали употреблять въ рисункѣ лакъ. Краски не допускаютъ сильнаго обжиганія которое прежде и сообщало бѣлой облицовкѣ кремовый оттѣнокъ.

[3]) Прекрасный обзоръ сюжетовъ картинъ на лекиѳахъ даетъ Поттье, Etude sur les lécythes blancs attiques à représentations funéraires, Paris, 1883.

висящею на стѣнѣ головною повязкой. На луврскомъ лекиѳѣ (2 A 314) мы видимъ сцену сраженія пѣшаго воина съ всадникомъ,—сюжетъ также знакомый намъ по первой группѣ (ср. 2 A 142), на 2 A 344—юношу, собирающагося въ походъ въ присутствіи женщины (ср. 2 A 63, 100, 101, 104, 105, 128 первой группы) и т. д.

Какъ намъ извѣстно, на лекиѳахъ первой группы картины, относящіяся къ культу умершихъ, стали со временемъ преобладать. И на лекиѳахъ первой группы мы видимъ много картинъ, мѣсто дѣйствія которыхъ происходитъ у стелы. Въ новой группѣ послѣднія картины безусловно преобладаютъ; другія картины являются довольно рѣдкими исключеніями.

Когда мы выше говорили о сюжетахъ картинъ лекиѳовъ первой группы, мы не остановились на лекиѳахъ 2 A 144 слл., потому что по сюжетамъ картинъ они составляютъ одну группу съ лекиѳами, рисунки на которыхъ дѣлаются краской.

Если по техникѣ и стилю рисунковъ лекиѳы 2 A 144 слл. нельзя выдѣлить изъ группы лекиѳовъ 2 A 1 слл., то сюжеты картинъ ихъ удобнѣе всего разсматривать вмѣстѣ съ сюжетами картинъ на лекиѳахъ новой группы.

Чаще всего мы видимъ на нашихъ лекиѳахъ картины, представляющія посѣщеніе кладбища и могилъ родственниками умершаго [1]). Центръ композиціи большею частью занимаетъ стела; кромѣ нея, иногда изображается tumulus, холмъ надъ могилой, или низкій четыреугольный надгробный памятникъ (τράπεζα) [2]). Иногда изображается на картинѣ нѣсколько стелъ и т. п.

Около надгробнаго памятника группируются фигуры пришедшихъ почтить память умершихъ [3]). Мужчины, эфебы, женщины, дѣвушки—послѣднихъ особенно часто изображаютъ мастера лекиѳовъ—то несутъ

---

1) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 49 слл.; Rohde, Psyche^2, I, 240 сл.

2) Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 87. Около могильныхъ памятниковъ изображаются иногда летающія ψυχαί, иногда змѣя: могилѣ придается, такимъ образомъ, символическій смыслъ. Ср. Rohde, Psyche^2, I, 244, 4, и ниже.

3) Сцены всегда почти имѣютъ самый общій смыслъ. Какъ и на надгробіяхъ изъ мрамора, мы видимъ на картинахъ лекиѳовъ всегда однѣ и тѣ же типическія фигуры эфебовъ, мужчинъ и женщинъ. Ср. картину на лекиѳѣ 2 A 256a, гдѣ всѣ эти три категоріи лицъ изображены вмѣстѣ у стелы. Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 39 сл.; Pottier, Lécythes blancs, 60 слл.; Rayet-Collignon, Céramique, 234. Ср. лекиѳы 2 A 218, 249 и т. д.

дары умершему въ корзинкахъ [1]), то украшаютъ надгробный памятникъ теніями, кладутъ у него вѣнки, ставятъ лекиѳы, то выражаютъ у могилы свое горе и отчаяніе, то стоятъ въ благоговѣніи и т. п. Художники до безконечности повторяютъ на лекиѳахъ одну и ту же тему, но почти ни разу мы не видимъ буквальнаго повторенія композиціи: всегда въ деталяхъ есть разнообразіе у этихъ картинъ. Всегда художникъ V вѣка остается на высотѣ: правда, часто темы его намъ знакомы, но, какъ искусный виртуозъ, онъ всегда умѣетъ дать на нихъ чудныя и интересныя варіаціи [2]). Нерѣдко, какъ то мы видѣли на лекиѳѣ 2 А 168 (табл. II), среди живыхъ изображается, какъ живой, и покойникъ: очевидно художникамъ хотѣлось на произведеніяхъ, назначенныхъ для умершихъ, выразить мысль, что не все кончено послѣ смерти, что покойные еще недалеко отъ живыхъ, что имъ пріятны дары, приносимые оставшимися въ живыхъ, и что, принося подарки на могилу и украшая ее, человѣкъ входитъ при этомъ въ общеніе съ умершими, которые и живутъ въ памяти живыхъ [3]).

Иногда художникъ неясно характеризуетъ умершихъ, которые присутствуютъ при приношеніи даровъ живыми. Есть не мало картинъ на лекиѳахъ, гдѣ трудно сказать, желалъ ли художникъ представить, напр., дѣвушку и юношу, пришедшихъ на могилу ихъ родственника, или дѣвушку, пришедшую съ приношеніями, и умершаго юношу, ея брата, родственника и т. п., который погребенъ въ могилѣ. Неясною иногда является и одна фигура у стелы [4]).

На лекиѳѣ 2 А 144 изображены у четыреугольнаго памятника (на трехъ ступеняхъ) женщина съ вѣнками въ рукахъ и юноша, опершійся лѣвымъ плечомъ на посохъ [мотивъ, столь извѣстный по фризу Пареенона [5])], и вытянувшій слегка впередъ правую руку: жестъ адораціи, выражающій благоговѣніе предъ погребеннымъ въ могилѣ [6]).

Никакому сомнѣнію не подлежитъ смыслъ названныхъ фигуръ. Но что хотѣлъ представить художникъ, нарисовавъ небольшія фигуры

[1]) Это всегда вещи, которыя нравились умершимъ при ихъ жизни. Мужчинамъ и эфебамъ приносятъ оружіе, лиры, женщинамъ—шкатулки, зеркала, вѣера, дѣтямъ—птичекъ и игрушки и т. п. Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 175.

[2]) Ср. de Witte, Gaz. b. a., 1863, I, 262; Lenormant, Muséon, 1882, 341; Blümner, Technologie, 79; Pottier, Lécythes blancs, 98, 113 слл.

[3]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 86.

[4]) Ср. Pottier у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 387.

[5]) Ср. Michaëlis, Parthenon, Taf. 14, VI, 46; Overbeck, Plastik[4], I, f. 117, 4.

[6]) О жестахъ фигуръ на бѣлыхъ лекиѳахъ ср. Pottier, Lécythes blancs, 57 слл. (гдѣ приведена и спеціальная литература).

на могильномъ холмѣ? Нѣкоторые [1]) полагали, что эти маленькія фигурки—скульптурная группа, которою украшенъ могильный памятникъ. Намъ кажется это сомнительнымъ. До насъ вовсе не дошло подобныхъ скульптурныхъ группъ съ надгробій V вѣка, когда вообще и статуи на могилахъ представляютъ исключеніе.

Напротивъ, на надгробныхъ рельефахъ этой эпохи чисто жанровая сценка въ родѣ нашей (мать, предлагающая своему ребенку кисть винограда), была бы весьма обычной [2]). Обычною она была бы и на любомъ лекиѳѣ группы 2 А 1—143. Но чисто жанровая сценка въ той обстановкѣ, въ какой мы ее видимъ на лекиѳѣ 2 А 144, какъ справедливо замѣтилъ Риддеръ [3]), имѣетъ особое значеніе. Несомнѣнно, художникъ хотѣлъ въ этой матери, занятой своимъ ребенкомъ, представить умершую, на могилу которой пришли юноша и женщина. Какъ было обозначить, что въ могилѣ похоронена женщина? Художникъ избралъ наивный способъ: на могильномъ памятникѣ онъ представилъ группу, характеризующую жизнь покойницы, такъ, какъ это дѣлали мастера аттическихъ надгробій изъ мрамора или художники, расписывавшіе стелы. Какъ на надгробныхъ рельефахъ, умершая находится въ центрѣ всей композиціи.

Что художникъ желалъ представить именно умершую и что его навели на этотъ оригинальный способъ указать, кто погребенъ въ могилѣ, надгробные памятники (украшенные рельефами или живописью), за это можетъ говорить картина на лекиѳѣ 2 А 179, гдѣ изображена стела, рельефъ или картина, на которой представляетъ дѣвушку съ вѣнкомъ: очевидна, стела стоитъ у могилы дѣвушки.

На нѣкоторыхъ лекиѳахъ мы видимъ на могильномъ памятникѣ фигуры юношей. Конечно, возможно, что художники хотѣли представить статуи на стелахъ [4]). Однако, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что эти фигуры являются лишь средствомъ указать, чья могила изображена на картинѣ: фигуры являются какъ-бы обликомъ умершаго, всегда присутствующимъ у могилы [сюда относятся 2 А 149, 178 [5]), 202] [6]).

---

[1]) Ср. Τσούντας, Ἐφ. ἀρχ., 1886, 42. Мысль Бозанкета [J. Hell. st., XIX (1899), 175, 2], будто мастеръ имѣлъ здѣсь въ виду рельефъ, украшавшій стелу, намъ кажется совершенно недопустимой.

[2]) Ср. Ridder, L'idée de la mort, 172 слл.

[3]) Ridder, ук. с., 163.

[4]) Несомнѣнно статуи (сфинксовъ), напр., видимъ на могильныхъ памятникахъ на 2 А 187, 188.

[5]) Здѣсь, на стелѣ—статуя воина; интересно, что юноша приноситъ въ видѣ даровъ умершему къ его могилѣ оружіе (шлемъ и копье): очевидно, художникъ фигурой воина указываетъ на то, что стела стоитъ у могилы воина.

[6]) Ср. Rohde. Psyche², I, 244.

Конечно, не группу и не видѣніе, какъ думали нѣкоторые [1]), хотѣлъ представить художникъ надъ стелой на лекиѳѣ 2 А 195. На картинѣ этого интереснаго лекиѳа, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранились лишь фрагменты, женщина и мужчина, стоящіе по сторонамъ стелы, очевидно, пришедшіе на могилу родственника адоранты. Дѣвушка, сидящая въ центрѣ композиціи, у стелы—умершая. Надъ стелой здѣсь изображены Ѳанатосъ и Гипносъ, несущіе умершую женщину въ могилу. Художникъ, по нашему мнѣнію, хотѣлъ этой группою указать на судьбу умершей, сходную съ судьбою Сарпедона и Мемнона: она умерла на чужбинѣ, но, благодаря заботливости родственниковъ, по волѣ боговъ, была погребена въ родной землѣ.

Совершенно ясна сцена на картинѣ лекиѳа 2 А 153. Госпожа (направо отъ стелы) пришла со служанкою (налѣво) на могилу съ приношеніями умершему: она сама принесла лекиѳъ и тенію, а служанка стулъ [2]) и алабастръ. Не можетъ подлежать сомнѣнію и смыслъ картинки лекиѳа 2 А 157: два юноши пришли къ стелѣ, чтобы украсить ее теніями; стела, очевидно, стоитъ у могилы ихъ общаго друга или родственника [3]). На лекиѳѣ 2 А 218 видимъ собравшеюся у могилы цѣлую семью: старикъ съ двумя своими дѣтьми (сыномъ и дочерью) пришелъ съ приношеніями (ихъ держитъ дѣвушка) на могилу своей покойной жены. Подобная сцена украшаетъ лекиѳъ 2 А 249. Центръ композиціи, какъ всегда, занимаетъ стела. Налѣво отъ нея видимъ эфеба, который нерѣшительно подходитъ съ лирою въ рукахъ къ стелѣ; за нимъ стоитъ бородатый мужчина, и, повидимому, побуждаетъ идти эфеба впередъ. Направо отъ стелы женщина держитъ корзинку съ вѣнками и лентами. По всей вѣроятности, предъ нами отецъ и мать съ малолѣтнимъ сыномъ на могилѣ ихъ другого дитяти, которому братъ и долженъ принести въ даръ лиру [4]). На лекиѳѣ 2 А 275 также видимъ юношу, который принесъ въ даръ умершему лиру, и дѣвушку съ обычною корзинкою, наполненною теніями.

Далѣе адорантóвъ у стелы мы видимъ на слѣдующихъ лекиѳахъ:

---

[1]) Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 90 сл.; Furtwängler, Arch. Anz., X (1895), 41, 52.

[2]) Какую роль игралъ стулъ при приношеніяхъ, ясно видно на картинѣ лекиѳа 2 А 164: здѣсь стулъ поставленъ вплоть у стелы и на немъ—корзинка съ теніями. Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 175 сл.

[3]) Мы считаемъ устраненнымъ затрудненіе, которое находилъ Фуртвенглеръ (къ № 2448) въ каталогѣ вазъ Берлинскаго музея, въ томъ, что на картинѣ нѣтъ второй стелы.

[4]) Лира можетъ быть подаркомъ и эфебу и дѣвушкѣ. Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 67; Collignon, Catalogue къ 650.

2 A 171—177, 180—182, 185—187, 189—191, 193, 197—200, 202[b], 202[d]—202[j], 207, 209, 232, 248, 261, 262, 267[e], 271, 274, 292, 296, 308, 350[a], 376[a], 394, 405—409. Всѣ эти картины являются варіаціями извѣстнаго уже намъ типа композиціи.

Иногда изображаются у стелы фигуры въ печали: это могутъ быть тоже родственники и друзья покойнаго (ср. лекиѳы 2 A 309, 374).

Мы уже нѣсколько разъ встрѣтили на картинахъ нашихъ лекиѳовъ изображенія самихъ умершихъ, какъ живыхъ, среди ихъ друзей и родственниковъ (2 A 144, 149, 168, 178, 202). На лекиѳахъ, которые по стилю ихъ рисунковъ должны быть старше, умершій изображается обыкновенно, какъ и на надгробіяхъ этой эпохи, въ позѣ и положеніи, которыя были типичны для него при жизни: мать занимается своимъ ребенкомъ (2 A 144), юноши и мужчины характеризуются палестритами (2 A 149, 168, 202), воинъ является въ полномъ вооруженіи (2 A 178) [1]). На лекиѳахъ 2 A 144, 149, 178, 202 мастера такъ изобразили умершихъ, что не остается сомнѣнія насчетъ того, что̀ они хотѣли дать на картинѣ. Весьма любопытенъ лекиѳъ 2 A 195; здѣсь художникъ изобразилъ два раза умершую: Ѳанатосъ и Гипносъ несутъ ее въ могилу (группа надъ стелой), и затѣмъ умершая является сидящею у стелы. Второй разъ она нарисована въ томъ же масштабѣ, какъ и стоящіе у стелы женщина и юноша, адоранты. Группа надъ стелой, какъ мы замѣтили уже, указываетъ на судьбу погребенной, а ея фигура у стелы выражаетъ то, что покойная не остается забытою и продолжаетъ жить въ памяти тѣхъ, кто посѣщаетъ ея могилу. Лекиѳъ 2 A 195 является однимъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ изображенія умершаго, какъ живого, въ томъ же масштабѣ, какъ живые, и среди живыхъ. Мы уже познакомились еще съ однимъ лекиѳомъ, гдѣ былъ изображенъ умершій, какъ живой, и дѣвушка, пришедшая на его могилу съ приношеніями (2 A 168). Къ тому же времени, какъ только что названный лекиѳъ, относится интересный лекиѳъ Британскаго музея D 60 (2 A 148). На немъ—картина охоты на зайца, но страннымъ образомъ центръ композиціи занятъ широкою украшенною теніею стелой на трехъ ступеняхъ. Лѣвая сторона надгробнаго памятника отчасти закрывается довольно высокимъ холмомъ. Мѣстность, гдѣ происходитъ дѣйствіе, характеризована неровною; кромѣ

---

[1]) Ср. Milchhöfer, Ath. M., V (1880), 180; Furtwängler, Collect. Sabouroff, I, Introduction и текстъ къ pl. XV—XVII и LX; Dumont, Gaz. b. a., 1873, II, 111 слл. (у Dumont-Chaplain, Céramiques, II, 96 слл.); Pottier, Lécythes blancs, 63 слл.; Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 88.

большаго холма, обозначены и мелкія неровности почвы. Какъ разъ передъ стелой бѣжитъ заяцъ и за нимъ борзая собака. Налѣво отъ стелы юноша, сидѣвшій, очевидно [1]), въ засадѣ за холмикомъ, выскакиваетъ и готовъ поразить зайца камнемъ. Изъ-за стелы вслѣдъ за собакой бѣжитъ другой юноша съ палкой въ лѣвой рукѣ. Чисто живописная обстановка и мотивъ юноши налѣво отъ стелы [2]) не оставляютъ сомнѣнія, что авторъ лекиѳа скомпановалъ эту живую сцену по какой-нибудь извѣстной картинѣ. Но что обозначаетъ тутъ стела? Конечно, дѣйствіе происходитъ не на кладбищѣ. Художникъ желалъ представить умершаго эфеба, который при жизни былъ страстнымъ охотникомъ. Стелу онъ нарисовалъ лишь потому, что теперь на лекиѳахъ установился уже обычай изображать умершаго у стелы.

На лекиѳѣ бывшей коллекціи Фовеля (2 A 235) умершій эфебъ занятъ птицами—забава, очевидно, увлекавшая его при жизни. Кромѣ умершаго, у стелы изображенъ еще одинъ эфебъ (братъ или пріятель покойнаго). Послѣдній стоитъ и держитъ на лѣвой рукѣ птичку; вторая птичка сидитъ на акротеріи стелы. Умершій слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлаетъ его братъ, и протягиваетъ къ нему руку. Какъ и на картинѣ лекиѳа 2 A 148, ничто здѣсь, кромѣ стелы, не указываетъ на то, что передъ нами умершій и живой эфебы. Если бы не было стелы, мы имѣли бы чисто жанровую картинку съ натуры [3]).

Однако, теперь сравнительно очень рѣдко встрѣчаются на лекиѳахъ картины въ родѣ картины на лекиѳѣ 2 A 148. Художники теперь вообще не любятъ картинъ съ бурнымъ дѣйствіемъ. Слѣдуя великимъ живописцамъ ихъ времени, и вазовые мастера предпочитаютъ картины настроеній. Вотъ другая картинка, на которой умершій юноша характеризованъ также охотникомъ (2 A 418) (рис. 19); онъ сидитъ въ центрѣ композиціи близъ стелы [4]), украшенной теніею, у могильнаго холма, также разукрашеннаго теніями; на юношѣ наброшенъ лишь гиматій. У холма положена лира и поставлена корзинка съ гранатовыми яблоками: это все дары, принесенные юношѣ [5]). Юноша сидитъ на одной

---

[1]) Правая нога его находится непосредственно у нижней ступени стелы и за собакой, которая вскочила на эту ступень. Это указываетъ, что заяцъ, собака и юноша выбѣжали изъ-за стелы.

[2]) Ср. выше.

[3]) Ср. Ridder, ук. с., 165.

[4]) Стела увѣнчана акантовыми листьями, изъ которыхъ выходятъ два завитка, какъ у іонической колонны; сверху нихъ—пальметки. Ср. точно такой акротерій у Ликійскаго саркофага въ Оттоманскомъ музеѣ (Hamdy-bey et Th. Reinach, Nécropole royale à Sidon. pl. XV).

[5]) Игра на лирѣ занимала въ жизни молодаго аѳинянина такое же видное мѣсто,

Рис. 19. Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ (2 А 418).

изъ неровностей почвы, повернувшись всѣмъ корпусомъ вправо и оглядываясь налѣво на зайца, который сидитъ на небольшомъ холмѣ. Юноша—весь мыслями на землѣ; онъ думаетъ о своемъ любимомъ развлеченіи—охотѣ. Вся мѣстность налѣво отъ стелы и могильнаго холма характеризована гористою. Живописная трактовка ея совершенно такая же, какъ на картинѣ лекиѳа 2 A 148. Справа отъ юноши, какъ разъ передъ стелой стоитъ дѣвочка; это скорѣе всего тоже умершая. Далѣе стоитъ женщина: это—мать эфеба и дѣвочка, пришедшая къ ихъ могиламъ [1]). Дѣвочка и мать ея въ хитонахъ и гиматіяхъ; у дѣвочки на головѣ чепецъ, у женщины—широкая повязка. Дѣвочка поправляетъ на себѣ свой гиматій. Женщина въ лѣвой рукѣ держитъ корзинку съ дарами умершему (ваза, кисть винограда, теніи).

Весьма интересна картина на лекиѳѣ коллекціи Зомзе (Furtwängler, Sammlung Somzée, Taf. XXXIX; 2 A 341[a] нашего списка). Молодая мать пришла па могилу своего ребенка. Она держитъ въ рукахъ вѣнокъ. Ребенокъ представленъ, какъ живой, сидящимъ на землѣ, около стелы, и положившимъ руки на ея ступени. Сзади него представленъ поросшій кустарникомъ могильный холмъ, близь котораго изображенъ летящій журавль.

На картинѣ лекиѳа 2 A 229 видимъ стоящими у стелы женщину и юношу. Юноша кладетъ на ступени стелы прялку. Ясное дѣло, что въ могилѣ погребена женщина. Ее художникъ представилъ стоящею съ другой стороны стелы. Она держитъ въ рукахъ умершаго ребенка. Можетъ быть, художникъ имѣлъ въ виду представить женщину, умершую отъ родовъ вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ [2]). Оставшійся въ живыхъ мужъ ея представленъ пришедшимъ на могилу съ приношеніями (прялкой). Висящая налѣво отъ стелы въ свободномъ пространствѣ лира—тоже приношеніе умершей. Сходна съ фигурою женщины на лекиѳѣ 2 A 229 женщина съ мертвымъ ребенкомъ въ рукахъ на лекиѳѣ 2 A 194: и здѣсь скорѣе художникъ желалъ представить мать, умершую при родахъ съ ребенкомъ, чѣмъ женщину, несущую ребенка, чтобы похоронить его у стелы, такъ какъ сцены похоронъ мы не видимъ ни на одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ бѣлыхъ лекиѳовъ.

какъ гимнастика. Отъ того лиру мы часто видимъ среди даровъ, приносимыхъ умершему. Часто эфебы изображаются сидящими у стелы съ лирой. Ср. Furtwängler, Collection Sabouroff, I, къ pl. 60; Milchhöfer, Ath. M., V (1880), 180, 191.

[1]) Такъ скорѣе всего надо понимать сцену вмѣстѣ со Стаисомъ (Ἐφ. ἀρχ., 1894, 67): холмъ обозначаетъ могилу юноши, стела—могилу дѣвочки. Прежде мы, какъ С. Рейнакъ [Gaz. b. a., XIII (1894), 161], видѣли лишь въ юношѣ умершаго, а дѣвочку и женщину считали сестрой и матерью, которыя пришли на могилу эфеба.

[2]) Ср. P. Gardner, J. Hell. st, XV (1895), 327 слл.

Однимъ изъ перловъ греческой керамики является лекиѳъ въ Луврѣ (зала L, № 96), 2 A 364 (табл. V). На немъ представлены четыре женщины у стелы. Одна сидитъ въ креслѣ (κλισμός) и держитъ на правой рукѣ, которую прижала къ груди, двухъ любимыхъ птичекъ. Одѣта она въ два хитона (одинъ, нижній съ рукавами, другой, надѣтый сверхъ перваго, безрукавный) и гиматій, покрывающій и голову; лѣвою рукою женщина приподнимаетъ гиматій, желая его надвинуть больше на лѣвое плечо. Какъ разъ противъ этой женщины стоитъ другая (одѣта въ хитонъ и гиматій, одинъ конецъ котораго правою рукою она приподняла вверхъ, чтобы накинуть его затѣмъ на правое плечо) съ роскошнымъ вѣеромъ въ лѣвой рукѣ. Далѣе влѣво видимъ третью женщину (на ней надѣтъ одинъ хитонъ съ отворотомъ), которая въ рукахъ несетъ корзину; въ корзинѣ поставлена ваза съ крышкой. Сзади сидящей женщины стоитъ еще одна (одѣта, какъ третья) съ такою же вазою и съ алабастромъ въ рукахъ. Передъ нами—типичная сцена туалета, извѣстная намъ и по лекиѳамъ первой группы и по аттическимъ надгробіямъ: три служанки принесли своей госпожѣ, которая сидитъ на креслѣ, различныя принадлежности туалета. Однако, стела, изображенная сейчасъ же за сидящею женщиною, даетъ всей сценѣ иное значеніе: сидящая женщина—умершая; художникъ и здѣсь наивно изобразилъ у стелы сценку изъ жизни женщины, которая нашла близь нея мѣсто вѣчнаго покоя. Было указано еще на то, что и корзинка, которую держитъ третья женщина,—типичная, употреблявшаяся лишь для приношеній умершимъ[1]). Глубокая серьезность на лицахъ (у госпожи лицо выражаетъ даже печаль) также говоритъ за то, что передъ нами не простая жанровая сцена.

Интересна картина на лекиѳѣ Fitzwilliam museum въ Кэмбриджѣ № 140 (2 A 227). Несомнѣнно, и здѣсь передъ нами умершій юноша, который изображенъ, какъ живой, сидящимъ у стелы, украшенной теніями. Юноша совершенно голый, сидитъ на ступеняхъ стелы, подложивъ подъ себя свою хламиду. Справа—женщина (мать или сестра его), которая пришла на его могилу и принесла ему въ даръ шлемъ и копье. Она обращается къ нему съ рѣчью и онъ слушаетъ ее. Въ такомъ же родѣ видимъ картину на одномъ вновь пріобрѣтенномъ лекиѳѣ Британскаго музея (2 A 236): покойному молодому воину, который изображенъ сидящимъ у стелы, его товарищъ или родственникъ приноситъ въ даръ шлемъ и копье. Къ картинѣ названнаго только что лекиѳа близка картина на лекиѳѣ 2 A 349 (табл. VI).

---

[1]) Ср. Ridder, ук. с., 166.

Въ центрѣ сохранились остатки фронтона, которымъ увѣнчана была стела. У стелы сидитъ юноша-воинъ; на немъ надѣтъ шлемъ; въ правой рукѣ онъ держалъ, вѣроятно, два копья (отъ нихъ сохранились слѣды лишь вверху). Сидѣлъ юноша, подостлавъ подъ себя одежду (хламиду), на небольшомъ холмѣ. Сохранившiяся линiи позволяютъ предполагать, что на юношѣ былъ надѣтъ обыкновенный хитонъ безъ рукавовъ. Справа отъ стелы, противъ умершаго, стоитъ эфебъ въ хламидѣ и петасѣ. Лѣвую руку онъ уперъ въ бокъ. Съ той и съ другой стороны композицiя ограничивается тенiями, висящими въ свободномъ пространствѣ.

На картинѣ берлинскаго лекиѳа № 2450 (2 А 329) мы видимъ юношу, который сидитъ у стелы съ лирою въ рукахъ. Противъ него стоитъ женщина съ приношенiями. Очевидно, художникъ и здѣсь хотѣлъ представить, какъ живого, умершаго юнаго музыканта [1]). На лекиѳѣ Британскаго музея D 64 (2 А 342) представлены двѣ дѣвушки: одна сидитъ на ступеняхъ стелы (близь которой возвышается могильный холмъ), другая стоитъ противъ нея съ корзинкою для приношенiй. Сидящая протягиваетъ руку стоящей, которая съ нею разговариваетъ.

Едва ли мы ошибемся, если, по аналогiи съ предыдущими картинами, и здѣсь въ сидящей дѣвушкѣ признаемъ умершую, къ которой родственница или подруга пришла на могилу. На другомъ лекиѳѣ тоже Британскаго музея D 71 (2 А 411) мы видимъ женщину, которая пришла съ приношенiями къ двумъ могиламъ: похороненныя въ нихъ лица представлены опять, какъ живыя, сидящими у своихъ надгробныхъ памятниковъ.

Вообще на лекиѳахъ весьма часто умершiе (мужчины и женщины) изображаются сидящими у стелы или могильнаго холма (иногда на холмѣ) [2]), а адоранты стоящими противъ нихъ съ разнообразными приношенiями. Кромѣ названныхъ лекиѳовъ, примѣрами этого являются еще слѣдующiе лекиѳы: 2 А 183, 202с, 208, 230, 252, 255, 256, 283 [3]), 294, 299, 304, 305, 310, 312, 313, 315, 335, 340, 347, 351, 370, 372, 375, 377, 381, 383, 391, 395, 398, 410, 412.

Не менѣе часты картины, на которыхъ умершiй изображается стоящимъ у стелы, между тѣмъ какъ съ другой стороны ея стоятъ адоранты съ приношенiями или безъ нихъ. Типомъ такой композицiи является извѣстная намъ картина на лекиѳѣ 2 А 168. Совершенно

---

[1]) Ср. Ridder, ук. с., 163 сл.
[2]) Ср., напр., 2 А 411.
[3]) Ср. Ridder, ук. с., 165.

такого же характера картины видимъ на лекиѳахъ 2 А 145, 146, 150, 153*, 165, 170, 202*, 203, 234, 243, 250, 253, 254, 269, 270, 276, 278, 279, 325, 331, 348, 352, 355, 356, 371, 415.

Весьма распространена композиція, въ которой умершій занимаетъ центръ и сидитъ у стелы (большею частью на ея ступеняхъ) [1]) или у могильнаго холма, и съ обѣихъ сторонъ его окружаютъ пришедшіе на могилу адоранты съ приношеніями (иногда безъ нихъ, въ печали).

На одномъ лекиѳѣ въ Луврѣ (2 А 366) видимъ юнаго эфеба, который играетъ на лирѣ, сидя на ступеняхъ стелы. По обѣ стороны стелы стоятъ адоранты—пожилой мужчина, вѣроятно, отецъ умершаго, и эфебъ, братъ его. Прелестна картина на лекиѳѣ Берлинскаго музея № 2451 (2 А 268). Въ центрѣ у нея стела, увѣнчанная пальметкой строгой формы съ волютами и украшенная теніями. На четыреугольномъ камнѣ, который покоится на засыпанной могильной ямѣ (небольшую насыпь надъ могилой обозначаютъ волнистыя линіи) сидитъ дѣвушка, обнявъ обѣими руками колѣно слегка приподнятой лѣвой ноги. Это—мотивъ, который мы видимъ у печальнаго Гектора въ „Аидѣ“ Полигнота, у печальныхъ фигуръ на саркофагѣ „Pleureuses“ въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ, и на массѣ другихъ памятниковъ [2]). Такая поза въ древнемъ искусствѣ характеризуетъ печальныя фигуры [3]). Итакъ, умершая на берлинскомъ лекиѳѣ изображена въ печали. Дѣвушка смотритъ на стоящаго направо отъ нея юношу, который держитъ въ правой рукѣ два копья и опирается на нихъ. Слѣва подходитъ къ умершей дѣвушка съ обычной корзинкой, наполненной различными приношеніями (вѣнки, теніи). Эта дѣвушка и эфебъ, очевидно, пришли навѣстить могилу покойницы. Эфебъ чувствуетъ взоры покойной. Мысль, которую хотѣлъ провести авторъ картины, совершенно ясна: дѣвушка не умерла, но живетъ еще въ памяти своихъ друзей и близкихъ [4]). Въ такомъ же родѣ картина, украшающая лекиѳъ Британскаго музея D 70 (2 А 291). Умершая дѣвушка, сидящая на ступеняхъ стелы,

---

[1]) Ср. Ridder, ук. с., 164.

[2]) См. ихъ перечень у Hamdy-bey et Th. Reinach. Une nécropole royale à Sidon, 248.

[3]) Ср. древній текстъ (Василія, Гомилія о славѣ), который приводитъ Рейнакъ (ук. с., 248, 2): τὰς χεῖρας κατὰ τῶν γονάτων συμπλέκοντες—τοῦτο δὴ τῶν πενθούντων τὸ σχῆμα.

[4]) Бенндорфъ объяснялъ картину на нашемъ лекиѳѣ иначе. По его мнѣнію, здѣсь и на другихъ подобныхъ картинахъ (ср. 2 А 145, 356, 378) женщины пришли на могилу, а эфебъ—путешественникъ, который, остановился и смотритъ на сцену, происходящую у могилы. может быть, его друга или родственника. Уже Поттье (Lécythes blancs, 61 сл.) устранилъ это объясненіе.

дѣлаетъ жестъ горя и печали. Съ той и другой стороны къ ней подходятъ женщины съ приношеніями (лекиѳы, теніи, алабастръ).

Къ этой картинѣ близка картина на лекиѳѣ Національнаго музея въ Аѳинахъ (шк. 41, № 1755), 2 А 360, гдѣ также изображена сидящая на ступеняхъ стелы печальная дѣвушка и юноша и женщина по сторонамъ стелы.

Чрезвычайно интересна по выраженію лица умершаго картина на лекиѳѣ того же музея (№ 1816), 2 А 413 (табл. III). Въ глубокой печали умершій юноша представленъ и здѣсь сидящимъ на ступеняхъ стелы. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ два копья, правую положилъ на колѣно. На немъ надѣты короткій безрукавный хитонъ и хламида, на ногахъ—высокія походныя ботинки. Справа подходитъ къ нему юноша (въ хитонѣ и гиматіи) съ щитомъ и шлемомъ въ рукахъ: это — дары покойному. Съ лѣвой стороны стоитъ противъ умершаго другой юноша въ одномъ гиматіи; судя по жесту его правой руки, можно полагать, что онъ обращается съ рѣчью къ покойному.

Группа фигуръ на лекиѳѣ 2 А 413 намъ всегда напоминала группу, которая должна была находиться въ центральной части полигнотова „Аида“: сидящій Ахиллъ въ центрѣ, смотрящій на него Протесилай съ одной стороны и стоящій за Ахилломъ Патроклъ—съ другой.

На другомъ лекиѳѣ Національнаго музея въ Аѳинахъ (№ 1955, изъ Эретріи; 2 А 416) въ центрѣ композиціи, на ступеняхъ стелы [1]), сидитъ молодая дѣвушка (умершая) [2]); правую руку она подняла высоко вверхъ, лѣвою взялась за голову; на лицѣ ея—печаль и горе. Справа къ ней подходитъ дѣвушка съ приношеніями (ваза съ крышкой въ одной рукѣ и шкатулка въ другой); съ нѣсколько грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ она смотритъ на покойную [3]). По другую сторону покойной стоитъ женщина въ гиматіи и держитъ въ рукахъ тенію,—даръ умершей подругѣ или родственницѣ. Группа на картинѣ этого лекиѳа чрезвычайно близка къ группѣ на лекиѳѣ 2 А 413. Какъ и тамъ, здѣсь по краямъ композиціи развѣшаны въ свободномъ пространствѣ теніи (здѣсь, кромѣ теній, еще видимъ висящій подъ теніей направо вѣнокъ).

На лекиѳѣ въ Нейбургѣ (2 А 422) предъ нами юноша и дѣвушка, сидящіе на ступеняхъ могильнаго памятника, у котораго съ одной стороны стоитъ мужчина, а съ другой—двѣ дѣвушки съ приношеніями:

---

[1]) Стела на трехъ ступеняхъ; сверху ее увѣнчиваютъ іоническія волюты и надъ ними пальметки изъ большихъ аканѳовыхъ листьевъ.

[2]) На дѣвушкѣ надѣты тонкій, прозрачный хитонъ и гиматій.

[3]) У этой дѣвушки два хитона (длинный, нижній, и короткій сверху него).

это друзья и родственники, пришедшіе навѣстить могилу двухъ безвременно умершихъ.

Совершенно такія же композиціи, но почти всегда съ разнообразіемъ въ различныхъ мелкихъ деталяхъ, какъ у описанныхъ только что лекиѳовъ (умершій, сидящій у могильнаго памятника, около котораго собрались родные и друзья покойнаго), мы видимъ и на лекиѳахъ 2 A 241, 242, 267', 286, 290, 293, 336, 341, 357, 361, 392, 397, 402, 414, 417, 421.

Интересно отмѣтить картины на лекиѳахъ 2 A 404 и 346. На первомъ умершему юношѣ, который представленъ, по обычаю, въ центрѣ сидящимъ на ступеняхъ надгробнаго памятника, мужчина приводитъ въ даръ коня; другой мужчина стоитъ съ другой стороны умершаго. На лекиѳѣ 2 A 346 видимъ юношу—умершаго, который сидитъ съ двумя копьями у стелы; противъ него налѣво—конь,—конечно, даръ, который принесли покойному друзья его. Намъ кажется, однако, что едва ли можно на картинахъ названныхъ двухъ лекиѳовъ видѣть картины съ натуры; едва ли, дѣйствительно, такіе дары были въ обычаѣ. По нашему мнѣнію, здѣсь такія же символическія, условныя композиціи, какъ на лекиѳахъ 2 A 148, 418 и др.

Какъ тамъ художникъ изобразилъ умершихъ у могильнаго памятника, но въ обстановкѣ, которая нравилась имъ или была типична для нихъ при жизни, такъ и здѣсь художникъ рисуетъ, вмѣсто обычныхъ даровъ, такіе, которые умершему были бы особенно пріятны при жизни. Эти картины заставляютъ предполагать, что и на картинахъ описанныхъ нами раньше лекиѳовъ не всегда изображаются приношенія, которыя дѣйствительно дѣлались (это, напр., можно сказать объ оружіи и т. п.): часто, быть можетъ, художникъ посредствомъ приношеній просто желалъ только сдѣлать указаніе на то, каково было положеніе умершаго въ жизни, что̀ ему нравилось, чѣмъ онъ увлекался.

Картины на разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ лекиѳахъ были болѣе или менѣе ясны и понятны. Но мы уже замѣтили, что есть немало лекиѳовъ, на картинахъ которыхъ бываетъ весьма трудно опредѣлить смыслъ, который желалъ придать имъ художникъ [1]). Это большею частью лекиѳы, на которыхъ представлены двѣ или одна фигура у стелы, причемъ ни та ни другая ничѣмъ особенно не характеризованы такъ, чтобы можно было видѣть опредѣленно въ нихъ умершаго или адоранта.

---

[1]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 63 сл. (гдѣ см. и старую литературу); ср. Pottier у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 387.

Возьмемъ, напримѣръ, лекиѳъ 2 А 350 (рис. 20). На его картинѣ передъ нами двѣ дѣвушки, стоящія по сторонамъ стелы, увѣнчанной пальметкою строгаго типа. Та, которая направо, держитъ въ лѣвой рукѣ корзинку съ приношеніями. Правою рукою она, повидимому, поправляла себѣ одежду (подпоясанный хитонъ безъ рукавовъ, вверху двойной). Ясно, что эта женщина пришла на могилу съ приношеніями. Но кого имѣлъ въ виду художникъ во второй дѣвушкѣ? Она стоитъ налѣво отъ стелы. Одѣта она въ такой же хитонъ, какъ и первая, и, кромѣ того, у ней наброшена на лѣвой рукѣ вуаль, конецъ которой дѣвушка подняла вверхъ съ намѣреніемъ, вѣроятно, накинуть ее на голову,—мотивъ, подобные которому видимъ весьма часто на картинахъ

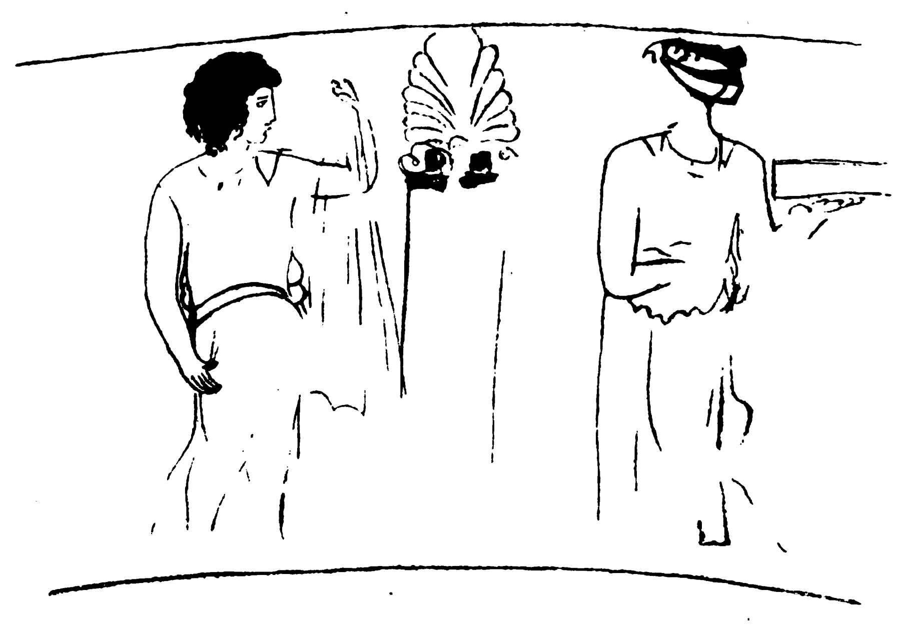


Рис. 20. Картина на лекиѳѣ 2 А 350.

лекиѳовъ. По нашему мнѣнію, скорѣе во второй дѣвушкѣ нужно видѣть умершую. Но не невозможно считать и ее пришедшею на могилу. Также не ясна картина на лекиѳѣ 2 А 152: кого имѣлъ въ виду художникъ, нарисовавъ печальнаго старца у могилы? Умершій ли это, или такъ же, какъ и дѣвушка, стоящая по другую сторону стелы, живой и пришедшій на могилу друга или родственника? То и другое одинаково возможно. То же нужно сказать о картинѣ лекиѳа 2 А 155: печальный мужчина съ лекиѳомъ въ рукахъ можетъ быть и адорантомъ, и умершимъ. На лекиѳѣ 2 А 326 изображены двѣ дѣвушки: одна, направо отъ стелы, стоитъ на колѣняхъ и жестами выражаетъ глубокое

горе и отчаяніе; по другую сторону стелы стоитъ дѣвушка, которая правою рукою дѣлаетъ жестъ адораціи. Опять художникъ не выразилъ

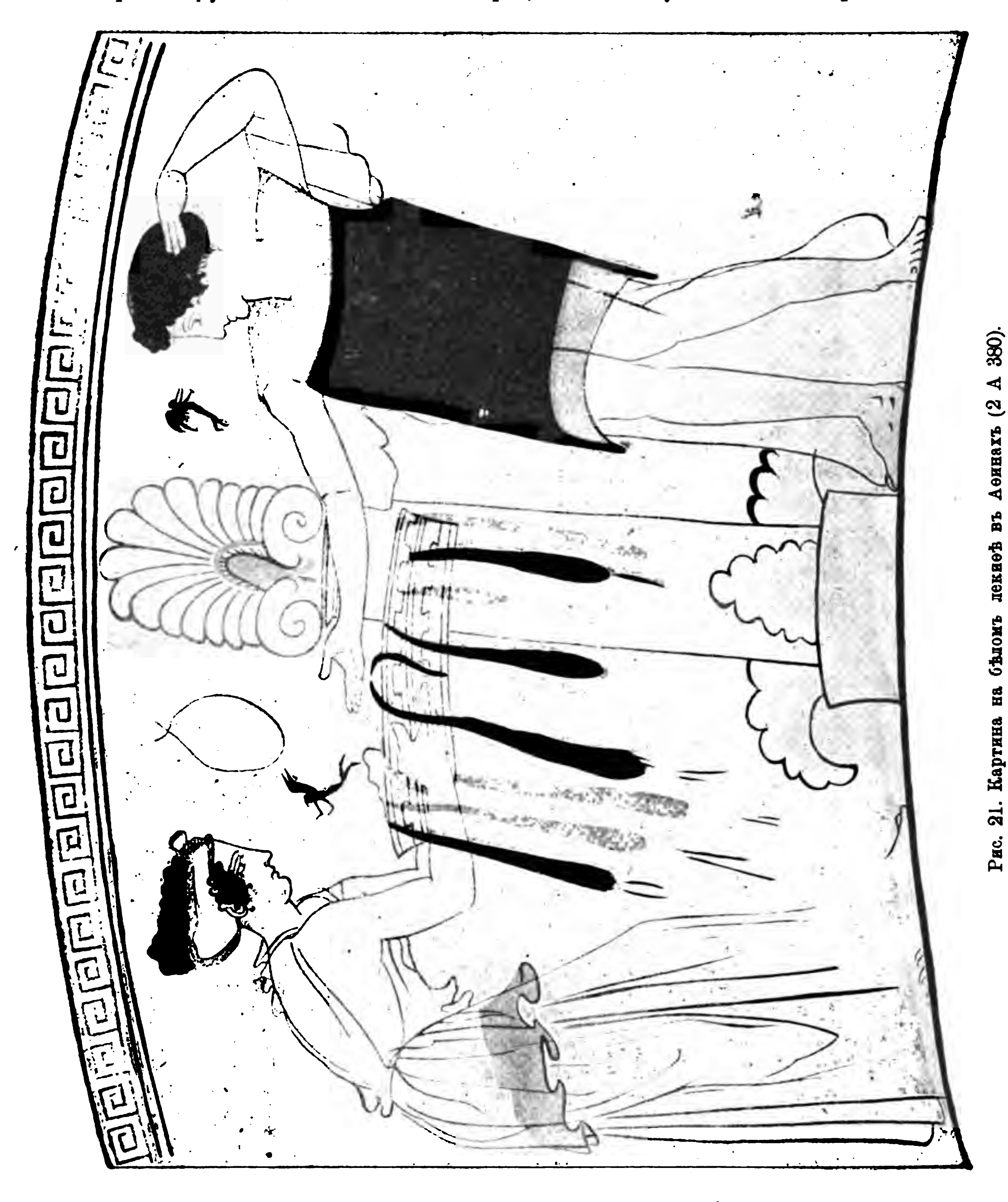


Рис. 21. Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Аѳинахъ (2 А 380).

съ достаточною ясностью, кого онъ имѣлъ въ виду въ стоящей на колѣняхъ дѣвушкѣ. На лекиѳѣ 2 А 380 (рис. 21) передъ нами опять

двѣ дѣвушки. Одна (налѣво отъ стелы) [1]) ставитъ корзину съ приношеніями у стелы [2]); другая (направо отъ стелы) жестами выражаетъ горе и обращается къ первой [3]). Двѣ летящія отъ стелы ψυχαί (души) не даютъ указаній на счетъ того, имѣлъ ли въ виду авторъ рисунка въ дѣвушкѣ, стоящей направо отъ стелы, умершую [4]), и наглядно показываютъ, что и на другихъ картинахъ по ψυχαί нельзя въ той или другой фигурѣ видѣть умершаго [5]). Также не ясны картины на слѣдующихъ лекиѳахъ нашего списка [6]): 2 A 147, 151, 156, 158, 159, 161—164, 166, 169, 184, 196, 201, 204—206, 211—215, 220, 223, 225, 226, 228, 229, 231, 244—247, 251, 257—260, 263, 267[d], 281, 282, 284, 285, 287—288[a], 289, 295, 297, 298, 300—303, 306, 307, 316—322, 324, 327, 337—339, 343, 345, 353, 354, 359, 363, 373, 375, 376, 378, 382, 384—390, 393, 396, 403, 419.

Озираясь на картины лекиѳовъ съ изображеніемъ умершихъ и адорантовъ у стелы, мы не можемъ не замѣтить, что умершихъ въ этихъ сценахъ стали изображать вообще позднѣе. Первоначально у стелы изображаютъ лишь адорантовъ; первоначально и сцены у стелы имѣютъ такой же чисто жанровый характеръ, какъ бо̀льшая часть картинъ на лекиѳахъ первой группы [7]). Подъ вліяніемъ надгробій мастера лекиѳовъ стали рано изображать и самихъ умершихъ. На наиболѣе раннихъ лекиѳахъ умершіе изображаются на стелахъ; художникъ украшаетъ стелы живописью или рельефами, а на этихъ послѣднихъ изобра-

---

[1]) Одѣта въ подпоясанный безрукавный хитонъ (двойной вверху) обычнаго аѳинскаго типа. На головѣ—широкая повязка (mitra).

[2]) Стела увѣнчана строгою пальметкой на волютахъ; внизу, на первой ступени, у нея три аканѳовыхъ листа.

[3]) Одѣта въ тонкій длинный хитонъ съ рукавами; сверху послѣдняго у нея надѣтъ еще короткій безрукавный хитонъ.

[4]) По нашему возможно въ этой фигурѣ видѣть умершую. Бенндорфъ (Gr. S. Vnb., къ Taf. 14) видитъ въ ней, однако, пришедшую на могилу.

[5]) Самое лучшее объясненіе этихъ летающихъ ψυχαί на картинахъ бѣлыхъ лекиѳовъ то, что ψυχαί представляютъ витающія около могилъ души умершихъ. Въ миѳѣ о загробномъ существованіи душъ Платонъ (Федонъ, гл. 57, 108 A—B), скорѣе всего основываясь на народныхъ вѣрованіяхъ, говоритъ между прочимъ: ἡ δ'ἐπιθυμητικῶς τοῦ σώματος ἔχουσα (ψυχή)... περὶ ἐκεῖνο πολὺν χρόνον ἐπτοημένη καὶ περὶ τὸν ὁρατὸν τόπον, πολλὰ ἀντιτείνασα καὶ πολλὰ παθοῦσα, βίᾳ καὶ μόγις ὑπὸ τοῦ προστεταγμένου δαίμονος οἴχεται ἀγομένη. Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 33 сл., 65; Pottier, Lécythes blancs, 75 слл.; Rohde, Psyche[2], I, 244.

[6]) См. списокъ вазъ.

[7]) Возможно, что сцены у стелы имѣютъ своимъ прототипомъ картины, изображающія Ореста и Электру на могилѣ Агамемнона. Ср. Pottier, Lécythes blancs, 112; ср. картину на лекиѳѣ 2 A 75, которая, по нашему мнѣнію, сильно говоритъ за предположеніе Поттье. Миѳологическія сцены передѣлывались въ сцены обыденной жизни въ вазовой живописи весьма часто. Примѣры см. у Поттье, ук. м.

жаетъ умершаго; иногда стелу увѣнчиваетъ группа фигуръ или одна фигура, какъ будто статуи: на самомъ дѣлѣ, художникъ вовсе не копируетъ могильныхъ памятниковъ со статуями, но послѣднія являются лишь средствомъ изобразить умершаго и дать понять зрителю, чью могилу художникъ желалъ изобразить на своей картинѣ. Наконецъ, художники стали изображать умершихъ у стелъ, какъ живыхъ, въ такихъ позахъ и обстановкѣ, которыя были типичны при ихъ жизни. При этомъ умершій изображается въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и положеніяхъ (сидящимъ, стоящимъ и т. д.) [1]). Надобно, однако, замѣтить, что, какъ и на надгробныхъ рельефахъ, умершій въ композиціи играетъ всегда главную роль, являясь ея центромъ (послѣдній, разумѣется, на картинѣ не долженъ совпадать всегда съ центромъ математическимъ). Особенно типичною является композиція на одномъ лекиѳѣ въ Луврѣ (2 А 256ª нашего списка): здѣсь все вниманіе сосредоточивается на юношѣ, котораго поэтому и надо считать скорѣе не за адоранта, а за умершаго, изображеннаго среди живыхъ.

Часто, въ то время, какъ умершій представленъ спокойнымъ и совершенно погрузившимся въ свое дѣло, окружающіе могилу адоранты представлены печальными, убитыми горемъ. Представляя главное лицо композиціи равнодушнымъ среди всеобщаго плача и стенаній, авторы рисунковъ на лекиѳахъ ясно даютъ понять, что это главное лицо — абстракція смерти, не живой среди живыхъ, а умершій, изображенный живымъ [2]).

Тѣмъ, кто покупалъ лекиѳы, пріятно, очевидно, было видѣть такое изображеніе умершаго: умершіе продолжаютъ жить лишь въ памяти оставшихся въ живыхъ; представляя умершаго въ той обстановкѣ, въ какой его знавали при жизни, авторъ картины напоминаетъ о прошлой жизни умершаго, прославляетъ и какъ-бы героизируетъ покойнаго [3]).

Рано стали изображать и умершихъ въ печальныхъ позахъ. Риддеръ [4]) замѣтилъ, что въ изображеніяхъ умершаго въ печали сказываются новое направленіе и новыя идеи, которыхъ не встрѣчаемъ въ первую половину V вѣка: по его мнѣнію, умершій, изображенный, какъ живой, у стелы скорбитъ о печальной участи человѣка. Однако, какъ мы знаемъ, уже неоднократно были высказываемы предположенія, что на печальныхъ фигурахъ аттическихъ надгробныхъ стелъ и другихъ

---

[1]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 63 сл., гдѣ указана и спеціальная литература.
[2]) Ср. Ridder, ук. с., 164.
[3]) Ridder, ук. с., 164.
[4]) Ridder, ук. с., 166 сл.

памятниковъ возможно съ большою долею вѣроятности [1]) усматривать вліяніе печальныхъ фигуръ изъ полигнотовыхъ „Иліона" и „Аида". То же надо сказать и о картинахъ бѣлыхъ лекиѳовъ, которыя явились какъ разъ въ эпоху наибольшей славы Полигнота и его дѣятельности въ Аѳинахъ. И печальныя фигуры на картинахъ бѣлыхъ лекиѳовъ, по общему характеру и настроенію столь близкія къ фигурамъ на аттическихъ надгробіяхъ, весьма вѣроятно, зависятъ отъ Полигнота. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, какъ часто на картинахъ лекиѳовъ мы встрѣчаемъ аналогіи съ живописью Полигнота въ мотивахъ фигуръ, группахъ и т. д. Полигнотъ въ „Аидѣ" представилъ нѣкоторыхъ героевъ и героинь въ печальныхъ позахъ [2]). Чего же было проще и естественнѣе, что авторы картинъ на бѣлыхъ лекиѳахъ, изображая умершихъ, подражали фигурамъ „Аида"?

Послѣ того, какъ мы познакомились съ картинами бѣлыхъ лекиѳовъ, намъ и самыя композиціи Полигнота становятся яснѣе и понятнѣе. Какъ авторы картинъ на бѣлыхъ лекиѳахъ изображаютъ умершихъ въ типичныхъ для нихъ позахъ и обстановкѣ, такъ и Полигнотъ въ „Аидѣ" каждаго героя изобразилъ въ позѣ, для него характерной. Печальны были судьбы Гектора, Ѳамирида: художникъ V вѣка могъ изобразить ихъ въ царствѣ Аида лишь въ печальныхъ позахъ! Напротивъ, прелестныя дочери Пандарея были похищены Гарпіями, когда только что разцвѣли: и вотъ у Полигнота въ „Аидѣ" мы видимъ ихъ увѣнчанными розами и беззаботно играющими въ кости и т. д. Можетъ быть, изображая умершихъ въ печали у стелы, первоначально художники желали просто сказать, что умершему выпало много несчастій на долю при жизни. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что вліяніе печальныхъ фигуръ картинъ Полигнота и его школы, которымъ (фигурамъ) такъ удивлялись въ древности, на картины лекиѳовъ болѣе вѣроятно, чѣмъ вліяніе тѣхъ или другихъ философскихъ ученій.

На картинахъ лекиѳовъ, съ которыми мы познакомились до сихъ поръ, мы не видѣли ни разу изображеній загробной жизни; на картинахъ, гдѣ мы находили умершихъ, въ самомъ дѣлѣ нельзя видѣть изображенія ихъ загробнаго существованія: художникъ желалъ лишь дать всякій разъ общую идею объ умершемъ, общую характеристику его, желалъ сказать лишь то, каковъ былъ умершій при жизни [3]).

---

[1]) Ср. гл. II.

[2]) См. введеніе.

[3]) Ср. Ridder, ук. с., 167: «cette représentation du mort n'a donc en définitive rien de proprement funéraire: le trépas y paraît comme une menace, tantôt inaperçue, tantôt vivement ressentie; il n'occupe pas encore la scène et n'intervient qu'à l'arrière-plan».

Изъ загробной жизни художники на бѣлыхъ лекиѳахъ изображаютъ лишь одну сцену. Это — встрѣча умершаго съ Харономъ [1]).

Образцомъ композиціи, изображающей встрѣчу умершаго съ Харономъ, могжутъ слуить картины на лекиѳахъ 2 А 332 и 358 [2]). На первой видимъ Харона стоящимъ въ его ладьѣ и опирающимся на весло или шестъ; онъ причалилъ къ берегу, на которомъ стоитъ печальная молодая дѣвушка; ее Харонъ долженъ перевезти въ царство Аида. Съ той и съ другой стороны отъ ладьи въ водѣ камышъ, на одномъ изъ стеблей котораго привязана черная ленточка; за дѣвушкой стоитъ довольно большой лекиѳъ. Послѣдній, равно какъ и ленточка,— приношенія умершей [3]). На картинѣ лекиѳа 2 А 358 Харонъ сидитъ въ ладьѣ и держитъ въ лѣвой рукѣ шестъ, прислонивъ его къ плечу. На берегу стоитъ дѣвушка. Судя по жестамъ фигуръ, онѣ разговариваютъ.

Какъ и на картинѣ лекиѳа 2 А 332, въ водѣ здѣсь нарисованъ растущимъ камышъ. Композиція идентична съ композиціей на лекиѳѣ 2 А 332; только Харонъ здѣсь представленъ на правой сторонѣ, а дѣвушка на лѣвой. Таковы же въ общемъ композиціи у картинъ на лекиѳахъ 2 А 224, 237, 239, 240, 267ᵃ, 311, 323.

Весьма интересна картина на лекиѳѣ 2 А 368 (рис. 22). Въ центрѣ композиціи — стела, поставленная на двухъ ступеняхъ и увѣнчанная аканѳовыми листьями и строгою пальметкою на волютахъ. На ступеняхъ стелы сидитъ эфебъ (умершій) [4]). Налѣво отъ стелы женщина [5]) подходитъ къ умершему съ корзинкой, изъ которой свѣшивается тенія; это обычная корзинка для приношеній, предназначающихся умершимъ. Направо отъ стелы — Харонъ, причаливающій въ ладьѣ къ стелѣ, у которой сидитъ умершій [6]). Если бы не было въ этой картинѣ Харона, который страннымъ образомъ подъѣзжаетъ въ ладьѣ къ самой стелѣ, то мы имѣли бы хорошо знакомую намъ сцену приношенія даровъ умершему. Какимъ образомъ является здѣсь Харонъ? Намъ кажется,

---

[1]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 34 сли.

[2]) О нихъ см. Ridder, ук. с., 170 сл.

[3]) На Харонѣ надѣта эксомида; на головѣ у него — шапка. На дѣвушкѣ—подпоясанный хитонъ (вверху двойной) и гиматій (прикрывающій и голову).

[4]) На немъ наброшенъ лишь гиматій, оставляющій непокрытой всю верхнюю часть тѣла. Едва ли можно утверждать, что эфебъ держитъ въ правой рукѣ оболъ для Харона, какъ это дѣлаетъ Риддеръ (ук. с., 171).

[5]) На ней дорическій подпоясанный (вверху двойной) хитонъ безъ рукавовъ.

[6]) Картины, въ родѣ нашей, являются новымъ подтвержденіемъ того, что сидящія фигуры у стелы—умершіе. Ср. v. Duhn, A. Z., 1885, 21 сл. Юноша на лекиѳѣ 2 А 267a предлагаетъ Харону оболъ за перевозъ. Ср. Pottier, Lécythes blancs, 49.

что художникъ просто составилъ здѣсь новую композицію, контаминировавъ двѣ композиціи, которыя ему были извѣстны: композиціи приношенія даровъ умершему у стелы и встрѣчи умершаго съ Харономъ [1]).

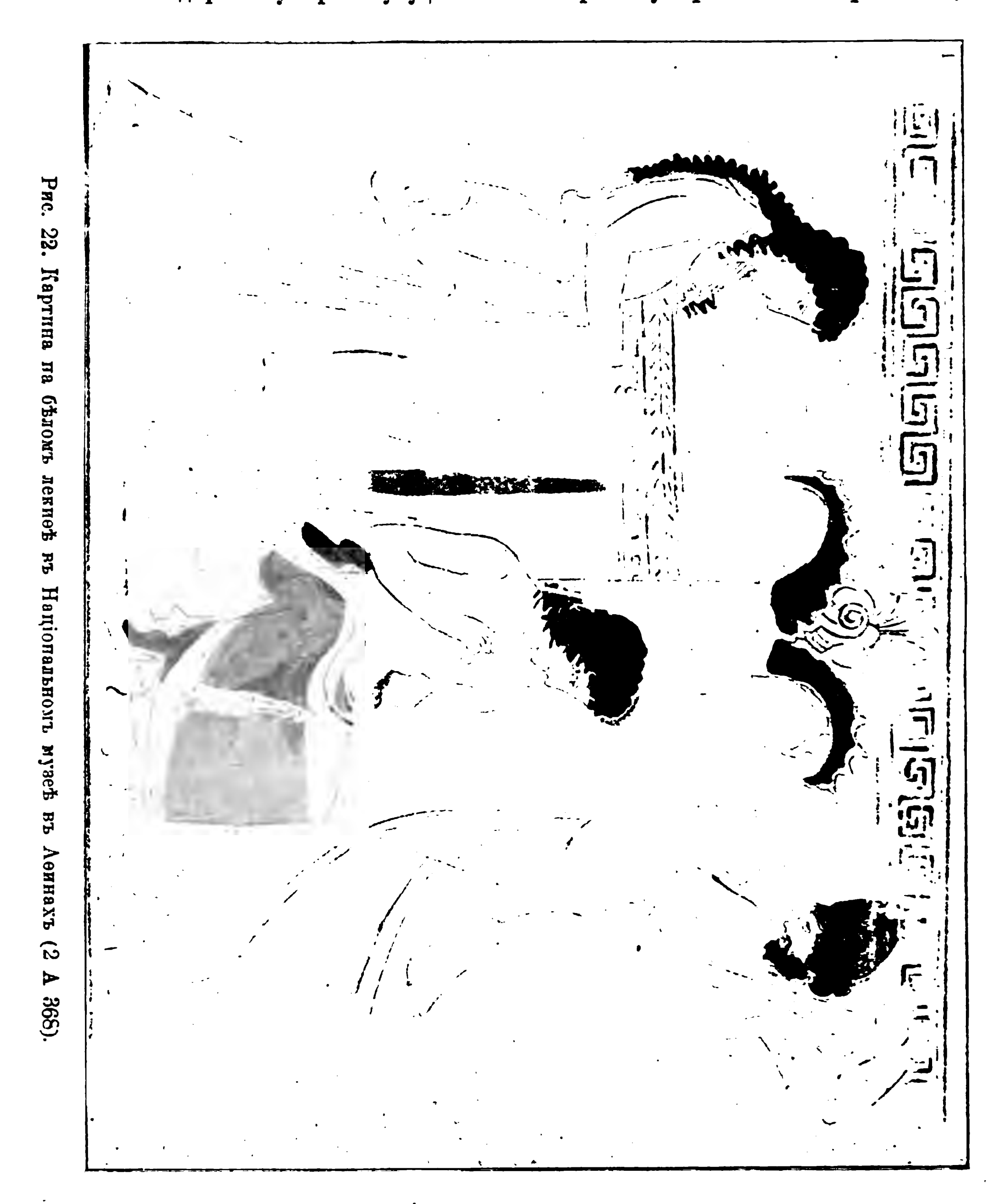


Рис. 22. Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ (2 А 368).

Уже изображая умершаго, какъ живого у стелы, художники вводили въ композицію условность. Ввести въ нее фигуру Харона было лишь дальнѣйшимъ шагомъ. Харонъ является здѣсь олицетвореніемъ самой

---

¹) Ср. v. Duhn, A. Z., 1885, 6; Ridder, ук. с., 171.

смерти [1]). Къ картинѣ на лекиѳѣ 2 А 368 близки картины на лекиѳахъ 2 А 160, 216, 238, 265, 266, 267, 267^b, 267^c, 280, 367, 401 [2]). На картинѣ лекиѳа 2 А 369 дѣйствіе происходитъ не у стелы, а у Ахеронта. На скалистомъ берегу его сидитъ маленькій мальчикъ. Харонъ причалилъ къ берегу, чтобы взять его въ ладью. У ногъ мальчика стоитъ шкатулка и корзинка съ теніей. Женщина—скорѣе всего мать мальчика — подходитъ къ нему и несетъ въ рукахъ утку: это, какъ шкатулка и корзинка,—даръ умершему [3]).

Поттье, объясняя картины съ изображеніемъ Харона, указалъ на то, что, по представленіямъ вазовыхъ мастеровъ, Харонъ иногда является за умершимъ къ самой стелѣ. Такъ какъ миѳъ версіи, извѣстной намъ изъ литературы, говоритъ другое (именно, что душа умершаго послѣ странствованій является къ Ахеронту, гдѣ и встрѣчаетъ ее Харонъ) [4]), то Поттье утверждаетъ, что греческая религія не знала вообще твердо установленныхъ догматовъ, и потому художники, при изображеніи Харона, пользовались полною свободой и создавали собственныя версіи миѳа. На это нужно замѣтить, что греческіе мастера вплоть до самаго конца IV вѣка никогда не занимались иллюстраціей (въ нашемъ смыслѣ слова) какихъ-нибудь миѳовъ, извѣстныхъ изъ поэзіи [5]) и, при изображеніяхъ изъ миѳологіи и изъ исторіи [6]), руководились соображеніями чисто художественными, а вовсе не желаніемъ точно воспроизвести тѣ или другіе факты. Изображая Харона въ лодкѣ у стелы, художники, очевидно, не думали объ Ахеронтѣ и о томъ, что душа умершаго тамъ встрѣчается съ Харономъ по народнымъ вѣрованіямъ, равно какъ не желали, разумѣется, сказать, что Харонъ является за умершимъ къ стелѣ [7]). Они вовсе не обращаютъ вниманія на то, гдѣ происходитъ дѣйствіе; они желаютъ лишь указать, что умершій долженъ встрѣтиться съ Харономъ, который и перевезетъ его въ другой міръ.

---

[1]) Ср. v. Duhn, A. Z., 1885, 20 сл.

[2]) О картинѣ послѣдняго лекиѳа ср. Ridder, ук. с., 171 сл.

[3]) Ср. v. Duhn, Jahrb. d. Inst., II (1887), 242 сл.; Ridder, ук. с., 171. Ф. Дунъ и Риддеръ объясняютъ иначе сцену на лекиѳѣ 2 А 369; по мнѣнію Риддера, женщина здѣсь—умершая; а мальчикъ характеризуетъ ее матерью, находившей при жизни наибольшую радость въ своемъ ребенкѣ. Ф. Дунъ женскую фигуру считаетъ не матерью ребенка, а просто дѣвушкой.

[4]) Источники собраны у Roscher, Lex. d. Mythologie, I, 884 сл. Новая литература, касающаяся Харона, указана у Поттье, ук. с., 43 сл. Ср. теперь еще v. Duhn, A. Z., 1885, 1 сл., Rohde, Psyche², I, 306; Ridder, ук. с., 168 сл.; Waser, Charon, Charun, Charos, Berlin, 1898; Wilamowitz-Möllendorff, Hermes, XXIV (1899), 227 сл.

[5]) Ср. Robert, Bild und Lied, Einleitung.

[6]) Ср. Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, 296.

[7]) Кромѣ Поттье, послѣднее полагалъ и v. Duhn, A. Z., 1885, 21.

Картина на лекиѳѣ 2 A 400 любопытна тѣмъ, что здѣсь дары, которые до сихъ поръ, какъ мы видѣли, приносились умершимъ, назначены Харону [1]). На картинѣ этого лекиѳа женщина, стоящая въ центрѣ композиціи у стелы, предлагаетъ Харону гранатовыя яблоки въ корзинѣ, изъ которой тотъ и беретъ одно яблоко. За женщиной идетъ эфебъ: это—умершій [2]). Отъ такой композиціи легко перейти къ тому, чтобы изобразить умершаго, который, вмѣсто обола, предлагаетъ Харону дары, приносимые обыкновенно умершимъ. На картинѣ лекиѳа 2 A 333 видимъ дѣвушку, которая приближается къ Харону съ двумя корзинками, наполненными различными приношеніями. Стелы здѣсь не нарисовано. Композиція, такимъ образомъ, съ одной стороны примыкаетъ къ композиціямъ извѣстныхъ намъ уже лекиѳовъ 2 A 332 и 358, а съ другой—къ картинамъ на лекиѳахъ, гдѣ изображается приношеніе даровъ умершему въ присутствіи Харона. Къ композиціи на лекиѳѣ 2 A 400 близка композиція, въ которой посредникомъ между умершимъ и Харономъ является Герміи ψυχοπομπός [3]). Ее мы видимъ на лекиѳахъ 2 A 233, 264, 272, 277. На лекиѳѣ въ Мюнхенѣ № 209 (2 A 233) Герміи нѣжно поддерживаетъ умершую за руку въ моментъ, когда она должна перейти въ ладью Харона. На лекиѳѣ въ Луврѣ (2 A 277) Герміи передаетъ Харону юношу.

Фигура Харона въ ладьѣ на всѣхъ картинахъ почти идентична. Большею частью Харонъ бываетъ представленъ стоящимъ въ ладьѣ и причаливающимъ къ берегу Ахеронта или къ стелѣ [4]). Одѣтъ Харонъ почти на всѣхъ картинахъ одинаково; его поза, движенія почти вездѣ одни и тѣ же. На цѣломъ рядѣ картинъ видимъ камышъ растущимъ въ Ахеронтѣ [5]).

Лекиѳы—первые памятники, на которыхъ видимъ изображеніе Харона. Впервые въ искусствѣ является Харонъ въ „Аидѣ" Полигнота. Если бы образъ Харона, думаетъ правильно фонъ-Дунъ [6]), былъ уже общеизвѣстенъ въ литературѣ и искусствѣ, то едва ли бы ученые экзегеты

---

[1]) Ср. Rohde, Psyche², II. 249, 1.

[2]) Ср. Furtwängler, Beschr. d. Vasensammlung im Antiquarium, къ № 2680; v. Duhn, A. Z., 1885, 18 слл. Дунъ и Гаррисонъ (Greek vase paintings, къ pl. XLIII) неправильно считаютъ фигуру, находящуюся за женщиной съ приношеніями, женскою. Риддеръ, ук. с., 168, и здѣсь невѣрно въ женщинѣ съ приношеніями видитъ умершую.

[3]) Ср. о немъ Roscher, Lexik. der Mythologie, I, 2372 слл., и Scherer у Roscher, ук. с., 2421 сл.

[4]) Сидящимъ въ ладьѣ Харонъ изображенъ, напр., на 2 A 239, 240, 323, 358

[5]) Ср. 2 A 332, 358, 400 и др.

[6]) v. Duhn, A. Z., 1885, 17.

вывели то заключеніе, что прямымъ источникомъ Полигнота была Миніада. У Полигнота Харонъ былъ представленъ везущимъ въ ладьѣ въ Аидъ Клеобію и Теллида. Такъ какъ послѣднія двѣ фигуры были сидящія, то, во избѣжаніе монотонности въ картинѣ, Харонъ скорѣе всего былъ представленъ стоящимъ [1]). Какъ и на картинахъ лекиѳовъ, у Полигнота въ Ахеронтѣ былъ изображенъ растущимъ камышъ. Харонъ, стоящій въ ладьѣ и причаливающій къ берегу, камышъ, растущій у берега—мотивы, которые были, такимъ образомъ, и на картинѣ Полигнота. Если мы видимъ тѣ же самые мотивы повторяющимися неизмѣнно и постоянно въ вазовой живописи и у различныхъ мастеровъ [2]), если эти мотивы у послѣднихъ являются вдругъ и какъ разъ въ эпоху непосредственно послѣ Полигнота, то скорѣе всего въ первоисточникѣ мотивъ Харона бѣлыхъ лекиѳовъ ведетъ свое происхожденіе отъ Полигнота. За то, что мотивъ этотъ взятъ былъ со знаменитаго оригинала, указываютъ римскіе памятники, на которыхъ мы опять его встрѣчаемъ [3]).

Однако, несомнѣнно, что художники лекиѳовъ не копируютъ рабски картины Полигнота. У нихъ изображается другой моментъ: сцены самаго перевоза мы ни разу не видимъ на лекиѳахъ [4]). Такъ какъ всѣ изображенія Харона на лекиѳахъ сводятся къ одному основному типу, то нѣкоторые ученые высказывали предположеніе, что въ V вѣкѣ была какая-то знаменитая композиція (въ основѣ зависѣвшая отъ „Аида“ Полигнота), варіаціи которой и даютъ мастера лекиѳовъ [5]). Намъ кажется такое предположеніе лишнимъ. Скорѣе всего, мы думаемъ, мастера лекиѳовъ зависятъ отъ Полигнота непосредственно. Если дѣйствительно ни разу мы не видимъ сцены самаго перевоза, то это потому, что мастера лекиѳовъ первоначально вовсе не желали ее представлять. Первоначально, какъ мы видѣли, вовсе не изображали умершихъ на лекиѳахъ. Затѣмъ, когда стали изображать ихъ, у художниковъ является мысль изобразить рядомъ съ традиціонной фигурой умершаго и Харона, съ которымъ ему придется имѣть дѣло. Художники изображаютъ умершихъ среди живыхъ и какъ живыхъ. Всегда на картинахъ проходитъ мысль: увы! какъ недавно умершій еще жилъ и дѣйствовалъ среди живыхъ, любилъ и былъ любимъ! Художники, желая провести эту мысль, поэтому и не представляютъ умершихъ въ

[1]) За это высказывался и Поттье въ своихъ лекціяхъ въ École du Louvre.

[2]) Невозможно утверждать даже, чтобы всѣ лекиѳы съ изображеніемъ Харона были расписаны въ одной мастерской. Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 182 слл.

[3]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 47.

[4]) Ср. Pottier, ук. с., 128 слл.; v. Duhn, A. Z., 1885, 6.

[5]) Ср. Pottier, ук. м.; v. Duhn, ук. м., 18 слл.

ладьѣ Харона: художнику какъ будто больно сказать, что уже все кончено, что умершій уже всецѣло въ рукахъ безпощадной смерти, и потому онъ представляетъ его евфемистически лишь близкимъ къ этой печальной участи. Желая изобразить умершаго лицомъ къ лицу съ ужаснымъ Харономъ, художники естественно Харона изображаютъ такъ, какъ онъ былъ представленъ у Полигнота; другихъ изображеній Харона не было еще въ искусствѣ, а изъ полигнотовой картины взять мотивъ фигуры Харона было тѣмъ легче, что и самая мысль изобразить Харона рядомъ съ умершимъ явилась скорѣе всего подъ вліяніемъ „Аида", гдѣ на берегу Ахеронта, недалеко отъ Харона, были представлены герои и героини. Мастера лекиѳовъ еще разъ показываютъ, какими дѣйствительно истинными художниками они были; они пользуются мотивомъ картины Полигнота, но переработываютъ его, сообразно своимъ цѣлямъ, и не теряютъ своей индивидуальности. Въ мелкихъ деталяхъ у картинъ съ изображеніемъ Харона много разнообразія. Это яснѣе всего видно, напр., на типѣ Харона, который далеко не одинаковъ на всѣхъ лекиѳахъ. У Полигнота Харонъ представленъ былъ старикомъ. У мастеровъ лекиѳовъ онъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ, не старикъ, большею частью со спокойнымъ задумчивымъ выраженіемъ лица [1]). Иногда у Харона на лекиѳахъ мы видимъ красивыя, благородныя черты лица [ср. 2 A 332, 368 (рис. 22) и т. д.].

Другой разъ его черты грубы, вульгарны, даже дики (ср. 2 A 233, 238, 239 и т. д.) [2]).

На рядѣ лекиѳовъ встрѣчается композиція, представляющая Ѳанатоса и Гипноса, полагающихъ въ могилу умершаго [3]). Мы уже раньше имѣли случай познакомиться съ этой композиціей, когда говорили о лекиѳахъ 2 A 167 и 195. Эту композицію видимъ еще на лекиѳахъ 2 A 221, 273, 334, 362 [4]).

Выше мы замѣтили уже также, что мастера бѣлыхъ лекиѳовъ измѣняютъ старую схему этой композиціи подъ вліяніемъ мотива группы Синона и Анхіала съ тѣломъ Лаомедонта на „Иліонѣ" Полигнота. Не можемъ не замѣтить и здѣсь, какъ ловко художники пользуются мотивомъ Полигнота для своихъ цѣлей. Лучшею композиціею надо, по нашему, считать ту, которую видимъ на лекиѳѣ Національнаго музея

---

[1]) Ср. Pottier, Lécythes blancs, 128 сл.

[2]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 182 слл.

[3]) Pottier, Lécythes blancs, 23 слл.

[4]) На лекиѳѣ 2 A 221 Смисъ (Catal., D 59) и Мѐррэ (Wh. ath. vases. къ pl. IX) напрасно усматриваютъ, ссылаясь на Quint. Smyrn., II, 549, въ двухъ геніяхъ Борея и Зефира.

въ Аѳинахъ (2 А 362 нашего списка; табл. VII). Райэ и Коллиньонъ [1]) справедливо замѣчаютъ, что здѣсь нѣтъ совершенно ничего мрачнаго въ изображеніи Ѳанатоса, черты лица котораго чрезвычайно красивы и благородны, и ничего отталкивающаго, непріятнаго въ изображеніи умершей, контуры тѣла у которой дышатъ всею гибкостью жизни. Ѳанатосъ и Гипносъ съ замѣчательною заботливостью и нѣжностью полагаютъ въ могильную яму (которая находится передъ элегантной стелой) [2]) умершую дѣвушку [3]). При этомъ присутствуетъ эфебъ, который дѣлаетъ жестъ печали [4]). У дѣвушки выраженіе лица задумчивое съ оттѣнкомъ грусти [5]), какъ это обычно теперь дѣлается у умершихъ.

Совершенно ясенъ смыслъ сцены. По аналогіи съ картинами, о которыхъ мы говорили выше, мы полагаемъ, что здѣсь изображенъ юноша, пришедшій на могилу сестры или родственницы, которой суждено было умереть на чужбинѣ, но которую, какъ гомеровскаго Сарпедона, сами Ѳанатосъ и Гипносъ перенесли на родину, чтобы ея прахъ лежалъ въ родной землѣ. Можетъ быть, здѣсь аллегорія; можетъ быть, тѣло умершей родственники привезли на родину. Но возможно, что юноша стоитъ только передъ кенотафіемъ (могильнымъ памятникомъ въ честь умершаго, тѣло котораго по тѣмъ или другимъ причинамъ не могло быть погребено въ родной землѣ у этого памятника) и думаетъ объ умершей: художникъ далъ пластическое выраженіе мыслямъ юноши; картина, въ родѣ нашей, должна была быть особенно по сердцу родственникамъ умершихъ на чужбинѣ.

Мёррэ (Academy, ук. м.) и Робертъ (Thanatos, 25, 35 сл.) не поняли картины, если говорятъ, что въ нашей сценѣ не можетъ быть смертнаго эфеба. По ихъ мнѣнію, въ юношѣ направо отъ стелы надо усматривать Гермія. Дюмонъ (Gaz. b.-a., 1874, 132), Коллиньонъ (Catal., № 631; ср. Rayet-Collignon, Céramique, 232) и Гейдеманнъ (III Hallisch. Winckelmannspr., 80, пр. 204) справедливо не видятъ никакихъ основаній къ тому, чтобы считать юношу направо отъ стелы Герміемъ.

Роде (Psyche², I, 86, 1) предлагаетъ остроумное объясненіе кар-

---

[1]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 232.

[2]) Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 90.

[3]) Murray, Academy, 1878, 395, 569, невѣрно объясняетъ картину, полагая, что геніи вынимаютъ умершую изъ могилы, чтобы перенести ее въ Элисій. Ср. Robert, Thanatos, 25.

[4]) Вопреки Лоллингу (у Robert, Thanatos, ук. м.) и Роберту (ук. м.) мы полагаемъ, что Коллиньонъ (Catal. № 631) правильно понялъ жестъ эфеба. Ср. Ridder, Idée de la mort, 162.

[5]) Ср. Ridder, ук. м.; Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 87 сл.

тинъ лекиѳовъ: изображая умершаго на рукахъ Гипноса и Ѳанатоса, художники желали, можетъ быть дать утѣшеніе родственникамъ, въ родѣ того, которое читаемъ въ надгробныхъ эпиграммахъ: ὕπνος ἔχει σε, μάκαρ,- - καὶ νέκυς οὐκ ἐγένου.

До сихъ поръ мы видѣли изображенія умершихъ, какъ живыхъ. Даже умершіе, которыхъ Ѳанатосъ и Гипносъ несутъ въ могилу, не были характеризованы со всею реальностью и въ своихъ формахъ всецѣло походили на живыхъ. Па лекиѳахъ видимъ иногда и реальныя изображенія умершихъ. Сюда относятся картины, изображающія πρόθεσις, обрядъ оплакиванія умершаго, который выставлялся для того на одрѣ (2 А 154, 217, 219, 222, 330, 365, 399, 420) [1]). Въ оплакиваніи принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, женщины. Число фигуръ въ композиціи бываетъ различно.

Типомъ композиціи могутъ служить картины на лекиѳахъ 2 А 365 и 420. На вѣнскомъ лекиѳѣ (2 А 365) три женщины оплакиваютъ умершаго; двѣ дѣлаютъ жесты горя и отчаянія; третья (направо) вѣеромъ должна отгонять мухъ отъ трупа; въ лѣвой рукѣ у нея корзинка съ приношеніями умершему. Около умершаго летаютъ три ψυχαί. За женщиной, которая стоитъ въ ногахъ у покойника, изображенъ вѣнокъ въ свободномъ пространствѣ [2]).

Прекрасна картина на лекиѳѣ Берлинскаго музея № 2684 (2 А 420). Умершій юноша положенъ въ гробу на высокой подстилкѣ такъ, чтобы все его тѣло было выставлено наружу [3]). Внутри гроба положенъ коверъ (зеленый), края котораго свѣшиваются на гробъ. На гробѣ падѣта гирлянда зелени. Гробъ поставленъ на диванъ, накрытый фіолетовымъ покровомъ, который простирается и на ножки дивана. Мать юноши съ жестами горя наклоняется къ умершему. Его старикъ-отецъ, въ печали заложившій правую руку на голову, лѣвою касается головы умершаго. Слѣва служанка, въ правой рукѣ съ корзинкою для приношеній, лѣвою дѣлаетъ жестъ печали.

Въ свободномъ пространствѣ надъ умершимъ виситъ тенія и летаетъ ψυχή, которая, какъ всегда, руками дѣлаетъ жестъ печали [4]). Подъ

---

[1]) См. о πρόθεσις K. F. Hermann-Blümner, Lehrbuch d. griechischen Privatalterthümer, 363 сля.; Guhl-Koner, Leben d. Griechen u. Römer, 479 сля.; Rohde, Psyche², I, 220 сля.; Pottier, Lécythes blancs, 11 сля.

[2]) Какъ этотъ вѣнокъ, такъ и три ψυχαί здѣсь имѣютъ чисто орнаментальное значеніе.

[3]) Ср. Winter, 55 Winckelmannspr., 1895, 6.

[4]) Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 65 сля., къ Taf. XXXIII.

диваномъ, на которомъ поставленъ гробъ, стоитъ лекиѳъ, которые, обыкновенно наполненные ароматами, ставили у одра умершаго [1]).

Въ общемъ композиція сценъ πρόθεσις на лекиѳахъ тѣсно примыкаетъ къ композиціи, которую видимъ уже на аттическихъ чернофигурныхъ пинакахъ [2]). Мы видимъ здѣсь изображеніе тѣхъ же обрядовъ, тѣхъ же обычаевъ. Но только съ художественной точки зрѣнія композиціи на лекиѳахъ неизмѣримо выше. Здѣсь нѣтъ того огромнаго количества фигуръ, какъ на пинакахъ. Четыре фигуры прекрасно заполняютъ фонъ, между тѣмъ какъ на архаическихъ пинакахъ пространство такъ переполнено фигурами, что вся композиція теряетъ въ ясности и легкости. Наоборотъ, композиція на лекиѳѣ 2 А 420, по изящности, простотѣ, богатству и гармоничности линій, легкости ритма является типичной представительницей свободнаго, прекраснаго стиля. Не менѣе прекрасна и композиція на лекиѳѣ 2 А 222: грація ритмическихъ движеній фигуръ, жесты рукъ, поднятыхъ къ головѣ, глаза, устремленные на усопшаго, выраженіе тихой скорби,—все это сообщаетъ всей сценѣ такую тонкую гармонію и прелесть, которымъ ничего подобнаго не видимъ на суровыхъ архаическихъ пинакахъ [3]).

Сравнительно рѣдко видимъ на лекиѳахъ изображенія одного надгробнаго памятника безъ умершаго и безъ адорантовъ (2 А 192). Къ довольно рѣдкимъ относится также картина лекиѳа 2 А 210, на которомъ умершій изображенъ лежащимъ внутри могильнаго холма [4]).

По формѣ, орнаментаціи, технинѣ и сюжетамъ картинъ лекиѳы второй группы примыкаютъ тѣсно къ лекиѳамъ первой. И на основаніи стиля рисунковъ нельзя полагать, что они явились въ другихъ мастерскихъ. По стилю рисунковъ вторая группа должна была явиться только нѣсколько позже, чѣмъ первая. Во второй группѣ мы уже не видимъ почти ни одного лекиѳа, рисунокъ котораго былъ бы такъ близокъ къ ри-

---

[1]) Ср. K. F. Hermann-Blümner, ук. м.; Guhl-Koner, ук. м.

[2]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 230; Pottier, Lécythes blancs, 11 слл. Образецъ пинаковъ: Benndorf, Gr. S. Vnb., Taf. I; ср. стр. 6 сл.

[3]) Ср. Ridder, L'idée de la mort, 160.

[4]) Ср. C. Smith, Catalogue къ D 35.

Мы не внесли въ нашъ списокъ вазъ лекиѳа Оксфордскаго Ashmolean Museum [J. Hell. st., XV (1895), pl. XV], гдѣ фигура Ники безусловно подрисована современнымъ фальсификаторомъ (ср. Furtwängler, Neuere Fälschungen von Antiken, 33), и лекиѳа одной частной коллекціи въ Аѳинахъ, изданнаго у Поттье (Lécythes blancs, pl. II), который, по своимъ размѣрамъ, сюжету картины (Ѳанатосъ и Гипносъ, поднимающіе со стула мужчину или садящіе его на стулъ) и стилю рисунка, представляетъ весь цѣликомъ поддѣлку. Ср. слова самого Поттье у Dumont-Chaplain, Céramiques, I, 388, 3

сункамъ на вазахъ строгаго стиля, какъ то мы не разъ констатировали у лекиѳовъ первой группы. Только немногіе лекиѳы, контуры рисунковъ которыхъ исполнены краской, принадлежатъ послѣднему періоду переходнаго стиля. На большей части картинъ этихъ лекиѳовъ принципы новаго стиля нашли уже себѣ полное выраженіе. Рисунки на лекиѳахъ новой группы принадлежатъ, такимъ образомъ, преимущественно развитому прекрасному стилю. Итакъ, рисунки на лекиѳахъ второй группы представляютъ примѣры новаго, свободнаго стиля и новой техники, которые уже совсѣмъ покончили съ архаизмомъ. Мы уже видѣли, какъ строго постепенно архаическій стиль уступалъ мѣсто новому, свободному. Мы замѣтили также и то, что и новая техника живописи на бѣлыхъ лекиѳахъ пришла не безъ переходныхъ стадій. Нельзя не признать, что эта новая техника внесла въ вазовую живопись нѣчто такое, что̀ въ сущности должно было бы быть ей чуждо. Теперь картины на лекиѳахъ становятся непрочными, потому что краски, которыми онѣ исполняются, не могутъ выдерживать такого сильнаго обжиганія, какому подвергались лекиѳы первой группы. За то картины имѣютъ теперь больше красокъ, а контуры рисунка достигаютъ такого изящества, гибкости и тонкости, которые были немыслимы, когда весь рисунокъ дѣлался лакомъ. Прежде картины лекиѳовъ выполнялись тѣми же красками, которыя употреблялись при орнаментаціи вазъ (лакъ и его разбавленія, пурпурная и красная краски) [1]). Теперь являются новыя краски: зеленая, синяя, желтая, черная, фіолетовая, кирпично-красная. Прежде мастеръ, дѣлавшій самый лекиѳъ, могъ исполнить весь рисунокъ на немъ тѣми матеріалами, которые употреблялись для орнаментовъ и окраски сосуда. Теперь картина требуетъ массу матеріаловъ, которыхъ не было подъ руками у мастера, дѣлавшаго самые лекиѳы и орнаменты на нихъ. Во второй группѣ есть не мало лекиѳовъ, на которыхъ, совершенно очевидно, картины были написаны не тѣми мастерами, которые дѣлали самыя вазы и орнаменты на нихъ. По этому, лекиѳы второй группы не имѣютъ той цѣльности и того единства, которыя мы наблюдали у лекиѳовъ первой группы: теперь гончаръ перестаетъ быть и живописцемъ. Мы уже и раньше замѣтили у мастеровъ бѣлыхъ лекиѳовъ стремленіе подражать монументальной живописи. Однако, это подражаніе у ма-

---

[1]) Только крайне рѣдко и въ очень ограниченномъ количествѣ видимъ на лекиѳахъ первой группы зеленую и голубую краски. Однако, эти лекиѳы одновременны по стилю съ лекиѳами второй группы. Сюда относится, напр., лекиѳъ 2 А 202а. Рисунокъ его ср. съ рисункомъ на лекиѳѣ второй группы 2 А 380.

стеровъ лекиѳовъ первой группы не доходило до того, чтобы они такъ нарушали законы стиля вазовой живописи, какъ это мы должны констатировать у авторовъ картинъ на лекиѳахъ второй группы. Прежде мастера лекиѳовъ старались подражать монументальной живописи, не выходя изъ своихъ средствъ. Теперь они стараются писать тѣми же красками, какъ и монументальная живопись. Вводя такимъ образомъ въ вазовую живопись то, чтò несовмѣстимо съ ея техникой, они невольно способствуютъ ея паденію, которое и не замедлитъ наступить: живопись на лекиѳахъ второй группы крайне легко подвергается разрушенію; лекиѳы теперь уже не представляютъ по техникѣ такихъ образцовыхъ произведеній художественной промышленности, какими являются лекиѳы первой группы и красно-фигурныя вазы, гдѣ живопись является вполнѣ органическою частью цѣлаго.

Контуры рисунковъ на лекиѳахъ новой группы дѣлаются красною и черною красками. Какъ та, такъ и другая употребляются въ разныхъ разведеніяхъ, которыя и даютъ различные оттѣнки. Образцами лекиѳовъ, на которыхъ контуры въ рисункѣ сдѣланы красною краской, могутъ служить лекиѳы 2 А 293—422 нашего списка вазъ. Различными разведеніями черной краски исполнены рисунки на лекиѳахъ 2 А 268—291. Лекиѳъ 2 А 292 является посредствующимъ звеномъ между тою и другой группой; на немъ контуры въ рисункѣ сдѣланы частью красной, частью сѣрой (разбавленіе черной) красками.

Надобно замѣтить, что вообще различная краска контуровъ на рисункахъ лекиѳовъ не является показательницей различныхъ мастерскихъ. На рисункахъ, гдѣ контуры сдѣланы красной краской, черная часто употребляется для орнаментовъ и для окраски различныхъ частей въ рисункѣ (ср. лекиѳы 2 А 328—353 и др.). Точно также есть лекиѳы, рисунки которыхъ имѣютъ черные контуры, но различныя детали въ нихъ раскрашены красною краской (ср. 2 А 289). Техника живописи (качества бѣлой облицовки, красокъ и т. д.) безусловно одинакова у лекиѳовъ, гдѣ контуры сдѣланы красною краской и гдѣ они черные. И по стилю рисунковъ тѣ и другіе лекиѳы весьма родственны [1]) между собою, равно какъ часто и съ лекиѳами, гдѣ рисунокъ дѣлается черной лаковой краской [2]). Все ведетъ къ тому, чтобы признать, что всѣ бѣлые лекиѳы вышли изъ мастерскихъ, весьма близкихъ другъ къ другу, и

---

[1]) Ср. Furtwängler, Beschr. d. Vasensamml. im Antiquarium, II, 687.

[2]) Ср., напр., лекиѳъ 2 А 160 съ 2 А 267. Ср. v. Duhn, Jahrb. d. Inst., II (1887), 241, 5.

что нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ же мастерскихъ рисунки на лекиѳахъ дѣлались то лакомъ, то красною, то черною красками.

Мы должны отмѣтить еще одну особенность техники, которая встрѣчается и на лекиѳахъ, гдѣ рисунокъ дѣлается лакомъ, и на лекиѳахъ новой группы.

На многихъ изъ картинъ этихъ лекиѳовъ легко замѣтить, что художникъ раньше, чѣмъ рисовать окончательно фигуру, дѣлаетъ предварительный эскизъ ея. Эскизъ этотъ дѣлается остріемъ или карандашомъ [1]). Нерѣдко художникъ затѣмъ отступаетъ значительно отъ предварительнаго эскиза. Это особенно видно на лекиѳахъ 2 А 153 [2]), 266, 273, 349, 350, 365, 403. Рисуя человѣческія фигуры, художникъ дѣлаетъ сначала остовъ и затѣмъ уже рисуетъ одежду. Часто, гдѣ краска, которою раскрашена была одежда, исчезла, кажется, будто художникъ хотѣлъ изобразить нагую фигуру. То же бываетъ, если на рисункѣ исчезли линіи нераскрашенной одежды. Иногда предварительный эскизъ можетъ заставить сдѣлать невѣрный выводъ, будто художникъ хотѣлъ нарисовать прозрачную одежду [3]).

Присутствіе предварительнаго эскиза на картинахъ бѣлыхъ лекиѳовъ ясно говоритъ противъ того, что художники примѣняли какіе-нибудь механическіе пріемы при работѣ [4]). А это для насъ особенно важно, такъ какъ мастера лекиѳовъ въ живописи скорѣе всего примѣняли тѣ же пріемы, которые были обычны и у великихъ живописцевъ ихъ эпохи [5]).

Сначала красная краска контуровъ имѣетъ блѣдный, матовый, большею частью розоватый, иногда лиловатый оттѣнокъ [6]), и въ рисункѣ еще довольно ограниченное количество красокъ. Не встрѣчается пока ни зеленой, ни голубой. Одежды на болѣе раннихъ лекиѳахъ раскрашиваются то пурпурною, то красною красками, то весьма часто оставляются нераскрашенными, причемъ складки на нихъ обозначаются

---

[1]) Ср. Benndorf, Gr. S. Vnb., 29; Pottier, Lécythes blancs, 98 сл., 103; Rayet-Collignon, Céramique, 238; Wright, Americ. journ. of archaeology, II (1886), 406; Robinson, Boston Museum, Catal. of vases, 26 сл.; Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 178 сл.

[2]) Ср. Bosanquet, ук. м., fig. 4.

[3]) Ср. лекиѳы 2 А 100, 101, 153, 168, 326.

[4]) Это особенно отмѣчаетъ Потть е, ук. с., 99. Механическіе способы у вазовыхъ мастеровъ признавали Гамильтонъ и Росси. Ср. Blümner, Technologie, 79; Bosanquet, J Hell. st., XIX (1899), ук. м.

[5]) Ср. Bosanquet, ук. м. Весьма интересно, что великіе мастера эпохи Возрожденія такъ же, какъ греческіе керамисты V вѣка, сначала рисуютъ нагія фигуры и лишь послѣ покрываютъ ихъ одеждами.

[6]) Ср. для послѣдняго 2 А 361, 362, 367.

тою же краскою, какъ и контуры. Для нѣкоторыхъ деталей иногда въ рисункѣ (теній, шляпъ, покрывалъ женщинъ, складокъ на окрашенныхъ красною или пурпурною красками одеждахъ и т. п.) употребляется черная краска. Такова группа лекиѳовъ 2 А 324—353.

Рисунки на этихъ лекиѳахъ принадлежатъ частью послѣднему времени переходнаго стиля, частью уже періоду развитого прекраснаго. Такъ еще чувствуется нѣкоторая строгость то въ общихъ линіяхъ композиціи, то въ нѣкоторыхъ позахъ фигуръ, то въ трактовкѣ профиля, глаза, волосъ, прически и т. п. на лекиѳахъ 2 А 326, 328—330, 343. Но вполнѣ свободны уже въ стилѣ рисунки на издаваемыхъ нами лекиѳахъ 2 А 349 (табл. VI) и 350 (рис. 20), которые являются типичными экземплярами разсматриваемой нами группы. Плечи лекиѳа 2 А 349 украшены тремя пальметками на завиткахъ по обычной схемѣ (С) [1]; лепестки у пальметокъ по очереди красные и черные. Вверху туловища лекиѳа, вмѣсто обычнаго меандра, — овы (сдѣланы красною краской) между двумя параллельными линіями (послѣднія сдѣланы лакомъ). Контуры фигуръ въ рисункѣ розовато-красные. Одежда, на которой сидитъ воинъ, изображенный у стелы, ярко-краснаго цвѣта. Хитонъ воина, хламида и петасъ стоящаго юноши не были раскрашены. Висящая тенія, волосы фигуръ, какъ и всѣ контуры, красные. Лекиѳъ 2 А 350 по орнаментаціи весьма близокъ къ лекиѳу 2 А 349; только у него вверху, вмѣсто овъ, между параллельными линіями (исполненными и здѣсь лакомъ),— красный меандръ. На обоихъ лекиѳахъ рисунки нѣсколько небрежны изъ-за спѣшности въ исполненіи.

На одной ступени развитія съ описанными лекиѳами стоятъ лекиѳы 2 А 324, 325, 331—342, 344—348, 351—353. Особенно близки по техникѣ и стилю рисунковъ къ издаваемымъ нами лекиѳамъ лекиѳы 2 А 346 и 348, безусловно вышедшіе изъ одной и той же мастерской.

Очень скоро являются въ рисункахъ на лекиѳахъ желтая и фіолетовая краски (ср. лекиѳы 2 А 354—358, которые по стилю рисунковъ относятся къ тому же времени, какъ группа лекиѳовъ 2 А 324—353). Позднѣе видимъ зеленую и синюю краски (2 А 364, 365, 371 слл.). Вмѣстѣ съ тѣмъ контуры рисунка начинаютъ дѣлать теперь чаще ярко-красною (ср. 2 А 371—389, 415) или буро-красною красками (ср. 2 А 366—370, 390—414, 419—422) [2].

---

[1]) Ср. выше.

[2]) Надо замѣтить, что не всегда на болѣе позднихъ лекиѳахъ мы должны непремѣнно встрѣтить контуры, сдѣланные буро-красною краской, или зеленую и синюю краски

Рисунокъ на лекиѳѣ 2 А 362 (табл. VII) является образцомъ рисунка вполнѣ развитого прекраснаго стиля. Мы не видимъ здѣсь уже ни малѣйшаго слѣда архаизма. На сравнительно позднее время лекиѳа указываетъ богатый и элегантный вѣнецъ стелы: надъ двумя іоническими волютами[1]) видимъ три аканѳовыхъ листа; надъ ними—пальметку того типа, какъ на болѣе древнихъ лекиѳахъ[2]), и, наконецъ, изъ-за пальметки выставляются еще два листа аканѳа. Крылья Гипноса съ поднятыми высоко вверхъ концами отличаются по трактовкѣ отъ крыльевъ фигуръ на вазахъ переходнаго стиля, гдѣ концы крыльевъ всегда опускаются внизъ.

Необыкновенная гармоничность композиціи, чрезвычайная тонкость, изящество и элегантность контуровъ, полная свобода движеній и красота и благородство позъ, вполнѣ правильная и подробная трактовка глазъ и профиля лицъ у фигуръ, чудное, полное настроенія выраженіе ихъ, моделировка волосъ, все это одинаково поражаетъ на нашемъ лекиѳѣ и дѣлаетъ его однимъ изъ блестящихъ памятниковъ эпохи, когда искусство впервые достигло свободы[3]). Всѣ формы, однако, которымъ мы здѣсь удивляемся, вырабатывались постепенно, и въ переходномъ стилѣ мы можемъ легко указать ихъ предшествующія стадіи развитія[4]).

Близокъ по стилю фигуръ къ лекиѳу 2 А 362 рисунокъ на бѣломъ лекиѳѣ 2 А 363, на которомъ сохранилась лишь верхняя часть фигуры юноши. По формамъ юноша на этомъ лекиѳѣ представляетъ почти буквальное повтореніе фигуры юноши на лекиѳѣ 2 А 362. Очевидно, оба лекиѳа были расписаны одною и той же рукою[5]).

Одновременен ъ съ только что описанными лекиѳами лекиѳъ въ Луврѣ (зала L, № 96; 2 А 364 нашего списка), картину котораго воспроизводитъ табл. V. Здѣсь стела увѣнчана пальметкою и аканѳовыми

въ рисункѣ. Есть и среди довольно позднихъ лекиѳы, контуры рисунковъ на которыхъ дѣлаются блѣдно-красною краской съ розоватымъ оттѣнкомъ (ср. 2 А 361—364, 416, 417), равно какъ въ рисункѣ у которыхъ нѣтъ ни зеленой ни синей красокъ (ср. 2 А 362, 366—369 и др.).

[1]) На болѣе древнихъ экземплярахъ вѣнецъ стелы обыкновенно состоитъ изъ іоническихъ волютъ и пальметки, которая ставится на нихъ непосредственно. Ср. 2 А 325, 326, 350 и т. д.

[2]) Ср. лекиѳы, указанные въ предыдущемъ примѣчаніи.

[3]) «L'imitation idéale de la nature,—говоритъ о картинѣ нашего лекиѳа Дюмонъ (ср. Dumont-Chaplain, Céramiques, II, 102)—«ne peut être ni plus vraie ni plus belle».

[4]) Юношу, напр., ср. съ Герміемъ на кратерѣ Museo Gregoriano, tav. XXVI, или съ воиномъ на лекиѳѣ 2 А 104; дѣвушку ср. съ женскими фигурами на лекиѳахъ 2 А 63, 104, 105, 168 и т. д., Ѳанатоса и Гипноса—съ тѣми же фигурами на лекиѳахъ 2 А 167, 195, 221.

[5]) Одинакова у нихъ и техника. Контуры рисунка—блѣдно-розовые. На 2 А 363 красокъ не сохранилось, какъ и на 2 А 362.

листьями, причемъ нѣтъ іоническихъ волютъ. Вверху на стелѣ видимъ овы, близкія къ тѣмъ, которыя украшаютъ лекиѳъ 2 А 349. При всей свободѣ, знаніи формъ тѣла и искусствѣ драпировки, поразительной красотѣ, элегантности и непринужденности формъ въ рисункѣ замѣчается нѣкоторая небрежность. Художникъ не даетъ себѣ труда отдѣлывать все одинаково тщательно: какъ суммарно и уродливо сдѣланы контуры лѣвой ноги у превосходной въ общемъ фигуры женщины, которая сидитъ на креслѣ у стелы!

И лекиѳъ 2 А 364 можетъ служить примѣромъ лекиѳовъ вполнѣ развитого прекраснаго стиля. Въ полномъ развитіи здѣсь и техника. У дѣвушки съ вѣеромъ хитонъ раскрашенъ синею краской; повязка па головѣ у нея лилово-розовая; бѣлый [1]) гиматій украшенъ лилово-розовымъ бордюромъ. У сидящей женщины—синій гиматій и бѣлый хитонъ тоже съ лилово-розовымъ бордюромъ. На дѣвушкѣ, стоящей направо отъ стелы, надѣтъ бѣлый хитонъ опять съ лилово-розовымъ бордюромъ. Волосы фигуръ сдѣланы тою же краскою, какою сдѣланы контуры фигуръ. Линіи, ограничивающія меандръ, находящійся вверху лекиѳа, сдѣланы лакомъ, а самый меандръ тою же краскою, что̀ и контуры фигуръ.

Къ только что описаннымъ лекиѳамъ по стилю и по техникѣ примыкаетъ лекиѳъ 2 А 368 (рис. 22). Здѣсь контуры рисунка имѣютъ буроватый оттѣнокъ. Стела увѣнчана аканѳовыми листьями и пальметкою, которая поставлена на завиткахъ, выходящихъ изъ аканѳовыхъ листьевъ [2]). Волосы фигуръ и борода Харона буро-красные. Шапка Харона желто-бурая; его эксомида красноватая. Гиматій юноши черный; хитонъ дѣвушки желтый. Къ лекиѳу 2 А 368 близки лекиѳы 2 А 367 и 369 [3]).

Въ рисункѣ на этихъ лекиѳахъ видимъ нѣсколько разъ розово-лиловую краску; ею, какъ на лекиѳѣ 2 А 364, окрашиваются бордюры одеждъ и, кромѣ того, самыя одежды (гиматій, на которомъ сидитъ мальчикъ на 2 А 369).

Одну группу съ лекиѳами 2 А 364 сля. по стилю образуютъ лекиѳы, контуры фигуръ на которыхъ дѣлаются ярко-красною краской, и гдѣ въ рисункѣ, кромѣ красной, черной, желтой и фіолетовой, иногда употребляются также синяя и зеленая краски. Сюда относятся лекиѳы

---

[1]) Особой бѣлой краски никогда не употребляютъ теперь; бѣлый даетъ фонъ, на которомъ исполняется рисунокъ.

[2]) Ср. акротерій Ликійскаго саркофага въ Константинополѣ. Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, pl. XV.

[3]) Ср. v. Duhn, Jahrb. d. Inst., II (1887), 241.

2 A 371—389, 415—417. Пальметки на плечахъ и меандръ на лекиѳахъ этой группы обыкновенно дѣлаются черной краской [1]). Но параллельныя линіи, заключающія меандръ, и здѣсь все еще дѣлаются лакомъ.

Стиль рисунковъ на лекиѳахъ этой группы развитой, свободный, но часто (какъ и на многихъ лекиѳахъ, о которыхъ мы говорили выше) нѣсколько небрежный, ремесленный. Возьмемъ для примѣра лекиѳы 2 A 379 и 380 (рис. 21) [2]). На нихъ группы, типы, мотивы шаблонные. Контуры тяжеловаты. Многое въ рисункѣ сдѣлано наскоро: ср. особенно рисунокъ надгробій, трактовку конечностей и волосъ на обоихъ лекиѳахъ, трактовку теніи и одежды дѣвушки, стоящей направо отъ стелы, на 380 и т. д. [3]). Однако всегда всѣ шероховатости въ исполненіи являются результатомъ лишь спѣшной работы; постоянно безъ труда мы можемъ замѣтить, что при желаніи и усидчивости мастеръ могъ бы сдѣлать все, какъ слѣдуетъ. Вполнѣ уже владѣя стилемъ, вазовые мастера дѣлаютъ часто весь рисунокъ въ какія-нибудь пять минутъ. Но изъ-за такой спѣшки въ работѣ рисунокъ получаетъ ремесленный характеръ: мастера вдохновляетъ не чистое искусство, а расчетъ на широкій сбытъ.

Таковъ по характеру и рисунокъ на лекиѳѣ въ Аѳинахъ 2 A 416 [4]). Головка лѣвой фигуры по красотѣ, чистотѣ и элегантности контуровъ не уступаетъ рисункамъ лучшихъ художниковъ новаго времени, и вся эта фигура вообще безусловно хороша: красивыя и вѣрныя пропорціи, правдивыя складки и т. п. Зато другія фигуры изъ-за небрежности художника заставляютъ желать лучшаго (особенно небрежно сдѣланы руки, грудь и низъ лица у центральной фигуры, уши фигуры направо и т. п.).

Интересна раскраска фигуръ. На лѣвой фигурѣ надѣтъ зеленый гиматій съ лилово-розовымъ бордюромъ. Волосы ея свѣтло-каштановые. Повязка на головѣ лилово-розовая. Гиматій у центральной фигуры кирпично-красный. У дѣвушки направо отъ стелы нижній (длинный) хитонъ свѣтло-желтый, а короткій верхній синій съ лилово-розовымъ бордюромъ (орнаменты на которомъ, вѣроятно, были обозначены желтой краской).

---

[1]) Ср. Furtwängler, Beschr. d. Vasensamml. im Antiquarium, 687.

[2]) Одной фабрики съ лекиѳомъ 2 A 379 по стилю рисунка долженъ быть лекиѳъ 2 A 360.

[3]) Небрежности, которыя допускаютъ въ рисункахъ мастера лекиѳовъ, перечисляетъ Поттье, Lécythes blancs, 105 сл.

[4]) Лекиѳъ не изданъ. У насъ есть съ его рисунка фотографіи.

Одновременны и родственны лекиѳамъ 2 А 364—389 бо́льшая часть лекиѳовъ, у которыхъ контуры фигуръ на рисункахъ дѣлаются различными разведеніями черной краски (2 А 268—291).

Рисунокъ на лекиѳѣ 2 А 268, поражающій красотою и благородствомъ, по стилю близокъ къ картинамъ на знакомыхъ намъ лекиѳахъ 2 А 362, 363 [1]), 364 [2]), 369 [3]), 379 [4]), которые всѣ, впрочемъ, нѣсколько развитѣе, чѣмъ лекиѳъ 2 А 268. Точно также картина лекиѳа 2 А 270 весьма близка по стилю къ картинѣ на лекиѳѣ 2 А 329 (ср. особенно фигуры дѣвушекъ) [5]).

Несомнѣннымъ шедевромъ греческой вазовой живописи надо признать рисунокъ на лекиѳѣ 2 А 273. Красота рисунка, чрезвычайная тонкость контуровъ, благородство типовъ здѣсь не уступаютъ тѣмъ же качествамъ на картинѣ лекиѳа 2 А 362 (если не превосходятъ ихъ). Лекиѳы, въ родѣ 2 А 273, даютъ представленіе о томъ, какой высокой степени развитія достигла живопись въ серединѣ V вѣка. Если произведенія ремесленниковъ достигаютъ такой степени совершенства въ композиціи и въ трактовкѣ отдѣльныхъ фигуръ, что ихъ можно сравнить съ фризомъ Парѳенона (ср. особенно типы фигуръ на лекиѳахъ 2 А 273, 362, 364 и т. д. съ фигурами Парѳенона), то относительно произведеній великихъ живописцевъ тѣмъ болѣе можно предполагать, что они въ эту эпоху не уступали произведеніямъ великихъ скульпторовъ.

Лекиѳы съ рисунками, контуры которыхъ дѣлаются черною краской, какъ и лекиѳы съ красными контурами рисунковъ, принадлежатъ большею частью развитому прекрасному стилю. Только у весьма немногихъ рисунковъ на нихъ есть еще кое-что строгое въ профиляхъ, волосахъ, постановкѣ фигуръ и т. п. (ср., напр., 2 А 270, 272, 272ª, 272ᵇ, 276, 277, 279—282).

Какъ на лекиѳахъ съ красными контурами, на лекиѳахъ, гдѣ рисунокъ дѣлается черною краской, сначала употребляли меньше красокъ, чѣмъ впослѣдствіи. Лекиѳы съ черными контурами можно раздѣлить по техникѣ рисунка на двѣ группы. Въ первой (2 А 268—284) контуры имѣютъ блѣдно-сѣрый оттѣнокъ. Для одеждъ фигуръ употребляется

---

[1]) Ср. фигуры юношей, стоящихъ у стелъ, дѣвушекъ у стелъ, общую композицію и т. д.

[2]) Ср. фигуры дѣвушекъ съ корзинками (налѣво).

[3]) Ср. фигуры стоящихъ дѣвушекъ, мотивъ мальчика на 2 А 369 и дѣвушки на 2 А 362.

[4]) Ср. общую композицію, фигуры дѣвушекъ налѣво отъ стелъ.

[5]) Ср. Furtwängler, Beschr. d. Vasensamml. im Antiquarium, II, 684 (къ № 2453).

чаще всего темно-красная краска. Складки на такихъ одеждахъ дѣлаются черною краскою (ср. 2 А 272, 277 и т. д.).

Нерѣдко одежда фигуръ цѣликомъ не окрашивается, и только складки на ней обозначаются краской (красною или черной): ср. лекиѳы 2 А 268, 271, 274, 275 [1]). Волосы фигуръ дѣлаются тою же краскою, что и контуры (черною); иногда, впрочемъ, видимъ и красные волосы у фигуръ (ср. 2 А 273). Наконецъ, разныя мелкія детали дѣлаются лилово-розовой, черной, иногда желтой красками [2]).

Меандръ вверху у лекиѳовъ этой группы дѣлается обыкновенно черною краской; а лепестки пальметокъ на плечахъ лекиѳовъ—часто по очереди красною и черною краской. Параллельныя линіи, заключающія меандръ, и здѣсь дѣлаются еще лакомъ.

Вторая группа отличается тѣмъ отъ первой, что у ея лекиѳовъ въ рисункѣ появляются зеленая и синяя краски, а контуры пріобрѣтаютъ буроватый оттѣнокъ. Ко второй группѣ относятся лекиѳы 2 А 285—291.

Если первая группа по стилю и техникѣ рисунковъ должна быть одновременна съ лекиѳами 2 А 354—363, то вторая соотвѣтствуетъ группѣ 2 А 364 слл. Конечно, рѣзкихъ границъ у всѣхъ этихъ группъ установить нельзя, такъ какъ каждый типъ всегда вырабатывается со строгою постепенностью и послѣдовательностью. Такимъ образомъ, въ стилѣ и техникѣ можно указать кое-какія общія черты между лекиѳами группы 2 А 364 слл. и болѣе поздними экземплярами первой группы лекиѳовъ съ черными контурами въ рисункѣ (ср., напр., 2 А 273 и 362 и т. п.).

Среди лекиѳовъ съ черными контурами второй группы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ является лекиѳъ Британскаго музея D 70 (2 А 291 нашего списка).

Это типичный представитель лекиѳовъ поздняго періода прекраснаго стиля. Здѣсь мы имѣемъ уже рядъ чертъ, которыя не выступаютъ такъ опредѣленно раньше. Весьма интересны здѣсь по своей моделировкѣ волосы фигуръ. Чрезвычайно эффектны контуры, у которыхъ въ зависимости отъ того, насколько освѣщаются тѣ или другія части фигуръ, мы видимъ различные тонъ и толщину. Эффектны также одежды фигуръ (ср. женщину налѣво отъ стелы); нѣкоторыя изъ нихъ богато разукра-

---

[1]) Лекиѳы 2 А 274 и 275 по стилю и техникѣ безусловно одной руки. Ср. Furtwängler, Beschr. d. Vasensamml. im Antiquarium, 686 (къ № 2458).

[2]) Ср. для послѣдняго лекиѳы 2 А 272, 276, 277. Лекиѳы 2 А 272 и 277, по техникѣ и стилю, должны быть произведеніями одного и того же мастера.

шены орнаментами (ср. костюмъ женщины направо). Стремленіе къ эффектамъ сказалось и въ томъ, что художникъ нарисовалъ за головой женщины (налѣво) висящую въ свободномъ пространствѣ тенію. Однако, что лекиѳъ 2 А 291 только немногимъ позже группы лекиѳовъ 2 А 364 слл., указываетъ форма могильнаго памятника, изображеннаго въ центрѣ композиціи: такую точно широкую стелу съ вѣнцомъ изъ аканѳовыхъ листьевъ мы видимъ на лекиѳѣ 2 А 379. Безусловно одной руки съ лекиѳомъ 2 А 291 по стилю и техникѣ рисунка долженъ быть лекиѳъ 2 А 290 [1]).

Тѣ измѣненія въ прекрасномъ стилѣ на бѣлыхъ лекиѳахъ, которыя мы отмѣтили, говоря о лекиѳѣ 2 А 291, еще рѣзче выступаютъ на картинѣ замѣчательнаго лекиѳа изъ Эретріи въ Національномъ музеѣ, въ Аѳинахъ (2 А 418 нашего списка; рис. 19).

Контуры рисунка здѣсь сдѣланы краской, которая въ густомъ разведеніи даетъ черную, а въ болѣе слабыхъ сѣро-бурые тона. Обращаетъ на себя вниманіе богатая полихромія въ рисункѣ. Общее сочетаніе красокъ чрезвычайно живо, но мягко и гармонично. Горный пейзажъ, повидимому, былъ трактованъ здѣсь довольно подробно: холмы, изображенные на первомъ планѣ налѣво, были раскрашены зеленою краской [2]). Могильный холмъ, у котораго сидитъ юноша (умершій), не раскрашенъ. Теніи, которыя украшаютъ холмъ, красныя. Краснымъ сдѣланы также гранатовыя яблоки, лежащія въ корзинкѣ, орнаменты корзинки (миртовые листья), маковка на головномъ уборѣ дѣвочки, стоящей у стелы, теніи, свѣшивающіяся изъ корзинки, которую несетъ женщина, орнаменты вазы, поставленной въ корзинкѣ, мелкіе орнаменты и теніи на стелѣ, гранатовое яблоко, положенное на могильномъ холмѣ юноши [3]). Гиматій юноши зеленый съ сѣро-бурымъ бордюромъ. Сѣро-бурымъ сдѣланъ гиматій дѣвочки, стоящей у стелы, аканѳовые листья стелы, волосы всѣхъ фигуръ, кисть винограда въ корзинкѣ женщины. Гиматій женщины синій съ сѣро-бурымъ бордюромъ. Складки хитона дѣвочки обозначены штрихами сѣро-бурой краски. Меандръ на лекиѳѣ сдѣланъ черною краской.

Въ стилѣ фигуръ на лекиѳѣ 2 А 418 обращаетъ особенное вниманіе чрезвычайно изящный и элегантный рисунокъ. Контуры, легкіе

---

[1]) Лекиѳы 2 А 290 и 291 имѣютъ еще то общее съ лекиѳомъ 2 А 379, что у нихъ одна и та же погрѣшность въ рисункѣ: сквозь фигуру видны ступени стелы, на которыхъ она посажена. Очевидно, авторъ раньше нарисовалъ надгробіе и потомъ фигуру.

[2]) Ср. Σ τ ά η ς, Ἐφ. ἀρχ., 1894, 67.

[3]) Въ корзинкѣ, которую держитъ женщина, были изображены, вѣроятно, еще четыре гранатовыхъ яблока: отъ нихъ сохранились лишь красные штрихи надъ корзинкой.

и смѣлые, въ различныхъ мѣстахъ весьма различны: они особенно хорошо характеризуютъ здѣсь рельефъ фигуръ, представляя болѣе или менѣе толстые штрихи въ зависимости отъ того, насколько освѣщается та или другая часть фигуры. И тонъ контуровъ не одинаковъ. Въ мѣстахъ, наименѣе освѣщенныхъ, они чернаго цвѣта; въ мѣстахъ, гдѣ падаетъ свѣтъ, свѣтло-бурые. Такой смѣлой моделировки фигуръ мы не встрѣчали еще ни на одномъ рисункѣ на бѣлыхъ лекиѳахъ. Замѣчательна по эффекту и трактовка волосъ. Мы знаемъ, что попытки придать больше жизни волосамъ были уже на самыхъ раннихъ вазахъ переходнаго стиля. Однако, еще и развитой прекрасный стиль не достигъ въ трактовкѣ волосъ того, что̀ мы видимъ на лекиѳѣ 2 A 418. Правда, на нѣкоторыхъ лекиѳахъ, какъ, напр., 2 A 273, 290, 291, 362, 364 и др. волосы фигуръ получили уже достаточную характеристику, но они лишены тамъ еще того изящества и элегантности и такой детальной и полной эффекта разработки, которыя сумѣлъ имъ придать художникъ на лекиѳѣ 2 A 418.

Рисунокъ лекиѳа 2 A 418 представляетъ дальнѣйшую стадію развитія прекраснаго стиля. Всѣ формы остаются прежнія, но пріобрѣтаютъ больше прелести, изящества и граціи. Значительные успѣхи дѣлаетъ рисунокъ, который становится еще тоньше, виртуознѣе, смѣлѣе. Моделировка фигуръ достигаетъ, наконецъ, того, что фигуры пріобрѣтаютъ настоящій рельефъ и перестаютъ быть силуэтами. Употребляется гораздо больше красокъ. Сочетанія ихъ становятся эффектнѣе и искуснѣе. Особенно замѣтно стремленіе къ эффекту и въ трактовкѣ одежды: ея складки теперь не только драпируютъ тѣло, являясь его какъ бы эхомъ, но пріобрѣтаютъ и самостоятельную жизнь: ихъ расположеніе становится живописнѣе, красивѣе; иногда оно даже нѣсколько изысканно.

С. Рейнакъ [1]) отмѣтилъ сходство въ стилѣ между фигурами нашего лекиѳа и терракоттовыми статуэтками изъ Танагры IV вѣка, на которыхъ сказалось вліяніе скульптуръ Праксителя. Намъ кажется весьма возможнымъ на картинѣ, украшающей лекиѳъ 2 A 418, вліяніе знаменитаго Паррасія. Ему именно приписываются тѣ усовершенствованія въ рисункѣ, которыя характерны для картины на нашемъ лекиѳѣ: усовершенствованіе контуровъ, такъ что ими характеризуется рельефъ фигуръ, утонченіе рисунка, болѣе элегантная трактовка волосъ [2]).

---

[1]) S. Reinach, Gaz. b.-a., XIII (1894), 154 слл.

[2]) См. особ. Plin. N. H., XXXV, 67 (Overbeck, SQ., 1724); Quintil. Inst. Orat., XII, 10, 4 (Overbeck, SQ., 1725). Ср. Robert, Marathonsschl., 74.

При всѣхъ качествахъ рисунокъ на лекиѳѣ 2 А 418 не свободенъ отъ нѣкоторой небрежности (ср., напр., ноги юноши, аканѳъ на стелѣ и т. д.).

На то, что очень немного времени отдѣляетъ и лекиѳъ 2 А 418 отъ разсмотрѣнныхъ нами раньше, кромѣ стиля и техники рисунка, которые его связываютъ непосредственно съ предыдущими группами, указываетъ еще форма акротерія стелы, одинаковая съ той, которую видимъ, напр., на лекиѳѣ 2 А 368. Такой же формы акротерій, какъ мы указали уже выше, украшаетъ Ликійскій саркофагъ изъ Сидона въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ [1]), относящійся, какъ извѣстно [2]), къ концу V вѣка. Значитъ, лекиѳы стиля, подобнаго тому, который видимъ на лекиѳѣ 2 А 418, должны были явиться около 400 г. до Р. Хр.

Тѣсно примыкаютъ къ лекиѳамъ, съ которыми мы познакомились, лекиѳы 2 А 390—414, 419—422, у которыхъ рисунокъ дѣлается буро-красною краской. По стилю рисунковъ и по развитію полихроміи, всѣ эти лекиѳы относятся къ тому же времени, какъ лекиѳъ 2 А 418.

Среди этихъ можно выдѣлить также нѣсколько группъ, которыя отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ орнаментаціей и полихроміей.

Лекиѳы первой группы (ср. 2 А 391, 392, 396—398, 411—414, 419) по орнаментаціи вполнѣ примыкаютъ къ группѣ 2 А 364 слл. Типомъ лекиѳа этой группы можетъ служить лекиѳъ изъ Эретріи въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ (2 А 413 нашего списка; табл. III). Пальметки на плечахъ и меандръ здѣсь сдѣланы черною краской; линіи, заключающія меандръ, лакомъ.

На таблицѣ III мы даемъ три снимка съ лекиѳа 2 А 413 такимъ образомъ, что можно составить представленіе о каждой изъ трехъ фигуръ композиціи.

---

[1]) Такъ какъ мы много разъ на лекиѳахъ у стелъ видимъ такіе акротеріи, то скорѣе всего мастера лекиѳовъ копировали ихъ съ натуры. Однако, какъ замѣтилъ уже Бенндорфъ (Gr. S. Vnb., 31), у мастеровъ нерѣдко разыгрывается фантазія и они даютъ черезчуръ большіе аканѳовые листья (особенно на позднихъ лекиѳахъ). Аканѳы иногда украшаютъ не только верхъ стелы, но изображаются и внизу у нея и по серединѣ. И такія стелы мастера могли копировать съ натуры: какъ показываетъ колонна, найденная въ Дельфахъ [ср. Homolle, B. C. H., XXI (1897), 603 слл.; С. А. Жебелевъ, Фил. Обозр., XVI, 1, 1899, 101 слл.; Lechat, Rev. d. études grecques, XI (1899), 195 слл.], въ концѣ V вѣка памятники съ аналогичнымъ примѣненіемъ аканѳовыхъ листьевъ въ скульптурѣ существовали. Намъ кажется, поэтому, что Поттье (Lécythes blancs, 55 сл.) ошибается, полагая, что мастера лекиѳовъ имѣли въ виду живые аканѳы, произраставшіе на кладбищахъ у могилъ. Ср. еще Meurer, Jahrb. d. Inst., XI (1896), 126 слл., и Bosanquet, J. Hell. st., XIX (1899), 171 сл.

[2]) Ср. Hamdy-bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, 236; Collignon, Sculpture, II, 400.

Контуры фигуръ буро-красные. Хламида, надѣтая на юношѣ, сидящемъ у стѣны, зеленая, а хитонъ его лилово-розовый. Фронтонъ и акреторій стелы окрашены лилово-розовой краской; при этомъ края у нихъ и два антефикса стелы синіе. Стела повязана двумя теніями: вверху синею и ниже лилово-розовою. Волосы юноши буро-красные, какъ контуры и оба древка копій; наконечники послѣднихъ черные. У юноши, стоящаго направо отъ стелы, черный гиматій (хитонъ его не раскрашенъ, равно какъ и шлемъ, который онъ держитъ въ лѣвой рукѣ). Щитъ синій съ лилово-розовыми краями и центромъ. Юноша, стоящій налѣво отъ стелы, одѣтъ въ лилово-розовый гиматій. Теніи, висящія въ свободномъ пространствѣ близь стоящихъ фигуръ, черныя.

Изъ нашего описанія видно, насколько полихромія на лекиѳѣ 2 A 413 богаче, чѣмъ на болѣе раннихъ лекиѳахъ; здѣсь остается уже сравнительно очень мало частей въ рисункѣ, которыя остаются нераскрашенными.

Что касается рисунка, то должно замѣтить, что онъ отличается увѣренностью и правильностью; но художникъ работаетъ быстро и не обращаетъ вниманія на тщательную отдѣлку деталей [ср. особенно руки и ноги фигуръ, хитонъ сидящей фигуры; любопытны два штриха подбородка юноши съ шлемомъ и шеи центральной фигуры: мастеръ поправлялъ свои ошибки [1])]. Контуры фигуръ различной толщины, какъ на лекиѳѣ 2 A 418 (рис. 19). Типы стоящихъ юношей отличаются индивидуализмомъ и отступаютъ отъ установленныхъ классическихъ типовъ прекраснаго стиля.

Замѣчательно прекрасное съ патетическимъ выраженіемъ лицо въ три четверти у юноши, сидящаго въ центрѣ. Мы уже выше замѣтили, что въ общемъ композиція на лекиѳѣ 2 A 413 напоминаетъ группу Ахилла, Патрокла и Протесилая на полигнотовомъ „Аидѣ". Весьма возможно, что фигура печальнаго юноши, сидящаго у стелы, на нашемъ лекиѳѣ явилась подъ вліяніемъ патетическихъ фигуръ Полигнота. Она такъ хорошо соотвѣтствуетъ общему характеру послѣднихъ, поскольку можно составить о немъ представленіе по древнимъ текстамъ. За насъ говорило бы еще слѣдующее соображеніе. Типъ сидящаго юноши на нашемъ лекиѳѣ весьма близокъ къ типу амазонки на росписномъ мраморномъ саркофагѣ во Флоренціи [2]). Такъ какъ на амазономахіи сар-

[1]) Спѣшность работы была причиною, что мазокъ лаковой краски, которою покрывался низъ лекиѳа, попалъ на рисунокъ (у правой ноги сидящаго юноши).

[2]) J. Hell. st., 1883, pl. XXXVI.

кофага могло отразиться вліяніе картинъ школы Полигнота [1]), то сходство типовъ на лекиѳѣ и на саркофагѣ объяснялось бы общимъ источникомъ—картинами школы Полигнота. Любопытно сравнить типъ юноши на нашемъ лекиѳѣ еще съ типами на италійской вазѣ, изданной въ Mon., IV, 48 (Baum., Denkm., II, 1314). Орестъ на этой вазѣ повторяетъ мотивы Ѳесея и пириѳоя Полигнотова „Аида", и группа трехъ фигуръ налѣво можетъ легко зависѣть отъ печальныхъ фигуръ на картинахъ Полигнота (ср. Hartwig, A. Z., 1884, 257 слл.). Типы на италійской вазѣ весьма близки къ типамъ амазонки на флорентійскомъ саркофагѣ и на лекиѳѣ въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ.

Къ лекиѳу 2 A 413 по стилю и техникѣ рисунка весьма близки лекиѳы 2 A 411, 412 и 414, которые, по всей вѣроятности, всѣ вышли изъ одной съ нимъ мастерской: и на послѣднихъ лекиѳахъ мы видимъ тѣ же изображенія лица въ три четверти (особенно сходно трактованы у всѣхъ глаза съ рѣсницами), тотъ же индивидуализмъ типовъ, ту же композицію, то же стремленіе къ экспрессіи, тѣ же краски и т. д. [2]).

За только что описанною группою слѣдуетъ группа лекиѳовъ 2 A 400—404, у которыхъ мало-по-малу орнаментъ исчезаетъ совершенно, а въ рисункѣ богатая полихромія съ особеннымъ преобладаніемъ лилово-розовой краски. Контуры рисунка дѣлаются буро-красною краской. На лекиѳахъ 2 A 400 — 403 уже нѣтъ на плечахъ пальметокъ: они или остаются просто бѣлыми (2 A 401) или на нихъ заходятъ широко распростирающіеся аканѳовые листья или пальметка стелы, занимающей центральное мѣсто въ композиціи на туловищѣ лекиѳа (ср. 2 A 400, 404).

Меандра теперь тоже не рисуютъ, хотя параллельныя линіи, въ которыхъ онъ долженъ былъ бы быть заключенъ, все еще дѣлаются. Совершенно очевидно, что эти линіи (онѣ и здѣсь дѣлаются лакомъ) проводитъ не художникъ, пишущій картину на лекиѳѣ, а мастеръ, изготовляющій самый сосудъ [3]).

Въ стилѣ рисунковъ эти поздніе лекиѳы продолжаютъ дальше развивать то направленіе, которое мы характеризовали уже, говоря выше о лекиѳахъ 2 A 418 и 413. Въ рисункѣ является все больше и больше красокъ. Одежды фигуръ украшаются гирляндами зелени (2 A 400, 401). Подробнѣе трактуется пейзажъ: ср., напр., трактовку камыша на

---

[1]) Мотивы амазономахіи на саркофагѣ обычны въ V в. Ср. Robert, Marathonsschl., 11 сл.

[2]) Орнаменты не на всѣхъ лекиѳахъ одинаковы. Такъ, на 2 A 411 лепестки пальметокъ на плечахъ по очереди черные и красные; на 2 A 413 всѣ лепестки черные и т. п.

[3]) Ср. Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 174.

лекиѳахъ 2 A 400 и 401 съ трактовкой его на болѣе древнихъ лекиѳахъ 2 A 332 и 358. На лекиѳѣ 2 A 400 въ водѣ, кромѣ камыша, изображены кувшинки. На рисункѣ лекиѳа 2 A 404 у одной мужской фигуры на шеѣ и на груди видимъ штрихи блѣдной буро-красной краски: художникъ пытается уже, такимъ образомъ, моделировать тѣло фигуры [1]).

Рядомъ со стремленіемъ къ роскоши, элегантности и разнымъ эффектамъ въ рисункѣ у художниковъ все больше и больше проявляется спѣшность въ работѣ, что ведетъ къ небрежности исполненія. Рисунки на лекиѳахъ становятся все болѣе и болѣе ремесленными [2]).

Послѣдняя группа бѣлыхъ лекиѳовъ (2 A 420 — 422) представляетъ полное торжество живописнаго элемента. Весь сосудъ теперь покрывается бѣлой облицовкой. Чернаго лака нѣтъ вовсе. Тѣло у фигуръ раскрашивается и моделируется. У мужскихъ фигуръ цвѣтъ тѣла желтовато-бурый; тѣни на немъ дѣлаются болѣе густымъ растворомъ той же краски. У женскихъ фигуръ тѣло раскрашивается бѣлой краской, болѣе свѣтлой, чѣмъ бѣлая облицовка [3]). Контуры какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ фигуръ буро-красные. При этомъ въ мѣстахъ, болѣе освѣщенныхъ, ихъ толщина меньше; а въ мѣстахъ, гдѣ падаетъ сильный свѣтъ, линіи контуровъ прерываются совершенно [4]).

Окрашиваніе мужского тѣла мы встрѣчали уже и на болѣе древнихъ лекиѳахъ (2 A 167). Однако, тамъ мы не видимъ штриховъ для моделировки, какъ на лекиѳѣ 2 A 420 [5]). На лекиѳѣ 2 A 420 замѣчательна и трактовка одежды. Здѣсь не только даются линіи складокъ, но ясно характеризуются поверхности, которыя находятся въ тѣни. Это и моделировка тѣла является рѣши-

---

[1]) Винтеръ (Ein attischer Lekythos. 55 Winckelmannspr., Berl., 1895, 7 слл.) напрасно, по нашему мнѣнію, считаетъ этотъ лекиѳъ болѣе позднимъ, чѣмъ лекиѳъ 2 A 420.

[2]) Ср. Wright, Americ. journ. of archaeology, II (1886), 407; Bosanquet, J. Hell. st., XVI (1896), 174. Особенно рано паденіе обнаруживается въ трактовкѣ разныхъ второстепенныхъ деталей. Такъ строгія формы надгробной стелы измѣняются; пальметки, овы, фронтонъ уничтожаются. На стелахъ и внизу у нихъ являются огромные листья аканѳовъ (рѣдко непропорціонально большія пальметки). Ср. Curtius, Jahrb. d. Inst., X (1895), 88.

[3]) Облицовка и глина на лекиѳѣ 2 A 420 по качествамъ хуже, чѣмъ на болѣе древнихъ лекиѳахъ. Ср. Wright, Amer. journ. of archaeology, II (1886), 407.

[4]) Нашъ лекиѳъ въ этомъ отношеніи имѣетъ прямыя аналогіи съ группой лекиѳовъ 2 A 47 слл. Ср. выше.

[5]) Здѣсь поверхности, которыя находятся въ тѣни, окрашиваются болѣе густымъ разведеніемъ желтовато-бурой краски и затѣмъ, кромѣ того, покрываются штрихами буро-красной краски.

тельною новостью, неизвѣстною до сихъ поръ въ живописи на лекиѳахъ. Уже Фуртвенглеръ [1]) указалъ на большое сходство въ трактовкѣ тѣла на одномъ изъ лекиѳовъ нашей группы (2 А 421) съ трактовкою его на картинахъ такъ называемаго третьяго помпеянскаго стиля. Жираръ [2]) считалъ, что на лекиѳахъ отразилось вліяніе живописи Паррасія. Робертъ [3]), однако, по нашему мнѣнію справедливо указалъ, что въ древнихъ текстахъ, на которыхъ основывался вслѣдъ за Брунномъ Жираръ, рѣчь идетъ не объ усовершенствованіи моделировки фигуръ, а о контурахъ фигуръ. Винтеръ высказался за то, что на лекиѳахъ 2 А 420 слл. и на картинахъ третьяго помпеянскаго стиля отразилось вліяніе Аполлодора [4]). Мы принимаемъ соображенія послѣдняго ученаго [5]).

Во всякомъ случаѣ, живопись на лекиѳахъ 2 А 420 слл. ясно говоритъ за то, что эти лекиѳы явились позднѣе, чѣмъ лекиѳы съ рисунками развитого прекраснаго стиля. Винтеръ справедливо отмѣчаетъ на лекиѳѣ 2 А 420 красоту и прелесть колорита и преимущество лекиѳовъ предъ помпеянскими картинами третьяго стиля: рисунки на лекиѳахъ чище и благороднѣе помпеянскихъ подражаній и лучше говорятъ о живописи великихъ греческихъ мастеровъ, чѣмъ эти послѣднія.

При всемъ громадномъ интересѣ, который представляютъ лекиѳы 2 А 420 слл. по техникѣ ихъ рисунковъ, онѣ по стилю рисунковъ значительно ниже болѣе древнихъ лекиѳовъ; исполненіе слабѣе; контуры не отличаются той рѣдкою чистотой и элегантностью, которыя мы видѣли на древнѣйшихъ лекиѳахъ; пропорціи фигуръ тяжелы; выраженіе лицъ, типы шаблонны и т. д. [6]).

Лекиѳы 2 А 420—422 самые поздніе изъ бѣлыхъ лекиѳовъ [7]). Ихъ мастера все еще стараются подражать произведеніямъ великихъ живописцевъ, но попыткѣ ихъ суждено было быть послѣднею. Живопись на бѣлыхъ лекиѳахъ прекращается внезапно, быть можетъ, именно потому, что въ эпоху послѣ Аполлодора великіе живописцы стали писать такъ, что мастерамъ лекиѳовъ подражать имъ стало рѣшительно

---

[1]) Furtwängler, Beschr. d. Vasensamml. im Antiquarium, II, 769, къ № 2685

[2]) Girard, Peinture. 216 слл. Ср. Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II, 71 (105).

[3]) Robert, Marathonsschl., 74.

[4]) Ср. Winter, Ein attischer Lekythos. 55 Winckelmannspr, 10 слл.

[5]) Мы не согласны съ нимъ лишь въ томъ, что Аполлодоръ разработывалъ тѣ же проблемы, какъ и Паррасій, и не считаемъ достаточными его возраженій Роберту. Ср. объ Аполлодорѣ еще O. Rossbach у Pauly-Wissowa, Realencyclopädie, I, 2, 2897, 77.

[6]) Ср. Girard, Peinture, 217.

[7]) Ср. Rayet-Collignon, Céramique, 228.

невозможно. Застыть на одной точкѣ и продолжать работать всё время по установленной манерѣ греческіе мастера не могли; они привыкли искони не отставать отъ монументальнаго искусства и все время идти впередъ, развиваться. Разъ по тому или другому дальнѣйшее развитіе оказалось невозможнымъ, они должны были перестать расписывать бѣлые лекиѳы. Публика, очевидно, всегда интересовалась современнымъ. Картины въ стилѣ Полигнота и Аполлодора въ эпоху Протогена и Апеллеса, конечно, не представляли ни для кого интереса; тѣмъ менѣе интереса представляли бы тогда подражанія картинамъ этихъ старыхъ мастеровъ, каковы были картины на лекиѳахъ. Итакъ, выдѣлка бѣлыхъ лекиѳовъ прекратилась, вѣроятно, уже въ половинѣ IV вѣка [1]).

IV.

Мы прослѣдили судьбы живописи на чашахъ съ бѣлой облицовкой внутри и на бѣлыхъ лекиѳахъ. Мы видѣли, что живопись на тѣхъ и другихъ шла по одному пути и все время развивалась. Особенно хорошо постепенное и непрерывное развитіе техники и стиля видно на бѣлыхъ лекиѳахъ, благодаря ихъ обилію.

Какъ на чашахъ, такъ и на лекиѳахъ живопись развивается параллельно развитію формъ и орнаментаціи самихъ сосудовъ. Но сколько бы ни зависѣла живопись отъ формы сосуда и его назначенія, она обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ монументальною живописью своей эпохи. Мы видѣли, что бѣлая облицовка съ живописью не могла первоначально явиться на вазахъ. Всегда живопись по бѣлому фону на вазахъ стояла въ зависимости отъ современной ей монументальной живописи и подражала ей въ техникѣ и стилѣ. Однако, подражаніе это никогда не доходило до того, чтобы дѣлаться рабскимъ и слѣпымъ копированіемъ чужихъ оригиналовъ. Мастера чашъ и лекиѳовъ, слѣдуя великимъ живописцамъ, строго считаются съ требованіями, которыя представляетъ ихъ собственное дѣло, и всегда претворяютъ чужое въ свое. Высота ихъ заключается именно въ томъ, что они и сами мыслятъ и работаютъ. Всѣмъ имъ присуще чувство красоты; всегда они увлекаются своимъ дѣломъ и способны къ импровизаціи.

Обязанные, какъ ремесленники, заботиться о возможно большемъ сбытѣ и широкомъ распространеніи своихъ издѣлій, мастера не могли, конечно, быть истинными и независимыми творцами-художниками, пре-

[1]) Ср. о времени Аполлодора и Паррасія O. Rossbach y Pauly-Wissowa, Realencyclopädie, I, 2. 2897, 77; Brunn, Gesch. d. griech. Künstler, II 66 (97) сл.; v. Rohden v Baum., Denkm., III, 861; Robert, Marathonsschl., 73 слл.

слѣдующими лишь идеалы чистаго искусства. Часто ихъ произведенія поэтому лишены индивидуальнаго характера, оригинальности; часто можно констатировать въ ихъ рисункахъ спѣшность и небрежность; но зато постоянно мы можемъ видѣть ловкость, легкость и смѣлость въ контурахъ: нерѣдко даже въ самыхъ небрежныхъ рисункахъ какая-нибудь головка, движеніе или изгибъ фигуры сразу дѣлаютъ очевиднымъ, что небрежность у автора рисунка вовсе не результатъ неумѣнья рисовать, а лишь спѣшки въ работѣ. Мастера прекрасно понимаютъ, въ чемъ состоитъ прелесть рисунка. Мы достаточно видѣли уже примѣры, гдѣ мастера чашъ и лекиѳовъ достигаютъ поразительныхъ результатовъ. Такой высоты мастера никогда не достигли бы, если бы не изучали произведеній великихъ мастеровъ ихъ времени.

Чаши и лекиѳы строгаго стиля въ техникѣ и стилѣ рисунковъ стоятъ подъ вліяніемъ до-полигнотовой живописи. На сосудахъ переходнаго и прекраснаго стилей мы указали уже не мало разнообразныхъ вліяній картинъ школы Полигнота. Наконецъ, на наиболѣе позднихъ лекиѳахъ въ стилѣ и техникѣ мы видѣли вліянія Паррасія и Аполлодора, художниковъ, дѣйствовавшихъ уже послѣ Полигнота.

Оканчивая рѣчь о вазахъ съ живописью на бѣломъ фонѣ [1]), мы должны замѣтить, что перемѣна въ техникѣ рисунка, которую мы у нихъ выше констатировали, происходитъ на тѣхъ вазахъ, на которыхъ больше всего вліяній картинъ Полигнотовой школы.

Дѣлать контуры рисунка краской начинаютъ впервые на вазахъ переходнаго стиля; тогда же получаютъ дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе полихроміи

---

[1]) На другихъ вазахъ, кромѣ киликовъ и лекиѳовъ, бѣлая облицовка употребляется крайне рѣдко. Мы знаемъ уже кратерь Museo Gregoriano съ бѣлой облицовкой. Другой такой кратеръ есть въ Museo Civico въ Болоньѣ. Затѣмъ бѣлая облицовка встрѣчается на пиксидахъ, эноховхъ, арибаллахъ. По стилю и техникѣ рисунки на этихъ вазахъ не представляютъ ничего оригинальнаго и примыкаютъ къ рисункамъ на киликахъ и лекиѳахъ. Вотъ примѣры такихъ вазъ: 1) пиксида Британскаго музея Д 11 изъ Эретріи (издана у Murray, Wh. V., pl., 2) пиксида того же музея Д 12 (издана въ каталогѣ вазъ музея C. Smith'a, pl. XXII). 3) пиксида въ Луврѣ изъ Аѳинъ (издана въ Mon. grecs, II (1878), pl. 2, и у Dumont-Chaplain, Céramiques, II, pl. Suppl. A), 4) пиксида Національнаго музея въ Аѳинахъ (витр. 50, № 2188; Collignon, Catalogue, 684), 5) эвохоя Британскаго музея Д 14 изъ Аѳинъ (Murray, Wh. V., pl. XXI, B), 6), энохоя Національнаго музея въ Аѳинахъ (50, № 2186; Collignon, 683; Heydemann, Gr. Vnb., 9, пр. 17, къ Taf. IX, 4), 7) арибаллъ въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ (Heydemann, Vasensamml., Raccolta Cumana, 166). Арибаллъ коллекціи Зомзе (Gaz. archéol., 1878, pl. 32; Milchhöfer, Jahrb. d. Inst., IX (1894), 58, A, 6; Furtwängler, Samml. Somzée, Taf. XXXVIII) по стилю рисунка всегда намъ казался подозрительнымъ. Въ бытность нашу въ Парижѣ мы сообщили свои наблюденія Поттье. Послѣдній заявилъ намъ, что онъ имѣлъ случай изучать оригиналъ, когда онъ былъ еще въ коллекціи Піо, вмѣстѣ съ Перро, и что оба они пришли къ убѣжденію, что арибаллъ несомнѣнная поддѣлка.

и бѣлая облицовка. Въ виду всего вышесказаннаго едва ли было бы рискованнымъ полагать, что новая техника, явившаяся на вазахъ около 460 года, представляетъ подражаніе техникѣ Полигнота.

Мы видѣли, что мастера старались подражать полигнотовой живописи и тогда, когда они писали лакомъ. Желая приближаться больше къ своему идеалу, они, наконецъ, оставляютъ старинную технику и вырабатываютъ новую. Такимъ образомъ, новая техника представляетъ для насъ особенный интересъ. Весьма любопытно, что техника живописи на бѣлыхъ лекиѳахъ имѣетъ весьма много общаго съ техникою картинъ Полигнота, поскольку мы знаемъ эту послѣднюю по древнимъ текстамъ (см. выше, введеніе). Какъ у Полигнота, фигуры на лекиѳахъ выдаются на бѣломъ фонѣ. Такъ же простъ и не развитъ еще колоритъ: никогда мы не видимъ живописной иллюзіи; и на лекиѳахъ скорѣе раскрашенные рисунки, чѣмъ настоящая живопись; краски играютъ еще подчиненную роль, какъ въ скульптурѣ. Суть представляетъ все еще рисунокъ, который отличается большимъ совершенствомъ; нѣкоторыя части (тѣло фигуръ, стелы) всегда дѣлаются еще только въ контурахъ. Красокъ, правда, больше, чѣмъ въ архаическое время, но все-таки число ихъ весьма ограниченно. Всѣ краски, которыя мы видимъ на бѣлыхъ лекиѳахъ, могутъ быть получены изъ основныхъ четырехъ красокъ Полигнота (ср. введеніе). Употребляются краски всегда лишь въ простыхъ, общихъ тонахъ. Общее дѣйствіе, которое производятъ краски въ рисункѣ, яркое, живое, горячее, но извѣстный тактъ никогда не нарушается: никогда мы не замѣчаемъ грубой рѣзкости; всегда въ картинѣ общій тонъ ласкающій и мягкій. Предварительный эскизъ, который мы наблюдаемъ на картинахъ лекиѳовъ, таковъ же въ общемъ былъ, вѣроятно, и на картинахъ школы Полигнота. Энкаустика была лишней для картинъ на вазахъ, которыя подвергались легкому обжиганію въ печи.

Картины на лекиѳахъ дѣлаютъ для насъ особенно яснымъ, почему въ позднѣйшія времена эстетики и историки искусства называли живопись Полигнота „колыбелью искусства“ (ср. введеніе). Люди, привыкшіе къ разнообразному, тонкому и богатому колориту картинъ позднѣйшихъ мастеровъ, слабое представленіе о которыхъ иногда можно составлять себѣ по помпеянскимъ картинамъ, — конечно, не могли находить въ картинахъ полигнотовой школы ничего иного, кромѣ архаизма, и цѣнили въ нихъ лишь чудный и тонкій рисунокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПАМЯТИ В. Г. БОКА.

Д. чл. **С. А. Жебелева.**

4-го мая с. г. скончался въ Берлинѣ, въ клиникѣ профессора Лейдена, дѣйствительный членъ и хранитель музея нашего Общества Владиміръ Георгіевичъ Бокъ, на 49-мъ году жизни. Воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета, В. Г., по окончаніи естественнаго факультета, намѣревался посвятить себя изученію горнозаводской промышленности, и ради этого отправился въ Бельгію. Изъ-за границы В. Г. вернулся на родину какъ разъ въ разгаръ Русско-Турецкой войны. Немедленно же онъ командированъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ уполномоченнаго отъ Общества Краснаго Креста. По окончаніи войны В. Г. былъ назначенъ директоромъ Петергофской гранильной фабрики и, занимая эту должность, произвелъ рядъ преобразованій, клонившихся какъ къ улучшенію техническаго производства, такъ и къ поднятію художественнаго значенія фабрики.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ направленіи дѣятельности В. Г. произошла перемѣна. Когда образовано было въ Императорскомъ Эрмитажѣ Отдѣленіе Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія, В. Г. былъ назначенъ хранителемъ этого Отдѣленія и, подъ ближайшимъ руководствомъ Н. П. Кондакова, немало потрудился надъ устройствомъ его. Въ Эрмитажѣ В. Г. оставался до конца своей жизни и ему онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, всѣ свои силы и знанія, какъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго усовершенствованія своего Отдѣленія, такъ и въ дѣлѣ пополненія его новыми пріобрѣтеніями.

Въ 1888—1889 гг. В. Г. совершилъ ученую поѣздку въ Египетъ, и результатомъ этой поѣздки было то, что Средневѣковое Отдѣленіе Эрмитажа обогатилось рядомъ новыхъ памятниковъ древнехристіанскаго восточнаго искусства, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ вывезенныя изъ Египта В. Г. коптскія узорчатыя ткани.

Въ 1897—1898 гг. В. Г. предпринялъ вторично поѣздку въ Египетъ, ревностно занимался тамъ раскопками у древне-христіанскихъ монастырей и некрополей, исполнилъ множество фотографическихъ снимковъ, промѣровъ, плановъ, и снова обогатилъ Эрмитажъ новыми пріобрѣтеніями, главнымъ образомъ, памятниками коптскаго искусства. Смѣло можно сказать, что, по богатству и разнообразію коптскихъ тканей, эрмитажное собраніе является въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ, въ Европѣ, и заслуга эта всецѣло и неоспоримо должна быть приписана В Г. Эрмитажъ исполнилъ бы свой долгъ, почтя память В. Г. достойнымъ изданіемъ научныхъ результатовъ его послѣдней поѣздки въ Египетъ. О такомъ изданіи покойный думалъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, изыскивалъ средства, чтобы имѣть возможность привести задуманное имъ дѣло въ исполненіе. Увы! рокъ судилъ иначе, и посмертное желаніе В. Г., повидимому, далеко отъ осуществленія его на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Изученіе памятниковъ коптскаго искусства составляло любимый предметъ занятій В. Г.; объясненію и изданію этихъ памятниковъ посвящены его главные труды. Въ третьемъ томѣ „Трудовъ VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ“ помѣщена обширная статья В. Г. „О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани“. Здѣсь на 7 таблицахъ изданы образцы коптскихъ тканей изъ эрмитажнаго собранія, составленнаго В. Г. въ его первую поѣздку въ Египетъ. Эти ткани, въ количествѣ болѣе 2.000 экземпляровъ, отчасти были собраны В. Г. во время раскопокъ, произведенныхъ имъ въ Ахмимѣ, Накадѣ, Самайнѣ и Фаюмѣ, частью пріобрѣтены были имъ, изъ первыхъ рукъ, отъ жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ находятся древне-христіанскіе некрополи, и только незначительное число ихъ было пріобрѣтено покупкою у александрійскихъ и каирскихъ торговцевъ. Описанію изданныхъ тканей В. Г. предпослалъ свои замѣчанія о характерѣ коптскаго искусства и его значеніи для исторіи средневѣкового искусства вообще. „Коптскія ткани,—замѣчаетъ онъ,—представляя громадный матеріалъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, восполняютъ большой пробѣлъ въ исторіи искусства Среднихъ Вѣковъ отъ II до VIII ст. и потому имѣютъ большое значеніе для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ христіанской археологіи. Этотъ періодъ представляется не особенно разработаннымъ: не достаетъ звеньевъ, соединяющихъ памятники первыхъ вѣковъ нашей эры съ позднѣйшими. Коптскіе могильники доставляютъ намъ тѣ данныя, съ помощью которыхъ можно будетъ возстановить полную связь и переходъ отъ искусства греко-римскаго къ восточно-

христіанскому". На основаніи историческихъ и стилистическихъ соображеній В. Г. находилъ возможнымъ относить наиболѣе древнія коптскія ткани къ началу IV в., наиболѣе позднія—къ IX в. Изслѣдуя технику тканей, В. Г. пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ типы ковроваго тканья (гобеленъ), которымъ издревле славились Египетъ, Греція и нѣкоторыя мѣстности Передней и Малой Азіи; ткани вытканы на вертикальномъ гобеленовомъ станкѣ. Орнаментація тканей очень разнообразна. Обыкновенно она состоитъ изъ соединенія растительныхъ и зооморфическихъ мотивовъ съ геометрическими или иными. Но на-ряду съ этимъ выдающуюся роль играютъ большія сложныя композиціи, гдѣ представлены сцены изъ классическаго міра и Священной исторіи. При болѣе подробномъ анализѣ орнаментаціи тканей видны мотивы древнеегипетскіе и восточные; но въ большинствѣ случаевъ еще встрѣчается на тканяхъ смѣшеніе, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, различныхъ стилей и способовъ трактовки. Наконецъ, при попыткѣ классификаціи тканей, нельзя не обратить вниманія на тѣ особенности въ ихъ орнаментаціи, которыя, будучи чисто мѣстными, заставляютъ предполагать до нѣкоторой степени кустарный характеръ ткацкаго дѣла въ Египтѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе статьи В. Г. Въ заключеніи ея онъ предлагалъ нѣсколько основныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ представлялось ему необходимымъ для опредѣленія характерныхъ черть коптскаго искусства и исторіи его развитія. Постановка этихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ живо интересовался В. Г. своимъ любимымъ коптскимъ искусствомъ, какъ широко онъ смотрѣлъ на его изученіе.

Въ члены нашего Общества В. Г. вступилъ въ 1890 году и принималъ постоянно живое участіе въ его дѣятельности. Въ разное время имъ были прочтены въ засѣданіяхъ Общества слѣдующіе доклады: „Бронзовый коптскій сосудъ" (напечатано въ VII томѣ „Записокъ"), „Мнимый эмалевый агнецъ на костяномъ окладѣ Миланскаго собора" (напечатано въ VIII томѣ „Записокъ". Труды Отд. арх. др.-класс., виз. и з.-евр. кн. 1), „О сочиненіи Н. П. Кондакова: Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго" (напечатано тамъ же), „Объ эмаляхъ, найденныхъ на югѣ Россіи", „О византійскомъ крестѣ, принадлежащемъ барону d'Inkéy-Pallin" (напечано по-французски отдѣльной брошюрой, не поступившей въ продажу) [1]).

[1]) На французскомъ же языкѣ напечатана статья В. Г. «Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée» въ Memoires de la Société Nationale de France. XI série. VI (1895), 193—254.

Съ 1891 года и по конецъ жизни В. Г. исправлялъ обязанности хранителя музея Общества. Мнѣ нечего напоминать о томъ, что́ сдѣлано В. Г. по части благоустройства нашего музея: результаты его дѣятельсти на-лицо. Отмѣчу, что уже въ протоколѣ ревизіонной коммиссіи 1894 года сказано: „Музей Общества приведенъ почти въ порядокъ хранителемъ его В. Г. Бокомъ. Всѣ предметы, внесенные въ печатный каталогъ, разложены и разставлены въ порядкѣ по шкафамъ и снабжены нумерами, соотвѣтствующими нумерамъ каталога; не внесенные также разобраны и внесены въ опись". Когда Общество переѣхало въ новое, занимаемое имъ теперь, помѣщеніе и когда для Музея явилась возможнымъ отвести соотвѣтствующее мѣсто, В. Г. настоялъ на томъ, чтобы для коллекцій Музея изготовлены были новые шкафы, устроенные такимъ образомъ, что стало возможнымъ обозрѣвать всѣ находившіеся въ нихъ предметы; и ревизіонная коммиссія въ 1896 году засвидѣтельствовала, что „трудами г. хранителя Музея принадлежащее Обществу собраніе предметовъ древности приведено въ порядокъ, нашито на таблицы и размѣщено въ витринахъ". И нужно признать, что работа эта исполнена В. Г. съ большимъ вкусомъ. Онъ былъ мастеръ „устраивать выставки". Стоитъ припомнить, какъ образцово была имъ устроена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выставка предметовъ древности въ домѣ графа Строгонова у Полицейскаго моста и выставка предметовъ, вывезенныхъ имъ изъ Египта, въ Эрмитажѣ въ прошломъ году.

Трудно, конечно, воскресить нравственный обликъ покойнаго для тѣхъ, кто его не зналъ. Но всѣ, кому приходилось съ нимъ вступать въ какія бы то ни было сношенія, полагаю, согласятся со мною въ томъ, что В. Г. подкупалъ и очаровывалъ своею прямотою, искренностью, любезностью, готовностью служилъ, чѣмъ только онъ могъ. Всякій, желавшій работать въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Эрмитажа, находилъ со стороны В. Г. самый радушный и предупредительный пріемъ. Онъ не пряталъ отъ постороннихъ взоровъ тѣ сокровища, которыя ему поручено было хранить, не требовалъ какихъ-либо постороннихъ рекомендацій отъ лицъ, у него въ Отдѣленіи желавшихъ заниматься, не взвѣшивалъ ихъ правоспособности заниматься археологіей вообще. Въ этомъ отношеніи В. Г., и не выдавая себя, по своей скромности, за профессіональнаго ученаго, оказывался человѣкомъ, глубоко понимающимъ интересы археологической науки и имъ вполнѣ сочувствующимъ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ АРХЕОЛОГІИ ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОЙ, ВИЗАНТІЙСКОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЗА 1897 ГОДЪ.

I. Засѣданіе 18-го января 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: Д. В. Айналовъ, Е. М. Гаршинъ, С. А. Жебелевъ, баронъ С. П. Корфъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, о. К. Т. Никольскій, Н. В. Покровскій, Е. К. Рѣдинъ, Б. А. Тураевъ, Г. Ф. Церетели. Гость Ѳ. Г. Беренштамъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23-го декабря 1896 г.

2.

Чл.-сотр. Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ *о своей поѣздкѣ на Аѳонъ лѣтомъ 1896 года* [1]).

3.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочелъ рефератъ: *О результатахъ важнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій на эллинскомъ Востокѣ въ 1896 году* [2]).

II. Засѣданіе 24-го февраля 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Е. М. Гаршинъ, В. К. Ернштедтъ,

---

[1]) См. Ученыя Записки Императ. Казанскаго Университета за 1897 г.

[2]) См. Филол. Обозр. XIII. 2. стр. 171—190.

С. А. Жебелевъ, М. С. Куторга, К. Н. Лишинъ, А. К. Марковъ, А. И. Соболевскій, Б. А. Тураевъ и Г. Ф. Церетели.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18-го января 1897 г.

2.

Чл.-сотр. Г. Ф. Церетели прочелъ рефератъ: *О вѣнской рукописи книги Бытія* [1]).

3.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ: *Теорія Фуртвенглера о копіяхъ греческихъ статуй* [2]).

III. Засѣданіе 26-го марта 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: Е. М. Гаршинъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, А. К. Марковъ и А. Н. Щукаревъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 24 го февраля 1897 г.

2.

Читанъ докладъ О. Ѳ. Вульфа: *Имена „любимцевъ" на аттическихъ вазахъ* [3]).

3.

Читанъ рефератъ чл.-сотр. М. И. Ростовцева: *По поводу росписей керченскихъ катакомбъ* [4]).

IV. Засѣданіе 21-го апрѣля 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Р. Х. Леперъ, К. Н. Ли-

[1]) См. Зап. Имп. Р. Арх. Общ. IX. Труды Отд. арх. др.-класс., виз. и зап.-евр., кн. 2, стр. 329—335.

[2]) См. тамъ же, стр. 303—320.

[3]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, апрѣль, отд. класс. фил., стр. 1—21.

[4]) См. Зап. Имп. Р. Арх. Общ. IX. Труды Отд. арх. др.-класс., виз. и зап.-евр., кн. 2, стр. 291—298.

шинъ, А. А. Павловскій, князь П. А. Путятинъ и баронъ В. Р. Розенъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 26-го марта 1897 г.

2.

Чл.-сотр. Р. Х. Лёперъ прочелъ рефератъ *о книгѣ Дёрпфельда и Рейша „Греческій театръ“*.

V. Засѣданіе 6-го октября 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: С. А. Жебелевъ, А. К. Марковъ, П. В. Никитинъ, князь П. А. Путятинъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, А. Н. Щукаревъ. Гости: М. А. Кеммерлингъ, Е. М. Придикъ и В. И. Фармаковскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 21-го апрѣля 1897 г.

2.

Чл.-сотр. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе: *О лесхѣ книдянъ въ Дельфахъ* [1]).

3.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочелъ рефератъ: *О реформахъ, произведенныхъ римлянами въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ* [2]).

VI. Засѣданіе 10-го ноября 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, М. С. Куторга, А. К. Марковъ, баронъ В. Р. Розенъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій и А. Ѳ. Энманъ.

---

[1]) См. Изв. Русскаго Арх. Инст. въ Константинополѣ, IV (1899), выпускъ 1.

[2]) См. С. А. Жебелевъ, Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 годы до Р. Хр., Спб., 1898, стр. 292—318.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 6-го октября 1897 г.

2.

Чл.-сотр. Я. И. Смирновъ прочелъ сообщеніе: *Объ одномъ отрывкѣ изъ апокрифическаго Евангелія Никодима.*

Предметомъ сообщенія былъ текстъ въ одной изъ рукописей Парижской Національной Библіотеки, издаваемый здѣсь съ нѣкоторыми орѳографическими исправленіями рукописнаго чтенія.

Cod. Coisl. 296. XII в. fol. 62 sq. (v. Montfaucon, Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Parisiis. 1715 p. 413.

Γερμανοῦ ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ προθεωρία ∴ ἐρώ[τησις] Βασιλεί[ου] πρὸς Γρηγόριον τὸν θεολόγον πε(ρὶ) τῶν ἱερέων καὶ τῆς ἐκκλησίας : — : — : —.

Εἰπέ μοι διατὶ ἱερεὺς καὶ κατὰ τί ἱερεὺς κατὰ ποίῳ τρόπῳ καὶ τί ἡ τριχοτομία τῆς κεφαλῆς τοῦ ἱερέως καὶ τί τὸ ἐπιτρούλλιον τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ. καὶ τί τὸ φελώνιον (cod. φελώνην) καὶ [fol. 63] τί τὸ στιχάριον. καὶ τί αἱ μασχάλαι τοῦ στιχαρίου καὶ τί βλαττόσμιξις τοῦ ὀραρίου. καὶ διατὶ περιβέβληται ὁ ἐπίσκοπος τριπλοῦν τὸ ὠμοφόριον αὐτοῦ καὶ ὁ πρεσβύτερος διπλοῦν τὸ ἐπιτραχήλιον αὐτοῦ καὶ ὁ διάκων μοναπλοῦν. καὶ διατὶ λευκοφόρος ἐστὶν ἡ στολὴ τοῦ ἐπισκόπου καὶ διατὶ πυροφόρος ἐστὶν ἡ στολὴ τοῦ ἱερέως καὶ διατὶ μαυροφόρος ἐστὶν ἡ στολὴ τοῦ ἀββᾶ, καὶ ποίῳ τρόπῳ ὀφείλομεν εἶναι τὸν ἐπίσκοπον. καὶ ποίῳ τρόπῳ ὀφείλομεν εἶναι τὸν ἱερέα. καὶ ποίῳ τρόπῳ ὀφείλομεν εἶναι τὸν ἀββᾶν · καὶ ποίῳ τρόπῳ ὀφείλομεν εἶναι τὸν διάκονα · καὶ ποίῳ τρόπῳ ὀφείλομεν εἶναι τὸν ἀναγνώστην. ἀπόκρισις Γρηγορίου:

ὁ μὲν ἐπίσκοπός ἐστιν εἰς τύπον δεσποτικὸν · ὥσπερ γὰρ ὁ δεσπότης ἀποστέλλει τοὺς ἀγγέλους · οὕτως καὶ ὁ ἐπίσκοπος ἀποστέλλει τοὺς ἱερέας (cod. ἱερεῖς) · λευκοφόρος δέ ἐστιν ἡ στολὴ αὐτοῦ · Ἰωάννης γὰρ περὶ αὐτοῦ λέγει ὅτι τὸ ἔνδυμα αὐτοῦ λευκὸν ὡσεὶ χιὼν καὶ ἡ θρὶξ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ὡσεὶ ἔριον λευκὸν [cf. Apocal. I. 14]. τριπλοῦν δὲ περιβέβληται τὸ ὠμοφόριον αὐτοῦ διότι τὴν τριάδα ἐστὶν ἀφορισμένος. εἰς τύπον δὲ ἀρχαγγελικὸν ὀφείλω [fol. 63. v.] μεν εἶναι τὸν ἱερέα · ὅτι πυροφόρος ἐστὶν δι'ὧν εἶπε ὁ ποιῶν τοὺς ἀγγέλους αὐτοῦ πν(εῦμ)α καὶ τοὺς λειτουργοὺς αὐτοῦ πυρὸς φλόγα [= Psalm. CIII. 4]. τὸ δὲ φελόνιον (cod. φελόνην) αὐτοῦ ἐστιν ὁ χιτὼν ὁ ἄρραφος ὁ ἐκ τοῦ πν(εύματο)ς τοῦ ἁγίου ὑφανθεὶς διόλου τὸν ἐκ τῶν ἄνω δυνάμεων [cf. Ioh. XIX. 23]. τὸ δὲ στιχάριον αὐτοῦ ἐστιν διότι στήκει χάρις ἐν αὐτῷ · αἱ δὲ μασχάλαι τοῦ στιχαρίου εἰσίν, διότι λόγχῃ (cod. λόγχην) τὴν πλευρὰν αὐτοῦ ἤνοιξαν · τὰ διλωρία τὰ κατερχόμενα ἐντεῦθεν τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ τὸ ἐξελθὸν ἐκ τῆς πλευρᾶς αὐτοῦ καὶ καταφωτίσαν τὴν οἰκουμενικὴν πολιτείαν · τὸ δὲ μονολούριον τὸ εἰς τὰς χεῖρας αὐτοῦ δι'οὗ ἔδησαν αὐτόν · καὶ παρέδωκαν αὐτὸν Πωντίῳ Πηλάτῳ ἡγεμόνι · ἡ δὲ ἀνακολαφὴ τοῦ στιχαρίου ἐστὶν · διότι τὸ ἅγιον πν(εῦμ)α περιζώννυται · ἡ δὲ τριχωτομία τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ἐστὶν · διότι στέφανον ἐξ ἀκανθῶν πλέξαντες περιέθηκαν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ. τὸ δὲ ἐπιτρούλλιον τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ἐστιν ἑδραίωμα (cod. ἀδρέωμα) στύλου χερουβικοῦ θρόνου · ἐπαναπαύονται γὰρ τὰ χερουβὶμ εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ ἱερέως καὶ τὰ χερουβὶμ βαστάζουσι τὴν δύναμιν τῆς θεότητος · εἰς τύπον δὲ χερουβικὸν ὀφείλομεν εἶναι [fol. 64] τὸν ἀββᾶν · μαυροφόρος γάρ ἐστιν ἡ στολὴ αὐτοῦ κατὰ ταῖς [cod. κατὰ τὰς] πτέρυξι τῶν χερουβικῶν δυνάμεων τουτέστι τῶν ἑξαπτερύγων · εἰς τύπον δὲ ἀποστολικὸν ὀφείλομεν εἶναι τὸν διάκονα · μοναπλοῦν δὲ περιβέβληται τὸ ὀράριον αὐτοῦ διότι τὴν παλαιὰν καὶ καινὴν ἐστιν ἐμφορισμένος · καὶ εἰς τὸ ἅγιον δῶρον ἐὰν μὴ καταμίξει τὴν παλαιὰν καὶ τὴν νέαν διαθήκην οὐ μεταλαμβάνει · εἰς τύπον δὲ μαρτυρικὸν ὀφείλομεν εἶναι τὸν ἀναγνώστην · μάρτυς γὰρ τῆς ἐκκλησίας ὑπάρχει: —

Διατὶ ἐκκλησία · καὶ διατὶ κάγκελλα · καὶ διατὶ τράπεζα · καὶ διατὶ βωμός · καὶ διατὶ ἄμβων καὶ διατὶ τὸ εἰλητὸν · καὶ διατὶ τὰ ῥιπήδια.

ἀπό(κρισις).

Ἡ μὲν ἐκκλησία ἐστὶν οἶκος τοῦ θ(εο)ῦ · τὸ βῆμα ἐστὶν τὸ μνῆμα τοῦ κ(υρίο)υ · ἡ τράπεζα τοῦ τάφου ἡ ἀσφάλισις · ὁ δὲ βωμός ἐστιν ἡ σινδὼν ἡ ἀγορασθεῖσα (cod. ἀγορασθη) παρὰ τοῦ Ἰωσηφ · τὰ δὲ κάγκελ(λ)ά εἰσι οἱ στρατιῶται οἱ τὸν τάφον φυλάσσοντες · ὁ δὲ ἄμβων ἐστὶν ὁ ἀποκυλισθεὶς

λίθος ἐκ τῆς θύρας τοῦ μνημείου · ὁ δὲ διάκων ὁ ψάλλων ἐν τῷ ἄμβωνι ὁ ἄγγελος ὁ ἐπάνω τοῦ λίθου καθεζόμενος καὶ κηρύσσων τὴν ἀνάστασιν · τὸ δὲ εἰλητόν ἐστιν · ὅτε ἀπέστειλεν ὁ Πηλάτος τὸν κούρσωρα καλέσαι τὸν Ἰ(ησοῦ)ν πρὸ τοῦ [fol. 64 v.] βήματος · καὶ ὁ κούρσωρ ἐξελθὼν τὸ φακιόλιον αὐτοῦ ἥπλωσεν ἐπὶ τῆς γῆς καὶ εἶπε · Κ(ύρι)ε · ὧδε περιπάτει καὶ εἴσελθε ἐπὶ τοῦ βήματος. ὁ ἡγεμών σε καλεῖ · καὶ προσκαλεσάμενος ὁ Πηλάτος τὸν κούρσωρα εἶπε · διατὶ τοῦτο ἐποίησας · καὶ ἀποκριθεὶς ὁ κούρσωρ εἶπε · κύριέ μου · ὅτε μὲ ἀπέστειλας εἰς Ἱεροσόλυμα πρὸς Ἀλέξανδρον · εἶδον αὐτὸν ἐκεῖ καθήμενον ἐπὶ πῶλον ὄνου · καὶ οἱ παῖδες τῶν Ἑβραίων ἔκ(ο)πτον κλάδους ἀπὸ τῶν δένδρων · ἄλλοι δὲ ἐστρώ(ν)νυον τὰ ἱμάτια αὐτῶν ἐν τῇ ὁδῷ καὶ ἔψαλλον τὸ ὡσαννὰ · ἀποκριθεὶς ὁ Πηλάτος εἶπε · καὶ σὺ Ἕλλην (cod. ἐνλλην) ὢν πόθεν ἐπιγινώσκεις τὸ τί ἑρμενεύεται τὸ ὡσαννά · καὶ ἀποκριθεὶς ὁ κούρσωρ εἶπε · ἑρμενεύεται τὸ ὡσαννὰ σῶσον ἡμᾶς υἱὲ θ(εο)ῦ ὁ ἐν τοῖς ὑψίστοις · καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Πηλάτος εἶπε · ἔξελθε καὶ ὡς βούλει εἰσάγαγε αὐτὸν κ(αὶ) εὐθέως ἐξελθὼν ὁ κούρσωρ ἥπλωσε τὸ φακιόλιον ἐπὶ τὴν γῆν · καὶ εἶπε · κ(ύρι)ε ὧδε περιπάτησον καὶ εἴσελθε ἐπὶ τοῦ βήματος καλεῖ σε ὁ ἡγεμὼν · καὶ κατ' ἐκείνῳ τῷ τρόπῳ λοιπόν ἐστιν τὸ εἰλητόν · τὰ δὲ ῥιπίδιά εἰσιν · ὅτε εἰσήρχετο ὁ Ἰ(ησοῦ)ς πρὸς τὸν ἡγεμόνα · ἔστησεν ὁ Πηλάτος προτομ[ὰς] (cod. προτιμ) [fol. 63.] τῶν σκήπτρων ἀνὰ ἓξ δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ. εἰσερχομένου δὲ αὐτοῦ πρὸς τὸν Πηλάτον ἐκάμφθησαν αἱ προτομαὶ (cod. προτιμαὶ) τῶν σκήπτρων καὶ προσεκύνησαν αὐτὸν καὶ συνεισῆλθον αὐτῷ ἕως τοῦ Πηλάτου · διὰ τοῦτο καὶ τὰ ῥιπίδια καμπτὰ ἔχει · καὶ ἀκολουθοῦσι τὴν εἴσοδον καὶ ἔξοδον τοῦ ἁγίου σώματος καὶ αἵματος τοῦ κ(υρίο)υ ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ.

Вслѣдъ за этою статьею, 29-ою въ сборникѣ, слѣдуетъ Διάλυσις τῆς ἁγίας λειτουργίας, которая, судя по началу ея — Συναχθέντες οἱ ὅσιοι πατέρες πρὸς τὸν ἅγιον Γρηγόριον τὸν θεολόγον εἶπον αὐτῷ. πάτερ ὅσιε, δίδαξον ἡμᾶς τὰ τῆς ἐκκλησίας καὶ ποίῳ τρόπῳ ἡ θεία καὶ νοερὰ καὶ ἀναίμακτος θυσία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἀναφέρεται — представляетъ собою оригиналъ русскаго перевода, изданнаго по Соловецкой рукописи XV — XVI в. Красносельцевымъ (Православный Собесѣдникъ. 1878, стр. 11 сл.); та же статья имѣется и въ ркп. Троице-Сергіевской Лавры XIV в. (см. Архангельскій, Творенія отцевъ церкви въ древне-русской письменности. I — II. Казань, 1889, стр. 146), причемъ въ послѣдней рукописи есть и переводъ статьи, нынѣ издаваемой, подъ инымъ однако заглавіемъ: «Слово Василія Великаго, толкъ священническаго чина» и съ нѣкоторыми отличіями въ текстѣ (помимо ошибокъ, вродѣ перевода κάγκελλα черезъ «ангела»); къ сожалѣнію Архангельскій издалъ лишь отрывки перевода (о. с. 143—144; см. тамъ же указанія на другія ркп.) этой статьи, которая была на Руси видимо весьма распространена, какъ видно по заимствованіямъ изъ нея въ статьѣ «Толкъ апостольстѣй соборной церкви», изданной Красносельцевымъ (о. с. стр. 9—10; здѣсь «κάγκελλα» стали уже кандилами!).

И Красносельцевъ (о. с. 10) и Архангельскій (о. с. 146) полагали, что апокрифическія толкованія по Никодимову Евангелію явились лишь въ славянскихъ передѣлкахъ, но заключенія эти оказываются слишкомъ поспѣшными.

Надписаніе греческой статьи именемъ Германа (1-го, конечно, VIII вѣка) не можетъ считаться достовѣрнымъ, т. к. она отличается отъ переведенной Анастасіемъ Библіотекаремъ (IX в.) краткой подобной статьи (см. Pitra, Juris eccl. hist. II. 298).

Однако по краткости и стройности эта статья приближается къ тому толкованію, которое Красносельцевъ въ своемъ изслѣдованіи «О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ» (Лѣтопись Истор. Филол. Общества при Имп. Новоросс. Университетѣ. IV. 1894, стр. 178—257) считалъ древнѣйшимъ и легшимъ въ основаніе позднѣйшихъ пространныхъ толкованій, каковы псевдо-Софронія (Migne. P. Gr. 87. 3. с. 3981), псевдо-Германа (ib. 98. с. 384 сл.), Ѳеодора Андидскаго (ib. 140. с. 417—468), Николая Кавасилы (ib. 150. с. 443—725) и другихъ. Предоставляя рѣшать сложный и трудный вопросъ объ отношеніи къ нимъ и о времени издаваемаго толкованія спеціалистамъ, референтъ обратился къ двумъ толкованіямъ, основаннымъ на апокрифическихъ «Дѣяніяхъ Пилата», которыя отличаютъ эту статью отъ соотвѣтствующихъ толкованій указанныхъ сочиненій: только у псевдо-Германа (Migne. 98. 3. 393) и въ изданной Красносельцевымъ «ἱστορία ἐκκλησιαστική» (Лѣтопись, 1894, стр. 245) является объясненіе: — τὸ δὲ ἐπιτραχήλιόν ἐστι τὸ φακεώλιον καθ' οὗ ὁ Χριστὸς δηθεὶς ἐπὶ τὸν τράχηλον ἤγετο εἰς τὸ σταυρωθῆναι зависящее, какъ видно по слову «φακεώλιον» отъ тѣхъ же «Дѣяній Пилата», хотя въ нихъ о такомъ именно способѣ веденія Христа на распятіе ничего не говорится.

Вставленный въ объясненія илитона и рипидъ несоразмѣрно длинный апокрифическій пассажъ заимствованъ изъ I-й главы «Дѣяній Пилата» (по редакціи А. см. Evangelia Apocrypha edd. Tischendorff, 1876, pp. 217—222, Cap. I. 2—6), но представляетъ значительныя отступленія отъ текста, установленнаго Тишендорфомъ, какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ, причемъ эти отступленія находятъ себѣ иногда аналогіи въ разночтеніяхъ разныхъ рукописей, такъ и характерными вставками выраженія... «καὶ ἀποκριθεὶς... εἶπεν», которыхъ нѣтъ въ текстѣ «Дѣяній» и которыя имѣли цѣлью придать этимъ выдержкамъ сходство съ евангеліями каноническими. При сокращеніи измѣнено нѣсколько и самое содержаніе разсказа: — устранено вовсе упоминаніе о вмѣшательствѣ евреевъ путемъ вложенія ихъ вопроса въ уста Пилата -вслѣдствіе чего эти эксцерпты приняли видъ связнаго, но болѣе краткаго разсказа.

Докладчикъ остановился на одномъ реальномъ различіи сокращенія этого отъ текста «Дѣяній»: вмѣсто «προτομαὶ τῶν σκήπτρων» въ «Дѣяніяхъ» Христу поклоняются «προτομαὶ τῶν σίγνων»: ни одна изъ ркп. Дѣяній не говоритъ также, что они «вошли вмѣстѣ со Христомъ къ Пилату» (переводъ, приводимый Архангельскимъ о. с. 144 говоритъ «и внидоша со Іисусомъ людіе къ Пилату»). Выраженіе Дѣяній имѣетъ въ виду, очевидно, погрудныя изображенія императоровъ на знаменахъ: но представлять ли ихъ себѣ рельефными медальонами, какъ на знаменахъ римскихъ, или же изображеніями на матерчатыхъ лабарахъ,—какія изображены на извѣстной миніатюрѣ Россанскаго Евангелія—все равно такія προτομαὶ сами кланяться не могутъ: не они нагибались, а перегибались древки знаменъ, на которыхъ они были укрѣплены.

Сколь неестественно такое поклоненіе видно по изображенію описываемаго Дѣяніями чуда на рельефной колоннѣ киворія въ Св. Маркѣ въ Венеціи (Garrucci, tav. 497(2); Römische Quartalschrift, 1887, стр. 191 сл.): у одного знаменосца табличка знамени не поклоняется вовсе, у другого переломлено древко (рельефъ попорченъ и на рисункѣ Garrucci это не совсѣмъ ясно).

Иной гораздо болѣе реальный и понятный видъ принимаетъ чудо при чтеніи προτομαὶ τῶν σκήπτρων «бюстами скиптровъ»: на нѣсколькихъ диптихахъ V и VI вв. изображены консульскіе скиптры съ бюстами (а иногда и цѣлыми фигурками) императоровъ или самихъ консуловъ на верху ихъ: сохранились и оригиналы такихъ бюстовъ вырѣзанные изъ цѣнныхъ камней (см. Babelon, Le Cabinet des Antiques de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1888, стр. 119—120, pl. XXXVII).

Наклоненіе такихъ головокъ представить себѣ гораздо легче и естественнѣе, чѣмъ сгибающіеся древки знаменъ. На одной итальянской миніатюрѣ XII в. къ латинскому переводу «Дѣяній Пилата» (см. Archivio storico dell'arte, 1896, p. 225 ss. fig. 4 & 5.) въ изображеніи этой сцены видимъ мы въ рукахъ знаменосцевъ короткіе расширяющіеся кверху жезлы съ человѣческими головами на верху, которыя скорѣе могутъ, кажется, объясняться какъ προτομαὶ τῶν σκήπτρων, чѣмъ какъ «capita signorum», о которыхъ говоритъ текстъ.

Показаніе издаваемаго текста о томъ, якобы Пилатъ поставилъ «по шести скиптровъ справа и слѣва», т. е. всего 12, также тексту Дѣяній не соотвѣтствуетъ: тамъ число скиптровъ прямо не опредѣлено, но говорится о выборѣ двѣнадцати евреевъ, которые «по шести» держали знамена, откуда слѣдуетъ, что знаменъ было лишь два: это подтверждается и нѣкоторыми латинскими переводами (Tischendorff, o. c. p. 341. Cod. A. duo qui signa portabant iuxta consuetudinem) и памятниками: рельефомъ Киворія св. Марка и россанской миніатюрой. Славянскій переводъ (Архангельскій. стр. 144) гласитъ также: «и поклонистася оба скипетра Іисусови». Откуда же попали въ греческій текстъ вмѣсто двухъ знаменъ 12 скиптровъ?

Реальныя подробности апокрифа, очевидно, не сочинены, а взяты изъ придворнаго церемоніала, такъ нѣкоторыя рукописи «Дѣяній Пилата» объясняютъ «φακεώλιον», курсора, какъ принадлежность его званія (Tischendorff, o. c. p. 217: Cod. E. ὃ κατεῖχε κατὰ τὴν τάξιν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ); въ самомъ текстѣ Дѣяній объясняется, устами іудеевъ, что, постлавъ свой факеолій подъ ноги Христа, курсоръ сказалъ ему царскую почесть: ὡς βασιλέα αὐτὸν περιπατῆσαι πεποίηκεν; самое чудо преклоненія знаменъ зависитъ, очевидно,

отъ обряда преклоненія знаменъ при провозглашеніи императоровъ; особенно же интересны въ этомъ отношеніи показанія о занавѣси (IX, 5, см. Tischendorff'a o. c. стр. 244). Σκῆπτρα δὲ ἑκατέρωθεν персидскаго царя являются въ описаніи торжественной аудіенціи Дарія въ псевдо-Каллисоеновомъ житіи Александра (II, 14), позднѣе въ Константинополѣ при различныхъ парадныхъ царскихъ процессіяхъ и выходахъ являются «скиптры» на ряду съ разнаго рода знаменами; Д. Ѳ. Бѣляевъ (Byzantina, II, стр. 70, прим.) думаетъ, что они (иногда съ эпитетами «большіе» и «римскіе») означаютъ также знамена: въ такомъ случаѣ и въ нашей рукописи «скиптры» были бы лишь синонимомъ «знаменъ». Но болѣе вѣроятнымъ казалось докладчику предположеніе Babelon'a (o. c. 121), что въ византійскихъ дворцахъ сохранялись еще старые консульскіе скиптры. Въ придворной церкви Господа «скиптровъ» хранилось именно двѣнадцать (Constant. Porphyr. ed. Bonn. II, 40, 641), и по скольку было тамъ же и нѣкоторыхъ родовъ знаменъ и сколько является скиптровъ въ изданной рукописи. Носились скиптры наряду съ рипидами и въ церковныхъ процессіяхъ, напр., при «великомъ входѣ» (см. Ѳеодора Андидскаго у Migne'я, P. Gr. 140 c. 441 и псевдо-Софронія (ib. 87. 3. c. 4001) или при ношеніи по Эдессѣ Св. Убруса (Commentationes Philologicae, Спб. 1897, стр. 216); въ этихъ случаяхъ едва ли подъ скиптрами можно разумѣть знамена.

Показаніе текста о рипидахъ, что онѣ имѣютъ какой-то выгибъ (καμπτά), не соотвѣтствуетъ современному устройству ихъ, не соотвѣтствуетъ и рипидамъ въ рукахъ ангеловъ на многочисленныхъ изображеніяхъ небесной литургіи XI-го и слѣдующихъ вѣковъ. Даже на изображеніяхъ болѣе древнихъ древки рипидъ всегда прямые (см. Rohault de Fleury, La Messe, VI, pp. 127—132, pll. 689—695) и это прямое указаніе на изогнутую форму рипидъ позволяетъ, слѣдовательно, относить издаваемое толкованіе ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ XI вѣкъ, или предполагать особое, неизвѣстное намъ по памятникамъ, устройство рипидъ.

Проф. Красносельцевъ (Лѣтописи, стр. 221) VI-й вѣкъ полагаетъ предѣломъ, ранѣе котораго не могли явиться извѣстныя ему краткія редакціи толкованій. Дальнѣйшее сравненіе данныхъ объ одеждѣ священнослужителей съ памятниками можетъ дать приблизительное опредѣленіе времени составленія этой статьи, предлагаемой вниманію спеціалистовъ по литургикѣ и церковной археологіи.

3.

Чл.-сотр. Б. А. Тураевъ сдѣлалъ докладъ: *Египтологія на XI конгрессѣ Оріенталистовъ въ Парижѣ* [1]).

VII. Засѣданіе 15-го декабря 1897 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Н. И. Веселовскій, С. А. Жебелевъ, В. В. Латышевъ, А. А. Павловскій, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, Г. Ф. Церетели и А. Н. Щукаревъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 10-го ноября 1897 г.

---

1) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, февраль, стр. 119—127.

2.

Взамѣнъ выбывающаго, на основаніи § 33 Устава, члена Совѣта отъ Отдѣленія д. чл. В. К. Ернштедта избранъ единогласно д. чл. П. В. Никитинъ.

3.

Въ виду окончанія, на основаніи § 56 Устава, срока исправленія д. чл. С. А. Жебелевымъ обязанностей секретаря Отдѣленія, собраніе, не приступая къ выборамъ, изъявило желаніе, чтобы Жебелевъ продолжалъ исправленіе обязанностей секретаря Отдѣленія и на второе трехлѣтіе.

4.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ докладъ: *О времени возникновенія т.-наз. красно-фигурной техники и стиля греческихъ росписныхъ сосудовъ* [1]).

5.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочелъ рефераты: а) *Новыя данныя во вновь найденномъ отрывкѣ Паросской хроники относительно сиракузскаго тиранна Агаѳокла* [2]) и б) *О времени „анархіи" и троекратнаго архонтства Мидія въ спискѣ архонтовъ С. I. A. III 1014* [3]).

6.

Д. чл. Я. И. Смирновъ познакомилъ собраніе съ планомъ предпринимаемаго г. Гревеномъ фотографическаго изданія издѣлій изъ слоновой кости [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 182—218.

[2]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1898, февраль, отд. класс. фил., стр. 90—96.

[3]) См. С. Жебелевъ, Изъ исторіи Аѳинъ, стр. 318—322.

[4]) Первая серія этого изданія (Frühchristliche und mittelalterliche Elfenbeinwerke in photographischer Nachbildung») появилась въ 1898 году и содержитъ памятники «Aus Sammlungen in England». См. рец. Д. В. Айналова въ «Виз. Врем.» 1899, № 3.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ АРХЕОЛОГІИ ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОЙ, ВИЗАНТІЙСКОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЗА 1898 ГОДЪ.

I. Засѣданіе 12-го января 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: Н. И. Барсовъ, В. Г. Васильевскій, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Д. Ѳ. Кобеко, М. С. Куторга, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Ѳ. Г. Мищенко, П. В. Никитинъ, о. К. Т. Никольскій, Н. В. Покровскій, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Б. А. Тураевъ, Ѳ. И. Успенскій, Б. В. Фармаковскій, В. Н. Хитрово, А. А. Цагарели, Г. Ф. Церетели. Гости: гг. И. Бела-де-Поста и Коробовъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 15-го декабря 1897 г.

2.

Д. чл. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ докладъ: *Новая редакція (въ отрывкѣ) сочиненія Константина Порфиророднаго „de Caerimoniis“* [1]).

3.

Секретарь Отдѣленія прочелъ рефератъ д. чл. Д. В. Айналова: *Изображеніе Іерусалима на Мадабской мозаикѣ.*

---

[1]) См. Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ, III, стр. 101 сл.

II. Засѣданіе 16-го февраля 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: Н. И. Барсовъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, П. В. Никитинъ, Н. В. Покровскій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, Н. Ф. Романченко, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Н. В. Султановъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій и А. Н. Щукаревъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 12-го января 1898 г.

2.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ докладъ: *О керамическихъ памятникахъ, хранящихся въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.*

3.

Д. чл. Я. И. Смирновъ прочелъ сообщенія д. чл. М. И. Ростовцева: *О недавнемъ открытіи, сдѣланнымъ Марукки на Палатинѣ.* Д. чл. Н. В. Покровскій представилъ три фототипическихъ снимка палатинскихъ graffiti, изданныхъ, по фотографіямъ Данези, римскою Tipografia Sociale.

Сообщеніе М. И. Ростовцева:

Много шуму изъ-за пустяковъ!

28-го января въ газетахъ Voce della Verità и Popolo Romano появились почти идентичныя сообщенія объ открытіи, сдѣланномъ на Палатинѣ проф. Марукки. Газеты сообщали, что Марукки удалось открыть доселѣ неизвѣстное изображеніе Распятія: два креста, изъ которыхъ къ одному влекутъ человѣка; надъ крестомъ надпись m(ortis) palus; среди персонажей, присутствующихъ при сценѣ, лицо, обозначенное приписью, какъ Pilatus. Можно себѣ представить, съ какою быстротою это извѣстіе распространилось въ газетахъ итальянскихъ и заграничныхъ. Нѣтъ почти ни одного листка, въ которомъ бы извѣстіе не было передано въ той, либо другой формѣ, съ тѣми, либо другими прибавленіями и опущеніями. Не обошлось и безъ интервью: корреспондентъ миланской газеты Corriere della sera имѣлъ длинный разговоръ съ Марукки (нумеръ отъ 30-го января), гдѣ тотъ ему подробно, съ демонстраціей сдѣланныхъ имъ рисунковъ, передалъ то, что̂ онъ думалъ о рисункѣ и надписи, указывая однако и на то, что извѣстный ученый и эпиграфистъ, хранитель Палатинскихъ руинъ и наслѣдникъ de Rossi по печатанію Corpus inscriptionum christianarum проф. Gatti держится другого мнѣнія, объясняя изображеніе какъ канатныхъ плясуновъ. При этомъ Марукки утверждалъ, что противорѣчіе Гатти объясняется нежеланіемъ признать важность открытія: онъ, Марукки, былъ бы точно также недоволенъ, если бы кто-нибудь сдѣлалъ важное открытіе въ Ватиканскомъ музеѣ, въ египетскомъ отдѣлѣ, которымъ онъ завѣдуетъ. За этими газетными извѣстіями послѣдовали

и публикаціи, иллюстрированныя рисунками, напр., въ Roman Herold отъ 6-го февраля и въ Illustrazione Italiana отъ 13-го февраля. Послѣдняя публикація очень характеристична. Въ ней нѣкій Alacevich = Алачевичъ далъ фантастическій рисунокъ и отвратительную интерполированную копію съ graffito; интересно то, что копія съ надписи и рисунокъ сдѣланы, очевидно, авторомъ либо не съ оригинала, либо подъ давленіемъ заинтересованнаго въ дѣлѣ лица. Вывожу я это изъ того, что въ текстѣ Алачевичъ увѣряетъ, будто читаетъ онъ начальные стихи такъ: quisque meam etc., на копіи же стоитъ VIRCIS EXACTCOESVS SECRETIS MORIRVS SVPER PALVM, т. е. очевидно, чтеніе, послужившее исходнымъ пунктомъ теоріи Марукки.

Въ отвѣтъ на эти журнальныя и газетныя статьи Марукки въ нѣсколькихъ газетахъ [1]) опубликовалъ возраженія, въ которыхъ объявлялъ, что не отвѣтственен за пущенныя въ газетахъ свѣдѣнія объ его открытіи и что онъ резервируетъ себѣ право возвратиться къ этому сюжету въ отдѣльной публикаціи о graffiti Палатина, которыя недостаточно изучены и невѣрно поняты.

Обѣщанной публикаціи не явилось. Но вмѣсто нея Tipografia Sociale въ Римѣ опубликовала три фотографіи Данези съ короткимъ текстомъ президента Accademia Pontefìcia monsignore Cozza-Luzi (сообщеніе его въ Società dei cultori di archeologia cristiana) [2]), текстъ «exposition purement photographique excluant toute science, toute érudition». Въ этомъ текстѣ настаивается на явно невѣрныхъ чтеніяхъ какъ «Crestus» въ 1 стр., super polumbos стр. 5, hominum .... estuat semper стр. 7; въ общемъ же не дается ни комментарія, ни какого-либо объясненія. Въ концѣ приложено письмо Марукки въ духѣ его писемъ въ Tribuna, Popolo Romano и Voce della Verità.

Такова исторія открытія. Считаю нелишнимъ сообщить теперь настоящую исторію палатинскаго graffito, давшаго поводъ ко всему этому шуму. Тамъ, гдѣ clivus Victoriae, подымаясь отъ церкви S. Teodoro, идетъ вверхъ и дѣлаетъ крутой поворотъ направо, въ шагахъ 50 отъ угла, имѣется комната въ субструкціяхъ т.-наз. дворца Тиберія, но той части его, которая, какъ явно установлено кирпичными штемпелями, возникла не раньше адріановскаго времени. Стѣны комнаты, гдѣ, вѣроятно, проводили время дворцовые рабы или, что менѣе вѣроятно, солдаты дворцовой стражи, покрыты массой graffiti, изъ которыхъ только часть удобочитаема. Къ числу наиболѣе легко читающихся принадлежитъ наша надпись. Часть ея была впервые опубликована Zangemeister'омъ въ примѣчаніи къ надписи, вполнѣ аналогичной по содержанію, прочитанной имъ въ Помпеяхъ (CIL IV 1645). Эта же часть стоитъ въ сборникѣ метрическихъ надписей Бюхелера подъ нум. 954, вторая часть надписи есть нум. 50 того же сборника, 3-ья—939 и 4-ая—943; не изданы только двѣ послѣднія строки, плохо читающіяся и не дающія смысла. Надпись частью повторена на стѣнѣ рядомъ, а именно сначала 2-ой отрывокъ, затѣмъ 1-ый. Она звучитъ въ моей копіи, сдѣланной по фотографіи и оригиналу вмѣстѣ съ Дегерингомъ (отклоненія отъ Бюхелера, мало значительныя, помѣчены въ примѣчаніяхъ):

B. 954. Crescens [3]), quisque meam futuet rivalis amicam
illum secretis montibus ursus edat
B. 50. Mentula cessas? Vepra lumbos abstulit

За симъ слѣдуетъ связное стихотвореніе съ рядомъ проперціевскихъ реминисценцій, напрасно раздѣленное Бюхелеромъ на двѣ половины:

B. 939. Siqua fides hominum est, unam te semper amavi
ex quo notities inter utrosque fuit.
Vis] nulla est animi, non somnus claudit ocellos
noctes [perque] dies aestuat omnes amor.

«Если есть еще правда на свѣтѣ, одну тебя любилъ я, съ тѣхъ поръ какъ мы

---

[1]) Voce della Verità, Tribuna, Popolo Romano отъ 3—4 февраля.

[2]) Di alcuni graffiti del Palatino nella casa di Tiberio presso il «Clivus Victoriae». Roma 1898.

[3]) Crescens въ обѣихъ репликахъ, отнюдь не Crestus.

узнали другъ друга. Душа моя потеряла силу, сонъ не закрываетъ моихъ очей, всѣ дни и ночи бушуетъ (въ сердцѣ моемъ) любовь». Послѣднія двѣ строки, къ сожалѣнію, не разобраны и мнѣ до сихъ поръ не удалось ихъ возстановить (стерто буквъ 9 въ срединѣ строки).

Такова надпись. Теперь о рисункѣ, находящемся подъ надписью и сдѣланномъ, несомнѣнно, другой рукой. Что онъ изображаетъ—сказать трудно. Ясно, что рядъ людей занятъ около двухъ укрѣпленныхъ въ землѣ столбовъ; кто стоитъ на траверсахъ, укрѣпленныхъ на столбахъ, кто несетъ лѣстницы, кто лѣзетъ на нихъ. Наконецъ, двое—одинъ у каждаго столба — тянутъ канаты, прикрѣпленные къ большой балкѣ, соединяющей оба столба.

Каждый изъ участниковъ обозначенъ по имени. Начиная съ правой стороны: человѣкъ на траверсѣ съ флажкомъ въ рукахъ M[en]opilus; подъ нимъ на лѣстницѣ Nostumus. У подножія столба движущійся налѣво человѣкъ съ неяснымъ предметомъ въ рукахъ Eulogus. Рядомъ съ нимъ тащитъ лѣстницу налѣво: Ve]recundus. У второго столба тащитъ веревку Filetus, лѣзетъ на лѣстницу Tertius. Въ полѣ рядъ цифръ. Вѣрнѣе всего дѣло идетъ о личностяхъ, извѣстныхъ среди низшихъ классовъ населенія, что обозначено приписываніемъ именъ. Приписываютъ имена на graffiti обыкновенно актерамъ, гладіаторамъ и т. п. Поэтому я склоняюсь къ предположенію Gatti, что мы имѣемъ дѣло съ извѣстными акробатами, забавлявшими въ балаганахъ и на улицѣ римскую чернь.

III. Засѣданіе 16-го марта 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Е. М. Гаршинъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, В. В. Латышевъ, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ. Гости: А. В. Башкировъ и Е. М. Придикъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 16-го февраля 1898 г.

2.

Д. чл. Б. А. Тураевъ сдѣлалъ докладъ: *Кахунская библіотека.*

Въ сезонъ 1888 — 1889 года Флиндерсъ Питри нашелъ въ открытыхъ имъ развалинахъ городовъ въ Кахунѣ и Гуробѣ, у входа въ Фаюмъ, нѣсколько кучъ обрывковъ папирусовъ съ іератическимъ письмомъ. Кахунъ, какъ извѣстно, находится на мѣстѣ древняго Хат-Усертесенъ-хотпу (= Дворецъ упокоенія Усертесена), возникшаго при царѣ XII дин. Усертесенѣ II, который строилъ вблизи его свою пирамиду и имѣлъ, по обычаю того времени, здѣсь часто свою резиденцію. Здѣсь пребывали жрецы его пирамиды, здѣсь жили рабочіе, придворная челядь и т. п. Послѣ смерти основателя городъ заглохъ и во время Новаго царства уже не существовалъ. Такимъ образомъ все найденное здѣсь имѣетъ опредѣленную дату, а папирусы относятся къ Среднему царству. Послѣдніе представляютъ остатки бумагъ, имѣвшихъ временный интересъ, разорванныхъ еще самими владѣльцами и дошедшихъ до насъ случайно; это нѣчто въ родѣ хлама, наполняющаго ежедневно корзинки подъ нашими письменными столами. Но это-то и является одной изъ причинъ интереса, такъ какъ главная масса произведеній египетской письменности дошла до насъ изъ храмовъ и гробницъ и имѣетъ болѣе оффиціальный, показной характеръ. Кромѣ того это все памятники времени Средняго царства, отъ котораго дошло сравнительно

мало рукописей. Къ сожалѣнію, состояніе, въ которомъ они находились, было ужасно; раньше, чѣмъ ихъ разбирать, надо было заняться подборомъ и соединеніемъ безчисленныхъ кусочковъ, на которые распались крайне хрупкіе папирусы; далѣе самый разборъ былъ сопряженъ съ большими трудностями, такъ какъ почерки Средняго царства, да еще неоффиціальные, мало извѣстны. Къ счастью, изданіе текстовъ было поручено Griffith'у, знанія и энергія котораго достаточно извѣстны. Употребивъ восемь лѣтъ на этотъ ужасный трудъ, онъ далъ египтологамъ прекрасное изданіе съ переводомъ и комментаріемъ этого приведеннаго въ возможный видъ собранія папирусовъ, которое, по разнообразію содержанія и количеству, можетъ быть названо древнѣйшей египетской библіотекой [1]). 77 отдѣльныхъ произведеній или фрагментовъ онъ раздѣлилъ на шесть отдѣловъ: тексты литературные, медицинскіе, математическіе, юридическіе, счета и письма. Къ первому относится всего три текста: жалкій обрывокъ какого-то разсказа, фрагментъ одного изъ нескончаемыхъ варіантовъ миѳа о дѣтствѣ Гора и покушеніи на него Сета и прекрасно написанная и сохранившаяся цѣликомъ ода въ честь Усертесепа III. Послѣдняя характеристична для эпохи; это уже третій памятникъ этого рода отъ Средняго царства. Форма ея интересна: послѣ вступленія ода состоитъ изъ пяти строфъ, въ которыхъ большею частью каждый стихъ начинается одними и тѣми же словами—пріемъ нерѣдкій въ египетской поэзіи, роднящій кахунскую оду съ знаменитой карнакской въ честь Тутмоса III. Вообще это довольно трескучая риторика, сдобренная параллелизмомъ членовъ, напр. (вступленіе): «Слава тебѣ Хакаурира, Горъ нашъ, богъ по бытію, защищающій страну, расширяющій ея границы! Обуздатель пустыни своимъ уреемъ, обнимающій обѣ земли своими объятіями!.. Умерщвляющій варваровъ, не пуская лука, пускающій стрѣлу, не натягивая тетивы. Поражаетъ сила его троглодитовъ въ землѣ ихъ, убиваетъ страхъ его девять племенъ. Мечъ его умерщвляетъ тысячи варваровъ... набѣгающихъ на его границы. Онъ пускаетъ стрѣлу, какъ дѣлаетъ Сохметъ, онъ валитъ тысячи не знающихъ воли его. Языкъ его величества вяжетъ Нубію, изреченія его обращаютъ въ бѣгство азіатовъ. Единый Горъ юный, (охраняющій) свои границы, не дающій своимъ подданнымъ падать духомъ, но дающій египтянамъ отдыхать при свѣтѣ. Когда молодежь его спитъ, сердце его охраняетъ ихъ. Составили повелѣнія его границы; собрали повелѣнія его обѣ земли». (Вторая строфа). «Какъ великъ господинъ своего града: онъ одинъ стоитъ милліоновъ; ничтожны (предъ нимъ) другіе люди! Какъ великъ господинъ своего града: онъ—плотина, отдѣляющая рѣку при ея наводненіи. Какъ великъ... и т. д. онъ прохладное пребываніе, дающее лежать при свѣтѣ, ... онъ укрѣпленіе Гесема .... онъ Сохметъ противъ враговъ, вторгающихся въ его границы» и т. д.

Интересно упоминаніе Сохмета въ качествѣ божества войны; въ Новомъ царствѣ въ этой роли мы встрѣчаемъ Монту.

Медицинскіе тексты, при разборѣ которыхъ Griffith пользовался совѣтами проф. Crookshank, дошли на двухъ папирусахъ, причемъ второй представляетъ единственный пока образецъ сборника египетскихъ ветеринарныхъ рецептовъ. Онъ написанъ тщательно курсивными іероглифами и содержитъ въ себѣ рецепты противъ болѣзни собакъ, наз. «трепетаніемъ червя», чумы рогатаго скота и т. п. Въ виду того, что болѣзни считались произведеніями злыхъ силъ, въ составъ рецептовъ входятъ и магическія предписанія. Первый папирусъ относится къ области человѣческой медицины и содержитъ гинекологическіе рецепты, а также бредни въ духѣ средневѣковой медицины объ опредѣленіи пола потомства, о возможности удостовѣриться въ безплодіи и т. п. Характеръ текстовъ совершенно напоминаетъ извѣстный папирусъ Эберса. Точно такіе же и шесть фрагментовъ, которыми представлена въ коллекціи египетская математика. И здѣсь мы находимъ то же, что въ Rhind папирусѣ, изданномъ Эйзенлоромъ и изученномъ математикомъ Канторомъ, который обратилъ вниманіе и на эти отрывки [2]). И въ нихъ то же выраженіе дробей, то же вы-

[1]) The Petrie Papyri. Hieratic papyri from Kahun and Gurob edited by F. Ll. Griffith. I. II, London, Quaritch, 1897—8. См. разборъ Maspero въ Journal des Savants, avril 1897, fevr.-mars 1898.

[2]) Orientalistische Litteraturzeitung, I, 306.

численіе объемовъ, тѣ же задачи на ариѳметическіе ряды. Но здѣсь есть нѣчто новое— извлеченіе квадратнаго корня и интересная задача на счетъ домашней птицы, гдѣ за единицу принята стоимость утки. Вѣроятно, она составлена для цѣлей налоговъ.

Остальная, большая часть текстовъ представляетъ документы частнаго характера, которые пополняютъ отчасти недостатокъ источниковъ египетскаго права въ этотъ древній періодъ [1]). Здѣсь мы находимъ прежде всего списки членовъ семейства, въ родѣ современныхъ листковъ для прописокъ и переписей; перечислены главы семействъ, женскіе члены ихъ, рабы и младшіе сыновья; старшіе большею частью отсутствовали, работая на сторонѣ или имѣя уже свои семьи. Иногда при именахъ главы стоятъ цифры—вѣроятно, сумма налога. Эти документы снабжены точными датами и подписями чиновниковъ. Далѣе сохранилось нѣсколько завѣщаній съ подписями свидѣтелей и точными датами. Въ одномъ жрецъ назначаетъ въ замѣстители сына и распредѣляетъ имущество дѣтямъ; въ другомъ одинъ чиновникъ завѣщаетъ свое имѣніе братьямъ; въ третьемъ мужъ завѣщаетъ женѣ часть имѣнія и рабовъ и высказываетъ желаніе, чтобы она была погребена съ нимъ въ одной гробницѣ и т. д. Затѣмъ имѣется много разнаго рода условій съ рабочими, счетовъ, квитанцій въ уплатѣ, списковъ рабочихъ. Сохранились обрывки дѣлового журнала при сооруженіи пирамиды, а также интересный списокъ храмовыхъ пѣвцовъ и танцоровъ на большихъ праздникахъ, который даетъ намъ списокъ праздниковъ, справлявшихся въ этой мѣстности—это древнѣйшій календарный текстъ. Списокъ даетъ количество разъ участія лицъ въ праздникахъ, региструетъ ихъ неявки и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ называются ливійцами и азіатами. Наконецъ, находимъ списки чиновниковъ, ихъ жалованья и т. п.

Остальныя десять таблицъ содержатъ письма. На нихъ возлагались большія надежды: думали, что наука обогатится и для Средняго царства такимъ же сокровищемъ, какимъ она обладаетъ для Новаго въ папирусахъ Sallier и Anastasi. На самомъ же дѣлѣ вышло не то: письма или носятъ слишкомъ частный характеръ, или слишкомъ мелочны и кратки, или плохо сохранились и неразборчиво написаны. Въ числѣ ихъ нѣсколько фиктивныхъ—писемъ-образцовъ, другіе—оригинальны. Будучи свернуты въ трубочку, они связывались и на внѣшней сторонѣ писались адресъ и имя отправителя. Это большею частью дѣловая переписка чиновниковъ «Дома Вѣчности»—присутственнаго мѣста, завѣдывавшаго культомъ покойнаго царя. Стиль ихъ чисто чиновническій, въ приниженномъ тонѣ при обращеніи къ начальству. Но, кромѣ оффиціальныхъ донесеній, есть и дружескія письма, напр., одной дамы къ другой, лицъ, стоящихъ на одной степени табели о рангахъ; наконецъ, есть письмо такого рода: «Донесеніе. Говоритъ слуга твой: господинъ мой достигъ города Анх-усертесенъ въ 4-й мѣсяцъ наводненія въ день десятый. Ахъ злодѣй! Путешествуй здравъ и невредимъ. Отвѣтъ. Рѣчь твоя во всякомъ злѣ да будетъ въ милости Себека, владыки Фаюма; да пошлетъ онъ тебѣ погибель по милости своего духа. Да будетъ слухъ о тебѣ неблагопріятенъ».

Такимъ образомъ, изданная Griffith «библіотека», не снабжая насъ ничѣмъ существеннымъ по части политической исторіи Египта, даетъ новый матеріалъ для изслѣдователя государственнаго, общественнаго и религіознаго строя Египта классическаго періода Средняго царства. Нечего и говорить, что она значительно пополняетъ наши лингвистическія и палеографическія свѣдѣнія, давая образцы дѣлового прозаическаго языка и самыхъ разнообразныхъ почерковъ этого періода, отъ котораго у насъ до сихъ поръ были въ рукахъ только тщательно написанные берлинскіе, лондонскіе и петербургскіе папирусы. Издана «библіотека» in extenso автотипически и такимъ образомъ доступна всѣмъ для непосредственнаго изученія.

3.

Секретарь Отдѣленія прочелъ рефератъ д. чл. Ю. А. Кулаковскаго: *Новыя данныя для исторіи Стараго Крыма* [2]).

---

1) См. Griffith, Wills in Ancient Egypt (оттискъ изъ Law Quarterly Review).

2) См. выше, стр. 1—12.

IV. Засѣданіе 13-го апрѣля 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: Н. И. Веселовскій, С. А. Жебелевъ, А. К. Марковъ, А. Н. Щукаревъ. Гость А. В. Башкировъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 16-го марта 1898 г.

2.

Д. чл. А. Н. Щукаревъ прочелъ сообщеніе: *Новое изслѣдованіе о Праксителѣ В. Клейна.*

3.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ доклады: а) *О времени построенія храма Безкрылой Побѣды* [1]) и б) *О книгѣ Рейхеля „Ueber vorhellenische Götterkulte“* (Wien, 1897) [2]).

V. Засѣданіе 19-го октября 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: графъ А. А. Бобринской, В. Г. Глазовъ, С. А. Жебелевъ, Н. П. Кондаковъ, В. В. Латышевъ, А. К. Марковъ, А. В. Праховъ, В. Э. Регель, М. И. Ростовцевъ, А. А. Спицынъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Г. Ф. Церетели, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ. Гость А. В. Башкировъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 13-го апрѣля 1898 г

2.

Г. Предсѣдателемъ представлена была принадлежащая Императорскому Православному Палестинскому Обществу акварельная копія Мадабской мозаики, исполненная художникомъ Клуге.

3.

Д. чл. В. В. Латышевъ прочелъ сообщеніе: *О II томѣ „Beiträge zur Alterthumskunde Russlands“ Боннеля* [3]).

---

[1]) См. Фил. Обозр., XIV, 1, стр. 70—75.
[2]) Тамъ же, XIV, 2, стр. 113—122.
[3]) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, январь, стр. 208—232.

4.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ: *Археологическая поѣздка по Тунису*.

Главными цѣлями, руководившими референтомъ нъ его путешествіи по Сѣв. Африкѣ, предпринятомъ весною и лѣтомъ 1897 г., были: 1) ознакомиться на основаніи изученія памятниковъ съ постепенной романизаціей края, съ поглощеніемъ культурой греко-римской культуры кароагенской съ одной стороны и проникновеніемъ этой культуры туда, куда не распространилась культура финикійская; 2) собрать монументальныя данныя для характеристики состоянія сельскаго хозяйства въ римской Африкѣ въ періодъ имперіи.

Наибольшее количество матеріала для разрѣшенія перваго вопроса дали референту руины двухъ городовъ провинціи Африки: одного, расположеннаго въ сѣв.-зап. гористой части нынѣшняго Туниса древн. Thugga нынѣ Dougga, другого, лежащаго въ степи средней части Туниса древн. Sufetula—нынѣ Sbeïtla. Первый изъ этихъ городовъ былъ крупнымъ центромъ уже во времена кароагенскаго владычества, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ немногихъ африканско-финикійскихъ памятниковъ архитектуры—большой мавзолей. Послѣ превращенія области Кароагена въ римскую провинцію Thugga долго сохраняла элементы финикійской культуры, поддаваясь, однако, постепенно, но больше съ внѣшней стороны, греко-римскому вліянію. Эта борьба двухъ культуръ сказывается и на монументальныхъ памятникахъ Тугги [1]). Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи разрытый д-ромъ Картономъ храмъ фин. Ваала, перекрещеннаго въ римское время въ Сатурна, расположенный на с.-в. склонѣ холма, на которомъ расположенъ городъ [2]). По изслѣдованіямъ Картона храмъ, принадлежащій II в. по Р. Хр., возникъ на мѣстѣ чисто финикійскаго святилища Ваала (некрытый дворъ съ алтаремъ по срединѣ и рядомъ вотивныхъ стелъ вокругъ алтаря), остатки котораго нашлись при раскопкахъ въ фундаментахъ храма. Но и въ томъ видѣ, въ которомъ храмъ выстроенъ былъ во II в, онъ представляетъ рядъ особенностей, которыя могутъ быть объяснены только переживаніями финикійскаго культа. Это, во-первыхъ, форма храма, гдѣ основной частью является большой дворъ, окруженный портикомъ. Дворъ, правда, кончается тремя сводчатыми помѣщеніями, которыя можно было бы считать за целлы храма, но въ этихъ помѣщеніяхъ не найдено никакихъ слѣдовъ культовыхъ статуй; напротивъ, найдены остатки статуй, ничего общаго со статуями боговъ не имѣющихъ. Отъ общей греко-римской формы храмъ отличается и тѣмъ, что первоначально не имѣлъ обычнаго фронта. Это доказывается какъ архитектурными наблюденіями, изъ которыхъ ясно, что такой пронаосъ добавленъ былъ позднѣе, такъ еще тѣмъ, что строительная надпись идетъ не на эпистилѣ пронаоса, а на эпистилѣ внутренняго портика храмоваго двора. Кромѣ того входъ въ храмъ и послѣ пристройки упомянутаго пронаоса находился не тамъ, а на одной изъ боковыхъ сторонъ. Изъ мелочей референтъ отмѣтилъ бронзовыя ступни, вдѣланныя въ полъ портика противъ средней целлы, но обращенныя не къ ней, а ко двору, и особую постройку—павильонъ въ противуположной сторонѣ храма, которая, можетъ быть, первоначально содержала, по предположенію референта, главный алтарь храма.

Финикійское вліяніе сказалось и на другомъ храмѣ Тугги, посвященномъ, согласно надписи, фин. Астартѣ, римской Juno Caelestis. Главная особенность храма состоитъ въ томъ, что периболъ его имѣетъ полукруглую форму; внутри этого полукруглаго портика,

---

[1]) Ярко сказалась борьба и въ муниципальной исторіи города, какъ-то показала недавно найденная молодымъ французскимъ ученымъ Homo надпись, свидѣтельствующая о существованіи въ муниципальномъ строѣ города, въ раннее императорское время, цѣлаго ряда финикійскихъ институтовъ. Comptes-rendu de l'Acad. des Inscr. 1899, juill-août.

[2]) Послѣднее сопоставленіе данныхъ объ этомъ храмѣ см. въ Les monuments historiques de la Tunisie. 1-re partie. Les monuments antiques (Paris, 1898). Въ строительной надписи на архитравѣ храма референтъ предложилъ дополнить: taxatis sestertium quinquaginta milib(us) n. [ex privatis loc]ulis suis и т. д. (ср. Sueton. Galba, 12, ad fin.).

открытаго съ фронта во всю ширину, находится небольшихъ размѣровъ храмикъ обычнаго греко-римскаго типа. Подобный храмъ съ такимъ же периболомъ имѣется въ сосѣдней Thignica.

Наконецъ, третій храмъ, Капитолій города, выстроенъ въ обычномъ греко-римскомъ типѣ безъ всякихъ слѣдовъ финикійскаго вліянія.

Руины другого крупнаго центра Сѣверной Африки Suffetula такъ же обширны и интересны, какъ и руины Тугги, но гораздо труднѣе доступны, находясь въ безлюдной степи, на три дня пути отъ ближайшихъ населенныхъ центровъ.

Изъ памятниковъ останавливаетъ на себѣ вниманіе центральное святилище города—три превосходно сохранившихся храма, окруженные периболомъ, куда ведетъ тріумфальная арка II вѣка по Р. Хр., замыкающая собою Пропилеи. Формы храмовъ и перибола чисто греко-римскія и вообще въ руинахъ Суфетулы не замѣтно какихъ-либо культурныхъ элементовъ, кромѣ греко-римскихъ.

Докладъ былъ иллюстрированъ многочисленными фотографіями, которыми референтъ, по большей части, обязанъ любезности дирекціи древностей въ Тунисѣ въ лицѣ г. Gauckler'a.

5.

Д. чл. А. Н. Щукаревъ прочелъ рефератъ: *Къ исторіи послѣмикенской керамики* [1]).

VI. Засѣданіе 16-го ноября 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: баронъ де-Бай, графъ А. А. Бобринской, Н. И. Веселовскій, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Н. П. Кондаковъ, А. К. Марковъ, П. В. Никитинъ, Н. В. Покровскій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, Б. А. Тураевъ, А. Н. Щукаревъ. Гости: А. В. Башкировъ и Е. М. Придикъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 19-го октября 1898 г.

2.

Поч. чл. графъ А. А. Бобринской сдѣлалъ докладъ: *Сокровищница св. Маврикія въ долинѣ Роны.*

3.

Секретарь Отдѣленія прочелъ рефератъ д. чл. В. К. Мальмберга: *Западный фронтонъ храма Асклепія въ Эпидаврѣ* [2]).

VII. Засѣданіе 21-го декабря 1898 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго присутствовали: С. А. Жебелевъ, В. В. Латышевъ, П. В. Никитинъ, М. И.

[1]) См. Фил. Обозр., XV, 2, стр. 153—163.

[2]) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, январь, отд. класс. фил., стр. 3–18.

Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, П. А. Сырку, Г. Ф. Церетели, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ. Гости: А. В. Башкировъ и Е. М. Придикъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 16-го ноября 1898 г.

2.

Д. чл. В. В. Латышевъ сдѣлалъ доклады: а) *О нѣкоторыхъ вновь найденныхъ христіанскихъ надписяхъ въ Крыму* и б) *О выраженіи* γνήσιος δοῦλος *въ надписи Евпатерія* [1].

3.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ прочелъ рефератъ: *Сельско-хозяйственныя поселенія въ древней Африкѣ.*

Монументальный матеріалъ, дающій представленіе о сельско-хозяйственной жизни древней Африки распадается на двѣ категоріи: 1) руины сельско-хозяйственныхъ поселеній; 2) изображенія ихъ, главнымъ образомъ, на мозаикахъ (половыхъ), украшавшихъ городскія и загородныя жилища болѣе состоятельныхъ жителей африканскихъ муниципіевъ. Матеріалъ первой категоріи еще весьма мало разработанъ. Руины сельско-хозяйственныхъ поселеній встрѣчаются на каждомъ шагу то въ видѣ отдѣльныхъ мелкихъ фермъ, то въ видѣ крупныхъ комплексовъ жилыхъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ. Но ни первыя, ни вторыя не изучены, ни одна ферма, ни одинъ жилой центръ императорскаго или частнаго saltus не разрыты, несмотря на то, что такія раскопки обѣщаютъ дать крупные культурно-историческіе результаты. Референтъ указалъ, между прочимъ, на до сихъ поръ прекрасно сохранившуюся олейную фабрику въ предѣлахъ saltus Beguensis, недалеко отъ нын. Thala. Не менѣе богатые результаты дали бы раскопки руинъ въ предѣлахъ императорскихъ saltus, расположенныхъ по древн. Bagradas нын. р. Меджерда. Недостаточность данныхъ, даваемыхъ матеріаломъ первой категоріи, до нѣкоторой степени искупается богатствомъ матеріаловъ второго рода. Въ музеяхъ Африки, преимущественно въ музеѣ Бардо, имѣется цѣлая серія памятниковъ, иллюстрирующихъ какъ жизнь крестьянъ, мелкихъ и крупныхъ собственниковъ, такъ и дающая представленіе о различныхъ формахъ сельско-хозяйственныхъ построекъ. Начиная съ mappale туземца, изображеніе котораго имѣется на одномъ рельефѣ, хранящемся въ Филиппвильскомъ музеѣ, мы имѣемъ: 1) изображеніе жилища и сценъ изъ жизни (полевыя работы, скотоводство, сборъ маслинъ, охота на звѣря и птицу) зажиточнаго мелкаго собственника или колона на одной мозаикѣ изъ Uthina (н. Удна), 2) домъ и службы (конюшня и скотный дворъ) богатаго помѣщика на мозаикахъ трехъ абсидъ большой комнаты въ виллѣ на островѣ Thabraka, 3) домъ, хозяйственныя постройки и конюшни богача Помпеяна на извѣстной только по рисункамъ мозаикѣ изъ окрестностей Константины и 4) крупное скотоводство и коневодство въ горахъ на мозаикѣ изъ Суссы. Этими изображеніями иллюстрируются тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются у насъ о постепенномъ развитіи въ Африкѣ латифундій, о положеніи мелкихъ и среднихъ собственниковъ и объ общемъ характерѣ сельской жизни въ Африкѣ. И это сообщеніе иллюстрировано было рядомъ фотографій съ описанныхъ памятниковъ.

---

[1]) См. Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XXI, стр. 244—250.

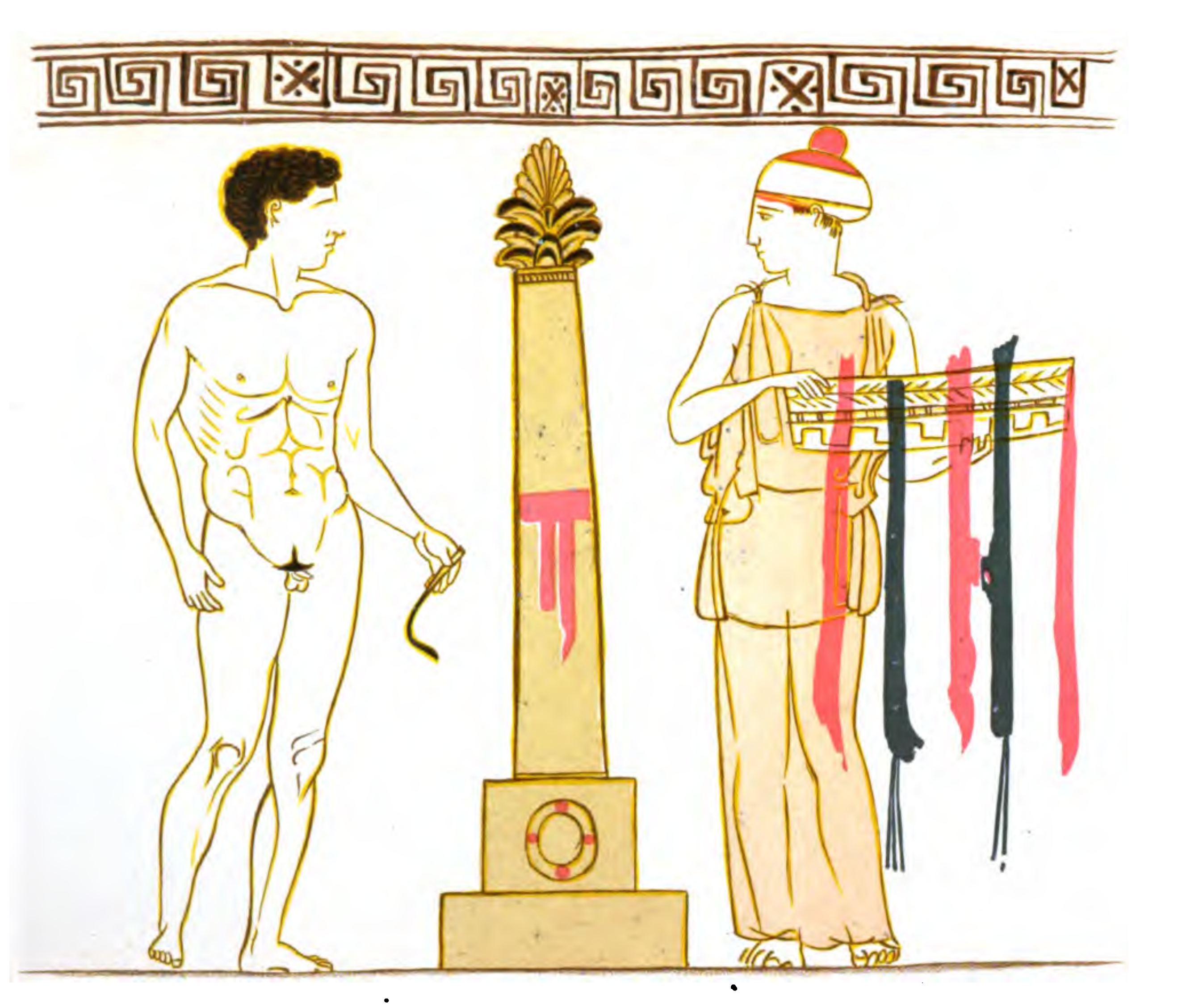
A.

Обломокъ бѣлаго килика въ Аѳинскомъ Національномъ Музеѣ.

B.

Обломокъ бѣлаго килика изъ собранія барона Вазберга въ Корфу.

II.



Бѣлый лекиѳъ въ Аѳинскомъ Національномъ Музеѣ.

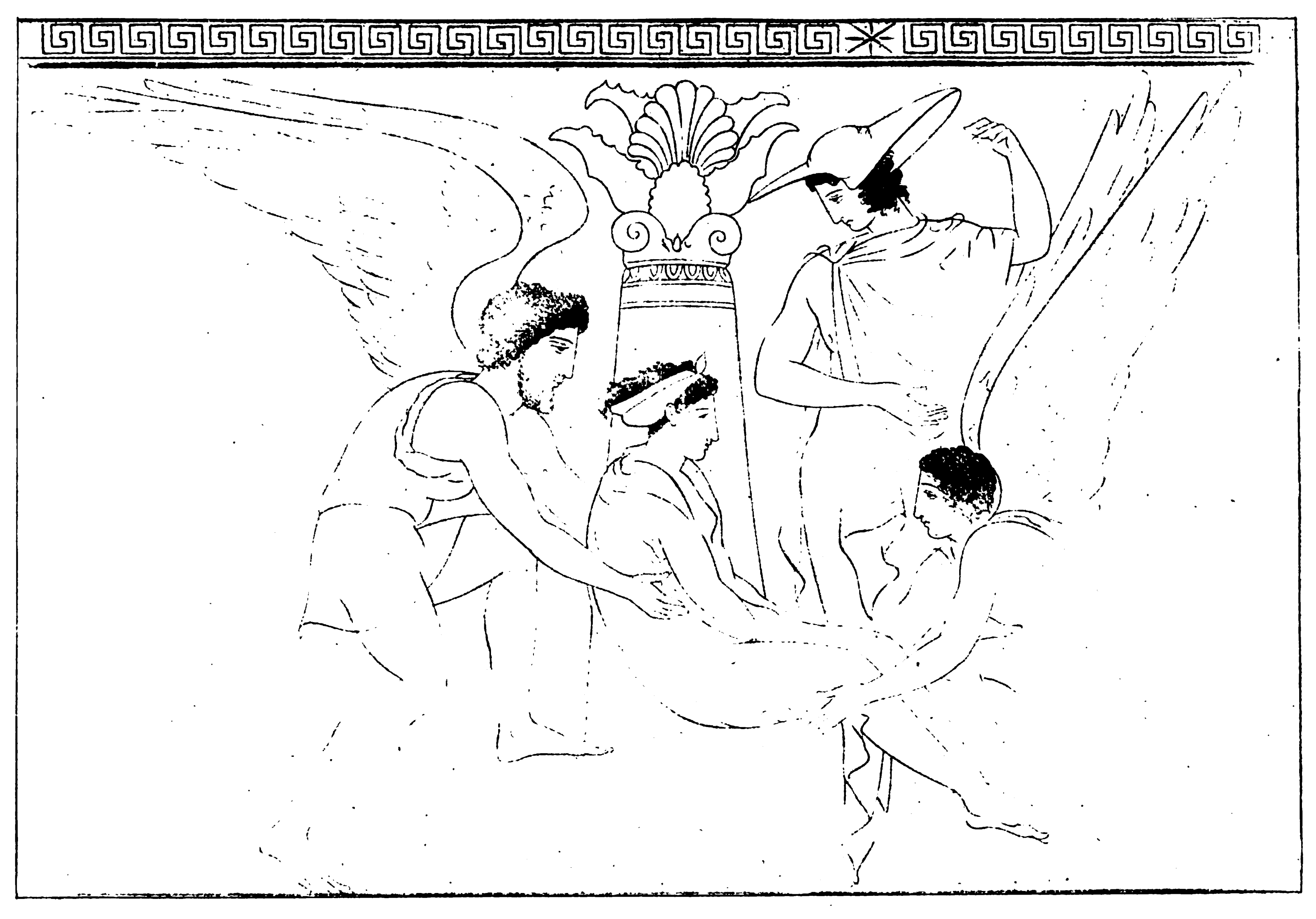
Лит. К. де Кастелли С.П.Б.

Бѣлый лекиѳъ въ Аѳинскомъ Національномъ музеѣ.

Картина на келебѣ въ Берлинскомъ музеѣ.

V.

Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Луврѣ.



Картина на бѣломъ лекиѳѣ въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова. **И. П. Хрущова**. 1 р.—к.

Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прозоровскаго** .... 1 » 50 »

Поѣздка въ Румелію. Архим. **Антонина** .... 3 » — »

Изъ Румеліи. Архим. **Антонина** .... 6 » — »

Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. I. Зодчество древняго Египта. **А. В. Прахова** .... 3 » — »

Рязанскія древности .... 1 » — »

Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ. **Л. Э. Стефани** .... 1 » — »

Монеты восточнаго халифата. Бар. **В. Г. Тизенгаузена** ...... 5 » — »

Сборникъ еврейскихъ надписей. **Д. А. Хвольсона** (съ 8 таблицами) .... 4 » — »

Библіографическое обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. В. Полѣнова** .... 1 » — »

Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. И. Прозоровскаго** .... 1 » — »

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae .....edidit **Basilius Latyschev**, vol. I—7 p., II—10 p. 17 » — »

В. В. Латышевъ. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи (съ 13 таблицами) .... 2 » — »

Ю. Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III (съ 7 таблицами) .... 3 » — »

Н. Е. Бранденбургъ Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе акад. **В. В. Суслова** (съ 90 таблицами) .... 25 » — »

Н. И. Веселовскій. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи 15-го декабря 1895 г. .... — » 30 »

Съ требованіями просятъ обращаться въ **книжный магазинъ К. Риккера** (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.